UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306513 3

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

НА ГОРАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Отъ устья Оки до Саратова и дальше внизъ правая сторона волги *Горами* зовется. Начинаются горы еще надъ Окой, выше Мурома, тянутся до Нижняго, а потомъ внизъ по Волгѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ выше онѣ. Рѣдко горы перемежаются — тамъ только, гдѣ съ праваго бока рѣка въ Волгу пала. А такихъ рѣкъ немного.

Мѣста «на Горахъ» ни дать ни взять окаменѣлыя волны бурнаго моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во всѣ стороны межъ доловъ, логовъ, овраговъ и суходоловъ; рѣки и рѣчки колесятъ во всѣ стороны, пробираясь межъ угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенности. По инымъ мѣстамъ нашей Руси рѣдко такія рѣки найдутся, какъ Пьяна, Свіяга да Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной *) рѣка за то прозвана, что шатается, мотается она во всѣ стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верстъ пятьсотъ закрутасами да изворотами, подбѣгаетъ къ своему истоку и чуть не возлѣ него въ Суру выливается. Свіяга — та еще куролеситъ: подошла къ Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нѣтъ, повернула-таки въ сторону и пошла съ Волгой рядомъ: Волга на полдень,

*) Пьяна упоминается въ лѣтописяхъ. Русскіе поселились на ней въ половинѣ XIV вѣка, и тогда еще по поводу пораженія нижегородской великокняжеской рати ордынскимъ царевичемъ Арапшой сложилась пословица: «За Пьяной люди пьяны».

она на полночь, и верстъ триста рѣки другъ дружкѣ навстрѣчу текутъ, а слиться не могутъ. Кудьма, та совсѣмъ къ Окѣ подошла, только бы влиться въ нее, такъ нѣтъ, вильнула въ сторону да верстъ за сотню оттуда въ Волгу ушла. Не захотѣлось сестрицей ей быть, а дочерью Волгиной. Такъ говорятъ... И другія рѣки и рѣчки на Горахъ всѣ до единой извилисты.

Издревле та сторона была крыта лѣсами дремучими, сидѣли въ нихъ мордва, черемисы, булгары, буртасы и другіе языки чужеродные; лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ того русскіе люди стали селиться въ той сторонѣ. Константинъ Васильевичъ, великій князь суздальскій, въ половинѣ XIV вѣка перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, назвалъ изъ чужихъ княженій русскихъ людей и разселилъ ихъ по Волгѣ, по Окѣ и по Кудьмѣ. Такъ лѣтопись говоритъ, а народныя преданья вотъ что̀ сказываютъ.

«На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ *): мордва своему Богу молится, къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется... Ѣдетъ бѣлый царь по Волгѣ рѣкѣ, плыветъ государь по Во̀ложкѣ на камешкѣ. Какъ возго̀воритъ бѣлый царь людя̀мъ своимъ: «ой, вы гой еси мои слуги вѣрные неизмѣнные, вы подите-ка, поглядите-ка на тѣ ли на горы на Дятловы, что̀ тамъ за березникъ мотается, мотается-шатается, къ землѣ-матушкѣ преклоняется?» Слуги пошли, поглядѣли, назадъ воротились, бѣлому царю поклонились, великому государю таку рѣчь держа̀тъ: «не березникъ то мотается-шатается, мордва въ бѣлыхъ балахонахъ богу своему молится, къ землѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется». Вопросилъ своихъ слугъ бѣлый русскій царь: «а зачѣмъ мордва кругомъ стоитъ и съ чѣмъ она богу своему молится?» Отвѣтъ держатъ слуги вѣрные: «стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія, въ рукахъ держитъ мордва ковши завѣтные, завѣтные ковши большина̀большіе, хлѣбъ да соль на землѣ лежатъ, каша, яичница на рычагахъ висятъ, вода въ чана̀хъ кипитъ, въ ней говядину янбедъ **) варитъ». Какъ возго̀воритъ бѣлый русскій царь: «слуги вы мои, подите, дары отъ меня отнесите, такъ ей на молянѣ ***) скажите: вотъ вамъ боченокъ серебра, старики, вотъ вамъ боченокъ злата, молельщики; на мордовскій молянъ вы прямо ступайте, мордовскимъ старикамъ сребро, злато отдайте». Вѣрные слуги пошли, царскій даръ старикамъ

*) Въ «Книгѣ Большого Чертежа»: «А нижній Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ».
**) Одинъ изъ прислужниковъ «воза̀ти» — мордовскаго жреца.
***) Общественное моленіе.

принесли; старики сребро, злато приняли, сладкимъ сусломъ царскихъ слугъ напоили; слуги къ бѣлому царю приходятъ, вѣсти про мордву ему доводятъ: «угостили насъ мордовски старики, напоили сусломъ сладкимъ, накормили хлѣбомъ мягкимъ». А мордовски старики, отъ бѣлаго царя казну получивши, послѣ моляны судили-рядили: что бы бѣлому царю дать, что-бъ великому государю въ даръ отъ мордвы послать. Меду, хлѣба, соли набрали, блюда могучія наклали, съ молодыми ребятами послали. Молодые ребята пріуставши сѣли: медъ, хлѣбъ-соль поѣли,—«старики-де не узнаютъ». Земли да желта песку въ блюда накладали, наклавши пошли и бѣлому царю понесли. Бѣлый русскій царь землю и песокъ честно принимаетъ, крестится, Бога благословляетъ: «слава Тебѣ, Боже Царю, что отдалъ въ мои русскія руки мордовску землю». И поплылъ тутъ бѣлый царь по Волгѣ рѣкѣ, поплылъ государь по Воложкѣ на камешкѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ ведро русской земли, а правой кидаетъ ту землю по берегу... И гдѣ броситъ онъ горсточку, тамъ городъ ставится, а гдѣ броситъ щепоточку, тамо селеньице».

Таковы сказанья на Горахъ. Идутъ они отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ. И у русскихъ людей и у мордвы съ черемисой о русскомъ заселеньи по Волгѣ преданье одно.

Русскіе люди, чуждую землю занявъ, селились въ ней по путямъ, по дорогамъ. Въ даль они не забирались, чтобъ середи враждебныхъ племенъ быть наготовѣ на всякій случай, другъ ко дружкѣ поближе. Путями, дорогами — рѣки были тогда. И доселѣ только по рѣкамъ примѣтны слѣды старорусскаго разселенья. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по меньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ нихъ, ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей — издавна обрусѣвшей мордвы, что теперь совсѣмъ почти позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ, и преданья своей старины. Мѣстами мордва сохраняетъ еще свою народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше русѣетъ. Такъ межъ Сурой и Окой, ниже Сурскаго устья, верстъ на двѣсти по обѣ стороны Волги, сплошь чужеродцы живутъ, они не русѣютъ: черемисы, чуваши, татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской Луки вплоть до Астрахани сплошь русскій народъ живетъ, только около Саратова, на лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства, нѣмцы поселились; и живутъ они межъ русскихъ тою жизнью, какой живали на далекой своей родинѣ, на прибрежьяхъ Рейна и Эльбы... Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская!.. Вдоль

простора, вволю раздолья!.. Всѣхъ, матушка, кормишь, одѣваешь, обуваешь, всѣмъ, мать-кормилица, хлѣба даешь — и своимъ и чужимъ, и роднымъ сынамъ и пришлымъ изъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать!.. Кто ни пришелъ, всякому: «милости просимъ — честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли!»... Ну ничего, насъ не объѣдятъ.

Въ стары годы на Горахъ росли лѣса кондовые, мѣстами досель они уцѣлѣли, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ чуваши, черемиса да мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ, ронить лѣсъ безъ пути по-ихнему грѣхъ великій, по старинному ихъ закону: лѣсъ — жилище боговъ. Лѣсъ истреблять — божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликать. Такъ думаетъ мордвинъ, такъ думаютъ и черемисъ и чувашанинъ.

И потому еще, можетъ-быть, любятъ чужероды родные лѣса, что въ старину, не имѣя ни городовъ ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они свою волюшку, сперва отъ татаръ, потомъ отъ русскихъ людей... Русскій не то, онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево, чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на что ненужное деревцо, ободрать липку, изсушить березку, выпуская изъ нея сокъ либо снимая бересту на подтопку — ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже ронитъ, обобрать бы только съ нихъ жолуди свиньямъ на кормъ. Въ старые годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у старыхъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горахъ, гдѣ живутъ коренные русскіе люди, не помѣсь съ чужеродцами, а чисто славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ерники... По инымъ мѣстамъ таково безлѣсно стало, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь. Сохранились лѣса въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, да и тамъ въ послѣдни годы сильно порѣдѣли... Лѣсныя порубки въ чужихъ дачахъ мужиками въ грѣхъ не ставятся, на совѣсти не лежатъ. Лѣсъ никто не садилъ, толкуютъ они, это не садъ. «Самъ Богъ на пользу человѣкамъ выраст̀илъ лѣсъ, значитъ—руби его, сколько тебѣ надо».

Хлѣбопашество — главное занятье нагорнаго крестьянина, но повсюду оно объ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, ве-

ревки вьютъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ мѣди кольца, наперстки, крестытѣльники да бубенчики льютъ, всего не перечесть. Кромѣ того народъ тысячами каждый годъ въ отхожи промысла̀ расходится: кто въ лоцмана̀, кто въ Астрахань на вонючія рыбны ватаги, кто въ Сибирь на золотые пріиски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки, теперь пароходство въ конецъ убило этотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!..

Охочъ до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, онъ не степнякъ-домосѣдъ, что̀ вѣкъ свой на мѣстѣ сидитъ, словно медъ киснетъ, и опричь сосѣдняго базара да развѣ еще своего уѣзднаго города нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей посмотрѣть, себя показать. «Дома сидѣть, ни гроша не высидишь, — онъ говоритъ: — подъ лежачій камень и вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастетъ». Нѣтъ годнаго на сторонѣ промысла — въ извозъ ѣдетъ зимой... Не то избоину, мочену грушу да парену рѣпу по деревнямъ поѣдетъ мѣнять на кость, на тряпье, на желѣзный поломъ.

До того велика̀ у нагорныхъ крестьянъ охота по чужой сторонѣ побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого опричь еще литовскихъ Сморгонъ на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось — жило̀сь не богато, а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ чувашъ да черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: «какъ баба въ нетопленой горницѣ угорѣла, какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ похмелья голова болитъ». Хаживали сергачи со своими питомцами куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперекъ по русской землѣ, заходили и въ Нѣметчину на Липецкую *) ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще на Стоглавомъ соборѣ, жалуясь Грозному на поганскіе обычаи, архіереи про сергачей говорили, что они «кормяще и храняще медвѣдя на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ... **) велію бѣду на христіанство наводятъ»... Силенъ, могучъ, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ извести не могъ. Изводилъ ихъ саксонскій король, а въ конецъ погубило заведенное недавно общество покровительства всякимъ животнымъ, опричь человѣка. Тому

---

*) Лейпцигъ.
**) «Стоглавъ», гл. 93.

назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ потѣшали сергачи на Лінецкой ярмаркѣ тамошній людъ медвѣжьею пляской. Какой-то нѣмецъ съ лѣснымъ бояриномъ обошелся невѣжливо, и снялъ съ него Михайла Иванычъ костяную шапку. Въ ужасъ впали нѣмцы — шутка-ль? Цѣлаго подданнаго лишился саксонскій король, а ихъ у него и безъ того не ахти много. Пожалобились. Воспретили сергачамъ по чужимъ царствамъ медвѣдей водить. Ни почемъ бы это было медвѣжатникамъ — русская земля длинна, широка̀, не клиномъ сошлась, есть гдѣ лѣсному боярину разгуляться, потѣшиться. Сердобольные покровители животныхъ вступились за Мишеньку: какъ, дескать, можно по бѣлу̀ свѣту его на цѣпи таскать, какъ, дескать, можно Михайлу Иванычa палкой бить, въ ноздри кольцо ему пронимать?.. Воспретили. Въ тридцати деревняхъ не одну сотню ученыхъ медвѣдей мужики перелобанили, а сами по міру пошли; все-таки — отхожій промыселъ.

А что̀ въ прежни времена съ сергачами бывало, того не перескажешь. Но къ слову пришлось разсказать, какъ ученыхъ медвѣдей плѣннымъ французамъ на смотръ выставляли. Когда французы изъ московскаго полымя попали на русскій морозъ, забирали ихъ тогда въ плѣнъ сплошь да рядышкомъ и тѣхъ полонянниковъ по разнымъ городамъ на житье разсылали. И въ Сергачъ сколько-то офицеровъ попало, полковникъ даже одинъ. На̀ зиму въ городъ помѣщики съѣхались, ознакомились съ французами и по русскому добродушію пріютили ихъ, приголубили. Полонянникамъ не житье, а масленица, а тутъ подоспѣла и настоящая весела̀, честна̀ масленица, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины — конца пированьямъ нѣтъ. И разговорились плѣнники съ радушными хозяевами про то, чего лѣтомъ надо ждать. «Не забудетъ, говорятъ, Наполеонъ своего сраму, новое войско сберетъ, опять на Россію нагрянетъ, а у васъ все истощено, весь молодой народъ забранъ въ полки — не сдобровать вамъ, не справиться». Капитанъ-исправникъ случился тутъ, говоритъ онъ французамъ: «правда ваша, много народу у насъ на войну ушло, да эта бѣда еще невеликая, медвѣдей полки на французовъ пошлемъ». Плѣнники смѣются, а исправникъ увѣряетъ ихъ: самому-де велѣно къ веснѣ полкъ медвѣдей обучить, и что его новобранцы маленько къ службѣ ужъ привыкли — военный артикулъ дружно выкидываютъ. «Послѣзавтра милости просимъ ко мнѣ на блины, медвѣжій батальонъ на смотръ вамъ представлю». А медвѣжатники по бѣлу̀ свѣту шатались только лѣтней порой, зимой-то всѣ дома. Повѣстили имъ отъ исправника, вели бы медвѣдей въ городъ къ такому-то дню.

Навели звѣрей съ тысячу, поставили рядами, стали ихъ заставлять палки на плечо вскидывать, показывать, какъ малы ребята горохъ воровали. А исправникъ французамъ: «это, говоритъ, ружейнымъ пріемамъ да по-егерски ползать они обучаются». Диву французы дались, домой отписали: сами-де своими глазами медвѣжій батальонъ видѣли. Съ той, видно, поры французы медвѣдями насъ и стали звать.

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой въ Саратовъ ѣздитъ да зимой по деревнямъ ее продаетъ, кто сбираетъ тряпье, овчины, шерсть, иной — строевой лѣсъ съ Унжи да съ Немды*) гоняетъ; есть и «напольные мясники», что̀ кошекъ да собакъ бьютъ да шкурки ихъ скорнякамъ продаютъ. Мало-мальски денегъ залежныхъ накопилось, тотчасъ ихъ въ оборотъ. И ежели по скорости мужикъ не свихнется, выйдетъ въ люди, тысячами зачнетъ ворочать. Бывали на Горахъ крѣпостные съ милліонами, у одного лысковскаго**) барскаго мужика въ Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на Горахъ немало крестьянъ, что̀ сотнями десятинъ владѣютъ. Зато тутъ же рядомъ и бѣднота непокрытая. У иного дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платья что̀ на себѣ, а хлѣба что̀ въ себѣ, голь да перетыка — и голо, и босо, и безъ пояса. Такой бѣдности незамѣтно однакожъ по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. Общинное владѣнье землей и частые передѣлы — вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ міръ-община передѣляетъ поля, оттого землю никто не удобряетъ, что̀-де за прибыль на чужихъ работа̀ть? На дворахъ навозу — пролѣзть негдѣ, а на̀ полѣ ни воза, землю выпахали, пошли недороды. Нѣтъ корысти въ передѣлахъ, толкуетъ каждый мужикъ, а община-міръ то и дѣло за передѣлъ... И богатые и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ... Община!.. Зато кому удастся выбиться изъ этой — прахъ ее возьми — общины да завестись хоть невеликимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на Горахъ родитъ хорошо.

Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на Горахъ, наврядъ найти, зато и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи для бѣднаго люда невпримѣръ тяжелѣй, чѣмъ заволжскіе тысячники. Лѣсной

*) Рѣки въ Костромской губерніи, текутъ по лѣсамъ.
**) Лысково — село на Волгѣ.

народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не клади. Нагорный богачъ норовитъ изъ осмины четвертину вытянуть, изъ блохи голенище скроить.

Глава вторая.

Съ краю изстари славныхъ лѣсовъ Муромскихъ, въ лѣсу Салавирскомъ, что раскинулся по раздолью межъ Сережей и Тешей *), въ деревушкѣ Родяковой, что стоитъ подъ самымъ почти Муромомъ, тому назадъ лѣтъ семьдесятъ, а можетъ, и больше, жилъ-поживалъ бѣдный смолокуръ и потомъ «темный богачъ» Данила Клементьевъ. Гналъ онъ смолу: до десятка казановъ **) въ лѣсу было у него ставлено. Много годовъ работалъ, богатства смолою не нажилъ, а вдругъ сразу такъ разбогатѣлъ, что не только съ муромскими, съ любымъ московскимъ купцомъ въ версту могъ стать. Ломали лѣсники головы надъ скороспѣлымъ богатствомъ Данилы, не могли додуматься, отколѣ взялось оно. Кто говорилъ, что кладъ Кузьмы Рощина ***) достался ему, кто завѣрялъ, что знается Данила съ разбойниками, а въ Муромскихъ лѣсахъ втѣпоры они еще «пошаливали»; оттого и пошла молва по народу, будто богатство Данилѣ на дуванѣ °) досталось. Много разнаго вздору говорено было, а истинной правды никто допытаться не могъ.

Отъ Андрея Поташова нажился Данила. О томъ Поташовѣ вотъ какой сказъ:

Во дни Петра Великаго посадскіе люди изъ Мурома, братья Желѣзняковы да третій Кириллъ Мездряковъ, руду желѣзную на Окѣ сыскали. Слыхали тѣ посадскіе про тульскаго кузнеца Демидова, какъ наградилъ его царь-государь и какія богатства взялъ тотъ кузнецъ съ непочатыхъ еще уральскихъ рудниковъ. Заявили и они про находку, и за годъ до смерти первый императоръ земли на Окѣ имъ пожаловалъ, ставили бы тамъ заводы желѣзные. Не пошло муромцамъ во прокъ царское жалованье — по лѣсамъ возлѣ Оки разбойники хозяйничали: съ заряженными ружьями приходилось дудки °°) копать, заводъ рвами окапывать, по валамъ пищали да пушки разставлять... Работали кой-какъ; кончилось дѣло тѣмъ, что

*) Теша близъ Мурома впадаетъ въ Оку, Сережа въ Тешу.

**) Большой котелъ для добыванья смолы.

***) Знаменитый разбойникъ Муромскихъ лѣсовъ, грабившій особенно проѣзжавшихъ на Макарьевскую ярмарку московскихъ купцовъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Говорятъ, онъ много кладовъ зарылъ по лѣсамъ.

°) Дѣлежъ добычи разбойниками.

°°) Колодецъ для добычи рудъ, шахта.

пропившійся рабочій измѣнилъ хозяевамъ, а заводъ передалъ разбойникамъ. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пищали съ собою увезли... И за то благодарили Бога заводчики, что головы у нихъ цѣлы на плечахъ снесли.

Черезъ много годовъ намѣсто неудачливыхъ муромцевъ на Оку новые заводчики пріѣхали: два туляка, братья Андрей да Иванъ Родивоновы, дѣти оружейника Поташова. Они въ четырехъ губерніяхъ четырнадцать заводовъ по скорости поставили. Андрей дѣло велъ. «Образъ правленія его считался безотчетнымъ и необыкновеннымъ» *). Чего ни надѣлалъ онъ при томъ образѣ правленія! Пруды заводскіе выкопалъ на диво: верстъ по девяти въ долину, съ трехверстными плотинами; по тѣмъ прудамъ суда подъ парусами у него хаживали. Въ каждомъ заводѣ по господскому дому поставилъ, и каждый домъ дворцомъ глядѣлъ. Чтò было въ тѣхъ домахъ картинъ, мраморныхъ статуй, дорогихъ мебелей, какія теплицы были при нихъ, какіе цвѣты рѣдкостные, плоды, деревья... И все прахомъ пошло, все сгибло въ омутѣ пятидесятилѣтнихъ тяжбъ и въ бездонныхъ карманахъ ненасытной ватаги опекуновъ.

Поташовъ въ короткое время скопилъ несмѣтныя богатства, скопилъ умомъ, трудомъ, неистомной силой воли, упорной стойкостью въ дѣлахъ, а также и темными путями. Безнаказанные захваты сосѣднихъ имѣній, пріемъ бѣглыхъ людей, стекавшихся со всѣхъ сторонъ подъ кровъ сильнаго барина, тайный переливъ тяжеловѣсной екатерининской мѣдной монеты умножали богатство тульскаго оружейника. Кто Поташову становился поперекъ дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери добромъ не хотѣли уступить, того и въ домну **) сажали. Слова супротивнаго молвить никто не смѣлъ, все преклонялось передъ властнымъ оружейникомъ. Перевелъ Поташовъ разбой въ лѣсахъ Муромскихъ, но не перевелъ разбойниковъ... Подобравшись подъ сильное крыло неприкосновеннаго барина, лѣсная вольница попрежнему продолжала дѣла свои, но только по его приказамъ — такъ говоритъ преданіе. И не было на Андрея Родивоныча ни суда ни расправы; не только въ Питерѣ, въ сосѣдней Москвѣ не знали про дѣла его. Все было шито да крыто.

А все оттого, что умѣлъ съ нужными людьми ладить. Ладилъ онъ сначала съ княземъ Григорьемъ Орловымъ, вò-время отъ него отвернулся и вò-время прилѣпился къ другому князю

---

*) Впослѣдствіи, когда возникли нескончаемыя тяжбы о наслѣдствѣ, это выраженіе встрѣчалось не только въ частныхъ запискахъ. но даже въ офиціальныхъ бумагахъ.

**) Плавильная печь.

Григорію — къ Потемкину. Одного закала были, хоть по разнымъ дорогамъ шли. Съ Потемкинымъ Поташовъ сроду не видался, а былъ въ дружеской перепискѣ и въ безграмотныхъ письмахъ своихъ «братцемъ» его называлъ. Цѣнными подарками Таврическаго удивить было нельзя, зато нарочные то и дѣло скакали съ поташовскихъ заводовъ то въ Петербургъ, то подъ Очаковъ съ рѣдкими плодами заводскихъ теплицъ, съ солеными рыжиками, съ кислой капустой либо съ подновскими огурцами въ тыквахъ. Старики разсказываютъ, что однажды Потемкинъ зимой въ Москвѣ проживалъ; подошелъ Григорій Богословъ *) — его именины; какъ разъ къ концу обѣда прискакалъ отъ Поташова нарочный съ такими плодами, какихъ ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ никто и не видывалъ. При нихъ записка Андреевой руки: «Сіи ананасы тамо родятся, гдѣ дровъ въ изобиліи; а у меня лѣсу не занимать; потому и сей дряни довольно».

— Уважилъ! — на весь столъ крикнулъ Потемкинъ. — Спасибо!.. Захотѣлъ бы Поташовъ ремень изъ спины у меня выкроить, я бы сейчасъ.

Черезъ Потемкина выпросилъ Андрей Родивонычъ дозволенье гусаровъ при себѣ держать. Семнадцать человѣкъ ихъ было, ростомъ каждый чуть не въ сажень, за старшого былъ у нихъ польскій полонянникъ, конфедератъ Язвинскій. И тѣ гусары за̀ поясъ заткнули уда̀лую вольницу, что̀ изстари разбои держала въ лѣсахъ Муромскихъ. Барыню-ль какую, барышню, поповну, купецкую дочку выкрасть да къ Андрею Родивонычу представить — ихъ взять. И тѣхъ гусаровъ всѣ боялись пуще огня, пуще полымя.

А когда помиралъ Андрей Родивонычъ, были при немъ двѣ живыхъ жены; обѣ вкругъ ракитова кустика вѣнчаны; у каждой дѣти и всѣ какими-то судьбами законныя.

— Кому покидаешь имѣнье? — спросили умиравшаго.

— Кто одолѣетъ, — съ усмѣшкой отвѣчалъ Андрей, и тѣ злобныя слова послѣдними его словами были.

Затрещали, застонали заводы поташовскіе, дрогнуло правдой и неправдой нажитое богатство.

Тяжбы начались, опеки... Кто-жъ одолѣлъ? Опекуны да тѣ еще, что вершали дѣла...

Таковъ богатырь былъ Андрей Родивонычъ! Богатырю на подмогу богатыри бывали нужны. На иныя дѣла гусаровъ нельзя посылать — ихъ берегъ Поташовъ, а надо же бываетъ иной разъ кому языкъ мертвой петлей укоротить, у кого воля

*) 25-го января.

съ товарами властной рукой отбить, кого въ стѣну замуровать, кого въ прудъ послать карасей караулить. Мѣдныя деньги переливать тоже не стать была гусарамъ, ходившимъ въ мундирахъ службы ея императорскаго величества. Для того водились у Поташова нужные молодцы; на заводахъ они не живали, въ потаенныхъ мѣстахъ по лѣсамъ больше привитали, въ зимницахъ да въ землянкахъ.

Смолокуръ Данила Клементьевъ изъ такихъ былъ... Но держалось имъ это втайнѣ отъ чужихъ и своихъ. По мѣсяцамъ Данила дома своего не видывалъ, а когда являлся въ деревню, разсказывалъ, что бродилъ по лѣсамъ, новаго смолья *) разыскивалъ. А разжился Данила вотъ какъ... Былъ у него на рукахъ мѣшокъ съ золотомъ, не успѣлъ его передать Поташову, когда смерть застигла властнаго барина... Померъ Андрей Родивонычъ, и смолокуръ съ тѣмъ мѣшкомъ подальше отъ Муромскихъ лѣсовъ убра̀лся — въ уѣздномъ своемъ городѣ въ купцы записался. Покинулъ смолокурный промыселъ, зачалъ канаты да веревки вить, съ Астраханью по рыбной части дѣла завелъ.

Трехъ годовъ на новомъ мѣстѣ не прожилъ, какъ умеръ въ одночасье. Жена его померла еще въ Родяковѣ, осталось двое сыновей неженатыхъ: Мокей да Марко. Отцовское прозвище за ними осталось — стали писаться они Смолокуровыми.

За̀разъ двухъ невѣстъ братья приглядѣли — а были тѣ дѣвицы межъ собой свойственницы, сироты круглыя, той и другой по восьмнадцатому годочку только-что минуло. Дарья Сергѣвна шла за Мокея, Олена Петровна за Марка Данилыча. Сосватались въ Филипповки, мясоѣдъ въ томъ году былъ короткій, Срѣтенье въ прощено воскресенье приходилось, а старшему брату надо было въ Астрахань до водополи съѣздить. Рѣшили вѣнчаться на Красну горку, обѣ свадьбы справить за̀разъ въ одинъ день.

Прошелъ Великій постъ, пора бы домой Мокею Данилычу, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Письма Марко Данилычъ въ Астрахань пишетъ и къ брату и къ знакомымъ: ни отъ кого нѣтъ отвѣта. Пора-бъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, да нѣтъ одного жениха, а другой безъ брата не вѣнчается. Минулъ цвѣтной мясоѣдъ, настало крапивное заговѣнье **). Петровки подоспѣли, про Мокея Данилыча ни слуху ни духу. Пали наконецъ слухи, что ни Мокея ни смолокуровскихъ приказчи-

*) Сосновыя корья, изъ которыхъ смолу сидятъ.

**) Цвѣтной мясоѣдъ — отъ Пасхи до Петровокъ; крапивное заговѣнье — воскресенье черезъ недѣлю послѣ Троицы.

ковъ въ Астрахани нѣтъ, откупныя смолокуровскія воды пустуютъ, остались ловцамъ несданныя.

Передъ Ильинымъ днемъ прибрелъ къ Марку Данилычу астраханскій приказчикъ его, Корней Евстигнеевъ, по прозвищу Прожженый. Вѣсти принесъ онъ недобрыя. Вотъ что разсказывалъ:

«По съёмѣ на откупъ казенныхъ водъ, Мокею Данилычу, до той поры какъ съ ловцами рядиться, гулевыхъ дней оставалось недѣли съ три. Дѣло было великимъ постомъ, вздумалось ему на померзломъ морѣ потѣшиться — на «бѣленькаго» *) съѣздить. Подобралъ товарищей, всѣхъ своихъ приказчиковъ взялъ, «разъѣздныхъ», и поѣхали они артелью человѣкъ съ тридцать на саняхъ въ Каспійское море. Напрасно опытные люди ихъ отговаривали, напрасно пугали, что время выбрали они ненадежное, потому что вѣтрà стоятъ сильные. Не послушалась молодежь — поѣхала.

«Дня три везли до вольной воды на саняхъ съѣстные припасы, дря̀галки, кротилки, чекмари̇̀ и ружья **).

«Видятъ на закраинѣ шиха̀ну ***) видимо-невидимо; ловъ, значитъ, будетъ удачный. Въ тѣхъ огражденныхъ отъ вѣтра шиха̀нахъ тюлени дѣтенышей выводятъ и оставляютъ тамъ до весны, по нѣскольку разъ на дню вылѣзая изъ воды черезъ «лазки» °) покормить дѣтенышей. Набили неудалые охотники бѣленькихъ множество, стономъ стоялъ тогда крикъ тюленятъ, сходный съ плачемъ ребенка... Рукъ не покладывали охотники, работàли на славу и, до верховъ нагрузивъ сани богатой добычей, стали сбираться домой. Вдругъ зафыркали лошади, стали копытами ȯ ледъ бить... Бывалые охотники всполо̀шились — «на̀ конь!.. — кричатъ: — назадъ поскорѣй!..» Шестъ въ тюленій лазокъ опустили — ма̀ячитъ, льдину, значитъ, оторвало. Поскакали назадъ по своему слѣду, глядь — синѣетъ вода, а вдали сверкаетъ и бѣлѣетъ закраина матёраго льду... Туда, сюда — море кругомъ... Остались охотники на ледяномъ острову: вѣтеръ гонитъ ихъ въ море на огромной льдинѣ... Носиться имъ на тающемъ плоту по Каспійскому морю, и если не переймутъ бѣдовиковъ на раннюю кусову̀ю °°), погибнуть имъ всѣмъ въ хвалынскихъ волнахъ!..

*) Малый тюлень, еще не покинувшій матери, иначе «бѣлёкъ».

**) Орудія для тюленьяго боя. «Дрягалка» — небольшая ручная дубинка, «кротилка» — то же, но побольше, «чекмарь» или «чекуша» — большая деревянная колотушка или долбня.

***) Взгромоздившіяся ребромъ и бокомъ льдины.

°) Отверстія во льду, которыя тюлени продуваютъ снизу.

°°) Большая парусная лодка, рано выходящая на морской промыселъ.

«Пятнадцать дёнъ насъ по̀ морю носило, — разсказывалъ Корней Евстигнеевъ:—ни берега не видать, ни лодокъ, ничего живого... Запасы проѣли, голодать стали. Долго крѣпились, да нечего дѣлать — пришлось согрѣшить: лошадей стали рѣзать, конину ѣсть, тюленье мясо даже ѣли... А тутъ красные дни наступили, вѣтру нѣтъ уйму, дуетъ-подуваетъ отъ Астрахани, а насъ все дальше да дальше въ море уноситъ, а льдина все таетъ да таетъ, и часъ отъ часу она рыхлѣй да рыхлѣй... Опасно стало всѣмъ въ одной кучкѣ быть, провалиться боялись... По сторонамъ разбрелись, сани разставили другъ отъ дружки подальше... Ночью однажды слышимъ — треснуло что-то, потомъ зашумѣло, бросились на̀ шумъ — вода... Забрезжилось въ небѣ... Глядимъ — льдину на̀двое разломило, межъ половинокъ широкій проливъ. На нашей половинкѣ пять человѣкъ, на той двадцать четыре, тамъ и хозяинъ. Солнышко встало, а ихъ ужъ чуть видно, ихняя половинка меньше нашей была, гнало вѣтромъ ее поскорѣй. Къ полу̀днямъ совсѣмъ и̇зъ виду скрылись они... Дёнъ пять еще насъ носило, вѣтеръ смѣнился, насъ на востокъ потянуло. Уральски казаки съ морскихъ кусовы̀хъ насъ увидали, переняли, и были мы съ ними на эмбинскихъ промыслахъ вплоть до Петровокъ, оттуда насъ привезли въ Гурьевъ, а изъ Гурьева по своимъ сторонамъ разошлись мы. И я, Христовымъ именемъ питаясь, вотъ до домовъ доволокся».

Марко Данилычъ тотчасъ въ Астрахань сплылъ, въ Красный-Яръ ѣздилъ, въ Гурьевъ городокъ, въ Уральскъ, вездѣ о братѣ справлялся, но нигдѣ ничего провѣдать не могъ... Одно лишь узналъ въ Астрахани, что по тѣмъ удальцамъ, кои ѣздили съ нимъ, давно панихиды отпѣли.

Домой воротясь, Марко Данилычъ справилъ по братѣ доброе поминовенье: по тысячѣ нищихъ кажду субботу въ его домѣ кормилось, цѣлый годъ канонницы изъ Комарова «негасиму» стояли, поминали покойника по кѐрженскимъ скитамъ, по черниговскимъ слободамъ, на Иргизѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Чѐстно устроилъ братнюю душу Марко Данилычъ. Потуживъ, послѣ Рождества свадьбу онъ справилъ, женился на Оленѣ Петровнѣ.

Пышная свадьба была. Изо многихъ городовъ гостей наѣхало, люди все богатые, первостатейные, пирамъ конца не было. Шумны и вѐселы были пиры, но горемъ и печалью съ нихъ вѣяло. Грустилъ по братѣ Марко Данилычъ; грустила и его молодая жена Олена Петровна, тяжело ей было глядѣть на подругу, что̀, не видавъ брачнаго вѣнца, овдовѣла. Много о Дарьѣ Сергѣевнѣ она тихихъ слезъ пролила; люди тѣхъ слезъ

не видали. знали про нихъ только Богъ да мужъ... А мужъ жену не тревожилъ, печалью во дни радости ее не попрекалъ, самъ горевалъ вмѣстѣ съ Оленушкой о безмолвной, на всѣ слова безотвѣтной Дарьѣ Сергѣвнѣ...

Убѣдила Оленушка бездомную «сиротку-сестрицу» жить у нея, всякимъ довольствомъ ее окружила, жениха обѣщалась сыскать. Безродная Дарья Сергѣвна перешла жить къ «сестрицѣ», но съ уговоромъ, — не поминали-бъ ей никогда про брачное дѣло. «Остатокъ дней положу на молитвы», — сказала она, надѣла черный сарафанъ, покрылась чернымъ платомъ и въ тѣсной, уютной горенкѣ повела жизнь «Христовой невѣсты».

Только четыре годика прожилъ Марко Данилычъ съ женой. И тѣ четыре года ровно четыре дня передъ нимъ пролетѣли. Жили Смолокуровы душа въ душу, жестокаго слова другъ отъ дружки не слыхивали, косого взгляда не видывали. На третій годъ замужества родила Олена Петровна дочку Дунюшку, черезъ полтора года сыночка принесла, на пятый день померъ сыночекъ; недѣлю спустя за нимъ пошла и Олена Петровна.

Когда она умирала, позвала Дарью Сергѣвну. Богомъ ее заклинала — скинула-бъ черное платье, жена была бы Марку Данилычу, матерью Дунѣ сироткѣ.

Не восхотѣла того Дарья Сергѣвна. Наотрѣзъ отказала кончавшей дни сестрицѣ-подругѣ.

— Матерью Дунѣ буду я, — сказала она. — Бога Создателя ставлю тебѣ во свидѣтели, что, сколько смогу, замѣню ей тебя... Но замужъ никогда не посягну — земной женихъ до дня воскресенья въ пучинѣ морской почиваетъ, Небесный царитъ надъ вселенной... Третьяго нѣтъ и не будетъ.

Замолкла Олена Петровна и, собравшись съ силами, тихо, сквозь слезы промолвила, взглянувъ на подошедшаго Марка Данилыча:

— Его не оставь ты совѣтомъ своимъ... попеченьемъ... заботой... Глядѣть бы мнѣ на васъ да радоваться... Дунюшку, Дунюшку ты не покинь!

А Дунюшка тутъ. Посадили ее на кровать возлѣ матери. Бѣлокуренькая дѣвочка смѣется аленькимъ ротикомъ и синенькими глазками, треплетъ розовую ленточку, что была въ вороту материной сорочки... Такъ и заливается яснымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Господи!.. Царю Небесный, милостивый!.. — глядя на дочку, съ трудомъ шептала умиравшая. — Даруй ей, Господи, быть всегда радостной... Даруй ей, Господи... не знавать большой кручины...

Замолкла. А въ тишинѣ еще слышенъ веселый, младенческій смѣхъ Дуни, попрежнему она играетъ ленточкой на груди матери. И при звукахъ ангельскаго веселья малютки-дочки, къ ангеламъ полетѣла душа непорочной матери.

— Оленушка! — вырвалось изъ наболѣвшей груди Марка Данилыча... Потерявъ сознанье, снопомъ покатился онъ у одра почившей.

— Отошла? — горько воскликнулъ онъ, придя въ память.

— Къ Богу дýховъ и всякія плоти! — печально, но торжественно молвила Дарья Сергѣвна и, подавъ ему нà руки все еще смѣявшуюся Дуню: — Подите съ ней, сказала, надо опрятать покойницу.

Съ Дуней на рукахъ Марко Данилычъ перешелъ въ другую горницу. Окна раскрыты, яркое майское солнце горитъ въ поднебесьѣ, отрадное тепло по землѣ разливая; заливаются въ лазурной высотѣ жàворонки, а въ тѣнистомъ саду поетъ соловей — все глядитъ весело, празднично... Дѣвочка радостно хохочетъ, подпрыгивая на отцовскихъ рукахъ и взмахивая пухленькими ручками.

Новый вдовецъ клонится нàземь, клонится, клонится и, бережно опустивъ на полъ дочку, такъ зарыдалъ, что сбѣжались домашніе и его, неподвижнаго, почти бездыханнаго, перенесли на постель.

И когда пришелъ въ себя Марко Данилычъ, ему вспомнилось счастье отца его въ кровавыхъ дѣлахъ Поташова. И такъ говорилъ онъ:

«Родитель померъ въ одночасье!.. Братъ въ морѣ потонулъ!.. Она въ такихъ молодыхъ годàхъ померла!.. Господи! Ты, по писанію, мстишь до седьмого колѣна!.. Но Ты вѣдь, Господи, и милостивъ!.. Излей на меня всю ярость Свою, но Дуню мою сохрани, Дуню помилуй!..»

И послѣ того потекли дни за днями.

Марко Данилычъ торговымъ дѣламъ предался. Трудомъ, заботами, работой неустанной утолялъ онъ, сколько было возможно, заѣвшее жизнь его горе. Каждый годъ не по одному разу сплывалъ онъ въ Астрахань на рыбные промыслà, а въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ поселился отецъ его, построилъ большой каменный домъ, такой, что и въ губернскомъ городѣ былъ бы не изъ послѣднихъ... Рядомъ съ тѣмъ домомъ поставилъ Марко Данилычъ обширныя прядильни, и скоро смолокуровскіе канаты да рыболовныя снасти въ большую славу пошли и въ Астрахани и на Азовскомъ поморьѣ. На Унжѣ лѣсныя дачи скупалъ, для каспійскихъ промысловъ строилъ

пеструю; живетъ безъ совѣсти и безъ стыдѣнія у богатаго вдовца въ полюбовницахъ. И никто тѣмъ сплетнямъ не былъ такъ радъ, какъ свахоньки, что неудачно предлагали невѣстъ Марку Данилычу. Много доставалось ему отъ досужихъ ихъ языковъ — зачѣмъ, дескать, на честныхъ, хорошихъ невѣстахъ не женится, а, творя своей жизнью соблазнъ, другихъ во грѣхъ, въ искушеніе вводитъ... И много при томъ бывало непрошенныхъ заботъ объ участи Дуни. «Попало милое, неразумное дитятко въ мерзость грѣховную, — говорили смотницы.—Чего насмотрится, чему научится?.. Выраститъ большая, сама по тѣмъ же стопамъ пойдетъ». Такъ говорили приживалки, такъ говорили и обманувшіяся въ расчетахъ свахоньки.

Недобрыхъ слуховъ до Марка Данилыча никто довести не смѣлъ. Человѣкъ былъ крутой, властный — неровенъ часъ, добромъ отъ него не отдѣлаешься. Но дошли, добѣжали тѣ слухи до Дарьи Сергѣвны.

Разъ поутру̀ забѣжала къ ней одна изъ бродячихъ приживалокъ, Ольга Панфиловна. Была она вдова губернскаго секретаря, служившаго когда-то въ полиціи и скончавшаго пьяные дни свои подъ заборомъ невдалекѣ отъ питейнаго. Много гордилась Ольга Панфиловна званьемъ «чиновницы» и тѣмъ, что мужъ ея второй чинъ имѣлъ. Звала себя «благородною» и потому шляпки носила да чепчики, шлялась по дворянскимъ домамъ и чиновничьимъ, но, не видя тамъ большого прибѣху, нисходила своими посѣщеньями до «неблагородныхъ», даже до самыхъ послѣднихъ мѣщанъ. Не было у ней постояннаго жилища — гдѣ день, гдѣ ночь привитала. И пожитки ея по всему городу раскиданы: у исправницы сундукъ, у стряпчихи ларецъ, у казначейши постѣлишка—все у «благородныхъ». И мыкалась вѣкъ свой бездомная Ольга Панфиловна промежъ дворовъ, перенося сплетни изъ дома въ домъ. Рѣдкій творческій даръ имѣла она—иной разъ такое выдумаетъ, что послѣ надивиться не можетъ. Много бранили ее, бывало дѣло — и колачивали, но, возвергая печаль на Господа, мирилась она съ оскорбителями, а работать языкомъ все-таки не переставала. Ничѣмъ не оскорблялась Ольга Панфиловна, кромѣ только одного, ежели кто усомнится въ ея «благородствѣ», ежели скажетъ кто, что чинъ губернскаго секретаря не важенъ. Глаза тому выцарапаетъ, если сказавшій чиномъ еще не повыше.

Когда Ольга Панфиловна бойко влетѣла въ горенку Дарьи Сергѣвны, та сидѣла за самоваромъ. Большимъ крестомъ *)

*) Двуперстнымъ.

помолившись на иконы и чопорно поклонясь «хозяюшкѣ», перелетная гостейка весело молвила:

— Чай да сахаръ!

— Къ чаю милости просимъ, — не особенно привѣтно отозвалась ей Дарья Сергѣвна.

— Какъ живете-можете?.. Всѣ ли здоровы у васъ, матушка?.. Дуняша-свѣтикъ здорова ли? — зачастила Ольга Панфиловна, снимая капоръ и оправляя старомодный и крѣпко поношенный чепчикъ.

— Слава Богу, всѣ живы, здоровы, — молвила Дарья Сергѣвна. — Садитесь, чайку покушайте.

— Ну, и слава Богу, что здоровы, здоровье вѣдь пуще всего... — затараторила Ольга Панфиловна. — Не клади-ка ты, сударыня, въ накладку-ту мнѣ, сахаръ-отъ нонче вѣдь дорогъ. Мы вѣдь люди недостаточные, въ прикусочку все больше. Да не одинъ сахаръ, матушка, все стало дорогимъ-дорогохонько, ни къ чему нѣтъ приступу... Вышла я сегодня на базаръ, пришла ранымъ-ранёшенько, воза еще не развязывали, хотѣлось подешевле купить кой-чего на масленицу... Ничего, сударыня, не купила, какъ есть ничего — соленый судакъ четыре да пять копеекъ, топлено масло четырнадцать, грешнева мука полтинникъ *). Икорки бы надо къ блинкамъ — купила-бъ исправской, хорошенькой, да купилъ-то **), Сергѣвнушка, нѣтъ, такъ я ужъ пробоечекъ ***) думала взять — и тѣ восьмнадцать да двадцать копеекъ самы послѣднія... Какъ жить, чѣмъ бѣднымъ людямъ питаться? Сама посуди... Опять же дрова какъ вздорожали! Хоть мерзни съ холоду, хоть помирай съ голоду... Вотъ тебѣ хорошо, Сергѣвнушка, живешь безо всякой заботы, на всемъ на готовомъ, все у тебя есть, чего только душенькѣ угодно, а вспомни-ка прежне-то время, какъ съ маткой у насъ въ слободѣ проживала. Покойница твоя тоже вѣдь, что́ и наша сестра, и горе и нужду видала, вѣкъ свой колотилась сердечная... Ну, а тебѣ за красоту за твою вишь какое счастье досталось... Про Марка Данилыча нѣтъ ли вѣстей?.. Пріѣдетъ, чай, къ масленицѣ-то?

Хоть Дарья Сергѣвна не поняла злого намека благородной приживалки, но какъ-то неловко стало ей, краска показалась на блѣдномъ лицѣ.

— Надо бы пріѣхать, — отвѣтила она. — Въ Астрахани дѣла къ Срѣтенью кончилъ, со дня на день его ожидаемъ.

---

*) Цѣны въ небольшихъ городкахъ на Горахъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ.

**) Купилы — деньги.

***) Остатки въ грохотѣ послѣ приготовленія зернистой икры

пеструю; живетъ безъ совѣсти и безъ стыдѣнія у богатаго вдовца въ полюбовницахъ. И никто тѣмъ сплетнямъ не былъ такъ радъ, какъ свахоньки, что неудачно предлагали невѣстъ Марку Данилычу. Много доставалось ему отъ досужихъ ихъ языковъ — зачѣмъ, дескать, на честныхъ, хорошихъ невѣстахъ не женится, а, творя своей жизнью соблазнъ, другихъ во грѣхъ, въ искушеніе вводитъ... И много при томъ бывало непрошенныхъ заботъ объ участи Дуни. «Попало милое, неразумное дитятко въ мерзость грѣховную, — говорили смотницы.—Чего насмотрится, чему научится?.. Выраститъ большая, сама по тѣмъ же стопамъ пойдетъ». Такъ говорили приживалки, такъ говорили и обманувшіяся въ расчетахъ свахоньки.

Недобрыхъ слуховъ до Марка Данилыча никто довести не смѣлъ. Человѣкъ былъ крутой, властный — неровенъ часъ, добромъ отъ него не отдѣлаешься. Но дошли, добѣжали тѣ слухи до Дарьи Сергѣвны.

Разъ поутру забѣжала къ ней одна изъ бродячихъ приживалокъ, Ольга Панфиловна. Была она вдова губернскаго секретаря, служившаго когда-то въ полиціи и скончавшаго пьяные дни свои подъ заборомъ невдалекѣ отъ питейнаго. Много гордилась Ольга Панфиловна званьемъ «чиновницы» и тѣмъ, что мужъ ея второй чинъ имѣлъ. Звала себя «благородною» и потому шляпки носила да чепчики, шлялась по дворянскимъ домамъ и чиновничьимъ, но, не видя тамъ большого припѣну, нисходила своими посѣщеньями до «неблагородныхъ», даже до самыхъ послѣднихъ мѣщанъ. Не было у ней постояннаго жилища — гдѣ день, гдѣ ночь привитала. И пожитки ея по всему городу раскиданы: у исправницы сундукъ, у стряпчихи ларецъ, у казначейши постѣлишка—все у «благородныхъ». И мыкалась вѣкъ свой бездомная Ольга Панфиловна промежъ дворовъ, перенося сплетни изъ дома въ домъ. Рѣдкій творческій даръ имѣла она—иной разъ такое выдумаетъ, что послѣ надивиться не можетъ. Много бранили ее, бывало дѣло — и колачивали, но, возверзая печаль на Господа, мирилась она съ оскорбителями, а работать языкомъ все-таки не переставала. Ничѣмъ не оскорблялась Ольга Панфиловна, кромѣ только одного, ежели кто усомнится въ ея «благородствѣ», ежели скажетъ кто, что чинъ губернскаго секретаря не важенъ. Глаза тому выцарапаетъ, если сказавшій чиномъ еще не повыше.

Когда Ольга Панфиловна бойко влетѣла въ горенку Дарьи Сергѣвны, та сидѣла за самоваромъ. Большимъ крестомъ *)

*) Двуперстнымъ.

помолившись на иконы и чопорно поклонясь «хозяюшкѣ», перелетная гостейка весело молвила:

— Чай да сахаръ!

— Къ чаю милости просимъ, — не особенно привѣтно отозвалась ей Дарья Сергѣвна.

— Какъ живете-можете?.. Всѣ ли здоровы у васъ, матушка?.. Дуняша-свѣтикъ здорова ли? — зачастила Ольга Панфиловна, снимая капоръ и оправляя старомодный и крѣпко поношенный чепчикъ.

— Слава Богу, всѣ живы, здоровы, — молвила Дарья Сергѣвна. — Садитесь, чайку покушайте.

— Ну, и слава Богу, что здоровы, здоровье вѣдь пуще всего... — затарантила Ольга Панфиловна. — Не клади-ка ты, сударыня, въ накладку-ту мнѣ, сахаръ-отъ нонче вѣдь дорогъ. Мы вѣдь люди недостаточные, въ прикусочку все больше. Да не одинъ сахаръ, матушка, все стало дорогимъ-дорогохонько, ни къ чему нѣтъ приступу... Вышла я сегодня на базаръ, пришла ранымъ-ранёшенько, воза еще не развязывали, хотѣлось подешевле купить кой-чего на масленицу... Ничего, сударыня, не купила, какъ есть ничего — соленый судакъ четыре да пять копеекъ, топлено масло четырнадцать, грешнева мука полтинникъ *). Икорки бы надо къ блинкамъ - купила-бъ исправской, хорошенькой, да купилъ-то **), Сергѣвнушка, нѣтъ, такъ я ужъ пробоечекъ ***) думала взять — и тѣ восьмнадцать да двадцать копеекъ самы послѣднія... Какъ жить, чѣмъ бѣднымъ людямъ питаться? Сама посуди... Опять же дрова какъ вздорожали! Хоть мерзни съ холоду, хоть помирай съ голоду... Вотъ тебѣ хорошо, Сергѣвнушка, живешь безо всякой заботы, на всемъ на готовомъ, все у тебя есть, чего только душенькѣ угодно, а вспомни-ка прежне-то время, какъ съ маткой у насъ въ слободѣ проживала. Покойница твоя тоже вѣдь, что̀ и наша сестра, и горе и нужду видала, вѣкъ свой колотилась сердечная... Ну, а тебѣ за красоту за твою вишь какое счастье досталось... Про Марка Данилыча нѣтъ ли вѣстей?.. Пріѣдетъ, чай, къ масленицѣ-то?

Хоть Дарья Сергѣвна не поняла злого намека благородной приживалки, но какъ-то неловко стало ей, краска показалась на блѣдномъ лицѣ.

— Надо бы пріѣхать, — отвѣтила она. — Въ Астрахани дѣла къ Срѣтенью кончилъ, со дня на день его ожидаемъ.

---

*) Цѣны въ небольшихъ городкахъ на Горахъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ.

**) Купилы — деньги.

***) Остатки въ грохотѣ послѣ приготовленія зернистой икры

— Надо ему пріѣхать, надо, Сергѣвнушка, — тоже вѣдь заговѣнье, — съ усмѣшкой сказала Ольга Панфиловна, лукаво прищуривъ быстро бѣгавшіе глазки. — До кого ни доведись, всякъ къ заговѣнью къ своей хозяюшкѣ торопится. А ты хоть и не заправская, а тоже хозяйка.

Пуще прежняго вспыхнула Дарья Сергѣвна, вполнѣ понявъ наконецъ ядовитый намекъ благородной приживалки. Дрогнули губы, потупились очи, сверкнула слезинка. Не ускользнуло ея смущенье отъ пытливыхъ взоровъ Ольги Панфиловны; замѣтивъ его, увѣрилась она въ правотѣ сплетни, ею же пущенной по городу.

— Я вѣдь, Сергѣвнушка, спроста молвила, — облокотясь на уголъ стола и подгорюнясь, заговорила она унылымъ голосомъ. — Отъ меня, мать моя, слава Богу, сплетокъ никакихъ не выходитъ... Смерть не люблю пустяковъ говорить... Такъ только молвила, тебя жалѣючи, сироту беззаступную, знать бы тебѣ людскія рѣчи да иной разъ, сударыня моя, маленько и остеречься.

— Да чтой-то вы, Ольга Панфиловна?.. Про что говорите?.. — съ горькими слезами въ голосѣ спросила растерявшаяся Дарья Сергѣвна.

— Ахъ, Сергѣвнушка, Сергѣвнушка! Куда каково мнѣ жалко тебя горемычную!.. — участливо покачивая головой, даже со слезами на красныхъ, маслянистыхъ глазахъ, молвила Ольга Панфиловна. — Весь городъ вѣдь что̀ въ трубы трубитъ, а ты и не знаешь ничего, моя горе-горькая!.. Вотъ ужъ истинна-то правда, что въ сиротствѣ жить — только слезы лить, всѣ-то обидѣть сироту хотятъ, поклепы несутъ на нее да напраслины, а напраслина-то вѣдь что̀ уголь, не обожжетъ, такъ запачкаетъ... Въ трубы трубятъ, сударыня, въ трубы трубятъ!.. А все Аниська Красноглазиха — первая всякимъ злыднямъ заводчица... Сейчасъ на базарѣ попалась — такъ и судачитъ, такъ и судачитъ. И что̀ ужъ за языкъ у этой подлюхи — такъ вѣдь и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ... А ужъ она ли, кажется, не оставлена милостями Марка Данилыча да твоими, Сергѣвнушка... И рыбкой-то ее не оставляете, и мучкой-то, и дровишками, и шубейку по осени справили злоязычницѣ... Вотъ тѣ и благодарность!.. Да и ждать другого отъ Аниськи нечего... Кровь-то въ ней какая? Самая подлая: подкидышъ вѣдь она, дѣвицына дочка... Если-бъ въ ней хоть единая капелька благородной крови была, стала бы развѣ она такія рѣчи нести про свою благодѣтельницу?.. Говоритъ этакая подлая, будто ты, Сергѣвнушка, лѣтось ребеночка принесла!.. Вотъ вѣдь аспидъ-отъ какой, вотъ ехидна-то!.. Не стерпѣла

я, Сергѣвнушка, выругала ее, такъ выругала, что надолго ей памятно будетъ. Тебѣ бы, я говорю, денно и нощно Бога за Дарью Сергѣвну молить, а ты, безстыжая, гляди-ка, каки новости распускаешь... Сама ты, говорю ей, поскуда, и мать-то твоя поскудная была, да и тетка тоже, Матрешка-то калачница, весь, говорю, родъ твой самый подлѣющій, а ты смѣешь этакъ честную дѣвицу порочить... Да тебѣ, говорю, плетей мало за такія сплетки... Что Сергѣвнушка, говорю, сирота, такъ ты и думаешь, что на нее всякую канитель можно плести... Нѣтъ, говорю, сударыня, я тебѣ этого не спущу; хоть, говорю, и не видывала я такихъ милостей, какъ ты, ни отъ Марка Данилыча ни отъ Сергѣвнушки, а въ глаза при всѣхъ тебѣ наплюю и чтò знаю, все про тебя, все разскажу, все какъ на ладонкѣ выложу... Вотъ она какая, Сергѣвнушка, а ты еще одѣляешь ее всѣмъ... И сегодня на базарѣ похваляется:—«Чтò это, говоритъ, за рыба — соленый судакъ?.. Мнѣ, говоритъ, отъ Смолокуровыхъ осетрины къ масленицѣ-то пришлютъ да малосольной бѣлужины по большому звену, да зернистой икры буракъ; приходи, говоритъ, ко мнѣ, хорошими блинками угощу...» А я ей:—«Совѣсти, говорю, въ тебѣ нѣтъ, искаріотка ты подлая... Кто тебя кормитъ да жалуетъ, на тѣхъ ты сплетки плетешь...» Плюнула я на нее, матушка, да и прочь пошла... А она хоть бы бровью моргнула, хоть бы чтò — такая безстыжая... Ахти, матушки!.. Закалякалась я съ тобой, Сергѣвнушка, а у меня квашня поставлена, творить надо — хлѣбы-то не перекисли бы... На минуточку вѣдь забѣжала, только провѣдать, живы ли вы всѣ, здоровы ли, да вотъ грѣхомъ и заболталась...

Не отвѣчала Дарья Сергѣвна. Какъ убитая сидѣла она, поникнувъ головою.

Размашисто надѣла и завязала свой капоръ Ольга Панфиловна, помолилась на иконы и стала на прощанье цѣловать Дарью Сергѣвну.

— Да ты, Сергѣвнушка, не огорчайся, — утѣшала она ее. — Мало-ль чего ни навретъ Аниська Красноглазиха — всего отъ нея, поскуды, не переслушаешь. Плюнь на нее — собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Къ чистому срамота не пристанетъ... А это вотъ скажу: послѣ такихъ сплетокъ я бы такую смотницу не то что въ домъ, къ дому-то близко бы не подпустила, собакъ на нее на смотницу съ цѣпи велѣла спустить, поганой бы метлой со двора сбила ее, чтобъ почувствовала она, подлая, чтò значитъ на честныхъ дѣвицъ сплетки плести... Прощай, моя сердечная, прощай, миленькая... Дунюшку поцѣлуй... А если милость будетъ, пришли мнѣ на бѣдность къ масленицѣ-

то рыбешки какой ни есть да икорочки — вѣдь у васъ поди погреба отъ запасовъ-то ломятся... Не оставь, Сергѣвнушка, яви милость, а Аниську Красноглазиху и на глаза не пущай къ себѣ, не то, пожалуй, и еще Богъ знаетъ чего налететъ.

По уходѣ Ольги Панфиловны, Дарья Сергѣвна долго за чайнымъ столомъ просидѣла. Мысли у ней путались, въ умѣ помутилось. Не вдругъ она сообразила всю ядовитость рѣчей Ольги Панфиловны, не сразу представилось ей, какъ люди толкуютъ про ея положенье. Въ головѣ шумитъ, въ глазахъ разстилается туманъ, съ мѣста бѣдная двинуться не можетъ. Все ей слышится: «Въ трубы трубятъ, въ трубы трубятъ!..»

Вдругъ тихо-тихохонько растворилась дверь, и въ горницу смиренно-степенно вошла маленькая, тщедушная, не очень еще старая женщина въ черномъ сарафанѣ, съ черным платкомъ въ роспускъ. По одёжѣ знать, что «Христова невѣста». Положивъ уставной поклонъ передъ иконами, низко-пренизко поклонилась она Дарьѣ Сергѣвнѣ и такъ промолвила:

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ!.. Съ преддверіемъ честной масленицы проздравляю, сударыня Дарья Сергѣвна!

Это была Анисья Красноглазова, того же поля ягода, что̀ и Ольга Панфиловна. Разница между ними въ томъ только была, что благородная приживалка водилась съ одними благородными, съ купцами да съ достаточными людьми изъ мѣщанства, а Анисья Терентьевна съ чиновными людьми вовсе не зналась, держась только купечества да мѣщанства... Ольга Панфиловна хоть и крестилась большимъ крестомъ въ старообрядскихъ домахъ, желая угодить хозяевамъ, но, какъ чиновница, не считала возможнымъ раскольничать, потому-де, что это неблагородно. Оттого водилась она и съ матушкой-протопопицей, и съ попадьями, и съ просвирнями. Анисья Терентьевна старинки держалась — была по спасову согласію. Раскольники этого толка хоть крестятъ и вѣнчаютъ въ церкви, но скорѣй голову на огсѣченье дадутъ, чѣмъ на минутку войдутъ въ православный храмъ, хотя-бъ и не во время богослуженія. Терентьевна не то что въ церковь, къ церковнику въ домъ войти считала такимъ тяжкимъ грѣхомъ, что его ни постами ни молитвами не загладишь. Потому Красноглазихѣ въ старообрядскихъ домахъ и было больше довѣрія, чѣмъ пройдохѣ Ольгѣ Панфиловнѣ, что̀, ходя по раскольникамъ изъ-за подарковъ, прикидывалась вѣрующею въ «спасительность старенькой вѣры» и увѣряла, что только по своему благородству не можетъ открыто войти въ «ограду спасенія» и

потому и живетъ «никодимски» *). Какъ Никодимъ тайно приходилъ ко Христу, такъ и она тайно приходитъ на поученія и бесѣды о старой вѣрѣ. На свадьбахъ, на именинахъ, на обѣдахъ и вечернихъ столахъ у никоніанъ Ольга Панфиловна бывала непремѣнной участницей; ее не сажали за краснымъ столомъ, не пускали даже въ гостиныя комнаты, присѣшничала она въ заднихъ горницахъ за самоваромъ, распоряжалась подачей ужина, присматривала, чтобы пришлая прислуга не стащила чего. Анисья Терентьевна не то что у церковныхъ, и у раскольниковъ на пирахъ съ роду не бывала, порицая ихъ и обзывая «бѣсовскими игрищами». Зато каждый разъ получала отъ согрѣшившихъ «даяніе благо», потому что очень ужъ была горазда отмаливать грѣхи учреждавшихъ въ угоду дьяволу и на прельщеніе человѣкамъ демонскія празднества.

У Анисьи Терентьевны были еще два промысла; Ольгѣ Панфиловнѣ, какъ церковницѣ, они были не съ руки. У кого изъ раскольниковъ покойникъ случится — Анисья Терентьевна псалтырь надъ нимъ читаетъ, праздникъ Господень либо хозяйскія именины придутъ — она службу въ моленной справляетъ. Былъ и еще у ней промыселъ: «мастерицей» она была, грамотѣ дѣтей обучала. Получала за труды плату съѣстными припасами, кой-чѣмъ изъ одежи, деньгами рѣдко. Брала за выучку съ кого погодно, съ кого такъ: за азбуку плата, за часовникъ другая, за псалтырь третья. По домамъ обучать Красноглазиха не ходила, развѣ только къ самымъ богатымъ; мальчики, иногда и дѣвочки, сходились къ ней въ лачужку, что̀ поставилъ ей какой-то дальній сродникъ на огородѣ еще тогда, какъ она только-что надѣла «черное» и пожелала на̀вѣкъ остаться Христовой невѣстой. Дѣти всякія домашнія послуги отправляли ей — воду носили, дрова кололи, весной гряды копали, лѣтомъ пололи ихъ. Хоть эти работы при отдачѣ въ науку ребятъ въ уговоръ не входили, однакожъ родители на Терентьевну за то не скорбѣли, а еще ей же въ похвалу говаривали: «пущай-де къ трудамъ пострѣловъ пріучаетъ». Розогъ на ребятъ Красноглазиха не жалѣла, оплеухи, подзатыльники въ счетъ не ставились. Лѣнивыхъ и шалуновъ пугала «букой» либо «турлы̀-мурлы̀, желѣзнымъ носомъ», что̀ впотьмахъ сидитъ, непослушныхъ дѣтей клюетъ и желѣзными когтями вырываетъ у нихъ изъ бока куски мяса. Когда дѣти, подрастая, переставали рѣзвиться, когда зачинали, по выраженію Анисьи Терентьевны, часословъ дёрма драть, тогда

*) Никодимами у раскольниковъ зовутся православные, тайно придерживающіеся старообрядства.

турлы-мурлы въ сторону, и праздное мѣсто его заступалъ дьяволъ съ хвостомъ, съ рогами и съ черной эѳіопской образиной... «Рыскаетъ онъ, — поучала учениковъ Анисья Терентьевна: — рыскаетъ окаянный врагъ Божій по землѣ, и кто Богу не помолясь спать ляжетъ, кто въ никоніанскую церковь войдетъ, кто въ постный день молока хлебнетъ, аль мастерицу въ чемъ не послушаетъ, того желѣзными крюками тотчасъ на мученье во адъ преисподній стащитъ». Поученья о дьяволѣ и адѣ мастерица расширяла, когда ученики станутъ «псалтырь говорить» — тутъ по цѣлымъ часамъ разсказываетъ, бывало, имъ про козни бѣсовскія и такъ подробно расписываетъ мученія грѣшниковъ, будто сама только-что изъ ада выскочила. Еще подробнѣй разсказывала она про антихриста. Онъ ужъ пришелъ, по ея словамъ, и царствуетъ въ никоніанахъ: церковные попы — его жрецы идольскіе, власти — его слуги, творящіе волю сына погибельнаго, всяко «скоблено рыло» *), всякій щепотникъ, всякій табачникъ запечатлѣнъ его печатью. Сидитъ онъ въ церкви, въ судахъ, кроется въ щепоти **), въ четвероконечномъ крестѣ, въ пяти просфорахъ, въ еретическихъ никоніанскихъ книгахъ. Все въ мірѣ растлѣно его прелестью: земля осквернена въ глубь на тридцать саженъ; рѣки, озера, источники — нечистоты отъ его тлетворнаго дыханья; потому и нельзя ни пить ни ѣсть ничего, не освятивъ напередъ брашна иль питья особой молитвой. Запугавъ антихристомъ и дьяволомъ учениковъ, поучаетъ, бывало, ихъ мастерица, какъ должно жить и чего не творить, дабы не впасть во власть врага Божья, не сойти вмѣстѣ съ нимъ въ «тартарары» преисподнія. О Господнихъ заповѣдяхъ, о любви къ Богу и ближнему ни слова; пьянство, обманы, злорѣчье, клевета, воровство, даже распутство, все извинялось — то не грѣхи, но токмо паденіе, покаяніемъ можно очистить ихъ... Уставные поклоны, постъ въ положенные дни, а пуще всего «необщеніе съ еретики», вражда и ненависть къ церкви и церковникамъ — вотъ и всѣ нравственныя обязанности, что внушаютъ раскольничьимъ дѣтямъ мастерицы. Творитъ брань со антихристомъ и со всѣми его слугами — подвигъ доблестный, доставляющій въ здѣшнемъ мірѣ гоненія, а въ будущемъ неувядаемые, свѣтозарные вѣнцы. Такъ учила Анисья Терентьевна, и далеко разносилась о ней слава, какъ о самой премудрой учительницѣ.

Хоть Марко Данилычъ былъ по поповщинѣ, однако Анисья Терентьевна сильно надѣялась, что, какъ только подрастетъ у

*) Бреющіе бороду.

**) Трехперстное крестное знаменье.

него Дуня, онъ позоветъ ее обучать дочку грамотѣ. Мастерицъ изъ поповщинскаго согласа во всемъ городѣ ни одной не было, а Красноглазиха была въ славѣ, потому и разсчитывала на Дуню. Тутъ не куль муки за «часословъ», не овчинная шуба за выучку «всему до крошечки» — обученье единственной дочери перваго во всемъ уѣздѣ богача не тѣмъ пахло... И Анисья Терентьевна, еще ничего не видя, утѣшала уже себя мыслью, что Марко Данилычъ хорошенькій домикъ ей выстроитъ, наполнитъ его всѣмъ нужнымъ, да опричь того и деньжонокъ на разживу пожалуетъ. Потому и забѣгала она частенько къ Дарьѣ Сергѣвнѣ, лебезила передъ Маркомъ Данилычемъ, а Дунюшку такъ ласкала, что всѣмъ было на̀ диво. Зато и не оставлялъ ее Смолокуровъ подарками... И это самое распаляло злобой благородную Ольгу Панфиловну, спать не давало ей.

Семь лѣтъ Дунѣ минуло — срокъ «вдавати отрочатъ въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія». Справивъ канонъ, помолясь пророку Науму да безсребренникамъ Кузьмѣ и Демьяну, Марко Данилычъ подалъ дочкѣ азбуку въ золотомъ переплетѣ и точеную костяную указку съ фольговыми завитушками, а затѣмъ самъ сталъ показывать ей буквы, заставляя говорить за собой: «азъ, буки, вѣди, глаголь...»

Дуня, какъ всѣ дѣти, съ большой охотой, даже съ самодовольствомъ принялась за ученье, но скоро соскучилась, охота у ней отпала, и никакъ не могла она отличить буки отъ вѣди. Сидѣвшая рядомъ Анисья Терентьевна сильно хмурилась. Такъ и подмывало ее прикрикнуть на ребенка по-своему, разсказать ей про турлы̀-мурлы̀, да не посмѣла. А Марко Данилычъ, видя, что мысли у дочки вразбродъ пошли, отодвинулъ азбуку и, ласково погладивъ Дуню по головкѣ, сказалъ:

— На первый разъ будетъ съ тебя, моя грамотница! Самъ-отъ учить я не гораздъ, да мнѣ же и некогда... Самому хотѣлось только починъ положить, учить тебя станетъ тетя Дарья Сергѣвна. Слушайся ея да учись хорошенько, гостинца привезу.

Улыбнулась Дуня, припала личикомъ къ груди тутъ же сидѣвшей Дарьи Сергѣвны. Ровно мука̀ побѣлѣла Анисья Терентьевна, задрожали губы, засверкали глаза и запрыгали... Прости-прощай, новенькій домикъ съ полнымъ хозяйствомъ!.. Прости-прощай, капиталъ на разживу! Дымомъ разлетаются завѣтныя думы, но опытная въ житейскихъ дѣлахъ мастерица виду не подала, что̀ у ней на̀ сердцѣ. Скрѣпя досаду, зачала-было выхвалять передъ Маркомъ Данилычемъ Дунюшку: и разуму-то она остраго, и такая дѣвочка понятливая, да такая

умная. Смолокуровъ самодовольно улыбался, гладилъ умницу по головкѣ и велѣлъ выдать Анисьѣ Терентьевнѣ фунтъ чаю да голову сахару.

Съ того часу не взлюбила Красноглазиха и Марка Данилыча, и Дарью Сергѣвну, и даже ни въ чемъ передъ ней неповинную Дуню... Но про злобу ту знали только грудь ея да подоплека... Пуще прежняго стала она лебезить передъ Смолокуровымъ, больше прежняго ласкать Дунюшку, и при каждомъ свиданьи удавалось ей вылестить у «Марка богатаго» то мучки, то крупки, то рыбки, то дровешекъ на бѣдность. Дарью Сергѣвну главной злодѣйкой своей она почитала за то, что перебила у ней прибыльную ученицу, какой досель не бывало и впередъ не будетъ. Льстя въ глаза въ надеждѣ на подарки, заглазно старалась она всѣми мѣрами насолить своему недругу. А чѣмъ крѣпче насолишь, какъ не злымъ языкомъ?..

Не объ одной любви сердце сердцу вѣсть подаетъ, тайный ворогъ тѣмъ же сердцемъ чуется. Не слыхивала Дарья Сергѣвна отъ Красноглазихи слова неласковаго, не видывала отъ нея взгляда непривѣтнаго, а стало ей сдаваться, что мастерица зло на нее мыслитъ. Не взлюбила она Анисью Терентьевну и, была-бъ ея воля, не пустила-бъ ее на глаза къ себѣ. Но Марко Данилычъ Красноглазиху жаловалъ, да и нельзя было идти наперекоръ обычаямъ, а по нимъ въ маленькихъ городкахъ Анисьи Терентьевны необходимы въ дому, какъ сметана ко щамъ, какъ масло въ кашѣ, — радушно принимаются такія всюду и, ежели хозяева — люди достаточные да тороватые, гостятъ у нихъ подолгу.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ, сударыня? — съ умильной улыбочкой спрашивала Анисья Терентьевна, садясь на краешекъ стула возлѣ двери.

— Слава Богу, — сухо отвѣчала ей Дарья Сергѣвна, силясь оправиться отъ смущенья, наведеннаго на нее только-что ушедшей Ольгой Панфиловной.

— Дунюшка здоровенька ли?

— Слава Богу.

— Учится каково?

— Учится — ничего.

— Далеко-ль ушла?

— Часословъ покончили, за перву каѳизму сѣла, — отвѣтила Дарья Сергѣвна.

— Такъ, сударыня... Такъ впрямь и за псалтырь сѣла... Слава Богу, слава Богу, — говорила Анисья Терентьевна и, маленько помолчавъ, повела умильныя рѣчи:

— А я на базаръ ходила, моя сударыня, да и думаю, давно не видала я болѣзную мою Дарью Сергѣвну, семъ-ка забреду къ ней, семъ-ка погляжу на нее да узнаю, какъ вы всѣ живете-можете... Вдругорядь когда-то еще выпадетъ досужее времечко — дѣла вѣдь тоже, сударыня, съ утра до ночи хлопоты, да и ходить-то, признаться, далеконько къ вамъ, а базаръ-отъ отъ васъ рукой подать, разъ шагнула, два шагнула, и у васъ въ гостяхъ... А до базару заходила я къ Шигинымъ, забѣгала на единую минуточку — мальчонка-то ихній азбуку прошелъ, за часословъ сажать пора, да вотъ друга недѣля ни каши не несетъ, ни платà, ни полтины *). Сами посудите, Дарья Сергѣвна какъ же я за часословецъ-отъ его безъ даровъ посажу?.. Не водится... И посмотрѣла же я на ихне житье-бытье: бѣднота-то какая, нищета-то, печь не топлена, мерзнутъ въ избѣ-то, а шабры говорятъ — по троимъ-де суткамъ не пьютъ, не ѣдятъ. Гдѣ полтину имъ взять, гдѣ платокъ купить, да еще кашу варить? Сама вижу — не изъ чего... А стары обычаи не преставишь... Нельзя, не годится: въ малѣ порушишь — все преданіе порушишь... Нечего дѣлать, велю Ѳедюшкѣ, мальчонкѣ-то ихнему, сызнова учить азбуку, пущай его зады твердитъ, покамѣстъ батька съ маткой не справятся... Да гдѣ горемычнымъ имъ справиться, гдѣ справиться!.. Совсѣмъ подрѣзались, все, чтò было, и одежонку и постеленку, все продали, одно Божье милосердіе **) покуда осталось... А большачокъ-отъ ***) все куритъ, сударыня, все куритъ, каждый Божій день... Иной разъ въ кабакѣ, чтò супротивъ Михайлы архангела, съ утра до ночи просидитъ, а домой приволочется, первымъ дѣломъ жену за косы таскать. Она во всю мочь: «караулъ», а онъ-то перекрикиваетъ: «жена да боится своего мужа!..» Дѣло ночное, шабры сбѣгутся—сраму-то чтò, содомъ-отъ какой!.. Да этакъ, сударыня моя, кажинный-то день, кажинный день!.. Не разъ усовѣстить его хотѣла: — «Чтò, говорю, срамникъ ты этакій, дѣлаешь?.. Чтò ты и себя и жену-то срамишь? Побойся, говорю, Бога, вѣдь ты не церковникъ какой, что тебѣ по кабакамъ дневать-ночевать!.. Вѣдь ты, говорю, на все обчествò, на всю святую нашу вѣру поношеніе наводишь. Послушай-ка, молъ, чтò никоніане-то говорятъ про тебя!..»

---

*) Кромѣ условной платы за ученье, мастерица при каждой перемѣнѣ ученикомъ книги, то-есть при началѣ часослова и при началѣ псалтыря, получаетъ горшокъ сваренной на молокѣ каши, платокъ, въ которомъ ученикъ несетъ этотъ горшокъ, и полтину деньгами. Кашу съѣдаютъ ученики, платокъ и деньги поступаютъ въ карманъ мастерицы. Старинный обычай, упоминаемый еще въ XV вѣкѣ, сохраняется доселѣ у раскольниковъ.

**) Иконы.

***) Большакъ, большачокъ — мужъ.

Неймется, сударыня, хоть говори, хоть нѣтъ! И Бога не боится и людей не стыдится!.. Охъ-охъ-охъ-охо! Дѣла наши дѣла, какъ подумаешь!..

Молча слушала Дарья Сергѣвна трещавшую, какъ заведенное колесо, мастерицу. Жалко ей стало голодавшихъ Шигиныхъ, а больше всего бойкаго, способнаго на ученье Ѳедюшку. Вынула изъ сундука бумажный платъ и денегъ полтину. Подавая ихъ мастерицѣ, молвила:

— Вотъ тебѣ, Терентьевна, платокъ, вотъ тебѣ и полтина, велю работницѣ крупы на кашу отсыпать, доучивай только Ѳедюшку, какъ слѣдуетъ, сажай его скорѣй за часословъ. Знаю я мальчика — славный такой.

— Чтò ты, сударыня?.. — съ ужасомъ почти вскликнула Анисья Терентьевна. — Какъ смѣть старый завѣтъ преставлять!.. Споконъ вѣку водится, чтобы кашу да полтину мастерицамъ родители посылали... Отъ стороннихъ книжныхъ дачъ не положено брать. Опять же надо вѣдь мальчонкѣ-то по улицѣ кашу въ платѣ нести — всѣ бы видѣли да знали, что за новую книгу садится. Вотъ, мать моя, принялась ты за наше мастерство, учишь Дунюшку, а старыхъ-то порядковъ по ученью и не вѣдаешь!.. Ладно ли такъ?.. А?

— Да не все-ль равно? — молвила-было Дарья Сергѣвна.

— Чтò ты, чтò ты, сударыня!.. Окстись! опомнись!—вскликнула громко Анисья Терентьевна. — Какъ возможно только помыслить преставлять старину?.. Послѣ того скажешь, пожалуй: «не все-ль-де едино, что въ два, что въ три пѐрста креститься»?..

— Экъ къ чему примѣнила!.. — начала-было Дарья Сергѣвна, но мастерица и договорить ей не дала.

— Всяка премѣна во святоотеческомъ преданіи, всяко новшество, мало-ль оно, велико ли, Богу противно, — строго, громко и внушительно зачала Анисья Терентьевна. — Ежели ты, сударыня, обучая Дунюшку, такъ поступаешь, великъ отвѣтъ предъ Господомъ дашь. Про тѣхъ, чтò соблазняютъ малыхъ-то дѣтей, какое слово въ писаніи сказано? «Да обѣсится жерновъ осельстій на выи его, да потонетъ въ пучинѣ морстѣй». Вотъ чтò, сударыня!..

— Чѣмъ же я соблазняю? — спросила Дарья Сергѣвна.

— А премѣною древняго чина, — подхватила Анисья Терентьевна. — Сказано: «малъ квасъ все смѣшеніе киситъ»... Сама мала отмѣна святоотеческаго преданія все тщетнымъ и грѣховнымъ творитъ... Упрямится у тебя Дунюшка-то иной разъ?

— Бываетъ... — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Нельзя же — ребенокъ.

— А ты что̀ съ ней дѣлаешь, какъ она заупрямится, учиться не захочетъ аль зашалитъ? — спросила мастерица.

— Когда пожурю, а больше все лаской... Она вѣдь у насъ кроткая, послушливая, — сказала Дарья Сергѣвна.

— Пожурю! Лаской! — съ насмѣшкой передразнила ее Анисья Терентьевна. — Не такъ, сударыня моя, не такъ... Что̀ про это писано?.. А?.. Не знаешь?.. Слушай-ка что̀: «Не ослабляй бія младенца, аще бо лозою біеши его — не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти: дщерь ли имаши — положи на ню грозу свою и соблюдеши ю отъ тѣлесныхъ, да не свою волю пріемши, въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое» *). Такъ-то, сударыня моя, такъ-то, Дарья Сергѣвна.

— Ну, ужъ этого никогда не будетъ, — вспыхнула Дарья Сергѣвна. — Да и Марко Данилычъ пальцемъ тронуть ее не позволитъ...

— И тѣмъ погубитъ свое рожденіе. Безпремѣнно погубитъ, — возвысивъ голосъ, горячо заговорила мастерица. — Сказано: «наказуй дѣти въ юности, да покоятъ тя на старости, аще же дѣти согрѣшатъ отцовскимъ небреженіемъ, ему о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати». Скажи ты это отъ меня Марку Данилычу... Опослѣ, какъ вырастетъ Дуня да согрѣшитъ, будетъ ему отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и по̀смѣхъ. Такъ-то, сударыня... Намедни, какъ была я у васъ, поглядѣла на Дунюшку и поболѣла сердцемъ, охъ, каково горько поболѣла... Дѣвочка махонькая, а по всѣмъ горницамъ бѣгаетъ, по стульямъ скачетъ, да еще, прости Господи, мірски пѣсни поетъ... Тутъ бы сейчасъ дубцомъ ее, а тятенька смѣется, хохочетъ, да и ты тоже, сударыня... Хорошо-ль это!.. Что̀ про̀ это сказано? «Воспитай дѣтище съ прещеніемъ и не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя» **). А Василій-отъ Великій что̀ юношамъ и отроковицамъ заповѣдалъ?.. А?.. Не знаешь развѣ, сударыня?.. «Безстрастіе тѣлесное имѣти, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе немятежно»; а она у васъ намедни за обѣдомъ кричитъ, шумитъ, даже, прости Господи, мірску пѣсню запѣла... А отецъ-отъ ровно и не слышитъ, а тебѣ ровно и дѣла нѣтъ... Что̀ дальше Василій-отъ Великій гласитъ?.. «При старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе...», а я намедни стала-было ее уговаривать маленько съ пристрастіемъ, про турлы̀-мурлы̀ молвила ей, а

---

*) «Домострой», XVII. Прокудить — шалить, проказничать. Прокудить дѣвство — лишиться цѣломудрія.

**) Тамъ же.

она мнѣ языкъ высунула... Благочинно ли это, по писанію ли?.. Отроковицѣ, по Василію Великому, «не дерзкой быти на смѣхъ», а она у васъ только и дѣла, что гогочетъ; «стыдѣніемъ украшатися» надобно, а она языкъ мнѣ высунула; «долу зрѣніе имѣти» подобаетъ, а она ровно коза лупитъ глаза во всѣ стороны... Хорошо ли это дѣло, совмѣстимо ли съ закономъ святоотеческимъ?.. Сама, сударыня, посуди. Дѣвица ты не глупая, скажи по чистой совѣсти: хорошо ли такую волю отроковицѣ давать?

— По-моему вреда тутъ нѣтъ,—молвила Дарья Сергѣвна.— Ребенокъ еще, пущай ее порѣзвится...

— Нѣтъ, мать моя!—возразила Анисья Терентьевна.—Послушала бы ты, что̀ въ людяхъ-то говорятъ про твое обученье да про то, какъ учишь ты свою ученицу... Уши вянутъ, сударыня. Вотъ что̀.

— Мало ли что̀ люди говорятъ, — молвила Дарья Сергѣвна: — всѣхъ людскихъ рѣчей не переслушаешь.

— Что̀ тутъ люди! Не люди, а я тебѣ говорю,—вспыхнула Анисья Терентьевна.—Я, матушка, слава Тебѣ, Господи, не одну сотню ребятъ переобучила. Знаю это дѣло вдо̀сталь... Насчетъ чего другого—такъ, а ужъ насчетъ учьбы̀ со мной, сударыня, не спорь. Можетъ, верстъ ста па полтора кругомъ супротивъ меня другой мастерицы нѣтъ. Не въ похвальбу скажу, сколько ребятенокъ грамотѣ ни обучила, мужеска пола и женска, всѣ до единаго въ древлемъ благочестіи крѣпко пребываютъ, свято хранятъ отеческія преданія... А вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Данилычемъ неповинную отъ Бога отводите, съ бѣсомъ же на пагубу приводите... Да!.. Нечего, сударыня, лицо-то косить — не бойся, не испугаюсь, всю правду-матку выложу тебѣ, какъ на ладони... Гу̀бите вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Данилычемъ отроковицу непорочну, губите!.. Да-съ!..

— Да чтой-то ты, Анисья Терентьевна?.. Помилуй, ради Христа, съ чего ты взяла такія слова мнѣ говорить?—взволнованнымъ голосомъ, но рѣшительно сказала ей на то Дарья Сергѣвна.—Что̀ тебѣ за дѣло? Кто проситъ твоихъ совѣтовъ да поученій?

Спохватилась мастерица, что этакъ, пожалуй, и гостинца не будетъ, тотчасъ понизила голосъ, заговорила мягко, льстиво, угодливо. Затаенной язвительности больше не было слышно въ ея рѣчахъ, зазвучали онѣ будто сердечнымъ участьемъ.

— Ахъ, сударыня ты моя Дарья Сергѣвна! Вѣдь жалѣючи васъ, моя болѣзная, такъ говорю. Можетъ, что̀ неугодное молвила — не обессудьте, не осудите, покройте нашу глупость

своей лаской-милостью... Изъ любви къ вамъ, матушка, изъ единой любви сказала, помнючи милости Марка Данилыча и ваши, сударыня... Люди вѣдь зазираютъ, люди, матушка. Теперь у всѣхъ только и рѣчи, что про васъ да про Дуняшкино ученье... Извѣстно, сударыня, Марко Данилычъ такой богатей, дочка у него одна единственная. До кого ни доведись, всякому занятно посудить, порядить...

— Да чтò кому за дѣло?—съ досадой молвила Дарья Сергѣвна.

— Народъ — молва, сударыня. Никто ему говорить не закажетъ. Ртовъ у народа много — всѣхъ не завяжешь... — Такъ говорила Анисья Терентьевна, отирая(сь бумажнымъ платкомъ и свертывая его въ клубочекъ. — Охъ, знали бы вы да вѣдали, матушка, чтò въ людяхъ-то про васъ говорятъ.

— Чтò такое? — чуть слышно спросила Дарья Сергѣвна. Вспомнились ей слова Ольги Панфиловны.

— Да вотъ хоть бы сейчасъ на базарѣ,—отвѣтила Анисья Терентьевна.—Стоитъ Панфилиха у возовъ съ рыбой, а сама такъ и разсыпается, такъ и разсыпается... И все-то про васъ, все-то про васъ да про Марка Данилыча... Имъ, говоритъ, грѣховодникамъ, и безъ вѣнца весело живется. Безъ стыда, говоритъ, живутъ ровно мужъ съ женой... Да и пошла, и пошла... А еще барыня, благородная!.. Ну да, какъ же не благородная?.. Стòитъ взглянуть на харю анаѳемскую, тотчасъ по рылу знать, что не простыхъ свиней... Отецъ-отъ отопкомъ щи хлебалъ, матенка на рогожкѣ спала, въ одномъ студеномъ шушунишкѣ *) по пяти годовъ щеголяла, зато какая-то, песъ ихъ знаетъ, была елистраторша, а дочку за секлетаря, что ли, тамъ за какого-то выдала... Родословная, видишь!.. А какое у нихъ родословье? Отъ ёрника балда, отъ балды шишка, отъ шишки комъ **)!.. А вы еще, сударыня, такую поскуду до себя допускаете! Перво-нàперво — невѣрная, у поповъ у церковныхъ да у дьяконовъ хлѣбъ ѣстъ, всяко скоблено рыло, всякаго табачника и щепотника за добрыхъ людей почитаетъ; второ дѣло—смотница, такая смотница, что не приведи Господи. Только на самоё себя сплетокъ не плететъ, а то на всѣхъ, на всѣхъ, чтò ни есть на свѣтѣ людей... А вы еще на глаза ее къ себѣ допускаете. Не дѣло, Дарья Сергѣвна,

*) Шушунъ — верхнее платье, въ родѣ кофты, изъ крашенины. Студеный шушунъ—сшитый не на ватѣ.

**) Ерникъ—кривой, низкорослый кустарникъ по болоту, а также безпутный, плутъ, мошенникъ; балда—лѣсная кривулина, дубина, а также дуракъ, полоумный; шишка—наростъ на деревѣ, а также бѣсъ, чортъ (шишко, шишига); комъ—сукъ въ видѣ клуба на древесномъ наростѣ, а также драчунъ, забіяка (кошма).

не дѣло!.. Видите, какая отъ нея благодарность-то — у кого ѣстъ да пьетъ, на того и зло мыслитъ.

Не отвѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ахти, засидѣлась я у васъ, сударыня,—вдругъ встрепенулась Анисья Терентьевна. — Ребятенки-то поди собралися на учьбу, еще, пожалуй, набѣдокурятъ чего безъ меня, проклятики — поди теперь на головахъ, чать, по горницѣ-то ходятъ. Прощайте, сударыня Дарья Сергѣвна. Дай вамъ Богъ въ добромъ здоровьѣ и въ радости честную масленицу проводить. Прощайте, сударыня.

И тихой походкой, склоня голову, пошла вонъ изъ горенки.

Убитая нежданными вѣстями, Дарья Сергѣвна вся погрузилась въ неиспытанное еще ею доселѣ горе отъ клеветы. Вся она была поглощена тѣмъ горемъ. Краемъ уха слушала розсказни мастерицы про учьбу ребятишекъ, неохотно отвѣчала ей на укоры, что держитъ Дуняшу не по стариннымъ обычаямъ, но когда сказала она, что Ольга Панфиловна срамитъ ее на базарѣ, какъ бы застыла на мѣстѣ, слова не могла отвѣтить... «Въ трубы трубятъ, въ трубы трубятъ!»—думалось ей, и когда мастерица оставила ее одну, изъ-за густыхъ рѣсницъ ея вдругъ полилися горькія слезы. Пересѣла Дарья Сергѣвна къ пяльцамъ, хотѣла дошивать канвовую работу, но не видитъ ни узора ни вышиванья, въ глазахъ туманится, въ вискахъ такъ и стучитъ, сердце тоскуетъ, обливается горячею кровью. Опираясь на столы и стулья, вышла она въ другую горенку, думала стать на молитву, но ринулась на кровать и залилась слезами.

Клевета, что стрѣла, человѣка разитъ. На себя не похожа стала Дарья Сергѣвна: въ очахъ печаль, въ лицѣ кручина. Горе, коль есть его съ кѣмъ размыкать, — еще не горе, а только полгоря. А ей кому подѣлиться печалью? Не Марку-жъ Данилычу сказать, не съ Дунюшкой же про напраслину разговаривать!.. Съ нянькой, съ работницами тоже говорить не доводится. Поймутъ развѣ онѣ ея кручину?.. Пожалуй, еще больше насплетничаютъ!.. Уйти изъ дому Смолокурова?.. А обѣтъ, данный Оленѣ Петровнѣ на смертномъ одрѣ ея? Бога вѣдь ставила ей она во свидѣтели, что замѣнитъ сироткѣ родную мать... Всѣ обиды надо стерпѣть, всѣ оскорбленья перенесть, а данной клятвы не изгубить... Опять же Дунюшку жаль... Какъ ее съ нянькой да съ работницами одну оставить!.. Марко Данилычъ? Его дѣло мужское—гдѣ ему до всего доходить, опять же почасту надолго изъ дому отлучается... Нельзя одну Дуню оставить, нельзя...

Долго думала Дарья Сергѣвна, какъ бы дѣлу помочь, какъ бы, не разставаясь съ Дуней, годъ, два, нѣсколько лѣтъ не жить въ одномъ домѣ съ молодымъ вдовцомъ и тѣмъ бы заглушить базарные пересуды и пущенную досужими языками городскую молву. Придумала наконецъ.

Глава третья.

Прошла масленица, наступилъ Великій постъ. Дарья Сергѣвна таила въ сердцѣ скорбь, нанесенную ей благородной приживалкой и халдой-мастерицей. Три недѣли еще прошло— «пролѣтье» наступило, Евдокія плющиха пришла весну снаряжать *). Въ тотъ день Дуня именинница была, восемь годковъ ей минуло. Марко Данилычъ надарилъ имениницѣ разныхъ подарковъ и, называя ее уже «отроковицей», веселился, глядя на дочку и любуясь расцвѣтавшею ея красотою. Рада была Дуня подаркамъ, съ самодовольствомъ называла она себя «отроковицей»—значитъ, стала она теперь большая— и нѣжно ластилась то къ отцу, то къ Дарьѣ Сергѣвнѣ. Евдокіинъ день въ томъ году приходился въ среду на четвертой недѣлѣ поста; по старинному обычаю за обѣдомъ подали «кресты» изъ тертаго на орѣховомъ маслѣ тѣста. Въ одномъ изъ крестовъ запеченъ былъ на счастье двугривенный, онъ достался имениницѣ. Дѣвочка такъ и засіяла восторгомъ.

— Да, Марко Данилычъ, вотъ ужъ и восемь годковъ минуло Дунюшкѣ,—сказала Дарья Сергѣвна, только-что встали они изъ-за стола: — пора бы теперь ее хорошенько учить. Грамоту знаетъ, «часословъ» прошла, втору каѳизму читаетъ, съ завтрашняго дня думаю ее за письмо посадить... Да этого мало... Надо вамъ подумать, кому бы ее отдать въ настоящее ученье.

— Кому же, какъ не вамъ ее учить, Дарья Сергѣвна?.. — молвилъ Марко Данилычъ. — Не Терентьиху же приставить...

— Всей бы душой рада я, Марко Данилычъ, да сама не на столь обучена, чтобъ хорошенько Дунюшку всему обучить... Подумали бы вы объ этомъ,—сказала Дарья Сергѣвна.

— Не въ Москву же въ пансіонъ везти, — слегка нахмурясь, сказалъ Смолокуровъ. — Пошло нынче это заведенье по купечеству, у старообрядцевъ даже, только я на то не согласенъ... Потому — одно развращенье! Выучится тамъ на раз-

*) 1-го марта празднуютъ преподобной мученицы Евдокіи. Въ народѣ тотъ день зовутъ „пролѣтьемъ", „Евдокіей-плющихой" (потому что снѣгъ тогда настомъ плющатъ). Говорятъ еще въ народѣ, что Евдокія весну снаряжаетъ.

ныхъ языкахъ лепетать, на музыкѣ играть, танцамъ, а какъ персты на молитву слагать, которой рукой лобъ перекрестить—забудетъ... Видалъ я много такихъ, не хочу, чтобъ Дуня моя хоть капельку на нихъ походила. Надо обучить ее всему, что̀ слѣдуетъ по древлему благочестію, ну и рукодѣльямъ тоже... Такъ это, я полагаю, и вы все можете.

— Ну нѣтъ, Марко Данилычъ, за это я взяться не могу, сама мало обучена,—возразила Дарья Сергѣевна. — Конечно, что̀ знаю, все передамъ Дунюшкѣ, только этого будетъ ей мало... Она же дѣвочка острая, разумная, не по годамъ понятливая — черезъ годъ либо черезъ полтора сама будетъ знать все, что̀ знаю я — тогда-то что-жъ у насъ будетъ?

Марко Данилычъ задумался.

— Учителей, что ли, какихъ бы пріискали... — начала-было Дарья Сергѣевна, но Смолокуровъ поспѣшно ее перебилъ:

— Это изъ училища-то, что ли? Ни за что на свѣтѣ!.. Чему научатъ... Какому бѣсу, прости Господи!

— Такъ другого кого поищите,—молвила Дарья Сергѣевна.— Подумайте объ этомъ, Марко Данилычъ.

— Ладно, подумаемъ, — отрывисто отвѣтилъ онъ и круто повернулся къ окну.

Помолчавъ немножко, Дарья Сергѣвна другой разговоръ повела.

— Сегодня поста переломъ, Христовъ праздникъ не за горами. Кого располагаете звать страстную службу да свѣтлу заутреню въ моленной отправить?..

— Кого позвать? Опричь Красноглазихи некого,—отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Путаетъ много она по «минеи-то», — сказала Дарья Сергѣвна.—По «псалтырю» *) еще бредетъ, а по минеи ей не сладить. Чтобъ опять такого-жъ соблазну не натворила, какъ въ прошломъ году.

— Это за часами-то въ великую пятницу? Изъ пятницы въ субботу переѣхала, — засмѣялся Марко Данилычъ, отворачиваясь отъ окна.

— А въ позапрошломъ году, помните, какъ на Троицу по «общей минеи» стала-было службу справлять, да изъ Пятидесятницы простое воскресенье сдѣлала?.. Грѣхи только съ ней!—улыбаясь, сказала Дарья Сергѣвна.—Къ тому-жъ и то

*) Домашняя служба у старообрядцевъ отправляется по псалтырю, то-есть читается псалтырь и послѣ каждой каѳизмы тропари празднику. Службою по минеи или уставною называется та, что̀ отправляется по уставу. Великимъ постомъ справляютъ уставную службу по книгѣ „минея постная“, отъ поста до Троицы по книгѣ „минея цвѣтная“, въ прочіе дни по „минеи общей“.

надо взять, Марко Данилычъ, не нашего вѣдь она согласу...

— Это еще не бѣда, — замѣтилъ Смолокуровъ. — Разница межь нами невеликая. — та же стара вѣра что̀ у нихъ, что̀ у насъ. Поповъ только нѣтъ у нихъ, такъ вѣдь и у насъ были да сплыли.

— Все-таки не единаго стада, — молвила Дарья Сергѣвна.

— А вы ужъ не больно строго,—сказалъ на то Марко Данилычъ.—Что̀ станешь дѣлать при такомъ оскудѣніи священства? Не то что попа, читалокъ-то нашего согласу по здѣшней сторонѣ ни единой нѣтъ. Поневолѣ за Терентьиху примешься... На Кѐрженецъ развѣ не спосылать ли?.. Въ скиты?..

— Очень бы это хорошо было, Марко Данилычъ, — обрадовалась Дарья Сергѣвна. — Тогда бы настоящая у васъ служба была. Всѣ бы нашего согласу благодарны вамъ остались. Можно бы старицу позвать да хоть одну бѣлицу для пѣнія... Старица-то бы въ соборную мантію облеклась, бѣлица-то демественомъ бы Пасху пропѣла... Какъ бы это хорошо было! Настоящій бы праздникъ тогда!.. Вотъ и Дунюшка подросла, а заправской Божьей службы еще и не слыхивала, тутъ поглядѣла бы, хорошенько помолилась бы. Послушала бы пѣвицу...

— Зачѣмъ пѣвицу? Брать такъ ужъ пятокъ либо полдюжину. Надо, чтобъ и пѣніе и служба вся были какъ слѣдуетъ, по чину, по уставу, — сказалъ Смолокуровъ. — Дунюшки ради хоть цѣлый скитъ приволоку, денегъ не пожалѣю... Хорошо бы старца какого ни на есть, да гдѣ его сыщешь? Шатаются, шутъ ихъ возьми, волочатся изъ деревни въ деревню — шатуны, шатуны и есть... Нечего дѣлать, и со старочкой, Богъ дастъ, попразднуемъ... Только вотъ бѣда, знакомства-то у меня большого нѣтъ на Керженцѣ. Послать-то не знаю къ кому.

— Да вы бы къ Лещовымъ отписали, у нихъ по всѣмъ скитамъ есть знакомство, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Они мигомъ бы вѣсточкой дохнули на Кѐрженецъ. Теперь четверта недѣля, къ вербному воскресенью и старочка и бѣлицы были бы здѣсь. Нынче же Пасха ранняя, Благовѣщенье на страстной придется, рѣки пропустятъ. Разойдутся не раньше Мироносицкой.

— Не раньше, — согласился Смолокуровъ. — И въ самомъ дѣлѣ къ Лещовымъ, на Ветлугу развѣ писать. Никитѣ Петровичу точно всѣ кѐрженски обители знакомы, для меня онъ сладитъ дѣло, сегодня-жъ погоню къ нему нарочнаго.

Нефедъ Тихонычъ Лещовъ свойственникъ былъ Смолокурову, на двоюродной сестрѣ Олены Петровны женатъ. Чело-

вѣкъ съ достаткомъ былъ, но далеко не съ такимъ, какъ у Марка Данилыча, оттого и старался онъ при всякомъ случаѣ угодить богатому сватушкѣ. Только-что получилъ онъ письмо, тотчасъ же снарядился въ путь-дорогу—самъ поѣхалъ на Кѐрженецъ, самъ все дѣло обдѣлалъ; и наканунѣ Лазарева воскресенія на дворъ Смолокурова въѣхали три скитскія кибитки, нагруженныя старицей Макриной да пятью бѣлицами. Старица и пѣвчія дѣвицы были съ Каменнаго Вражка, изъ обители игуменьи Манеѳы Чапуриной.

Макрина уставщицей была. Несмотря на великій праздникъ, Манеѳа отправила ее къ Марку Данилычу, приказавъ ея помощницѣ матушкѣ Аркадіи заправлять службой въ обительской часовнѣ. Когда Лещовъ разсказалъ дальновидной игуменьѣ про Смолокурова, про его богатства, про то, что у него всего одна единственная дочь, наслѣдница всему достоянью, и что отцу желательно воспитать ее въ древлемъ благочестіи, во всей строгости святоотеческихъ преданій, мать Манеѳа тотчасъ смекнула, что̀ изъ этого со временемъ можетъ выйти... Потому, исполняя желаніе Марка Данилыча, хоть и въ ущербъ благолѣпію службы въ своей часовнѣ, послала она пять наилучшихъ пѣвицъ праваго крылоса, а съ ними уставщицу Макрину, умную, вкрадчивую, ловкую на обхожденье съ богатыми благодѣтелями и мастерски умѣвшую обдѣлывать всякія дѣла на пользу обители.

Отправивъ страстную и пасхальную службу, Макрина не тотчасъ поѣхала отъ Смолокурова. Марку Данилычу старица божья понравилась; цѣлые вечера проводилъ онъ съ ней въ бесѣдахъ не только отъ божественнаго писанія, но и о мірскихъ дѣлахъ; ловкая уставщица была и въ нихъ свѣдуща... Много ѣздила она по дѣламъ обительскимъ, по всему старообрядству вела обширное знакомство, и ея разсказы очень были занятны Марку Данилычу. Сталъ онъ упрашивать ее прогостить Святую и на Радуницѣ хорошенько помянуть родителей. Потомъ отъѣздъ келейницъ замѣшкался оттого, что дороги попортились, отъ распутицы рѣки стало опасно переѣзжать... Вскрылись рѣки, Марко Данилычъ сталъ Макрину упрашивать остаться до его именинъ *), потомъ до именинъ погибшаго въ морѣ брата, чтобъ отпѣть за него поминальный канонъ **). А тутъ дня черезъ четыре Троица — не ѣхать же отъ такого праздника; черезъ недѣлю послѣ Троицы память по Оленѣ Петровнѣ ***). Такимъ образомъ, откладывая отъѣздъ день за

*) День св. Марка 25-го апрѣля.
**) Св. Мокія 11-го мая.
***) Св. Елены 21-го мая.

день, недѣля за недѣлю, комаровскія гостьи прожили у Смолокурова вплоть до Иванова дня.

Смолокуровъ до того времени въ скитахъ никогда не бывалъ и совсѣмъ не зналъ жизни обительской. Макрина въ продолженіе гостинъ много ему разсказывала про житье-бытье матушекъ, про ихъ занятія, хозяйственность, богомолье. Марку Данилычу ея разсказы пришлись по сердцу; щедро наградивъ Манеѳу за службы, въ его домашней моленной Макриной отправленныя, обѣщалъ на будущее время быть благодѣтелемъ честнóй обители, если же мать Манеѳа съ сестрами будутъ согласны, то, пожалуй, и ктиторомъ сдѣлаться. Оставаясь съ глазу нà глазъ съ Макриной, Дарья Сергѣвна иные разговоры вела: совѣтовалась съ ней насчетъ обученья Дунюшки. Жаль было разставаться ей съ воспитанницей, въ которую положила всю душу свою, но нестерпимо было и оставаться въ домѣ Смолокурова, послѣ того какъ узнала она, что про нее «въ трубы трубятъ». Чтобъ, не разлучаясь съ Дуней, прожить нѣсколько лѣтъ внѣ смолокуровскаго дома и тѣмъ заглушить недобрые слухи. вздумала она склонить Марка Данилыча на отдачу дочери для обученья въ Манеѳину обитель. Только-что намекнула объ этомъ она матери Макринѣ, та съ обычной для нея ловкостью на ладъ затѣянное дѣло поставила. И были и небылицы по цѣлымъ вечерамъ стала она разсказывать Марку Данилычу про дѣвицъ, обучавшихся въ московскихъ пансіонахъ, и про тѣхъ, чтò дома у мастерицъ обучались. Называла по именамъ дома богатыхъ раскольниковъ, гдѣ отъ того либо другого рода воспитанія вышли дочери такія, что не приведи Господи: однѣ Бога забыли, стали пристрастны къ нововводнымъ обычаямъ, грубы и непочтительны къ родителямъ, покинули стыдъ и совѣсть, ударились въ такія дѣла, что не лѣть и глаголати... Другія, чтò у мастерицъ обучались, всѣ, сколько ни знала ихъ Макрина, одна другой глупѣе вышли, всѣ какъ есть дуры дурами—ни встать ни сѣсть не умѣютъ, а чтобъ съ хорошими людьми бесѣду вести, про то и думать нечего. Смолокуровъ соглашался съ красноглаголивой уставщицей, говорилъ, что самому ему доводилось и тѣхъ и другихъ видать, и что онъ не знаетъ, которыя изъ нихъ хуже. «И то еще я замѣчалъ,—говорилъ онъ:—что пансіонная, выйдя замужъ, рано ли поздно ли хàхаля заведетъ себѣ, а не то и двухъ, а котора у мастерицы была въ обученьи, дура-то дурой окажется, да къ тому-жъ и злобы много накопитъ въ себѣ»... А Макрина тотчасъ ему на тѣ рѣчи: — «Съ мужьями у такихъ женъ, сколько я ихъ ни видывала, ладовъ не бываетъ: взбалмошны, непокорливы, чтò ни день, то въ дому содомъ

да драка, срамота, и такимъ женамъ много отъ супружескихъ кулаковъ достается...» Наговорившись съ Маркомъ Данилычемъ о такихъ женахъ и дѣвицахъ, Макрина ровно обрывала свои розсказни, заводила рѣчь о стороннемъ, а дня черезъ два опять, бывало, поведетъ прежнія рѣчи... Дарья Сергѣвна одно слово съ ней говорила. Сумрачно глядѣлъ Марко Данилычъ, молчалъ и, глубоко вздыхая, гладилъ по головкѣ ненаглядную дочку. Потомъ Макрина зачнетъ, бывало, разсказывать про житье обительское и будто мимоходомъ помянетъ про дѣвицъ изъ хорошихъ домовъ, что̀ живутъ у Манеѳы и по другимъ обителямъ въ обученьи, называетъ по имени родителей ихъ: имена все крупныя, извѣстныя по всему купечеству. Называетъ обучавшихся и прежде въ скитахъ, а теперь вышедшихъ замужъ и ставшихъ добрыми, домовитыми, умными, попечительными хозяйками... Знавалъ Марко Данилычъ иныхъ изъ названныхъ Макриной и соглашался со старицей, что въ самомъ дѣлѣ жены онѣ добрыя, матери хорошія, потому главное, прибавлялъ онъ, что живутъ во страхѣ Господнемъ. «Страхъ Божій при обученьи дѣвицъ у насъ въ обителяхъ первое дѣло, — спѣшитъ тогда отвѣчать Макрина: — потому что и въ писаніи сказано: «страхъ Божій начало премудрости...» И, сказавши, опять замолчитъ, либо сведетъ рѣчь на другое. Потомъ черезъ день, черезъ два опять зачнетъ разсказывать, какъ строго въ обителяхъ смотрятъ за дѣвицами, какъ пріучаютъ ихъ къ скромному и доброму житію по Господнимъ за̀повѣдямъ, какимъ рукодѣльямъ обучаютъ, какія книги даютъ читать, и какъ поучаютъ ихъ всякому добру старыя матери.

— Все это хорошо и добро, — молвилъ какъ-то разъ Марко Данилычъ: — одно только не ладно, къ иночеству, слышь, у васъ молоденькихъ-то дѣвъ склоняютъ, особливо тѣхъ, что̀ побогаче... Расчетецъ — останется дѣвка въ обители, все родительское наслѣдіе туда внесетъ... Таковы, матушка Макрина, про скиты обносятся повсюдные слухи.

— Не вѣрьте, Марко Данилычъ, пустымъ наноснымъ рѣчамъ. Эти сплетни идутъ отъ недоброхотовъ, — съ горячностью вступилась Макрина. — Мало-ль чего ни говорятъ про насъ убогихъ, беззащитныхъ!.. Не вѣрьте... Бываетъ, что старыя матери инымъ дѣвицамъ внушаютъ покрыть себя черною рясой... Таить не стану, точно бываетъ. Только такіе совѣты не отецкимъ дочерямъ, не богатымъ дѣвицамъ внушаются, а сиротамъ, что̀ съ малолѣтства призрѣны въ обители Христа ради. Ни отца у сироты, ни матери, ни ближнихъ, ни сродниковъ, гдѣ-жъ ей сердечной въ міру главу преклонить? А въ обители ей завсегда готово... Такихъ точно что угова-

риваемъ, а богатыхъ — ни-ни... никогда... Родныхъ своихъ тоже уговариваемъ, у которой старицы племянница есть бѣдная, либо другая сродница, такихъ беремъ на воспитанье и точно иной разъ склоняемъ принять ангельскій чинъ... А отецкихъ дочерей какъ можно?.. Помилуйте!

Разговаривая такъ съ Макриной, Марко Данилычъ сталъ подумывать, не отдать ли ему Дуню въ скиты обучаться. Тяжело только разстаться съ ней на нѣсколько лѣтъ... «А впрочемъ,—подумалъ онъ:—и безъ того вѣдь я мало ее, голубушку, видаю... Лѣтомъ въ отъѣздѣ, по зимамъ тоже на долгіе сроки изъ дому отлучаюсь... Станетъ въ обители жить, скиты не за тридевять земель, въ свободное время завсегда могу съѣздить туда, поживу тамъ недѣльку-другую, полюбуюсь на мою голубушку, да опять въ отлучки — опять къ ней.

И вотъ однажды подъ вечерокъ, сидя за чаемъ, сказалъ Смолокуровъ Макринѣ при Дарьѣ Сергѣвнѣ, что думаетъ онъ Дуню къ нимъ въ обученье отдать.

Другая на мѣстѣ Макрины тотчасъ бы возрадовалась, но ловкая уставщица бровью даже не повела. Напротивъ, приняла озабоченный видъ и медленно, покачивая головой, промолвила:

— Не знаю, что̀ сказать вамъ на̀ это, Марко Данилычъ, не знаю, какъ вамъ посовѣтовать. Дѣло такое, что надо объ немъ подумать да и подумать.

А Дарья Сергѣвна, хоть и радехонька рѣчамъ Марка Данилыча, но хмурится, будто ей непріятную вѣсть сказалъ онъ. Не молвила ни единаго слова.

— Чего тутъ раздумывать?—нетерпѣливо всклинкнулъ Марко Данилычъ. — Сама же ты, матушка, не разъ говорила, что у васъ дѣвичья учьба̀ идетъ по-хорошему... А у меня только и заботы, чтобы Дуня, какъ выростетъ, была не хуже людей... Нѣтъ, ужъ ты, матушка, рѣчами у меня не отлынивай, а лучше посовѣтуй со мной.

— Ничего не могу я тутъ вамъ совѣтовать, Марко Данилычъ, никакого безъ матушки Манеѳы отвѣта дать не могу,— смиренно, покорнымъ голосомъ отвѣчала Макрина. — Такого родителя дочку принять не бездѣлица!.. Конечно, если-бъ это дѣло сбылось, матушка Манеѳа Дунюшку поближе бы къ кельѣ своей помѣстила, въ своей бы «стаѣ». Да теперь врядъ ли тамъ возможно помѣстить ее... Чапурина Патапа Максимыча не изволите ли знать?.. Братецъ матушкѣ-то нашей по плоти: двухъ дочерей отдалъ къ ней да третью дочку, не родную, а богоданную — сиротку онъ одну воспитываетъ. Четвертая съ ними живетъ, матушкина воспитанница, тоже сирота безродная...

Вотъ четыре, пятая съ ними живетъ головщица. А горницъ-то всего три и то невеликія... Изъ этакого дома Дунюшкѣ-то и тѣсненько покажется у насъ — скучать бы не стала. Опять же не одну ее въ обитель привезете, кто-нибудь тоже при ней...

— Ну, вотъ этого я ужъ и не знаю, какъ сдѣлать... И придумать не могу, кого отпустить съ ней. Черныхъ работницъ хоть двѣ, хоть три предоставлю, а чтобъ въ горницахъ при Дунюшкѣ жить — нѣтъ у меня таковой на примѣтѣ.

— Работницъ намъ не надо, Марко Данилычъ, въ обители своихъ трудницъ довольно. Дунюшкѣ все онѣ сготовятъ: и помыть, и пошить, и поштопать, и новое платьице могутъ сшить, даже башмачки, пожалуй, справятъ, — сказала Макрина.

— Ну, это ладно, хорошо, — молвилъ Марко Данилычъ. — А гдѣ-жъ такую взять, чтобъ завсегда при ней была, безотлучно смотрѣла бы за ней?

— А я-то на что? — вступилась Дарья Сергѣвна, вскинувъ глазами на Смолокурова. — Я съ Дуняшей поѣду.

— Какъ? — удивился и съ досадой промолвилъ Марко Данилычъ. — А домъ-отъ какъ же?.. Хозяйство-то?.. Домъ-отъ тогда на кого я покину?

— Марко Данилычъ, — пристально глядя на него, сказала Дарья Сергѣвна. — Развѣ вамъ неизвѣстно, что живу я у васъ не ради хозяйства, а для Дунюшки?.. Клятву дала я Оленушкѣ Петровнѣ, на смертномъ одрѣ ея, обѣщалась ей замѣсто матери Дунюшкѣ быть — и то обѣщанье, передъ Творцомъ Создателемъ данное, сколько Господь мочь даетъ, исполняю... А насчетъ вашего хозяйства покойница мнѣ ничего не говорила, и я слова ей въ томъ не давала... При Дунюшкѣ до ея возраста останусь, гдѣ-бъ она ни жила, — конечно, ежели это вашей родительской волѣ будетъ угодно, — а отвезете ее, въ дому у васъ я на одинъ день не останусь.

Повисла слеза на рѣсницѣ у Марка Данилыча, когда вспомнилась ему женина кончина. Грустно покачалъ онъ головою и съ легкимъ укоромъ промолвилъ:

— А не просила развѣ она васъ, умираючи, чтобъ и меня не оставили вы своимъ совѣтомъ да заботами?.. Помните-ка?.. Не говорила развѣ того вамъ покойница?

— Говорила, — потупляя глаза и слегка вспыхнувъ, отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Но вѣдь вы и того, думаю я, не забыли, послѣ какихъ уговоровъ, послѣ какого отъ меня отказа про то она говорила?

Смолкъ Марко Данилычъ, нахмурилъ брови и почесалъ въ затылкѣ.

— Все-таки однакожъ... — началъ-было онъ, но не зналъ, что̀ дальше сказать.

Подумавъ недолгое время, онъ молвилъ:

— Вы у меня въ дому все едино, что̀ братня жена, невѣстка то-есть. Такъ и смотрю я на васъ, Дарья Сергѣвна... Вы со мной да съ Дуней — одна семья.

— А люди какъ на̀ это посмотрятъ, Марко Данилычъ? — строго взглянувъ на него, взволнованнымъ голосомъ тихо возразила Дарья Сергѣвна. — Ежели я, отпустивши въ чужіе люди Дунюшку, въ вашемъ домѣ хозяйкой останусь, на что это будетъ похоже?.. Что̀ скажутъ?.. Подумайте-ка объ этомъ.

— Чего сказать? Никто ничего не посмѣетъ сказать, — рѣзко и мрачно отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Не говорите... — съ горячностью сказала Дарья Сергѣвна. — Можетъ, и теперь ужъ не знай чего на меня ни плетутъ!.. А тогда что̀ будетъ? Пожалѣйте хоть маленько и меня, Марко Данилычъ.

— Кто смѣетъ сказать про васъ что-нибудь нехорошее?..— воскликнулъ Марко Данилычъ и, быстро вскочивъ съ дивана, зашагалъ по горницѣ крупными шагами. — Головы на плечахъ не унесетъ, кто посмѣетъ сказать нехорошее слово!..

— Перестанемъ говорить о томъ, — спокойно промолвила Дарья Сергѣвна. — Отъ басенъ да отъ сплетенъ никому не уйти, заказу на нихъ положить невозможно. Послѣднее мое вамъ слово: будетъ Дунюшка жить въ обители, и я съ ней буду, исполню завѣтъ Оленушкинъ; не захотите, чтобъ я была при ней, дня въ дому̀ у васъ не останусь... Христовымъ именемъ стану кормиться, а не останусь... А если приметъ меня матушка Манееа, къ ней въ обитель уйду, иночество надѣну, ангельскій образъ приму и тѣмъ буду утѣшаться, что хоть издали иной разъ погляжу на мою голубоньку, на сокровище мое безцѣнное.

И, закрывъ руками лицо, зарыдала. Марко Данилычъ продолжалъ насупясь и молча ходить по горницѣ.

— Эхъ, Дарья Сергѣвна, Дарья Сергѣвна! — горько онъ вымолвилъ. — Богъ съ вами!.. Не того я ждалъ, не то думалъ... Ну, да ужъ если такъ — ваша воля... Дуню въ такомъ разѣ ужъ вы не оставьте.

— Мое дѣло сторона, — вмѣшалась при этомъ Макрина. — А по моему разсужденью было бы очень хорошо, если-бъ и при Дунюшкѣ въ обители Дарья Сергѣвна жила. Разскажу вамъ, что̀ у насъ въ Комаровѣ однажды случилось, не у насъ въ обители, — у насъ на этотъ счетъ оборони Господи, — а въ сосѣдней въ одной.

И пошла разсказывать ни такъ ни сякъ не подходящее къ дѣлу. Ей только надо было отвести въ сторону мысли Смолокурова; только для того и рѣчь повела... И отвела... Мастерица была на такіе отвороты.

Дёнъ пять прошло послѣ тѣхъ разговоровъ. Про отправленье Дунюшки на выучку и помина нѣтъ. Мать Макрина каждый разъ заминаетъ разговоръ о томъ, если зачнетъ его Марко Данилычъ, то же дѣлала и Дарья Сергѣвна. Иначе нельзя было укрѣпить его въ намѣреньи, а то, пожалуй, какъ разъ найдетъ на него какое-нибудь подозрѣнье. Тогда ужъ ничѣмъ не возьмешь.

Разъ при Макринѣ и при Дарьѣ Сергѣвнѣ посадилъ Марко Данилычъ Дуню къ себѣ на колѣни и, лаская ее, молвилъ:

— Хочешь, Дунюшка, учиться уму-разуму?

— Хочу, тятя, — весело улыбаясь синенькими глазками, отвѣчала дѣвочка.

— Отдамъ я тебя матушкѣ Макринѣ, увезетъ она тебя къ себѣ домой и тамъ всему хорошему тебя научитъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Поѣдешь съ матушкой Макриной?

На минутку Дуня задумалась. И быстро, вскинувъ головой, блеснула на отца взорами и спросила:

— А тетя Даша поѣдетъ?

— Нѣтъ, не поѣдетъ, — молвилъ Смолокуровъ.

— Такъ и я не поѣду, — отвѣтила дѣвочка.

— И учиться не станешь?

— И учиться безъ тети не стану, — рѣшительнѣй прежняго молвила Дуня.

— А если мать Макрина безъ тети тебя увезетъ?

— Убѣгу.

— А поймаютъ?

— Тогда умру. Какъ мама померла, такъ и я помру, — сказала Дунюшка, и такъ спокойно, такъ увѣренно, какъ будто говорила, что вотъ посидитъ-посидитъ съ отцомъ да и побѣжитъ глядѣть, какъ въ огородѣ работницы гряды копаютъ.

Заискрились взоры у Марка Данилыча, и молча вышелъ онъ изъ горницы. Торопливо надѣвъ картузъ, пошелъ на городской бульваръ, вытянутый вдоль кручи, подымавшейся надъ Окою. Медленнымъ шагомъ, понуривъ голову, долго ходилъ онъ между тощихъ, нераспустившихся липокъ.

Рѣка была въ полномъ разливѣ, верстъ за семь затопило луга, полои *) и кустарники лѣваго берега. Попутнымъ вѣт-

---

*) Низменное мѣсто, затопляемое весною.

ромъ внизъ по рѣкѣ бѣжалъ моршанскій хлѣбный караванъ; стройно неслись гусянки и барки, широко раскинувъ полотняные бѣлые паруса̀ и то̀псели, слышались съ судовъ громкія пѣсни бурлаковъ, не тѣ, что̀ поются надорванными ихъ голосами про дубину, когда рабочій людъ, напирая изо всей мочи грудью на лямки, тяжело ступаетъ густо облѣпленными глиной ногами по скользкому бечевнику и едва-едва тянетъ подачу. Ша̀мра *) бѣжитъ въ одну сторону съ судами, «святой воздухъ» **) дополна̀ выдуваетъ «апостольскую скатерть» ***), и довольные попутнымъ вѣтромъ бурлаки, разметавшись по палубѣ на солнышкѣ, весело распѣваютъ про старыя казацкія времена, про поволжскую вольную вольницу. Громко раздается въ свѣжемъ воздухѣ уда̀лая пѣсня:

Разыгралася, разгулялася Сура рѣка —
Она устьицемъ пала въ Волгу матушку.
На томъ устьицѣ на Сурскомъ частъ ракитовъ кустъ,
А у кустика ракитова бѣлъ горючъ камень лежитъ,
Кругомъ камешка того добрые молодцы сидятъ,
А сидятъ они, думу думаютъ на дуванѣ,
Кому-то изъ молодцовъ что̀ достанется на долю...

На другой гусянкѣ разда̀лся дружный, громкій хохотъ — какой-то бурлакъ, взявъ за обору истоптанный лапоть и размахивая имъ, представляетъ попа съ кадиломъ, шуткой отпѣвая мертвецки пьянаго товарища ровно покойника — а бурлаки заливаются веселымъ смѣхомъ... А на третьей гусянкѣ неистовый вопль слышится: «Батюшки, буду глядѣть!.. Отцы родные, буду доваривать!.. Батюшки бурлаченьки, помилуйте!.. Родимые, помилуйте!» То бурлацкая артель самосудомъ расправляется съ излюбленнымъ кашеваромъ за то, что подалъ на ужинъ не проваренную, какъ слѣдуетъ, пшенную кашу...

По лону рѣки мелькаютъ лодочки рыбныхъ ловцовъ, вдали изъ-за колѣна рѣки выбѣгаетъ черными клубами дымящійся пароходъ, а клонящееся къ закату солнце горитъ въ высокомъ небосклонѣ, осыпая золотыми искрами рѣчную шамру; ширятся въ воздухѣ и сверкаютъ подъ лучами небеснаго свѣтила бѣлоснѣжные паруса и то̀псели, вдали по красноватымъ отвѣснымъ горамъ праваго берега выдѣляются обнаженные, ровно серебряные слои алебастра, синѣютъ на вѣнцѣ горъ дубовыя рощи, зеленѣетъ орѣшникъ, густо поросшій по отлогимъ откосамъ. Ничего не видитъ, ничего не слышитъ Марко

*) Рябь на водѣ во время ровнаго, не очень сильнаго вѣтра.
**) Такъ бурлаки зовутъ попутный вѣтеръ.
***) Такъ бурлаки зовутъ надутый вѣтромъ парусъ.

Данилычъ, ходитъ взадъ и впередъ по бульвару, одно на мысляхъ: «приходится съ Дуней разстаться!».

До глубокихъ сумерекъ проходилъ онъ вдоль кручи. Воротясь домой, весь ужинъ промолчалъ, а передъ отходомъ ко сну молвилъ Дарьѣ Сергѣвнѣ да матери Макринѣ:

— Рѣшилъ я. Стану просить мать Манеѳу, приняла бы къ себѣ Дуню... А вы ужъ ее не оставьте, Дарья Сергѣвна, поживите съ ней, покамѣстъ будетъ она въ обученьи. Она-жъ и привыкла къ вамъ... Обидно даже немножко — любитъ она васъ чуть ли не крѣпче, чѣмъ родного отца.

Радостно блеснули взоры Дарьи Сергѣвны, но она постаралась подавить радость, скрыть ее отъ Марка Данилыча, не показалась бы она ему обидною. «Тому, дескать, рада, что хозяйство покидаетъ, и домъ бросаетъ Богъ знаетъ на чьи руки».

Макрина еще больше, чѣмъ Дарья Сергѣвна, рада была рѣшенью Марка Данилыча. «Большое спасибо скажетъ мнѣ мать игуменья, что сумѣла я уговорить такого богатея отдать въ обитель свою единственную дочку»,—такъ думала довольная успѣхомъ своимъ уставщица. Перечисляетъ въ мысляхъ, сколько денегъ, сколько подарковъ получитъ обитель отъ новаго «благодѣтеля», а ужъ насчетъ запасовъ, особенно рыбныхъ, нечего и думать — завалитъ Смолокуровъ обительскіе погреба, хоть торгъ заводи: всю рыбу никакъ тогда не пріѣсть. Но этого мало показалось ревностной до обительскихъ выгодъ уставщицѣ, вздумалось ей еще поживиться насчетъ Марка Данилыча.

— О вашемъ рѣшеньи надо скорѣй отписать къ матушкѣ,— обратилась она къ нему. — Вы какъ располагаете дочку-то къ намъ привезти?

— Да ужъ лѣто-то пущай ее погуляетъ, пущай поживетъ со мной... Ради ея и на Низъ не поѣду — побуду останное время съ Дунюшкой, нагляжусь на нее, голубушку, — сказалъ Смолокуровъ.

— Значитъ, по осени? — молвила Макрина.

— Да, послѣ Макарья — въ сентябрѣ, что ли, — отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Такъ я и отпишу къ матушкѣ, — молвила Макрина. — Приготовилась бы принять дорогую гостейку. Только вотъ что̀ меня сокрушаетъ, Марко Данилычъ. Жить-то у насъ гдѣ будетъ ваша Дунюшка? Келій-то такихъ нѣтъ. Сказывала я вамъ намедни, что въ игуменьиной «стаѣ» тѣсновато будетъ ей, а въ другихъ кельяхъ еще тѣснѣе, да и не понравится вамъ — не больно приборно... А она, голубушка, вонъ къ ка-

кимъ хоромамъ пріобыкла... Больно ужъ ей у насъ послѣ такого приволья не покажется.

— Какъ же тому пособить? — сказалъ Марко Данилычъ и задумался.

— Ужъ я не знаю, какъ сдѣлать это, Марко Данилычъ, ума не приложу, благодѣтель, не придумаю, — отвѣчала на то хитрая Макрина. — Отписать развѣ матушкѣ, чтобы къ осени нову «стаю» келій поставила... Будетъ ли ея на то согласье, сказать не могу, не знаю.

— А мѣсто, гдѣ построиться, есть въ обители? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Мѣста за глаза, на двадцать, а пожалуй, и на тридцать стай достанетъ,—сказала Макрина.

— Такъ за чѣмъ дѣло стало?—молвилъ Марко Данилычъ.— Отпишите матушкѣ, отвела бы мѣстечко поближе къ себѣ, а я на томъ мѣстѣ домикъ выстрою Дунюшкѣ... До осени поспѣемъ и построить и всѣмъ пріукрасить его.

— Развѣ что такъ, — молвила Макрина. — Не знаю только, какое будетъ на то рѣшенье матушки. Завтра же напишу ей.

— Да, ужъ, пожалуйста, поскорѣе напишите, матушка, — торопилъ ее Марко Данилычъ. — Завтра же кстати день-отъ почтовый, можно будетъ письмо отослать.

— Сегодня-жъ изготовлю, — молвила Макрина и, простясь съ Маркомъ Данилычемъ, предовольная пошла въ свою горницу. «Ладно дѣльцо обдѣлалось,—думала она.—Послѣ выучки домъ-отъ намъ достанется. А онъ золотая киса, домикъ хорошій поставитъ; приберетъ на богатую руку, всѣмъ разукраситъ, души вѣдь не чаетъ онъ въ дочкѣ... Скажетъ матушка спасибо, поблагодаритъ меня за пользу святой обители».

Недѣли черезъ полторы получила Макрина отвѣтъ отъ игуменьи. Съ великой охотой брала Манеѳа Дуню въ обученье и обѣщалась для ея домика отвести мѣсто возлѣ своихъ келій. Насчетъ лѣсу писала, что по сосѣдству отъ Комарова, верстахъ въ пяти, въ одной деревнѣ у мужичка его запасено довольно, можно по сходной цѣнѣ купить, а лѣсъ хорошій, сосновый, крупный, вылежался хорошо — сухой. Одно только не знаетъ она, какъ строить домикъ... Галки, что̀ пришли на Кѐрженецъ плотничать, теперь всѣ при мѣстахъ, подряженной работы будетъ имъ вплоть до осени; а иныхъ плотниковъ пріискать теперь и за дорогую плату никакъ невозможно.

— Не матушкина бѣда, справимся безъ нея, — молвилъ Марко Данилычъ, когда Макрина прочитала ему Манеѳино письмо. — Плотниковъ я пошлю въ Комаровъ. Отписать только надо, чтобы тотъ лѣсъ, коли хорошъ то̀тчасъ бы купили и на

мѣсто перевезли. Что̀ будетъ стоить — сочтемся, завтра же пошлю рублевъ съ тысячу впредь до расчета. Зачинала бы только матушка дѣло скорѣй. Надо домъ ставить пятистѣнный,—немного помолчавъ, промолвилъ Марко Данилычъ.—Въ передней три либо четыре горницы для Дунюшки да для Дарьи Сергѣевны, въ задней работницѣ горенку да стряпущую.

— Стряпущую-то, пожалуй, и не надо, — молвила Макрина: — кушанье будетъ имъ отъ обители, изъ матушкиной кельи станутъ приносить, а не то, если въ угоду, съ чапуринскими дѣвицами станетъ обѣдать и ужинать. Поваднѣе такъ-то будетъ, онѣ-жъ ей погодки *), ровесницы — подругами будутъ.

— Этого, матушка, нельзя, — возразилъ Смолокуровъ. — Вѣдь у васъ ни говядинки ни курочки не полагается, а на рыбѣ на одной Дунюшку держать я не стану. Она вѣдь мірская, иночества ей на себя не вздѣвать — зачѣмъ же отвыкать ей отъ мясного? Въ положенные дни пущай ее мясное кушаетъ на здоровье... Какъ это у васъ? Дозволяется?

— Конечно, дозволяется, Марко Данилычъ, — поспѣшила отвѣтить Макрина. — И Чапурински дѣвицы безъ курочки аль безъ гуська за обѣдъ въ скоромные дни не садятся. Особо готовятъ имъ въ матушкиной стряпущей. Вотъ насчетъ говядины али свинины, насчетъ значитъ, всякаго — этого до сей поры у насъ не водилось... Потому, знаете, живемъ на виду, отъ недобрыхъ людей клеветы могутъ пойти по̀ міру — говядину, дескать, ѣдятъ у Манеоиныхъ, скоромничаютъ. Ради соблазна не допущается... Да ваша дочка ина статья — матушка Манеѳа разрѣшитъ ей на всеядeніе... Можно будетъ когда и говядинки.

— Ладно, хорошо, — молвилъ Марко Данилычъ. — А вотъ еще, чай-отъ, я знаю, у васъ пьютъ, а какъ насчетъ кофею? Дунюшка у меня кофей полюбила.

— Такъ что̀ же? — спросила Макрина.

— Да вѣдь кто пьетъ кофей, тотъ ковъ на Христа строитъ, — усмѣхнулся Марко Данилычъ. — Такъ, что ли, у васъ говорится?

— Полноте, Марко Данилычъ!.. Никогда отъ насъ этого вы не услышите, — возразила Макрина. — Всякъ злакъ на службу человѣкомъ, сказано...

— А табакъ?.. Вѣдь тоже злакъ?.. — прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ уставщицу Марко Данилычъ.

— А что̀ же табакъ? — сказала она. — И табакъ на пользу

*) Одного возраста.

человѣкомъ. Ломота случится въ ногахъ — ничѣмъ, какъ табакомъ, лучше не пользуетъ. Обложи табачнымъ листòмъ больну ногу, облегченье получишь немалое... Опять же мухъ изводить чего лучше какъ табакомъ? Червякъ вредный на овощь нападетъ, настой табаку да спрысни — какъ рукой сниметъ... Вотъ курить да нюхать — грѣхъ, потому что противу естества... Естествомъ и Божьимъ закономъ носу питанія не положено, такожде и дымомъ питанія не положено, а на полезную потребу отчего-жъ табакъ не употреблять — Божье созданіе, все едино, какъ и другія травы и злаки.

— А насчетъ картофелю какъ? — спросилъ Смолокуровъ. — У меня Дунюшка большая до него охотница.

— Это гулена-то, гульба-то *), — молвила Макрина. — Да у насъ по всѣмъ обителямъ на общу трáпезу ее поставляютъ. Вкушать ее ни за малый грѣхъ не поставляемъ, все едино что морковь, аль свекла, плодъ даетъ въ землѣ, во своемъ корню. У насъ у самихъ на огородахъ садятъ гулену-то. По другимъ обителямъ больше съ торгу ее покупаютъ, а у насъ садятъ.

— Ладно, хорошо, — довольнымъ голосомъ сказалъ Марко Данилычъ. — А какъ насчетъ служебъ?.. Которы дѣвицы у васъ обучаются, въ часовню-то ходятъ ли?

— Какъ же не ходить? Ходятъ, безъ того нельзя, — отвѣтила Макрина.

Марко Данилычъ поморщился.

— Неужто за всѣ службы? — спросилъ онъ. — Вѣдь у васъ онѣ долгія, опять же къ утренѣ подымаютъ у васъ ранымъ-ранехонько...

— Зачѣмъ же живущимъ дѣвицамъ за всякую службу ходить? Не инокини онѣ, не пѣвчи бѣлицы, — сказала Макрина.

— По воскресеньямъ бы часы только стояла, а къ утренѣ ходила бы развѣ только на большіе праздники — а то ее отнюдь не неволить: ребенокъ еще, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Такъ у насъ и дѣлается, Марко Данилычъ, такъ у насъ и водится, — сказала Макрина. — Вотъ чапуринскія — вздумаютъ, пойдутъ въ часовню, не вздумаютъ — въ кельѣ сидятъ, — никто не неволитъ ихъ.

— А насчетъ одежи? — спросилъ Смолокуровъ. — Неужели Дунюшкѣ черное вздѣть на себя?

— Зачѣмъ же это, Марко Данилычъ?.. Чтò она за инокиня? У насъ и бѣлицы, какъ сами видите, цвѣтны передники да цвѣтны платочки носятъ на головахъ. А вашей дочкѣ

*) Такъ зовутъ за Волгой картофель.

и сарафанчики цвѣтные можно пошить. Одного только для живущихъ дѣвицъ у насъ не полагается — платьица бы нѣмецкимъ покроемъ не шили да головку бы завсегда покровенну имѣли, хоть бы маленькимъ платочкомъ повязывались, потому что такъ по писанію. Апостолъ-то Павелъ женскому полу повелѣлъ главу покровенну имѣти... А косы съ лентами— можно. Еще перстеньковъ да колечекъ на перстикахъ не носить. На этотъ счетъ у насъ строго.

— Если все такъ, такъ по мнѣ ничего, — молвилъ Марко Данилычъ. — А какъ насчетъ обученья? Это и для Дуни и для меня самое первое дѣло.

— Насчетъ обученья вотъ какъ у насъ дѣло пойдетъ, — сказала Макрина. — Конечно, никто бы такъ не обучилъ Дунюшку, какъ если бы сама матушка взялась за нее, потому что учительнѣе нашей матушки по всему Кѐрженцу нѣтъ, да и по другимъ мѣстамъ нашего благочестія єдва ли гдѣ такая сыщется. Однакожъ самой матушкѣ тѣмъ дѣломъ обязать себя никакъ невозможно. И немощна бываетъ и заботъ да хлопотъ много — обителью-то править вѣдь не легкое дѣло, Марко Данилычъ. Опять же переписка у нея большая и все... Невозможно, никакъ невозможно. Чапуринскіи дѣвицы родныя племянницы ей по плоти, кажись бы, и своя кровь,—и отъ нихъ отступилась, сердечная, мнѣ препоручила ихъ обучать... Конечно, подъ ея надзоромъ и руководительствомъ обучаю... Рукодѣліямъ старшія дѣвицы обучатъ Дуню, а самое-то нужное, самое-то главное обученье отъ самой матушки пойдетъ. Каждый Божій день дѣвицы вечеромъ чай кушать къ ней собираются, и тутъ она поучаетъ ихъ, какъ надо жить по добру да по правдѣ, по евангельскимъ, значитъ, заповѣдямъ да по уставамъ преподобныхъ отецъ... Таково учительно говоритъ она съ ними, Марко Данилычъ, что не токма молодымъ дѣвицамъ, и намъ, старымъ инокинямъ, очень пользительно отъ души послушать ея наставленій... И все такъ кротко да любовно, поучительно... Для выучки, коли я въ угоду вамъ буду, такъ я, а не то и опричь меня другія старицы найдутся... Божественнымъ книгамъ обучимъ, и гражданской грамотѣ, и писать, и всему, что слѣдуетъ хорошей дѣвицѣ. Въ этомъ, сударь, будьте спокойны.

— Да вы, пожалуй, на черницкую стать обучите ее? — молвилъ Марко Данилычъ. — Запугаете... Вонъ у насъ мастерица есть Терентьиха: у той все турлы-мурлы, да антихристъ, да вся супротивная сила.

— Какъ это возможно, Марко Данилычъ? — возразила Макрина. — Не въ инокини Дунюшку готовить станемъ за-

чѣмъ же ее на черницкую стать обучать? Носила бы только въ сердцѣ страхъ Божій да опасно хранила бы себя отъ мірскихъ соблазновъ... Къ родителю была бы почтительна, любовь бы имѣла къ вамъ нелицемѣрную, повиновалась бы вамъ во Бозѣ во всемъ, старость бы вашу, когда ее достигнете, чтила, немощь бы вашу и всякую скорбь отъ всея души понесла-бъ на себѣ. Душевную бы чистоту хранила и безстрастіе тѣлесное, отъ злыхъ бы и плотскихъ отлучалась, стыдѣніемъ бы себя украшала, въ нечистыхъ бесѣдахъ не бесѣдовала, а пошлетъ Господь судьбу — дѣлала бы супругу все ко благожитію, чадъ воспитала бы во благочестіи, о домѣ пеклась бы всячески, простирала бы руцѣ своя на вся полезная, милость бы простирала къ бѣдному и убогому и тѣмъ возвеселила бы дни своего сожителя и лѣта бы его миромъ исполнила... Вотъ чему у насъ мірскихъ дѣвицъ обучаютъ.

— Это все добрѐ, все хорошо, все по-Божьему, — молвилъ Марко Данилычъ. — Насчетъ родителя-то больше твердите, чтобъ во всемъ почитала его. Она у меня дѣвочка смышленая, притомъ же мягкосердная — вся въ мать-покойницу... Обучите ее, воспитайте мою голубоньку — сторицею воздамъ, ничего не пожалѣю. Доброту-то ея, доброту сохраните, въ мать бы была... Охъ, не знала ты, мать Макрина, моей Олёнушки!.. Ангелъ Божій во плоти!.. Дунюшка-то вся въ нее, сохраните же ее, соблюдите!.. По гробъ жизни благодаренъ останусь.

По лѣту Дунюшкѣ домикъ въ Манееиной обители поставили и, какъ надо, по-богатому отдѣлали его. Отъ Макарья Марко Данилычъ на убранство его всего навезъ; и обоевъ, и зеркалъ, и столовъ, и стульевъ, а все краснаго да орѣховаго дерева, посуды мѣдной, хрустальной, фарфоровой и всякой всячины для домашняго обихода накуплено было множество. Все было хорошее, цѣнное. Поварчивала мать Манееа на Смолокурова, зачѣмъ, дескать, столь дорогія вещи закупаетъ, но Марко Данилычъ отвѣчалъ: — «Нельзя же Дуню кой-какъ устроить, всѣмъ вѣдомы мои достатки, всѣ знаютъ, что она у меня одна единственная дочь, недобрые, позорные слухи могутъ разнестись про меня по купечеству, ежель на дочь поскуплюсь я. Аредъ, скажутъ, этакій, родной дочери денегъ пожалѣлъ, устроилъ въ скиту ее ровно сироту безприданную. Такіе слухи, матушка, могутъ мнѣ и кредитъ подорвать... Ужъ нѣтъ, я лучше все широкой рукой справлю, чего и не надо, пусть будетъ надобно... Не перечьте вы мнѣ, Христа ради, отучится Дуня, вамъ же все останется, не

везти же мнѣ тогда добро изъ обители...» И на то поворчала Манеѳа, хоть и держала на умѣ: «подай-ка, Господи, побольше такихъ благодѣтелей...» И сдержалъ свое обѣщанье Марко Данилычъ: когда взялъ обученную дочку изъ обители— все покинулъ матери Манеѳѣ съ сестрами. Тогда Манеѳа посуду и всякое убранство къ себѣ забрала, Фленушкины горницы скрасила, а иное что̀ и къ себѣ въ келью взяла, домикъ отдала на житье матери Макринѣ за ея усердіе. И когда года черезъ полтора Макрина померла, Манеѳа передала тотъ домикъ матери Таифѣ, казначеѣ обительской.

Передъ Вздвиженьемъ поселилась въ своемъ новенькомъ домикѣ маленькая хозяйка съ «тетей» Дарьей Сергѣвной. На новоселье самъ Марко Данилычъ привезъ ихъ и больше двухъ недѣль прогостилъ въ обители — все-то жалко было ему разставаться съ Дунюшкой... Глядѣлъ сумрачно, невесело, мало съ кѣмъ говорилъ, тяжкая кручина одолѣвала сердце его. Пришла наконецъ пора разставанья, насилу оторвался Марко Данилычъ отъ дочки, а уѣхавши, миновалъ свой городъ и съ послѣднимъ пароходомъ сплылъ въ Астрахань, не глядѣть бы только на опустѣлый безъ Дунюшки домъ. И всю осень, всю зиму до самой весны провелъ онъ на чужой сторонѣ.

Всѣ обительскія полюбили Дуню Смолокурову, всѣ, отъ матушки Манеѳы до послѣдней трудницы. А полюбили ее не только въ чаяніи богатыхъ подарковъ отъ Марка Данилыча, а за то больше, что Дуня была такая добрая, такая умница, такая до всѣхъ ласковая. Мать Макрина по книгамъ учила ее, иногда Таифа мѣсто ея заступала, надосугѣ и сама Манеѳа поучала дѣвочку, какъ жить по-доброму да по-хорошему... Рукодѣльнымъ работамъ Фленушка съ Марьюшкой обучали Дуню, на ряду съ чапуринскими дѣвицами: то у нея въ горницахъ собирались, то въ горницахъ Фленушки. Дарья Сергѣвна на шагъ не отпускала отъ себя Дуни — въ часовнѣ ли, на гулянкахъ ли, на ученьи ли—не отойдетъ, бывало, отъ нея. Никто изъ дѣвицъ, сама даже Фленушка, не смѣли при ней лишнихъ словъ говорить, оттого, выросши въ обители, Дуня многаго не знала, о чемъ узнали дочери Патапа Максимыча. Ни соловьевъ въ перелѣсокъ слушать вмѣстѣ съ пріѣзжими купчиками не хаживала, ни разговоровъ нескромныхъ не слыхивала, ни проказъ дѣвичьихъ не видывала. Ходила гулять и въ лѣсокъ и на Каменный Вражекъ, но вмѣстѣ съ Дарьей Сергѣвной, каждый почти разъ сама Манеѳа ходила съ Дуней погулять. Здоровьемъ тогда еще богата была мать игуменья. Изо всѣхъ дѣвицъ Дуня

больше свыкалась съ Груней, богоданной дочкой Чапурина. И хоть та лѣтъ на пять была постарше ея, но дружба завязалась между ними неразрывная. Дарья Сергѣвна тому не препятствовала, видя, какъ скромна, какъ добра, чиста и въ мысляхъ своихъ непорочна тихая, нѣжная, всегда немножко грустная, всегда къ чуждому горю чуткая богоданная дочка Патапа Максимыча. Груня имѣла большое вліяніе на подраставшую дѣвочку, ее да Дарью Сергѣвну надо было Дунѣ благодарить за то, что, проживши семь лѣтъ въ Манеѳиной обители, она всецѣло сохранила чистоту душевныхъ помысловъ и внѣдрила въ сердцѣ своемъ стремленье къ добру и правдѣ, неодолимое отвращенье ко всему лживому, злому, порочному.

Разъ по пяти, иной годъ и чаще наѣзжалъ въ Комаровъ Марко Данилычъ на дочку поглядѣть и каждый разъ гащивалъ у нея недѣли по двѣ и по три. Строя домикъ, нарочно сбоку прирубилъ онъ двѣ небольшія для своего пріѣзда горенки. Каждый пріѣздъ Смолокурова праздникомъ бывалъ не для одной Манеѳиной обители, но для всего скита Комаровскаго. Навезетъ, бывало, онъ Дунѣ всякихъ гостинцевъ, а какъ побольше выросла, цѣлыми кусками ситцевъ, холстинокъ, платковъ, синихъ кумачей на сарафаны, и все это Дуня, бывало, ото всѣхъ потихоньку, раздастъ по обителямъ и «сиротамъ», да кромѣ того самымъ бѣднымъ изъ нихъ выпроситъ денегъ у отца на раздачу... Марко Данилычъ самъ никому ничего не давалъ, опричь рыбныхъ и разныхъ другихъ запасовъ, что̀ присылалъ къ матушкѣ Манеѳѣ. Дуня всѣмъ раздавала, отъ Дуни всѣ подарки шли; зато и блажили ее, ровно ангела небеснаго. За годъ до того, какъ Дунѣ домой подъ отеческій кровъ надо было возвратиться, еще новый домикъ въ Манеѳиной обители построился, а убранъ былъ и разукрашенъ, пожалуй, лучше Дунина домика — Марья Гавриловна жить въ Комаровъ изъ Москвы переѣхала. Марко Данилычъ съ богатой вдовой познакомился, просилъ ее не оставить Дунюшку. Ото всей души Марья Гавриловна полюбила дѣвочку, чуть не каждый день проводила съ нею по нѣскольку часовъ; отъ Марьи Гавриловны научилась Дуня тому обращенію, какое по хорошимъ купеческимъ домамъ водится.

Глава четвертая.

Семь лѣтъ выжила въ скиту Дуня и, когда воротилась въ родительскій домъ, не узнала его. Поджидая дочку и зная, что года черезъ два, черезъ три женихи станутъ свататься,

Марко Данилычъ весь домъ передѣлалъ и убралъ его съ невиданной въ томъ городкѣ роскошью — хоть въ самой Москвѣ любому милліонщику такой завести. Но кромѣ отдѣланныхъ подъ мраморъ стѣнъ залы, кромѣ саженныхъ зеркалъ, штофныхъ занавѣсей, бронзы и мелкоштучнаго паркета, еще одна новость появилась въ домѣ Смолокурова. Живя въ мрачномъ одиночествѣ, Марко Данилычъ сталъ книги читать и помаленьку пристрастился къ нимъ. Сталъ собирать сначала только печатанныя при первыхъ пяти патріархахъ да старописьменныя, а потомъ и новыя, гражданскія. Когда воротилась Дуня и увидала шкапы со множествомъ книгъ, весело кивнула отцу миловидной головкой, когда онъ, указавъ ей на нихъ, сказалъ:—«Читай, Дунюшка, надосугѣ, тутъ есть чего почитать. Хоть ты теперь у меня и обученая, а все-таки храни старую нашу пословицу: «вѣкъ живи, вѣкъ учись».

Возвратясь на старое пепелище, довольна была и Дарья Сергѣвна. Въ семь лѣтъ злорѣчіе кумушекъ стихло и позабылось давно, теперь же, когда «Христовой невѣстѣ» стало ужъ подъ сорокъ и прежняя красота сошла съ лица, новыя сплетки заводить даже благородной вдовицѣ Ольгѣ Панфиловнѣ было не съ руки, пожалуй, еще никто не повѣритъ, пожалуй, еще насмѣется кто-нибудь въ глаза вѣстовщицѣ. А это было бы ей пуще всего. Попрежнему приняла на свои руки Дарья Сергѣвна хозяйство въ дому Марка Данилыча и по его просьбѣ стала понемногу и Дуню пріучать къ домоводству.

Жизнь у Смолокуровыхъ шла тихо, однообразно. Въ Манефиной обители если не живѣй, то гораздо шумнѣй и веселѣе было, чѣмъ въ полномъ роскоши и богатства домѣ Смолокурова. Тамъ у Дуни были дѣвицы-ровесницы, тамъ умная, добрая, привѣтливая Марья Гавриловна, ласковая Манефа, инокини, бѣлицы, всѣ надышаться не могли на Дунюшку, всѣ на рукахъ ее носили. Дома совсѣмъ не то: въ немногихъ купеческихъ семействахъ уѣзднаго городка ни одной дѣвушки не было, чтобъ подходила она къ Дунѣ по возрасту, изъ женщинъ рѣдкія даже грамотѣ знали, дворянскіе дома были для Дуни недоступны — въ то время не только дворяне, еще приказный даже людъ, уѣздные чиновники, смотрѣли свысока на купцовъ и никакъ не хотѣли ровнять себя даже съ тѣми, у кого оборотовъ бывало на сотни тысячъ. Съ мѣщанскими дѣвицами нельзя было водиться Дунѣ — очень вольны, сойдись съ ними, нехорошая слава пойдетъ... Все одна да одна, только и свѣту въ окошкѣ, что Дарья Сергѣвна. И вышло такъ, что, воротясь изъ монастыря, обѣ точно въ за-

творъ попали. Принялась Дуня за отцовскія книги. Старые, черные кожаные переплеты старинныхъ книгъ и въ обители пригляделись ей, принялась она за новыя, за мірскія. Путешествія, описанья разныхъ городовъ и странъ, сказанья о временахъ минувшихъ читала она и перечитывала. Другого рода книгъ не было въ шкапахъ Марка Данилыча, другія считалъ онъ либо «богоотводными», либо «потѣшными». Чтеніе книгъ раскрыло Дунѣ новый, невѣдомый дотолѣ міръ, цѣлые вечера, бывало, просиживала она надъ книгами, такъ что отецъ начиналъ ужъ немножко хмуриться на дочку, глазъ бы не попортила, либо сама, оборони Господи, не захворала.

Шестнадцати лѣтъ еще не было Дунѣ, когда воротилась она изъ обители, а досужія свахи тотчасъ одна за другой стали подъѣзжать къ Марку Данилычу — домъ богатый, невѣста одна дочь у отца, кому не охота Дунюшку въ жены себѣ взять. Сунулись-было свахи съ купеческими сыновьями изъ того городка, гдѣ жили Смолокуровы, но всѣмъ отказъ какъ шестъ былъ готовъ. Сына городского головы сватали — и тому тотъ же отвѣтъ.

Сынъ дворянскаго предводителя, часто гуляя по бульвару, подъ которымъ въ полугорѣ стоялъ домъ Смолокурова, частенько поглядывалъ въ подзорную трубку на Дуню, когда гуляла она по садику либо сидѣла на балконѣ съ книжкой въ рукахъ. Влюбился въ нее черезъ трубку... Не мудрое дѣло, — у его отца имѣнье на волоскѣ висѣло, а Дуня наслѣдница перваго богача по окрестности, милліонщика. Свахъ не засылали, самъ предводитель къ Марку Данилычу пріѣхалъ сынка посватать. Думалъ онъ, что Смолокуровъ вспрыгнетъ до потолка отъ радости, вышло не то: Марко Данилычъ наотрѣзъ отказалъ ему, говоря, что дочь у него еще молода, про жениховъ ей рано и думать, да если бы была и постарше, такъ онъ бы ее за дворянина не выдалъ, а только за своего брата купца, съ хорошимъ капиталомъ. Послѣ этого никто изъ помѣщиковъ не захотѣлъ вѣнчаться съ «мужичкой», хоть каждому хотѣлось породниться со Смолокуровымъ ради поправки обстоятельствъ. Стали свататься купцы-женихи изъ большихъ городовъ, изъ самой даже Москвы, но Марко Данилычъ всѣмъ говорилъ, что Дуня еще не перестарокъ, а родительскій домъ еще не надоѣлъ ей. Когда же минуло Дунѣ восьмнадцать лѣтъ, отецъ подарилъ ей обручальное колечко, примолвивъ, чтобъ она, когда придетъ время, выбирала жениха по мыслямъ, по своей волѣ, а онъ замужествомъ ее нудить никогда не станетъ. Говорено это было великимъ постомъ, а послѣ того Смолокуровъ ни разу вида не подавалъ,

намеку никакого не сдѣлалъ насчетъ этого, самъ же съ собой таку думу раздумывалъ: «Гдѣ-жъ въ нашемъ городѣ Дунѣ судьбу найти?.. Людей здѣсь не видать, да видѣть-то, признаться, некого, мало-мальски подходящихъ нѣтъ». Придумалъ свозить ее къ Макарью на ярмарку, а оттуда къ Ярославль на пароходѣ прокатиться, Москву послѣ того показать. А до тѣхъ поръ вздумалось ему свозить Дуню на Ветлугу, въ село Воскресенское, къ сроднику ея Лещову. Самъ-отъ каждый годъ онъ къ нему къ Нефедову дню на именины ѣзжалъ. У Лещовыхъ гостей было много, но Дуня никого даже не замѣтила, но, бывши съ отцомъ въ Петровъ день на старомъ своемъ пепелищѣ, въ обители матушки Манеѳы, казанскаго купчика Петра Степаныча Самоквасова маленько запримѣтила.

Къ первому Спасу Марко Данилычъ Дуню къ Макарью повезъ, поѣхала съ ними и Дарья Сергѣвна. Оптовый торгъ рыбой прямо съ судовъ ведутъ; потому и не было у Смолокурова въ ярманкѣ лавки ни своей ни наемной, каждый годъ живалъ онъ на которой-нибудь изъ баржей, каюты хорошія были въ баржахъ-то устроены. Но нельзя же Дуню на баржу везти, всякій непривычный человѣкъ за полверсты отъ рыбнаго каравана носъ затыкаетъ, ужъ нехорошо больно попахиваетъ. Помѣстились въ гостиницѣ, на городской сторонѣ, а не на ярманкѣ, тамъ ужъ очень шумно и безпокойно было.

Устроившись на квартирѣ, Марко Данилычъ поѣхалъ съ Дуней на ярманку. Какъ ни уговаривалъ онъ Дарью Сергѣвну ѣхать вмѣстѣ «подъ Главный Домъ», она не согласилась.

Обширное зданіе Главнаго Дома стоитъ въ самой серединѣ ярманки, подъ арками его устроены небольшія лавочки съ блестящими, бьющими въ глаза товарами. Тутъ до самыхъ невысокихъ, впрочемъ, сводовъ развѣшаны персидскіе ковры, закавказскія шелковыя ткани, роскошные бухарскіе халаты, кашмировыя шали, разложены екатеринбургскія работы изъ малахита, изъ топазовъ, аквамариновъ, аметистовъ, бронза, хрусталь, мраморныя изваянія. При яркомъ вечернемъ освѣщеньи все это горитъ, блеститъ, сверкаетъ и переливается радужными лучами. Въ срединѣ на дощатомъ возвышеньи музыка играетъ, кругомъ кипитъ разнообразная толпа. Тѣснятся тутъ и разряженныя въ пухъ и прахъ губернскія щеголихи, и дородные купцы съ золотыми медалями на шеѣ, и глубокомысленные земскіе дѣятели съ толстыми супругами подъ руку, и вертлявые, тоненькіе молодые чиновники судебнаго вѣдомства, и гордо посматривающіе вокругъ себя пѣхотные офицеры. Вотъ казанскіе татары въ шелковыхъ халатахъ,

съ золотыми тюбетейками на бритыхъ головахъ, важно похаживаютъ съ чернозубыми женами, прикрывшими бѣлыми флеровыми чадрами густо набѣленныя лица; вотъ длинносые армяне въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ патронташами на чекменяхъ *) и кинжалами на кожаныхъ съ серебряными насѣчками поясахъ; вотъ евреи въ засаленныхъ до-нельзя длиннополыхъ сюртукахъ, съ рѣзко очертанными, своеобразными обличьями: молча, какъ будто лѣниво похаживаютъ они, осторожно помахивая тоненькими тросточками; вотъ расхаживаютъ задумчивые, сдержанные англичане, и возлѣ нихъ трещатъ и громко хохочутъ французы съ наполеоновскими бородками; вотъ торжественно-тихо двигаются гладко выбритые, широколицые саратовскіе нѣмцы; и неподвижно стоятъ, разинувъ рты на невиданныя диковинки, деревенскія молодицы въ московскихъ ситцевыхъ сарафанахъ, съ разноцвѣтными шерстяными платками на головахъ... Разноязычный говоръ чуть не заглушаетъ музыку, когда не гремитъ она трескучими трубами, оглушающими литаврами и бьющими дробь барабанами... Ошеломили Дуню и шумъ, и блескъ, и пестрая, тѣсная толпа. Много людей, ни одного знакомаго лица, и тамъ и тутъ говорятъ непонятно, не по-русски, вездѣ суетливость, тревожность. Мутится у Дуни въ очахъ, сердце такъ и стучитъ, голова кружится, стало ей страшно; тихонько проситъ она отца удалиться отъ этого шума и гама. Но не слышитъ Марко Данилычъ дочернихъ рѣчей, встрѣтивъ знакомца, пустился съ нимъ въ разговоры про цѣны на икру да на сушь **).

Вдругъ передъ Дуней Петръ Степанычъ Самоквасовъ. Поздоровался онъ съ Смолокуровымъ. Марко Данилычъ радъ нечаянной встрѣчѣ. Кончивъ съ знакомцемъ разговоръ о судакѣ, заботливо сталъ онъ разспрашивать Самоквасова, давно ли онъ на ярманкѣ, откуда пріѣхалъ, и долго-ль останется у Макарья. Петръ Степанычъ почтительно и съ едва замѣтной радостью во взорѣ поклонился Дунѣ. Просіяла она, улыбнулась ясной, открытой улыбкой, потомъ вспыхнула и опустила синенькіе глазки. Замѣтилъ Петръ Степанычъ и улыбку и разлившійся по лицу румянецъ, и вдругъ стало ему съ чего-то весело. Но осторожно и сдержанно выражалъ онъ радость, вдругъ охватившую душу его. Нѣжно поглядывая на Дунюшку, разсказывалъ онъ Марку Данилычу, что пріѣхалъ ужъ съ недѣлю и пробудетъ на ярманкѣ до флаговъ ***), что онъ, послѣ того, какъ видѣлись на праздникѣ у Манеѳы, дома въ

*) Чекмень — короткій полукафтанъ съ перехватомъ.

**) Сушеная на солнцѣ рыба.

***) Спускъ ярмарочныхъ флаговъ 25-го августа.

Казани еще не бывалъ, что поѣхалъ тогда по дѣламъ въ Ярославль да въ Москву, тамъ вздумалось ему прокатиться по новой еще тогда желѣзной дорогѣ, сѣлъ, поѣхалъ, попалъ въ Петербургъ да тамъ и застрялъ на цѣлый мѣсяцъ.

— А вы давно ли здѣсь, Марко Данилычъ? — спросилъ Петръ Степанычъ, кончивъ разсказъ про свою петербургскую поѣздку.

— Съ сегодняшнимъ пароходомъ, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Ярманку дочкѣ хочу показать, — прибавилъ онъ, улыбаясь и съ любовью поглядѣвъ на Дуню.

— А вы еще никогда не бывали на ярманкѣ? Въ первый разъ? — спросилъ Самоквасовъ, быстро повернувъ голову и взглянувъ Дунѣ въ лицо.

— Въ первый разъ, — проговорила она и потупилась.

— Что-жъ, понравилась вамъ? — опять спросилъ Петръ Степанычъ, обливая взоромъ разгорѣвшееся личико дѣвушки.

— Шумно очень, — отвѣтила она.

— А вы не любите шума? — продолжалъ онъ спрашивать.

— Не люблю, — потупивъ глаза, сказала Дуня.

— Дѣло непривычное, — улыбаясь на дочь, молвилъ Марко Данилычъ. — Людей-то мало еще видала. Городъ нашъ махонькій да тихій, на улицахъ ни души, травой поросли онѣ. Гдѣ же Дунюшкѣ было людей видѣть?.. Да ничего, обглядится, попривыкнетъ маленько. Согрѣшить хочу, въ циркъ повезу, по театрамъ поѣдемъ.

— Нешто грѣхъ? — усмѣхнувшись, спросилъ Самоквасовъ.

— А нешто спасенье? — засмѣялся Смолокуровъ.

Разстались. На прощанье узнали другъ отъ друга, что остановились въ одной гостиницѣ.

— Значитъ, сосѣди, видѣться будемъ. Милости просимъ насъ посѣтить, чайку когда покушать, — съ теплымъ радушіемъ молвилъ Самоквасову Марко Данилычъ.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, — отозвался Петръ Степанычъ. Скромно, вѣжливо поклонился онъ сначала отцу, потомъ дочери, и скрылся въ толпѣ.

— Поѣдемъ, тятенька, домой, — сказала Дуня отцу тотчасъ по уходѣ Самоквасова.

— Рано еще, всего восьмой часъ, — молвилъ Марко Данилычъ. — Погуляемъ... Можетъ, еще кого изъ знакомыхъ повстрѣчаемъ.

— Что-то голову ломитъ... Съ дороги, должно-быть... — сказала Дуня.

— Какое съ дороги? — сказалъ Смолокуровъ. — Ѣхали недолго, шести часовъ не ѣхали, не трясло, не било, ни дождемъ

не мочило... Ты же все лежала на диванчикѣ — съ чего бы, кажись, головкѣ разболѣться?.. Не продуло-ль развѣ тебя, когда наверхъ ты выходила?

— Тепло была одѣта я, — отвѣтила Дуня.

— Это съ непривычки. Вишь народу-то что!.. А музыка-то? Не слыхивала такой? Почище нашего органа? А? Ничего, привыкай, приныкай, Дунюшка, не все же въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, придется и выпрыгнуть изъ родительскаго гнѣздышка!

Не отвѣтила Дуня, но крѣпко прижалась къ отцу. Въ то время толпа напирала, и прямо передъ Дуней сталъ высокій, чуть не въ косую сажень армянинъ... Устремилъ онъ на нее тупоумный, сладострастный взоръ и отъ восторга причмокивалъ даже губами. Дрогнула Дуня — слыхала она, что армяне у Макарья молоденькихъ дѣвушекъ крадутъ. Потому и прижалась къ отцу.

Протѣснился Марко Данилычъ въ сторону, сталъ у прилавка, гдѣ были разложены екатеринбургскія вещи.

— Выбирай, что по мысли придется, — сказалъ онъ, становясь рядомъ съ дочерью.

Продавецъ тотчасъ сталъ снимать съ полокъ замшевыя коробочки, сафьянныя укладочки, маленькіе ларчики и раскладывать ихъ передъ Дуней. Но блестящіе, играющіе разноцвѣтными лучами самоцвѣтные камни не занимали ее. Душно ей было, на просторъ хотѣлось, а восточный человѣкъ не отходитъ, какъ вкопаный сбоку прилавка стоитъ и не сводитъ жадныхъ глазъ съ Дуни, а тутъ еще какой-то офицеръ съ наглымъ видомъ уставился глядѣть на нее. Робѣетъ Дуня, не глядитъ на разложенныя передъ ней вещи и почти сквозь слезы проситъ отца: — «Поѣдемъ домой, пожалуйста, поѣдемъ!». Согласился Смолокуровъ, поѣхали.

Когда воротились, Дарья Сергѣевна встревожилась, взглянувъ на названную племянницу... На себя была непохожа — лицо разгорѣлось, нижняя губа дрожала. Старалась Дуня успокоить «тетю», дѣлала надъ собой усиліе, чтобъ не выказать волненья, принужденно улыбалась, но волненье выступало на лицѣ, дрожащій блескъ вспыхивалъ въ синенькихъ глазкахъ, и невольная слезинка сверкала въ темныхъ, длинныхъ рѣсницахъ. Перепугался и Марко Данилычъ, никогда не видывалъ онъ Дуню такою, сама Дуня удивилась, взглянувъ на себя въ зеркало. Засуетились и отецъ и Дарья Сергѣевна... Несмотря на увѣренья Дуни, что никакой боли она не чувствуетъ, что только въ духотѣ у нея голова закружилась, Марко Данилычъ хотѣлъ-было за лѣкаремъ посылать,

но Дарья Сергѣвна уговорила оставить больную въ покоѣ до ўтра, а тамъ посмотрѣть, чтò надо будетъ дѣлать. Не очень жаловала она лѣкарей, не хотѣлось ей, чтобъ лѣчили они Дунюшку.

— Прохватило, должно-быть, на пароходѣ, — вполголоса говорилъ встревоженный Марко Данилычъ Дарьѣ Сергѣвнѣ, когда Дуня пошла раздѣваться. — Сиверко было, какъ она наверхъ-то выходила.

— Богъ милостивъ, пройдетъ, — успокоивала его сама неспокойная Дарья Сергѣвна. — Горяченькимъ нà ночь ее напою, горчичникъ приложу. Нельзя же иной разъ не прихворнуть.

— Охъ, боюсь я, Дарья Сергѣвна! Ну, какъ, сохрани Господи!.. Чтò тогда?.. — съ отчаяньемъ говорилъ Смолокуровъ, поникнувъ головой и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Полноте, Марко Данилычъ, ничего нè видя убивать себя. Какъ это не стыдно! А еще мужчина! — уговаривала его Дарья Сергѣвна. — На такомъ многолюдствѣ она еще не бывала, чтò мудренаго, что головка заболѣла? Богъ милостивъ! Вотъ развѣ чтò? — быстро сказала Дарья Сергѣвна.

— Чтò? — вдругъ остановясь и зорко глядя на нее, спросилъ Смолокуровъ.

— Не сглазилъ ли ее кто? Мудренаго тутъ нѣтъ. Народу много, а на нее, голубоньку, есть на что посмотрѣть, — молвила Дарья Сергѣвна. — Спрысну ее черезъ уголекъ — Богъ дастъ, полегчаетъ... Ложитесь со Христомъ, Марко Данилычъ; утро вечера мудренѣе... А я, чтò надо, сдѣлаю надъ ней.

Смолокуровъ вошелъ въ комнату дочери проститься на сонъ грядущій. Какъ ни увѣряла его Дуня, что ей лучше, что головка у ней больше не болитъ, что совсѣмъ она успокоилась, — не вѣрилъ онъ, и, когда прощаясь поцѣловалъ ее въ лобъ, крупная слеза канула на лицо Дуни.

— Тятенька! — воскликнула она. — Чтò ты?

— Ничего, ничего, моя дорогая, — подавляя волненье, сказалъ Смолокуровъ, потомъ, перекрестя дочь, быстро вышелъ изъ комнаты.

Оставшись съ Дуней, Дарья Сергѣвна раздѣла ее и уложила въ постель. Въ сосѣдней горницѣ съ молитвой налила она въ полоскательную чашку чистой воды нà уголь, на соль, на печинку *), — нарочно на всякій случай ее съ собой захватила, — взяла въ ротъ той воды и, войдя къ Дунѣ, невзначай спрыснула ее, а потомъ оставленною водой принялась умывать ей лицо, шопотомъ приговаривая:

*) Кусочекъ глины, выковыренный изъ связи печныхъ кирпичей.

— Отъ стрѣшнаго, поперечнаго, отъ лихого человѣка помилуй, Господи, рабу Свою Евдокею! Отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго человѣка, отъ рыжаго, отъ чермнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго, отъ сѣраго глаза, отъ каряго глаза, отъ синяго глаза, отъ чернаго глаза!.. Какъ заря-Аминтарія исходила и потухала, такъ бы изъ рабы Божьей Евдокеи всякіе недуги напущенные исходили и потухали! Какъ изъ булату, изъ синяго укладу каменемъ огнь выбиваетъ, такъ бы изъ рабы Божьей Евдокеи всѣ недуги и порчи вышибало и выбивало... Притка ты, притка, приткина мать, болѣсти, уроки, призоръ очесъ, подите отъ рабы Божьей Евдокеи во темные лѣса, на сухі̂ дерева, гдѣ народъ не ходитъ, гдѣ скотъ не бродитъ, гдѣ птица не летаетъ, гдѣ звѣрье не рыщетъ!.. Соломонида бабушка *) Христоправушка, Христа мыла, правила, намъ окатыши оставила!.. Запираю приговоръ тридевяти тремя замкàми, тридевяти тремя ключами... Слово мое крѣпко!.. Аминь.

И, взявъ чистую сорочку, подала ее Дунѣ утереться изнанкой.

Затѣмъ, надѣвъ чистую сорочку и напоивъ дѣвушку липовымъ цвѣтомъ съ малиной, укутала ее съ ногъ до головы и велѣла тотчàсъ глаза закрыть. Сама, не раздѣваясь, возлѣ Дуниной кровати прилегла на диванѣ.

Стихло въ гостиницѣ, лишь изрѣдка слышится гдѣ-то въ дальнихъ коридорахъ глухой топотъ по чугунному полу запоздавшаго постояльца, да либо зазвенитъ замòкъ отпираемой двери... Прошумѣло на улицѣ и тòтчасъ стихло, — то передъ разводкой моста черезъ Оку возвращались съ ярманки послѣдніе горожане... Тишина ничѣмъ не нарушается, развѣ гдѣ въ сосѣднихъ квартирахъ чуть слышно раздастся храпъ, либо кто-нибудь впросонкахъ промычитъ, пробормочетъ что-то и затѣмъ тотчасъ же стихнетъ.

На соборной колокольнѣ полночь пробило, пробило часъ, два... Дуня не спитъ... Сжавшись подъ одѣяломъ, лежитъ она недвижимо, боясь потревожить чуткій сонъ заботливой Дарьи Сергѣевны... Вспоминаетъ, чтò видѣла въ тотъ день. Въ первый разъ еще на пароходѣ она ѣхала, въ первый разъ и ярманку увидала. Видѣнное и слышанное одно за другимъ оживаетъ въ ея памяти.

---

*) Апокрифическая баба Соломея или Соломонида, будто бы принимавшая Христа при рождествѣ Его, упоминается въ апокрифическихъ евангеліяхъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ (напримѣръ, «Синаксарь»). У старообрядцевъ поминается она, когда даютъ молитву роженицамъ. Празднуютъ бабѣ Соломеѣ на другой день Рождества (26-го декабря), въ этотъ день варятъ кашу и угощаютъ бабушекъ повитухъ. Обычай этотъ называется «бабьи каши».

Вотъ раннее свѣжее утро, со свѣтомъ вмѣстѣ поднялись Смолокуровы въ ожиданьи бѣгущаго съ верху парохода. Небо чисто и ясно, утренняя заря румянцемъ разливается по небу и, отражаясь въ тихихъ зеркальныхъ водахъ Оки, обливаетъ ихъ розовымъ сіяньемъ. Вдали за песчаной косой засвистѣлъ пароходъ, стали спѣшно укладывать на долгушку чемоданы, сами въ коляскѣ съѣхали къ пристани. Все занимаетъ Дуню: и необычное раннее вставанье, и свѣжесть іюльскаго утра, и кроткое сіянье зари... Вотъ паромъ и нѣсколько лодокъ стоятъ у пристани, наполняются тѣ лодки молодицами и дѣвушками съ подойниками, крытыми чистыми тряпицами. Идутъ межъ ними шутливыя перебранки и веселые разговоры, порой вырываются громкіе, визгливые крики. Паромъ отвалилъ, за нимъ и причаленныя къ нему лодочки поплыли на луговой берегъ. Ни при городѣ ни при слободѣ, что возлѣ него длиннымъ поселкомъ вытянулась по берегу, ни пяди нѣтъ выгонной земли — луга за рѣкой. Только сольетъ рѣка съ поймы, скотъ перевозятъ обонполъ *), тамъ и пасется онъ до поздней осени... Оттого каждый день на утренней зарѣ и передъ солнечнымъ закатомъ бабы да дѣвки ѣздятъ за Оку коровушекъ доить. Съ дѣтства о томъ Дуня слыхивала, но доселѣ еще не видала переѣзда черезъ рѣку доильщицъ... Жалко ей стало ихъ, и вотъ теперь въ ночной тиши про ихъ труды она думаетъ... Хорошо было ей: ясно, тихо, тепло... А каково бѣднякамъ, въ дождь, непогоду, каково имъ тогда, какъ по рѣкѣ вѣтры разыграются, и не только мелкія лодки, даже паромъ волнами, какъ мячикъ, кверху подкидываетъ... Какъ помочь, какъ пособить?.. Не придумаетъ Дуня...

Съ оглушительнымъ свистомъ подбѣжалъ пароходъ. Причалилъ, забираетъ охотниковъ ѣхать. Робко вступаетъ Дуня на палубу, дрожащей поступью идетъ за отцомъ въ уютную каюту, садится у окна, глядитъ на маленькій свой городокъ, что причудливо раскинулся по берегу, полугорьямъ и на верху высокой кручи... Опять пронзительно свистнуло, Дуня вздрогнула невольно... Разъ, два, зашумѣли колеса, побѣжалъ пароходъ по желто-синему лону Оки... Яркое, привѣтно сіяющее солнце поднимается надъ горами праваго берега. Длинной-предлинной полосой растянутыя на восточной сторонѣ неба облака серебромъ засверкали отъ всплывшаго подъ ними свѣтила, хлынули съ небесной высоты золотые лучи и подернули чуть замѣтную рябь рѣчного лона сверкающими переливами яркаго свѣта. Вверху небосклона появились ясныя, сѣроватыя

*) На ту сторону рѣки.

облака съ нѣжно-серебристыми краями и надъ сверкающей золотистыми огнями и багровымъ отблескомъ рѣкой стали недвижно въ бездонной лазури...

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ, то и дѣло мѣняются виды: высятся крутыя горы, то покрытыя темно-зеленымъ орѣшникомъ, то обнаженныя и прорѣзанныя глубокими и далеко уходящими врагами. Рѣка извивается, и съ каждымъ изгибомъ ея горы то подходятъ къ водѣ и стоятъ надъ ней красно-бурыми стѣнами, то удаляются отъ рѣки, и отъ ихъ подошвы широко и привольно раскидываются ярко-зеленые сочные покосы поемныхъ луговъ. Тамъ и сямъ на вѣнцѣ горъ чернѣютъ ряды высокихъ бревенчатыхъ избъ, бѣлѣютъ сельскія церкви, виднѣются помѣщичьи усадьбы.

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ... Вотъ на желтыхъ, сыпучихъ пескахъ обширныя слободы сливаются въ одно непрерывное селенье... Дома все большіе, двухъэтажные, за ними дымятся заводы, а дальше въ густомъ желто-сѣромъ туманѣ виднѣются огромныя кирпичныя зданія, надъ ними высятся церкви, часовни, минареты, китайскія башенки... Рѣки больше не видать впереди — сплошь заставлена она несчетными рядами разновидныхъ судовъ... Направо по горамъ и по скатамъ раскинулись сады и зданія большого стариннаго города.

Одно за другимъ вспоминается не могущей заснуть Дунѣ. Вспоминается тѣснота, шумъ и блескъ, что̀ испугали ее на ярманкѣ. Все вспоминается — и пароходъ, и берега Оки, и бабы, переѣзжавшія за рѣку къ коровушкамъ, — но почему-то все сливается съ памятью о Петрѣ Степанычѣ. Его образъ то и дѣло передъ душевными очами Дуни. То вдругъ вышелъ онъ изъ береговыхъ кустовъ, то перерѣзываетъ рѣку въ легкой лодочкѣ, то входитъ въ ея каюту, то съ яростью отталкиваетъ армянина, когда тотъ нагнулся-было къ ней и, крѣпко обнявъ, хочетъ цѣловать ее... Вотъ онъ выводитъ ее изъ тѣсной толпы, ведетъ въ какой-то садъ, она оглядывается, а это ихъ садъ: вотъ ея грядки, вотъ ея цвѣточки, вотъ и раскрашенная узорчатая бесѣдка, гдѣ каждый день сидитъ она съ работой либо съ книжкой въ рукахъ... Онъ зоветъ ее въ бесѣдку... Робко и медленно идетъ она на̀ зовъ, но — не стало ни его ни бесѣдки, стоитъ прилавокъ съ яшмами, аметистами, а тутъ и армянинъ съ офицеромъ... они хватаютъ ее, куда-то тащатъ... Какая-то невѣдомая Дунѣ барыня, вся въ черномъ, тощая, блѣдная, спѣшитъ къ ней издали... Все кружится въ глазахъ Дуни, все туманится, все кроется мракомъ, за ней гонятся какія-то чудовища съ огненными глазами, чарующіе огненные взоры черной барыни ровно насквозь пронизываютъ стра-

дающую дѣвушку, но вдали въ слабо мерцающемъ свѣтѣ — онъ. Хочетъ Дуня бѣжать къ нему, но не можетъ ногъ отдѣлить отъ земли, точно приросли онѣ, а черная барыня и страшныя чудовища ближе и ближе... и опять все кружится, опять все темнѣетъ...

Снявъ сапоги, въ однихъ чулкахъ Марко Данилычъ всю ночь проходилъ взадъ и впередъ по сосѣдней горницѣ, чутко прислушиваясь къ тяжелому, прерывистому дыханью дочери и при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ заглядывая въ щель недотворенной двери.

На другой день Дуня поздно поднялась съ постели совсѣмъ здоровая. Сіялъ Марко Данилычъ, обрадовалась и Дарья Сергѣвна.

— Говорила я, что съ глазу,—разливая чай, сказала она.— Моя правда и вышла: вечоръ спрыснула ее да водицей съ уголька умыла, и все какъ рукой сняло... Вотъ Дунюшка теперь у насъ и веселенькая, и головка не болитъ у ней.

Но Дуня вовсе не была веселенькою. Улыбалась, ласкалась она и къ отцу и къ названной тетѣ, но нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и задумается, и не то тоской, не то заботой подернется миловидное ея личико. Замолчитъ, призадумается, но только на минуту. Потомъ вдругъ будто очнется изъ забытья, вскинетъ лазурными очами на Марка Данилыча и улыбнется ему кроткой, ясной улыбкой.

— Что-жъ, Дунюшка, поѣдемъ, что ли, сегодня на ярманку?— спросилъ онъ, допивая пятый или шестой стаканъ чаю.

— Нѣтъ, тятя, зачѣмъ же? Лучше я съ тетей посижу,— отвѣчала Дуня.

— Съ тетей-то и дома насидѣлась бы, — молвилъ Марко Данилычъ. — Коль на мѣстѣ сидѣть, такъ не зачѣмъ было и на ярманку ѣхать... Не на то привезена, чтобъ взаперти сидѣть. Людей надо смотрѣть, себя показывать.

— Чтò мнѣ показывать себя? Узоры, что ли, на мнѣ? — улыбнулась Дуня.

— Какъ зачѣмъ? — тоже улыбнулся Смолокуровъ. — Знали бы люди да вѣдали, какова у меня дочка выросла: не уродъ, не ряба, не хрома, не кривобокая.

— Чтой-то ты, тятенька? — зардѣвшись, молвила Дуня. — Нешто ты меня, ровно товаръ какой, привезъ на ярманку продавать?..

— А почемъ знать, чтò у насъ впереди? — улыбнулся Марко Данилычъ. — Думаешь, у Макарья дѣвичьяго товара не бы-

ваетъ? Много его въ привозѣ... Каждый годъ со всѣхъ концовъ купецкихъ дѣвицъ возятъ къ Макарью невѣститься.

Поникла Дуня головкой и, глубоко вздохнувъ, замолчала.

— Отовсюду купцы дочерей да племянницъ сюда привозятъ, — шутливо продолжалъ Смолокуровъ. — И господа тоже, вотъ и я привезъ... Товаръ у меня безъ обману, первый сортъ! Глянь-ка въ зеркало — правду-ль я говорю?..

Кто-то кашлянулъ въ сосѣдней горницѣ. Выглянулъ туда Марко Данилычъ.

— Добро пожаловать, — весело сказалъ онъ. — А мы еще за чаемъ. Съ дороги, должно-быть, долгонько, признаться, проспали... Милости просимъ, пожалуйте сюда!

И ввелъ Петра Степаныча въ ту комнату, гдѣ Дуня съ Дарьей Сергѣвной за чаемъ сидѣли.

Обѣ встали, поклонились. Дуня вспыхнула, но глаза просіяли. Дарья Сергѣвна зорко на нее посмотрѣла.

— Садитесь-ка къ столику, Дарья Сергѣвна, да чайку плесните дорогому гостю. Подвинь-ка, Дунюшка, крендельки-то сюда и баранки сюда же. Аль, можетъ-быть, московскаго калача желаете? — ласково говорилъ Смолокуровъ, усаживая Петра Степаныча.

— Напрасно безпокоитесь, — отвѣчалъ Самоквасовъ: — я ужъ давно отпилъ.

— Отъ чаю, сударь, не отказываются, — молвилъ Марко Данилычъ: — особенно здѣсь, у Макарья. Здѣсь вѣдь самый главный чайный торгъ. Ну, какъ дѣла? Расторговались ли?

— Но вѣдь я безъ дѣла здѣсь, Марко Данилычъ, такъ попусту проживаю. Покамѣсть не отдѣленъ, дѣловъ своихъ у меня нѣтъ, и за чужими напослѣдяхъ что-то не охота и время-то терять.

— Не чужія, кажись бы, дѣла-то? — молвилъ Марко Данилычъ.

— Въ Ярославлѣ послѣднюю дядину порученность выполнилъ, такой у насъ уговоръ былъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Раздѣлъ-отъ скоро ли? — немножко помолчавъ, спросилъ Марко Данилычъ.

— Да вотъ послѣ Макарья, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Сведетъ дядя годовые счета, тогда и раздѣлимся.

— Тимоѳей-отъ Гордеичъ пріѣдетъ на ярманку?

— Ко второму Спасу, — нехотя отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Нельзя ему не пріѣхать, расчеты тоже надо свести, долги кой-какіе собрать.

— Платежи-то, говорятъ, нонѣ будутъ тугоньки, — замѣтилъ Смолокуровъ.

— Толкуютъ, что не больно подходящіе, — разсѣянно отозвался Самоквасовъ.

— А покончивши съ дяденькой, какъ располагаете?.. Рыбкой не займетесь ли? — съ улыбкой спросилъ гостя Марко Данилычъ.

— Не знаю еще, какъ вамъ сказать... Больно ужъ вы меня тогда напугали, въ Комаровѣ-то, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Не совладать, кажись, съ такимъ дѣломъ... Непривычно...

— Напрасно такъ говорите, — покачивая головой, сказалъ Смолокуровъ. — По нонѣшнему времени эта коммерція самая прибыльная — цѣны, что̀ ни годъ, все выше да выше, особливо на икру. За границу, слышь, много ея пошло, потому и дорожаетъ.

— Рыбы-то, сказываютъ, меньше стало, — замѣтилъ Петръ Степанычъ. — Переводится. Пароходы, что ли, ее, слышь, распугали.

— Какъ на это сказать? — раздумчиво отозвался Марко Данилычъ. — Красной рыбы точно что меньше стало. Отъ пароходовъ ли это, отъ другого ли чего — Богъ ее знаетъ. А частиковой не выловишь. Отъ Царицына по воложкамъ да по ильменямъ *) страсть ея что̀, а ниже Астрахани и того больше. У меня хоть на ватагахъ взять — ловы имѣю большіе, а развѣ съ осетра аль съ бѣлужины главную пользу получаю? Не было бы частику̀, все бы рыбное дѣло хоть брось. Первое дѣло судакъ, да еще вотъ бѣшенка пошла теперь въ ходъ **). Вечоръ справлялся, красной рыбы: осетра, бѣлуги, севрюги да икры съ балыками всего-то сотъ на шесть тысячъ на Гребновской наберется, а частику̀ больше трехъ милліоновъ.

— Все это такъ... Однакожъ для меня все-таки рыбная часть не къ рукѣ, Марко Данилычъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Нѣтъ, какъ Богъ дастъ отдѣлюсь, такъ прежнимъ торгомъ займусь. Съ чего прадѣдушка зачиналъ, того и я придержусь — сальцемъ да кожицей промышлять стану.

— Заводы-то какъ подѣлите? Вѣдь ихъ въ разны руки нельзя, — спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ-нибудь да подѣлимъ, — молвилъ Петръ Степа-

*) Воложка — рукавъ Волги. Ильмень — озеро, образующееся отъ разлива вешней воды, съ берегами, поросшими камышомъ, тростникомъ и мокрою порослью. Озеромъ на низовьѣ Волги зовутъ только соленое, прѣсноводному имя — ильмень.

**) Рыба Cyprinus cultratus, иначе «волжская сельдь». Ея множество. Прежде считали рыбу эту вредною, стали ловить не больше сорока лѣтъ тому назадъ.

нычъ. — Я и на то, пожалуй, буду согласенъ, чтобъ деньгами за свою часть въ заводахъ получить... Новы бы тогда построилъ.

— Въ Казани же?

— Нѣтъ, по нонѣшнимъ обстоятельствамъ съ саломъ сходнѣй будетъ въ Самарѣ устроиться... Кожей, пожалуй, можно на старомъ пепелищѣ, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Давай Богъ, давай Богъ! — радушно промолвилъ Марко Данилычъ. — А по-моему чего бы лучше рыбная часть... Коммерція эта завсегда съ барышомъ! Право.

— Нѣтъ, ужъ увольте, Марко Данилычъ, — съ улыбкой отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — По моимъ обстоятельствамъ это дѣло совсѣмъ неподходящее. Ни привычки нѣтъ ни сноровки. Какъ всего, что по Волгѣ плыветъ, не переймешь, такъ и торговъ всѣхъ въ однѣ руки не заберешь. Чего добраго, зачавши новаго искать, старое, пожалуй, потеряешь. Что тогда будетъ хорошаго?

— Ну, какъ знаете, — съ досадой молвилъ Смолокуровъ и, вставъ со стула, къ окну подошелъ.

— Батюшки свѣты! Никакъ Зиновій Алексѣичъ?.. — вскрикнулъ онъ, чуть не до половины высунувшись изъ окошка. — Онъ и есть! Вотъ не чаялъ-то!

И, подойдя къ двери, кликнулъ коридорнаго:

— Слушай-ка, другъ любезный, добѣги, пожалуйста, до крыльца — тутъ сейчасъ купецъ подъѣхалъ, высокій такой, широкоплечій, синій сюртукъ, сѣда борода. Узнай, голубчикъ, не Доронинъ ли это Зиновій Алексѣичъ! Пожалуйста, сбѣгай поскорѣе... Ежели Доронинъ, молви ему: Марко, молъ, Данилычъ Смолокуровъ зоветъ его къ себѣ.

— Да они у насъ въ гостиницѣ стоятъ, — сказалъ коридорный. — Другу недѣлю здѣсь проживаютъ. Въ двадцать первомъ и въ двадцать второмъ номерѣ, отъ васъ черезъ три номера. Съ семействомъ пріѣхали.

— Какъ? И съ семействомъ? — воскликнулъ Марко Данилычъ. — И съ женой и съ дочками?

— Такъ точно-съ, и съ супругой съ ихней и съ двумя барышнями.

— Спасибо, любезный. На-ка тебѣ.

И, вынувъ изъ кармана какую-то мелочь, сунулъ ее коридорному; тотъ молча поклонился и тотчасъ спросилъ:

— Еще чего не потребуется ли вашему степенству?

— Нѣтъ, покамѣстъ, кажись, ничего... А вотъ что: зайди-ка ты къ Зиновью-то Алексѣичу, молви ему, что и я у васъ же присталъ.

— Слушаю-съ, — сказалъ коридорный и полетѣлъ вонъ изъ горницы, ухарски размахивая руками.

— Вотъ тебѣ, Дунюшка, и подруги, — молвилъ Марко Данилычъ, весело обращаясь къ дочери. — Зиновій Алексѣичъ великій мнѣ пріятель. Хозяюшка его Татьяна Андреевна женщина стóящая, дочки распрекрасныя. Скромныя, разумныя, меньшая-то ровесница тебѣ никакъ будетъ, а большенькая годомъ либо двумя постарше... Вотъ ужо ознакомитесь... Сегодня же надо будетъ повидаться съ ними.

— Какой это Доронинъ? — спросилъ Петръ Степанычъ. — Не изъ Вольска ли?

— Вольскій, — подтвердилъ Смолокуровъ. — Пшеномъ торгуетъ. А нешто вы его знаете?

— Большого знакомства не имѣлъ, а кой у кого встрѣчались, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Мельница еще у него на Иргизѣ, какъ разъ возлѣ нѣмецкихъ колоній.

— Самый онъ и есть, — молвилъ Марко Данилычъ. — Зиновій Алексѣичъ допрежъ и самъ-отъ на той мельницѣ жилъ, да вотъ годовъ ужъ съ пятокъ въ городу́ домъ себѣ поставилъ. Важный домъ, настоящій дворецъ. А ужъ въ домѣ — такъ чего-чего нѣтъ...

— Съ большимъ, значитъ, капиталомъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Съ порядочнымъ, — кивнувъ вбокъ головой и слегка наморщивъ верхнюю губу, сказалъ Смолокуровъ, — По тамошнимъ мѣстамъ онъ будетъ изъ первыхъ. До Сапожниковыхъ далеко, а деньги тоже водятся. Этто какъ-то они, человѣкъ съ десятокъ, складчину было-сдѣлали да на складочныя деньги стеариновый заводъ завели. Не пошло. Однѣ только пустыя затѣи. Другіе-то, чтó съ Зиновьемъ Алексѣичемъ въ доляхъ были, хошь кошель черезъ плечо вѣшай, а онъ ничего, ровно блоха его укусила.

— Много въ Вольскѣ-то такихъ богачей? — спросилъ Самоквасовъ.

— Есть, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Супротивъ такихъ, каковъ былъ Злобинъ аль теперь Сапожниковъ, нѣтъ, а вотъ хоть бы Зиновья Алексѣича взять — человѣкъ состоятельный, по всей Волгѣ извѣстенъ.

Такіе разговоры вели межъ собой Марко Данилычъ съ Самоквасовымъ часа два, если не больше. Убрали чай, Дарья Сергѣвна куда-то вышла, Дуня сѣла въ сторонкѣ и принялась вязать шелковый кошелекъ, изрѣдка вскидывая глазами на Петра Степаныча. Въ мужскіе разговоры дѣвицѣ вступать не слѣдъ, оттого она и молчала. Петръ Степанычъ и радъ

бы словечкомъ перекинуться съ ней, да тоже нельзя — не водится.

Зато его карія очи были рѣчисты. Каждый украдкою брошенный на Дунюшку взоръ приводилъ ее въ смущенье. Отъ каждаго взгляда сердце у ней ровно вздрагивало, а потомъ сладостно такъ трепетало.

Когда Петръ Степанычъ собрался домой, простившись со Смолокуровымъ, поклонился онъ Дунѣ. Та молча привстала, слегка наклонила головку и взглянула на него такими сіяющими, такими ясными очами, что глубоко вздохнулось добру молодцу, и голубемъ встрепенулось ретивое его сердце.

— Такъ вы заходите же къ намъ, когда удосужитесь... Посидимъ, покалякаемъ. Оченно будемъ рады, — провожая гостя, говорилъ Марко Данилычъ. — По ярманкѣ бы вмѣстѣ когда погуляли. Зиновья Алексѣича въ компанію прихватили бы... Милости просимъ, мы люди простые, и жалуйте къ намъ попросту, безъ чиновъ.

Вышелъ Петръ Степанычъ, а Марко Данилычъ, пройдясь по комнатѣ, молвилъ вполголоса:

— Важный парень! И съ достаткомъ!

Быстро вскинула глазами на отца Дуня и тотчасъ ихъ опустила. Кошелекъ, что ли, не вязался, петли путались, что ли.

— Ты что̀? — чуть улыбнувшись, спросилъ ее отецъ.

— Ничего, — едва слышно промолвила Дуня и пристально стала вглядываться въ работу.

Марко Данилычъ вышелъ изъ комнаты.

Глава пятая.

На низовыхъ и каспійскихъ *) промыслахъ рыбу такъ солятъ: въ «крутой» разсолъ бузуна **) кладутъ рыбу, а послѣ ея посола свѣжаго разсола не заводятъ. Прибавятъ въ старый разсолъ немного соли да нальютъ туда водицы, въ томъ и солятъ новую рыбу. Такой разсолъ, называемый «тузлукомъ», держатъ во все время посола, и каждый разъ, когда надобно класть свѣжую рыбу, прибавляютъ воды и соли. Оттого коренная рыба скоро «доспѣваетъ», оттого и дѣлается она такимъ товаромъ, который никакъ нельзя причислить къ разряду благовонныхъ. Хоть въ сосѣднихъ озерахъ бузуну ввѣкъ не исчерпать, но соль обложена большой пошлиной, а воровать ее не всегда легко. Оттого рыбнымъ промышленни-

*) Низовыми называются въ Волгѣ, каспійскими — въ морѣ.

**) Озерная самосадочная соль.

камъ и нѣтъ расчета для каждаго посола свѣжій разсолъ заводить. Опять же рыбу, какъ ни посоли, всю съѣдятъ, товаръ на рукахъ не останется; сѣрому человѣку та только рыба и лакома, что̀ хорошо доспѣла, маленько, значитъ, попахиваетъ.

Когда рыбный караванъ приходитъ къ Макарью, ставятъ его вверхъ по рѣкѣ, на Гребновской пристани *) подальше ото всего, чтобъ не вѣяло на ярманку и на другіе караваны душкомъ «коренной». Баржи разставляются въ три либо въ четыре ряда, глядя по тому, сколь великъ привозъ. На караванъ ѣздятъ только тѣ, кому дѣло до рыбы есть. Поглядѣть на вонючіе рыбные склады въ нѣсколько милліоновъ пудовъ изъ одного любопытства никто не поѣдетъ — это не чай, что̀ горами наваленъ вдоль Сибирской пристани.

Цѣлый рядъ баржей стоялъ на Гребновской съ рыбой Марка Данилыча: запоздалъ маленько въ пути караванъ его, оттого и стоялъ онъ позадь другихъ, чуть не у самаго стержня Оки. Хозяева обыкновенно каждый день наѣзжаютъ на Гребновскую пристань... У прорѣзей **), что̀ стоятъ возлѣ ярманочнаго моста, гребцы на косной со смолокуровскаго каравана ждали Марка Данилыча. Въ первый еще разъ плылъ онъ на свой караванъ.

Величаво и медленно спустился по ступенькамъ съ моста на плашкотъ Марко Данилычъ, молча усѣлся на коверъ, разостланный на середней лавочкѣ лодки, слегка приподнялъ картузъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гребцовъ, разодѣтыхъ на его счетъ въ красныя кумачовыя рубахи и со шляпами на головахъ, украшенными алыми лентами. Въ пути молчалъ Смолокуровъ, когда удалые гребцы бойко, рѣдко, но за̀разъ, будто по командѣ, взмахивали веслами, и легкая косная быстро неслась по стержню Оки, направляя путь къ Гребновской пристани. Молчитъ хозяинъ, молчатъ и гребцы, знаютъ они, что безъ нужнаго дѣла заводить разговоры съ Маркомъ Данилычемъ—только прогнѣвлять его. Суровъ, не рѣчистъ бывалъ онъ съ подначальными... Поглядѣть на него въ косной аль потомъ въ караванѣ, повѣрить нельзя, чтобы этотъ сумрачный, грозный купчина былъ тотъ самый Марко Данилычъ, что̀ до свѣту вплоть въ однихъ чулкахъ проходилъ по горницѣ, отирая слезы при одной мысли объ опасности нѣжно любимой Дуни.

Подъѣзжаетъ къ каравану Марко Данилычъ. Издали узналъ косную и своего хозяина главный его приказчикъ, длинный,

*) Гребновская пристань на лѣвомъ берегу Оки, выше Желѣзной.
**) Садки съ живой рыбой.

сухой, сильно оспой побитый Василій Ѳаддеевъ. Былъ онъ въ длиннополомъ, спереди насквозь просаленномъ нанковомъ сюртукѣ, съ бумажнымъ платомъ на шеѣ — значитъ, не по древлему благочестію; истый старовѣръ плата на шею ни за что не вздѣнетъ, то фряжскій обычай, святыми отцами не благословенный. Увидавъ подъѣзжавшаго хозяина, Ѳаддеевъ стремглавъ бросился въ размалеванную разными красками казенку *), стоявшую въ видѣ бесѣдки на кормовой части крайней баржи. Тамъ, наскоро порывшись въ разложенныхъ по столу бумагахъ, взялъ одну и подошелъ къ трапу, ожидая подъѣзда Марка Данилыча.

— Хозяинъ плыветъ! — мимоходомъ молвилъ лоцману Василій Ѳаддеевъ. Тотъ бѣгомъ въ казенку на второй баржѣ и тамъ наскоро вздѣлъ красну рубаху, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить впервые пріѣхавшаго на караванъ такого хозяина, что̀ любитъ хорошій порядокъ, любитъ его во всемъ, отъ мала до велика. Пробѣгая къ казенкѣ, лоцманъ повѣстилъ проходившаго мимо водолива о пріѣздѣ хозяина, и то̀тчасъ на всѣхъ восьми баржахъ смолокуровскаго каравана раздались голоса:

— Хозяинъ плыветъ! Смолокуровъ! Крѣпи трапъ-отъ ладнѣе!.. Эй, ну, вы, ребята, вылѣзай на волю! Хозяинъ!

И полѣзли рабочіе на палубы изъ одной мурьи **), изъ другой, изъ третьей, на всѣхъ восьми баржахъ полѣзли наверхъ и становились вдоль бортовъ посмотрѣть-поглядѣть на хозяина. Никто изъ рабочихъ еще не видывалъ его, а ужъ всѣ до единаго были злы на него. Четвертый день, какъ они поставили баржи въ пристани какъ слѣдуетъ, но, несмотря на мольбы, просьбы, крики, брань и ругань, не могутъ получить заслуженныхъ денегъ отъ Василья Ѳаддеева. На томъ уперся приказчикъ, что, покамѣстъ самъ хозяинъ баржей не осмотритъ, ни одному рабочему онъ копейки не дастъ.

Подъѣхалъ Смолокуровъ, лоцманъ съ водоливомъ подали трапъ на косную и приняли подъ руки поднимавшагося хозяина. Почтительно снявъ картузъ, Василій Ѳаддеевъ молча подалъ ему «лепортицію». Молча и Марко Данилычъ просмотрѣлъ ее и медленными шагами пошелъ вдоль по палубѣ. На всемъ караванѣ примолкли: и лоцмана, и водоливы, и рабочій людъ, всѣ стояли безъ шапокъ... Наперёдъ повѣстилъ Василій Ѳаддеевъ

*) Рубка или каютка на рѣчномъ суднѣ, въ ней живетъ хозяинъ или приказчикъ, хранятся деньги, паспорты и разныя бумаги.

**) Мурья — трюмъ, пространство между грузомъ и палубой, гдѣ укрываются бурлаки во время непогоды и гдѣ у нихъ лежитъ лишняя одежда и другой скарбъ.

всѣхъ, кто не знавалъ еще Марка Данилыча, что у него на глазахъ горло зря распускать не годится и, пока не велитъ онъ головы крыть, стой безъ шапокъ, потому что любитъ почетъ и блюдетъ порядокъ во всемъ.

– Былъ кто за рыбой? — отрывисто спросилъ Василья Ѳаддеева Смолокуровъ, не поднимая глазъ съ бумаги и взглядомъ даже не отвѣчая на отдаваемые со всѣхъ сторонъ ему поклоны.

— Вечорашній день отъ Маркеловыхъ пріѣзжали, — подобострастно отвѣтилъ приказчикъ.

— Ну?

— Дешевенько-съ, — вертя указательными пальцами и вскидывая плутовскими взглядами на хозяина, молвилъ Василій Ѳаддеевъ.

— По чемъ?

— Девять гривенъ судакъ, два съ четвертью коренная, другихъ сортовъ не спрашивали.

— Жирно будетъ, — сквозь зубы процѣдилъ Марко Данилычъ, не глядя на приказчика, и сунулъ въ карманъ его «лепортицію».

— Ладно-ль пароходъ-отъ поставили? — насупясь, спросилъ у приказчика Марко Данилычъ.

— Какъ слѣдуетъ-съ, — отвѣчалъ Василій Ѳаддеевъ, судорожно вертя въ рукахъ синій бумажный платокъ.

— Много-ль народу на немъ?

— Капитанъ, лоцманъ, водоливъ да пять человѣкъ рабочихъ.

— Расчитаны?

— По день прихода расчитаны-съ.

— Которо мѣсто пароходъ поставили?

— Къ низу, съ самаго краю *).

– - Дляче такъ далеко?

— Ближе-то водяной не пускаетъ, тамъ, дескать, мѣсто для пассажирскихъ, а вамъ, говоритъ, гдѣ ни стоять — все едино...

— Все едино! Извѣстно, имъ все едино, ихни же солдаты крайни пароходы обкрадываютъ... Трехъ рабочихъ еще туда поставь, караулъ бы былъ безсмѣнный: день и ночь караулили бы.

— Слушаю-съ, — молвилъ Василій Ѳаддеевъ.

По доскамъ, положеннымъ съ борта на бортъ, перешли на вторую баржу.

*) Когда баржи съ грузомъ поставятъ на мѣсто въ Гребновской или въ другой какой-либо Макарьевской пристани, пароходы отходятъ на другую пристань ниже по теченію Волги — подъ Кремль и подъ Егорьевскій съѣздъ. Это дѣлается для безопасности отъ огня.

— На баржахъ много-ль народу? — спросилъ Марко Данилычъ, быстро оглядывая все, что ни лежало на палубѣ.

— Сто двадцать восемь человѣкъ, — отвѣтилъ Ѳаддеевъ и сдержанно кашлянулъ въ сторону, прикрывая ротъ ладонью.

— Денегъ въ пути давалъ?

— Помаленьку иные получали, — отвѣчалъ приказчикъ.

— Для чего?

— Надобности кой-какія бывали... у нихъ... — запинаясь, отвѣчалъ приказчикъ. — У кого обувь порвалась, кому рубаху надо было справить... Не по многу давано-съ.

— Баловство! — недовольно промолвилъ Марко Данилычъ.

— Пристаютъ, — робко проговорилъ приказчикъ.

— Мало-ль что пристаютъ! А тебѣ-бъ ихъ не слушать. Дай имъ, чертямъ, поблажку, послѣ не справишься съ ними... Заборы-то записаны?

— Какъ-же-съ! Всѣ въ книгѣ значатся, и съ ихними расписками.

— Лепортицу объ этомъ сготовь.

— Слушаю-съ.

И перешли на третью баржу.

Грязный, кудластый щенокъ выскочилъ изъ казенки. Съ ласковымъ визгомъ и радостнымъ бреханьемъ, быстро вертя хвостикомъ и припадая всѣмъ тѣломъ къ полу, бросился онъ къ ногамъ вступившихъ на палубу.

— Кто смѣлъ въ караванѣ собакъ разводить?— грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ, изо всей силы пихнувъ сапогомъ кутяшку. Съ жалобнымъ визгомъ взлетѣла собачонка кверху, ударилась о полъ и, поджавъ хвостъ, прихрамывая, поплелась въ казенку.

— Чей песъ? — продолжалъ кричать Смолокуровъ.

— Водолива, должно-быть, — тихо, вполголоса промолвилъ Василій Ѳаддеевъ.

— Должно-быть! — передразнилъ приказчика Марко Данилычъ. — Все долженъ знать, что у тебя въ караванѣ. И какъ могъ ты допустить на баржахъ псовъ разводить?.. А?.. Рыбу крали да кормили?.. Гдѣ водоливъ?

Водоливъ немножко выдвинулся впередъ.

— Виноватъ, батюшка Марко Данилычъ, — боязливо промолвилъ онъ, чуть не въ землю кланяясь Смолокурову. — Всего-то вчерашній день завелъ, тонулъ сердечный, жалко стало песика — вынулъ его изъ воды... Простите великодушно!.. Виноватъ, Марко Данилычъ.

— То-то виноватъ!.. Изъ твоей вины мнѣ не шубу шить! — вскрикнулъ Смолокуровъ. — Чтобъ духу ея не было... За бортъ,

назадъ въ воду ее проклятую. Ишь что выдумали! Ахъ, вы, разбойники!..

И, обругавъ водолива, молча перешелъ съ Ѳаддеевымъ на четвертую баржу.

— Это судакъ? — спросилъ Марко Данилычъ приказчика.

— Первы три баржи всѣ съ судакомъ-съ, — молвилъ Василій Ѳаддеевъ.

— Съ соленымъ?

— Такъ точно-съ.

— Бѣшенка гдѣ?

— На пятой-съ.

— На четвертой что?

— Сушь.

— Вся?

— Вся-съ.

— Коренная гдѣ?

— На шестой бѣлужина съ севрюгой, на седьмой осетёръ. Икра тоже на седьмой-съ, пробойки, жиры, молоки.

— На восьмой, значитъ, ворвань *)?

— Такъ точно-съ.

Замолчали и молча прошли на другую баржу... Набрался тутъ смѣлости Василій Ѳаддеевъ, молвилъ хозяину:

— Расчету рабочіе требуютъ, Марко Данилычъ.

Промолчалъ, ровно не ему говорятъ, Марко Данилычъ.

— Галдятъ, четвертый, дескать, день простой идетъ, харчимся, дескать, понапрасну, работу у другихъ хозяевъ упускаемъ.

Опять промолчалъ Марко Данилычъ.

— Говорю имъ, обождите немножко, вотъ, молъ, хозяинъ подъѣдетъ, безъ хозяина, говорю, я не могу вамъ расчетовъ дать, да и денегъ при мнѣ столько не имѣется, чтобы всѣхъ ублаготворить... И слушать не хотятъ-съ... Вечоръ даже бунта чуть не подняли, насилу улестилъ ихъ, чтобы хоть до сегодняшняго-то дня обождали.

— Это все судакъ? — спросилъ, не слушая Ѳаддеева, Марко Данилычъ.

— Такъ точно-съ.

— Зачѣмъ ворвань далеко поставили? Съ того бы краю сподручнѣе было.

— Не велятъ-съ, — встряхнувъ волосами, молвилъ приказчикъ. — Духу, дескать, оченно много... Желѣзняки, слышь, жалобились **).

*) Тюленій жиръ.

**) Желѣзный караванъ становятъ на Окѣ рядомъ съ рыбнымъ, невдалекѣ.

— Гм!.. — промычалъ Марко Данилычъ. — Не отвалились бы у нихъ носы-то... Тебѣ бы водяному *) поклониться.

— Кланялся... Не берутъ-съ, — быстро вскинувъ глазами на хозяина, молвилъ приказчикъ.

— Гм!.. — опять промычалъ Марко Данилычъ. — Покажь-ка сушь-то.

— Миронычъ! — крикнулъ Василій Ѳаддеевъ ходившему вслѣдъ за ними лоцману. — Суши достань изъ мурьи каждаго сорта по рыбинѣ: и судака, и леща, и сазана, и воблы — всего... Да живѣй у меня!..

Ни слова не молвилъ, бѣгомъ побѣжалъ толстый Миронычъ, нырнулъ въ мурью и минуты черезъ четыре поднесъ Марку Данилычу четыре рыбины.

Смолокуровъ молча осмотрѣлъ каждую, поковырялъ ногтями и, отвѣдавъ по кусочку, поколотилъ каждой рыбиной о причалъ **) баржи, прислушиваясь къ звукамъ.

— Жидка! Плохо сушена, — строго молвилъ онъ Василью Ѳаддееву.

— Солнцовъ ***) мало было, Марко Данилычъ, все время дожди шли неуемные! — поникнувъ головой, отвѣчалъ приказчикъ.

— Солнцовъ мало! — передразнилъ его Смолокуровъ. — Знаю я, какіе дожди-то шли!.. Лѣнь! Вотъ что̀! Гуляли, пьянствовали! Вамъ бы все кой-какъ да какъ-нибудь! Раченья до хозяйскаго добра нѣтъ. Вотъ что̀!

— Помилуйте, Марко Данилычъ, мы бы со всякимъ нашимъ усердіемъ, да не наша вина-съ... Супротивъ Божьей воли ничего не подѣлаешь!..

— Воли Божьей тутъ не было. Лѣнь ваша была, а не Божья воля, — сурово молвилъ Смолокуровъ, гнѣвно посмотрѣвъ на приказчика. — Про погоду мнѣ изъ Астрахани кажду недѣлю отписывали... Такъ ты не ври.

— Да помилуйте... — началъ-было совсѣмъ оробѣвшій приказчикъ.

— А тебѣ нишкнуть, коли хозяинъ разговариваетъ! — крикнулъ Марко Данилычъ, швырнувъ въ приказчика бывшимъ у него въ рукѣ лещомъ. — Перечить!.. Я задамъ вамъ мошенникамъ!.. Что̀ это за сушь?.. Глянь-ка, пощупай!.. Копейки на двѣ противъ другихъ будетъ дешевле!.. Недоборъ доправлю — ты это знай!..

---

*) Начальникъ пристани.

**) Колъ на палубѣ для причала баржи.

***) Солнечнаго припеку.

— Власть ваша, Марко Данилычъ, — дрожащимъ голосомъ проговорилъ приказчикъ: — а только вотъ, какъ передъ самимъ истиннымъ Богомъ, мы тутъ нисколько не причинны... Хоша весь караванъ извольте обойти — у всѣхъ сушь жидковата, твердой въ нынѣшнемъ году нигдѣ не найдете.

— И обойду, и посмотрю, и на вѣсахъ прикину и свою и чужую, — гнѣвно говорилъ Смолокуровъ. — А ужъ копейки разбойнику не спущу... Знаю я васъ, не первый годъ съ вами хоровожусь!.. Только и норовятъ, бездѣльники, чтобы какъ ни на есть хозяину въ шапку накласть.

Замолчалъ приказчикъ. По опыту зналъ онъ, что чѣмъ больше говорить съ Маркомъ Данилычемъ, тѣмъ хуже. Примолкъ и Марко Данилычъ.

Обойдя восьмую баржу, спросилъ онъ:

— У другихъ продавали?

— Передъ постомъ съ орѣховскихъ баржей саму малость свезли соленаго... Лодокъ съ пятокъ... Въ лавки на ярманку брали да въ Обжорный рядъ.

— По чемъ?

— Таятъ-съ. Ужъ я было-пыталъ спрашивать — не сказываютъ.

— Узнать! — повелительно молвилъ Смолокуровъ.

— Не скажутъ-съ.

— А ты кого ни на есть изъ ихнихъ приказчиковъ въ трактиръ сведи, да чайкомъ попой, закуской угости, — приказывалъ Марко Данилычъ. И, вынувъ изъ бумажника рублевую, примолвилъ:—Получай на угощенье!..

Съ кислой улыбкой принялъ приказчикъ рублевую. Цѣны-то орѣховскія онъ уже зналъ, но не сказалъ хозяину, чтобъ хоть рублишкомъ съ него поживиться. «Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ», — думалъ Василій Ѳаддеевъ, кладя бумажку въ карманъ.

— Ко мнѣ на квартиру зайди, расцѣночну вѣдомость дамъ, — молвилъ Смолокуровъ. —Да чтобъ никто ея не видалъ... Слышишь?

— Слушаю, Марко Данилычъ, —отвѣчалъ приказчикъ.

— Эй, ты! — крикнулъ Смолокуровъ стоявшему вблизи рабочему. — Пробѣги на перву баржу, молви гребцамъ: косную-то сюда бы подвели, да трапъ притащи.

Видя, что хозяинъ сбирается уѣхать, трое рабочихъ робко подошли къ нему и, низко поклонясь, стали.

— Чего вамъ? — угрюмо спросилъ ихъ Марко Данилычъ.

— До вашей милости, — робко заминаясь, проговорилъ стоявшій впереди, рослый, молодой, чуть не дочерна загорѣ-

вшій парень въ синей пестрядинной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ.

— Ну?

— Расчетецъ бы намъ, — проговорилъ загорѣлый парень.

— Тебя какъ звать-то? — почти ласково спросилъ его Марко Данилычъ.

— Сидоромъ.

— По батюшкѣ какъ?

— Аверьяновъ.

— Здѣшній аль низовый?

— Сызранскій. Села Елшанки.

— Такъ... Знаю я вашу Елшанку — село хорошее.

— Живетъ, — молвилъ загорѣлый парень.

— А ты откудова? — обратился Марко Данилычъ къ приземистому, коренастому, пожилому рабочему, весело глядѣвшему на него своими маленькими сѣренькими глазами.

— Мы-то? Мы здѣшни, Балахонскаго уѣзда, изъ-подъ Городца — Кобылиху деревню слыхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, а зовутъ-то тебя какъ?

— Меня-то?.. А Карпъ Егорычъ.

— А тебя какъ? — спросилъ третьяго рабочаго Марко Данилычъ.

— Его-то?.. А племянникъ мнѣ-ка по хозяйкѣ будетъ, — добродушно отвѣтилъ за него Карпъ Егоровъ. — Софронкой звать, Бориса Маркелыча знаешь?.. Сынокъ ему... Онъ у насъ грамотей, письма даже писать маракуетъ. Вотъ у Василья Ѳаддеича, у твоего приказчика, въ книгѣ за всѣхъ расписывается, которы въ путинѣ заборы забирали.

— Такъ чего-жъ вамъ отъ меня надо? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Деньжонокъ бы надо, ваше степенство, — сказалъ Карпъ Егоровъ. — Расчетецъ бы получить. Шутка ли?.. Четвертый день какъ мы твой караванъ на мѣсто поставили.

— Такъ что̀ же, что четвертый день? Хоть бы шестой былъ али седьмой, такъ и то невелика бѣда, — сказалъ Смолокуровъ.

— Какъ же не бѣда? — молвилъ Карпъ Егоровъ. — Что-жъ намъ попусту-то у тебя проживаться, ваше степенство? На други бы мѣста пора поступать.

— Поспѣешь... — молвилъ Смолокуровъ и повернулъ отъ рабочихъ.

— Хорошо вашей милости такъ говорить! — сказалъ Сидоръ Аверьяновъ. — А поспрошать бы насъ, намъ-то каково...

— Подождешь, успѣешь! — сказалъ съ досадой Марко Да-

нилычъ и отвернулся отъ рабочихъ; но тѣ всѣ трое въ одинъ голосъ смѣлѣе стали просить расчета.

— Вѣдь ты, батюшка, за эти за лишни-то дни платы намъ не положишь, — добродушно молвилъ Карпъ Егоровъ.

— Не положу, — спокойно отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Такъ по что же намъ харчиться-то да работу у другихъ хозяевъ упущать? — громко заговорили всѣ рабочіе. — Власть ваша, а это ужъ не порядки. Расчитайте насъ, какъ слѣдуетъ.

— Это вы что̀ вздумали?.. Бунтъ поднимать?.. А? — наступая на рабочихъ, крикнулъ Смолокуровъ. — Да я васъ...

Рабочіе немного попятились, но униматься не унимались.

— Своего, заслужённаго просимъ!.. Вели расчитать насъ, какъ слѣдуетъ!.. Что-жь это за порядки будутъ!.. Задаромъ людей держать!.. Аль на тебя и управы нѣтъ? — громче прежняго кричали рабочіе, гуще и гуще толпясь на палубѣ. Съ семи первыхъ баржей, другъ дружку перегоняя, бѣжали на шумъ остальные бурлаки, и всѣ становились передъ Маркомъ Данилычемъ, кричали и бранились одинъ громче другого.

— Нечего намъ у тебя проживаться. Расчетъ подавай! Просили приказчика, четвертый день прошелъ, а разсчитывать насъ не разсчитываетъ... Такъ самъ расчитай — ты хозяинъ, дѣло твое...

— Такъ вы такъ-то, кособрюхіе! — зычнымъ голосомъ крикнулъ на нихъ Смолокуровъ.—Ахъ, вы, анаѳемы!.. Сейчасъ къ водяному поѣду, онъ васъ переберетъ по-своему!.. По мѣстамъ, разбойники!

Но разбойники по мѣстамъ не пошли, толпа росла, и вскорѣ почти вся палуба покрылась рабочими. Гомонъ поднялся страшный. По всему каравану рабочіе другихъ хозяевъ выбѣгали на палубы смотрѣть да слушать, что̀ дѣется на смолокуровскихъ баржахъ. Плывшія мимо избылецкія *) лодки съ малиной и смородиной остановились на рѣчномъ стержнѣ, а сидѣвшія въ нихъ бабы съ любопытствомъ смотрѣли на шумѣвшихъ рабочихъ.

— Расчетъ давай!.. Сейчасъ расчетъ!.. Нечего отлынивать-то!.. Жила ты этакій!.. Бѣдныхъ людей обирать!.. Не бойсь, не дадутъ тебѣ потачки... И на тебя судъ найдемъ!.. Расчетъ подавай!..

Крики громче и громче. Сильнѣй и сильнѣй напираютъ ра-

*) Избылецъ — село на Окѣ возлѣ города Горбатова. Въ немъ много садовъ. Яблоки и ягоды отправляютъ оттуда каждый почти день въ лодкахъ на Макарьевскую ярмарку въ огромномъ количествѣ. Возятъ ягоды и яблоки больше бабы.

бочіе на Марка Данилыча. Приказчикъ, конторщикъ, лоцманъ, водоливы, понуривъ головы, отошли въ сторону. Смолокуровъ былъ окруженъ шумѣвшей и галдѣвшей толпой. Рабочій, что̀ первый завелъ рѣчь о расчетѣ, картузъ надѣлъ и фертомъ подбоченился. Глядя на него, другой надѣлъ картузъ, третій, четвертый — всѣ... Иные стали рукава засучивать.

— Сейчасъ же расчетъ!.. Сію же минуту!.. — кричали рабочіе, и за криками ихъ нельзя было разслушать, что̀ имъ на отвѣтъ кричалъ Смолокуровъ.

Косная межъ тѣмъ подгребла подъ восьмую баржу, но рабочій, что̀ притащилъ трапъ, не могъ продраться сквозь толпу, загородившую бортъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, бросилъ онъ трапъ на палубу, а самъ, надѣвъ шапку, выпучилъ глаза на хозяина и во всю мочь крикнулъ:

— Расчетъ подавай, такой-этакій!

Расходилась толпа, что̀ волна. Нѣтъ уйму. Ни брань, ни угрозы, ни уговоры Смолокурова не въ силахъ остановить расходившагося волненья. Но не сробѣлъ, шагомъ не попятился назадъ Марко Данилычъ. Скрестивъ руки на груди, гнѣвенъ и грозенъ стоялъ онъ недвижно передъ толпою.

— Молчать! — крикнулъ онъ.—Молчать! Слушай, что̀ хочу говорить.

Передніе грубо, съ задоромъ ему отвѣчаютъ:

— Чего еще скажешь?.. Ну, говори... Эй, ребята, полно галдѣть — слушай, что̀ онъ скажетъ... Перестань же, ребята!.. Нишкни!.. Что̀ глотку-то дерешь, чортовой матери сынъ! — зарычали передніе на кричавшаго пуще всѣхъ Сидора Аверьянова изъ сызранской Елшанки.

А Марко Данилычъ попрежнему стоитъ, скрестивъ руки па груди. Самъ ни слова.

Унялась толпа, послѣднимъ горлопанамъ, что̀ не хотѣли уняться, отъ своей же братьи досталось вдоволь и взрыльниковъ и подзатыльниковъ. Стихли.

— Сказывай, что̀ хотѣлъ говорить, — говорили передніе Марку Данилычу. — Слушаемъ!

— А вотъ что̀ я хотѣлъ говорить, — ровнымъ, твердымъ голосомъ началъ протяжно рѣчь свою Марко Данилычъ. — Кто сейчасъ, сію же минуту, на свое мѣсто пойдетъ, тотъ часа черезъ два деньги получитъ сполна. И за четыре дня, что̀ лишняго простояли, получитъ... А кто не пойдетъ, не уймется отъ буйства, не отъ меня тотъ деньги получитъ, а отъ водяного—ему предоставлю съ тѣми разсчитываться, и за четыре простойныхъ дня тотъ гроша не получитъ... Сидоръ Аверьяновъ, Карпъ Егоровъ, Софронъ Борисовъ — вы зачи-

нали, вы и унимайте буяновъ!.. Имена ваши знаю — плохо вамъ будетъ, коли не уймете товарищей!.. Лозаны у водяного здоровые!.. А кто по мѣстамъ пойдетъ, для тѣхъ сію минуту за деньгами поѣду—при мнѣ нѣтъ, а что̀ есть у Василья Ѳаддеева, того на всѣхъ не хватитъ. Первые, кто на свои мѣста пойдутъ, тѣмъ до моего возврата Василій Ѳаддеевъ деньги выдастъ и пачпорты... Слышали?

Пуще прежняго зашумѣли рабочіе, но крики и брань ихъ шли ужъ не къ хозяину, между собой стали они браниться — одни хотятъ идти по мѣстамъ, другіе не желаютъ съ мѣста тронуться. Гдѣ одинъ другого за шиворотъ, гдѣ другъ друга въ зубы—и пошла на баржѣ драка, но добрая доля рабочихъ пошла по мѣстамъ, говоря приказчику:

— Василій Ѳаддеичъ, пиши насъ по именамъ да деньги сейчасъ подавай — мы тотчасъ же пошли по приказу хозяйскому.

Пользуясь сумятицей, перемахнулъ Марко Данилычъ за бортъ, спустился по канату въ косную и, немного отплывъ, крикнулъ на баржу:

— Ѳаддеевъ! Денегъ никому не давать!.. Погодите вы у меня, разбойники!.. Я съ вами расправлюсь съ мошенниками!.. Сейчасъ же привезу водяного.

— Упустили! — въ одинъ голосъ крикнули бурлаки, оставшіеся на восьмой баржѣ... И полились брань и ругань на удалявшагося Марка Данилыча. Быстро понеслась косная внизъ по теченію.

— Теперь онъ, собака, прямехонько къ водяному!.. Сунетъ ему, а тотъ насъ совсѣмъ завинитъ, — такъ говорилъ толпѣ плечистый рабочій съ сивой окладистой бородой, съ черными, какъ уголь, глазами. Вся артель его уважала, рабочіе звали его «дядей Архипомъ». — Снаряжай, Сидоръ, спину-то: тебѣ, парень, въ перву голову отвѣчать придется.

— Посмотримъ еще, кто кого! — бодрится Сидоръ, а у самого душа въ пятки ушла... Линьки у водяныхъ солдатъ были ему знакомы. Макарьевскихъ только покамѣстъ не пробовалъ.

— И порютъ же здѣсь, братцы! — весело подхватилъ молодой парень, присѣвши на брусъ переобуться. — Лѣтось объ эту самую пору меня анаѳемы здѣсь угощали... Въ Самарѣ здорово порютъ, и въ Казани хорошо, а супротивъ здѣшняго и самарскія розги и казанскія званія не стоятъ.

— А за что мнѣ въ перву-то голову отвѣчать? — тоскливо заговорилъ Сидоръ Аверьяновъ, хорошо знакомый и съ Казанью и съ Самарой. — Что я первый заговорилъ съ прокля-

тымъ жидомъ... Такъ что же?.. А галдѣть да буянить, развѣ я одинъ буянилъ?.. Тутъ надо по-божески. По справедливости, значитъ... Всѣ буянили — такъ-то.

— Вѣстимо всѣ, — подтвердилъ Карпъ Егоровъ, тоже помышляя о линькахъ макарьевскихъ.

— Всѣхъ перепороть нельзя, — спокойно молвилъ переобувшийся парень. — Линьки перепортишь, да и солдатики притомятся.

— Знамо, всѣхъ нельзя, не слѣдуетъ, — согласились съ нимъ всѣ другіе бурлаки.

— А вѣдь не дастъ онъ, собака, за простой ни копеечки, не то что намъ, а и тѣмъ, кто его послушалъ, по мѣстамъ съ перваго слова пошелъ, — замѣтилъ одинъ рабочій.

— Извѣстно, не дастъ, — всѣ согласились съ нимъ. — Это онъ только ради отводу молвилъ, чтобы утечь, значитъ. А мы, дураки, и упустили...

И много толковали, и долго промежъ себя толковали про то, чему быть и чего не отбыть...

Много спустя, когда рабочіе угомонились и, почесывая спины, укоряли другъ друга въ бунтѣ, подошелъ къ нимъ Василій Ѳаддеевъ.

— Что?.. Небось, теперь присмирѣли? — съ усмѣшкой сказалъ онъ. — Обождите-ка до вечера, узнаете тогда, какъ бунты въ караванѣ заводить! Земля-то вѣдь здѣсь не безсудная — хозяинъ управу найдетъ. Со Смолокуровымъ вашему брату тягаться не рука, онъ не то что съ водянымъ, съ самимъ губернаторомъ онъ водитъ хлѣбъ-соль. Его на васъ, голопятыхъ, начальство не смѣняетъ...

— Да что-жъ это такое будетъ, Василій Ѳаддеичъ?.. — заговорили двое-трое изъ рабочихъ. — Вечоръ ты самъ училъ насъ говорить покрѣпче съ хозяиномъ, а теперь вонъ что началъ толковать... Нешто это по-божески?..

— Такъ нешто я васъ бунтовать училъ? — вспыхнулъ приказчикъ. — Говорилъ я вамъ, чтобъ вы его просили покрѣпче, значитъ, пожалостливѣй, а вы, чортовы куклы, горланить вздумали, рукава даже засучивать, бестіи... Этому, что ли, училъ я васъ?.. А?

— Вѣстимо не тому, Василій Ѳаддеичъ, — почесывая въ затылкахъ, отвѣчали бурлаки. — Твои слова шли къ добру, училъ ты насъ по-хорошему. А мы-то, гляди-ка, чего съ дуру-то надѣлали... Гляка-сь, како дѣло вышло!.. Что теперича намъ за это будетъ?.. Ты, Василій Ѳаддеичъ, человѣкъ знаю

щій, всѣ законы произошелъ, скажи, Христа ради, что̀ намъ за это будетъ?

— Перепорютъ, — равнодушно отвѣтилъ приказчикъ.

— Ежели только перепорютъ, это еще не бѣда — спина-то вѣдь не на базарѣ куплена, — молвилъ одинъ рабочій. — А вотъ какъ въ кутузку посадятъ да продержатъ въ ней съ недѣлю али денъ съ десять!..

— Дольше продержутъ, — молвилъ Василій Ѳаддеевъ. — Въ одинъ день сто двадцать человѣкъ не перепорешь... Этого нельзя.

— То-то вотъ и есть, — жалобно и грустно отвѣтилъ рабочій. — Вѣдь десять-то дней мало-мальски три цѣлковыхъ надо положить, да здѣсь вотъ еще четыре дня простою. Вѣдь это, милый человѣкъ, четыре цѣлковыхъ — вотъ что̀ посуди.

— Вѣрно, — подтвердилъ Василій Ѳаддеичъ. — По нонѣшнимъ цѣнамъ у Макарья, пожалуй, и больше четырехъ-то цѣлковыхъ пришлось бы. Плотники нонѣ по рублю да рублю двадцати брали, крючники по полтинѣ да по шести гривенъ, солоносы по семи... Вотъ каки нонѣшнимъ годомъ Господь цѣны устроилъ... Да!

— Василій Ѳаддеичъ! Будь отецъ родной, яви божескую милость, научи дураковъ уму-разуму, присовѣтуй, какъ бы намъ ладненько къ хозяину-то?.. Смириться бы какъ? — стали приставать рабочіе, въ ноги даже кланялись приказчику.

— Смирится онъ!.. Какъ же! Растопырь карманъ-отъ! — съ усмѣшкой отвѣтилъ Василій Ѳаддеевъ. — Не на таковскаго, братъ, напали... Нашъ хозяинъ и въ маломъ потакать не любитъ, а тутъ шутка-ль, что̀ вы надѣлали?.. Бунтъ!.. Рукава засучивать на него зачали, обстали со всѣхъ сторонъ. Вѣдь мало бы еще, такъ вы бы его въ потасовку... Нечего тутъ и думать пустого — не смирится онъ съ вами... Такъ доймѣтъ, что до гроба жизни будете нонѣшній день помнить...

— Ахти, Господи батюшка, истинный Христосъ!.. Да что-жъ это такое будетъ? — тосковали бурлаки, понуривъ съ отчаянья головы.

Крѣпко задумавшись, Сидоръ Аверьяновъ сидѣлъ одаль, на косякѣ *). Вдругъ быстро вскочилъ и шепнулъ, подойдя къ приказчику:

— Подь-ка со мной къ сторонкѣ, Василій Ѳаддеичъ!

Приказчикъ отошелъ съ нимъ къ самой кормѣ.

— Такъ какъ мнѣ теперича доводится безъ трехъ гривенъ шесть цѣлковыхъ... — началъ Сидоръ.

*) Толстый канатъ, на которомъ кабестанный, иначе шкивной пароходъ тянетъ подачу.

— Ну? — спросилъ приказчикъ, когда тотъ немного замялся.

— Возьми ты ихъ себѣ, Василій Ѳаддеичъ, эти самыя деньги... Поступаюсь ими, пачпортъ только выдай — я бы котомку на плечи да айда домой. Ну васъ тутъ и съ караваномъ-то!..

— Мудрено, братъ, придумалъ, — засмѣялся приказчикъ. — Ну, выдамъ я тебѣ пачпортъ, отпущу, какъ же деньги-то твои добуду?.. Хозяинъ-отъ вѣдь чать расписку тоже спроситъ съ меня. У него, братъ, не какъ у другихъ — безъ расписокъ ни единому человѣку мѣдной полушки не велитъ давать, а за всякій прочетъ, ежели случится, съ меня вычитаетъ... Нѣтъ, Сидорка, про то не моги и думать.

— Эхъ, горе-то какое! — вздохнулъ Сидорка. — Ну инъ вотъ что̀: сапоги-то, что̀ я въ Казани купилъ, три цѣлкача далъ, вовсе не хожены. Возьми ты ихъ за пачпортъ, а деньги, ну ихъ къ бѣсу — пропадай онѣ совсѣмъ, подавись ими кровопійца окаянный, чтобъ ему ни дна ни покрышки!

Василій Ѳаддеичъ раздумывалъ, пристально разглядывая Сидоровы сапоги.

— Полно-ка пустое-то говорить, — молвилъ онъ, маленько помолчавъ. — Ну что̀ у тебя за сапоги? Сто̀итъ ли изъ-за нихъ грѣхъ на душу брать?.. Нѣтъ ужъ, брательникъ, неча дѣлать, готовь спину подъ линьки да посиди потомъ недѣльки съ двѣ въ кутузкѣ. Что̀ станешь дѣлать?.. Такой ужъ грѣхъ приключился... А онъ тебя безпремѣнно заводчикомъ выставитъ... Пожалуй еще, вспороть-то тебя вспорютъ да на придачу по этапу на родину пошлютъ. Со всякими тогда, братецъ, острогами доро̀гой-то сознакомишься.

— Мерлушчатую шапку на придачу. Знатная шапка, настоящая мурашкинская... И совсѣмъ какъ есть новенькая... Двухъ-то цѣлковыхъ сто̀итъ. Христа ради, Василій Ѳаддеичъ, будь аки Богъ, вызволь меня изъ бѣды неминучей...

— Полно-ка ты, перестань!.. Что̀ вздоръ-отъ молоть понапрасну?.. — молвилъ Василій Ѳаддеевъ и, повернувшись, пошелъ къ казенкѣ.

Сидоръ за нимъ. Сталъ у дверей. Въ казенку рабочимъ ходу нѣтъ, не посмѣлъ и Сидоръ войти туда за приказчикомъ.

— Помилосердуй, Василій Ѳаддеичъ, — слезно молилъ онъ, стоя на порогѣ у притолоки. — Платъ бумажный дамъ на придачу. Больше, ей-Богу, нѣтъ у меня ничего... И радъ бы что̀ дать, нечего, родной... При случаѣ встрѣтились бы гдѣ, угостилъ бы я тебя и деньжонокъ, аль чего-нибудь еще далъ бы... Мнѣ бы только на волю-то выйти, тотчасъ раздобудусь деньгами. У меня тутъ купцы знакомые на ярманкѣ есть,

седни же найду работу... Не оставь, Василій Ѳаддеичъ, Христомъ Богомъ прошу тебя.

И повалился въ ноги, и завопилъ, не поднимая головы отъ полу.

— Эхъ, ты!.. — съ досадой молвилъ ему приказчикъ. — Да не валяйся — увидятъ... Подь сюда въ казенку.

Сидоръ всталъ и подошелъ къ приказчику. Тотъ сказалъ ему:

— Хозяину-то что̀ скажу? Онъ этомъ-то подумалъ ли ты? Скажетъ: Сидоръ всему бунту зачинщикъ, а куда онъ дѣвался? Что̀ я скажу?

— Сбѣжалъ, молъ.

— А пачпортъ спроситъ?

— Пачпортъ спроситъ! — задумался Сидоръ. — А ты скажи, что я былъ изъ слѣпенькихъ... Вѣдь есть же у насъ на баржа̀хъ слѣпеньки-то *).

— Такъ при водяномъ-то и сказать? Хорошо вздумалъ — нечего! — усмѣхнулся Василій Ѳаддеичъ.

— Допрежъ ему молви, упреди... Аль не знаетъ, что на его баржахъ слѣпые-то водятся?

— Знать-то знаетъ... какъ не знать... Только, право, не придумаю, какъ бы это сдѣлать... — задумался приказчикъ. — Ну, была не была! — всклинкнулъ онъ, еще немножко подумавши. — Тащи шапку, скидывай сапоги. Такъ ужъ и быть, избавлю тебя, потому знаю, что человѣкъ ты добрый — языкомъ только гораздъ лишнее болтать. Вотъ хоть сегодняшнее взять — ну, какой чортъ совалъ тебя первымъ къ нему лѣзть?

— Брательники просили, ты-де всѣхъ рѣчистѣй, потому-де самому ты и зачинай. Съ общаго, значитъ, совѣта всей артели мы съ Карпомъ да съ Софронкой пошли. Что-жъ, вѣдь я, кажись, говорилъ съ нимъ по-хорошему?

— По-хорошему! А какъ загалдѣли, такъ оралъ пуще всѣхъ, да еще рукава засучалъ... — сказалъ приказчикъ.

— Рукавовъ я не засучивалъ, Василій Ѳаддеичъ, а что кричать, точно кричалъ... Такъ развѣ я одинъ? — говорилъ Сидоръ.

— Полно раздабаривать-то. Неси скорѣй, а я пачпортъ отыщу!

Сіялъ отъ радости Сидоръ, сбѣжалъ въ мурью и минутъ черезъ десять вылѣзъ оттуда въ истоптанныхъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами и съ сапогами въ рукахъ. Войдя въ казенку, поставилъ онъ сапоги на̀ полъ, а шапку и платокъ на

*) Слѣпыми у бурлаковъ зовутся не имѣющіе письменнаго вида, безпаспортные.

столъ положилъ. Молча подалъ приказчикъ Сидору паспортъ, внимательно осмотрѣвъ передъ тѣмъ каждую вещь.

Сидоръ взялъ паспортъ, пріосанился и ужъ не такъ робко и покорно, какъ прежде, сказалъ:

— Ты ужъ мнѣ, Василій Ѳаддеичъ, какую-нибудь шапчонку пожертвуй...

— Гдѣ мнѣ про тебя шапокъ-то набраться? — строго взглянувъ на него, вскликнулъ приказчикъ. — Вотъ еще чтò вздумалъ.

— Да какъ же я по ярманкѣ-то безъ шапки пойду? Тамъ казаки по улицамъ такъ и шныряютъ — пожалуй, какъ разъ заподозрятъ въ чемъ да стащутъ меня...

— Слѣзь въ мурью да украдь у кого-нибудь картузъ либо шапку, — молвилъ Василій Ѳаддеевъ. — А то вдругъ шапку ему пожертвуй. Выдумаетъ же!

— И то, видно, украсть... Счастливо оставаться, Василій Ѳаддеичъ, — сказалъ Сидоръ.

— Съ Богомъ, — пробурчалъ приказчикъ, взялъ перо и наклонился надъ бумагами.

Сидоръ въ лаптяхъ, въ краденомъ картузѣ, съ котомкой за плечами, попросилъ одного изъ рабочихъ, закадычнаго своего пріятеля, довести его въ лодкѣ до берега. Проходя мимо рабочихъ, все еще стоявшихъ кучками и толковавшихъ про то, чтò будетъ, крикнулъ имъ:

— Прощайте, братцы!

— Куда ты, Сидоръ, куда? — закричали рабочіе, подбѣгая къ нему.

— Сбѣжать задумалъ, — молвилъ Сидоръ. — Такъ-то сходнѣе: и спина цѣлѣй, и за работу седни же...

— А деньги-то?

— Песъ съ ними! Пущай анаѳема Маркушка ими подавится, — молвилъ Сидоръ. — Денегъ-то за нимъ не сполна шесть цѣлковыхъ осталось, а какъ засадятъ недѣли на двѣ, такъ по четыре только гривенника поденщину считай, значитъ, пять рублей шесть гривенъ. Одинъ гривенникъ убытку понесу. Такъ нешто спина гривенника-то не стòитъ.

Рабочіе захохотали.

— Ну, прощай, Сидоръ Аверьянычъ, прощай, милый человѣкъ, — заговорили они, прощаясь съ товарищемъ.

— А пачпортъ-отъ какъ же? — спросилъ его Карпъ Егоровъ.

— Песъ съ нимъ! — молвилъ Сидоръ. — И безъ него проживу ярманку-то. У меня купцы есть знакомые — примутъ и слѣпого.

И, сѣвъ въ косную, поплылъ къ песчаному берегу.

— А вѣдь Сидорка-отъ умно разсудилъ, — молвилъ парень, что̀ знакомъ былъ съ линьками самарскими, казанскими и макарьевскими. — Чего въ самомъ дѣлѣ?.. Айда, ребята, сбѣжимъ гуртомъ... Веселѣе!.. Пущай Маркушка лопнетъ съ досады!

— А расчетъ-отъ? А деньги-то? — заговорили рабочіе.

— Мнѣ всего три цѣлковыхъ получки... А какъ засадятъ, такъ въ самомъ дѣлѣ накладно будетъ... Дороже обойдется... Я сбѣгу.

— А пачпортъ-отъ какъ же?.. Васька Ѳаддеевъ нешто отдастъ? — спрашивали у него.

— Я изъ слѣпыхъ, да и Сидорка-то тоже никакъ. Эй, ребята!.. Кто слѣпой да у кого денегъ много забрано — айда!..

И полѣзъ въ мурью снаряжаться.

Съ нимъ сбѣжало еще десятеро слѣпыхъ. Тѣ слѣпые, у которыхъ мало денегъ было въ заборѣ, не пошли за Сидоркой, остались. Онъ крикнулъ имъ изъ лодки:

— Дурни!.. Хоть бы и вовсе заборовъ не было, и задатковъ ежели бы вы не взяли, все же сходнѣе сбѣжать. Ярманкѣ еще цѣлый мѣсяцъ стоять — плохо-плохо четвертную заработаешь, а безъ пачпорта-то тебя водяной въ острогъ засадитъ да по этапу оттуда. Развѣ къ зимѣ до домовъ-то доплететесь... Плюнуть бы вамъ, братцы слѣпые!.. Эй, помяните мое слово!..

— А вѣдь онъ дѣло сказалъ, — заговорили рабочіе.

— Сбѣжать точно что будетъ сходнѣе, — толковали они.

— Что-жъ, ребята?.. Айда, что ли?.. — почти ужъ у берега закричалъ отплывшій слѣпой.

— Айда!.. Айда, ребята! — закричали зычные голоса, и много бурлаковъ кинулось въ мурьи сбираться въ путь-дорогу.

На шумъ вышелъ изъ казенки заснувшій-было тамъ Василій Ѳаддеевъ.

— Что̀ такое? — спросилъ онъ.

— Слѣпые сбѣжали, — отвѣтили ему.

Взглянулъ приказчикъ на рѣку — видитъ, ото всѣхъ баржей плывутъ къ берегу лодки, на каждой человѣкъ по семи, по восьми сидитъ. Слѣпыхъ въ смолокуровскомъ караванѣ было наполовину. На всѣмъ Низовьѣ по городамъ, въ Камышахъ *) и на рыбныхъ ватагахъ изстари много народу безъ глазъ **)

*) Камышами называются берега Волги и острова на ней въ Астраханской губерніи.

**) Глаза — паспортъ, на языкѣ бурлаковъ, а также на языкѣ московскихъ жуликовъ, петербургскихъ мазуриковъ.

проживаетъ. Про Астрахань, что бурлаками Разгуляй-городокъ прозвана, въ путевой бурлацкой пѣснѣ поется:

Кому плыть въ Камыши —
Тотъ паспорта не пиши.
Кто захочетъ въ Разгуляй —
И билетъ не выправляй.

Рыбные промышленники, судохозяева и всякаго другого рода хозяева съ большой охотой нанимаютъ слѣпыхъ: и берутъ они дешевле, и обсчитывать ихъ сподручнѣй, и своимъ судомъ можно съ ними расправиться, хоть бы даже и посѣчь, коли до того доведется. Кому безъ глазъ-то пойдетъ онъ жаловаться? Еще вдосталь накланяется, только, батюшки, отпустите. Марко Данилычъ слѣпыми не брезговалъ — у него и на ловляхъ и на баржахъ завсегда ихъ вдоволь бывало... Потому выгодно.

— Ахъ, дуй ихъ горой! — воскликнулъ Василій Өеддеевъ. — Лодки-то подлецы на берегу покинутъ!.. Ну, такъ и есть... Осталась ли хоть одна косная?.. Слава Богу, не всѣ захватили... Миронычъ, въ косную!.. Приплавьте, ребята, лодки-то... Покинули ихъ бестіи и весла по берегу разбросали... Ахъ, чтобъ васъ разорвало!.. Ишь что вздумали!.. Поди вотъ тутъ — ищи ихъ... Ахъ, разбойники, разбойники!.. Вотъ взодрать-то бы всѣхъ до единаго. Гляка-сь, что надѣлали!..

Василій Өаддеевъ не горевалъ: и хозяинъ не въ убыткѣ, и онъ не въ накладѣ. Притомъ же хлопотъ да привязокъ отъ водяного за слѣпыхъ избыли. А то пошла бы переборка рабочихъ, да дознались бы, что на баржахъ больше шестидесяти человѣкъ безпаспортныхъ, можетъ, изъ Сибири бѣглыхъ да изъ полковъ — тогда бы дешево-то, пожалуй, и не раздѣлались. А теперь, слава Богу, всѣмъ хорошо, всѣмъ выгодно, и хозяину, и приказчику, и слѣпымъ. Зрячимъ только не было выгоды: пригорюнились они, особливо Карпъ Егоровъ съ племянникомъ. Вмѣстѣ съ Сидоромъ зачинщиками Марко Данилычъ ихъ обозвалъ — имъ первымъ отвѣчать.

— Батюшка, Василій Өаддеичъ, пожалѣй ты насъ, дураковъ, умоли Марка Данилыча, преклони гнѣвъ его на милость!.. — вопили они, валяясь въ ногахъ у приказчика.

Другіе бурлаки тоже не чаяли добра отъ водяного. Понадѣясь на свои паспорты, они громче другихъ кричали, больше наступали на хозяина, они же и по мѣстамъ не пошли. Теперь закручинились. Придется, сидя въ кутузкѣ, рабочіе дни терять.

— Ничего я тутъ не могу сдѣлать, — говорилъ Василій Өаддеевъ бурлакамъ.

— Какъ же не можешь? Вся сила въ тебѣ... Ты всему каравану голова... Кого же ему, какъ не тебя, слушать! — кланялись и молили его рабочіе.

— Сговоришь съ нимъ!.. Какъ же!.. — молвилъ Василій Ѳаддеевъ. — Не въ примѣту развѣ вамъ было, какъ онъ, ничего не видя, никакого дѣла не разобравши, за сушь-то меня обругалъ? И мошенникъ-отъ я у него, и разбойникъ-отъ! Жиденька!.. Весломъ, что ли, небо-то расшевырять, коли солнцовъ нѣтъ... Собака такъ собака и есть!.. Поди-ка я теперь къ нему да заведи рѣчь про ваши дѣла, такъ онъ и не знай что со мной подѣлаетъ... Ей-Богу!

— Нѣтъ, ужъ ты, Василій Ѳаддеичъ, яви божеску милость, попечалуйся за насъ, беззаступныхъ, — приставали рабочіе. — Мы бы тебя вотъ какъ уважили!.. Безъ гостинца, милый человѣкъ, не остался бы!.. Ты не думай, чтобы мы на шерамыгу!..

— Полноте-ка, ребята, чепуху-то нести, — молвилъ, отходя отъ нихъ, приказчикъ. — Да и некогда мнѣ съ вами раздабаривать, лепортицу велѣлъ сготовить, кто сколько денегъ изъ васъ перебралъ, а я грѣхомъ проспалъ маленько... Пойти сготовить поскорѣе, не то съ водяным — разлютуется.

И ушелъ въ свою казенку.

Стоятъ на мѣстѣ бурлаки, понуривъ думныя головы. Дѣло, куда ни верни, со всѣхъ сторонъ никуда не годится. Ни линьковъ ни великихъ убытковъ никакъ не избыть. Кто-то сказалъ, что приказчикъ только ломается, а ежели поклониться ему полтиной съ души, пожалуй, упроситъ хозяина.

— На полтину съ брата согласенъ не будетъ, — молвилъ дядя Архипъ. — Считай-ка, сколь насъ осталось.

Стали считать, насчитали какъ разъ шестьдесятъ человѣкъ.

— Всего, значитъ, тридцать цѣлковыхъ, — сказалъ дядя Архипъ. — И подумать не захочетъ... Цѣлковыхъ по два собрать, тогда, можетъ статься, возьмется, и то наврядъ...

Зашумѣли рабочіе, у кого много забрано денегъ, тѣ кричатъ, что по два цѣлковыхъ будетъ накладно, другіе на томъ стоятъ, что можно и больше двухъ цѣлковыхъ приказчику дать, ежели станетъ требовать. Безъ перекоровъ и перебранокъ сходка не стоитъ. Согласились наконецъ дать приказчику сто цѣлковыхъ. Такъ порѣшивъ, стали смекать, по скольку на брата придется; по пальцамъ считали, на биркахъ рѣзали, чурочками да щепочками метали; наконецъ добрались, что съ каждаго по цѣлковому да по шестидесяти шести копеекъ надо. Ради вѣрности по рукамъ чурочки да щепочки

разобрали и потомъ въ груду метали ихъ. Рты разинули отъ удивленья, когда, пересчитавъ чурочки, увидѣли, что цѣлыхъ сорока копеекъ не хватаетъ. Опять начались толки и споры, куда сорокъ копеекъ дѣвались.

Сладились наконецъ. Дядя Архипъ робко подошелъ къ казенкѣ и, ставъ въ дверяхъ, молвилъ сидѣвшему за лепортицей приказчику:

— Батюшка, Василій Ѳаддеичъ, прикажи слово молвить.

— Чего еще? — съ досадой крикнулъ приказчикъ. — Мѣшаете только: дѣломъ заняться нельзя съ вами, буянами.

— Да я все насчетъ того же, порадѣй ты объ насъ, помоги въ нашей бѣдѣ, — говорилъ дядя Архипъ.

— Сказано вѣдь вамъ! Такъ нѣтъ, лѣзутъ!

— По рублику бы съ брата мы поклонились вашей милости — шестьюдесятью цѣлковыми... Прими, сударь, не ломайся!.. Только выручи Христа ради!.. При расчетѣ съ каждаго человѣка ты бы по цѣлковому взялъ себѣ, и дѣло бы съ концомъ.

— Ишь что̀ еще вздумали! — гнѣвно всклпкнулъ приказчикъ. — Стану изъ-за такой малости я руки марать!.. Пошелъ прочь!.. Говорятъ тебѣ, не мѣшай.

— Ты, Василій Ѳаддеичъ, не гнѣвись. Скажи свою цѣну. Богъ дастъ, сойдемся какъ-нибудь, — не трогаясь съ мѣста, говорилъ дядя Архипъ.

Замолкъ Василій Ѳаддеевъ, сталъ писать свою лепортицу, а дядя Архипъ не отходитъ отъ дверей казенки.

— Полтораста! — вполголоса пробурчалъ приказчикъ послѣ короткаго молчанія, кладя перо и глядя въ упоръ на дядю Архипа.

— Не многонько ли будетъ, Василій Ѳаддеичъ?.. — посмѣлѣй прежняго заговорилъ дядя Архипъ. — Пожалѣй насъ хоть маленечко — не подъ силу будетъ такой суймой *) намъ поступиться твоей милости.

— Полтораста, — еще тише промолвилъ приказчикъ и снова взялся за перо.

Помялся на мѣстѣ дядя Архипъ. Протягивая въ казенку руку, сказалъ:

— Такъ и быть, куда ни шло, получай три четвертухи, семьдесятъ пять цѣлковыхъ, значитъ.

Молчитъ Ѳаддеевъ.

— Будетъ съ тобя, милый человѣкъ, ей-Богу, будетъ, — продолжалъ Архипъ, переминаясь и вертя въ рукахъ обо-

*) Сумма.

рванную шляпенку. — Мы бы сейчасъ же разверстали, по скольку на брата придется, и велѣли бы Софронкѣ въ книгѣ расписаться: получили, молъ, въ Казани по стольку-то, аль тамъ въ Симбирскѣ, что ли, это ужъ тебѣ виднѣе, какъ надо писать.

— Сколько васъ? — не поднимая съ бумаги глазъ, спросилъ приказчикъ.

— Шестьдесятъ человѣкъ, — отвѣтилъ дядя Архипъ.

— По два цѣлковыхъ съ брата, — чуть слышно проговорилъ Василій Ѳаддеевъ.

— Нѣтъ, ужъ ты сдѣлай такую милость, возьми три четвертухи, пожалѣй насъ, родимый, вѣдь кровь свою отдаемъ — ты это подумай, — умолялъ дядя Архипъ.

— Какъ задержатъ у водяного да по этапу домой погонятъ, такъ не по два цѣлковыхъ убытку примете, — шопотомъ почти сказалъ Ѳаддеевъ.

— Да, оно такъ-то такъ, чтò про это говорить. Вѣстимо, больше потеряешь, да ужъ ты помилосердуй, заставь за себя Бога молить... Вѣдь ты наша заступа, на тебя наша надёжа — какъ Богъ, такъ и ты. Сдѣлай милость, пожалѣй насъ, Василій Ѳаддеичъ,—слезно умолялъ дядя Архипъ приказчика.

Сладились наконецъ. Сошлись на сотнѣ. Дядя Архипъ пошелъ къ рабочимъ, все еще галдѣвшимъ на седьмой баржѣ, и объявилъ имъ о сдѣлкѣ. Тотчасъ одинъ за другимъ стали Софронкѣ руки давать, и паренекъ, склонивъ голову, робко пошелъ за Архипомъ въ приказчикову казенку. Въ полчаса дѣло покончили, и Василій Ѳаддеевъ, кончившій межъ тѣмъ свою ясипортицу, вырядился въ праздничную одёжу, сѣлъ въ косную и, сопровождаемый громкими напутствіями рабочихъ, поплылъ въ городъ.

Межъ тѣмъ во всемъ караванѣ кашевары ужинъ сготовили. Пользуясь отъѣздомъ Василія Ѳаддеева и тѣмъ, что водоливы съ лоцманомъ, усѣвшись на восьмой баржѣ, засаленными, полуразорванными картами стали играть въ три листика, рабочіе подсластили послѣднюю свою ужину — вдоволь накрали рыбы и навалили ее во щи. На шестой да на седьмой баржахъ щи были всѣхъ вкуснѣй — съ севрюгой, съ осетриной, съ бѣлужиной. Супротивъ другихъ обижены были рабочіе на восьмой баржѣ — тамъ нельзя было воровать: у самаго лаза въ мурью лоцманъ сидѣлъ съ водоливами за картами; да и кладь-то къ ѣдѣ была неспособная — ворвань... Хорошо поужинали, на руку было рабочимъ, что вдвое супротивъ обыч-

наго ѣли, щи-то заварены и каша засыпана была еще до того, какъ слѣпые сбѣжали. Иньмъ и въ ротъ ужъ не лѣзло, да не оставлять же добро — понатужились и все дочиста поѣли.

Двѣ трети рабочихъ, наѣвшись, тотчасъ же спать завалились, человѣкъ съ двадцать въ кучу собралось. Опять пошло галдѣнье.

Какъ на каменну стѣну надѣялись они на Василья Ѳаддеева и больше не боялись ни водяного, ни кутузки, ни отправки домой по этапу; веселый часъ накатилъ, стали ребята забавляться: боролись, на палкахъ тянулись, дрались на кулачки, а подъ конецъ громкую пѣсню запѣли:

Какъ споемъ же мы, ребята, про кормилицу,
Про кормилицу про нашу, Волгу-матушку,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Волгу-матушку.
Мы поплавали по матушкѣ и вдоль и поперекъ,
Истоптали мы, ребята, ея круты бережки,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Ея круты бережки.
Исходили мы на лямкѣ всѣ ея желты пески,
Коли плыли мы, ребятушки, отъ Рыбной къ Костромѣ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Какъ отъ Рыбной къ Костромѣ.
А вотъ городъ Кострома — гульливая сторона,
А пониже ея плёсъ, чтобъ шайтанъ его пронесъ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Чтобъ шайтанъ его пронесъ.
За нимъ Кинешма да Рѣшма — тамой дѣвушки не честны,
А вотъ городъ Юрьевецъ — что̀ ни парень, то подлецъ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Что̀ ни парень, то подлецъ.
Въ Городцѣ-то на горѣ по три дѣвки на дворѣ,
А вотъ городъ Балахна — стоятъ полы распахня,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Стоятъ полы распахня!
А вотъ село Козино — много дѣвокъ свезено,
Еще Сормово село — соромники наголо,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Соромники наголо.
А вотъ Нижній городокъ — ходи, гуляй въ погребокъ.
Вотъ Куманино село, въ три дуги меня свело,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Въ три дуги меня свело!
А вотъ Кстово-то Христово, развеселое село,
Хоша чарочка маленька, да винцо хорошо,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Да винцо хорошо,
Вотъ село Великій Врагъ — въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ,
А за нимъ село Безводно — живутъ дѣвушки зазорно,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Живутъ дѣвушки зазорно.
Рядомъ тутъ село Работки — покупай, хозяинъ, водки.
Вотъ Слопинецъ да Татинецъ — всѣмъ мошенникамъ кормилецъ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Всѣмъ мошенникамъ кормилецъ *).

Громче и громче раздается по каравану удалая пѣсня.

---

*) Путевая бурлацкая пѣсня. Въ ней больше, чѣмъ тремстамъ мѣстностей отъ Рыбинска до Бирючьей Косы (ниже Астрахани на взморьѣ), даются болѣе или менѣе вѣрныя примѣты.

Дядя Архипъ молча и задумчиво сидитъ у борта и втихомолку ковыряетъ лапотки изъ лыкъ, украденныхъ на баржѣ сосѣдняго каравана. На своемъ красть неловко — кулаки у рабочихъ, пожалуй, расходятся.

— Чего заорали, чортовы угодники? Забыли, что здѣсь не въ плесу? — крикнулъ онъ распѣвшимся ребятамъ. — Городъ здѣсь, ярманка!.. Оглянуться не успѣешь, какъ съѣдутъ съ берега архангелы да линьками горла-то заткнутъ. Одну бѣду избыли, на другую реветесь!.. Спины-то по плетямъ, видно, больно соскучились!..

Смолкли пѣвуны, не допѣли разудалой бурлацкой пѣсни, что̀ поминаетъ все прибрежье Волги-матушки отъ Рыбной до Астрахани, поминаетъ соблазны и заманчивыя искушенья, большею частью рабочему люду недоступныя, потому что у каждаго въ карманѣ-то не очень густо живетъ. Не вскинься на пѣвуновъ дядя Архипъ, спѣли-бъ они про «Суру рѣку важную — донышко серебряно, круты бережки позолоченные, а на тѣхъ бережкахъ вдовы, дѣвушки живутъ сговорчивыя», спѣли бы, сердечные, про свіяжанъ-лещевниковъ, про казанскихъ плаксивыхъ сиротъ, про то, какъ въ Тетюшахъ городничій лапоть плелъ, спѣли бы про симбирцевъ-гробокрадовъ, кочанниковъ, про сызранцевъ-ухорѣзовъ, про то, какъ саратовцы соборъ съ молотка продавали, а чилимники *) тухлая ворвань, астраханцы кобылятину вмѣсто бѣлой рыбицы въ Новгородъ слали. До самой Бирючьей косы пропѣли бы, да вотъ дядя Архипъ помѣшалъ.

И дѣло говорилъ онъ, на пользу рѣчь велъ. И въ большихъ городахъ и на ярманкахъ такъ у насъ повелось, что чуть не на каждомъ шагу нестерпимо гудятъ захожіе нѣмцы въ свои волынки, наигрываютъ на шарманкахъ итальянцы, бренчатъ на цимбалахъ жиды, но раздайся громко русская пѣсня — въ кутузку пѣвцовъ.

Смолкли рабочіе, нахмурясь кругомъ озирались, а больше на желтый сыпучій песокъ Кунавинскаго берега: не идетъ ли въ самомъ дѣлѣ посуленный дядей Архипомъ архангелъ. Бѣда однако не грянула.

Иныя забавы пошли у рабочихъ. Скучно.

Здоровенный, приземистый, но ширь въ плечахъ парень, ровно изъ перекатнаго желѣза скроенный, Яшка Моргунъ первый возвеселилъ братію, первый нову забаву придумалъ. Опрокинулъ порожнюю изъ-подъ сельдей кадку, сѣлъ на нее и крѣпко обвилъ ногами. Вызываетъ охотниковъ треснуть его

*) Чили — водяные орѣхи, *Trapa natans*.

кулакомъ во всю ширь, аль наотмашь, какъ кому сподручнѣе: свалится съ кадки, платитъ семитку *), усидитъ — семитка ему; свалится вмѣстѣ съ кадушкой, ногъ съ нея не спуская — ни въ чью. Сыскались охотники, восемь разъ Моргунъ не свалился, два раза кадка свалилась подъ нимъ, и повалился онъ плашмя, не выпустивъ кадки изъ ногъ. Четвертакъ безъ малаго у Яшки въ карманѣ, — за косушкой послалъ.

— Хочешь, ребята, стану орѣхи лбомъ колотить? — такъ, послѣ подвиговъ Яшки, голосомъ зычнымъ на всю артель крикнулъ рябой, краснощекій, поджаристый, но крѣпко сколоченный Спирька. Бѣшенымъ Горломъ его прозывали, на всѣхъ караванахъ первый силачъ...—Не простые орѣхи, грецкіе стану сшибать. Что̀ расшибу, то мое, а который не разобью, за тотъ получаю по плюхѣ — хошь ладонью, хошь всѣмъ кулакомъ.

Съ шумомъ, съ крикомъ, со смѣхомъ артель приняла вызовъ Спирьки. Софронку къ бабенкѣ-перекупкѣ на берегъ послали, два фунта грецкихъ орѣховъ Софронка принесъ; шесть оплеухъ, всѣ кулакомъ, Бѣшену Горлу достались, остальными орѣхами Спирька вдоволь налакомился.

Кузьма Ядреный, ростомъ алатырецъ, сильный, мощный крѣпышъ, слова не молвя, на палубу рипулся навзничь. Звонко затылкомъ хватился о смоленыя гладкія доски. Лежа на спинѣ, онъ такъ похвалялся:

— Катай полѣномъ по брюху, по грошу за разъ.

Весело захохотали рабочіе и, нахватавъ полѣньевъ, принялись за работу. Дядя Архипъ сталъ-было ихъ останавливать: что-де вы, лѣшіе, убійства, что ли, хотите?

— Дурень ты, дядя, — крикнулъ Кузьма Ядреный ему на отвѣтъ. — Спина, что ли, брюхо-то?.. Кости въ немъ, что ли?.. Духу наберусь, вспучу животъ — что̀ твой пузырь. Катай, ребятушки, не слушай его!..

И катали ребята. На цѣлу косушку выигралъ Кузьма Ядреный и всталъ какъ ни въ чемъ не бывало.

И долго еще, пока не стемнѣло, такъ забавлялся, такъ потѣшался рабочій народъ. Не хитры затѣи, дики забавы, да что̀ же дѣлать, когда нѣтъ иныхъ налицо. Надо же душу чѣмъ-нибудь отвести...

Поздно, къ самой полночи, воротился на баржи приказчикъ. Безмолвной, тяжко вздыхающей толпой бурлаки его обступили. Двигаясь важно къ казенкѣ, отрывисто молвилъ Василій Ѳаддеевъ:

---

*) Двухкопеечная мѣдная монета.

— Милости ждите. Завтра расчетъ.

И въ ночной тиши раздавались радостные клики по всему смолокуровскому каравану.

Глава шестая.

Себя не помня, на легкой косной стрѣлою летѣлъ разъяренный Марко Данилычъ. Къ устью Оки путь его былъ. Тамъ на песчаной низменной стрѣлкѣ *), середь балагановъ и горами наваленныхъ громоздкихъ товаровъ, стоялъ деревянный, невзрачный, въ дикую краску окрашенный домикъ съ бѣлыми пристѣнными столбами и съ широкимъ крыльцомъ на набережную. Возлѣ домика стоялъ высокій шестъ, на верхушкѣ его вѣялъ флагъ, бѣлый съ зелеными полосами, нашитыми крестомъ съ угла на уголъ. Въ томъ домикѣ хозяева судовъ и кладчики предъявляли накладныя и паспорты, платили судоходныя пошлины и раздѣлывались по инымъ статьямъ. Тутъ же чинились судъ и расправа... Вздерутъ, бывало, забулдыжнаго буяна-бурлака, какъ сидорову козу, да ему же велятъ грошъ-другой на розги пожертвовать, потому что мѣсто казенное, розги дѣло покупное, а на нихъ изъ казны суммъ не полагается.

На грязномъ до-нельзя крыльцѣ молча сидѣлъ одѣтый въ бѣлый холщевый китель молодой солдатъ изъ евреевъ. Штопалъ Израилевъ сынъ рваный суконный мундиръ съ зеленой выпушкой. Вкругъ крыльца на сыпучемъ пескѣ, переминаясь съ ноги на ногу, жарясь подъ лучами полуденнаго солнца и тихонько ругаясь крѣпкой русскою бранью, толпился сѣрый народъ, поджидая «водяного». Были тутъ судовщики, были кладчики, были приказчики, лоцмана, водоливы и многое множество простого рабочаго люда. Тщетно однако всѣ ожидали: — тѣмъ утромъ чайники, отпѣвъ благодарный молебенъ Макарію за исправный приходъ баржей съ кяхтинскимъ чаемъ, собрались на радостяхъ у Никиты **) и завтракомъ кормили у него «начальство». Смотрителю судоходства, стало-быть, не до просителей. Нѣтъ его въ «канцеляріи», а на нѣтъ и суда нѣтъ...

Краемъ уха не слушая юркаго, торопливаго еврейчика, съ жаромъ увѣрявшаго, что «его благородія гаспадина капитана не ма», Марко Данилычъ степенно прошелъ въ канцелярію, гдѣ до десятка мрачныхъ, съ жадными взорами, вольнопаемныхъ писцовъ перебирали бумаги, стучали на счетахъ и

*) Стрѣлка (въ старину стрѣлица) — острая, долгая коса у сліянія двухъ рѣкъ.

**) Лучшій у Макарья ресторанъ.

что-то записывали въ просаленныя насквозь толстыя книги. Никто не хотѣлъ сказать ему, гдѣ «водяной» и скоро ли онъ воротится. Ровно всѣ оглохли и съ досадой отмахивались рукою — отвяжись, молъ, не до тебя. Двугривенный развязалъ языкъ одному писцу, узналъ отъ него Марко Данилычъ, что лучше побывать вечеркомъ, потому что капитанъ съ праздника раньше шести часовъ не воротится, да и то будетъ «уставши». Досадно, да нечего дѣлать: иди, съ чѣмъ пришелъ. Въ чаяньи другого двугривеннаго, а глядя по дѣлу—и цѣлаго рублевика, проглаголавшій писарь вскочилъ поспѣшно со стула, отвелъ Марка Данилыча въ сторону и, раболѣпно нагнувшись къ плечу его, вполголоса сталъ уговаривать, чтобъ онъ разсказалъ свою надобность, увѣряя, что и безъ капитана онъ всякое дѣло можетъ обдѣлать. Не таково было дѣльцо Марка Данилыча, чтобъ говорить о немъ съ писарями. Слова не молвилъ въ отвѣтъ, важно онъ повернулся и вышелъ. Сморщился писарь, злобно взглянулъ на купчину и, сплюнувъ на сторону, отеръ рукавомъ нанковаго сюртука потъ, отъ духоты выступавшій на сизо-красномъ лицѣ его. Потомъ, поглядѣвъ въ окно, не воротится ли проситель, сѣлъ съ досадой на мѣсто, крякнулъ сердито и снова принялся за бумажную работу.

Слова домашнимъ не молвилъ Марко Данилычъ о томъ, что̀ случилось съ нимъ въ караванѣ. Тепелъ, любезенъ бывалъ онъ во всякое время къ дочкѣ любимой, но теперь встрѣтилъ угрюмо ее... На ласки Дуни, на привѣты ея отмалчивался, только-что гладилъ жесткой рукой по нѣжной головкѣ, да только разъ холодно поцѣловалъ бѣлоснѣжное чело ненаглядной своей красавицы... Зло разбирало его. Кипѣла душа, туманила умъ, только и думы, какъ бы покрѣпче, какъ бы покруче расправиться съ бунтовщиками... Всѣмъ доставалось — клялъ и ругалъ въ умѣ своемъ Марко Данилычъ бурлаковъ, клялъ и ругалъ водяного за то, что уѣхалъ на завтракъ; чайниковъ клялъ-проклиналъ, что вздумали въ самый тотъ день завтракомъ задобрить начальство; даже Никиту клялъ и ругалъ, зачѣмъ завтракъ сготовилъ... Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!

А Дуня вьется вкругъ отца, увивается.

— Соскучилась я безъ тебя, тятя! Глаза проглядѣла. Все смотрѣла, не ѣдешь ли ты...

Такъ чистымъ голубемъ ворковала красавица Дуня, ласкаясь къ отцу... Но только и могла добиться сухого:

— Спасибо, доченька!.. Спасибо.

Сама еще не вполнѣ сознавая неправду, Дуня сказала, что безъ отца на нее скука напала. Напала та скука съ иной

стороны. Много думала Дуня о запоздавшемъ къ обѣду отцѣ, часто взглядывала въ окошко, но на память ея приходилъ не родитель, а совсѣмъ чужой человѣкъ — Петръ Степанычъ. Безотвязно представалъ онъ въ ея воспоминаньяхъ... Свѣтлый образъ красиваго купчика въ яркомъ, блестящемъ, радужномъ свѣтѣ она созерцала...

Обѣдъ прошелъ въ строгомъ молчаньи, не было веселой застольной бесѣды. Мѣрны въ ухѣ сурскія стерляди, но Марку Данилычу мстится *), будто наваръ въ ней не вкусенъ... Сочна и жирна осетрина, но неприглядна ему; вкусны картофельныя оладьи съ подливой изъ свѣжихъ грибовъ, но вспало на умъ Марку Данилычу, что поваръ-разбойникъ нарочно злодѣйскую шутку съ ними сшутилъ, въ великіе дни госпожинокъ на скоромномъ маслѣ оладьи изжарилъ. Досадливо ни за что ни про что ворчалъ Смолокуровъ на угодливаго полового, но голоса не возвышалъ: у дочери на глазахъ никогда не давалъ онъ воли гнѣвнымъ порывамъ своимъ.

Лишь тогда, какъ на смѣну плотнаго обѣда былъ принесенъ полведерный самоваръ и Марко Данилычъ съ наслажденьемъ хлебнулъ душистаго лянсину, мысли его прояснились, думы въ порядокъ пришли. Лицо просіяло. Весело зачалъ онъ съ дочерью шутки шутить; повеселѣла и Дуня.

Лицо ея новымъ отцу показалось. Глаза ни съ того ни съ сего вспыхивали дрожащимъ блескомъ, а томная, будто усталая улыбка съ румяныхъ пухленькихъ губъ не сходила. Полъсамовара покончили, когда вошелъ Самоквасовъ. Радостно вспыхнула Дуня, взглянувъ на него, и тотчасъ опустила заискрившіеся глазки... Тщетно силилась она скрыть свою радость, напрасно хотѣла затуманить ясные взоры, подавить улыбку свѣтлаго счастья... Нѣтъ, не могла. Замялась съ минуту и, тихо съ мѣста поднявшись, пошла въ свою комнату... «Ровно ангелъ Господень съ даромъ небеснымъ прошелъ»,— такъ подумалось Петру Степанычу, когда глядѣлъ онъ вслѣдъ уходившей красавицы.

Промолчавъ немножко и оправившись отъ минутнаго смущенья, бойко, развязно молвилъ онъ Марку Данилычу:

— А я къ вамъ съ извѣстьемъ. Сейчасъ пили чай вмѣстѣ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ. Къ вамъ сбирается съ Татьяной Андреевной и съ дочками.

— Милости просимъ. Рады гостямъ дорогимъ, — радушно отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Дарья Сергѣевна, велите-ка свѣженькій самоварчикъ собрать да хорошенькаго чайку зава-

*) Мститься — мерещиться, казаться, чудиться... Сѣверо-восточное слово.

рите... Лянсинъ фу-чу-фу! Понимаете? Распервѣйшій чтобы былъ сорть, по восьми рублевъ фунтъ! А вы садитесь-ка, Петръ Степанычъ, погостите у насъ.

Дарья Сергѣвна вышла Дуню принарядить и по хозяйству распорядиться. Самоквасовъ остался вдвоемъ съ Маркомъ Данилычемъ.

Чтобъ угодить ему, Петръ Степанычъ завелъ любимый его разговоръ про рыбную часть, но тѣмъ напомнилъ ему про бунтъ въ караванѣ... Подавляя злобу въ душѣ, угрюмо нахмуривъ чело, о томъ помышлялъ теперь Марко Данилычъ, что вотъ часа черезъ два надо будетъ ѣхать къ водяному, суда да расправы искать. И оттого не совсѣмъ охотно отвѣчалъ онъ Самоквасову, спросившему: есть на рыбу покупатели?

— Какіе тутъ покупатели! — промолвилъ онъ.

— Давеча встрѣтился я съ однимъ знакомымъ, онъ сказывалъ, будто бы на орошинскомъ караванѣ дѣла зачинаются,— молвилъ Петръ Степанычъ.

— То Орошинъ, а то мы! — нехотя промолвилъ Марко Данилычъ. — Всякъ по своему расчету ведетъ дѣла. Орошину, значитъ, расчетъ, а намъ его нѣтъ.

И вдругъ замолкъ. Крѣпко стиснувъ зубы, пальцами сталъ по столу барабанить, — бурлаки у него изъ головы не шли. Минуты двѣ длилось молчанье. Не по себѣ стало наконецъ Петру Степанычу, не можетъ онъ придумать, что̀ сталось съ Маркомъ Данилычемъ; всегда съ нимъ былъ онъ ласковъ и разговорчивъ, а тутъ ровно что̀ на него накатило. «Не осерчалъ ли, что частенько ходить къ нему повадился?» — думаетъ Самоквасовъ. И, взглянувъ на диванъ, увидалъ на немъ шелковый голубенькій платочекъ... Вздрогнулъ весь — будь онъ одинъ въ комнатѣ, такъ бы и расцѣловалъ его... «Не примѣтилъ ли развѣ чего Марко Данилычъ? — продолжалъ онъ думать про себя. — Эти отцы ухъ какіе — зоркіе — насквозь тебя видятъ... Что̀ же?.. Развѣ дурное на мысляхъ держу?.. И она ровно бы сердитая, только вошелъ я — тотчасъ изъ горницы вонъ». И грустно и досадно стало Петру Степанычу, а на что досадно, самъ того не знаетъ.

— Вечеркомъ опять на ярманку? — робко спросилъ онъ смолкшаго Марка Данилыча.

— Еще не знаю, — мрачно отвѣчалъ ему Смолокуровъ. — Гости къ намъ будутъ, да еще мнѣ съѣздить надо кое-куда... Ненадолго, а надобно съѣздить... Хотѣлось бы повеселить мою баловницу, — прибавилъ Марко Данилычъ послѣ короткаго молчанья: — да не знаю, удосужусь ли.

— Всѣмъ бы вмѣстѣ ѣхать, — молвилъ Самоквасовъ, робко

взглянувъ на угрюмаго Марка Данилыча. — Доронинымъ и вамъ бы съ семействомъ. Ежели угодно, я бы и коляски досталъ... У меня тутъ извозчики есть знакомые, а безъ знакомыхъ трудно здѣсь хорошую коляску достать...

— На всякій случай похлопочите, — небрежно выронилъ слово Марко Данилычъ.

— Трехъ четырехмѣстныхъ будетъ достаточно? — быстро спросилъ Петръ Степанычъ на радостяхъ отъ ласковаго взгляда Смолокурова.

— За глаза, — отвѣчалъ тотъ. — Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣто ѣхать будетъ охотнѣе... Да вотъ не знаю, самъ-отъ удосужусь ли?

И снова подумалось Петру Степанычу, что Марко Данилычъ осерчалъ на него... И оттого словно черная хмара разлилась по лицу его... Въ это самое время вошли Доронины.

— Другъ любезный!.. Марко Данилычъ!.. — весело и громко здоровался Зиновій Алексѣичъ и, принявъ друга въ широкія объятья, трижды поликовался съ нимъ со щеки на щеку.

— Здравствуй, Зиновій Алексѣичъ!.. Вотъ гдѣ Господь привелъ свидѣться! — радостнымъ голосомъ говорилъ Марко Данилычъ. — Татьяна Андревна, здравствуйте, сударыня! Давненько съ вами не видались... Барышни, Лизавета Зиновьевна, Наталья Зиновьевна!.. Выросли-то какъ! Господи!.. Да какія стали раскрасавицы!.. Дуня, а Дуня! Подь скорѣе, примай подружекъ, привѣчай барышень-то... Дарья Сергѣвна, пожалуйте-ка сюда, матушка!

Показалась въ дверяхъ Дуня и зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Положивъ здоровенную ладонь на круглое, пышное плечико дочери, Марко Данилычъ подвелъ ее къ Татьянѣ Андревнѣ, а потомъ къ дочерямъ ея. И Дарью Сергѣвну съ Татьяной Андревной познакомилъ.

Перецѣловались, какъ водится. Дарья Сергѣвна тотчасъ увела Татьяну Андревну въ сосѣднюю комнату, поближе къ самоварчику, и тамъ разговорилась съ ней о томъ, каково хорошо огурцы уродились, и какое-то Господь яблокамъ совершенье пошлетъ... Затѣмъ домовитыя хозяюшки повели нескончаемую бесѣду про то, съ чѣмъ лучше капусту рубить, съ анисомъ аль съ тминомъ, сколько надо селитры класть, чтобы солонина казалась пригляднѣе, какимъ способомъ лучше наливки настаивать, варенья варить, соленья готовить. Дошло дѣло и до квасу на семи солодахъ и до того, какъ надо печь папушники, чтобъ были они повсхожѣе да попышнѣе, затѣмъ перевели рѣчь на поварское дѣло — тутъ ужъ ни конца ни краю не видѣлось разговорамъ хозяюшекъ.

Въ пріемной комнатѣ дѣвицы, усѣвшись на широкомъ, хоть и не очень мягкомъ диванѣ, отрывисто перебрасывались тихими, скромными рѣчами, а Марко Данилычъ сѣлъ съ пріятелемъ у открытаго окна и завелъ рѣчь про торговыя дѣла у Макарья. Волей-неволей и Петръ Степанычъ присосѣдился къ нимъ. Охотнѣй сѣлъ бы онъ въ дѣвичій кругъ, да не повелось того за обычай у людей стараго завѣта... Зазорно у нихъ молодому да притомъ еще холостому на людяхъ въ разговоры вступать съ дѣвицами, ежели съ ними изъ старшихъ кто-нибудь не сидитъ. Украдкой мечетъ Самоквасовъ на Дуню страстные взоры, а самъ то и дѣло оглядывается, не замѣтилъ бы отецъ. И когда его взоры встрѣчались со взорами Дуни, яркимъ багрецомъ рдѣлись свѣжія ея ланиты и, хмуря слегка бѣлое ровно кипѣнь чело, стыдливо глаза она опускала, либо спѣшила скорѣе въ сторону ихъ отвести.

Не можетъ налюбоваться на Дуню Наташа, меньшая Дорониныхъ дочь, но не можетъ и понять, отчего такъ она волнуется, отчего безпокойно на мѣстѣ сидитъ — нѣтъ-нѣтъ да и вспыхнетъ вся, ровно маковъ цвѣтъ раскраснѣется... Чиста, непорочна Наташа была, сердечныхъ тревогъ еще не извѣдала — ея пора еще не пришла. Но Лизавета Зиновьевна, что̀ постарше своей сестрицы была и много поопытнѣе, кое-что сразу примѣтила, — не скрылось отъ взоровъ ея ничего. Съ теплымъ, добрымъ участьемъ смотрѣла она то на таявшаго въ безмолвьѣ Самоквасова, то на рдѣвшую отъ его взглядовъ Авдотью Марковну. Тихая, ясная, хоть и грустная нѣсколько улыбка скользила по пурпурнымъ устамъ старшей Дорониной. «Такъ вотъ отчего онъ цѣлое утро у насъ про нее одну говорилъ». Такъ думала Лизавета Зиновьевна, глядя на Дуню кроткими своими очами.

— А что̀, Марко Данилычъ! Какъ у васъ, примѣрно сказать, будетъ насчетъ тюленьяго жира? — спрашивалъ между тѣмъ Зиновій Алексѣичъ у пріятеля, принимая поднесенный ему стаканъ рѣдкостнаго лянсина фу-чу-фу.

— А тебѣ что̀? — усмѣхнулся Марко Данилычъ. — Закупать не хочешь ли?.. Не совѣтую, — дѣло по нонѣшнимъ временамъ бросовое.

— Стану я на новы дѣла метаться!.. — степенно воскликнулъ Доронинъ. — И заведенными остаемся, слава Богу, довольны.

— Такъ что-жъ тебѣ за дѣло до тюленя? — пристально посмотрѣвъ на пріятеля, спросилъ Марко Данилычъ.

— Человѣкъ у меня есть. Для него и спрашиваю, — отвѣтилъ Доронинъ, смотря на что-то въ окошко.

— Чтò за человѣкъ такой?—прищуря глаза, спросилъ Смолокуровъ.

— Человѣкъ хорошій, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ. — На Низу у него многонько-таки этого тюленьяго жиру. И рыбій есть — топилъ изъ бѣшенки... Да дѣлишки-то у него маленько теперь позамялись — до сей поры не весь еще товаръ на баржи погруженъ... Развѣ-развѣ къ Рождеству Богородицы прибудетъ сюда.

Не очень бы, казалось, занятенъ былъ дѣвицамъ разговоръ про тюленій жиръ, но двѣ изъ нихъ смутились: Дуня оттого, что нечаянно взглядами съ Самоквасовымъ встрѣтилась, Лизавета Зиновьевна — кто ее знаетъ съ чего. Сидѣла она, наклонившись надъ прошивками Дуниной работы, и вдругъ во весь станъ выпрямилась. Широко раскрытыми голубыми глазами съ незамѣтной для другихъ мольбой посмотрѣла она на отца.

— Не слѣдъ бы мнѣ про тюленій-отъ жиръ тебѣ разсказывать, — сказалъ Марко Данилычъ: — у самого этого треклятаго товару цѣлая баржа на Гребновской стоитъ. Да ужъ такъ и быть, ради милаго дружка и сережка изъ ушка. Желаешь знать напрямикъ, по правдѣ, то-есть, по чистой совѣсти?.. Такъ вотъ чтò скажу: отъ тюленя — чтобъ ему дохнуть! — прибытки не прытки. Самое распослѣднее дѣло... Плюнуть на него не стòитъ — вотъ оно чтò.

Лизавета Зиновьевна вдругъ схватила изъ рукъ сестры зонтикъ и стала то открывать, то закрывать его.

Чуть-чуть покачалъ головой Зиновій Алексѣичъ и, крякнувъ съ досады, крикнулъ женѣ въ сосѣднюю комнату:

— Татьяна Андревна! А Татьяна Андревна! Подь-ка сюда на словечко.

Медленно встала со стула Татьяна Андревна, тихо къ дверямъ подошла, стала въ нихъ и пытливыми глазами посмотрѣла на мужа.

— Слышь, чтò Маркъ-отъ Данилычъ сказалъ? — молвилъ Доронинъ.—Тюлень-отъ, слышь, плевка нонѣ не стòитъ... Вотъ оно чтò!..

На мигъ, на одинъ только мигъ, сверкнули искры въ очахъ Татьяны Андревны и дрогнули губы... Пригорюнилась она и тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ покорно промолвила:

— Власть Господня!..

И затѣмъ тихою поступью пошла къ Дарьѣ Сергѣвнѣ, остановившейся на какой-то кулебякѣ съ рыбой и гречневой кашей. Закусивъ нижнюю губку, чуть удерживая слезы, Лизавета Зиновьевна за матерью пошла.

— Да, — продолжалъ Смолокуровъ: — этотъ тюлень теперича самое послѣднее дѣло. Не радъ, что и польстился на такую дрянь — всего только третій годъ сталъ имъ займоваться... Смолоду у меня не лежало сердце къ этому промыслу. Знаешь вѣдь, что отъ этого отъ самаго тюленя брательнику моему, царство ему небесное, кончина приключилась: въ морѣ потонулъ...

Въ сосѣдней горницѣ стукъ послышался. Чайную чашку выронила изъ рукъ Дарья Сергѣевна, и та разбилась въ дребезги.

— Колотите больше, — усмѣхнулся Марко Данилычъ. — Это, говорятъ, на счастье.

Ни слова не отвѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ужъ какъ мнѣ противенъ былъ этотъ тюлень! — продолжалъ свое Смолокуровъ. — Говорить даже про него не люблю, а вотъ поди-жъ ты тутъ — пустился на него... Орошинъ, дуй его горой, соблазнилъ... Смутилъ, песъ... И вотъ теперь по его милости совсѣмъ я завязался. Не повѣришь, Зиновій Алексѣичъ, какъ не радъ я тюленьему промыслу, пропадай онъ совсѣмъ!.. Убытки одни... Рыба — дѣло иное: къ Успеньеву дню расторгуемся, надо думать, а съ тюленемъ до самой послѣдней поры придется руки сложивши сидѣть. И то половины съ рукъ не сойдетъ.

— Отчего-жъ это такъ? — спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Новый тарифъ!.. — съ досадой отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Какое-жъ въ новомъ тарифѣ можетъ быть касательство до тюленьяго жира? Не изъ чужихъ краевъ его везутъ; свое добро, россійское.

— Свое-то свое, да вѣдь не съ кашей его ѣсть, — молвилъ Марко Данилычъ. — На ситцевы фабрики жиръ-отъ идетъ, въ краску, и съ этимъ тарифомъ, — чтобъ тѣмъ, кто писалъ его, ни дна ни покрышки, — того и гляди, что наполовину фабрикъ закроется. Къ тому-жъ нонѣ и хлопку что-то мало въ Петербургъ привезли, а это тюленьему жиру тоже большая вреда... Потому куда-жъ его дѣнешь, какъ не на ситцевы фабрики?.. На мыло, думаешь?.. Такъ нѣмца какого-то, песъ его знаетъ, бѣсъ угораздилъ какую-то кислоту олеинову выдумать... Отъ стеариновыхъ свѣчей остается; на выбросъ бы ее слѣдовало, а нѣмцы, бѣсовы дѣти, мыло стали изъ нея варить. А допрежъ тюленій жиръ на мыло много требовался. Отъ этихъ отъ самыхъ причинъ въ нонѣшнемъ году его и подкузмило. Того и гляди, весь на рукахъ останется... Понялъ? Въ коммерціи-то вѣдь каждая вещь одна за другую цѣ-

пляется, одна другой держится. Все едино, что̀ часы — попорть одно колесико, всѣ станутъ.

— Да, поди-ка вотъ тутъ! — думчиво молвилъ Доронинъ.

— Во всемъ такъ, другъ любезный, Зиновій Алексѣичъ, во всемъ, до чего ни коснись, — продолжалъ Смолокуровъ.— Вечоръ подъ Главнымъ Домомъ повстрѣчался я съ купцомъ изъ Сундучнаго ряда. Здѣшній торговецъ, недальній, отъ Стараго Макарья.—«Что̀, спрашиваю, какъ ваши промысла?»—«Какіе, говоритъ, наши промысла, убытокъ одинъ, дѣло хоть брось».— «Какъ такъ?»—спрашиваю.—«Да вотъ, говоритъ, въ Китаѣ не то война, не то бунтъ поднялся, шутъ ихъ знаетъ, а нашему брату хоть голову въ петлю клади».

— Какое же касательство можетъ быть Китаю до сундучниковъ? — съ удивленьемъ и почти съ недовѣрьемъ спросилъ Зиновій Алексѣичъ. — Пущай бы ихъ тамъ себѣ воевали на здоровье, намъ-то какое тутъ дѣло?

— То-то вотъ и есть...—молвилъ Смолокуровъ.—Вотъ оно что̀ означаетъ коммерція-то. Сундуки-то къ киргизамъ идутъ и дальше за ихнія степи, къ тѣмъ народамъ, что̀ китайцу подвластны. Какъ пошла у нихъ тамъ завороха, сундуковъ-то имъ и не надо. Отъ войны, извѣстно дѣло, одно разоренье, въ сундуки-то чего тогда станешь класть?.. Вотъ поди и распутывай дѣла: въ Китаѣ дерутся, а у Стараго Макарья «караулъ» кричатъ. Вотъ оно что̀ такое коммерція означаетъ!

— Значитъ, плохо будетъ тюленю? — маленько помолчавъ, еще разъ спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Плохо, — отозвался Марко Данилычъ. — Хоть бы Господь привелъ бы на двадцать на четыре мѣсяца, и то бы слава Богу...

Сморщился Доронинъ и смолкъ. Кинулъ онъ мимолетный взглядъ на вышедшую отъ Дарьи Сергѣвны дочь, и заботливое безпокойство отразилось въ глазахъ его. Не подходя къ дивану, гдѣ сидѣли Дуня съ Наташей, Лизавета Зиновьевна подошла къ раскрытому окну и, глазъ не сводя, стала смотрѣть на волжскія струи и темно-синюю даль заволжскихъ лѣсовъ...

— Много-ль жиру-то у твоего знакомца? — немного помолчавъ, спросилъ у Доронина Марко Данилычъ.

— Баржи на три... Почти весь капиталъ усадилъ, — отвѣтилъ Доронинъ.

— Плохо, — молвилъ Марко Данилычъ. — Здорово не выдерется... Да кто таковъ? Я промышленниковъ всѣхъ знаю, и рыбныхъ и тюленьихъ.

— Меркуловъ Никита Ѳедоровъ, саратовскій, — отвѣчалъ Доронинъ.

— Молоденькій-отъ, что въ кургузомъ-то сюртучишкѣ сталъ щеголять? Ровно собаки у него полы-тѣ обгрызли?—отозвался Марко Данилычъ. — Дрянцо! Вѣтрогонъ! Съ ногъ до головы никуда не годится! Къ тому же и въ вѣрѣ не крѣпокъ — повелся съ колонистами, съ нехристью дружбу повелъ, богоборную ихъ вѣру похваляетъ... Не больно знаю его да и знать не имѣю желанія... Родителя его, Θедора Меркулыча, зналъ достаточно, иной годъ сосѣдями по ватагамъ бывали, въ Юсуповскихъ водахъ *) участки рядомъ снимали. Обстоятельный былъ человѣкъ, благочестивый, къ истинной, старой, значитъ, вѣрѣ большую ревность имѣлъ. И дѣды были таковы же и прадѣды. Со дней Никонова гоненья до дня блаженной кончины Θедора Меркулыча, у нихъ въ дому канонницы на единъ часъ не переводились, негасимую по усопшимъ читали, божественныя службы правили. И священство древляго благочестія у Меркуловыхъ въ домѣ завсегда пребывало. Преисполненъ былъ домъ благочестія, а вотъ какому блудному сыну достался онъ! Да еще блудному нераскаянному! Чѣмъ бы святыя, древле-писанныя иконы сбирать, смѣхотворныя картины да языческихъ боговъ изображенія скупаетъ! Чѣмъ бы хорошія книги покупать, онъ скоморошныя, нечестивыя, богоотметныя!.. Совсѣмъ пропащій человѣкъ!

Быстро откинулась отъ окна Лизавета Зиновьевна. Лицо ея пылало, яркимъ блескомъ глаза загорѣлись. Гнѣвно окинувъ очами Марка Данилыча, строго, спокойно, молча прошла она къ Дарьѣ Сергѣвнѣ.

— Да, Θедоръ Меркулычъ человѣкъ былъ мудрый и благочестивый, — продолжалъ Смолокуровъ. — Оттого и тюленемъ не займовался, опричь рыбы никогда ничего не лавливалъ. И бѣшенку на жиръ не топилъ, «грѣшно, говорилъ, таку погань въ народъ пускать для того, что вкушать ее не показано»... Сынокъ-отъ не въ батюшку пошелъ. Въ тюленя весь капиталъ засадилъ... Умно, неча сказать... Промѣнялъ шило на свайку... Нѣтъ, дружище, ежели и впередъ онъ такъ пойдетъ, такъ ѣдучи въ лодкѣ пуще чѣмъ въ банѣ угоритъ.

— А какъ по-твоему? Можно поправить его дѣла?—спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Умненько надо впередъ поступать, тѣмъ только и можно поправить,—отвѣтилъ Марко Данилычъ.—Завсегда такъ надо дѣлать, чтобы каждаго сорта товаръ хоть по скольку-нибудь, хоть по самой малости, налицо былъ. На одномъ принялъ

*) Юсуповскія воды находятся въ Поморьѣ, отъ Синяго Моря къ сѣверу. Онѣ обыкновенно сдаются на откупъ участками.

убытокъ, на другомъ вернешь его... Понялъ?.. А онъ ни съ того ни съ сего весь капиталъ ухнулъ въ тюленя!.. Ну, не дурова ли голова? Сядетъ теперь малый на бобахъ, безпремѣнно сядетъ... А капиталъ-отъ у родителя былъ изрядный, тысячъ ста полтора, надо полагать. Много-ль сыновей-то послѣ Ѳедора Меркулыча осталось?

— Одинъ всего только и есть, — отвѣтилъ Доронинъ. — Сестра еще была, да та еще при жизни родителя выдѣлена. Матери нѣтъ... Такъ ему проторговаться, говоришь?

— Не миновать, — молвилъ Марко Данилычъ. — Говорю тебѣ: нѣтъ на тюленя покупателей и впередъ не предвидится.

Пуще прежняго насупился Зиновій Алексѣичъ.

— Неужто-жъ дѣло его совсѣмъ непоправное?—послѣ долгаго молчанья спросилъ Доронинъ.

— Какъ тебѣ сказать?.. — молвилъ Марко Данилычъ.—Бываетъ, и курица пѣтухомъ поетъ, бываетъ, и свинья кашлитъ... Можетъ, чудомъ какимъ и найдетъ покупателей... Только наврядъ... Да у тебя векселя, что ли, на него есть?

— Какіе векселя! — отозвался Зиновій Алексѣичъ.

— Такъ что-жъ тебѣ сухотиться?.. Самъ кашу заварилъ, самъ и расхлебывай, — сказалъ Смолокуровъ.

— Парня-то было жаль. Парень-отъ хорошъ больно, — съ сердечнымъ участьемъ промолвилъ Доронинъ.

— Какое хорошъ! — съ досадой сказалъ Марко Данилычъ.— Какъ есть шалыганъ, повѣса... Съ еретиками съякшался, съ колонистами!..

— Съ покойнымъ его родителемъ мы больше тридцати годовъ хлѣбъ-соль важивали, въ пріятельствѣ были... — продолжалъ Зиновій Алексѣичъ. — На моихъ глазахъ Никитушка и выросъ. Жалко тоже!.. А ужъ добрый какой да разумный.

— Разумный!—насмѣшливо возразилъ Марко Данилычъ.— Гдѣ-жъ у него ты разумъ-отъ нашелъ? Въ томъ нешто, что весь капиталъ въ тюленя усадилъ?

— Это ужъ его несчастье. Со всякимъ такое можетъ случиться, — продолжалъ Зиновій Алексѣичъ защищать Меркулова. — А что уменъ онъ, такъ уменъ, это ужъ кого хочешь спроси — на весь Саратовъ пошлюсь.

— Уменъ, да не догадливъ, — усмѣхнулся Марко Данилычъ. — А умъ безъ догади — шутъ ли въ немъ? И по Волгѣ плывешь, такъ безъ догади-то какъ разъ въ заманиху *) попадешь

*) Заманиха — глухое русло, ложный фарватеръ, глубина, замкнутая съ трехъ сторонъ невидимыми, подводными отмелями.

падешь. А не хватило у самого догади *), старыхъ бы людей спросилъ... Посовѣтовался бы съ кѣмъ... Такъ нѣтъ — мы-де молодые смыслимъ больше стариковъ, имъ-де насъ не учить. А на повѣрку и вышло, что Никитушка ровно молодой журавль — взлетѣлъ высоко, а сѣлъ низенько. А все нечестіе! Все оттого, что въ вѣрѣ повихнулся, съ нехристью повязался... Безбожныхъ, нечестивыхъ колонистовъ, въ истиннаго Бога не вѣрующихъ, похвалялъ!.. А! чего еще тебѣ?.. Теперь при его несчастьѣ кто изъ нашего благочестія руку помощи ему протянетъ? Кто изъ бѣды выручитъ? А нечестивцы себѣ на умѣ, имъ бы только барышъ взять, а упадшаго поднять — не ихъ дѣло!.. Да... Ну, что бы ему съ кѣмъ изъ нашего брата посовѣтоваться? Добрымъ словомъ не оставили бы... То-то и есть: молодые-то люди, что̀ новы горшки — то и дѣло бьются, а нашъ-отъ старый горшокъ, хоть берестой повитъ, да три вѣка живетъ. Мо̀лоды опенки, да черви въ нихъ, а старъ дубъ, да корень свѣжъ... А вы, сударь Петръ Степанычъ, къ стариковскимъ-то рѣчамъ прислушайтесь, да ежели вздумаете что̀ затѣвать, съ бывалыми людьми посовѣтуйтесь — не пришлось бы послѣ плакать, какъ вотъ теперь Меркулову...

— Сами знаете, Марко Данилычъ, что не падокъ я на новости. Дѣло дѣдами насиженное и то дай Богъ вести, — молвилъ Самоквасовъ.

— Ну, рыбну-то часть я бы вамъ совѣтовалъ, — возразилъ Марко Данилычъ. — Очень бы даже не мѣшало ее испробовать... У васъ же нашлись бы люди, что̀ на-первяхъ помогли бы совѣтомъ... Вы вѣдь не Меркуловъ, шалопайства за вами, кажись, не видится, опять же и въ благочестіи не шатаетесь... Оттого, что̀ бы тамъ по вашимъ дѣламъ ни случилось, ото всѣхъ нашихъ во всякое время скорая вамъ будетъ помощь... Въ каку яминy ни попадете — на рукахъ, батюшка, вытащимъ, потому что отъ старой вѣры не отшатываетесь. Будьте въ томъ упователыны — только по грѣховнымъ стопамъ не ходите... Только это одно!

— Нѣтъ, ужъ отъ рыбнаго-то дѣла увольте, Марко Данилычъ, — весело смѣясь, сказалъ Петръ Самоквасовъ. — Гривна въ карманѣ дороже рубля за̀ моремъ.

— Молодъ тѣломъ, а старенекъ, видно, дѣломъ, — кивнувъ на Петра Степаныча, замѣтилъ Зиновій Алексѣичъ, напрасно стараясь вызвать улыбку на затуманившемся лицѣ своемъ.

---

*) То же, что̀ и догадка. Употребляется въ нагорномъ Поволжьѣ, въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ.

— Что-жъ? За это хвалю, — молвилъ Марко Данилычъ: — но все-таки, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Самоквасову: — по рыбной-то части попробовать бы вамъ! Рыба не тюлень... На ней завсегда барыши...

— Нѣтъ ужъ, Марко Данилычъ, какіе-бъ милліоны на рыбѣ ни нажить, а все-таки я буду не согласенъ, — съ беззаботной улыбкой отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Напрасно, — слегка хмурясь, сказалъ Марко Данилычъ и свелъ разговоръ на другое.

— А что, Зиновій Алексѣичъ, возилъ ли хозяюшку съ дочками на ярманку? — спросилъ онъ у Доронина.

— Показалъ маленько, — отозвался Зиновій Алексѣичъ. — Всю почитай объѣхами: на Сибирской *) были, пароходную смотрѣли, подъ Главнымъ Домомъ разъ пятокъ гуляли, музыку тамъ слушали, по бульвару и по модной линіи хаживали. Показывалъ имъ и церкви иновѣрныя, соборъ, армянскую, въ мечеть не попали, женскій полъ, видишь, туда не пущаютъ, да и смотрѣть-то нечего тамъ, однѣ голы стѣны... Въ городу—на Откосѣ гуляли, съ Гребешка на ярманку смотрѣли, по Волгѣ катались.

— Ишь какъ разгулялись! — молвилъ Марко Данилычъ. — А въ театрахъ?

— Нѣтъ еще, а грѣшнымъ дѣломъ сбираюсь, — отвѣчалъ Доронинъ. — Стоящіе люди завѣряютъ, что хоша тамъ и бѣсу служатъ, а безчинія нѣтъ, и дѣвицамъ, слышь, быть тамъ не зазорно... Думаю повеселить дочекъ-то, свожу когда-нибудь... Поѣдемъ-ка вмѣстѣ, Марко Данилычъ!

— Со всякимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Смолокуровъ. — Ты безъ насъ ужъ не ѣзди. Не повѣришь, сколь я радъ, видѣвшись съ тобой да съ Татьяной Андревной... Видишь ли, у меня Дарья Сергѣвна, покойника брата Мокея невѣста—по хозяйству золото, а по эвтой части совсѣмъ никуда не годится... Смиренница, постница, богомольница, что твоя инокиня... Ни за что на свѣтѣ не пойдетъ она не токма въ театръ, а хоша-бъ и подъ Главный Домъ... А безъ старшей изъ женскаго полу какъ дѣвицу въ люди везти?.. А съ Татьяной-то Андревной оно и можно... Ты ужъ сдѣлай милость, Зиновій Алексѣичъ, съ сей минуты отъ насъ ни на пядь... По старой дружбѣ не откажи, пожалуйста.

— Радехонекъ, Марко Данилычъ, — отвѣчалъ Доронинъ. — И дѣвицамъ-то вмѣстѣ повалнѣе будетъ.

— Главное, на людяхъ-то было бы пристойно да обыч-

---

*) Сибирская пристань на Волгѣ, гдѣ, между прочимъ, разгружаются чаи.

ливо,—поддакнулъ Марко Данилычъ. — Вотъ и Петра Степаныча прихватимъ,—съ улыбкой прибавилъ онъ.

Быстро съ мѣста вскочилъ Самоквасовъ и съ сіяющими глазами сталъ благодарить и Марка Данилыча и Зиновья Алексѣича, что не забыли его.

Рѣшили на другой же день въ театръ ѣхать. Петръ Степанычъ взялся и билеты достать.

— Вотъ и согрѣшимъ, — съ довольствомъ потирая руки и ходя по комнатѣ, говорилъ Марко Данилычъ. — Наше отъ насъ не уйдетъ, а воротимся домой, какъ-нибудь отъ этихъ грѣховъ отмолимся. Не то кѐрженскимъ старицамъ закажемъ молиться. Здѣсь же недалече... Тамъ, братъ, на этотъ счетъ ухъ какія мастерицы!.. Первый сортъ!..

— По-моему и грѣхъ-отъ не больно великъ, — отозвался Зиновій Алексѣичъ. — Опять же ярманка!

— Конечно, — согласился Марко Данилычъ. — А потомъ выберемъ денекъ да къ ловцамъ рыбу ловить. Косныхъ у меня вдоволь... Вверхъ по Окѣ махнемъ, не то на Волгу покатимъ... Уху на бережку сварганимъ, похлебаемъ на прохладѣ!.. Такъ али нѣтъ, Зиновій Алексѣичъ?—прибавилъ онъ, хлопнувъ по плечу друга-пріятеля.

— Идетъ, — весело отвѣтилъ Зиновій Алексѣичъ.—Пѣсенниковъ не прихватить ли?

— Можно и пѣсенниковъ, — согласился Смолокуровъ. — У Петра Степаныча ноги молодыя да прыткія, а дѣловъ на ярманкѣ нѣтъ никакихъ. Онъ намъ и смастеритъ. Такъ али нѣтъ, Петръ Степанычъ?

Самоквасовъ съ радостью согласился. Объ одномъ только просилъ — не мѣшали бы ему и ни въ чемъ не спорили. Согласились на то Смолокуровъ съ Дорониным.

Вплоть до сумерекъ просидѣли гости у Марка Данилыча. Не удосужилось ему съѣздить къ водяному. «Дѣлать нечего, подумалъ, завтра пораньше поѣду».

Только-что вышли гости, показался въ передней Василій Ѳаддеевъ. Разрядился онъ въ длиннополую сибирку тонкаго синяго сукна, съ мелкими борами назади, на шею повязалъ красный шелковый платокъ съ голубыми разводами, вздѣлъ зеленыя замшевыя перчатки, въ одной рукѣ пуховую шляпу держитъ, въ другой «лепортицу». Ровно гусь вытянулъ онъ изъ двери длинную шею свою, зорко, но робко поглядывая на хозяина, пока Марко Данилычъ не сказалъ ему:

— Войди!

Ѳаддеевъ вошелъ и сталъ глядѣть по угламъ, отыскивая

глазами икону. Увидѣвъ наконецъ подъ самымъ потолкомъ крохотный, невзрачный образокъ и положивъ передъ нимъ три низкихъ поклона, еще пониже, съ подобострастной ужимкой, поклонился хозяину, затѣмъ, согнувши спину въ три погибели, подалъ ему «лепортицу».

— Насчетъ рабочихъ давеча поутру приказали сготовить,— сказалъ онъ сладенькимъ и подленькимъ голосомъ.—Насчетъ, значитъ, ихнихъ заборовъ.

Молча взялъ бумагу Марко Данилычъ. Быстро просмотрѣлъ ее и, вскинувъ глазами на приказчика, строго спросилъ:

— Это что у тебя за отмѣтки? Сбѣжалъ, сбѣжалъ, сбѣжалъ.

— Давеча, только-что изволили съѣхать съ баржѐй, они гурьбой-съ!.. — пожимая лѣвымъ плечомъ и слегка откинувъ правую руку, отвѣтилъ грозному хозяину Ѳаддеевъ.—Цѣла половина сбѣжала-съ, шестьдесятъ человѣкъ!

— А пачпорты какъ же? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Слѣпые были-съ, — не разгибая спины, но понизивъ голосъ, молвилъ Василій Ѳаддеевъ.

— Всѣ шестьдесятъ?

— Такъ точно-съ, — отвѣтилъ Ѳаддеевъ. Заискивающимъ взоромъ только-что побитой собаки робко, умильно взглядывалъ онъ на хозяина.

— Гм! — подъ носъ себѣ промычалъ Смолокуровъ и, потирая губу о губу, продолжалъ разсматривать «лепортицу», чистенько переписанную, разлинованную, разграфленную — хоть самому губернатору подавай.

— Болѣе четырехсотъ цѣлковыхъ экономіи-съ,—хихикнулъ Василій Ѳаддеевъ.

— Жаловаться не стали бы, — думчиво молвилъ Марко Данилычъ.

— Какъ же смѣютъ они жалобиться?.. Помилуйте-съ! — возразилъ Василій Ѳаддеевъ. — Ни у кого никакого вида нѣтъ-съ... Жалобиться имъ никакъ невозможно. Въ острогѣ сидѣть аль по этапу домой отправляться тоже не охота. Помилуйте! — говорилъ Ѳаддеевъ.

— А другіе что? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Смирились-съ. На всю вашу волю полагаются. Очень просятъ вашу милость, простили-бъ ихъ супротивленье,—умиленнымъ голосомъ и съ покорнымъ видомъ наклонясь, говорилъ Василій Ѳаддеевъ.

— А тотъ сызранскій-отъ? Изъ Елшанки, Сидоръ Аверьяновъ? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Сбѣжалъ-съ, — тряхнувъ головой и погладивъ прилизан-

ные виски, быстро отвѣтилъ Ѳаддеевъ и, ровно въ чемъ провинился, уставился на хозяина широкими глазами.

— Безъ вида былъ?

— Какъ есть-съ...

Замолчалъ Смолокуровъ.

— Самый буянственный человѣкъ, — на всѣ стороны оглядываясь, говорилъ Василій Ѳаддеевъ.—Отъ него вся бѣда вышла... Онъ, осмѣлюсь доложить вашей милости, Марко Данилычъ, на всѣ художества завсегда первымъ заводчикомъ былъ. Чуть что̀ не по немъ, тотчасъ всю артель взбудоражитъ. Вотъ и теперь — только-что отплыли вы, еще въ виду косная-то ваша была, Сидорка, не говоря ни слова, котомку на̀ плечи да на берегъ. За нимъ всѣ слѣпые валомъ такъ и повалили.

— Впрямь сызранскій онъ? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Наврядъ-съ...—тряхнувъ головой, отвѣтилъ Ѳаддеевъ.— По рѣчамъ надо быть ему ярославцемъ!.. Изъ служивыхъ, должно-быть, солдатикъ горемычный... Бѣглый... попросту сказать.

— То-то солдатикъ. А ты будь пооглядчивѣй да поопасливѣй...—внушительно сказалъ приказчику Марко Данилычъ.— Не ровенъ часъ — могутъ непріятности послѣдовать. Больно-то много слѣпыхъ не набирай.

— Вашей же милости сходнѣе, Марко Данилычъ,—пожавъ плечами, съ плутовской ужимкой отвѣтилъ Василій Ѳаддеевъ.— Слѣпые-то су̀противъ зрячихъ много дешевле. Опять же слѣпенькаго, когда понадобится, и укротить сподручнѣе; жалобиться не пойдетъ, значитъ, изъ него хоть веревку вей... Вотъ хоша бы сегодняшняя ваторга *)—будь они съ пачпортами-то, всей бы оравой сейчасъ къ водяному, а не то и къ самому губернатору. Судьбище пошло бы, вамъ непріятности отъ начальства, а теперича и жалобщиковъ нѣтъ, и безъ малаго пятьсотъ цѣлковыхъ въ экономіи.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки промежъ дверей пальца не тычь, — сказалъ Марко Данилычъ. — Нынче, братъ, не прежнее время... Строгости!..

— Извѣстно, по нонѣшнимъ годамъ много строже пошло, — встряхнувъ волосами, молвилъ приказчикъ. — Однакожъ никто какъ Господь... Богъ милостивъ.

Марко Данилычъ отвернулся отъ Ѳаддеева, молча прошелъ къ окну и сталъ разглядывать улицу. Послѣ короткаго молчанья, Ѳаддеевъ, неслышно шагъ за шагомъ ступая впередъ

---

*) Ваторга — шумъ, буйство, драка.

и вытянувъ шею по-гусиному, спросилъ вполголоса Марка Данилыча:

— Насчетъ остальныхъ какое будетъ отъ вашей милости приказаніе?

Ни слова не отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Дрожмя дрожатъ-съ, до конца сробѣли... Милости просятъ, — немножко помолчавъ, опять сталъ клянчить у хозяина Василій Ѳаддеевъ.

— А тѣ?.. Дядя-то съ племянникомъ, что̀ въ первыхъ были? — спросилъ Смолокуровъ, продолжая глядѣть въ окошко.

— Не они были зачинщиками, Марко Данилычъ, — проворно отвѣчалъ Ѳаддеевъ.— Всему дѣлу голова Сидорка. Онъ всю ваторгу затѣялъ, онъ всѣхъ подбилъ, а Карпушка съ племянникомъ люди тихіе, смирные... Имъ бы и въ голову не могло придти, чтобы супротивъ хозяина буйство поднять... Карпушка-то придурковатъ маленько; Сидорка ему и пригрозилъ, не полѣзешь, дескать, впередъ, въ воду тебя кину... Онъ сдуру-то и повѣрь да по глупости своей и полѣзъ. Ежели-бъ не Сидорка, Карпъ словечка не молвилъ бы, потому человѣкъ онъ несмѣлый... А Софронка, племянникъ-отъ его, и вовсе рта не разѣвалъ. Мальчишка еще глупый — куда ему?.. Просто разиня ротъ возлѣ дяди стоялъ!

— Кто-жъ опричь Сидорки больше всѣхъ бунтовалъ? — спросилъ Марко Данилычъ, все еще не повертываясь къ приказчику.

— У меня они всѣ переписаны, — быстро сказалъ Василій Ѳаддеевъ и, вынувъ изъ кармана записочку, сталъ читать по ней:—Лукьянъ Носачевъ, Пахомка Заплавной, Ѳедька Квасникъ, Калина Затиркинъ да Евлашка Кособрюховъ... Только ихъ теперь донять невозможно.

— Отчего? — повернувшись къ Ѳаддееву, спросилъ Смолокуровъ.

— Сбѣжали-съ. Тоже изъ слѣпенькихъ были, — проворно перебирая пальцами, съ плутовской ужимкой молвилъ приказчикъ.

Опять къ окну повернулся Марко Данилычъ, опять на улицѣ сталъ прохожихъ считать.

— По правдѣ сказать, какъ я ужъ вамъ и докладывалъ, одни слѣпые и озорничали, — послѣ короткаго молчанья, заискивающимъ голоскомъ опять заговорилъ Ѳаддеевъ.—Остальные, кажись бы, стояли смирнехонько... Потому нельзя имъ буйства заводить — пачпорты.

Молчалъ Смолокуровъ.

— Опять же и то взять, — опять помолчавъ, продолжалъ

свое нести Өадеевъ. — Только-что приказали вы идти каждому къ своему мѣсту, слѣпые съ мѣста не шелохнулись и пуще прежняго зачали буянить, а которы съ видами, тѣ, надѣясь отъ вашего здоровья милости, по первому слову пошли по мѣстамъ... Самымъ главнѣющимъ озорникамъ, Сидоркѣ, во-первыхъ, Лукьяну Носачеву, Пахомкѣ Заплавному, они же послѣ въ шею наклали. «Изъ-за васъ, говорятъ, изъ-за разбойниковъ, намъ всѣмъ отвѣчать»... Народъ смирный-съ.

И покорно поникъ головой и глубоко вздохнулъ Василій Өаддеевъ.

— Много-ль народу осталось? — спросилъ Смолокуровъ.

— Шестьдесятъ человѣкъ ровнехонько.

— На раздѣлку хватитъ?

— Должно бы хватить.

— Разочти завтра, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ приказчикъ и, прокашлявшись въ руку, спросилъ, глядя въ сторону: — За простойные дни какъ прикажете?

— Чортъ съ ними, отдай! — сказалъ Смолокуровъ.

— Слушаю-съ, — молвилъ Василій Өаддеевъ и послѣ короткаго молчанья спросилъ: — Не будетъ ли еще какихъ приказаній?

— Никакихъ, — угрюмо молвилъ Марко Данилычъ.

Сбираясь уходить, Өаддеевъ, какъ водится, сталъ креститься въ уголъ, на едва видный образъ.

— Постой, погоди, — остановилъ его Смолокуровъ. — Завтра явись ко мнѣ за расцѣночной вѣдомостью, поутру, часу въ девятомъ, а теперь сейчасъ на баржи... Смотри, на ярманкѣ не загуляй: отсель прямо на караванъ... Да чтобы все у меня было тихо. Понялъ?

— Слушаю-съ, — приниженнымъ голосомъ отвѣтилъ Өаддеевъ и, бойко положивъ три поясныхъ поклона передъ образомъ, низко-пренизко поклонился хозяину, промолвивши:

— Засимъ счастливо оставаться-съ.

Вышелъ-было за дверь, но Смолокуровъ его воротилъ.

— На тюленя какъ цѣны? — отрывисто спросилъ у него.

— Еще не обозначились-съ, — быстро мигая, проговорилъ Өаддеевъ.

— Дуракъ!.. Не обозначились!.. Безъ тебя знаютъ, что не обозначились, — крикнулъ на него Марко Данилычъ. — Что̀ на эвтотъ счетъ говорятъ по караванамъ? Вотъ про что тебя, болвана, спрашиваютъ... Слухи какіе ходятъ для эвтого предмету?.. На другихъ то-есть караванахъ?

— Розно толкуютъ-съ, — перебирая пальцами и глядя въ

сторону, отвѣтилъ Ѳаддеевъ. — На орошинскихъ баржахъ былъ намедни разговоръ, что тюленю надо быть рубля на два, а по другимъ караванамъ толкуютъ, что будетъ два съ гривной, даже двухъ рублей съ четвертакомъ ожидаютъ. Дѣло закрытое-съ.

— Примѣчай, — мотнувъ головой, промолвилъ Марко Данилычъ.

— Слушаю-съ.

— Чуть что̀ услышишь, тотчасъ ко мнѣ.

— Слушаю-съ.

— Съ Богомъ! — махнувъ рукой, сказалъ Смолокуровъ.

Сызнова Ѳаддеевъ помолился на образокъ, сызнова отвѣсилъ низкій поклонъ хозяину и, быстро юркнувъ за дверь, осторожно притворилъ ее за собою.

Долго послѣ его ухода Марко Данилычъ сидѣлъ у окна, долго ногтями тихонько по стеклу барабанилъ... Сходилъ въ свою спальную комнату, вынесъ оттуда счеты и съ полчаса щелкалъ на нихъ костями. Что-то высчитывалъ, надъ чѣмъ-то раздумывалъ, вдругъ его ровно вѣтромъ съ мѣста сорвало... Вскочилъ и съ радостнымъ взоромъ не то что прошелся, а чуть не пробѣжалъ разъ и другой взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ къ Дунѣ прошелъ, нѣжно простился съ ней и, обѣщавъ привезти гостинца съ ярманки, торопливо схватилъ картузъ и спѣшно, чуть не бѣгомъ, выбѣжалъ вонъ изъ гостиницы.

— На ярма̀нку!.. — громко крикнулъ извозчику, садясь въ широкія на лежачихъ рессорахъ дрожки, порядочно, впрочемъ, потертыя.

Бойкій кузнечевецъ *) быстро тронулся съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ, въѣхавъ на мостъ черезъ Оку, онъ спросилъ сѣдока:

— Которо мѣсто въ ярманкѣ прикажете?

— Въ трактиръ пошелъ!.. Въ тотъ, куда рыбны торговцы по вечерамъ чай ходятъ пить, — сказалъ ему Марко Данилычъ.

— А въ коемъ же трактирѣ они чай-отъ пьютъ?

— Какъ же ты этого не знаешь!.. Какой же ты послѣ этого извозчикъ! — съ досадой крикнулъ Смолокуровъ.

— А какъ же нашему брату знать, гдѣ какое купечество чаи распиваетъ? — спокойно отвѣтилъ кузнечевецъ. — Здѣсь, ваше степенство, трактировъ не перечесть. Кто ихъ знаетъ, кто куда ходитъ.

*) Въ Нижнемъ бо̀льшая часть легковыхъ извозчиковъ изъ подгородныхъ деревень, преимущественно изъ Кузнечихи.

— А ты поменьше говори да поменьше умничай! — съ досадой молвилъ Марко Данилычъ.

— Нисколько мы не умничаемъ, господинъ купецъ, — продолжалъ нести свое извозчикъ.—А ежели нашему брату до всѣхъ до этихъ вашихъ дѣловъ доходить вплотную, гдѣ то-есть каждый изъ васъ чаи распиваетъ аль обѣдаетъ, такъ этого намъ ужъ никакъ невозможно. Наше дѣло — сказалъ сѣдокъ, ѣхать куда, вези и деньги по такцыи получай. А ежели хозяинъ добрый, онъ тебѣ безпремѣнно и посверхъ такцыи на чаёкъ прибавитъ. Наше дѣло все въ томъ только и заключается.

— Говорятъ тебѣ: много не разговаривай! — крикнулъ Марко Данилычъ. — Чѣмъ лясы-то распускать, лучше бы поспрошалъ у кого-нибудь, гдѣ тотъ трактиръ...

— Вотъ что̀ дѣло, то дѣло, — согласился невозмутимый кузнечевецъ. — Поспрошать это можно. Мостъ-отъ переѣхамши, куда же ворочать-то? Направо аль налѣво?

— Къ Гребновской пристани ближе ступай... Тамъ спросимъ.

Хлестнулъ извозчикъ добрую, красивую обвенку *), и дробной рысцой побѣжала она по шоссейной дорогѣ Сундучнаго ряда... Послѣ долгихъ разспросовъ, послѣ многихъ переѣздовъ отъ одного трактира къ другому, Марко Данилычъ отыскалъ наконецъ тотъ, гдѣ въ этомъ году рыбные торговцы по вечерамъ собирались...

Глава седьмая.

Изъ крупныхъ торговцевъ, изъ тузовъ, что̀ ѣздятъ къ Макарью, больше половины московскихъ. Оттого на ярманкѣ и порядки всѣ московскіе. Тѣхъ порядковъ держатся тамъ и сибиряки, и уральцы, народъ верховый и низовой, словомъ, всѣ «городовые» **). Какъ и въ Московскомъ городѣ, всѣ всы торговыя сдѣлки ладятся по трактирамъ. И хозяева и приказчики изъ лавки цѣлый день ни ногой, но только-что смеркнется, только-что зажгутъ фонари, валомъ повалятъ по трактирамъ. Огонь въ лавкахъ воспрещенъ, а въ палаткахъ надъ ними, гдѣ купцы живутъ, хоть и дозволяютъ держать огонь часовъ до одиннадцати, но самовары запрещены. Правда,

---

*) Порода небольшихъ, кругленькихъ, крѣпкихъ, доброѣзжихъ и очень выносливыхъ лошадей. Называются по рѣкѣ Обвѣ (Пермской губерніи), гдѣ разведены Петромъ Великимъ.

**) Городовыми какъ въ Москвѣ, такъ и у Макарья, называются купцы не московскіе.

на эти запреты никто почти вниманія не обращаетъ, въ каждой лавкѣ ставятъ самовары и курятъ табакъ безо всякой опаски, однакожъ по привычкѣ купцы все-таки каждый вечеръ расходятся по трактирамъ, чайкомъ побаловаться да кстати и дѣльцо, ежели подвернется, обладить.

По вечерамъ и ярмарочные и городскіе трактиры биткомъ набиты. Чаю выпиваютъ количество непомѣрное. Послѣ, какъ водится, пойдутъ въ ходъ закусочки, конечно, съ прибавленьицемъ. Въ Москвѣ — въ Новотроицкомъ, у Лопашева и въ другихъ излюбленныхъ купечествомъ трактирахъ можно только чай пить, но закусывать, а пуще того винца рюмочку выпить — сохрани Господи и помилуй!.. Зазорное дѣло!.. У Макарья не то: тамъ и московскимъ и городовымъ купцамъ, яко въ пути находящимся, по всѣ дни и по вся ночи — разрѣшенія на вся.

На сто восемьдесятъ милліоновъ, а годами и больше того товару на Макарьевскую свозится, на сто шестьдесятъ и больше продается, и всѣ обороты дѣлаются по трактирамъ. Лѣтъ шестьдесятъ тому, когда ставили ярманку возлѣ Нижняго, строитель ея, ни словечка по-русски не разумѣвшій, а народныхъ обычаевъ и вовсе не знавшій *), пожелалъ, чтобъ ярманочныя дѣла на новомъ мѣстѣ пошли на ту же стать, на какую они въ чужихъ краяхъ идутъ. Для того прежде всего позаботился онъ выстроить огромный домъ, на подобіе не то амстердамской, не то гамбургской биржи, и назвалъ тотъ домъ «Главнымъ Домомъ». Двери и окна его разукрасилъ кадуцеями Меркурія: теперь они ужъ сняты... Въ верхнемъ ярусѣ Главнаго Дома устроилъ семь или восемь обширныхъ залъ да еще внизу четыре, и въ каждой изъ нихъ приказалъ быть ежедневно собраньямъ купцовъ. Возлѣ залъ небольшія комнатки для маклерскихъ дѣлъ устроены были. И все убрали, все разукрасили роскошно, однихъ зеркалъ больше пятисотъ поставили въ Главномъ Домѣ... Все бы, кажется, было приспособлено къ потребностямъ торговцевъ, обо всемъ подумали, ни о чемъ не забыли, но, къ изумленію строителя, купцы въ Главный Домъ не пошли, а облюбовали себѣ трактиры, памятуя пословицу, что еще у Стараго Макарья на Желтыхъ Пескахъ сложилась: «съѣздить къ Макарью, два дѣла сдѣлать: поторговать да покуликать». Помнивая Петра Великаго, властный чужеземецъ къ строгостямъ было-вздумалъ прибѣгнуть: по его велѣнью чуть не палками купцовъ въ Главный Домъ загоняли... Не помогло. Такъ домъ и остался

*) Генералъ Бетанкуръ.

пустымъ. Благо, что лѣтъ черезъ десять на городской сторонѣ Оки сгорѣлъ деревянный лѣтній домъ, гдѣ на время ярманки живалъ губернаторъ. Въ пустой, ни на что ненужный Главный Домъ посадили тогда губернатора — не пропадать же даромъ казенному мѣсту. Кадуцеи съ дверей и оконъ сняли, можетъ-быть, потому, что губернатору торговать не полагается. На всякій случай для биржи оставили одну залу. И до сихъ поръ въ ней собираются разные комитеты, но торговыхъ сдѣлокъ никогда не бываетъ.

А биржа появилась-таки на ярманкѣ, но сама собой и не тамъ, гдѣ было указано. По всякой торговлѣ было удобно сдѣлки въ трактирахъ кончать, но хлѣбнымъ торговцамъ это было не съ руки. У нихъ — главное дѣло поставки, имъ надо бурлаковъ рядить, съ артелями толковать, въ трактиръ ихъ съ собой не потащишь. И стали они каждый день толпами сходиться на берегу, возлѣ моста. По времени хлѣбные торговцы не только стали тутъ рабочихъ нанимать, но и всю торговлю свою туда перевели. Хлѣбная биржа съ каждымъ годомъ становилась люднѣе, густыя толпы неповоротливыхъ бурлаковъ мѣшали свободному движенію людей, обозовъ и экипажей, и потому у мостовыхъ перилъ надъ самой Окой деревянный навѣсъ поставили. Стоялъ тотъ навѣсъ на длинныхъ шестахъ; въ хорошій вѣтеръ его со всѣми людьми могло бы сдунуть въ самую глубь рѣки. Перевели биржу на берегъ, устроили для нея красивый домъ изъ желѣза, тутъ она и усѣлась. И теперь каждый день въ положенные часы сбираются туда кучи народа. Бурлаковъ ужъ нѣтъ: пароходство убило ихъ промыселъ, зато явились владѣльцы пароходовъ, капитаны, компанейскіе директоры, изъ банковыхъ конторъ довѣренные, и стали въ желѣзномъ домѣ ладиться дѣла милліонныя. А безъ трактира все-таки не обошлось — бокъ о бокъ съ желѣзнымъ домомъ, на самомъ юру ровно грибъ выросъ трехъ- либо четырехъярусный каменный трактиръ Ермолаевскій. На биржѣ потолкуютъ, съ дѣломъ уладятся, а концы сводить пойдутъ къ Ермолаеву. Тамъ за чайкомъ, за водочкой, аль за стерляжьей селяночкой и стали дѣла вершать.

Стономъ стоятъ голоса въ многочисленныхъ, обширныхъ, ярко освѣщенныхъ комнатахъ Рыбнаго трактира. Сверху изъ мезонина несутся дикіе, визгливые крики цыганокъ и дрожмя дрожитъ потолокъ подъ дробнымъ топотомъ бѣснующихся плясуновъ. Внизу смазливыя нѣмки, съ наглыми, вызывающими взорами, поютъ осиплыми голосами, играютъ на струнныхъ инструментахъ, а потомъ докучливо надоѣдаютъ, ходя съ нотами отъ столика къ столику за подаяньемъ. Не чивъ сте-

пенный торговецъ до нѣмецкихъ пѣвуній, съ досадой отмахивается онъ отъ ихъ назойливыхъ требованій «на ноты», но голосистыя нѣмки не унываютъ... Не со вчерашняго дня знаютъ онѣ, что стòитъ только купецкой молодежи раскуражиться — кучами полетятъ на ноты разноцвѣтныя бумажки... Ровно съ цѣпи сорвавшись, во всѣ стороны мечутся ярославцы въ бѣлыхъ миткалевыхъ рубашкахъ, съ бѣлыми полотенцами черезъ плечо, въ смазныхъ со скрипомъ сапожкахъ... Разносятъ они чайники съ чашками, графинчики съ рюмками, пышные подовые пироги, московскія селянки, разварную осетрину, паровыя стерлядки — кому что̀ на потребу... Топотъ толпы бѣгающихъ половыхъ, стукъ ложками и ножами, говоръ, гомонъ по всѣмъ комнатамъ не перемежаются ни на минуту. Изрѣдка раздается хлопанье пробки отъ «холодненькаго» — это значитъ сдѣлку покончили.

Степенной походкой вошелъ Марко Данилычъ, слегка отстранивъ отъ себя ярославцевъ, хотѣвшихъ-было съ его степенства верхнюю одежу снять. Медленными шагами прошелъ онъ въ «дворянскую» — такъ назывались въ каждомъ макарьевскомъ трактирѣ особыя комнаты, гдѣ было прибрано почище, чѣмъ въ остальныхъ. Туда не всякаго пускали, а только по выбору.

Зоркій глазъ Марка Данилыча разомъ примѣтилъ въ углу, за большимъ столомъ, сидѣвшихъ рыбныхъ торговцевъ. Они угощались двѣнадцатью парами чая.

— Марку Данилычу наше наиглубочайшее! — съ легкой одышкой, сиплымъ голосомъ промолвилъ тучный, жиромъ оплывшій купчина, отирая краснымъ платкомъ градомъ выступившій потъ на лицѣ и по всей плѣшивой до самаго затылка головѣ.

Быстро подскочилъ половой и подставилъ стулъ для Марка Данилыча.

— Чай да сахаръ! — молвилъ Смолокуровъ, здороваясь со знакомцами.

— Къ чаю милости просимъ, — отвѣчалъ тучный, лысый купчина и приказалъ половому: — Тащи-ка, любезный, еще шесть парочекъ. Да спроси у хозяина самаго наилучшаго лянсину. Не то, молъ, гости назадъ отошлютъ и денегъ ни копейки не заплатятъ.

Что̀ есть мочи размахивая руками, быстро кинулся половой вонъ изъ комнаты.

— Давно ли пожаловали? — спросилъ Марка Данилыча сѣдой, старый купецъ въ щеголеватомъ, наглухо застегнутомъ кафтанѣ тонкаго синяго сукна и въ глянцовитыхъ сапогахъ

съ напускомъ. Ростомъ онъ былъ невеликъ, но изъ себя коренастъ. Здоровое, красное лицо, ровно камчатскимъ бобромъ опушенное окладистой, темно-русой съ сѣдой искрой бородою, было надменно и горделиво; въ глазахъ виднѣлись высокомѣріе и кичливая спесь. То былъ самый богатый, самый значительный изо всѣхъ рыбниковъ, Онисимъ Самойлычъ Орошинъ. Считали его въ пяти милліонахъ — потому великій почетъ ему отдавали, а ему на всѣхъ наплевать...

— Вечоръ только прибыли, — кладя на окошко картузъ, мягко, привѣтливо отвѣтилъ Орошину Марко Данилычъ. — Вы давненько ли въ здѣшнихъ мѣстахъ, Онисимъ Самойлычъ?

— Шестой день безъ пути здѣсь болтаемся. Дѣловъ еще нѣтъ. Надоѣло до смерти! — молвилъ Орошинъ.

— Безъ того нельзя, — замѣтилъ Смолокуровъ.

— Вѣстимо нельзя, — отозвался Сусалинъ Степанъ Ѳедорычъ, тотъ лысый, тучный купчина, что̀ первый встрѣтилъ привѣтомъ Марка Данилыча. То же промолвилъ Иванъ Ермолаичъ Сѣдовъ, бородастый, широкоплечій купчина лѣтъ пятидесяти, богатырь-богатыремъ... Поглядѣть на него — протодьякономъ бы ревѣть ему, анъ нѣтъ: пищитъ, визжитъ, ровно старая дѣвка. Былъ тутъ еще Веденеевъ Дмитрій Петровичъ, человѣкъ молодой, всего друго лѣто сталъ вести дѣла по смерти родителя. Посмотрѣть на него — заглядѣнье: пригожъ лицомъ, хорошъ умомъ, одѣвается въ сюртуки по-нѣмецкому, по праздникамъ даже на фраки дерзаетъ, за что старуха-бабушка клянетъ его, проклинаетъ всѣми святыми отцами и всѣми соборами: «забываешь-де ты, непутный, древлее благочестіе, ересями прельщаешься, пріемлешь противное Богу одѣяніе нечестивыхъ»... Капиталецъ у Веденеева былъ кругленькій: дѣла онъ велъ на широкую руку и ни разу не давалъ оплошки; теперь у него на Гребновской караванъ въ пять баржей стоялъ... По молодости Веденеева старые рыбники обращались съ нимъ немножко свысока, особливо Орошинъ. Хоть Марко Данилычъ негодовалъ на Меркулова за то, что съ колонистами водится и ходитъ въ кургузой одеждѣ, но на богатомъ Веденеевѣ будто и не замѣчалъ ея...

И Орошинъ и другіе рыбники Митенькой звали Веденеева, хоть этотъ Митенька ростомъ былъ вершковъ тринадцати, а возрастомъ далеко за двадцать лѣтъ. Но какъ не былъ еще сполна хозяиномъ, хозяйкой то-есть пока не обзавелся, то и оставался покудова Митенькой. Онъ кой-чему учился, видѣлъ пошире, глядѣлъ на дѣла пояснѣе, чѣмъ старые рыбники. Родитель его не то чтобы по своему изволенью и не то чтобъ по желанью сына, а по приказу губернатора отдалъ его учиться

въ коммерческую академію. Замѣтивъ въ маленькомъ Веденеевѣ способности, начальникъ губерніи безо всякихъ обиняковъ объявилъ его отцу, что не утвердитъ за нимъ какихъ-то выгодныхъ подрядовъ, ежели не пошлетъ онъ сына учиться въ академію. Подрядъ по всѣмъ расчетамъ долженъ былъ озолотить старика — дѣлать нечего, свезъ сына въ Москву, не слушая ни вопля жены ни проклятій матери. Новымъ человѣкомъ воротился въ свой городъ Дмитрій Петровичъ. А пріѣхалъ онъ на родину ужъ единственнымъ наслѣдникомъ послѣ умершихъ вскорѣ одинъ за другимъ отца, старшаго бездѣтнаго брата и матери. Хоть и молодъ, хоть и ученый, а не бросилъ онъ дѣла родительскаго, не порвалъ старыхъ торговыхъ связей. къ старымъ рыбникамъ былъ угодливъ и почтителенъ, а самъ велъ живую переписку со школьными товарищами, что̀ сидѣли теперь въ первостатейныхъ конторахъ. вели широкія дѣла или набирались уму-разуму въ заграничныхъ поѣздкахъ... Стараго закала рыбники понять не могли, отчего это у Митеньки такъ все спорится, отчего это онъ умѣетъ во̀-время купить, во̀-время продать, и хоть бы разъ споткнулся на чемъ-нибудь. «Счастье, видно, такое, говорили они, такой ужъ, видно, талантъ ему отъ Бога данъ, а все за молитвы родительскія».

Разбитной половой подалъ шесть паръ «отмѣннаго лянсину». Митенька сталъ разливать, съ особеннымъ вниманьемъ обращаясь къ Марку Данилычу.

— Гдѣ присталъ? — спросилъ Орошинъ у Смолокурова. — На караванѣ что-ль?

— Нельзя мнѣ нонѣшній годъ на караванѣ жить, — прихлебывая чай, отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Дочку привезъ съ собой, хочу ей показать Макарьевскую. Въ каютѣ было бы ей безпокойно... Опять же наши товары на этотъ счетъ не больно подходящіе — не больно пригоже попахиваютъ.

— Есть того дѣла, точно что есть, — тоненькимъ голосомъ весело захихикалъ копнѣ подобный Сѣдовъ Иванъ Ермоланчъ: — товарецъ нашъ дѣвичью носу попутру не придется. Скривитъ его дѣвка, ежель понюхаетъ.

Ровно кольнуло что̀ Марка Данилыча. Слегка нахмурился онъ, гнѣвно очами сверкнувъ, но не отвѣтилъ ни слова Сѣдову. Простой былъ человѣкъ Смолокуровъ, тонкостямъ и вѣжливостямъ обученъ не былъ, но, обожая свою Дуню, не могъ равнодушно сносить самой безобидной насчетъ ея шутки. Другой кто скажи такія слова, быть бы великому шуму, но Сѣдовъ капиталомъ мало чѣмъ уступалъ Смолокурову — тутъ поневолѣ смолчишь, особливо ежели не всѣ векселя учтены... Круто поворотясь къ Орошину, Марко Данилычъ спросилъ:

— Что, Онисимъ Самойлычъ?.. Какъ будутъ наши дѣлишки? Какія цѣны на рыбу хотите уставить?

— Тебя спросить надо, — лукаво подмигнувъ собесѣдникамъ, отвѣчалъ Орошинъ. — У тебя на Гребновской-то восемь баржей, а у меня четыре. Значитъ, ты вдвое сильнѣе меня...

— А въ ходу-то сколько у тебя? Тѣхъ, видно, не считаешь!.. Забылъ, должно-быть? — тоже подмигнувъ собесѣдникамъ, молвилъ Марко Данилычъ.

— Что на ходу, то еще въ руцѣ Божьей; а твой товаръ на мѣстѣ стоитъ да покупателя ждетъ... — насмѣшливо улыбаясь, отвѣтилъ Орошинъ. — Значитъ, мнѣ ровняться съ тобой не приходится.

— Не приходится!.. Эко ты слово молвилъ, — съ досадной усмѣшкой сказалъ Смолокуровъ. — По всей Волгѣ, по всей, можно сказать, Россіи всякому извѣстно, что рыбному дѣлу ты здѣсь голова. На всѣхъ пошлюсь, — прибавилъ онъ, обводя глазами собесѣдниковъ. — Соврать не дадутъ.

— Знамо дѣло, — одинъ за другимъ проговорили и писклывый Сѣдовъ и осипшій Сусалинъ. Веденеевъ смолчалъ.

— Одна пустая намолвка, — съ важностью пожимаясь, молвилъ Орошинъ. — Вотъ нашей пѣсни запѣвало, — прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на Марка Данилыча. — Шутка сказать!.. Восемь баржей!..

— Одну-то выкинь — порожняя! — молвилъ Смолокуровъ. — А у тебя четыре на мѣстѣ да шесть либо семь въ ходу. Тутъ, сударь мой, разница не маленькая.

— А когда придутъ? Скажи, коли съ Богомъ бесѣдовалъ, — съ досады мотнувъ головой, отрѣзалъ Орошинъ. — По нашему простому человѣчьему разумѣнью, развѣ что послѣ Рождества Богородицы придутъ мои баржи на Гребновскую, значитъ, когда ужъ квартальные съ ярманки народъ сгонятъ...

— Съ пристаней-то не сгонятъ, — возразилъ Смолокуровъ.

— Что-жъ изъ того?.. — отвѣтилъ Орошинъ. — Все-таки рыбно рѣшенье о ту пору будетъ покончено. Тогда, хочешь не хочешь, продавай по той цѣнѣ, каку ты нашему брату установишь... Такъ-то, сударь, Марко Данилычъ!.. Мы теперича всѣ тобой только и дышимъ... Какія цѣны ни установишь, поневолѣ тѣхъ будемъ держаться... Вся Гребновская у тебя теперь подъ рукой...

— Больно ужъ много ты меня возвеличиваешь, — пыхтя съ досады, отозвался Марко Данилычъ. — Такія рѣчи и за смѣхъ можно почесть. Всѣ мы, сколько насъ ни на есть — мелки лодочки, ты одинъ изо всѣхъ — большущій корабль.

— Полно-ка вамъ другъ дружку-то корить, — запищалъ

Сѣдовъ-богатырь, замѣтивъ, что тузы очень ужъ обозлились.— Въ чужи карманы неча глядѣть — въ своемъ хорошенько смотри. А не лучше-ль, господа, насчетъ закусочки теперь намъ потолковать?.. Онисимъ Самойлычъ, Марко Данилычъ, Степанъ Ѳедорычъ, какія ваши мысли на этотъ счетъ будутъ?.. Теперь Госпожинки, значитъ, нашимъ же товаромъ будутъ насъ и потчевать...

— Въ нонѣшнемъ посту рыба-то, кажись, не полагается, — молвилъ Сусалинъ. — По правиламъ святыхъ отецъ грибы да капуста нонѣ положены.

— Грибамъ не родъ, капуста не доспѣла, — съ усмѣшкой пискнулъ Сѣдовъ. — Опять же мы не дома. А въ пути сущимъ постъ разрѣшается. Такъ ли, Марко Данилычъ?.. Ты вѣдь въ писаніи боекъ — разрѣши споръ..

— Есть такое правило, — сухо отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Значитъ, по этому самому правилу мы холодненькой осетрины, либо стерлядокъ въ разварѣ закажемъ... Аль другого чего? — ровно сытый котъ щуря глазами, пищалъ слоновидный Сѣдовъ.

— Не будетъ ли вкуснѣе московска селянка изъ стерлядокъ? — ласковымъ взоромъ всѣхъ обводя, молвилъ Веденеевъ. — Майонезъ бы еще изъ судака...

— Ну тебя съ твоей нѣмецкой ѣдой! — съ усмѣшкой пропищалъ Сѣдовъ. — Сразу-то и не вымолвишь, какое онъ кушанье назвалъ... Мы вѣдь, Митенька, люди православные, потому и снѣдь давай намъ православную. Такъ-то! А ты и невѣсть что выдумалъ...

— Такъ селянка селянкой, а еще-то чего потребуемъ?.. Осетринки, что ли? — добродушно улыбаясь, молвилъ Веденеевъ.

— Что-жъ, и селянка не вредитъ, и осетрины пожевать противнаго нѣтъ, — молвилъ Сусалинъ. — Еще-то чего?

— Банкетъ, что ли, затѣваете?.. — сумрачно молвилъ Орошинъ. — Будетъ и осетрины съ селянкой...

— Судаки у нихъ, я видѣлъ, хороши. Живехонькіе въ лахани плаваютъ. Лещи тоже, — сказалъ Веденеевъ.

— Всей рыбы не переѣшь, — рѣшилъ Орошинъ. — Осетрины да селянку... Такъ ужъ и быть — тебя ради, Митенька, судакъ куда ни шелъ. Пожуемъ и судака... А леща, ну его къ Богу — костлявъ больно... Еще коимъ грѣхомъ да подавишься.

Заказали, а покамѣстъ готовятъ ужину, водочки велѣли себѣ подать, икорки зернистой, огурчиковъ малосольныхъ, балыка уральскаго.

— Народецъ-отъ здѣсь продувной! — поднимаясь съ мѣста, сказалъ Веденеевъ. — Того и норовятъ, чтобы какъ-нибудь

поднадуть кого... Не посмотрѣть за ними, такую тебѣ стерлядь сготовятъ, что только выплюнуть... Схожу-ка я самъ да выберу стерлядей и ножомъ ихъ для примѣты пристукну. Дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

— Подь-ка въ самомъ дѣлѣ, Митенька,— ласково пропищалъ Сѣдовъ. — Помѣть въ самомъ дѣлѣ стерлядокъ-то да и прочую рыбу подбери... При тебѣ бы поваръ и заготовку сдѣлалъ... А то въ самомъ дѣлѣ плутоватъ здѣсь народъ-отъ...

Веденеевъ ушелъ. Въ это самое время подлетѣла къ рыбникамъ одна изъ трактирныхъ пѣвицъ...

— На ноты!— присѣдая и умильно улыбаясь, проговорила молоденькая нѣмочка въ розовой юбкѣ съ черныиъ бархатнымъ корсажемъ.

Рыбники враждебно на нее покосились.

— Не подаемъ,— молвилъ Орошинъ, грубо отстраняя нѣмку широкой ладонью.

Та кисло улыбнулась и пошла къ сосѣднему столику.

— Чтò этого гаду развелось нонѣ на ярманкѣ!— заворчалъ Орошинъ.—Бренчатъ еретицы, воютъ себѣ по-собачьему— дѣла только дѣлать мѣшаютъ. Въ какой трактиръ ни зайди, ни въ единомъ отъ этихъ шутовокъ спокою нѣтъ.

И плюнулъ въ ту сторону, куда нѣмка пошла.

— Кто насъ съ тобой помоложе, Онисимъ Самойлычъ, тѣмъ эти дѣвки по нраву,— усмѣхнувшись, пискнулъ Сѣдовъ.

— Оттого и пошла теперь молодежь глаза протирать родительскимъ денежкамъ... Не то, чтò въ наше время,— замѣтилъ Сусалинъ.

Подъ эти слова вернулся Веденеевъ и объявилъ, что выбралъ двухъ важнѣющихъ стерлядокъ и припятналъ ихъ ножомъ, чтобы не было обмана.

Вслѣдъ подбѣжалъ за Веденеевымъ юркій, размашистый половой съ водкой, съ зернистой икрой, съ московскимъ калачомъ, съ уральскимъ балыкомъ и съ малосольными огурцами. Выкушали по одной. По маломъ времени повторили, а потомъ Сѣдовъ сладенькимъ голоскомъ пропищалъ, что безъ троицы домъ не строится.

Когда принялись за жирную, сочную осетрину, Орошинъ спросилъ Смолокурова:

— Давеча молвилъ ты, Марко Данилычъ, что у тебя на Гребновской одна баржа порожняя... Нешто продалъ одну-то?

— Хвоста судачьяго не продавывалъ,— съ досадой отвѣтилъ Марко Данилычъ.— Всего пятый день караванъ на мѣсто поставили. Какой тутъ торгъ?.. Запоздалъ — поздно пришелъ, на самомъ стержнѣ вонъ меня поставили.

— Отчего-жъ у тебя баржа-то пустуетъ?.. — продолжалъ свои разспросы Орошинъ. — Не порожнюю же вѣдь гналъ. Аль по пути продавалъ?..

— Пустовать баржа не пустуетъ, а все едино, что ея нѣтъ, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Товарецъ такой у меня стоитъ, что только въ Оку покидать.

— Какъ такъ? — спросилъ Орошинъ, зорко глядя на Смолокурова. — До сей поры про такіе товары мнѣ что-то не доводилось слыхать... Стоятъ же чего-нибудь!..

— Тюленій жиръ. Въ нонѣшнюю ярманку на него цѣнъ не будетъ, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Отчего-жъ вы это думаете? — съ удивленіемъ спросилъ Веденеевъ.

— Некому покупать,—молвилъ Марко Данилычъ.—Хлопку въ привозѣ нѣтъ, значитъ, красному товару застой. На мыло тюленя не требуется—его съ мыловаренъ-то кислота прогнала. Кому его нужно?

— Понадобится,—сказалъ Веденеевъ.

— Жди!.. Какъ же!.. Толокномъ Волгу прежде замѣсишь, чѣмъ этотъ окаянный товаръ съ рукъ сбудешь! — отозвался Смолокуровъ.

— Продай мнѣ, Марко Данилычъ. Весь безъ остатку возьму,—молвилъ Орошинъ.

Подумалъ маленько Марко Данилычъ, отвѣчаетъ:

— Дляче не продать, ежели сходную цѣну дашь.

— Рубль восемь гривенъ, — молвилъ Орошинъ.

Марко Данилычъ только головой мотнулъ. Помолчавши немного, съ усмѣшкой сказалъ онъ:

— Сходнѣй въ Оку покидать.

— Безъ гривны два.

— Ну тебя къ Богу, Онисимъ Самойлычъ! Самъ знаешь, что не дѣло говоришь,—отвернувшись отъ Орошина, съ досадой проговорилъ Смолокуровъ.

— Два цѣлковыхъ идетъ.

Ни слова не говоря, Марко Данилычъ только головой помоталъ.

— Два съ четвертакомъ.

Молчитъ Марко Данилычъ, съ удивленьемъ поглядываетъ на Орошина, а самъ про себя думаетъ:—«Экъ распутился, собака! Аль у него въ головѣ-то съ водки стало мутиться?»

— Два рубля тридцать — послѣднее слово, — сказалъ Орошинъ, протягивая широкую ладонь Марку Данилычу.

У того въ глазахъ зарябило.

— Идетъ? — приставалъ Орошинъ.

Марко Данилычъ рукой махнулъ. Думаетъ, что шутки вздумалъ Орошинъ шутить.

— Два рубля тридцать пять, больше ни полукопейки,—настойчиво продолжалъ свой торгъ Орошинъ.

Разгорѣлись глаза у Марка Данилыча. То на Орошина взглянетъ, то другихъ обведетъ вызывающимъ взглядомъ. Не можетъ понять, что̀ бы значили слова Орошина. И Сѣдовъ и Сусалинъ хоть сами тюленемъ не занимались, а цѣны ему знали. И они съ удивленьемъ посматривали на расходившагося Орошина и то же, что̀ Марко Данилычъ, думали: «либо спятилъ, либо въ головушкѣ хмель зашумѣлъ».

— Пять копеечекъ и я-бъ съ своей стороны прикинулъ!—ровнымъ, спокойнымъ голосомъ самоувѣренно сказалъ Веденеевъ, обращаясь къ Марку Данилычу.

Какъ вскинется на него Орошинъ, какъ напустится. Такъ закричалъ, что всѣ сидѣвшіе въ «дворянской» оборотились въ ихъ сторону.

— Куда суешься?.. Кто тебя спрашиваетъ?.. Знай сверчокъ свой шестокъ—слыхалъ это?... Куда лѣзешь-то, скажи?.. Ишь какой важный торговецъ у насъ проявился! Здѣсь братъ, не переторжка!.. Какъ же тебѣ, молодому человѣку, перебивать меня, старика... Два рубля сорокъ пять копеекъ, такъ и быть, дамъ...—прибавилъ Орошинъ, обращаясь къ Марку Данилычу.

Ровно краснымъ кумачомъ подернуло свѣжее лицо Веденеева, задрожали у него поблѣднѣвшія губы, и гнѣвомъ сверкнули глаза... Обидно было слушать окрикъ надменнаго самодура...

— Дастъ и съ полтинкой, и съ шестью гривнами дастъ!—съ злораднымъ смѣхомъ сказалъ онъ Смолокурову.—Оплести ему васъ хочется, Марко Данилычъ. Вотъ что̀!.. Не поддавайтесь...

— Замолчишь ли?.. — изъ себя выходя, во все горло закричалъ Орошинъ и такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что вся посуда въ немъ ходенемъ заходила.—Чего смыслишь въ этомъ дѣлѣ?.. Какое тутъ есть твое пониманіе?..

— Вы, Онисимъ Самойлычъ, должно-быть, такъ о себѣ представляете, что почта изъ Питера только для васъ однихъ ходитъ,—лукаво прищуривъ глаза, съ язвительной усмѣшкой сказалъ Веденеевъ.—Слушайте, Марко Данилычъ, настоящее дѣло вамъ разскажу: у меня на баржахъ тюленя нѣтъ ни пуда; значитъ, мнѣ все равно — есть на него цѣна, нѣтъ ли ея... А помня завсегда, что тятенькѣ-покойнику вы были пріятелемъ, хлѣбъ-соль съ нимъ важивали, и, кажется, даже бывали у васъ общія дѣла, хочу на сей разъ вамъ услужить.

Нате-ка вотъ, почитайте, что̀ пишутъ изъ Питера. Сегодня передъ вечеромъ только-что получилъ.

И, вынувъ письма изъ бумажника, подалъ одно Смолокурову.

Читаетъ Марко Данилычъ: ждутъ въ Петербургъ изъ Ливерпуля цѣлыхъ пять кораблей съ американскимъ хлопкомъ, а передъ концомъ навигаціи еще немалаго привоза ожидаютъ... «Стало-быть, и ситцы и кумачи пойдутъ и пряжу станутъ красить у Баранова, только матеріалу подавай». Такими словами заключалъ письмо веденеевскій пріятель.

Прочитавъ его, Марко Данилычъ отдалъ Веденееву и съ поклономъ сказалъ ему:

— Покорно васъ благодарю. Вовѣки не забуду вашей послуги... Завсегда по всякимъ дѣламъ буду вашимъ готовымъ услужникомъ. Жалуй къ намъ, Митенъ... охъ, бишь, Дмитрій Петровичъ... Жалуйте, сударь, къ намъ, пожалуйста... На Нижнемъ базарѣ у Бубнова въ гостиницѣ остановились, седьмой, восьмой да девятый номера... Жалуй когда чайку откушать, побесѣдовать... У насъ же теперь каждый день гости— Доронины изъ Вольска въ той же гостиницѣ пристали, Самоквасовъ Петръ Степанычъ...

— Это что̀ съ дядей-то судиться хочетъ? Казанскій?—пропищалъ Сѣдовъ.

— Судиться онъ не думаетъ,—замѣтилъ Марко Данилычъ:— а свою часть, котора слѣдуетъ ему, получить желаетъ.

— Шиша не получитъ!—молвилъ Сѣдовъ.—Знаю я дядю то его Тимоѳея Гордеича — кремень. Обдеретъ племянника, что̀ липочку, мѣднаго гроша не дастъ ему.

— Судъ на то есть, законъ,—вступился Веденеевъ.

— Что̀ судъ?.. Разсказывай тутъ! — усмѣхнулся Сѣдовъ. — По дѣлу-то племянникъ и выйдетъ правъ, да по бумагѣ въ отвѣтѣ останется. А бумажна вина у насъ вѣдь не прощеная — хуже всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ.

Межъ тѣмъ взбѣшенный Орошинъ, не доужинавъ и не сказавъ никому ни слова, схватилъ картузъ и вонъ изъ трактира.

Завязалась у рыбниковъ бесѣда до полуночи. Поздравляли «холодненькимъ» съ барышами Марка Данилыча, хвалили Веденеева, что ловко умѣлъ Орошину рогъ сшибить, издѣвались надъ спесью Орошина и надъ тѣмъ, что дѣло съ тюленемъ у него не выгорѣло. Не любили товарищи Онисима Самойлыча, не жаловали его за чванство, за гордость, а пуще всего за то, что не въ мѣру завистливъ былъ. Кто ни подвернись, каждаго бы ему въ дураки оплести, у всякаго бы дѣло разбить. Тѣмъ еще много досаждалъ всѣмъ Орошинъ, что года

по четыре сряду всю рыбу у Макарья скупалъ, барыши въ карманъ клалъ богатые, а другимъ оставлялъ только объѣдышки.

Когда засидѣвшіеся въ трактирѣ рыбники поднялись съ мѣстъ, чтобъ отправляться на спокой, въ «дворянской» было почти ужъ пусто. Но только-что вышли они въ сосѣднюю комнату, какъ со всѣхъ сторонъ раздались разноязычные пьяные крики, хохотъ и визгъ нѣмецкихъ пѣвуній, а сверху доносились дикіе гортанные звуки ярманочной цыганской пѣсни:

Здѣсь ярманка такъ просто чудо,
Одна лишь только въ ней бѣда —
Что къ намъ не жалуютъ покуда
Съ карманомъ толстымъ господа!..

— А что̀, Митенька, не туда ли? — съ усмѣшкой пропищалъ Сѣдовъ, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ и указавъ на лѣстницу, что̀ вела наверхъ къ цыганкамъ.

Веденеевъ не сразу отвѣтилъ. Промелькнула по лицу его легкая нерѣшительность, маленькая борьба. Но сдержался. Презрительно махнувъ рукою, онъ молвилъ:

— Ну ихъ къ шуту!.. Невидаль!.. Спать пора!..

— И умно. По-моему, право, умно,—сказалъ Марко Данилычъ. — Что̀ тамъ, грѣхъ одинъ, — бѣса тѣшить... Лучше милости просимъ завтрашній день ко мнѣ чаи распивать... Можетъ статься, и гулянку устроимъ. Не этой чета...

Веденеевъ обѣщался быть непремѣнно.

Вышли на крыльцо. Тутъ новый содомъ и гоморъ. Десятка полтора извозчиковъ, ломя и толкая другъ друга, ровно звѣри съ дикими криками кинулись на вышедшихъ.

— Куда ѣхать?.. Куда, господинъ купецъ?.. Вотъ со мной на сѣрой!.. На хорошей!

Пробраться сквозь крикливую толпу было почти невозможно. А тамъ подальше новая толпа, новый содомъ, новые крики и толкотня... Подгулявшій сѣрый людъ съ пѣснями, съ криками, съ хохотомъ, съ руганью, проходилъ куда-то мимо, должно-быть, еще маленько пображничать. Впереди, покачиваясь со стороны на сторону и прижавъ правую ладонь къ уху, что̀ есть мочи заливался молодой малый въ растерзанномъ кафтанѣ:

Намъ трактиры надоѣли,
Много денежекъ поѣли —
Пойдемъ въ бѣлую харчевню
Да воспомнимъ про деревню,
Наше родное село!

Насилу выбрались рыбники. Но не отъѣхали они отъ трактира и ста саженъ, какъ вдругъ смолкли шумные клики. Тихо... Ярманка дремлетъ. Лишь издали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ театры, трактиры и разныя увеселительныя заведенія, доносятся глухіе, нестройные звуки, или вдругъ откуда-нибудь раздастся пьяный крикъ: «караулъ!..» А ближе только и слышна тоскливая пѣсня караульщика-татарина, что̀ всю ночь напролетъ просидитъ на полу галлереи возлѣ хозяйской лавки съ длинной дубиной въ рукахъ.

Взъѣхалъ на мостъ Марко Данилычъ. Гулко и звонко раздаются удары копытъ и шумъ колесъ. Длиннымъ серебристымъ столбомъ отражается луна въ рѣчныхъ дрожащихъ струяхъ и на золотыхъ главахъ сосѣдняго монастыря, великанами поднимаются темныя горы праваго берега, тамъ и сямъ мерцаютъ сигнальные фонари пароходовъ, пышатъ къ небу пламенные столбы изъ трубъ стальныхъ заводовъ... Чудная картина—рѣдко гдѣ такую увидишь, но не любуется на нее Марко Данилычъ, не видитъ даже ея. Сморщивъ очи, думаетъ онъ самъ про себя:—«А вѣдь ежели-бъ не Митенька Веденеевъ, онъ бы, старый хрѣнъ, объегорилъ меня... Кого бы мнѣ теперь обработать, пока еще не пошли въ огласку петербургскія новости?»

Когда Смолокуровъ домой воротился, Дуня давно ужъ спала. Не снимая платья, онъ осторожно разулся и, тихонечко войдя въ сосѣднюю комнату, бережно и беззвучно положилъ Дунѣ на столикъ обѣщанный гостинецъ — десятокъ спѣлыхъ розовыхъ персиковъ и большую душистую дыню-канталупку, купленныя имъ при выходѣ изъ трактира... Потомъ минуты двѣ постоялъ онъ надъ крѣпко, безмятежнымъ сномъ заснувшею дѣвушкой и, сотворивъ надъ ея изголовьемъ молитву, тихонько вышелъ на цыпочкахъ вонъ.

Долго послѣ того сидѣлъ онъ одинъ. Все на счетахъ выкладывалъ, все въ бумагахъ справлялся. Свѣча догорала, въ ночномъ небѣ давно ужъ бѣлѣло, когда, сложивъ бумаги, съ расцвѣтшимъ отъ какой-то невѣдомой радости лицомъ и весело потирая руки, прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ, тихонько растворивъ до половины дверь въ Дунину комнату, еще разъ издали полюбовался на озаренное слабымъ, неровнымъ свѣтомъ мерцавшей у образовъ лампадки лицо ея и, взявъ въ руку сафьянную лѣстовку, сталъ на молитву.

Немного пришлось отдыха на его долю. Еще къ раннимъ обѣднямъ не начинали благовѣста, какъ, наспѣхъ одѣвшись,

чуть не бѣгомъ побѣжалъ онъ къ Доронину. Зиновій Алексѣичъ одинъ еще былъ на ногахъ. Когда вошелъ къ нему Марко Данилычъ, онъ только-что хотѣлъ усѣсться за столикъ, гдѣ ужъ кипѣлъ самоваръ.

— А я къ тебѣ спозаранокъ, ни свѣтъ ни заря,—говорилъ Смолокуровъ, здороваясь съ Зиновьемъ Алексѣичемъ.

— Просимъ милости,—радушно отвѣтилъ Доронинъ.—Дорогимъ гостямъ завсегда рады: рано ли, поздно ли, и въ полночь и за полночь... Чайку чашечку!

— Отъ чаю отъ сахару отказу у меня не бываетъ,—молвилъ Марко Данилычъ:—я-жъ и не пилъ еще—оно будетъ и кстати. Такъ вотъ какъ мы!.. Всталъ, умылся, Богу помолился, да и въ гости. Вотъ какъ мы нонѣ, Зиновій Алексѣичъ.

— Что-жъ? Дѣло доброе. Пока мои не встали, покалякаемъ nадосугѣ,—сказалъ Доронинъ.

— И то вѣдь я пришелъ покалякать съ тобой,—отвѣтилъ Марко Данилычъ, принимаясь за налитую чашку.—Скажи ты мнѣ, Зиновій Алексѣичъ, по самой сущей по истинной правдѣ, вотъ какъ передъ Богомъ... Что̀ это у тебя вечоръ такъ гребтѣло, когда мы съ тобой насчетъ этого Меркулова толковали?

— Паренекъ-отъ, говорю тебѣ, хорошій... Жалко... По человѣчеству жалко! — какъ бы нехотя отвѣчалъ Зиновій Алексѣичъ.

— Только-то?.. — слегка прищурясь и зорко поглядѣвъ на пріятеля, протяжно и съ лукавой усмѣшкой проговорилъ Марко Данилычъ.—А я думалъ, что у тебя съ нимъ какія дѣла зачинаются.

— Какія дѣла?.. Ни съ нимъ ни съ родителемъ его дѣлъ у меня никакихъ не бывало,—маленько, чуть-чуть смутившись, отвѣтилъ Доронинъ.—По человѣчеству, говорю, жалко. А то чего-жъ еще? Парень онъ добрый, хорошій—воды не замутитъ, ровно красная дѣвица.

— А я полагалъ, что ты затѣваешь съ нимъ дѣло какое,—прихлебывая чай, протяжно проговорилъ Марко Данилычъ.

Пуще прежняго замялся Доронинъ. Хотѣлъ что-то сказать, но придержался, не вымолвилъ.

— Никакихъ теперь у меня дѣловъ съ Никитой Ѳедорычемъ нѣтъ...—твердо и рѣшительно сказалъ онъ.—Ничего у насъ съ нимъ не затѣяно. А что̀ впереди будетъ, какъ про то знать?.. Самъ понимаешь, что торговому человѣку впередъ нельзя загадывать. Какъ знать, съ кѣмъ въ какомъ дѣлѣ будешь?..

— Такъ...—протянулъ Марко Данилычъ.—А я вечоръ съ

нашими рыбниками въ трактирѣ сидѣлъ. Чуть не до полночи прокалякали... Про меркуловскія дѣла тоже говорили... Получилъ кой-какія вѣсти... кажись бы, полезныя для Меркулова...

Просіялъ Зиновій Алексѣичъ.

— Всѣ въ одинъ голосъ его жалѣютъ... Вѣдь онъ не женатъ еще?—вдругъ спросилъ Марко Данилычъ.

— Холостой, — отвѣтилъ Доронинъ.

Зорко глядя на пріятеля, думаетъ самъ про себя Смолокуровъ:—«Врешь, не обманешь, Лизавету за него ладишь. Насквозь вижу тебя... Недаромъ вечоръ она ровно береста на огнѣ корчилась, какъ рѣчь зашла про Меркулова».

— Хозяйку бы ему добрую, говорятъ наши рыбники, — молвилъ, глядя въ сторону, Марко Данилычъ. — Да тестя бы разумнаго, чтобы было кому научить молодого вьюношу, да чтобы онъ не давалъ ему всего капитала въ тюленя садить... Налей-ка чашечку еще, Зиновій Алексѣичъ!

Поспѣшно налилъ чашку Доронинъ и подалъ ее Марку Данилычу.

— Нонѣ на ярманкѣ эвта кантонка, прахъ ее побери, куда какъ шибко пошла...—небрежно закинулъ иную рѣчь Марко Данилычъ.—Званія чаю нѣтъ, просто-напросто наша сѣнная труха, а поди-ка ты какъ пошла... Дешева—потому... Пробовалъ ли ты, Зиновій Алексѣичъ, эту кантонку?

— Доводилось, — отвѣтилъ Доронинъ.

— Брандахлыстъ, — рѣшилъ Марко Данилычъ.

— Почти одно, что̀ наша копорка *),—замѣтилъ Доронинъ.

— За копорку-то по головкѣ не гладятъ, въ тюрьму даже сажаютъ, а на кантонку пошлины сбавили. Вотъ тутъ поди и суди!..—молвилъ Марко Данилычъ.

— Соображенія!

— Вѣстимо, соображенія!—согласился Марко Данилычъ.— А много-ль капиталу Меркуловъ въ тюленя-то усадилъ?

— Много, — покачавъ головой, отвѣтилъ Доронинъ.

— Однако какъ?

— Тысячъ до шестидесяти.

— Не пустячныя деньги!—покачалъ головою и Марко Данилычъ.—Да неужто у него только шестьдесятъ тысячъ и было?—спросилъ онъ послѣ короткаго молчанья.—Отецъ-отъ вѣдь у него въ хорошемъ капиталѣ былъ...

— Еще столько же наберется, можетъ, и побольше, — сказалъ Зиновій Алексѣичъ. — Къ слову вѣдь только говорится,

---

*) Копорка, иванъ-чай растеніе *Epilobium angustifolium*. Его собирали, сушили, преимущественно въ Петербургской губерніи, и мѣшали съ кяхтинскимъ чаемъ. Такая поддѣлка строго преслѣдовалась.

что весь капиталъ засадилъ. Всего-то не засаживалъ... Какъ же это возможно?

— А много-ль пудовъ тюленя-то?.. — спросилъ Смолокуровъ, какъ бы отъ-нечего-говорить.

— Пятьдесятъ ли, пятьдесятъ ли пять тысячъ, навѣрно сказать не могу, — отвѣтилъ Зиновій Алексѣичъ.

— А сюда не ближе сентября будетъ?

— Сказывалъ онъ, что прежде Рождества Богородицы никакими способами ему не управиться, — молвилъ Доронинъ.

— Нешто пишетъ? — спросилъ Смолокуровъ.

— Незадолго до нашего отъѣзда былъ онъ въ Вольскомъ, три дня у меня выгостилъ, — сказалъ Доронинъ. — Ну, и кучился тогда, не подыщу-ль ему на ярманкѣ покупателя, а ежель пріищу, запродалъ бы товаръ-отъ... Теперь пишетъ, спрашиваетъ, не нашелъ ли покупщика... А гдѣ мнѣ сыскать?.. Мое дѣло по рыбной части слѣпое, а ты еще вотъ завѣряешь, что тюлень-отъ и вовсе безъ продажи останется.

— Ежели у него теперича пятьдесятъ тысячъ пудовъ на шестьдесятъ тысячъ рублей, значитъ, пудъ-отъ по рублю съ двумя гривнами обойдется, — разсчитывалъ Марко Данилычъ.

— Должно-быть, что такъ, — подтвердилъ Зиновій Алексѣичъ.

— А онъ тебѣ только на словахъ говорилъ, чтобъ до его пріѣзда тюленя запродать?

— Довѣренность на всякій случай далъ. Довѣренность у меня есть, — отвѣчалъ Доронинъ.

— Такъ!.. — протянулъ Марко Данилычъ. — Прямь — и довѣренность далъ... Что-жъ, искалъ ты покупателей-то? — спросилъ онъ потомъ, немножко помолчавши.

— Да вѣдь говорю я тебѣ!.. Гдѣ я буду ихъ искать? — отозвался Зиновій Алексѣичъ. — До твоего пріѣзду спрашивалъ кой у кого изъ рыбниковъ. И отъ нихъ тѣ же рѣчи, что̀ отъ тебя.

— Кого спрашивалъ-то?

— Да кого я спрашивалъ? Сусалина спрашивалъ, Сѣдова, еще кой-кого... Всѣ въ одно слово: никакихъ, говорятъ, въ нонѣшнюю ярманку цѣнъ не будетъ...

— Вѣрно!.. Еще, пожалуй, въ убытокъ продашь... Вотъ какова она наша-то коммерція... Самое плевое дѣло!.. — молвилъ Марко Данилычъ.

— Къ Орошину думаю съѣздить, — послѣ недолгаго молчанья сказалъ Доронинъ. — Онъ вѣдь у васъ главный скупщикъ — не одинъ разъ весь рыбный товаръ до послѣдняго пуда на ярманкѣ скупалъ. Онъ не возьметъ ли?

— Постой, погоди! — спѣшно перебилъ Смолокуровъ. — До-

некъ-другой подожди, не ѣзди къ Орошину... Можетъ, я самъ тебѣ это дѣльце облажу... Дай только сроку... Только ужъ напередъ тебѣ говорю — что̀ тутъ ни дѣлай, какихъ штукъ ни выкидывай — а безъ убытковъ не обойтись. По рублю по двадцати копеекъ и думать нечего взять.

— Да ужъ хоть сколько бы нибудь да взять... Не въ воду-жъ въ самомъ дѣлѣ товаръ-отъ кидать!.. Похлопочи, сдѣлай милость, Марко Данилычъ, яви божескую милость... Ввѣкъ не забуду твоего одолженья.

— Экъ какъ возлюбилъ ты этого Меркулова... Ровно объ сынѣ хлопочешь, — лукаво улыбнувшись, молвилъ Смолокуровъ. — Не тужи, Богъ дастъ, сварганимъ. Одно только, къ Орошину ни подъ какимъ видомъ не ѣзди, иначе все дѣло изгадишь. Встрѣтишься съ нимъ, и рѣчи про тюленя не заводи. И съ другимъ съ кѣмъ изъ рыбниковъ свидишься—и тѣмъ ничего не говори. Прощай однакожъ, закалякался я съ тобой, а мнѣ давно на караванъ пора.

Воротясь на квартиру, Марко Данилычъ тотчасъ за счеты. Долго щелкалъ костями, то задумываясь, то самодовольно улыбаясь. Ловкій оборотъ затѣвалъ. Башъ на башъ *), пожалуй, возьметъ...

И нимало не совѣстно было ему передъ другомъ-пріятелемъ, хоть онъ и догадывался, что Меркуловъ скоро своимъ будетъ Доронину. «Почище обработаю, чѣмъ Орошину хотѣлось меня...—думаетъ Марко Данилычъ, расхаживая по комнатѣ.—Объегорю!.. Что-жъ?.. До кого ни доведись, всякъ бы то же сдѣлалъ... Купецъ, что̀ стрѣлецъ — оплошнаго ждетъ... Друзья мы пріятели съ Зиновьемъ Алексѣичемъ—такъ что-жъ изъ этого?.. Сватъ сватомъ, братъ братомъ, а денежки не родня... Все вѣдь такъ, все... Упусти-ка я случай насчетъ ближняго погрѣться — меня же дуракомъ обзовутъ... А обдуй кого-нибудь получше, надъ нимъ смѣяться станутъ — учись, молъ, плати за науку... Да что̀ мнѣ до людей!.. Ну ихъ... Мнѣ бы только Дунюшкѣ, моей голубкѣ, побольше накопить... А то что̀ мнѣ люди?.. Плевать!»

Глава восьмая.

Доронина въ милліонѣ считали. Былъ онъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ хлѣбныхъ торговцевъ. Тысячъ до двухъ десятинъ земли у него засѣвалось въ самарскомъ Заволжьѣ,

*) Башъ — по-татарски голова. Взять башъ на башъ — взять рубль на рубль. Выраженіе, употребительное въ Поволжьѣ.

близъ Балаковской пристани, да безъ малаго тысяча возлѣ Сызрани. За Волгой пшеницу онъ сѣялъ, въ Сызранской окольности — просо. Муку̀ мололъ на десятипоставной мельницѣ-крупчаткѣ, что̀ была строена еще его родителемъ на рѣкѣ на Иргизѣ, а просо шасталъ на пшено на двѣнадцати круподеркахъ, что̀ самъ вкругъ Сызрани поставилъ. И чужого хлѣба немало скупалъ, часть его перемалывалъ на Иргизской мельницѣ; муку̀ и зерно на своихъ расшивахъ ставилъ въ Рыбную и другіе верховые города. Хлѣбъ и въ Москву, а годами и въ Питеръ на Калашникову пристань возилъ, а у Макарья торговалъ больше пшеномъ. Супротивъ Доронина по пшену на всей Волгѣ не было ни единаго человѣка.

Сыновьями не благословилъ Богъ Зиновья Алексѣича, не было у него по дѣламъ родного, кровнаго помощника, на кого бы онъ могъ, какъ на самого себя, во всемъ положиться. Весь трудъ, всѣ заботы ему довелось на однихъ своихъ плечахъ выносить. Наемнымъ приказчикамъ большой вѣры не давалъ; хоть и добрый былъ человѣкъ, благодушный, и всякому былъ радъ помощь оказать, но приказчикамъ на волосъ не вѣрилъ. «Ему что̀?—говаривалъ Зиновій Алексѣичъ.—Какъ ему довѣриться? Нонѣ не старые годы, народъ сталъ плутъ-плутомъ—каждый обойдетъ, что мертвой рукой обведетъ, надуетъ тебя ровно козій мѣхъ. Мигнуть не успѣешь, какъ онъ тебя обобралъ да и прочь отошелъ. Ищи, дескать, на меня, только меня-то не сыщешь». Дальнихъ людей къ большимъ дѣламъ не приставлялъ; пробовалъ, да отъ каждой пробы сундукъ тощалъ. Изъ ближнихъ взять было некого, народъ все ненадежный, недаромъ про него изстари пословицы ведутся: «въ Хвалынѣ ухорѣзы, въ Сызрани головорѣзы», а во славной слободѣ Малыковкѣ двухъ разъ вздохнуть не поспѣешь, какъ самый закадычный пріятель твой обогрѣетъ тебя много получше, чѣмъ разбойникъ на большой дорогѣ. Не имѣя надежныхъ помощниковъ, чуть не круглый годъ Зиновій Алексѣичъ мыкался изъ стороны въ сторону, все въ разъѣздахъ да въ разъѣздахъ, все отъ семьи въ отлучкѣ: то на сѣвѣ, то на жнивѣ, то на Иргизской мельницѣ, то на сызранскихъ круподеркахъ, не то въ Рыбной, въ Питерѣ, въ Москвѣ, у Макарья. А въ родномъ, насиженномъ гнѣздышкѣ свѣтилъ Зиновій Алексѣичъ ровно молодой мѣсяцъ: покажется да тотчасъ и спрячется. Къ женѣ, къ дочерямъ ровно званый гость наѣзжалъ на великіе только праздники да на чьи-нибудь именины. Домъ же господарскій, гнѣздо свое семейное, свилъ Зиновій Алексѣичъ чуть не на самомъ краю такъ-называемыхъ «Горъ», въ раскинувшемся привольно по правому берегу Волги,

красиво обстроенномъ Вольскѣ. Доронинскій домъ, каменный двухъярусный, съ зеркальными стеклами, съ ярко горѣвшими на солнцѣ оконными приборами, съ цвѣтниками передъ жильемъ, съ плодовыми деревьями назади, чуть ли не былъ лучшимъ во всемъ городѣ. Въ любую столицу можно было поставить доронинскій домикъ — улицъ не испортилъ бы.

У русскаго простонародья нѣтъ ни лѣтописныхъ записей, ни повѣстей временныхъ лѣтъ, ни иныхъ писанныхъ памятей про то, какъ люди допрежъ насъ живали, какіе достатки, богатства себѣ добывали, кто чѣмъ разжился, что̀ богатеемъ тому аль другому помогло сдѣлаться. Но есть живучія преданья: народная память ихъ молвой по бѣлу свѣту разноситъ... Строго, правдиво молва говоритъ, но безобидно, ибо безстрастна она. Спокойный духъ народа въ молвѣ о былыхъ временахъ сказывается: нѣтъ у русскаго человѣка ни наслѣдственной злобы, ни вражды родовой, ни сословной ненависти... Добръ, незлопамятенъ русскій человѣкъ; для него что̀ прошло, то минуло, что̀ было, то былью поросло; дѣдовскихъ грѣховъ на внукахъ онъ не изыщетъ ни словомъ ни дѣломъ. Про начало доронинскихъ достатковъ молва ходила не славная, но никто не корилъ Зиновья Алексѣича за неправедныя стяжанья родительскія.

Съ сотню годовъ и побольше того, когда еще красивый Вольскъ былъ дворцовой слободой Малыковской, дѣдушка Зиновья Алексѣича перебивался съ копейки на копейку, а въ Пугачевщину и совсѣмъ разорился. Сынъ его, родитель Зиновья Алексѣича, жилъ въ бѣдной, ветхой, полуразвалившейся избенкѣ на самомъ всполье. Промыселъ его не изъ важныхъ былъ; въ дырявыхъ лаптяхъ, въ рваной рубахѣ, съ лямкой на груди, каждое лѣто онъ раза по два и по три грузными шагами мѣрялъ неровный глинистый бечевникъ Волги отъ Саратова до Макарья, али до Рыбной. Бурлачилъ, въ коренныхъ ходилъ и въ добавочныхъ [*]), раза два кашеваромъ былъ, но та должность ему не по нраву пришлась: не доваришь — отъ своей братьи на орѣхи достанется, переваришь—хуже того; не досолишь — не бѣда, только поругаютъ; пересолилъ — ременнаго масла безпремѣнно отвѣдаешь. Бывалъ Доронинъ и въ косныхъ, былъ мастакъ и на дерево лазить, и по райнамъ ходить, и бечеву ссаривать; но до дяди, за пьянствомъ, не

---

[*]) *Коренными* бурлаками зовутъ порядившихся на всю путину и взявшихъ при этомъ задатки; *добавочными* — взятыхъ на пути, гдѣ понадобится, безъ сроку и безъ задатка.

доходилъ, ни разу въ шишкахъ даже не бывалъ *). На плесу **) человѣкъ былъ бѣдовый, а дома самый смиренный, ровно съ него взята была волжская поговорка: «дома баранъ, на плесу буянъ». Горемыкѣ-бурлаку какъ деньгу на черный день заработать? А у Алешки Доронина къ тому-жъ былъ обычай: на плесу, коли шапка либо рвань какая-нибудь отъ рубахи не пропита, ни единаго кабака не минуетъ. Пропащая, безшабашная былъ голова... Такъ и звали его «Алешка безпутный», другого имени не было.

Сплылъ одинъ годъ безшабашный Алешка въ Астрахань, поплылъ изъ дому ранней весной съ ледоходомъ. Послѣ того нигдѣ по пристанямъ его не видали; слухи, какъ въ яму, вѣсти, какъ въ воду, никто ничего про Алешку не зналъ. Сгибъ да пропалъ человѣкъ. Поговаривали, что гдѣ-то въ пьяной дракѣ зашибли его; болтали, что деревомъ пришибло его до смерти: ходили слухи, что пьяный свернулся онъ съ расшивы и потонулъ, но вѣрнаго никто не зналъ. Годъ толковали, на другой перестали, — новые толки въ народѣ явились, — старые разводить было не къ чему да и некогда. Совсѣмъ позабыли про Алешку безпутнаго. А межъ тѣмъ домишко у него сгорѣлъ, жена съ ребятишками пошла по міру и, схоронивъ дѣтей, сама померла въ одночасье... И какъ метлой смело память о Дорониныхъ.

На седьмой годъ воротился Доронинъ на родину, воротился не Алешкой безпутнымъ, а «почтеннѣйшимъ Алексѣемъ Степанычемъ». Не въ истерзанномъ рубищѣ, не съ котомкой за плечами явился онъ въ родномъ городѣ, а съ возами дорогихъ товаровъ, съ туго набитой мошной, въ синей, тонкаго сукна сибиркѣ, въ шелковой алой рубахѣ. Въ возахъ были у него не одна сотня кусковъ канауса и термаламы, бухарскія да кашемировыя шали, бирюза, индійскія кисеи и разныя другія азіатскія ткани. А деньги, что̀ привезъ, были не наши, не русскія, а все золотые туманы да тилле, серебряные кираны да рупіи ***). Отколь у бурлака такое богатство? Новые толки,

---

*) *Ремнное масло* — на языкѣ бурлаковъ удары линькомъ или концомъ лямки. *Дерево* — мачта, *райна* — поперечное дерево на мачтѣ, къ которому прикрѣпляется парусъ, по-морски рея. *Бечеву ссаривать* — отцѣплять ее отъ кустовъ и деревьевъ, перекидывая бечеву черезъ нихъ. Это дѣло косныхъ. *Косными* зовутъ на суднѣ двухъ бурлаковъ, что̀ при парусахъ, они обшиваютъ ихъ и насаживаютъ на райну; одинъ изъ нихъ *кашеваръ*, то-есть поваръ бурлацкой артели; *дядя*, то-есть лоцманъ, управляетъ ходомъ судна; *шишка* — передовой бурлакъ во время тяги бечевою.

**) То-есть на Волгѣ. Собственно плесъ — часть рѣки отъ одного изгиба до другого.

***) *Туманъ* или *томанъ* — персидская золотая монета въ 2 р. 80 к.;

новые пересуды пошли, и опять-таки не было въ нихъ ничего, кромѣ безтолочи. Кто говорилъ, что Доронинъ по Волгѣ въ разбоѣ ходилъ, сначала-де былъ въ есаулахъ, потомъ въ атаманы попалъ; кто увѣрялъ, что разжился онъ мягкой денежкой *); кто божился, клялся, что гдѣ-то на большой дорогѣ богатаго купца уходилъ онъ... Нашлись и такіе, что образъ со стѣны снимали, завѣряя, что Доронинъ попалъ въ полонъ къ трухменцамъ, проданъ былъ въ Хиву и тамъ, будучи въ приближеніи у царя, опоилъ его соннымъ зельемъ, обокралъ казначейство и съ бусурманскими деньгами на Русь вышелъ... Слушая такія небылицы, припоминали однако ходившіе когда-то и потомъ скоро заглохшіе слухи, что Доронина въ Мертвомъ-Култукѣ **) видали. Мудрено-ль оттуда въ хивинскій полонъ попасть, мудрено-ль и дослужиться у невѣрнаго царя до почестей!.. Бывали примѣры!.. Было же, что плѣнная мѣщанка изъ Краснаго-Яра Матрена Васильева, угодивъ хану печеньемъ пироговъ, попала въ тайныя совѣтницы его хивинскаго величества!

А на Мертвомъ-Култукѣ Доронинъ, въ самомъ дѣлѣ, каждое лѣто бывалъ. Ходилъ онъ туда на промысла, только не рыбные.

Около того времени, какъ французъ на Москву ходилъ, серебряный рубль цѣлковый сталъ въ четыре рубля ассигнаціями, а мѣдные пятаки да гривны въ прежней цѣнѣ оставались. А мѣдныя екатерининскія деньги не теперешнимъ были чета: изъ пуда мѣди только на шестнадцать рублей ассигнаціями ихъ выбивали. Персіане за пудъ денежной мѣди съ радостью по сорока да по пятидесяти рублей ассигнаціями давали, платя больше своими товарами. И стали русскіе пятаки да гривны пропадать безслѣдно, зорко стали тогда присматривать за мѣдниками, за литейщиками, за колокольными заводчиками — не нашлось однако на нихъ никакого подозрѣнія. Да и какъ каждый годъ по нѣскольку сотенъ тысячъ пудовъ мѣдныхъ денегъ тайкомъ перелить? Въ какомъ подпольѣ, въ какомъ оврагѣ такіе горны надѣлаешь? Со временемъ примѣтили, что гривны да пятаки внизъ по Волгѣ плывутъ и назадъ въ середку Россіи не ворочаются, а въ Астрахани стали они чуть не рѣже золотыхъ. Вся мелкая торговля тамъ на персидскіе да на бухарскіе товары пошла. Съѣстного надо

тилля — бухарская золотая въ 3 р. 90 коп.; *киранъ* — серебряная персидская въ 30 коп.; *рупія* — индійская серебряная въ 60 коп.

*) Мягкая деньга — фальшивая.

**) Мертвый-Култукъ — заливъ въ сѣверо-восточной сторонѣ Каспійскаго моря.

купить, сдачу сдать съ синенькой, либо съ цѣлковаго, давали отрѣзки бурмети, ханагая, алачи и канауса *); бурлакъ въ питейный забредетъ, спроситъ шкаликъ **) и бязью платитъ ***). Это называлось *пятачной торговлей*. Тою торговлей разжился и Алешка Доронинъ.

А придумали и устроили ту торговлю именитые греки да армяне. Сами въ Астрахани сидѣли, ровно ни въ чемъ не бывало, медали, кресты, чины за усердіе къ общей пользѣ да за пожертвованія получали, а отправляя пятаки къ кизильбашамъ ****), нагрѣвали свои руки вокругъ русской казны. Самыхъ отчаянныхъ, самыхъ отважныхъ сорванцовъ, какимъ жизнь копейка, а спина и полушки не стòитъ,— набирали они на астраханскихъ пристаняхъ да по рыбнымъ ватагамъ, ихними руками и жаръ загребали. Головорѣзы отъ своихъ хозяевъ, именитыхъ армянъ да грековъ, получали боченки съ мѣдью, тайно спроваживали ихъ къ Гурьеву городку, а отголь въ телѣгахъ на Мертвый-Култукъ. На пустынныхъ песчаныхъ берегахъ того залива, въ едва проходимыхъ высокихъ камышахъ тамъ и сямъ гнили тогда лежавшія вверхъ дномъ расшивы. Казалось, бурей онѣ были на берегъ выброшены, а въ самомъ дѣлѣ нарочно вытащены изъ воды и опрокинуты. Подъ ними складывались боченки съ мѣдной монетой. Сюда персіане пріѣзжали и за свои товары получали гривны съ пятаками. По зимѣ, когда по восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря на сотню верстъ живой души не бывало, кизильбаши увозили мѣдь къ себѣ домой на саняхъ, не боясь ни казацкихъ карауловъ ни набѣговъ хищныхъ трухменцовъ.

Доронинъ попалъ къ самому первостатейному греку, къ тому, чтò и выдумалъ пятачную торговлю. Съ самаго начала «Алешка безпутный» выказалъ себя на воровское дѣло самымъ способнымъ человѣкомъ. Въ Мертвомъ-Култукѣ зелено вино рѣдко важивалось, и волей-неволей онъ понемножку отвыкъ отъ чарочки. А у него непохмельнаго и голова и руки были золотыя. И первый годъ и второй греку вѣрой и правдой служилъ онъ, на третій, сведя знакомство съ кизильбашами и даже выучась говорить по-ихнему, сталъ и свои пя-

---

*) *Бурметь* — нѣчто въ родѣ холста изъ хлопчатобумажной пряжи, персидскаго издѣлія; простая бурметь зовется *шилс*, лучшая — *ханагай*. *Алача* или *аладжа* — шелковая или полушелковая полосатая ткань персидскаго издѣлія. *Канаусъ* — извѣстная шелковая ткань.

**) Шкаликъ — полкосушка.

***) *Бязь* то же почти, чтò бурметь, но не персидскаго, а средне-азіатскаго издѣлія.

****) Кизильбашами — зовутъ персіанъ. Старинное ихъ названіе. Значитъ — *красноголовый*.

таки продавать. И какъ только заслышалъ, что въ Питерѣ свѣдали, куда пятаки да гривны идутъ, сразу зашабашилъ, не поставивъ во грѣхъ надуть благочестиваго грека. Получивъ за его боченки два воза персидскихъ товаровъ, не сдалъ ихъ хозяину, а когда тотъ сталъ требовать, сказалъ ему: «хочешь товаръ получить, такъ подавай на меня губернатору жалобу, безъ того послѣдней тряпки не дамъ». Грекъ расшумѣлся, да нечего дѣлать, плюнулъ на Доронина и рукой махнулъ.

На родинѣ ни дома, ни жены, ни ребятишекъ не нашелъ. Постоялъ на поросшемъ лопухомъ и чернобыломъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла избенка его, почесалъ въ затылкѣ, выругался самъ про себя и, перекрестившись, пожелалъ женѣ царства небеснаго. Потомъ крякнулъ съ горя, махнулъ рукой и пошелъ на постоялый дворъ, гдѣ тогда у него воза стояли. На утро бѣглый попъ, что̀ жилъ въ Вольскѣ по богатой часовнѣ, строенья знаменитаго откупщика Злобина, отпѣлъ Доронину канонъ за единоумершую и за то хорошія деньги получилъ на негасимую свѣчу и годовое чтеніе псалтыря по покойницѣ. Устроивъ душу жены, въ тотъ же день Доронинъ уѣхалъ къ Макарью, тамъ выгодно продалъ товары, размѣнялъ бусурманскія деньги на русскія и воротился въ Вольскъ съ крупнымъ наличнымъ капиталомъ.

На рукахъ носили всѣ Алексѣя Степаныча, не знали, чѣмъ угодить, чѣмъ почетъ воздать ему... Однакожъ, хоть всѣ земляки, отъ мала до велика, передъ нимъ лебезили, не захотѣлось ему остаться на родинѣ. И въ кабакахъ-то сидѣли еще тѣ самые цѣловальники, которымъ онъ послѣднюю шапчонку, бывало, закладывалъ, и въ полиціи-то служили тѣ самые будочники, что̀ засыпали ему въ спину горяченькихъ, и товарищи прежней безпутной жизни теперь одолѣли его — еле стоя на ногахъ, лѣзли къ нему съ увѣреньями въ дружбѣ и звали съ собой разгуляться по-старинному. Накупилъ Алексѣй Степанычъ за Волгой да вкругъ Сызрани земель и выстроилъ на Иргизѣ возлѣ нѣмецкихъ колоній мельницу. А была та мельница на удивленье. Домъ при ней поставилъ, разукрасилъ его на славу и привезъ изъ Сызрани на новоселье молодую хозяйку, женился онъ тамъ на богатой купеческой дочкѣ.

Были у него сынъ да дочь — красныя дѣти. Вырастилъ ихъ Алексѣй Степанычъ въ страхѣ Господнемъ, дочку выдалъ замужъ въ Саратовъ за хлѣбнаго торговца, сына на богатой сироткѣ женилъ... И только-что успѣлъ устроить дѣтей, кончилъ жизнь свою позорною смертью. Поѣхалъ онъ въ Саратовъ по какому-то дѣлу да кстати поглядѣть на молодое хозяйство новобрачной дочери. А тогда по Волгѣ шелъ невѣдо-

мый, еще впервые появившiйся на Руси моръ. Ужасъ и унынiе шли вмѣстѣ съ холерой: вечеромъ и на разсвѣтѣ по всѣмъ церквамъ гудѣлъ колокольный звонъ, чтобы во всю ночь между звонами никто не смѣлъ выходить на улицу; на перекресткахъ дымились смрадныя кучи навоза, покойниковъ возили по ночамъ арестанты въ пропитанныхъ дегтемъ рубахахъ, по домамъ жгли безщадно все оставшееся послѣ покойниковъ платье, лѣкаря ходили по домамъ и все опрыскивали хлоромъ, по народу расходились толки объ отравленiи колодцевъ... Страшное было время, особливо въ Саратовѣ. Доронинъ стосковался по женѣ, боялся за нее, за сына и молодую сноху, бросилъ дѣла на произволъ судьбы и поѣхалъ домой. Его остановили и посадили въ карантинъ. Въ тоскѣ, въ смертномъ страхѣ и горѣ подкупилъ онъ сторожей и съ помощью ихъ бѣжалъ изъ карантина. Его поймали, въ двадцать четыре часа осудили и среди двухъ сторожей вздернули раба Божья на висѣлицу.

Зиновiй Алексѣичъ росъ подъ неусыпными, денно-нощными заботами матери. Отцу некогда было заниматься дѣтьми: то и дѣло въ отлучкахъ бывалъ. Только у него объ нихъ и было заботы, чтобъ, возвращаясь изъ какой-нибудь поѣздки, привезти гостинцевъ: изъ одежи чего-нибудь да игрушекъ и лакомствъ. Мать Зиновья Алексѣича женщина была добрая, кроткая, богомольная; всю душу положила она въ дѣтокъ. И вылился въ нихъ весь нравъ разумной матери.

Изъ Зиновья Алексѣича вышелъ человѣкъ ума недюжиннаго, нрава добраго, честнаго, всегда спокойнаго и во всемъ съ разсудкомъ согласнаго. Ему, воспитанному въ страхѣ Божьемъ, было съ ранняго младенчества внушено беззавѣтное уваженье къ дѣдовскимъ обычаямъ, любовь къ родинѣ безграничная, честность ничѣмъ неколебимая, милосердiе ко всякому бѣдному и несчастному. Когда исполнилось ему восемнадцать лѣтъ, мать, опасаясь, чтобы не смутилъ его врагъ рода человѣческаго и не ввелъ бы во грѣхъ, затворяющiй, по ея убѣжденью, райскiя двери, стала ему невѣсту прiискивать. Искала недолго, давно она сноху себѣ намѣтила — дальнюю свойственницу, круглую сироту съ покорнымъ нравомъ и съ богатымъ приданымъ. Татьяна Андревна — такъ звали молодую жену Зиновья Алексѣича — вся вышла въ свекровь: такая же добрая жена, такая же заботная мать.

Послѣ плачевной кончины Алексѣя Степаныча его вдова то жила у сына, то гостила у дочери — ни того ни другой обидѣть ей не хотѣлось. Въ обоихъ домахъ порядокъ держала,

и во всѣхъ дѣлахъ, по хозяйству ли, насчетъ маленькихъ внучатъ, слово ея было закономъ. Внуковъ у дочери и внучекъ у сына нянчила, съ дѣтства въ добрѣ и правдѣ ихъ наставляла, молодымъ хозяевамъ совѣтами во всемъ помогала. Десять годовъ съ половиной такъ прожила честная вдовица и столь же тихо угасла, сколь тихо протекла жизнь ея, полезная для всѣхъ, кто ни зналъ ее. Много горя-печали кончина ея принесла и своимъ и чужимъ, пуще всѣхъ горевали по ней бѣдныя вдовы да сироты.

Зиновій Алексѣичъ, какъ и родитель его, велъ жизнь непосѣдную, разъѣздную; въ дому у него чуть не круглый годъ бабье царство бывало. Къ Татьянѣ Андревнѣ сродницы гостить пріѣзжали, матери да канонницы съ Иргиза да съ Керженца, бѣдныя вдовы да старыя дѣвы — больше никого. Вкругъ дома жили одни рабочіе, ближними сосѣдями были нѣмцы-колонисты. Скучненько было подраставшимъ дочерямъ Зиновья Алексѣича, и частенько онъ подумывалъ: «хорошо бы въ городу домикъ купить, либо новый построить: все-таки Лиза съ Наташей хоть маленько бы свѣта Божьяго повидали». Но вслухъ о томъ заикнуться не смѣлъ, зная, какъ дорогъ былъ домъ на мельницѣ старухѣ его матери. По пятнадцатому году, когда тотъ домъ только-что обстроенъ былъ, вступила она подъ его кровлю хозяюшкой, всю почти жизнь провела въ немъ безвыѣздно и ни за что на свѣтѣ не согласилась бы на старости лѣтъ перебраться на новое мѣсто.

Схоронивши мать, Зиновій Алексѣичъ переселился въ Вольскъ, выстроилъ тамъ лучшій домъ въ городѣ, разубралъ его, разукрасилъ, денегъ не жалѣя, лишь бы отдѣлать все въ «наилучшемъ видѣ», лишь бы каждому кидалось въ глаза его убранство, лишь бы всякъ, кто мимо дома ни шелъ ни ѣхалъ — все бы время на него любовался и, уѣхавши, молвилъ бы самъ про себя: «сумѣлъ поставить хоромы Зиновій Алексѣичъ!»

Въ городу житье на иной ладъ пошло. Зиновій Алексѣичъ былъ душа-человѣкъ: радушный, ласковый, доброжелательный, хлѣбосольный, гостямъ бывалъ радъ обо всякую пору. Весело, радушно похаживалъ онъ по разубраннымъ своимъ горницамъ, когда онѣ бывали гостями полнехоньки: тутъ отъ него и шутки и смѣхи такъ и сыплются, а безъ гостей приказчики да рабочіе иной разъ отъ хозяина слова добиться скоро не могутъ, только и разговорится, что съ одними семейными. Всякому гостю званому и нежданному привѣтъ отъ него былъ одинъ, только чванныхъ, спесивыхъ да ломливыхъ гостей онъ не жаловалъ. Веселыя гостины у Доронина бывали однако вре-

менами, когда хозяинъ въ дому, а во время отлучекъ его только женскій полъ у Татьяны Андревны гащивалъ: знакомыя купчихи изъ Вольска да изъ Балакова, подружки подраставшихъ дочерей, да матушки и келейныя дѣвицы изъ иргизкихъ монастырей да изъ скитовъ кѐрженскихъ и чернораменскихъ бывали въ дому у нея.

И Зиновій Алексѣичъ и Татьяна Андревна въ дочеряхъ своихъ души не чаяли, обѣихъ равно лелѣяли, обѣихъ равно берегли, и не было изъ нихъ ни отцовской баловницы ни материной любимицы. Держали дѣвицъ просто, воспитали ихъ безхитростно, брали лаской да любовью, а не криками и строгостями, читать и писать полууставомъ выучила ихъ проживавшая при домашней моленной читалка-канонница; дѣвочки были острыя, къ ученью способны и рачительны: еще дѣтьми прочитали онѣ всѣ двадцать каѳизмъ псалтыря, даже Ефрема Сирина и Маргаритъ Златоуста. Зиновій Алексѣичъ разсуждалъ, что роститъ дочерей не для кельи и не ради манатьи, и, къ великому огорченью матушекъ, къ немалому соблазну кумушекъ, нанялъ бѣднаго старичка, отставного учителя, обучать Лизу съ Наташей читать и писать по-граждански и разнымъ наукамъ, какія были пригодны имъ. Татьяна Андревна тому не препятствовала, но, когда приходилъ учитель, на шагъ не отходила отъ дочерей и ни единаго слова учителя мимо ушей не пропускала. Совѣтовали знакомые Зиновью Алексѣичу свезти дочерей въ Казань либо въ Москву, въ хорошій пансіонъ, гдѣ ихнія дочери обучались, а если жаль надолго разставаться, принять въ домъ учительницу, чтобы могла она ихъ всему обучить, что̀ по нынѣшнимъ временамъ отъ дочерей богатыхъ купцовъ требуется. Зиновій Алексѣичъ на то не согласился. «Какъ, говорилъ, приму я въ домъ чужого человѣка?.. Кто ее знаетъ — какова навернется, чего добраго еще перепортитъ дѣвчатъ... Да, пожалуй, по середамъ да по пятницамъ скоромничать вздумаетъ—такъ развѣ это въ христіанскомъ дому можно?» Зато сталъ покупать дочерямъ книги не только божественныя, но и мірскія. Ни самъ онъ ни Татьяна Андревна не знали, какія книги пригодны и какія дочерямъ въ руки брать не годится, потому и спрашивали старичка-учителя и другихъ знающихъ людей, какія надо покупать книги. Но и тутъ Татьяна Андревна тогда только давала дочерямъ книгу, когда напередъ сама, бывало, прочитаетъ ее отъ доски до доски. Съ ранняго дѣтства Лиза съ Наташей на полной свободѣ росли, не видывали онѣ суроваго взгляда родительскаго, оттого и не таились ни въ чемъ предъ отцомъ-матерью. Еще бабушка на мельницѣ съ самыхъ

пеленокъ внушала имъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже притворства, и что всякая ложь, какъ бы ничтожна она ни была, есть чадо дьявола, и кто смолоду лжетъ, тотъ во всѣ грѣхи потомъ вступитъ и впадетъ на томъ свѣтѣ въ вѣчную пагубу. По смерти бабушки Татьяна Андревна то же самое дочерямъ внушала. И не было въ нихъ притворства, никогда съ языка не сходило лживаго слова. На глазахъ родителей дѣвочки дѣлали, что хотѣли—и хорошее и дурное, за хорошее ихъ не хвалили, за дурное не бранили и ничѣмъ не грозили, а кротко объясняли, почему это дурно и почему того дѣлать не слѣдъ. Откровенность дѣвочекъ съ бабушкой, съ отцомъ и съ матерью была безгранична; каждое свое помышленье онѣ имъ разсказывали. Живя на мельницѣ, мало видали онѣ людей, но и тогда, несмотря на младенческій еще почти возрастъ, не были ни дики, ни угрюмы, ни застѣнчивы передъ чужими людьми, а въ городѣ, при большомъ знакомствѣ, обходились со всѣми привѣтно и ласково, не жеманились, какъ ихъ сверстницы, и съ приторными ужимками не опускали, какъ тѣ, глазъ при разговорѣ съ мужчинами, не стѣснялись никѣмъ, всегда и вездѣ бывали веселы, держали себя свободно, развязно, но скромно и вполнѣ безупречно. По образу жизни родителей Лиза съ Наташей были удалены отъ сообщества мѣщанскихъ дѣвушекъ, потому и не могли перенять отъ нихъ вычурныхъ пріемовъ, приторныхъ улыбокъ и не совсѣмъ нравственныхъ забавъ, что̀ столь обычны въ средѣ молодыхъ горожанокъ низшаго слоя. На ихъ «подругахъ» замѣтно было вліяніе мѣщанства, и это было противно Лизѣ съ Наташей; не умѣвшія лгать и притворствовать, онѣ высказывали это подругамъ напрямикъ. За то подруги на нихъ досадовали, а иныя даже ненавидѣли, но никогда ни одна не посмѣла про нихъ сплетку сплести.

Словомъ сказать, выросли Лиза съ Наташей въ строгой простотѣ коренной русской жизни, не испорченной ни чуждыми быту нашему вѣрованіями, ни противными складу русскаго ума иноземными новшествами, ни доморощеннымъ тупымъ суевѣріемъ, все проницающимъ, все отрицающимъ, о чемъ не вѣдали отцы и дѣды, о чемъ не писано въ старыхъ книгахъ.

Хоть Лиза двумя годами была постарше сестры, но въ ихъ наружности почти никакой разницы не было: похожи другъ на дружку ровно двѣ капли воды. Не такія были онѣ красавицы, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ, какихъ ни въ сказкахъ сказать ни перомъ описать, но были такъ миловидны и свѣжи, что невольно останавливали на себѣ взоры каждаго. Острый, спокойный умъ такъ и блисталъ въ ихъ ясныхъ, темно-синихъ

очахъ. Только-что заневѣстилась старшая, молодежь стала на нее заглядываться, стала она заглядываться и на младшую, а старые люди, любуясь на сестрицъ-красавицъ, Зиновью Алексѣичу говаривали:—«Красѣнъ, братецъ, дочками—умѣй зятьевъ подобрать, а выбрать будетъ изъ кого, свахи всѣ пороги у у тебя обобьютъ».

И въ самомъ дѣлѣ обили. Еще годовъ не выходило Лизаветѣ Зиновьевнѣ, какъ матушки да тетушки мало-мальски замѣтныхъ по купечеству жениховъ стали намекать насчетъ сватовства, но Татьяна Андревна рѣчи ихъ поворачивала на шутку. Когда-жъ исполнились года, городскія свахи и пріѣзжія изъ Саратова, Хвалыня и Сызрани зачастили къ Дорониным. Сватались къ Лизѣ молодые и степенные, сватались бѣдные и богатые, сватались тѣ, кому женинымъ приданымъ хотѣлось карманъ починить, засылали свахъ и такіе, что̀, думая завести торговое дѣло пошире, разсчитывали на доронинскія денежки... Сватались изъ-за невѣстиной красоты, изъ-за хорошаго родства, а больше всего изъ-за денегъ; такихъ только отчего-то не видѣлось, что̀ думали жениться въ надеждѣ найти въ Лизаветѣ Зиновьевнѣ добрую жену, хорошую хозяйку и разумную совѣтницу. Отъ прямыхъ отвѣтовъ свахамъ Татьяна Андревна уклонялась, говорила, что дочь у нея еще не перестарокъ, хлѣбомъ-солью отца не объѣла, пущай, дескать, въ дѣвичествѣ подольше покрасуется, подольше поживетъ подъ теплымъ материнскимъ крылышкомъ. Не дивили свахъ рѣчи Татьяны Андревны—рѣчи тѣ были обычныя, изстари заведенныя; завсегда говорятся онѣ, будь невѣста хоть совсѣмъ старуха, хоть такая перезрѣлая дѣва, какой, по народному присловью, на томъ свѣтѣ козловъ пасти. То̀ смущало свахонекъ, то̀ страннымъ и чуднымъ казалось имъ, что Доронины — и мужъ и жена — имъ сказывали, что воли съ дочерей они не снимаютъ, за кого хотятъ, за того пускай и выходятъ, а ихъ родительское дѣло благословить да свадьбу сыграть. Такое нарушенье старыхъ порядковъ свахи сочли ересью и потомъ сомнѣвались даже, въ своемъ ли умѣ такой отвѣтъ Доронины держали.

Года полтора отъ свахъ отбоя не было, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ Зиновій Алексѣичъ со всей семьей на цѣлую зиму въ Москву уѣхалъ. Выгодное дѣльце у него подошло, но, чтобъ хорошенько его обладить, надо было мѣсяцевъ пять въ Москвѣ безвыѣздно прожить. И задумалъ Доронинъ всей семьей катить въ Бѣлокаменную, кстати-жъ ни Татьяна Андревна ни Лиза съ Наташей никогда Москвы не видали и на Рогожскомъ кладбищѣ съ роду не маливались.

Въ Москвѣ у Зиновья Алексѣича знакомство по купечеству было обширное. А водилъ онъ хлѣбъ-соль и былъ въ дружбѣ-пріязни не съ одними старообрядцами. И церковные уважали его за прямоту души. По пріѣздѣ въ Москву оказалось у него столько знакомыхъ, что Татьянѣ Андревнѣ двѣ недѣли пришлось изо дня въ день разъѣзжать по Москвѣ, знакомства дѣлать. Не привыкла она къ такой жизни, непріятны ей были разъѣзды съ одного конца города въ другой, но дѣлать было нечего; Зиновій Алексѣичъ сказалъ, что надо,—противорѣчить ему въ голову не приxаживало Татьянѣ Андревнѣ. Вступивъ въ кругъ новыхъ знакомыхъ, Доронины старались доставлять дочерямъ удовольствія, какія были возможны и доступны имъ. Поѣздки въ гости, въ театръ, на вечера отуманили Лизу съ Наташей; ничего подобнаго до тѣхъ поръ онѣ не видали, было имъ боязно и тягостно среди новаго общества. Все имъ чудилось, что онѣ и изъ себя-то хуже всѣхъ и глупѣе-то всѣхъ, и говорить-то ни о чемъ не умѣютъ; все имъ казалось, что москвичи смотрятъ на нихъ, какъ на привозныя диковины, и втихомолку надъ ними насмѣхаются. Бойки и рѣзвы въ своемъ Вольскѣ онѣ выросли, а теперь сидятъ себѣ да помалчиваютъ, боясь слово сказать, сохрани Богъ, не осмѣяли бы, а у самихъ сердце такъ и щемитъ, такъ и ноетъ — расплакаться такъ въ ту же пору... Въ самомъ началѣ московскихъ выѣздовъ Доронины всей семьей были на именинахъ; хозяйская племянница сѣла за фортепіано, начались танцы. Невыносимо стало Лизѣ съ Наташей: ихъ зовутъ танцовать, — а онѣ не умѣютъ. Глядятъ на дѣвицъ и видятъ, что платья на нихъ и проще и дешевле ихнихъ, а сидятъ на нихъ и лучше и красивѣе; однѣ онѣ одѣты ровно «Кутафьи Роговны»... *) И скучно и тошно показалось имъ въ Москвѣ, поскорѣй бы домой, на родную сторонушку, гдѣ живется проще да привольнѣе, гдѣ завсегда бывали онѣ всѣхъ пригляднѣй, всѣхъ наряднѣе.

Зиновій Алексѣичъ разсудилъ иначе. Тоже не легко было ему на сердцѣ, какъ увидѣлъ онъ дочерей въ несродной имъ средѣ. Обижало его и крѣпко огорчало, что Лиза съ Наташей во всемъ отъ другихъ отстали, и не разъ онъ вспокаялся, что не послушался друговъ-пріятелей, не принялъ въ домъ учительницы... Плакала потихоньку и Татьяна Андревна, хоть и громко ворчали на нее рогожскія матери, но Зиновій Але-

*) *Кутафья*—неуклюжая, безобразно одѣтая женщина, также неуклюже построенное зданіе (въ Москвѣ башня Кутафья такъ прозвана народомъ, а не офиціально). Кутафья Роговна—столь безобразно одѣтая женщина, что надъ нею всѣ смѣются.

ксѣичъ не внялъ тому, нанялъ учительницу, обучила-бъ скорѣй дочерей танцовать, накупилъ имъ самыхъ модныхъ нарядовъ и чуть не каждый день сталъ возить ихъ въ театры, въ концерты и по гостямъ, ежели зналъ, что танцевъ тамъ не будетъ. Танцы — наука не хитрая, была бы только охота, а Лизѣ съ Наташей очень хотѣлось имъ выучиться. У выросшихъ безъ грозы дѣвушекъ всѣ движенья и пріемы были свободны, и въ каждомъ выражалась прелесть красоты и непорочности,—выучиться танцамъ было имъ не трудно. Мѣсяца черезъ полтора никто бы не узналъ ихъ. Заговорили про дочерей Доронина по всему купечеству... Нарадоваться не могъ Зиновій Алексѣичъ. Самодовольно похаживалъ онъ на званыхъ вечерахъ въ купеческомъ клубѣ, видя, какъ его дочери привлекаютъ на себя общее вниманіе, какъ блестятъ красой, ловкостью и разумными разговорами. Тихой радостью сіяла Татьяна Андревна, видя, какъ молодые сыновья самыхъ первыхъ московскихъ тузовъ-милліонщиковъ не сводятъ жадныхъ взоровъ съ ея дочерей, и какъ люди пожилые, степенные поглядываютъ на нихъ съ довольной и одобрительной улыбкой. И вотъ что̀ всего было удивительнѣе: блистая въ новой средѣ, Лиза съ Наташей не возбуждали къ себѣ ни чувствъ недоброжелательства и пренебреженія въ матеряхъ неказистыхъ изъ себя невѣстъ, ни зависти и затаенной злобы въ новыхъ подругахъ. Такъ обаятельна была прелесть ихъ чистоты, такъ всемогуща была непорочность ихъ помысловъ, что̀ выражались въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеньи поволжскихъ красавицъ...

Всѣмъ были вѣдомы достатки Доронина, всѣ знали, что каждой изъ его дочерей половина его состоянья достанется. Тетушки и бабушки неженатыхъ московскихъ купчиковъ въ разговорахъ съ Татьяной Андревной стали загадывать всѣмъ непонятныя, изстари по Руси ходячія загадки: «Не вѣкъ-де Лизаветѣ Зиновьевнѣ макомъ сидѣть, не вѣкъ-де ей русой косой красоваться, не пора-ль-де ей за свое хозяйство приниматься, свой домокъ заводить?» Татьяна Андревна тоже, какъ изстари ведется, отъ прямого отвѣта уклонялась, не давала, какъ говорится, ни приказу ни отказу. Тогда тетушки да бабушки заводили сватовство напрямки. «У васъ, дескать, товаръ, а у насъ на товаръ купецъ найдется». И называли купца по имени и отчеству. Но Татьяна Андревна и тутъ, не давая прямого отвѣта, обычныя рѣчи говаривала: «Нашъ товаръ не продажный, еще не поспѣлъ; не порогомъ мы вамъ поперекъ стали, по другимъ семьямъ есть товары получше

нашего». И сколько ни затѣвалось сватовства, толку не выходило. Лизавета Зиновьевна знала все, мать отъ нея ничего не таила, однако она ни на минуту не задумывалась ни надъ однимъ женихомъ. Всѣ они были ей равны, ничьи страстные взоры, ничьи сладкія рѣчи не отзывались въ ея сердцѣ. Оно, чистое, непорочное, было еще безмятежно, какъ зеркальная поверхность широко раскинувшагося озера въ тихій, ясный іюньскій вечеръ.

Пришелъ Зиновій съ порошей — охотничій праздникъ *). Хоть снѣжку на перву порошу Зиновій въ тотъ годъ и не принесъ, а Доронинъ, не будучи псовымъ охотникомъ, про Зиновьевъ праздникъ и не слыхивалъ, однакожъ задумалъ-было въ тотъ день на всю знакомую Москву пиръ задать! Зиновьи разъ только въ году бываютъ—всѣмъ знакомымъ, кто въ святцы поглядываетъ, было извѣстно, что ихъ поволжскій гость въ тотъ день именинникъ... Обѣдъ задать, или вечеринку устроить?—совѣтовались межъ собой Зиновій Алексѣичъ съ Татьяной Андревной. Но какъ ихняя квартира въ нанятомъ домѣ-особнякѣ на Земляномъ Валу еще не была какъ слѣдуетъ устроена, а именины пришлись въ пятницу, значитъ, стола во всей красѣ устроить нельзя, то и рѣшили отложить пиръ до Татьянина дня **), благо онъ приходился въ скоромный понедѣльникъ. Такъ всѣмъ знакомымъ и сказывали.

Въ день ангела Зиновій Алексѣичъ со всей семьей съѣздилъ на Рогожское, отстоялъ тамъ часы, отслушалъ заказной канонъ преподобному и, раздавъ по всѣмъ палатамъ щедрую милостыню, побывалъ въ кельѣ у матушки Пульхеріи и вдоволь наслушался красноглаголивыхъ рѣчей знаменитой по всему старообрядству старой-престарой игуменьи. Татьяна Андревна съ дочерьми отъ Пульхеріи домой поѣхали, а именинникъ по какому-то дѣлу въ городъ отправился, обѣщавшись къ обѣду воротиться. Подошла обѣденная пора, а хозяина нѣтъ. Захлопоталась Татьяна Андревна! Не пересидѣла бы, сохрани Богъ, кулебяка, не переварилась бы осетрина, не перекипѣла бы рыбная селянка... А время идетъ да идетъ, доброй хозяюшкѣ жутко ужъ становится, чуть не до слезъ дѣло дошло... «Каждый годъ,—думаетъ она: къ именинному пирогу изъ-за тысячи верстъ пріѣзжалъ, а теперь въ одномъ городѣ, да ровно сгибъ-пропалъ... Не случилось ли ужъ чего?.. Лошади не разбили-ль?.. Не захворалъ ли вдругъ?» Обливается тоской сердце Татьяны Андревны, а смущенныя не меньше матери

*) 30-го октября.
**) 12-го января.

дочери давно всѣ окна проглядѣли—не ѣдетъ ли тятенька изъ города.

— Ѣдетъ!.. — радостно вскрикнула наконецъ Наташа и бросилась встрѣчать отца.

Татьяна Андревна три раза набожно перекрестилась, глядя на иконы, и спокойной походкой къ дверямъ пошла.

— Съ какимъ-то гостемъ,—молвила Лизавета Зиновьевна, еще не отходившая отъ окошка.

Въ самомъ дѣлѣ, въ щегольскихъ парныхъ орѣховаго дерева саняхъ, рядомъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ сидѣлъ кто-то, закутанный въ ильковую шубу и дорогую соболью шапку.

«Съ кѣмъ бы это? — размышляла Татьяна Андревна, проворно подходя къ окну, мимо котораго заворачивали на дворъ сани.—Ужъ не изъ нашихъ ли, не изъ вольскихъ?.. Да шубы-то такой во всемъ Вольскѣ нѣтъ».

— Можетъ, изъ московскихъ кто-нибудь,—замѣтила Лиза.

— Привезетъ ли онъ кого изъ здѣшнихъ на именины, когда пиры да гостины отложены? Такъ не водится, — молвила Татьяна Андревна.

Вошелъ въ прихожую Зиновій Алексѣичъ. Наташа быстро подскочила къ отцу, сняла съ него шапку и повисла у него на шеѣ, цѣлуя заиндивѣвшую отъ мороза родительскую бороду.

— Заждались мы тебя! Чуть-чуть не поплакали. Думали, не случилось ли ужъ чего съ тобой, — говорила она, весело улыбаясь и снимая съ отца шубу.

— И впрямь, батька, гдѣ это ты запропастился? — стоя въ дверяхъ залы, сказала Татьяна Андревна. — Какъ это тебѣ, Алексѣичъ, не стыдно мучить насъ?.. Чего-чего, дожидаючись тебя, мы ни надумали!.. А кулебяка-то, поди-чать, перегорѣла, да и рыба-то въ селянкѣ, думать надо, перепрѣла.

— Запоздалъ маненько, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Како тутъ маненько?—возразила Татьяна Андревна.— Погляди на часы-то. Битыхъ два часа тебя поджидали, а ему про насъ и думушки нѣтъ... А еще именинникъ!.. Постылый ты этакій! — съ напускною досадой промолвила Татьяна Андревна, отворачиваясь отъ мужа.

— Ну, простите Христа ради! Ни впредь ни послѣ не буду,—ласково потрепавъ хозяйку по плечу, сказалъ Зиновій Алексѣичъ. — Что̀ дѣлать?.. Линія такая вышла! Зато и дѣльце сварганили... Ну, да вѣдь соловья баснями не кормятъ, а ты, Андревнушка, спроворь-ка намъ поскорѣе закусочку: водочки поставь да мадерцы, икорки зернистой, да грибочковъ, да груздочковъ, да рыжичковъ, да, смотри, огур-

чиковъ солененькихъ не забудь. А за обѣдомъ извольте поздравлять меня холодненькимъ — значитъ, шампанское чтобъ было подано... А этого молодца признала? — сказалъ Зиновій Алексѣичъ, указывая на выходившаго изъ передней молодого человѣка.

— Не могу признать,— пристально глядя на гостя и слегка разводя руками, молвила Татьяна Андревна.

— Вотъ оно каково!..— шутилъ Зиновій Алексѣичъ.— Вотъ оно что̀ значитъ въ Москву-то забраться!.. Своихъ не узнаешь!.. Нашихъ палестинъ выходецъ, волжанинъ сынъ *), саратовецъ, да еще намъ никакъ и сродни маленько приходится!

Тутъ Татьяна Андревна совсѣмъ ужъ растерялась. Сложивъ руки на груди и умильно поглядывая на молодого человѣка, сказала ему:

— Ни за что на свѣтѣ старымъ моимъ глазамъ не признать васъ, батюшка... Скажите, сдѣлайте милость, какъ вы намъ родня-то?

Молодой человѣкъ былъ смущенъ не меньше Татьяны Андревны. Мнетъ соболью свою шапку, а самъ краснѣетъ... Не спалъ, не грезилъ, и вдругъ очутился середь красавицъ, какихъ сроду не видывалъ, да онѣ же еще свои люди, родня.

— Ѳедора Меркулыча помнишь? — спросилъ у жены Зиновій Алексѣичъ.

— Какъ же, батька, не помнить Ѳедора Меркулыча? Двоюроднымъ братцемъ матушкѣ-покойницѣ доводился, — отвѣчала Татьяна Андревна.

— Такъ это его сынокъ, Никита Ѳедорычъ,— сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

— Микитушка!—радостно воскликнула Татьяна Андревна.— Родной ты мой!.. Да какъ же ты выросъ, голубчикъ, какимъ молодцомъ сталъ!.. Я вѣдь тебя еще махонькимъ видала, вотъ этакимъ, — прибавила она, поднявъ руку надъ поломъ не больше аршина.— Ни за что бы не узнать!.. Ахъ, ты, Микитушка, Микитушка!

И съ любовной лаской принялась со щеки на щеку лобызать новоявленнаго сродника.

— Ну что̀, какъ у тебя домашніе-то? — съ родственнымъ участьемъ спрашивала Татьяна Андревна.

— Батюшка лѣтошній еще годъ померъ,—тихо промолвилъ Никита Ѳедорычъ.

---

*) *Волжанинъ* или *волжанинъ сынъ* — такъ зовутъ уроженцевъ Поволжья, особенно средняго и низоваго.

— Слышали, родной, слышали... Пали и къ намъ вѣсти объ его кончинѣ, — говорила Татьяна Андревна. — Мы все какъ слѣдуетъ справили, по-родственному: имечко святое твоего родителя въ синодикъ записали, читалка въ нашей моленной на ряду съ другими сродниками поминаетъ его... И въ Вольскѣ при часовнѣ годовая была по немъ заказана, и на Иргизѣ заказывали, и на Керженцѣ, и здѣсь на Рогожскомъ. Какъ слѣдуетъ помянули Өедора Меркулыча, дай, Господи, ему царство небесное, — три раза истово перекрестясь, прибавила Татьяна Андревна.

Межъ тѣмъ въ гостиной на особый столикъ закуску поставили, и Зиновій Алексѣичъ, взявъ гостя подъ-руку, подвелъ къ ней и молвилъ:

— Покойникамъ вѣчный покой, а живымъ—хлѣбъ да соль. Милости просимъ, Никита Өедорычъ!.. Водочки-то! Икорки, балычка!

— Дома-то, слыхали мы, мало живешь!..—продолжала разспросы свои Татьяна Андревна. — Все больше, слышь, въ разъѣздахъ.

— Такое ужъ наше дѣло,—отвѣчалъ Меркуловъ.—Вѣдь я одинъ, какъ перстъ, ни за мной ни передо мной нѣтъ никого, всѣ батюшкины дѣла на однихъ моихъ плечахъ остались. Съ ранней весны въ Астрахани проживаю, по веснѣ на взморьѣ на ватагахъ, лѣтомъ къ Макарью; а зиму больше здѣсь да въ Петербургѣ.

— Въ Питерѣ-то что̀ у тебя за дѣла? Не хлѣбомъ, батька, торгуешь? — спросила Татьяна Андревна.

— По нынѣшнимъ обстоятельствамъ нашему брату, чѣмъ ни торгуй, безъ Питера невозможно, — отвѣтилъ Никита Өедорычъ. — Ежели дома на Волгѣ вѣкъ свой сидѣть, не то чтобы нажить что-нибудь, а и то, что̀ послѣ батюшки-покойника осталося, не увидишь, какъ все уплыветъ.

— Это такъ, это вѣрно,—подтвердилъ Зиновій Алексѣичъ.— До какого дѣла ни коснись — безъ Питера нельзя, а безъ Москвы да безъ Макарья—тѣмъ паче.

— Нынѣшняя коммерція не то, что̀ въ старые годы, Татьяна Андревна,—прибавилъ Никита Өедорычъ, обтираясь салфеткой послѣ закуски.

И хотѣлъ-было подробнѣе о томъ разговориться, но Татьяна Андревна тутъ на него прикрикнула:

— Да что̀ я тебѣ за Татьяна Андревна такая далась?.. Опомнись, батька, перекрести лобъ-отъ!.. Твоему родителю внучатной сестрой доводилась, значитъ, я тебѣ тетка, а не Татьяна Андревна!.. А это тебѣ дядюшка Зиновей Алексѣичъ.

а это сестрицы — Лизавета Зиновьевна да Наташа — до Натальи-то Зиновьевны она еще не доросла. Ты у меня и не смѣй иначе звать, какъ меня тетушкой, его дядюшкой, ихъ сестрицами... На что̀ это похоже?.. Люди свои, сродники, а межъ собой ровно бы чужіе разговариваютъ!.. Басурмане, что ли, мы? Такъ и тѣ родню почитаютъ... Ты у меня и думать не смѣй по имени и отчеству насъ величать... Слышишь!..

За столомъ Меркуловъ, по приказу Татьяны Андревны, называлъ ее тетушкой, назвалъ-было Зиновья Алексѣича по имени и отчеству, такъ и тотъ на него вскинулся:

— Развѣ я не теткинъ мужъ? — сказалъ. — Коль она тебѣ тетка, я, значитъ, тебѣ дядя. Такъ-то, сударь!

Сталъ Никита Ѳедорычъ и Доронина «дядюшкой» называть, но дѣвицъ сестрицами называть какъ-то не посмѣлъ, оттого мало и разговаривалъ съ ними. А хотѣлось бы поговорить и сестрицами назвать...

Послѣ обѣда именинникъ пошелъ на часокъ отдохнуть, а гость домой сталъ собираться, но тетушка его не пустила.

— Куда это ты, Микитушка? — говорила. — Посумерничай, батька, у насъ, покалякаемъ; встанетъ Зиновій Алексѣичъ, чайку попьемъ да еще покалякаемъ до ужина-то. Отведи до конца дядины-то именины, гости у насъ до ночи.

И остался племянникъ у дяди до полночи, говорилъ съ нимъ о дѣлахъ своихъ и намѣреньяхъ, разговорился и съ «сестрицами», хоть ни той ни другой ни «ты» сказать ни «сестрицей» назвать не осмѣлился. И хотѣлось бы, и бояться бы, кажется, нечего, да тѣхъ словъ не можетъ онъ молвить; языкъ-отъ ровно за порогомъ оставилъ.

А ѣхавши домой, всю дорогу про ласковыхъ, пригожихъ сестрицъ продумалъ; особенно старшая вспоминалась ему. Вплоть до зари, больше половины ночи продумалъ про нее Никитушка; всталъ поутру — а на умѣ опять та же сестрица.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. И у Лизы новый братецъ съ мыслей не сходитъ... Каждое слово его она вспоминаетъ и каждому слову дивится, думая, отчего это она до сихъ поръ ни отъ кого такихъ разумныхъ словъ не слыхивала...

Пришелъ ея часъ.

А Наташа ничего. Братецъ за дверь, она про него и забыла. Ея часъ еще не пробилъ.

Черезъ какую-нибудь недѣлю Меркуловъ у Дорониныхъ совсѣмъ своимъ человѣкамъ сталъ. Какъ родного сына холила и лелѣяла «Микитушку» Татьяна Андревна, за всѣмъ у него

приглядывала, обо всемъ печаловалась, каждый день отъ него допытывалась: гдѣ былъ вчера, что̀ дѣлалъ, кого видѣлъ, ходилъ ли въ субботу въ баню, въ воскресенье за часы на Рогожское аль къ кому изъ знакомыхъ въ моленну, не оскоромился-ль грѣхомъ въ середу аль въ пятницу, не воруютъ ли у него на квартирѣ сахаръ, не подмѣниваютъ ли въ портомойнѣ *) бѣлье, не надо-ль чего заштопать, нѣтъ ли прорѣшки на шубѣ аль на другой одежѣ какой. Покажется Татьянѣ Андревнѣ, что у Микитушки глаза мутны аль въ лицѣ поблѣднѣлъ, тотчасъ зачнутся разспросы: не болитъ ли головка, лихоманка не напала ли, не съѣлъ ли чего лишняго, не застудилъ ли себя. За разспросами совѣты пойдутъ: напиться на ночь той либо другой травки, примочить голову уксусомъ, приложить горчичникъ. Взгрустнется Никитѣ Ѳедорычу, аль раздумье на него нападетъ, опять тетушкины разспросы: не случилось ли въ дѣлахъ изъяну, не гребтитъ ли срочный вексель, не обчелъ ли его кто-нибудь, не обидѣлъ ли словомъ али дѣломъ.

Иной разъ Никитѣ Ѳедорычу докучны бывали «тетушкины» заботы, но онъ и виду не показывалъ, что онѣ ему надоѣли. Зналъ, что радушное о дѣлахъ его безпокойство Татьяны Андревны, усердныя вкругъ него хлопоты идутъ отъ безкорыстной любви, отъ родственнаго чувства, хоть на самомъ-то дѣлѣ какой ужъ онъ былъ ей сродникъ? Въ седьмомъ колѣнѣ доводился, а Лизѣ съ Наташей — въ восьмомъ. Въ Сибири, на сѣверѣ и въ широкихъ степяхъ заволжскихъ, кто живетъ за полтораста, за двѣсти верстъ, тотъ ближній сосѣдъ, а родство, свойство и кумовство считаются тамъ чуть не до двадцатаго колѣна. Седьма вода на киселѣ, десята водина на квасинѣ и всякая сбоку припека изъ роду изъ племени не выкидается. Даже тотъ, кто на свадьбѣ въ поѣзжанахъ былъ, вѣкъ свой новобрачнымъ кумомъ, а ихъ родителямъ сватомъ причитается. Хранить родство, помогать по силѣ возможности сродникамъ, по тѣмъ мѣстамъ считается великой добродѣтелью, а на того, кто удаляется отъ родныхъ, близкихъ ли, дальнихъ ли, смотрятъ, какъ на недобраго человѣка. Зиновій Алексѣичъ и Татьяна Андревна свято хранили завѣты прадѣдовъ и, заботясь о Меркуловѣ, забывали дальность свойства: изъ роду изъ племени не выкинешь, говорили они, къ тому-жъ Микитушка сиротинка—ни отца нѣтъ, ни матери, ни брата, ни сестры; къ тому-жъ человѣкъ онъ заѣзжій — какъ же не обласкать его, какъ не приголубить, какъ не призрѣть въ тепломъ, родномъ, семейномъ кружкѣ?

---

*) Прачечное заведеніе.

«Богъ счастье отниметъ, кто родню на чужбинѣ покинетъ»,— говаривала Татьяна Андревна.

Никита Ѳедорычъ матери не помнилъ. Въ пеленкахъ остался послѣ нея. Росъ на попеченьи нянекъ да мамокъ. Родитель его, въ людяхъ человѣкъ душевный, веселый, добродушный, обходительный, ко всякому радушный и ласковый, въ стѣнахъ своего дома бывалъ всегда угрюмъ, суровъ и своеобыченъ. Изъ домашнихъ на него никто угодить не могъ — вѣчно ворчитъ, вѣчно чѣмъ-нибудь недоволенъ и гнѣвенъ. А ежели разсердится,—а сердился онъ почти ежечасно,— изъязвитъ, бывало, словами человѣка. Рукамъ воли не давалъ, но подначальные говаривали:—«Невпримѣръ бы легче было, ежели бы хозяинъ за всяко просто въ усъ да въ рыло... А то пилитъ-пилитъ, ругается надъ тобой, ругается — не видно ни конца ни краю... А вѣдь ругается-то какъ: каждое словечко больнѣй плети-трехвостки!» И рѣдкіе работники подолгу у Меркулова уживались, хоть платилъ онъ имъ хорошо, а поилъ, кормилъ невпримѣръ лучше, чѣмъ другіе хозяева.

По смерти жены то одну, то другую сродницу звалъ хозяйствовать да за сыномъ приглядывать — больше полугода ни одна не уживалась. Чужихъ сталъ звать, большія награды давалъ — тѣ и мѣсяца не выдерживали. Выросъ Микитушка на рукахъ двухъ нянекъ, безотвѣтныхъ старушекъ; за душевный подвигъ онѣ себѣ поставили претерпѣть всѣ невзгоды и ругательства хозяина «ради маленькаго птенчика, ради сироты, ни въ чемъ неповиннаго». Канонница изъ Иргиза, что̀ при моленной жила, тоже рѣшила себя на смиренномудрое долготерпѣніе въ домѣ Ѳедора Меркулыча, но сдѣлала это не изъ любви ко птенчику-сироткѣ, а за то, что ругатель-хозяинъ въ обитель ея такія суммы отваливалъ, что игуменья и соборныя старицы, бывало, строго-настрого наказываютъ канонницѣ: «вся претерпи, всяко озлобленіе любовію покрой, а меркуловскаго дома покинуть не моги, велія бо изъ него благостыня неоскудно истекаетъ на нашу честную обитель». Канонница Микитушку читать-писать выучила; нянькамъ и за то спасибо, что ребенокъ выросъ не кривымъ, не хромымъ, не горбатымъ какимъ. Лѣтъ десять было ужъ Микитушкѣ, какъ родитель его, наскучивъ одинокой жизнью и тѣмъ, что въ его богатомъ домѣ безъ бабы пустымъ пахло, безъ прямой хозяйки все лѣзло врознь — вздумалъ жениться на бѣдной молоденькой дѣвушкѣ. Была она мѣщанская дочь; отецъ ея чеботарилъ. Видалъ ее Ѳедоръ Меркулычъ каждое лѣто, когда, бывало, пробудясь отъ послѣобѣденнаго сна, прохлаждался онъ, сидя

за часмъ въ гулянкѣ *), что̀ стояла вскрай его сада, рядомъ съ садникомъ чеботаря. Видалъ онъ ее еще тогда, какъ дѣвчонкой-чупахой, до пояса подымя подолъ, бѣгала она по саду, собирая опавшія дули и яблоки, видалъ и подросткомъ, когда въ огородѣ овощь полола, видалъ и бѣдно въ ситцевый сарафанчикъ одѣтою дѣвушкой, какъ, ходя вечеркомъ по вишеннику, тихонько распѣвала она тоскливыя пѣсенки. Влюбился старый брюзга, слова съ дѣвушкой не перемолвя, послалъ онъ за чеботаремъ и, много съ нимъ не говоря, съ перваго слова объявилъ ему, что хочетъ зятемъ ему учиниться. Чеботарь отъ нежданнаго счастья бѣлугой заревѣлъ и въ ноги поклонился Ѳедору Меркулычу. На другой день сѣдовласый женихъ, все еще не видавшись съ невѣстой, поѣхалъ къ бѣглому попу, что̀ проживалъ при Злобинской часовнѣ.

— Такъ и такъ, отче святый, жениться хочу.

— Не старенько ли твое дѣло, Ѳедоръ Меркулычъ? — спросилъ у него попъ.

— Помоложе тебя буду, а живешь же съ попадьей, да дѣтей еще плодишь, — отвѣтилъ сурово женихъ. — Не гляди на меня, что волосомъ бѣлъ, то̀ знай, что я крѣпостью цѣлъ. Году не минетъ — крестить позову.

— Охъ, чадо, чадо! Что̀ мнѣ съ тобой дѣлать-то? — вздохнулъ бѣглый попъ, покачивая головой и умильно глядя на Ѳедора Меркулыча. — Началить тебя — не послушаешь, усовѣстить — ухомъ не поведешь, отъ писанія святыхъ отецъ сказать тебѣ — слушать не захочешь, плюнешь да прочь пойдешь... Что̀ мнѣ съ тобой дѣлать-то, старче Божій?

— Чего дѣлать? — усмѣхнулся Ѳедоръ Меркулычъ. — Бери деньги да вѣнчай — вотъ и все твое дѣло.

— Охъ - охъ - охъ!.. Грѣхи наши, грѣхи тяжкіе! — вздыхалъ попъ попрежнему. — О душѣ-то надо бы подумать, Ѳедоръ Меркулычъ. Вѣдь немало пожито, немало и грѣховъ-то накоплено... Каяться бы тебѣ да грѣхи оплакивать, а не жениться!

— Не на духъ къ тебѣ, батька, пришелъ, законный бракъ повѣнчать требую, — вспыхнулъ Меркуловъ. — Ты лясы-балясы мнѣ не точи, а сказывай: когда ѣхать въ часовню и сколько возьмешь за труды?..

— Охъ - охъ - охъ! — вздыхалъ попъ и, видя, что сѣдого жениха не возьмешь ни мытьемъ ни катаньемъ, спросилъ: — Съ кѣмъ же бракомъ сочетаться есть твое произволеніе?

Женихъ назвалъ невѣсту.

*) Бесѣдка.

— Ахъ, Ѳедоръ Меркулычъ, Ѳедоръ Меркулычъ!.. — покачивая головой, сказалъ на это попъ. — Да вѣдь ей только-что семнадцатый годокъ пошелъ, а тебѣ вѣдь седьмой десятокъ въ доходѣ. Какая-жъ она тебѣ пара?.. Вѣдь она передъ тобой цыпленокъ.

— Цыпленокъ! — съ самодовольствiемъ молвилъ Ѳедоръ Меркулычъ.—Что-жъ изъ того?.. Всякъ человѣкъ до цыплятинки-то охотникъ!.. Ты не охотникъ развѣ, отче святый? А?

— Охъ, грѣхи, грѣхи! — глубоко вздыхая, молвилъ попъ и, зная, что упрямаго Ѳедора Меркулыча въ семи ступахъ не утолчешь, да притомъ расчитывая и на благостыню, какой, можетъ-быть, еще сроду не видывалъ, назначилъ день свадьбы.

Женился Ѳедоръ Меркулычъ. Десятилѣтнiй Микитушка на отцовской свадьбѣ благословенный образъ въ часовню возилъ и во все время обряда глазъ съ мачехи не спускалъ. Самъ не зналъ—отчего, но съ перваго взгляда на нее не взлюбила невинная отроческая душа его розовой, пышно сiяющей молодостью красавицы, стоявшей передъ налоемъ рядомъ съ сѣдовласымъ его родителемъ. Сердце вѣщунъ — и добро оно чуетъ и зло, особливо въ молодыхъ годахъ.

Въ русскихъ семьяхъ хитрая молодая жена зачастую подбираетъ къ рукамъ мужа-старика, вертитъ имъ, какъ себѣ хочетъ, и живетъ онъ у нея во смиреньи и послушаньи до смертнаго часа. Такъ и съ Ѳедоромъ Меркулычемъ случилось: семнадцатилѣтняя жонка, наслушавшись совѣтовъ матери и другихъ родственницъ, сумѣла въ конецъ заполонить семидесятилѣтняго мужа. Ѳедоръ Меркулычъ не выходилъ изъ ея воли: что̀ ни вздумала, чего бы ни захотѣла «свѣтъ-душа Парашка», у него тотчасъ вынь да положь. И сталъ бѣдный цыпленокъ царить въ богатомъ домѣ, все подъ ноготокъ свой подвела Прасковья Ильинична, всѣмъ распоряжалась по властному своему хотѣнью. Заспесивилась передъ сверстницами-подругами, загордилась передъ давними знакомыми, зачванилась передъ близкими и дальними сродниками. Живучи у родителей и въ великiе праздники сладкаго куса не знавшая, подчасъ голодавшая и холодавшая, — много злобы и зависти накопила Прасковья Ильинична въ своемъ дѣвичьемъ сердцѣ, а когда начала ворочать тысячами, стала ровно каменная, заледянѣла. Опричь денегъ ни къ чему сердце у ней не лежало. И родныхъ своихъ по скорости чуждаться стала, не заботили ее неизбывные ихъ недостатки; двухъ лѣтъ не прошло послѣ свадьбы, какъ отецъ съ матерью, брать и сестры отвернулись отъ разбогатѣвшей Параши, хоть, выдавая ее за богача, и много надеждъ возлагали, уповая, что будетъ она

родителямъ подъ старость помощница, а бѣднымъ братьямъ да сестрамъ всегдашняя пособница. Ото всѣхъ отшатнулась, на всѣхъ подула холодкомъ и, ласкаясь къ старому и полному немощей мужу, страстно его увѣряла, всѣми клятвами заклинаясь, что кромѣ его нѣтъ у нея ничего завѣтнаго, что даже отецъ съ матерью стали остудой для нея. Вѣрилъ старый и души не чаялъ въ молодой женѣ.

Духъ алчности и злобы совсѣмъ осѣтилъ ее. Мужу только угождала, и то изъ корысти, день и ночь помышляя, какъ бы добиться, чтобъ старый, отходя отъ сего свѣта, ей все имѣнье отдалъ. Своихъ дѣтей не родилось, пасынокъ поперекъ дороги стоялъ, и оттого возненавидѣла она беззащитнаго мальчика... Тюрьмы да каторги опасаясь, со свѣту сжить Никитушку не рѣшалась, зато вздумала сбыть его изъ дому, не вертѣлся бы онъ на отцовскихъ глазахъ. Выраствшихъ его нянекъ со двора долой согнала, иргизскую канонницу, что̀ грамотѣ его обучила, смѣнила старой, злой, бранчивой керженской читалкой. Не съ кѣмъ стало словечка перемолвить Никитушкѣ; отца видалъ онъ рѣдко, а отъ мачехи да отъ прислуги только бранныя рѣчи слыхалъ и каждый день терпѣлъ обиды: и щипки, и рывки, и цѣлыя потасовки. Любилъ его только сѣрый Волчокъ, старая цѣпная собака, и того мачеха извести велѣла. А изъ дома выходу Никитушкѣ не было, и къ нему изъ сверстниковъ никто не хаживалъ. Росъ мальчикъ въ полномъ одиночествѣ.

Болѣзнуя о забитомъ Никитушкѣ, други-пріятели Ѳедора Меркулыча на бесѣдахъ ему совѣтовали, отдалъ бы онъ сына въ ученье въ Москву либо въ Питеръ. Узнавши о томъ, Прасковья Ильинична день и ночь стала докучать старому, чтобы отправилъ онъ въ ученье Никитушку. Слушать не хотѣлъ Меркуловъ друзей-пріятелей, но Прасковья Ильинична на своемъ поставила. Правду пословица говоритъ: ночная кукушка денную перекукуетъ. Рѣшилъ Ѳедоръ Меркулычъ отправить сына въ Питеръ, отдать его тамъ въ коммерческое училище, а отучится — на контору куда-нибудь: пущай, дескать, къ дѣламъ пріучается. Выйдетъ человѣкомъ—слава Богу, свихнется — значитъ, была на то воля Божья. И послали Никитушку при отцовскомъ рыбномъ обозѣ въ Москву, а оттоль въ Питеръ переправили и тамъ съ грѣхомъ пополамъ въ училище пристроили. Весела и радостна стала Прасковья Ильинична, лѣтъ на десятокъ помолодѣлъ Ѳедоръ Меркулычъ отъ любовныхъ ласкъ молодой жены. А дѣтушекъ у Прасковьи Ильиничны нѣтъ какъ нѣтъ, не шлетъ ихъ Господь.

Хоть живи не живи, а годы возьмутъ свое — ослабъ, одрях-

лѣлъ Ѳедоръ Меркулычъ и совсѣмъ захилѣлъ, когда ему за половину восьмого десятка перевалило. А Прасковья Ильинична тогда во всю красу вступила. Живой живого ищетъ, молодость живетъ молодымъ. И грустно и тошно стало жить со старикомъ. Съ тоски да съ печали слюбилась она съ молодымъ пригожимъ приказчикомъ. По зимамъ и въ темныя ночки осеннія, когда Меркуловъ въ отлучкахъ бывалъ, видалась она съ полюбовникомъ въ уютной спаленкѣ, до вторыхъ пѣтуховъ съ нимъ просиживала возлѣ изразцовой печки на теплой лежаночкѣ, а лѣтомъ миловалась съ нимъ во зеленомъ саду, во частомъ вишеньѣ-орѣшеньѣ, и весело надъ постылымъ мужемъ посмѣивалась. И не день, не мѣсяцъ молодая жена стараго мужа обманывала, любилась она со дружкомъ два годочка.

Разъ передъ Троицей Ѳедору Меркулычу прихворнулось; гостилъ на пиру на бесѣдѣ, покушалъ ботвиньи да жирной кулебяки, грибковъ въ сметанѣ сковородку-другую уплелъ да жаренаго поросеночка съ гречневой кашей. Только-что воротился домой, какъ его схватило — сейчасъ за попомъ. Въ сѣняхъ Прасковья Ильинична попа перехватила, обѣщала ему сколько-то тысячъ, уговорилъ бы больного написать духовную въ ея пользу. Попъ такъ и сдѣлалъ, и едва успѣлъ Ѳедоръ Меркулычъ подписать завѣщанье, какъ канонница стала у него въ изголовьяхъ и стала читать канонъ на исходъ души. Подъ вечеръ больной забылся, и всѣ, кто при немъ были, одинъ по другому изъ душной горницы вышли. Только-что забрезжило, Ѳедоръ Меркулычъ проснулся и всталъ съ постели, какъ встрепанный. Оглядѣлся, видитъ, передъ налоемъ, растянувшись на полу, вся въ поту спитъ мертвымъ сномъ канонница... Душно, жажда мучитъ старика. Обулъ Ѳедоръ Меркулычъ ичеги *), накинулъ на плечи легонькій халатъ и вышелъ тихонько въ садъ прохладиться.

А втѣпоры «хмелевыя ночки» стояли — по людямъ ходилъ веселый Яръ и сладкимъ разымчивымъ дыханьемъ палилъ въ нихъ кровь молодую. Разутѣшенная мужниной духовной, Прасковья Ильинична тихонько прошла въ вишенье съ милымъ дружкомъ повидаться. Радостно было свиданье, веселы рѣчи про то, какъ заживутъ они теперь въ любви и довольствѣ. Шопотомъ бесѣду вели, но старый подслушалъ. Колъ подъ руку ему попался, и далъ онъ волю ярости и гнѣву. Приказчикъ черезъ заборъ, а Прасковья Ильинична съ разбитой головой едва доползла до горницы. Дня черезъ два въ пышныхъ хоромахъ Меркулова гробъ стоялъ...

---

*) Сафьянные спальные сапоги татарской работы.

Схоронивъ жену и замявъ дѣло о внезапной ея смерти, Ѳедоръ Меркулычъ самъ захворалъ ужъ не въ шутку. Чувствуя близость смерти, велѣлъ онъ къ сыну писать, ѣхалъ бы какъ можно скорѣй закрывать глаза родителю. Никита Ѳедорычъ поѣздкой поспѣшилъ, но отца въ живыхъ не засталъ. Каждый уголокъ въ родительскомъ домѣ, каждый столъ, каждый стулъ напоминалъ ему горькую жизнь: каждодневныя обиды мачехи да суровыя рѣчи отца. Въ городѣ никого онъ не зналъ, для всѣхъ тамошнихъ былъ чужимъ человѣкомъ... Справляя поминки, сзывалъ все старообрядство, но по сердцу никому не пришелся. Тараторили съ досадой матушки да бабушки молодыхъ невѣстъ: «по всему бы женихъ хорошъ — и пригожъ, и уменъ, и богатъ, да въ вѣрѣ не твердъ: ходитъ по-модному, проклятый табачище куритъ, въ посты дерзаетъ на скоромное и даже водитъ дружбу съ колонистами, значитъ, сообщается со еретики». Пытались старики молодого человѣка усовѣщевать, но онъ на ихъ уговоры только улыбался. И промчалась про Никиту Ѳедорыча по всему поволжскому старообрядству молва недобрая: совсѣмъ-де погибъ человѣкъ.

Не знавшій ласки материнской, Никита Ѳедорычъ и въ Петербургѣ не зналъ женскаго общества. Принятый съ лаской, съ участьемъ и безкорыстной родственной любовью у Дорониныхъ, онъ почувствовалъ, что нашелъ то, чего не зналъ, но чего давно искала душа его. Все семейство Зиновья Алексѣича, особенно мать съ дочерьми, произвели на него какое-то таинственное обаяніе, и того отраднаго чувства, что̀ испытывалъ онъ, находясь въ ихъ кругу, онъ не промѣнялъ бы теперь ни на что на свѣтѣ... Каждый день бывая у Дорониныхъ и каждый разъ вынося изъ дома ихъ чувство чистоты, добра и свѣжести, сознавалъ онъ, что и самъ дѣлается лучше и добрѣе. Татьяна Андревна на первыхъ же порахъ стала его понемножку журить за нетвердость въ старой вѣрѣ и за открытое пренебреженье дѣдовскихъ обычаевъ. И онъ, только улыбавшійся на попреки саратовскихъ стариковъ, тотчасъ послушался доброй «тетушки»: и посты сталъ держать, и при людяхъ пересталъ курить, и одежу сталъ носить постепеннѣе.

Полюбилъ Никита Ѳедорычъ «сестрицъ» своихъ, но любовь къ той и къ другой была разная. Младшую любилъ, какъ братъ сестру, а къ Лизаветѣ Зиновьевнѣ съ самаго начала иное чувство въ немъ зародилось и разгоралось съ каждымъ днемъ, съ каждымъ свиданьемъ. Съ Наташей былъ онъ шутливъ и веселъ, иной разъ, бывало, какъ маленькій мальчикъ съ нею рѣзвится, но съ Лизаветой Зиновьевной обращался

сдержанно и, какъ ни близокъ былъ въ семействѣ, робѣлъ передъ ней. И она тоже дичилась его, и ей какъ-то стыдно бывало, когда Никита Ѳедорычъ съ ней заговаривалъ. Потомъ мало-по-малу привыкла, и хорошенькій «братецъ» не сталъ выходить изъ мыслей «сестрицы». Великимъ постомъ Доронины стали домой сряжаться, а Никитѣ Ѳедорычу надо было въ Астрахань ѣхать на ватаги; тутъ онъ рѣшился намекнуть Татьянѣ Андревнѣ, что Лизавета Зиновьевна крѣпко ему полюбилась... «Тетушка» ни «да» ни «нѣтъ» ему не сказала, стала съ мужемъ совѣтоваться. Зиновій Алексѣичъ былъ не прочь отъ такого зятька, но усомнился только, можно-ль будетъ ихъ повѣнчать — братъ вѣдь съ сестрой. Татьяна Андревна въ «Кормчую» заглянула и нашла, что браки воспрещаются только до седьмого колѣна; посчитали — Лиза Никитушкѣ въ восьмомъ приходится. Спросили ее, по мысли-ль ей названный братецъ, — ни слова она не отвѣтила, но, припавъ къ материну плечу, залилась слезами. Въ то самое время въ передней послышался голосъ Меркулова. Лиза отерла глаза, и лицо ея расцвѣло радостью, засіяло счастьемъ.

Рѣшили свадьбу сыграть по осени, передъ Филипповками; къ тому времени и женихъ и нареченный его тесть покончатъ дѣла, чтобы попировать на свободѣ да на просторѣ. А до тѣхъ поръ, былъ положенъ уговоръ никому про сватовство не поминать — поменьше бы толковъ да пересудовъ было.

Передъ отъѣздомъ на Низовье услыхалъ Никита Ѳедорычъ отъ знакомыхъ ему красноярцевъ, что по зимѣ много тюленя для фабрикъ потребуется. Вспомнилось тутъ Меркулову, какъ иные не очень богатые люди отъ рыбнаго товара въ короткое время дѣлались милліонщиками. Тотъ всего судака во-время закупилъ и продалъ его по высокой цѣнѣ у Макарья, другой икру въ свои руки до послѣдняго пуда забралъ и ставилъ потомъ на нее цѣны, какія вздумалось. Отчего-жъ и ему тюленя не скупить и не продать на ярманкѣ по высокой цѣнѣ. Надѣясь на счастье-таланъ нареченной своей невѣсты, рѣшился онъ барышъ, сколько ни выручитъ его, подарить новобрачной женѣ. Осторожный въ дѣлахъ Зиновій Алексѣичъ уговаривалъ его больше половины денегъ наудачу не бросать; счастье-де вольная пташка, садится только тамъ, гдѣ захочетъ... Не внималъ Меркуловъ словамъ нареченнаго тестя, но съ одного слова Лизаветы Зиновьевны на все согласился.

Глава девятая.

Проводя Доронина и высчитавъ, сколько придется получить барышей отъ закупки меркуловскаго тюленя, Марко Данилычъ пошелъ-было къ Дунѣ, но пришелъ другой ранній гость, Дмитрій Петровичъ Веденеевъ. Расчитавъ, что услуга. оказанная наканунѣ этимъ гостемъ, принесетъ на плохой конецъ полсотню тысячъ, Марко Данилычъ сталъ къ нему еще ласковѣй, еще привѣтливѣе. Явился на столѣ самоваръ, и пошло угощенье дорогого гостя рѣдкостнымъ лянсиномъ фу-чу-фу. Самоквасовъ вскорѣ подошелъ, познакомился съ Веденеевымъ, и зачалась бесѣда втроемъ за чайничаньемъ.

— Ну чтò?.. Новенькаго чего нѣтъ ли на ярманкѣ? — спросилъ Смолокуровъ у Петра Степаныча.

— Кажись, ничего особеннаго, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Останный караванъ съ желѣзомъ пришелъ, выгружаютъ теперь на Пески. Съ краснымъ товаромъ, надо полагать, чуть ли не покончили.

— Чтò больно рано? — удивился Смолокуровъ.

— Линія такая вышла, — молвилъ Самоквасовъ, ставя на столъ допитый бокалъ и отирая фуляровымъ платкомъ потъ, обильно выступившій на лицѣ его.

— Кто сказывалъ? — спрашивалъ Марко Данилычъ.

— Про красноярцевъ?.. Никто не говорилъ, а надо полагать, что расторговались, — сказалъ Самоквасовъ. — Въ семи трактирахъ вечоръ кантовали *): ивановскіе у Барбатенка да у Веренинова, московскіе у Бубнова да у Ермолаева, а самые первые воротилы — у Никиты Егорова. И, надо полагать, дѣла завершили ладно, съ хорошими, должно-быть, остались барышами.

— А чтò?

— Спрыски-то ужъ больно хороши были, — молвилъ Петръ Степанычъ. — До того, слышь, кантовали, что иные до извозчика четверней ѣхали. И шуму было достаточно — дошли до того, что хоть гору на лыки драть.

— Барыши, значитъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — А вотъ у насъ съ Дмитріемъ Петровичемъ рыбкѣ до сей поры съ баржей сойти не охота, ни цѣнъ ни дѣлъ—хоть чтò хошь дѣлай.

— Наше дѣло, Марко Данилычъ, еще не опоздано, — замѣтилъ Веденеевъ. — Оно всегда подъ самый конецъ ярманки рѣшается. Не нами началось, не нами и кончится.

---

*) *Кантовать*—весело пировать на какихъ-нибудь радостяхъ.

— Да такъ-то оно такъ, — промолвилъ Смолокуровъ. — Однако ужъ пора бы и зачинать помаленьку, а у насъ и разговоровъ про цѣны еще не было. Сами видѣли, вчерась какой толкъ вышелъ... Особливо этотъ быкъ круторогій Онисимъ Самойлычъ... Чѣмъ бы въ согласье вступать, онъ ужъ со своими подвохами. Да ужъ и одурачили же вы его!.. Долго не забудетъ. А ништо!.. Приступу къ человѣку не стало, ровно воевода какой — курицѣ не тетка, свиньѣ не сестра!

— А вы погодите, — слегка усмѣхнулся Веденеевъ. — Орошинъ не изъ таковскихъ, чтобъ обиды спускать. Помяните мое слово, что ярманка еще не покончится, а онъ удеретъ какую-нибудь штуку.

— Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ, — равнодушно промолвилъ Марко Данилычъ. — А у васъ, Дмитрій Петровичъ, развѣ есть съ нимъ дѣла либо расчеты какіе?

— Слава Богу, никакихъ нѣтъ, — отвѣтилъ Веденеевъ.

— Такъ вамъ и опасаться нечего, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Я не про себя, про всѣхъ говорю, — молвилъ Дмитрій Петровичъ.

— Ну, со всѣми-то ему не справиться! — возразилъ Смолокуровъ. — Хоть шея у него и толста, а супротивъ обчества, небось, и она сломится.

— Да, — сказалъ Веденеевъ: — сломилась бы, ежели бы промежъ насъ миръ да совѣтъ были, ежели бы у насъ всѣ собща дѣла-то дѣлали. А то что̀ у насъ?.. Какое согласье?.. Только и норовятъ, чтобы врозь да поперекъ, да не нельзя ли другу-пріятелю ножку подставить...

— Ну, ужъ будто и всѣ? — слегка поморщась, промолвилъ Марко Данилычъ.

— Конечно, не всѣ, — отвѣтилъ Веденеевъ. — А и то сказать, всякъ до поры только до времени. Вотъ хоть Сусалина взять Степана Ѳедорыча. Вечоръ, какъ ушелъ изъ трактира Орошинъ, вѣдь больше всѣхъ надъ нимъ издѣвался да про дѣла его разсказывалъ. А сегодня захожу я порану въ рыбный трактиръ, калоши вечоръ позабылъ — глядь, а Степанъ Ѳедорычъ въ уголку съ Орошинымъ чаи распиваютъ, шепчутся — по всему видно, что какое-то дѣло затѣваютъ. Народу-то въ трактирѣ никого еще не было, такъ буфетчикъ сказывалъ, что они на безлюдьѣ счеты потребовали и долго считали да костями стучали, а говорили все шопотомъ.

— Мудренаго нѣтъ, — замѣтилъ Смолокуровъ. — У Орошина сусалинскихъ векселей довольно...

— То-то и есть, Марко Данилычъ, — молвилъ Веденеевъ. — Векселя!.. И подн вѣдь чай скупленные?

— Пожалуй, что скупленные, — барабаня по столу пальцами, сказалъ Марко Данилычъ.

— И на другого и на третьяго рыбника, пожалуй, такихъ векселей немало у Онисима Самойлыча, — продолжалъ Веденеевъ. — А его векселей ни у кого нѣтъ. Оттого у него и сила, оттого по рыбной части онъ и воротитъ, какъ въ голову ему забредетъ.

— Нельзя же безъ векселей, — нахмурясь, промолвилъ Марко Данилычъ. — На векселяхъ вся коммерція зиждется... Какъ безъ векселей?.. Въ чужихъ краяхъ, сказываютъ, у нѣмцевъ, аль у другихъ тамъ какихъ народовъ, вся торговля, слышь, на векселяхъ идетъ.

— Это такъ, — согласился Веденеевъ: — зато тамъ по векселямъ-то совсѣмъ другіе порядки, чѣмъ у насъ... У насъ бы только скупить побольше чьихъ-нибудь векселей да прижать голубчика, чтобъ пикнуть не смѣлъ. А по банкамъ такъ любятъ у насъ бронзовыми орудовать.

— Какими эти бронзовыми? — спросилъ у Веденеева Петръ Степанычъ, удаленный дядей отъ торговыхъ дѣлъ и потому не имѣвшій никакого понятія о кредитѣ.

— А вотъ, къ примѣру сказать, уговорилась бы мы съ вами тысячъ по двадцати даромъ получить, — сталъ говорить Веденеевъ. — У меня наличныхъ полтины нѣтъ, а товару всего на какую-нибудь тысячу, у васъ тоже. Вотъ и пишемъ мы другъ на дружку векселя, каждый тысячъ по двадцати, а не то и больше. И ежели въ банкахъ по знакомству съ директорами имѣемъ мы довѣріе, такъ вы подъ мой вексель деньги получаете, а я подъ вашъ. Вотъ у насъ съ вами гроша не было, а вдругъ стало по двадцати тысячъ.

— Да вѣдь это, по-моему, просто надувательство, — молвилъ удивленный Самоквасовъ. — На что же это похоже?.. Какъ же это такъ?.. Вдругъ у меня нѣтъ ни копейки — и я двадцать тысячъ ни за что ни про что получаю?.. Да это ни съ чѣмъ несообразно... Ну, а какъ сроки выйдутъ?

— Заплатите, — сказалъ Веденеевъ.

— А ежели нечѣмъ?

— Несостоятельнымъ объявитесь, — съ усмѣшкой молвилъ Дмитрій Петровичъ. — Только на этотъ конецъ надобно не на двадцать тысячъ, а сколь можно побольше и въ банкахъ и у купцовъ окредитоваться. Потомъ все какъ по маслу пойдетъ — администрація тамъ, али конкурсъ... Хорошее-то платьице припрячьте тогда подальше, дерюжку надѣньте, хо-

дите пѣшечкомъ, на нищету встрѣчному и поперечному жалуйтесь, иной разъ на многолюдствѣ не мѣшаетъ и Христаради на пропитаніе у кого-нибудь попросить... Конечно, вашъ домъ, движимость, которая на виду осталась, продадутъ, банки да кредиторы по сколько-нибудь копеекъ за рубль получатъ... А какъ только кончилось ваше дѣло, припрятанный-то капиталъ при васъ, а долгу ни копейки. Опять пускайтесь тогда въ коммерцію и опять лѣтъ черезъ пятокъ бронзовыхъ векселей побольше надавайте... Разика три обанкрутитесь, непремѣнно будете въ милліонѣ.

Только плечами пожалъ Петръ Степанычъ, а Марко Данилычъ, сильно нахмурившись, молвилъ:

— На то кредитъ... Безъ кредиту шагу нельзя ступить, на немъ вся коммерція зиждется... Деньги что̀? Деньги что̀ вода въ плесу — одинъ годъ мелко, а въ другой дна не достанешь, омутъ. Какъ вода съ мѣста на мѣсто переливается, такъ и деньги — на то коммерція! Конечно, тутъ самое главное дѣло: «не зѣвай»... Умѣй, значитъ, работать, умѣй и концы хоронить.

— Пословица-то, Марко Данилычъ, кажется, не такъ говорится, — прищуривъ одинъ глазъ, замѣтилъ Веденеевъ.

— Какъ же по-вашему? — спросилъ Смолокуровъ.

— Умѣй воровать, умѣй и концы хоронить, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Молоденьки еще, сударь, про такія важнѣйшія, можно сказать, дѣла такимъ родомъ толковать, — насупившись, кинулъ сердитое слово Марко Данилычъ и даже въ сторону отвернулся отъ дорогого гостя.

— А какой я вамъ смѣхъ разскажу, Марко Данилычъ, — вступился Самоквасовъ, замѣтивъ, что и у новаго его знакомца брови тоже понахмурились: долго-ль до грѣха, свары бы не вышло.

— Что̀ такое? — сухо спросилъ Смолокуровъ.

— У Сергѣя Филиппыча у Орѣхова, слышали, я думаю, баржа съ рыбой подъ Чебоксарами затонула, — началъ разсказывать Петръ Степанычъ. — И рветъ и мечетъ, подступиться къ нему невозможно, ко всякому придирается, шумитъ, что̀ голикъ, и кто ему на глаза ни попалъ, всякаго ругаетъ па чемъ свѣтъ стоитъ.

— Заругаешься, какъ баржа съ товаромъ затонетъ... Не орѣховъ горстка, — сумрачно молвилъ Марко Данилычъ.

— Я не про то; слушайте, какой смѣхъ-отъ изъ этого вышелъ, — перебилъ Самоквасовъ. — Матушку Таифу знаете?

— Какую тамъ еще Таифу? — спросилъ Смолокуровъ.

— Комаровскую. Казначея у матери Манеѳы, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Въ Петровъ день, какъ мы съ вами тамъ гостили, ея дома не было, въ Питеръ, слышь, ѣздила.

— Ну, знаю, — молвилъ Марко Данилычъ. — Только смѣху-то покамѣстъ не вижу.

— Зашелъ я намедни въ лавку къ Панкову къ Ермолаю Васильичу, изъ Саратова, можетъ, тоже знаете, — продолжалъ Петръ Степанычъ: — пріятель мой у него въ приказчикахъ служитъ. Наверхъ въ палатку прошли мы съ нимъ, а тамъ Орѣховъ сидитъ да изо всей мочи ругается. Мы ничего, слушаемъ, никакого супротивнаго слова не говоримъ, пусть его тѣшится. Вдругъ шастъ въ палатку мать Таифа со сборной книжкой. Не успѣла она началъ положить, не успѣла Ермолаю Васильичу поклониться, какъ вскинется на нее Сергѣй Филиппычъ да съ кулаками. «Вы, — кричитъ изо всей мочи: — какой ради причины Бога-то плохо молили?.. Ахъ, вы, чернохвостницы, кричитъ, этакія!.. Деньги берете, а Богу молитесь кое-какъ!.. Я вамъ задамъ!» Мать Таифа кланяется ему чуть не въ землю, а онъ пуще да пуще. — «Лѣтось, кричитъ, пятьдесятъ цѣлковыхъ вамъ пожаловалъ, и вы молились тогда какъ слѣдуетъ: на судакѣ я тогда по полтинѣ съ пуда взялъ барыша... Сто рублевъ тебѣ чернохвостницѣ далъ, честью просилъ, чтобъ и на нынѣшній годъ побольше барыша вымолили... А вы, раздуй васъ горой, что сдѣлали? Цѣлая баржа вѣдь у меня съ судакомъ затонула!.. Развѣ этакъ молятся?.. А?.. Даромъ деньги хотите брать?.. Такъ нѣтъ, шалишь, чернохвостница, шалишь, анаѳемская твоя душа!.. Подавай назадъ сто рублевъ!.. Подавай, не то къ губернатору пойду!» Мы такъ и покатились со смѣху.

— Чему же смѣяться-то тутъ? — холодно промолвилъ Марко Данилычъ. — Не лиха бѣда отъ такого несчастья и совсѣмъ съ ума своротить... Шутка сказать, цѣла баржа судака!.. На плохой конецъ двадцать тысячъ убытку.

— Да матери тутъ при чемъ же? — спросилъ Самоквасовъ. — Онѣ-то чѣмъ виноваты?.. Неужто въ самомъ дѣлѣ орѣховскій судакъ оттого затонулъ, что въ Комаровѣ плохо молились?

— Значитъ, вѣру въ силу молитвы имѣетъ, — молвилъ Марко Данилычъ. — Сказано: по вѣрѣ вашей будетъ вамъ. Вотъ ему и досадно теперича на матерей... Что-жъ тутъ такого?.. До кого ни доведись!.. Надъ кѣмъ-нибудь надо же сердце сорвать!

— Чѣмъ же у нихъ кончилось? — спросилъ во все время самоквасовскаго разсказа насмѣшливо улыбавшійся Веденеевъ.

— Насилу ноги унесла мать Таифа, — отвѣтилъ Петръ Сте-

панычъ. — Такъ съ кулаками и лѣзетъ на нее. Маленько бы еще, искровянилъ бы, кажется.

— Послѣ того нагналъ я Таифу, — послѣ недолгаго молчанья продолжалъ Самоквасовъ, обращаясь къ Марку Данилычу.— Про знакомыхъ разспрашивалъ. Матушка Манеѳа домовъ въ ихнемъ городкѣ накупила — переселяться туда желаетъ.

— Да, ихнее дѣло, говорятъ, плоховато, — сказалъ Смолокуровъ. — Намедни у меня была рѣчь про скиты съ самыми вѣрнѣйшими людьми. Сказываютъ, не устоять имъ ни въ какомъ разѣ, безпремѣнно, слышь, всѣ порѣшатъ и всѣхъ черницъ и бѣлицъ по разнымъ мѣстамъ разошлютъ. Супротивъ такого рѣшенья никакими, слышь, тысячами не откупишься. Жаль старухъ!.. Хоть бы дожить-то дали имъ на старыхъ мѣстахъ...

Опять немножко помолчали. Петръ Степанычъ съ видомъ сожалѣнья сказалъ:

— Въ большомъ горѣ матушка-то Манеѳа теперь, Таифа говоритъ, не знаютъ, перенесетъ ли даже его...

— Легко-ль перенести такое горе, особенно такой немощной старицѣ, — съ участьемъ отозвался Марко Данилычъ. — Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ жила себѣ на единомъ мѣстѣ въ спокойствѣ, въ довольствѣ, и вдругъ нежданно-негаданно ровно громомъ надъ ней бѣда разразилась... Ступай долой съ насиженнаго мѣста!.. Ломай дома, рушь часовню, все хозяйство рѣшай, все заведенье, что̀ долгими годами и многими трудами накоплено!.. Съ кѣмъ вѣкъ изжила, тѣ по сторонамъ расходись, живи съ ними врозь и напередъ знай, что и въ здѣшнемъ свѣтѣ ни съ кѣмъ изъ нихъ не увидишься!.. Горько, куда какъ горько старицѣ!

— Не въ томъ ея горе, Марко Данилычъ, — сказалъ на то Петръ Степанычъ. — Къ выгонкѣ изъ скитовъ мать Манеѳа давно приготовилась, задолго она знала, что этой бѣды имъ не избыть. И дома̀ для того въ городѣ приторговала, и, ежели не забыли, она тогда въ Петровъ-отъ день, какъ мы у нея гостили, на ихнемъ соборѣ другихъ игуменій и старицъ соглашала, чтобъ заранѣе къ выгонкѣ готовились... Нѣтъ, это хоть и горе ей, да горе жданное, вѣдомое, напредки знаемое. А вотъ какъ нежданная-то бѣда приключилася, такъ ей стало невпримѣръ горчѣе.

— Что-жъ такое случилось? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Племянницу-то ея помните? Патапа Максимыча дочку? Жирная такая да сонливая... Когда мы у Манеѳы съ вами гостили, она тоже съ отцомъ тамъ была.

— Какъ не помнить? — отвѣтилъ Марко Данилычъ.—Давно знаю ее, съ Дуней вмѣстѣ обучались.

— Замужъ вышла, — молвилъ Петръ Степанычъ.

И такъ онъ сказалъ это слово, какъ будто сегодня только узналъ про имъ же состряпанное дѣльцо.

— Какое же тутъ горе Манеѳѣ?..—удивился Марко Данилычъ. — Не въ черницы же она ее къ себѣ прочила.

— Прочить въ черницы точно не прочила,—сказалъ Петръ Степанычъ. — Я вѣдь каждый годъ въ Комаровѣ бываю, случалось тамъ недѣли по три, по четыре живать, оттого ихнюю жизнь и знаю всю до тонкости. Да ежели бы матушкѣ Манеѳѣ и захотѣлось иночество надѣть на племянницу, не посмѣла бы. Патапъ-отъ Максимычъ не пожалѣлъ бы сестры по плоти, весь бы Комаровъ вверхъ дномъ повернулъ.

— Такъ чего же ради горевать матушкѣ, что племянницу замужъ выдали? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что ее не выдавали... Уходомъ!.. Умчали... а умчали-то изъ Манеѳиной обители!

Говоритъ, а самъ хоть бы мигнулъ лишній разокъ, точно не его дѣло.

— Ай-ай-ай!.. Какъ же это не доглядѣла матушка?.. У нея завсегда такой строгій порядокъ ведется. Какъ же это она такого маху дала?..—качая головой, говорилъ Марко Данилычъ.

— Самой-то не было дома, въ Шарпанъ соборовать ѣздила. Выкрали безъ нея... — отвѣтилъ Самоквасовъ. — И теперь за какой срамъ стало матушкѣ Манеѳѣ, что изъ ея обители дѣвица замужъ сбѣжала, да еще и вѣнчалась-то въ великороссійской!.. Со стыда да съ горя слегла даже, завѣряетъ Таифа.

— Вотъ чать взбѣленился Чапуринъ-отъ!..—сказалъ Марко Данилычъ.

— Радехонекъ. Такіе, слышь, пиры задавалъ на радостяхъ, что чудо. По мысли зять-то пришелся, —отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Да кто таковъ? — съ любопытствомъ спросилъ Смолокуровъ.

— Знакомый вамъ человѣкъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ. — Помните, тогда у матушки Манеѳы начетчикъ былъ изъ Москвы, съ Рогожскаго на Керженецъ присылали его по какому-то архіерейскому дѣлу.

— «Искушеніе»-то? — весело спросилъ Марко Данилычъ.

— Онъ самый!..

— Ха-ха-ха-ха! — на всю квартиру расхохотался Смолокуровъ. — Да что-жъ это вы съ нами дѣлаете, Петръ Степа-

ничъ? Обѣщали смѣхъ разсказать да съ полчаса мучили, пока не сказали... Нарочно, что ли, на кончикъ его сберегали? А нечего сказать, утѣшили!.. Какъ же теперь «искушеніе»-то? Какъ онъ къ своему архіерею съ молодой-то женой глаза покажетъ?.. Въ дьяконисты, что ли, ее?.. Ахъ, онъ шутъ полосатый... Штуку-то какую выкинулъ!.. Дарья Сергѣвна! Дунюшка! Подьте-ка сюда — одолжу. Угораздило же его!.. Ха-ха-ха!..

Вошла Дарья Сергѣвна съ Дуней. Марко Данилычъ разсказывалъ имъ про женитьбу Василья Борисыча. Но не замѣтно было сочувствія къ его смѣху ни въ Дарьѣ Сергѣвнѣ ни въ Дунѣ. Дарья Сергѣвна Василья Борисыча не знала, не видывала, даже никогда про него не слыхала. Ей только жалко было Манеѳы, что такой срамъ у нея въ обители случился. Дуня тоже не смѣялась... Увидавъ Петра Степаныча, она вспыхнула вся, потупила глазки, а потомъ, видно, понадобилось ей что-то, и она быстро ушла въ свою горницу.

На прощаньи съ гостями Марко Данилычъ, весело улыбаясь, сказалъ Самоквасову:

— А что же, Петръ Степанычъ, какъ у насъ будетъ насчетъ гулянокъ? Больно хочется мнѣ Дунюшку повеселить, да кстати и Зиновья Алексѣича дочекъ... Помнится, какой-то добрый человѣкъ похлопотать насчетъ этого вызвался...

— Въ театръ имѣли сегодня намѣреніе?.. — весело отвѣчалъ обрадованный Самоквасовъ. — Я симъ же моментомъ за билетами.

— Нѣтъ, Петръ Степанычъ, насчетъ театра надо будетъ маленечко обождать, — сказалъ Марко Данилычъ. — Вечоръ совѣтовались мы объ этомъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ и съ Татьяной Андревной — положили оставить до розговѣнья... Успенье-то всего черезъ недѣлю. Все-таки, знаете, лучше будетъ, ладнѣе. Нынѣшній-отъ постъ большой вѣдь, на ряду съ великимъ поставленъ, все одно, что первая да страстная. Грѣшить, такъ ужъ грѣшить въ мясоѣдъ... Все-таки меньше отвѣту будетъ на томъ свѣтѣ. — И, обращаясь къ Веденееву, примолвилъ: — Правду аль нѣтъ говорю я, Дмитрій Петровичъ?

— Оно каждому какъ по его разсужденью,—уклончиво отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ. — Впрочемъ, и то сказать, театръ не убѣжитъ, побывать въ немъ завсегда будетъ можно.

— Мы вотъ что сдѣлаемъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — До розговѣнья по Окѣ да по Волгѣ станемъ кататься. У меня же косныя теперь даромъ въ караванѣ стоятъ.

— И распрекрасное дѣло, — кудрями тряхнувъ, весело мол-

вилъ и даже пальцами прищелкнулъ удалой Петръ Степанычъ. — Когда же?

— Да хоть сегодня же, только-что жаръ свалитъ,—сказалъ Смолокуровъ. — Сейчасъ пошлю, сготовили бы косную, а мало — такъ двѣ.

— Записочку-съ! — протягивая руку, молвилъ Петръ Степанычъ Марку Данилычу.

— Какую?

— Къ караванному къ вашему — отпустилъ бы косныхъ, сколько мнѣ понадобится. Остальное наше дѣло. Объ остальномъ просимъ покорно не безпокоиться. Красны рубахи да шляпы съ лентами есть?

— Есть на двѣнадцать гребцовъ, — отвѣчалъ Марко Данилычъ.

— А павлиньи перышки тоже водятся? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Перышки у насъ не водятся, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Слушаемъ-съ, — отозвался Самоквасовъ.—Все будетъ въ должной исправности-съ.

— Быть дѣлу такъ, — молвилъ Марко Данилычъ, отходя къ столу, гдѣ лежали разныя бумаги, конторскія книги и перья съ черницей.

Написавъ записку Василью Ѳаддееву, Марко Данилычъ отдалъ ее Самоквасову и примолвилъ:

— Ваше дѣло, сударь, молодое. А у молодого въ рукахъ все спорится да яглится *), не то, что у насъ стариковъ. Похлопочите, сударь Петръ Степанычъ, пожалуйста, оченно останемся вами благодарны и я и Зиновій Алексѣичъ. Часика бы въ три собрались мы на Гребновской да и махнули бы оттоль куда вздумается — по Волгѣ такъ по Волгѣ, по Окѣ такъ по Окѣ... А на водѣ ужъ будьте вы нашимъ капитаномъ. Какъ капитанъ на пароходѣ, такъ и вы у насъ на косной будете... Изъ вашей воли, значитъ, не долженъ никто выступать... Идетъ, что ли, Петръ Степанычъ?—примолвилъ Смолокуровъ, дружелюбно протягивая руку Самоквасову.

— Принимаемъ-съ,—съ веселой усмѣшкой отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Значитъ, изъ моей воли никто не смѣй выходить. Это оченно прекрасно!.. Что̀ кому велю, тотъ, значитъ, то и дѣлай.

— Да ты этакъ, пожалуй, всѣхъ перетопишь! — засмѣялся

---

*) *Яглиться* — поволжское слово, употребляемое отъ Нижняго до Астрахани, значитъ — двигаться, шевелиться, сгибаться, а говоря о дѣлѣ какомъ — спориться, ладиться, клеиться.

Марко Данилычъ. — «Полѣзай, молъ, всѣ въ воду»... Нечего тутъ будетъ дѣлать! Поневолѣ полѣзешь!

— Безумныхъ приказовъ отъ насъ, Марко Данилычъ, не ждите. Насчетъ эвтаго извольте оставаться спокойны. А куда ѣхать и гдѣ кататься, это, съ вашего позволенья, дѣло не ваше... Тутъ ужъ мнѣ поперечить никто не моги.

— Только послушай его, — трепля по плечу Петра Степаныча, ласково молвилъ Марко Данилычъ. — А вы, Дмитрій Петровичъ, пожалуете къ намъ за компанію? Милости просимъ.

Веденеевъ благодарилъ Марка Данилыча и напросился, чтобъ и ему было дозволено сообща съ Петромъ Степанычемъ устраивать гулянье и быть на косной, если не капитаномъ, такъ хоть кашеваромъ.

— Что-жъ, вы намъ кашу варить будете? — шутливо спросилъ у него Марко Данилычъ.

— Кашу ли, другое ли что̀, это ужъ мнѣ предоставьте, — улыбаясь, отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ.

— Кашу-то вмѣстѣ сваримъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Засимъ счастливо оставаться, — промолвилъ онъ, обращаясь къ Смолокурову. — Часика въ три этакъ, значитъ, припожалуете?

— Ладно, ладно, — говорилъ Марко Данилычъ. — Эхъ, молодость, молодость!.. Такъ и закипѣла... Глядя на васъ, други, и свою молодость воспомянешь... Спасибо вамъ, голубчики!

Разстались, и Самоквасовъ съ Веденеевымъ поѣхали прямо на Гребновскую.

Глава десятая.

Солнце стояло еще высоко, когда разубранная, разукрашенная косная отвалила отъ пристани. Впереди лодки, на носу, сидятъ восемь ловкихъ, умѣлыхъ гребцовъ въ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ и въ поярковыхъ шляпахъ съ подхватцемъ, убранныхъ лентами и павлиньими перьями. Все удосужили Самоквасовъ съ Веденеевымъ. Дружно и мѣрно сильныя руки гребцовъ разсѣкаютъ длинными веслами воду, и легкая косная быстро летитъ мимо стай коломенокъ и гусянокъ *), что̀ стоятъ на якорѣ вдоль береговъ. Съ гребцами шесть человѣкъ пѣсенниковъ; взялъ ихъ Самоквасовъ на вечеръ изъ московскаго хора, пѣвшаго въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ. Всѣ

*) *Коломенка* — барка отъ пятнадцати до двадцати саженъ длины, поднимаетъ отъ семи до двѣнадцати тысячъ пудовъ груза. *Гусянка* — крытая барка съ четырехугольною палубой, свѣшенною къ кормѣ и къ носу (не какъ у тихвинки или шитика, у тѣхъ палубы округлыя), въ длину бываетъ до двадцати саженъ и грузу поднимаетъ пудовъ тысячъ по десяти и больше.

пѣвцы одѣты одинаково, въ голубыя канаусовыя рубахи-косоворотки, обшитыя серебрянымъ позументомъ, всѣ въ шляпахъ-кашникахъ, перевитыхъ цвѣточными кутасами *). Середи косной, вплоть до самой кормы стоитъ на желѣзныхъ прутьяхъ парусный наметъ **) для защиты отъ солнца, а днище лодки устлано взятыми напрокатъ у кавказскаго армянина персидскими коврами; на скамьи, что̀ ставлены вдоль бортовъ, положены мягкіе матрацы, крытые краснымъ таганскимъ сукномъ ***) съ золотымъ позументомъ. Таково красно разубралъ Петръ Степанычъ косную съ помощью новаго своего знакомца Веденеева.

Еще до отвала, когда гости подъѣхали къ пристани, Марко Данилычъ не узналъ косной. Съ довольнымъ, веселымъ видомъ тотчасъ онъ сталъ журить молодыхъ людей.

— Что̀ это вы вздумали? Это на что? Эхъ, грозы-то на васъ нѣтъ! Какъ это вамъ не стыдно, Петръ Степанычъ, въ такой изъянъ входить? Не могли развѣ мы покататься въ простой косной? Гляди-ка-сь, чего тутъ понадѣлали!.. Ахъ, господа, господа! Бить-то васъ некому!

Сіялъ радостью Петръ Степанычъ, слушая попреки смолокуровскіе и по лицу замѣчая, что Дунѣ нравится разубранная на славу косная.

— Уговоръ помните, Марко Данилычъ? — молвилъ Самоквасовъ.

— Какой еще уговоръ?

— А вѣдь я говорилъ вамъ, чтобы мнѣ никто не мѣшалъ и ни въ чемъ бы со мною не спорилъ... Забыли?

— Да могло-ль придти въ голову, что вы этакъ деньгами швырять станете? Вѣдь за все за это на плохой конецъ ста полтора либо два надо было заплатить!.. Ежели бы мы съ Зиновьемъ Алексѣичемъ знали это напередъ, неужто бы согласились ѣхать съ вами кататься?

— Поздно теперь разсуждать, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Милости просимъ въ косную.

Разсѣлись по скамьямъ: Марко Данилычъ съ Дуней, Доронинъ съ женой и съ обѣими дочерьми. Петръ Степанычъ послѣдній въ лодку вошелъ и, отстранивъ рукой кормщика, молодецки сталъ у руля.

---

*) *Цвѣточный кутасъ* — гирлянда изъ цвѣтовъ, плетеница, длинный вѣнокъ.

**) Тентъ.

***) Цвѣточныя сукна, выдѣлываемыя на фабрикѣ Понятовскаго при селѣ Таганчѣ (Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи), извѣстны въ ярмарочной торговлѣ подъ именемъ *таганскихъ*.

— Уговоръ помните, Марко Данилычъ? — спросилъ онъ у Смолокурова.

— Какой еще?

— А давеча, вотъ при Дмитріи Петровичѣ говорили, чтобъ мнѣ на косной быть за капитана и слушаться меня во всемъ.

— Ну такъ что же?

— Нѣтъ, я это такъ только сказалъ... Къ слову, значитъ, пришлось... — молвилъ Петръ Степанычъ и молодецки крикнулъ:

— Эй, вы, гребцы-молодцы! Чуръ не зѣвать!.. — И, повернувъ рулемъ, сталъ отваливать.

Косная слегка покачнулась и двинулась.

— Права греби, лѣва табань *)! — громкимъ голосомъ крикнулъ Петръ Степанычъ. По его велѣнью гребцы заработали, и косная, проплывъ между тѣсно разставленными судами, выплыла на вольную воду **).

— Молись Богу, православные! — снимая шапку, крикнулъ Петръ Степанычъ.

Разомъ гребцы поставили двѣнадцать веселъ торчкомъ къ небу и, снявъ шляпы, но не вставая со скамей, принялись креститься. И другіе, бывшіе въ косной, обнажили головы и сидя крестились.

— Дай Богъ добрый часъ! — молвилъ Марко Данилычъ, кончивъ молитву.

— Весла! Оба греби! Дружнѣе, ребята, дружнѣе! — кричалъ Самоквасовъ.

Быстро косная вылетѣла на стержень ***) и понеслась вверхъ по рѣкѣ. Высятся слѣва крутыя, высокія горы красноватой опоки. на вѣнцѣ ихъ слышатся барабаны, виднѣются кучки солдатъ. Тамъ лагерь — ученье идетъ... Подъ горой пышетъ парàми и кидаетъ кверху черные клубы дыма паровая мукомольня, за ней версты на полторы вдоль по подолу тянется длинный рядъ высокихъ деревянныхъ соляныхъ амбаровъ, дальше пошла гора, густо поросшая орѣшникомъ, мелкимъ березникомъ и кочерявымъ ****) дубнякомъ... Направо вдоль лугового берега тянутся длинныя подгородныя слободы, чуть не сплошь слившіяся въ одну населенную мѣстность. Красиво

---

*) *Табанить*, *тавапить*, нерѣдко *талапить*—грести весломъ назадъ. Гребля съ одного бока впередъ, а съ другого назадъ употребляется при заворотахъ лодки.

**) На которой нѣтъ ни судовъ ни лодокъ.

***) Фарватеръ.

****) *Кочерявый*, *коряжистый* — суковатый, кривоствольный кустарникъ. Кочерявый дубъ вырастаетъ отъ корней срубленнаго, но не выкорчеваннаго (вырытаго съ корнемъ) лѣса. Онъ годится только на дрова.

и затѣйливо онѣ обстроены — дома все большіе двухъярусные, съ раскрашенными ставнями, со свѣтелками наверху, съ балкончиками передъ ними. Чуть не у каждаго дома на воротахъ либо на балкончикѣ стоитъ раскрашенная маленькая расшива, изрѣдка пароходикъ. Изъ слободъ и со всего лѣваго берега несется нескончаемый, нестройный людской гомонъ *), слышится скрипъ телѣгъ, ржанье лошадей, блеянье пригнанныхъ на убой барановъ, тяжелые удары кузнечныхъ молотовъ, кующихъ гвоздь и скобы въ артельныхъ шиповкахъ **), звонкій лязгъ перевозимаго на роспускахъ ***) къ стальнымъ заводамъ полосового желѣза, веселые крики и всплески купальщиковъ, отдаленные свистки пароходовъ... Все сливается въ одинъ, никакимъ словомъ невыразимый потокъ разнородныхъ звуковъ.

Летитъ косная, а на ближнихъ и дальнихъ судахъ перекликаются развалившіеся на палубахъ подъ солнопекомъ бурлаки, издалека доносятся то заунывные звуки родимой пѣсни, то удалой камаринскій наигрышъ °) вторной сизовской гармоники °°). Всюду ключомъ кипитъ жизнь промышленная, и на водѣ и на сушѣ. А тамъ, дальше вверхъ по рѣкѣ, другъ за дружкой медленно, зато споро, двигаются кладнушки съ покатыми шире бортовъ палубами, плоскодонные уемистые дощаники °°°), крытые округлою палубой шитики, на ходу легче тѣхъ судовъ нѣтъ никакой посудины °°°°). Тянутся суденышки

---

*) *Гомонъ* — громкій, нестройный шумъ отъ множества человѣческихъ голосовъ, въ которомъ за отдаленностью или за сильнымъ крикомъ нельзя распознать ни единаго слова.

**) Въ такъ-называемыхъ *шиповкахъ* куютъ гвоздь и скобы для судовъ. Работа большей частью артельная. У каждаго наковальня и желѣзо свои, а уголь общій.

***) *Роспуски* — станокъ, дроги для перевозки клади.

°) *Наигрышъ* — старинное слово, въ кіевскихъ былинахъ употребляемое — голосъ пѣсни, напѣвъ.

°°) Гармоники изобрѣтены не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ тулякомъ Сизовымъ. Онѣ давно уже вытѣснили старинную нашу балалайку. Гармоникъ, исключительно тульской работы, на одной Макарьевской ярмаркѣ продается каждый годъ до 250.000 штукъ. Сорты гармоникъ: пятитонная въ 10 копеекъ, семитонная въ 20 к., рѣдкая отъ 25 до 30 к., *вторная* отъ 35 до 45 к., двухвторная отъ 50 до 65 к., дѣтскій свистъ отъ 50 до 90 к., трехвторная отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 80 к., десятинная отъ 2 до 3 р. Высшіе сорта есть по 5 и по 6 рублей.

°°°) *Кладнушка* — небольшое плоскодонное судно, длиной сажень въ шесть. *Дощаникъ* — съ палубой не надъ всѣмъ судномъ, а только надъ серединой — гребное, а въ случаѣ благопріятной погоды и парусное. *Шитикъ* — мелкое судно, крытое округлою палубой. Шитикъ и дощаникъ поднимаютъ до тысячи пудовъ грузу. Кладнушка тысячъ до двухъ.

°°°°) *Посуда*, *посудина* — всякое парусное судно на Волгѣ, кромѣ лодокъ.

не какъ по Волгѣ — тамъ ихъ тянутъ бурлаки, здѣсь лошади тащутъ рѣчныя суда. Идутъ себѣ шажкомъ по бечевнику крѣпкія, доброѣзжія обвенки *) и тянутъ судно снастью, привязанною къ дереву **). На Волгѣ сдѣлать того невозможно — таковы у ней берега.

Несется косная по тихому лону широкой рѣки, вода чтò зеркало, только и струится за рулемъ, только и пѣнится чтò веслами. Стихъ городской и ярмарочный шумъ, настала тишь, въ свѣжемъ прохладномъ воздухѣ не колыхнетъ. Петръ Степанычъ передалъ руль кормщику и перешелъ къ носу лодки. Шепнулъ что-то пѣсенникамъ, и тотчасъ залился переливчатыми, какъ бы дрожащими звуками кларнетъ, къ нему присталъ высокій теноръ запѣвалы, пѣсенники подхватили, и надъ широкой рѣкой раздалась громкая пѣсня:

Ужъ вы, горы-ль, мои горы, круты горы да высокія,
Ничего-то на васъ, горы, не повыросло;
Выросталъ на васъ единъ только ракитовъ кустъ,
Расцвѣталъ на васъ единъ лазоревъ цвѣтъ.
Какъ на томъ ли на кусту младъ сизой орелъ сидитъ,
Во когтяхъ орелъ держитъ черна ворона.
Онъ и бить его не бьетъ, только спрашиваетъ:
„Гдѣ ты, воронъ, побывалъ, чтò ты, черный, повидалъ?“
— А я былъ-побывалъ во саратовскихъ степяхъ,
А я видѣлъ-повидалъ чудо дивное...
Растетъ тамо не ракитовъ кустъ,
Цвѣтетъ тамо не лазоревъ цвѣтъ,
Какъ растетъ ли порастаетъ тамъ ковыль-трава,
А на той ковыль-травѣ...

— Шабашъ! — крикнулъ Самоквасовъ... Не хотѣлъ онъ, чтобъ пѣсенники продолжали старинную пѣсню про то, какъ на лежавшее въ степи тѣло бѣлое прилетали три пташечки: родна матушка, сестра да молода вдова. Пущай, молъ, подумаетъ Авдотья Марковна, что про иное диво чудное въ пѣснѣ пѣлося — пущай догадается да про себя хоть маленько подумаетъ.

— Чтò не далъ допѣть? — спросилъ у Самоквасова Марко Данилычъ. — Пѣсня годная.

— Очень заунывна, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Кагай, ребята, веселую!.. — крикнулъ онъ пѣсенникамъ.

Залилась веселая пѣсня:

Ахъ, ты, бражка, ты, бражка моя!
Дорога бражка подсыченная!

---

*) *Обвенки* — крѣпкія малорослыя лошади, первоначально разведенныя на рѣкѣ Обвѣ (Пермской губерніи) Петромъ Великимъ. Ихъ также называютъ *вятками*.

**) *Дерево* — мачта на суднѣ; *снасть* — не очень толстый канатъ.

Что на рѣчкѣ-ль бражку смачивали,
На полатяхъ разсолаживали,
Да на эту-ль бражку нѣту питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ у насъ.

И подъ пѣсенку о бражкѣ Петръ Степанычъ съ Веденеевымъ изъ серебряной раззолоченной братины пошли разливать по стаканамъ «волжскій квасокъ». Такъ зовется на Волгѣ питье изъ замороженнаго шампанскаго съ сокомъ персиковъ, абрикосовъ и ананасовъ.

Стали гостей «кваскомъ» обносить. Марко Данилычъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ опять стали журить молодыхъ людей:

— Бога не боитесь вы, что̀ вздумали!.. Сами что-ль деньги-то дѣлаете, аль онѣ къ вамъ съ неба валятся!.. Безшабашные вы, безумные!

Однако взяли по стаканчику и съ удовольствіемъ выпили во славу Божью, потомъ повторили, и еще повторили.

Вышло такъ, что, обойдя старшихъ, въ одну и ту же минуту Петръ Степанычъ поднесъ стаканъ Дунѣ Смолокуровой, а Дмитрій Петровичъ — Натальѣ Зиновьевнѣ. Палючими глазами глядятъ оба на красавицъ.

Багрецомъ бѣлоснѣжное нѣжное личико Дуни подернулось, когда вскинула она глазами на пышущаго здоровьемъ, отвагой и весельемъ, опершись въ бокъ лѣвой рукой стоявшаго передъ ней со стаканомъ Самоквасова. Хочетъ что-то сказать и не можетъ.

— Пожалуйте-съ! — говоритъ ей Петръ Степанычъ. — Сдѣлайте такое ваше одолженіе!

А самъ ногъ подъ собой не слышитъ. Такъ бы вотъ и кинулся, такъ бы и расцѣловалъ пурпуровыя губки, нѣжныя ланиты, сверкающіе чуднымъ блескомъ глаза.

Молчитъ Дуня. Сгорѣла вся.

— Не задерживайте-съ!.. Покорно прошу! — шепчетъ, наклоняясь къ ней, Петръ Степанычъ.

У Дуни слеза даже навернулась. Не знаетъ, куда ей дѣваться.

— Что-жъ ты, Дунюшка, не берешь? — весело молвилъ ей Марко Данилычъ. — Возьми, голубка, не чинись, съ этого питья не охмелѣешь. Возьми стаканчикъ, не задерживай капитана. Онъ вѣдь теперь надъ нами человѣкъ властный. Что̀ прикажетъ, то и дѣлай — на то онъ и капитанъ.

Дрожащей рукой взялась Дуня за стаканъ и чуть не расплескала его. Едва переводя отъ волненія духъ, опустила она подернутые непрошенной слезою глаза.

Доронинымъ Дмитрій Петровичъ прежде не зналъ; впервые

увидалъ ихъ на пристани. Когда разсаживались въ косной по скамьямъ, досталось ему мѣсто прямо противъ Наташи... Взглянулъ и не смогъ отвести очей отъ ея красоты. Много красавицъ видалъ до того, но ни въ одной, казалось ему теперь, и тѣни не было той прелести, что̀ пышно сіяла въ лучезарныхъ очахъ и во всемъ миломъ образѣ дѣвушки... Не видѣлъ онъ величаваго нагорнаго берега, не любовался яркими цвѣтными переливами вечерняго неба, не глядѣлъ на дивную игру солнечныхъ лучей на желтоватомъ лонѣ широкой, многоводной рѣки... И величіе неба, и прелесть водной равнины, и всю земную красу затмила въ его глазахъ краса дѣвичья!.. Облокотясь с бортъ и чуть-чуть склонясь стройнымъ станомъ, Наташа до локтя обнажила бѣлоснѣжную руку, опустила ее въ воду и, съ дѣтской простотой улыбаясь, любовалась на струйки, что̀ игриво змѣились вкругъ ея блѣдно-розовой ладони. Слегка со скамьи приподнявшись, Веденеевъ хочетъ взглянуть, что̀ тамъ за бортомъ она затѣваетъ. Наташа замѣтила его движенье и съ свѣтлой улыбкой такъ на него посмотрѣла, что ему показалось, будто небо раскрылось и стали видимы красоты горняго рая... Хочетъ что-то сказать ей, вымолвить слова не можетъ... Тутъ подозвалъ его Самоквасовъ на подмогу себѣ разливать по стаканамъ волжскій квасокъ... Подавая Наташѣ стаканъ, Веденеевъ опять-таки словъ доискаться не могъ, не могъ придумать, что̀ бы такое ей молвить. Горячею кровью обливается и сладостно трепещетъ его сердце... Когда же, принимая стаканъ, Наташа съ младенческой улыбкой бросила на него ясный, привѣтливый взоръ, тихо сіявшій чистотой непорочной души, Веденеевъ совсѣмъ обомлѣлъ... А словъ все-таки придумать не можетъ... Самъ на себя не можетъ надивиться — смѣлъ и игривъ онъ въ послѣднее время среди женщинъ бывалъ, такъ и сыпалъ передъ ними рѣчами любезными, веселилъ ихъ шутками и затѣйными разговорами, а теперь же слова промолвить не можетъ. Какая-то застѣнчивость крѣпко связала языкъ...

Не укрылось это отъ «капитана». Подошелъ онъ къ запѣвалѣ, шепнулъ ему что-то и отошелъ къ кормѣ. Запѣвало въ свою очередь пошептался съ пѣсенниками и, глядя на Самоквасова, ждалъ.

— Гей!.. Пѣвцы-молодцы!.. Развеселенькую!.. — крикнулъ Петръ Степанычъ.

Грянула живая, бойкая пѣсня:

Здравствуй, свѣтикъ мой Наташа,
Здравствуй, ягодка моя!
Я принесъ тебѣ подарокъ,

Подарочекъ дорогой.
Подарочекъ дорогой:
Съ руки перстень золотой,
На бѣлую грудь цѣпочку,
На шеюшку жемчужокъ.
Ты гори, гори, цѣпочка,
Разгорайся, жемчужокъ!
Ты люби меня, Наташа,
Люби, миленькій дружокъ!

Не догадываясь, что̀ пѣсня поется по заказу Петра Степаныча, Веденеевъ еще больше смутился при первыхъ словахъ ея. И украдкой не смѣетъ взглянуть на Наталью Зиновьевну. А она, веселая, игривая, киваетъ сестрѣ головкой и съ дѣтской простотой говоритъ:

— Лиза, вѣдь это моя пѣсенка, мнѣ поютъ ее.

Лизавета Зиновьевна только улыбнулась, оправила на сестрѣ взбившійся кисейный рукавъ, но въ отвѣтъ ничего не промолвила.

— Говорятъ: «сказка — складка, а пѣсня — быль», — усмѣхнулся, вслушавшись въ Наташины слова, Марко Данилычъ. — Пожалуй, скоро и въ самомъ дѣлѣ сбудется, про что въ пѣснѣ поется. Такъ али нѣтъ, Татьяна Андревна?

— Все во власти Господней, — улыбаясь тихонько, проговорила ему Татьяна Андревна.

Наташа смѣялась и весело на всѣхъ посматривала. А Дмитрій Петровичъ — хоть въ воду, такъ впору.

Солнце все ниже и ниже, косная все дальше и дальше по темной глади рѣчной. Медленно тускнутъ лучи дневного свѣтила, полупрозрачныя тѣни багряно-желтыхъ облаковъ темнолиловыми пятнами стелются по зеркальной поверхности, а высокая зеленая слуда *) нагорнаго берега, отражаясь въ прибрежныхъ струяхъ, кажется нескончаемой, ровно смоль черной полосою. Подъ слудой пышутъ огнемъ и брызжутъ снопами разсыпчатыхъ огненныхъ искръ высокія трубы стального завода, напротивъ него на луговомъ, таловомъ **) берегу тамъ и сямъ разгораются ради скуднаго ужина костры коноводовъ ***). По рѣкѣ вдоль и поперекъ, тихо, чуть слышно разъѣзжаютъ въ маленькихъ ботникахъ ловцы-удальцы ****),

---

*) *Слуда* — высокій, бугристый, поросшій лѣсомъ берегъ большой рѣки.

**) Поросшій тальникомъ, то-есть кустарной ивой, вербой *Salix amigdalina*, иначе лоза, шелюга.

***) Коноводами зовутся на Окѣ бурлаки на судахъ, которыя тянутся лошадьми.

****) На Волгѣ и въ устьяхъ Оки рыболововъ зовутъ ловцами, а не рыбаками. Рыбакъ — это торговецъ рыбой.

раскидывая на ночь шашковыя снасти для стерляжьяго лова *). Вотъ по слудѣ желтой ленточкой вьется середь низкорослаго чапыжника **) дорожка къ вѣнцу горы, къ Ровнеди, гдѣ гордо высится роща полуторасталѣтнихъ, густолиственныхъ дубовъ — послѣднiй бѣдный остатокъ дремучихъ дубовыхъ лѣсовъ, когда-то сплошь покрывавшихъ нагорный берегъ Оки. Отъ Ровнеди какъ бы отщепилась скала и нависла надъ рѣкой. Она тоже поросла дубами и внизу вся проточена прорытыми для ломки алебастра пещерами. То мѣсто «Островомъ» зовется. Красивъ, величавъ видъ на эти мѣста съ водной равнины Оки. Шуми, шуми, зеленая дубрава, зеленѣйте, дубы, предками холенные, возращенные! Пока живъ я, не коснется топоръ древнихъ стволовъ вашихъ! Шуми, лѣсъ, зеленѣй, родная дубрава ***).

На косной межъ тѣмъ широкой рукой идетъ угощенье. Въ ожиданьи привала къ ближайшей ловецкой ватагѣ, чая не не пили. Подносы съ мороженымъ, конфетами и «волжскимъ кваскомъ» Петръ Степанычъ и Дмитрiй Петровичъ то и дѣло гостямъ подносили. Доволенъ-предоволенъ былъ Марко Данилычъ, видя, какъ его чествуютъ; не ворчитъ больше за лишнюю трату денегъ... «Добрые парни, — думаетъ онъ: — умны и разумны, одинъ другого лучше». И Дуня и судьба ея при этомъ забрели на мысли почтеннаго рыбника. «Что-жъ, — думаетъ онъ: — дочь — чужое сокровище, расти ее, береги, учи уму-разуму, а потомъ рано ли, поздно ли въ чужи люди отдай!..»

А дѣвицы расшутились, красныя развеселились — можетъ-быть, отъ «волжскаго кваску». Живо и рѣзво заговорила съ подругами молчаливая Дуня, весело смѣялась, радостно щебетала нѣжная Наташа, всегда думчивая, мало говорливая Лизавета Зиновьевна будто забыла денно-нощную заботу о тяжкой разлукѣ съ женихомъ — расшутилась и она. Татьяна Андреевна по-своему благодушествовала; она осыпала теплыми, задушевными ласками Самоквасова съ Веденеевымъ, то журила ихъ за лишнiе расходы, то похваливала, что умѣютъ старшихъ уважить. А Марко Данилычъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ межъ собой повели разговоры, пошла у нихъ бе-

---

*) Черная или шашковая снасть — длинная веревка *(хребтина)*, которую опускаютъ на дно; къ ней на веревочкахъ прикрѣплены желѣзные крючки *(кованцы)*. Каждый крючокъ держится въ водѣ отъ хребтины вверхъ посредствомъ шашки *(поплавка)* изъ деревянной чурки, держащейся въ верхнихъ слояхъ воды.

**) Чапыжникъ — частый, едва проходимый кустарникъ.

***) Ровнедь и Островъ входятъ въ составъ владѣнiя автора.

сѣда про торговыя дѣла. Объ меркуловскомъ тюленѣ ни полслова. То разумѣетъ Марко Данилычъ: братъ братомъ, а святы денежки хоть въ одномъ мѣстѣ у царя дѣланы, а межъ собой не родня. Дружба, родство — дѣло святое, торги да промыслы — дѣло иное.

И Ровнедь минули и Щербинскую гору, что̀ такъ недавно еще красовалась вѣковыми дубовыми рощами, попавшими подъ топоръ промышленника либо расхищенными людомъ, охочимъ до чужого добра. Рѣка заворотила вправо; высокій, чернѣющій чапыжникомъ нагорный берегъ какъ бы исполинской подковой огибалъ рѣку и темной полосой отражался на ея зеркальной поверхности. Солнце еще не сѣло, но ужъ потонуло въ тучахъ пыли, громадными клубами носившейся надъ ярманкой. Въ воздухѣ засвѣжѣло; Татьяна Андревна и дѣвицы поукутались.

— Не назадъ ли? — обратился Марко Данилычъ къ Самоквасову.

— Я капитанъ, воля моя: по-моему, рано еще ворочаться, — подхватилъ Петръ Степанычъ.

И крикнулъ гребцамъ:

— Живѣй, живѣе, ребята! Глубже весло окунай, сильнѣй работай — платы набавлю!

Дружно гребцы пріударили, косная быстрѣй полетѣла.

Марко Данилычъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ продолжали бесѣду о торговыхъ дѣлахъ. Объ векселяхъ зашла рѣчь.

— Ни на̀ что стало непохоже, — заговорилъ Смолокуровъ. — Векселя у тебя, а должникъ и ухомъ не ведетъ. Возись съ нимъ, хлопочи по судамъ. Не на дѣло трать время, а на взысканья. А взыскивать станешь — пять копеекъ за рубль. А отчего? Страху не стало, страху нѣтъ никакого... Конкурсы, администраціи?.. Одна только повадка!.. Отъ нѣмцевъ, что ли, такую выдумку къ намъ занесли, только не по плечу она намъ скроена да сшита... А ты вотъ какъ сдѣлай: вышелъ векселю срокъ, разговоровъ не размножай, а животы продавай *): не хватаетъ, самъ иди въ кабалу, жену, дѣтей закабали. Такъ бывало въ стары годы, при благочестивыхъ царяхъ, при патріархахъ... Не то Сибирь — заселяй ее должниками, люди тамъ нужны... А теперь, что̀ это такое? Мошенникамъ житье, а честному купцу только убытки... А вонъ зачали еще толковать, чтобъ и яму порушить, должника неисправнаго въ тюрьму бы не сажать! Да что-жъ послѣ этого будетъ? Какъ липочку всѣхъ обдеретъ. Что-жъ послѣ этого

*) Имѣнье.

будетъ значить вексель. Одна пустая бумага. Такъ али нѣтъ говорю, Зиновей Алексѣичъ?

— Оно, пожалуй бы, что и такъ, Марко Данилычъ, — отозвался Доронинъ. — Только ужъ это не больно ли жестоко будетъ? Легко сказать, въ кабалу! Да еще женъ и дѣтей!

— Уложено такъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, когда еще онъ во благочестіи пребывалъ, благословлено святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ. Чего тебѣ еще?.. Значитъ, Святымъ Духомъ кабала-то установлена, а не заморскими выходцами, — горячился Марко Данилычъ. — Читывалъ ли ты «Уложеніе» да «новоуказныя статьи»? Прочитай, коли не знаешь.

— Знаю я ихъ, Марко Данилычъ, читывалъ тоже когда-то, — отвѣтилъ Доронинъ. — Хорошо ихъ знаю. Такъ ты и то не забудь, тогда было время, а теперь другое.

— Что-жъ по-твоему? Іосифъ-отъ патріархъ безъ ума, что ли, подписомъ своимъ тѣ правила утверждалъ? — вспыхнувъ досадой на противорѣчіе пріятеля, возвысилъ голосъ Марко Данилычъ. — Не грѣши, Зиновей Алексѣичъ, тò памятуй, что праздное слово на страшномъ сýдищѣ взыщется. Вѣдь это, прямо сказать, богохульство. Такъ али нѣтъ?

— Какое же тутъ богохульство? — съ живостью возразилъ Зиновій Алексѣичъ. — Годъ нà годъ, вѣкъ нà вѣкъ не подходятъ. Всякому времени довлѣетъ злоба его. Тогда надо было кабалу, теперь другое дѣло. Тогда кабала была дѣломъ благословеннымъ, теперь не то.

— Времена мимо идутъ, слово же Господне не мимо идетъ, — тяжело вздохнувъ и нахмурясь, молвилъ Марко Данилычъ.

— Такъ Господнее слово, а не человѣческое, — слегка улыбнувшись, замѣтилъ Зиновій Алексѣичъ.

— А святые-то отцы на что? Каково по-твоему ихнее-то слово? — сумрачно спросилъ у него Марко Данилычъ.

— Непреложно, — отвѣтилъ Доронинъ.

— А Іосифа патріарха выкинешь развѣ изъ святыхъ-то? — задорно спросилъ Смолокуровъ.

— Святъ ли онъ, не святъ ли, Господь его вѣдаетъ, знаемъ только, что во святыхъ онъ не прославленъ, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ. — Да и то сказать, кажись бы, не дѣло ему по торговлѣ да кабаламъ судить. Дѣло его духовное!

— Богохульникъ ты, одно слово, что богохульникъ!.. — воскликнулъ Марко Данилычъ. — Какъ можно на святѣйшаго патріарха такія хулы возносить...

— Никто насчетъ кабалы съ тобой согласенъ не будетъ... — немножко помолчавши, сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

— Ой ли? съ усмѣшкой сказалъ Смолокуровъ. — Дмитрій Петровичъ! А Дмитрій Петровичъ!

Но Дмитрій Петровичъ не слышитъ, заглядѣлся онъ на Наташу и заслушался словъ ея въ разговорѣ съ сестрой да съ Дуней. Тронулъ его Смолокуровъ за плечо и сказалъ:

— Человѣкъ вы ученый, разрѣшите-ка нашъ споръ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ. Какъ по-вашему, надо по векселямъ долги строже взыскивать, алъ не надо?

— То-есть какъ это? — спросилъ, не понимая, въ чемъ дѣло, Дмитрій Петровичъ.

— Ну, вотъ къ примѣру сказать про Красилова, Якова Дмитрича. Слыхали про его обстоятельства?

— Не платитъ, говорятъ, — молвилъ Веденеевъ.

— Объявился несостоятельнымъ: вчера объ этомъ я письмо получилъ. Моихъ тысячи тутъ за три сѣло, — продолжалъ Марко Данилычъ. — Администрацію назначатъ, либо конкурсъ. Ну, и получай пять копеекъ за рубль. А я говорю: ежели ты не заплатилъ долгу до послѣдней копейки, иди въ кабалу, и жену въ кабалу, и дѣтей, заработали бы долгъ... Вѣрно ли говорю?

— Нѣтъ, Марко Данилычъ, — отвѣчалъ Веденеевъ. — Помоему не такъ...

— А какъ же? — воскликнулъ Смолокуровъ. — Благочестивыми царями такъ установлено, патріархомъ благословлено...

— Двѣсти лѣтъ назадъ можно было въ кабалу отдавать, а теперь нельзя, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Господень законъ только вѣченъ, а людскіе законы временные, потому они и мѣняются.

— Ладно, хорошо, — молвилъ Смолокуровъ. — А какъ по-вашему, евангеліе вѣчно?

— Вѣчно, — отвѣтилъ Веденеевъ.

— А помните-ль, что̀ тамъ насчетъ должниковъ-то писано? — подхватилъ Марко Данилычъ. — Привели должника къ царю, долговъ на немъ было много, а расплатиться нечѣмъ. И велѣлъ царь продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что̀ имѣлъ. Христовы словеса, Дмитрій Петровичъ.

— Такъ вѣдь это въ притчѣ сказано, — возразилъ Дмитрій Петровичъ. — А въ повелѣніи Христовомъ, въ молитвѣ Господней что̀ сказано? «И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ».

— Увертки не хва̀тки, Дмитрій Петровичъ, — молвилъ съ досадой Марко Данилычъ.

— По-моему никакихъ бы взысканій по векселямъ не дѣлать, — сказалъ Веденеевъ. — Коли деньги даете, такъ знайте кому. Вѣрьте только надежному человѣку.

— Вотъ еще что! — хмуря лобъ, усмѣхнулся Смолокуровъ. — Значитъ, послѣ этого векселю и вѣры нѣтъ никакой?

— То-то и есть, Марко Данилычъ, — подхватилъ Веденеевъ: — что у насъ не по-людски ведется: вѣримъ мы не человѣку, а клочку бумаги. Вѣра-то въ человѣка изсякла: такъ не на совѣсть, а на судъ да на яму надежду возлагаемъ. Оттого и банкротство.

— А ежели въ человѣкѣ совѣсти-то нѣтъ? — возразилъ Смолокуровъ.

— Такому не вѣрьте.

— Да кто ему въ душу-то влѣзетъ? — съ жаромъ молвилъ Марко Данилычъ.

— Кого хорошо не знаете, того не кредитуйте, — отвѣчалъ Веденеевъ.

— Значитъ, и векселей не надо? — насмѣшливо спросилъ Марко Данилычъ.

— Вексель нуженъ, — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ: — но только для памяти. И для счетовъ онъ необходимъ.

— Пропадали у васъ деньги въ долгахъ?

— Богъ милостивъ, копейки пока еще не пропало, — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ.

— То-то и есть, оттого вы такъ и говорите. А вотъ какъ огрѣютъ васъ разика три-четыре, такъ, небось, другую пѣсню запоете.

— Не запою, — увѣренно отвѣчалъ Веденеевъ.

Ничего не сказалъ на то Марко Данилычъ и обернулся назадъ, будто разсматривать темнѣвшую больше и больше съ каждой минутой даль.

Петръ Степанычъ сталъ на корму; гребцы сильнѣй приударили въ весла. Чайкой несется косная мимо низины подъ горнымъ кряжемъ, ровно на крыльяхъ летитъ она мимо дикаго, кустарникомъ заросшаго ущелья, мимо длиннаго, высокаго откоса Теплой горы. Миновавъ ту гору, Самоквасовъ взялъ «право руля» *), и косная, плавно повернувши влѣво, тихо пристала у берега. Тамъ ярко горѣлъ и весело потрескивалъ огромный костеръ, а по песчаному прибрежью разостланы были ковры, и на нихъ разставлена столовая и чайная посуда. Самоквасовъ съ Дмитріемъ Петровичемъ напередъ въ особой косной послали туда все нужное для гулянья. Выйдя изъ косной, Марко Данилычъ опять забрюзжалъ: зачѣмъ молодежь такъ безтолково транжиритъ деньги. Петръ Степанычъ съ Веденеевымъ ему на то ни слова не отвѣчали.

*) «Право руля», «лѣво руля» — волжскія выраженія. Взять право руля значитъ поворотить дышло руля вправо, тогда лодка или судно поворотитъ влѣво.

Подбѣжали къ косной трое бойкихъ ловцовъ, всѣ трое одѣты по-праздничному — въ новыхъ ситцевыхъ рубахахъ, въ черныхъ плисовыхъ штанахъ, съ картузами набекрень. Петръ Степанычъ напередъ откупилъ у нихъ вечерній уловъ въ шашковыхъ снастяхъ. По песку былъ раскинутъ неводъ изъ ботальной дѣли *), изготовили его ловцы на случай, если купцы вздумають не только рыбу ловить, но на бѣль тони закидывать **). Одаль рашни и ботала лежали ***). Тоже на всякій случай ловцы ихъ припасли.

Слова два молвилъ ловцамъ Самоквасовъ. и они, молодецки прыгнувъ въ легкій ботникъ °), стрѣлой полетѣли на стрежень. За ними въ угонъ понеслась и косная. Ставъ па срединѣ рѣки, одинъ ловецъ захватилъ конецъ хребтины и межъ тѣмъ, какъ товарищъ его, спускаясь внизъ по рѣкѣ возлѣ опущенной снасти, весломъ работалъ потихоньку, онъ выглядывалъ ее понемногу въ ботникъ, а третій ловецъ снималъ съ крюковъ стерлядей, когда онѣ попадались. Косная слѣдила за ними. Равнодушно глядѣлъ на стерляжью ловлю Марко Данилычъ: ему, владѣльцу обширныхъ рыбныхъ ватагъ на волжскомъ низовьѣ, здѣшняя ловля казалась дѣломъ пустячнымъ. «Вотъ если бы пуда въ три осетра вытянули,—онъ говорилъ:— либо бѣлугу, тогда бы дѣло иное, а это что? Плевое дѣло, одно баловство». Зато съ веселымъ вниманьемъ слѣдили за хребтиной дѣвицы, не видавшія никогда рыбной ловитвы. Каждый разъ, когда ловецъ снималъ задѣтую за бокъ стерлядку, громко онѣ отъ радости вскрикивали, брали рыбину въ руки, любуясь ею, пока не попадалъ крюкъ съ новой стерлядкой. Не одну снасть вытащили, а каждая ста на четыре крючковъ была. но поймали только штукъ двадцать пять небольшихъ стерлядей. три были покрупнѣе, а въ одной отъ глаза до пера аршинъ съ вершкомъ, мѣрная °°) значитъ. Уловъ не богатый, зато всѣ довольны, а больше всего были

---

*) Ботальная дѣль — двойная рыболовная сѣть. Снаружи *рѣжь*. то-есть самая рѣдкая сѣть, по четверти аршина въ каждой ячеѣ: внутри ея другая сѣть, частая. Дѣлью называется всякая сѣть.

**) На Волгѣ и низовьяхъ Оки у ловцовъ *рыбой* зовется только осетровая порода, остальное *бѣль* или *частикъ*.

***) *Рашня* то же, что *раковница*—снарядъ для ловли раковъ: сѣтчатый котель на обручѣ. *Ботало* — шесть съ дощечкой или съ деревяннымъ стаканомъ на концѣ; этимъ орудіемъ «ботаютъ» воду, то-есть бьютъ обо дно и мутятъ ее для загона раковъ въ сѣти или въ рашню.

°) *Ботникъ* — легкая. маленькая рыбачья лодка. не больше какъ на трехъ человѣкъ.

°°) Мѣрными на средней Волгѣ зовутъ стерлядей въ аршинъ и болѣе: отъ трехъ четвертей до аршина зовется полумѣрною.

довольны ловцы, взявши за снасти чуть не вчетверо больше, чѣмъ бы выручили они отъ продажи рыбы на Мытномъ дворѣ *).

Къ берегу пристали, на коврахъ усѣлись: Татьяна Андревна стала хозяйничать вкругъ самовара; Марко Данилычъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ за стаканами лянсина продолжали споръ о векселяхъ; Дуня немножко разговорилась съ Самоквасовымъ, Дмитрій Петровичъ осмѣлѣлъ передъ рѣзвой, веселой Наташей. Одна Лизавета Зиновьевна, задумавшись, молча сидѣла возлѣ матери, дѣла жениховы съ ума у нея не сходили. Молчала Татьяна Андревна, изрѣдка глубоко вздыхая, тѣ-жъ невеселыя думы бродили на мысляхъ у ней. А небо межъ тѣмъ тусклѣй становилось, солнце зашло, и вдали надъ желто-сѣрымъ туманомъ ярманочной пыли широко раскинулись алыя и малиново-золотистыя полосы вечерней зари, а рѣчной плесъ весь подернулся широкими лентами синими, голубыми, лиловыми. Вдали край небосклона засверкалъ тысячами искръ; это зажглись огни въ фонаряхъ, это огни заблистали въ неизсчетныхъ зданіяхъ ярманки.

— Неводкомъ не будетъ ли въ угоду вашей милости бѣлячка половить? — снимая картузъ и нагибаясь передъ Самоквасовымъ, спросилъ старшій ловецъ. По всѣмъ его рѣчамъ и по всѣмъ пріемамъ видно было, что онъ изъ бывалыхъ, обхожденію въ трактирахъ обучился.

— Закидывай.—отвѣтилъ ему Петръ Степанычъ и, не внимая ворчаньямъ Смолокурова, самъ принялся хлопотать вкругъ невода вмѣстѣ съ ловцами.

Проворно подвели къ берегу новую лодку, уложили въ нее двухсотсаженный неводъ и возлѣ ковра, гдѣ распивали чай Смолокуровы съ Дорониными, въ землю пятной колъ **) вколотили. Прикрѣпивъ къ нему мертвый кодолъ, тихо, веслами чуть касаясь воды, полегоньку поплыли ловцы поперекъ рѣки, выметывая изъ лодки пятное крыло невода. Доплывъ до стержня, поворотили они вдоль по теченью, выкинули мотню и, продолжая выметывать ходовое крыло, поворотили къ берегу, причалили и на рукахъ вынесли ходовой кодолъ ***).

*) Такъ называется рынокъ.

**) *Пятнымъ коломъ* (отъ пята) называется колъ, къ чему привязывается конецъ невода, съ котораго начинають его закидывать.

***) *Пятное крыло* — та половина невода, съ которой начинается его выкидка въ воду, затѣмъ слѣдуетъ *мотня* — середка невода; это кошель изъ самой частой и крѣпкой дѣли (сѣти), въ которой при вытаскиваніи невода остается наловленная рыба. Крыло невода по другую сторону мотни называется ходовымъ. *Кодолъ* — веревка, на которую навязанъ неводъ; одинъ конецъ ея, привязываемый къ колу, называется *мертвымъ* или *глухимъ*, противоположный — *ходовымъ*.

— Маленько бы погодить вытаскивать-то, ваше степенство, — молвил ловец Самоквасову. — Тѣмъ временемъ порачить не желаете ли?

— Валяй, — сказалъ Петръ Степанычъ, и ловцы принялись за раковъ.

Босикомъ, штаны засучивъ выше колѣна, бойко ловцы, похватавши рашни и бòталы, бросились съ ними на покрытую водой отмель. Одни воду толкутъ и мутятъ ее, загоняя раковъ, другіе рашни разставляютъ. Набѣжали мальчишки, сами охотой полѣзли въ рѣку и безо всякихъ снарядовъ принялись руками раковъ таскать изъ норъ, нарытыхъ въ берегу подъ водою. Вынулъ ловецъ первую рашню — тихо возилось тамъ десятка полтора крупныхъ и мелкихъ раковъ.

— Вотъ они! — молвилъ ловецъ, опрастывая рашню у ногъ Самоквасова и потомъ, взявши за усъ самаго крупнаго рака, приподнялъ его кверху и молвилъ: — Вотъ такъ мастеровой, скоро его не признаешь: по ножницамъ швецъ, по щетинѣ чеботарь *). Два рога да не быкъ, шесть ногъ да безъ копытъ!

Черезъ четверть часа не одна уже сотня раковъ была наловлена.

— Будетъ, — молвилъ ловцамъ Самоквасовъ. — Тащите-ка неводъ теперь, молодцы. Посмотримъ, чѣмъ Богъ благословилъ нашу ловлю.

Уговариваютъ ловцы повременить, чтобъ бѣли набралось побольше, но ужъ темно становилось, и Самоквасовъ велѣлъ имъ тотчасъ за неводъ приняться.

Схвативъ концы кодоловъ, ловцы потянули на берегъ неводъ. Минутъ черезъ десять мотня подошла; ее вытянули на песокъ: тамъ трепегало съ десятокъ красноперыхъ окуней, небольшой съ блѣдно-розовымъ брюшкомъ лещъ, двѣ юркія щуки, четыре налима, десятка два ершей да штукъ пятьдесятъ серебристой плотвы. Уловъ незавидный. Кромѣ того были въ мотнѣ пара раковъ да одна лягушка...

— Говорилъ, что надо подождать, — почесывая затылокъ, будто съ обиженнымъ видомъ молвилъ старшой изъ ловецкой артели. — Чтò это за тоня! Развѣ такія бываютъ! Только званье одно...

— Ничего, всей рыбы въ Окѣ не выловишь. Съ насъ и этой довольно, — молвилъ Петръ Степанычъ. — А вотъ чтò, молодцы. Про васъ, про здѣшнихъ ловцовъ по всему вашему царству идетъ слава, что супротивъ васъ ухи никому не сварить. Состряпайте-ка намъ получше ушицу. Лучку, перчику

*) Ножницы — клешни, щетина — усы.

мы съ собой захватили, взяли-было мы и кастрюли, да мнѣ сказывали, что изъ вашего котелка уха въ тысячу разъ вкуснѣе выходитъ. Такъ ужъ вы постарайтесь! Всю мелкоту вали на приваръ. Жаль, что ершей-то больно немного поймали.

— Ничего, ваше степенство, плотвой, окунями добавимъ, да вотъ еще у насъ два налима. Наваръ будетъ знатный — за первый сортъ, — отвѣтилъ ловецъ. — А щука да лещъ въ уху не годятъ *), — прибавилъ онъ.

— Щукъ дарю, кушай ихъ на здоровье, а леща мы зажаримъ,—молвилъ Петръ Степанычъ.—А какъ ты думаешь?.. Для навару-то раковъ въ котелокъ не пустить ли?

— Зачѣмъ поганить уху? — крикнулъ съ ковра Марко Данилычъ. — Ракъ вѣдь погань, водяной сверчокъ, христіанамъ ѣсть его не показано. Вы бы ужъ и лягушку-то тоже въ уху положили!

— Всѣ раковъ ѣдятъ, — молвилъ Петръ Степанычъ.

— Мало-ль чего! Татары и кобылятину жрутъ, господа зайцевъ ѣдятъ да подхваливаютъ. Вотяки съ чувашами и житничками **) не брезгаютъ. Такъ имъ законъ не писанъ, а мы люди крещеные, отъ мерзости намъ вкушать не подобаетъ. Нѣтъ ужъ, Петръ Степанычъ, пожалуйста, не поскудь ухи.

— Да оно и не годитъ раковъ-то класть, — молвилъ ловецъ: — не будетъ отъ нихъ никакого навару.

— Ну, такъ ладно, — сказалъ Самоквасовъ. — Живѣй, ребята, берись за стряпню.

Ловцы проворно вычистили бѣль и подвѣсили котелокъ надъ маленькимъ, нарочно для стряпни разведеннымъ костромъ. Всю бѣль свалили въ котелокъ и потомъ принялись стерлядей потрошить.

— Дмитрій Петровичъ, намъ досталось на нынѣшній день быть въ кашеварахъ. Давайте-ка жарить леща, — сказалъ Веденееву Петръ Степанычъ, и оба тотчасъ принялись за работу.

— А хорошо вѣдь на вольномъ-то воздухѣ въ таку пору середь друзей-пріятелей доброй ушицы похлебать, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ, обращаясь къ Марку Данилычу.

— Ничего, дѣло не плохое,— отвѣчалъ Смолокуровъ. — Тутъ главное дѣло — охота. Закажи ты въ любой гостинницѣ стерляжью уху хоть въ сорокъ рублевъ, ни пріятности ни вкуса такого не будетъ. Главное дѣло охота... Вотъ бы теперь мы сидимъ здѣсь на бережку, — продолжалъ благодушествовать

*) То-есть — не годятся.
**) Житнички — хлѣбныя мыши, что водятся въ житницахъ.

Смолокуровъ: — сидимъ въ своей компаніи, и семейства наши при насъ — тихо, пріятно всѣмъ... Чего же еще?

И, маленько помолчавъ, наклонился къ Зиновью Алексѣичу и тихо промолвилъ:

— А ты приходи-ка завтра пораньше ко мнѣ, а не то я къ тебѣ зайду. Съ тюленемъ бы надо покончить. Время тянуть нечего.

— Ладно, приду, — такъ же тихо отвѣтилъ Доронинъ. — А сегодня я съ нарочнымъ письмо послалъ къ Меркулову, обо всемъ ему подробно отписалъ. На пароходъ посадилъ съ тѣмъ письмомъ молодца. Въ двѣ недѣли обернется. Завтра потолкуемъ, а дѣлу конецъ, когда отвѣтъ получу. Лучше, какъ хозяйское согласье въ рукахъ, спокойнѣе...

— Напрасно, — насупившись, прошепталъ Смолокуровъ. — Какъ ему, сидя въ Царицынѣ, знать здѣшни дѣла макарьевскіи? Смотри, другъ, не завалялось бы у насъ... Теперь-то я согласенъ, а черезъ два либо черезъ три дня, ежели какая линія подойдетъ, можетъ статься, и откажусь... Дѣло коммерческое. Самъ не хуже меня разумѣешь.

— Конечно, это доподлинно такъ! Супротивъ этого сказать нечего, — вполголоса отозвался Доронинъ. — Только вѣдь самъ ты знаешь, что въ рыбномъ дѣлѣ я на синь-порохъ ничего не разумѣю. По хлѣбной части дѣло подойди, маху не дамъ и совѣтоваться не стану ни съ кѣмъ, своимъ разсудкомъ оборудую, потому что хлѣбный торгъ знаю вдоль и поперекъ. А по незнаемому дѣлу какъ зря поступить? Безъ хозяйскаго то-есть приказу?.. Самъ посуди. Чужой вѣдь онъ человѣкъ-отъ. Значитъ, ежели что̀ не такъ, въ отвѣтѣ передъ нимъ будешь.

— Да вѣдь у тебя довѣренность? — съ досадой тихонько молвилъ Марко Данилычъ и, нахмурясь, засверкалъ глазами.

— Что-жъ изъ того, что довѣренность при мнѣ, — сказалъ Зиновій Алексѣичъ. — Дать-то онъ мнѣ ее далъ, и по той довѣренности могъ бы я съ тобой хоть сейчасъ по рукамъ, да боюсь, послѣ бы отъ Меркулова не было нареканья... Самъ понимаешь, что дѣло-то въ этомъ разѣ самое опасное. Ну ежели продешевлю, каково мнѣ тогда будетъ на Меркулова-то глаза поднять?.. Пойми это, Марко Данилычъ. Будь онъ мнѣ свой человѣкъ, тогда бы еще туда-сюда, свои, молъ, люди, сочтемся, а вѣдь онъ чужой человѣкъ.

— Ой ли? — лукаво усмѣхнувшись, громко сказалъ Марко Данилычъ. — Такъ-таки совсѣмъ и чужой? — прибавилъ онъ, ударивъ по плечу пріятеля.

— Разумѣется, чужой, — немножко смутившись, отвѣтилъ Зиновій Алексѣичъ. — Причитается племянникомъ, сродникомъ

зовется, да какая-жъ въ самомъ-то дѣлѣ родня? Седьмая водина на квасинѣ, на одномъ солнышкѣ онучки сушили.

— Ладно, ладно, — съ лукавой усмѣшкой трепля по плечу Зиновья Алексѣича, сказалъ Марко Данилычъ. — Такъ совсѣмъ чужой?

Доронинъ не сразу отвѣтилъ, а Татьяна Андревна даже совсѣмъ обомлѣла. Уставивъ на Смолокурова зоркій, пристальный взоръ, она думала, неужто спровѣдалъ? Отъ кого же это?.. Неужели Никитушка кому проболтался? А Лизавета Зиновьевна, хоть солнце и сѣло, а распустила зонтикъ и закрыла имъ смущенное лицо.

— Сказано тебѣ, какая родня,—сказалъ Зиновій Алексѣичъ пристававшему Марку Данилычу.—Такой родни до Москвы не перевѣшаешь. А что человѣкъ онъ хорошій, то вѣрно, за то и люблю его и, сколько смогу, ему порадѣю.

— Не хитри, дружище!—молвилъ Смолокуровъ, погрозивъ пальцемъ.

— Чего хитрить-то мнѣ? Для чего?—сказалъ Зиновій Алексѣичъ. — Да и ты чудной, право, повелъ рѣчь про дѣла, а свелъ на родство. Рѣшительно тебѣ сказываю, раньше двухъ недѣль прямого отвѣта тебѣ не дамъ. Хочешь жди, хочешь не жди, какъ знаешь, а на меня, напередъ тебѣ говорю, не погнѣвайся.

— Да ты не ори, — шопотомъ молвилъ Марко Данилычъ, озираясь на Веденеева. — Что зря-то кричать? А скажи-ка мнѣ лучше, изъ рыбниковъ съ кѣмъ не покалякалъ ли? Не наплели ли они тебѣ чего? Такъ ты, другъ любезный, не всякаго слушай. Изъ нашего брата тоже много таковыхъ, что ему сказать да не соврать — какъ-то бы и зазорно. И такихъ немалое число, и въ каждомъ дѣлѣ, какое ни доведись, любятъ они помутить. Ты съ ними, пожалуйста, не раздабаривай. Повѣрь мнѣ, они же послѣ надъ тобой будутъ смѣяться.

Такъ говорилъ едва слышно Марко Данилычъ, а Доронинъ слушалъ его и молчалъ. И тутъ вспало ему въ голову: «Съ чего это онъ такъ торопится и ни съ кѣмъ про тюленя говорить не велитъ? Ужъ нѣтъ ли тутъ какого подвоха?»

— Такъ смотри же ты у меня, Зиновій Алексѣичъ, прималчивай покамѣсть,—послѣ недолгаго молчанья сталъ опять ему шептать Марко Данилычъ. — Двѣ недѣли куда ни шли, можно обождать. Только ужъ сдѣлай милость, ни съ кѣмъ про это дѣло и языка не раскускай. Вотъ тебѣ передъ Богомъ, все дѣло перепортишь и мнѣ и Меркулову. Повѣрь слову. И этому не моги говорить, — прибавилъ онъ, указывая глазами на отвернувшагося въ сторону Веденеева.—Ты его не знаешь,

а мы давно вѣдаемъ—птичка мала, да ноготокъ востеръ... А въ головѣ-то вѣтеръ еще ходитъ. Въ дѣлѣ недавно, а какихъ ужъ дѣловъ успѣлъ натворить. Пуще всего его берегись, его словамъ изъ нашихъ рыбниковъ никто не вѣритъ. Какъ узналъ про какое дѣло, тотчасъ норовитъ помутить его, а не то и разстроить.

— Что же мнѣ съ нимъ говорить? Съ какой стати?—отвѣтилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Уха сейчасъ готова,—крикнулъ Самоквасовъ.—Дмитрій Петровичъ, вы вѣдь у насъ за кашевара, готовьте чашки да ложки скорѣе.

Веденеевъ на особомъ, въ сторонкѣ разостланномъ коврикѣ проворно разставилъ привезенную изъ города закуску: графинчики съ разными водками, стерляжьей икры жестянку, балыкъ донской, провѣсную елабужскую бѣлорыбицу, отварные въ уксусѣ грибы, вятскіе рыжички, керженскіе груздочки.

— Экъ что наставили,—покачивая головой, сказалъ Дмитрію Петровичу Смолокуровъ.—Да этого, сударь, десятерымъ не съѣсть. Напрасно, право, напрасно такъ исхарчились. Зналъ бы, ни за что бы въ свѣтѣ не поѣхалъ съ вами кататься.

Однако подошелъ къ закускѣ и, наливъ четыре рюмки, взялъ одну, другую подалъ Зиновью Алексѣичу, примолвивъ:

— Хватимъ по одной, разогрѣемся, свѣженько отъ воды-то стало!.. А вы, Дмитрій Петровичъ, вы, сударь Петръ Степанычъ, безъ васъ и пить не станемъ, принимайтесь за рюмочки.

Выпили хорошо, закусили того лучше. Потомъ разсѣлись въ кружокъ на большомъ коврѣ. Снявъ съ козловъ висѣвшій надъ огнемъ котелокъ, ловецъ поставилъ его возлѣ. Татьяна Андревна разлила уху по тарелкамъ. Уха была на видъ не казиста: сваривъ бѣль, ловецъ не процѣдилъ навара, оттого и вышла мутна, зато такъ вкусна, что даже Марко Данилычъ, все время съ усмѣшкой пренебреженья глядѣвшій на убогую ловлю, причмокнулъ отъ удовольствія и молвилъ:

— Уха знатная-то!

— Безподобная,—подтвердилъ Зиновій Алексѣичъ, а Татьяна Андревна, радушно обращаясь къ кашеварамъ, сказала, что отъ роду такой чудесной ухи не ѣдала.

Послѣ ухи появились на коврѣ бутылки съ разными винами и блюдо съ толстыми звеньями заливной осетрины. Рыба прекрасная, заготовка еще лучше, по всему видно, что отъ Никиты Егорова.

— Осетрина первый сортъ, рѣдкостная,—похвалилъ ее Смолокуровъ:—а ѣсть ее, пожалуй, грѣшно.

— Отчего-жъ это, Марко Данилычъ? — спросилъ Веденеевъ.

— А водяныхъ-то сверчковъ на кой прахъ вокругъ напихали? — сказалъ Смолокуровъ, указывая на раковыя шейки, что съ другими приправами разложены были вкругъ сочныхъ звеньевъ осетрины.

— Откинь, коль не въ угоду,—молвилъ Зиновій Алексѣичъ:— а рыба сготовлена такъ, что ни у тебя ни у меня такъ вовѣкъ не состряпаютъ.

Марко Данилычъ въ раздумьѣ только головой покачалъ, но осетрина такъ лакомо глядѣла на него, что не могъ онъ стерпѣть, навалилъ себѣ тарелку до верху.

Ужинъ, какъ водится, кончился «холодненькимъ», нельзя ужъ безъ того. Двѣ бѣлоголовыя бутылки опорожнили.

Малиновые переливы вечерней зари, сливаясь съ яснымъ темно-синимъ небосклономъ, съ каждой минутой темнѣли. Ярко сверкаютъ въ высотѣ поднебесной звѣзды, и дрожатъ онѣ на плесу, отражаясь въ тихой водѣ: почернѣлъ нагорный берегъ, стѣной поднимаясь надъ водою: ярчѣй разгорѣлись костры коноводовъ и пламенные столбы изъ трубъ стального завода, а вдали виднѣется ярманка, вся залитая огнями. То и дѣло надъ нею вспыхиваетъ то бѣлое, то алое, то зеленое зарево потѣшныхъ огней, что жгутъ на лугахъ, гдѣ гулянья устроены.

— Пора и по домамъ, — съ мѣста поднявшись, сказала Татьяна Андревна. — Ишь до коей поры загостились.

И, помолясь на востокъ, стала она потеплѣе одѣваться и укутывать дочерей своихъ и Дуню.

— Пора, пора, — подтвердили и Марко Данилычъ и Зиновій Алексѣичъ. Заторопились отъѣздомъ.

Щедро награжденные молодыми людьми, ловцы и деревенскіе ребятишки громкими криками провожали уѣзжавшихъ, прося ихъ жаловать почаще, и, только-что двинулась по рѣкѣ косная, стали высоко метать горящія головни, оглашая вечернюю тишь громкимъ радостнымъ крикомъ.

А пѣвцы на косной дружно грянули громкую пѣсню, и далеко она разнеслась по сонной рѣкѣ.

Полночь была недалеко, когда воротились съ катанья. Всѣ остались довольны, но каждый свою думу привезъ, у всякаго своя забота была на душѣ.

Доронинъ былъ встревоженъ неумѣстными приставаньями Марка Данилыча.— Что это ему на разумъ пришло? И для чего онъ такъ громко заговорилъ про это родство, а про дѣло велъ рѣчь шепоткомъ? Не такой онъ человѣкъ, чтобы зря

что-нибудь сдѣлать, попусту слова онъ не вымолвитъ. Значитъ, къ чему-нибудь да повелъ же онъ такія рѣчи».

И долго, чуть не до самаго свѣту, совѣтовался онъ съ Татьяной Андревной, разсказалъ ей, что̀ говорилъ ему Марко Данилычъ. Придумать оба не могли, что̀ бы это значило, и не давали вѣры тому, что̀ сказано было про Веденеева. Обоимъ Зоронинымъ Дмитрій Петровичъ очень понравился. Татьяна Андревна находила въ немъ много сходства съ милымъ, любезнымъ Никитушкой.

Пала кручина на сердце Лизаветы Зиновьевны, не добро подумала она о Маркѣ Данилычѣ. Насмѣхаться ли хочетъ, аль бѣду какую готовитъ Никитушкѣ? Не взлюбила его, перваго человѣка въ жизни своей она не взлюбила.

Оставшись вдвоемъ съ сестрой, стала она раздѣваться. Наташа все у столика сидѣла, облокотясь на него и положа на ладонь горѣвшую щеку.

— Что̀ сидишь, не раздѣваешься? — спросила у ней Лиза. — Поздно ужъ, спать пора.

Не вдругъ отвѣтила Наташа. Подумавъ немного, быстро подняла она головку и, поглядѣвъ на сестру загорѣвшимися небывалымъ дотолѣ блескомъ очами, сказала:

— А вѣдь онъ славный!

— Кто? — спросила Лиза.

— Да онъ.

— Кто онъ?

— Дмитрій Петровичъ!

Взглянула Лиза на сестру и улыбнулась.

— Такой пригоженькій, такой хорошенькій, веселый такой! — продолжала Наташа.

— А ты раздѣвайся-ка съ Богомъ да ложись спать, — сказала, улыбаясь, Лиза.

Пришла и Наташѣ пора.

Марко Данилычъ, съ Дуней простясь, долго сидѣлъ надъ бумагами, проклиная въ душѣ Зиновья Алексѣича. Шутка сказать, тюлень изъ рукъ выскользалъ, на плохой конецъ сорокъ тысячъ убытку. Хоть не то, что убытокъ, а развѣ не все едино, что почти держать въ рукахъ такія деньги, а въ карманъ ихъ не положить. Это вѣдь что въ сказкахъ говорится: «по усу текло, а въ ротъ не попало». Какъ же не досадовать, какъ не проклинать друга-пріятеля, что̀ пошелъ-было на удочку, да вильнулъ хвостомъ. Долго думалъ, долго на счетахъ выкладывалъ, наконецъ, ровно чѣмъ озаренный, быстро съ мѣста вскочилъ, прошелся разъ десятокъ взадъ и впередъ по комнатѣ и сѣлъ письмо писать.

Писалъ онъ къ знакомому царицынскому купцу Володерову, писалъ, что скоро мимо Царицына изъ Астрахани пойдетъ его баржа съ тюленемъ, — такой баржи вовсе у него и не бывало, — то и просилъ остановить ее: дальше вверхъ не пускать, потому-де. что отъ провоза до Макарья будутъ однѣ лишь напрасныя издержки. Тюлень, писалъ онъ, въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ падаетъ, ежели кому и за рубль съ гривной придется продать, такъ долженъ это за большое счастье сочесть. И много такого писалъ, зная, что знакомый его непремѣнно разскажетъ о томъ Меркулову, и полагая, что въ Царицынѣ нѣтъ никакого Веденеева, никто изъ Питера коммерческихъ писемъ не получаетъ. Тотъ расчетъ былъ у Марка Данилыча. что. какъ скоро Меркуловъ узнаетъ про неслыханный упадокъ цѣнъ, тотчасъ отпишетъ Доронину, продавалъ бы его за какую ни дадутъ цѣну.

Написалъ, запечаталъ, чтобы завтра поутру послать съ письмомъ нарочнаго въ Царицынъ. Придетъ сутками позже доронинскаго письма. Авось дѣло обладится.

И успокоилась душа у Марка Данилыча: радостный, благодушный пошелъ онъ къ себѣ на спокой. Проходя мимо Дуниной горницы. тихонько отворилъ дверь поглядѣть на свою ненаглядную. Видитъ — стоитъ на молитвѣ.

«Молись. голубушка, и меня помяни во святыхъ молитвахъ твоихъ. Ты вѣдь еще ангелъ непорочный. Отъ тебя молитва до Бога доходна... Молись, Христосъ съ тобой...» — Такъ подумалъ Марко Данилычъ и, неслышно притворивъ дверь, пошелъ въ свою спальню. Тихъ, безмятеженъ былъ сонъ плутоватаго рыбника.

Грустна. молчалива Дуня домой воротилась. Заѣла незнаемая прежде кручина побѣдное ея сердце. Испугалась Дарья Сергѣвна, взглянувъ на блѣдное лицо и горѣвшія необычнымъ блескомъ очи своей любимицы.

— Охъ. ужъ эти мнѣ затѣи! — говорила она. — Охъ. ужъ эти выдумщики! Статочно-ль дѣло по ночамъ въ лодкѣ кататься! Теперь и въ полѣ-то опасно, для того что росистыя ночи пошли, а они вдругъ по водѣ... Разумъ-отъ гдѣ?.. Не диви молодымъ. пожилые-то что? Вода вѣдь теперь холодна давно ужъ олень копытомъ въ ней ступилъ. Долго-ль себя остудить да нажить лихоманку. Гляди-ка, какая стала — въ лицѣ ни кровинки. Самоваръ поскорѣе поставлю. липоваго цвѣту заварю. Напейся на ночь-то.

— Да у меня. тетенька, ничего не болитъ. я совсѣмъ здорова, — молвила Дуня тревожно суетившейся вкругъ нея Дарьѣ Сергѣвнѣ.

— Здорова!.. Много ты знаешь!.. Хорошо здоровье, нечего сказать, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Погляди-ка въ зеркало, погляди на себя, на что похожа стала.

И, не слушая рѣчей Дуни, вышла изъ комнаты, велѣла поставить самоваръ и, заваривъ липоваго цвѣта съ малиной, напоила свою любимицу и, укутавъ ее въ шубу, положила въ постель.

«Пропотѣетъ, авось хворь-то сниметъ». — сказала про себя Дарья Сергѣвна и, замѣтивъ, что Дуня, закрывъ глаза, успокоилась, отошла тихонько отъ ея постели и, прочтя молитвы на сонъ грядущихъ, неслышными шагами отошла за ширмы, гдѣ стояла ея кровать.

Дуня не спала. Закрывъ глаза, все про катанье вспоминала, и ровно живой возставалъ передъ ней удалой добрый молодецъ, веселый, пригожій красавчикъ. То и дѣло въ ушахъ ея раздавались звуки его голоса.

«Не брежу ли я? Въ самомъ дѣлѣ, не схватила ли меня лихоманка?» — подумала Дуня.

Но эта дума такъ же скоро промчалась, какъ скоро налетѣла. А сонъ нейдетъ, на минуточку не можетъ Дуня забыться. На мысляхъ все онъ да онъ, а сердце такъ и стучитъ, такъ его и щемитъ.

И приходитъ на память ей бесѣда, что вела она съ Груней передъ отъѣздомъ изъ Комарова.

Отъ слова до слова вспоминаетъ она добрыя слова ея: «если кто тебѣ по мысли придется, и вздумаешь ты за него замужъ идти — не давай тѣмъ мыслямъ въ себѣ укрѣпляться, стань на молитву и Богу усерднѣй молись».

«Замужъ! — подумала Дуня. — Замужъ!.. Да какъ же это?..»

Подошла къ столику, вынула изъ него завѣтную свою коробочку, вынула изъ нея колечко, отцомъ подаренное, когда минуло ей восемнадцать годковъ. Сидитъ, глядитъ на него, а сама родительскія слова вспоминаетъ:

«Слушай, Дуня: ни мать твою ни меня родители вѣнцомъ не неволили. И я тебя неволить не стану. Даю тебѣ кольцо обручальное, отдай его волей тому, кто полюбится...»

И слезы закапали на колечко. «Да развѣ можетъ это статься? — думаетъ Дуня. — Господи, Господи! что-жъ это со мной?»

А сердце такъ и стучитъ, кровь молодая такъ и кипитъ ключомъ.

«Стань на молитву и Богу усерднѣй молись! — опять приходятъ ей на память слова доброй Груни. — Стань на молитву, молись, молись со слезами, сотворилъ бы Господь надъ тобой святую волю Свою».

«Стану, стану молиться... — думаетъ Дуня. — Но что-жъ это будетъ?.. Какъ это будетъ?.. Бѣдная, бѣдная я...»

И разметалась въ постели. Высоко поднимается бѣлоснѣжная грудь, заревомъ пышутъ ланиты, глаза разгорѣлись, вся какъ въ огнѣ.

Опять приходятъ на память Грунѣ слова:

«И ежели послѣ молитвы станетъ у тебя на душѣ легко и спокойно, прими это, Дуня, за волю Господню, иди тогда безо всякаго сомнѣнья за того человѣка».

И потихоньку, не услыхала бы Дарья Сергѣвна, стала она на молитву. Умною молитвою молилась, не уставной. Въ одной сорочкѣ, озаренная дрожавшимъ свѣтомъ догоравшей лампады, держа въ рукахъ завѣтное колечко, долго лежала она ницъ передъ святыней. Съ горячими, изъ глубины непорочной души идущими слезами долго молилась она, сотворилъ бы Господь надъ нею волю Свою, указалъ бы ей, слѣдъ ли ей полюбить всѣмъ сердцемъ и всею душою раба Божья Петра, и найдетъ ли она счастье въ томъ человѣкѣ.

Кончивъ молитву, стала Дуня середь горницы и судорожно закрыла лицо руками. Отдернула ихъ — душа спокойна, сердце не мутится, такъ ей хорошо, такъ радостно и отрадно.

«Благословляетъ Богъ!» — подумала, взглянувъ на иконы, и слезы потокомъ хлынули изъ очей ея.

— Боже, милостивъ буди ко мнѣ! — шептала она.

И, веселымъ взоромъ обведя комнату, тихо улеглась въ одинокую постельку. Тихъ, безмятеженъ былъ сонъ ея.

А куда дѣвались молодцы, что̀ строили катанье на славу? Показалось имъ еще рано, къ Никитѣ Егорычу завернули и тамъ за бутылкой холодненькаго по душѣ межъ собой разговаривали. Другъ другу по мысли пришлись. А когда добрались до постелей, долго не спалось ни тому ни другому. Одинъ про Дунюшку думалъ, другой про Наташу.

Глава одиннадцатая.

Велика Пречиста пришла *), день Госпожинъ. Изъ края въ край по всей православной Руси гудятъ торжественно колокола, по всей сельщинѣ-деревенщинѣ, по захолустьямъ нашей земли съ ранняго утра и старъ и младъ надѣваютъ лучшую одежду и молитвой начинаютъ праздникъ. Въ половинѣ августа рабочая страда самая тяжелая: два поля надо убрать да

*) Августа 15 Велика Пречиста (Успеніе Богородицы), а сентября 8 (Рождество Богородицы) — Мала Пречиста.

третье засѣять; но въ день Госпожинъ ни одинъ человѣкъ за работу не примется, нельзя: Велика Пречиста на другой годъ не дастъ урожаю. Оттого церкви, обыкновенно пустыя въ лѣтніе праздники, въ тотъ день полнехоньки народомъ, а въ раскольничьихъ моленныхъ домахъ чуть не всю ночь напролетъ всенощныя поютъ да часы читаютъ. На Горахъ, по дальнимъ отъ городовъ захолустьямъ, справляютъ въ тотъ день «дожинки», старорусскій обычай, теперь всюду забытый почти. Если къ Успеньеву дню успѣютъ дожать яровое, тогда праздникъ вдвое, тогда бываетъ «снопъ-именинникъ» и празднуются «дожинки» — древній русскій обычай, теперь почти повсемѣстно забытый. Сжавъ ярь безъ остатка, оставляютъ наканунѣ дожинокъ рученьку овсяныхъ колосьевъ не сжатою «волотку на бородку» [1]), а послѣдне сжатый снопъ одѣваютъ въ нарядный сарафанъ, украшаютъ его монистами и лентами, на верхушку надѣваютъ кокошникъ и водятъ вокругъ его хороводы. Это и есть «снопъ-именинникъ». Однѣ жнеи пѣсни поютъ имениннику въ честь, другія катаются съ боку на бокъ по сжатому полю, а сами приговариваютъ: «жнивка, жнивка, отдай мою силку на пестъ, на мѣшокъ, на колотило, на молотило да на новое веретено». Въ самый день дожинокъ послѣ обѣдни идутъ, бывало, съ веселыми пѣснями на широкій дворъ помѣщичій, высоко держа надъ головами именинный снопъ. У каждой жнеи въ рукѣ обвитый соломой серпъ. Снопъ именинный вносили въ комнаты, ставили его въ передній уголъ подъ образа, и на томъ мѣстѣ красовался онъ до перваго воскресенья. Снявъ въ этотъ день его со стола и снявъ съ него украшенія, берегли до Покрова, тогда дѣлили его, и каждый хозяинъ примѣшивалъ доставшуюся ему долю къ корму скота, чтобы онъ всю зиму добрѣлъ да здоровѣлъ. А когда жнецы и жнеи съ обвитыми серпами и со снопомъ-именинникомъ подходили къ помѣщичьему дому, хозяинъ съ хозяйкой и со всей своей семьей выходили навстрѣчу дорогому гостю за ворота и, трижды перекрестясь, низкими поклонами «хлѣбушку встрѣчали», приговаривая: «жнеи молодыя, серпы золотые — милости просимъ откушать, новаго хлѣбца порушать». А на широкихъ дворахъ ужъ столы стоятъ, а вокругъ нихъ переметныя скамьи, либо доски, положенныя на чурки, кадушки и боченки. Обнесутъ разсѣвшійся народъ чаркой-другой и ломтями хлѣба, испеченнаго изъ новой ржи, потомъ подадутъ солонины съ квасомъ и огурцами, щи съ бараниной либо со

[1]) *Волотъ* — великанъ, сказочный богатырь. Кости допотопныхъ животныхъ считаются костями волотовъ. Волоты почитаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покровителями земледѣлія.

свининой, пироги съ творогомъ и кашу съ масломъ, а передъ каждымъ кушаньемъ браги да пива пей, сколько хочешь. Въ концѣ «дежень» подавали, непремѣнное кушанье на «дожинкахъ» — кислое молоко съ толокномъ. Послѣ обѣда до самой вечерней зари за околицей, либо возлѣ гуменъ, а иной разъ и на барскомъ дворѣ, молодежь водитъ хороводы и подъ сумракъ наступающей ночи громко распѣваетъ:

Закатилось красно солнышко
За зеленъ виноградъ,
Цѣлуемся, милуемся,
Кто кому радъ.

На тѣхъ хороводахъ долго загуливаться нельзя — чѣмъ свѣтъ иди на страду, на работу, гни спину до ночи.

Расходятся мирно и тихо по избамъ и тамъ въ первый разъ послѣ лѣта вздуваютъ огни. Теперь барскіе дожинные столы перевелись, но у зажиточныхъ крестьянъ на Успеньевъ день наемнымъ жнеямъ и жнецамъ ставятъ еще сытный обѣдъ съ виномъ, съ пивомъ и непремѣнно съ деженемъ, а послѣ обѣда гдѣ-нибудь за околицей до поздней ночи молодежь водитъ хороводы, либо, разсѣвшись по зеленому выгону, поетъ пѣсни и взапуски щелкаетъ свѣжіе, только-что созрѣвшіе орѣхи.

По большимъ и малымъ городамъ, по фабричнымъ и промысловымъ селеньямъ Велика Пречиста честно и свѣтло празднуется, но тамъ и въ заводѣ нѣтъ ни дожинныхъ столовъ ни обрядныхъ хороводовъ, зато къ вечеру харчевни да кабаки полнехоньки, а гдѣ торжокъ либо ярманка, тамъ отъ пьяной гульбы, отъ зычнаго крику и несвязныхъ пѣсенъ, кто во что гораздъ, до полночи гамъ и содомъ стоятъ, далеко разносясь по окрестностямъ. То праздничанье не русское.

По многимъ монастырямъ въ тотъ день большія собранья бываютъ. Изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ богомольцы тысячами стекаются въ Печерскую лавру къ кіевскимъ угодникамъ, въ Саратовскую пустынь, къ Троицѣ-Сергію и на Карпаты — въ Почаевъ. Много ярманокъ въ тотъ день бываетъ: и въ Харьковѣ, и въ Калачѣ, и за Ураломъ, и на Крестовскомъ полѣ, что возлѣ Ивановскаго *), и по разнымъ другимъ городамъ и селеньямъ. Но нигдѣ такъ не кипитъ народная жизнь, никуда такъ много русскаго люда въ тотъ день не стекается, какъ къ Макарью. На Успеньевъ день тамъ самый сильный разгаръ ярманки. Утро молитвѣ дань — въ соборѣ четыре обѣдни одну за другой служатъ, и все время церковь такъ же переполнена богомольцами, во многихъ лавкахъ поютъ

*) Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи.

молебны Успенью и святому Макарію. Армянская церковь также переполнена богомольцами, даже бугоръ, гдѣ стоитъ она, цѣлое утро усѣянъ ими ради храмового праздника и торжественнаго освященія винограда. По молитвѣ наступаетъ обычное неустанное движенье по всей ярманкѣ: разряженныя толпы снуютъ около Главнаго Дома, по бульвару, по рядамъ. Биржа полнехонька, даже ступени ея желѣзнаго зданія усѣяны тѣсной, сплошной толпой народа; въ трактирахъ вереницы ловкихъ половыхъ едва успѣваютъ разносить кушанья, — праздникъ большой, да къ тому-жъ и розговѣнье. Минулъ часъ обѣда и загремѣла музыка, по трактирамъ запѣли хоры московскихъ пѣсенниковъ родныя пѣсни; бѣшено заголосили и завизжали цыгане, на разные лады повели заморскія пѣсни шведки, тирольки и разодѣтыя въ пухъ и прахъ арфистки, щедро разсыпая заманчивыя улыбки каждому «гостю», особенно восточнымъ человѣкамъ. Вокругъ самокатовъ чуть не съ самой обѣдни раздаются роговая музыка, хриплые голоса подгулявшихъ спозаранокъ пѣвуновъ, нестройные звуки дешевыхъ оркестровъ; пищатъ шарманки, дерутъ уши пронзительные звуки волынокъ, шумъ, крикъ, музыка, пѣсни, но веселья, задушевнаго веселья не видится. Такъ чествуютъ у Макарья день Госпожинъ, а вечеромъ кончаютъ его театрами, ристаньями въ циркахъ, пьянымъ разгуломъ и дикимъ безобразіемъ въ увеселительныхъ заведеньяхъ особаго рода.

У степенныхъ людей стараго закала Успеньевъ день иными собраньями отличается. Въ кипучемъ водоворотѣ ярманочной жизни тѣ собранья незамѣтны тому, кто мало знакомъ съ мѣстными обычаями.

Когда торговали на Желтыхъ Пескахъ у стараго Макарья, ярманка кончалась раньше; въ первыхъ числахъ августа купцы ужъ по домамъ разъѣзжались, концомъ торга считался праздникъ перваго Спаса *). Въ тотъ день, послѣ обычнаго крестнаго хода на воду, купцы по лавкамъ служили благодарные молебны за окончаніе дѣлъ и раздавали при этомъ щедрую милостыню. Верстъ изъ-за полутораста и больше пѣшкомъ сходилась къ тому дню нищая братія, водой изъ-за трехъ и четырехъ сотъ верстъ приплывала она. Цѣлыми лодками, цѣлыми дощаниками приплывала. И тѣмъ лодкамъ и дощаникамъ было имя: «Христовы кораблики».

Плывутъ, бывало, нищіе по Волгѣ, плывутъ, громогласно распѣвая про Алексѣя Божія человѣка, про страшный судъ и

*) Августа 1-го. Въ 1816 году 16 августа Макарьевская ярманка сгорѣла до тла (послѣ чего и переведена въ Нижній); тогда на ней не было уже ни единаго человѣка и ни единаго тюка съ товарами.

про то, какъ «жили да были два братца родные, два братца два Лазаря; одна матушка ихъ породила, да не одно счастье Господь имъ послалъ». Далеко по широкому раздолью разносятся, бывало, заунывные голоса, доносятся они и до прибрежныхъ селъ и деревень. И отъ каждаго села, отъ каждой деревни выплываютъ ко «Христову кораблику» лодочки съ христолюбцами, и подаютъ тѣ христолюбцы «Христовымъ корабельщикамъ» доброхотное даяніе — хлѣба караван, боченки квасу, печеныя яйца, малину, смородину, не то новины отрѣзокъ, либо восковую свѣчу къ иконѣ преподобнаго Макарія. Деньгами подавали рѣдко, но иной разъ какой-нибудь богатей раскошелится и пошлетъ на Христовъ корабль ставешокъ *) мѣдныхъ грошей да копеекъ, молили бы Бога о спасеньи души его. Хвораетъ ли кто у него, труситъ ли онъ затѣяннаго не больно надежнаго дѣла—непремѣнно пошлетъ деньги на каждый Христовъ корабликъ, когда плыветъ онъ мимо его жилища. И щедры же бывали подаянья на пути и на ярманкѣ; нищіе собирались артелями и особые дощаники нанимали на двѣ путины, туда и обратно, должно-быть, выгодно бывало имъ. Теперь и въ заводяхъ этого нѣтъ, не плаваютъ больше по Волгѣ Христовы кораблики, не видать на ея широкомъ раздольѣ Христовыхъ корабельщиковъ—только искрами, дымомъ и паромъ дышащіе пароходы летаютъ по ней. По лону могучей рѣки, вмѣсто унылыхъ напѣвовъ про Лазаря, вмѣсто удалыхъ пѣсенъ про батьку атамана Стеньку Разина, вмѣсто бурлацкаго стона про дубинушку, слышится теперь лишь одинъ несмолкаемый шумъ воды подъ колесами да рѣзкіе свистки пароходовъ.

Стародавній, дѣдами, прадѣдами уставленный обычай раздавать милостыню подъ конецъ ярманки — и на новомъ мѣстѣ ея сохранился. Но въ Нижнемъ ярманка чуть не съ каждымъ годомъ запаздываетъ, оттого запоздала и раздача. Не по старинѣ теперь творятъ дѣло Божіе, подаютъ не на первый Спасъ, а на день Госпожинъ. Дающихъ рука не оскудѣла, но просящихъ стало меньше, чѣмъ у стараго Макарья. Не плетутся теперь на ярманку по пыльнымъ дорогамъ пѣвучія артели слѣпцовъ и каликъ перехожихъ, не плывутъ по Волгѣ Христовы корабельщики, не сидятъ на мостахъ съ деревянными чашками въ рукахъ слѣпые и увѣчные, не поютъ они про Асафа царевича, — зато голосистыхъ нѣмокъ что, цыганокъ, шарманщиковъ!

Таясь отъ взоровъ полиціи, успенская раздача подаяній

*) Деревянная точеная чашка.

еще не вывелась. Лишь осторожнѣе стали и просящіе и дающіе, но въ урочный часъ Божье дѣло по укромнымъ мѣстамъ безъ помѣхи творится.

Не расхаживаютъ, какъ бывало на Желтыхъ Пескахъ, по торговымъ рядамъ вереницы нищей братіи и толпы сборщиковъ на церковное строенье, но отъ того не оскудѣла рука сердобольныхъ гостей макарьевскихъ... Небольшими кучками въ день Госпожинъ собираются нищіе по лугамъ и по выгонамъ и молча стоятъ съ головами непокрытыми. Съ книжками въ рукахъ сходятся туда же и сборщики на церковное строеніе. Крестясь и поминая родителей, доброхотные датели въ строгомъ молчаньи творятъ Христову заповѣдь: такъ же крестясь и такъ же безмолвно принимаютъ ихъ подаянія голодные и холодные, неимущіе и увѣчные, и тѣ сборщики, что̀ Божьему дѣлу отдали трудъ свой и все свое время.

И раскольничьи сборщики на день Госпожинъ къ Макарью собираются. Сибирь—золотое дно, Уралъ—покрышка серебряная, тихій Донъ Ивановичъ, станицы кубанскія, слободы стародубскія, дальнее Поморье, ближній Кѐрженецъ и славное кладбище Рогожское высылаютъ сюда къ Успеньеву дню сборщицъ и сборщиковъ. И тѣ люди не нищіе, не убогіе; привитаютъ они въ палатахъ богатыхъ купцовъ либо въ укромныхъ покойчикахъ постоялыхъ дворовъ, что̀ содержатся ихъ одновѣрцами. Не грошами, не гривнами, а крупными суммами подаютъ имъ христолюбцы милостыню; а въ день Госпожинъ сборщики и сборщицы все-таки блюдутъ стародавній обычай: съ книжками за пазухой чуть свѣтъ сходятся они на урочныхъ мѣстахъ и ждутъ прихода благодѣтелей. И не коснятъ благодѣтели исполнить извѣчный, предками уставленный обрядъ милосердія. Затѣмъ въ палаткахъ богатыхъ ревнителей древляго благочестія и въ лавкахъ, гдѣ ведется торговля иконами, старыми книгами и лѣстовками, сходятся собравшіеся съ разныхъ концовъ Россіи старообрядцы, передаютъ другъ другу свои новости, личныя невзгоды, общія опасенья, и подъ конецъ вступаютъ въ нескончаемые, ни къ чему однако никогда не ведущіе споры о догматахъ вѣры, въ родѣ того: съ какой лѣстовкой надо стоять на молитвѣ — съ кожаной али съ холщевой. Такъ у Макарья проводятъ раскольники день Госпожинъ.

Въ обширной изъ нѣсколькихъ комнатъ палаткѣ, надъ собственной лавкой въ Лубянкахъ *), помѣщался московскій бо-

*) Лубянками зовутъ каменные корпуса лавокъ, преимущественно съ краснымъ товаромъ, построенные между Обводнымъ каналомъ и шоссе. Зовутъ ихъ также Ивановскими (по фабричному селу Иванову).

гачъ Сырохватовъ. Ревнитель австрійскихъ поповъ и ихъ архіереевъ, любилъ онъ надо всѣмъ верховодить, вездѣ любилъ быть первымъ, поклоны и почетъ любилъ ото всѣхъ принимать. Что̀ было у него на душѣ, какихъ мыслей насчетъ вѣры Илья Авксентьичъ держался, дѣло закрытое, но всѣ знали и самъ онъ того не скрывалъ, что въ правилахъ и соблюденьи обрядовъ былъ онъ слабенекъ. «Славу міра возлюбилъ,—говорили про него строгіе поборники старообрядства:— возлагаетъ онъ надежду на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія, водится съ ними изъ-за почестей и ради того небрежетъ о храненіи отеческихъ преданій». Но всехвальная рогожская учительница мать Пульхерія на то, бывало, говаривала: — «Былъ бы въ вѣрѣ твердъ, да былъ бы всегдашнимъ нашимъ заступникомъ предъ сильными внѣшняго міра, и всѣ согрѣшенія его вольныя и невольныя яже словомъ и яже дѣломъ на свою душу беру». И дѣйствительно, Сырохватовъ при каждомъ случаѣ являлся ходатаемъ за своихъ одновѣрцевъ передъ властями, и въ самомъ дѣлѣ о прощеніи его грѣховъ усердно молились по многимъ часовнямъ и кельямъ.

Развалившись въ мягкихъ, обитыхъ малиновымъ бархатомъ креслахъ, послѣ плотнаго обѣда и доброй выпивки отдыхаетъ Илья Авксентьичъ. Возлѣ него стоитъ столикъ, а на немъ стаканъ чаю и пачка заклеенныхъ пакетовъ. Сидитъ Сырохватовъ, слушаетъ разговоры гостей, а самъ пальцами барабанитъ по пакетамъ. А самъ ни словечка.

На стульяхъ, на креслахъ, на длинномъ турецкомъ диванѣ десять скитскихъ матерей съ черными платами на головахъ да пятеро пожилыхъ степенныхъ купцовъ сидятъ. Въ смежной комнатѣ краснощекій толстый приказчикъ хозяйничаетъ за ведернымъ самоваромъ, то и дѣло отирая платкомъ потъ, обильно выступавшій на громадной его лысинѣ.

Матери были недальнія, все кѐрженскія да чернораменскія, изъ Комарова, изъ Улангера, изъ Оленева. Отъ матери Манееы да изъ Ша̀рпана не было ни одной. Пришли старицы къ щедрому благодѣтелю съ великимъ горемъ своимъ: со дня на день ожидаютъ онѣ за Волгу петербургскаго генерала; значитъ, скоро будетъ скитамъ конецъ положенъ, скоро настанетъ паденіе славнаго Кѐрженца, скоро настанетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Молча слушаетъ Илья Авксентьичъ жалобы и плачъ черноризицъ на бѣдность и нужды, что̀ ихъ впереди ожидаютъ, но равнодушно глядитъ на слезные токи, что̀ обильно текутъ по блѣднымъ ланитамъ скорбныхъ матерей. Молчитъ, а самъ по пакетикамъ пальцами постукиваетъ.

— Хоть бы нашъ скитъ къ примѣру взять,—плачется величавая, смуглая, сухощавая мать Маргарита оленевская, игуменья знаменитой обители Анфисы Колычевой. — У насъ въ Оленевѣ большихъ и малыхъ обителей восьмнадцать да сорокъ сиротскихъ домовъ. Старицъ да бѣлицъ будетъ за тысячу, это однѣхъ «лицевыхъ», которыя, значитъ, по паспортамъ проживаютъ; потаенныхъ еще сотни двѣ наберется! Жили мы, благодаря первѣе Бога, а по Немъ христолюбивыхъ благодѣтелей, тихо и безмятежно; всѣмъ удоволены, заботъ мірскихъ не знавали, одна у всѣхъ была забота—Бога молить за своихъ благодѣтелей и о всемірной тишинѣ. А теперь съ котомками по чужимъ сторонамъ намъ брести доводится, Христовымъ именемъ подъ оконьемъ питаться! Въ Комаровѣ такое-жъ число наберется; въ Улангерѣ положить хоть наполовину, а по всѣмъ скитамъ съ сиротами нашей сестры тысячи за три наберется. Какъ намъ будетъ жить на чужой сторонѣ съ чужими людьми незнакомыми? Особливо старушкамъ въ преклонныхъ годахъ. Великое горе, несчастная доля всѣмъ намъ предстоитъ! А какъ того горя избыть, сами не знаемъ. Одно упованіе на Царицу Небесную да на нашихъ благодѣтелей, что не забываютъ нища, стара и убога. А ежель и они забвенью насъ предадутъ, погибнемъ аки червь.

— Да вѣдь слышно, матушка, что васъ по своимъ мѣстамъ разошлютъ, на родину, значитъ. Какіе ни на есть сродники вѣдь тоже у каждой найдутся, они не оставятъ родныхъ, — сказалъ высокій, сѣдой, сановитый ивановскій фабрикантъ Старожиловъ.

— Ахъ, Артемій Захарычъ, Артемій Захарычъ! Какая родина, какіе сродники! — возразила ему мать Маргарита. — У насъ по всему Кѣрженцу изстари такое заведенье бывало, чтобы дальнимъ уроженкамъ въ ближніе къ нимъ города и волости приписываться, поближе бы паспорта было выправлять. И зачастую бываетъ, что въ томъ городѣ али волости не токма сродниковъ, и знакомыхъ-то нѣтъ никого. А которы хоть и остались приписаны къ родинѣ, кого онѣ тамъ найдутъ? Вѣдь каждая почесть сызмальства живетъ въ обители, иная, можетъ-быть, лѣтъ пятьдесятъ на родинѣ-то и не бывала, сродники-то у ней примерли, а которые вновь народились, тѣ все одно что чужіе.

— Пожалуй, что и такъ,— подумавъ маленько, согласился Старожиловъ и смолкъ.

— Иванычъ! — кликнулъ хозяинъ.

Вошелъ тучный, лысый приказчикъ, что за самоваромъ сидѣлъ. Илья Авксентьичъ подманилъ его пальцемъ; приказчикъ поклонился, и хозяинъ пошепталъ ему что-то на ухо.

— Слушаю-съ, — тихо молвилъ приказчикъ, взялъ со стола пакеты и унесъ ихъ.

— А опять теперь насчетъ строенія, — скорбно заговорила мать Юдиѳа уле̂нгерская. — Сломаютъ, и все пропадетъ ни за денежку. Кому лѣсъ продавать и другое прочее, что̀ отъ часовенъ да келій останется? Мужикамъ не надо, у нихъ у каждаго свой хорошій домъ. Такъ задаромъ и погніетъ все добро наше, такъ и разорятся вѣками насиженныя наши гнѣздышки. И помыслить-то тяжко!.. Вспадетъ на умъ, такъ сердце кровью и обольется... А съ нами что̀ станется, какъ придетъ часъ разоренья? Хоть бы прибралъ заранѣ Христосъ Царь Небесный, не видать бы намъ бѣды неизбывной.

Подъ это слово приказчикъ вошелъ и подалъ Ильѣ Авксентьичу пакеты. Тотъ положилъ ихъ на столикъ и попрежнему, слова не молвя, сталъ по нимъ барабанить.

— На свозъ бы кому продали, — въ отвѣтъ Юдиѳи, тихо, чуть слышно промолвилъ приземистый сѣденькій, рябоватый, съ болѣзненно слезящимися глазками, московскій купецъ Порохонинъ.

Былъ человѣкъ онъ богатый, на Кяхтѣ торговлю съ китайцами велъ, не одна тысяча цибиковъ у него на Сибирской *) съ чаемъ стояла, а въ Панскомъ гуртовомъ — горы плисовъ, масло̀выхъ да мезерицкихъ суконъ ради мѣны съ Китаемъ лежали.

— Продать-то кому, милосердый благодѣтель Никифоръ Васильичъ? Покупщиковъ-то гдѣ взять? — молвила ему мать Юдиѳа. — Окольнымъ мужикамъ, говорю вамъ, не надо, да и денегъ у нихъ такихъ нѣтъ, чтобы все искупить. А далеко везти — кто повезетъ? Вотъ здѣсь въ городу и много стройки идетъ, да кто повезетъ сюда за сотню безъ малаго верстъ? Провозъ-отъ дороже лѣса станетъ. Нѣтъ ужъ, гноить надо будетъ, дѣвать больше некуда. Хорошо еще тѣмъ скитамъ, что̀ по близости нашего городка стоятъ, тамъ еще можно, пожалуй, сбыть, хоть тоже съ большими убытками.

— Да, слезовое ваше дѣло, — горько вздыхая, съ участьемъ промолвилъ Никифоръ Васильичъ.

— Поистинѣ слезовое, — согласился и Старожиловъ.

Стали высказывать матерямъ свое участье и другіе гости: здоровенный, ростомъ въ косую сажень, непомѣрной силищи, Яковъ Панкратьичъ Столѣтовъ, тулякъ, пріѣхавшій съ самоварами, подсвѣчниками, паникадилами и другимъ скобянымъ

---

*) Сибирская пристань на Волгѣ возлѣ Макарьевской ярманки, тамъ громадные склады кяхтинскихъ чаевъ.

товаромъ; приземистый, худенькій, сѣдой старичокъ изъ Коломны Петръ Андреяныч Сушилинъ — восемь баржъ съ хлѣбомъ у него на Софроновской *) было, и толстый казанскій купчина съ длинной, широкой во всю богатырскую грудь сѣдой бородой, оптовый торговецъ сафьяномъ Дмитрій Иванычъ Насѣкинъ. Ласковыми рѣчами стараются они хоть сколько-нибудь облегчить горе злополучныхъ старицъ; одинъ хозяинъ ни слова.

— Жили мы жили, не знали ни бѣдъ ни напастей, — на каждомъ словѣ судорожно всхлипывая, стала говорить мать Таисѣя комаровская, игуменья обители Бояркиныхъ. — Тихо мы жизнь провождали въ трудахъ и молитвахъ, зла никому не творили, а во дни озлобленій на Господа печаль возверзали, молясь за обидящихъ и творящихъ напасти. А нынѣ Богу попущающу, врагу же дѣйствующу, презѣльная буря воздвигается на безмятежное наше жительство. Гдѣ голову приклонимъ, какъ жизненный путь свой докончимъ?.. Въ горѣ, въ бѣдахъ, въ горькихъ великихъ напастяхъ!..

И, зарыдавъ, закрыла руками лицо. Другія матери тоже заплакали. Купцы утѣшаютъ ихъ, но Сырохватовъ, какъ и прежде, ни слова, молчитъ себѣ да пальцами постукиваетъ по пакетамъ.

— Иванычъ! — крикнулъ онъ.

Опять вошелъ толстый приказчикъ, опять что-то шепнулъ ему хозяинъ, и опять тотъ, взявши пакеты, изъ комнаты вонъ вышелъ.

Мать Таисѣя межъ тѣмъ жалобы свои продолжала:

— Красота-то гдѣ будетъ церковная? Вѣдь безъ малаго двѣсти годовъ сіяла она въ нашихъ часовняхъ, двѣсти годовъ творились въ нихъ молитвы по древнему чину за всѣхъ христіанъ православныхъ... И того лишиться должны!.. Распудится наше словесное стадо, смолкнетъ пѣніе за вся человѣки и къ тому не обновится... Древнее молчаніе настанетъ... Въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ за имя Христово придется намъ укрываться...

Вошелъ приказчикъ и, положивъ на столикъ пакеты, тотчасъ удалился. Ни слова ни взгляда хозяинъ ему. Стучитъ попрежнему пальцами по новымъ пакетамъ.

Долго еще Таисѣя жалобилась съ плачемъ на скитскія напасти. Всталъ наконецъ съ мѣста Илья Авксентьичъ и, взявши пакеты, сказалъ матерямъ:

---

*) Софроновская пристань на городской сторонѣ, на самомъ устьѣ Оки, противъ ярманки. Тамъ становятся караваны съ зерновымъ хлѣбомъ.

— Вамъ, матери, надо теперь, поди, у другихъ христіанъ побывать, да и мнѣ недосужно. Вотъ вамъ покамѣстъ, — и, набожно перекрестясь, подалъ каждой старицѣ по пакету. — Передъ окончаньемъ ярманки приходите прощаться, я отъѣзжаю двадцать седьмого, побывайте наканунѣ отъѣзда, тогда мнѣ свободнѣе будетъ.

Въ ноги поклонились матери благодѣтелю, а потомъ сотворили началъ на отходъ свой.

— Къ намъ, честныя матери, милости просимъ, — молвилъ Петръ Андреичъ Сушилинъ. — На хлѣбный караванъ на Софроновской пристани пожалуйте. Въ третьей баржѣ отъ нижняго края проживанье имѣемъ. Всякій дорогу укажетъ, спросите только Сушилина. Не оставьте своимъ посѣщеньемъ, сдѣлайте милость.

— Благодаримъ покорно за ваше неоставленье, — отвѣчала за всѣхъ Маргарита оленевская, и всѣ старицы поклонились Сушилину великимъ обычаемъ.

— И меня не забудьте, — промолвилъ Старожиловъ. — Мы отсель недалече, всего черезъ лавку.

— Не преминемъ, благодѣтель Артемій Захарычъ, безотмѣнно побываемъ, — сказала мать Маргарита.

И передъ Старожиловымъ сотворили матери уставное метаніе.

— Насъ-то, матушки, не обойдите, насъ не оставьте своимъ посѣщеньемъ,—молвилъ старикъ Порохонинъ. — Въ Панскомъ гуртовомъ по второй линіи. Знаете?

— Какъ не знать, Никифоръ Васильичъ, — сказала Маргарита. — Старинные благодѣтели, никогда не оставляли насъ убогихъ великими своими милостями. Благодаримъ васъ покорно.

И ему сотворили метаніе.

— И къ намъ въ лавку милости просимъ, — пробасилъ купецъ-исполинъ Яковъ Панкратьичъ Столѣтовъ. — Возлѣ флаговъ, на самомъ шоссе въ Скобяномъ ряду. Не оставьте!..

И его благодаритъ мать Маргарита оленевская, и ему всѣ матери творятъ метанія. Съ тѣмъ и вышли онѣ вонъ изъ палатки.

За матерями одинъ по другому пошли и купцы; остался одинъ тулякъ-богатырь Яковъ Панкратьичъ Столѣтовъ.

Сойдя съ лѣстницы, встрѣтилъ Сушилинъ сырохватовскаго приказчика.

— Зачѣмъ это ты, Петръ Иванычъ, пакетцы-то мѣнялъ?— спросилъ онъ у него, поглаживая свою жиденькую сѣденькую бородку.

— Надо полагать, очинно ужъ разжалобили хозяина-то.

Спервоначалу велѣлъ въ каждый пакетъ по радужной положить, потомъ по двѣсти велѣлъ, а подъ конецъ разговора по триста.

— Ишь ты! — молвилъ хлѣбный торговецъ. — По триста!.. Вонъ оно какъ!

И, задумавшись, пошелъ вонъ изъ лавки.

— А что, Яша? Дернемъ? — спросилъ Илья Авксентьичъ у Столѣтова, когда они остались одинъ-на-одинъ.

— Пожалуй! — равнодушно пробасилъ Столѣтовъ.

— Къ Бубнову, что ли? Къ цыганкамъ?

— Ладно.

— А съ полночи закатимся?

— Пожалуй.

— Къ Кузнецову аль къ Затыкевичу?

— Куда повезешь, туда и поѣду.

— Да тебѣ, можетъ, не охота?

— Эка выдумалъ! Одѣвайся-ка лучше, чѣмъ пустяки городить.

И закатились пріятели до свѣту.

Глава двѣнадцатая.

На другой день Великой Пречистой третьему Спасу празднуютъ. Праздникъ тоже честной, хоть и поменьше Успеньева дня. По мѣстамъ тотъ праздникъ кануномъ осени зовутъ; на него, говорятъ, ласточкамъ третій, послѣдній отлетъ на зимовку за теплое море; на тотъ день, говорятъ, врачъ Демидъ *) на деревьяхъ листву желтитъ. Сборщикамъ и сборщицамъ третій Спасъ кстати; знаютъ издавна они, что по праздникамъ благодѣтели бываютъ добрѣй, подаютъ щедрѣе.

Мать Таисѣя, обойдя приглашавшихъ ее наканунѣ купцовъ, у послѣдняго была у Столѣтова. Выходя отъ него, повстрѣчалась съ Таифой — казначеей Манеѳиной обители. Обрадовались другъ дружкѣ, стали въ сторонкѣ отъ шумной ѣзды и начали одна другую разспрашивать, какъ идутъ дѣла. Таисѣя спросила Таифу, куда она пробирается. Та отвѣчала, что идетъ на Гребновскую пристань къ Марку Данилычу Смолокурову.

Съ того года, какъ Марко Данилычъ отдалъ Дуню въ Манеѳину обитель на воспитанье, Таифа бывала у него каждую ярманку, въ караванѣ. Думала и теперь, что онъ попрежнему тамъ на одной изъ баржей проживаетъ.

---

*) Августа 16-го празднуютъ св. врачу Діомиду.

— Пойдемъ вмѣстѣ, — молвила ей Таисѣя. — И я собиралась поклониться Марку Данилычу, да не знаю, гдѣ отыскать его.

— Пожалуй, пойдемъ, — согласилась Таифа, и старицы побрели по сыпучимъ, наметаннымъ у берега Оки пескамъ къ Гребновской пристани.

Тамъ нескоро добились, въ коемъ мѣстѣ стоитъ караванъ смолокуровскій. По берегу кучками сидѣли рабочіе съ рыбныхъ баржей разныхъ хозяевъ, хлебая изъ уемистыхъ ставцовъ квасъ съ лукомъ, огурцами и съ краденой рыбною сушью. На спросъ старицъ ни слова они не сказали: некогда, молъ.— рты на работѣ; одинъ только паренекъ другихъ помоложе, жуя изъ всей силы, ложкой имъ указалъ на Оку. Спросили старицы у торговокъ, что̀ сидѣли въ шалашикахъ за прилавками, уставленными вареными рубцами, гороховымъ киселемъ, студенью и жареной картошкой. Торговки сказали, что не знаютъ, какой-такой Смолокуровъ и на свѣтѣ-то есть. У ломовыхъ *), что̀ съ длиннымъ рядомъ роспусковъ стояли вдоль берега, спросили инокини; тѣ только головой потряхиваютъ — не знаемъ, дескать, такого. Совсѣмъ выбились изъ силъ, ходя по сыпучему песку; наконецъ какой-то добрый человѣкъ показалъ имъ на баржи, что̀ стояли далеко отъ берега, чуть не на самомъ стержнѣ рѣки.

Притомились матери, пріустали, чуть не битый часъ бродючи по глубокому песку, раскаленному солнопекомъ. Рады были онѣ радехоньки, когда, порядивъ паренька свезти ихъ на задній караванъ, усѣлись въ его ботничокъ, залитый наполовину водою. Подплывъ къ крайней баржѣ смолокуровскаго каравана, видятъ матери, у борта стоитъ и уплетаетъ одинъ за другимъ толстые арбузные ломти долговязый, незнакомый имъ человѣкъ. Въ пропитанномъ жиромъ нанковомъ длиннополомъ сюртукѣ, съ сережкой въ ухѣ, съ грязнымъ бумажнымъ платкомъ на шеѣ, стало-быть, не ихняго поля ягодка, не ихняго согласу, по всѣмъ примѣтамъ, никоніанецъ. Ревнитель древняго благочестія плата на шею не намотаетъ и серьги въ ухо не вдѣнетъ...

Обратилась къ нему Таифа съ вопросомъ:

— Господинъ честной, это Марка Данилыча караванъ? Смолокурова?

А господинъ честной ровно ничего не видитъ и ничего не слышитъ, уплетаетъ себѣ арбузъ да зернышки въ воду выплевываетъ.

*) Извозчиковъ.

— Это, молъ, смолокуровскія баржи, али гдѣ въ иномъ мѣстѣ стоятъ?—немножко погодя опять спросила его Таифа.

Головой лишь кивнулъ и, только когда покончилъ съ арбузомъ, грубо отвѣтилъ:

— Здѣсь смолокуровскій караванъ.

— Марка бы Данилыча намъ повидать.

— А на што вамъ его? — облокотясь о бортъ руками и свѣсивъ голову, спросилъ долговязый. — Ежели по какому дѣлу, такъ нашу честь прежде спросите. Мы, значитъ, здѣсь главнымъ, потому что весь караванъ на отчетѣ у Василья Ѳаддеича, у насъ, это значитъ.

— Намъ бы самого хозяина. До него самого есть дѣльце,— отвѣчала на то мать Таифа.

— Этого никакъ невозможно, — сказалъ, ломаясь, Василій Ѳаддеевъ. — Самого хозяина вамъ въ караванѣ видѣть ни въ какомъ разѣ нельзя. А ежели у васъ какая есть къ нему просимость, такъ просимъ милости ко мнѣ въ казенку: мы всякое дѣло можемъ въ наилучшемъ видѣ обдѣлать, потому что мы самый главный приказчикъ, и весь караванъ на нашемъ отчетѣ.

— Да нѣтъ, намъ бы самого Марка Данилыча, — настаивала Таифа. — Наше дѣло не торговое.

— А какое-жъ ваше дѣло? — вытянувъ шею, съ любопытствомъ спросилъ Василій Ѳаддеевъ. — Объясните мнѣ вашу просимость, а я совѣтъ могу подать, какъ вамъ подойти къ Марку Данилычу. Вѣдь съ нимъ говорить-то надо умѣючи.

— Да мы не впервые, давно его знаемъ, умѣемъ, какъ говорить, — молвила Таифа.

— Да вы изъ какѣехъ мѣстъ будете? — спросилъ Василій Ѳаддеевъ.

— Изъ-за Волги, родной, изъ Комарова, — отвѣтила Таисѣя.

— Та-а-акъ-съ, — протянулъ Василій Ѳаддеевъ. — Изъ-за Волги, изъ Комарова... Не слыхивалъ про такой... Это городъ, что ли, какой, Комаровъ-отъ?

— Монастырь старообрядскій, — объяснила Таифа.

— Та-а-акъ? По-нашему, значитъ, раскольничій скитъ? Что-жъ вы тамъ попите, что ли? Вѣдь у васъ, слышь, тамъ дѣвки да бабы за поповъ служатъ? — глумился надъ матерями Василій Ѳаддеевъ.

Онѣ промолчали, смолкъ и Ѳаддеевъ. Немножко погодя зѣвнулъ онъ во весь ротъ, громогласно прокашлялся и молча сталъ приглядываться къ чему-то на берегу.

— Такъ какъ же бы намъ, Василій Ѳаддеичъ, Марка-то Данилыча повидать? — заискивающимъ голосомъ спросила

Таифа. — Сдѣлайте милость, скажите, дома онъ или отъѣхалъ куда съ каравана?

— Этого знать я не могу, — нехотя отвѣтилъ приказчикъ и снова зѣвнулъ.

— Да на которой баржѣ онъ проживаетъ? — приставала Таифа.

Промычалъ что-то подъ-носъ себѣ Василій Ѳаддеевъ. Матери не разслышали.

— Чтὸ изволили сказать? — переспросила Таифа.

Злобно откинулся отъ борта Василій Ѳаддеевъ и злобно крикнулъ на нихъ:

— Убирайтесь, покамѣстъ цѣлы!.. Убирайтесь, говорю вамъ, не то велю шестами по вашему ботничишку... Искупаетесь тогда у меня!

— Да чтὸ это ты, батька, сердитый какой? — возвысила голосъ Таифа. — Не къ тебѣ пріѣхали, а къ хозяину, тебя честью просимъ.

— Сказано, убирайтесь!.. — во всю мочь закричалъ Ѳаддеевъ. — И говорить не хочу съ вами, чортовы угодницы!

И плюнулъ въ ботникъ, а затѣмъ быстро прошелъ въ свою казенку.

— Поѣзжай, паренекъ, вдоль каравана, авось добьемся толку, — молвила Таифа, и ботникъ поплылъ внизъ по рѣкѣ.

На крайней баржѣ у самой кормы сидѣлъ на рогожкѣ плечистый рабочій. Лапоть онъ плелъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный подростокъ Софронка, держа истрепанный клочокъ какой-то книжки. Съ трудомъ разбирая слова, читалъ онъ вслухъ про святыя мѣста да про Аѳонскую гору. Разлегшись по палубѣ, широко раскинувши ноги и подпирая ладонями бороды, съ десятокъ бурлаковъ жарили спины на солнопекѣ и прислушивались къ чтенію Софронки.

— На которой баржѣ Марко Данилычъ живетъ? — спросила Таѳа, поровнявшись съ ними.

— Ни на коей не живетъ онъ, матушка, — положивъ лапоть, добродушно отвѣтилъ дядя Архипъ. — Въ городу проживаетъ, въ гостиницѣ.

— Какъ такъ? — удивилась Таифа. — Да онъ досслѣ кажду ярманку живалъ въ караванѣ.

— Дочку привезъ, — сказалъ дядя Архипъ: — съ дочкой, слышь, прибылъ. Какъ же ей здѣсь проживать съ нашимъ братомъ бурлакомъ въ такой грязи да въ вонищѣ? Для того и нанялъ въ гостиницѣ хорошую хватеру.

Обрадовались матери. Любили онѣ добрую, нѣжную Дуню.

— А въ какой же гостиницѣ онъ присталъ? — спросила Таифа.

Не сумѣлъ дядя Архипъ путемъ о томъ разсказать, не умѣли и другіе бурлаки, чтó, теперь повскакавъ съ палубы, столпились вдоль борта разглядывать старицъ. Только и узнали матери, что живетъ Смолокуровъ на нижнемъ базарѣ, а въ какой гостиницѣ, Господь его знаетъ.

Пошли онѣ на нижній базаръ. По дорогѣ купили по душистой дынѣ да по десятку румяныхъ персиковъ на поклонъ Дунюшкѣ, опричь поясковъ, шитой шелками покрышки на столъ и другихъ скитскихъ рукодѣлій. Опытная въ обительскомъ хозяйствѣ Таифа знала, что скупой самъ по себѣ Марко Данилычъ за всякую ласку дочери не пожалѣетъ ничего. Добрались онѣ наконецъ до его квартиры.

Радушно встрѣтилъ Смолокуровъ старую знакомую мать Таифу. Узнавъ, что она ужъ съ недѣлю живетъ у Макарья, попенялъ ей, что до сей поры у него не побывала, попрекнулъ даже, что видно-де у ней на ярманкѣ и безъ него знакомыхъ много. И мать Таисею ласково принялъ.

Про Дуню спросила Таифа и про Дарью Сергѣвну.

— Обѣ здѣсь со мной, — отвѣчалъ Смолокуровъ. — Чуточку ихъ не захватили, въ гости пошли ненадолго. Съ женой да съ дочерьми пріѣхалъ сюда пріятель мой Доронинъ, Зиновей Алексѣичъ, хлѣбомъ торгуетъ.

— Довольно знаемъ и Зиновья Алексѣича, и Татьяну Андревну, и дѣвицъ ихнихъ, — отвѣчала Таифа. — Не разъ у нихъ гащивали, когда они еще на мельницѣ жили.

— Къ нимъ вотъ и пошли мои, — молвилъ Марко Данилычъ. — Дѣвицы-то подруги Дунюшкѣ, одна ровесница, другая годкомъ постарше. Вмѣстѣ-то имъ, знаете, охотнѣе. Каждый день либо моя у нихъ, либо онѣ у насъ. Молодое дѣло, нельзя.

— Извѣстно, — согласилась Таифа. — Выросла, поди, Дунюшка-то, похорошѣла? — прибавила мать казначея, умильно поглядывая на Марка Данилыча.

— Какъ, матушка, не вырасти, года такіе. Старое-то старится, молодое растетъ, — съ лаской молвилъ въ отвѣтъ Смолокуровъ. — А мы и у васъ маленько погостили на старомъ Дунюшкиномъ пепелищѣ... Васъ-то, матушка, только не захватили.

— Ужъ какъ я жалѣла, какъ жалѣла, Марко Данилычъ, что не привелъ меня Господь васъ съ Дунюшкой-то съ вашей въ обители видѣть... Дѣла вѣдь у насъ, знаете, какія...

— Знаю, матушка, все знаю, — отвѣтилъ съ участьемъ Марко Данилычъ. — Изъ Питера-то не привезли ли чего утѣшительнаго? Тамъ-то какъ смотрятъ на ваше дѣло?

— Дѣло наше, Марко Данилычъ, какъ есть совсѣмъ пропащее, — съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала Таифа, и слезы сверкнули на ся скорбныхъ глазахъ. — Выгонки не избыть никакими судьбами... Разорятъ нашъ Кѐрженецъ безпремѣнно, бревнышка не останется отъ обителей. И ровно буйнымъ вѣтромъ разнесетъ всѣхъ насъ по лицу земли. Горькая доля, Марко Данилычъ, самая горькая...

И громко зарыдала. Мать Таисея, глядя на Таифу, тоже заплакала.

— Не покинетъ Господь Своей милостью васъ, — утѣшаетъ матерей Марко Данилычъ. — Не плакать, Богу надо молиться, на Него возложить упованье.

— Кто-жъ у насъ и прибѣжище, какъ не Господь, Царь Небесный? — утирая слезы, сказала Таифа. — На Него да на заступницу нашу Пресвятую Богородицу все упованіе возлагаемъ.

— Стало, все и будетъ по-хорошему, — молвилъ Марко Данилычъ. — На Бога, матушка, положишься, такъ не обложишься. Господь-отъ вѣдь все къ лучшему строитъ, стало-быть, плакать да убиваться вамъ тутъ еще нечего. Можетъ, еще лучше будетъ вамъ.

— Куда ужъ лучше, Марко Данилычъ! О лучшемъ-то нечего и помышлять, — сказала Таифа. — Хоть бы въ вѣрѣ-то Господь сохранилъ, а то вонъ вѣдь какія напасти у насъ пошли: въ единовѣрческую многіе хотятъ...

— Полноте, матушка!.. — воскликнулъ Смолокуровъ.

— Не лгу, благодѣтель, — горячо сказала Таифа. — Есть хромыя души, что̀ паче Бога и отеческой вѣры возлюбили широкое, просторное житіе, мало помышляя о вѣчномъ спасеніи. Осиновскія матери къ единовѣрію склоняются, и въ Кѐрженскомъ скиту самъ отецъ Тарасій началъ прихрамывать.

— Не можетъ того быть, матушка, — рѣшительно сказалъ Марко Данилычъ. — Въ жизнь не повѣрю...

— И мы, благодѣтель, не давали вѣры, да вотъ на правду стало походить, — молвила Таифа.

— Съ чего-жъ это они? — спросилъ Смолокуровъ.

— Славы міра, должно-быть, восхотѣли, тѣснаго пути не желаютъ, — пространнымъ шествовать хотятъ.

— А куда пространный-то путь приведетъ ихъ? — покачавъ головой, воскликнулъ Марко Данилычъ.

— То не вѣдомо имъ, благодѣтель, — съ грустью сказала Таифа. — Люди они умные, слову Божью наученные, начетники великіе.

— Ахъ, дѣла, дѣла!.. Какія дѣла-то у васъ дѣлаются, — въ недоумѣніи качая головой, говорилъ Смолокуровъ.

— Да, батюшка, Марко Данилычъ, дожили мы до слезовыхъ дней, — отвѣчала Таифа. — Думано ли, гадано ли было?.. Какіе бы, кажется, столпы благочестія были? Адаманты! А вотъ что̀ вышло. Истину глаголетъ писаніе: «нѣсть правды подъ небесами».

И замолчали. И немалое время въ кручинной думѣ сидѣли.

— Какъ матушка Манеѳа поживаетъ? — спросилъ наконецъ Марко Данилычъ.

— Плохо, благодѣтель, оченно даже плохо! — пригорюнясь, жалобно отвѣтила мать Таифа. — У всѣхъ насъ горе, а у ней вдвое... Слышали, можетъ, про непріятности, что̀ послѣ вашего посѣщенья у насъ случились?

— Какія, матушка? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Про племяненку-то про нашу любезную, про толстуху-то нашу Прасковью Патаповну, нешто не слыхали? — спросила Таифа.

— Замужъ вышла, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Головушку съ плечъ снесла матушкѣ! — со слезами стала говорить Таифа. — Во гробъ ее уложила!.. Вотъ чѣмъ заплатила за любовь ея и за всѣ попеченія. Души въ племянницахъ матушка не чаяла, и что̀ же теперь? Одна горе перенесла — преставилась, другая всю обитель осрамила, позоръ навела и на матушку... Потерпи ей Господи за такое озлобленіе... И одно за другимъ: Марья Гавриловна безъ бытности матушки сбѣжала, потомъ родная племянница замужъ уходомъ ушла!.. Слава-то вѣдь какая пойдетъ теперь про нашу обитель! Никогда такихъ безчиній въ ней не бывало, а теперь и вдовы и дѣвицы замужъ сбѣгаютъ, да еще вѣнчаются по-никоніански... А тутъ еще горестныя-то наши обстоятельства, да еще отпаденіе отъ вѣры въ Осинкахъ и въ Керженскомъ!.. Тутъ, батюшка, Марко Данилычъ, и не съ такимъ здоровьемъ, какъ матушкино, до смертнаго часа недолго, а она вѣдь у насъ на Пасхѣ-то все едино, что̀ изъ мертвыхъ возстала... Выдался годикъ, такой годикъ, что подай только Господи крѣпости да терпѣнія!

— Патапъ-отъ Максимычъ, слышь, ничего. Не больно гнѣвался на дочку, а зятька, говорятъ, возлюбилъ, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Что̀ Патапъ Максимычъ! — съ горечью молвила Таифа. — Ему бы только самому было хорошо, о другихъ онъ и думать забылъ. Балагурить бы ему только да смѣхи разводить!.. Ежель ему женихъ по мысли приходился и дочку онъ за него

замужъ хотѣлъ выдать, ну и вѣнчалъ бы, какъ слѣдуетъ, честью. А то на-ка что устроили! Изъ обители выхватили дѣвицу... Сраму-то что теперь! Соблазну-то! Почитали-бъ вы, что Гусевы пишутъ изъ Москвы да Мартыновы, а они вѣдь наши первые по всей Москвѣ благодѣтели. Къ вамъ, пишутъ, мы по духовному дѣлу посланника послали, а вы его сосватали да женили... Иноческое ли это дѣло свахами вамъ быть? — пишутъ... Каково это сносить, благодѣтель?.. Сами посудите, Марко Данилычъ. Какъ еще переноситъ наша матушка такія непріятности?

— Да какъ же это въ самомъ дѣлѣ жениться-то его угораздило? Поглядѣлъ я тогда на него, воды, кажись, не замутитъ, — сказалъ Марко Данилычъ.

— А песъ его знаетъ, проклятика, какъ его окаяннаго угораздило! — воскликнула въ сердцахъ Таифа. — Извѣстно, что безъ вражьей силы тутъ не обошлось. Выбралъ окаянный себѣ нечистый сосудъ въ томъ проклятикѣ... Колдунья одна есть, возлѣ нашего скита проживаетъ. Не разъ она была приличена въ волхвованіи. Марья Гавриловна къ ней же по утреннимъ зорямъ тайно хаживала, а потомъ вотъ и сбѣжала... Кто знаетъ? Можетъ, и Параша съ любезнымъ своимъ къ ней же бѣгивала?.. Не иначе надо думать, что колдунья на зло нашей матушкѣ бѣсовскою силой все это дѣло оборудовала. Такое у насъ разсужденіе держатъ, и сама я такъ понимаю. Сжечь бы ее еретицу поганую и со всѣмъ бы домомъ ея. Угодное бы Господу то дѣло было. Вѣдь это хуже чумы. Хуже чумы, благодѣтель!

— Чего бы, мнѣ кажется, много-то объ этомъ заботиться матушкѣ Манеѳѣ? — послѣ недолгаго молчанья сказалъ Марко Данилычъ. — Ежели бы еще черница сбѣжала, аль канонница, ну такъ еще, пожалуй. А то вѣдь мірская дѣвица, гостья. Никакого, по-моему, тутъ и сраму-то нѣтъ ни матушкѣ ни обители.

— Какъ же нѣтъ сраму, Марко Данилычъ? — съ горячностью перебила его Таифа. — Сохранить, значитъ, дѣвицу не сумѣли, приглядѣть не могли за ней. Развѣ это не стыдъ, развѣ не срамъ? А опять же этотъ Василій Борисычъ, изсохнуть бы ему... Какую остуду у московскихъ навелъ на насъ! Теперь вѣдь по всему христіанству про насъ худая слава пронеслась. Вотъ, скажутъ, на Керженцѣ-то какія дѣла дѣлаются! Рогожскихъ пословъ въ великороссійской вѣнчаютъ!.. Какого еще больше сраму, Марко Данилычъ?.. Помилуйте! А по нашимъ-то скитамъ? Нешто нѣтъ у насъ завистницъ, особливо по тѣмъ обителямъ, гдѣ вольненько живутъ? Матушка-

то Манеѳа, сами знаете, старица строгая и надъ другими обителями держитъ верхъ. За непорядки, бывало, началитъ самихъ игуменій... А теперь?.. Чего-чего теперь онѣ ни плетутъ на насъ?.. Волосъ даже вянетъ...

— Все бы не слѣдъ матушкѣ убиваться, — сказалъ Марко Данилычъ. — Кто довольно ее знаетъ, тотъ худа объ ней не помыслитъ, а ежели непутные языки болтаютъ, плюнуть на нихъ, да и вся недолга.

— Хорошо такъ вамъ говорить, Марко Данилычъ. — съ горячностью молвила Таифа. — А изъ Москвы-то, изъ Москвы-то чтò пишутъ?.. И здѣсь, къ кому ни зайдешь, тотчасъ съ перваго же слова про эту окаянную свадьбу разспросы начинаются... И смѣются всѣ. «Какъ это вы, спрашиваютъ, рогожскаго-то посла сосватали?» Легко-ль это слушать, благодѣтель, легко ли терпѣть! Нѣтъ, Марко Данилычъ, велика наша печаль. Это... это...

И, горько заплакавъ, Таифа замолчала.

— Жаль мнѣ матушку. Оченно жалко, — помолчавъ немного, молвилъ Марко Данилычъ.

Не смѣялся онъ теперь, какъ въ то время, когда Самоквасовъ впервые разсказывалъ ему про свадьбу Василья Борисыча. Жалко ему стало Манеѳы, и Таифы жаль; онѣ вѣдь такъ пеклись о Дунюшкѣ, такъ много любятъ ее.

— А у насъ-то въ обители, Марко Данилычъ, какое дѣло сдѣлалось. — начала въ свою очередь жалобиться мать Таисѣя. — Помните, какъ на Петровъ-отъ день гостили вы у насъ въ Комаровѣ, Самоквасовъ Петръ Степанычъ да панковскій приказчикъ Семенъ Петровичъ были у насъ?

— Помню, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Въ обители у насъ приставали, — продолжала Таисѣя.

— Помню.

— Послѣ вашего отъѣзда еще съ недѣлю прогостили. И вдругъ Петръ Степанычъ ни съ того ни съ сего срядился вдругъ и уѣхалъ.

— Здѣсь онъ теперь, — замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Вотъ видите, — сказала Таисѣя. — И Семенъ Петровичъ тоже уѣхалъ, оба даже не простившись. Очень было это тогда намъ обидно, кажется, ничего худого отъ насъ не видали, рады мы были имъ всей душой, и вдругъ не простившись... Хорошо ли это съ ихъ стороны?

— Нехорошо, — сказалъ Смолокуровъ. — Люди молодые, вѣтеръ въ головѣ...

— Да какъ же это не простясь-то? Помилуйте, какъ же это возможно? Нешто такъ дѣлается?

— Не дѣлается, матушка, не дѣлается, — отвѣтилъ Марко Данилычъ и вдругъ, чтобы какъ-нибудь отвязаться отъ разсказовъ Таисѣи, сказалъ: — Что-жъ это я? Хорошъ хозяинъ! Столько времени толкуемъ, а нѣтъ чтобы чайкомъ попотчевать дорогихъ гостей... Вотъ что̀ значитъ безъ хозяекъ-то.

— Напрасно безпокоитесь, Марко Данилычъ, сейчасъ отъ чаю, — отирая глаза, молвила Таифа.

— Сбери-ка намъ, любезный человѣкъ, поскорѣе самоварчикъ, — приказалъ Смолокуровъ влетѣвшему на звонокъ коридорному.

— Сею секундой-съ, — быстро отвѣтилъ тотъ и вихремъ полетѣлъ назадъ.

— Право, напрасно безпокоитесь, благодѣтель, — говорили старицы, но за чаемъ замолкли.

Когда Марко Данилычъ распивалъ лянсинъ съ матерями, бойко вошелъ развеселый Петръ Степанычъ. Здороваясь съ хозяиномъ, взглянулъ на старицъ...— «Батюшки свѣты! Мать Таисѣя! Вотъ встрѣча-то! И Таифа тутъ же. Ну,—думаетъ себѣ Петръ Степанычъ:—какъ онѣ про свадьбу-то разнюхали да про все Марку Данилычу разсказали!.. Пропадай тогда моя головушка долой!» И веселый видъ его смутился.— «Не прогналъ бы, не запретилъ бы дочери знаться со мной»,—думалъ онъ про себя.

Однако, притворяясь спокойнымъ, съ улыбкой обратился онъ къ Таисѣѣ:

— Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ съ вами встрѣтиться, матушка. Какъ ваше спасеніе *)? Всѣ ли у васъ здоровы?

— Слава Богу, поколь Господь грѣхамъ терпитъ,—молвила Таисѣя и тотчасъ же попрекнула Петра Степаныча. — А вы тогда на недѣлю отъ насъ поѣхали, да такъ и не бывали.

— Дѣла такія подошли, матушка. — озабоченно отвѣчалъ Самоквасовъ. — Въ Москвѣ былъ, въ Питерѣ ѣздилъ, теперь вотъ здѣсь третью недѣлю живу. Нонѣшнимъ годомъ не знаю, вдругорядь-то и попаду ли я къ вамъ.

— А въ будущемъ-то не къ кому, пожалуй, будетъ и пріѣхать,— грустно промолвила мать Таисѣя.

— Какъ не къ кому? Опять къ вамъ же. Авось не прогоните? — сказалъ Самоквасовъ.

— Самихъ-то насъ къ тому времени разгонятъ на всѣ четыре стороны, — тихо промолвила мать Таисѣя. — Пріѣдешь въ Комаровъ, анъ нѣтъ Комарова. Пожалѣешь, чать, тогда?

---

*) Иноковъ и инокинь не спрашиваютъ о здоровьѣ, а всегда о спасеніи.

— Э, матушка, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ,— сказалъ Самоквасовъ.— Поживете еще, а мы у васъ погостимъ, какъ прежде бывало.

— Хорошо бы такъ, сударикъ мой, только этому не бывать... Послѣдніе дни доживаемъ.

— Полно вамъ, матушка, вѣрнаго-то покамѣстъ еще никто не знаетъ,— говорилъ Самоквасовъ.

— Какъ же нѣтъ вѣрнаго?—возразила мать Таисѣя.—Генералъ ѣдетъ изъ Питера, строгій-престрогій. Какъ только наѣдетъ, тотчасъ намъ и выгонка.

— Пріѣдетъ, уѣдетъ, за нимъ другой пріѣдетъ да уѣдетъ, а тамъ и третій и четвертый. Бывали вѣдь и прежде не разъ такія дѣла.

— Нѣтъ, Петръ Степанычъ, понапрасну не утѣшай. Дѣло наше кончено, и нѣтъ ему возвороту,— сказала мать Таисѣя и смолкла.

Пока Самоквасовъ разговаривалъ съ Таисѣей, Марко Данилычъ велъ съ Таифой рѣчи про Дунюшку. Разговорясь про наряды, что̀ накупилъ ей на ярманкѣ, похвалился дорогой шубой на чернобурыхъ лисицахъ. Таифѣ захотѣлось взглянуть на шубу, и Смолокуровъ повелъ ее въ другую комнату, оставивъ Таисѣю съ Петромъ Степанычемъ продолжать надоѣвшія ему хныканья о скитскомъ разореньи.

— Ну, какъ поживали безъ меня, матушка?— обратился Самоквасовъ къ Таисѣѣ.

— Охъ, житье наше!—со вздохомъ отвѣчала она.—Такія дѣла были, что просто бѣда. На Казанскую, только-что съѣхалъ ты со двора, и Семенъ-отъ Петровичъ пропалъ.

— Да вѣдь онъ со мной поѣхалъ,—подхватилъ Самоквасовъ, зорко глядя на мать Таисѣю.

— Съ тобой?.. А вѣдь мы думали... Да какъ же это съ тобой? Ты вѣдь одинъ на три, что ли, дня поѣхалъ. И не простился даже путемъ, сама до воротъ тебя провожала... Я вѣдь помню хорошо,—говорила мать Таисѣя.

— Къ Жжениным заходилъ Сеня прощаться, а я заторопился,—нисколько не смущаясь, сказалъ Самоквасовъ.—Отъ васъ повернулъ-было я къ Жжениной обители, а Сеня навстрѣчу, я его въ тележку да и айда-пошелъ! Мы такъ завсегда... На живую руку!

— Вотъ оно что̀!—сказала Таисѣя.—Такъ это ты его умчалъ. А я-таки на него погнѣвалась, посерчала. Думаю, какъ же это такъ? Гостилъ-гостилъ, рады ему были ото всей души, всячески старались угодить, а онъ хоть бы плюнулъ.

— Моя вина, матушка, простите ради Христа!—молвилъ

на то Самоквасовъ. — Дѣло-то больно спѣшное вышло тогда. Сеня и то всю дорогу твердилъ, какъ ему было совѣстно не простившись уѣхать. Я въ отвѣтѣ, матушка! Сеня тутъ не при чемъ.

— Ну, Господь съ тобой, — ласково сказала мать Таисѣя и, понизивъ голосъ, промолвила: — А ты только-что уѣхалъ, бѣда-то какая у насъ въ Комаровѣ стряслась!

— Чтò такое? — озабоченно спросилъ Самоквасовъ.

— Помнишь, матушка Манеѳа тогда въ Шáрпанъ уѣхала, а Василья-то Борисыча ко мнѣ перевела на время отлучки. Онъ въ тотъ самый день и пропáди у насъ, а тутъ невѣдомо какіе люди Прасковью Патаповну умчали... Слышимъ послѣ, а это онъ ее выкралъ да у попа Сушилы и побрачился.

— Слышалъ я кой-что насчетъ этого, въ Москвѣ сказывали мнѣ, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Родители-то вѣдь, слышно, простили и зятя приняли въ домъ.

— Вѣрно, сударь мой, вѣрно, — подтвердила мать Таисѣя.— А вышло на повѣрку, что все это дѣло самого Патапа Максимыча. Напередъ у него все было слажено...

— Полноте, матушка! — возразилъ удивленный Петръ Степанычъ. — Зачѣмъ же бы ему послѣ того свадьбу уходомъ справлять?

— Экій недогадливый, — усмѣхнулась мать Таисѣя.—Будто не можетъ и понять?.. А помнишь мои рѣчи, чтò говорила я тебѣ на черствыя твои именины?

— Какія, матушка? Что-то не припомню, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Про Дунюшку-то, про Авдотью-то Марковну, — шепнула она ему на ухо. — Забылъ, небось?

Смутился маленько, но не выдалъ себя Самоквасовъ.

— Что-жъ? — спросилъ онъ игуменью.

— А то, что ежели мои рѣчи походятъ на правду, такъ стану я Марку Данилычу совѣтовать, вѣнчалъ бы тебя въ великороссійской.

— Своихъ-то поповъ развѣ у насъ нѣтъ? — съ улыбкой возразилъ Самоквасовъ.

— А чтобы вѣнецъ-то у тебя на головѣ покрѣпче держался. Вотъ для чего.

— Не понимаю, матушка, не знаю, къ чему ваши рѣчи,— сказалъ Самоквасовъ.

— А къ тому мои рѣчи, что всѣ вы нонѣ стали вѣтрогоны, — молвила мать Таисѣя. — Иной женится, да какъ надоѣстъ жена, онъ ее и броситъ да и женится на другой. Много бывало такихъ. Ежели нашъ попъ вѣнчалъ, какъ до-

казать ей, что она вѣнчанная жена? Въ какія книги бракъ-то записанъ? А какъ въ великороссійской повѣнчались, такъ ужъ тутъ, братъ, шалишь, тутъ не бросишь жены, что истопку *) съ ноги. Понялъ?

— Понять-то понялъ, а все-таки придумать не могу, что за надобность Патапу Максимычу была уходомъ дочернюю свадьбу играть, — молвилъ Самоквасовъ.

— Честью дочь отдавать да у церковнаго попа вѣнчать ему нельзя, — внушительно сказала мать Таисѣя. — По торговымъ дѣламъ остуду могъ бы принять. Разориться, пожалуй, могъ бы!.. А какъ уходомъ-то свадьба свѣнчана, такъ онъ передъ обществомъ не въ отвѣтѣ. Понялъ?

— Вотъ оно что! — молвилъ Петръ Степанычъ. А самъ думаетъ:—«Ай да матери! Этого бы намъ съ Сеней въ годъ не выдумать». Таифа вспала ему на умъ—толкуетъ она тамъ съ Маркомъ Данилычемъ да вдругъ какъ брякнетъ что-нибудь про ту свадьбу... Потому и спросилъ Таисѣю, какихъ мыслей о томъ матушка Манеѳа.

— Такихъ же, какъ я и всѣ, — отвѣтила Таисѣя. — Сначала-то въ недоумѣньи была, и на того думала и на другого; чего грѣха таить, мекала и на тебя, а какъ пріѣхала изъ Питера Таифа, такъ все это дѣло и распутала какъ по ниточкамъ. А потомъ и самъ Патапъ Максимычъ сказывалъ, что давно Василья Борисыча въ зятья себѣ прочилъ.

«Эка умница какая мать-то Таифа! — подумалъ Петръ Стеnычъ.—Надо будетъ купить ей ковровый платокъ».

— Стало-быть, матушка Манеѳа теперь успокоилась? Не убивается, какъ давеча говорила мать Таифа? — мало погодя спросилъ Самоквасовъ.

— Какъ же это не убиваться, сударь ты мой, какъ ей не убиваться? — отвѣчала Таисѣя. — Вѣдь ославилась обитель-то! То вдова сбѣжитъ, то дѣвку выкрадутъ!.. Конечно, все это было, когда матушка въ отлучкѣ находилась, да вѣдь станутъ ли о томъ разсуждать?.. Оченно убиваетъ это матушку Манеѳу. А тутъ еще и Фленушка-то у нея.

— А что такое? — быстро спросилъ Петръ Степанычъ.

— Господь ее знаетъ, что такое съ ней приключилось: сначала постричься хотѣла, потомъ руки на себя наложить, тоска съ чего-то на нее напала, а теперь грѣшнымъ дѣломъ испивать зачала.

— Славная шубка, славная! — говорила Таифа, выходя въ это время изъ Дуниной комнаты съ Маркомъ Данилычемъ.—

---

*) Истоптанный лапоть.

Отродясь такой еще не видывала. Да и все приданство безподобное.

Петръ Степанычъ наскоро простился съ Маркомъ Данилычемъ.

Сумраченъ, пасмуренъ вышелъ и тихо пошелъ, не размышляя, куда и зачѣмъ. Молча и дико смотритъ вокругъ, и все ему кажется въ желтомъ какомъ-то туманѣ. Шумный говоръ, громкіе крики людей, стукъ и скрипъ тяжело нагруженныхъ возовъ, рѣзкій пронзительный стукъ цѣлыхъ обозовъ съ желѣзомъ — не слышны ему. Холодъ по тѣлу его пробѣгалъ, хоть знойный полдень въ то время полымемъ палилъ.

Острою, жгучею болью ровно стрѣлой пронзило сердце его, когда узналъ онъ про Фленушку... «Бѣдная, бѣдная!..»—думаетъ. И вспоминаетъ.

«Вотъ она, легкая станомъ, чудной прелести дѣвушка. Рѣзво, будто на крыльяхъ, несется вдоль по зеленому всполью. Едва поспѣваешь за ней, достигнуть нѣтъ силъ. Вотъ перелѣсокъ, въ прохладной тѣни, на сочной, пушистой травѣ вдругъ упала, лежитъ недвижимо, пурпурныя губки раскрывъ. Темныя очи изъ-подъ густыхъ соболиныхъ бровей, звѣздами сверкнувъ, на минуту закрылись. Подбѣжалъ и какъ вкопаный сталъ, жадно смотря на ея красоту. Чуть-чуть слегка развела бѣлоснѣжныя руки, открыла глаза — они затуманены нѣгой. Вотъ низко наклонился онъ надъ пылающимъ лицомъ, хочетъ сорвать поцѣлуй, но какъ будто бы рѣзвая птичка она встрепенулась и рѣзвоного бѣжитъ...

«Вотъ сидитъ онъ въ мрачномъ раздумьѣ, склонясь надъ столомъ, въ свѣтелкѣ Манеѳы. Тихо, безмолвно, беззвучно. Двери настежь, и съ яснымъ, радостнымъ смѣхомъ птичкой влетѣла она. Шаловлива, игрива, какъ рыбка, быстро она къ нему подбѣжала, обвила его шею руками, осіяла очами, полными ясныхъ лучей, и уста ихъ слились. Самъ не помня себя, вскочилъ онъ, но какъ сонъ, какъ видѣнье исчезла она.

«Вотъ въ знойный полдень на всполье она на Каменномъ Вражкѣ, въ кругу подругъ молодыхъ, подъ надзоромъ двухъ старицъ смиренныхъ и сонныхъ. Чинно, чуть слышно дѣвицы бесѣду между собою ведутъ, шопотомъ молитву творятъ инокини, ради отогнанія «срящаго бѣса полуденнаго». Вдругъ у ней загорѣлись ланиты, темныя очи зажглись, какъ огни. Руки въ боки, и лихая, веселая пѣсня раздалась по долинѣ. Мечутся матери, хотятъ унять проказницу... Остановишь ли въ полѣ вѣтеръ, удержишь ли водный потокъ? Одни за другими пристаютъ голоса, звучитъ пѣсня громче и громче, заглушая крикливую брань матерей.

«Вотъ, сидя возлѣ него, нѣжно смотритъ она ему въ очи,

играетъ кудрями, треплетъ по румяной щекѣ и цѣлуетъ... Едва переводя духъ, шепчетъ онъ ей о любви, шепчетъ страстныя моленья: но чуть рѣзкій порывъ, чуть смѣлое движенье— хлопъ по лбу ладонью, и была такова.

«По три года каждымъ лѣтомъ въ Комаровѣ онъ гащивалъ. Каждый Божій день увѣщалъ, уговаривалъ ее повѣнчаться, каждый разъ обѣщалась она, но до другого года откладывала. А какъ послѣ дѣдовой кончины самъ себѣ хозяиномъ сталъ, наотрѣзъ ему отказала. «Побаловались и шабашъ,—она молвила: — и мнѣ и тебѣ свой путь-дорога. ищи невѣсту хорошую». Пугала, что будетъ злою женой, неугодливой.

«И запила! Бѣдная Фленушка, бѣдная!»

Идетъ да идетъ Петръ Степанычъ, думы свои думая. Фленушка изъ мыслей у него не выходитъ. Трепетанье минувшей любви въ пораженномъ нежданнымъ извѣстіемъ сердцѣ. Горитъ голова, туманится въ глазахъ, по тѣлу дрожь пробѣгаетъ.

Идетъ, идетъ и на гору поднялся. Вотъ ужъ онъ внутри Кремля, на вѣнцѣ Часовой горы.

Внизу, подъ крутой высокой горой, широкій съѣздъ, ниже его за рѣшеткой густо разросшійся садъ, въ немъ одинокая златоглавая церковь. Еще ниже зубчатой каменной лентой смѣлыми уступами сбѣгаютъ съ высоты древнія кремлевскія стѣны и тянутся по низу вдоль берега Волги. Круглыя башни съ бойницами, узенькія окна изъ давно забытыхъ проходовъ внутри стѣны. крытые проемы *) среди шумной кипучей жизни новаго напоминаютъ времена стародавнія, когда и стѣны и башни служили оплотомъ Русской земли, когда кипѣли здѣсь лихія битвы да молодецкія дѣла. Еще ниже стѣнъ виднѣются кучи другъ надъ другомъ возвышающихся кирпичныхъ домовъ, а подъ ними важно, горделиво и будто лѣниво струится широкая синяя Волга. Влѣво, за множествомъ домовъ, церквей, часовенъ и безчисленныхъ торговыхъ лавокъ, виднѣется мутно-желтая Ока. Не уже она своей матери Волги, но, сплошь заставленная стройными рядами разнаго вида и устройства судовъ, почти не видна. За Окой въ туманѣ пыли чуть видны зданія ярманки, безчисленные ряды лавокъ. громадныя церкви, флажные столбы, трехъ-и четырехъэтажныя гостиницы, китайскіе кіоски, персидскій караванъ, минаретъ татарской мечети и скромный куполокъ армянской церкви, каналы, мосты. бульвары, водоподъемная башня, множество домовъ каменныхъ, очень мало деревянныхъ и одинъ желѣзный.

---

*) Амбразуры.

То и дѣло взадъ и впередъ. вверхъ и внизъ по Волгѣ, пыхтя черными клубами дыма, бѣгутъ пароходы. Дробя рѣчныя струи на сѣдыя волны и серебристую пыль, поражая слухъ нескончаемыми свистками, мчатся они мимо города. Нигдѣ по Россіи, ни въ Петербургѣ, ни въ Одессѣ, ни въ Кронштадтѣ, ни въ другихъ приморскихъ портахъ никогда одновременно не бываетъ и третьей доли столькихъ пароходовъ *) и столькихъ парусныхъ судовъ. Это внутренній русскій портъ, какъ назвалъ его Петръ Великій. А за широкимъ раздольемъ Волги иной широкій просторъ разстилается. Зеленые заливные луга, тамъ и сямъ прорѣзанные серебристыми озерами и рѣчками, за ними ряды селеній, почти слившихся одни съ другими, а середи нихъ бѣлыя церкви съ золочеными и зелеными верхами. А за тѣми за церквами и за тѣми деревнями лѣса, лѣса и лѣса. Темнымъ кряжемъ далеко они протянулись, и съ Часовой горы не видать ни конца имъ ни краю. Лѣса, лѣса и лѣса!

Ни города, ни ярмарки, ни Волги съ Окой, ни судовъ не видитъ Петръ Степанычъ. Не слышитъ онъ ни городского шума ни свиста пароходовъ, не видитъ широко разостлавшихся зеленыхъ луговъ. Одно только видитъ: лѣса. лѣса и лѣса. Тамъ въ ихъ глуши есть Каменный Вражекъ, тамъ бѣдная, бѣдная Фленушка.

Солнце стояло еще высоко, какъ Петръ Степанычъ спѣшно скакалъ къ перевозу.

Привезъ съ того берега перевозный пароходъ толпу народа, притащилъ за собой и паромъ съ возами. Только-что сошелъ съ нихъ народъ, Петръ Степанычъ туда чуть не бѣгомъ. Тройку съ тарантасомъ, что̀ взялъ онъ на вольной почтѣ, первую на паромъ поставили. Когда смеркаться стало, онъ уже ѣхалъ въ лѣсахъ.

Про Дуню Смолокурову ни думы ни помину. Ровно и на свѣтѣ ея не бывало.

Тотчасъ по уходѣ Самоквасова воротилась Дуня съ названною тетенькой. Обѣ были рады керженскимъ гостямъ.

За полдень было. Марко Данилычъ распорядился обѣдомъ. Старицы, какъ водится, стали чиниться, отъ хлѣба отъ соли отказываться, увѣрять, что обѣдали.

Марко Данилычъ имъ свое говорилъ:

— Супротивъ сытости не споримъ, а позора на меня не кладите. Какъ это мнѣ возможно васъ отпустить безъ обѣда?

*) Ихъ теперь по Волгѣ съ притоками плаваетъ больше пятисотъ, и для всѣхъ почти ихъ рейсовъ цѣлью служитъ устье Оки.

Сами недавно у васъ угощались, и вдругъ безъ хлѣба безъ соли васъ пустимъ! Нельзя. Извольте оставаться; въ гостяхъ — что въ неволѣ; у себя какъ хочешь, а въ гостяхъ какъ велятъ. Покорнѣйше просимъ.

— Да какъ же это, Марко Данилычъ? — молвила мать Таисѐя.— Намъ, сущимъ во ангельскомъ чину, не подобало бы въ «корчемницѣ» пищу принимать.

— Здѣсь, матушка, не корчемница, станете кушать въ дому у меня, — отвѣтилъ на то Марко Данилычъ.

Съ такимъ хозяиномъ матерямъ не стать было спорить. Нечего дѣлать, остались.

И не раскаялись. Передъ обѣдомъ Дарья Сергѣевна поставила закусочку изъ рыбныхъ запасовъ богатаго рыбника ради домашняго обихода. Была тутъ разная икра, и стерляжья, и бѣлужья, и севрюжья, и осстровая, вислая спинка бѣлой рыбицы, вяленая севрюжья тешка, копченая стерлядь и сочные уральскіе балыки. А за обѣдомъ поставили борщевое ботвинье съ малосольной бѣлужиной, стерляжью уху съ налимьими печенками, растегаи съ жирами да съ молоками, заливную осетрину, какой у Макарья не вдругъ сыскать, жаренаго леща, начиненнаго яйцами, да крупныхъ карасей въ сметанѣ. Хорошо ѣдятъ по скитамъ, а такихъ обѣдовъ, какимъ угостилъ матерей Марко Данилычъ, сама Таифа не то что на Кѐрженцѣ, ни въ Москвѣ ни въ Питерѣ у самыхъ богатыхъ людей не видывала. Послѣ обѣда долго чай распивали.

Маленько соснувши, Марко Данилычъ на караванъ поѣхалъ. Таисѐя ушла по какимъ-то своимъ дѣламъ, осталась Таифа съ Дуней да съ названною тетенькой ея.

Плакалась Таифа на грозящія бѣды, жалобилась на тяжкое обстояніе и, зная, что собесѣдницы изъ избы сору не вынесутъ, принялась разсказывать, какъ мать Манеѳа по совѣту съ нею полагаетъ устроиться послѣ выгонки.

— Еще будучи въ Питерѣ, — говорила Таифа: — отписала я матушкѣ, что хотя, конечно, и жаль будетъ съ Комаровымъ разстаться, однакожъ въ конецъ сокрушаться не слѣдъ. Доподлинно узнала я, что выгонка будетъ такая же, какова была въ Иргизѣ. Часовни, моленныя, кельи порушатъ, но хозяйства не тронутъ. Все останется при насъ. Какъ-нибудь проживемъ. Въ нашемъ городкѣ матушка мѣста купила. Послѣ Ильина дня хотѣла туда и кельи перевозить, да вотъ эти непріятности да матушкины болѣзни задержали...

— Какія непріятности? — спросила Дуня.

— А про свадьбы-то наши развѣ вѣстей до васъ не доходило? — отозвалась Таифа.

— Это про Парашину-то? — съ участіемъ и печально промолвила Дарья Сергѣвна.

— Да, — отвѣчала Таифа. — И Прасковья Патаповна и Марья Гавриловна! Срамомъ покрыли обитель, ославили насъ! Каково было это вынести матушкѣ!.. А все братецъ родимый, Патапъ Максимычъ.

— Онъ при чемъ же тутъ? — съ живымъ любопытствомъ спросила Дарья Сергѣвна.

— Его, сударыня, затѣйки, ничьи, что его, — досадливо отвѣтила Таифа. — Теперь, слышь, хохочетъ, со смѣху помираетъ. Любо, вишь, ему.

— Кажись бы, человѣкъ онъ такой обстоятельный и по вѣрѣ ревнитель, — въ недоумѣньи качая головой, молвила Дарья Сергѣвна.

— По карману онъ, сударыня, ревнитель, а не по вѣрѣ, — досадливо сказала на то мать Таифа. — Погрязъ въ мірскихъ вещахъ, о духовныхъ же не радитъ.

Стала Дарья Сергѣвна разспрашивать про заволжскихъ знакомыхъ. Дуня про Аграфену Петровну спросила ее.

— Здѣсь вѣдь Грунюшка-то, — отвѣтила ей мать Таифа.— Вечеромъ мы съ ней повстрѣчались. Въ лавку къ себѣ зазвала, погостила я маленько у нихъ.

— Гдѣ она? Какъ ее отыскать? — радостно воскликнула Дунюшка.

— Съ мужемъ пріѣхала, съ Иваномъ Григорьичемъ, а пристала не въ ярманкѣ, а у ихняго годового приказчика, гдѣ-то на Почайнѣ.

— Въ чьемъ домѣ?

— А вотъ ужъ это я и не знаю, любезненькая, — отвѣчала Таифа. — Знаю только, что третій домъ отъ угла. Завтра сбираюсь у ней побывать.

— Скажите, матушка, ей, чтобъ она у насъ побывала, — сказала Дуня и вся раскраснѣлась, а глаза такъ и блестятъ.— Пожалуйста, не забудьте.

— Какъ можно забыть, родная! А для памяти запиши-ка лучше на бумажкѣ, какъ ваша-то гостиница прозывается, — сказала Таифа.

Дуня написала и подала Таифѣ бумажку.

— Завтра же у насъ побывала бы. На цѣлый бы день приходила, — говорила Дуня.

— Ну, цѣлый-то день въ гостяхъ сидѣть ей не приходится: съ дѣтками вѣдь пріѣхала, — молвила Таифа. — Самъ-отъ Иванъ Григорьичъ съ приказчикомъ да съ молодцами на ярманкѣ живетъ, а она съ дѣтками у приказчика на квар-

тирѣ. Хоть приказчикова хозяйка за дѣтками и приглядываетъ тоже, да сама вѣдь знаешь, сколь заботлива Грунюшка: надолго ребятишекъ безъ себя не оставитъ.

До ночи просидѣла Таифа, поджидая возврата Марка Данилыча. Еще хотѣлось ей поговорить съ нимъ про тѣсное обстояніе Манеѳиной обители. Знала, что чѣмъ больше поплачетъ, тѣмъ больше возьметъ. Но такъ и ушла, не дождавшись обительскаго благодѣтеля.

Тихо и ясно стало на сердцѣ у Дунюшки съ той ночи, какъ послѣ катанья она усмирила молитвой тревожныя думы. На что ни взглянетъ, все свѣтлѣе и краше ей кажется. Будто дивная завѣса опустилась передъ ея душевными очами, и невидимы стали ей людская неправда и злоба. Всѣ люди лучше, добрѣе ей кажутся, и въ себѣ сознаётъ она, что стала добрѣе и лучше. Каждый день ей теперь праздникъ великій. И мнится Дунѣ, что будто отъ тяжкаго сна она пробудилась, изъ темнаго душнаго морока на высоту лучезарнаго свѣта она вознеслась.

Съ восторгомъ узнала, что ея сердечный другъ и добрая совѣтница завтра съ нею увидится. Все ей скажетъ она, все выльетъ, что̀ есть на душѣ. Велика отрада мыслями съ другомъ дѣлиться, но Дунѣ не съ кѣмъ было по душѣ говорить, некому тайныя думы свои передать. Отцу, онъ хоть и любитъ ее и хоть не разъ говорилъ, что въ сердечныхъ дѣлахъ воли съ нея не сниметъ, стыдится однако признаться, робѣетъ, смѣлость теряетъ. Онъ всегда такой занятой, всегда озабоченный, сумраченъ, важенъ, степененъ. Любитъ ее и Дарья Сергѣвна, но какъ съ ней начать разговоры? Для нея все суета, все мірская прелесть, грѣховное дѣло. Изнывала Дуня въ одиночествѣ съ тѣхъ поръ, какъ проснулось ея сердце и неясной, еще не вполнѣ сознаваемой любовью впервые встрепенулось. И вдругъ она милую, добрую Груню увидитъ!

Утромъ, только-что встала съ постели Дуня, стала торопить Дарью Сергѣвну, скорѣй бы сряжалась ѣхать вмѣстѣ съ ней на Почайну. Собрались, но дверь широко распахнулась, и съ радостнымъ, свѣтлымъ лицомъ вошла Аграфена Петровна съ дѣтьми. Веселой, но спокойной улыбкой сіяла она. Вмигъ бѣлоснѣжныя руки Дуни обвились вокругъ шеи сердечнаго друга. Ни словъ ни привѣтовъ, одни поцѣлуи да сладкія слезы свиданья.

Минутъ черезъ двадцать всѣ сидѣли за чаемъ. Дарья Сергѣвна дѣвочекъ возлѣ себя посадила и угощала ихъ сдобными булками; Марко Данилычъ разговаривалъ съ Груней, Дуня глазъ съ нея не сводила.

— Какъ это вы насъ разыскали? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Рано поутру сегодня мать Таифа ко мнѣ приходила и сказывала, что вчера цѣлый день у васъ прогостила. Я, какъ узнала, тотчасъ и къ вамъ.

— Оченно вамъ благодарны за вашу любовь и за ласку,— весело молвилъ Марко Данилычъ. — Праздникъ вы сдѣлали Дунюшкѣ.

Добрымъ, любящимъ взоромъ взглянула на Дуню Аграфена Петровна.

— Ну что, матушка, каково торгуете на ярманкѣ?—спросилъ у ней Марко Данилычъ.

— Объ этомъ меня не спрашивайте, Марко Данилычъ, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Ничего тутъ не знаю. Однако же Иванъ Григорьичъ, кажется, доволенъ.

— Отъ кого ни послышишь, всѣ хоть помаленьку торгуютъ, а у насъ съ восьми баржей восьми фунтовъ до сихъ поръ не продано, — недовольнымъ голосомъ промолвилъ Марко Данилычъ.

— Вашъ торгъ иной, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Нашъ идетъ по мелочи, а вы хоть долго ждете, зато разомъ рѣшите.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки беретъ досада, — молвилъ Марко Данилычъ. — Да и скучно безъ дѣла-то. Покончить бы и по домамъ.

— Погодите маленько, повеселите дочку-то, — молвила Аграфена Петровна. — Вѣдь у васъ Дунюшка-то впервые на ярманкѣ-то?

— Въ первый разъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Да мы уже маленько повеселились и на ярманкѣ разъ пятокъ побывали, по рѣкѣ катались, рыбачили.

— Ну вотъ видите, — молвила Аграфена Петровна. — А вы ее еще повеселите, чтобъ помнила ярманку!

Немного погодя Марко Данилычъ сталъ на караванъ собираться. Онъ просилъ Аграфену Петровну остаться съ Дуней на весь день. Та не согласилась.

— Хвостъ-отъ великъ у меня, Марко Данилычъ, — сказала она. — Двѣ вотъ со мной, да двѣ на квартирѣ, да Гришенька хоть и у отца въ лавкѣ, а все-жъ надо и за нимъ присмотрѣть.

— Въ такіе молодые годы, да такая семья у васъ, — привѣтно глядя на Аграфену Петровну, молвилъ Марко Данилычъ. — Много вамъ заботъ, много хлопотъ.

— Забота не работа, — шутливо, съ ясной улыбкой отвѣтила Груня.

— Такъ хоша пообѣдаемъ вмѣстѣ, — немного помолчавъ, сказалъ Смолокуровъ. — Видите, Дунюшка-то какъ вамъ обрадовалась. Погостите у насъ, сударыня, сдѣлайте такое ваше одолженіе.

— Останься, — тихо промолвила Дуня, крѣпко держа Груню за руку.

— Инъ вотъ какъ сдѣлаемъ, — рѣшила Аграфена Петровна. — Теперь я у васъ посижу немножко, а потомъ на часокъ домой съѣзжу, погляжу, что̀ мои птенчики подѣлываютъ, да къ обѣду и ворочусь. А послѣ ужъ не держите, пожалуйста. Право, нельзя.

— Послѣ-то обѣда я бы къ ней, тятенька? — ласкаясь къ отцу, молвила Дуня.

— Что-жъ, съ Богомъ, — согласился Марко Данилычъ.

Такъ и рѣшили. Марко Данилычъ уѣхалъ, Дарья Сергѣвна занялась съ дѣвочками, а Аграфену Петровну Дуня увела въ свою укромную горенку.

Лишь только вошли туда, Дуня бросилась къ ней на шею и осыпала горячими поцѣлуями. А сама плачетъ-разливается.

— Какъ я рада тебѣ, моя дорогая! Дня не миновало, часа не проходило, чтобъ я не вспоминала про тебя. Писать собиралась, звать тебя. Помнишь нашъ уговоръ въ Каменномъ Вражкѣ? Еще гроза застала насъ тогда, — крѣпко прижимая пылавшее лицо къ груди Аграфены Петровны, шептала Дуня.

— Помню, милая, помню, — обнимая Дунюшку, ласково говорила Аграфена Петровна.

— Не чаяла я съ тобой видѣться! Все сердце изныло безъ тебя.

— Ну что̀? — съ яснымъ взоромъ и улыбкой, полной участья, спросила Аграфена Петровна.

Дуня зарыдала у ней на груди, слова не можетъ вымолвить отъ рыданій.

— Перестань! Хоть не съ горя льешь слезы, а все тяжело. Полно же, полно! — уговаривала ее Аграфена Петровна.

Перестала Дуня рыдать, но тихія слезы все еще струились изъ ясныхъ ея очей. И вся она сіяла сердечной радостью и блаженствомъ.

Сидя рядомъ, обѣ молчали. Аграфена Петровна нѣжно гладила по головкѣ склонившуюся къ ней дѣвушку.

— Знаешь что̀, Груня? — наконецъ чуть слышно промолвила Дуня, еще крѣпче прижавшись къ сердечному другу.

— Что̀, милая? — тихо отвѣтила Груня.

— Я... кажется, я... нашла... — въ сильномъ душевномъ волненьи едва могла проговорить Дуня.

— По душѣ человѣка? — шепнула Аграфена Петровна.

— Да, — отрывисто отвѣтила Дуня и закрыла руками пылавшее лицо.

— Ну, и слава Богу, — ласково отвѣтила ей Груня.

— Все тебя поминала, — тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ говорила Дуня. — Сначала боязно было, стыдно, ни минуты покоя не знала. Чтò ни дѣлаю, чтò ни вздумаю, а все одно да одно на умѣ. Тяжело мнѣ было, Грунюшка, такъ тяжело, что, кажется, смерть бы легче принять. По рѣкѣ мы катались, въ косной. Съ нами былъ... Добрый такой... правдивый... И такъ онъ глядѣлъ на меня и такимъ голосомъ говорилъ со мной, что то въ жаръ, то въ ознобъ.

И замолчала. Ни слова не сказала Аграфена Петровна, лишь молча гладила Дуню по головкѣ и, кротко улыбаясь, поглядѣла ей въ подернутыя слезами очи.

— Дома твои слова вспомянула, твой добрый совѣтъ, не давала воли тѣмъ мыслямъ, на молитву стала, молилась. Долго-ль молилась, не знаю, — продолжала Дуня.

— Что-жъ послѣ? — спросила Аграфена Петровна.

— Не мутились мысли послѣ молитвы, — отвѣтила Дуня. — Стало на душѣ и легко и спокойно. И объ немъ спокойнѣе прежняго стала я думать... И когда на другой день увидала его, мнѣ ужъ не боязно было.

— Пошли тебѣ, Господи, счастливую долю. Видима святая воля Его, — горячо поцѣловавъ Дуню, съ задушевной теплотой сказала Аграфена Петровна.

— Ты каждый день у насъ бывай, Груня, — говорила Дунюшка. — Онъ къ намъ частенько похаживаетъ. Поговори хорошенько съ нимъ, вызнай, каковъ онъ есть человѣкъ. Тебѣ виднѣе. Пожалуйста!

И обвела Аграфену Петровну руками и, крѣпко прижавъ ее къ груди, цѣловала.

— Да кто-жъ онъ таковъ? — съ доброй улыбкой спросила у ней Аграфена Петровна. — Ты мнѣ пока еще не сказала.

— Да тотъ... — тихо, чуть слышно промолвила Дуня, склонясь на плечо сердечнаго друга.

— Какой тотъ?

— Да тотъ... Въ Комаровѣ-то... Помнишь? — прошептала Дуня и залилась слезами.

— Петръ Степанычъ?

— Ну да, — шепнула Дуня и, вскинувъ ясными очами, улыбнулась свѣтлой, радостной улыбкой.

А между тѣмъ столбомъ пылить дорога, и гремятъ мосты подъ тройкой быстрыхъ звонкокопытныхъ коней. Мчится Петръ Степанычъ по кѐрженскимъ лѣсамъ.

Глава четырнадцатая.

На ловецкихъ ватагахъ, на волжскихъ караванахъ, по пристанямъ, по конторамъ немало по найму служило народу у Марка Данилыча. Держалъ онъ наймитовъ *) въ страхѣ и послушаньи, празднаго слова никто передъ нимъ молвить не смѣлъ. Всегда угрюмъ и молчаливъ, рѣдко говаривалъ онъ съ подначальными, и то завсегда рывкомъ да съ ругней. Кончая брань, вздыхалъ онъ глубоко и вполголоса Богу жалобился, набожно приговаривая: «Охъ, Господи, Царю Небесный, прости наши великія согрѣшенія!..» А чуть что̀ не по немъ — зарычитъ, аки звѣрь. обругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а найдетъ недобрый часъ — и тычкомъ наградитъ.

Безотвѣтно терпѣли подначальные отъ крутонраваго хозяина, лебезили передъ нимъ, угодничали, лѣзли на глаза, чтобы чѣмъ-нибудь прислужиться. Зналъ наемный людъ, что такъ поступать впередъ пригодится. Смолокуровъ платилъ хорошо, гораздо больше другихъ старыхъ рыбниковъ, расчеты давалъ вѣрные, безобидные и опричь того раза по три въ году награды и подарки жаловалъ, глядя по усердію. Мелкихъ людей: ловцовъ, бурлаковъ и другихъ временныхъ каждый разъ обсчитать норовилъ хоть на малость, но съ приказчиками и съ годовыми рабочими дѣла велъ на чистоту.

Все терпѣлъ, все сносилъ и въ надеждѣ на милости всѣмъ. чѣмъ могъ, угождалъ наемный людъ неподступному хозяину; но не было ни одного человѣка, кто бы любилъ по душѣ Марка Данилыча, кто бы радъ былъ за него въ огонь и въ воду пойти. Между хозяиномъ и наймитами не душевное было дѣло, не любовное, а корыстное, денежное.

Одного только приказчика Марко Данилычъ особливо жаловалъ, одного его отличалъ онъ отъ другихъ подначальныхъ. Лѣтъ ужъ двадцать служилъ тотъ приказчикъ ему, и не то чтобы пальцемъ тронуть, обиднаго слова никогда Смолокуровъ ему не говаривалъ. Былъ тотъ приказчикъ смѣлъ и отваженъ. былъ бранчивъ, забіячливъ и грубъ. Съ кѣмъ ни свяжется, съ первыхъ же словъ норовитъ обругать, а не то зачнетъ язвить человѣка и на смѣхъ его поднимать, попрекать и дѣ-

*) Начиная отъ Тверской губерніи по Заволжью употребляется слово *наймакъ*, а по горному Поволжью до устья Суры *наймитъ*. И то и другое означаетъ — наемникъ.

ломъ и небылью. Съ хозяиномъ зачнетъ говорить, и то бы ему въ каждое словцо щетинку всучить, иной разъ ругнетъ даже его, но Марко Данилычъ на то никогда ни полслова. Самый вздорный, самый сварливый былъ человѣкъ, у хозяина висѣлъ на ушкѣ и всѣхъ передъ нимъ обносилъ, чернилъ, облыгалъ, оговаривалъ. И за то его ненавидѣли, а боялись чуть ли не пуще, чѣмъ самого Марка Данилыча. А когда полезно было ему смиренникомъ прикинуться, напускалъ на себя такое смиренство, что хоть въ святцы пиши его между преподобными. Не было у него никакой особой части на отчетѣ, его дѣло было присматривать, нѣтъ ли гдѣ какого изъяна аль непорядка и, ежели что̀ случится, о томъ хозяину немедля докладывать. Кромѣ того «хитрыя дѣла» ему поручались, и онъ мастерски ихъ обдѣлывалъ.

Поддѣть ли кого половчѣе, провести ли простачка поискуснѣй, туману-ль кому въ глаза подпустить, Марко Данилычъ, бывало, его за бока, а самъ будто въ сторонкѣ, ничего будто не знаетъ, ничего не вѣдаетъ. Радъ былъ приказчикъ такимъ порученьямъ, любилъ похвастать хитрымъ своимъ разумомъ, повеличаться ловкой находчивостью, похвалиться умѣньемъ всякаго человѣка въ дураки посадить да потомъ еще вдоволь насмѣяться надъ его оплошкой и недогадкою. На брань, на попреки обманутаго только, бывало, хихикаетъ да его же коритъ: «А кто тебѣ, умному человѣку, говоритъ, велѣлъ отъ насъ, дураковъ, гнилой товаръ принимать? Кто тебѣ указывалъ на торгу глаза врозь распускать?.. Коли ты умный человѣкъ называешься, такъ когда берешь, чванься, а взялъ, такъ кланяйся».

И не было тому приказчику другого имени, какъ «Прожженый».

А крещеное имя было ему Корней Евстигнеевъ. Былъ онъ тотъ самый человѣкъ, что̀ когда-то въ молодыхъ еще годахъ изъ Астрахани пѣшкомъ пришелъ, принесъ Марку Данилычу извѣстіе о погибели его брата на льдинахъ Каспійскаго моря. Съ той поры и сталъ онъ въ приближеньи у хозяина.

Возставъ отъ сна на другой день послѣ катанья въ косной, Марко Данилычъ послалъ за Корнеемъ Прожженымъ. Тотъ не замедлилъ.

Размашисто помолясь на иконы и молча поклонясь хозяину, сталъ онъ у стола и, опершись на него рукой, спросилъ:

— Посылали за мной?

— Да, Естигнеичъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Дѣльце есть, для того и позвалъ.

— Знамо, что за дѣломъ. За бездѣльемъ-то бѣгать сапоговъ

не напасешься, — пробурчалъ Прожженый и, поднявъ голову, сталъ потолокъ оглядывать.

— Тебѣ сегодня же поутру надо въ путь-дорогу, — молвилъ ему Марко Данилычъ.

— Куда?

— Въ Царицынъ.

— За коимъ лѣшимъ? По арбузы аль по горчицу? Новы торги, видно, заводить охота пришла, — насмѣшливо молвилъ Корней.

— Володерова знаешь? — спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ не знать! Первый воръ и мошенникъ, — слегка усмѣхнулся Прожженый.

— Къ нему, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Видно, почты не стало и штафеты *) гонять перестали! — сердито проворчалъ Корней.

— Дѣло не въ письмѣ, а въ твоемъ умѣньи, — молвилъ Смолокуровъ.

— Что̀ за нужда наскорь приспѣла? — хмурясь, Прожженый спросилъ. — Володерова поучить аль другого кого объемелить **)? Ежель Володерова, такъ его не вдругъ обкузьмишь ***). Самъ огонь и воду прошелъ.

— Онъ будетъ тебѣ на подмогу, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Смерть не люблю!.. — съ сердцемъ, отрывисто вскликнулъ Корней, отвернувшись отъ Марка Данилыча. — Терпѣть не могу, ежели мнѣ кто въ моихъ дѣлахъ помогаетъ. Отъ помощниковъ пособи мало, а пакостей вдоволь. Кажись бы, мнѣ не учиться стать хитрыя дѣла одной своей башкой облаживать?..

— А ты такъ поверни, чтобы Володерову и на разумъ не пришло, что онъ подъ твою дудку пляшетъ, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Вотъ это дѣло — важнецъ!.. — тряхнувъ головой, радостно вскликнулъ Прожженый. — Вокругъ такой статьи не грѣхъ поработать... Что̀ за дѣльце такое?

— Меркулова знаешь? — понизивъ голосъ, спросилъ Марко Данилычъ.

— Видать не видалъ, а слыхомъ немало слыхалъ, — отвѣчалъ Корней. — Говорятъ, парень не больно удатный, прямо сказать, простофиля.

— Его-то и надо объѣхать, — сказалъ Смолокуровъ. — Видишь ли, дѣло какое. Теперь у него подъ Царицынымъ три

*) Эстафеты.
**) Обмануть какъ Емелю дурака.
***) Не обманешь, не проведешь.

баржи тюленьяго жиру. Знаешь самъ, каковы цѣны на этотъ товаръ. А недѣли черезъ двѣ, не то и скорѣе, онѣ въ гору пойдутъ. Вотъ и вздумалось мнѣ по теперешней низкой цѣнѣ у Меркулова всѣ три баржи купить. Понимаешь?

— Чего тутъ не понять? Не хитрость какая! — съ усмѣшкою молвилъ Корней. — На кривыхъ, значитъ, надобно его объѣхать? Это мы можемъ. Володеровъ-отъ при чемъ же тутъ будетъ?

— Больше бы вѣры Меркуловъ далъ. Пишу я Володерову — остановилъ бы мою баржу съ тюленемъ, какъ пойдетъ мимо Царицына, и весь бы товаръ хоть въ воду покидалъ, ежель не явится покупатель, а баржу бы въ Астрахань обратилъ, — сказалъ Смолокуровъ.

— Кака баржа? Давно всѣ выбѣжали, — молвилъ на то Прожженый.

— Та баржа еще не рублена, да и тюлень не ловленъ. Писано ради отвода, — улыбаясь, промолвилъ Марко Данилычъ. — Нешто не понялъ?

— Мекаемъ, — мотнувъ головой, отвѣтилъ Корней Евстигнеевъ. — Еще что̀ будетъ приказу?

— Доронину, Зиновью Алексѣичу, на продажу тюленя Меркуловъ довѣренность далъ, — продолжалъ Марко Данилычъ. — Давалъ я ему по рублю двадцати; отписалъ онъ про то Меркулову да съ моихъ же словъ извѣстилъ его, что выше той цѣны нечего ждать. Написать-то Доронинъ написалъ, а дѣла кончать не хочетъ, — дождусь, говоритъ, какое отъ Меркулова будетъ рѣшенье. Вечоръ нарочнаго послалъ къ нему. Какъ только ты отдашь мое письмо Володерову, онъ тотчасъ его Меркулову покажетъ, они вѣдь пріятели. Тогда Меркуловъ тотчасъ же вышлетъ согласье на продажу. Самъ-отъ ему ты не больно на глаза суйся, сомнѣнья не подай. Пробудешь въ Царицынѣ день и тогда съ Богомъ на Низъ. И говори всѣмъ, у меня, молъ, дѣло спѣшное: велѣно баржу опростать и съ пути, гдѣ ни встрѣчу, ее воротить.

— Пой, хозяинъ, молебенъ, пиши барыши, — воскликнулъ Прожженый. — Дѣло въ шляпѣ; не будь я Корней Евстигнеевъ, ежели у насъ это дѣло самымъ лучшимъ манеромъ не выгоритъ.

Часа черезъ два Корней Евстигнеевъ отправился. На пароходѣ велъ себя важно, говорилъ отважно. Умѣлъ онъ себя показать на народѣ.

Отпустивъ Прожженаго, Марко Данилычъ долго и напрасно дожидался прихода Доронина. Сильно хотѣлось ему еще гуще

ему тумана подпустить, дѣла бы не затягивалъ, скорѣй бы рѣшалъ съ нимъ, не дожидаясь вѣстей изъ Царицына. И за чай не разъ принимался Смолокуровъ, и по горницѣ взадъ да впередъ ходилъ, и въ торговыя книги заглядывалъ, а Зиновья Алексѣича нѣтъ какъ нѣтъ. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше разбиралъ нетерпежъ Марка Данилыча, расходилось наконецъ сердце его полымемъ, да сорвать-то его какъ нарочно не на комъ, никто подъ глаза не подвертывался. Самому бы идти къ другу-пріятелю, да то вспало на умъ, что ежели станетъ онъ спѣшить черезчуръ, Доронинъ, пожалуй, подумаетъ: нѣтъ ли тутъ какого подвоха.

«Пятьдесятъ тысячъ вѣрныхъ! — разсуждаетъ самъ съ собою Марко Данилычъ. — И во снѣ такого дѣльца не грезилось — ровно само съ лука спрянуло. На плохой конецъ сорокъ пять! Дунюшкѣ на приданство пойдетъ. Соверши только, Господи, подай успѣхъ... А нейдетъ, пострѣлъ его возьми, вечоръ поутру обѣщался придти, а нейдетъ, чтобъ изсохнуть бы ему! Съ Митькой ужъ не покалякалъ ли?.. Да нѣтъ, некогда было съ нимъ увидаться. Здѣсь ни у кого теперь по малой цѣнѣ тюленя не купишь, Веденеевъ при всѣхъ прочиталъ письмо. Пароходъ въ пятницу въ Царицынѣ будетъ, тѣмъ же днемъ и Корней все обладитъ... Господи многомилостивый, подаждь совершеніе! На Смоленскую Владычицу, на родительское мое благословенье, ризу червоннаго золота справлю съ жемчугами, съ бурмицкими зернами, съ дорогими каменьями! День и ночь стану теплить лампаду передъ Тобой, Царица Небесная!.. А все нейдетъ, песъ этакій. Ну, была не была, пошла такова! Самъ къ нему пойду».

И пошелъ къ Доронину неторопко и полегоньку.

Зиновій Алексѣичъ со всей семьей вокругъ самовара сидѣлъ. Увидя Смолокурова, быстро всталъ онъ съ мѣста, пошелъ навстрѣчу и поздоровался.

Про катанье потолковали. Вспомянула добрымъ словомъ Татьяна Андревна Самоквасова съ Веденеевымъ и примолвила, что, должно-быть, оба они большіе достатки имѣютъ... Съ усмѣшкой отвѣтилъ ей Марко Данилычъ:

— Пиво варитъ не кто богатъ, а кто тароватъ. Такъ стары люди говаривали, Татьяна Андревна. Оно правда, Петру Степанычу послѣ дѣдушки наслѣдство хорошее досталось, и ежели у него съ дядей раздѣлъ на ладахъ повершится, будетъ онъ съ хорошимъ достаткомъ, ну, а насчетъ Веденеева не знаю, что̀ вамъ сказать... Изъ ученыхъ вѣдь онъ, въ Москвѣ обучался, торговымъ дѣломъ орудуетъ не по-старому. Не слыхать, чтобы оплошекъ какихъ-нибудь надѣлалъ, да

вѣдь это до поры до времени. Не больно прочны видятся у насъ эти ученые, особливо по рыбному дѣлу. Тутъ нужна особа сноровка. А такъ вести дѣла, какъ Митенька ведетъ, не безъ опаски: сегодня удастся, завтра удастся, а когда-нибудь и сорвется... И много сильнѣй да смышленѣй его съ сумой за плечами хаживали. Отваженъ ужъ очень. У него валяй, не гляди, что̀ будетъ впереди — уловъ не уловъ, а обрыбиться надо.

— А удается? — спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Покуда счастье везетъ, не исполошился ни разу, — отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Иной разъ у него и сорвется карась, — глядишь, щука клюнула. Подъ кѣмъ ледъ ломится, а подъ нимъ только потрескиваетъ. Счастье, говорю. Да вѣдь на счастье да на удачу крѣпко полагаться нельзя: налетитъ бѣда — растворяй ворота, а бѣда вѣдь не ходитъ одна, каждая семь бѣдъ за собой ведетъ.

— Кажется, онъ добрый такой и умный, — молвила Татьяна Андревна.

— Добрый-то добрый, можетъ статься, и уменъ, да только не разуменъ. Вѣтеръ въ головѣ, — отозвался Марко Данилычъ.

— Что-жъ такое? — спросила Татьяна Андревна, пытливо взглянувши на Смолокурова.

— Да все то же... Смѣло ужъ больно поступаетъ, отваженъ не въ мѣру, — молвилъ Марко Данилычъ. — Тутъ отъ бѣды недалёко. Опять за нимъ примѣчено: вздорные слухи больно охочъ распускать. Развѣсь только уши — и не знай чего тебѣ ни наскажетъ: то изъ Москвы ему пишутъ, то изъ Питера, а все вретъ, ничего никто ему не пишетъ, похвастаться только охота. И не одинъ разъ онъ враньемъ своимъ хорошихъ людей въ бѣду вводилъ. Кто повѣритъ ему, у того, глядишь, изъ кармана и потекло. Теперь по всей Гребновской ему никто не вѣритъ. Извѣстное дѣло, кто проврался, все едино что прокрался: люди вѣдь помнятъ вранье и впередъ вруну не повѣрятъ.

— Для чего-жъ это онъ такъ дѣлаетъ? Какой ради корысти? — спросила Татьяна Андревна.

— Что-жъ ему? — сказалъ Марко Данилычъ. — Врать не цѣпомъ молотить, не тяжело. Изъ озорства, а не изъ корысти людей онъ обманываетъ. Любо, видите, какъ другой по его милости впросакъ попадется. Говорю вамъ, вѣтеръ въ головѣ. Все бы ему надъ кѣмъ покуражиться.

— Нехорошо, — покачавши головой, замѣтила Татьяна Андревна.

— Хорошаго немного, сударыня, — сказалъ Марко Дани-

лычъ, допивая третій стаканъ чаю. — Если бы жилъ онъ по-хорошему-то, много бы лучше для него было. Безъ людей и ему вѣку не изжить, а что толку, какъ люди тебѣ на грошъ не вѣрятъ и всячески норовятъ отъ тебя подальше.

То алѣла, то блѣднѣла Наташа. Разгорѣлись у нея ясные глазки, насупились соболиныя брови. Вѣщее сердцу уму-разуму говорило: «нѣтъ правды въ рѣчахъ рыбника злого».

— Съ чего-жъ это сталось съ нимъ, Марко Данилычъ? — участливо спросила Татьяна Андревна. — Когда-жъ это онъ, сердечный, у добрыхъ-то людей такъ извѣрился?

Рта не успѣлъ разинуть Марко Данилычъ, какъ Наташа, обливъ его гнѣвнымъ взоромъ, захохотала и такое слово бросила матери:

— При царѣ Горохѣ, какъ не горѣло еще озеро Кубенское.

— Наталья: — строго крикнулъ на нее отецъ.

Но ея ужъ не было. Горностайкой выпрыгнула она изъ комнаты. Слѣдомъ за сестрой пошла и Лизавета Зиновьевна.

— Не обезсудьте глупую, батюшка Марко Данилычъ, — смиренно и кротко сказала Смолокурову Татьяна Андревна. — Молода еще, неразумна. Ну и молвитъ иной разъ, не подумавши. Не взыщите, батюшка, на ея дѣвичьей неумѣлости.

— Что вы это себя безпокоите, — благодушно улыбаясь, отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Мало-ль сгоряча что говорится. Наталья же Зиновьевна изъ подросточковъ еще только-что выходитъ. Чего съ нея требовать?

— Все-жъ-таки... Какъ же это возможно? Пойду пожурю ее, — молвила Татьяна Андревна.

И съ тѣмъ словомъ пошла къ дочерямъ.

По уходѣ жены Зиновій Алексѣичъ дружески упрашивалъ Смолокурова не гнѣваться на неразумную. Марко Данилычъ не гнѣвался, а только на усъ себѣ намоталъ.

— А какъ насчетъ тюленя? — спросилъ онъ послѣ того.

— Новаго ничего нѣтъ, — отвѣтилъ Доронинъ. — Что вечоръ говорилъ, то и седни скажу: буду ждать письма отъ Меркулова.

— По-моему, напрасно, — замѣтилъ Марко Данилычъ. — По-дружески говорю, этого дѣла въ долгій ящикъ не откладывай.

— Дѣломъ спѣшить, людей насмѣшить, — съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Спѣшить не спѣши, а все-таки маленько поторапливайся, — перебилъ Доронина Марко Данилычъ. — Намедни, хоть я и сказалъ тебѣ, что Меркулову не взять по рублю по два-

дцати, однакожъ, обдумавъ хорошенько, эту цѣну дать я готовъ, только не иначе какъ съ разсрочкой: половину сейчасъ получай, пятнадцать тысячъ къ Рождеству, остальные на предбудущую ярманку. Процентовъ не начитать.

— Тяжеленьки условья-то, — усмѣхнувшись, молвилъ Доронинъ. — При такихъ условіяхъ и съ барышомъ находишься нагишомъ.

— Условія хорошія, — не смущаясь нимало, отвѣтилъ Смолокуровъ. — По теперешнимъ обстоятельствамъ отецъ родной лучше условій не предложитъ. Мнѣ не вѣришь, Богу повѣрь. Иду наудачу. Можетъ, тысячъ двадцать убытковъ понесу. Третьяго-дня ивановцы говорили, что они сокращаютъ фабрики, тюленя, значитъ, самая малость потребуется... А на мыло онъ и вовсе теперь нейдетъ... Прямо тебѣ говорю — иду наудачу; авось хлопку не подвезутъ ли, не прибавится ли оттого дѣла на фабрикахъ. Удастся — тысячъ пять наживу, не удастся — на двадцать буду въ накладѣ. По-дружески, откровенно открылъ я тебѣ все дѣло, какъ на ладонкѣ его выложилъ. Подумай да не медли. Сегодня по рублю по двадцати даю, а, можетъ, дня черезъ три и рубля не дамъ. Есть у тебя довѣренность, такъ и думать нечего, помолился, да по рукамъ.

— Нѣтъ, Марко Данилычъ, я ужъ лучше письма подожду. Самъ посуди, дѣло чужое, — немножко подумавъ, рѣшилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Ваше дѣло, какъ знаешь, — сердито отвѣтилъ, вставая со стула, Марко Данилычъ.

Молчитъ Зиновій Алексѣичъ. «Не по рукамъ ли?» — думаетъ. Но нѣтъ.

— Лучше погожу, — рѣшительно сказалъ онъ.

— Какъ знаешь, — беря картузъ, съ притворной холодностью молвилъ Смолокуровъ. — Желательно было услужить по пріятельству. А и то, по правдѣ сказать, лишняя обуза съ плечъ долой. Счастливо оставаться, Зиновій Алексѣичъ. На караванъ пора.

И распрощались друзья-пріятели холодно.

Когда встревоженная выходкой Наташи Татьяна Андревна вошла къ дочерямъ, сердце у ней такъ и упало. Закрывъ лицо и втиснувъ его глубоко въ подушку, Наташа лежала какъ пластъ на диванѣ и трепетала всѣмъ тѣломъ. Отъ душевной ли боли, или отъ едва сдерживаемыхъ рыданій, бѣдная дѣвушка тряслась и всѣмъ тѣломъ дрожала, будто въ сильномъ приступѣ злой лихоманки. Держа сестру руками за

распаленную голову, Лиза стояла на колѣняхъ и тревожнымъ шопотомъ просила ее успокоиться.

— Что съ тобой, что съ тобой, Наташенька? — всплеснувъ руками, вполголоса, чтобъ гостю не было слышно, спрашивала Татьяна Андревна.

Не дала отвѣта Наташа и крѣпче прежняго прижалась къ подушкѣ.

Не знаетъ, за что взяться, Татьяна Андревна, не придумаетъ, что сказать, кидается изъ стороны въ сторону, хватается то за одно, то за другое — въ конецъ растерялась бѣдная. Стала наконецъ у дивана, наклонилась и окропила слезами обнаженную шею дочери.

И сушатъ и цѣлятъ материнскія слезы дѣтище, глядя по тому, отчего онѣ льются. Слезы Татьяны Андревны цѣлебнымъ бальзамомъ канули на полную сердечной скорби Наташу. Тихо повернулась она, открыла ярко пылавшее лицо и тихо припала къ груди матери. Татьяна Андревна обняла ее и тихонько, чуть слышно сказала:

— Что съ тобой, милая? Что съ тобой, моя ненаглядная?

Ни слова не можетъ отвѣтить Наташа, а слезы градомъ, а рыданья такъ и надрываютъ молодую грудь.

— Дай-ка мнѣ водицы, Лиза, — догадалась Татьяна Андревна.

Спѣшно наливъ холодной воды, Лиза подала стаканъ матери, а та внезапно спрыснула Наташу, обрядно примолвивъ:

— Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его! Крестъ — святымъ слава и побѣда, крестъ — бѣсомъ язва, а рабѣ Божьей дѣвицѣ Натальѣ помощь и утвержденіе!

Ровно отъ тяжелаго сна очнулась Наташа, медленно провела по лицу руками и, окинувъ мать и сестру кроткимъ взоромъ, чуть слышно проговорила:

— Я... ничего...

Татьяна Андревна легонько обняла, поцѣловала ее въ лобъ и, немножко помолчавъ, спросила:

— Что это съ тобой?

— Зачѣмъ онъ его обижаетъ? — прошептала Наташа, и глаза ея разгорѣлись.

— Наташа! — съ изумленіемъ молвила Татьяна Андревна.

— Онъ добрый такой, хорошій, а этотъ злой, недобрый... — въ сильномъ волненьи заговорила Наташа.

— Полно-ка ты, полно, успокой себя... Какъ можно такія слова говорить? — уговаривала дочь Татьяна Андревна. — Лучше лягъ да усни, сномъ все пройдетъ... На-ка выпей водицы.

Жадно выпила Наташа воду и горько промолвила:

— Онъ клеплетъ, онъ со зла напраслину взводитъ на него. Не вѣрь ему!

— Да полно же, полно, голубка моя. Засни лучше, — уговаривала Татьяна Андревна Наташу, но та еще нескоро успокоилась.

Только-что ушелъ Смолокуровъ, спѣшными шагами прошла къ мужу Татьяна Андревна и разсказала ему свои догадки. Изумился Зиновій Алексѣичъ, но рѣшилъ пока въ это дѣло не мѣшаться и, если сама Наташа не заведетъ рѣчи про Веденеева, не говорить объ немъ ни полслова.

— На волю Господню положимся, — сказалъ онъ подъ конецъ совѣтнаго разговора.

Встрѣчаясь съ знакомыми, Доронинъ подъ рукой разузнавалъ про Веденеева — каковъ онъ нравомъ и каковы у него дѣла торговыя. Кто ни зналъ Дмитрія Петровича, всѣ говорили про него похвально, отзывались, какъ о человѣкѣ дѣльномъ и хорошемъ. Опричь Смолокурова ни отъ кого не слыхалъ Зиновій Алексѣичъ худыхъ вѣстей про него.

— Хорошо объ немъ отзываются,—говорилъ Зиновій Алексѣичъ Татьянѣ Андревнѣ.—Ежели дѣло заварится, чего еще лучше?..

— По-моему, тутъ главное то, что у него, все едино какъ у Никитушки, нѣтъ ни отца ни матери, самъ себѣ верхъ, самъ себѣ голова, — говорила Татьяна Андревна. — Есть, слышно, старая бабушка, да и та, говорятъ, на ладанъ дышитъ, изъ ума совсѣмъ выжила, стало-быть, ему не будетъ помѣха. Потому, ежели Господь устроитъ Наташину судьбу, нечего ей бояться ни крутого свекра, ни лихой свекрови, ни бранчивыхъ деверьевъ, ни золовокъ-колотовокъ.

А Наташа про Веденеева ни съ кѣмъ рѣчей не заводитъ и съ каждымъ днемъ становится молчаливѣй и задумчивѣй. Зайдетъ когда при ней разговоръ о Дмитріи Петровичѣ, вспыхнетъ слегка, а сама ни словечка. Пыталась съ ней Лиза заговаривать — и на сестрины рѣчи молчала Наташа, къ Дунѣ ее звали — не пошла. И больше не слышно было веселаго, яснаго смѣха ея, что̀ съ утра до вечера, бывало, раздавался по горницамъ Зиновья Алексѣича.

Въ Успеньевъ день, поутру, Дмитрій Петровичъ пришелъ къ Доронинымъ съ праздникомъ и розговѣньемъ. Дома случился Зиновій Алексѣичъ и гостю былъ радъ. Чай, какъ водится, подали; Татьяна Андревна со старшей дочерью вышла, Наташа не показалась, сказала матери, что голова у ней отъ

чего-то разболѣлась. Ни слова не отвѣтила на то Татьяна Андревна, хоть и замѣтила, что Наташина хворь была притворная, напущенная.

За чаемъ про разныя разности толковали, и про дѣла, и про веселья; рѣчь зашла про Марка Данилыча.

— Совсѣмъ пропалъ, — сказалъ про него Зиновій Алексѣичъ.—Сколько ужъ денъ не вижу его; и утромъ завернешь, и въ обѣдъ, и вечеромъ, все дома нѣтъ.

— Рыбныя дѣла зачинаются,—замѣтилъ Веденеевъ:—верховые покупатели стали трогаться помаленьку. Покамѣстъ еще вяло идетъ, а Богъ дастъ по скорости немножко расторгуемся. Марко Данилычъ теперь весь день на караванѣ сушь продаетъ.

— А какъ вообще дѣла-то?—спросилъ Зиновій Алексѣичъ.—Цѣны каковы?

— Покуда такъ себѣ, — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ. — Да вѣдь теперь еще нѣтъ настоящихъ цѣнъ, у насъ развязка всегда подъ конецъ ярманки бываетъ. Черезъ недѣлю дѣла пойдутъ бойчѣе.

— А вы какъ? Начали торги? — спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Я не тороплюсь, — отвѣчалъ Веденеевъ: — и надивиться не могу, съ чего другіе горячку порютъ. Вотъ хоть бы Марко Данилычъ. Развязку только задерживаетъ, а покупатели крѣпятся да такія разсрочки платежей предлагаютъ, что согласиться никакъ невозможно — двѣнадцать да осьмнадцать мѣсяцевъ.

— А какъ теперь цѣны на ваши товары? — спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Сушь рубля полтора да по два, коренная три съ полтиной, бѣлуга три съ гривной. Другихъ сортовъ покамѣстъ еще не продавали.

— А тюлень? — спросилъ Доронинъ, зорко поглядѣвъ на Дмитрія Петровича.

— Еще никакихъ цѣнъ нѣтъ,—отвѣчалъ Веденеевъ.

— А скоро ли будутъ?

— Къ самому концу,—отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ.

Хотѣлъ-было Доронинъ подробнѣе про тюленя разспросить, но вспомнилъ слова Смолокурова. «Кто его знаетъ, этого Веденеева, — подумалъ онъ: — мягко стелетъ, а, пожалуй, жестко будетъ спать, въ самомъ дѣлѣ навретъ, пожалуй, короба съ три. Лучше покамѣстъ помолчать».

И свелъ разговоръ на иное.

— Не забывайте насъ, Дмитрій Петровичъ, — сказала на

прощанье Татьяна Андревна:—жалуйте почаще къ намъ. Завсегда вамъ рады.

Съ веселой улыбкой Веденеевъ обѣщался бывать почаще. Затѣмъ, поговоривъ съ Лизаветой Зиновьевной, спросилъ про Наташу.

— Нездоровится что-то ей,—сказала Татьяна Андревна.

— Чтò съ ней? — тревожно спросилъ Веденеевъ, и румянецъ мгновенно облилъ лицо его.

Не укрылось то ни отъ отца ни отъ матери, не утаилось и отъ Лизаветы Зиновьевны.

— Голова что-то разболѣлась, — молвила Татьяна Андревна.—Да ничего, съ кѣмъ этого не случается?

— Однакожъ... — началъ-было Веденеевъ, но смутился и еще болѣе покраснѣлъ. Потомъ, схвативъ шляпу, сталъ торопливо прощаться съ Зиновьемъ Алексѣичемъ.

— Когда же увидимся? — спроситъ его Доронинъ.

— Да я... завсегда очень радъ... — слегка запинаясь, говорилъ Дмитрій Петровичъ. — Пожалуй, хоть завтра.

— И прекрасно, — ласково молвилъ ему Зиновій Алексѣичъ. — Пообѣдаемъ вмѣстѣ!

— Очень радъ...—отвѣчалъ Веденеевъ.

— Такъ мы будемъ ждать васъ, — сказалъ Зиновій Алексѣичъ. провожая Дмитрія Петровича.

Не успѣлъ уйти Веденеевъ, какъ Лиза, отворивъ дверь въ свою комнату, наткнулась на сестру. Все время Наташа простояла у двери и въ щелочку все глядѣла на Веденеева.

Проводя гостя, Зиновій Алексѣичъ къ женѣ подошелъ.

— Замѣтилъ? — спросила его Татьяна Андревна.

— Еще бы не замѣтить? Что-жъ, давай Богъ! Обѣихъ бы разомъ!

Глава пятнадцатая.

Ниже истока Ахтубы слишкомъ на двадцать саженъ высится правый берегъ широкой Волги. Здѣсь край такъ-называемыхъ «Горъ». Дальше пойдутъ отлогіе берега, песчаныя степи, кочевья калмыковъ. Берегъ глубокимъ оврагомъ разрѣзанъ. По дну того оврага рѣчка струится: про эту рѣчку такое сказанье идетъ отъ годовъ стародавнихъ.

Стоялъ на ея берегахъ дивный дворецъ: всюду блистало золото, всюду горѣли самоцвѣтные камни. Двери серебряныя, на полахъ разостланные мазандеранскіе ковры, диваны были крыты рытымъ бархатомъ, подушки низаны жемчугомъ, занавѣсы изъ шелковыхъ китайскихъ тканей, по всѣмъ черто-

гамъ носится благовонный дымъ аравійскихъ куреній. Вкругъ дворца тѣнистые сады, цвѣтники съ мелкими цвѣтами, цѣлыя рощи гилянскихъ розъ и высоко бьющіе холодными, кристальными струями водометы. Толпою сродницъ и роемъ молодыхъ невольницъ окруженная, жила тамъ прекрасная собой и добрая сердцемъ ордынская царица, дочь хорасанскаго хана... Какъ нѣжная роза въ темной листвѣ сіяетъ, такъ сіяла она середь красавицъ, что̀ съ нею въ томъ дворцѣ обитали. Подобной красы во всемъ мірѣ не было видано ни прежде ни послѣ. Оттого и звали ту царицу «Звѣздой Хорасана».

Ея супругъ, грозный, могучій царь Золотой Орды, часто къ ней пріѣзжалъ изъ Сарая, самыя важныя только дѣла заставляли его съ печалью на сердцѣ покидать роскошный дворецъ Хорасанской Звѣзды. Сколько царь ни уговаривалъ ее переселиться въ столицу, Звѣзда Хорасана ему не внимала, не хотѣла мѣнять тихаго житья въ прохладныхъ садахъ и роскошныхъ палатахъ на шумъ ордынской столицы. Ханскія жены, что̀ жили въ Сараѣ, въ глаза не видали Звѣзды Хорасана, но много слыхали про ея красоту неземную. Черная зависть ихъ обуяла, стало имъ нестерпимо, что ханъ любитъ эту жену больше всѣхъ остальныхъ. И стали онѣ плести ему наговоры.—«О, грозный, могучій ханъ Золотой Орды и многихъ царствъ-государствъ повелитель, — такъ онѣ говорили ему: — иль ты не знаешь, отчего любимая твоя царица не хочетъ жить въ славной столицѣ твоей? Тамъ въ пустынныхъ чертогахъ ей жизнь невпримѣръ веселѣе. Наѣхать бы тебѣ къ ней расплохомъ, обыскать бы сады и дворецъ, можетъ статься, кого-нибудь тамъ нашелъ бы». Вспыхнулъ яростью ханъ, услыхавъ рѣчи женъ, и излилъ гнѣвъ на злыхъ завистницъ.

Долго ли время шло, коротко ли, стали говорить хану думные люди его: — «О, грозный, могучій ханъ Золотой Орды, многихъ государствъ повелитель, многихъ царствъ обладатель! Обольстила тебя Звѣзда Хорасана; ради ея недостойной часто ты царскія дѣла свои покидаешь. А не знаешь того, солнце земли, тѣнь Аллаха, что она, какъ только ты изъ ея пустынныхъ чертоговъ уѣдешь, шлетъ за погаными гяурами и съ ними, на посмѣхъ тебѣ, веселится». Вскипѣлъ гнѣвомъ владыка ордынскій и велѣлъ головы снять думнымъ людямъ, что̀ такія слова про Звѣзду Хорасана ему говорили.

Долго ли время шло, коротко ли, приходитъ къ царю старая ханша и такія слова ему провѣщаетъ: — «Сынъ мой любезный, мощный и грозный ханъ Золотой Орды, многихъ

царствъ-государствъ обладатель! Не вѣрь ты Звѣздѣ Хорасана, напрасно сгубилъ ты слугъ своихъ вѣрныхъ. Доподлинно знаю, что у нея въ пустынномъ дворцѣ по ночамъ бываетъ веселье: приходятъ къ царицѣ собаки-гяуры, ровно ханы какіе въ парчевыхъ одеждахъ, много огней тогда горитъ у царицы, громкія пѣсни поютъ у нея, а она у гяуровъ даже руки цѣлуетъ. Вотъ какимъ срамомъ кроетъ твою царскую голову Звѣзда Хорасана». Ханъ замолчалъ. Хоть ярость и гнѣвъ и кипѣли на сердцѣ, но на мать родную онъ излить ихъ не могъ. А старая ханша свое продолжаетъ: — «Вѣрно я знаю, сынъ мой любезный, что на другой день джумы *), вечеромъ поздно, будетъ у ней въ гостяхъ собака-гяуръ, ея полюбовникъ. Будутъ тамъ пѣть и играть и позорить тебя, сынъ мой любезный, грозный ханъ для невѣрныхъ, милосердный царь ко всѣмъ, чтущимъ Аллаха и его святого пророка». На тѣ слова старой ханши промолчалъ грозный царь Золотой Орды.

Джума прошла; съ разсвѣтомъ коня царю осѣдлали, и поѣхалъ онъ къ царицѣ съ малымъ числомъ провожатыхъ. Ужъ полночь минула и звѣзды на небѣ ярко горѣли, когда подъѣхалъ онъ къ пустыннымъ чертогамъ... Видитъ—дворецъ весь внутри освѣщенъ, изъ оконъ несутся звуки радостныхъ пѣсенъ. Точно побѣду какую тамъ воспѣваютъ. Одаль оставя дружину, тихо подъѣхалъ ханъ къ окнамъ. И видитъ: Звѣзда Хорасана, сродницы ея и рабыни всѣ въ свѣтлыхъ одеждахъ, съ веселыми лицами, стоятъ предъ гяуромъ, одѣтымъ въ парчеву одежду, и какую-то громкую пѣсню поютъ. Вотъ Звѣзда Хорасана подходитъ къ гяуру и цѣлуетъ его въ уста. Свѣту не взвидѣлъ яростный ханъ, крикнулъ дружину, ворвался въ палаты и всѣхъ, кто тутъ ни былъ, избить повелѣлъ.

А было то въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье, когда подъ конецъ заутрени Звѣзда Хорасана, потаенная христіанка, первая съ іереемъ христосовалась. Дворецъ сожгли, остатки его истребили, деревья въ садахъ порубили. Запустѣло мѣсто. А рѣчку, что возлѣ дворца протекала, съ тѣхъ поръ прозвали рѣчкою Царицей. И до сихъ поръ она такъ зовется.

На Волгѣ, съ одной стороны устья Царицы, городъ Царицынъ стоитъ, съ другой—Казачья слободка, а за ней необъятныя степи и на нихъ кочевыя кибитки калмыковъ.

До желѣзной дороги городокъ былъ изъ самыхъ плохихъ. Тогда недалеко отъ пристани стояла въ немъ невзрачная гостиница, больше похожая на постоялый дворъ. Тамъ при-

---

*) Пятница — мусульманскій праздникъ.

ставали фурщики, что верховый барочный лѣсъ съ Волги на Донъ возили. Постояльцамъ, кои побогаче, хозяинъ уступалъ комнаты изъ своего помѣщенья и, конечно, отъ того въ накладѣ не оставался. Звали его Лукой Данилычемъ, прозывался онъ Володеровымъ.

Главнымъ его дѣломъ было сводить продавцовъ съ покупателями да исполнять порученья богатыхъ торговцевъ. Кромѣ того, Лука Данилычъ переторговывалъ всякимъ товаромъ, какой подъ-руку ему попадался. Одинъ годъ сплавной изъ Волховья лѣсъ продавалъ, другой хлѣбомъ да рыбой торговалъ, а не то по сосѣдству елтонскую соль закупалъ и на волахъ отправлялъ ее съ чумаками въ Воронежъ. Главнымъ же дѣломъ былъ мѣновой съ калмыками торгъ. Хлѣбъ, красный товаръ, кирпичный чай онъ посылалъ къ нимъ въ улусы, а оттоль пригонялъ косяки лошадей съ табунами жирныхъ ордынскихъ барановъ. Калачня большая была у него, больше десятка хлѣбниковъ каждый день въ ней кренделя да баранки пекли, и Лука Данилычъ возами отсылалъ ихъ въ улусы. Ловкій былъ, изворотливый человѣкъ, началъ съ копейки и скоро успѣлъ нажить большой капиталъ.

Вотъ ужъ безъ малаго мѣсяцъ въ домѣ его живетъ-поживаетъ молодой рыбный торговецъ Никита Ѳедоровичъ Меркуловъ. Два чистенькихъ, прибранныхъ опрятно покойчика изъ своихъ хозяинъ отвелъ ему и всѣмъ успокоилъ. Но неспокойно жилось постояльцу: дня два-три пробудетъ въ Царицынѣ и поплыветъ внизъ по Волгѣ до Чернаго-Яра, тамъ день-другой поживетъ, похлопочетъ и спѣшитъ воротиться въ Царицынъ. Шли у него съ моря бурлацкою тягой три баржи съ тюленьимъ и рыбьимъ изъ бѣшенки жиромъ, добѣжали тѣ баржи до Чернаго-Яра, и лоцманъ тутъ бѣдъ натворилъ. Большой паводокъ поднялся тогда отъ долгихъ дождей проливныхъ; лоцманъ былъ пьяный да неумѣлый, баржи подвелъ къ самой пристани въ Черномъ-Яру. А та пристань окромѣ весны мелководна, лѣтомъ лишь мелкимъ судамъ къ ней подходить неопасно, дощаникъ да ослянка*) еще могутъ стоять въ ней съ грѣхомъ пополамъ, а другая посудина какъ разъ на мель сядетъ. Такъ и съ меркуловскимъ караваномъ случилось: паводокъ спалъ за однѣ сутки, и баржи съ носовъ обмелѣли. На одну всѣхъ бурлаковъ согнали, тѣ принялись перетираться на шпиляхъ**) и съ великимъ трудомъ вывели

---

*) *Ослянка*, иначе осланка—небольшое, мелко сидящее судно.

**) *Шпиль*—длинный шестъ съ костылемъ либо шишкой вверху, о который упираются плечомъ рабочіе. *Перетираться на шпиляхъ* то же, что *идти на шестахъ*, значитъ судно вести, упираясь шпилями во дно рѣки.

ее на полую воду. За другую баржу принялись—ни съ мѣста. Бились-бились съ ранняго утра до поздняго вечера не пивши, не ѣвши, никакого нѣтъ толку.

Вдругъ ровно по чьему приказу бурлаки разомъ шпили побросали и въ сотню голосовъ съ бранью, съ руганью стали задорно кричать:

— Давай паузки, хозяинъ *)!

— Да гдѣ ихъ взять?—отвѣчалъ смущенный Меркуловъ.— Время глухое теперь, по всему Низовью ни одной паузки не сыщешь.

— На Верхъ посылай, а не то мы сейчасъ же котомки на плечи да айда по домамъ, — горланила буйная артель.

— Развѣ такъ можно? — крикнулъ Меркуловъ. — Нешто вы безсудный народъ? Попробуй сбѣжать, паспорты всѣ у меня и условіе тожё. За побѣгъ съ судна вашего брата по головкѣ не гладятъ.

— Видали мы такихъ горячихъ! У насъ, братъ, міръ, артель. Одному съ міромъ не совладать, будь ты хоть семи пядей во лбу!

— Молчать! — гнѣвно крикнулъ Меркуловъ. — Сейчасъ за работу. Берись за шпили.

Бурлаки въ кучу столпились, сами ни съ мѣста. Одинъ изъ нихъ, коренастый, широкоплечій парень лѣтъ тридцати, ступилъ впередъ, надѣлъ картузъ и, подперши руки въ боки, нахально сказалъ Меркулову:

— Ты не кипятись: печенка лопнетъ. Посылай-ка лучше за паузками, авось найдешь за Саратовымъ, а не то за Самарой. Тутъ три такихъ артели, какъ наша, ничего не подѣлаютъ. Ишь какъ вода-то сбываетъ, скоро баржи твои обсохнутъ совсѣмъ.

— За паузками посылать мое дѣло. Вамъ меня не учить стать, — строго молвилъ бурлакамъ Меркуловъ. — Ваше дѣло работать — ну и работай, буянить не смѣть! Здѣсь вѣдь городъ, судъ да расправу сейчасъ найду.

— Насъ этимъ не напугаешь, не больно боимся. И никто съ нами ничего не можетъ сдѣлать, потому что мы артель, міръ то-есть означаемъ. Ты понимай, что̀ такое міръ означаетъ! — изо всей мочи кричалъ тотъ же бурлакъ, а другіе вторили, пересыпая рѣчи крупною бранью.

До того дошли крики, что стало невозможно слова понимать. Только и было слышно:

---

*) *Паузокъ* — мелководное судно для перегрузки клади съ большихъ судовъ на мелкой водѣ.

— Посылай за паузками!.. Сейчасъ шли за паузками!

— Ну и пошлю, — сказалъ Меркуловъ. — А работу бросать у меня не смѣй, не то я сейчасъ же въ городъ за расправой. Эй, лодку!

Стихли бурлаки, но все-таки говорили:

— За паузками посылай, а даромъ на тебя работать не станемъ. Хоть самому губернатору жалобись, а мы несогласны работать. Въ условьи не ставлено того!

— Плачу̀ за простой, — молвилъ Меркуловъ.

— Ну, это ина статья, — заговорили бурлаки совсѣмъ другимъ ужъ голосомъ и разомъ сняли передъ хозяиномъ картузы и шапки. — Что-жъ ты, ваше степенство, съ самаго начала такъ не сказалъ? А то и насъ на грѣхъ и себя на досаду навелъ. Тебѣ бы съ перваго слова сказать, никто бы тебѣ супротивнаго слова не молвилъ.

— Ну, Христовъ народъ, берись за шишли!—гаркнулъ тотъ самый бурлакъ, что̀ нагло выступалъ изъ толпы передъ хозяиномъ.—Берись, берись, ребятушки! Хозяинъ за виномъ пошлетъ.

Меркуловъ въ самомъ дѣлѣ за водкой послалъ. Бурлаки пили, благодарили, но, какъ усердно ни работали, баржа не трогалась съ мѣста, а вода все убывала да убывала.

Послалъ Меркуловъ за паузками, нанялъ два въ Саратовѣ, но ихъ не хватило и одну баржу распаузить. Дальше послалъ, а вода все сбываетъ да сбываетъ, баржи стало пескомъ заносить. Выведенную въ самомъ началѣ на полую воду баржу взвели до Царицына, на стержнѣ у Чернаго-Яра оставить ее было ненадежно, неравно поднимется буря, совсѣмъ разобьетъ. Думалъ Меркуловъ — пароходъ кабестанный *) нанять — и тутъ неудача: пароходовъ по Волгѣ въ то время еще немного ходило, и всѣ они были заподряжены на цѣлое лѣто. Набрали наконецъ паузковъ, и Никита Ѳедорычъ вздохнулъ свободнѣй: хоть поздно, а все же поспѣетъ къ Макарью, ежель новой бѣды въ пути не случится.

Баржи съ паузками пришли наконецъ къ Царицынской пристани. Велѣлъ Меркуловъ перегрузить тюленя съ паузковъ на баржи, оставивъ на всякій случай три паузка съ грузомъ, чтобъ баржи не слишкомъ грузно сидѣли. Засуха стояла, Волга мелѣла, чего добраго на перекатѣ гдѣ-нибудь выше Казани полногрузная баржа опять сядетъ на мель.

---

*) Кабестанъ — воротъ. Прежде на Волгѣ были коноводныя суда, на которыхъ бывало по сотнѣ и болѣе лошадей. Онѣ приводили въ движенье воротъ, на который навивался канатъ, конецъ котораго съ якоремъ впереди судна брошенъ въ воду. Оттого судно и двигалось, хотя и очень медленно. Теперь сила лошадей замѣнена силой пара.

Кончились хлопоты, еще денъ пятокъ, и караванъ двинется съ мѣста. Вдругъ получаетъ Меркуловъ письмо отъ нареченнаго тестя. Невеселое письмо пишетъ ему Зиновій Алексѣичъ: извѣщаетъ, что у Макарья на тюленя цѣнъ вовсе нѣтъ, и что придется продать его дешевле рубля двадцати. А ему въ ту цѣну тюлень самому обошелся, значитъ, доставка съ наймомъ паузковъ, съ платой за простой и съ другими расходами вонъ изъ кармана. Вотъ тебѣ и свадебный подарокъ молодой женѣ!

Ходитъ Никита Ѳедорычъ по пристани ровно темная ночь. Торопитъ рабочихъ, а самъ все раздумываетъ: — «Что̀ работай, что̀ нѣтъ — все едино, денегъ пропасть потратилъ, а все-таки остался въ накладѣ. Вотъ тебѣ и тюлень!»

Совсѣмъ къ отвалу баржи были готовы, какъ новое письмо отъ Доронина получилъ горемычный Меркуловъ. Пишетъ, что цѣны ему кажутся очень ужъ низки, и потому хоть и есть въ виду покупатель и весь грузъ беретъ безъ остатка, но самъ Доронинъ безъ хозяйскаго письма рѣшиться не можетъ, потому и проситъ отвѣчать поскорѣй, какъ ему поступать.

Не вѣрится Меркулову, чтобы цѣны на тюленя до такой мѣры упали. Зналъ онъ, что и хлопку мало въ привозѣ и что на мыльные заводы тюленій жиръ больше нетребу ется, а отчего цѣнамъ упасть до того, что своихъ денегъ на немъ не выручишь, понять не можетъ. «Что-нибудь да не такъ, — думаетъ онъ: — можетъ, какой охотникъ до скорой наживы вздумалъ въ мутной водицѣ рыбку поймать, подъѣхалъ къ Зиновею Алексѣичу, узнавъ, что у него отъ меня есть довѣренность, а онъ въ рыбномъ дѣлѣ слѣпой человѣкъ». И рѣшилъ до пріѣзда къ Макарью тюленя не продавать. Такъ и въ письмѣ писалъ.

Письмо еще не было послано, какъ къ Царицыну съ Верху прибѣжалъ буксирный *) пароходъ. На пристани пошла обычная суетня. Мигомъ сбѣжалась толпа дѣвокъ и молодицъ. Живо, со смѣхомъ, съ веселыми криками, принялась она таскать на пароходъ дрова. Сойдя на берегъ, путники разсыпались по берегу: кто калачи покупалъ да крендели, кто запасался икрой и рыбой, кто накинулся на дешевые арбузы, на виноградъ, на яблоки. Шумъ, гамъ, крикъ! Съ полгорода отъ скуки сбѣжалось на пристань поглазѣть на проѣзжихъ. Пріѣзжихъ въ Царицынъ былъ только одинъ смолокуровскій приказчикъ, Корней Евстигнеевъ. Сойдя по сходнямъ съ парохода, увидалъ онъ стоявшаго неподалеку Володерова съ

---

*) Буксирнымъ пароходомъ называется такой, который ведетъ за собой нѣсколько баржъ съ грузомъ.

какимъ-то молодымъ человѣкомъ, не то бариномъ, не то купчикомъ. То былъ Меркуловъ.

— Наше вамъ, Лука Данилычъ! — лѣниво приподнявъ картузъ, молвилъ Корней Евстигнеевъ и протянулъ здоровенную лапищу царицынскому трактирщику. — Васъ-то мнѣ и надоть.

— Что̀ за надобность?—сухо спросилъ у него Володеровъ.

— А ты не вдругъ... Лучше помаленьку, — грубо отвѣтилъ Корней. — Ты, умная голова, то̀ разумѣй, что я Корней, и что на всякій спѣхъ у меня свой смѣхъ. А ты бы вотъ меня къ себѣ въ домъ повелъ, да хорошеньку фатеру отвелъ, да чайкомъ бы угостилъ, да винца бы поднесъ, а потомъ бы ужъ и спрашивалъ, по какому дѣлу, откуда и отъ кого я прибылъ къ тебѣ.

— Ну, говори, коли съ дѣломъ пріѣхалъ. Чего баклажиться-то?—съ досадой молвилъ трактирщикъ Корнею.

— А ты, братъ, не нукай, и самъ свезешь, — огрызнулся Корней. — Айда, что ли, къ тебѣ чаи распивать.

— Поспѣешь, — сказалъ Володеровъ и отошелъ отъ Корнея къ Меркулову.

А Корней, взваливъ на плечи чемоданъ, пошелъ къ постоялому двору.

— Кто такой? — спросилъ Меркуловъ у Луки Данилыча.

— Смолокуровскій приказчикъ, — отвѣтилъ Володеровъ. — Знаете Смолокурова Марка Данилыча?

— Какъ не знать? Старый рыбникъ, одинъ изъ первыхъ у насъ, — молвилъ Меркуловъ. — Только этого молодца я что-то у него на ватагахъ не видывалъ.

— При себѣ больше держитъ, рѣдко куда посылаетъ, развѣ по самымъ важнымъ дѣламъ, — отвѣчалъ Володеровъ. — Парень ухорѣзъ, недаромъ родомъ сызранецъ. Не выругавшись и Богу не помолится.

— При какихъ же дѣлахъ онъ у Смолокурова? — спросилъ Меркуловъ.

— Да при всякихъ, когда до чего доведется, — отвѣчалъ трактирщикъ. — Самый довѣренный у него человѣкъ... Гораздъ и Марко Данилычъ любого человѣка за всяко облаять, а супротивъ Корнея ему далеко. Такой облай, что слова не скажетъ путемъ, все бы ему срывка. Смолокуровъ, сами знаете, и спесивъ, и чванливъ, и держитъ себя высоко, а Корнею во всемъ спускаетъ. Бываетъ, что Корней и самого его обругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ, онъ хоть бы словечко въ отвѣтъ.

— Что-жъ бы это значило? — спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— Какія-нибудь особенныя дѣла у нихъ есть, — сказалъ

Володеровъ.—Можетъ статься, Корней знаетъ что-нибудь такое, отъ чего Марку Данилычу не расчетъ не уважить его.

Межъ тѣмъ на пароходъ бабы да дѣвки дровъ натаскали. Дали свистокъ, посторонніе спѣшатъ долой съ парохода, дорожные люди бѣгомъ бѣгутъ на палубу... Еще свистокъ, сходни приняты, и пароходъ сталъ заворачивать. Народъ съ пристани сталъ расходиться. Пошли и Никита Ѳедорычъ съ Володеровымъ.

Воротясь на квартиру, Меркуловъ велѣлъ подать самоваръ. И только-что успѣлъ налить стаканъ чаю, какъ дверь отворилась, и на цыпочкахъ вошелъ Володеровъ.

— Чай да сахаръ! — молвилъ Лука Данилычъ.

— Къ чаю милости просимъ, — отвѣтилъ Меркуловъ. — Садитесь-ка—самая пора.

— Покорнѣйше благодаримъ, Никита Ѳедорычъ. Я къ вамъ по дѣльцу. Оченно для васъ нужное, — вполголоса сказалъ Володеровъ.

— Что такое? — немножко встревожившись, спросилъ Меркуловъ.

— Да насчетъ вашего товара желаю доложить,—еще больше понижая голосъ, отвѣчалъ Володеровъ.

— Что такое? — совсѣмъ ужъ смутившись, спросилъ Меркуловъ.

— Этотъ Корней съ письмомъ ко мнѣ отъ Смолокурова пріѣхалъ, — шопотомъ продолжалъ Володеровъ. — Вотъ оно, прочитайте, ежели угодно, — прибавилъ онъ, кладя письмо на столъ. — У Марка Данилыча гдѣ-то тамъ на Низу баржа съ тюленемъ осталась и должна идти къ Макарью. А какъ у Макарья цѣны стали самыя низкія, какъ есть въ убытокъ, по рублю да по рублю съ гривной, такъ онъ и проситъ меня остановить его баржу, ежели пойдетъ мимо Царицына, а Корнею велѣлъ плыть ниже, до самой Бирючьей косы *), остановилъ бы ту баржу, гдѣ встрѣтится.

При первыхъ же словахъ Володерова Никита Ѳедорычъ вскочилъ со стула и крупными шагами сталъ ходить по горницѣ. Въ сильномъ волненьи воскликнулъ:

— Не можетъ быть, чтобъ по рублю!.. Никакъ этого не можетъ быть!.. Что-нибудь да не такъ... Или ошибка, иль ужъ не знаю что.

— Вотъ письмо, извольте прочесть, — сказалъ Лука Данилычъ.

Меркуловъ сталъ читать. Поблѣднѣлъ, какъ прочелъ слова

---

*) На устьѣ Волги, на Каспійскомъ взморьѣ.

Марка Данилыча: «А такъ какъ предвидится на будущей недѣлѣ, что цѣна еще понизится, то ничего больше дѣлать не останется, какъ всего тюленя хоть въ воду бросать, потому что не будетъ стоить и хранить его...»

— Ахъ, ты, пропасть какая! — отчаяннымъ голосомъ вскликнулъ Никита Ѳедорычъ. — Это Богъ знаетъ на что похоже! Ниже рубля!.. Что-жъ это такое?

И, не кончивъ самовара, поблагодаривъ Володерова за участье, пошелъ на пристань освѣжиться въ вечерней прохладѣ.

Подошелъ къ своимъ баржамъ... Возлѣ нихъ Корней Евстигнеевъ стоитъ, съ приказчикомъ его раздабариваетъ.

— Невеселыя вѣсти отъ Макарья привезъ,—сказалъ, указывая на Корнея, приказчикъ Меркулову.

— Какія вѣсти? — спросилъ Никита Ѳедорычъ, будто не знаетъ ничего.

— Да вотъ-съ насчетъ тюленя, — отвѣтилъ приказчикъ.

— Что-жъ такое насчетъ тюленя? — обратился Меркуловъ къ Прожженому.

— А то могу доложить вашей милости, что по нонѣшнему году этотъ товаръ самый что̀ ни на есть анаѳемскій. Провалиться-бъ ему проклятому ко всѣмъ чертямъ съ самимъ сатаной, — отвѣчалъ Корней.

— За что-жъ вы такъ честите нашъ товарецъ?.. Кажется, онъ всегда хо̀докъ бывалъ... — сказалъ Никита Ѳедорычъ, а у самого сердце такъ и разрывается.

— Ходкій, неча сказать!.. — захохоталъ Корней. — Теперь у Макарья что̀ водкѣ изъ-подъ ледки, что̀ этому товару одна цѣна. Нашъ хозяинъ рѣшилъ всего тюленя, что̀ ни привезъ на ярманку, въ Оку покидать; пущай, говоритъ, водяные черти кашу себѣ маслятъ. Баржа у насъ тутъ гдѣ-то на Низу съ этой дрянью застряла, такъ хозяинъ далъ мнѣ порученность весь жиръ въ воду, а баржу погрузить другимъ товаромъ да на̀скоро къ Макарью вести.

— А какъ однако цѣны теперь на тюленя? — спросилъ Меркуловъ.

— Какія цѣны? Вовсе ихъ нѣтъ. Восьми гривенъ напросишься, — отвѣчалъ Корней Евстигнеевъ.

— Ужъ и восемь гривенъ? — съ недовѣрьемъ отозвался Никита Ѳедорычъ. — Знаемъ тоже кой-что!..

— Знаешь ты съ рѣдькой десять! — вскинулся на него Корней.— Врать, что ли, я тебѣ стану? Нанималъ, что ли, ты меня врать-то?.. За вранье-то никакой дуракъ денегъ не дастъ... Коли есть лишнія, подавай — скажу, пожалуй, что пудъ по пяти рублевъ продавали...

— Управились, что ли? — спросилъ Меркуловъ своего приказчика, отвернувшись отъ Корнея.

— Совсѣмъ почти, — отвѣчалъ приказчикъ. — Самая малость осталась, завтра къ полднямъ все будетъ готово.

— Такъ пообѣдавши, Богъ дастъ, и отвалимъ, — сказалъ Меркуловъ и пошелъ на квартиру.

— Валилъ бы лучше въ Волгу свое сокровище. Выгоднѣе, право, выгоднѣй будетъ, — кричалъ ему вслѣдъ Корней Евстигнеевъ. — Вотъ такъ купецъ - торговецъ!.. Три баржи съ грузомъ, а самъ съ голымъ пузомъ! Эй, воротись, получай по два пятака за баржу — все-таки тебѣ хоть какой-нибудь барышъ будетъ.

Не слушалъ Никита Ѳедорычъ ни рѣчей Корнея ни бурлацкаго хохота, раздавшагося на его слова, быстрыми шагами удалился онъ отъ пристани. А сердце такъ и кипитъ отъ гнѣва и досады... Очень хотѣлось ему расправиться съ нахаломъ.

Долго, до самой полночи ходилъ онъ по комнатѣ, думалъ и сто разъ передумывалъ насчетъ тюленя. «Ну что-жъ, — рѣшилъ онъ наконецъ: — ну по рублю продамъ, десять тысячъ убытку; по восьми гривенъ продамъ — двадцать тысячъ убытку. Убиваться не изъ чего — не по міру же въ самомъ дѣлѣ пойду!.. Барышу накладъ родной братъ, то одинъ, то другой на тебя поглядитъ... Богъ дастъ, поправимся, а все-таки надо скорѣй съ тюленемъ развязаться!..»

И, разорвавъ приготовленное письмо, сталъ писать другое. Извѣщалъ онъ Зиновья Алексѣича, что отправляется съ баржами изъ Царицына, и просилъ его поторопиться продажей по какой бы цѣнѣ ни было.

Утомившись отъ дневныхъ тревогъ и волненій, поздно за полночь легъ Меркуловъ въ постель. Не спалось ему — тюлень съ ума не сходилъ. «Эхъ, узнать бы повѣрнѣе ярманочныя цѣны!.. Отъ рыбниковъ толку не добьешься... Къ кому ни пиши — всѣ кулаки съ перваго до послѣдняго, правды отъ нихъ не жди... Кто бы это такой у Зиновья Алексѣича тюленя торгуетъ?.. Что бы написать ему!.. Не изъ нашихъ, должно-быть, не изъ рыбниковъ, да изъ нихъ Зиновій Алексѣичъ, кажется, ни съ кѣмъ знакомства не имѣетъ... Развѣ написать къ кому... Къ Орошину? И не подумаетъ отвѣтить, меня же еще на смѣхъ подниметъ, станетъ носиться съ моимъ письмомъ по всѣмъ караванамъ. Къ Смолокурову, къ Сѣдову, къ Сусалину? Одного сукна епанча!.. Засмѣютъ, а что обманутъ — въ томъ и сомнѣнья нѣтъ».

Думалъ - думалъ, ничего придумать не могъ. А кручинныя

думы неотвязчивы, ты гони ихъ, а онѣ ровно мухи такъ и лѣзутъ къ тебѣ.

Вдругъ ровно его освѣтило. «Митя не въ ярманкѣ ли?— подумалъ онъ.—Не сбирался онъ къ Макарью, дѣлъ у него въ Петербургѣ по горло, да притомъ же за границу собирался ѣхать и тамъ вплоть до глубокой осени пробыть... Однакожъ кто его знаетъ... Можетъ-быть, пріѣхалъ!.. Эхъ, какъ бы онъ у Макарья былъ».

А Дмитрій Петровичъ Веденеевъ былъ великій другъ и пріятель Меркулову. Земляки, сверстники по возрасту, почти одногодки. Торговому дѣлу обучались не въ лавкѣ, не въ амбарѣ, а на школьной скамьѣ. Оба промышляли на ватагахъ и оба торги вели не по-старому. Старые рыбники на нихъ обоихъ глядѣли свысока, подшучивали надъ ихъ ученьемъ и крѣпко недолюбливали за новые, неслыханные дотоль на Волгѣ порядки, что̀ завели они у себя на промыслахъ и въ караванахъ. Ловцы у нихъ были на готовыхъ харчахъ, оттого и воровали меньше, чѣмъ на другихъ ватагахъ. Старымъ рыбникамъ было то за большую досаду, боялись, что молодежь все дѣло у нихъ перепортитъ.

Живучи въ Москвѣ и бывая каждый день у Дорониныхъ, Никита Ѳедорычъ ни разу не сказалъ имъ про Веденеева, къ слову какъ-то не приходилось. Теперь это на большую досаду его наводило, досадовалъ онъ на себя и за то, что, когда писалъ Зиновью Алексѣичу, не пришло ему въ голову спросить его, не у Макарья ли Веденеевъ, и ежели тамъ, такъ всего бы вѣрнѣе черезъ него цѣны узнать.

Засвѣтилъ огня Никита Ѳедорычъ, распечаталъ приготовленное къ нареченному тестю письмо и приписалъ въ немъ, чтобы онъ попыталъ отыскать на Гребновской пристани Дмитрія Петровича Веденеева, и какую онъ цѣну на тюленя скажетъ, по той бы и продавалъ... Написалъ на случай письмо и къ Веденееву, просилъ его познакомиться съ Доронинымъ и открыть ему настоящія цѣны.

Когда Никита Ѳедорычъ запечаталъ письмо, у него отлегло на душѣ, и сталъ онъ гораздо спокойнѣе. Тревоги ровно не бывало, безпокойство стихло. Про баржи да про убытки и на разумъ не вспадаетъ, думаетъ про одну невѣсту да по пальцамъ высчитываетъ, черезъ сколько дней съ ней увидится. И сдается ему, что, какъ только увидитъ онъ милый ликъ любимой дѣвушки, всѣ скорби и печали, всѣ заботы и хлопоты какъ рукой сниметъ съ него, и потекутъ дни свѣтлые, дни счастья и тихой радости... Минуютъ черные дни, и она, никто какъ она, избавитъ его отъ бѣдъ и напастей.

На другой день рано поутру Меркуловъ отправилъ съ письмами двуконную эстафету. Ради вѣрности самъ на почту ходилъ, самъ письма сдалъ. Выходя изъ почтовой конторы, встрѣтился съ Корнеемъ Евстигнеевымъ.

— Мнѣ бы штафету надо послать,— сказалъ Корней, войдя въ контору.

— Куда?—отрывисто спросилъ у него сумрачный почтмейстеръ.

— Въ Нижній, на ярманку.

— Письмо аль посылка? — немножко поласковѣй спросилъ почтмейстеръ.

— Одно письмо.

— Тридцать восемь рублей двадцать пять копеекъ, — молвилъ почтмейстеръ.

Радъ онъ былъ. Не сѣрымъ волкомъ, а сизымъ голубкомъ поглядѣлъ на Корнея Прожженаго, садиться просилъ его, привѣтныя слова говорилъ. Эстафетѣ все едино—два ли, три ли письма везти. Значитъ, безъ малаго сорокъ рублей почтмейстеру перепало.

Сѣлъ Корней у стола деньги считать. Отдавая, спросилъ у почтмейстера:

— Отъ Меркулова другая-то штафета?

Почтмейстеръ молча кивнулъ головой.

— Мы вѣдь по одному съ нимъ дѣлу, — замѣтилъ Прожженый.— Къ Доронину, надо полагать, онъ послалъ.

Раскрылъ почтмейстеръ книгу и вслухъ прочиталъ:

— «Въ Нижній-Новгородъ, на Гребновскую пристань, вольскому купцу Зиновью Доронину и... и почетному гражданину Дмитрію Веденееву, отъ почетнаго гражданина Никиты Меркулова». А отъ васъ кому?

— На ту же Гребновскую, къ Смолокурову, Марку Данилычу, — молвилъ Корней Евстигнеевъ.

— Въ одно, значитъ, мѣсто.

— И мѣсто одно, и дѣло одно, и во всѣхъ трехъ письмахъ писано одно, — подтвердилъ Корней. — А скоро-ль штафета пойдетъ?

— Слышите колокольчикъ, — молвилъ почтмейстеръ.— Письмецо-то ваше пожалуйте.

— Какъ же мнѣ быть? — молвилъ Корней, вынимая письмо. — Мнѣ бы надо было еще словечка два приписать хозяину.

— Печатка съ вами?

— При мнѣ, — отвѣтилъ Корней Евстигнеевъ, взявъ въ руку подвѣшенную къ часамъ сердоликовую печать.

— Такъ садитесь и приписывайте. Вотъ вамъ конвертъ, вотъ сургучъ, бумажки понадобится — и бумажки дадимъ.

Распечатавши письмо, Корней приписалъ, что съ той же эстафетой идутъ письма отъ Меркулова — одно къ Доронину, другое къ Веденееву.

Сорокъ рублей до того раздобрили почтмейстера, что онъ, ради будущаго знакомства, пригласилъ Корнея къ себѣ на квартиру, а такъ какъ у него на ту пору пирогъ изъ печки вынули, предложилъ ему водочки выпить да закусить. Корней не отказался и, прощаясь съ гостепріимнымъ почтмейстеромъ, сунулъ ему красненькую. Тотъ сталъ-было отнѣкиваться, однако принялъ...

Черезъ часъ послѣ того плылъ вверхъ по Волгѣ Никита Ѳедорычъ, провожаемый добрыми пожеланьями Володерова и насмѣшливыми взглядами Корнея Прожженаго.

Глава шестнадцатая.

Рѣзво и бойко одна за другой вверхъ по Волгѣ выбѣгали баржи меркуловскія. Цѣлу путину вѣтеръ попутный имъ дулъ, и на меляхъ и перекатахъ воды стояло вдоволь. Рабочіе на баржахъ были веселы, лоцмана радовались высокой водѣ, водоливы — ведру, всѣ — ровному вѣтру безъ порывовъ, безъ перемежекъ. «Святой воздухъ» широко разстилалъ «апостольскія скатерти» *), и баржи летѣли ровно птицы, а бурлаки либо спали, либо ѣли, либо тѣшились межъ собою. Одинъ хозяинъ невеселъ по палубѣ похаживалъ — тюлень у него съ ума не сходилъ.

Какъ ни быстро бѣжалъ караванъ Никиты Ѳедорыча, посланныя изъ Царицына эстафеты его упредили.

Дня черезъ четыре послѣ отправки тѣхъ эстафетъ, рано поутру, только-что успѣлъ Марко Данилычъ протереть заспанныя очи и помолиться по лѣстовкѣ, крадучись, ровно кошка, робкими стопами вошелъ къ нему Василій Ѳаддеевъ. Помолясь Богу и отдавъ низкій поклонъ хозяину, осторожно развязалъ онъ бумажный платокъ и подалъ письмо.

— Штафета изъ Царицына, — вполголоса промолвилъ онъ и глубоко вздохнулъ, ровно непосильную тяжесть съ плечъ сбросилъ.

Жадно схватилъ письмо Смолокуровъ, быстро сорвалъ печать и принялся читать неразборчивое посланье Корнея.

---

*) Бурлацкія выраженія. Святой воздухъ — вѣтеръ, апостольская скатерть — паруса.

Сначала лицо его радостью просіяло, потомъ онъ весь какъ кумачъ покраснѣлъ, и глаза загорѣлись гнѣвомъ... Такого крѣпко онъ при этомъ выругался, что Ѳаддеевъ на всякій случай отступилъ шага на четыре поближе къ двери.

— Зарѣзалъ!..—закричалъ Марко Данилычъ, бросая смятое письмо. Потомъ, заложа руки за спину, принялся шагать взадъ и впередъ по горницѣ.

А Василій Ѳаддеевъ попятился къ самому порогу. Въ знакъ покорности склонилъ онъ низко голову, робко вытянулъ впередъ гусиную шею свою, а самъ искоса то и дѣло поглядываетъ на вспылившаго хозяина.

— Чтобъ его вдоль и поперекъ!.. Чтобъ ему ни гроба ни савана!..—продолжалъ тотъ браниться. И вдругъ ни съ того ни съ сего накинулся на Ѳаддеева.

— Ты чего торчишь?.. Вонъ пошелъ!.. Мошенники!.. Ироды проклятые!..

Богу не помолясь, хозяину не поклонясь, юркнулъ изъ комнаты Василій Ѳаддеевъ.

«Не выгорѣло!—самъ съ собой разсуждалъ Марко Данилычъ.—Теперь дѣло бросовое!.. И какъ это мнѣ на мысли не вспало, что Митька съ Микиткой земляки?.. Они другъ дружкѣ извѣстны, къ тому-жъ одной масти, одной выучки... Чтò бѣла собака, чтò черна собака—все одинъ песъ... Да я же съ большого-то ума и свелъ Митьку съ Дорониными... Позвалъ тогда его на катанье!.. Прометнулся!.. Вотъ тѣ и барышъ, вотъ тѣ и тюлень!.. Господи, Батюшка, ризу вѣдь я обѣщалъ на Владычицу!.. Червоннаго золота!.. Мало развѣ?.. Такъ я бы прибавилъ!..»

Чуть-чуть отворилась входная дверь, и высунулось побитое оспой лицо Василья Ѳаддеева.

— Еще два письма почтальонъ привозилъ на пристань,—робко промолвилъ онъ.

— Знаю,—крикнулъ Марко Данилычъ.—Ступай до грѣха!.. Да убирайся же, чтобъ черти тебя на томъ свѣтѣ жарили да всякой мерзостью замѣсто масла поливали!

И неистово затопалъ ногами.

— Одного не нашли,—настойчиво молвилъ Василій Ѳаддеевъ и тотчасъ же скрылся за дверью.

— Кого не нашли?.. Ступай сюда,—крикнулъ ему Смолокуровъ.

Приказчикъ опять появился въ дверяхъ.

— Доронина какого-то искалъ почтальонъ,—сказалъ онъ, входя въ комнату.—А такого у насъ по всей пристани нѣтъ. А на письмѣ означено: «на Гребновскую». Спрашивалъ по-

чтальонъ, не знаетъ ли кто, гдѣ тотъ Доропинъ живетъ — не знаетъ никто. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

— Съ письмомъ?

— Съ письмомъ, — отвѣтилъ Ѳаддеевъ. — Говорилъ, что отдастъ его въ почтову контору, — чтò, говоритъ, тамъ хотятъ, то пущай съ нимъ и дѣлаютъ.

— А-а!.. Ну, за это тебѣ спасибо, — маленько повеселѣй промолвилъ Марко Данилычъ. — Другое-то письмо къ Веденееву? — спросилъ онъ, маленько помолчавши.

— Такъ точно-съ, — посмѣлѣй прежняго отвѣчалъ Ѳаддеевъ.

— Самъ получалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, приказчикъ получалъ, Веденеевъ на караванѣ не живетъ.

— Тотчасъ повезъ приказчикъ письмо? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Самъ, говорилъ, скоро на баржи пріѣдетъ, тогда и отдамъ, — отвѣчалъ Василій Ѳаддеевъ.

Рублевку далъ ему Марко Данилычъ за пріятныя вѣсти.

— Это тебѣ за то, что письмо поспѣшилъ привезти...— промолвилъ онъ, когда Ѳаддеевъ раболѣпно цѣловалъ щедрую руку. — Съ Богомъ.

Отвѣсилъ низкій поклонъ Ѳаддеевъ и молча ушелъ.

Мрачно ходилъ Марко Данилычъ по комнатѣ, долго о чемъ то раздумывалъ... Дуня вошла. Думчивая такая, цвѣтъ съ лица будто сбѣжалъ. Каждый день подолгу видается она съ Аграфеной Петровной, но нѣтъ того, о комъ юныя думы, неясныя, непонятыя еще ею вполнѣ тревожныя помышленья. Ровно волной его смыло, ровно вѣтромъ снесло. «Вотъ ужъ недѣля, какъ нѣтъ»,—думаетъ Дуня... Думаетъ, передумываетъ и совсѣмъ теряется въ напрасныхъ догадкахъ.

Только-что взглянулъ на Дуню Марко Данилычъ, вдругъ самъ измѣнился въ лицѣ. Ни гнѣва ни досады. Съ нѣжностью поцѣловалъ онъ дочь.

— Чтò это, погляжу я на тебя, Дунюшка, ровно ты не по себѣ? — спросилъ онъ, одной рукой обнимая ее, а другой ласково гладя по шелковистымъ волосамъ.

Чуть-чуть вспыхнула Дуня. Тихо подняла она на отца голубые глаза и, силясь казаться беззаботной, съ улыбкой ему отвѣчала:

— Нѣтъ, я ничего.

— Да ты здорова ли? — заботно спрашивалъ отецъ, прикладывая широкую заскорузлую ладонь къ бѣлоснѣжному челу дочери.

— Здорова.

— Что-жъ это глаза-то у тебя какіе?.. Ровно бы плакала?..

Смутилась Дуня, поалѣла, однакожъ твердо, спокойно, съ улыбкой промолвила:

— О чемъ же плакать мнѣ, тятя?

— То-то, ты у меня смотри, — молвилъ Смолокуровъ.

И, нѣжно поцѣловавъ Дуню, отошелъ къ окну.

А она въ самомъ дѣлѣ чуть не половину ночи проплакала отъ неотвязчивыхъ думъ.

— Давно ли съ подругами-то видѣлась, съ Дорониными?— спросилъ Марко Данилычъ, пристально глядя на что-то въ окошко.

— Дня три не видались, — отвѣтила Дуня.

— Что-жъ это ты? Побывай у нихъ... Дѣвицы хорошія, любятъ тебя, — молвилъ Марко Данилычъ, попрежнему глядя на улицу. — А то съ одной Аграфеной Петровной хороводишься... Только у тебя и свѣта въ окошкѣ... Такъ, ласточка ты моя, дѣлать не годится.

— Груня меня любитъ. Опять же знала меня еще махонькой.

— Видаться съ ней запрета тебѣ не кладу, — сказалъ Марко Данилычъ. — Баба она хорошая, дѣльная, разумная. А все же нельзя ради нея другихъ покидать. Такъ не водится, моя сердечная.

— Сегодня же побываю у Дорониныхъ, — тихо отвѣтила Дуня.

— А вотъ попьешь чайку да тотчасъ же къ нимъ и ступай. По маломъ времени я и самъ подойду, — сказалъ Марко Данилычъ.

Молча, головку склонивши, пошла Дуня къ Дарьѣ Сергѣвнѣ, а тамъ ужъ стоялъ самоваръ на столѣ.

Когда въ Царицынѣ Моркуловъ писалъ письма, онъ, отъ безсонной ночи и душевнаго волненья, написавши адресъ Веденеева: «на Гребновскую пристань», безсознательно поставилъ его и на письмѣ къ Зиновью Алексѣичу. Изъ этого путаница вышла. Хорошо еще, что Веденеевъ былъ у Макарья, а то бы письмо къ Доронину такъ и заваялось въ почтовой конторѣ.

Дуня еще сидѣла у Дорониныхъ, а Марко Данилычъ еще не приходилъ къ нимъ, какъ съ праздничнымъ лицомъ влетѣлъ въ комнату Дмитрій Петровичъ. Первымъ словомъ его было:

— Получили эстафету?

— Какую? — съ удивленьемъ спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Отъ Меркулова отъ Никиты Өедорыча, изъ Царицына,— сказалъ Дмитрій Петровичъ.

Еще больше удивился Зиновій Алексѣичъ... Лизавета Зиновьевна вспыхнула. Татьяна Андревна, руки сложивъ на груди, умильно спросила Веденеева:

— А вы нешто Никитушку-то знаете?

— Другъ и пріятель закадычный. Къ тому-жъ земляки,— отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Не сродни ли какъ? — озабоченно спросила Татьяна Андревна, пристально глядя на Веденеева.

— Ни родства ни свойства, а живемъ съ нимъ дружно, союзно. Дай Богъ и сродникамъ такъ жить, какъ живемъ мы съ Меркуловымъ, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Да что за штафета такая? — перебилъ ихъ Зиновій Алексѣичъ.

— Читайте, что пишетъ ко мнѣ Никита Сокровенный, — сказалъ Веденеевъ, подавая письмо Зиновью Алексѣичу.

— Какъ это вы, батюшка, назвали его? — добродушно спросила Татьяна Андревна.

— Никита Сокровенный, — весело улыбаясь, отвѣтилъ Веденеевъ. — Такъ его у насъ въ дружескомъ кружкѣ зовутъ: Никита Сокровенный да Никита Сокровенный, а иной разъ и просто Сокровенный. Онъ ужъ знаетъ свою кличку.

— За что-жъ это вы его такъ прозвали, батюшка? — спросила Татьяна Андревна.

— А за то, что человѣкъ онъ въ самомъ дѣлѣ скрытный. Лишняго слова не молвитъ, все подумавши, не то что нашъ братъ, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Дѣло не худое, — молвила Татьяна Андревна. — Сказанно слово серебряное, не сказанно — золотое.

— Конечно, не худое дѣло, — отвѣтилъ Веденеевъ. — Опять же и именинникъ-отъ онъ бываетъ на Никиту Сокровеннаго, на другой день Рождества Богородицы. Оттого больше его и прозвали.

— Вотъ это ужъ нехорошо, — замѣтила Татьяна Андревна.— Грѣхъ!.. Божьихъ угодниковъ всуе поминать не слѣдуетъ. И передъ Богомъ грѣхъ, и люди за то не похвалятъ... Да... Преподобный Никита Сокровенный великій былъ угодникъ. Всю жизнь въ пустынѣ спасался, не видя людей, разъ только одинъ Созонтъ дьяконъ его видѣлъ. Читалъ ли ты, сударь, житіе-то его?

— Благодѣтель! — прочитавъ письмо, вскликнулъ Зиновій Алексѣичъ и сталъ обнимать Веденеева. — Какая-жъ цѣна-то?

— Покамѣстъ никакой, товаръ еще нетроганый, — отвѣ-

чалъ Дмитрій Петровичъ: — недѣльки черезъ двѣ настоящая цѣна объявится, не раньше. Будетъ два съ полтиной, а не то и два шесть гривенъ.

Назадъ даже попятился отъ удивленья Зиновій Алексѣичъ. Два рубля шесть гривенъ!.. Мелькнули у него на умѣ смолокуровскія слова, что Дмитрій Петровичъ ради потѣхи любитъ пустые слухи распускать, но изъ письма Меркулова видно, что они межъ собой дружны, стало-быть, не станутъ другъ дружку обманывать.

— Какъ два рубля шесть гривенъ? — громко воскликнулъ Зиновій Алексѣичъ. — Да я отъ вашихъ же рыбниковъ слыхалъ, что тюлени ни на фабрики ни на мыльны заводы въ нынѣшнемъ году пуда не потребуютъ, и вся цѣна ему рубль, много-много ежели рубль съ гривной.

— Орошинъ, что ли, это вамъ сказывалъ? Онисимъ Самойлычъ? — улыбаясь, спросилъ Веденеевъ.

— Не онъ, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ и чуть-было не назвалъ Смолокурова... Взглянувши на Дуню, примолкъ онъ.

— А тотъ, кто сказывалъ вамъ такія цѣны, не торговалъ ли у васъ тюленя-то?

— Было дѣло, — усмѣхнулся Доронинъ.

— То-то и есть, — молвилъ Дмитрій Петровичъ. — Намедни на томъ же тюленѣ хотѣли Марка Данилыча провести... Я его тогда выручилъ, въ нашемъ Рыбномъ трактирѣ при всѣхъ показалъ ему письмо изъ Петербурга... Оно со мной.

И, подавъ письмо Зиновію Алексѣичу, промолвилъ:

— Извольте прочитать.

Прочелъ Зиновій Алексѣичъ и думаетъ: — «Такъ это ты, Марко Данилычъ, вкругъ насъ ручки погрѣть хотѣлъ... Ай да пріятель!.. Хорошъ!.. Можно на тебя положиться!.. Нечего сказать!»

— Гдѣ же мое-то письмо? Ко мнѣ его не приносили, — вдругъ сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

— За письмомъ надо будетъ вамъ самимъ съѣздить въ почтову контору, а не то дайте вашъ паспортъ, я за васъ получу. Безъ того не выдадутъ, — сказалъ Веденеевъ.

— Какъ такъ? Ко мнѣ бы на квартиру должны принести.

— Маленько напуталъ Никита Ѳедорычъ, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Написалъ на вашемъ письмѣ, что вы на Гребновской. Почтальонъ поискалъ васъ тамъ и повезъ письмо въ контору. Дайте паспортъ, мигомъ слетаю.

И минутъ черезъ пять Дмитрій Петровичъ катилъ ужъ на почту.

Во время разговора мужа съ Веденеевымъ Татьяна Андревна словечка не проронила. И она и Лизавета Зиновьевна со слезами нѣмой благодарности смотрѣли на Дмитрія Петровича, а Наташа съ какимъ-то величавымъ самодовольствомъ поглядывала то на мать, то на сестру и будто говорила ясными взорами: — «Что? Чья правда? Станете теперь журить меня? Такъ ли бы еще надо было обойтись тогда съ этимъ злымъ, съ этимъ обманщикомъ?» Ничего не видя, ничего не слыша, сидѣла Дуня, у ней на душѣ своя заботная дума была, своя горькая кручина. «Гдѣ-то онъ? Что-то съ нимъ?»—думала она и съ нетерпѣньемъ ждала отца, чтобъ уйти поскорѣй отъ Дорониныхъ и замкнуться въ своей горенкѣ съ Аграфеной Петровной.

Только-что уѣхалъ Веденеевъ, Лиза съ Наташей позвали Дуню въ свою комнату. Перекинувшись двумя-тремя словами съ женой, Зиновій Алексѣичъ сказалъ ей, чтобы и она шла къ дочерямъ, Смолокуровъ-де скоро придетъ, а съ нимъ надо ему одинъ-на-одинъ побесѣдовать.

Марко Данилычъ не замедлилъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ онъ къ пріятелю, дружески поздоровался и даже повелъ о чемъ-то шутливый разговоръ. Когда Зиновій Алексѣичъ велѣлъ закуску подать, онъ ѣлъ и пилъ, какъ слѣдуетъ.

— Ну что? Какъ на Гребновской дѣла? — спросилъ Доронинъ.

— Ничего. Полегоньку стали расторговываться, — отвѣчаетъ Марко Данилычъ, разрѣзывая окорочекъ бѣлоснѣжнаго московскаго поросенка. — Сушь почти всю продали, цѣны подходящія, двинулась и коренная. На нее цѣны такъ себѣ. Икра будетъ дорога, Орошинъ почти всю скупилъ, а онъ охулки на руку не положитъ, такую цѣну заворотитъ, что на масленицѣ по всей Россіи ѣшь блины безъ икры. Бѣдовый!..

— А насчетъ тюленя-то какъ? — спросилъ Доронинъ, прищуривъ лѣвый глазъ и облокотясь щекой на правую руку.

— Цѣнъ еще не обнаружилось, — преспокойно отвѣтилъ Марко Данилычъ, уписывая за обѣ щеки поросенка подъ хрѣномъ и сметаной. — Надо полагать, маленько поднимутся. Теперь могу тебѣ рубль восемь гривенъ дать... Пожалуй, еще гривенку накину. Денегъ половина сейчасъ на столъ, останная къ Рождеству. По рукамъ, что ли?

И протянулъ руку.

— А по два рубля по шести гривенъ желаешь? — усмѣхнулся Доронинъ, наливая другу стаканъ краснаго кахетинскаго.

— Успѣлъ, видно, покалякать съ Веденеевымъ? — тоже усмѣхнулся Марко Данилычъ.

— Успѣлъ, — подвигая гостю стаканъ, сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

— Значитъ, тюленя мнѣ у тебя не купить?

— Видно, что такъ, — шутливо промолвилъ Доронинъ.

— Дѣло, — сказалъ Марко Данилычъ. — Важный у тебя поросенокъ, Зиновій Алексѣичъ!.. Неужто здѣсь поёнъ?

— Московскій, — сказалъ Зиновій Алексѣичъ. — Гдѣ опричь Москвы такихъ поросятъ найти?.. И въ Москвѣ-то не вездѣ такого найдешь — въ Новотроицкомъ да въ Патрикеевскомъ, у Гурина да въ Эрмитажѣ, а по другимъ мѣстамъ лучше и не спрашивай.

— Вѣрно, — согласился Марко Данилычъ. — И селедка у тебя важная... Почемъ покупалъ?

— Три цѣлковыхъ боченокъ. Цѣна извѣстная, — отвѣчалъ Зиновій Алексѣичъ.

— Вѣдь вотъ поди-жъ ты тутъ. У насъ въ Волгѣ этой селедки видимо-невидимо, а такой, какъ голландская, не водится, — молвилъ Марко Данилычъ.

И пошелъ разговоръ объ разныхъ разностяхъ. Пересыпался онъ веселыми шутками, яснымъ искреннимъ смѣхомъ, сердечностью. Лишь подъ конецъ бесѣды съ рюмками мадеры въ рукахъ, пожелавъ другъ другу здоровья, всякаго благополучія, опять вспомнили про тюленя.

— А больно тебѣ хотѣлось поддѣть насъ съ Меркуловымъ? — усмѣхнулся Зиновій Алексѣичъ.

— Еще бы! — смѣясь, отвѣчалъ Марко Данилычъ. — На плохой бы конецъ тысячъ сорокъ въ карманъ положилъ. На улицѣ не поднимешь!

— Анъ вотъ тебѣ и шишъ, — добродушно захохоталъ Доронинъ, поднявъ палецъ передъ пріятелемъ.

— Ничего! — отшутился Марко Данилычъ. — Дней у Господа много впереди: одинъ карась сорвется, другой сорвется, третій Богъ дастъ и попадется.

— А за что-жъ бы ты Меркулова-то обездолилъ? — спросилъ Зиновій Алексѣичъ.

— Бѣды-бъ ему отъ того не было... — сказалъ Марко Данилычъ. — Убытки умъ даютъ. А Меркуловъ человѣкъ молодой, ему надо ума набираться.

Потомъ други-пріятели повернули бесѣду на иныя дѣла и долго разлюбезно бесѣдовали.

Узнавъ, что Дмитрій Петровичъ друженъ съ Никитушкой, Татьяна Андревна считала и его близкимъ къ своей семьѣ человѣкомъ. Та ея догадка, что̀ пришла на умъ послѣ Наташиной выходки противъ Смолокурова, съ каждымъ днемъ казалась сбыточнѣе. Зоркій материнскій глазъ по взглядамъ Венедеева и Наташи замѣчалъ, что̀ было у нихъ на сердцѣ. По совѣту мужа, положилась она во всемъ на волю Господню и ни малѣйшаго вида не подавала дочери, что догадывается о ея чувствахъ къ Веденееву. Однако, каждый день молясь Богу о Наташѣ, не забывала поминать на молитвѣ и раба Божья Димитрія. Оттого-то, когда узнала она о дружбѣ Дмитрія Петровича съ нареченнымъ ея зятемъ, тотчасъ же она и спросила, не въ родствѣ ли они. То̀ было у Татьяны Андревны на разумѣ, что ежели они сродни, тогда, пожалуй, нельзя будетъ обѣ свадьбы-то вѣнчать.

Когда Наташа узнала о дружбѣ Веденеева съ Меркуловымъ, стало ей весело и радостно, а вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала она невольный страхъ и какую-то робость.

Когда же у отца зашелъ разговоръ съ Дмитріемъ Петровичемъ про цѣны на тюленій жиръ и вспомнила она, какъ Марко Данилычъ хотѣлъ обмануть и Меркулова и Зиновья Алексѣича, и какія обидныя слова говорилъ онъ тогда про Веденеева, глаза у ней загорѣлись полымемъ, лицо багрецомъ подернулось, двинулась она, будто хотѣла встать и вмѣшаться въ разговоръ, но, взглянувъ на Дуню, опустила глаза, осталась на мѣстѣ и только кидала полные счастья взоры то на отца, то на мать, то на сестру. А когда Дмитрій Петровичъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать на почту, подошелъ къ ней и взглянулъ на нее такъ ясно и радостно, Наташа поняла его, пуще прежняго зардѣлась она, и лучезарныя очи ея ослѣпили не вспомнившаго себя отъ восторга Веденеева. Хотѣлъ онъ что-то сказать, но не могъ и быстро вышелъ, почти бѣгомъ побѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Пока Зиновій Алексѣичъ дружелюбно разговаривалъ про тюленя съ Маркомъ Данилычемъ, а потомъ благодушно бесѣдовалъ съ нимъ за закусочкой, обѣ его дочери съ Дуней сидѣли. Лишь изрѣдка красавицы перекидывались отрывочными словами, но больше молчали, каждая про свое дѣло раздумывала. Лиза сгорала нетерпѣніемъ увидѣться наконецъ съ женихомъ и радовалась, что не попался онъ въ сѣни, разставленныя старымъ плутоватымъ рыбникомъ; не дни, а часы считала она, что̀ оставались до желаннаго свиданья... Въ золотыхъ мечтахъ она воображала первую встрѣчу, радость, слезы счастья, крѣпкія объятья, горячіе поцѣлуи... А Наташа

думала, когда-жъ мой Митенька словами скажетъ то, что̀ такъ ясно очами говоритъ... Было бы скучно сидѣть съ ними Дунюшкѣ, но сама она потонула въ думахъ. Думы тяжкія, думы мрачныя, не такія, какъ у счастливыхъ подругъ ея. Только и было теперь у ней на умѣ: «скоро ли, скоро-ль тятенька кончитъ свои разговоры?» Насилу дождалась.

Только-что ушли Марко Данилычъ съ Дуней отъ Дороныхъ, воротился съ почты Дмитрій Петровичъ. Прочитали письмо меркуловское и разочли, что ему надо быть дня черезъ три, черезъ четыре. Такой срокъ Лизаветѣ Зиновьевнѣ показался черезчуръ длиннымъ, и навернулись у ней на глазахъ слезы. Замѣтилъ это отецъ и шутливо спросилъ:

— Али не рада?

— Долго, — чуть слышно отвѣтила Лиза.

— Ну, матушка, четыре мѣсяца ждала, четырехъ денъ не хочешь подождать, — съ доброй улыбкой сказалъ дочери Зиновій Алексѣичъ, да тутъ и вспомнилъ, что выдалъ передъ чужимъ семейную тайну.

А Татьяна Андревна и не замѣтила того. Совсѣмъ ужъ своимъ считала она Дмитрія Петровича.

Догадаться Веденееву было не трудно. «Эхъ, какъ бы намъ съ Сокровеннымъ быть свояками!.. — подумалъ онъ: — то-то бы хорошо было!» И взглянулъ онъ на Наташу и видитъ — сіяетъ она пышной красой и ясной радостью...

— Старуха! — молвилъ женѣ Зиновій Алексѣичъ. — Никакъ я обмолвился?.. Никакъ проболтался?.. Нашъ-отъ гость дорогой, пожалуй, теперь догадался. Не сказать ли ужъ ему всю правду, всю истинную? Другъ вѣдь онъ, пріятель Никитушкѣ-то. Почитай-ка, что̀ пишетъ онъ про него... Все едино, что братья... Ась?.. Какъ, супруга ты моя благовѣрная, въ такомъ разѣ мнѣ присовѣтуешь?

— Чего еще разсказывать-то? — добродушно улыбаясь, отвѣчала Татьяна Андревна. — Безъ того, батька, все разсказалъ, какъ размазалъ... Вотъ невѣста вашего пріятеля, Дмитрій Петровичъ, — промолвила она, показавъ Веденееву на старшую дочь.

Съ радостнымъ чувствомъ поздравилъ Веденеевъ невѣсту, сказалъ ей, что теперь они будутъ свои, что ежели Никита Ѳедорычъ ему за брата, такъ она будетъ ему за сестру. И взявъ невѣстину руку, крѣпко поцѣловалъ ее.

«Не надо бы такъ, не водится, — подумала Татьяна Андревна: — ну, да онъ человѣкъ столичный, съ новымъ обхожденьемъ. То же, что̀ Никитушка... Опять же не при людяхъ». И ни слова супротивъ не молвила.

Поздравилъ Веденеевъ и Татьяну Андревну и у нея поцѣловалъ руку.

— Чтой-то ты, батька, съ ума что ли спятилъ? — вскликнула она. — Нешто я попъ?.. Опричь дочерей никто у меня съ роду рукъ не цѣловывалъ...

— На радостяхъ, Татьяна Андревна, ей-Богу, на радостяхъ, — сказалъ Дмитрій Петровичъ: — и если бы можно было, козломъ проскакалъ бы по комнатѣ.

Къ Наташѣ подошелъ. Какъ стрѣлой поразило его сердце, когда прикоснулся онъ къ нѣжной, стройной рукѣ ея. Опустила глаза Наташа и зардѣла вся... Вздохнула Татьяна Андревна, глядя на нихъ... А Наташа?.. Не забыть ей той минуты до бѣла савана, не забыть ее до гробовой доски!..

Трижды, со щеки на щеку расцѣловался съ Дмитріемъ Петровичемъ Зиновій Алексѣичъ. Веселъ старикъ былъ и радушенъ. Ни съ того ни съ сего сталъ «куманькомъ» да «сватушкой» звать Веденеева, а посматривая, какъ онъ и Наташа другъ на дружку поглядываютъ, такія мысли раскидывалъ на разумѣ:—«Чего еще тянуть-то? По рукамъ бы, и дѣло съ концомъ».

Весело, незамѣтно летѣло время въ задушевныхъ разговорахъ. Про жениха больше рѣчи велись. Разсказывалъ Веденеевъ про ихъ петербургское житье-бытье, про разные случаи, встрѣчи, знакомства; каждый разсказъ его милымъ и дорогимъ казался всей семьѣ доронинской. Кончитъ Дмитрій Петровичъ, примолкнетъ, а имъ бы еще и еще его слушать, еще бы что-нибудь хорошее узнать про Никитушку. Такъ время вплоть до обѣда прошло. Сколько ни отговаривался Веденеевъ, какіе доводы ни приводилъ о крайней надобности побывать тамъ и сямъ, Зиновій Алексѣичъ не пустилъ его, а Татьяна Андревна, лишнихъ рѣчей не разводя, спрятала его картузъ въ своей комнатѣ.

— Теперь, сватушка, ты у насъ подъ карауломъ, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ. — Выпустимъ на волю, когда захочемъ.

И залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Тихо, мирно пообѣдали и весело провели остатокъ дня. Сбирались-было ѣхать на ярманку, но небо стало заволакивать, и свѣжій вѣтеръ потянулъ. Волга заволновалась, по оконнымъ стекламъ застучали крупныя капли дождя. Остались, и радъ былъ тому Дмитрій Петровичъ. Такъ легко, такъ отрадно было ему. Вѣкъ бы гостить у Дорониныхъ.

— Когда же, Татьяна Андревна, думаете вы окрутить друга моего любезнаго? — спросилъ онъ.

— Поскорѣй хотѣлось бы, Дмитрій Петровичъ, да не знаю,

управимся ли, — отвѣчала Татьяна Андревна. — Захаріи и Елизаветы — Лизины именины въ середу будутъ, а жениховы въ первое послѣ того воскресенье. Не въ тѣ, такъ въ другія именины желательно было бы ихъ повѣнчать. Да наврядъ ли управимся къ тому времени. Все готово, все припасено, хоть сейчасъ ступай подъ вѣнецъ, да не знаемъ, дѣла какъ порѣшатся. Домой придется сплыть, и на то время надо... Какъ ни думай, какъ ни гадай, къ ихнимъ именинамъ не поспѣть. Видно, Покровъ—дѣвкѣ голову покроетъ.

— Больше мѣсяца, значитъ, придется ждать, — молвилъ Веденеевъ.

— Что-жъ дѣлать, батюшка?—сказала Татьяна Андревна.— Долго ждали, маленько-то подождутъ. Да вотъ еще Богъ знаетъ, скоро ли Никитушка со своимъ тюленемъ покончитъ...

— Скоро покончитъ, Татьяна Андревна, скоро, — молвилъ Дмитрій Петровичъ. — Орошинъ хочетъ скупать, охота ему все, что̀ ни есть въ привозѣ тюленя, къ своимъ рукамъ подобрать. Статья обозначилась выгодная. Недѣли двѣ назадъ про тюленя и слушать никто не хотѣлъ, теперь съ руками оторвутъ.

— Стало-быть, какъ пріѣдетъ Никитушка, такъ и покончитъ? — спросила Татьяна Андревна.

— На другой же день, — сказалъ Веденеевъ.—Я его сведу съ покупателями. А мой бы совѣтъ не торопиться. Дольше повыдержитъ, больше барыша возьметъ.

— Долго-то ждать не охота бы. И то наши князь со княгиней стосковались совсѣмъ, — молвила, улыбаясь, Татьяна Андревна.

— До Покрова вѣдь рѣшились же отложить? — сказалъ Веденеевъ.

— Охъ, ужъ и не знаю, какъ сказать вамъ, Дмитрій Петровичъ! — со вздохомъ промолвила Татьяна Андревна. — Какъ Господь устроитъ!

А Дмитрій Петровичъ держитъ свое на умѣ:—«Авось и мое дѣло до Покрова выгоритъ. Скорѣй бы Никита Сокровенный пріѣзжалъ. Я ему тюленя сосватаю, а онъ Наташу мнѣ сватай»...

Взглянулъ онъ тутъ на нее. Облокотясь на правую руку, склонивъ головку, тихимъ взоромъ смотрѣла она на него. И показалось ему, что цѣлое небо любви сіяетъ въ лучезарныхъ очахъ дѣвушки. Хотѣлъ что-то сказать—не можетъ, не смѣетъ.

Поздно вечеромъ пришлось ему оставить пріютную, милую семью, гдѣ блаженство онъ ощущалъ, гдѣ испыталъ высшую степень наслажденья души. И когда вышелъ онъ изъ доронин-

ской квартиры, тоска напала на него, тяжело ровно свинецъ пало на душу одиночество... Мнилось ему, что изъ свѣтлаго рая вдругъ попалъ онъ на трудную землю, полную бѣдъ, горя, печали, лишеній...

Выйдя изъ гостиницы, сталъ на крыльцѣ. Дождь такъ и хлещетъ, тьма стоитъ непроглядная, едва свѣтятся уличные фонари, съ шумомъ и звономъ стучатъ крупныя дождевыя капли о желѣзные листы наддвернаго зонта.

Самъ не зная зачѣмъ, ровно вкопаный, стоитъ на крыльцѣ Веденеевъ. Все еще видится ему милый ликъ дорогой дѣвушки, все еще слышатся сладкія, тихія рѣчи ея. Задумался и не можетъ сообразить, гдѣ онъ, зачѣмъ тутъ стоитъ, что̀ ему надобно дѣлать... Съ громомъ подкатилъ къ крыльцу извозчикъ въ крытой пролеткѣ.

— Извозчика вашей чести требуется?

— Да, — безсознательно молвилъ Дмитрій Петровичъ и, не торгуясь, быстро вскочилъ въ пролетку. Застегнувъ кожаный запонъ и сѣвъ на козлы, извозчикъ спросилъ:

— Куда прикажете?

— Туда, — махнувъ рукой къ ярманкѣ, сказалъ Веденеевъ и тотчасъ же погрузился въ сладкія думы. .

Съ хитрой улыбкой извозчикъ кивнулъ головой и, не молвивъ ни полслова, поѣхалъ къ мосту, а потомъ повернулъ налѣво вдоль по шоссе

Ѣдутъ, ѣдутъ... Пріѣхали въ какую-то песчаную немощеную улицу... Своротили. Еще повернули, остановились передъ большимъ, ярко освѣщеннымъ домомъ.

— Пріѣхали... — весело осклабляясь, молвилъ извозчикъ. — Подождать вашу честь прикажете?

Занесъ-было ногу вонъ изъ пролетки Дмитрій Петровичъ... но вдругъ оглядѣлся. Видитъ растворенныя настежь двери, ведутъ онѣ въ грязный коридоръ, тускло освѣщенный лампой съ закопченнымъ стекломъ. Едва держась на ногахъ, пьянымъ шагомъ пробирается тамъ вдоль стѣнки широкоплечій купчина съ маслянистымъ лицомъ. Осторожно поддерживаетъ его подъ руку молодой человѣкъ, надо думать, приказчикъ, взятый хозяиномъ ради сохранности. Заботливо, почтительно старому кутилѣ онъ приговариваетъ: — «Полегче, батюшка Алексѣй Сампсонычъ, не оступитесь—тутъ ступенька». А батюшка Алексѣй Сампсонычъ, въ награду за такую заботливость, хриплымъ голосомъ ругаетъ приказчика на чемъ свѣтъ стоитъ.

Оглядѣлся Дмитрій Петровичъ и ровно проснулся.

— Куда ты завезъ меня? — напустился онъ на извозчика.

— Куда приказывали, — бойко тотъ отвѣчалъ.

— Когда я приказывалъ? Чтò ты городишь? — закричалъ Веденеевъ.

— Изволили сказать: «пошелъ туда», я и поѣхалъ,—оправдывался извозчикъ. — Дѣло ночное, непогода... «Туда» извѣстно значитъ куда...

Стоявшая у подъѣзда толпа извозчиковъ во все горло расхохоталась. Залился смѣхомъ даже самъ городовой, приставленный къ дверямъ на всякій случай.

А изъ раскрытыхъ оконъ слышатся звуки разбитаго фортепіано, топотъ танцующихъ, звонъ стакановъ, дикіе крики и то хриплый, то звонкій хохотъ не одного десятка молодыхъ женщинъ, сопровождаемый ихъ визгомъ и руганью.

— На Театральную площадь, къ Ермолаеву, — крикнулъ раздраженный Дмитрій Петровичъ.

— Такъ бы и говорили, — ворчалъ извозчикъ. — А то — «туда». Ночь, ярманка — извѣстно, куда въ этакую пору ѣздятъ купцы.

— Безъ разговоровъ! — крикнулъ Веденеевъ.

И всю дорогу отплевывался.

Глава семнадцатая.

Когда Меркуловъ доплылъ до Казани, тамъ на Бакалдѣ*) засталъ онъ небольшой пароходъ. Пароходъ совсѣмъ былъ готовъ къ отвалу, бѣжалъ вверхъ по Волгѣ къ Нижнему. Тогда еще мало ходило пароходовъ, и Никитѣ Ѳедорычу такая нечаянность показалась особеннымъ, неожиданнымъ счастьемъ. На плохой конецъ двумя сутками раньше увидитъ онъ теперь невѣсту.

Сдавъ баржи надежному, испытанному приказчику, взялъ онъ мѣсто на пароходѣ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа ступилъ на палубу. Все ему казалось такъ хорошо, такъ красиво — и борты, и машины, и убранство каютъ, хоть въ самомъ-то дѣлѣ тутъ ничего особеннаго не было. Угрюмый капитанъ показался Никитѣ Ѳедорычу такимъ прекраснымъ, такимъ душевнымъ человѣкомъ, что, познакомившись съ нимъ, онъ съ перваго же слова едва не бросился обнимать его. Капитанъ, не говоря ни слова, съ ногъ до головы мрачно оглядѣлъ восторженнаго купчика и подумалъ: «должно-быть, здорово хлебнулъ на проводахъ». Рабочій, чтò перетаскивалъ на

*) Бакалда — казенная пристань на Волгѣ. Иначе называется Устьемъ (рѣки Казани).

богатырскихъ своихъ плечахъ грузный чемоданъ Меркулова, показался ему такимъ хорошимъ и добрымъ, что онъ объ этомъ высказалъ ему напрямикъ и подарилъ рубль серебромъ. Рабочій выпучилъ удивленные глаза на Меркулова, но, опомнившись, крѣпко сжалъ въ увѣсистомъ кулакѣ бумажку и, наскоро отвѣсивъ низкій поклонъ щедрому купчику, бѣгомъ пустился вдоль по палубѣ, думая про себя:—«Подгулялъ, сердечный!.. Уйти до грѣха, а то, пожалуй, опомнится да назадъ потребуетъ». И всѣ пассажиры показались Никитѣ Ѳедорычу такими хорошими и добрыми, а рѣчи ихъ такими разумными, что онъ тотчасъ же со всѣми перезнакомился и до такой степени сталъ веселъ и разговорчивъ, что и пассажиры про него то же самое подумали, что и капитанъ съ богатыремъ-рабочимъ. Грязная, плохими лачугами обстроенная Бакалда восторженнымъ глазамъ Меркулова представлялась прекрасно устроенной пристанью; самое небо съ нависшими свинцовыми тучами — яснымъ, лучезарнымъ, какъ будто итальянскимъ. Одно лишь было ему не по мысли — очень ужъ долго, по его мнѣнію, медлили сборами, долго не отваливали.

Подняли наконецъ сходни *), и пароходъ, заворотивъ кверху, быстро побѣжалъ, извергая изъ желѣзныхъ устъ клубы густого чернаго дыма и снопы огненныхъ искръ... Мѣрно бьетъ онъ крылами многоводное лоно русскихъ рѣкъ и ручьевъ, кипитъ по бокамъ его мощно разсѣкаемая влага, а онъ летитъ все быстрѣй, все впередъ. Берега такъ и мелькаютъ. На широкихъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ парусахъ и топселяхъ **) однѣ за другими вылетаютъ длинными расшивы съ высокими носами, съ узкими кормами, съ бортами, огороженными низкими перильцами; вдогонку за ними бѣгутъ большія, грузныя, но легкія на ходу гусянки съ небольшой оснасткой и съ низкими открытыми бортами; дальше черепашьимъ шагомъ плетутся нагруженныя пермскою солью, уемистыя неуклюжія ладьи, бархоты, шитики и проконопаченные мочаломъ межеумки, вдали сверкаютъ бѣлизной ветлужскія сплавныя бѣляны, чернѣютъ густо осмоленныя кладнушки. Всѣхъ далеко за собою оставляя, вольной птицей летитъ по рѣкѣ пароходъ, а Меркулову кажется, что онъ чуть ли не на мель сѣлъ... Охъ, если бы крылья—такъ бы вотъ и ринулся онъ впередъ соколинымъ полетомъ...

Не сидится Никитѣ Ѳедорычу въ тѣсной, душной каютѣ,

---

*) *Сходня* или *сходни* — доска съ набитыми на ней брусками для схода съ судна на берегъ.

**) *Топсель* — верхній парусъ; онъ поменьше нижняго — *коренного* или *ходового*.

вышелъ онъ на палубу освѣжиться. Съ лѣваго берега подувало холоднымъ вѣтромъ, то и дѣло начинался косой дождикъ, но только-что припуститъ хорошенько, тотчасъ притихнетъ, а потомъ и опять. Быстро тучи несутся по небу, берега и рѣка вечернимъ сумракомъ кроются... Пассажиры, укрываясь отъ непогоды, всѣ сидятъ по каютамъ, одинъ Меркуловъ остается на кормовой палубѣ. Походилъ онъ, походилъ взадъ и впередъ, къ паровику подошелъ и долго, пристально глядѣлъ, какъ ровно, мѣрно, почти беззвучно поднимаются и опускаются рычаги машины. Долго стоялъ онъ тутъ, защищенный отъ вѣтра и дождя каютками капитана и лоцмана, что построены надъ колесными кожухами. Насмотрѣвшись вдоволь на машину, Никита Ѳедорычъ подошелъ къ перильцамъ, отдѣлявшимъ палубу третьяго класса, и окинулъ глазами тамъ бывшихъ. Одно лицо показалось ему знакомымъ. Русый, лѣтъ сорока, невысокаго роста, въ теплой суконной сибиркѣ, только-что потрапезовалъ онъ на сонъ грядущій и, сбираясь улечься на боковую, обратился лицомъ къ востоку, снялъ картузъ и сталъ на молитву, крестясь по старинѣ двуперстно. Стоялъ онъ прямехонько передъ Меркуловымъ. Вглядываясь въ лицо его, Никита Ѳедорычъ больше и больше убѣждался, что гдѣ-то видалъ этого человѣка... Усильно старается онъ вспомнить, гдѣ и когда встрѣчался съ этимъ русымъ, но какъ нарочно совсѣмъ захлестнуло у него въ памяти... А любопытство межъ тѣмъ возбудилось до крайности, и, только-что русый кончилъ молитву, Меркуловъ подошелъ и спросилъ:

— Кажется, мы гдѣ-то съ вами видались?

Пристально поглядѣлъ русый на Меркулова.

— Ахъ, батюшки! — воскликнулъ онъ. — Никакъ господинъ Меркуловъ будете?

— Онъ самый, — молвилъ Никита Ѳедорычъ, радуясь, что русый призналъ его. — Скажите однако, гдѣ мы съ вами видались? У меня что-то изъ памяти вонъ.

— Въ Питерѣ, сударь, въ Питерѣ, — весело отвѣчалъ русый.—Въ Питерѣ, у Дмитрія Петровича Веденеева. Въ приказчикахъ у его милости служу, Флоръ Гавриловъ, ежели припомните...

— Ахъ, Флоръ Гаврилычъ! Какъ я радъ, что встрѣтился съ вами! — говорилъ съ увлеченьемъ Меркуловъ. — Гдѣ теперь Дмитрій Петровичъ?

— У Макарья въ ярманкѣ,—отвѣчалъ Флоръ Гавриловъ.— Ѣду къ нему съ отчетами изъ Саратова.

— Какъ я радъ, какъ я радъ такой пріятной встрѣчѣ, — говорилъ Никита Ѳедорычъ, обнимая и крѣпко цѣлуя Флора

Гаврилова, къ немалому изумленію веденеевскаго приказчика. «Что за Свѣтло Воскресенье нашло на него»,—думаетъ Флоръ Гавриловъ. И вспало ему на умъ то же самое, что подумалось и капитану, и рабочему съ богатырскими плечами, и пассажирамъ: «хлебнулъ, должно-быть, ради сырой погоды».

— Давно ли Митенька въ ярманкѣ?—спросилъ Меркуловъ у Флора Гаврилова.

— Дмитрій-отъ Петровичъ? Да какъ вамъ доложить — дня за три либо за четыре до перваго Спаса туда прибыли. Теперь вотъ ужъ безъ малаго мѣсяцъ, — сказалъ Флоръ Гавриловъ.

— Гдѣ присталъ? На Гребновской, что ли, на баржѣ? — спрашивалъ Никита Ѳедорычъ.

— Какъ возможно!.. — молвилъ Флоръ Гавриловъ. — И далеко тамъ и грязно, а ужъ вонь такая, что не приведи Господи. Теперь на самой ярманкѣ много гостиницъ понастроили, хозяевамъ по пристанямъ не слѣдъ теперь проживать...

— Гдѣ-жъ остановился онъ?

Флоръ Гавриловъ сказалъ, гдѣ остановился Веденеевъ. Никита Ѳедорычъ ногъ подъ собой не слышалъ отъ радости скораго свиданья не только съ невѣстою, но и самымъ близкимъ другомъ-пріятелемъ... «Кстати, очень кстати пріѣхалъ Митенька къ Макарью,—думаетъ онъ про себя:—теперь онъ мою эстафету, значитъ, ужъ получилъ. Пособитъ моему горю, развяжетъ меня съ тюленемъ». И крѣпко жалъ Меркуловъ руку Флору Гаврилову, звалъ его въ рубку *) чайку напиться, поужинать, побесѣдовать. Надивиться не можетъ приказчикъ такимъ ласкамъ хозяйскаго пріятеля. «Пьянъ, безпремѣнно пьянъ»,—онъ думаетъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, Никита Ѳедорычъ, только увольте, пожалуйста, — отвѣчаетъ онъ на приглашенья Меркулова. — Намъ вѣдь нѣтъ туда ходу, мы вѣдь третьяго класса— на то порядокъ. Вы вотъ въ первомъ сѣли, такъ вамъ вездѣ чистый путь, а нашему брату за эту перегородку пройти нельзя.

— Ничего, я скажу тамъ, — перебилъ Меркуловъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте, — на своемъ стоялъ Флоръ Гавриловъ. — Я же... Очченно благодарны за ваши ласки... Я ужъ, признаться, и чайку попилъ и, чѣмъ Богъ послалъ, поужиналъ, спать надо теперь. Пора. Наши за Волгой давно ужъ спятъ **).

*) Свѣтлая каюта, поставленная у кормы на пароходной палубѣ надъ сходомъ въ каюты.

**) Поговорка, употребляемая на Горахъ — она значитъ: поздно. На лѣвомъ берегу Волги, въ Лѣсахъ, эта поговорка не употребляется.

— Гдѣ-жъ вы ляжете?—заботливо спросилъ Меркуловъ.

— А вотъ тутъ же на палубѣ.

— На вѣтру, на дождѣ? Какъ это можно! — воскликнулъ Никита Ѳедорычъ.

— Не сахарные, не растаемъ, — съ улыбкой отвѣтилъ Флоръ Гавриловъ.

— А постель-то гдѣ же у васъ?

— Постель-то! — усмѣхнулся Флоръ Гавриловъ. — Одинъ кулакъ въ головы, другой пȍдъ бокъ — вотъ и постель.

— Какъ это возможно! — воскликнулъ Меркуловъ.

— Дѣло, сударь, привычное, — отозвался Флоръ Гавриловъ. — Наше вамъ наиглубочайшее, и вамъ тоже пора, чать, на боковую.

И не хотѣлось, а пошелъ Меркуловъ на кормовую палубу.

Темнѣло. Одинъ за другимъ пассажиры стали укладываться на опочивъ. Въ третьемъ классѣ невзыскательные мужики, бабы, солдаты, татары, поужинавъ здоровыми ломтями чернаго хлѣба съ огурцами и незрѣлыми яблоками, развалились по палубѣ. Зипунъ пȍдъ голову, постель дощатый, рубчатый помостъ, одѣяло синее небо, хоть въ тотъ вечеръ было оно вовсе не синее, а ровно смоль черное. Ни единой звѣздочки, ни одного клочка свѣтлаго небеснаго свода... Нѣтъ-нѣтъ, а дождичекъ и почнетъ накрапывать, а потомъ и припуститъ, и зачаститъ, а тѣ спятъ себѣ во славу Божью, только лишь изрѣдка который-нибудь съ холоду да отъ сырости маленько пожмется... Поужинали и въ первомъ классѣ. Долго тутъ бѣгала пароходная прислуга съ мисками, съ тарелками, съ блюдами. Тамъ не то, что на носу въ третьемъ классѣ: ѣли дольше и больше, не огурцы съ рѣшетнымъ хлѣбомъ, а только-что изловленныхъ стерлядей, вкусныя казанскія котлеты, цыплятъ и молодую дичь изъ Кокшайскихъ лѣсовъ. Наконецъ всѣ поужинали, всѣ по мѣстамъ разлеглись. Ходитъ сонъ пȍ людямъ, спятъ всѣ, ровно маковой воды напились.

Меркуловъ взялъ особую каюту, чтобъ быть одному, чтобы ночнымъ думамъ его не мѣшали сосѣди... Легъ на койку — не спится: то невѣста мерещится, то тюлень. Пароходъ бѣжалъ и ночью — паводокъ тогда стоялъ высокій, погода была мокрая, татинцовскій *) лоцманъ Волгу знаетъ какъ ладонь свою — значитъ, перекатовъ да мелей бояться нечего. Мѣрный шумъ колесъ, мѣрные всплески воды о стѣны парохода, мѣрные звуки дождя, бившаго въ окно каюты, звонъ стакана, оста-

*) Лучшіе волжскіе лоцмана изъ села Татинца, что̀ немного повыше Лыскова.

вленнаго на столѣ рядомъ съ графиномъ, и отъ дрожанья парохода, пѣвшаго свою нескончаемую унылую пѣсню, храпъ и носовой свистъ во всю сласть спавшихъ по каютамъ и въ общей залѣ пассажировъ, все наводило на Меркулова тоску невыносимую. Лампа въ общей залѣ погасла, и стала повсюду тьма непроглядная.

И вдругъ голоса. Будто издали несутся они.

— Пять!

Тише колеса шумятъ, малымъ ходомъ пошелъ пароходъ.

— Пять!

Еще меньше шума, еще медленнѣй идетъ пароходъ.

— Четыре съ половиной!

— Бери налѣво, — отозвался другой голосъ немножко поближе.

— Бери налѣво! — раздается третій голосъ вдали.

— Пять!

— Пять!

Знакомы Меркулову волжскіе клики... «Мель, — подумалъ онъ. — Неужто мы Козловку пробѣжали, неужто въ Анишенскомъ затонѣ теперь *)? Солнышко ужъ совсѣмъ почти сѣло, когда мы отваливали отъ Бакалды. Неужто пятьдесятъ верстъ выбѣжали?..» Хотѣлъ-было на часы взглянуть, но лампы нѣтъ, спичекъ нѣтъ, наверхъ сходить — одѣваться неохота. Подъ хлестъ дождя, подъ шумъ колесъ, подъ мѣрные всплески волны такъ хорошо пригрѣлся онъ подъ теплой шинелью, что раскрыться было бы ему теперь немалымъ лишеньемъ... Да и какъ взойти наверхъ?.. Темь страшная, ходы незнакомые, ощупью идти, чего добраго — въ люкъ угодишь... Пой тогда «вѣчную память». Зачѣмъ же теперь умирать?.. И невѣста ждетъ и пріятель, да и тюленя дастъ Богъ хоть съ маленькой выгодой можно будетъ продать.

— Пять съ четвертью!

— Шесть!

— Шесть!

«Что-жъ это они? Съ ума никакъ спятили? — думаетъ, лежа въ темнотѣ, Меркуловъ. — Пять съ четвертью, шесть наконецъ, а промѣрщикъ все еще не кладетъ шеста, все мѣряетъ да кричитъ. Морской глубины, что ли, надо ему? А пароходъ все тише да тише... не случилось ли чего? «И вдругъ шумъ... Секунда — онъ удвоился, еще секунды двѣ — утроился, учетве-

*) Козловка — село Чебоксарскаго уѣзда и пристань на правомъ берегу Волги, въ 45 верстахъ выше Казани. Выше Козловки верстахъ въ четырехъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу рѣка Илеть, напротивъ ея устья Анишенская мель и затонъ (рѣчной заливъ) того же названія.

рился... Блеснулъ въ окно каюты яркій, кроваво-красный свѣтъ и тотчасъ исчезъ. Страшная громада несется мимо парохода... Какой-то исполинскій звѣрь странной осанки плыветъ навстрѣчу всего въ трехъ-четырехъ саженяхъ... Вотъ другой огонь загорѣлся, зеленый, подъ тѣмъ огнемъ громадныя крылья мелко воду дробятъ... Быстро, неудержимо несется чудовище... Вотъ оно миновало — и опять блеснуло краснымъ огнемъ... Живѣй заходили колеса, быстрѣй побѣжалъ пароходъ... И не можетъ понять Меркуловъ: во снѣ онъ видѣлъ все это, иль наяву ему померещилось.

«Значитъ, мы въ узкомъ мѣстѣ. Рѣчной стержень чудищу отдали, а сами къ бочку. Оттого-то, видно, и мѣряли по пяти да по шести... А если-бъ нельзя было уйти, если бы чудище столкнулось съ нами?.. Что̀ скорлупу раздавило бы нашъ пароходъ... Принимай тогда смерть неминучую, о спасеньи тутъ и думать нечего!.. Намедни въ Царицынѣ чумакъ собачонку фурой переѣхалъ — не взвизгнула даже сердечная... Такъ бы и съ нами было — пошелъ бы я ко дну и былъ бы таковъ».

И напалъ на него страхъ смерти. и одолѣла его тоска. «Утонуть!.. Утонуть наканунѣ свиданья съ Лизой... Помилуй Господи и сохрани отъ напрасныя смерти!.. Мнѣ что̀... Захлебнулся и дѣло съ концомъ, а ей-то бѣдняжкѣ каково будетъ?.. Станетъ убиваться, изноетъ вся, истоскуется... А впрочемъ, молода еще — поплачетъ, потоскуетъ, по времени забудетъ и утѣшится... Молода еще — другого найдетъ... А ты лежи себѣ въ могилѣ... Холодно, сыро, темно!.. Вотъ и здѣсь и холодно, и сыро, и темно... Господи! не въ могилѣ ли я?.. Вотъ и шевельнуться не могу, холодно и сыро. Когда это чудище сверкнуло кроваво-огненными глазами, оно, можетъ-быть, ударилось объ нашъ пароходъ и затопило его... Отъ удара я не вспомнился, обезпамятѣлъ, а теперь очнулся въ могилѣ... Да нѣтъ — у меня мысли въ головѣ. значитъ, я живъ, въ могилѣ мыслей не бываетъ... Сидѣли мы разъ съ Митенькой у Брайтона въ Петербургѣ... Чай пили... англичанинъ изъ Америки былъ тутъ — какъ бишь его?.. Нѣтъ. не вспомню!.. Еще такъ хорошо по-нашему говоритъ. Какой-то особенной вѣры — въ Америкѣ много вѣдь вѣръ, что̀ ни городъ — то вѣра... Какой бишь онъ вѣры?.. Не могу вспомнить... У насъ въ Россіи нѣтъ такой... Такъ онъ говорилъ тогда... что̀ бишь онъ говорилъ?.. Тогда я много думалъ надъ тѣмъ, что̀ онъ сказывалъ. и повѣрилъ и теперь вѣрю. если женюсь, и Лизѣ велю вѣрить, дѣти родятся — имъ велю вѣрить... Что̀ же онъ говорилъ?.. Не могу вспомнить... Ахъ, да... Человѣкъ не умираетъ,

въ минуту смерти онъ только-что забудется, тотчасъ очнется— и увидитъ себя на страшномъ судѣ... И всѣ тутъ съ нимъ, всѣ отъ Адама до послѣдняго человѣка, и всѣмъ кажется, что они забылись мертвеннымъ сномъ на одну лишь секунду... Тысячи лѣтъ прошли, а каждому они секундой показались... И всѣмъ такъ, всѣмъ отъ Адама до самаго послѣдняго человѣка... Вѣдь у Бога что̀ мигъ, что̀ тысяча лѣтъ — все одно... Значитъ, я еще не умеръ, а то бы стоялъ теперь на страшномъ судѣ... А хорошо говорилъ тотъ американецъ — такъ бы все и слушалъ его... Если я думаю, значитъ живу, онъ говорилъ, стало-быть, я не умеръ... А какъ темно, какъ холодно и сыро... Господи! да когда-жъ это кончится, скоро ли свѣту намъ дашь?.. А, вотъ и свѣтъ!.. Разсвѣтаетъ!.. Отчего-жъ это сегодня разсвѣтъ такъ быстро идетъ!.. Не успѣла заря заняться, а ужъ совсѣмъ свѣтло... Это что-то особенное, что-то невозможное... Живу ли я?.. Нѣтъ, нѣтъ, вспомнилъ — у насъ въ коммерческой академіи физикѣ учили... Оптическія явленія... Нѣтъ, не въ физикѣ, а въ физической географіи... Ну да, конечно, въ физической географіи — еще учитель такой былъ рябенькій, приземистый, какъ бишь его звали, забылъ... Онъ это разсказывалъ, а физикѣ училъ высокій учитель, гладкій такой, съ рыжими баками... А вѣдь Флоръ Гавриловъ ничего не знаетъ объ оптическихъ явленіяхъ и, какъ я думаю, онъ теперь удивляется такому скорому разсвѣту... И всѣ удивляются... Даже боятся... Народъ суевѣренъ, ничего не знаетъ онъ про оптическія явленія... Сходить развѣ къ Фролу Гаврилову, объяснить ему?.. Да нѣтъ, холодно, сыро; кажется, сними только шинель, тотчасъ замерзнешь... А! пристаемъ... Скоренько же доѣхали... Какъ не хочется одѣваться... А надо... Ну ничего, одѣнемся... Ничего, теперь тепло, не сыро... Что̀ это за колокольчикъ?.. Въ городахъ вѣдь запрещено ѣздить съ колокольчиками... Звенитъ, и не простой колокольчикъ, а ровно серебряный, либо стеклянный... Что-жъ это такое?.. Это не Макарій... А!.. Устье Иргиза... Должно-быть, лоцманъ впросонкахъ давеча назадъ повернулъ... Прошу покорно! И по Иргизу бѣжитъ пароходъ... Какіе нынче однако стали у насъ хорошіе пароходы строить — по песку ходятъ... Пріѣхали!.. Доронинская мельница!.. Ишь какъ шумитъ, ишь какъ плещутъ волны... Десять поставовъ!.. Кому-то отдастъ ее Зиновій Алексѣичъ? Лизѣ или Наташѣ?.. Я бы тутъ иное завелъ — тюленя бы сталъ молоть... Славный у нихъ домъ на мельницѣ... И зачѣмъ было имъ въ Вольскъ переѣзжать, понапрасну только тратились?.. Цвѣты-то какіе!.. Осень на дворѣ, а у нихъ розаны въ полномъ цвѣту... А розаны-то какіе!.. Безъ

малаго аршинъ поперекъ... Яблоки-то!.. Котлы пивные. И какъ это они сучьевъ не обломятъ?.. А! это оттого, что Лиза садами занимается, она все можетъ... А!.. На крыльцо Татьяна Андревна вышла... Съ чулкомъ... Чулокъ вяжетъ, а спицы въ рукахъ такъ и вертятся... Зиновья Алексѣича, должно-быть, дома нѣтъ... Ну, конечно, нѣтъ дома — вѣдь онъ въ Астрахань уѣхалъ, тамъ у него бѣлугу поймали — двадцать саженъ длины... Икры-то сколько должно быть!.. Чуть не на цѣлую баржу... А Лизы нѣтъ... Что-жъ это такое?.. А!.. Колокольчикъ!.. Ѣдутъ... Таратайка подъѣхала — Наташа съ Веденеевымъ... А Лизы нѣтъ... Спросить бы — да нѣтъ, не могу, силы нѣтъ... А!.. Мчится чудовище, и все тонетъ въ кровавомъ блескѣ страшныхъ глазъ его... Живъ ли я?.. Нѣтъ, думаю, значитъ живу... Американецъ такъ говорилъ... Что-жъ это?... А, догадался... Давеча на Бакалдѣ хотѣлъ я рубашку смѣнить да позабылъ... Это теперь не я думаю, а рубашка... Ну, да, да... Экая скверная!.. Вотъ я же тебя!.. въ клочки изорву!..»

И только-что поднялъ руку, какъ рубашка его въ зубы. Проснулся Никита Ѳедорычъ съ синякомъ на скулѣ: съ вечера положилъ онъ на верхнюю койку тяжелую, суковатую козмодемьяновскую палку — свалилась она и прямо ему на лицо...

Одѣлся, вышелъ на палубу. Послѣднія тучи минувшей непогоды виднѣлись еще на западѣ, а солнце ужъ довольно высоко стояло. Посмотрѣлъ на часы — восемь. На палубѣ ужъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Никита Ѳедорычъ прошелъ въ третій классъ, но не нашелъ тамъ Флора Гаврилова.

Поднялся наверхъ къ самому рулю, тамъ сидѣли капитанъ, лоцманъ и еще два-три человѣка. Хоть по правиламъ входъ наверхъ запрещенъ, но первоклассныхъ пассажировъ пускаютъ. Ласково поздоровался Меркуловъ съ капитаномъ и спросилъ у него:

— Что это ночью случилось?

— Ничего не случилось, — отвѣчалъ капитанъ.

— Какъ ничего! Дѣлали промѣры до шести футовъ. И потомъ что-то такое чудное, странное.

— «Сампсонъ» навстрѣчу намъ попался. Мѣсто было узенькое, пришлось принять въ сторону, — сказалъ капитанъ.

— «Сампсонъ»? — спросилъ Меркуловъ.

— Да, «Сампсонъ» — первенецъ нашихъ большихъ пароходовъ, — отвѣчалъ капитанъ. — Безъ малаго пятьсотъ силъ. Такому богатырю поневолѣ дашь дорогу!

— Слыхать-то слыхалъ я про «Сампсона», но до сихъ поръ

не видывалъ — молвилъ Меркуловъ. — А сколько баржей онъ водитъ?

— Какъ случится, — отвѣчалъ капитанъ. — По пяти, по шести.

— Шесть баржъ! — удивился Меркуловъ и пошелъ къ Флору Гаврилову.

Его все-таки не было видно. Думая, что сошелъ онъ внизъ за кипяткомъ для чая, Никита Ѳедорычъ сталъ у перегородки. Рядомъ стояло человѣкъ десять молодыхъ парней, внимательно слушали они разсказы пожилого бывалаго человѣка. Одѣтъ онъ былъ въ полушубокъ и разсказывалъ про волжскія были и отжитыя времена.

— А вотъ на этой на самой горѣ разбойникъ Галаня въ старые годы живалъ. На своихъ на косныхъ съ молодцами удалыми разъѣзживалъ Галанюшка отъ Саратова до Нижняго и много на Волгѣ бѣдъ натворилъ. Держался больше на Жигуляхъ, а только-что зачнется торгъ у Стараго Макарія, переберется сюда. Тутъ у него въ горѣ выходы вырыты были, и какихъ богатствъ тутъ ни было схоронено. Окоповъ надѣлалъ Галаня, валы насыпалъ на случай обороны, и теперь ихъ знать. Пушки на окопахъ у него стояли. Сколько разъ солдатъ на него высылали, — каждый разъ либо отобьется, либо на Низъ, въ Жигули, уплыветъ. Обиды были отъ него великія, никому спуску не бывало, одну только Хмелевку не трогалъ; тамъ ему бабы хлѣбы пекли и всякій харчъ его артели доставляли. Оттого и не трогалъ, оттого и было хмелевцамъ житье повольное, хорошее, вдоволь нажились они тогда отъ Галани... Вотъ она Хмелевка-то! — прибавилъ разсказчикъ, указывая на выглянувшую изъ-за нагорнаго мыса слободку, чтò раскинулась на полугорѣ вдоль по теченію Волги.

— Хмелевка! — съ удивленьемъ сказалъ Меркуловъ. — Неужто въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, къ Васильсурску подходимъ.

— Еще одинъ мысокъ обогнемъ, будемъ на Сурѣ, — замѣтилъ разсказчикъ.

— Скоро же идемъ, — сказалъ Меркуловъ, взглянувъ на часы. — Десяти еще нѣтъ, а мы больше половины пути пробѣжали.

— Гораздо бѣжимъ, — молвилъ разсказчикъ. — Солнышко не закатится, будемъ на мѣстѣ. — И, маленько помолчавъ, снова повелъ разсказы про старинныхъ волжскихъ разбойниковъ.

Бѣжитъ, стрѣлой летитъ пароходъ. Берега то и дѣло мѣняются. Вотъ они, крытые густой изумрудной зеленью, вотъ

они, обнаженные давними оползнями, разукрашенные бѣлыми, зеленоватыми, бурыми и ясно-красными лентами опоки. Впереди желтѣютъ пески лѣваго берега и пески отмелей; видится, будто бы водный путь прегражденъ, будто не будетъ выхода ни направо ни налѣво. Но вотъ выдвинулся крутой мысъ, снизу доверху облѣпленный деревянными домиками, а подъ нимъ широкая, синеводная Сура, славная своими жирными, янтарными стерлядями.

Пароходъ сталъ на стержнѣ, къ пристани не причалилъ. Дровъ до Исадъ *) было достаточно, надо было только свезти на берегъ пассажировъ, ѣхавшихъ до Василя, и принять оттуда новыхъ, если случится. Нѣсколько лодокъ окружили пароходъ. Приплывшія бабы протягивали вверхъ третьеклассымъ пассажирамъ колоба пшеничнаго хлѣба, сайки, крендели, яблоки, огурцы, печеныя яйца, пироги съ рыбой. Зазыванья торговокъ, ихъ перебранки и звонкіе крики разносились по всему плесу. Напрасно водоливъ и рабочіе во все горло кричали на бабъ, чтобъ не лѣзли онѣ къ пароходу, лодчонки кругомъ его облѣпили. Наконецъ привезли новыхъ пассажировъ, пароходъ слегка двинулся и минутъ черезъ пять летѣлъ ужъ по рѣкѣ, межъ пологихъ песчаныхъ береговъ... Суры не видно ужъ было, стала изъ виду теряться и высокая, крутая гора Васильсурская.

Новыхъ пассажировъ всего только двое было: тучный купчина съ масляным смуглымъ лицомъ, въ суконномъ, тоже замасленномъ сюртукѣ и съ подобнымъ горѣ животомъ. Вошелъ онъ на палубу, сѣлъ на скамейку и ни съ мѣста. Сначала молчалъ, потомъ вполголоса сталъ молитву творить. Икота одолѣвала купчину.

Сѣла еще на пароходъ какая-то странная женщина. По виду и одеждѣ ея трудно было догадаться, кто она такая. Была не молода, но и не стара, слѣды рѣдкой красоты сохранялись въ чертахъ лица ея. Одѣта была она въ черное шелковое платье, подпоясана чернымъ шагреневымъ поясомъ, на голову надѣтъ въ роспускъ большой черный кашемировый платокъ. Ни по платью ни по осанкѣ не походила она на скитскихъ матерей, ни на монахинь, что̀ шатаются по бѣлу свѣту за сборами, ни на странницъ-богомолокъ. Все было на ней чисто, опрятно, даже изящно. Стройный станъ, скромно опущенный взоръ и какой-то особенный блескъ кроткихъ голубыхъ глазъ невольно остановили на ней вниманье Мерку-

*) Пристань Исады въ 68 верстахъ отъ Васильсурска и въ 88 верстахъ отъ Нижняго.

лова. «Не изъ простыхъ»,—подумалъ онъ, глядя на прекрасныя ея руки и присматриваясь къ пріемамъ странной женщины.

— Воды бы выкушали, — сказала она, обращаясь къ тучному купчинѣ.

— Не годится, матушка! Не поможетъ, — едва могъ отвѣтить тотъ.

— Отчего не поможетъ? Попробуйте.

— Не годится, матушка... Потому это отъ ботвиньи... Отдышусь, Богъ милостивъ.

Черезъ нѣсколько минутъ купчина въ самомъ дѣлѣ отдышался, а отдохнувши вступилъ въ разговоръ.

— Изъ Талызина, матушка, изволите ѣхать?

— Изъ Талызина.

— На сдаточныхъ до Василя-то ѣхали?

— На сдаточныхъ.

— Дорогонько чать дали? — молвилъ купчина и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — Нонеча, сударыня, эти ямщики, песъ ихъ возьми, и съ живого и съ мертваго дерутъ, что захотятъ. Страху не стало на нихъ. Знаютъ собаки, что пѣшкомъ не пойдешь, ну и ломятъ, сколько имъ въ дурацкую башку забредетъ... На ярманку, что ли, собрались, Марья Ивановна?

— Придется денька два либо три и на ярманкѣ пробыть,— отвѣчала Марья Ивановна.

— А послѣ того опять въ Талызино?

— Нѣтъ, въ Мурому надобно мнѣ побывать. По близости отъ него деревушка есть у меня, Родяково прозывается. Давненько я тамъ не бывала — поглядѣть хочется... А изъ Родякова къ своимъ переберусь въ Рязанскую губернію.

— А въ Талызино-то когда же?

— И сама не знаю, Василій Петровичъ. Развѣ послѣ Рождества, а то, пожалуй, и всю зиму не пріѣду. Въ Рязани-то у меня довольно дѣлъ накопилось, надо ихъ покончить.

— Эхма! А я было-думалъ опять къ вашей милости побывать... Насчетъ лѣску-то, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Да вѣдь у насъ съ вами объ этомъ лѣсѣ не одинъ разъ было толковано, Василій Петровичъ. — отвѣчала Марья Ивановна. — За безцѣнокъ не отдамъ, а настоящей цѣны вы не дадите. Стало-быть, нечего больше и говорить.

— Растащутъ же вѣдь его у васъ, матушка. Сами знаете, что ни годъ, то порубка, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Ежели три-четыре дубочка да десятокъ-другой осиннику срубятъ, бѣда еще не велика, — замѣтила Марья Ивановна. — Опять же лѣсъ у меня не безъ призору.

— Караулы-то ваши не больно чтобы крѣпки были, сударыня, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Нѣтъ, — молвила Марья Ивановна: — Сергѣюшкой я очень довольна и другими, кто живетъ съ нимъ. Берегутъ они лѣсокъ мой пуще глаза.

— Ужъ больно велики хоромы-то вы имъ въ лѣсу поставили. Что̀ твой господскій домъ!

— Пущай живутъ просторнѣе, — съ кроткой улыбкой сказала Марья Ивановна. — Что-жъ? Лѣсъ свой, мохъ свой, кирпичъ свой, плотники и пильщики тоже свои. За желѣзо только деньги плачены... И отчего-жъ не успокоить мнѣ стариковъ?.. Они заслужили. Сергѣюшка теперь больше тридцати годовъ изъ лѣсу шагу почти не дѣлаетъ.

— Намолвка не больно хороша про него, — прищурясь, молвилъ Василій Петровичъ.

— Что̀ такое? — вскинувъ глазами и пристально поглядѣвши на тучнаго купчину, спросила Марья Ивановна.

— Кудесничаетъ, слышь, колдуетъ въ лѣсу-то, — промолвилъ Василій Петровичъ...

Едва замѣтный румянецъ мгновенно пробѣжалъ по лицу Марьи Ивановны, но тотчасъ же исчезъ безслѣдно. Лежавшая вдоль бортоваго поручня рука ея чуть-чуть вздрогнула. Но голосъ ея былъ совершенно спокоенъ.

— Какой вздоръ! — улыбнувшись, она молвила. — Мало ли какихъ глупостей народъ ни наскажетъ. Нельзя же всякому глупому толку вѣру давать.

— Оно, конечно, можетъ, и врутъ, — согласился Василій Петровичъ. — Однакожъ вотъ это я и самъ замѣчалъ, что Сергѣй почти совсѣмъ отсталъ отъ Божьей церкви, да и тѣ, что̀ съ нимъ въ лѣсу живутъ, тоже рѣдко въ храмъ Господень заглядываютъ.

— Церковь-то отъ нихъ далеконько, Василій Петровичъ, — сказала Марья Ивановна. — А зимой иную пору въ лѣсу-то изъ сугробовъ и не выдерешься. А не случалось ли вамъ когда-нибудь говорить про Сергѣюшку съ нашимъ батюшкой, съ отцомъ Никифоромъ? Знаете ли, что Сергѣюшка-то не меньше четырехъ разъ въ году у него исповѣдуется и пріобщается... Вотъ какой онъ колдунъ! Вотъ какъ бѣгаетъ онъ святой церкви. И не одинъ Сергѣюшка, а и всѣ, что̀ въ лѣсу у меня живутъ, и мужчины и женщины, точно такъ же. Усердны они къ церкви, очень усердны.

— Это я точно слыхалъ и не одинъ даже разъ разговаривалъ про нихъ съ отцомъ Никифоромъ, — молвилъ Василій Петровичъ. — Въ томъ только у меня сумнительство на

ихній счетъ, что вѣдь съ чего-нибудь взялъ же народъ про Сергѣя такъ разсказывать. Безъ огня дыма, матушка, не бываетъ.

— Людскихъ рѣчей, Василій Петровичъ, не переслушаешь,— сухо отвѣтила ему Марья Ивановна. — Однакоже что-то холодно стало. Сойти бы въ каюту да чаю хоть, что ли, спросить. Согрѣться надобно.

И медленной, величавой походкой пошла.

— Кто такая? — спросилъ Меркуловъ у Василья Петровича.

— Алымова помѣщица, — отвѣчалъ Василій Петровичъ. — Сосѣдка намъ будетъ. Мы и сами прежде алымовскіе были, да я еще отъ ея родителя откупился, вольную, значитъ, получилъ.

— Зачѣмъ же это она такъ рядится? — спросилъ Никита Ѳедорычъ. — Старица не старица, а Богъ знаетъ на кого похожа. Въ дорогу, что ли, она такъ одѣвается?

— Завсегда такъ: и дома, и въ гостяхъ, и въ дорогѣ, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Что̀ за чудиха!

— Кто ее знаетъ... Теперь вотъ ужъ болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ этакую дурь на себя напустила, — сказалъ Василій Петровичъ. — Теперь ужъ ей безъ малаго сорокъ лѣтъ... Постарѣла, а посмотрѣть бы на нее, какъ была молоденькой. Что̀ за красота была! Просто сказать — ангелъ небесный. И умная она барыня и добрая.

— А много ли крестьянъ у нея? — полюбопытствовалъ Меркуловъ.

— Сотъ шесть, пожалуй, и больше наберется, — молвилъ Василій Петровичъ. — Въ нашей вотчинѣ триста душъ, во Владимірской двѣсти, да въ Рязанской съ чѣмъ-то сотня. У барина у покойника домъ богатѣйшій былъ... Сады какіе были, а въ садахъ всякіе древа и цвѣты заморскіе... Опять же ранжереи, псарня, лошади... Дворни видимо-невидимо—ста полтора. Широко жилъ, нечего сказать.

— И все Марьѣ Ивановнѣ досталось?

— До послѣдней капельки. Одна вѣдь только она была. При ней пошло не то житье. Извѣстно, ежели некому добрымъ хозяйствомъ путемъ распорядиться, не то что вотчина, царство пропадаетъ. А ея дѣло дѣвичье. Куда же ей? Опять же и чудитъ безъ мѣры. Ну и пошло все врозь, пошло да и поѣхало... А вы, смѣю спросить, тоже изъ господъ будете?

— Нѣтъ, я саратовскій купецъ Никита Ѳедоровъ Меркуловъ.

— Такъ-съ. Хорошее дѣло, подходящее, значитъ, можно съ вашей милостью про господъ повольготнѣй маленько говорить... Я и самъ, государь мой, алатырскій купецъ Василій Петровъ Морковниковъ. Маслами торгуемъ да землями заимствуемся помаленьку, беремъ у господъ въ кортому, въ годы. Заводишки тоже кой-какіе имѣемъ, — живемъ благодаря Бога, управляемся Всевышней милостью. Теперича для нашего брата купца времена подошли хорошія: господа почитай всѣ до единаго поистратились, кармашки-то у нихъ поизорвались, деньжонкамъ не водъ, намъ, значитъ, и можно свой интересъ соблюдать. Вотъ теперь про волю толки пошли — дай-ка, Господи, пошли Свое совершеніе. Тогда, сударь, помаленьку да потихоньку все дойдетъ до нашихъ рукъ — и земли и господскіе дома, все. Завѣряю васъ. Одно только нашему брату теперича надо въ помышленіи держать: «не зѣвай»... Смѣкалку, значитъ, имѣй въ головѣ. А вы, государь мой, чѣмъ торгуете?

— Рыбой да тюленемъ, — отвѣчалъ Меркуловъ. — Ловимъ по волжскимъ низовьямъ да въ морѣ, а продаемъ у Макарья.

— Вотъ Господь-отъ свелъ! — весело молвилъ Морковниковъ. — Не имѣется-ль у васъ, Никита Ѳедорычъ, тюленька у Макарья-то?

— Теперь нѣтъ, а дня черезъ два либо черезъ три будетъ довольно, — отвѣтилъ Меркуловъ. — Я самъ отъ Царицына ѣхалъ при тюленѣ, только въ Казани сѣлъ на пароходъ, чтобъ упредить караванъ, оглядѣться до него у Макарья, ну и къ цѣнамъ приноровиться.

— Такъ-съ! Дѣло это хорошее, — приглаживая бороду и улыбаясь, сказалъ Морковниковъ. — Можетъ, и сойдемся... Поставилъ я, извольте видѣть, заводецъ мыловаренный. Поташныхъ у меня два давненько-таки заведены, а съ Покрова имѣю намѣреніе мыловарню пустить въ ходъ. По нашимъ мѣстамъ добротнаго мыла не надо, нашимъ чупахамъ, особливо мордовкамъ, не яичнымъ рожи-то мыть, имъ годитъ и тюленье. А рубахи да портки стирать и тюлень будетъ имъ на удивленье, — все-таки лучше мыловки али волнянки *). Совѣтовался я кое съ кѣмъ... Свелъ меня однажды Господь этакъ же вотъ, какъ и съ вами, на пароходѣ съ однимъ бариномъ. Изъ Петербурга его отъ высшаго начальства посылали осматривать да описывать здѣшніе заводы и фабрики. Свидѣлся я

*) *Мыловка* — ископаемое, мыловатое наощупь, изъ породы талька, вещество, употребляемое при валяньи суконъ. *Волнянка* — растеніе *Dianthus superbus*. И мыловка и волнянка употребляются по захолустьямъ вмѣсто мыла.

еще послѣ того съ нимъ у одного нашего помѣщика. Ну и побесѣдовали. Ума, сударь, палата, а къ настоящему дѣлу рѣчи не подходящи. Надо, говоритъ, варить мыло изъ оленки *) да изъ соды. Про тюленя да про поташъ и слышать баринъ не хочетъ. А, кажись бы, человѣкъ хорошій, душевный, хитрости въ немъ не видать ни на капельку... Ну, я его не послушался, — на поташѣ съ тюленемъ хочу испробовать. Куда нашимъ мордовкамъ соду да оленку! Толстоногія чупахи **), пожалуй, замѣсто пряниковъ хорошее-то мыло сожрутъ. Не можно-ль у васъ, Никита Ѳедорычъ, тюленька мнѣ получить? Только мнѣ потребуется немало. Найдется ли столько у васъ?

— А сколько? — спросилъ Меркуловъ.

— Да тысячъ восемь пудовъ потребуется, — съ важнымъ видомъ молвилъ Морковниковъ.

— Найдется, — сказалъ Никита Ѳедорычъ. — Въ десять не въ десять разъ, а въ восемь разъ больше того удовлетворить васъ могу.

«Э! Да это, видно, изъ коренныхъ рыбниковъ», — подумалъ Василій Петровичъ и со сладкой улыбкой маслянаго лица обратился къ Меркулову, прищуривъ лѣвый глазъ:

— А какъ ваша цѣна будетъ?

— Не знаю еще. Завтра, ежели вамъ угодно, повидайтесь со мной, тогда скажу, — отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Невпримѣръ бы лучше теперь же здѣсь надосугѣ намъ порѣшить это дѣльцо, — съ заискивающей улыбкой молвилъ Морковниковъ. — Вотъ бы мы сейчасъ съ вами пошли въ общу каюту да ушицу бы стерляжью, али московскую селяночку заказали, осетринки бы хорошенькой, у нихъ поди и бѣлорыбицы елабужской можно доспѣть. Середа вѣдь сегодня — мясного не подобаетъ, а пожелаете, что же дѣлать? — можемъ для васъ и согрѣшить — оскоромиться. Бутылочку бы холодненькаго роспили, — все бы какъ слѣдуетъ.

— Ежели хотите, пожалуй, позавтракаемъ вмѣстѣ, теперь и время, — сказалъ Меркуловъ. — Только напередъ уговоръ: ни вы меня ни я васъ не угощаемъ — всѣ расходы пополамъ. Еще другой уговоръ: цѣна на тюлень та, что будетъ завтра на биржѣ у Макарья, а теперь про нее и рѣчей не заводить.

---

*) Олеинъ.

**) Мордовки навиваютъ на ноги множество портянокъ и полотенецъ, такъ что ноги у нихъ ровно бревно. Это почитается большой красой и щегольствомъ. Оттого мордовокъ и зовутъ *толстоногими* либо *толстопятыми*.

Маленько нахмурился Василій Петровичъ.

— Два бы рублика за пудъ положили, и по рукамъ бы, — сказалъ онъ.

«Два рубля! — подумалъ Меркуловъ. — Вотъ оно что! А писали про рубль да про рубль съ гривной... Не порѣшить ли?» Однако не рѣшился. Сказалъ Морковникову:

— Черезъ сутки, даже раньше узнаете мою цѣну. А чтобъ доказать вамъ мое къ вамъ уваженіе, напередъ согласенъ десять копеекъ съ рубля уступить вамъ противъ цѣны, что завтра будетъ на биржѣ у Макарья... Идетъ ли? — прибавилъ онъ, протягивая руку Морковникову.

— Идетъ, — радостно и самодовольно улыбаясь, всклнкнулъ Василій Петровичъ. — А невпримѣръ бы лучше здѣсь же, на пароходѣ, покончить. Два бы рублика взяли, десять процентовъ, по вашему слову, скидки. По рублю бы по восьми гривенъ и порѣшили... Подумайте, Никита Ѳедорычъ, сообразитесь, — ей-Богу, не останетесь въ обидѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ вотъ передъ самимъ Господомъ Богомъ. Деньги бы всѣ сполна сейчасъ же на столъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ до завтра, — рѣшительно сказалъ Никита Ѳедорычъ. — Пойдемте лучше завтракать.

— Пожалуй, — лѣниво и маленько призадумавшись, проговорилъ Морковниковъ и затѣмъ тяжело привсталъ со скамьи.

— Эй, ты, любезный! — крикнулъ онъ наскоро проходившему каютному половому.

— Что требуется вашей милости? — спросилъ тотъ, укорачивая шагъ, но не останавливаясь.

— Уху изъ самолучшихъ стерлядей, что есть на пароходѣ, съ налимьями печенками, на двоихъ, — сказалъ Морковниковъ. — Да чтобы стерлядь была сурская, да не мелюзга какая, а мѣрная, отъ глаза до пера вершковъ тринадцать-четырнадцать.

Половой пріостановился.

— Телячьи котлеты съ трюфелями, — въ свою очередь приказалъ Меркуловъ.

Половой еще ближе подошелъ къ нимъ.

— Холодненькаго бутылочку, — приказалъ Василій Петровичъ.

— Заморозить хорошенько, — прибавилъ Никита Ѳедорычъ.

— Редеру прикажете али клико?

— Клику давай, — сказалъ Василій Петровичъ. — Онъ, слышь, забористѣе, — обратился онъ къ Никитѣ Ѳедорычу.

— Слушаю-съ, — проговорилъ половой, почтительно стоя передъ Меркуловымъ и Морковниковымъ.

— Зернистой икры подай къ водкѣ, да еще балыка, да чтобъ все было самое наилучшее. Слышишь? — говорилъ Морковниковъ.

— Слушаю-съ. Все будетъ въ настоящей готовности для вашей милости.

— Ренвейнъ хорошій есть? — спросилъ Меркуловъ.

— Есть-съ.

— Бутылку. Да лущенаго гороха со сливочнымъ масломъ. Понимаешь?

— Можемъ понимать-съ, — утвердительно кивнувъ головой, сказалъ каютный.

— Можно бы, я полагаю, и осетринки прихватить, — будто нехотя проговорилъ Морковниковъ. — Давеча въ Василѣ ботвиньи я съ осетриной похлебалъ, расчудесная, а у нихъ на пароходѣ еще, пожалуй, отмѣннѣе. Такая, я вамъ доложу, Никита Ѳедорычъ, на этихъ пароходахъ бываетъ осетрина, что въ иномъ мѣстѣ ни за какія деньги такой не получишь...— Такъ говорилъ Василій Петровичъ, забывъ, каково пришлось ему послѣ васильсурской ботвиньи.

— Осетрины холодной съ провансалемъ, — приказалъ Никита Ѳедорычъ. — Вы любите провансаль?.. — обратился онъ къ Василію Петровичу.

— А это что̀ за штука такая? — съ недоумѣньемъ спросилъ Морковниковъ. — Мнѣ подай, братецъ, съ хрѣнкомъ да съ уксусцомъ, — промолвилъ онъ, обращаясь къ половому.

Въ это самое время изъ окна рубки, что̀ надъ каютами, высунулся тощій, болѣзненный, съ рѣдкими прилизанными бѣловатыми волосами и съ желто-зеленымъ отливомъ въ лицѣ, бѣдно одѣтый молодой человѣкъ. Задыхаясь отъ кашля, кричалъ онъ на полового:

— Телячьи ножки тебѣ приказаны, а ты ни съ мѣста!.. Что-жъ это такое? На что похоже? Что̀ у васъ за дикіе порядки?

И, страшно закашлявшись, оперся обѣими руками о подоконникъ.

— Сейчасъ, — небрежно отвѣчалъ ему половой, видимо, предпочитавшій новый заказъ заказу чахоточнаго.

«Мѣдной копейки на чай съ тебя не получишь, — думалъ онъ: — а съ этихъ по малости перепадетъ два двугривенныхъ».

— Обличить васъ надо!.. Въ газетахъ пропечатать!.. Погодите!.. Узнаете вы меня!.. — задыхаясь отъ злобы и кашля, неистово кричалъ чахоточный. — Капитана мнѣ подай!.. Это ни на что не похоже!

Капитана не подали, а ножки тотчасъ принесли. Съ жад-

ностью накинулся на нихъ чахоточный, успѣвъ передъ тѣмъ опорожнить три либо четыре уемистыхъ рюмки очищеннаго.

— Изъ кутейниковъ, должно-быть, — тихонько замѣтилъ Морковниковъ. — Теперь вѣдь очень много изъ поповичей такого народа разводится.

Завтракъ подали въ рубку. Расправившись съ телячьими ножками, поповичъ куда-то скрылся, должно-быть, на боковую отправился, а можетъ-быть, писать обличительную статью насчетъ пароходныхъ телячьихъ ножекъ. Въ рубкѣ остался Меркуловъ одинъ-на-одинъ съ новымъ знакомцемъ. Морковниковъ опять-было сталъ приставать къ Никитѣ Ѳодорычу насчетъ тюленя, но Меркуловъ устоялъ и наотрѣзъ сказалъ ему, что до пріѣзда на ярманку ни слова не скажетъ ему по этому дѣлу. Нечего было дѣлать Морковникову, пришлось уступить. Зато ужъ и позавтракалъ же онъ. Ни васильсурской ботвиньи ни мучительной икоты ровно и не бывало, ѣлъ будто ему сказано было, что впередъ трое сутокъ у него во рту маковой росинки не будетъ. И закуска, и уха, и котлеты, и осетрина исчезли ровно въ безднѣ. Умѣлъ Василій Петровичъ покушать. Когда завтракъ былъ покончевъ, онъ съ довольной улыбкой сказалъ Меркулову:

— Обѣдать-то, видно, поздненько придется. часика этакъ черезъ три.

— Охъ. ужъ, право, не знаю, — отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ. — Я сытехонекъ.

— Какъ такъ? Да нешто можно безъ обѣда? — съ удивленьемъ воскликнулъ Морковниковъ. — Самъ Господь указалъ человѣку четырежды во дню пищу вкушать и питіе принимать: поутру завтракать, потомъ полудничать, какъ вотъ мы теперь. послѣ того обѣдать, а вечеромъ на сонъ грядущій ужинать... Законъ, батюшка... Супротивъ Господня повелѣнья идти не годится. Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ: теперича отдохнемъ, а вставши, тотчасъ за обѣдъ... Насчетъ ужина здѣсь на пароходѣ не стану говорить, придется ужинать у Макарья... Вы гдѣ пристанете?

— У Ермолаева, если тамъ найдется свободный номеръ, — сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— И разлюбезное дѣло, — молвилъ Морковниковъ. — Я самъ завсегда у Ѳедора Яковлевича пристаю. Хорошо у него, отъ всего близко, опять же спокойно, а главное дѣло, всякое кушанье знатно готовятъ.

— Скажите, пожалуйста, Василій Петровичъ, зачѣмъ эта барышня, Марья-то Ивановна, чудитъ при такомъ состоя-

нія? — спросилъ Меркуловъ, передъ тѣмъ какъ имъ пришлось расходиться по каютамъ.

А спросилъ о томъ Меркуловъ такъ, спросту, не то чтобъ изъ любопытства, не то чтобъ очень занимала его Марья Ивановна; молвилъ такъ, чтобы сказать что-нибудь на прощанье Василью Петровичу.

— Должно-быть, по ихней вѣрѣ такъ надо, — тихо промолвилъ Василій Петровичъ.

— По какой вѣрѣ? — спросилъ съ удивленьемъ Меркуловъ.

— По ихней.

— А что-жъ у нихъ за вѣра такая?

— А шутъ ихъ знаетъ, — молвилъ Василій Петровичъ. — Фармазонами зовутъ ихъ. А въ чемъ ихняя вѣра состоитъ, доподлинно никто не знаетъ, потому что у нихъ все въ тайности... И говорить-то много про нихъ не слѣдъ.

— А много у васъ такихъ? — спросилъ Меркуловъ.

— Есть, — отвѣтилъ Василій Петровичъ. — Довольно-таки... Носятся слухи, что и домъ-отъ въ лѣсу Марья Ивановна ради фармазонства поставила. Сергѣй-отъ лѣсникъ за попа, слышь, у нихъ!..

— Значитъ, есть и господа въ той вѣрѣ? — спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— И господъ немало, — отвѣтилъ Морковниковъ. — Въ роду Марьи Ивановны довольно было фармазоновъ. А родъ Алымовскій — хорошій родъ, старинный, столбовой... Да что̀ Алымовы!.. Изъ самыхъ, слышь, важныхъ, изъ самыхъ сильныхъ людей въ Петербургѣ есть фармазоны!

И, зѣвнувъ во весь ротъ, протянулъ руку Никитѣ Ѳедорычу.

— Пріятнаго сна... Наше вамъ наиглубочайшее!

И сроннымъ шагомъ въ каюту пошелъ.

Глава восемнадцатая.

Номеръ Никитѣ Ѳедорычу у Ермолаева нашелся. Номеръ хорошій, удобный, по возможности чистый, но главное — въ одномъ коридорѣ съ номеромъ Веденеева. По правдѣ сказать, несмотря на все усердіе чистившихъ номеръ чуть ли не двое сутокъ сряду, не вышли изъ него ни смрадъ ни вонь отъ жившихъ передъ тѣмъ астраханскихъ армянъ и другихъ восточныхъ человѣковъ. Заплеванные обои, испакощенный полъ, порядочное во всей мебели количество клоповъ достаточно свидѣтельствовали о свинствѣ прежнихъ обитателей. Никитѣ Ѳедорычу, какъ ни привыкъ онъ къ лучшимъ удобствамъ жизни, это было ни по чемъ. Главное — рядомъ съ Митенькой. Тот-

часъ же, какъ пріѣхалъ онъ въ гостиницу, прямо къ нему. Запертъ номеръ Дмитрія Петровича, и никто не знаетъ, куда онъ уѣхалъ. Наскоро переодѣвшись, поскакалъ Меркуловъ къ Доронинымъ. И тамъ нѣтъ никого: куда уѣхали, тоже не знаютъ. Въ досадѣ и волненьи вышелъ Меркуловъ на улицу. «Немного погодя опять заверну», — подумалъ онъ и пошелъ пѣшкомъ по мосту на свою квартиру.

Темнѣло. И на мосту и по улицамъ зажигали фонари; одинъ за другимъ загорались огни и на пароходахъ, что стройными рядами стояли на Окѣ и на Волгѣ. Неспѣшнымъ шагомъ, оглядываясь по сторонамъ, идетъ Никита Ѳедорычъ. То разглядываетъ онъ баржи, подошедшія къ мосту въ ожиданьи его разводки, то смотритъ на пламенные столбы стальныхъ заводовъ, на множество ярманочныхъ огней и на отражавшійся въ водѣ полный мѣсяцъ, нырявшій среди останныхъ тучъ минувшаго ненастья. Перейдя мостъ, Меркуловъ прямо пошелъ къ номерамъ Ермолаева, но и тутъ все еще смотрѣлъ по сторонамъ, только бы чѣмъ время скоротать. Пришелъ на квартиру. Веденеева нѣтъ еще. Тутъ только пришло на умъ Меркулову, что не мѣшаетъ записочку пріятелю написать, чтобы онъ, воротившись безъ него, подождалъ бы его. Написавши, вспомнилъ, что не худо такую же записку и у Дорониныхъ оставить. И вотъ, сунувъ рублевку коридорному, сказалъ ему, чтобъ отдалъ онъ записку Веденееву, какъ только онъ воротится, а самъ къ Доронинымъ поѣхалъ. Чтобъ затянуть еще какъ-нибудь время, слѣзъ онъ съ извозчичьей пролетки и пошелъ черезъ мостъ пѣшкомъ. Шелъ медленнѣе прежняго и опять то и дѣло останавливался, либо, облокотясь на мостовыя перила, пристально оглядывалъ проходящихъ. Разъѣзжавшіе по мосту казаки подозрительно стали на него посматривать.

Только-что перешелъ мостъ, издали стали доноситься мѣрные удары колокола. Часы били. Разъ, два, три... семь... ну еще! — восемь... ну еще! Нѣтъ, больше не бьютъ, такая досада. И такъ озлобился на часы Никита Ѳедорычъ, что, попадись тутъ ему подъ руку несносный колоколъ, онъ въ куски бы его раздробилъ... «Вѣрны ли городскіе часы? Дай погляжу на свои, они всегда вѣрны». А до тѣхъ поръ онъ нарочно не смотрѣлъ на часы, чтобы какъ-нибудь затянуть время, не знать его... Хвать — нѣтъ часовъ, видно, забылъ надѣть, въ номерѣ оставилъ ихъ... Нѣтъ... Выходя отъ Дорониныхъ, вынималъ онъ часы, хотѣлъ посмотрѣть, но не смотрѣлъ и назадъ въ карманъ положилъ, тоже чтобы не знать, который часъ... Тутъ вспомнилъ Никита Ѳедорычъ, что, не заставъ Дорониныхъ, онъ, перейдя мостъ, встрѣтилъ страшную грязь отъ

выпавшаго наканунѣ дождя. У желѣзнаго дома биржи сталъ онъ пробираться сторонкой, а тутъ толпа сѣраго люда, тутъ и ловкіе «вольные промышленники» *). Вспомнилъ Никита Өедорычъ, что двое молодцовъ въ грязныхъ, истасканныхъ пальтахъ, съ очень короткими рукавами, сжимали его съ обѣихъ сторонъ, а третій сильно напиралъ сзади... Такъ и есть. Улыбнулись часики, достались московскимъ жуликамъ либо петербургскимъ мазурикамъ, вѣдь ихъ множество ѣздитъ на Макарьевскую для своей коммерціи... А жаль, очень жаль часовъ... Были они подаренье Брайтона... Опустя голову, медленными шагами идетъ Никита Өедорычъ, вспоминая объ украденныхъ часахъ, а сердце такъ и заныиваетъ... На часахъ былъ треугольникъ изъ голубой эмали, въ немъ кругъ, по ободку какая-то надпись, сначала онъ ея не могъ разобрать. Даря часы, добрый англичанинъ что-то много говорилъ о безконечномъ времени, о безконечномъ пространствѣ и о томъ, что духъ превыше и безконечнаго времени и безконечнаго пространства. И показалъ на треугольникѣ и надпись... «Очень любилъ меня Брайтонъ,—думаетъ Никита Өедорычъ:—даря часы, сказалъ онъ мнѣ: «съ ними проникнете туда, куда немногіе проникаютъ»... Долго спустя послѣ отъѣзда его на родину, надо было Меркулову по одному порученью часы купить. Приходитъ къ часовщику-нѣмцу, выбираетъ дорогой хронометръ и вынимаетъ свои часы свѣрить ихъ... Часовщикъ такъ и впился въ нихъ глазами.—«Давайте, говоритъ, на промѣнъ».—«Не хочу».—«Два хронометра даю».—«Не хочу».—«Три хронометра и пятьсотъ рублей придачи». Не согласился Меркуловъ и ушелъ поскорѣй отъ соблазна. И съ той поры считалъ онъ Брайтоновы часы своимъ талисманомъ... И вдругъ пропали... И когда же?.. Только-что пріѣхалъ къ невѣстѣ послѣ долгой разлуки... Всегда думалъ онъ, что, какъ скоро у него тѣхъ часовъ не станетъ, бѣды и напасти найдутъ на него... «Господи! да что-жъ это такое?..—думаетъ онъ теперь.—Счастье свое потерялъ!.. Нужно же было пѣшкомъ идти, нужно же было въ толпу черни входить!.. Ахъ, Лиза, Лиза! Что-то будетъ намъ съ тобою впереди?»

И тутъ только опознался на мѣстѣ. Съ версту прошелъ онъ дальше квартиры Дорониныхъ. Взойдя на Ивановскую гору, Меркуловъ стоялъ почти передъ самымъ Кремлемъ. Тутъ по ночамъ мѣсто не чисто. Одинъ такъ-называемый переплетчиковскій домъ чего стоитъ! Петербургскаго Вяземскаго да московскаго Шипова съ Хитровымъ рынкомъ на придачу мало дать

---

*) Карманные воры.

за этотъ домъ. Да кромѣ него тутъ же по сосѣдству домъ Махотина, больше зовутъ его «полицеймейстерскимъ». Тотъ, пожалуй, еще будетъ получше... Слыхалъ Никита Ѳедорычъ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ домовъ и бѣгомъ пустился отъ нихъ подъ гору. За нимъ раздались крики — ловить ли его хотѣли, грабить ли. Богъ ихъ знаетъ, но, благодаря рѣзвости молодыхъ ногъ, онъ успѣлъ сбѣжать къ устью Зеленскаго съѣзда. Тутъ безопаснѣе. Едва переводя духъ, сѣлъ онъ на тротуарную надолбу и сталъ раздумывать о покраденныхъ часахъ. Ровно половина души съ тѣми часами пропала у него... Вспоминалъ и о таинственной надписи. Послѣ, долго послѣ того, какъ Брайтонъ подарилъ ему эти часы, одинъ магистръ-протопопъ сказалъ ему, что писано на нихъ по-гречески: *осъ тисъ синтеліасъ ту эоносъ* *), что въ этой надписи таится великій смыслъ, и что по-русски она значитъ: *до скончанія вѣка*, а треугольникъ съ кольцомъ — знакъ масоновъ... Знакъ масоновъ!.. А тутъ встрѣча съ фармазонкой и тотчасъ послѣ встрѣчи пропажа завѣтныхъ часовъ!.. «Что же все это значитъ?» — думаетъ Никита Ѳедорычъ и, совсѣмъ истомленный духомъ и тѣломъ, опустилъ голову на руки, сидя на столбѣ.

— Чего ты тутъ? — крикнулъ городовой. — Проваливай... Мошенники этакіе!.. Спокою съ вами нѣтъ!.. Хочешь къ господину квартальному?

Какъ холодной водой обдало Меркулова. Всталъ онъ, и тотчасъ же раздался часовой бой... Девять!.. Только-то!.. И когда бой пересталъ и начали играть куранты, въ ихъ звукахъ чудилось ему: *осъ тисъ синтеліасъ ту эоносъ*.

Нанявъ ѣхавшаго шажкомъ порожняка, сѣлъ Никита Ѳедорычъ въ пролетку и поѣхалъ вдоль по Нижнему Базару къ гостиницѣ Бубнова, гдѣ жили Доронины.

Пробѣжавъ наверхъ, свернулъ направо.

— Дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, не пріѣзжали, — отвѣчалъ коридорный.

— Записочку напишу. Дайте, пожалуйста, бумажки да карандашикъ.

Отдавъ записку съ приложеньемъ рублевки, Меркуловъ пошелъ назадъ. Проходя коридоромъ, въ полурастворенной двери одного номера увидалъ онъ высокую женщину въ черномъ платьѣ. Она звала прислугу.

— Четыре раза звонила, а все-таки нѣтъ никого, — кротко она говорила. — Самоваръ дайте мнѣ, пожалуйста, да чайный приборъ.

---

*) Ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος — *до скончанія вѣка*. Надпись, употреблявшаяся какъ у масоновъ, такъ у и русскихъ хлыстовъ образованнаго общества.

Взглянулъ на все мимоходомъ Никита Ѳедорычъ — «фармазонка»!

Воротясь домой, еще на лѣстницѣ освѣдомился Меркуловъ, не воротился ли Дмитрій Петровичъ. Нѣтъ, не пріѣзжалъ еще. Досада стала разбирать Меркулова, горячился онъ, сердился, а на кого — и самъ не зналъ. Надобно-жъ было въ одинъ день случиться столькимъ неудачамъ!.. «Дурной знакъ, нехорошая примѣта!..»—думалъ онъ, бросая картузъ и пальто на первый попавшійся стулъ. Въ сильномъ волненьи прошелся раза три по комнатѣ, заглянулъ за ширмы, гдѣ ему приготовлена была постель... Глядь, на ночномъ столикѣ часы... Какъ такъ?.. Какъ они туда попали?.. Часы тѣ самые, что̀ Брайтонъ ему подарилъ, вотъ и кругъ, вотъ и треугольникъ и надпись... Появленье часовъ на столикѣ объяснялось очень просто: воротясь въ первый разъ въ номеръ, Меркуловъ безсознательно снялъ ихъ и положилъ у постели, а потомъ и забылъ. Но теперь это казалось ему дѣломъ необычайнымъ, непостижимымъ, сверхъестественнымъ. «Добрый знакъ, хорошая примѣта»,—рѣшилъ онъ и вдругъ разсвистался. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ дразнили и сердили его слышные издалека крики цыганской пѣсни и звуки роговой музыки. Теперь и роговая музыка показалась пріятной, даже чрезвычайно изящной, а пѣсни цыганъ просто восхитительными... Даже въ звукахъ турецкаго барабана, что̀ безъ умолку бухалъ въ какомъ-то сколоченномъ изъ барочныхъ досокъ комендіантскомъ балаганѣ, Никита Ѳедорычъ находилъ что-то прелестное, что-то необычайное гармоническое... Взглянулъ на часы— десять... Ну, теперь Митенька скоро воротится, можетъ-быть, и отъ Дороннныхъ пришлютъ, можетъ-быть, самъ Зиновій Алексѣичъ пріѣдетъ... Чѣмъ бы до тѣхъ поръ заняться?.. Позвонилъ, спросилъ какихъ-нибудь газетъ. Подали «Ярмарочный Листокъ», и онъ углубился въ его чтеніе. Читаетъ — сколько ржи на пристаняхъ, сколько овса, пшена, муки—все цифры, цифры и цифры... Глядитъ онъ на эти цифры внимательно, но ничего въ нихъ не видитъ и вовсе не объ нихъ думаетъ... Думаетъ про невѣсту, думаетъ про Веденеева, про тюленя, про Морковникова, про Брайтона и про Марью Ивановну, но ни надъ чѣмъ не можетъ остановиться, ни надъ какимъ предметомъ не можетъ сосредоточиться... Больше все Брайтонъ да Брайтонъ, да его подаренье... Съ годъ прошло, какъ не вспоминалъ англичанина, а сегодня онъ у него безпрестанно на умѣ... «Это отъ того сна,—думаетъ Меркуловъ.—Какъ однако я живо видѣлъ его, какъ есть наяву... Такъ же точно и послѣ смерти — тогда вѣдь все равно что̀ день, что̀ тысяча, милліонъ.

лѣтъ... Американецъ тогда у Брайтона правду говорилъ... А у насъ мытарства!.. Нѣтъ, такъ лучше, какъ американецъ говорилъ: только-что умрешь, тотчасъ тебѣ и судъ, тотчасъ тебѣ и мѣсто, гдѣ Господь присудитъ... Какъ Онъ милосердъ, какъ Онъ премудръ, какъ это хорошо Онъ устроилъ!.. Что̀ часъ, что̀ тысяча лѣтъ — Ему все одно... А что̀ это за вѣра фармазонская?.. Тайная... Какъ бы узнать?.. Морковниковъ не знаетъ ли?.. Развѣ съ Марьей Ивановной познакомиться, ее разспросить?.. Не скажетъ, пожалуй... Тайности вѣдь у нихъ».

Дверь съ шумомъ растворилась.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Никита Ѳедорычъ и кинулся-было обнимать Веденеева.

Но это былъ не Веденеевъ.

— Давеча, въ обѣденну пору, стучалъ я къ вамъ, стучалъ въ каюту, государь мой, такъ-таки и не могъ добудиться. Нечего дѣлать — одинъ пообѣдалъ!.. Теперь ужъ не уйдете отъ меня. Пойдемте-ка ужинать... Одиннадцатый ужъ часъ...

Такъ говорилъ Василій Петровичъ, растопыря врозь руки, будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изловить Меркулова, ежели тотъ вздумаетъ лыжи отъ него навострить.

— Я вѣдь не ужинаю, Василій Петровичъ. Да и ѣсть-то вовсе не хочется, — сказалъ Меркуловъ.

— Какъ такъ?.. — съ удивленьемъ воскликнулъ Морковниковъ. — Не обѣдалъ да и ужинать не хочетъ!.. На что это похоже?.. Смирять, что ли, себя вздумали?.. Нѣтъ, батюшка, этого я не позволю. Покончимъ съ тюленемъ, тогда хоть совсѣмъ отъ ѣды откинься, хоть съ голоду помри тогда, мнѣ все равно... А до тѣхъ поръ не позволю, ни подъ какимъ видомъ не позволю. Извольте-ка, сударь, идти со мной въ общую залу. У Ѳедора Яковлича рыба отмѣнная, по всей ярманкѣ лучше нѣтъ. Куда до него Барбатенкѣ да хоша-бъ и самому модному вашему Никитѣ Егорову... У нихъ насчетъ рыбнаго тѣхъ же щей да пожиже влей. Подаютъ красиво, любо-дорого посмотрѣть, да ѣда-то намъ по брюху не приходится, не по русскому вкусу она... Идемъ же, идемъ, нечего попусту лясы точить.

И схватилъ Меркулова за руку.

— Хоша и силкомъ, а ужъ стащу друга поужинать,—говорилъ онъ. — Сердись не сердись, по-мнѣ, братъ, все едино... А на своемъ ужъ безпремѣнно поставлю!.. Какъ это можно безъ ужина?.. Помилуйте!

— Да ей-Богу же въ горло кусокъ не пойдетъ. Я такъ съ вами давеча назавтракался, что, кажется, и завтрашній день ѣсть не захочу.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя, — стоялъ на своемъ Морковниковъ. — Ты продавецъ, я покупатель — безъ того нельзя, чтобъ не угоститься... я тебя угощаю... И перечить ты мнѣ не моги, не моги... Нечего тутъ — расходы пополамъ... Это, батюшка, штуки нѣмецкія, нашему брату русскому человѣку онѣ не подстать... я угощаю — перечить мнѣ не моги... Ну, поцѣлуй меня, душа ты моя, Никита Ѳедорычъ, да пойдемъ скорѣй. Больно ужъ я возлюбилъ тебя.

И, не дождавшись отвѣта, купчина облапилъ Меркулова и сталъ цѣловать его со щеки на щеку.

— Какія бы цѣны на тюленя завтра ни стали, тотчасъ сполна чистоганомъ плачу, — говорилъ Василій Петровичъ.— Слова не вымолвлю, разомъ на столъ всѣ до послѣдней копейки. Помни только давешній уговорецъ — гривну съ рубля скостить... Уговоръ пуще денегъ... Да ну же, пойдемъ!.. Чего еще корячиться-то?.. Зовутъ не на бѣду, а на ѣду, а ты еще упираешься!.. Ѣда, любезный ты мой, во всякомъ разѣ первѣющее дѣло!.. Что-бъ мы были безъ ѣды?.. Опостылѣлъ бы тогда весь бѣлый свѣтъ... А я и на предбудущую ярманку и навсегда твой покупатель. Коли хорошо пойдетъ заводъ, втрое, вчетверо больше буду брать у тебя... Только того изъ памяти не выкидывай — гривна скидки... Да ну же, пойдемъ... Нечего тутъ еще кочевряжиться!.. Пойдемъ, говорю, — больно ужъ я возлюбилъ тебя.

И потащилъ Меркулова за руку.

А Митеньки все нѣтъ какъ нѣтъ. Что̀ станешь дѣлать? Пошелъ Никита Ѳедорычъ съ безотвязнымъ Морковниковымъ, хоть и больно ему того не хотѣлось. «Все равно, подумалъ, не дастъ же покоя съ своимъ хлѣбосольствомъ. Теперь его ни крестомъ ни пестомъ не отгонишь». И наказалъ коридорному, какъ только воротится Веденеевъ, либо другой кто станетъ Меркулова спрашивать, тотчасъ бы повѣстилъ его.

Никита Ѳедорычъ съ Морковниковымъ едва отыскали порожній столикъ, — общая зала была полнымъ - полнехонька. За всѣми столами ужинали молодые купчики и приказчики. Особенно армянъ много было. Сладострастные сыны Арарата усѣлись поближе къ помосту, гдѣ пѣли и танцовали смазливыя дщери остзейцевъ. За однимъ столикомъ сидѣли сибиряки, передъ ними стояло съ полдюжины порожнихъ бѣлоголовыхъ бутылокъ, а на другихъ столахъ болѣе виднѣлись скромныя бутылки съ пивомъ мѣстнаго завода Барбатенки. Очищенная всюду стояла.

Подлетѣлъ половой въ синей канаусовой рубахѣ, оторочен-

ной тоненькими серебряными позументами. Ловко перекинулъ на лѣвое плечо салфетку и низко нагнувшись передъ Морковниковымъ, спросилъ у него:

— Чтò потребуется вашему почтенію?

— Сперва-наперво, милый ты мой, поставь намъ водочки да порцію икорки хорошенькой,—сказалъ Василій Петровичъ.

— Зернистой прикажете, али паюсной?—почтительно опуская глаза, спросилъ половой.

— Знамо зернистой, паюсну самъ ѣшь,—отвѣтилъ Морковниковъ.—Самой наилучшей зернистой подавай.

— Стерляжьей не прикажете ли? Сейчасъ только вынули,— осклабясь во весь ротъ, сказалъ половой.

— Тащи порцію. Да балыка еще подай. Семга есть?

— Есть-съ, только для вашей чести не совсѣмъ будетъ хороша,—отвѣтилъ половой.

— Такъ ну ее къ псамъ. Икры подай да балыка, огурчиковъ свѣжепросольныхъ,—приказывалъ Василій Петровичъ.— Нехорошее подашь—назадъ отдамъ и денегъ не заплачу̀. Ѳедору Яковличу пожалуюсь. Слышишь?

— Слушаю-съ,—съ лукавой улыбкой молвилъ половой.— Еще чего не пожелается ли вашей милости?

— Расписанье подай,—сказалъ Василій Петровичъ.

— Какое расписанье?—въ недоумѣньи спросилъ половой.

— Роспись кушаньямъ, какія у васъ готовятъ,—повыся голосъ, крикнулъ на него съ досадой Морковниковъ.

— Карточку, значитъ? Сію минуту-съ,—сказалъ половой и подалъ ее Василію Петровичу.

— «Закуски,—по складамъ почти читаетъ Морковниковъ:— икра паюсная конторская»... мимо,—закуску мы ужъ заказали; «мясное: лангетъ а ланглезъ, рулетъ де филе де бефъ, эскалопъ о труфъ». Песъ ихъ знаетъ, чтò такое тутъ нагорожено!.. Кобылятина еще, пожалуй, али собачье мясо... Слышишь?—строго обратился онъ къ улыбавшемуся половому.

— Другой карточки не имѣется-съ,—отвѣтилъ половой.

— Отчего же не имѣется?—вскрикнулъ Василій Петровичъ.—Не одна же, чать, нехристь къ ва̀мъ въ гостиницу ходитъ, бываютъ и россейскіе люди, значитъ, православные христіане. Носомъ бы тыкать вотъ сюда Ѳедора-то Яковлича, чтобы порядки зналъ,—прибавилъ Морковниковъ, тыкая пальцемъ въ непонятныя для него слова на карточкѣ.

— Зачѣмъ-же-съ? Помилуйте,—вступился за хозяина половой.—Осетринки не прикажете ли, стерляди отличныя есть, поросенокъ подъ хрѣномъ—московскому не уступитъ, цыплята, молодые тетерева.

— Слушай: давай ты намъ ракову похлебку да пироги подовые съ рыбой... Имѣется?

— Раковый супъ? Имѣется-съ.

— Стерлядку разварную.

— Слушаю-съ.

— Осетрины хорошей съ хрѣнкомъ.

— Слушаю-съ.

— Поросенка подъ хрѣномъ. Это я для тебя, — обратился Морковниковъ къ Никитѣ Ѳедорычу.—Мнѣ-то не слѣдуетъ — среда.

Меркуловъ не отвѣчалъ. Далеко въ то время носились его думы.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ между тѣмъ половой Морковникову.

— Цыплятъ жареныхъ можно?

— Можно-съ.

— Цыплятъ порцію да леща жаренаго на подсолнечномъ маслѣ.

— Слушаю-съ.

— Чего бы еще-то спросить?—обратился Морковниковъ къ задумавшемуся Никитѣ Ѳедорычу.

— Помилуйте, Василій Петровичъ, да и того, что̀ заказали, невозможно съѣсть, — сказалъ Меркуловъ.

— Коли Богъ грѣхамъ терпитъ — все, голубчикъ, сжуемъ во славу Господню, все безъ остаточка, — молвилъ Морковниковъ. — Тебѣ особеннаго чего не въ охотку ли? Такъ говори.

— Я ужъ сказалъ, что вовсе ѣсть не хочу, — отвѣчалъ Меркуловъ.

— Это ты шалишь-мамонишь. Подадутъ, такъ станешь ѣсть... Какъ это можно безъ ужина?.. Помилосердствуй, ради Господа! — И, обращаясь къ половому, сказалъ: — Шампанскаго въ ледокъ поставь да мадерки бутылочку давай сюда, самой наилучшей. Слышишь?

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ половой.

— Съ Богомъ. Ступай. Готовь живѣе!

Летомъ вылетѣлъ половой вонъ изъ залы.

А на помостѣ межъ тѣмъ бренчитъ арфа, звучатъ разстроенныя фортепьяны, визжитъ неистово скрипка, и дюжина арфистокъ съ тремя-четырьмя молодцами, не то жидами, не то сынами германскаго отечества, наяриваютъ пѣсенки, чуждыя русскому уху. Но когда которая-нибудь изъ толстомясыхъ дщерей Liv-,Est-und Kur-ланда выходила на середку, чтобъ танцовать, и, поднявъ подолъ, начинала повертывать дебелыми плечами и обнаженною грудью, громкое *браво*, даже

ура раздавалось по всей залѣ. Полупьяные купчики и молодые приказчики неистовыми кликами дружно встрѣчали самый безцеремонный, настоящій ярманочный канканъ, а гайканскій народъ *) даже съ мѣста вскакивалъ, страстно губами причмокивая.

— Экая гадость! — отплюнувшись брезгливо и тряхнувъ сѣдой головой, молвилъ Василій Петровичъ.—Сколько нонѣ у Макарья этихъ Продіадъ расплодилось!.. Бѣда!.. Пообѣдать негдѣ стало, какъ слѣдуетъ, по-христіански, лба передъ ѣдой перекрестить невозможно... Ты съ крестомъ да съ молитвой, а эта треклятая нежить **) съ пляской да съ пѣснями срамными! Ровно въ какой басурманской землѣ!

— Хорошаго тутъ, конечно, немного, однакожъ...—началъ было Никита Ѳедорычъ.

— Чего тутъ «однакожъ»? — вскинулся вдругъ на него Василій Петровичъ. — Обойди ты теперь всю здѣшнюю ярманку, загляни въ любой трактиръ, въ любую гостиницу — вездѣ вопль содомскій и гоморскій, вездѣ вавилонское смѣшеніе языковъ... Въ прежнія времена такого нечестія здѣсь и въ духахъ не бывало. На послѣднихъ только годахъ развелось... Купечество того не желаетъ, непотребство ему противно, потому, хоша мы люди и грѣшные, однакожъ по силѣ возможности кобей бѣсовскахъ ***) бѣгаемъ... И вѣдь нигдѣ опричь Макарья, ни на единой ярманкѣ нѣтъ такой мерзости... Гляди-ка, гляди, высыпалъ полкъ сатанинъ, разсѣлись по стульямъ на помостѣ скверныя еретицы, цѣлая дюжина никакъ... И у каждой некошной °) руки, плечи и грудь наголо ради соблазна слабыхъ, а ежели плясать пойдетъ которая, сейчасъ подолъ кверху, это по-ихнему значитъ канканъ °°). И подлинно капканъ молодымъ купцамъ, особливо приказчикамъ... Распаляются, разжигаются и пойдутъ съ этими нѣмецкими дѣвками пьянствомъ да всякимъ срамнымъ дѣломъ займоваться... И гдѣ прокудятъ бѣсу въ честь эти лобасты окаянныя °°°), тамъ же и крещеные трапезуютъ... Глянь-ка, въ

---

*) Армяне.

**) *Нежить* — все, что живетъ безъ души и безъ плоти, но въ видѣ человѣка. Это не дьяволъ, не мертвецъ и не привидѣнье, но особыя существа. По народнымъ понятіямъ, къ нежити относятся: домовой, лѣшій, водяной, кикимора, шишига, лобаста, русалка и пр.

***) *Кобь* — погань, скверность, также волхвованіе.

°) *Некошный* — нечистый, дьявольскій, сатанинскій.

°°) Канканъ.

°°°) *Лобаста* — родъ русалки, живущей въ камышахъ. Это некрещеные младенцы и проклятыя родителями дѣти, нетерпѣливо ожидающіе конца міра, а до тѣхъ поръ забавляющіеся разными проказами надъ людьми.

углу-то что... Догадливъ Өедоръ Яковличъ, и Богу и чорту заодно угодить хочетъ — на помостъ-отъ араву нѣмецкой нечисти нагналъ, а надъ помостомъ Богородиченъ образъ въ золоченой ризѣ поставилъ, лампаду передъ нимъ негасимую теплитъ... Подъ святыней-то у него богомерзкія шутовки *) своему царю Сатанѣ служатъ бѣсовскіе молебны... У невѣрныхъ, не знающихъ Бога, калмыковъ доводилось мнѣ на ярманкахъ бывать, и у нихъ такой срамоты я не видывалъ, какъ здѣсь подъ кровомъ преподобнаго Макарія, Желтоводскаго чудотворца!.. Первостатейные купцы не одинъ разъ приговоры писали, прекратить бы это безчинство, однакожъ ихнія хлопоты завсегда втунѣ остаются... Съ крестомъ да съ молитвой пообѣдать мѣста не сыщешь, а шутовкамъ ширь да просторъ. Начальство!..

Подъ это слово подлетѣлъ быстроногій, чистотѣлый любимовецъ и ловко поставилъ закуску на столъ.

— А вотъ и икорка съ балычкомъ, вотъ и водочка цѣлительная, — сказалъ Василій Петровичъ. — Милости просимъ, Никита Өедорычъ... Не обезсудьте на угощеніи — не домашнее дѣло, что хозяинъ далъ, то и Богъ послалъ... А ты, любезный, постой-погоди, — прибавилъ онъ, обращаясь къ любимовцу.

Половой какъ вкопаный сталъ въ ожиданіи заказа.

— Вотъ что я скажу тебѣ, милый человѣкъ,—молвилъ Морковниковъ. — Заказали мы тебѣ осетринку. Помнишь?

— Какъ можно забыть, ваше степенство? Готовятъ-съ!..

— Подай-ка ты намъ ее съ ботвиньей. Можно?

— Можно-съ.

— А коли можно, такъ, значитъ, ты хорошій человѣкъ. Тури-ка поди да потуривай.

Половой ушелъ... За водочкой да закусочкой Василій Петровичъ продолжалъ роптать и плакаться на новые порядки и худые нравы на ярманкѣ.

— Я еще къ Старому Макарью на ярманку ѣзжалъ, — разсказывалъ онъ Меркулову: — такъ и знаю, какіе тамъ порядки бывали. Не то что въ Госпожинки, въ середу аль въ пятницу опричь татарскихъ харчевенъ ни въ одномъ трактирѣ скоромятины ни за какія деньги, бывало, не найдешь, а здѣсь погляди-ка что... Захочешь попостничать, голоднымъ насидишься... У Стараго Макарья, бывало, цѣлый день въ монастырѣ колокольный звонъ, а колокола-то были чудные, звонъ-

---

*) *Шутъ*, *шутовка* — въ смыслѣ нечистой силы. *Шутъ* — чортъ, *шутовка* — русалка и всякая другая нежить женскаго пола.

отъ серебристый, малиновый—сердце, бывало, не нарадуется... А здѣсь бубны да гусли, свирѣли да эти окаянныя пискулки, что̀ съ утра до ночи спокою не даютъ христіанамъ!.. Кажись бы, не ради скомороховъ люди ѣздятъ сюда, а ради добраго торга, а тутъ тебѣ и волынщики и гудочники, и гусляры и свирѣльщики, и всякій другой неподобный кличъ... Слабъ нонѣ сталъ народъ. Послѣдни времена!.. Охъ, Ты, Господи милостивый!

И при этомъ такъ громко зѣвнулъ, что всѣ на него оглянулись.

Принесъ половой ботвинью и, перекинувъ салфетку черезъ плечо, ожидалъ новыхъ приказовъ.

— Значитъ, ты, милый мой человѣкъ, изъ мѣста родима изъ города Любима?—спросилъ у него Василій Петровичъ, разливая ботвинью по тарелкамъ.

— Такъ точно-съ, любимовскіе будемъ,—тряхнувъ свѣтлорусыми кудрями, съ ужимкой отвѣтилъ половой.

— Козу пряникомъ, значитъ, кормилъ? — улыбаясь, промолвилъ Василій Петровичъ.

— Должно-быть, что такъ-съ... — кругомъ поводя голубыми глазами, съ усмѣшкой отозвался половой.

— Вѣдь у васъ въ Любимѣ не учи козу — сама стяпетъ съ возу, а рука пречиста все причиститъ *)... Такъ, что ли?— прищурясь, продолжалъ шутить Морковниковъ.

— Кажинному городу своя поговорка есть,—молвилъ любимовецъ, перекинувъ салфетку съ одного плеча на другое. — Еще что̀ вашей милости потребуется?

— А вотъ бы что̀ мнѣ знать требовалось, какое у тебя имя крещеное? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Попъ Васильемъ крестилъ, Васильемъ съ того часу и пошелъ я называться... — отвѣчалъ половой.

— Тезка, значитъ, мнѣ будешь. И меня попъ Васильемъ крестилъ, — шутливо промолвилъ Морковниковъ. — А по батюшкѣ-то какъ тебя величать?

— Петровымъ.

— Ну, братъ, какъ есть въ меня. И я вѣдь Василій Петровъ. А прозванье-то есть ли какое?

— Какъ же прозванью не быть?—тряхнувъ кудрями, молвилъ половой.—Мы вѣдь ярославцы — не чувашска лопатка **) какая-нибудь. У насъ всякъ человѣкъ съ прозвищемъ вѣкъ свой живетъ.

---

*) Про любимовцевъ всѣ эти поговорки издавна сложены народомъ.

**) Чувашей зовутъ «чувашска лопатка»; у нихъ всѣ Васильи Иванычи, а прозваній нѣтъ.

— Какъ же тебя прозываютъ?

— Полушкины пишемся.

— Ну, вотъ прозванье-то у тебя, тезка, не изъ хорошихъ, — сказалъ Василій Петровичъ. — Тебѣ бы, братецъ ты мой, Рублевымъ прозываться, а не Полушкинымъ.

— Капиталовъ на то не хватаетъ, ваше степенство,—подхватилъ разбитной половой, лукаво поводя глазами то на Морковникова, то на Меркулова. — Удостойте хотя маленькимъ какимъ капитальцемъ—Червонцевымъ бы сталъ прозываться, оно-бъ и сходнѣй было съ настоящимъ-то нашимъ прозваньемъ.

— Нешто у тебя два прозванья-то? — спросилъ Морковниковъ.

— А то какъ-же-съ? Полушкины пишемся, а Червецовы прозываемся,—отвѣтилъ любимовецъ.—По нашей сторонѣ все такъ... Изстари такъ ведется... Какъ же насчетъ капитальцу-то, ваше степенство?.. Прикажете въ надеждѣ оставаться? — немного помолчавъ, бойко обратился половой къ Василью Петровичу.

— Надѣйся, тезка, надѣйся. Молодъ еще, Богъ дастъ и до денегъ доживешь. Дождешься времени, и къ тебѣ на дворъ солнышко взойдетъ, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Эхъ, ваше степенство, ждать-то не охота бы. Пожаловали бы теперь же тысчонку-другую и дѣлу бы конецъ, — закинувъ назадъ руки и склонившись передъ Морковниковымъ, говорилъ половой.

— Малаго захотѣлъ! — засмѣялся Василій Петровичъ. — Пожалуй, не снесешь такую кучу.

— На этотъ счетъ не извольте безпокоиться. Постарались бы, понатужились, — сказалъ половой.

— Ну ладно, ладно, — молвилъ Морковниковъ.—А ты слетай-ка къ буфетчику да спроси у него еще другую бутылочку мадерцы, да смотри такой, которую самъ Ѳедоръ Яковличъ по большимъ праздникамъ пьетъ... Самой наилучшей!

Схватя порожнія тарелки, Полушкинъ-Червецовъ опрометью кинулся вонъ изъ залы.

Поужинали и бутылочку съ бѣлой головкой роспили да мадеры двѣ бутылки. Разговорился словоохотный Морковниковъ, хоть Меркуловъ почти вовсе не слушалъ его. Только и было у него на умѣ: «не воротился ли Веденеевъ, да какъ-то завтра Богъ приведетъ съ невѣстой встрѣтиться, да еще какія цѣны на тюленя означатся?» То и дѣло поглядывалъ онъ на дверь, «авось Митенька не подойдетъ ли», думалъ онъ. Оттого и рѣдко отвѣчалъ онъ на докучные вопросы Морковникова.

— Чего молчишь? Тебя спрашиваю, — сказалъ наконецъ Василій Петровичъ, тронувъ Меркулова за колѣнку.

— Что̀ такое? — ровно ото сна очнувшись, спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— Чего носъ-отъ повѣсилъ?..

— Спать хочется,—молвилъ Меркуловъ и зѣвнулъ во весь ротъ.

— И впрямь, брательникъ, на боковую пора, — согласился Василій Петровичъ.—Выпьемъ еще по калишкѣ *), да и спать.

Взявшись за рюмку мадеры, Никита Ѳедорычъ сказалъ Морковникову:

— А я давеча на Нижнемъ Базарѣ въ гостиницѣ знакомыхъ разыскивалъ. Ту барыню встрѣтилъ...

— Какую барыню? — спросилъ, зѣвая, Морковниковъ.

— А что̀ на пароходѣ-то съ нами ѣхала, — сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— Марью Ивановну? Ну вотъ, сударь! — молвилъ Василій Петровичъ.—Такъ впрямь она въ гостиницѣ пристала? Надо думать, что изъ своихъ никого здѣсь не отыскала... Не любятъ вѣдь они на многолюдствѣ жить, имъ бы все покой да затишье. И говорятъ все больше шепоткомъ да втихомолку; громкаго слова никто отъ нихъ не слыхивалъ.

— Отчего-жъ это? — спросилъ Меркуловъ.

— Такое ужъ у нихъ поведенье,—сказалъ Морковниковъ.— По уставу, видно, по ихнему такъ требуется, а впрочемъ, лѣшій ихъ знаетъ, прости Господи.

— Да что̀ это за фармазоны такіе, Василій Петровичъ?.. Растолкуйте мнѣ, пожалуйста,—съ любопытствомъ спрашивалъ Никита Ѳедорычъ.

— Вѣра такая. Потаенная, значитъ,—молвилъ Василій Петровичъ, отирая лицо платкомъ и разглаживая бороду

— Что-жъ это за вѣра? Въ чемъ она состоитъ? — съ возрастающимъ любопытствомъ спрашивалъ Меркуловъ.

— Кто ихъ знаетъ, въ чемъ она состоитъ... Все вѣдь по тайности, — сказалъ Морковниковъ. — У нихъ, слышь, ежели какой человѣкъ приступаетъ къ ихней вѣрѣ, такъ они съ него берутъ присягу, заклинаютъ его самыми страшными клятвами, чтобы никакихъ ихнихъ тайностей никому не смѣлъ открывать: ни отцу съ матерью, ни роду ни племени, ни попу на духу ни судьѣ на судѣ. Кнутъ и плаху, топоръ и огонь, холодъ и голодъ претерпи, а ихняго дѣла не выдай и

---

*) *Калишка* — стаканъ, рюмка. Отъ латинскаго *calix*. Въ великорусскій народный языкъ перешло изъ Бѣлоруссіи еще въ XVII столѣтіи.

тайностей ихъ никому не открой. И еще у нихъ, слышь, такой уставъ — неженатый не женись, а женатый разженись... Хмельного въ ротъ не берутъ: ни пива, ни вина, ни браги, ни даже сыченаго квасу. На пиры, на братчины, на свадьбы и на крестины не ходятъ, пѣсенъ не поютъ, ни на игрища, ни въ хороводы, ни на другія деревенски гулянки ни за что на свѣтѣ. Мясного въ ротъ не берутъ, а молочное ѣсть и въ великую пятницу не ставятъ во грѣхъ... А впрочемъ, народъ смирный, кроткій, обиды отъ нихъ никому нѣтъ и до церкви Божьей усердны... Худого за ними не видится.

— И между крестьянъ есть такіе?—спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— А то какъ же!—отозвался Морковниковъ. — Сергѣй-отъ лѣсникъ, про коего вечоръ на пароходѣ у меня съ Марьей Ивановной разговоръ былъ — за попа у нихъ, святымъ его почитаютъ...

— А изъ господъ много въ этой вѣрѣ?

— Всякаго тамъ есть сословія: и господъ, и купцовъ, и мужиковъ,—отвѣчалъ Василій Петровичъ.—У Марьи Ивановны вся родня, говорятъ, въ этой самой фармазонской вѣрѣ состоитъ... Дядя ей родной, богатый баринъ, Луповицкимъ прозывается, по этой вѣрѣ у нихъ, слышь, самымъ набольшимъ былъ, ровно бы архіерей... Такъ его въ монастырь услали, въ Соловкахъ такъ и померъ... У него Марья-то Ивановна по смерти родителей и проживала да тамъ этого духа и набралась... Да что̀ Марья Ивановна, что̀ господинъ Лупювицкій! Толкуютъ, будто изъ самыхъ что̀ ни на есть важнѣющихъ людей, изъ енараловъ да изъ сенаторовъ по той фармазонской вѣрѣ немало есть... А все по тайности... Иному и хотѣлось бы, пожалуй, изъ той вѣры вонъ какъ-нибудь, да нельзя, — въ одночасье помрешь.

— Какъ такъ, Василій Петровичъ?—спросилъ Меркуловъ.

И сонъ у него прошелъ, про Веденеева, про невѣсту, про тюленя перестал думать.

— Самъ я того не знаю, — отвѣчалъ Морковниковъ: — а по людямъ въ нашей сторонѣ идетъ такая намолвка: ежели кто въ ихню вѣру переходитъ, прощается онъ со всѣмъ свѣтомъ и ото всего отрекается. «Ты прости-прощай, говоритъ, небо ясное, ты прости-прощай, солнце красное, вы прощайте, мѣсяцъ и звѣзды небесныя, вы прощайте, моря, озера и рѣки, вы прощайте, лѣсъ, поля и горы, ты прости-прощай, мать сыра земля, вы простите, ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная». Ото всего, значитъ, отрекается, со всѣмъ прощается... И послѣ того съ него пишутъ пор-

третъ, а ежели некому портрета написать, берутъ рукописанье — и тутъ бываетъ волхвованье... Ежель кто потомъ въ ихней вѣрѣ станетъ некрѣпокъ, либо тайность какую чужому откроетъ, на портретѣ лицо потускнѣетъ, и съ рукописанья слова пропадутъ. По тому и узнаютъ они невѣрныхъ... И тогда въ тотъ портретъ стрѣляютъ, а рукописанье жгутъ на огнѣ. И отъ того человѣкъ тотчасъ помираетъ, хоша бы на другомъ концѣ свѣта былъ... Отъ того отъ самаго фармазонамъ и нельзя изъ ихней вѣры выйти...

— Какъ же вы-то объ этомъ узнали, Василій Петровичъ?— спросилъ увлекаемый любопытствомъ Меркуловъ.

— Слухомъ земля полнится, Никита Ѳедорычъ,—отвѣчалъ Морковниковъ. — Съ чего-нибудь говорятъ же люди... Вонъ за Волгой въ низовыхъ степяхъ такихъ фармазоновъ довольно есть. Только тамъ съ чего-то ихъ монтанами называютъ. А все тѣ же фармазоны. А то еще «вертячками» ихъ тамъ прозываютъ. Года три назадъ довелось мнѣ за Самару съѣздить, барановъ въ степи на вытопку сала закупалъ. Прожилъ тогда я въ одномъ селѣ больше двухъ недѣль и довольно-таки наслушался про этихъ монтановъ. Старыхъ дѣвокъ больше всего въ той вѣрѣ, бываютъ однако и молодыя. А живутъ тѣ дѣвки отъ своихъ семейныхъ отдѣльно, кельи у нихъ на задворкахъ особыя поставлены. Про себя говорятъ: «хлѣба не сѣемъ, работы не работаемъ, потому что сѣемъ слово Господне и работаемъ на Бога, по вся дни живота своего въ трудахъ и въ молитвѣ пребываемъ». А по вечерамъ, особливо подъ праздники, сходятся они въ келью, котора попросторнѣй, и тамъ сначала божественныя книги читаютъ, а потомъ зачнутъ пѣть свои фармазонскія пѣсни. И подъ тѣ пѣсни скачутъ онѣ и пляшутъ да вертятся по избѣ, отъ того «вертячками» ихъ и прозвали. А ходятъ завсегда въ черномъ, когда же сойдутся на бесѣды, надѣваютъ бѣлы рубахи, длинныя до самаго полу... И мужчины ихняго согласу на тѣхъ бесѣдахъ въ такихъ же бѣлыхъ рубахахъ бываютъ — такое, значитъ, у нихъ заведенье. По уставу, что ли, по какому, песъ ихъ знаетъ...

— Странно это все, Василій Петровичъ, — въ раздумьѣ молвилъ Меркуловъ. — А мнѣ бы, признаться, хотѣлось узнать хорошенько, что̀ это за вѣра такая...

— Узнавать-то нечего, не сто̀итъ того, — отвѣтилъ Морковниковъ. — Хоша ни поповъ ни церкви Божьей они не чуждаются, и какъ служба въ церкви начнется, приходятъ первыми, а отойдетъ — уйдутъ послѣдними; хоша раза по три или по четыре въ году къ попу на духъ ходятъ и причастье принимаютъ, а все же ихняя вѣра не отъ Бога. Отъ врага

наожденіе, потому что, ежели-бъ ихняя вѣра была прямая, богоугодная, зачѣмъ бы таить ее? Опять же тутъ и волхвованія, и пляска, и верченье, и скаканье. Божеско ли это дѣло, самъ посуди...

— Странное дѣло! — молвилъ Меркуловъ.

— Чудное, какъ есть чудное, — сказалъ Василій Петровичъ.—А никакъ невозможно понять, потому тайность... Опять же вотъ еще что̀ у нихъ есть. Разъ у хозяина, гдѣ приставалъ я въ степяхъ-то, съ сестрой съ его съ дѣвкой разговорился, съ монтанкой тоже. Многаго-то она мнѣ не открыла, а сказала, что по-ихнему Богъ человѣка не всего сотворилъ, отъ Бога, слышь, только одна душа, а плоть отъ дьявола. Душа-де какъ въ темницѣ заперта въ дьявольской плоти, страдаетъ въ ней, и мучится, и тоскуетъ, на волю-то вишь ей хочется вырваться. И для того-де слѣдуетъ плоть свою ненавидѣть, потому что она — самъ дьяволъ.

— А попы что̀ говорятъ про нихъ?—спросилъ Никита Ѳедорычъ.

— Что̀ попы? Попамъ отъ нихъ хорошо,—отвѣтилъ Василій Петровичъ.—Говорилъ вѣдь я, что монтане по три да по четыре раза на духъ ходятъ; попу, значитъ, доходъ. Да кромѣ того, кто холстика попадьѣ, кто овощей со своего огорода, работа какая у попа случится, безъ зова придутъ и мѣдной копейки съ него не возьмутъ. Оттого и попы берегутъ ихъ, оттого и говорятъ, что они по всему приходу самые усердные... Однакожъ закалякались мы съ тобой, Никита Ѳедорычъ. Глянь-ка, послѣдни остались — даже и еретицы-то спать захотѣли, разбрелись по своимъ мурьямъ. Выпьемъ-ка еще по калишкѣ, покончимъ бутылку-то, да и спать айда!

Покончили бутылку и пошли. Прощаясь съ Меркуловымъ у дверей его номера, Василій Петровичъ сказалъ:

— Такъ ужъ завтра, пожалуйста, порѣшимъ съ тюленемъ-то. Я на тебя въ полной надеждѣ. Встанемъ пораньше, я схожу на Гребновскую, поразузнаю тамъ про послѣднія цѣны, и ты узнай, а тамъ Богъ дастъ и покончимъ... Пожалуйста, не задержи. Мнѣ бы ко дворамъ поскорѣй — заводъ пора въ ходъ пускать. Если бы завтра съ тобой мы покончили, послѣзавтра бы отправился, а товаръ принять приказчика оставилъ бы. Завтрашняго числа онъ долженъ безпремѣнно сюда пріѣхать.

Меркуловъ обѣщалъ.

НА ГОРАХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава первая.

Маленько подъ хмелькомъ воротился Меркуловъ въ свою комнату. Было ужъ за полночь, а Веденеева нѣтъ какъ нѣтъ. Придумать не можетъ Меркуловъ, куда онъ запропастился, а еще пуще его тревожится Флоръ Гавриловъ. Въ томъ же домѣ Ермолаева, въ нижнемъ жильѣ, на постояломъ дворѣ, устроенномъ для сѣраго люда, нанялъ онъ крошечную каморку. Ни сонъ ни ѣда нейдутъ на умъ заботному приказчику, то и дѣло ходитъ онъ наверхъ провѣдать, не воротился ли хозяинъ. Чѣмъ позже становилось, тѣмъ чаще онъ навѣдывался, и каждый разъ заглядывалъ въ комнату Меркулова, не тамъ ли хозяинъ. «Куда-бъ могъ дѣваться онъ?» Напрасно Меркуловъ успокаивалъ приказчика, напрасно увѣрялъ его, что Дмитрій Петровичъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ засидѣлся, Флоръ Гавриловъ на тѣ рѣчи только съ досады рукой махнетъ, головой тряхнетъ, да потомъ и примолвитъ:

— Ярманка, сударь, мѣсто бойкое, недобрыхъ людей въ ней довольно, всякаго званья народу у Макарья не перечтешь... А за нашимъ хозяиномъ нехорошая привычка водится: деньги да векселя завсегда при себѣ носитъ... Долго-ль до грѣха?.. Подсмотритъ какой-нибудь жуликъ да въ недобромъ мѣстѣ и оберетъ дочиста, а не то и уходитъ еще, пожалуй... Зачастую у Макарья бываютъ такія дѣла. Рѣдкая ярманка безъ того проходитъ.

Напрасно Меркуловъ успокаивалъ Флора Гаврилова, напрасно говорилъ онъ, что его хозяинъ не такой человѣкъ,

чтобъ ночью по недобрымъ мѣстамъ шататься. Головой только покачивалъ приказчикъ.

— Бѣсъ-отъ силенъ, Никита Ѳедорычъ, — сказалъ онъ Меркулову. — Особливо силенъ онъ на этакомъ многолюдствѣ при такомъ нечестіи, какъ здѣсь. И со старыми людьми у Макарья бываютъ прорухи, а Дмитрій Петровичъ человѣкъ еще молодой... Мало ли что̀ можетъ случиться!..

Когда Морковниковъ утащилъ Меркулова ужинать, Флоръ Гавриловъ вышелъ вонъ изъ гостиницы и сѣлъ на ступенькахъ входнаго крыльца рядомъ съ караульнымъ татариномъ *).

Заволокло мѣсяцъ тучками, и темно-синяя ночь раскинула свою пелену надъ сонной землей. Съ каждой минутой одни за другими тухнутъ огни на землѣ и стихаетъ городской шумъ, рѣже и рѣже стучатъ гдѣ-нибудь въ отдаленьи пролетки съ запоздалыми сѣдоками, слышнѣй и слышнѣе раздаются тоскливые напѣвы караульныхъ татаръ и глухіе удары ихъ дубинокъ о мостовую. Съ рѣки долетаютъ сдержанные клики, скрипъ дерева, лязгъ желѣзныхъ цѣпей — то разводятъ мостъ на Окѣ для пропуска судовъ. Съ городской горы порой раздаются рѣдкіе, заунывные удары колоколовъ — то церковные сторожа повѣщаютъ попа съ прихожанами, что не даромъ съ нихъ деньги берутъ, исправно караулятъ отъ воровъ церковь Божью.

Грустно склонивъ голову, сидитъ Флоръ Гавриловъ на ступенькѣ крыльца. Съ каждой минутой растетъ его безпокойство, и думы мрачнѣе и мрачнѣе...

— А что̀, знакомъ?.. Какъ нонѣшній годъ на ярманкѣ?.. Ночнымъ временемъ пошаливаютъ? — немного помолчавъ, спросилъ онъ у татарина.

Помолчалъ немного и татаринъ, а потомъ сквозь зубы лѣниво и отрывисто промолвилъ:

— Іокъ **)!

— Не слышно, чтобы кого ограбили?.. аль въ канавѣ утопили?.. — продолжалъ Флоръ Гавриловъ спрашивать татарина.

— Іокъ, — отвѣтилъ, зѣвая, татаринъ.

— Хозяинъ мой гдѣ-то запропастился... Не попалъ ли на лихихъ людей?

— Молода хозяинъ? — спросилъ татаринъ.

— Молодой еще... Дмитрій Петровичъ Веденеевъ. У васъ

---

*) На ярманкѣ обыкновенно въ караульщики нанимаютъ сергачскихъ и васильскихъ татаръ. Это народъ честный и трезвый. Чернорабочіе, крючники, перевозчики — тоже больше изъ татаръ.

**) Нѣтъ.

тутъ въ номерѣ наверху стоитъ, — сказалъ Флоръ Гавриловъ.

— Волгамъ шаталъ, Кунавинъ гулялъ, — осклабляясь, молвилъ татаринъ. — Гулятъ... Кунавинъ... Карашо!.. — прибавилъ онъ, прищуря маленькіе глазки и выказавъ зубы бѣлѣе слоновой кости.

Вздохнулъ Флоръ Гавриловъ. И ему давно ужъ вспало на умъ, что Дмитрій Петровичъ «гулятъ»... — «А какъ ограбятъ, укокошатъ, да въ воду?..» — думаетъ и тѣломъ и душой преданный ему приказчикъ.

Между тѣмъ и татаринъ призадумался. Разговоръ про то, что купецъ «гулятъ», раздражилъ его азіатское воображенье. Ежели бы только деньги, — и онъ бы, Рехметулла, гулялъ! «Много, — думаетъ онъ: — здѣсь красавицъ, только безъ хорошихъ денегъ къ нимъ не пускаютъ!..» Вздохнулъ, плюнулъ и. мѣрно постукивая козьмодемьянкой *) о каменныя плиты крыльца, завелъ вполголоса пѣсенку про черноокую красавицу. Пѣлъ онъ о томъ, какъ всесильный Аллахъ сотворилъ ее краснымъ яхонтомъ, наградилъ лицомъ краше луны, алыми ланитами, что̀ горятъ рубинами. бровью ночи чернѣй, взоромъ огненнымъ **). Не понималъ смысла татарской пѣсни Флоръ Гавриловъ, но отъ тоскливаго, однозвучнаго напѣва ея стало ему еще тошнѣй прежняго.

— А что̀, князь ***), не слыхать въ самомъ дѣлѣ, чтобъ нынѣшней ярманкой дурманомъ кого-нибудь опоили да ограбили? — спросилъ онъ. когда татаринъ кончилъ пѣсню свою.

Тотъ опять процѣдилъ сквозь зубы неизмѣнное «іокъ». И, немного помолчавъ, снова завелъ пѣсню про какую-то Зюльму, тоже награжденную Аллахомъ и лицомъ краше полной луны, и рубиновыми щеками, и черными очами... А Флоръ Гавриловъ, сидя рядомъ съ татарскимъ пѣвцомъ, думаетъ самъ про себя: — «Господи!.. Да что-жъ это такое?.. Что̀ съ нимъ подѣлалось?.. Этакъ совсѣмъ истоскуешься!» И, только-что кончилъ пѣсню татаринъ, опять сталъ разспрашивать его насчетъ «шалостей» на ярманкѣ. Надоѣлъ онъ караульщику. Сердито промолвивъ новое «іокъ» и схвативъ свой халатъ, онъ ушелъ на другое крыльцо и тамъ завелъ новую пѣсню про какую-то иную красавицу.

---

*) Толстая палка съ сучками изъ можжевельника. Ихъ дѣлаютъ около приволжскаго города Козьмодемьянска, отчего и зовутся онѣ «козьмодемьянскими».

**) Переводъ одной татарской пѣсни.

***) Татаръ зовутъ «князьями», особенно казанскихъ. Зовутъ ихъ также «знако̀мъ», хоть и въ первый разъ видятъ человѣка.

И часъ и два сидитъ на крыльцѣ приказчикъ Дмитрія Петровича... Пусто на ярманкѣ, ни ѣзды ни ходу, все стихло, угомонилось. Ни на площади, ни по сосѣднимъ улицамъ, ни по берегу Обводнаго канала ни души опричь однихъ караульныхъ. Заря еще не занималась, но небосклонъ становился свѣтлѣе... Чу!.. Кто-то по грязи шлепаетъ... Вглядывается Флоръ Гавриловъ — ровно бы хозяинъ... Вотъ кто-то, медленно и тяжело ступая, пробирается вдоль стѣнки... Подошелъ подъ фонарь... Тутъ узналъ Флоръ Гавриловъ Дмитрія Петровича... «Онъ!.. зато весь въ грязи... Никогда такого за нимъ не водилось!.. Шибко, значитъ, загулялъ!.. Деньги-то цѣлы ли?.. Самъ-отъ здоровъ ли?»

— Дмитрій Петровичъ! Вы-ль это, батюшка?—воскликнулъ Флоръ Гавриловъ. — Что̀ это съ вами, сударь, случилось?..

— Ничего, — спокойно отвѣтилъ Веденеевъ. — Давно ли ты пріѣхалъ?

— Передъ сумерками, батюшка... Передъ сумерками... Да что̀ это съ вами?

— Ничего. Въ грязь попалъ, — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ.

— Стосковался я, васъ дожидаючись. Чего только ни передумалъ! — говорилъ Флоръ Гавриловъ. — Глядите-ка, какъ перепачкались — какъ есть всѣ въ глинѣ... Что̀ это съ вами случилось?

— Въ гостяхъ былъ на той сторонѣ, засидѣлся, мостъ развели, я нанялъ лодку. На перевозѣ тёмно, грязно, скользко, — поскользнулся, упалъ, выпачкался... Вотъ и вся недолга, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Пальто-то просушить бы надо да и брюки тоже... Пойдемте-ка я васъ раздѣну. Ишь какъ изгрязнились.

— Не надо. Я самъ, — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ. — Ты гдѣ присталъ?

— Да здѣсь же, внизу, на постояломъ. Нарочно здѣсь остановился, къ вамъ поближе.

— Ну, и прекрасно, — молвилъ Веденеевъ. — Завтра, какъ встану, тотчасъ ко мнѣ приходи. Счета принеси и все. Ты на пароходѣ, видно, пріѣхалъ?

— Такъ точно.

— Гдѣ сѣлъ?

— Въ Богородскомъ *).

— А баржа?

— Дня черезъ два станетъ на Гребновской, я ее на бу-

*) Село и пристань противъ устья Камы.

ксиръ пароходу сдалъ. Мартынъ Семеновъ при ней остался, а рабочихъ я расчелъ, — отвѣтилъ Флоръ Гавриловъ.

— Дѣльно, — сказалъ Веденеевъ. — Сушь и коренная на ярманкѣ въ ходъ пошли... Долго не стану тянуть — скорѣй бы съ рукъ долой... Приходи же поутру.

— Слушаю-съ, — молвилъ Флоръ Гавриловъ. — Ай, забылъ вамъ сказать: въ Казани знакомый вашъ на пароходъ къ намъ подсѣлъ, прибыли сюда вмѣстѣ. И присталъ онъ въ здѣшней гостиницѣ, съ вами рядомъ почти — семнадцатый номеръ. Все васъ поджидалъ и тоже очень по васъ безпокоился...

— Кто такой? — небрежно спросилъ Дмитрій Петровичъ, входя уже въ дверь гостиницы.

— Меркуловъ Никита Ѳедорычъ, — сказалъ приказчикъ.

— Меркуловъ! — радостно вскликнулъ Веденеевъ и бѣгомъ пустился по лѣстницѣ. — Семнадцатый, говоришь? — крикнулъ онъ оставшемуся внизу Флору Гаврилову.

— Такъ точно. Семнадцатый. Только теперь, надо полагать, спать ужъ легли.

Долго взадъ и впередъ сновалъ Никита Ѳедорычъ по комнатѣ. Волненье не утихало въ немъ. Отъ вина, выпитаго съ Морковниковымъ, оно еще увеличилось, и чѣмъ дольше шло время, тѣмъ волненье сильнѣй становилось. Раздѣлся Меркуловъ, въ постель легъ, но ни сонъ ни дрема его не беретъ. Роятся думы, путаются однѣ съ другими. Мысль о невѣстѣ смѣняется докучнымъ безпокойствомъ о запропавшемъ куда-то пріятелѣ... А онъ вѣдь получилъ ужъ письмо изъ Царицына, былъ, конечно, у Дорониныхъ, видѣлся съ Лизой, знаетъ, здорова ли она, если еще больше чего-нибудь не знаетъ... Задумался надъ этимъ, и вдругъ западаетъ забота о тюленѣ. И опять: «Куда Митенька запропастился? Онъ бы настоящую цѣну сказалъ. Барышъ ли, убытокъ ли — только бы узнать поскорѣй... Убытокъ такъ убытокъ... А не должно бы, кажется, быть убыткамъ — вонъ какую цѣну Морковниковъ даетъ»... Про Морковникова задумаетъ Меркуловъ, и вспомнятся ему фармазоны. «Что̀ за чудные люди? Что̀ за тайная вѣра?.. И въ кого это они вѣруютъ и какъ они вѣруютъ?.. Зачѣмъ у нихъ клятвы и прощанье съ землей, съ небомъ, съ людьми, съ ангелами?.. Зачѣмъ они отрекаются отъ отца съ матерью, отъ женъ съ дѣтьми, отъ всѣхъ людей?.. И что̀ это за волшебные портреты?.. Съ чего-нибудь пошла же объ нихъ молва... Было же что-нибудь... Неженатый не женись, а женатый разженись!.. Экъ что̀ выдумали!.. Я бы

въ такую вѣру ни за что̀ не пошелъ... На Лизѣ не жениться!.. Да развѣ это можно?..» И опять начинаетъ думать про невѣсту, но вдругъ ни съ того ни съ сего возстанетъ предъ нимъ величавый образъ Марьи Ивановны... И чувствуетъ онъ невольное влеченье къ этой женщинѣ и къ ея таинственной вѣрѣ.

Вдругъ распахнулась дверь, и, весь облѣпленный грязью и глиной, влетѣлъ Дмитрій Петровичъ.

— Никита Сокровенный! — вскричалъ онъ и кинулся обнимать поднявшагося съ постели Меркулова.

— Откуда это ты? — съ удивленьемъ спросилъ у него Меркуловъ.

И онъ, какъ Флоръ Гавриловъ, при взглядѣ на пріятеля, сначала подумалъ, что онъ шибко гдѣ-нибудь «загулялъ».

— Ты-то откуда? По твоему письму къ воскресенью надобно было тебя ждать... А ты вонъ какой прыткій! — не слушая Меркулова, говорилъ Веденеевъ и снова принялся обнимать и цѣловать пріятеля...

— Да не грязни же меня!.. — закричалъ Никита Ѳедорычъ. — Скинь пальто да сюртукъ... Посмотри на себя, полюбуйся, весь въ глинѣ... мокрый, грязный — юша юшей *). Гдѣ это тебя угораздило?

— Да вонъ тамъ, — махнувъ рукой въ сторону, отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ и, подсѣвъ къ Меркулову на кровать, всю ее перепачкалъ.

— Господи! да что-жъ это такое? — воскликнулъ Никита Ѳедорычъ, толкая его съ постели. — Теперь надо все бѣлье смѣнить. Скинешь ли ты грязное платье?..

— Сейчасъ, сію минуту! — быстро молвилъ Дмитрій Петровичъ.

А самъ ни съ мѣста. Въ разговоры пустился.

— Зачѣмъ обманулъ? Обѣщался къ концу недѣли, а самъ какъ снѣгъ на голову... Тутъ хлопочутъ, стараются какъ бы получше встрѣтить его, подарки готовятъ, время разсчитываютъ по минутамъ, а онъ—прошу покорно!.. Невѣстины подарки вѣдь только къ субботѣ поспѣютъ.

— Какіе подарки? Что̀ за невѣста? — воскликнулъ Меркуловъ, а самъ весь покраснѣлъ.

— Какъ «что̀ за невѣста»?.. Нѣтъ, братъ, шалишь — этого нельзя, — весело смѣясь. говорилъ Дмитрій Петровичъ. — По немъ тоскуютъ, убиваются, ждутъ его не дождутся, а онъ:

---

*) Юша — то же, что̀ зюзя — насквозь мокрый отъ дождя или отъ грязи. Слово «юша» употребляется въ Москвѣ, во Владимірской, Тамбовской, Нижегородской губерніи и далѣе внизъ по Волгѣ до Сызрани. Ниже Сызрани его не слыхать.

«что̀ за невѣста?». Завтра же нажалуюсь на тебя Лизаветѣ Зиновьевнѣ.

— Да съ чего ты?.. Кто тебѣ сказалъ?.. — въ изумленьи спрашиваетъ Никита Ѳедорычъ, а самъ думаетъ: — «Какъ же это такъ? Никому вѣдь не хотѣли говорить, и вдругъ Митенька все знаетъ».

— Кто сказалъ? — молвилъ ему въ отвѣтъ Веденеевъ. — Первый сказалъ мнѣ Зиновей Алексѣичъ, потомъ Татьяна Андревна, потомъ сама Лизавета Зиновьевна, и... Я вѣдь съ ними еще до письма твоего познакомился. Въ лодкѣ катались, рыбачили... Сегодня на театрѣ вмѣстѣ были... Ну молодецъ же ты, Никита Сокровенный!.. Сумѣлъ невѣсту сыскать!.. Это Богъ тебѣ за доброту... Право!

И снова принялся обнимать пріятеля и тутъ совсѣмъ ужъ его перепачкалъ, и вдобавокъ чуть не задушилъ въ медвѣжьихъ своихъ объятьяхъ.

— Да ты стой!.. Стой, говорятъ тебѣ!.. Всѣ кости переломалъ, — изо всей мочи кричитъ Меркуловъ, не понимая, съ чего это Веденеевъ вздумалъ на немъ пробовать непомѣрную свою силу. — Раздѣнешься ли ты?.. Посмотри, какъ меня всего перепачкалъ... Ступай въ ту комнату, переодѣнься... На̀ вотъ тебѣ халатъ, да и мнѣ по твоей милости надо бѣлье перемѣнить.

И, вынувъ чистое бѣлье, Меркуловъ сталъ переодѣваться и приводить въ порядокъ постель.

— Гдѣ ты до сей поры пропадалъ? — спросилъ онъ между тѣмъ Веденеева.

— Говорятъ тебѣ, въ театрѣ былъ съ Дорониными, — кидая на полъ грязное платье, отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ. — На̀-ка вотъ, спрячь подъ замокъ, Никита Сокровенный, — прибавилъ онъ, надѣвая халатъ и подавая Меркулову толстый бумажникъ.

— Театръ-отъ въ первомъ часу еще кончился, а теперь четвертый скоро, — принимая бумажникъ, молвилъ Меркуловъ.

— Изъ театра со всей твоей нареченной родней къ тезкѣ къ твоему поѣхали, къ Никитѣ Егорову, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Поужинали тамъ, потолковали... Часъ второй ужъ былъ... Проводилъ я невѣсту твою до дому, зашелъ къ нимъ, и пошли тутъ у насъ тары да бары да трехгодовалы; ну и заболтались. Не разгони насъ Татьяна Андревна, и до сихъ бы поръ изъ пустого въ порожнее переливали.

— Стой!.. — перебилъ Меркуловъ. — Развѣ не знали тамъ, что я пріѣхалъ?

— Да какъ же было узнать-то? Святымъ Духомъ, что ли? — молвилъ Дмитрій Петровичъ.

— Да вѣдь я два раза тамъ былъ, записку оставилъ, — сказалъ Меркуловъ. — Наказывалъ коридорному, какъ только воротится Зиновій Алексѣичъ, тотчасъ бы подалъ ему записку. Еще на чай далъ ему.

— Никакой записки не подавали, и никто про тебя не сказывалъ, — молвилъ Веденеевъ. — Воротились мы поздненько, въ гостиницѣ ужь всѣ почти улеглись, одинъ швейцаръ не спалъ, да и тотъ ворчалъ за то, что разбудили. А коридорныхъ ни единаго не было. Утромъ, видно, подадутъ твою записку.

— Ахъ, онъ скотина, скотина! — заочно принялся бранить Никита Ѳедорычъ коридорнаго, быстро ходя крупными шагами изъ угла въ уголъ по номеру.

— А ты слушай, что̀ дальше-то со мной было, — продолжалъ Дмитрій Петровичъ. — Поѣхалъ я домой — хвать, на мосту рогатки, разводятъ, значитъ... Пѣшкомъ было-хотѣлъ идти — не пускаютъ. «Одинъ, говорятъ, плашкотъ — ужъ совсѣмъ выведенъ». Нечего дѣлать — я на перевозъ... Насилу докликался князей *), пошелъ къ лодкѣ, поскользнулся да по глинѣ, что̀ по масленичной горѣ, до самой воды прокатился... Оттого и хорошъ сталъ, оттого тебя и перепачкалъ... А знаешь ли что̀, Никита Сокровенный?..

— Что̀?

— Хорошо бы теперь холодненькаго. Поздравить бы надо тебя съ нареченной... Какъ думаешь?

— Гдѣ-жъ теперь взять его? — отозвался Меркуловъ.

— Мое дѣло. Всѣхъ перебужу, а надо будетъ, до самого хозяина доберусь.

— Оставимъ до завтра... Теперь все заперто.

— Экая важность, что заперто!.. — всклкнулъ Дмитрій Петровичъ. — Были бы деньги, и въ полночь и за полночь изъ земли выкопаютъ, со дна морского достанутъ... Схожу, распоряжусь... Нельзя же не поздравить.

И, не слушая Меркулова, пошелъ вонъ изъ номера. Исходилъ онъ всѣ коридоры, перебудилъ много народа, но чего искалъ, того не досталъ. И бранился съ половыми, и лаской говорилъ имъ, и денегъ давалъ — ничего не могъ подѣлать. Вспомнилъ, что въ номерѣ у него едва початая бутылка рейнвейна. И то хорошо, на безрыбьѣ и ракъ рыба.

— Видишь! — всклкнулъ онъ, входя къ Меркулову и поднимая кверху бутылку. — Сто̀итъ только захотѣть, все можно доспѣть!.. Холодненькаго не досталъ — такъ вотъ хоть этой

---

*) Князь — татаринъ. Въ Нижнемъ всѣ почти перевозчики изъ татаръ.

нѣмецкой кислятиной поздравлю друга любезнаго... Ай, батюшки!.. Какъ же это?.. Посудины-то нѣтъ... Изъ чего пить-то станемъ?.. А!.. нашелъ!

Схватилъ стаканъ, что̀ возлѣ графина съ водой стоялъ, сполоснулъ другой, что̀ на чайномъ приборѣ былъ, и налилъ оба до краевъ.

— Здоровье жениха съ невѣстой!.. Ура!.. — во всю мочь закричалъ Веденеевъ.

Съ обѣихъ сторонъ въ сосѣднихъ номерахъ послышалось ворчанье, но Веденеевъ не унялся... У сосѣдей послышалась брань... Кто-то наконецъ въ дверь кулакомъ сталъ колотить.

— Безобразники!.. Пьяницы, чортъ бы васъ побралъ!... Ночи на васъ нѣтъ!.. Ишь разоралися, безпутные!.. Проспаться не дадутъ!.. — неистово, охрипшимъ голосомъ кричалъ спросонья какой-то сильно, должно-быть, подгулявшій купчина.

— Ай вай миръ!.. Да это зе никакъ невозмозно!.. Да это зе ни на цто непохозе! — рѣзкимъ гортаннымъ голосомъ, судорожно кашляя и тоже колотя въ дверь рукой съ другой стороны, кричалъ какой-то жидокъ. А за нимъ подняли «гевалтъ» и другіе сыны Авраама, ровно сельди въ боченкѣ набитые въ сосѣднемъ номерѣ.

— Не кричи, — сказалъ Меркуловъ Дмитрію Петровичу. — Слышишь, всѣхъ перебудилъ...

— Не стану, не стану! — вполголоса заговорилъ Веденеевъ.— Это я вѣдь съ радости... Поцѣлуемся, Никита Сокровенный!

И опять принялся тискать въ объятьяхъ Никиту Ѳедорыча. Тотъ насилу освободился отъ его восторговъ.

— Да что̀ ты такой? — спросилъ Меркуловъ. — Никогда такимъ я тебя не видывалъ... О дѣлѣ даже спросить его нельзя.

— Дѣла завтра... Или нѣтъ — послѣзавтра... Просить буду, въ землю поклонюсь, ручки, ножки у тебя расцѣлую!.. Ты вѣдь другъ, такъ смотри же, выручай меня... Выручай, Никита Сокровенный!.. Вся надежда на тебя.

И, крѣпко обнявъ Меркулова, закричалъ:

— Удружи, не дай съ тоски помереть. По гробъ жизни не забуду!.. Голубчикъ!

Снова раздалась хриплая брань подкутившаго купчины, снова завизжали горластыя чада Израиля.

— Передохнуть бы вамъ! — плюнувъ на жидовскую сторону, воскликнулъ Дмитрій Петровичъ. — Дай ты мнѣ, Никита Сокровенный, честное слово, что безо всякихъ отговорокъ исполнишь мою просьбу.

— Какую? — спросилъ Меркуловъ.

— Завтра скажу, а еще лучше послѣзавтра, — волнуясь, говорилъ Веденеевъ. — А теперь вотъ что̀ — слушай: не пособишь, петлю на шею — удавлюсь!.. Да!..

— Ты пьянъ, Митенька?

— И вовсе не пьянъ. И нисколько даже не выпивши... Послѣ скажу, послѣ... Дай только слово, что исполнишь просьбу... Эхъ, Никита Сокровенный!.. Такое дѣло, такое... Ну, да пока помолчимъ... А теперь покончимъ бутылочку.

И, разливъ по стаканамъ оставшееся вино, Веденѣевъ воскликнулъ восторженно:

— За благополучный конецъ нашего дѣла!

— Про тюленя говоришь? — спросилъ у него Меркуловъ.

— Самъ ты тюлень! Я ему, какъ другу, про всю свою участь, а онъ про тюленя!.. — вспыльчиво вскликнулъ Дмитрій Петровичъ. И плюнулъ даже съ досады.

— Да говори толкомъ, что̀ за дѣло такое? — сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— Завтра скажу, — отвѣтилъ Веденеевъ и сильно нахмурился.

— Хорошо, — молвилъ Меркуловъ. — А теперь скажи насчетъ тюленя. Какъ цѣна?.. Завтра поутру придется мнѣ одно дѣльце покончить...

— Два рубля шесть гривенъ, — недовольнымъ голосомъ сквозь зубы процѣдилъ Дмитрій Петровичъ.

— Какъ? — съ мѣста даже вскочивъ, воскликнулъ Меркуловъ. — Два шесть гривенъ?.. быть не можетъ?..

— Врать, что ли, я стану тебѣ?.. Вчера начались продажи малыми партіями. Сѣдовъ продалъ тысячи полторы, Сусалинъ тысячу. Брали по два по шести гривенъ, сроки двѣнадцать мѣсяцевъ, уплата на предбудущей Макарьевской... За наличныя — гривна скидки. Только мало наличныхъ-то предвидится... Развѣ Орошинъ вздумаетъ скупать. Только ежели съ нимъ захочешь дѣло вести, такъ гляди въ оба, а ухо держи востро.

«Два рубля шесть гривенъ! — думалъ Меркуловъ. — Слава Тебѣ, Господи!.. Съ барышомъ, значитъ, на Лизино счастье... Пошли только Господи доброе совершеніе!.. Тогда всѣмъ заботамъ конецъ!»

— Спасибо, Митенька, — сказалъ онъ, крѣпко сжимая руку пріятеля. — Такое спасибо, что и сказать тебѣ не смогу... Мнѣ вѣдь чуть не вовсе пропадать приходилось. Больше рубля съ гривной не давали, меньше рубля даже предлагали... Сидя въ Царицынѣ, не имѣлъ никакихъ извѣстій, какъ идутъ дѣла у Макарья, не зналъ... Чуть-было не рѣшился. Сказывалъ тебѣ Зиновій Алексѣичъ?

— Говорилъ, — промолвилъ Дмитрій Петровичъ. — Сколько у тебя тюленя-то?

— Тысячъ шестьдесятъ пудовъ.

— Значитъ, тысячъ восемьдесятъ цѣлковыхъ у тебя слизнули бы... Ловокъ!.. Умѣлъ подъѣхать!.. Хорошо, что остерегся Зиновій Алексѣичъ... Не то быть бы тебѣ, голубчикъ, у праздника.

— Да кто торговалъ-то? — спросилъ Меркуловъ.

— Смолокуровъ, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Марко Данилычъ Смолокуровъ... Я-жъ ему и сказалъ, что цѣны на тюленя должны повыситься... Это еще было въ началѣ ярманки... Орошинъ вздумалъ-было поддѣть его, цѣнъ тогда еще никакихъ не было; а Орошину хотѣлось всего тюленя, что̀ ни есть на Гребновской, въ однѣ свои руки прибрать. Два рубля тридцать давалъ.

— Два рубля тридцать!.. Въ началѣ-то ярманки!—вскликнулъ Меркуловъ.

— Около перваго Спаса. Въ рыбномъ трактирѣ тогда собрались всѣ гребновскіе, и я тутъ случился... Досадно мнѣ стало на Орошина, я и покажи всей честной компаніи письмо, что̀ наканунѣ изъ Петербурга получилъ... Видятъ — цѣны въ гору должны пойти... И озлобился же на меня съ тѣхъ поръ Орошинъ... До сей поры злится... А Смолокуровъ сталъ къ себѣ зазывать, чествовать меня всячески... Катанье затѣялъ въ лодкахъ, меня позвалъ, тутъ я съ семействомъ Зиновія Алексѣича и познакомился... А потомъ, какъ пришли твои письма изъ Царицына, Зиновій Алексѣичъ и открылся мнѣ, что Смолокуровъ, узнавши про твою довѣренность, ровно съ ножомъ къ горлу сталъ къ нему приставать, продай да продай тюленя. Цѣнъ, увѣрялъ, нѣтъ и не будетъ, въ воду кидать доведется. По рублю съ гривной однако давалъ... Хорошо, что укрѣпился Зиновій Алексѣичъ... Не то бы Марко Данилычъ твоимъ добромъ зашибъ себѣ барыши, какихъ съ роду не видывалъ.

— Знакомъ развѣ Смолокуровъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ?

— Старинные знакомые и друзья закадычные, — отвѣчалъ Веденеевъ.—Смолоду слыли пріятелями.

— А теперь какъ? — спросилъ Меркуловъ.

— Такъ же все... — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Какъ?.. Послѣ того, что онъ хотѣлъ насъ обмануть?.. Послѣ того, какъ вздумалъ меня обобрать кругомъ?..

— Дѣло торговое, милый ты мой, — усмѣхнулся Дмитрій Петровичъ. — Они вѣдь не нашего поля ягода. Стараго лѣса кочерги... Ни тотъ ни другой даже не поморщились, когда

все раскрылось... Шутять только да посмѣиваются, когда про тюленя рѣчь заведуть... По ихнему старому завѣту, на торгу ни отца съ матерью нѣтъ ни брата съ сестрой; родной сынъ подвернется — и того объегорь... Изстари ужъ такъ повелось. Намъ съ тобой ихъ не передѣлать.

— Будетъ же когда-нибудь конецъ этому безобразію?—молвилъ Меркуловъ.

— Мы съ тобой не доживемъ, хоть бы писано на роду намъ было по сотнѣ годовъ прожить... Сразу старыхъ порядковъ не сломаешь... Поломать сильной рукѣ, пожалуй, и можно, да толку-то изъ того не выйдетъ... Да хотя бы и завелись новые порядки, такъ развѣ Орошины да Смолокуровы такъ вдругъ и переведутся?.. Станутъ только потоньше плутовать, зато и пошире.

— Пойдетъ правильная торговля — не будетъ обмановъ, — молвилъ Меркуловъ.

— Правильная торговля! Правильная торговля! Изъ книжекъ ты знаешь ее, Никита Сокровенный, а мы своими глазами ее видали, — перебилъ Дмитрій Петровичъ.—Немало, братъ, покатался я за границей, всю Европу исколесилъ вдоль и поперекъ... И знаю ее, правильную-то торговлю... И тамъ, братъ, тѣ же Смолокуровы да Орошины, только почище да поглаже... И тамъ весь торгъ на обманѣ стоитъ: гдѣ деньги замѣшались, тамъ правды не жди... И за границей, что̀ и у насъ: ладятъ съ тобой дѣло, такъ спереди цѣлуютъ, а сзади царапаютъ... Одинъ громко о чести кричитъ, другой ловко молчитъ про нее, а у всѣхъ одно на разумѣ: какъ бы половчѣй тебя за носъ провести.

— Помилуй!.. Да вѣдь тамъ и правильный кредитъ, и банки, и банкиры вездѣ.

— Распервѣйшіе мошенники, — молвилъ Веденеевъ и сталъ сбираться въ свой номеръ. — Знаешь, когда пойдетъ честная, правильная торговля?

— Когда?

— Когда изъ десяти Господнихъ заповѣдей пять только останется, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Когда люди до того дорастутъ, что не будетъ ни кражи, ни прелюбодѣйства, ни убійствъ, ни обидъ, ни лжи, ни клеветы, ни зависти... Однимъ словомъ, когда настанетъ Христово царство... А до тѣхъ поръ... Прощай однако, спать пора...

И въ меркуловскомъ бухарскомъ халатѣ, въ запачканной фуражкѣ на головѣ, съ грязнымъ платьемъ подъ мышкой, со свѣчкой въ рукахъ пошелъ онъ вдоль по коридору. Немного не доходя до своего номера, увидалъ Дмитрій Петровичъ —

кто-то совсѣмъ раздѣтый поперекъ коридора лежитъ... Пришлось шагать черезъ него, но, едва Веденеевъ занесъ ногу, тотъ проснулся, вскочилъ и, сидя на истрепанномъ войлокѣ, закричалъ:

— Чтò ты тутъ дѣлаешь? — и схватилъ Веденеева за полу.

— Видишь, иду, — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— А это чтò?

— Платье.

— Чье?

— Мое.

— Такъ, любезный, не водится... — вскочилъ и, заступая дорогу Веденееву, закричалъ тотъ. — По чужимъ номерамъ ночью шляться да платье таскать!.. За это вашего брата по головкѣ не гладятъ.

— Съ ума ты сошелъ? — вскинулся на него Веденеевъ. — Какъ ты смѣешь?

— Нечего тутъ: «какъ смѣешь»!.. Куда идешь? — грубо ухвативъ Дмитрія Петровича за руку, съ угрожающимъ видомъ кричалъ коридорный.

— Въ девятый.

— Откуда?

— Изъ семнадцатаго.

— Тамъ спятъ теперь!

— Нѣтъ, не спятъ, пойдемъ, коли хочешь, туда.

— Пойдемъ.

И, схвативъ подъ-руку Дмитрія Петровича, потащилъ его къ Меркулову.

— Ишь какой народецъ проявился!.. Изъ Москвы, должно-быть!.. — громко дорòгой ворчалъ коридорный. — Не проснись я вò-время, и концы бы въ воду... Пойдемъ, братъ, пойдемъ, а поутру расправа... Перестанешь чужое платье таскать...

Дверь у Меркулова была ужъ заперта. Веденеевъ подалъ голосъ. Дѣло тотчасъ разъяснилось. Новый коридорный, еще не знавшій въ лицо жившаго съ самаго начала ярманки Дмитрія Петровича, растерялся, струсилъ и чуть не въ ногахъ валялся, прося прощенья. Со смѣху помирали Меркуловъ съ Веденеевымъ.

— Однакожъ ты, Митенька, цѣлую ночь съ приключеньями, — весело смѣясь, шутилъ Никита Ѳедорычъ. — То въ грязи вываляешься, то воровать пойдешь. Хорошъ, нечего сказать!

— Какъ же ты не узналъ меня? — спрашивалъ коридорнаго Веденеевъ. — Вѣдь я три недѣли ужъ здѣсь живу. Могъ бы, кажется, приглядѣться.

— Сегодня только поступилъ, ваше степенство, — отвѣчалъ коридорный. — Вновѣ еще. Простите, Христа ради.

— Ничего, братецъ, ничего. Ты молодецъ, увижу завтра Ѳедора Яковлича, похвалю тебя, — говорилъ Веденеевъ. — Какъ тебя звать?

— Парменомъ, — тихо промолвилъ коридорный.

— По батюшкѣ?

— Сергѣевъ.

— Вотъ тебѣ, Парменъ Сергѣичъ, рублевка за то, что исправно караулишь. А теперь возьми-ка ты мое платье да утромъ пораньше почисти его хорошенько... Прощай, Никита Сокровенный!.. Покойной ночи, пріятнаго сна!

Глава вторая.

Не вдругъ забылся сномъ Никита Ѳедорычъ, хоть и было теперь у него много полегче на душѣ... «Лиза здорова, подарки готовитъ, ждетъ не дождется,—думаетъ онъ.—Чтó за встрѣча будетъ завтра!.. Истосковалась, говоритъ Митенька... Голубушка!.. Зато это ужъ въ послѣдній разъ — не будемъ больше разлучаться... Дѣла, слава Богу, поправились, да еще какъ поправились-то, не чаялъ... Два рубля шесть гривенъ!.. Это по чемъ же Морковникову придется?.. Двадцать шесть вонъ. Два рубля тридцать четыре... Такъ... Остальное Смолокуровъ либо Орошинъ не купятъ ли?.. Любятъ они товарецъ къ однѣмъ рукамъ прибирать!.. Съ такими, какъ мой объѣдало Василій Петровичъ, невпримѣръ лучше водиться!.. А все-таки и онъ норовитъ хоть чѣмъ-нибудь поприжать. Ничего не видя и самъ еще цѣны не зная, десять копеекъ успѣлъ-таки выторговать... Лѣсомъ тоже промышляетъ... У той. какъ бишь ее... у Марьи Ивановны у этой... Чтó это за вѣра такая?.. Отъ неба, отъ земли, отъ людей отрекаются!.. Зачѣмъ?.. Кому служатъ?.. Во что вѣруютъ?.. А Митенька-то какъ перепачкался!.. Умора!.. Вездѣ обманъ, говоритъ... Спросить его про фармазоновъ... Не знаетъ ли, зачѣмъ они отрекаются?..»

И, думая о фармазонахъ, крѣпко заснулъ.

Дмитрій Петровичъ веселъ былъ, радостенъ. Одинъ въ номерѣ, а то и дѣло смѣется. Вспомнитъ, какъ его за вора сочли — хохочетъ, вспоминая, какъ по глинѣ катился — хохочетъ, вспомня, какъ Меркулова всего выгрязнилъ — хохочетъ. Вечеръ, проведенный въ театрѣ, весело настроилъ его. Показалось ему, что и Наташа какъ-то особенно на него поглядывала, и у него при каждомъ ея взглядѣ сердце билось и чаще и

сильнѣе... Плясать бы, скакать бы — да въ театрѣ нельзя, такая досада... За ужиномъ рядомъ съ Наташей сидѣлъ. Марко Данилычъ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ все про дѣла толковали, а Татьяна Андревна съ Дуней да съ Лизой разговаривали, онъ съ Наташей словами перекидывался. Говорили о пустякахъ, но пустой разговоръ казался ему и умнымъ, и острымъ, и занимательнымъ — такъ было ему весело... Когда входили въ гостиницу, ночникъ догоралъ, на лѣстницѣ было темно. Идя сзади всѣхъ, взялъ онъ ее за руку, взялъ выше локтя, чтобы не оступилась впотьмахъ, и, когда почувствовалъ теплоту ея тѣла, невыразимо сладостное чувство разлилось по всему существу его... Дома она тотчасъ же ушла въ свою комнату, долго и напрасно онъ дожидался, чтобы хоть разокъ еще взглянуть на нее. Не вышла... Сидя въ лодкѣ, потомъ пробираясь пѣшкомъ къ гостиницѣ, все разсчитывалъ, скоро ли пріѣдетъ Меркуловъ... Все хотѣлъ разсказать ему все до послѣдней капельки и потомъ просить его, высваталъ бы ему Наташу. «Ему теперь можно,—думалъ Дмитрій Петровичъ:—онъ теперь у нихъ свой человѣкъ»... Оттого такъ и обрадовался онъ, когда узналъ отъ Фрола Гаврилова о нежданномъ пріѣздѣ... Сейчасъ же, какъ только встрѣтился съ нимъ, хотѣлъ высказаться, но отдумалъ, рѣшилъ до другого дня оставить... А тутъ Меркуловъ съ тюленемъ да съ торговыми порядками.

Нескоро забылся онъ. И въ мечтахъ наяву и во снѣ видѣлись ему маленькій ротикъ, тоненькій носикъ, алыя щечки да ясные глазки.

Несмотря на плотный ужинъ и на двѣ бутылки мадеры, цѣликомъ почти оставшіяся за однимъ Васильемъ Петровичемъ, онъ всталъ еще задолго до ранней обѣдни и тотчасъ пошелъ пѣшкомъ на Гребновскую. Толкнулся на тотъ, на другой караванъ, вездѣ въ одно слово: третьяго-дня началась продажа тюленя; прежде цѣнъ вовсе не было, а теперь поднялась до двухъ рублей шести гривенъ. Денъ черезъ пятокъ, — говорили ему на Гребновской: — до трехъ цѣлковыхъ, пожалуй, дойдетъ... Поморщился Морковниковъ, не ожидалъ онъ такихъ цѣнъ... «Хоть бы маленько дешевле купить у Меркулова,—думаетъ онъ.— Опричь обѣщанной гривны еще бы двѣ-три, а не то и четыре съ костей долой... Парень онъ, кажется, простой, нетертый, въ передѣлахъ, видится, еще не бывалъ, кажись бы, можно его обойти... Попробую!»

Походивъ по Пескамъ, Василій Петровичъ и на обратный путь извозчика не взялъ. Зачѣмъ лошадей гонять, коли свои

ноги носятъ?.. Устанешь — такъ можно отдохнуть... Въ бѣлую харчевню зашелъ чайку испить. На горахъ городской стороны раздался въ это время звонъ съ пятидесяти колоколенъ — обѣдня, значитъ, девять часовъ. Посмотрѣлъ Василій Петровичъ на старинные серебряные луковицей часы, что висѣли у него на перекинутой черезъ шею голубой бисерной цѣпочкѣ. Вѣрно — и на нихъ девять часовъ. «Авось проснулся Меркуловъ»,—подумалъ Морковниковъ и пошелъ въ гостиницу Ермолаева, но у Меркулова, какъ говорится, и конь еще не валялся. Въ свой номеръ прошелъ Василій Петровичъ, отъ-нечего-дѣлать самоваръ потребовалъ и въ другой разъ напился чаю. Опять понавѣдался къ Меркулову — спитъ... «Экъ его съ дороги-то какъ разваляло,—подумалъ Василій Петровичъ:— десять часовъ скоро, а онъ ровно баринъ почивать изволитъ; немного, видно, заботушки въ молодой головушкѣ. А у нашего брата заботъ да хлопотъ не оберешься, оттого и сонъ воробьиный». Что же однако дѣлать? Не сидѣть же сложа руки. И вздумалось Василью Петровичу въ мыльные ряды сходить, они же рядомъ почти.—«Товаръ посмотрю,—думаетъ онъ: — съ кѣмъ-нибудь изъ мыльниковъ потолкую, можетъ статься, на пользу себѣ узнàю что-нибудь».

Обширныя лавки мыльныхъ рядовъ съ полу до потолка завалены горами разнаго мыла, ящиками со стеариновыми и сальными свѣчами и бочками съ олеиномъ. Позадь лавокъ по широкимъ дворамъ едва можно пройти — бунты съ мыломъ и свѣчами, укрытые отъ дождей плотными цыновками, навалены тамъ въ громадномъ количествѣ. Подошелъ Василій Петровичъ къ угловой лавкѣ. Въ дверяхъ стоитъ казанскій татаринъ — ростомъ невеликъ, зато въ плечахъ широкъ, съ продолговатымъ лицомъ, съ узенькими выразительными глазками и съ рѣдкой бородкой клиномъ. Былъ одѣтъ татаринъ въ коричневый кафтанъ особаго покроя, на крючкахъ, съ ситцевыми отложными воротничками, и въ блестящей, золотомъ расшитой тюбетейкѣ на гладко выбритой головѣ. Видя, что Морковниковъ внимательно присматривался къ стоявшимъ на прилавкахъ, золотомъ и яркими красками испещреннымъ коробочкамъ, счелъ онъ его за городового *) и тотчасъ зазвалъ къ себѣ.

— Мыло надо, знакомъ?—скороговоркой началъ татаринъ.— Гляди, розова мыла, яична мыла, первый сортъ, сама лучша мыла... Купи — карошимъ дѣвкамъ мыть... Нюхай... нюхай, знакомъ, ничего.

*) Городовыми на Макарьевской ярмаркѣ называются всѣ не московскіе купцы. Нижегородскіе тоже зовутся городовыми.

И ткнулъ прямехонько въ носъ Василью Петровичу коробочкой съ розовымъ мыломъ.

— Бергамотова надо?.. Бери бергамотова. Вотъ она сама лучша бергамотова мыла — нюхай!.. Гвоздична надо? Вотъ гвоздична сама перва сортъ — нюхай... Миндална хочешь, вотъ миндална—сама лучша, бальши господа миндална мыла моютъ — нюхай... Бѣла ядра, хочешь? Бери бѣла ядра, вотъ сама лучша бѣла ядра: въ банѣ болна караша.

Перенюхалъ Морковниковъ и розовое мыло, и бергамотовое, и гвоздичное, и миндальное, а въ глыбу бѣлаго ядра пальцемъ ткнулъ, попробовалъ, насколько крѣпко и плотно сварено.

— Не такого мнѣ надо, — сказалъ. — Покажь ты мнѣ, князь, самаго простого.

— Желта мыла хочешь? Вотъ желта мыла, гляди, — говорилъ татаринъ, подводя его къ простому мылу.

— Не этого, а того, что̀ изъ рыбьяго жира. Тюлень... знаешь тюлень?

Мотнулъ татаринъ головой, сказалъ, что нѣтъ у него такого нехорошаго мыла, и, отвернувшись, не сталъ больше разговаривать съ Васильемъ Петровичемъ.

Нашелъ наконецъ Морковниковъ такое мыло, что̀ думалъ варить. Но русскій мыловаръ изъ одного маленькаго городка не былъ разговорчивъ. Сколько ни разспрашивалъ его Морковниковъ, какъ идетъ у него на заводѣ варка, ничего не узналъ отъ него. Еще походилъ Василій Петровичъ по мыльнымъ рядамъ, но, нигдѣ не добившись толка, сталъ на мѣстѣ и началъ раздумывать, куда бы теперь идти, что̀ бы теперь дѣлать, пока не проснется Дмитрій Петровичъ.

Идетъ навстрѣчу въ потертой синей сибиркѣ молодой парень, плотный, высокій, здоровый, съ краснымъ лицомъ и подслѣповатыми глазами. Несетъ баклагу со сбитнемъ, а самъ рѣзкимъ голосомъ покрикиваетъ:

— Эй, сбитень горячій, медовый самый горячій, съ гвоздичкой, коричкой, съ лимонной корочкой! Сбитень горячій — пьютъ его подьячи, сбитень-сбитенекъ — пьетъ его щеголекъ, пьетъ-попиваетъ, самъ похваливаетъ... Наливать что-ли-съ?

— Налей стаканекъ отъ-нечего-дѣлать, — молвилъ сбитенщику Василій Петровичъ.

Хоть сейчасъ онъ въ два пріема не одну дюжину чашекъ чаю опросталъ, но принялся прихлебывать горячій сбитень, чтобы только чѣмъ-нибудь время убить. Потомъ подошелъ къ горамъ арбузовъ, наваленныхъ на разостланныя по мостовой рогожки. Тоже отъ-нечего-дѣлать сталъ арбузы выбирать, перерылъ едва не всѣ кучи, каждый арбузъ и на ладоняхъ-то подбра-

сывалъ, и жалъ изо всей силы руками, и прикладывалъ къ нему ухо, слушая, каково трещитъ, а когда торговаться началъ, такъ продавецъ хоть бы бѣжать отъ такого покупателя. Купилъ-таки Василій Петровичъ пару арбузовъ и отправился съ ними въ гостиницу... Одиннадцать было, и сказали ему, что Меркуловъ за чаемъ сидитъ... Очень обрадовался тому Василій Петровичъ и тотчасъ пошелъ къ нему. У Меркулова сидѣлъ Веденеевъ. Досадно было это Морковникову — при стороннемъ человѣкѣ какъ-то неловко было ему дѣла по тюленю кончать, но не вонъ же идти — остался.

— Ходилъ на Гребновску, — началъ Василій Петровичъ, отирая синимъ бумажнымъ платкомъ раскраснѣвшееся и вспотѣлое лицо. — Со вчерашняго, слышь, только дня торговля у нихъ маленько зашевелилась. Про цѣны спрашивалъ — сказали, по два рубля по сороку продаютъ.

— По два рубля по сороку? — съ улыбкой спросилъ Меркуловъ, переглядываясь съ Дмитріемъ Петровичемъ. — Неужели только, Василій Петровичъ?

— По два рубля по сороку, — нимало не смущаясь, повторилъ Морковниковъ. — Всѣ, почитай, караваны обошелъ — вездѣ въ одно слово: два рубля сорокъ.

На то разсчитывалъ Морковниковъ, что Меркулову не отъ кого еще было настоящихъ цѣнъ узнать.

— А я полагалъ, Василій Петровичъ, что цѣны-то маленько повыше, — сказалъ Меркуловъ. — Неужели въ самомъ дѣлѣ только два рубля сорокъ копеекъ?..

— Врать, что ли, стану? Говорятъ тебѣ, всѣ караваны обошелъ, — отвѣчалъ Морковниковъ.

Не отвѣтилъ ни слова Меркуловъ и о чемъ-то постороннемъ спросилъ Веденеева. Маленько обождавъ, молвилъ Василій Петровичъ:

— По вчорашнему уговору надо, значитъ, съ меня по два рубля по шестнадцати копеекъ получать. Бери задатокъ!.. Останныя тотчасъ, какъ только у маклера покончимъ...

— Зачѣмъ торопиться, Василій Петровичъ?.. Баржи мои еще дня черезъ два либо черезъ три прибѣгутъ. Успѣемъ, — сказалъ Меркуловъ.

— Теперь бы лучше рѣшить. По рукамъ бы и шабашъ, — замѣтилъ Морковниковъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше подождемъ денька-то три, — молвилъ Никита Өедорычъ. — Дѣло вѣдь не убѣжитъ, а я межъ тѣмъ на Гребновской и самъ побываю.

— Напрасно, — съ недовольнымъ видомъ сказалъ Морков-

никовъ. — Право, напрасно. Лучше бы теперь покончить. Я бы, пожалуй, всѣ деньги сейчасъ же на столъ положилъ.

— Дня черезъ три все покончимъ. Потерпите немножко,— стоялъ на своемъ Никита Ѳедорычъ.

— А это какъ же у насъ будетъ? — спросилъ Морковниковъ. — Вечоръ уговорились мы по той цѣнѣ продать, какая будетъ сегодня стоять... Такъ али нѣтъ?

— Такъ, — подтвердилъ Меркуловъ.

— А ежели черезъ три-то дня цѣны поднимутся? — спросилъ Морковниковъ.

— Не отрекусь отъ слова, по уговору отдамъ, по той цѣнѣ, что̀ сегодня будетъ, — отвѣтилъ Меркуловъ. — Мы вотъ какъ сдѣлаемъ, Василій Петровичъ. Ужо часа въ три будьте дома, я зайду за вами, и вмѣстѣ поѣдемъ на биржу. Тамъ узнàемъ настоящую цѣну, тамъ, пожалуй, и условіе напишемъ.

— Напрасно, — вздохнувши, молвилъ Морковниковъ. — Теперь бы невпримѣръ бы лучше было покончить... Ей-Богу!.. Ну, а ежели къ тремъ-то часамъ цѣны поднимутся?..

— По биржевой цѣнѣ рѣшимъ — такъ вездѣ водится, — сказалъ Меркуловъ.

— Это ужъ будетъ маленько обидно... Вы ужъ сдѣлайте такую милость, изъ двухъ рублей изъ сорока копеекъ расчетецъ со мной учините.

— Послушайте, Василій Петровичъ, вы вѣдь знаете, что цѣна на тюленя каждый день поднимается? — сказалъ Меркуловъ.

— Потому и прошу, — отвѣтилъ Морковниковъ. — А тебѣ еще на три дня вздумалось откладывать. Ну какъ въ три-то дня до трехъ рублей добѣжитъ?.. Тогда ужъ мнѣ больно накладно будетъ, Никита Ѳедорычъ. Я былъ въ надеждѣ на твое слово... Больше всякаго векселя вѣрю ему. Такъ ужъ и ты не обидь меня. Всего бы лучше сейчасъ же по рукамъ изъ двухъ рублей сорока... Условійце бы написали, маклерская отсель недалече, и было-бъ у насъ съ тобой дѣло въ шляпѣ...

— Нѣтъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ, — съ мѣста вставая, рѣшительно молвилъ Меркуловъ. — На биржѣ по вчерашней цѣнѣ расчетъ сдѣлаемъ. Согласны?

Дѣлать было нечего. Извернуться Морковникову ужъ никакъ нельзя. Замолчалъ онъ и въ досадѣ, глухо, сквозь зубы промолвилъ:

— Ладно.

— Такъ я въ исходѣ третьяго буду васъ ждать, — сказалъ Никита Ѳедорычъ.

— Ладно... Будемъ, — отвѣчалъ Морковниковъ и, сумрачный, тихо пошелъ вонъ изъ номера.

— Ловчакъ же у тебя этотъ Василій Петровичъ!.. Проворъ *)! — молвилъ Веденеевъ по уходѣ Морковникова.—Гдѣ это ты этакого выкопалъ?

— Отъ Василя на пароходѣ вмѣстѣ бѣжали, — отвѣтилъ Меркуловъ. — Отъ скуки разговорились; онъ мыловарню заводитъ, ну и сталъ у меня тюленя торговать...

— А ты сейчасъ и расщедрился. Не говоря худого слова, тотчасъ ему десять процентовъ и спустилъ! — съ усмѣшкой молвилъ Дмитрій Петровичъ.

— Побыть бы тебѣ въ моей шкурѣ, такъ не сталъ бы подшучивать, — сказалъ на то Меркуловъ. — Пишутъ: нѣтъ никакихъ цѣнъ, весь товаръ хоть въ воду кидай... Посовѣтоваться не съ кѣмъ... Тутъ не то что гривну, полтину съ рубля спустишь, только хоть бы малость какую выручить... Однакожъ мнѣ пора... Гдѣ сегодня свидимся?

— Право, не знаю, — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ. — Я бы и самъ къ Зиновью Алексѣичу поѣхалъ, да теперь какъ-то неловко.

— Что-жъ тутъ неловкаго-то? — спросилъ Меркуловъ.

— Какъ же?.. Ты пріѣдешь... встрѣча... тутъ не до стороннихъ... Стѣснишь... Совѣстно какъ-то...

— Э, полно! Тамъ вѣдь знаютъ, что мы съ тобою пріятели...

— Знать-то знаютъ. Только мнѣ ужъ лучше въ иное время у нихъ побывать... А сегодня бы мнѣ поговорить съ тобой надо.

— Говори, покамѣстъ одѣваюсь, — сказалъ Меркуловъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя... Послѣ... — немножко заминаясь въ рѣчахъ, говорилъ Дмитрій Петровичъ. — Ужо какъ-нибудь... Вечеркомъ, что ли, когда отъ невѣсты воротишься... Ты вѣдь къ ней на весь день?..

— А на биржу-то съ Морковниковымъ? — молвилъ Меркуловъ.

— А потомъ?

— Потомъ... Потомъ опять къ нимъ...

— То-то же. Нѣтъ, ужъ лучше вечеромъ объ моемъ дѣлѣ потолкуемъ, — сказалъ Веденеевъ и пошелъ отъ Меркулова.

«Чтò бы это значило? — мелькнуло въ умѣ Никиты Ѳедорыча. — Чтò за дѣло такое?.. Отчего это онъ такой?»

---

*) *Ловчакъ* и *проворъ* — ловкій, расторопный, а также и плутъ.

Глава третья.

Спѣшно Меркуловъ катитъ на свиданье. Сверкая копытами, рѣзво вдоль по мосту несется запряженная въ щегольскія легкія дрожки казанка *). Горя нетерпѣньемъ увидѣть невѣсту, чуть не на каждомъ шагу Меркуловъ сердито кричитъ лихачу, ѣхалъ бы шибче, мчался бы вскачь, во весь опоръ... То бранится, то щедро на водку сулитъ, но ухарскій лихачъ, сколько ему ни усердствуетъ, разгонять иноходца больше не можетъ — не ломать же воза, не давить же народъ — недаромъ, нагайки поднявъ, шажкомъ разъѣзжаютъ по мосту взадъ и впередъ казаки. Досада беретъ жениха, что мѣшкотно ѣдетъ извозчикъ, такъ бы взялъ и махнулъ за Оку да какъ листъ передъ травой сталъ бы передъ милой невѣстой.

«Какъ обрадуется! — думаетъ онъ, представляя любящее, правдой и дѣвственной чистотой сіяющее личико Лизы. — Кинется навстрѣчу, крѣпко обниметъ!.. Какой поцѣлуй послѣ долгой разлуки!.. Тоскуетъ, ждетъ не дождется, говорилъ вчера Веденеевъ... Ахъ, милая, милая!.. А можетъ-быть, онъ только такъ сказалъ, выдумалъ!.. Не такая она, чтобы стороннимъ открывать свои думы и чувства. Матери и сестрѣ не скажетъ, а не то что Митенькѣ — такой ужъ скрытный, таимный **) правъ у нея... Это онъ изъ дружбы ко мнѣ говорилъ, порадовать хотѣлъ... Слово зря сорвалось у него... Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не видались мы... Сколько въ эти мѣсяцы она передумала, сколько перевидала людей... Можетъ, стала ужъ не та, какъ прежде была?.. Можетъ, узнала кого-нибудь лучше меня и умнѣе и красивѣе...»

И отъ одной мысли объ этомъ сердце скорбной грустью у него заныло и на душу пала тревога.

«А ежели разлюбила?.. Прямо спрошу у нея, какъ только увижусь... не по отвѣту, а по лицу правду узнаю. На словахъ она не признается — такой ужъ нравъ... Изъ гордости слова не вымолвитъ, побоится, не сочли-бъ ее легкоумной, не назвали бы вѣтреницей... Смолчитъ, все на душѣ затаитъ... Сторонніе про сватовство знаютъ. Если Митенькѣ сказано, отчего и другимъ было не сказать?.. Хоть бы этому Смолокурову?.. Давній пріятель Зиновью Алексѣичу... Нѣтъ ли сына у него...»

---

*) Казанка, иначе татарка — лошадь казанской породы, малорослая, плотная, долгогривая, саврасой или бурой масти; часто изъ казанокъ бываютъ иноходцы.

**) Таимный — скрытый, неоткровенный.

Колеблемый невѣсть отколѣ налетѣвшимъ сомнѣньемъ, смущаясь передъ имъ же самимъ созданными страхами, тихо поднимался Меркуловъ по ступенямъ лѣстницы въ гостиницѣ Бубнова...—«Какъ-то встрѣтитъ, каково-то привѣтитъ?..» — вертится у него на умѣ.

Шуршитъ тяжелое, плотное шелковое платье. Поднялъ Никита Ѳедорычъ голову... Вся въ черномъ, стройная станомъ, величавой, осанистой походкой медленно навстрѣчу ему сходитъ съ лѣстницы Марья Ивановна... Поверставшись, окинула его быстрымъ, пристальнымъ взоромъ... Что-то таинственное, что-то чарующее было въ томъ взорѣ... Узнала, должно-быть, пароходнаго спутника, — улыбнулась строгой, холодной улыбкой... И затѣмъ медленно мимо прошла.

«Фармазонка!.. Передъ добромъ ли?» — подумалось Меркулову, и томительнымъ чувствомъ сжалось его сердце.

Подошелъ къ номеру Зиновья Алексѣича... — «Господи помилуй!»—прошепталъ онъ, робкой рукой растворяя входную дверь...

Вся въ бѣломъ Лиза стоитъ у окна, склонясь надъ связкой поставленныхъ въ воду яркихъ цвѣтовъ. Заслышавъ шаги, быстро она обернулась.

— Какъ, это ты?.. Какъ же вы?.. Такъ скоро! Мы васъ ожидали къ воскресенью!..

Смутилась и смолкла. Стыдливымъ румянцемъ подернулось оживленное радостью личико, восторгомъ вспыхнули очи, но вдругъ застѣнчиво поникли... Пять мѣсяцевъ назадъ, чуть не наканунѣ отъѣзда Меркулова изъ Москвы, она дала ему слово... Не успѣли еще тогда женихъ съ невѣстой договориться до сердечнаго «ты»... Подъ впечатлѣньемъ неожиданной встрѣчи, полная любовью и счастьемъ, забывъ заведенные обычаи, Лиза «ты» сказала желанному гостю. Такъ привыкла она его называть въ своихъ думахъ... Но только-что успѣла выронить задушевное слово, стало ей совѣстно и стыдно... И потупила она блиставшіе счастьемъ глаза... Меркуловъ понялъ иначе... Захолонуло у него сердце, омрачилось, поблѣднѣло лицо. Подошелъ онъ къ Лизѣ, чинно протянулъ руку и холодно молвилъ:

— Здравствуйте, Лизавета Зиновьевна!

Сбѣжалъ румянецъ съ ея лица. Широко раскрывъ испуганные глаза, въ изумленьи глядитъ она на своего Никитушку... Чинно поцѣловалъ онъ протянутую руку, и вздрогнула Лиза отъ его холоднаго поцѣлуя... Чуть сдерживая слезы, усиленно подавляя вздохи, отступила она шага на два... Влажные глаза и легкое вздрагиванье всего тѣла ясно выражали, каково ей было. «Разлюбилъ... раздумалъ!» — сверкнуло въ

мысляхъ, и будто стальными тисками кто-то сдавилъ ей голову... «Господи Боже мой! Что-жъ это будетъ?» — подумала она и не могла больше сдерживать слезъ... Мелкими струйками полились хрусталики по блѣднымъ ланитамъ.

Таково вышло первое свиданье послѣ долгой разлуки... И Богъ знаетъ, чѣмъ бы оно кончилось, если-бъ сидѣвшей въ смежной комнатѣ Татьянѣ Андревнѣ не послышался тихій, сдержанный голосъ Никитушки... Распахнувъ быстро двери, вбѣжала она и, сіяя весельемъ и радостью, обняла голову Меркулова, горячо цѣловала его и кропила слезами омрачившееся его лицо.

— Никитушка!.. Родной ты мой!.. — воскликнула она. — Насилу-то! Дождаться тебя не могли!.. Голубчикъ ты мой!.. Погляди на нее, извелась вѣдь вся — ночей не спитъ, не ѣстъ ничего почти, слова не добьешься отъ нея... Изстрадалась, измучилась!.. Шутка сказать — безъ малаго пять мѣсяцевъ!..

Зиновій Алексѣичъ вышелъ на говоръ и крѣпко обнялъ нареченнаго зятя... Съ веселымъ смѣющимся лицомъ вбѣжала Наташа. Меркуловъ подалъ ей руку.

— Прошу покорно! Ровно съ чужой здоровается!.. — хлопнувъ Меркулова по рукѣ, засмѣялась Наташа и потомъ, обнявъ «братца Никитушку», крѣпко поцѣловала его.

— А мы по твоему послѣднему письму раньше воскресенья тебя не ждали, — молвилъ Зиновій Алексѣичъ. — Какъ это удалось тебѣ таково скоро выплыть изъ Царицына?

— Въ Казани сѣлъ на пароходъ, — отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Сегодня пріѣхалъ?

— Да... сегодня... то бишь вчера... Передъ вечеромъ — часовъ этакъ въ семь, должно-быть, — разсѣянно и какъ-то невпопадъ говорилъ Меркуловъ, то взглядывая на Лизу, то видимо избѣгая ея огорченныхъ взоровъ.

— Отчего-жъ до сихъ поръ глазъ не показалъ?.. А еще женихъ! — попрекнула Татьяна Андревна.

— Вчера вечеромъ два раза къ вамъ пріѣзжалъ, записку даже оставилъ. Долго за полночь ждалъ, не пришлете ли за мною, — говорилъ Меркуловъ.

— Какъ такъ? Никакой записки отъ тебя не было, — сказалъ Зиновій Алексѣичъ.

И позвонилъ.

Пришелъ на зовъ коридорный и разъяснилъ все дѣло. Вчерашній дежурный, получивъ отъ Меркулова рублевку, дѣломъ не волоча, тотчасъ же выпилъ за его здоровье. А во хмелю бывалъ онъ нехорошъ, накричалъ, набуянилъ, изъ постояль-

цевъ кого-то обругалъ, хозяина заушилъ и съ меркуловской запиской въ части ночевалъ.

— А вы вчера веселились, были въ театрѣ, у Никиты ужинали?.. — говорилъ Меркуловъ Зиновью Алексѣичу, чуть взглядывая на безмолвно стоявшую ődаль невѣсту.

— Успѣлъ, значитъ, съ пріятелемъ повидаться!—отозвался Доронинъ. — Какой славный твой Дмитрій Петровичъ!.. Рѣдкостный человѣкъ, неописанный... Про цѣны-то сказывалъ тебѣ?

— Сказалъ, — отвѣтилъ Меркуловъ. — Ужо на биржѣ частицу продамъ.

— Экій проворъ!—ласково ударивъ по плечу нареченнаго зятя, молвилъ Зиновій Алексѣичъ. — Молодцомъ, Никитушка! Не успѣлъ пріѣхать, и товаръ къ нему еще не пришелъ, а онъ ужъ и сбылъ его... Дѣло!.. Да что-жъ мы стоимъ да пустые лясы-балясы ведемъ?—вдругъ спохватился Доронинъ.— Лизавета Зиновьевна, твое, сударыня, дѣло!.. Чтò не потчуешь жениха!.. Прикажь самоварчикъ собрать да насчетъ закусочки похлопочи...

Рада была Лиза отцову приказу. Тяжко и скорбно было у ней на душѣ, выплакаться хотѣлось... Выйдя въ другую комнату, распорядилась она и чаемъ и завтракомъ, а потомъ ринулась на диванъ и болѣзненно зарыдала. «За что это? — скорбно шептала она. — Господи, за что это?.. Чтò я такое сдѣлала, чѣмъ я провинилась? Разлюбилъ!.. Раздумалъ!.. Другую нашелъ?..» И, только-что мелькнула у ней ревнивая мысль, какъ раненая львица вскочила она съ дивана, гнѣвнымъ огнемъ вспыхнули очи ея, руки стиснулись, и вся она затрепетала... Но ни слезъ, ни жалобъ, ни стенаній...

Сѣла въ уголокъ, призадумалась. Не объ немъ кручинныя мысли, о самой себѣ Лиза размышляетъ. До тѣхъ поръ злоба еще никогда не мутила души ея, никогда еще не бывало въ ней того внутренняго разлада, чтò теперь такъ мучилъ ее. Всегда, сколько ни помнила себя Лиза, жила она по добру и по правдѣ, никогда ея сердце не было причастно ни враждѣ ни злой ненависти, и вдругъ въ ту самую минуту, чтò обѣщала ей столько счастья и радостей, лукавый духъ сомнѣнья тлетворнымъ дыханьемъ возмутилъ ея мысли, распалилъ душу злобой, поработилъ и чувства ея, и волю, и разумъ. Содрогнулась при мысли, что подчинилась врагу, что духъ непріязни осѣтилъ ее... Пала ницъ передъ иконами...

А Зиновій Алексѣичъ осыпалъ межъ тѣмъ нареченнаго зятя разспросами о дѣлахъ его. Съ добродушной усмѣшкой разсказывалъ онъ какъ подъѣзжалъ къ тюленю Смолокуровъ,

какъ подольщался и хитрилъ, ища барышей... Перебивая чуть не на каждомъ словѣ мужа, Татьяна Андревна разспрашивала Никитушку, каково было его здоровье, тужила о пережитыхъ невзгодахъ, соболѣзновала неудачамъ и наконецъ, совсѣмъ перебивъ мужнины разспросы, повела рѣчь о самомъ нужномъ, по мнѣнію ея, дѣлѣ — о приданомъ. Подробно разсказала, съ какимъ именно «Божьимъ милосердіемъ» отпустятъ Лизу изъ дома, сколько будетъ за ней иконъ, въ какихъ ризахъ и окладахъ, затѣмъ перечислила всѣ платья, бѣлье, обувь, посуду, серебро, дорогіе наряды, и наконецъ объявила, сколько они назначаютъ ей при жизни своей капиталу... Затѣмъ спѣшно было-пошла изъ комнаты за рядною записью *). Напрасно Меркуловъ уговаривалъ ее не безпокоиться, напрасно говорилъ, что онъ и знать не хочетъ о приданомъ, а на рядную запись даже не взглянетъ.

— Нельзя, батька, нельзя безъ того, — говорила Татьяна Андревна.— Какъ же это возможно жениху напередъ не знать, чѣмъ награждаютъ невѣсту родители?.. Такъ, мой голубчикъ, въ добрыхъ людяхъ не водится... А ты вотъ денька два либо три отдохни съ дороги-то, и, когда оглядишься, я тебѣ по описи все приданое покажу, какое здѣсь съ нами, а остальное покажу, когда домой воротимся. Тогда и рядную подпишемъ. Безъ того, сударь, нельзя... Старыхъ обычаевъ, что̀ отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ ведутся, рушить, голубчикъ, нельзя, особливо на свадьбахъ. И передъ Богомъ грѣхъ и передъ людьми будетъ стыдно. Не нами, сударь, повелось, не нами и кончится.

И все-таки пошла за рядною записью.

Увидавъ Лизу въ слезахъ, руками только всплеснула Татьяна Андревна.

— Что̀ съ тобою, Лизанька? — въ тревожномъ удивленьи она спросила ее. — Въ кои-то вѣки жениха дождалась, чѣмъ бы радоваться да веселиться, шагу отъ него не отходить, а она, поди-ка вотъ, забилась въ уголъ да плачетъ.. Поди, поди, безстыдница! ступай къ жениху... Я ему рядную сейчасъ стану показывать... Тебѣ надо быть при этомъ безпремѣнно.

— Не по себѣ мнѣ что-то, маменька... нездоровится... — тихо промолвила Лиза.

— А ты подь туда да сядь рядкомъ съ женихомъ-то. Всяку болѣсть какъ рукой сниметъ, — говорила Татьяна Андревна. — Поди-же, поди, Лизавета, ступай, говорятъ тебѣ,

*) Письменное условіе по случаю брака съ росписью приданаго.

ступай къ нему поскорѣе — твое мѣсто тамъ, а не здѣсь. На что это похоже!.. Пріѣхалъ женихъ, а она хорониться отъ него вздумала. Ступай же, ступай!

И, взявъ за руку, вывела Лизу въ ту комнату, гдѣ оставался Меркуловъ. А у самой рядная запись въ рукахъ.

Посадивъ возлѣ себя за столъ съ одной стороны Меркулова, а съ другой Лизу, Татьяна Андревна медленно стала вычитывать:

— Образъ Всемилостиваго Спаса, въ серебряной ризѣ позолоченной, съ таковыми-жъ вѣнцомъ и цатою, да образъ Пречистыя Богородицы Тихвинскія, риза и убрусъ жемчужные, звѣзда на убрусѣ двѣнадцать камней брильянтовыхъ, да камень рубинъ красный. Образъ преподобныхъ Захарія и Елизаветы, риза серебряная позолочена съ таковыми-жъ вѣнцами; да образъ Николы Святителя, риза серебряная позолочена; да образъ Гурія, Симона и Авива въ серебряной ризѣ позолоченной; да образъ великомученицы Варвары, окладъ серебрянъ позолоченъ. А всего четыре образа въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ, да одинъ низанъ жемчугомъ съ каменьями, да одинъ въ серебряномъ золоченомъ окладѣ. Да приданаго-жъ: серьги брильянтовыя трои, ожерелье брильянтовое на шею, да жемчуга кафимскаго пять фунтовъ крупнаго, низанъ на двѣнадцать нитокъ...

Больше четверти часа Татьяна Андревна читала рядную. Лиза сидѣла, потупя глаза и поникнувъ головою, а женихъ, облокотясь о столъ, казалось, внимательно слушалъ. Но чтеніе о бархатныхъ салопахъ, о шелковыхъ платьяхъ, о бѣльѣ голландскаго полотна, о серебряной посудѣ и всякомъ другомъ домашнемъ скарбѣ, заготовленномъ заботливой матерью ради перваго житья-бытья молодыхъ, скользили мимо ушей его; о другомъ были думы Меркулова... «Неужель она и въ самомъ дѣлѣ промѣняла меня на другого?» Такъ думалось Меркулову, и сердце не такъ ужъ кипѣло у него, какъ въ первыя минуты свиданья... Взглядывая на Лизу, замѣчалъ онъ теперь въ лицѣ ея выраженье тяжелой, но напрасной обиды, и стало ему ея жалко, заговорила въ немъ совѣсть... Кончила Татьяна Андревна, чай стали пить, завтракать, а женихъ понемножку словами съ невѣстой началъ перекидываться. «Нѣтъ,—думалъ онъ:—нѣтъ, такимъ голосомъ съ постылыми не говорятъ... Напрасно я... Это все фармазонка!.. Нужно-жъ было ей навстрѣчу попасться. Какъ встрѣтилъ ее, такъ и утвердился въ тѣхъ мысляхъ!..»

Послѣ завтрака Татьяна Андревна, догадавшись по говору материнскаго сердца, что межъ женихомъ и невѣстой проско-

чило что-то неладное, приказала Наташѣ что-то по хозяйству и сама вышла, сказавъ мужу, что надо ей съ нимъ о чемъ-то неотложномъ посовѣтоваться, остался Меркуловъ съ Лизой одинъ-на-одинъ. Уйти нельзя, молчать тоже нельзя. «Дай разспрошу»,—подумалъ онъ и повелъ рѣчь издалека.

— Кажется, вы не очень мнѣ рады,—съ трудомъ промолвилъ онъ, подойдя ко вставшей съ мѣста невѣстѣ.

Она зарыдала и страстно припала къ плечу жениха...

Получаса не прошло, а они ужъ весело смѣялись, искали, кто виноватъ, и никакъ не могли отыскать... Забыты всѣ тревожныя думы, нѣтъ больше мѣста подозрѣньямъ, исчезли мрачныя мысли. Въ восторгѣ блаженства не могутъ наглядѣться другъ на друга, наговориться другъ съ другомъ. И не замѣтилъ Меркуловъ, какъ пролетѣло время... Половина третьяго, пора на биржу ѣхать съ Васильемъ Петровичемъ. Нечего дѣлать — пришлось разстаться.

Наскоро покончивъ съ Морковниковымъ, Никита Өедорычъ поспѣшилъ къ невѣстѣ. Встрѣча была иная. Такимъ поцѣлуемъ, о какомъ онъ во время разлуки мечталъ, встрѣтила теперь его Лиза... Въ самозабвенномъ наслажденьи душевнымъ блаженствомъ оба они утопали...

Долго за полночь просидѣли... пока Татьяна Андревна, зѣвая и крестя ротъ, не сказала:

— Не время-ль невѣстѣ держать опочивъ, не пора-ль жениху со двора съѣзжать?

Наверсталъ же Никита Өедорычъ Веденееву за прошлую ночь. Сидитъ у невѣсты, а пріятель жди-подожди.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Дмитрій Петровичъ, встрѣчая пріятеля.—Куда же до сей поры запропастился? Третій ужъ часъ.

— Извѣстно гдѣ былъ,—позѣвывая, отвѣтилъ ему Меркуловъ.—А ты что̀ не пріѣзжалъ? Спрашивали про тебя.

— Кто спрашивалъ?—съ живостью спросилъ Веденеевъ.

— Всѣ спрашивали: и Зиновій Алексѣичъ, и Татьяна Андревна, и Наташа,—отвѣчалъ Меркуловъ.

— И она?—съ живостью быстро спросилъ у него Веденеевъ.

— Кто она?

— Да Ната... Наталья-то Зиновьевна,—слегка смѣшавшись, молвилъ Дмитрій Петровичъ.

Зорко взглянулъ на него Меркуловъ, а потомъ проговорилъ:

— Кажется, и она спрашивала... Да, точно спрашивала. Вспомнилъ теперь...

Быстро вскочилъ Веденеевъ со стула, взъерошилъ волосы и, раза три пройдясь взадъ и впередъ по комнатѣ, сталъ предъ пріятелемъ... Взволнованнымъ голосомъ онъ сказалъ ему:

— Слушай. Я вѣдь, братъ, люблю все сразу, я вѣдь безъ лишнихъ разговоровъ. Люблю рѣшать дѣла безъ проволочекъ... Слушай, Никита Сокровенный.

И вдругъ рѣчь его оборвалась...

— Что же замолчалъ? — улыбаясь и пристально глядя въ глаза пріятелю, спросилъ Меркуловъ.—Говори, слушаю.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ...—снова началъ Дмитрій Петровичъ.—Такъ какъ, значитъ, мы съ тобой пріятели... Не знаю, какъ у тебя, а у меня вотъ передъ Богомъ опричь тебя другого близкаго человѣка нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ... И люблю я тебя, Никита, отъ всей души.

И опять замолчалъ. Словъ не находилъ.

— Дальше что еще будетъ?—усмѣхнулся Меркуловъ.

— Да ты не смѣйся!—вскричалъ Веденеевъ.—Нечего сказать, хорошъ пріятель. Ты ему про дѣло, а онъ на смѣхъ.

— А ты говори толкомъ, — сказалъ Меркуловъ. — «Люблю сразу, люблю безъ лишнихъ словъ», а самъ тянетъ околесицу, слушать даже тошно... Ну, распрастывайся!..

— Видишь ли что, Никита Сокровенный, — собравшись съ духомъ, началъ опять Веденеевъ. — Такъ какъ я очень тебя люблю, а еще больше уважаю, такъ и захотѣлось мнѣ еще поближе быть къ тебѣ.

— Какъ же это?

— Породниться.

— Какъ же намъ съ тобой родниться? — добродушно улыбаясь, спросилъ Меркуловъ.

— Высватай мнѣ Наташу. Славно будетъ... — сказалъ Веденеевъ.

— Вотъ тебѣ на! — весело засмѣялся Никита Ѳедорычъ. — Значитъ, мнѣ свахой быть, говорить Татьянѣ Андревнѣ: «у васъ, молъ, товаръ, а у меня купецъ, за нашу куницу дайте красну дѣвицу, очень, молъ, мы про нее много наслышаны: сама-де умнешенька, прядетъ тонешенько, точитъ чистешенько, бѣлитъ бѣлешенько...»

— Полно дурить-то. Ахъ, ты, Никита, Никита!.. Время нашелъ! — съ досадой сказалъ Веденеевъ. — Не шутя говорю тебѣ: ежели-бъ она согласна была, да если бы ее отдали за меня, кажется, счастливѣе меня человѣка на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было бы... Сдѣлай дружбу, Никита Сокровенный, Богомъ прошу тебя... Самому сказать—языкъ не поворотится...

Какъ бы зналъ ты, какъ я тебя дожидался!.. Въ полной надеждѣ былъ, что ты устроишь мое счастье.

— Пожалуй, закину словечко. Хоть завтра же, — молвилъ Меркуловъ. — Татьянѣ Андревнѣ сказать? Нѣтъ — вотъ какъ лучше будетъ: Лизѣ скажу, а она ужъ тамъ все уладитъ!

— Пожалуйста, яви милость! — воскликнулъ Веденеевъ и по-вчерашнему чуть не задушилъ пріятеля въ медвѣжьихъ своихъ объятьяхъ.

На другой день вечеромъ у Дорониныхъ по уголкамъ двѣ парочки сидѣли: два жениха, двѣ невѣсты. А третья пара, Зиновей Алексѣичъ съ Татьяной Андревной, глядя на нихъ, не нарадовались.

Глава четвертая.

Чуть брезжится сырое, холодное утро. Темно-сѣрыми тучами кроется небо, кругомъ къ непогодѣ его замолаживаетъ *). Бѣлымъ туманомъ дымятся поля, луга и болота, ровно сквозь падымокъ **) тускло виднѣется лѣсъ вдали. Намокшія травы низко склонились къ землѣ, примолкло все живое, притихло, лишь изрѣдка на роняющей желтые листья березѣ закаркаетъ отчаянно мокрая ворона, либо сѣрый, лѣтомъ отъѣвшійся русакъ, весь осклизлый отъ мокрети, высунетъ, прядая ушами, головку изъ растрепаннаго вѣтромъ, полузасохшаго бурьяна и, заслышавъ вдали топотъ лошадиныхъ копытъ, стремглавъ метнется въ сторону и съ быстротой вольнаго вѣтра клубомъ покатится по полю, направляя пугливый свой бѣгъ къ перелѣску.

По грязному, скользкому проселку медленно катятся густо облипшія глиной колеса небольшой телѣжки, запряженной парой добрыхъ, но сильно притомленныхъ и припотѣлыхъ коней. Въ той телѣжкѣ, плотно укутавшись въ синій суконный, забрызганный грязью чекмень ***), дрожа всѣмъ тѣломъ отъ сырости и студенаго вѣтра, ежился и покачивался дремавшій Самоквасовъ. При каждомъ встрѣчномъ толчкѣ Петръ Степанычъ пробуждался изъ забытья, но, оглянувшись по сторонамъ, опять закрывалъ глаза, еще больше нахлобу-

*) *Замолаживать* — заволакивать тучами, клониться къ ненастью (говоря о небѣ).

**) *Падымъ, падымокъ* — мгла, сухой туманъ, дымъ, занесенный съ дальнихъ лѣсныхъ пожаровъ.

***) *Чекмень* — короткій полукафтанъ съ перехватомъ, обычная осенняя, а иной разъ и зимняя верхняя одежда зажиточныхъ молодыхъ людей въ Поволжьѣ и восточныхъ губерніяхъ. На Дону, на Уралѣ и по линейнымъ станицамъ чекменемъ зовутъ казацкій кафтанъ.

чивалъ шапку и, склоняя ниже и ниже сонную голову, снова погружался въ дремоту. Истомила его холодная, безсонная, многодумная ночь.

Заутреню допѣвали въ моленныхъ и часовняхъ скита Комаровскаго, когда Петръ Степанычъ подъѣзжалъ къ Каменному Вражку.

— Въ кою обитель въѣзжать? — спросилъ у него полусонный, тоже продрогшій ямщикъ, поворачиваясь спиной противъ вѣтра и лѣниво помахивая коротенькимъ кнутовищемъ надъ пріусталыми лошадками.

Вопросъ ямщика засталъ врасплохъ Петра Степаныча. До тѣхъ поръ еще не подумалъ онъ, у кого бы ему пристать въ Комаровѣ... Не то на мысляхъ у него носилось — Фленушка, одна Фленушка всю дорогу у него съ ума не сходила. Теперь сталъ онъ разсуждать самъ съ собою: «У Бояркиныхъ пристать безъ матери Таисѣи не годится, — празднаго, лишняго говору много пойдетъ. Къ Манеѳинымъ въѣхать никакъ невозможно, — кто ихъ знаетъ, что̀ тамъ творится, о чемъ говорится, почемъ знать, какъ встрѣтитъ Манеѳа? Прежде, чѣмъ свидѣться съ ней, надобно осторожно, съ оглядкой, кое-что стороной разузнать... У кривой Измарагды пристать, аль у толстухи Евтропіи, у Глафириныхъ, у Московкиныхъ? Такъ всѣ онѣ теперь изъ-за этихъ епископовъ не въ добрыхъ ладахъ съ Манеѳиными, — истинной правды тамъ не добьешься... Другія обители скудны, въ тягость имъ будешь... И то надо взять, что Разсохины, Напольная, Мареина, Зарѣчная изъ Манеѳиной воли не выходятъ, правды не скажутъ и тамъ... Лучше изъ «сиротъ» у кого-нибудь... У кого бы?.. А!.. Совсѣмъ-было вонъ изъ ума!.. Иконникъ-отъ на что? Ермилъ-отъ Матвѣичъ?.. Домъ у него большой, помѣстительный, и хоть обѣдать онъ самъ шестнадцать садится, а мѣстечко для меня найдетъ, отведетъ каморочку не хуже обительской свѣтелки».

— Куда-жъ везти-то, господинъ честной? — громко повторилъ вопросъ свой продрогшій ямщикъ, расталкивая Петра Степаныча.

Выпрямился Самоквасовъ, зѣвнулъ, слегка потянулся и спросилъ у извозчика:

— Сурмина иконника знаешь?

— Ермилу-то Матвѣича?

— Да.

— Какъ не знать Ермилу Матвѣича? Достаточно извѣстны.

— Къ нему.

— Ладно, — молвилъ ямщикъ и, ободрясь, хлестнулъ по ло-

шадкамъ, прикрикнувъ: «эхъ, вы, сердечныя!». Своротилъ онъ налѣво и кривыми закоулками доѣхалъ до построеннаго на скитскій ладъ большого дома, съ раскрашенными ставнями, съ узорчатой рѣзьбой надъ окнами. Передъ тѣмъ домомъ длиннымъ рядомъ стояли пустыя кадки и пересѣки *). Хоть рань была еще на дворѣ, но коренастый, сѣдовласый Сурминъ и пятеро сыновей его, съ бочарными теслами **) въ рукахъ, дружно работали, набивая обручи на разсохшіяся кадки. Матери, не зная доподлинно, разгонятъ ихъ до зимы аль не разгонятъ, помнили, что на Сергіевъ день ***) по старымъ обычаямъ непремѣнно надо капусту рубить. Кромѣ того отъ благодѣтелей съ ярманки рыбки онѣ ожидали про зимній запасъ, стало-быть, и подъ капусту и для рыбнаго посола надо исправить пересѣки. А по всему Комарову набивать обручи только одинъ Сурминъ умѣлъ. Былъ онъ въ томъ многолюдномъ скиту не только бондаремъ, но и мастеромъ на всѣ руки. Въ обычномъ деревенскомъ обиходѣ досужество его было бы, пожалуй, излишне, но для быта обительскихъ старицъ необходимо. Икону ли написать, повет шалую ли поновить, кацею иль другую мѣдную вещь спаять, книгу переплесть, стѣнные часы починить, а по надобности и новые собрать, самоваръ вылудить, стекла вставить, рѣзьбу по дереву вырѣзать и даже позолотить ее, постоляричать, башмаки, коты, черевики поправить, — на все горазды были и самъ Ермилъ и сыновья его. И кузнечили они, ежели надобность бывала, — возлѣ самой верхотины Каменнаго Вражка кузница у нихъ стояла. Самъ родомъ съ Горъ, лѣтъ ужъ тридцать живетъ Сурминъ «сиротой» въ Комаровѣ ****). Жена у него, трое сыновъ женатыхъ да двое холостыхъ, дочерей три невѣсты, да трое внучатъ. Семья немалая, но совѣтная, любовная, завсегда въ ней тишь да крышь, миръ да ладъ, да Божья благодать. И любовно и грозно держалъ свою семью Ермила Матвѣичъ, съ разумомъ правилъ хозяйствомъ.

— Здорово, Ермила Матвѣичъ! — крикнулъ Самоквасовъ, поровнявшись съ Сурмиными.

— Ваше степенство!.. Петръ Степанычъ!.. Какими судьбами опять въ наши палестины? — ласково, радостно даже отозвался ему Ермила Матвѣичъ.

---

*) *Пересѣка, перерѣзъ, обрѣзъ, переруб, полубочье* — кадка изъ распиленной пополамъ бочки.

**) *Тесло* (отъ тесать) — топоръ съ лазомъ поперекъ топорища, какъ у мотыги или у кирки. *Бочарное тесло* — маленькое и желобковатое.

***) 25-го сентября.

****) Въ скитахъ всѣ, живущіе своимъ хозяйствомъ внѣ обителей, и нищіе и богачи, одинаково зовутся «сиротами».

— Дѣлишки тогда не совсѣмъ съ матерями покончилъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Додѣлать заѣхалъ.

— Доброе дѣло, — молвилъ Сурминъ. — Всяко дѣло концомъ красно. Дѣло безъ конца — что кобыла безъ хвоста... Къ кому изъ матерей-то?

— Да я, признаться, не къ нимъ нынѣшній разъ думалъ взъѣхать, — сказалъ Самоквасовъ. — Генерала онѣ ждутъ, что̀ ѣдетъ скиты повѣрять. Ежель застанетъ онъ меня въ которой обители, и самъ въ бѣду попадешь и на матерей наведешь лишнюю обиду...

— Вѣрно, — согласился Сурминъ и, положивъ тесло на дно опрокинутой кадки, промолвилъ: — къ намъ милости просимъ, мѣсто найдется, ежели не побрезгуете.

— О томъ просить хотѣлъ тебя, Ермила Матвѣичъ, сдѣлай милость, пусти не на долгое время, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! Хоть всю осень гости, хоть зимы прихвати — будемъ радехоньки, — говорилъ Сурминъ вылѣзавшему изъ телѣжки Самоквасову. — Андрей, — обратился онъ къ старшему сыну: — вели своей хозяйкѣ свѣтелку для гостя прибрать, а Натальѣ молви — самоваръ бы ставила да чай въ мастерской собрала бы. Милости просимъ, Петръ Степанычъ, пожалуйте, ваше степенство, а ты, Сережа, тащи въ свѣтелку чемоданъ, — приказывалъ другому сыну Ермила Матвѣичъ.

Домъ у него былъ построенъ по-скитски — со свѣтлицами, съ боковушами, со множествомъ чулановъ и солнышей, со свѣтлыми и темными переходами и проходами, съ подклѣтной теплой волокушей и съ холоднымъ лѣтникомъ на чердакѣ — какъ есть обительская «стая» *). Мастерская, пристроенная къ жилой стаѣ лицомъ въ огородъ, была обширна и отдѣлялась отъ большой избы и горницъ невеликими сѣнцами. Та мастерская была также по-скитски построена — ни дать ни взять обительская келарня, только безъ столовъ, безъ скамей и безъ налоя передъ божницей. Стоялъ въ ней столярный станокъ, возлѣ него съ одной стороны столъ со слесарными снарядами, съ другой столярный верстакъ; въ углу, у окна

---

*) Въ сѣверо-восточной Россіи *солнышемъ, шолнышемъ, шолмышемъ* зовутъ «бабій уголъ», «стряпной кутъ» — комнатку въ избѣ за перегородкой, возлѣ устья печи; но на скитахъ солнышемъ зовутъ всякую комнату окнами на полдень. *Волокуша* — подклѣтъ за печкой подъ жилыми покоями. *Лѣтникъ* — то же, что̀ свѣтлица — комната для лѣтняго только житья, безъ печи. *Стая* — нѣсколько избъ, поставленныхъ одна возлѣ другой и соединенныхъ между собой сѣнями и переходами (коридорами).

кожей обитый полокъ *) для чинки и сборки часовъ, къ печи приставленъ небольшой горнъ съ раздувальнымъ мѣхомъ для плавки, литья, паянья и для полуды; у другого окна стоятъ на свѣту два пристолья **) для рѣзьбы и золоченья, а по полкамъ разставлены заготовленныя иконы и разная утварь, дожидавшая очереди для починки или передѣлки. Въ ту мастерскую всякаго рода ремеслъ ввелъ гостя Сурминъ. Скинувъ загрязненный чекмень и умывшись, Петръ Степанычъ, сидя у окна въ ожиданіи самовара, сталъ бесѣдовать съ радушнымъ хозяиномъ.

— Вѣдь это, кажется, Манееина обитель? — спросилъ онъ, указывая на строенья, что̀ возвышались надъ заборомъ обширнаго сурминскаго огорода.

— Ея, — отвѣтилъ Ермила Матвѣичъ. — Да вотъ ломать собирается. Въ городѣ накупили мѣстовъ, загодя хочетъ до выгонки переѣхать туда... Сказываютъ, выгонки намъ никоимъ образомъ не избыть. Такое горе!..

— Тебѣ-то, Ермила Матвѣичъ, какое тутъ горе? — сказалъ Самоквасовъ. — Ты не старецъ, домъ твой не обитель, тебя не тронутъ.

— Тронуть-то не тронутъ, это вѣрно, — сумрачно отвѣчалъ Сурминъ. — А придется и мнѣ покинуть насиженное мѣсто, въ городъ, что-ль, перебираться. Ежели разгонятъ матерей, какая мнѣ будетъ здѣсь работа? Съ голоду помрешь на безлюдьѣ... Признаться, и я, какъ Манееа же, мѣстечко въ городѣ себѣ пріискалъ.

— Что-жъ, — молвилъ Самоквасовъ. — Въ городѣ больше будетъ работы.

— Богъ ее знаетъ, больше ли будетъ, — отвѣчалъ Сурминъ. — Часовщикъ тамъ есть, заправскій часовщикъ, не то, что мы съ Андрюхой, и карманные чинитъ да собираетъ, не только-что стѣнные; слесарей тамъ четверо, серебреникъ есть; столяровъ трое; иконописцевъ, правда, что нѣтъ, да вѣдь на однѣхъ иконахъ далеко не уѣдешь, особенно ежели теперь часовни вездѣ порѣшатъ. Опять же здѣсь у меня промыселъ вольный, а тамъ въ цехъ записывайся, да пошлины плати, да опричь того поземельныя. Тяжеленько будетъ, ваше степенство, Петръ Степанычъ, охъ, какъ тяжеленько!

— Да, — согласился Самоквасовъ: — расходовъ прибудетъ.

— Да такъ, сударь, прибудетъ, что не знаю, какъ и справлюсь при такой семьищѣ, — сказалъ Сурминъ. — Здѣсь подъ

*) Покатый столъ.

**) *Пристолье* — столъ равной съ подоконникамп вышины, приставленный къ нему.

бокомъ у матерей, надо правду говорить, житье намъ приволье, а тамъ еще Господь вѣдаетъ, каково оно будетъ... Не къ добру, сударь, вздумали эту выгонку. Матерямъ что̀! У матерей по кубышкамъ довольно. Станетъ, на что вѣкъ доживать... То бы, кажись, надо было принять въ расчетъ, что вокругъ каждаго скита по скольку деревень кормится... Земли здѣсь, знаете, каковы, безъ промысловъ мужику дохнуть нельзя, а промыслы-то всѣ по скитамъ. Разгонять матерей, чѣмъ тогда мужикамъ будетъ кормиться? За новы промысла̀ приниматься?.. Такъ къ новымъ-то промысламъ вѣдь не легко привыкать. Въ пять лѣтъ не устроишь новаго хозяйства, а въ пять-то годовъ можно и до сумы дойти... Хоша теперь и много окольныхъ крестьянъ въ хорошихъ достаткахъ живетъ, а залежныхъ денегъ почитай ни у единаго нѣтъ... Крутыя, сударь, времена подходятъ... Крутыя времена!..

И призадумался Ермила Сурмииъ.

— Что̀ матушка Манеѳа? — послѣ недолгаго молчанья, смотря въ окно на ея обитель, спросилъ Петръ Степанычъ. — Слышалъ я, что все хвораетъ.

— Не богата здоровьемъ, — молвилъ Ермила Матвѣичъ. — А впрочемъ, старица тверда. По моему разсужденію, какія бы ей бѣды впереди ни были, все-таки до ста годовъ проскрипитъ... Плотію хоша немощна, зато духомъ ужъ какая крѣпкая! Кремень старица, какъ есть желѣзная!..

— Фленушка, слышь, у нея тоже не больно здорова? — спросилъ Петръ Степанычъ, отвернувшись отъ хозяина и глядя въ окошко. — Таисѐю Бояркиныхъ видѣлъ я на-дняхъ у Макарья, она сказывала.

— Кажись бы, ничего, — отвѣтилъ Ермила Матвѣичъ. — Вечоръ къ моимъ дѣвкамъ Манеѳины бѣлицы забѣгали, ничего про ея болѣсти не сказывали.

Чуть-чуть отлегло отъ сердца у Петра Степаныча, но не совсѣмъ успокоили его слова Сурмина. Зналъ онъ, что Фленушка, если захочетъ, — на людяхъ будетъ одна, дома другая.

— У нихъ, слышь, тутъ приключенья разныя были? — сказалъ Самоквасовъ, попрежнему глядя въ окошко.

— Ужъ именно приключенія, — отвѣтилъ съ улыбкой Ермила Матвѣичъ. — Заразъ двухъ невѣстъ снарядила иноческая обитель: Марья Гавриловна сама уѣхала да замужъ вышла, матушкину племянницу силкомъ выкрали да съ архіерейскимъ посломъ повѣнчали... Того и гляди, чтобъ и Фленушка съ Марьей головщицей съ кѣмъ-нибудь не улепетнули.

— Ужъ будто и Фленушка? — быстро оборотясь къ хозяину, сказалъ Самоквасовъ.

— Дѣвка озоръ, отъ нея всего можно ждать, — молвилъ Ермила Матвѣичъ. — Бѣдовая! Я такъ полагаю, что ежель онѣ въ городъ переѣдутъ, она безпремѣнно тамъ замужъ выскочитъ. Не черницей дѣвка глядитъ, не на иночество смотритъ.

И сколько ни разспрашивалъ Сурмина Петръ Степанычъ про Фленушку, новаго ничего не узналъ отъ него. «Не вретъ ли Таисѣя?—подумалъ онъ:—вѣдь эти матери судачить да суторить мастерицы. Того навыдумаютъ, чего никто и во снахъ не видалъ».

— А какъ матушка Манеѳа насчетъ этихъ свадебъ? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Что же ей? Не обительскія сбѣжали, — отвѣчалъ Ермила Матвѣичъ. — Одна своимъ домомъ жила, другая гостила, обѣ мірскія... Да хоша-бъ и обительскія?.. Гдѣ, въ какомъ скиту, въ какой обители того не случалось? А у нихъ, въ Манеѳиной то-есть обители, и такія дѣла бывали, что сами игуменьи замужъ сбѣгивали. Передъ Манеѳой-то у нихъ мать Екатерина въ игуменьяхъ сидѣла, а передъ ней Вѣра Іевлевна. Обителью цѣлый годъ правила да и сбѣжала съ игуменства, а послѣ того дошли слухи, что повѣнчалась... И то сказать, чѣмъ бѣлицамъ сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ баловаться, невпримѣръ имъ лучше замужъ выходить... Тутъ по крайней мѣрѣ законъ. А то чего-то, чего ни бываетъ у нихъ... Особливо, когда вашей братьи молодыхъ благодѣтелей понаѣдетъ. Тутъ ужъ только знай да помалчивай, гляди да не разглядывай...—усмѣхнувшись, примолвилъ Сурминъ.

Ни слова на то не отвѣтилъ Самоквасовъ.

— А знаете ли что, Петръ Степанычъ? — немного погодя сказалъ Ермила Матвѣичъ. — Какъ племянницу-то у Манеѳы умчали, такъ вѣдь мы на васъ-было спервоначалу-то думали. Да ужъ послѣ, дней этакъ черезъ пятокъ, узнаемъ, что это дѣло архіерейскій посланникъ состряпалъ, а потомъ слышимъ, что самъ невѣстинъ родитель ту свадьбу устроилъ. Недѣли двѣ тому назадъ въ Городцѣ на базарѣ я съ нимъ видѣлся— хохочетъ надъ Манеѳой, помираетъ со смѣху... А какъ подумать—зачѣмъ бы, кажется, ему на такія дѣла подыматься? Выдалъ бы дочку честью, какъ водится—такъ нѣтъ, на вотъ поди ты съ нимъ... Озорной, даромъ, что голову-то инеемъ ужъ побило. Тогда, какъ на Петровъ-отъ день вы у Манеѳы гостили, онъ, слышь, всѣ эти дѣла и подстроилъ... И лошади-то, слышь, его на подхватъ невѣсты были высланы... Потѣшный!..

— А какъ у васъ про Фленушку говорятъ? Причастна къ тому дѣлу была аль нѣтъ? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Говорить-то всѣ говорятъ, что она тутъ была не при чемъ, да я что-то мало вѣры тому даю... Не такая дѣвка, чтобы въ тако дѣло не впутаться. Добра, а ужъ такая озорная, такая баламутка, что нигдѣ другой такой не сыскать,— отвѣчалъ на то Сурминъ.

Напившись чаю, Ермила Матвѣичъ проводилъ гости въ приготовленную свѣтелку, что̀ была надъ мастерской, и, наказавъ старшей снохѣ сготовить хорошій обѣдъ, пошелъ бондаричать. Петръ Степанычъ, оставшись одинъ, долго стоялъ у окна, долго глядѣлъ на Манеѳину обитель. Фленушкина горница прямо передъ нимъ была, ставни были ужъ растворены, но внутри горницъ черезъ бѣлыя занавѣски ничего не видно было. На обительскомъ дворѣ было пустехонько, лишь у крыльца келарни двѣ дебелыя, здоровенныя бѣлицы перемывали кадки, да на конномъ дворѣ копошился надъ дорожной кибиткой конюхъ Дементій... Моросилъ дождикъ—вездѣ пусто, вездѣ тихо, только удары бондарей слышались. «Можетъ-быть, это все вздоръ, однѣ только выдумки матери Таисѣи,—думалъ Петръ Степанычъ и прилегъ на высоко взбитый пуховикъ.— Немножко погодя схожу я къ Бояркинымъ, тамъ съ Ираидой либо съ матерью Арсеніей повидаюсь, авось отъ нихъ разузнаю что-нибудь».

Но сонъ сломилъ усталаго съ дороги, и проспалъ Петръ Степанычъ до самаго полудня, проспалъ бы и дольше, да Сурминъ пришелъ гостя обѣдать звать.

Тотчасъ послѣ обѣда Самоквасовъ спѣшно собрался въ обитель Бояркиныхъ. Тамъ за отлучкой Таисѣи правила казначея мать Ираида. Обрадовалась она и съ тѣмъ вмѣстѣ изумилась неожиданному появленію Самоквасова. Узнавши, что остановился онъ у иконника, начала пенять ему:

— Мы-то чѣмъ передъ вами провинились, благодѣтель нашъ Петръ Степанычъ?—заговорила она. — До сихъ поръ завсегда въ нашей обители приставали, и завсегда мы были рады вамъ ото всей души, а тутъ вдругъ за что-то прогнѣвались. Втѣпоры, какъ поѣхали вы отъ насъ, на Казанскую-то, сказывали вы матушкѣ, что всего на недѣльку отъ насъ отъѣзжаете. Ужъ мы ждали васъ, ждали, а потомъ и ждать перестали — теперь вотъ ужъ восьмая недѣля послѣ Казанской пошла, а васъ все нѣтъ да нѣтъ. А пріѣхали, такъ и тутъ насъ обидѣли—мимо объѣхали. За что же такая немилость? Чѣмъ мы, убогія, прогнѣвали васъ, чѣмъ васъ на сердце навели?

— Дѣла, матушка, дѣла подошли такія, что никакъ было невозможно по скорости опять къ вамъ пріѣхать, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Ѣздилъ въ Москву, ѣздилъ въ Питеръ,

у Макарья безъ малаго двѣ недѣли жилъ... А не остановился я у васъ для того, чтобы на васъ же лишней бѣды не накликать. Ну какъ наѣдетъ тотъ генералъ изъ Питера, да найдетъ меня у васъ?.. Пойдутъ спросы да разспросы, кто да откуда, да зачѣмъ въ женской обители проживаешь... И вамъ бы изъ-за меня непріятность вышла. Потому и присталъ въ сиротскомъ дому.

— У Ермилы Матвѣича? Такъ, сударь, такъ,—промолвила мать Ираида. — А все-жъ намъ обидно, что насъ миновали. Сами посудите, сколько годовъ у насъ приставали, а тутъ вдругъ и объѣхали... А что-жъ? Нешто тотъ генералъ скоро наѣдетъ? Тогда на Петровъ день матушка Манеѳа вѣсточку изъ Питера получила, на-дняхъ бы ждали его, да вотъ восемь недѣль прошло, а Богъ насъ миловалъ.

— Скоро, говорятъ, пріѣдетъ, а въ какой день, того никому неизвѣстно, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Поскорѣй бы наша-то матушка пріѣзжала... — подгорюнясь и печально вздыхая, молвила мать Ираида. — Ну какъ вдругъ да безъ ея бытности незваный гость... Что̀ безъ нея я стану дѣлать?..

— Вечоръ видѣлся я съ вашей матушкой,—сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что̀, ка̀къ она сердечная? Здорова ли? — съ живостью спросила мать Ираида.

— Ничего, здорова, все хлопочетъ, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Домой-то скоро ли сряжается? — спросила мать казначея.

— О томъ, матушка, у меня рѣчей съ ней не было, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Мелькомъ видѣлись-то мы въ людяхъ. Когда я говорилъ съ ней, не думалъ еще тогда такъ скоро у васъ быть, полагалъ даже, что врядъ ли нынѣшнимъ годомъ и удастся мнѣ въ Комаровъ-отъ попасть. Повидавшись съ матушкой Таисѣей, воротился на квартиру, гляжу — письмо меня ждетъ — прочиталъ, вижу, то дѣлу, по коему у Макарья я проживалъ, отложено. Другихъ особенныхъ дѣловъ у меня нѣтъ, подумалъ я подумалъ, да и поѣхалъ къ вамъ. Тогда, какъ уѣзжалъ на Казанскую-то, матушка Манеѳа въ отлучкѣ была, а мнѣ еще слѣдовало немножко деньжонокъ ей на раздачу додать — поэтому теперь нарочно и пріѣхалъ. Ну что̀, какъ она, матушка-то Манеѳа, теперь?

— Да все въ безпокойствахъ, все въ хлопотахъ,—участливо промолвила Ираида. — Въ городъ на житье сбирается, до выгонки хочетъ тамъ устроиться... А тутъ еще эти непріятно-

сти одна вслѣдъ за другой: Марья Гавриловна замужъ вышла, Прасковья Патаповна...

— А еще-то что̀? — спросилъ Самоквасовъ.

— Больше-то ничего, — нѣсколько даже удивившись такому вопросу, отвѣчала мать Ирапда. — Чего-жъ еще-то?.. И того вдоволь... Слава теперь пошла на ихнюю обитель, праздная молва... Развѣ легко это матушкѣ?

— Что-жъ ей очень-то печалиться? — успокоившись нѣсколько насчетъ Фленушки, молвилъ Петръ Степанычъ. «Видно, мать Таисѣя ради краснаго словца пустяковъ наплела», — подумалъ онъ и продолжалъ свои рѣчи, обращаясь къ Ирапдѣ: — Марья Гавриловна была не изъ обительскихъ, не подъ матушкинымъ началомъ жила, Прасковьи Патаповны свадьбу отецъ устроилъ...

— Такъ-то оно такъ, благодѣтель, а все же не легко перенести это матушкѣ, — сказала на то Ирапда. — Хоша бы насчетъ племянники, — конечно, не жила она въ обители, погостить лишь на краткое время пріѣхала, и выкрали ее не изъ кельи, а на гулянкѣ, опять же и всю эту самокрутку самъ родитель для дурацкой, прости Господи, потѣхи своей состряпалъ... Да на Москвѣ-то не такъ посудили. Оскорбляются... «Мы, пишутъ, посла къ вамъ по духовному дѣлу послали, а вы его оженили, да еще у церковнаго попа повѣнчали!» Такую остуду отъ первѣйшихъ благодѣтелей принять большой расчетъ, особливо при надлежащей нуждѣ. Отъ того отъ самаго матушка Манеѳа и къ Макарью не поѣхала. «Глаза, говоритъ, стыдно показать передъ московскими»... Марья Гавриловна замужъ ушла — матушкѣ убытокъ, да какой еще убытокъ-отъ. Пришла вѣдь она къ ней на неисходное житіе. У насъ въ скиту такъ полагали, да и сама матушка Манеѳа такъ думала, что, когда скончалась бы Марья Гавриловна, все бы, что̀ послѣ нея ни осталось — пошло въ обитель. Она же и къ городъ съ матушкой обѣщалась переѣхать... Тутъ, благодѣтель, такой убытокъ, что сразу-то и не сосчитаешь... Да еще что̀ выходитъ теперь!.. Муженекъ-отъ ея присылалъ сюда, чтобы домикъ-отъ Марьи Гавриловны на своэъ продать, али чтобъ матушка Манеѳа деньги за него уплатила... Вотъ какого гуся подхватила себѣ наша вдовушка... Ни стыда нѣтъ въ глазахъ ни совѣсти... Да не что̀ взялъ — никакихъ бумагъ на то, что домикъ Марьи Гавриловнинъ, нѣтъ... Повѣренный-отъ его, несолоно хлебавши, по добру по здорову и отъѣхалъ. Судомъ безпутный грозитъ... Пожалуй, еще бы матушкѣ хлопотъ не нажить...

— А Фленушка что̀? — немножко помолчавъ и зорко глядя

на Ираиду, спросилъ Петръ Степанычъ. — Матушка Таисѣя такія мнѣ страсти про нее разсказала, что не знаю, какъ и вѣрить. Постричься, слышь, хотѣла, потомъ руки на себя наложить вздумала.

— Это точно, что на постригъ совсѣмъ-было она согласилась. Матушка-то Манеѳа давно вѣдь склоняетъ ее надѣть иночество, — сказала мать Ираида. — Ну, согласилась-было, а тамъ черезъ сколько-то дней опять: «не хочу, да не хочу»... Ну и пошумѣла, опечалила матушку... Дѣвица вѣдь не разумная! — примолвила Ираида. — Вѣдь ежели она приметъ иночество, матушка-то Манеѳа при своемъ животѣ благословитъ ее на игуменство, и никто изъ обительскихъ слова противъ того не молвитъ. А пошлетъ Господь по душу матушки, а Фленушка въ бѣлицахъ будетъ — ну, тогда и отошли ея красные дни. Кого-бъ ни изобрали тогда въ игуменьи, никто ужъ такой воли, какъ теперь, ей не дастъ. Всего натерпится, со всякимъ горемъ спознается. Пока матушка Манеѳа жива, ей во всемъ воля, а преставится матушка, изъ чужихъ рукъ придется глядѣть. Матушка Манеѳа старица мудрая, все это хорошо понимаетъ, оттого и желательно ей поскорѣе Фленушку присовокупить къ ангельскому чину. А она ровно бѣшеная, пользы своей не познаётъ — только и словъ, что «не хочу, да не хочу».

— А руки-то какъ же хотѣла на себя поднять? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Чудила! — добродушно улыбаясь, молвила мать Ираида. — Она вѣдь изо всего скиту у насъ самая затѣйная, самая потѣшная... Ножикъ схватила: «зарѣжусь, — кричитъ: — а иночества *) не вздѣну». Ну, и пошумѣла въ келарнѣ, а не то, чтобы вправду думала руки на себя наложить. Наши дѣвицы были при томъ, онѣ сказывали. А мать Виринея, знаете ее, испужалась да къ матушкѣ Манеѳѣ побѣгла... и надѣлала пуще шуму еще... Тѣмъ все и покончилось. Раздосадовали оченно тогда Флену-то Васильевну, оттого такъ и расходилась. А передъ тѣмъ, надо полагать, зубки пополоскала, подъ турахомъ **) маленько была.

Схватившись за локотникъ кресла, Самоквасовъ тихо промолвилъ:

— Неужто вправду?

— Правда, благодѣтель, истинная правда. Что́ же мнѣ хва-

---

*) Здѣсь подъ словомъ «иночество» разумѣется коротенькая манатейка, въ родѣ пелеринки, носимая старообрядскими иноками и инокинями.

**) *Турахъ* — состояніе немного пьянаго; *подъ турахомъ* то же, что *навеселѣ* — быть пьяну слегка.

стать?.. Изъ-за чего?.. Не сама она творила да пустячныя слова говорила — бальзамчикъ говорилъ... — равнодушно промолвила мать Ираида.

— Неужто вправду? — еще тише повторилъ Петръ Степанычъ.

— Что-жъ дѣлать, благодѣтель? Скука, тоска, дѣла никакого нѣтъ, — молвила мать Ираида. — До кого ни доведись. Она же не то, чтобъ очень молоденькая — двадцать седьмой никакъ весной-то пошелъ...

Головой только покачалъ Петръ Степанычъ. «И я тому виной...—подумалъ онъ.—Ахъ, ты, Фленушка, Фленушка!» И лицо его потускнѣло.

— До кого, батюшка, ни доведись, до кого ни доведись, сударикъ ты мой!..—продолжала между тѣмъ мать Ираида.— Соблазнъ, искушеніе, а врагъ-отъ силенъ... Охъ!..—вздохнула мать казначея: — про себя какъ вспомянуть, что̀ со мной было передъ постригомъ-то!.. Вотъ ужъ теперь безъ году тридцать лѣтъ прошло, какъ вздѣла я иночество, а была тогда еще моложе Флены Васильевны — на двадцать второмъ годикѣ ангельскаго чина сподобилась я, многогрѣшная. Тетенька была у меня, въ здѣшней обители жила, старица была умная, разсудительная, всѣ ее почитали — уставщицей при моленной была. Родомъ мы, сударь, дальнія, изъ Москвы, гуслицкія. Родитель померъ, осталась я круглой сиротой, матушку-то взялъ Господь, какъ еще я махонькой была; братъ женатый по скорости послѣ батюшки тоже покончился, другой братецъ въ солдаты ушелъ. Опричь снохи да ея ребятишекъ, племянниковъ значитъ моихъ, на родинѣ у меня ни души не осталось изъ сродниковъ. Ну, извѣстно, каковы снохи живутъ — богоданны-то сестрицы — крапива жгучая. Нѣтъ ни нужды ни заботы ей, что золовка не ѣла — сохни, издохни, ей все ни почемъ... И бывала я, сударь, по цѣлымъ днямъ не пиваючи, не ѣдаючи. А мнѣ всего только семнадцатый годокъ о ту пору пошелъ. Была я передъ снохой какъ есть безотвѣтная... Въ то кручинное, горькое безвременье много я бѣдъ приняла, много слезъ пролила. Больше года со сношенькой маялась, дольше стерпѣть не могла, уѣхала къ тетенькѣ горе размыкать, да вотъ и осталась здѣсь... У тетеньки подъ крылышкомъ жизнь была мнѣ хороша, а все-таки хотѣлось грѣшницѣ вольной волюшки, не могла я міра забыть... Всего на умѣ тогда перебродило... А тетенька межъ тѣмъ захирѣла — годы брали свое: на восьмой десятокъ тогда она поступила. Стала слезно меня уговаривать, надѣла-бъ я на себя иночество, прочное бы мѣсто получила въ обители. Не то — вѣдь я гостья,

не обительская бѣлица, «убирайся, скажутъ матери, на всѣ на четыре стороны». Знала я это, и то знала, что негдѣ будетъ мнѣ головы преклонить. А міръ смущаетъ, вольной волюшки хочется... А тетенька все хуже да хуже, молитъ, проситъ меня ангельскій образъ принять... Игуменья, мать Ѳеонилла была тогда у насъ, тоже уговариваетъ меня. Бывало, поучаетъ-поучаетъ отъ святаго писанія, да иной разъ, какъ не слушаюсь, и пригрозитъ. Нечего было мнѣ дѣлать, хоть виляй, хоть ковыряй, а черной рясы не избудешь... Дала согласіе, девять недѣль только сроку попросила... Дали... И что я въ тѣ девять недѣль перетерпѣла, что перенесла, разсказать тебѣ, благодѣтель, невозможно... Тоска со всего свѣта вольнаго!.. Господи, думаю, хоть бы за старика-калѣку богадѣленнаго выйти!.. Своимъ бы домкомъ-то пожить, свое бы хозяйство держать, ни изъ чьихъ рукъ бы не смотрѣть!.. Тоже въ колодцѣ хотѣла топиться, тоже проклятымъ винищемъ пытала тоску залить... Голоса даже слышались мнѣ: «пей, гласятъ, пей—пройдетъ тоска...» А тѣ голоса и та тоска и винное забытье—все отъ врага. Обидно вѣдь ему, супротивному, ежели человѣкъ, особливо въ молодыхъ годахъ — ангельскій чинъ воспріемлетъ... Всячески дѣйствуетъ онъ окаянный тогда. Такъ и Флены Васильевны дѣло — идетъ она, голубушка, къ тихому невласмому*) пристанищу, ну врагъ-отъ ее и смущаетъ... Пострижется, легче будетъ, — знаю по себѣ, — онъ вѣдь не дремлетъ,—а все-таки невпримѣръ легче будетъ ей голубушкѣ... Охъ, ужъ этотъ врагъ рода человѣческаго!.. Денно и нощно стрѣляетъ онъ демонскимъ своимъ стрѣляніемъ, денно и нощно смущаетъ насъ, многогрѣшныхъ!.. Особливо насъ, ангельскій чинъ воспріимшихъ!.. Къ мірскому-то человѣку по одному вѣдь только бѣсу сатана приставляетъ, а къ пріявшему ангельскій образъ по десяти. Такъ и въ писаніи святыхъ отецъ говорится... Охъ, жизнь наша, жизнь!.. Думаешь, легко житіе-то наше иноческое?.. Охъ, какъ тяжело оно, благодѣтель ты нашъ!.. Такъ тяжело, такъ тяжело, что тяжеле его и на свѣтѣ нѣтъ ничего!..

И половины рѣчей многоглаголивой Ираиды не слыхалъ Петръ Степанычъ. Теперь какъ день стало ему ясно, что Фленушка дошла до отчаянья въ виду неизбѣжной черной рясы.

«Хоть теперь она и не мірская дѣвица,—думаетъ онъ:—но, какъ любимица властной игуменьи, живетъ на всей своей волѣ, а надѣвши манатейку, ужъ нельзя ей будетъ попрежнему скакать, пѣсни пѣть да проказничать... Тогда, хочешь

*) Отъ стараго глагола *влаяться* — колебаться.

не хочешь — смиренницей будь... А это ей хуже всего!.. Какъ переломить себя, какъ на другую стать себя передѣлать?.. Нѣтъ, надо, во что бы ни стало, надо вырвать ее изъ обители, пока совсѣмъ она не погибла... Пойду уговаривать!.. Въ Казань увезу, женюсь!.. Пой, веселись тогда, Фленушка!.. То-то будетъ житье, то-то будетъ счастье!..»

Такъ раздумываетъ самъ съ собой, идучи изъ обители Бояркиныхъ, Петръ Степанычъ... Старая любовь долго помнится, крѣпче новой на сердцѣ она держится: поблѣднѣлъ въ его памяти кроткій, миловидный образъ Дуни Смолокуровой, а Фленушки, бойкой, пылкой, веселой Фленушки съ мыслей согнать нельзя... Вспоминаются ночныя бесѣды въ перелѣскѣ, вспоминаются горячіе ея поцѣлуи, вспоминаются жаркія ея объятья!.. «Охъ, было, было времечко!..»—думаетъ онъ.

«Какими бы рѣчами уговорить упрямую, несговорчивую, чтобы бѣжала со мной сегодня же и не куколемъ, а брачнымъ вѣнцомъ покрыла побѣдную свою голову?.. Упряма — и въ маломъ и въ большомъ любитъ она на своемъ поставить!..»

Такъ думаетъ, стоя передъ заднимъ крыльцомъ Манефиной кельи, Петръ Степанычъ. А сердце такъ и замираетъ, такъ и трепещетъ...

Глава пятая.

Въ то самое время, когда утомленный путемъ Самоквасовъ отдыхалъ въ свѣтелкѣ Ермилы Матвѣича, Фленушка у Манефы въ кельѣ сидѣла. Печально поникши головой и облокотясь на столъ, недвижна была она: на рѣсницахъ слезы, лицо блѣднехонько, порывистые вздохи трепетно поднимаютъ высокую грудь. Сложивъ руки на колѣняхъ и склонясь немного станомъ, Манефа нѣжно, но строго смотрѣла на нее.

— Ради тебя, ради твоей же пользы прошу и молю я тебя, — говорила игуменья. — Помнишь ли тогда на Тихвинскую, какъ воротились вы съ богомолья изъ Китежа, о томъ же я съ тобой бесѣдовала? Что̀ ты сказала въ ту пору? Помнишь?..

— Помню, матушка, — чуть слышно промолвила Фленушка.

— Сказала ты мнѣ: «дай сроку два мѣсяца хорошенько одуматься». Помнишь?

— Помню, — прошептала Фленушка.

— Исполнились тѣ мѣсяцы, — немного помолчавъ, продолжала Манефа. — Что̀ теперь скажешь?

Молчитъ Фленушка.

— Въ эти два мѣсяца сколько разъ соглашалась ты прiять ангельскiй чинъ? — продолжала Манееа. — Шесть разъ рѣшалась, шесть разъ отдумывала... Такъ али нѣтъ?

— Такъ, — едва могла промолвить Фленушка, подавляя душившiя ее слезы.

— Рѣшись, Фленушка, поспѣши, — ласково продолжала свои рѣчи Манееа. — Не видишь развѣ, каково мое здоровье?.. Помру, куда пойдешь, гдѣ голову преклонишь? А тогда бы властной хозяйкой надо всѣмъ была, и никто бы изъ твоей воли не вышелъ.

— Охъ, матушка, матушка! Чтò мнѣ воля? На что мнѣ власть? — вскликнула Фленушка. — Чтò за жизнь безъ тебя? Нищей ли я стану, игуменьей ли, не все-ль мнѣ одно? Безъ тебя мнѣ и жизнь не въ жизнь... Помрешь, и я не замедлю.

Такъ отчаяннымъ, надорваннымъ голосомъ говорила, горько плача, Фленушка.

— Единъ Богъ властенъ въ животѣ и смерти, — молвила на то Манееа. — Безъ Его воли власъ съ головы не падаетъ... Премудро сокрылъ Онъ день и часъ кончины нашей. Какъ же ты говоришь, что слѣдомъ за мной стойдешь? Опричь Бога о томъ никто не вѣдаетъ.

— Не снести мнѣ такого горя, матушка! — тихо промолвила Фленушка.

— Хорошо... — сказала Манееа. — Такъ не все-ли-жъ тебѣ равно будетъ, что въ бѣлицахъ, что въ черницахъ дожидаться моего скончанiя?.. Примешь постригъ, и тогда тебѣ будетъ такая же жизнь, какъ теперь... Одежда только будетъ иная.. Чтò бы съ тобой ни случилось, все покрою любовью, все, все... Не знаешь вѣдь ты, сколь дорогà ты мнѣ, Фленушка!.. А если бы еще при моей жизни-то, подъ моей-то рукой начала бы править обителью!.. Все бы стало твоимъ... Нешто въ мiръ захотѣла? — прибавила, помолчавъ немного, Манееа, зоркимъ, проницательнымъ взоромъ поглядѣвши на Фленушку.

Та, закрывъ лицо руками, не дала отвѣта

Мало повременивъ, опять къ ней съ вопросомъ Манееа:

— Можетъ, страсти обуреваютъ душу? Мiръ смущаетъ?

Попрежнему молчитъ Фленушка, а дыханье ея съ каждой минутой становится порывистѣй.

— Можетъ, врагъ смутилъ сердце твое? Полюбила кого? — понизивъ голосъ, спросила Манееа.

Молчитъ Фленушка. Но вскорѣ прервала молчанье глухими рыданьями.

— Что-жъ? — покачавъ печально головою, сказала Манееа. — Не разъ я тебѣ говорила втайнѣ — воли съ тебя не

снимаю... Втайнѣ!... Нѣтъ, не то я хотѣла сказать — изъ любви къ тебѣ, какой и понять ты не можешь, — буду, пожалуй, и на разлуку согласна... Иди... Но тогда ужъ намъ съ тобой въ здѣшнемъ мірѣ не видѣться...

— Матушка, матушка! — вскликнула Фленушка и кинулась къ ногамъ ея.

— Встань, моя ластушка, встань, родная моя, — нѣжнымъ голосомъ стала говорить ей Манеѳа. — Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ хорошенько... — прибавила она, усаживая Фленушку и обнявъ рукой ея шею. — Такъ что̀ же? Говорю тебѣ: — дай отвѣтъ... Скажу и теперь, что̀ прежде не разъ говаривала: на зазорную жизнь нѣтъ моего благословенья, а выйдешь замужъ по закону, то хоть я тебя и не увижу, но любовь моя навсегда пребудетъ съ тобой. Воли твоей я не связываю.

— Какъ же мнѣ покинуть тебя, матушка, при тяжкихъ твоихъ болѣзняхъ? Какъ мнѣ съ тобой разлучиться?.. — съ плачемъ говорила Фленушка, склоня голову на грудь Манеѳы. — Хоша бы и полюбила я кого, какъ же я могу покинуть тебя? Нѣтъ, матушка, нѣтъ!.. Царство сули мнѣ, горы золотыя, не покину я тебя, пока жизнь во мнѣ держится.

— Ахъ, ты, Фленушка, Фленушка! — взволнованнымъ голосомъ сказала Манеѳа. — Вижу, что̀ у тебя на душѣ теперь... Двѣ любви въ ней борются... Знаю, какъ это тяжело, охъ, какъ тяжело!.. Бѣдная ты моя!.. Бѣдная!

И не стерпѣла всегда сдержанная въ своихъ порывахъ Манеѳа... Крѣпко прижала она къ сердцу Фленушку и сама зарыдала надъ ней.

— Скажи ты мнѣ, — шептала она. — Скажи, не утай.

Молчитъ Фленушка.

— Скажи, Богомъ тебя прошу... Полюбила кого?.. — продолжала Манеѳа.

— Да что-жъ это такое, матушка!? Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? — совсѣмъ упавшимъ голосомъ промолвила Фленушка. — Игуменское ли то дѣло?..

Ровно въ сердце кольнуло то слово Манеѳу. Поблѣднѣла она, и глаза у ней засверкали. Быстро поднялась она съ мѣста и, закинувъ руки за спину, крупными, твердыми шагами стала ходить взадъ и впередъ по кельѣ. Душевная борьба видѣлась въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ ея движеньи.

Вдругъ остановилась она передъ Фленушкой.

— Призовешь ли ты мнѣ Бога во свидѣтели, что до самой своей кончины никогда никому не откроешь того, что̀ я скажу тебѣ... По евангельской заповѣди еже есть: ей-ей и ни-ни?..

Изумилась Фленушка. Никогда не видала она такою Манеөу... И слѣда нѣтъ той величавости, что̀ при всякихъ житейскихъ невзгодахъ ни на минуту ея не покидала... Движенья порывисты, голосъ дрожитъ, глаза слезами наполнены, а протянутыя къ Фленушкѣ руки трясутся, какъ осиновый листъ.

— Призовешь ли передо мною имя Господа? — чуть слышно она проговорила.

— Призываю Господне имя! Ей-ей, никому не повѣдаю твоей тайны, — сказала Фленушка, съ изумленьемъ смотря на Манеөу.

— Слушай же! — въ сильномъ волненьи стала игуменья съ трудомъ говорить. — «Игуменское ли то дѣло?» — сказала ты... Да, точно не игуменьино дѣло съ бѣлицей такъ говорить... Ты правду молвила, но... слушай, а ты слушай!.. Хотѣла-было я, чтобы нашу тайну узнала ты послѣ моей смерти. Не чаяла, чтобы такимъ словомъ ты меня попрекнула...

— Матушка! Что̀ ты? Сказала я неразумное слово безъ умысла, безъ хитрости, не думала огорчить тебя... Прости меня, ежели... — начала-было Фленушка, но Манеөа прервала ее:

— Не перебивай, слушай, что̀ я говорю, — сказала она. — Вотъ икона Владычицы Корсунской Пресвятой Богородицы...— продолжала она, показывая на божницу. — Не разъ я тебѣ и другимъ говаривала, что устроила сію святую икону тебѣ на благословенье. И хотѣла-было я благословить тебя тою иконой на смертномъ моемъ одрѣ... Но не такъ, видно, угодно Господу. Возьми теперь же... Сама возьми... Не коснусь я теперь... Въ затылкѣ тайничокъ. Возьми же Царицу Небесную, узнаешь тогда: «игуменьино ли то дѣло?»

И спѣшнымъ шагомъ пошла вонъ изъ кельи.

Недвижима стоитъ Фленушка. Изумили ее Манеөины рѣчи, не знаетъ, что̀ и думать о нихъ. Голова кружится, въ очахъ померкло, тяжело опустилась она на скамейку.

Двѣ либо три минуты прошло, и она немножко оправилась... Тихими стопами подошла къ божницѣ, положила семипоклонный началъ, приложилась къ иконѣ Корсунской Богородицы и дрожащими руками взяла ее.

Открыла тайничокъ — тамъ бумажка, та самая, что̀ писала Манеөа тогда, какъ Фленушка, избавясь отъ огненной смерти въ Поломскомъ лѣсу, воротилась жива и невредима съ богомолья изъ невидимаго града Китежа.

Положивъ на столъ икону, трепещущими руками Фленушка развернула бумажку.

Взглянула — вскрикнула. Въ ея кликѣ была и радость, былъ и ужасъ.

На бумажкѣ было написано:

«Вѣдай, Флена Васильевна, что ты мнѣ не токмо дщерь о Господѣ, но и по плоти родная дочь. Моли Бога о грѣшной твоей матери, да покроетъ Онъ, Пресвятый, Своимъ милосердіемъ прегрѣшенія ея вольныя и невольныя, явныя и тайныя. Родителя твоего имени не повѣдаю, нѣтъ тебѣ въ томъ никакой надобности. Сохрани тайну въ сердцѣ своемъ, никому никогда ее не повѣждь. Господомъ Богомъ въ томъ заклинаю тебя. А записку твою тѣмъ же часомъ, какъ прочитаешь, огню предай».

Какъ только поуспокоилась Фленушка отъ волненья, что̀ овладѣло ею по прочтеньи записки, подошла она къ божницѣ, сожгла надъ горѣвшею лампадой записку и поставила икону на прежнее мѣсто. Потомъ изъ кельи пошла. Въ сѣняхъ встрѣтилась ей Марья головщица.

— Не видала ли, куда прошла матушка?

— Въ часовню, — отвѣтила Марьюшка.

Бѣгомъ побѣжала туда Фленушка.

Отворила дверь. Въ часовнѣ Манефа одна... Ницъ распростерлась она передъ иконами... Тихо подошла къ ней Фленушка, стала за нею и сама склонилась до земли.

Когда обѣ воротились изъ часовни, Фленушка сѣла у ногъ матери, крѣпко обняла ея колѣна и, радостно глядя ей въ очи, все про себя разсказала. Повѣдала родной свое горе сердечное, свою кручину великую, свою любовь къ Петру Степанычу.

— Сначала я надъ нимъ тѣшилась да посмѣивалась, — говорила она: — шутила, рѣзвилась, баламутила. Любо мнѣ было дурачить его, на смѣхъ поднимать, надо всякимъ его словомъ подтрунивать... Зачнетъ онъ, бывало, мнѣ про любовь свою разсказывать, зачнетъ уговаривать, бѣжала бы я съ нимъ, повѣнчалась бы, а я будто согласье даю, а сама потомъ въ глаза ему насмѣюсь. Припечалится онъ, бѣдненькій, повѣситъ голову, слезы иной разъ изъ глазъ побѣгутъ, а мнѣ то и любо — смѣюсь надъ нимъ, издѣваюсь... Вечера да ночки темныя въ перелѣскѣ мы съ нимъ просиживали, тайныя, любовныя рѣчи говаривали, крѣпко обнимались, сладко цѣловались, но воли надъ собой ему не давала я... Въ чистотѣ соблюла я себя, матушка... Какъ передъ Богомъ тебѣ говорю...

Замолкла на минуту и потомъ, прижавъ голову къ колѣнамъ матери, тихо продолжала сердечную исповѣдь:

— Третье лѣто такъ прошло у насъ, каждое лѣто пуще и пуще онъ ко мнѣ приставалъ, бѣжала бы я съ нимъ и уходомъ повѣнчалася, а я каждый разъ злѣе да злѣе насмѣхалась надъ нимъ. Только въ нынѣшнемъ году, вотъ какъ въ Петровки онъ былъ здѣсь у насъ, стало мнѣ его жалко... Стала я тогда думать: видно, вправду онъ сильно меня полюбилъ... Больно, больно стала жалѣть его — и тутъ-то познала я, что сама-то люблю его паче всего на свѣтѣ.

И зарыдала, прижавшись къ Манеѳѣ.

Ласкаетъ, нѣжитъ Манеѳа дочку свою, гладитъ ее по волосикамъ, цѣлуетъ въ головку, а у самой слезы ручьемъ.

— И раздумалась тутъ я, матушка, — всхлипывая, продолжаетъ Фленушка. — Уѣхать, выйти за него замужъ, въ богатомъ домѣ быть полной хозяйкой, жить съ нимъ неразлучно!.. Раемъ казалась такая мнѣ жизнь!.. Но какъ только, бывало, вспомню я про тебя — сердце такъ и захолонетъ, и тогда нападетъ на меня тоска лютая... Жаль было мнѣ тебя, матушка, не смогла я на побѣгъ согласья дать, видно, чуяло сердце, что ты родная мнѣ матушка, а я тебѣ милое дѣтище!.. Переломила себя... Распрощались мы съ нимъ навѣки, и дорога ему сюда мною заказана. Не видаться мнѣ съ нимъ, не говаривать!

И, зарыдавъ, припала лицомъ къ ногамъ Манеѳы.

— Полно-ка, полно, моя доченька!.. Не надрывай сердечушка, родная моя!..—Такъ говорила Манеѳа, сама обливаясь слезами и поднимая Фленушку. — Успокой ты себя, касатушка, уйми свое горе, моя дѣвонька, сердечное ты мое дитятко!..

Встала Фленушка, отерла слезы и, выпрямившись станомъ, твердымъ, рѣзкимъ голосомъ сказала матери:

— Все я открыла тебѣ. Все тебѣ повѣдала... Во всемъ созналась... И больше никогда о томъ ни единаго слова ты отъ меня не услышишь... Теперь для меня все одно, что померъ онъ... Вотъ еще что̀ скажу... Нудила ты меня, много разъ уговаривала принять иночество... Смущала тогда меня суета, съ ума онъ у меня не сходилъ, хоть мы и разстались навѣки... Отказалась я отъ него ради тебя, матушка, жаль мнѣ было разстаться съ тобой... А теперь, когда знаю, что я твое рожденье, когда знаю, какова у тебя власть надо мною, вотъ тебѣ, родная, рѣчи мои: положимъ началъ передъ иконами, благослови меня принять постриженіе.

Крѣпко обняла Манеѳа Фленушку и, ни слова не молвивъ въ отвѣтъ, стала съ нею на молитву. Сотворивъ началъ, положила игуменья обѣ руки на Фленушкину голову и сказала:

— Добръ изволъ твой о Господѣ! Благослови тебя Господь и Пресвятая Богородица на житіе иноческое, а мое грѣшное благословеніе навсегда да пребудетъ съ тобою. Поди теперь, успокойся!..

Поклонилась Фленушка въ ноги Манеѳѣ, испросила у ней прощенія и благословенія.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ! — сказала игуменья, и Фленушка медленно пошла вонъ изъ кельи.

Воротясь въ свою комнату, остановилась она по середкѣ ея. Ровно застыла вся, ровно окаменѣла. Унылый, неподвижный взоръ обращенъ въ окно, руки опущены, лицо блѣдно, какъ полотно, поблекшія губы чуть замѣтно вздрагиваютъ.

«Клонитъ вѣтеръ деревья,—думаетъ она, глядя на рощицу, что̀ росла за часовней.—Летятъ съ нихъ красные и желтые поблекшіе листья. Такова и моя жизнь, такова и участь моя безталанная... Пришлось куколемъ голову крыть, довелось надѣвать рясу черную!.. Иначе нельзя!.. Родная мать велитъ— надо покориться!.. А онъ-то, мой милый, желанный!.. Чуетъ ли твое сердце, Петенька, что̀ со мной теперь дѣется?.. Гдѣ ужъ тутъ?.. И думать, чать, забылъ... Хоть бы разокъ еще на него взглянуть!.. Да гдѣ ужъ тутъ!.. Ты прости, прощай, мой сердечный другъ, ты прости, прощай, голубчикъ мой Петенька!.. Не видаться намъ съ тобой, не просиживать ночки темныя!.. Ахъ, ты, жизнь моя, жизнь горе-горькая, сокрушила ты побѣдную мою голову, изсушила ретивое сердце!.. Хоть бы размыкать чѣмъ кручину!»

Прошла въ спальню и тамъ, отворивши шкапчикъ, протянула руку къ бутылкѣ съ бальзамомъ.

Глава шестая.

Посидѣвши у Бояркиныхъ, побесѣдовавши съ Ираидой, направилъ Петръ Степанычъ свой путь въ Манеѳину обитель. Отворилъ дверь съ задняго крыльца, Марьюшка по сѣнямъ бѣжитъ. Удивилась, стала на мѣстѣ, какъ вкопаная.

— Какими судьбами?—черныя брови нахмуривъ и глазами сверкнувъ, спросила она у Петра Степаныча.

— Ну что̀? — вокругъ себя озираясь, шопотомъ спросилъ у нея Самоквасовъ.

— Насчетъ чего? Насчетъ Казанской-то, что ли? — тоже шопотомъ, тоже чуть слышно промолвила Марьюшка.

— Ну да. Знаетъ матушка?

— Не знаетъ, не вѣдаетъ, — отвѣтила Марьюшка. — На Патапа Максимыча поворочено. Спервоначалу-то на моего

пострѣла у нихъ дума была, знаютъ, что сызмальства съ Васькой пріятелемъ былъ. Опять же видѣли его Бояркины, какъ онъ съ Васькой пѣшкомъ куда-то пошелъ. Потомъ говорила матушка, ровно бы его непутнаго въ городу видѣла— у Феклиста трактирщика подъ окномъ, слышь, сидѣлъ... А тутъ по скорости, какъ сталъ Патапъ Максимычъ свои басни плести, будто по его хотѣнью то дѣло состряпалось, про Сеньку и толковать перестали. Гдѣ онъ непутный?.. Чтò не привезъ съ собой?

— Со старыми хозяевами дѣла онъ кончаетъ, нельзя ему теперь отлучиться, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — А Фленушка чтò?

— Ничего, — спокойно промолвила Марьюшка. — Постригаться сбирается, и я, глядя на нее, — прибавила головщица.

— Тоскуетъ, слышь?

— Еще бы не тосковать!.. До кого ни доведись... При этакой-то жизни? Тутъ не то что встосковаться, сбѣситься можно, — сердито заворчала Марьюшка. — Хуже тюрьмы!.. Прежде, бывало, хоть на бесѣды сбѣгаешь, а теперь и туда слѣдъ запалъ... Перепуталъ всѣхъ этотъ Васька, московскій посланникъ, изъ-за какихъ-то тамъ шутовъ архіереевъ... Матери ссорятся, грызутся, другъ съ дружкой не видаются и намъ не велятъ. Удавиться такъ впору!..

— Фленушка и то, слышь, руки на себя... — началъ-было Петръ Степанычъ.

— Дурила,— перебила его головщица. — Хлебнула маленько, ну и пошумѣла.

— Неужто въ самомъ дѣлѣ пить зачала? — тоскливо спросилъ Петръ Степанычъ.

— А чтò же не пить-то?— на отвѣтъ ему Марьюшка.— Съ этакой-то тоски, съ этакой мỳки, какъ иной разъ не хлебнуть?.. Тебя посадить на наше мѣсто... И ты не стерпѣлъ бы... И тебѣ не подъ силу бы стало!

— Можно къ матушкѣ? — помолчавъ немножко, спросилъ Петръ Степанычъ.

— Спитъ, — отвѣчала Марьюшка. — Къ намъ покамѣстъ пойдемъ, краля-то твоя дома...

И, взявъ Самоквасова за руку, повела его по темнымъ переходамъ. Распахнувъ дверь во Фленушкины горницы, втолкнула туда его, а сама тихимъ, смиреннымъ шагомъ пошла въ сторону.

Фленушка сидѣла у стола, какое-то рукодѣлье лежало передъ ней, но она до него не дотрагивалась. Взглянулъ Петръ

Степанычъ и едва узналъ свою ненаглядную — похудѣла, поблѣднѣла, глаза до красноты наплаканы...

— Здравствуй, Фленушка! — радостно воскликнулъ онъ. Въ голосѣ его слышались и любовь, и тревога, и смущенье, и душевная скорбь.

Руками всплеснула Фленушка, стремительно вскочила со стула, но вдругъ, неподвижно ставъ середи комнаты, засверкала очами и гнѣвно вскрикнула:

— Ты зачѣмъ?.. Тебя кто звалъ?.. Смущать?.. Покоя не давать?.. Забылъ развѣ, что навѣкъ мы съ тобой распрощались?..

— Фленушка! — нѣжно молвилъ ей Петръ Степанычъ, тихо взявъ ее за руку.

Гнѣвно выдернула она руку.

— Зачѣмъ, я тебя спрашиваю, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда? — въ сильномъ раздраженьи она говорила. — Баловаться попрежнему?.. Куролесить?.. Не стану, не хочу... Будетъ съ тебя!.. Зачѣмъ же ты кажешь безстыжіе глаза свои мнѣ?

— Истомился по тебѣ я, Фленушка, — со слезами въ голосѣ заговорилъ Петръ Степанычъ. — А какъ услышалъ, что и ты зачала тосковать, да къ тому еще прихварывать, таково мнѣ кручинно стало, что не могъ я стерпѣть — наспѣхъ собрался, лишь бы глазкомъ взглянуть на тебя.

— Ну что же?.. Взглянулъ?.. Видѣлъ меня?.. — прищурясь и надменно улыбаясь, молвила Фленушка. — Ну, и будетъ съ тебя!.. Убирайся!..

— Да что-жъ это, Фленушка? Что съ тобою? — въ изумленьи спрашивалъ ее Петръ Степанычъ и протянулъ-было руки, чтобъ охватить стройный, гибкій станъ ея.

— Съ глазъ долой! — увернувшись и топнувъ ногой, вскрикнула Фленушка. — Прочь!.. Чтобы я никогда тебя не видала.

— Что ты, что ты, Фленушка? — началъ-было Самоквасовъ. Но ея ужъ не было. Стремительно кинулась она въ спальнюбоковушу. Не успѣлъ опомниться Петръ Степанычъ, какъ она и на ключъ заперлась. Разъ-другой толкнулся, отвѣта нѣтъ.

— Фленушка, Фленушка!.. Выдь на минуточку!.. Пусти меня! Но, какъ ни молилъ, какъ ни просилъ, дверь не отворилась. Маленько погодя Марьюшка вошла.

— Встала матушка, можно теперь къ ней, — сказала она.

— Что это съ Фленушкой-то? Убѣжала, заперлась, говорить не хочетъ со мной, — спрашивалъ у головщицы Петръ Степанычъ.

— Нешто не знаешь ея? — брюзгливымъ голосомъ она отвѣтила. — Чудитъ.

«Не выпила-ль?»—мелькнуло въ мысляхъ Самоквасова. Недовольный и сумрачный пошелъ онъ къ Мансуровѣ.

— Съ чего это она зачудила?—дорогой спросилъ головщицу.

— Какъ съ чего? — досадливо и насмѣшливо отвѣтила Марьюшка. — Да на такую жизнь ангелъ съ неба сойди, и тотъ, прости Господи, взбѣсится... Тоска!.. Слова не съ кѣмъ молвить, не съ кѣмъ ни о чемъ посовѣтоваться!.. Ни потужить ни порадоваться!.. Опять же нудятъ ее въ иночество... Каждый Божій день уговоры, да слезы, да ворчанья... Какъ тутъ съ ума не сойти?.. Посадить бы тебя на ея мѣсто, петлю бы на шею накинулъ. Не тебѣ бы, Петръ Степанычъ, попреки ей дѣлать!.. Да... Кто на такую печаль да на горе навелъ ее?.. Кто напустилъ на нее такую кручину? Подумай-ка хорошенько, на чьей душѣ лежитъ ея горькая жизнь?..

— Нешто на моей?—сказалъ Самоквасовъ, останавливаясь передъ кельей игуменьи.

— А то на чьей же? На куричьей, что ли? — вскинувъ кверху голову, задорно промолвила Марьюшка, указывая на насѣдку, что̀ съ дюжиной цыплятъ забрела въ сѣни игуменьиной кельи. — Шишь, Боговы! — тотчасъ же накинулась она на куричье племя, то въ ладоши похлопывая, то съ шумомъ въ ширь передникъ распуская.

— Разскажи ты мнѣ, Марьюшка, все, что̀ знаешь ты, до тонкости... Улучи минуточку, сдѣлай дружбу — приходи куда-нибудь потолковать со мной... Хоть на самое короткое время!..— Такъ молилъ головщицу взволнованный рѣчами ея Петръ Степанычъ.

— Ишь что̀ вздумалъ!.. — съ досадой отвѣтила Марьюшка.— Теперь не прежняя пора: разомъ подстерегутъ... Началить-то не тебя станутъ!..

И взялась-было за скобку игуменьиной двери.

— Ступай къ матушкѣ, дожидается, — молвила она Самоквасову.

— Постой! — удерживая ея руку, сказалъ онъ. — Шерстяной сарафанъ, батистовы рукава, шелковый алый платокъ на голову хочешь?

— Ну тебя съ платками-то! — огрызнулась Марьюшка.

— Чрезъ недѣлю пришлю, а хочешь деньгами — сейчасъ же получай, — продолжалъ онъ.

— А много ли деньгами то? — опустивъ глаза, тихо промолвила Марьюшка.

— Двадцать рублевъ.

— Маловато, парень. Накинь еще красненькую, — сказала Марьюшка, бойко взглянувъ въ глаза Самоквасову.

— Ладно, — сказалъ Петръ Степанычъ и, вынувъ деньги, подалъ ихъ Марьюшкѣ.

Поспѣшно спрятала она подарокъ подъ передникомъ.

— Теперь баловать съ тобой мнѣ некогда, да и нельзя. Неравно матушка выйдетъ, — сказала головщица. — Ты гдѣ присталъ? У Бояркиныхъ, что ли?

— У иконника, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Ну, парень, туда мнѣ ходу нѣтъ,— молвила Марьюшка.— Вотъ что̀: зачнетъ темнѣть, приходи въ перелѣсокъ... Туда, гдѣ въ прежни года со своей принцессой соловьевъ слушалъ... Ждать тебя буду и все разскажу. А теперь ступай поскорѣе къ матушкѣ.

И растворила дверь въ ея келью.

Во всей обрядной одеждѣ, величаво и сумрачно встрѣтила Манеѳа Самоквасова. Только-что положилъ онъ передъ иконами семипоклонный началъ и затѣмъ испросилъ у нея прощенія и благословенія, она, не поднимаясь съ мѣста, молча пытливо на него поглядѣла.

— Какъ ваше здравіе и спасеніе, матушка? — спросилъ Петръ Степанычъ, присѣвъ по указанью Манеѳы на скамейку, крытую цвѣтнымъ суконнымъ полавочникомъ.

— Здоровье плохо, а о спасеніи единъ Господь вѣдаетъ,— слегка поникая головой и медленно опуская креповую наметку, молвила Манеѳа.

И настало затѣмъ молчанье. Только маятникъ стѣнныхъ часовъ въ тиши мѣрно постукиваетъ.

— Изъ Казани, что ли, Богъ принесъ?— спросила наконецъ Манеѳа.

— Нѣтъ, матушка. Въ Казани я съ весны не бывалъ, съ весны не видалъ дома родительскаго... Да и что̀ смотрѣть-то на него послѣ дѣдушки?.. Сами изволите знать, каковы у насъ съ дядей дѣла пошли, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Въ Петербургъ да въ Москву ѣздилъ, а послѣ того безъ малаго мѣсяцъ у Макарья жить довелось.

— Слышала, что у Макарья давненько живешь, — молвила Манеѳа. — Въ Петербургѣ-то бывши, не слыхалъ ли чего полезнаго про наши обстоятельства?

— Ничего полезнаго не слыхалъ я, матушка. Новаго нѣтъ ничего. Одно только сказываютъ, не въ дальнемъ, дескать, времени безотмѣнно выйдетъ полное рѣшенье скитамъ,— сказалъ Петръ Степанычъ.

— Знаемъ, — спокойно отвѣтила Манеѳа. — Знаемъ и то, что конечнаго рѣшенья покамѣстъ не будетъ. За то впереди благополучія не предвидится. Изъ нашихъ кого не видалъ ли въ Питерѣ?

— Съ Дрябиными видѣлся, у Громова у Василья Ѳедулыча разъ-другой побывалъ,—отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Что̀ они? — спросила Манеѳа.

— Слава Богу, здоровы, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Рада слышать, что здоровы, — молвила Манеѳа. — Разговоровъ объ нашихъ трудныхъ обстоятельствахъ у тебя съ ними не было ли?

— Съ Дрябиными раза два говаривалъ, очень жалѣютъ, и, по ихнимъ словамъ, невозможно бѣды отвести. Милостыней обѣщались не покинуть васъ, матушка... — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Спаси ихъ Христосъ, а что̀ Громовы?

— Не удосужился поговорить со мной Василій Ѳедулычъ... Не время ему было.

— Что̀ же такъ?

— Гости на ту пору у него случились, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Съѣздъ большой былъ: министры, сенаторы, генералы. Въ карты съ ними игралъ, невозможно ему было со мной говорить.

— Гм! Спасительное дѣло въ картахъ себѣ поставляетъ!.. — съ презрительной улыбкой, досадливо промолвила Манеѳа. — А дѣдовскій завѣтъ не его дѣло помнить!.. Дураки, дескать, были у насъ старики-то, мы люди умные, ученые! Дѣдушка-то Василья Ѳедулыча гуслицкимъ мужикомъ вѣдь былъ, капиталы подъ Москвой скопилъ немалые и завѣщалъ своимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ всячески и безотложно на вѣчныя времена помогать нашимъ Кѐрженскимъ обителямъ. Не по дѣдушкѣ Василій Ѳедулычъ пошелъ, иного сталъ духу, изсякло въ немъ древлее благочестіе!.. Уты, утолстѣ, ушпрѣ, забы Бога и честныя обители, во славу Его соgrажденныя.

И, какъ будто непосильнымъ трудомъ истомленная, низко наклонила она голову.

— Нельзя было ему, матушка, никакъ невозможно заняться со мной, — вступился-было Петръ Степанычъ за Громова послѣ короткаго молчанья.

— Знаю, что некогда, — быстро поднявъ голову и сверкая гнѣвными очами, воскликнула Манеѳа. — Знаю, что бѣса надо было ему картами тѣшить, — въ порывѣ горячей запальчивости говорила она. — Въ евангельскія времена Іуда за серебренники Христа продалъ; петербургскіе благодѣтели наши радехоньки въ карты Его проиграть, только бы потѣшиться съ министрами да съ игемонами, сирѣчь съ проконсулами да съ Каіаѳами... Что̀ имъ Богъ? Въ чести бы да въ славѣ пожить, а Богъ и душа — наплевать имъ!.. Не постави имъ, Господи,

во грѣхъ, — помолчавъ и немного успокоившись, тихимъ голосомъ прибавила разгнѣванная игуменья. — Покрой, Господи, великимъ Своимъ милосердіемъ ихъ прегрѣшенія... Сохрани ихъ, Господи, въ вѣрѣ Своей праведной, святоотеческой!..

И набожно возвела очи на иконы.

— Василій Ѳедулычъ въ древлемъ благочестіи твердъ, матушка. И самъ и домашніе... За вѣрное могу вамъ доложить! — сказалъ Самоквасовъ.

— Злобинъ еще тверже былъ, — тихо склоняя голову и оправляя креповую наметку, отвѣтила Манеѳа. — Имъ однимъ держался Иргизъ... Какую часовню-то въ Вольскѣ поставилъ онъ!.. Какъ разукрасилъ ее!.. Внесъ плащаницу дней царя Константина и матери его Елены *). Ни богатству его счету, ни щедротамъ его не было смѣты... А какъ сдружился онъ со знатными людьми, съ министрами да съ сенаторами— погрязъ во грѣховныхъ суетахъ — исчезъ. И все прахомъ пошло, и съ шумомъ погибла память Злобина... Приказчикъ былъ у него, Сапожниковымъ прозывался, отца его за пугачевскій бунтъ въ Малыковкѣ **) повѣсили. Разжился и онъ вкругъ Злобина. Правдами и неправдами таково туго набилъ мошну, что подобныхъ ему богачей нѣтъ и не бывало. Велико и громко повсюду было имя его, а достаткамъ счету не было... А когда и его отуманила мірская слава, когда и онъ охладѣлъ къ святоотеческой вѣрѣ и поступилъ на неправду въ торговыхъ дѣлахъ, тогда хоть и съ самыми великими людьми міра сего водился, но имя его исчезло яко дымъ, и богатства его, какъ песокъ, бурей вздымаемый, разсѣялись... Такъ за льщенія суетныхъ Господь полагаетъ имъ злая!.. Такъ Онъ, всесильный — низлагаетъ человѣка, егда возгордится!.. Исче-

*) Въ поповщинской часовнѣ, построенной въ Вольскѣ Злобинымъ (теперь единовѣрческая церковь), есть старинная плащаница, купленная въ прошломъ столѣтіи въ Кіевѣ женой Злобина, большой ревнительницей раскола. На той плащаницѣ (XVI вѣка) есть греческая надпись, ямбическими стихами, не вполнѣ сохранившаяся. Старообрядцы говорятъ, будто она устроена святымъ Митрофаномъ, первымъ Цареградскимъ патріархомъ, современникомъ Константину Великому. Но при внимательномъ разсмотрѣніи поврежденной и наклеенной на новый бархатъ надписи оказывается, что слова πατριᾶρχος нѣтъ, вмѣсто него стоитъ γηρᾶρχος (начальникъ старцевъ, игуменъ какого-либо греческаго монастыря). Во дни Константина, Елены и патріарха константинопольскаго Митрофана не было еще ни плащаницъ, ни службы въ Великую Субботу надъ плащаницей, ни такого шитья. Въ надписи вмѣсто Μιτροφάνες стоитъ только Μιτροφα, слова νες нѣтъ и не было. Въ Византіи былъ одинъ патріархъ Митрофанъ, современникъ Константину, но почему-жъ плащаница не могла быть у патріарха александрійскаго или іерусалимскаго, носившаго имя Митрофана, въ XVI столѣтіи.

**) Слобода Малыковка, нынѣ уѣздный городъ Вольскъ.

зоша и погибоша за беззаконія!.. Всегда бываетъ такъ, любезный мой Петръ Степанычъ, ежели кто вѣру отцовъ на славу міра смѣняетъ... Вѣрь ты мнѣ, другъ, что ключъ къ богатству въ старой вѣрѣ, отступникамъ же отъ нея нищета и стыдѣніе... Твердо помни это, Петръ Степанычъ... Скоро станешь ты своимъ капиталомъ владать, скоро будешь на всей своей волѣ, большого надъ тобой не будетъ — не забывай же словъ моихъ... Забудешь — до тяжкихъ дней доживешь, бдитъ бо и не коснитъ Господь, ненавидяй беззаконія... Злобинымъ, Сапожниковымъ, Громовымъ не уподобься!.. Не ходи по широкой стезѣ, ими проложенной — во тьму кромѣшную она ведетъ... Тамъ въ вѣчной жизни геенна огненная, здѣсь на землѣ посмѣяніе твоей памяти — вотъ что̀ себѣ уготоваешь!.. Помни же слово мое.

— Матушка, да развѣ нѣтъ пользы древлему благочестію отъ того, что почетные наши люди съ сильными міра знаются?..— возразилъ Петръ Степанычъ: — сами же вы не разъ мнѣ говаривали, что христіанство ими ото многихъ бѣдъ охраняется...

— Господь пречистыми устами Своими повелѣлъ вѣрнымъ имѣть не токмо чистоту голубину, но и мудрость змѣину, — сказала на то Манеѳа. — Ну и пусть ихъ наши рекомые столпы правовѣрія носятъ мудрость змѣину — то на пользу христіанства... Да сами-то зміями-губителями зачѣмъ дѣлаются?.. Пребывали бы въ незлобіи и чистотѣ голубиной... Такъ нѣтъ!.. Вникни, другъ, въ слова мои, мудрость въ нихъ. Не моя мудрость, а Господня и отецъ святыхъ завѣщаніе. Ими заповѣданное слово говорю тебѣ. Не мнѣ вѣрь, святыхъ отцовъ послушай.

И низко опустила на лицо наметку.

Замолчалъ Самоквасовъ. Немного поврем[е]ня спросила у него Манеѳа:

— Какъ теперь съ дядюшкой-то, съ Тимоѳеемъ-то Гордеичемъ?

— По судамъ дѣло наше пошло, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Обнадеживаютъ, что скоро покончатъ. По осени надо будетъ свое получить.

— Дай тебѣ Господи! — молвила Манеѳа. — Будешь богатъ — не забудь сира, нища и убога, дѣлись со Христомъ своимъ богатствомъ... Неимущему подашь, самому Христу подашь. А паче всего въ суету не вдавайся, не поклонничай передъ игемонами да проконсулами.

— Я, матушка, завсегда радъ по силѣ помощь подать неимущему, — сказалъ Петръ Степанычъ. — И на святыя обители тоже... Извольте на раздачу принять.

И подалъ ей двѣ сотенныхъ.

— Это, матушка, отъ самого отъ меня, — примолвилъ онъ.— Досель изъ чужихъ рукъ глядѣлъ, жертвовалъ вамъ не свое, а дядино, теперь собственную мою жертву не отриньте.

— Спаси тебя Христосъ. Благодарна за усердіе, — сказала Манеѳа и, вставши съ лавки, положила передъ иконами семипоклонный началъ. — Чайку не покушаешь ли? — спросила она, кончивъ обрядъ. И, не дождавшись отвѣта, ударила въ стоявшую возлѣ нея кандію.

Келейная дѣвица вошла... То была Евдокеюшка, племянница добродушной Виринеи, что̀ прежде помогала теткѣ келарничать. Теперь въ игуменьиныхъ комнатахъ она прислуживала. Манеѳа велѣла ей самоваръ собрать и приготовить, что̀ слѣдуетъ къ чаю.

— Пали до насъ и о тебѣ, другъ мой, недобрыя вѣсти, будто и ты мірской славой сталъ соблазняться, — начала Манеѳа, только-что успѣла выйти келейница. — Потому-то я тебѣ по духовной любви и говорила такъ насчетъ Громова да Злобина. Мірская слава до добра не доводитъ, любезный мой Петръ Степанычъ. Вѣрь слову — добра желая, говорю.

— Чѣмъ же соблазняюсь я, матушка? Помилуйте!.. — съ удивленьемъ спросилъ Самоквасовъ.

— Говорятъ, сборы какіе-то тамъ были у Макарья на ярманкѣ. Сбирали, слышь, на какое-то никоніанское училище,— строго и властно говорила Манеѳа. — Дѣтскимъ пріютомъ, что ли, зовутъ. И кто, сказывали мнѣ, больше денегъ дастъ, тому больше и почестей мірскихъ. Медали, слышь, раздаютъ... А ты, другъ, и поревновалъ прелестной славѣ міра... Сказывали мнѣ... Много-ль пожертвовалъ на нечестіе?

— Сто цѣлковыхъ, — тихо, приниженнымъ голосомъ отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Сто цѣлковыхъ! Деньги порядочныя!—молвила Манеѳа.— И на другое на что можно-бъ было ихъ пожертвовать. На полезное душѣ, на доброе, благочестивое дѣло... А тебѣ медали захотѣлось

— Развѣ худое дѣло, матушка, на бѣдныхъ сиротъ подать? — возразилъ Петръ Степанычъ, пристально глядя на строгую игуменью.

Еще ниже спустила она на лицо наметку, еще ниже склонила голову и чуть слышнымъ голосомъ учительно проговорила:

— Въ писаніи, другъ, сказано: «Аще добро твориши, разумѣй кому твориши, и будетъ благодать благамъ твоимъ. Добро сотвори благочестиву и обрящеши воздаяніе аще не отъ

него, то отъ Вышняго. Даждь благочестиву и не заступай грѣшника, добро сотвори смиренному и не даждь нечестивому, возбрани хлѣбы твоя и не даждь ему» *). Понялъ?

— Сиротки вѣдь они, матушка, пить-ѣсть тоже хотятъ, однимъ подаяньемъ только и живутъ, — промолвилъ на то Петръ Степанычъ.

— Тò прежде всего помни, что они — никоніане, что отъ нихъ благодать отнята... Безблагодатны они, — рѣзко возвысила голосъ Манеѳа. — Развѣ ты ихняго стада? Свою крышу, другъ мой, чини, а сквозь чужую тебя не замочитъ. О своихъ потужи, своимъ помощь яви, и будетъ то угодно передъ Господомъ, пойдетъ твоей душѣ во спасенье. Оглянись-ка вокругъ себя, посмотри, сколь много сирыхъ и нищихъ изъ нашихъ древлеправославныхъ христіанъ... Есть кому подать, есть кому милость явить... Ну, будетъ началить тебя, довольно... Долго-ль у насъ прогостишь?

— Не знаю, какъ вамъ сказать, матушка, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Признаться, долго-то заживаться мнѣ некогда, въ Казань дѣла призываютъ.

— Лучше бы вамъ миролюбно какъ-нибудь съ дядей-то покончить, — думчиво промолвила Манеѳа. — Чтò хорошаго подъ иновѣрный судъ идти? Выбрать бы обоимъ кого-нибудь изъ нашихъ христіанъ и положиться бы во всемъ на его рѣшенье. Дѣло-то было бы гораздо праведнѣе.

— Самому мнѣ, матушка, такъ хотѣлось сдѣлать, да что-жъ я могу?.. — сказалъ Самоквасовъ. — Дядя никакихъ моихъ словъ не принимаетъ. Одно себѣ заладилъ: «не дамъ ни гроша», и не внимаетъ ничьимъ совѣтамъ, ничьихъ разговоровъ не слушаетъ...

— Самъ-отъ ты говорилъ съ нимъ? — помолчавши маленько, спросила Манеѳа.

— На глаза не пущаетъ меня, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Признаться, оттого больше и уѣхалъ я изъ Казани; въ тягость стало жить въ одномъ съ нимъ дому... А на квартиру съѣхать — роду нашему будетъ зазорно. Оттого странствую — въ Петербургѣ пожилъ, въ Москвѣ погостилъ, у Макарья, теперь вотъ ваши мѣста посѣтить вздумалъ.

— Злобность и вражда ближнихъ Господу противны, — учительно сказала Манеѳа. — Устами царя Давыда онъ вѣщаетъ: «се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ». Очень-то дядѣ не противься, «предъ лицомъ сѣдаго возстани и почти лицо старче»... Онъ вѣдь тебѣ кровный, дядя родной. Что-нибудь попусти, въ чемъ-нибудь уступи.

*) Сираха XII, 1 — 5.

— На все я былъ согласенъ, матушка, на все, — молвилъ на тѣ слова Самоквасовъ. — Все, что̀ могъ, уступалъ, чужіе дивились даже... А ему все хочется безъ рубашки меня со двора долой. Сами посудите, матушка, капиталъ-отъ вѣдь у насъ нераздѣльный: онъ одинъ братъ, отъ другого брата я одинъ... А онъ что̀ предлагаетъ?.. Изо всего имѣнья отдай ему половину, а другую дѣли поровну девяти его сыновьямъ да дочерямъ, десятому мнѣ... На что-жъ это похоже?.. Что̀ это за татарскій законъ?.. Двадцатую долю даетъ, да и тутъ, навѣрное можно сказать, обсчитаетъ. Шелъ я вотъ на какую мировую — бери себѣ половину, а другую дѣли пополамъ, одну часть мнѣ, другую его дѣтямъ. Такъ нѣтъ, не хочетъ... Все ему мало. Еще меня же неподобными словами обзываетъ. Каково же мнѣ терпѣть это?.. Хочется дядѣ ободрать меня ровно липочку.

— Мудреныя дѣла, мудреныя!.. — покачивая головой, проговорила Манеѳа и, выславши вошедшую-было Евдокею келейницу, стала сама угощать Самоквасова чаемъ, а передъ тѣмъ, какъ водится, водочкой, мадерцей и всякаго рода солеными и сладкими закусками.

— Патапъ Максимычъ какъ въ своемъ здоровьѣ? — спросилъ Самоквасовъ послѣ короткаго молчанья.

— Здоровъ, — сухо и нехотя отвѣтила Манеѳа.

Какъ ни старался Петръ Степанычъ свести рѣчь на семейство Чапурина, не удалось ему. Видимо уклонялась Манеѳа отъ непріятнаго разговора и все разспрашивала про свою казначею Таифу, видѣлъ ли онъ ее у Макарья, исправилась ли она дѣлами, не говорила-ль, когда домой собирается. Завелъ Петръ Степанычъ про Фленушку рѣчь, спросилъ у Манеѳы, отчего ея не видно и правду ли ему сказывали, будто здоровьемъ она стала не богата. Быстрымъ взоромъ окинула игуменья Петра Степаныча, сжала губы и, торопливо поправивъ наметку, медленно, тихо сказала:

— Въ своемъ мѣстѣ, надо думать, сидитъ, не то въ иную обитель ушла... На здоровье точно что стала почасту жаловаться... Да это минетъ.

И тотчасъ свела разговоръ на предстоящее переселенье въ городъ.

— Мѣста куплены, лѣсъ заготовленъ, стройка началась, подъ крышу вывели, скоро зачнутъ и тесомъ крыть, — говорила Манеѳа. — Думала осенью перебраться, да хлопоты задержали, дѣла. Богъ дастъ, видно, ужъ по веснѣ придется перевозиться, ежели Господь вѣку продлитъ. А тѣмъ временемъ и рѣшенье насчетъ нашихъ обстоятельствъ повѣрнѣе узнаемъ.

Немало время сидѣлъ Петръ Степанычъ у Манеѳы. Прежде, бывало, въ ея кельѣ то Фленушка съ Марьюшкой, то изъ матерей кто-нибудь сидитъ — теперь никого. Даже Евдокея келейница, поставивши на столъ самоваръ, хоть бы разъ потомъ заглянула. Никогда такъ прежде не важивалось.

На прощанье Манеѳа еще разъ поблагодарила Самоквасова за его приношенье, но въ гости не звала, какъ бывало прежде... Простилась сухо, холодно, тоже не попрежнему.

Зашелъ-было снова къ Фленушкѣ Петръ Степанычъ, но ея горницы были заперты, даже оконныя ставни закрыты.

Глава седьмая.

Седьмой часъ послѣ полудня насталъ, закатилось въ сизую тучу красное солнышко, разливалась по вскраю небесному заря алая, выплывалъ кверху свѣтелъ мѣсяцъ. Забѣлѣлись туманы надъ болотами, свѣжимъ холодкомъ повѣяло и въ Каменномъ Вражкѣ и въ укромномъ перелѣскѣ, когда пришелъ туда Петръ Степанычъ на свиданье съ Марьей головщицею... На урочномъ мѣстѣ еще никого не было. Кругомъ тишь. Лишь изрѣдка на вечернемъ перелетѣ протрещитъ въ кустахъ боровой куликъ *), лишь изрѣдка въ древесныхъ вѣтвяхъ проворчитъ ветютень **), лишь изрѣдка тамъ либо сямъ раздадутся отрывистые голоса лежанокъ, барашковъ, подкопытниковъ ***). Незамѣтно ни малѣйшаго признака, чтобы кто-нибудь изъ людей передъ тѣмъ приходилъ въ перелѣсокъ, трава нигдѣ не примята. Переждавъ нѣсколько времени, разъ-другой аукнулъ Самоквасовъ, но не было ни отзыва ни отклика. «Обманула Марьюшка! —ему подумалось. —Деньги въ рукахъ—больше ей не надо ничего!..»

О Фленушкѣ раздумался. «Отчего это она слова со мной не хотѣла сказать?.. Зачѣмъ заперлась, ставни даже закрыла? За какую провинность мою такъ осерчала?.. Кажется, я на все былъ готовъ — третье лѣто согласья добиваюсь, а она все со своей сухою любовью... Надоѣлъ, видно, ей, прискучилъ... Или обнесли меня чѣмъ-нибудь?.. По обителямъ это какъ разъ... На что на другое, а на сплетни да напраслину матери съ бѣлицами куда какъ досужи!..»

---

*) Иначе «слука» —*Scolopax rusticola*. У охотниковъ и поваровъ эта дичь извѣстна подъ названіемъ вальдшнепа.

**) *Columba palumbus*.

***) «Лежанка» —*Scolopax major*—охотники дупелемъ ее зовутъ: «барашекъ» — *Scolopax media* — по-охотничьи и по-поварски бекасъ. «Подкопытникъ», иначе «крошка», «стучикъ» — *Scolopax minor*, самая маленькая изъ породы *Scolopax* птичка, у охотниковъ зовется «гаршнепомъ».

Такъ, раскинувшись на сочной зеленой травѣ, размышлялъ самъ съ собою Петръ Степанычъ. Стали ему вспоминаться веселые вечера, что бывало, проводилъ онъ съ Фленушкой въ этомъ самомъ перелѣскѣ. Роемъ носятся въ памяти его воспоминанья объ игривыхъ, затѣйныхъ забавахъ рѣзвой, бойкой скитянки... Передъ душевными его очами во всемъ блескѣ пышной, цвѣтущей красы востаетъ образъ Фленушки... Вспоминается мелькомъ и нѣжная, скромная Дуня Смолокурова, но блѣднѣетъ ея образъ въ сравненьи съ полной жизни и огня, съ бойкой, шаловливой Фленушкой. Тихая, робкая, задумчивая и ужъ вовсе не разговорчивая Дуня представляется ему какимъ-то жалкимъ, бѣднымъ ребенкомъ... А у той баловницы, у Фленушки, и острый разумъ, и въ рѣчахъ быстрота, и нескончаемые веселые разговоры. «Изъ Дуни что-то еще выйдетъ,—думаетъ Самоквасовъ:—а Фленушка и теперь краса неописанная, а душой-то какая добрая, какая сердечная, задушевная!..»

Гдѣ-то вдали хрустнулъ сушникъ. Хрустнулъ въ другой разъ и въ третій. Чуткимъ ухомъ прислушивается Петръ Степанычъ. Привсталъ. — хрусть не смолкаетъ подъ чьей-то легкой на поступь ногой. Зорче и зорче вглядывается вдаль Петръ Степанычъ: что-то мелькнуло межъ кустовъ и тотчасъ скрылось. Вотъ въ вечернемъ сумракѣ забѣлѣлись чьи-то рукава, вотъ стали видимы и пестрый широкій передникъ. и шелковый рудо-желтый *) платочекъ на головѣ. Лица не видно — закрыто полотнянымъ платкомъ. «Нѣтъ, это не Марьюшка!» — подумалъ Петръ Степанычъ.

Побѣжалъ навстрѣчу... Силы небесныя!.. Наяву это или въ сонномъ мечтаньи?.. Фленушка!

Отъ радости и удивленья вскрикнулъ онъ.

— Тише!..—руку поднявъ, шопотомъ молвила Фленушка.— Слѣдятъ!.. Тише, какъ можно тише!.. Дальше пойдемъ, туда, гдѣ кустарникъ погуще, къ Елфимову. Тамъ мѣсто укромное, тамъ никто не увидитъ.

— Пойдемъ!.. Пойдемъ, моя милая, дорогая моя, — началъ-было Петръ Степанычъ, въ жаркомъ волненьи схвативъ Фленушку за руку.

Отдернула она руку и чуть слышно прошептала ему:

— Словечка не смѣй молвить, лишній разъ не вздохни! Услышать могутъ. Накроютъ...

— Да я, Фленушка...—началъ-было Самоквасовъ.

— Потерпи же!.. Потерпи, голубчикъ!.. Желанный ты мой,

*) Оранжевый.

ненаглядный!.. До верхотины Вражка не даль какая. — Такъ нѣжно и страстно шептала Фленушка, ступая быстрыми шагами и склонясь на плечо Самоквасова. — Тамъ досыта наговоримся...—ровно дитя продолжала она лепетать. —Охъ, какъ сердце у меня по тебѣ изболѣло!.. Изстрадалась я безъ тебя, Петенька, измучилась! Не брани меня. Марьюшка мнѣ говорила... знаешь ты отъ кого-то... что съ тоски да съ горя я пить зачала...

И закрыла руками поблѣднѣвшее лицо...

— Фленушка! — всклихнулъ Самоквасовъ. — Неужель это правда?

— А ты пока молчи... Громко не говори!.. Потерпи маленько, — прервала его Фленушка, открывая лицо. — Тамъ никто не услышитъ, тамъ никто ничего не увидитъ. Тамъ досыта наговоримся, тамъ въ послѣдній разокъ я на тебя налюбуюсь!.. Тамъ... я... Ой, была не была!.. Изстрадалась совсѣмъ!.. Хоть на часокъ, хоть на одну минуточку счастья мнѣ дай и радости!.. Было бы чѣмъ потомъ жизнь помянуть!..—Такъ страстно и нѣжно шептала Фленушка, спѣша съ Самоквасовымъ къ верхотинѣ Каменнаго Вражка.

Давно ужъ сѣло солнышко. Вечерній подосенній сумракъ небо крылъ, землю темнилъ. Бѣлѣй и бѣлѣй становились болота отъ вздымавшагося надъ ними тумана, широкими рѣками, безбрежными озерами казались они. Смолкли осеннія птички, развѣ изрѣдка вдали дергачъ прокричитъ, сова ребенкомъ заплачетъ, филинъ ухнетъ въ бору.

Пришли. Быстрымъ, порывистымъ движеньемъ сдернула Фленушка драповый платъ, что̀ несла на рукѣ. Раскинула его по травѣ, сама сѣла и, страстно горѣвшимъ взоромъ нѣжно на друга взглянувъ, сказала ему:

— Садись рядкомъ, какъ прежде... Посидимъ, голубчикъ, попрежнему... Въ останышки съ тобой посидимъ.

— Фленушка! — всклихнулъ Петръ Степанычъ, садясь возлѣ нея и обнявъ дрожащей рукой станъ ея. Самъ себя онъ не помнилъ и только одно могъ говорить: — Ахъ, ты, Фленушка моя, Фленушка!..

Выскользнула она изъ его объятій и, слегка притронувшись ладонью къ пылавшей щекѣ его, съ лукавой улыбкой пальцемъ ему погрозила.

Припалъ онъ къ высокой груди, и грустно склонилась надъ нимъ головою Фленушка.

— Ахъ, ты, Петенька, мой Петенька! Ахъ, ты, бѣдненькій мой! — тихо, въ порывѣ безотраднаго горя, безнадежнаго отчаянья заговорила она, прижимая къ груди голову Петра Сте-

панычa. — Кто-то тебя послѣ меня приласкаетъ, кто-то тебя приголубитъ, кто-то другомъ тебя назоветъ.

Не частый дробный дождичекъ кропитъ ей лицо бѣлое, мочитъ она личико горючими слезами... Тужитъ, плачетъ дѣвушка по миломъ дружкѣ, скорбитъ, что пришло время разставаться съ нимъ навѣки... Гдѣ былыя затѣи, гдѣ проказы, игры и смѣхи?.. Гдѣ веселыя шутки?.. Плачетъ навзрыдъ и рыдаетъ Фленушка, слова не можетъ промолвить въ слезахъ.

— Фленушка, Фленушка!.. Что̀ съ тобой? — кротко, нѣжно лаская ее, говорилъ Самоквасовъ.

Миновалъ первый порывъ — перестала рыдать, только тихія слезы льются изъ глазъ.

— Давеча я къ тебѣ приходилъ... Съ глазъ долой прогнала ты меня... Заперлась...—съ нѣжнымъ укоромъ сталъ говорить ей Петръ Степанычъ.—Видѣть меня не хотѣла...

Опустила низко голову Фленушка и, закрывъ лицо передникомъ, тихо и грустно промолвила:

— Стыдно мнѣ было... Дѣло еще непривычное... Не хотѣлось, чтобы ты видѣлъ меня такой!.. Выпила вѣдь я передъ твоимъ приходомъ.

— Зачѣмъ это? — съ горькимъ участьемъ чуть слышно сказалъ Петръ Степанычъ: — что̀ тутъ хорошаго?..

Тихо, бережно взялъ онъ ее за руку. Опустивъ передникъ, она взглянула на него робкимъ, печальнымъ взоромъ... Слезу замѣтила на рѣсницѣ друга.

И полились у ней у самой изъ очей слезы. Горлицей, чуть слышно воркуетъ она, припавъ къ плечу Самоквасова.

— А я думала... а я думала... бранить меня станешь!.. Корить, насмѣхаться.

— Насмѣхаться!.. Бранить! — горько улыбнувшись, заговорилъ Петръ Степанычъ. — Какое слово ты молвила?.. Да могу ли я надъ тобой насмѣхаться?

Крѣпко прижалась къ нему безмолвная Фленушка.

— Не я, Петя, пью, — заговорила она съ отчаяньемъ въ голосѣ. — Горе мое пьетъ!.. Тоска тоскучая напала на меня, нашла со всего свѣта вольнаго... Эхъ, ты, Петя мой, Петенька!.. Бѣды меня породили, горе горенское выкормило, злая кручинушка вырастила... Ничего-то ты не знаешь, милъ сердечный другъ!

И надорваннымъ голосомъ тихо и грустно запѣла:

Ноетъ сердце мое, ноетъ,
Ноетъ-заныvaетъ—
Злодѣйки-кручинушки
Вдвое прибываетъ.

Ахъ, ты, молодость моя, молодость,
Чѣмъ тебя мнѣ помянути?
Тоской да кручиной,
Печалью великой.
Доля ужъ такая мнѣ,
На роду такъ писано
И печатью запечатано-
Не знавать мнѣ счастья, радости,
Съ милымъ другомъ въ разлучень быть!
Ахъ, туманы-ль вы, туманушки,
Вы часты дожди, осенніе,
Ужъ не полно-ль вамъ, туманушки,
По синю морю гулять,
Не пора-ль вамъ, туманушки,
Со синя моря долой?
На мое ли на сердечушко,
На мое ли ретиво
Налегала грусть, кручинушка,
Ровно каменна гора...
Не пора-ль тебѣ, кручинушка,
Съ ретива сердца долой?
Аль не видывать, не знать мнѣ
Радошныхъ, веселыхъ дней?

Упалъ голосъ. Смолкла Фленушка.

— Нѣтъ, не видывать!.. Не видывать!..—чрезъ малое время чуть слышно она промолвила, грустно наклонивъ голову и отирая слезы передникомъ.

И снова запѣла. Громче и громче раздавалась по перелѣску ея печальная пѣсня:

Родила меня кручина,
Горе выкормило,
Бѣды вырастили,
И спозналась я, несчастная,
Съ тоской да съ печалью...
Съ ними вѣкъ мнѣ вѣковать,
Счастья въ жизни не видать.

— Эхъ, ты, Петенька, мой Петенька!.. Охъ, ты, сердечный мой! — воскликнула она, страстно бросаясь въ объятья Самоквасова. — Хоть бы выпить чего!

— Чтò ты, Фленушка? Помилуй! — сказалъ Петръ Степанычъ. — Нешто тебѣ не жаль себя?

— Чего мнѣ жалѣть-то себя?..—съ какимъ-то злорадствомъ, глазами сверкнувъ, вскликнула Фленушка. — Ради кого?.. Не для кого... И меня-то жалѣть некому, опричь развѣ матушки... Кому я нужна?.. Ради кого мнѣ беречь себя?.. Лишняя, ненужная на свѣтѣ я уродилась!.. Чтò я, чтò сорная трава въ огородѣ— все едино!.. Полютъ ее, Петенька... Понимаешь ли? полютъ... Съ корнемъ вонъ... Такъ и меня... Вотъ чтò!..

Чуешь ли ты все это, милый мой?.. Понимаешь ли, какова участь моя горькая?.. Никому я не нужна, никому и не жаль меня...

— Про меня-то, видно, забыла, — съ нѣжнымъ укоромъ сказалъ Самоквасовъ. — Нешто я не жалѣю тебя?.. Нешто я не люблю тебя всей душой?..

— Поди ты, голубчикъ! — съ горькой усмѣшкой молвила Фленушка. — Не знаешь ты, какъ надо любить... Тебѣ бы все мимоходомъ, только бы побаловать...

— Да сколько-жъ разъ я молилъ тебя, уговаривалъ женой моей быть?.. Сколько разъ Богомъ тебя заклиналъ, что стану любить тебя до гробовой доски, стану вѣкъ свой беречь тебя...— дрожащимъ голосомъ говорилъ Петръ Степаныч.

— Говорить-то ты точно это говаривалъ, и я таковыя твои рѣчи слыхивала, да вѣры у меня что-то неймется имъ, — съ усмѣшкой молвила Фленушка. — Тѣ рѣчи у тебя вѣдь облыжныя... Не разъ я тебѣ говаривала, что любовь твоя ровно вешній ледъ—некрѣпка, ненадежна... Жиденекъ сердцемъ ты, Петенька!.. Любви такой дѣвки, какъ я — тебѣ не снести... По себѣ поищи, потише да посмирнѣе... Чтò, съ Дуней-то Смолокуровой ладится, что ли, у тебя?

— Чтò она!.. Ровно не живая... Рыба какъ есть, — съ недовольствомъ отвѣтилъ Петръ Степаныч.

— И рыбка, парень, вкусненька живетъ, коль ее хорошенько сготовишь... — съ усмѣшкой молвила Фленушка и вдругъ разразилась громкимъ, рѣзкимъ, будто безумнымъ хохотомъ. — Мой бы совѣтъ — попробовать ее... Авось по вкусу придется... — лукаво прищуривъ глаза, она примолвила.

Прежняя Фленушка сидитъ съ нимъ: бойкая рѣчь, насмѣшливый взоръ, хитрая улыбка, по-бываломy трунитъ, издѣвается.

— Тиха ужъ больно, не ручна... — сквозь зубы процѣдилъ въ отвѣтъ Петръ Степаныч.

— А тебѣ бы все бойкихъ да ручныхъ, — подхватила Фленушка. — Ишь какой ты сахаръ медовичъ!.. Полно-ка, дружокъ, перестань,—примолвила она, положивъ одну руку на плечо Самоквасову, а другою лаская темно-русые кудри его. — Тихая-то много будетъ лучше тебѣ, Петруша, меньше сплетокъ про васъ будетъ... Вотъ мы съ тобой проказничали вѣдь только, баловались, до грѣха не доходили, а поди-ка увѣрь кого... А все оттого, что я бойковата... Нѣтъ, ты не покидай Дунюшки... Не ручна, говоришь — сумѣй сдѣлать ее ручною... Настолько-то у тебя умишка хватитъ, дурачокъ ты мой глупенькій, — говорила она, а сама крѣпко прижималась разалѣвшейся щекой къ горящей щекѣ Самоквасова.

———

— Ну ее! И думать не хочу... Ты одна моя радость... Ты одна мнѣ всего на свѣтѣ дороже! — со страстнымъ увлеченьемъ говорилъ Петръ Степанычъ и, крѣпко прижавъ къ груди Фленушку, осыпалъ ее поцѣлуями.

— А ты не кипятись, воли-то рукамъ покамѣстъ не давай, — вырываясь изъ объятій его, со смѣхомъ промолвила Фленушка. — Тихая рѣчь невпримѣръ лучше слушается.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. Да бросишь ли ты наконецъ эти скиты, чтобъ имъ и на свѣтѣ-то не стоять?..—сталъ говорить Петръ Степанычъ. — Собирайся скорѣе, уѣдемъ въ Казань, повѣнчаемся, заживемъ въ любви да въ совѣтѣ. Сталъ я богатъ теперь, у дяди изъ рукъ не гляжу.

Вспыхнула Фленушка и, раскрывъ пурпурныя губки, страстнымъ взоромъ его облила... Но вдругъ, какъ злымъ стрѣльцомъ подстрѣленная пташка, поникла головкой, и алмазная слеза блеснула въ ея черныхъ, какъ смоль, и длинныхъ рѣсницахъ...

— Молви же словечко, моя дорогая, рѣши судьбу мою, ненаглядная! — молилъ Самоквасовъ.

Крѣпко прижавъ къ лицу ладони, ровно дитя, чуть слышно она зарыдала.

— Матушка-то?.. Матушка-то какъ же?

— Что-жъ?.. Матушкѣ свое, а намъ свое... — рѣзко отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Сама говоришь, что недолго ей жить... Ну и кончено дѣло — она помретъ, а наша жизнь еще впереди...

— Молчи! — властно вскрикнула Фленушка, быстро и гнѣвно поднявъ голову.

Слезъ какъ не бывало. Исчезли на лицѣ и страстность и нѣжность. Холодная строгость смѣнила бурные порывы палившей страсти. Быстро съ лужайки вскочивъ, рѣзкимъ голосомъ она вскрикнула:

— Уйду!.. И никогда тебѣ не видать меня больше... Сейчасъ же уйду, если слово одно молвишь мнѣ про матушку! Не смѣй ничего про нее говорить!.. Люблю тебя, всей душой люблю, ото всего сердца, жизнь за тебя готова отдать, а матушки трогать не смѣй. Не знаешь, каково дорога̀ она мнѣ!..

— Ну, не стану, не стану, — уговаривалъ ее Петръ Степанычъ и снова привлекъ ее въ объятья.

Безмолвна, недвижима Фленушка. Млѣетъ въ страстной истомѣ.

— Чего жалѣть себя?.. Кому блюсти?.. Охъ, эта страсть!..— чуть слышно шепчетъ она.— Зачѣмъ мнѣ дѣвство мое? Къ чему

оно? Бери его, мой желанный, бери! Ахъ, Петенька, мой Петенька!..

Почти до свѣту оставались они въ перелѣскѣ. Пала роса, поднялись едва проглядные туманы...

Возвращаясь домой, всегда веселая, всегда боевая Фленушка шла тихо, склонивши голову на плечо Самоквасова. Дрожали ея губы, на опущенныхъ въ землю глазахъ искрились слезы. Тяжело переводила она порывистое дыханье... А онъ высоко и гордо несъ голову.

— Какъ же послѣ этого ты со мной не поѣдешь?—говорилъ онъ властнымъ голосомъ.—Надо же это вѣнцомъ покрыть?

— Охъ, ужъ я и сама не знаю, Петенька!..—покорно молвила Фленушка.—Уѣзжай ты, голубчикъ мой милый, уѣзжай отсюда дня на три... Дружочекъ, прошу тебя, мой миленькій... Богомъ тебя прошу...

— А когда черезъ три дня ворочусь—поѣдешь ли въ Казань, выйдешь за меня замужъ?

Немного подумавши, она отвѣчала:

— Поѣду... Тѣмъ временемъ я въ путь соберусь... Такъ уѣдешь?... Сегодня же, сейчасъ...

— Уѣду,—сказалъ Петръ Степанычъ.

Глава восьмая.

Невеликая охота была Самоквасову выполнять теперь причуды Фленушкины. Прихотью считалъ онъ внезапное ея требованье, чтобъ уѣхалъ онъ на три дня изъ Комарова. «Спѣшнымъ дѣломъ ступай, не знай куда, не знай зачѣмъ!—думалось ему, когда онъ возвращался въ свѣтелку Ермилы Матвѣича.—Что̀ за блажь такая забрела ей въ голову? Чѣмъ помѣшалъ я сборамъ ея?.. Чудна̀я, какъ есть чудна̀я!.. А досталась же мнѣ!.. Заживу теперь съ молодой женой—не стыдъ будетъ въ люди ее показать, такую красавицу, такую разумницу!.. Три дня—не сколь много времени, зато послѣ-то, послѣ!.. А ѣхать все-таки охоты нѣтъ... Просидѣть развѣ въ свѣтелкѣ три дня и три ночи, никому на глаза не показываясь, а иконнику наказать строго-на̀строго—говорилъ бы всѣмъ, что я наспѣхъ срядился и уѣхалъ куда-то?.. Нельзя—отъ келейницъ ничего не укроется, пойдутъ толки да пересуды, дойдутъ до Фленушки, тогда и не подступайся къ ней, на глаза не пуститъ, станетъ попрежнему дѣло затягивать... Нѣтъ, ужъ видно ѣхать, выполнить, что̀ велѣла—отговорокъ чтобы послѣ у ней не было».

Наскоро уложивъ въ чемоданъ скарбъ свой, разбудилъ онъ Ермилу Матвѣича и упросилъ его тотчасъ же везти его до Язвицкой станціи. Увѣрялъ Сурмина, что нежданно-негаданно спѣшное дѣло ему выпало, что къ полднямъ непремѣнно ему надо въ сосѣдній городъ поспѣть. Подивился иконникъ, но ни слова не вымолвилъ. Покачалъ только сѣдой головой, медленно вышелъ изъ избы и велѣлъ сыновьямъ лошадей закладывать. Не совсѣмъ еще обутрѣло, какъ Андрей, старшій сынъ Ермилы Матвѣича, скакалъ ужъ во весь опоръ съ Самоквасовымъ по торной, широкой почтовой дорогѣ.

Въ Язвицахъ, только-что въѣхали они въ деревенскую околицу, встрѣтился Петру Степанычу старый знакомый — ухарскій, разудалый ямщикъ Ѳедоръ Аѳанасьичъ. На водопой коней онъ велъ и, какъ только завидѣлъ Самоквасова, радостно вскликнулъ ему:

— А! ваше степенство! По добру-ль по здорову-ль? Давно не видались!

— Здравствуй, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, — вылѣзая изъ телѣги, отвѣчалъ на привѣтъ его Самоквасовъ. — Каково поживаешь? Лошадокъ бы мнѣ.

— Можно, — молвилъ ямщикъ. — Лошади у насъ всегда наготовѣ. Много-ль потребуется?

— Пару, — сказалъ Петръ Степанычъ, отходя съ ямщикомъ въ сторону отъ телѣжки.

— Что̀ мало? — подмигнувъ Самоквасову съ хитрой улыбкой, молвилъ ямщикъ. — Я было-думалъ, троекъ пять либо шесть вашему степенству потребуется, думалъ, что опять скитскую дѣвку задумано красть.

— А ты потише... Зря-то не болтай... Нешто забылъ уговоръ?.. — понизивъ голосъ, сказалъ Петръ Степанычъ, оглянувшись на Ермилова сына.

Но коренастный, дюжій Андрей, откладывая усталыхъ лошадей, ни на что не обращалъ вниманья.

— Зачѣмъ намъ, ваше степенство, твой уговоръ забывать? Много тогда довольны остались вашей милостью. Потому и держимъ крѣпко заказъ, — бойко отвѣтилъ ямщикъ. — Ежели когда лишняя муха летаетъ, и тогда насчетъ того дѣла молчокъ... Это я тебѣ только молвилъ, а другому кому ни-ни, ни гу-гу. Будь надеженъ, въ жизнь отъ насъ никто не узна̀етъ.

— То-то, смотри, — молвилъ ему Петръ Степанычъ, ставши возлѣ колодца у водопойной колоды. — Ненарокомъ проболтаешься — бѣда.

— Кажись бы, теперича и бѣды-то опасаться нечего, — сказалъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ. — Тогда мы съ тобой отъ Чапу-

рина удирали, а теперь онъ на себя все дѣло принялъ — я-де самъ напередъ зналъ про ту самокрутку, я-де самъ и коней-то имъ наймовалъ... Ну, онъ такъ онъ. Пущай его бахвалится, убытку отъ него намъ нѣтъ никакого... А прималчивать все-таки станемъ, какъ ты велѣлъ... Въ этомъ будь благонадеженъ...

— Ладно, хорошо, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Пой же скорѣе лошадей да закладывай. Къ полднямъ мнѣ надо въ городѣ быть безотмѣнно.

— Къ Феклисту Митричу? — съ усмѣшкой спросилъ Аѳанасьевъ.

— Къ нему, — сказалъ Петръ Степанычъ, а самъ подумалъ:—«Въ самомъ дѣлѣ къ Феклисту зайти... Квартирку ему заказать... Пристанемъ на перепутьѣ, какъ покатимъ въ Казань».

— Опять келейную хочешь красть, — усмѣхнулся Ѳедоръ ямщикъ. — Чтò же? Въ добрый часъ... Расхорошее дѣло! Со всякимъ удовольствіемъ послужимъ на томъ.

— Придетъ время, тогда повѣщу, — молвилъ Самоквасовъ.

— А много-ль троекъ потребуется?.. Сколь народу на отбой погони готовить? — тряхнувъ кудрями, спросилъ разудалый ямщикъ.

— Не такое дѣло. Больше тройки не надо будетъ, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Значитъ, сироту украсть? Погони не чаешь?.. Дѣло... Можемъ и въ этомъ постараться... Останетесь много довольны... Кони — угаръ. Стрижена дѣвка косы не поспѣетъ заплесть, какъ мы съ тобой на край свѣта угонимъ... Закладывать, что ли, а можетъ, перекусить чего не въ угоду ли? Молочка похлебать съ ситненькимъ не въ охотку ли?.. Яичницу-глазунью не велѣть ли бабамъ состряпать? Солнышко вонъ ужъ куда поднялось — мы-то давно ужъ позавтракали.

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопилъ его Петръ Степанычъ.—Скорѣй готовь лошадей — ѣду наспѣхъ, боюсь опоздать...

Десяти минутъ не прошло, какъ ухарскій Ѳедоръ Аѳанасьевъ во весь опоръ мчалъ Самоквасова по хрящёвой дорогѣ.

Подъѣхавъ къ дому Феклистову, Петръ Степанычъ вошелъ къ нему въ бѣлую харчевню. Были будни, день не базарный, въ харчевнѣ нѣтъ никого, только въ задней горницѣ какіе-то двое приказныхъ шарами на бильярдѣ постукивали. Едва успѣлъ Петръ Степанычъ заказать селянку изъ почекъ да подовый пирогъ, какъ влетѣлъ въ харчевню самъ хозяинъ и съ радостнымъ видомъ кинулся навстрѣчу къ богатому казанцу.

— Какими это судьбами? — заговорилъ онъ, крѣпко сжимая руку Петра Степаныча. — Какимъ вѣтромъ опять принесло вашу милость въ нашъ городишко?.. Да зачѣмъ же вы въ харчевню... Прямо бы ко мнѣ въ горницы!.. Дорога-то извѣстна вашему степенству?.. Люди мы съ вами маленько знакомые... Пожалуйте, сударь, кверху, сдѣлайте такое ваше одолженіе... Никитинъ, — обратился онъ къ отставному солдату, бывшему въ харчевнѣ за повара: — отставь селянку съ пирогомъ, что̀ ихъ милость тебѣ заказали... Уважимъ дорогого гостя чѣмъ-нибудь послаще... Пожалуйте, сударь Петръ Степанычъ, пожалуйте-съ...

— Да вѣдь я дня на три сюда, не больше, — сказалъ Самоквасовъ. — Думалъ на постояломъ дворѣ пристать, а у васъ въ харчевнѣ перекусить только маленько.

— Пущу я васъ на постоялый!.. — сказалъ Феклистъ Митричъ. — Какъ бы не такъ. Тѣ самыя горницы, что̀ тогда занимали, готовы, сударь, для васъ... Пожалуйте... Просимъ покорно!

— Да, право же, мнѣ совѣстно стѣснять васъ, Феклистъ Митричъ, — говорилъ Самоквасовъ. — Тогда было дѣло другое — не стать же новобрачной на постояломъ дворѣ ночевать; мое одиночное дѣло иное!

— Какъ вамъ угодно, а ужъ я васъ не отпущу, — настаивалъ Феклистъ и силкомъ почти утащилъ Петра Степаныча въ свои покои...

Какъ водится, сейчасъ же самоваръ на столъ. Передъ чаемъ цѣлительной настоечки по рюмочкѣ. Авдотья Ѳедоровна, Феклистова жена, сидя за самоваромъ, пустилась-было въ разспросы, каково молодые поживаютъ, и очень удивилась, что Самоквасовъ съ самой свадьбы ихъ въ глаза не видалъ, даже ничего про нихъ и не слыхивалъ.

— Какъ же это такъ? — изумилась Авдотья Ѳедоровна. — Какъ же вы у своихъ «моложанъ» до сей поры не бывали? И за горнымъ столомъ не сидѣли и на княжомъ пиру ни пива ни вина не отвѣдали *). Хоть свадьбу-то и уходомъ сыграли, да вѣдь Чапуринъ покончилъ ее какъ надо быть слѣдуетъ — «честью» **). Гостей къ нему тогда понаѣхало и невѣдомо что̀, а заправскихъ-то дружекъ, ни васъ ни Семена

---

*) На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Москвы *моложанами*, а на югъ *молодожанами* называютъ новобрачныхъ цѣлый годъ. Въ Поволжьѣ, особенно за Волгой, «моложанами» считаются только до первой послѣ брака пасхальной субботы. *Горный столъ* и *княжой пиръ* — обѣды у новобрачныхъ или у ихъ родителей, на другой и третій день послѣ вѣнчанья.

**) То-есть со всѣми обрядами.

Петровича, и не было. Куда же это вы отлучились отъ ихней радости?

— По разнымъ мѣстамъ разъѣзжалъ, — сказалъ Петръ Степанычъ.—Въ Москвѣ проживалъ, въ Петербургѣ, у Макарья побывалъ на ярманкѣ. Къ тому же недосуги у меня разные случились, дѣла накопились... А вы однако не сказали ли кому, что свадьбу Прасковьи Патаповны мы съ Сеней состряпали?

— Полноте!.. Какъ это возможно!—вступился Феклистъ.— Ни вашего приказанья ни вашихъ милостей мы не забыли и въ жизнь свою не забудемъ... А другое дѣло и опасаться-то теперь Чапурина нечего—славитъ вездѣ, что самъ эту свадебку состряпалъ... Потѣха да и только!..

— Съ чего-жъ это онъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Потому что горданъ *). Ужь больно высоко себя держитъ, никого себѣ въ версту не ставитъ. Оттого и не хочется ему, чтобы сказали: родную, дескать, дочь прозѣвалъ. Оттого на себя и принялъ... — съ насмѣшливой улыбкой сказалъ Феклистъ Митричъ. — А съ зятемъ-то у нихъ, слышь, въ самомъ дѣлѣ напередъ было слажено и насчетъ приданаго и насчетъ иного прочаго. Мы ужъ и сами немало дивились, какихъ ради причинъ вздумалось вамъ уходомъ ихъ вѣнчать.

— Такъ было надо, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — А вы все-таки никому не сказывайте, что это дѣло мы съ Семеномъ обработали... Хоть до зимы помолчите...

— Слушаемъ, сударь, слушаемъ. Лишняго слова отъ насъ и послѣ зимы не проскочитъ, — молвилъ Феклистъ. — Да не пора ли гостю и за столъ?.. Ѳедоровна! Готово ли все у тебя?

— Милости просимъ, гость дорогой, мало жданный, да много желанный! Пожалуйте нашей хлѣба-соли откушать, — низко кланяясь, сказала Феклистова хозяйка.

Сѣли за столъ. Никитину строго-настрого приказано было состряпать такой обѣдъ, какой только у исправника въ его именины готовитъ. И Никитинъ въ грязь лицомъ себя не ударилъ. Воздалъ Петръ Степанычъ честь стряпнѣ его. Куриный взварецъ **), подовые пироги, солонина подъ хрѣномъ и сметаной, печеная рѣпа со сливочнымъ масломъ, жареные рябчики и какой-то вкусный сладкій пирогъ съ голодухи очень поправились Самоквасову. И много тѣмъ довольны остались Феклистъ съ хозяюшкой и самъ Никитинъ, получившій отъ гостя рублевку.

---

*) *Горданъ, гордіянъ,* — то же, что гордецъ.

**) Супъ изъ курицы.

— Ежели бы теперича рыба была у насъ свѣжая, стерлядки бы, къ примѣру сказать, да ежели бы у насъ по всему городу въ погребахъ ледъ не растаялъ, могъ бы я, сударь, и стерлядь въ разварѣ самымъ отличнымъ манеромъ сготовить, могъ бы свертѣть и мороженое. Такой бы обѣдецъ состряпалъ вамъ, какимъ развѣ только господина губернатора чествуютъ, когда его превосходительство на ревизію къ намъ въ городъ изволитъ наѣзжать... А при теперешнихъ нашихъ запасахъ поневолѣ, ваше степенство, рѣпу да солонину подашь. Въ этомъ разѣ ужъ не взыщите... — Такъ говорилъ осчастливленный рублевкой Никитинъ.

— Ладно, ладно. Спасибо и за то, чтò сготовилъ. — сказалъ Феклистъ Митричъ. — Спасибо, ступай себѣ съ Богомъ!..

Но Никитинъ, маленько хлебнувшій ради лучшаго успѣха въ стряпнѣ, не сразу послушался хозяина, не пошелъ по первому его слову изъ комнаты.

— Когда еще, ваше степенство, находился я въ службѣ его императорскаго величества.—не слушая хозяина, говорилъ онъ Петру Степанычу: — въ Малороссійскомъ гренадерскомъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго полку, въ денщикахъ у ротнаго командира находился. Бывало — какъ только пріѣдетъ начальство на инспекторскій смотръ: бригадный ли, дивизіонный ли, либо самъ корпусный, — тотчасъ меня къ полковому на кухню прикомандирують. Потому что я изъ ученыхъ — до солдатства дворовымъ человѣкомъ у господина Калягина былъ и въ клубѣ поварскому дѣлу обучался, оттого и умѣю самымъ отличнымъ манеромъ какія вамъ угодно кушанья сготовить, особенно силенъ я насчетъ паштетовъ. Майонезы опять, провансали по моей части. Генералы кушали и съ похвалой относились... А здѣсь только надъ селянкой да надъ подовыми и сидишь... Распоганый на этотъ счетъ городишко! И ѣсть-то путемъ не умѣютъ.

— А ты ступай къ своему мѣсту, — крикнулъ наконецъ Феклистъ Митричъ на захмелѣвшаго повара. — Гостю отдохнуть пора, а ты лѣзешь съ разговорами. Ступай же, ступай!

И едва могъ выжить изъ комнаты не въ мѣру разговорившагося Никитина.

Здорово соснулъ Петръ Степанычъ послѣ безсонной ночи, тряской дороги и плотнаго обѣда. Подъ вечеръ отъ-нечего-дѣлать пошелъ по городу бродить. Захолустный городъ былъ невеликъ — съ конца на другой поля видны. Мѣстоположеніе неважное — съ трехъ сторонъ болота, съ четвертой косогоръ. Широкія прямыя улицы и обширныя необстроенныя площади поросли сочной травой. Кромѣ немногихъ, обитаемыхъ чинов-

никами, домовъ всѣ ставлены на подклѣтахъ, дома обширные, высокіе, изъ толстаго сосняка да ельника. Сторона лѣсная, есть изъ чего хорошо и прочно построиться. Всѣ ворота затворены, иныя даже заперты, а на притолкѣ у каждыхъ почти прибитъ на бѣлой бумажкѣ мѣдный крестъ и кромѣ того записочка съ полууставною надписью: «Христосъ съ нами уставися, той же вчера и днесь и во вѣки вѣковъ. Аминь». Значитъ, хозяева старой вѣрѣ послѣдуютъ... Тамъ и сямъ середь улицы вырыты колодцы, надъ ними стоятъ деревянные шатры на толстыхъ столбахъ. Тихо, чуть не безлюдно повсюду — нѣтъ звуковъ въ сонномъ городкѣ. Развѣ гдѣ-нибудь прогудитъ струна шерстобита, зашуршитъ станокъ ложкаря. Изъ иныхъ домовъ глухо доносится тихое, гнусливое пѣніе женскихъ голосовъ — всенощную тамъ старовѣры справляютъ. Строго, сурово повсюду — ни вольной, какъ птица небесная, пѣсни, ни веселаго задушевнаго говора, ни бойкихъ спорливыхъ разговоровъ. Куры, что копаются на улицахъ въ пескѣ, свиньи, что усердно разрываютъ на соборной площади луговину, и тѣ дѣлаютъ свое дѣло тихо, смирно. Пустыня не пустыня, а похоже на то.

Почти весь городъ обошелъ Петръ Степанычъ, а повстрѣчалъ либо пять, либо шесть человѣкъ. И каждый встрѣчный съ удивленьемъ останавливался, съ любопытствомъ глядѣлъ на незнаемаго человѣка и потомъ еще долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, узнать бы, куда и къ кому держитъ онъ путь. Тоска напала на Самоквасова, и сильно онъ обрадовался, когда на всполье, у казенныхъ, давнымъ-давно запустѣлыхъ соляныхъ амбаровъ, охраняемыхъ однако приличною стражей изъ инвалидной команды, увидалъ онъ Феклиста Митрича. Тотчасъ къ нему подошелъ.

— Гуляете? — съ радушной улыбкой спросилъ у него Феклистъ.

— Да, вышелъ-было немножко пройтись. Исходилъ весь городъ и живой души не встрѣтилъ, — отвѣчалъ ему Самоквасовъ.

— Будни, — со сладкой потяготой зѣвая и набожно крестя разинутый ротъ, лѣниво промолвилъ Феклистъ Митричъ. — Кому теперь у насъ по улицамъ шляться?.. Всякъ при своемъ дѣлѣ — кто работаетъ, кто отдыхаетъ... Хоша и до меня доведись — нешто сталъ бы я теперь по улицамъ шманяться, ежели-бъ не нужное дѣло... Не праздникъ седни, чтобы слоны-то продавать *).

*) *Слоняться, слоны продавать*, а также *шманятися, шмонить, шмонничать* — шататься безъ дѣла, бродить отъ бездѣлья, отбывать отъ дѣла.

— Развѣ у васъ не гуляютъ послѣ работы? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Гуляютъ, да только по воскресеньямъ и по праздникамъ, — отвѣчалъ Феклистъ Митричъ. — По четвергамъ еще гуляютъ, потому что базаръ, а въ будніе дни почто народу гулять? День-отъ денской надъ работой умаются, зашабашатъ — тотчасъ ко щамъ, а послѣ щей на боковую... Городъ нашъ благочестивый, не бездѣльный какой-нибудь, всѣ при дѣлѣ. Маленькій мальчишка и тотъ съ утра до ночи ложки ковыряетъ. Всталъ, умылся, одѣлся, Богу помолился, хлѣбца перекусилъ, и за тесличку *)! Вонъ тѣ такъ никоимъ путнымъ дѣломъ не займутся, — примолвилъ Феклистъ, указывая на большой двухъярусный домъ съ множествомъ пристроекъ, со всѣхъ сторонъ его облѣпившихъ, и съ закрытыми наполовину окнами. — Вонъ эти чернохвостыя не орутъ, не сѣютъ, а слаще да больше нашего ѣдятъ. Отъ-нечего-дѣлать и пошли бы онѣ, можетъ-быть, прогуляться, да ходу имъ на улицу нѣтъ, опричь того, что развѣ по самому нужному дѣлу. Нельзя же черницамъ по улицамъ слоняться — не водится...

— А чей это домъ? — полюбопытствовалъ Петръ Степанычъ.

— Келейницы живутъ, — отвѣтилъ Феклистъ. — Мать Серафима оленевская. Послѣ дяди достался ей домъ-отъ, она его лѣтошный годъ и обрядила по-скитскому. Ишь сколь боковушъ да свѣтелокъ приляпала... Старицы къ ней набрались и бѣлицы; всего человѣкъ съ пятнадцать теперь тутъ у нея живетъ. Какъ есть заправская обитель... Теперь у насъ въ городу много такихъ развелось, и еще больше того разведется, потому что выгонка; слышь, скоро матерей-то поразгонятъ. Загодя стали у насъ селиться... Вишь какія хоромы Манеоа комаровская городитъ. Тетенька вашей-то моложаны будетъ, сестра родная Чапурину. — Такъ говорилъ Феклистъ желчно и досадливо, указывая на недостроенные и еще не покрытые кровлями дома возлѣ соляныхъ амбаровъ на самомъ вспольѣ.

— Три дома! — молвилъ Самоквасовъ, поглядѣвъ на Манеоины постройки.

— Четыре, — перебилъ Феклистъ. — Четвертый-этъ позади. Съ руки тутъ имъ будетъ — потаеннаго ли кого привезти, другое ли дѣльцо спроворить по ихнему секту **), чего лучше какъ на вспольѣ. И оврагъ рядомъ и лѣсъ неподалеку — все

---

*) *Тесличка* (тесло) — желѣзное орудіе, употребляемое для выдѣлки деревянныхъ ложекъ.

**) Въ православномъ простонародьѣ вмѣсто *секта* иногда говорятъ *сектъ*.

какъ нарочно про нихъ уготовано... Нашему брату, церковнику, смотрѣть на нихъ, такъ съ души воротитъ... Зачѣмъ онѣ это живутъ... Къ чему?.. Только небо коптятъ... А пошарь-ка въ сундукахъ — деньжищъ-то что? Гибель!..

— Зачѣмъ же мать Манеѳа такъ широко строится? — спросилъ Самоквасовъ.—Незаконныхъ вещей вѣдь она не творитъ...

— Широко, значитъ, жить захотѣлось,—съ усмѣшкой отвѣтилъ Феклистъ Митричъ. — Навезетъ съ собой цѣлый таборъ келейницъ. Все заведетъ какъ надо быть скиту. Вонъ и скотный дворъ ставитъ и конный!.. Часовни особной только нельзя, такъ внутри келій моленну заведетъ... Что ей, Манеѳѣ-то?.. Денегъ не займовать... И у самой непочатая куча и у брата достаточно.

— Съ братомъ-то, слышь, повздорила, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что-жъ изъ того, что повздорила? Не важность! — молвилъ Феклистъ. — Ихни побранки подолгу не живутъ. А точно, что была у нихъ драна грамота. А все изъ-за вашей самокрутки. Какъ принялъ все на себя Чапуринъ, Манеѳа и пошла ругаться. «Зачѣмъ, говоритъ, ославилъ ты мою обитель? Зачѣмъ, говоритъ, не отъ себя изъ дому, а отъ меня изъ скита дѣвку кралъ?..» А онъ хохочетъ да пуще сестрицу-то подзадориваетъ... Шальной вѣдь онъ...

— А что у васъ въ городѣ про ту свадьбу говорятъ? — немного помолчавъ, спросилъ Самоквасовъ.

— Чего говорить-то? Ничего не говорятъ, — молвилъ Феклистъ. — Спервоначалу, правда, толковъ было достаточно, а теперь и поминать перестали.

— А много было толковъ?

— Довольно, — отвѣтилъ Феклистъ. — Наши-то, церковники то-есть, да и старовѣры, которы за матерей не больно гораздо стоятъ, помираютъ, бывало, со смѣху, а ихней статьи люди, особливо келейныя, тѣ на стѣны лѣзутъ, бранятся... Не икалось нешто вамъ, какъ они тогда поминки вамъ загибали?

— Развѣ узнали про меня? — съ живостью спросилъ Петръ Степанычъ.

— По имени не называли, потому что не знали, а безыменно вдоволь честили, и того вамъ сулили, что ежели-бъ на самую малость сталось по ихнимъ рѣчамъ — сидѣть бы вамъ теперь на самомъ днѣ кромѣшной тьмы... Всѣмъ тогда отъ нихъ доставалось, и я не ушелъ, зачѣмъ, видишь, я у себя въ дому моложанъ пріютилъ. А я имъ, шмотницамъ, на то: — «Деньги плачены были за то, а отъ васъ я сроду пятака не видывалъ... Дѣло торговое...» Унялись, перестали ругаться.

— А не доходило ли до васъ про мать Манеѳу? — спросилъ Петръ Степанычъ. — Не было ли у ней на насъ подозрѣнья?

— Какое могло быть у ней подозрѣнье? — отвѣчалъ Феклистъ Митричъ. — За день до Успенья въ городу она здѣсь была, на стройку желалось самой поглядѣть. Тогда насчетъ этого дѣла съ матерью Серафимой у ней рѣчи велись. Мать Манеѳа такъ говорила: «на бѣду о ту пору благодѣтели-то наши Петръ Степанычъ съ Семеномъ Петровичемъ изъ скита выѣхали — при ихней бытности ни за что бы не сталось такой бѣды. не дали бы они, благодѣтели, такому дѣлу случиться».

— Это хорошо, — молвилъ Самоквасовъ, входя въ домъ Феклиста. А тамъ Ѳедоровна, сидя за самоваромъ, давно ужъ ждала мужа и гостя.

На другой день воскресенье приходилось. Поутру зычно раздался звонъ большого соборнаго колокола. Вторя ему, глухо задребезжалъ надтреснутый напольный *), и рѣзко забряцалъ маленькій серебристый колоколъ единовѣрческой церкви. День выдался красный, въ небѣ ни облачка; вѣтеръ не шелохнетъ, пряди паутины недвижно висятъ въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ, клонящееся къ осени солнышко привѣтно пригрѣваетъ высыпавшія на улицы толпы горожанъ. Чинно, степенно, одѣтые въ темно-синіе кафтаны и сибирки съ борами назади, ходомъ неспѣшнымъ идутъ старики и пожилые люди. Съ удалью во взорахъ, съ отвагой въ движеньяхъ, особыми кучками выступаютъ люди молодые, всѣ до единаго въ ситцевыхъ рубахахъ съ накинутыми поверхъ суконными чуйками. Старухи всѣ въ синемъ, съ темными матерчатыми **), затканными золотомъ головными платками; молодицы въ ситцевыхъ и шелковыхъ сарафанахъ съ яркими головками ***), а заневѣстившіяся дѣвицы въ московскихъ сарафанахъ съ бѣлоснѣжными рукавами и съ цвѣтными платочками на головахъ. Всѣ идутъ, всѣ спѣшатъ, а ребятишки и дѣвчонки давнымъ ужъ давно снуютъ по улицамъ. Всѣ глядятъ весело, празднично. Немного народа въ соборъ пошло, меньше того въ напольную, чуть-чуть побольше въ единовѣрческую, зато

*) Напольная церковь — кладбищенская.

**) Матерчатый — изъ шелковой ткани.

***) *Головка* — головная повязка замужнихъ горожанъ изъ шелковаго платка или косынки, преимущественно яркаго цвѣта. Встрѣчаются головки и по деревнямъ въ зажиточныхъ семействахъ. Въ послѣднее время онѣ стали выходить изъ употребленья, замѣняясь шелковыми платками въ роспускъ.

густыми толпами повалилъ народъ въ дома келейницъ. Всюду тихо — всѣ молятся, каждый по-своему.

Чинно, степенно, безъ шума, безъ говора, послѣ молитвы по домамъ разошлись. Опустѣли улицы, и старъ и малъ за столами сидятъ, трапезуютъ чѣмъ кому Богъ послалъ. Пообѣдавши, старые люди на спокой пошли, кто помоложе — на улицу. Тутъ чуть-чуть оживился, тутъ едва развернулся мертвенный въ обычное время городокъ. Въ лучшихъ нарядахъ дѣвушки и молодицы разсѣлись подъ окнами. Рядышкомъ по три да по четыре сидятъ безмолвныя красавицы, ровно въ землю врытыя. Ни хоровода, ни пѣсенъ, ни бойкихъ веселыхъ рѣчей. Оборони Господи молодицу, а пуще того дѣвицу на выданьи — громкое слово сказать. Засмѣютъ вольницу, ославятъ, что смѣла нарушить давній обычай. И станутъ за то ее женихи обѣгать, а мужнюю жену сожитель зачнетъ поколачивать... Особыми кучками также подъ оконья къ кому-нибудь старики попозже сбираются и до поздняго вечера толкуютъ про свои дѣла. Тутъ и громкій говоръ и споры, иной разъ до ссоры даже дойдетъ, но и бранятся чинно, степенно. Холостымъ много вольнѣе — съ увѣсистыми палками въ рукахъ заводятъ они середь улицы любимую свою игру въ городки. Разставивъ рядами деревянныя чурки, мечутъ въ нихъ издали палками; кто больше сшибъ, тотъ и выигралъ. Тутъ смѣхъ, даже громкіе крики, но чинность, степенность блюдется и середь молодежи.

Такъ веселятся въ городкѣ, окруженномъ скитами. Тотъ же духъ въ немъ царитъ, что и въ обителяхъ, тѣ же нравы, тѣ же преданья, тѣ-жъ обиходные, житейскіе порядки... Но вѣдь и по сосѣдству съ тѣмъ городкомъ есть вражки, уютныя полянки и темные перелѣски. И тамъ лѣтней порой чуть не каждый день бываютъ грибовныя гулянки да ходьба по ягоды, и тамъ до пѣтуховъ слушаетъ молодежь, какъ въ кустикахъ ракитовыхъ соловушки распѣваютъ, и тамъ... Словомъ, и тамъ, что въ скитахъ, многое втайнѣ творится...

Всѣ улицы съ переулками и со всѣми заулками исходилъ Петръ Степанычъ. Людно вездѣ, но столь строго и чинно, что ему, заѣзжему человѣку, безжизненнымъ, мертвымъ все показалось. Скучно стало ему, кругомъ незнакомые люди, не съ кѣмъ рѣчь повести, не съ кѣмъ въ разговоръ вступить. Пробовалъ, и не одинъ разъ пробовалъ, но ему отвѣчали сухо, нехотя, поглядывая на него недобрыми глазами. Тоска напала на Петра Степаныча середь чужихъ людей. Томимый скукой одиночества, вплоть до ночи пробродилъ онъ по городу, а на ночлегѣ другая бѣда — словоохотный Феклистъ подсѣлъ съ до-

кучными розсказнями, нисколько для гостя не любопытными. Радъ бы не слушать, да хозяину рта не зашьешь. Сталъ отмалчиваться, и то не помогаетъ, розсказни Феклиста о городскихъ пользахъ и выгодахъ были нескончаемы. На головную боль сталъ жаловаться Самоквасовъ, думая, что хоть больному-то дадутъ покой. Не тутъ-то было — Феклистъ, а пуще дородная и сильно къ вечеру подъ вліяніемъ настоечки разговорившаяся Ѳедоровна, перебивая другъ друга, стали ему предлагать разныя снадобья, клятвенно завѣряя, что отъ нихъ всякую болѣзнь съ него какъ рукой сниметъ. Чтобъ избавиться отъ надоѣвшей болтовни, Петръ Степанычъ хотѣлъ-было спать идти, но радушные хозяева его не пустили. «Какъ можно, — съ изумленьемъ они говорили: — какъ возможно безъ ужина гостю держать опочивъ?..» Насилу отдѣлался Самоквасовъ отъ докучнаго хлѣбосольства... Радостно, свободно вздохнулъ онъ, запершись въ отведенной ему комнатѣ.

Жарко, душно. Воздухъ сперся, а освѣжить его невозможно. Передъ тѣмъ какъ пріѣхать Петру Степанычу, завернули-было дожди съ холодами, и домовитый Феклистъ закупорилъ окна по-зимнему... Невыносимо стало Самоквасову — дѣла нѣтъ, сонъ нейдетъ... Пуще прежняго и грусть и тоска... Хоть плакать такъ въ ту же пору...

А Фленушка съ ума нейдетъ. Только и мыслей, только и думъ, что объ ней да объ ней. Жалко ея... Клянетъ и коритъ себя Самоквасовъ, что прежде законной поры до конца исканья свои довелъ... Но тутъ же и правитъ себя *)... «Какъ же было стерпѣть, какъ воздержаться?..» — и тѣмъ старается успокоить свою совѣсть... А межъ тѣмъ жалостью растопляется его сердце, любовь растетъ и объемлетъ все существо его... «Что-то теперь она, моя ластовка, что-то теперь моя лебедь бѣлая? Къ отъѣзду ли тихонько сбирается и съ Манеѳой на послѣдушкахъ бесѣдуетъ?.. Охъ, скорѣй бы, скорѣе проходили эти дни! Обнять бы ее скорѣй, увезти бы изъ скучнаго скита на новую жизнь, на счастье, на радость, на любовь безконечную!.. Цѣлый день еще остается!.. И зачѣмъ она такъ упорно домогалась, чтобъ уѣхалъ я на то время, какъ станетъ она сряжаться?.. Чѣмъ помѣшалъ бы я ей?.. Прихоть, причуда!.. Такой ужъ нравъ — ни съ того ни съ сего заберетъ что-нибудь себѣ въ голову. Тутъ вынь да положь — тѣшь дѣвичій обычай!..»

Не сходитъ съ ума Фленушка, не сходитъ она и со взоровъ духовныхъ очей у Петра Степаныча. Наяву стала чудиться, ровно живая...

---

*) Оправдываетъ.

Раскидался въ сонномъ бреду Петръ Степанычъ на высоко взбитой пуховой перинѣ. Призраки стали являться ему... И все Фленушка, одна только Фленушка. Но не такова, какою прежде обычно бывала. Не затѣйница веселыхъ проказъ, не бойкая, насмѣшливая причудница. Иная Фленушка теперь видится, какою подъ конецъ послѣдняго свиданья была: тихая, безмолвная, въ робкомъ смятеньи дѣвичьей стыдливости, во всей красотѣ своей, во всей прелести. Закинулась назадъ миловидная головка, слезой наслажденья подернулись томныя очи, горятъ ланиты, трепещутъ уста пурпуровыя... Распахнулась бѣлоснѣжная сорочка, и откинулась наотлетъ будто рѣзцомъ художника изъ мрамора изсѣченная стройная рука... Не звонкій хохотъ, не рѣзкая рѣчь слышатся въ мертвой тиши темной ночи Петру Степанычу, слышится ему робко слетающій съ трепетныхъ устъ страстный лепеть. чудится дрожащій шопотъ. мечтаются порывистые, замирающіе вздохи...

На другой день Петръ Степанычъ придумать не могъ, куда бы дѣваться, что̀ бы дѣлать съ собою. Послѣ безсонной ночи въ душной горницѣ. послѣ думъ безпокойныхъ, послѣ страстныхъ горячихъ мечтаній едва могъ онъ съ постели подняться. Увидавъ его блѣднаго, истомленнаго — Феклистъ Митричъ не на шутку перепугался. Не тертый картофель, не кочанъ капусты къ головѣ сталъ теперь ему предлагать, но спрашивалъ. не сбѣгать ли за лѣкаремъ. Петръ Степанычъ наотрѣзъ отказался. Пуще всего тому дивился Феклистъ, что, выпивъ двѣ чашки чаю. Петръ Степанычъ не согласился позавтракать. Ни жареные въ сметанѣ бѣлые грибы, ни копченая семга. ни сочный уральскій балыкъ, ни сдѣланный самой Ѳедоровной на славу жирный варенецъ, ни стряпня того повара, что̀ лакомилъ когда-то командировъ, не соблазняли его. Много Феклистъ за гостемъ ухаживалъ, много его потчевалъ, но не принялъ привѣтно и ласково рѣчей его Петръ Степанычъ... А много-было Феклистъ хлопоталъ, потому что думалъ, ежель еще побольше да слаще поѣстъ казанскій наслѣдникъ, щедрѣе заплатитъ ему за постой. Отказъ отъ завтрака за убытокъ себѣ онъ почелъ.

Вышелъ Самоквасовъ на улицу. День ясный. Яркими, но не знойными лучами обливало землю осеннее солнце. въ небѣ ни облачка, въ воздухѣ тишь. Замеръ городокъ по-будничному — пусто. беззвучно... Въ поле пошелъ Петръ Степанычъ.

Безъ цѣли, безъ намѣренья, выйдя за городскую околицу. зашелъ онъ на кладбище. Долго бродилъ межъ поросшихъ густою травой надмогильныхъ насыпей, межъ старыхъ и новыхъ крестовъ и голубцовъ. Повиднѣй да побогаче памятни-

ковъ было немного — ставлены они были только вкругъ церкви надъ почетными горожанами, больше надъ чиновниками. Изъ дворянъ во всемъ захолустномъ уѣздѣ никого не живетъ, а купечество почти сплошь старинки держится и хоронится въ особомъ участкѣ отдѣльно отъ церковниковъ. Походилъ Самоквасовъ по кладбищу, безсознательно перечиталъ всѣ надгробія. Было немало смѣшныхъ и забавныхъ. Вотъ на чугунномъ столбикѣ безъ знаковъ препинанія начертано: «Господи! въ селеніяхъ Твоихъ подаждь ему успокоеніе отъ супруги его Ольги Ивановны». Вотъ на каменной плитѣ изсѣчено произведеніе доморощеннаго стихотворца и въ немъ завѣщаніе въ Бозѣ усопшей болярыни Анны супругу ея, оставшемуся въ земной плачевной юдоли:

Помяни ты мое слово — на другой ты не женись.

Вотъ на кирпичномъ, ржавой жестью обитомъ мавзолеѣ возвѣщается «прохожему», что тутъ погребенъ «вѣрный, усердный рабъ церкви — удѣльный крестьянинъ такой-то, въ двухъ жалованныхъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества кафтанахъ, одинъ кафтанъ съ позументами, а другой съ золотымъ шитьемъ и таковыми-жъ кистями». Безсознательно читаетъ Петръ Степанычъ кладбищенскія сказанья, читаетъ, а самъ ничего не понимаетъ. Далеко его думы — тамъ, на Каменномъ Вражкѣ, въ уютныхъ горенкахъ милой, ненаглядной Фленушки.

Всюду тихо, лишь кузнечики неустанно трещатъ въ намогильной травѣ и въ спѣлой яри на несжатыхъ еще яровыхъ поляхъ. Изрѣдка въ поднебесьѣ рѣзко пропищитъ ястребъ, направляя бойкій полетъ къ чьему-нибудь огороду полакомиться отставшимъ отъ насѣдки цыпленкомъ. Въ нѣмой тиши одинъ съ завѣтной думой бродитъ Петръ Степанычъ по Божьей нивѣ... Весь міръ имъ забытъ, одна Фленушка только на мысляхъ. «Завтра, завтра, только-что стемнѣетъ, мы съ ней въ Казань. Въ людномъ, большомъ городѣ, въ шумной жизни забудетъ она Манефу и скитъ... Къ новой жизни скоро привыкнетъ... Разряжу ее на зависть всѣмъ, на удивленье... Игры, смѣхи, потѣхи любитъ она, — на жизнь веселую ее приведу»...

Съ поля вѣтеръ пахнулъ, далекіе голоса послышались:

«Воистину суета всяческая! Житіе бо сѣ — сонъ и сѣнь и всуе мятется всякъ земнородный...» *).

Ровно ножомъ полоснуло по сердцу Петра Степаныча... «Что это?.. Надгробная пѣсня?.. Пѣсня слезъ и печали!.. —

*) Сѣдаленъ 6 гласа въ «Службѣ усопшимъ». Текстъ по Филаретовскому «Потребнику» 1623 г. Листъ 660.

тревожно замутилось у него на мысляхъ. — Невеселую, несчастливую жизнь онѣ напѣваютъ мнѣ, горе, печаль и могилу!.. Ей ли умирать?.. Жизни веселой, богатой ей надо. И я дамъ ей такую жизнь, дамъ полное довольство, дамъ ей богатство, почетъ!»

«Аще и весь міръ пріобрящемъ и тогда въ гробъ вселимся. идѣ же купно цари же и убозіи...»—доносится пѣніе келейницъ...

— О, будь вы прокляты!.. — вскрикнулъ Петръ Степанычъ.

И смущенный, въ тревожномъ смятеньи. медленнымъ шагомъ пошелъ онъ на тѣ голоса... Нехотя идетъ, будто тайной, непонятной силой тянетъ его туда... «Суета!.. Сонъ и сѣнь!.. Во гробъ вселимся!..» — раздается въ ушахъ его. Страхъ осѣтилъ разсудокъ и всѣ помышленья его... Не вѣнчальныхъ желиковъ, не удалыхъ, веселыхъ пѣсенъ ждать ему на могилахъ, но это и въ голову ему не приходитъ... Идетъ на голоса и вотъ видитъ — на дальнемъ старовѣрскомъ участкѣ, надъ свѣжей, дерномъ еще не покрытой могилѣ скитскія черницы стоятъ... На могилѣ чайная чашка съ медомъ, кацея съ дымящимся ладаномъ. Справляютъ канонъ... «По комъ бы это?» — подумалъ Петръ Степанычъ и слышитъ:

«Рабѣ Божіей преставльшейся сестрѣ нашей инокѣ Филагріи вѣчная память!..»

«Что̀ за Филагрія такая?» — думаетъ Самоквасовъ.

Кончили матери «службу объ усопшей». А Петръ Степанычъ все на томъ же мѣстѣ въ раздумьѣ стоитъ... «Сонъ и сѣнь!.. Сонъ и сѣнь!.. Вскую мятется всякъ земнородный!.. Что̀ это за Филагрія?..» Никакой Филагріи до той поры онъ не зналъ. Даже имени такого не слыхивалъ, а теперь съ ума оно не сходитъ. Черныя думы въ конецъ обуяли его...

Глава девятая.

Едва могъ дождаться вечера Петръ Степанычъ. Чтобы въ точности выполнить Фленушкино желанье, надо бы ему было пріѣхать въ Комаровъ поутру. Но не въ силахъ онъ былъ медлить такъ долго. Только-что смерклось, поскакалъ онъ изъ города къ Каменному Вражку, помчалъ стороной отъ большой дороги, по узкому, едва проѣздному проселку. Скачетъ то по горѣлому, то по срубленному лѣсу, ни мостовъ тамъ нѣтъ черезъ рѣчки, ни гатей по болотамъ, зато много короче. Доставалось бокамъ Самоквасова отъ пней, отъ корневищъ, отъ водороинъ, но не чувствуетъ онъ ни толчковъ ни ударовъ, торопитъ ямщика то и дѣло. Заря еще не занималась, какъ подскакалъ онъ къ дому Ермилы Матвѣича.

Спрашиваетъ:

— Что̀ въ скиту? Нѣтъ ли какихъ новостей? Всѣ ли живы-здоровы?

— Всѣ, слава Богу, живы, здоровы, — отвѣчаетъ Ермила Матвѣевъ. — А новостей никакихъ не предвидится. Съ ярманки кое-кто воротились: мать Таифа Манеѳиныхъ, мать Таисѐя Бояркиныхъ. Больше того нѣтъ никакихъ новостей.

— Слава Богу, — молвилъ Петръ Степанычъ и вздохнулъ глубоко и легко.

Подивился на гостя Сурминъ, но не молвилъ ни слова.

Одинъ остался въ свѣтелкѣ Петръ Степанычъ... Прилегъ на кровать, но, какъ и въ прошлую ночь, сонъ не беретъ его... Разгорѣлась голова, руки, ноги дрожатъ, въ ушахъ трезвонъ, въ глазахъ появились красные круги и зеленые... Душно... Распахнулъ онъ миткалевыя занавѣски, оконце открылъ. Потянулъ въ свѣтлицу ночной холодный воздухъ, но не освѣжилъ Самоквасова. Сѣлъ у окна Петръ Степанычъ и, глазъ не спуская, сталъ глядѣть въ непроглядную темь... Замираетъ, заныв аетъ, ровно пойманный голубь трепещетъ его сердце. «Не добро вѣщуетъ», — подумалъ Петръ Степанычъ.

Забрезжилось. На восточномъ вскраѣ неба забѣлѣлся разсвѣтъ, стали изъ тьмы выдѣляться очерки скитскихъ строеній. Тихо и глухо вездѣ... По обителямъ не видать огоньковъ. Только въ Манеѳиной стаѣ тускло мерцаютъ лампады передъ божницами... Глядитъ Петръ Степанычъ, неустанно глядитъ на окна Фленушкиныхъ горницъ, и сладкія мечты опять распаляютъ его воображенье... Ту ночку вспоминаетъ, забыть ея не можетъ... «А моя-то красотка разметалась теперь въ постелькѣ своей, — мечтаетъ онъ: — обо мнѣ мечтаетъ... Волной поднимается грудь, и жарко дыханье ея... Отъ сонной истомы раскрыты алыя губки, и въ сладкой дремотѣ шепчутъ онѣ любовныя рѣчи, имя мое поминаютъ...»

Свѣтъ въ окнѣ показался... «Неужели встаетъ?.. Что̀ это такъ рано поднялась моя ясынька?.. Видно, сряжается... Но всего еще только четыре часа... О, милая моя, о, сердце мое!.. День одинъ пролетитъ, и насъ никто больше не разлучитъ съ тобой... Скоро ли, скоро-ль пройдетъ этотъ день...»

Погасъ свѣтъ во Фленушкиныхъ горницахъ, только лампада передъ иконами теплится... Въ било ударили... Рѣдкіе, рѣзкіе его звуки вширь и вдаль разносятся въ разсвѣтной тиши; по другимъ обителямъ пока еще тихо и сонно. «Праздникъ, должно-быть, какой-нибудь у Манеѳиныхъ, — думаетъ Петръ Степанычъ. — Спозаранку поднялись къ заутренѣ... Она не пойдетъ — не великая она богомолица... Не пойти ли теперь

къ ней? Пусть тамъ поютъ да читаютъ, — мы свою пѣсню споемъ...»

Схватилъ картузъ, побѣжалъ, но тотчасъ одумался. «Увидятъ, какъ разъ на кого-нибудь навернешься... Еще ночь не минула... Огласка пойдетъ — лучше остаться».

Поютъ у Манеѳы заутреню. По другимъ обителямъ тоже стали раздаваться удары въ било. Рѣзче и рѣзче носятся они въ сыромъ, влажномъ воздухѣ... А у Манеѳы въ часовнѣ поютъ да поютъ.

Совсѣмъ развѣло, но ровно свинцовыя тучи висятъ надъ землей. Въ воздухѣ бѣлая мгла, кругомъ надъ сырыми мѣстами туманы... Пышетъ сѣверъ холодомъ, завернулъ студеный утренникъ, побѣлѣли тесовыя крыши. Ровно прикованный къ раскрытому оконцу, стоитъ въ раздумьѣ Самоквасовъ.

Кончилась служба. Съ высокаго крутого крыльца часовенной паперти старицы съ бѣлицами попарно идутъ. Различаетъ ихъ, узнаётъ иныхъ Петръ Степанычъ — вотъ мать Таифа, пріѣхала, значитъ, отъ Макарья, вотъ уставщица Аркадія, мать Лариса, мать Никанора, самой Манеѳы не видно. Передъ старицами пѣвчія бѣлицы, впереди ихъ, склонивъ голову, медленнымъ шагомъ выступаетъ Марья головщица. Заунывное пѣніе ихъ раздается:

«Послушай Христа, что вопіетъ, о дѣво!»

«Что̀ поютъ, зачѣмъ поютъ?» — думаетъ, слушая необычное пѣніе, Петръ Степанычъ. Пристально смотритъ онъ на шествіе келейницъ, внимая никогда дотолѣ неслыханной пѣснѣ:

«Иди, отвержися земныхъ, да не привлечетъ тебя страсть...»

Къ Манеѳиной кельѣ идутъ. — «Что-жъ это такое? Что̀ онѣ дѣлаютъ?» — въ недоумѣніи разсуждаетъ Петръ Степанычъ и съ напряженнымъ вниманьемъ ловитъ каждое слово, каждый звукъ долетающаго пѣнія... Всѣ прошли, всѣ до одной скрылись въ Манеѳиной кельѣ.

Ермила Матвѣичъ, увидавъ изъ огорода, что гость его стоитъ у раскрытаго окна, тотчасъ пошелъ навѣстить его...

— Раненько, сударь, поднялись — ни свѣтъ ни заря!.. Каково послѣ дороги спали-почивали? Отдохнули ли? — спрашиваетъ онъ, входя въ свѣтелку.

Не отвѣтилъ ни слова ему Самоквасовъ. Самъ съ вопросомъ къ нему:

— Что̀ это такое у Манеѳиныхъ? Послѣ заутрени всей обителью къ игуменьѣ въ келью пошли, съ пѣніемъ! Что̀ за праздникъ такой?

— Постригъ, — молвилъ Ермила Матвѣичъ. — Постригъ сегодня у нихъ... Не знавали-ль вы, сударь, мать Софію, что̀

прежде въ ключахъ у Манеѳы ходила? Тогда, великимъ постомъ, какъ болѣла матушка, въ чемъ-то она провинилась. Великій образъ теперь принимаетъ... Дѣвки мои на-дняхъ у Виринеи въ келарнѣ на посидкахъ сидѣли. Онѣ сказывали, что мать Софія къ постриженью въ большой образъ готовится. Вечоръ изъ Городца чернаго попа *) привезли.

— Такъ это постригъ? — въ раздумьѣ проговорилъ Петръ Степанычъ.

— Постригъ, — молвилъ Сурминъ. — Мои дѣвицы и обѣ снохи давно ужъ туда побѣжали... Самоварчикъ не поставить ли, чайку не собрать ли? Совсѣмъ ужъ обутрѣло. Молвлю хоть старухѣ — молодыя-то всѣ убѣжали на постригъ глядѣть...

— Можно этотъ постригъ посмотрѣть? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Нѣтъ, никакимъ образомъ нельзя, — отвѣтилъ Сурминъ. — Мужчинамъ теперь входъ въ часовню возбраненъ. Раздѣваютъ вѣдь тамъ постриженницу чуть не донага, въ рубахѣ одной оставляютъ... Игуменья ноги ея моетъ, обуваетъ ее... Нельзя тутъ мужчинѣ быть, нельзя видѣть ему тѣло черницы.

Ни слова на то не сказалъ Самоквасовъ.

— Какъ же насчетъ самоварчика-то? — снова спрашивалъ у него Ермила Матвѣичъ. — Чайку бы теперь хорошо было выпить... И я бы не прочь.

— Пожалуй, — безсознательно отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

Скоро старушка, жена Ермилы Матвѣича, самоваръ и чайный приборъ принесла. Чай пили только вдвоемъ Самоквасовъ съ хозяиномъ.

— Про Софію много тогда нехорошаго шушукали, — сидя за чаемъ, говорилъ Ермила Матвѣичъ. — Правда ли, нѣтъ ли, а намолвка въ ту пору была, что деньги будто тогда она припрятала, не чая, что Манеѳа съ одра болѣзни встанетъ... Марья Гавриловна тогда распорядилась, все отобрала у Софіи. А какъ поднялъ Господь матушку, ей все и разсказали. Она отъ ключей Софію и отставила. Вотъ теперь постригомъ въ великій образъ хочетъ оправиться... А пуще всего — желается ей съ Манеѳой въ городу поселиться, келью бы свою тамъ имѣть, оттого больше и принимаетъ великій постригъ... Вонъ въ часовню идутъ, — прибавилъ Сурминъ.

Двинулось по обительскому двору новое шествіе. Впереди попарно идутъ матери и бѣлицы обѣихъ пѣвчихъ стай.

*) *Черный попъ* — священноинокъ, іеромонахъ. По правиламъ онъ только имѣетъ право постригать въ монашество, но «нужды ради», за недостаткомъ черныхъ поповъ, у раскольниковъ нерѣдко и безъ нихъ дѣло обходится.

Марьюшка всѣхъ впереди. За пѣвицами матери въ соборныхъ мантіяхъ и черный попъ, низенькій, старенькій, сѣдой, во всемъ иночествѣ и въ епитрахили. Сзади его величавымъ шагомъ выступаетъ Манеѳа. Она тоже въ соборной мантіи, игуменскій посохъ въ рукѣ. Поднята голова, на небо смотритъ она. За ней двѣ старицы подъ руки ведутъ съ ногъ до головы укрытую Софію. Идетъ она съ поникшей головой, чуть не на каждомъ шагу оступаясь... По сторонамъ много чужихъ женщинъ. Мужчинъ ни одного, кромѣ попа. Пристально смотритъ на всѣхъ Петръ Степанычъ, ищетъ глазами Фленушку — не видитъ ея. «Не любитъ она постриговъ,—думаетъ онъ:—осталась одна на покоѣ въ своихъ горенкахъ... Что ей до Софіи? Вечеръ придетъ — вольной птицей со мной полетитъ...»

Прошли въ часовню, затворили двери на паперть, заперли ихъ.

— Начинается теперь, — молвилъ Ермила Матвѣичъ, допивая шестую чашку чая.

Тихо, ничего не слышно. Но скоро раздалось въ часовенной паперти пѣніе.

«Послѣдуемъ, сестры, благому Владыцѣ, увядимъ мірскія похоти, бѣжимъ лестьца и міродержателя, будемъ чисты и совершенны...»

— Это онѣ теперь раздѣваютъ Софію, — сказалъ Сурминъ И, сотворивъ крестное знаменье, промолвилъ:

— Подай, Господи, рабѣ Твоей страстей умиреніе, подай ей, Святый, достойно пріяти ангельскій чинъ.

«Умый ми нозѣ, честная мати, обуй мя сапогомъ цѣломудрія, да не пришедъ врагъ обрящетъ пяты моя наги и запнетъ стопы моя...»

— Это значитъ, Манеѳа теперь умываетъ ей ноги... А вотъ теперь, — объяснилъ Сурминъ: — калиги *) на ноги ей надѣваетъ.

Ни слова Петръ Степанычъ. Свои у него думы, свои пожеланья. Безмолвно глядитъ онъ на окна своей ненаглядной, каждый вздохъ ея вспоминая, каждое движенье въ ту сладкую, незабвенную ночь.

«Объятія отча отверсти ми потщися», — поютъ тамъ. Громче всѣхъ раздается голосъ Марьюшки. Слезы звучатъ въ немъ.

«Пускай поютъ, пускай постригаютъ!.. Нѣтъ намъ до нихъ дѣла!.. А какъ она, моя голубка, покорна была и нѣжна!.. Какъ вдругъ задрожала, какъ прижалась потомъ ко мнѣ!..»

---

*) Калиги — иноческая обувь.

«Блудне мое изживше житіе»... — доносится изъ часовни.

А онъ, все мечтая, на окна глядитъ, со страстнымъ замираньемъ сердца помышляя: вотъ-вотъ колыхнется въ окнѣ занавѣска, вотъ появится милый образъ, вотъ увидитъ онъ цвѣтущую красой невѣсту... «А какъ хороша была она тогда!— продолжаетъ мечтать Петръ Степанычъ. — Горячія лобзанья! Пылъ страстной любви!.. И потомъ... такая тихая, безотвѣтная, безмолвная... Краска-то какая въ разгорѣвшихся ланитахъ...»

«Гдѣ есть мірская красота? Гдѣ есть временныхъ мечтаніе? Не же ли видимъ землю и пепелъ? Что̀ убо труждаемся всуе? Что̀ же не отвержемся міра?» — поютъ въ часовнѣ.

— Антифоны запѣли, — молвилъ Сурминъ. — Настоящій постригъ теперь только начинается. Сейчасъ припадетъ Софія передъ святыми, сейчасъ подадутъ ей ножницы добровольнаго ради стриженія власъ.

Что̀ Самоквасову до стриженья власъ? Что̀ ему до Софіи? Одна Фленушка на мысляхъ. Иное все чуждо ему.

— Вотъ теперь ее черный попъ вопрошаетъ, имаши ли хранитися въ дѣвствѣ и цѣломудріи? Сохраниши ли даже до смерти послушаніе? — говоритъ Сурминъ.

Не слушаетъ словъ его Петръ Степанычъ, не сводитъ онъ глазъ со Фленушкиныхъ оконъ...

Распахнулась тамъ занавѣска... «Проснулась, встаетъ моя дорогая. — думаетъ Петръ Степанычъ. — Спроважу Ермилу, къ ней пойду... Пущай ихъ тамъ постригаютъ!.. А мы?.. Насладимся любовью и все въ мірѣ забудемъ. Пускай ихъ въ часовнѣ поютъ! Мы съ нею въ блаженствѣ утонемъ... Какая ножка у нея, какая...»

— Долго еще пройдетъ это постриженье? — спросилъ Петръ Степанычъ Сурмина.

— Не очень скоро еще до конца, — отвѣтилъ Ермила Матвѣичъ. — А послѣ пострига въ келарню новую мать поведутъ.

Хотѣлъ-было идти Петръ Степанычъ, но, вглядѣвшись, увидалъ, что у окна стоитъ не Фленушка... Кто такова, не можетъ распознать, только никакъ не она... Эта приземиста, толста, несуразна, не то что высокая, стройная, гибкая Фленушка. «Нельзя теперь идти къ ней, — подумалъ Самоквасовъ: — маленько обожду, покамѣстъ она одна не останется въ горницахъ...»

И сталъ продолжать бесѣду съ Сурминымъ. Мало самъ говорилъ, больше съ думами носился: зато словоохотенъ и говорливъ былъ Ермила Матвѣичъ. О постригахъ все разсказалъ до самыхъ послѣднихъ мелочей.

Кончилась служба. Чинно, стройно, съ горящими свѣчами въ рукахъ старицы и бѣлицы въ келарню попарно идутъ. Сзади всѣхъ передъ самой Манеѳой новая мать. Высока и стройна, видно, что молодая. «Это не Софья», — подумалъ Петръ Степанычъ. Пытается разсмотрѣть, но креповая наметка плотно закрываетъ лицо. Мать Виринея съ приспѣшницами на келарномъ крыльцѣ встрѣчаетъ новую сестру, а бѣлицы поютъ громогласно:

«Господи, Господи, призри съ небеси и виждь и посѣти винограда Своего» *).

На частые удары била стекаются въ келарню работныя матери и бѣлицы, тѣ, что̀, будучи на послушаніяхъ, не удосужились быть на постригѣ... Вотъ и та приземистая бѣлица, что̀ сейчасъ была во Фленушкиныхъ горницахъ, а самой Фленушки все нѣтъ какъ нѣтъ...

«Дома, значитъ, осталась. Теперь самое лучшее время идти къ ней...» — думаетъ Петръ Степанычъ.

Пошелъ, но только-что вступилъ въ обительскую ограду, глядитъ — расходятся всѣ изъ келарни. Вотъ и Манеѳа, рядомъ съ ней идетъ Марья головщица, еще двѣ бѣлицы, казначея Таифа, сзади всѣхъ новая мать.

«Онѣ теперь у Манеѳы всѣ будутъ сидѣть, а я къ ней, къ моей невѣстѣ!..» — подумалъ Петръ Степанычъ, бойко пошелъ къ заднему крыльцу игуменьиной стаи, что̀ ставлена возлѣ Фленушкиныхъ горницъ.

Быстрымъ движеньемъ двери настежь онъ распахнулъ. Передъ нимъ Таифа.

— Нельзя, благодѣтель, нельзя! — шепчетъ она, тревожно махая руками и не пуская въ келью Самоквасова. — Да вамъ кого?.. Матушку Манеѳу?

— Къ Фленѣ Васильевнѣ, — молвилъ онъ.

— Нѣтъ здѣсь никакой Флены Васильевны, — отвѣтила Таифа.

— Какъ? — спросилъ какъ снѣгъ побѣлѣвшій Петръ Степанычъ.

— Здѣсь мать Филагрія пребываетъ, — сказала Таифа.

— Филагрія, Филагрія! — шепчетъ Петръ Степанычъ.

Замутилось въ очахъ его, и тяжело опустился онъ на стоявшую вдоль стѣны лавку.

---

*) Всѣ эти пѣсни, употребляемыя старообрядцами при постриженіи инокинь, дословно взяты изъ Филаретовскаго *Потребника* 1631 г. Теперь чинъ постриженія въ монашество значительно сокращенъ, а бо̀льшая часть духовныхъ пѣсенъ отмѣнена, но старообрядцы сохранили все, что̀ дѣлалось и пѣлось при первыхъ московскихъ патріархахъ.

Вдругъ распахнулась дверь изъ боковушки. Недвижно стоитъ величавая, строгая мать Филагрія въ черномъ вѣнцѣ и въ мантіи. Креповая наметка назадъ закинута...

Ринулся къ ней Петръ Степанычъ...

— Фленушка! — вскрикнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Какъ стрѣла, выпрямилась станомъ мать Филагрія.

Сдвинулись соболиныя брови, искрометнымъ огнемъ сверкнули гнѣвныя очи. Какъ есть мать Манееа.

Медленно протянула она впередъ руку и твердо, властно сказала:

— Отыди отъ мене, сатано!..

А на ярманкѣ гусли гудятъ, у Макарья наигрываютъ, развеселое тамо житье, ни тоски нѣту ни горюшка, и не знаютъ тамъ кручинушки!

Туда, въ этотъ омутъ ринулся съ отчаянья Петръ Степанычъ.

Глава десятая.

Ни у Дороииныхъ ни у Марка Данилыча о Самоквасовѣ ни слуху ни духу. Сгинулъ, пропалъ, ровно въ воду канулъ. Въ послѣднее время каждый день бывалъ онъ то у Дорониныхъ, то у Марка Данилыча; всѣ полюбили веселаго Петра Степаныча, свыклись съ нимъ. Бывало, какъ ни войдетъ — на всѣхъ веселый стихъ нападетъ; такой онъ былъ затѣйникъ, такой забавникъ, что, кажется, покойника сумѣлъ бы разсмѣшить, а мало того — и плясать бы заставилъ... Думали теперь, передумывали, куда бы онъ могъ запропаститься; пуще всего гребтѣлось о немъ добродушной, заботной Татьянѣ Андревнѣ. День ото дня больше и больше она безпокоилась. А тутъ какъ нарочно разные слухи пошли по ярманкѣ: то говорятъ, что какого-то купчика въ канавѣ нашли, то заколкуютъ о мертвомъ тѣлѣ, что на Волгѣ выплыло, потомъ новые толки: тамъ ограбили, тутъ совсѣмъ уходили человѣка. Большей частью слухи тѣ оказывались праздной болтовней, всегда неизбѣжной на многолюдствѣ, но Татьянѣ Андревнѣ въ каждомъ утопленникѣ, въ каждомъ убитомъ иль ограбленномъ мерещился Петръ Степанычъ. Бывало, какъ только услышитъ она про утопленника, тотчасъ почнетъ сокрушаться: — «Батюшки свѣты! Не нашъ ли сердечный?»

Еще до возврата Меркулова какъ-то вечеромъ Дмитрій Петровичъ чай пилъ у Дорониныхъ, были тутъ еще двое-трое знакомыхъ Зиновью Алексѣичу. Бесѣду вели, что на ярманкѣ

стали пошаливать. Татьяна Андревна, къ тѣмъ рѣчамъ прислушавшись, на Петра Степаныча рѣчь повела.

— Какъ же это такъ? — говорила она. — Какъ же это вдругъ ни съ того ни съ сего пропалъ человѣкъ, ровно кладъ отъ аминя разсыпался?.. Надо бы кому поискать его.

Дмитрій Петровичъ, кой-что зная отъ Самоквасова про его дѣла, молвилъ на то:

— Въ Казань не уѣхалъ ли? Тамъ онъ съ дядей по наслѣдству тягается, можетъ-быть, понадобилось ему лично самому тамъ быть.

Но Татьяна Андревна твердо на своемъ стояла. Почти со слезами говорила она, что сердечному Петру Степанычу на ярманкѣ какая-нибудь бѣда приключилась.

И Лизу съ Наташей припечалили тѣ разговоры. Стали обѣ онѣ просить Веденеева, поискалъ бы онъ какого-нибудь человѣка, чтобы вѣсточку онъ далъ про Самоквасова, къ дядѣ его, что ли, бы съѣздилъ, его бы спросилъ, а не то разузналъ бы въ гостиницѣ, гдѣ Петръ Степенычъ останавливался.

Къ просьбамъ дочерей и свою просьбу Татьяна Андревна приставила:

— Поѣзжай, Дмитрій Петровичъ, разузнай хоть у старика Самоквасова, у дяденьки его, — говорила она. — Хоша и суды межъ ними идутъ, какъ же однако дядѣ-то родному не знать про племянника?..

Веденеевъ на другой же день обѣщалъ съѣздить и въ гостиницу и къ дядѣ Петра Степаныча, хоть и зналъ напередъ, что отъ старика Самоквасова толку ему не добиться, развѣ что на хитрости какія-нибудь подняться.

На другой день отправился онъ въ гостиницу, но тамъ ничего не могъ разузнать. «Съѣхалъ, говорятъ, а куда съѣхалъ, не знаютъ, не вѣдаютъ... Много-де всякаго званія здѣсь людей перебываетъ, гдѣ тутъ знать, кто куда съ ярманки выѣхалъ».

Нечего дѣлать, поѣхалъ Дмитрій Петровичъ къ старику Самоквасову. Засталъ его въ лавкѣ за какими-то расчетами. Поглядѣвъ на него, тотчасъ смекнулъ Веденеевъ, что ежели спроста спросить его о племянникѣ, онъ и говорить не захочетъ, скажетъ: «мнѣ недосугъ», и на дверь покажетъ. Пришлось подняться на хитрости. Заявилъ Веденеевъ себя покупателемъ. Съ перваго же слова узнавъ, что покупаетъ онъ товаръ на чистыя деньги, Тимоѳей Гордеичъ Самоквасовъ посмотрѣлъ на Дмитрія Петровича ласково и дружелюбно, отложилъ расчеты и попросилъ гостя наверхъ въ палатку пожаловать. Тамъ, наговорившись о торговыхъ дѣлахъ, Ведееневъ спросилъ угрю-

маго Тимоѳея Гордеича, не родня ли ему молодой человѣкъ, тоже Самоквасовымъ прозывается, а зовутъ его Петромъ Степанычемъ. Незадолго-де передъ ярманкой на желѣзной дорогѣ съ нимъ познакомился.

— Племянникомъ доводится, — сухо и нехотя промолвилъ Тимоѳей Гордеичъ.

— Изъ Петербурга въ Москву вмѣстѣ ѣхали, — сказалъ Дмитрій Петровичъ: — въ Москвѣ тоже видались и здѣсь на ярманкѣ. Хотѣлось бы мнѣ теперь его повидать, дѣлишко маленькое есть, да не знаю, гдѣ отыскать его. Скажите, пожалуста, почтеннѣйшій Тимоѳей Гордеичъ, какъ бы мнѣ увидать вашего племянника?

— Не знаю, сударь, — сердито насупивъ брови, отвѣтилъ старикъ Самоквасовъ. — Песъ его знаетъ, гдѣ онъ шляется... Праздный человѣкъ, тунеядъ, гуляка... Я его, шаталу, и на глаза себѣ не пущаю...

— Какая досада! — молвилъ Дмитрій Петровичъ и съ нетерпѣньемъ мотнулъ головой. — А какъ бы нужно мнѣ повидать его. Просто сказать — до зарѣзу надо...

— Не могу ничего отвѣтить на ваши спросы, — неласково промолвилъ Тимоѳей Гордеичъ. — Такъ что-же-съ?.. Какъ вамъ будетъ угодно насчетъ вашихъ закупокъ?..

— Видите ли, почтеннѣйшій Тимоѳей Гордеичъ, — съ озабоченнымъ видомъ свое говорилъ Веденеевъ. — То дѣло отъ насъ не уйдетъ, Богъ дастъ, на-дняхъ хорошенько столкуемся, завтра либо послѣзавтра покончимъ его къ общему удовольствію, а теперь не можете ли вы мнѣ помочь насчетъ вашего племянника?.. Я и самъ теперь, признаться, вижу, не надо бы мнѣ было съ нимъ связываться...

— Нешто дѣло у васъ какое съ нимъ? — съ любопытствомъ спросилъ старый Самоквасовъ, зорко глядя въ глаза Веденееву.

— То-то и есть, почтеннѣйшій Тимоѳей Гордеичъ. Нешто безъ дѣла сталъ бы я васъ безпокоить, спрашивать объ немъ?.. — съ притворной досадой молвилъ Дмитрій Петровичъ.

— Какое же дѣло у васъ до Петьки касается? — откашлянувшись и поглядывая искоса на Веденеева, спросилъ Самоквасовъ. — Глядя по дѣлу и говорить станемъ... Ежель пустошное какое, лучше меня и не спрашивайте, слова не молвлю, а ежель иное что̀, можетъ статься, и совѣтъ вамъ подамъ.

— Должишко есть за нимъ маленькій, — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — А мнѣ скоро домой отправляться. Хотѣлось бы покончить съ нимъ насчетъ его долгу.

— По векселю? — все-таки искоса посматривая на Веденеева, отрывисто спросилъ старикъ Самоквасовъ.

— По сохранной распискѣ, — отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ.

— По сохранной!.. Гм!.. Такъ впрямь по сохранной!.. Наличными, значитъ, одолжался?

— Да, рублей тысячу наличными взялъ, — сказалъ Веденеевъ.

— Тысячу!.. Ишь его какъ!.. Тысячами сталъ швыряться!.. А давно-ль это было, спрошу я васъ? — спросилъ Тимоѳей Гордеичъ.

— Да вотъ, черезъ три дня мѣсяцъ исполнится... Обѣщалъ непремѣнно въ ярманкѣ расплатиться, да вотъ и застрялъ гдѣ-то. Расписка-то, впрочемъ, писана до востребованія, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ-съ, — протянулъ Самоквасовъ. — Расплатится онъ. Какъ же!.. Держите карманъ шире!.. На гулянки бы только ему, по трактирамъ да въ непотребныхъ мѣстахъ отличаться!.. А долги платить — дѣло не его... На безпутное что-нибудь и деньги-то у васъ, поди, займовалъ?

— Нѣтъ, — молвилъ Веденеевъ: — на безпутство я не далъ бы, онъ мнѣ тогда говорилъ, что дѣло у него какое-то есть... По судамъ, говорилъ, надо ему хлопотать. Раздѣлъ какой-то поминалъ.

— Раздѣлъ поминалъ!.. Такъ это онъ у васъ на раздѣлъ займовалъ!.. — злобно захохотавъ, вскрикнулъ Самоквасовъ. — Охота была вамъ ссужать такого бездѣльника, шалыгана непутнаго... Плакали, сударь, ваши денежки, плакали!.. Это вѣдь онъ со мной тягается — выдѣли его изъ капитала, порушь отцами, дѣдами заведенное дѣло... Шишъ возьметъ!.. Вотъ что!.. Совсѣмъ надо взбѣситься, чтобы сдѣлать по его... Подлецъ онъ, мерзкій распутникъ!..

— Это ваше дѣло, Тимоѳей Гордеичъ... — сказалъ Веденеевъ. — А вотъ хоть и говорите вы, что пропали мои денежки, однакожъ я надѣюсь на доброе ваше расположеніе и, чтобы намъ и теперь и впредь дѣла вести, буду васъ покорнѣйше просить, не оставить меня добрымъ совѣтомъ насчетъ вашего племянника и помочь разыскать его. Потому что, какъ скоро отыщу его, тотчасъ куда слѣдуетъ упрячу голубчика. Предъявлю, значитъ, ему расписку, потребую платежа, а какъ по вашимъ словамъ онъ теперь не при деньгахъ, такъ я расписочку-то ко взысканію, да и упрячу друга любезнаго — въ каменный домъ за рѣшеточку... Не отвертится, въ бараній рогъ согну его.

— Вотъ это такъ, вотъ это настоящее дѣло, — весело по-

тирая руки и похаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ Самоквасовъ. — Это вы какъ надо быть разсуждаете... Пріятно даже слушать!.. Мой совѣтъ — вашего дѣла вдаль не откладывать. Засадите поскорѣй шельмеца, и дѣло съ концомъ... Пожалуйста, поторопитесь, не упустите шатуна, не то онъ, пожалуй, туда лыжи навостритъ, что въ пять лѣтъ не разыщешь.

— Сыскать-то гдѣ мнѣ его, Тимоѳей Гордеичъ? — сказалъ Веденеевъ. — Зналъ бы я, гдѣ онъ скрывается, такъ не сталъ бы чиниться. Дохнуть бы не далъ ему, разомъ скрутилъ бы!.. Да не могу добиться, гдѣ онъ теперь. Вотъ бѣда-то моя!

— Болтали намедни ребята — на другой день, слышь, либо на третій день Успенья за Волгу онъ удралъ, — молвилъ старикъ Самоквасовъ.

— А онъ какъ разъ черезъ день послѣ Успенья обѣщалъ мнѣ деньги принесть, — молвилъ Веденеевъ.

— Извольте видѣть! — злорадно вскликнулъ Тимоѳей Гордеичъ. — Значитъ, онъ отъ вашего долга тягача-то и задалъ... Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, Богомъ васъ прошу, не милуйте его... Упрячьте поскорѣе въ долговую — пущай его отвѣдаетъ, каково тамъ живется... Я бы, скажу вамъ откровенно, самъ его давно бы упекъ — повинностей за нимъ достаточно, да сами можете понять, что мнѣ неловко. Сродство: толковъ не оберешься, опять же раздѣлъ. А ваше дѣло особая статья, человѣкъ вы сторонній, вамъ ничего. Законъ, молъ, и вся недолга... Нѣтъ, ужъ вы приструньте его, пожалуйста. Ввѣкъ не забуду вашего одолженья!.. Хотите, при васъ разспрошу про него молодцовъ?

И крикнулъ какого-то Ваську. Летомъ влетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ парень лѣтъ двадцати, кровь съ молокомъ, сильный, здоровый, удалый.

— Слушай, Васька, — властнымъ голосомъ сталъ говорить Самоквасовъ. — Правду скажешь — кушакъ да шапка мерлушчатая; соврешь — ни къ Рождеству ни къ Святой подарковъ, какъ ушей своихъ, не увидишь... Куда Петръ Степанычъ уѣхалъ?

Замялся-было Васька, но кушакъ и шапка, особенно эта заманчивая мерлушчатая шапка, до того замерещилась въ глазахъ молодца, что, несмотря на преданность свою Петру Степанычу, все, что ни зналъ, разсказалъ, пожалуй, еще кой съ какими прибавочками.

Коней за Волгу рядили, — сказалъ онъ. — При мнѣ была ряда, я у нихъ тогда на квартирѣ случился. До Комаровскаго скита подряжали, на сдаточныхъ.

— До Комарова? — молвилъ Тимоѳей Гордеичъ. — Ты вѣдь

не то въ прошломъ, не то въ позапрошломъ году туда ѣздилъ съ нимъ?

— Такъ точно-съ, я самый съ нимъ ѣздилъ, — отвѣчалъ Васька. — Въ прошломъ году это было, четыре недѣли тамъ выжили.

— Какъ думаешь, Васютка, зачѣмъ бы теперь ему въ Комаровъ ѣхать? — ласково спросилъ Тимоѳей Гордеичъ.

— Къ Бояркинымъ, надо думать, поѣхалъ, — отвѣтилъ Васютка. — У нихъ завсегда ему пристанище.

— Не можетъ быть, — молвилъ на то Тимоѳей Гордеичъ.— Мать Таисѣя вечоръ у меня была и сама про него спрашивала.

— Нешто къ Манеѳинымъ? — молвилъ Васютка. — Тамъ зазнобушка есть у него... — прибавилъ онъ, осклабляясь и тряхнувъ головой молодецки.

— Кто такая? — спросилъ Тимоѳей Гордеичъ.

— Племянницей матушки Манеѳы зовутъ ее. Въ пріемыши, слышь, взята... Въ скитахъ настоящаго дѣла по этой части нескоро разберешь, — съ усмѣшкой прибавилъ Васютка. — Фленой Васильевной звать ее.

— Что-жъ у него съ этой Фленой? — спросилъ Самоквасовъ.

— Извѣстно что̀, — ухмыльнулся Васютка. — Соловьевъ по ночамъ вмѣстѣ слушаютъ, по грибы да по ягоды по лѣсочкамъ похаживаютъ. Были у нихъ ахи, были и махи, надо полагать, всего бывало. На эти дѣла въ скитахъ оченно просто. Житье тамъ разлюли-малина, вѣкъ бы оттолѣ не вышелъ...

— Такъ ты думаешь, что онъ къ этой Фленѣ поѣхалъ? — немного помолчавъ, спросилъ Самоквасовъ.

— Такъ надобно думать, — отвѣтилъ Васютка. — Какъ турился онъ ѣхать и укладывался, такъ я ему помогалъ... А онъ нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ, а вздохнувши и промолвитъ тихонько: «Ахъ, ты, Фленушка, Фленушка!»... Безотмѣнно къ ней собрался.

— Ступай къ своему дѣлу, — приказалъ Васюткѣ Тимоѳей Гордеичъ.—Кушакъ да шапка за мной. Завтра получишь.

— Чувствительнѣйше васъ благодаримъ, Тимоѳей Гордеичъ, — низко кланяясь, молвилъ Васютка, и лицо его просіяло. Шапка не простая, а мерлушчатая! Больно хотѣлось такой ему... — «Заглядятся дѣвки, какъ зимой, Богъ дастъ, съ кулаками въ голицахъ на Кабанъ *) пойду, — думаетъ онъ. — Держись, татарва окаянная — любому скулу сворочу!»

— Ну вотъ, изволите видѣть, — сказалъ Тимоѳей Гордеичъ

*) Кабанъ — озеро въ Казани. На льду его бывали, а можетъ, и теперь бываютъ еще кулачные бои между русскими и татарами.

Веденееву, когда, стуча изо всей мочи тяжелыми сапогами, сходилъ по лѣстницѣ въ лавку Васютка. — Вотъ вамъ и путь его, вотъ и дорога... Сцапайте его, батюшка, сдѣлайте такое ваше одолженіе... По гробъ жизни не забуду!.. Потрудитесь, пожалуйста... А мы завсегда ваши радѣтели... Мнѣ что?.. Мнѣ бы только очувствовался онъ, молодъ вѣдь еще, можетъ статься, маленько погодя и образуется... Грозы на него мало было, отъ того и бѣда вся... Прихлопните его, сударь, прихлопните!.. Это не вредитъ, право, не вредитъ... Его же душѣ во спасенье пойдетъ... Вѣрно говорю...

До того былъ радъ старикъ Самоквасовъ, что, какъ только ушелъ отъ него Веденеевъ, не только Васюткѣ кушакъ и шапку купилъ, но и другимъ молодцамъ на пропивъ деньжонокъ малую толику пожаловалъ.

Въ тотъ же день вечеркомъ Веденеевъ, сидя за чайнымъ столомъ у Дорониныхъ, разсказалъ, какъ собиралъ онъ вѣсти про Петра Степаныча. Много шутили, много смѣялись надъ тѣмъ, какъ провелъ онъ стараго Самоквасова, но не могли придумать, зачѣмъ понадобилось Петру Степанычу ѣхать въ скиты за Волгу. При Лизѣ съ Наташей Веденеевъ смолчалъ о Фленушкѣ, но, улучивъ время, сказалъ о томъ и Зиновью Алексѣичу и Татьянѣ Андревнѣ. Зиновей Алексѣичъ улыбнулся, а Татьяна Андревна начала ворчать.

— Вотъ какіе вы нонѣ стали вѣтрогоны!.. Вотъ за какими дѣлами по богомольямъ разъѣзжаете!.. Святыя мѣста порочите, соблазны по людямъ разносите!.. Не чаяла я такихъ дѣловъ отъ Петра Степаныча, не ожидала... Поди вотъ тутъ, каковъ лукавецъ!.. И подумать вѣдь нельзя было, что за нимъ такія дѣла водятся... Нехорошо, нехорошо, ой какъ нехорошо!

На другой день Дарья Сергѣвна за какимъ-то дѣломъ завернула къ Доронинымъ, и Татьяна Андревна все разсказала ей, что наканунѣ узнала про Самоквасова. Не забыла и Фленушку помянуть. Живя съ Дуней долгое время у матери Манефы, Дарья Сергѣвна хорошо знала обительскую баловницу, игривый, веселый нравъ ея, озорныя шалости и затѣйныя проказы. И то знала, что Фленушка черезчуръ ужъ вольно обходится съ мужчинами, но не вѣрила, чтобъ у нея съ кѣмъ-нибудь дѣло далеко зашло. «А впрочемъ, — подумала она: — чего съ человѣкомъ не можетъ случиться. Врагъ вѣдь силенъ, горами качаетъ, долго-ль и тутъ до грѣха!..» Аграфенѣ Петровнѣ сказала, но та совсѣмъ не повѣрила, чтобъ у Фленушки было что-нибудь съ Самоквасовымъ... А что за Волгу онъ уѣхалъ, о томъ она еще наканунѣ знала: ихній приказчикъ

ѣзилъ за товаромъ въ Вихорево и вблизи Комарова повстрѣчалъ Петра Степаныча.

Подъ Главнымъ Домомъ, у лавочки съ уральскими камнями, часу въ первомъ дня стоялъ Веденеевъ и, накупивъ цѣлую кучу красно-кровавыхъ рубиновъ, голубыхъ сапфировъ, синеалыхъ аметистовъ, малиновыхъ турмалиновъ и бѣлыхъ, будто алмазы, блестящихъ тяжеловѣсовъ, укладывалъ ихъ въ большую малахитовую шкатулку для перваго подарка нареченной невѣстѣ. Едва отвелъ онъ глаза отъ игравшихъ разноцвѣтными переливами камней, какъ увидалъ быстро, съ озабоченнымъ видомъ проходившаго мимо Петра Степаныча.

Остановилъ его Дмитрій Петровичъ и, несмотря на отговорки спѣшными дѣлами, пустился въ длинные разспросы. Самоквасовъ сказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ ѣздилъ на Волгу, но вотъ ужъ четвертый день какъ воротился оттуда и теперь страшно заваленъ работой и хлопотами. Сказалъ, что получилъ извѣстье объ окончаніи дѣла о раздѣлѣ въ его пользу и что послѣзавтра во что бы то ни стало поѣдетъ въ Казань. Дмитрій Петровичъ разсказалъ ему, какъ дивились у Дорониныхъ внезапному его отъѣзду, какъ въ первые дни, когда еще неизвѣстно было, что съ нимъ случилось, всѣ объ немъ безпокоились, особливо Татьяна Андревна... Разсказалъ и о томъ, что по ея порученью развѣдывалъ объ немъ у дяди его и выпыталъ у него, что было нужно, заявивши о небывалой сохранной распискѣ. Самоквасовъ все только краемъ уха слушалъ... Сказалъ ему Веденеевъ о радости Дорониныхъ, что дождались наконецъ жениха Лизаветы Зиновьевны, Петръ Степанычъ равнодушно улыбнулся и не сказалъ ни слова... Когда же, крѣпко и горячо сжимая ему руку, Дмитрій Петровичъ повѣдалъ и о своей радости, Петръ Степанычъ такъ равнодушно поздравилъ его, что счастливому жениху такое поздравленье показалось даже обиднымъ. Звалъ его Веденеевъ къ себѣ, звалъ къ Зиновью Алексѣичу... Самоквасовъ сказалъ, что до отъѣзда постарается непремѣнно повидаться со всѣми знакомыми, и тотчасъ своротилъ рѣчь на свои недосуги. Молвилъ ему Дмитрій Петровичъ и про Дуню Смолокурову, что она жалуется на нездоровье, что очень похудѣла, смотритъ такой грустной, задумчивой. Хоть бы словечко Петръ Степанычъ сказалъ и, увѣряя, что ему необходимо сейчасъ же куда-то ѣхать, убѣжалъ почти отъ Веденеева.

И день и другой каждую минуту ждали у Дорониныхъ Петра Степаныча, но понапрасну. На третій день кто-то сказалъ, что онъ на Низъ на пароходѣ побѣжалъ. Подивились, что

онъ не зашелъ проститься. Татьяна Андревна досады не скрывала.

— Придумать не могу, чѣмъ мы ему не угодили, — обиженнымъ голосомъ говорила она. — Кажись бы, опричь ласки да привѣта отъ насъ ничего онъ не видѣлъ, обо всякую пору были ему рады, а онъ хоть бы плюнулъ на прощанье... Вотъ и выходитъ, что своего спасиба не жалѣй, а чужого и ждать не смѣй... Вотъ тебѣ и благодарность за любовь да за ласки... Ну, да Господь съ нимъ, вольному воля, ходячему путь, намъ не въ убытокъ, что ни съ того ни съ сего отшатился отъ насъ. Ни сладко ни горько, ни солоно ни кисло... А все-таки обидно...

— Да съ чего ты такъ къ сердцу принимаешь? — говорилъ женѣ Зиновей Алексѣичъ. — Жили безъ него и впередъ будемъ жить не тужить, никому не служить. Не бѣчи-жъ *) за нимъ не знай зачѣмъ. Былъ, провалилъ; ну и кончено дѣло. На всѣхъ, мать моя, не угодишь, на всѣхъ и солнышко не усвѣтитъ... По-моему, нечего и поминать про него...

— Обидно вѣдь, батька... До кого ни доведись, всякъ оскорбится, — продолжала брюзжать Татьяна Андревна. — Словно родного привѣчали, а онъ, видишь ли, какъ заплатилъ. На рѣчи только, видно, мягокъ да тихъ, а на сердцѣ злобенъ да лихъ... Лукавый человѣкъ!.. Никто-жъ вѣдь его силкомъ къ себѣ не тянулъ, никто ничѣмъ не заманивалъ, ну, не любо — не знайся, не хочешь — не водись, а этакъ, какъ онъ поступилъ, на что это похоже?

— Дѣла у него, слышь, спѣшныя, — замѣтилъ Меркуловъ. — Митенька сказывалъ вѣдь, какъ онъ торопился. Минуты, слышь, свободной у него не было.

— Захотѣлъ бы, такъ не минуту сыскалъ бы, а часъ и другой... — молвила Татьяна Андревна. — Нѣтъ, ты за него не заступайся. Одно ему отъ насъ ото всѣхъ: «забудь наше добро, да не дѣлай намъ худа». И за то спасибо скажемъ. Ну, будетъ! — утоля воркотней расходившееся сердце, промолвила Татьяна Андревна. — Перестанемъ про него поминать... Господь съ нимъ!.. Былъ у насъ Петръ Степанычъ да сплылъ, значитъ, и дѣлу аминь... Вотъ и все, вотъ и послѣднее мое слово...

Отъ Дорониныхъ вѣсти про Петра Степаныча дошли и до Марка Данилыча. Онъ только головой покачалъ, а потомъ на другой аль на третій день — какъ-то къ слову пришлось, разсказалъ обо всемъ Дарьѣ Сергѣвнѣ. Когда говорилъ онъ, Дуня

*) Бѣжать.

въ смежной комнатѣ сидѣла, а дверь была не притворена. Отъ слова до слова слышала она, что̀ отецъ разсказывалъ.

Быстро встала она со стула, нетвердымъ шагомъ перешла на другую сторону комнаты, оперлась рукой на столъ и стала какъ вкопаная. Ни кровинки въ лицѣ, но ни слезъ, ни вздоховъ, ни малѣйшаго движенья, только сдвинула брови да устремила неподвижный взоръ на свою руку. Черезъ полчаса Аграфена Петровна пришла... Дуня сказала ей про все, что̀ узнала, но говорила такъ равнодушно, такъ безучастно, что Аграфена Петровна только подивилась... Затѣмъ больше ни слова о Самоквасовѣ. Повидимому, Дуня стала даже веселѣй прежняго, и Марко Данилычъ тому радовался.

Домой собралась Аграфена Петровна. Наканунѣ отъѣзда долго сидѣла она съ Дуней, но сколько разъ ни заводила рѣчь о томъ, что̀ теперь у нея на сердцѣ, она ни однимъ словомъ не отозвалась... Сначала не отвѣчала ничего, потомъ сказала, что все, что̀ случилось, было одной глупостью, и она давнымъ-давно и думать перестала о Самоквасовѣ, и теперь надивиться не можетъ, какъ это она могла такъ много объ немъ думать. «Ну, — подумала Аграфена Петровна: — теперь ничего. Все пройдетъ, все минетъ, она успокоится и забудетъ его».

Тяжело было Петру Степанычу на ярманочномъ многолюдствѣ. Не вытерпѣлъ, ни съ кѣмъ не видѣвшись, дня черезъ два онъ поѣхалъ въ Казань.

Только-что отвалилъ пароходъ отъ нижегородской пристани, увидалъ Петръ Степанычъ развеселаго ухарскаго парня, маленько подгулявшаго на разставаньи съ ярманкой. Въ красной кумачевой рубахѣ, въ черныхъ плисовыхъ штанахъ и въ поярковой шляпѣ набекрень стоитъ онъ середь палубы. Выступивъ впередъ правой ногой и задорно всѣхъ озирая, залихватски наяриваетъ на гармоникѣ, то присвистывая, то взвизгивая, то подпѣвая:

Ужъ и быть ли, не быть ли бѣдѣ?
Ужъ расти-ль въ огородѣ лебедѣ?..

«Быть бѣдѣ!..» — вспало на умъ Петра Степаныча...

Глава одиннадцатая.

Когда Дуня отъ Дарьи Сергѣвны узнала объ отъѣздѣ Петра Степаныча за Волгу, сердце у ней такъ и упало. Въ тоскѣ и кручинѣ послѣ того цѣлые дни она проводила. Ни отцовской ласки ни заботливости Дарьи Сергѣвны будто не замѣчала, даже говорила съ ними неохотно. Только и рѣчей было у ней, что съ Аграфеной Петровной, да и съ той не попрежнему она

разговаривала, зато тихаго, нѣмого плача было довольно. Какъ ни уговаривала ее Аграфена Петровна, что убиваться тутъ не изъ чего, что мало-ль какія могли у него дѣла случиться, мало-ль зачѣмъ вдругъ ѣхать ему понадобилось, Дуня рѣчамъ ея не внимала, а все больше тосковала и плакала. Замѣтивъ перемѣну въ дочери, Марко Данилычъ, сколько ее ни разспрашивалъ, ничего не могъ добиться; совѣтовался онъ и съ Дарьей Сергѣевной и съ Аграфеной Петровной, и онѣ ничего не могли ему присовѣтовать. Старался развлечь Дунины думы забавами, гостей сзывалъ, въ театръ ее возилъ, — ничто не помогало, ничто не могло разсѣять тайной ея кручины... Изстрадался весь Марко Данилычъ, замѣчая, что Дуня съ каждымъ днемъ ровно воскъ таетъ. Приходило ему въ голову, не пришла ли пора ея, не нашла ли она по душѣ человѣка, и подумалъ при этомъ на Петра Степаныча. Не разъ и не два заговаривалъ онъ объ этомъ съ дочерью... но опричь дочернихъ слезъ ничего не могъ добиться.

Аграфена Петровна говорила Дунѣ, что поѣздка Петра Степаныча недолгая, что, должно-быть, какія-нибудь дѣла съ матерями у него не покончены... Можетъ-быть, дѣла денежныя, и вотъ теперь, прослышавъ о близкомъ скитовъ разореньи, поѣхалъ онъ туда, чтобы во̀-время наградить обители деньгами. Равнодушно слушала все это Дуня. Теперь ей было все равно — въ скиты ли уѣхалъ Петръ Степанычъ, въ Казань ли, въ другое ли мѣсто: то ей было невыносимо, то было горько, что уѣхалъ онъ, не сказавшись, ни съ кѣмъ не простясь. Когда же Татьяна Андреевна передала Аграфенѣ Петровнѣ вѣсти, принесенныя Веденеевымъ, и помянула про Фленушку, та виду не подала и ни словечка о томъ Дунѣ не молвила. Зато говорливая мать Таисѐя невпопадъ разболталась при Дунюшкѣ. Сбираясь домой, зашла она къ Марку Данилычу еще разокъ покланяться, не оставилъ бы ихъ обитель милостями при грозившихъ бѣдахъ и напастяхъ. Тутъ она разговорилась о комаровскихъ вѣстяхъ, привезенныхъ наканунѣ наперсницей ея, часовенной головщицей Варварушкой. Матери Таисѐѣ стало за великую обиду, что Петръ Степанычъ, пока изъ дядиныхъ рукъ глядѣлъ, всегда въ ея обители приставалъ, а какъ только сталъ оперяться да свой капиталъ получать, въ сиротскомъ дому у иконника Ермилы Матвѣича остановился...

— Ужъ мы ли не угождали ему, ужъ мы ли не были рады ему, а теперь ровно плюнулъ онъ на нашу святую обитель!.. — со слезами говорила мать Таисѐя. — Извѣстно, у другихъ жизнь веселѣе, а наша обитель небогатая и пустячныхъ

дѣловъ у меня, слава Богу, не водится... Живемъ скромно, по закону, ну, а по инымъ обителямъ и житье другое; есть тамъ дѣвицы веселыя, податливыя, поди теперь съ ними ровно сыръ въ маслѣ катается... А мы терпи да убытки неси. Вѣдь, бывало, что ни пожалуетъ къ намъ погостить, меньше двухъ сотенныхъ никогда не оставитъ... А все эта баламутница Флена Васильевна, она его отъ нашей обители отвадила... У ней только и есть на умѣ, чтобы каждаго молодого паренька взбаламутить да взбудоражить... Промежъ ихъ давно замѣчалось. А Ермилы Матвѣича домъ возлѣ самой Манеѳиной обители и прямехонько супротивъ Фленушкиныхъ оконъ... Теперь имъ воля: матушка больнымъ-больнешенька, а Фленушка и къ винцу возымѣла пристрастіе. Свертитъ она, скружитъ она сердечнаго Петра Степаныча, безпремѣнно споитъ сердечнаго.

Зелень у Дуни въ глазахъ заходила, когда услышала она Таисѣины рѣчи. Не то чтобы слово промолвить, бровью не повела, пальчикомъ не двинула... Одна осталась—и тутъ не заплакала. Стала ровно каменная. Сама даже Груня стала ей противна. Одной все быть хотѣлось, уйти въ самоё себя. Вечеромъ Марко Данилычъ въ театръ ее повезъ съ Дороиными. Безмолвно исполнила Дуня отцовскій приказъ, одѣлась, пріѣхала: но лютой мукой показались ей и сидѣнье въ ложѣ и сидѣнье за ужиномъ у Никиты Егорова: однако все перенесла, все безропотно вытерпѣла.

На другой день, а это было какъ разъ въ то - утро, когда Никита Ѳедорычъ впервые пріѣхалъ къ невѣстѣ, въ грустномъ безмолвьѣ, въ сердечной кручинѣ сидѣла, пригорюнясь, одинокая Дуня. Вдругъ слышитъ — кто-то тревожно кричитъ въ коридорѣ, кто-то бѣжитъ, хлопаютъ двери, поднялась бѣготня... Не пожаръ ли, не горитъ ли гостиница?.. Нѣтъ... «Задавили, задавили!» — кричатъ... И все вдругъ стихло.

Снова поднялся безпокойный говоръ, снова послышались топотъ бѣгущихъ и шумъ... Вдругъ входная дверь распахнулась... Блѣдная, какъ смерть, съ трудомъ переводя дыханье и держа за руку старшую дѣвочку, въ страшномъ испугѣ нетвердыми шагами вошла Аграфена Петровна и тяжело опустилась на первый попавшійся стулъ. Слѣдомъ за ней вошла высокая, стройная, статная женщина, съ ногъ до головы во всемъ черномъ, покрыта была она черною же, но дорогою кашмировою шалью. Сильными, крѣпкими руками внесла она меньшую дочку Аграфены Петровны — всю въ пыли, съ растрепанными волосами и въ измятомъ платьѣ... Бережно она поставила ее середь комнаты, погладила по головкѣ и нѣжно поцѣловала. Лицо этой женщины незнакомо было и Дунѣ и

прибѣжавшей на шумъ Дарьѣ Сергѣвнѣ... Общими силами кое-какъ успокоили Аграфену Петровну.

Каждый день она передъ полуднемъ хаживала навѣстить скорбную Дуню и брала съ собой обѣихъ маленькихъ дѣвочекъ. День былъ ясный, и она. потихоньку пробираясь въ тѣни по другой сторонѣ улицы. поверсталась съ гостиницей. гдѣ жили Смолокуровы. По улицѣ взадъ и впередъ тянутся нескончаемые обозы, по сторонамъ ихъ мчатся кареты, коляски, дрожки, толпится и тѣснится народъ; всѣ шумятъ, гамятъ, суетятся, мечутся во всѣ стороны. всюду сумятица и толкотня; у непривычнаго человѣка какъ разъ голова кругомъ пойдетъ на такой сутолокѣ. Взявъ за руки дѣвочекъ, Аграфена Петровна стала переходить кипѣвшую народомъ улицу и ужъ дошла-было до подъѣзда гостиницы, какъ вдругъ съ шумомъ, съ громомъ налетѣла чья-то, запряженная парой борзыхъ коней, коляска.

Раздался дѣтскій крикъ, обмерла Аграфена Петровна... Меньшая дѣвочка ея лежала на мостовой у колесъ подъѣхавшей коляски. Сшибло-ль ее, сама ли упала съ испугу — Богъ ее знаетъ... Ястребомъ ринулась мать, но ребенокъ былъ ужъ на рукахъ черной женщины. Въ глазахъ помутилось у Аграфены Петровны, зелень пошла... Едва устояла она на ногахъ.

— Успокойтесь, не тревожьтесь, — ласково и тихо говорила добрая женщина. — Дѣвочка ничѣмъ невредима... Одинъ испугъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ поплатился только смятымъ платьемъ да растрепанными волосами, но съ испугу дрожалъ, бился и трепеталъ всѣмъ тѣльцомъ, ровно голубокъ, попавшій въ силки. Дѣвочка не могла идти, а мать не въ силахъ была поднять ее.

— Не безпокойтесь, моя милая, я донесу вашу бѣдную крошку. — кротко промолвила черная женщина и. охвативъ сильными руками дѣвочку, бодро понесла ее вверхъ по ступенямъ...

У Смолокуровыхъ она сказала, что живетъ рядомъ съ ихъ номеромъ, и назвала себя помѣщицей села Талызина, Марьей Ивановной Алымовой.

По душѣ пришлась скорбной Дунѣ Марья Ивановна. Голосъ тихій и кроткій. рѣчь задушевная, нѣжная, добрая улыбка, скромные, но величавые пріемы и проницательные ясные взоры чуднымъ блескомъ сіявшихъ голубыхъ очей невольно, безсознательно влекли къ ней разбитое сердце потерявшей земныя радости дѣвушки.

Между тѣмъ Марко Данилычъ воротился съ Гребновской въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Всю коренную рыбу, что у него ея ни было, по хорошей цѣнѣ безъ остатка онъ продалъ. Увидавши въ окно подъѣзжавшаго хозяина, Дарья Сергѣвна поспѣшила къ нему навстрѣчу разсказать напередъ, что у нихъ безъ него случилось. Встревожился Марко Данилычъ только за Дуню. Зная привязанность ея къ Аграфенѣ Петровнѣ, опасался онъ, чтобъ испугъ еще пуще не повредилъ ей, но Дарья Сергѣвна его успокоила. Сталъ Марко Данилычъ разспрашивать, что это за Марья Ивановна такая, и узналъ, что какая-то она мудреная, сама изъ дворянскаго роду, а ходитъ черноризицей. Еще поразспросилъ объ ней у Дарьи Сергѣвны и, узнавъ прозванье Марьи Ивановны, Марко Данилычъ призадумался, а потомъ тихонько промолвилъ:

— Не дочка ли нашему?.. И та, слышь, тоже чудитъ... Тоже, слышь, въ черномъ ходитъ, а живетъ не по-господски... У старыхъ дѣвокъ, у келейницъ, слышь, часто на бесѣдахъ бываетъ. А добрая, говорятъ про нее, милосердая барышня.

Войдя въ комнаты, познакомился онъ съ Марьей Ивановной, о томъ, о семъ поговорилъ и потомъ спросилъ у ней:

— Не Ивана-ль Григорьича дочка вы будете?

— Да,—отвѣтила Марья Ивановна:—отца моего Иваномъ Григорьичемъ звали.

— Такъ деревня Родякова, что въ лѣсу подъ Муромомъ, ваша будетъ?..

— Да, это моя деревня,—подтвердила Марья Ивановна.

— Матушка!.. Марья Ивановна!..—радостно вскликнулъ Марко Данилычъ.—Вѣдь вы нашего барина дочка!.. Мы сами родяковскіе родомъ-то.

— Какъ такъ?—съ любопытствомъ спросила Марья Ивановна.

— Мой-отъ родитель вашего батюшки крестьяниномъ былъ, потомъ на волю откупился, а тамъ и въ купцы вышелъ... Ахъ, вы, матушка наша, Марья Ивановна!.. Вотъ привелъ Господь встрѣтиться!.. Мы вашимъ батюшкой завсегда довольны были... Баринъ милосердый былъ, жили мы за нимъ, что у Христа за пазухой.

— Вотъ какъ!—добродушно улыбаясь, молвила Марья Ивановна.—Давно ли же то было? Я что-то не помню...

— Гдѣ-жъ вамъ помнить, матушка,—весело, радушно и почтительно говорилъ Марко Данилычъ.—Васъ и на свѣтѣ тогда еще не было... Самъ-отъ я невеличекъ еще былъ, какъ на волю-то мы выходили, а вотъ ужъ какой старый сталъ... Дарья Сергѣвна, да что же это вы, сударыня, сложа руки

стоите?.. Что дорогую гостью не потчуете?.. Чайку бы что ли, собрали.

— Пили ужъ, — отвѣтила Дарья Сергѣевна. — Сейчасъ самоваръ со стола сняли...

— Такъ закусить прикажите подать, — молвилъ Марко Данилычъ. — Да поскорѣе. Да получше велите подать. Такую дорогую гостью безъ хлѣба безъ соли нельзя отпустить!.. Какъ это возможно!

Какъ ни отговаривалась Марья Ивановна, а Марко Данилычъ упросилъ-таки ее воздать честь его хлѣбу-соли.

— Погляжу я на васъ, сударыня, какъ на покойника-то, на Ивана-то Григорьича, съ лица-то вы похожи, — говорилъ Марко Данилычъ, разглядывая Марью Ивановну. — Хоша я больно малешенекъ былъ, какъ родитель вашъ въ Родяково къ себѣ въ вотчину пріѣзжалъ, а какъ теперь на него гляжу — осанистый такой былъ, изъ себя видный, говорилъ такъ важно... А душа была у него предобрѣющая. Велѣлъ онъ тогда собрать всѣхъ насъ деревенскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ и всѣхъ пряниками да орѣхами изъ своихъ рукъ одѣлилъ... Ласковый былъ баринъ, добрый.

— Отца я мало помню, — сказала Марья Ивановна. — Послѣ его кончины я вѣдь по восьмому году осталась.

— Вы вѣдь никакъ у дяденьки взросли?.. Отъ нашихъ только родяковскихъ я про то слыхивалъ... — молвилъ Марко Данилычъ.

— Послѣ батюшки я круглой сиротой осталась, матери вовсе не помню, — отвѣчала Марья Ивановна. — У дяди Луповицкаго, у Сергѣя Петровича, выросла я...

— Что-жъ это вы, сударыня, до сихъ поръ себя не пристроили? Достатки у васъ хорошіе, сами изъ себя посмотрѣть только... — заговорилъ Смолокуровъ.

— Не всѣмъ замужъ выходить, Марко Данилычъ, надо кому-нибудь и старыми дѣвками на свѣтѣ быть, — сказала, улыбнувшись на радушныя слова Смолокурова, Марья Ивановна. — Да и то сказать, въ дѣвичьей-то жизни и заботъ и тревогъ меньше...

— Все бы оно лучше, — замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Кому какъ, — молвила Марья Ивановна. — Я своей участью довольна... Никогда не жалѣю о томъ, что замужъ не вышла.

— Въ Родяковѣ-то рѣдко бываете? — послѣ недолгаго молчанья спросилъ Смолокуровъ.

— Дѣлать-то мнѣ нечего тамъ, — отвѣтила Марья Ивановна. — Хозяйства нѣтъ, крестьяне на оброкѣ.

— Знаемъ мы это, сударыня, знаемъ, — сказалъ Смолокуровъ. — Довольно наслышаны... Родитель вашъ до крестьянъ былъ милостивъ, а вы и его превзошли. Такъ полагаю, сударыня, что, изойди теперь весь бѣлый свѣтъ, такого малаго оброка, какъ у васъ въ Родяковѣ, нигдѣ не найти...

— Много-то взять съ родяковскихъ и нельзя, — спокойно отвѣтила Марья Ивановна. — Самимъ едва на пропитанье достаетъ. Земля — голый песокъ, да и его не больно много; лѣсомъ сердечные только и перебиваются... Народъ бѣдный, и малый-то оброкъ, по правдѣ сказать, имъ тяжеленекъ.

— Ну, это они врутъ, матушка, — молвилъ Марко Данилычъ. — Слушать ихъ въ этомъ разѣ не слѣдуетъ — дурятъ... Земля точно что неродима и точно что ея маловато — это вѣрно. А сколько они въ годъ-отъ этой смолы въ вашемъ лѣсу накурятъ, сколько деггю насидятъ, сколько кадокъ надѣлаютъ, да саней, да телѣгъ!.. А вѣдь за лѣсъ-отъ попенныхъ вамъ ни копеечки они не платятъ... Знаю вѣдь я, матушка, ихнее-то житье-бытье... Нѣтъ, при такихъ вашихъ милостяхъ Бога гнѣвить имъ не надо, а денно и нощно молиться должно о вашемъ здоровьѣ... Не въ Родяково-ль отселѣ думаете?

— Не знаю еще, какъ вамъ сказать, — отвѣчала Марья Ивановна. — Въ Рязанскую губернію къ братьямъ Луповицкимъ пробираюсь... Отсюда до Мурома на пароходѣ думаю ѣхать. А оттоль до Родякова рукой подать — можетъ-быть, и заверну туда... Давно не бывала тамъ.

— Ежели туда поѣдете, сдѣлайте ваше одолженіе, удостойте насъ своимъ посѣщеніемъ, — вставъ съ мѣста и низко кланяясь, просилъ Марью Ивановну Смолокуровъ. — По дорогѣ будетъ... Домишка у меня слава Богу не тѣсный, найдется мѣсто, гдѣ успокоить васъ. У меня вѣдь только и семейства, что вотъ дочка Дунюшка да еще сродница Дарья Сергѣвна... Очень бы одолжили, Марья Ивановна... Мы васъ завсегда за своихъ почитаемъ, потому родителемъ вашимъ оченно были довольны и много отъ него видали милостей. Такъ ужъ не оставьте втунѣ просьбы моей... Дунюшка, проси, голубка, Марью Ивановну!..

Краснѣя и потупивъ глаза, стала Дуня просить Марью Ивановну, но она ни того ни сего въ отвѣтъ не сказала. Не обѣщалась и не отказывала.

За обѣдомъ, какъ ни потчевалъ ее Марко Данилычъ, пальцемъ не тронула рюмки съ виномъ. Пивомъ, медомъ потчевалъ — не стала пить. Шампанскаго подали, и пригубить не согласилась. И до мясного не коснулась, ѣла рыбное да зелень, хоть день и скоромный былъ.

— Что-жъ это вы, матушка, постничаете?.. — спрашивалъ Марко Данилычъ. — Обѣщанье, что ли, наложили, душѣ во спасеніе?

— Нѣтъ, — скромно отвѣтила Марья Ивановна. — Мясное, признаться, мнѣ съ дѣтства противно. Непривыкла къ нему. оно-жъ и вредно мнѣ... Вино и пиво тоже. Чай да вода, вотъ и все мое питье.

— Удивительно дѣло! — молвилъ Марко Данилычъ. — Насчетъ питья у насъ по простому народу говорится: «пить воду не барскому роду»... А насчетъ постничанья такъ нонѣ господа и во святую четыредесятницу ѣдятъ что̀ ни попало. А вы, матушка, и въ мясоѣдъ таково строго поститесь...

— Привычка, — сказала Марья Ивановна.

Марьѣ Ивановнѣ Дуня очень понравилась. Фармазонка говорила, что ея дѣла на ярманкѣ затянулись и ей приходится пока въ Нижнемъ оставаться. Каждый день навѣщала она Дуню, и Марко Данилычъ радъ былъ тому. Льстило его самолюбію, что такая важная особа, дочь знатнаго генерала, бывшаго ихъ господина, такъ полюбила его Дуню, что дня безъ нея не можетъ пробыть. Дарья Сергѣвна тоже довольна была посѣщеньями Марьи Ивановны, еще не зная ея хорошенько, чтила какъ строгую постницу, презирающую міръ и суету его... Даже на то, что старой вѣрѣ она не послѣдуетъ, смотрѣла снисходительно и, говоря съ Маркомъ Данилычемъ, высказывала убѣжденіе, что хорошіе люди во всякой вѣрѣ бываютъ, и что Господь, видя добродѣтели Марьи Ивановны, не оставитъ ее навсегда во тьмѣ невѣрія, но рано или поздно обратитъ ее къ древлему благочестію.

Каждый день по нѣскольку часовъ Марья Ивановна проводила съ Дуней въ задушевныхъ разговорахъ и скоро пріобрѣла такую довѣренность молодой дѣвушки, какой она до того ни къ кому не имѣла, даже къ давнему испытанному другу Аграфенѣ Петровнѣ. Бесѣдуя съ Дуней, Марья Ивановна разспрашивала объ ея жизни и занятіяхъ, во все вникала до подробностей, на все давала полезные совѣты. Она хвалила Дуню за ея доброту, о которой знала отъ Дарьи Сергѣвны, и за то, что ведетъ она жизнь тихую, скромную, уединенную, не увлекается суетными мірскими забавами. Разспрашивала, какія книги Дуня читаетъ, и когда та называла ихъ, однѣ хвалила, о другихъ говорила, что читать ихъ не слѣдуетъ, чтобы не вредить внутренней своей чистотѣ. Разъ сказала ей Марья Ивановна:

— Жаль, что вы, милая, иностраннымъ языкамъ не обучались, а то бы я прислала вамъ книжекъ, онѣ бы очень по-

лезны были вамъ. Впрочемъ, есть и русскія хорошія книги. Читали ли вы, напримѣръ, Юнга Штилинга «Тоска по отчизнѣ»?

— У насъ нѣтъ такой книги, — отвѣтила Дуня.

— «Правила жизни» госпожи Гіонъ не случалось ли вамъ читать? — продолжала разспрашивать Марья Ивановна.

— И такой нѣтъ у насъ, — сказала Дуня, и стало ей немножко стыдно, что не читала она хорошихъ книгъ, даже не знаетъ про нихъ.

— Жаль, — промолвила Марья Ивановна. — Ежели бы эти книжки вы прочитали, новый бы свѣтъ увидали.

— Я скажу тятенькѣ, онъ купитъ. Позвольте, я запишу, какъ онѣ называются... И еще про другія, какія полезнѣе, скажите, — съ живостью молвила Дуня.

— Ну, этихъ книгъ Марко Данилычъ вамъ не купитъ, — сказала Марья Ивановна. — Эти книги рѣдкія, ихъ почти вовсе нельзя достать, развѣ иногда по случаю. Да это не бѣда, я вамъ пришлю ихъ, милая, читайте, и не одинъ разъ прочитайте... Сначала онѣ вамъ покажутся непонятными, пожалуй, даже скучными, но вы этимъ не смущайтесь, не бросайте ихъ—а читайте, перечитывайте, вдумывайтесь въ каждое слово, и понемножку вамъ все станетъ понятно и ясно... Тогда вамъ новый свѣтъ откроется, другихъ книгъ тогда въ руки не возьмете.

— Ахъ, пожалуйста, пришлите, Марья Ивановна, — говорила Дуня. — А о чемъ же въ тѣхъ книжкахъ говорится? — спросила она съ любопытствомъ.

— Трудно разсказать, невозможно почти, — молвила Марья Ивановна. — Одно только могу теперь сказать вамъ, милая, что отъ этихъ книгъ будетъ вамъ большая польза. И не столько для ума, сколько для души...

— Стало-быть, книги божественныя? — простодушно спросила Дуня.

— Конечно, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы, можетъ-быть, думаете, — уклончиво отвѣтила Марья Ивановна. — Подождите, увидите, узнаете...

Дошли ли до Марьи Ивановны слухи, сама ли она догадалась по какимъ-нибудь словамъ Дуни, только она вполнѣ поняла, что молодая ея пріятельница недавно перенесла сердечную бурю. Однажды, когда снова зашелъ разговоръ о книгахъ, она спросила Дуню:

— Какія же книги изъ тѣхъ, что̀ вы прочитали, больше всего вамъ понравились?

— Исторіи разныя, путешествія, — отвѣчала Дуня.

— А не попадалось ли вамъ «Путешествіе младого Костиса»? — спросила Марья Ивановна.

— Нѣтъ, такой не попадалось, — отвѣчала Дуня.

— Хорошая книга... я вамъ тоже пришлю ее, — сказала Марья Ивановна. — Не всякую, другъ мой, исторію, не всякое путешествіе можно читать въ ваши годы безнаказанно, безъ дурныхъ послѣдствій... Въ нынѣшнія времена, другъ мой. духъ непріязни больше и сильнѣй всего черезъ книги разливаетъ свой тлетворный ядъ по душамъ неопытныхъ и еще не утвердившихся молодыхъ людей. Чтеніемъ такихъ книгъ, писанныхъ по злому внушенію врага. онъ распаляетъ страсти, раздражаетъ мечты и помыслы, истребляетъ душевную чистоту... Ахъ, если бы вы знали, сколько хорошихъ людей отъ того пропадаетъ, сколько изъ чистыхъ и непорочныхъ дѣлается друзьями и служителями врага Божья!.. Остерегайтесь, милая, такихъ книгъ, остерегайтесь, моя чистая, непорочная Дунюшка, храните чистоту... Легко ее потерять, но возвратить невозможно... Особенно пагубны молодымъ людямъ романы... Въ руки ихъ не берите — это сѣти, связанныя злою рукою темнаго противника Божія... Сколько людей ежечасно уловляетъ онъ въ эти сѣти, омрачая невинныя ихъ души нечистымъ пламенемъ страстей. Тѣми погибшими наполняетъ онъ свои мрачные легіоны... Берегитесь, милая, берегитесь, чистая голубица моя, этихъ книгъ, храните свое сердце отъ непосильныхъ искушеній.

— Ни одного романа я не читала, у насъ ихъ даже и нѣтъ, — замѣтила Дуня.

— И не заводите ихъ, — сказала Марья Ивановна. — Но надо вамъ сказать, моя дорогая, что духъ злобы и непріязни не одними романами прельщаетъ людей... Много у него разныхъ способовъ къ совращенью и пагубѣ непорочныхъ... Не однѣми книгами распаляетъ онъ въ ихъ сердцахъ ту страсть, что отъ Бога и отъ святыхъ Его ангеловъ отлучаетъ... Пуще всего берегитесь этой злой, пагубной страсти...

— Что-жъ это за страсть, Марья Ивановна? — спросила у нея Дуня.

— Люди богохульно зовутъ эту грѣховную страсть именемъ того блаженства, выше и святѣе котораго нѣтъ ничего ни на землѣ ни въ небесахъ. Пагубную страсть, порождаемую врагомъ Божьимъ, называютъ они священнымъ именемъ — любовь.

— Любовь! — тихо прошептала Дуня и глубоко задумалась.

— Никогда, мой другъ, не помышляйте о земной, страстной любви къ какому бы то ни было мужчинѣ, — съ жаромъ заговорила Марья Иваовна. — Чтобъ ея никогда даже въ во-

ображеніи вашемъ не было... Дальше гоните ее отъ себя, какъ можно дальше отъ непорочнаго вашего сердца. Эта страсть одно лишь горе, одно лишь несчастье приноситъ людямъ... Счастья никогда въ той любви не бываетъ... Сначала человѣкъ, когда въ его сердцѣ вспыхнетъ этотъ нечистый пламень, зажженный духомъ неприязни, чувствуетъ будто наслажденье, думаетъ даже, что онъ испытываетъ блаженство. Но это обманъ, это ложь, творимая отцомъ лжи. Пройдетъ немного времени, обманъ разсѣется, и вмѣсто наслажденья останутся печаль, отчаянье, да вѣчная боль разочарованнаго, разбитаго сердца... Раскаянье, угрызенія совѣсти всю жизнь будутъ преслѣдовать того человѣка, и до самой смерти онъ будетъ терпѣть адскія мученья... И тамъ, за гробомъ, будетъ вѣчно терпѣть... Это-то и есть адскій пламень, это-то и есть безконечныя муки!.. Но есть иная любовь, святая, блаженная, къ ней должна стремиться всякая душа непорочная.

— Какая же это? — спросила Дуня.

— Небесная, мой другъ, святая, чистая, непорочная... Отъ Бога она идетъ, ангелами къ намъ на землю приносится, — восторженно говорила Марья Ивановна. — Въ той любви высочайшее блаженство, то самое блаженство, какимъ чистыя души въ раю наслаждаются. То любовь таинственная, любовь безстрастная... Ни описать ее ни разсказать объ ней невозможно словами человѣческими... Счастливъ тотъ, кому она въ удѣлъ достанется.

— Къ кому же та любовь? — спросила Дуня.

— Къ Богу и ко всему, что̀ живетъ въ Немъ, — отвѣчала Марья Ивановна. — А духовнаго супруга Онъ самъ укажетъ...

— Марьѣ Ивановнѣ наше наиглубочайшее! — входя въ комнату, весело молвилъ Марко Данилычъ. — А я сегодня, матушка, на радостяхъ: останную рыбку, цѣлыхъ двѣ баржи, продалъ и цѣну взялъ порядочную. Теперь еще бы полбаржи спустить съ рукъ, совсѣмъ бы отдѣлался и домой бы сейчасъ... У меня же тамъ стройка къ концу подходитъ... избы для работниковъ ставлю, хозяйскій глазъ тутъ нуженъ безпремѣнно. За всѣмъ самому надо присмотрѣть, а то народецъ-отъ у насъ теплый. Чуть чего не доглядѣлъ, мигомъ растащутъ.

Молча въ какомъ-то полузабытьѣ сидѣла Дуня... Новыя мысли, новыя чувства!.. Властно овладѣли и умомъ и разбитымъ сердцемъ ея восторженныя, таинственныя слова Марьи Ивановны. Страстно хотѣлось Дунѣ дослушать ее, но на этотъ разъ разговоръ тѣмъ и кончился.

По уходѣ Марьи Ивановны Дуня сѣла за работу и раздумалась. «Правду она говоритъ, истинную, сущую правду, — такъ размышляетъ Дуня. — Обманъ, а за нимъ печаль, отчаянье... Нѣтъ, такой любви я не хочу... Ни его и никого другого не хочу. Нѣтъ счастья въ земной любви... Но какъ же той достигнуть?.. И что̀ это значитъ — духовный супругъ?.. Духовный супругъ!.. Ахъ, тятенька, тятенька!.. Нужно же было тебѣ придти такъ не во̀-время!..» И долго носилась мыслями Дуня надъ словами Марьи Ивановны... Чудными, таинственными казались они ей, но всего чуднѣй, всего таинственнѣй былъ для нея «духовный супругъ».

Долго на другой день Дуня ожидала прихода дорогой гостьи, но та что-то позамѣшкалась. Сгорая нетерпѣньемъ, сама побѣжала къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Здравствуйте, моя милая, — ласково сказала Марья Ивановна, здороваясь съ Дуней. — Что̀ это вы такія блѣдныя? Дурно ночь провели?

— Да, мнѣ что-то не спалось, — отвѣтила Дуня.

— Отчего-жъ это? — съ участьемъ спросила Марья Ивановна.

— Что̀ это за «духовный супругъ» такой? — больше потупляясь, тихо промолвила Дуня.

— Этого вы покамѣстъ не поймете. Это тайна... Великая тайна, — сказала Марья Ивановна.

— Надъ вашими словами всю ночь я раздумывала, — потупивъ глаза, робко и нерѣшительно молвила Дуня. — Много изъ того, что̀ вы говорили, кажется, я поняла, а иного никакъ понять не могу...

— Чего же вы особенно, другъ мой, не можете понять? — ласково улыбаясь, спросила Марья Ивановна.

— Что-жъ надо дѣлать, чтобъ узнать эту тайну? — съ живостью спросила Дуня.

— Прежде всего надо достигнуть божественной любви, а это дѣло не легкое, моя дорогая. Во-первыхъ, тутъ необходимы чистота и непорочность не только тѣлесная, но и душевная... А главное дѣло — дѣвственность. Знайте, моя милая, и навсегда сохраните въ памяти слова мои: дѣвственность сближаетъ насъ съ ангелами, съ самимъ даже Богомъ, а земная страстная любовь, особенно брачная жизнь ровняетъ съ безсловесными скотами. Плотская любовь — корень грѣха, дѣвственность — райскія врата... Но одной дѣвственности мало еще для достиженія небесной любви, того блаженнаго состоянія, о какомъ вы теперь и помыслить не можете... Нужно для того умереть и воскреснуть.

— Значитъ, это на томъ свѣтѣ? — спросила удивленная словами Марьи Ивановны Дуня.

— Нѣтъ, мой другъ, не тамъ, а здѣсь, на этомъ свѣтѣ, гдѣ мы теперь живемъ съ вами, — сказала Марья Ивановна. — Надо умереть и воскреснуть раньше гроба и зарыванья въ землю, раньше того, что люди обыкновенно называютъ смертью... Но это вамъ трудно пока объяснить — не поймете...

«Какъ же это умереть прежде смерти? Умереть и воскреснуть!» — теряясь въ мысляхъ, думала Дуня и потомъ стремительно бросилась къ Марьѣ Ивановнѣ, стала обнимать ее, руки у ней цѣловать и со страстнымъ увлеченьемъ молить ее:

— Голубушка, Марья Ивановна, не томите вы меня, разскажите, разскажите!.. Все пойму, все, что ни скажете.

— Трудно, милая, трудно, — отвѣчала Марья Ивановна. — Въ тайны сокровенныя надо входить постепенно, иначе трудно понять ихъ... Вамъ странными, непонятными показались мои слова, что надо умереть прежде смерти... А для меня это совершенно ясно... Ну, поймете ли вы, ежели я вамъ скажу: не той смертью, послѣ которой мертваго въ землю зарываютъ, надо умереть, а совсѣмъ иною — тайною смертью.

— Какъ это тайною? — спрашивала Дуня.

— Слушай, горлица моя, постараюсь яснѣе разсказать, хоть и думаю, что слова мои будутъ тебѣ непонятны, — сказала Марья Ивановна. — Всему начало, какъ я сказала тебѣ, въ дѣвственной чистотѣ. Обладая этой чистотой для достиженія блаженства небесной любви, надо умерщвлять въ себѣ всѣ помыслы, всѣ желанья, всѣ хотѣнья тѣлесныя и душевныя... Трудное это дѣло, едва выносимое!.. Когда умертвишь такимъ образомъ въ себѣ ветхаго Адама, то-есть человѣка грѣха, тогда ты достигнешь безстрастья... Но для того надо претерпѣть всѣ бѣды, всѣ напасти и скорби, надо все земное отвергнуть: и честь, и славу, и богатство, и самолюбіе, и обидчивость, самый стыдъ отвергнуть и всякое къ себѣ пристрастіе... Все надо отвергнуть, все: и свою волю, и свои желанія, и память, и разумъ, и все, все, что дотолѣ въ тебѣ было... Объ одномъ лишь имѣй попеченье, одного лишь желай...

И замолчала.

Едва переводя духъ, раскрывъ уста и содрогаясь всѣмъ тѣломъ, пылающими очами смотритъ въ изступленіи Дуня на Марью Ивановну. Ровно огненный пламень чудныя, полупонятныя слова разгорѣлись въ сокровенныхъ тайникахъ сердца дѣвушки... Она была близка къ восторженному самозабвенію,

когда постигнутый имъ человѣкъ не сознаётъ. въ себѣ онъ или внѣ себя...

— Чего желать? что желать? — въ изступленіи молила Дуня.

— Воли Божьей, чтобъ она надъ тобой совершилась.—торжественно сказала Марья Ивановна.

— Дальше, дальше! — задыхаясь, говорила Дуня.

И въ глазахъ у нея все закружилось.

— И тогда затмится у тебя разумъ и отнимется память, дыханіе прекратится, и ты умрешь... Умрешь, но будешь жива... Эта смерть не тебѣ, а грѣху, смерть ветхому Адаму, онъ въ тебѣ и умретъ. И тутъ-то невещественнымъ огнемъ все земное въ тебѣ попалится, и ты услышишь въ самой себѣ гласъ Божій и, услышавши, оживешь... То и есть таинственное воскресеніе... И послѣ того таинственнаго воскресенія ты и на землѣ будешь святою... Тогда ужъ не будетъ въ тебѣ ни воли твоей, ни разума твоего, ни мыслей твоихъ, все твое уже попалено и умерло... Будетъ тогда въ тебѣ и воля, и разумъ, и мысли — все Божьи... И что ты ни станешь дѣлать— не ты будешь дѣлать, а Богъ, въ тебѣ живущій... И не будетъ тогда надъ тобой ни начала, ни власти, ни закона, ибо праведному законъ не лежитъ... Будешь ты въ семьѣ херувимской, будешь въ ликѣ серафимскомъ... Если бы ты во адъ сошла, и тамъ никакая сила не могла бы коснуться тебя; если-бъ въ райскія свѣтлицы вошла, и тамъ не нашла бы бо́льшихъ радостей и блаженства.

Какъ полотно поблѣднѣла Дуня, и глаза ея разгорѣлись... Хотѣла что-то сказать. но не могла... Задрожала вся и безъ памяти упала на руки Марьи Ивановны.

— Благъ сосудъ избранный! — тихо прошептала Марья Ивановна и. бережно положивъ Дуню на свою постель, низко склонилась надъ ней и чуть слышно запѣла какимъ-то дикимъ и восторженнымъ напѣвомъ:

Ужъ вы, птицы, мои птицы.
Души красныя дѣвицы, —
Вамъ отъ матушки-царицы
Дорогой уборъ-гостинецъ!
Вы во трубушку трубите,
Орла-птицу сманите,
Свѣтильники зажигайте.
Гостя-батюшку встрѣчайте,
Небеснаго жениха
И духовнаго супруга *).

*) Хлыстовская пѣсня.

Весь день не въ себѣ была Дуня. Не вдругъ она оправилась отъ нашедшаго на нее изступленья... Сколько ни добивались отъ нея и отецъ и Дарья Сергѣевна, что̀ такое съ ней случилось, не сказала она ни слова. Весь вечеръ ожидала съ нетерпѣньемъ Марью Ивановну, но та не приходила. На другой день зашла она къ Смолокуровымъ и сказала, что дѣла ея кончились и она въ тотъ же день собирается ѣхать. Какъ ни уговаривалъ ее Марко Данилычъ повременить денька два-три, чтобъ ѣхать вмѣстѣ на пароходѣ, Марья Ивановна не согласилась. Въ полдень она распрощалась. Оставшись на нѣсколько минутъ наединѣ съ Дуней, совѣтовала ей помнить, о чемъ она ей говорила, а главное—чистоту блюсти. Съ горькими слезами простилась съ ней Дуня, нѣсколько разъ принимаясь цѣловать ея руки и кропить ихъ сердечными слезами.

Глава двѣнадцатая.

Верстахъ въ четырехъ отъ того городка, гдѣ у Смолокурова была осѣдлость, вдоль суходола, бывшаго когда-то рѣчкой, раскинулась небольшая деревня. Сосновкой она прозывалась. Населена была та деревушка людьми вольными, что̀ звались во время о̀но экономическими. Дѣды ихъ и прадѣды въ старые годы за какимъ-то монастыремъ были, потомъ поступили въ вѣдомство Коллегіи Экономіи и стали писаться «экономическими», а управляться наравнѣ съ казенными крестьянами. Земли при Сосновкѣ было немного, полевые участки самые маломѣрные. Глинистая почва каждый годъ требовала сильнаго удобренья, а скота у сосновскихъ мужиковъ была самая малость, потому что луговъ у нихъ не было ни десятины, и навозу взять было неоткуда. При самомъ лучшемъ урожаѣ у сосновцевъ своего хлѣба дольше Великаго поста никогда не хватало, и нужда заставила ихъ приняться за промысла̀—все-таки подспорье убогому хозяйству.

Отъ края до края Сосновки при каждомъ изъ тридцати пяти дворовъ стояли небольшія прядильни, тамъ и мужчины и женщины всю зиму и часть лѣта сасовку пряли *), сбывая пряжу въ сосѣдній городъ канатнымъ заводчикамъ, особливо Марку Данилычу. Не больно выгодный промыселъ, а все-таки подсоба малоземельнымъ.

Изо всѣхъ сосновскихъ хозяевъ одинъ только былъ зажиточный. У него водились и синь кафтанъ ради праздника, и

*) Сасово—село Тамбовской губерніи, Елатомскаго уѣзда. Оттуда много идетъ пеньки, и ее зовутъ по имени села «сасовкой».

добрые кони на дворѣ и домъ во всемъ исправный. По всему околотку только у него одного каждый Божій праздникъ мясныя щи да пироги съ говядиной на столъ ставились, каждый годъ къ Васильеву дню свиная голова къ обѣду подавалась, на Никиту рѣпорѣза — гусь, на Кузьму-Демьяна — курица, на Петра и Павла — жареная баранина *). Звали того крестьянина Силой Петровымъ, прозывали Чубаловымъ. Никогда бы ему не выбраться изъ ряда бѣдныхъ однодеревенцевъ, если бы счастье не помогло. Былъ у него дядя, человѣкъ безсемейный, долго служилъ онъ въ Муромѣ у богатаго купца въ приказчикахъ и по смерти своей оставилъ племяннику съ чѣмъ-то двѣ тысячи потомъ и кровью нажитыхъ денегъ. Такія деньги для крестьянина богатство немалое, ежели сумѣетъ онъ путемъ да съ толкомъ въ оборотъ ихъ пустить. Сила Петровъ мужикъ былъ непьющій, толковый, расчетливый, бережливый, велъ хозяйство не разиня ротъ. Слыхалъ, что по инымъ мѣстамъ денежные мужики отъ торговли бычками хорошую пользу получаютъ, разспросилъ кой-кого, какъ они это дѣлаютъ, раскинулъ умомъ, раскумекалъ **) разумомъ. Съ Вукола, какъ телятся жуколы ***), вплоть до поздней весны сталъ онъ разъѣзжать по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ и скупалъ двухъ- и трехнедѣльныхъ бычковъ почти за безцѣнокъ. Телятины простой народъ ни за что на свѣтѣ въ ротъ не возьметъ, въ городъ возить ее изъ далекаго захолустья накладно, а вскормить бычка тоже не барышъ какой, другое дѣла телушка, та по времени хозяйку молокомъ за кормъ да за уходъ наградитъ. Разсчитывая такъ, мужики съ радостью продавали Чубалову бычковъ, брали деньги хоть и небольшія, да все-таки годились онѣ коли не на соль, не на деготь, такъ хоть на вышивку. А Сила Петровичъ сбиралъ да сбиралъ бычковъ, откармливалъ ихъ бардой, а бралъ ее даромъ съ городской пивоварни. Послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ продавалъ раскормленныхъ быковъ на бойню, либо самъ развозилъ по деревнямъ мясо, продавалъ бурлакамъ на суда солонину, а кожи сырьемъ отвозилъ на заводы. Навозу было вдоволь, и вскорѣ надѣльныя его полосы всѣмъ сосѣдямъ стали на зависть и удивленье. Своего хлѣба теперь у него не только до

*) Васильевъ день—1 января. Никиты рѣпорѣза, иначе гусаря, гусятника — 15 сентября, Кузьмы-Демьяна — 1 ноября. Петра и Павла — 29 іюня.

**) Раскумекать — смекнуть, сообразить, а потомъ и понять, въ чемъ дѣло.

***) День св. Вукола 6 февраля. Жуколы — коровы, обходившіяся во время перваго сгона на полѣ. По Заволжью, особливо костромскому, жуколами зовутъ также всѣхъ черныхъ коровъ.

самой нови *) на прожитокъ становилось, но оставалось и бычкамъ на зимній кормъ. Многіе годы такъ хозяйствовалъ Сила Петровичъ и сталъ однимъ изъ первыхъ мужиковъ по цѣлому уѣзду, былъ онъ въ почетѣ не у однихъ крестьянъ, и господа имъ не брезговали. Жилъ себѣ да поживалъ Чубаловъ, копилъ денежки да всякое добро наживалъ, и никому въ голову не приходило, чтобы его богатый домъ когда-нибудь могъ порушиться.

Было у Силы Петрова трое сыновъ, двое большихъ, Иванъ да Абрамъ, третій подростокъ, материнъ баловникъ Гаранюшка. Старшіе парни были смирные, работящіе: съ самаго ранняго возраста много они отцу помогали. Гаранюшка сызмала не туда смотрѣлъ. Двѣнадцатый годокъ пошелъ ему, а изъ трехъ пеньковыхъ прядей варовины **) свить еще не умѣлъ, хоть отецъ не разъ порченную веревку на спинѣ его пробовалъ. Къ полевой работѣ Герасимъ тоже не прилагалъ старанья — люди пашню пахать, а онъ руками махать, люди на поле жать, а ему бы подъ межой лежать... Съ грустью, съ досадой смотрѣлъ работящій, домовитый отецъ на непутное чадо, самъ про себя раздумывалъ и хозяйкѣ говаривалъ: — «Не быть пути въ Гаранькѣ, станетъ онъ у Бога даромъ небо коптить, у царя даромъ землю топтать. Будетъ толку отъ него, что въ ометѣ отъ гнилой соломы, станетъ вѣкъ свой бродить да по людямъ бобы разводить». Робко заступалась мать за своего любимца, тѣмъ его оправдывала, что онъ еще махонькій, а вотъ Богъ дастъ въ разумъ войдетъ, тогда поправится. Крѣпко стоять за сына не смѣла — хозяинъ подчасъ крутенекъ бывалъ.

Вскрай Сосновки, въ кельѣ на бобыльскомъ ряду, жилъ старый книжникъ, Нефедычемъ звали его. Смолоду крестьянскимъ дѣломъ онъ брезговалъ, все бы ему на молитвѣ стоять да надъ книжками сидѣть. Жизни былъ доброй, самъ великій постникъ, смиренникъ, къ тому же начетчикъ большой. У окольныхъ раскольниковъ былъ онъ за наставника, на духъ къ нему много народа прихаживало, и всѣ требы онъ исправлялъ имъ, опричь крестинъ да свадебъ. По спасову согласью Нефедычъ былъ, а въ томъ согласьѣ крестятъ и браки вѣнчаютъ только у церковнаго попа, великороссійскаго... Не оралъ Нефедычъ, не сѣялъ, а денежкамъ въ мошнѣ перевода у него не бывало, жилъ себѣ не тужилъ, у всѣхъ въ любви и почетѣ былъ, о чемъ кого ни попроситъ, всякъ ему съ радостью услужитъ, чѣмъ только сможетъ.

*) Новый хлѣбъ.

**) Варовина (отъ вервь) — самая простая веревка. Въ Оренбургськомъ краѣ — арканъ, въ Вятскомъ — сапожная дратва.

Полюбилась жизнь Нефедыча меньшому сыну Чубалова. Каждый Божій день, бывало, къ нему да къ нему въ келейку. «Чѣмъ тебѣ зря болтаться да шалопайничать,—молвилъ однажды старикъ лѣнтяю Герасиму:—хоть бы ты грамотѣ, что ли, учился. Можетъ, впередъ пригодится, слыхалъ чать поди, что̀ люди говорятъ про ученье? Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть... Хочешь, посажу тебя за азбуку?» Герасимъ согласился, давно припадала ему охота учиться. но не зналъ. какъ приняться. Положилъ передъ нимъ Нефедычъ букварь, далъ въ руки указку, учить сталъ. Грамота далась Герасиму. Нефедычъ надивиться не могъ, какъ это скоро сумѣлъ мальчуганъ все понять, и что̀ разъ училъ, никогда того не забывалъ... Недѣли черезъ двѣ Герасимъ читалъ ужъ по складамъ, черезъ мѣсяцъ по толка̀мъ *). часовникъ живо прочелъ... Нефедычъ за псалтырь его посадилъ, и году не минуло, какъ Герасимъ ужъ двадцату каѳизму **) дочитывалъ.

Не по нраву пришлось это Силѣ Петрову. «Грамотей не пахарь,—говаривалъ онъ:—а Гаранькѣ ни попить ***) ни приказнымъ быть. Много стало нонѣ грамотныхъ, да что-то мало сытыхъ изъ нихъ видится, и ему, пожалуй, придется съ грамотой своей вѣкъ по міру бродить». Видѣть не могъ сына за книгой Чубаловъ—тотчасъ, бывало, расправа. Что̀ было дранья, что̀ колотушекъ, потасовокъ, ничто не помогало. Побои не отвадили отъ книгъ тринадцатилѣтняго мальчика; чѣмъ больше его били, тѣмъ прилежнѣй онъ читалъ ихъ, и притомъ всякая работа больше да больше ему противѣла. Прежде, бывало, хоть дровъ въ избу натаскаетъ, хоть воды принесетъ, либо за курами да за бычками присмотритъ, а теперь на все махнулъ рукой. Только и отрады было у малаго, что къ Нефедычу за книгами бѣгать, а учитель въ книгахъ ему никогда не отказывалъ. Налюбоваться не могъ старикъ на ученика своего и нерѣдко цѣлые вечера бесѣдовалъ съ нимъ отъ святаго писанія. Какъ ни былъ уважаемъ Нефедычъ своими дѣтьми духовными, какъ ни любилъ его Сила Чубаловъ, однакожъ сталъ его побранивать за то, что сбиваетъ у него парнишку съ пути, что грамотой его ото всякой работы отвадилъ. Добродушный, смиренный. незлобивый Нефедычъ на брань и покоры только кланялся. Чуть не земные поклоны клалъ онъ передъ Силой Петровымъ и тихимъ, смиреннымъ голосомъ одно только слово ему приговаривалъ: «прости Христа

---

*) Читать по толка̀мъ — бѣгло читать, зная притомъ хорошо титлы и подтитлы.

**) Конецъ псалтыря. состоящаго изъ 20 каѳизмъ.

***) Быть за попа. исполнять поповскія требы.

ради». Когда же отецъ грозно потребовалъ, чтобы онъ не портилъ больше Герасима, не давалъ бы ему книгъ, а каждый разъ, какъ къ нему забѣжитъ, палкой бы гналъ отъ себя, Нефедычъ отвѣтилъ: — «Нѣтъ, этого я сдѣлать не могу». Грозился Чубаловъ, что ежели такъ, такъ онъ со всей семьей отшатнется отъ старой вѣры и уйдетъ въ великороссійскую, но и это не подѣйствовало на Нефедыча. — «Свой разумъ въ головѣ имѣешь, Сила Петровичъ, — сказалъ онъ. — Какъ знаешь, такъ и поступай, коль о душенькѣ своей думать не хочешь».

Говорилъ однакожъ учитель ученику, чтобы онъ ходилъ къ нему порѣже, не раздражалъ бы отца, а книги все-таки давалъ попрежнему. Заберется, бывало, Гаранька на чердакъ и зимнимъ временемъ, плотно прижавшись къ чуть теплой трубѣ, сидитъ по нѣскольку часовъ надъ какимъ-нибудь «Цвѣтникомъ» либо «Прологомъ», а по воскресеньямъ и понедѣльникамъ уходилъ въ несовсѣмъ еще остывшую послѣ субботней топки баню и тамъ до позднихъ сумерекъ просиживалъ надъ книгой. Лѣтомъ ему было привольнѣе: на недѣлю, на двѣ убѣгалъ онъ въ лѣсъ и тамъ, читая книги Нефедыча, питался имъ же данными сухарями. Иногда спускался внизъ по горѣ изъ лѣсу и тамъ на берегу Оки читалъ ловцамъ житія угодниковъ: за то они кормили чтеца ухой да жареной рыбой, а иной разъ и на дорогу краюхой мягкаго хлѣба снабжали. Пустынное житье полюбилось юному грамотею, и подъ шумъ вѣтвистыхъ, густо-зеленыхъ дубовъ, читая сказанія о сирійскихъ и ѳиваидскихъ отшельникахъ, онъ ревновалъ ихъ житію и положилъ въ своемъ сердцѣ завѣтъ провести свои дни до скончанія живота въ подвигахъ, плоть изнуряющихъ, духъ же возвышающихъ.

Склоняется, бывало, день къ вечеру, въ лѣсу потемнѣетъ, со всѣхъ сторонъ повѣетъ прохладой. Стихнетъ шумъ деревьевъ, и станетъ трава росой покрываться. Тогда сложитъ книгу юный отшельникъ и полной грудью начнетъ вдыхать свѣжій, ароматный воздухъ. Неподвиженъ, безмолвенъ стоитъ онъ, устремивъ взоры на померкающее небо, что̀ сквозитъ межъ высокихъ древесныхъ вершинъ. Сладкимъ потокомъ разольется тогда по душѣ его умиленье, и онъ счастливымъ считаетъ себя въ своемъ отъ людей отчужденьи. Струятся по лицу неслышныя ему слезы, и сама собой слетаетъ съ устъ его пустынная пѣсня:

Ты, пустыня, моя матушка —
Помилѣй мнѣ отца съ матерью,
Вы, лѣса мои кудрявые —
Помилѣй мнѣ роду-племени,

Вы, луга, луга зеленые —
Помилѣе красна золота,
Вы, раздольица широкія
Помилѣе чиста серебра,
Вы, кусты, кусты ракитовы —
Помилѣе скатна жемчугу.
Вы, залетны мелки пташечки —
Схороните мои косточки
На чужой дальной сторонушкѣ,
Во прекрасной во пустынюшкѣ.

Совсѣмъ, бывало, стемнѣетъ, зелеными переливчатыми огоньками загорятся въ сочной травѣ Ивановы червяки, и станутъ въ тиши ночной раздаваться лѣсные голоса — то сова запищитъ, какъ ребенокъ, то дергачъ вдали затрещитъ, то въ древесныхъ вѣтвяхъ птица впросонкахъ завозится, а юный пустынникъ, не чуя ночного холода, въ полномъ забытьѣ стоитъ, долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, поднявъ голову и вперивъ очи въ высокое небо, чуть-чуть видное въ просвѣтахъ темной листвы деревьевъ...

Каждый разъ, когда возвращался отшельникъ въ деревню, его встрѣчали попреками, бранью, побоями, но все онъ сносилъ безропотно и въ духовной радости любезно принималъ озлобленія, памятуя мучениковъ, за Христа когда-то еще не то потерпѣвшихъ. На пятнадцатомъ году Герасимъ совсѣмъ скрылся... Не нашли его ни въ лѣсу ни у ловцовъ; самъ Нефедычъ не зналъ, куда онъ дѣвался. Думали, въ рѣкѣ потонулъ, но вода нигдѣ мертваго тѣла не вынесла; думали — не волки ли съѣли его, но сколько по лѣсу ни ходили — ни косточки, ни остатковъ Герасимовой одежи не нашли. Отецъ, куда слѣдуетъ, подалъ объявленіе; Герасима по всѣмъ городамъ и уѣздамъ будто бы разыскивали, извели на то немало бумаги, но такъ какъ нигдѣ не нашли, то и завершили дѣло тѣмъ, что зачислили Герасима Чубалова безъ вѣсти пропавшимъ.

Чтеніе книгъ безъ разбора и безъ разумнаго руководства развило въ немъ пытливость ума до болѣзненности. Еще въ лѣсу много начитался онъ объ антихристѣ, о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ и о томъ, что истинная Христова вѣра изсякла въ людяхъ и еще во дни патріарха Никона взята на небо, на землѣ же сохранилась точію у малаго числа людей, пребывающихъ въ сокровенности, тѣхъ людей, про которыхъ самъ Господь сказалъ въ евангеліи: «не бойся, малое стадо».

Но гдѣ-жъ оно, гдѣ это малое стадо? Въ какихъ пустыняхъ, въ какихъ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ сіяетъ сіе

невидимое чуждымъ людямъ свѣтило? Не знаетъ Герасимъ, гдѣ оно, но къ нему стремятся всѣ помыслы молодого отшельника, и онъ, нося въ сердцѣ надежду быть причтеннымъ когда-нибудь къ этому малому стаду, пошелъ искать его по бѣлу свѣту.

Изъ книгъ и разсказовъ Нефедыча Герасимъ подробно зналъ ученіе и обрядность почти всѣхъ раскольничьихъ толковъ и, думая надъ ними, уразумѣлъ, что истинной, правой вѣры Христовой ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ... Спасово согласье чуждается и церковниковъ, и поповщины, и безпоповщины, а само дробится на множество толковъ, одинъ другого строже, одинъ другого нетерпимѣе. Всякій изъ нихъ крѣпко стоитъ за каждую букву, за каждый обрядъ не одной церковной, но даже обиходной жизни, всякъ почитаетъ великороссійскую церковь погибельною, еретическою, ведущею широкимъ путемъ въ вѣчныя муки, а между тѣмъ отъ нея же принимаетъ и освященіе браковъ и самое крещеніе. «Какъ же это такъ? — разсуждаетъ Герасимъ. — Говоримъ и читаемъ: «таинства ея нѣсть таинства», а сами ихъ принимаемъ... Говоримъ и читаемъ, что она погибельна, что антихристъ царитъ въ ней, и что ея «крещеніе еретическое, и потому оно нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе», а сами тѣмъ крещеніемъ крестимся... Стало-быть, сквернимъ себя и заранѣе души свои сатанѣ продаемъ... Какъ же это?.. Поповщина, какъ и мы, зоветъ господствующую церковь отпавшею отъ истины и всѣ ея дѣйствія и чиновства считаетъ безблагодатными, а сама священный чинъ отъ нея пріемлетъ, а черезъ него и все освященіе, всѣ таинства... И тутъ что-то не такъ, и тутъ истины что-то не видится... Безпоповцы ни таинствъ ни освященія не имѣютъ и отрицаютъ Христову церковь въ нынѣшнія послѣднія времена, а вѣдь Христосъ обѣщалъ пребывать въ церкви до скончанія міра... Какъ же это?.. Гдѣ же истина, гдѣ правая вѣра?»

Такъ еще въ пустынномъ лѣсу на глинистыхъ берегахъ Оки по цѣлымъ часамъ разсуждалъ Герасимъ, но, сколько ни думалъ, отвѣта на свои пытливые вопросы онъ не находилъ... Со слезными мольбами припадая къ ногамъ Нефедыча, его о томъ спрашивалъ, но даже и сѣдой наставникъ не могъ удовлетворить пытливаго юношу... Гдѣ же она въ самомъ дѣлѣ, гдѣ та правая вѣра Христова, въ ней же единой можно спастись? Вѣдь есть же она гдѣ-нибудь, вѣдь безъ нея міръ не могъ бы стоять. И съ каждымъ днемъ распалялся онъ необоримымъ стремленьемъ искать на землѣ «малое стадо» Христово и, въ немъ пребывая, достигнуть вѣчнаго спасенья... Для

того и оставилъ онъ отца своего и матерь свою и послѣдовалъ по пути искания правой, истинной вѣры. Въ «странство» Герасимъ пошелъ.

Во всѣ времена, во всѣхъ странахъ много бывало на Руси такихъ искателей правой вѣры. Въ стремленіи къ вѣчному блаженству жадно, но тщетно ищутъ они разрѣшенья вопросовъ, возникающихъ въ пытливыхъ умахъ ихъ и мятущихъ смущенную душу. Негдѣ, нѐоткуда, не отъ кого получить отвѣтовъ на такіе вопросы, и пытливый человѣкъ цѣлую жизнь проищетъ ихъ... Некому научить, некому указать на путь правый... И пойдетъ пытливый умъ блуждать изъ стороны въ сторону, кидаться изъ одной крайности въ другую, а все-таки не найдетъ того, чего ищетъ, все-таки не услышитъ ни отъ кого растворённаго любовью живого, разумнаго слова... Отсюда наши расколы, отсюда и равнодушіе къ вѣрѣ высшихъ слоевъ русскаго народа... Кто виноватъ?.. Дьяволъ, конечно... А кромѣ него?..

Странствовалъ Герасимъ по разнымъ странамъ ни мало ни много пятнадцать годовъ съ половиной. Въ десяти вѣрахъ перебывалъ и въ каждой вѣрѣ бывалъ не рядовымъ человѣкомъ. Огромная начитанность, необычайная память, быстрое соображенье, мастерское умѣнье вести споры и побѣждать совопросника давали ему первыя мѣста въ каждой сектѣ, въ какую онъ ни вступалъ. За учительныя бесѣды еще тогда звали его Златоустомъ, когда у него еще усъ едва пробивался, когда же Герасимъ возмужалъ, въ какой толкъ ни перейдетъ онъ, въ каждомъ сразу дѣлается наставникомъ, учителемъ, большакомъ. А это и самолюбію его льстило и достатокъ умножило — щедры вѣдь старообрядцы къ тому, кто полюбится имъ, кому они ввѣрятся и вручатъ свою совѣсть и помышленья. А Герасимъ вездѣ требы исправлялъ, вездѣ бывалъ пастыремъ и учителемъ. Лучше и болѣе знающаго въ дѣлахъ вѣры никогда не могли найти раскольники. Укоряли они его, проклятьями даже осыпали за переходы изъ вѣры въ вѣру, но въ совѣсти своей Герасимъ былъ спокоенъ: онъ ищетъ истинную вѣру и правую церковь, но куда ни придетъ — ея нѣтъ какъ нѣтъ... нигдѣ не находитъ ихъ. Сначала ревностно вдастся въ ученье и обрядность избраннаго толка, но тотчасъ же убѣдится, что въ немъ и не бывало никогда истины, что и въ этотъ толкъ антихристъ пустилъ тлетворную свою прелесть... Послѣ долгихъ размышленій, послѣ мучительныхъ колебаній совѣсти отступалъ онъ наконецъ отъ избранной-было вѣры, отрицался сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и опять уходилъ искать истинную, правую вѣру. Переходя изъ одного

толка Спасова согласья въ другой, переходя потомъ изъ одной секты безпоповщины въ иную, шесть разъ Герасимъ перекрещивался и перемѣнялъ имя, а поступая въ Бондаревскую секту самокрещенцевъ *), самъ себя окрестилъ въ дождевой водѣ, собранной въ купель, устроенную имъ самимъ изъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ и обмазанную глиной, вынутой изъ земли на трехъ саженяхъ глубины, да не осквернится та купель дыханіемъ вездѣ присущаго антихриста, владѣющаго всѣмъ видимымъ міромъ, всѣми морями, всѣми рѣками и земными источниками... И тутъ не нашелъ онъ ни правды ни истины... Перешелъ въ секту «Петрова крещенія» **), гдѣ ужъ не надо было вновь перекрещиваться ни въ рѣчной водѣ ни въ небесной ***), но тою креститься, какою Петръ апостолъ крестился послѣ отреченія отъ Христа, тою водою, что течетъ изъ живого источника, сердца человѣческаго. Слезами крестилъ себя Герасимъ, въ умиленіи стоя передъ Спасовымъ образомъ. То былъ послѣдній его переходъ изъ вѣры въ вѣру. Петровымъ крещеньемъ кончилось пятнадцатилѣтнее хожденіе Чубалова въ странствѣ ради обрѣтенія истинной правой вѣры Христовой, ради отысканія «малаго стада» избранныхъ, но сокровенныхъ людей Божьихъ.

Все изъ книгъ узналъ и все воочію видѣлъ Герасимъ, обо всемъ горячій искатель истины сто разъ передумалъ, а правой спасительной вѣры такъ-таки и не нашелъ. Вездѣ заблужденье, всюду антихристъ... И запала ему на душу тяжкая дума: — «Нѣтъ, видно, больше истинной вѣры, все, видно, растлѣно прелестью врага Божья. Покинулъ свой міръ Господь Вседержитель. предалъ его во власть сатаны...» И въ душевномъ отчаяньи, въ злобѣ и ненависти покинулъ онъ странство...

И къ людямъ и къ себѣ самому та злоба была. Отчего же вдругъ она напала на Герасима?.. Не задавался онъ этимъ вопросомъ, да никогда бы и отвѣта на него не придумалъ. Жилъ доселѣ однимъ умомъ, сердце у него молчало, никогда не бывало у Герасима никакихъ привязанностей. Онъ искалъ истины ради удовлетворенія пытливости ума, но любви и добра, исходящихъ отъ сердца, не искалъ, даже никогда и не думалъ о нихъ. Это былъ сухой аскетъ; все человѣческое

---

*) Секта самокрещенцевъ возникла еще въ прошломъ столѣтіи. Въ нынѣшнемъ саратовскій купецъ Бондаревъ далъ ей организацію, написавъ такъ-называемые *Бондаревскіе отвѣты.* По имени его и секта называется Бондаревскою.

**) Отрасль такъ-называемой *Глухой Нѣтовщины.*

***) Дождь.

было ему чуждо, никогда любовь не озаряла его загрубѣвшаго сердца, оттого злоба и свила въ немъ гнѣздо свое.

Воротился на родину. Не пѣшеходомъ, съ котомкой за плечами, онъ домой воротился — три подводы съ добромъ въ Сосновку привелъ. Всѣмъ было то видимо, а про то, что Герасимъ былъ опоясанъ чересомъ *) и что на гайтанѣ вмѣстѣ съ тѣльникомъ **) висѣлъ у него на шеѣ туго набитый бумажникъ, того никто не видѣлъ. Много ли зашито серебра и золота въ чересѣ, много-ль цѣнныхъ бумагъ положено въ бумажникѣ, про то зналъ да вѣдалъ одинъ лишь Герасимъ. И послѣ никто никогда о томъ не узналъ.

Воротясь въ Сосновку, тщетный искатель истины попрежнему сталъ называться Герасимомъ Силинымъ Чубаловымъ, а до того, мѣняя имена при каждомъ новомъ перекрещиваньи, бывалъ онъ и Никифоромъ, и Прокопіемъ, и Савельемъ, и Никитою, Иринархомъ и Меѳодіемъ. Оттого прежніе друзья единовѣрные, теперь возненавидѣвшіе его за отступничество, называли его «десятивѣрнымъ» да «семиименнымъ». До Сосновки объ этомъ слуховъ не дошло.

Глава тринадцатая.

Когда Герасимъ разошелся съ послѣдователями «Петрова крещенія» и рѣшился прекратить напрасныя исканія правой вѣры, захотѣлось ему возвратиться въ покинутый міръ. Легко было подумать: «возвратиться», а каково сдѣлать?.. Куда идти, гдѣ поселиться, къ какому обществу приписаться пятнадцать лѣтъ пропадавшему безъ вѣсти? Звался онъ гдѣ Прокофьемъ, гдѣ Савельемъ, проживалъ либо съ чужими, либо съ фальшивыми паспортами, проживалъ и вовсе безъ нихъ, а иногда и съ паспортомъ «изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи» ***). Куда явиться съ такими письменными видами?.. А

*) Кожаный кошель, сшитый въ видѣ кишки, съ пряжками и застежками. Въ него кладутъ деньги и имъ опоясываются. Въ старину *чересъ* (отъ этого слова *чресла*) значило окружность тѣла надъ тазомъ.

**) *Гайтанъ* — шнурокъ, на которомъ носятъ *тѣльникъ*, т.-е. крестъ.

***) Паспорты странниковъ или бѣгуновъ Сопѣлковскаго согласья имѣютъ преимущественно такую форму: Объявитель сего рабъ Іисуса Христа *имярекъ*, уволенъ изъ Іерусалима града Божья въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прекословить, но токмо Бога славословить: убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться, ходить правымъ путемъ по Христѣ, дабы не задержали бѣси раба Божья нигдѣ. Утверди мя, Господи, во свя-

ему хотѣлось, покинувъ скитальческую жизнь со всѣми ея опасностями и лишеньями, жить въ тишинѣ и покоѣ, занимаясь какимъ-нибудь дѣломъ. Денегъ успѣлъ онъ накопить довольно, да опричь того было у него другое богатство очень цѣнное: до тысячи книгъ старопечатныхъ и старописьменныхъ, собранныхъ во время странствованій отъ Поморья до Кавказа и отъ безпоповскихъ селеній Пруссіи до отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Думалось Чубалову въ купцы гдѣ-нибудь приписаться и заняться торговлей старинными книгами, иконами и другой старинной утварью церковной и обиходной, сдѣлаться «старинщикомъ». Знавалъ онъ немало такихъ, и ему всегда по душѣ приходились ихъ занятія. Поиски за старинными вещами, необходимые для старинщика, были для него дѣломъ не столь труднымъ, какъ другому. Онъ зналъ, чего гдѣ искать. Не поѣдетъ онъ, какъ иной неумѣлый, на авось да наобумъ, деньги и время даромъ терять. Погоня за стариной по глухимъ захолустьямъ — своего рода странство, а къ нему Герасимъ Чубаловъ очень пріобыкъ, и оно ему, непосѣдѣ, очень нравилось. Таковъ ужъ съ роду былъ: на одномъ мѣстѣ не сидѣлось, переходить бы все съ мѣста на мѣсто, жить бы въ незнакомыхъ дотолѣ городахъ и селеньяхъ, встрѣчаться съ новыми людьми, заводить новыя знакомства и, какъ только прискучитъ, на новыя мѣста къ новымъ людямъ идти.

Было время, когда наши предки, мощной рукой Петра Великаго выдвинутые изъ московскаго застоя въ жизнь запад-

---

тыхъ Твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока—Тебя, Христе, къ Западу, сирѣчь ко Антихристу, не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой — кого ся убою, Господь защититель живота моего — кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ Богъ, прибѣжище Христосъ, покровитель и просвѣтитель Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ Господиномъ моимъ знаться, а Царь мой и Господинъ самъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божіи. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя съ антихристомъ во адъ готовитъ. Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгоѳскаго квартала. Приложено къ сему пачпорту множество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы боятися страшнѣхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито—на страшный Христовъ судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка. Явленъ пачпортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ нумеромъ будущаго вѣка записанъ». Это паспортъ Пошехонскихъ бѣгуновъ (Ярославской губерніи). Есть и другіе варіанты: съ такими паспортами странники или бѣгуны приходятъ въ дома незнакомыхъ имъ лично «страннопріимцевъ», иначе «живыхъ христіанъ», и принимаются ими какъ самые близкіе родные.

ную, быстро ее усвоили, не разбирая дурного отъ хорошаго, пригоднаго русскому человѣку отъ непригоднаго. Напудренное и щеголявшее въ расшитыхъ золотомъ французскихъ кафтанахъ поколѣніе ничѣмъ не походило на бородатыхъ отцовъ и дѣдовъ. Съ дѣтскимъ увлеченьемъ опрометью кинулось оно въ омутъ новой жизни и стало презрительно глядѣть на все прежнее, на все старинное, дѣдовское. Съ легкомысліемъ дикаря, мѣняющаго золотые слитки на стеклянныя бусы, напудренныя щеголихи опрастывали дѣдовскія кладовыя, гдѣ въ продолженіе не одного столѣтія накоплялось много всякой всячины. И все продавали за безцѣнокъ, отдавали почти задаромъ, обзавестись бы только поскорѣй на вырученныя деньги игрушками новой роскоши. Старинныя братины, яндовы, стопы и кубки, жалованные прежними царями ковши и чары съ пелюстками, чумы, росольники, передачи и крошни, сулеи и фляги, жбаны и четвертины *) безжалостно продавались въ ломъ на переплавъ. На придачу иногда шли туда же и ризы и оклады съ родительскихъ иконъ... Всего бывало. Хвастались даже тѣмъ. Иной какъ выгоднымъ дѣломъ хвалится, что купилъ породистаго жеребца да борзого кобеля на деньги, вырученныя отъ продажи стараго, никуда, по его мнѣнію, негоднаго хлама: расшитыхъ жемчугами и золотыми дробницами бабушкиныхъ убрусовъ, шамшуръ изъ волоченаго золота, кикъ и рясъ съ яхонтами, съ лалами, съ бирюзой и изумрудами **).

---

*) *Братина*—горшокъ съ поддономъ и крышкой. *Яндова*—родъ горшка, кверху съ разваломъ, ко дну узкій, съ носкомъ, какъ у чайника. *Стопа*—большой стаканъ съ крышкой и съ рукоятью на поддонѣ. *Кубки* бывали разнообразной формы: «на братинное дѣло» (то-есть въ формѣ братины), на стаканное дѣло, на тыквенное (въ формѣ тыквы) и пр. *Чара* или *чарка*—круглый глубокій сосудъ. Чары дѣлались всегда на поддонахъ съ небольшими рукоятками, но еще чаще съ *пелюстками*—плоскими въ видѣ расплюснутаго листа рукоятями, прикрѣпленными къ верхнему краю чары. *Чумъ* или *чумичъ* — ковшъ съ длинной рукоятью; посуда поваренная. *Росольникъ*—блюдечко на ножкѣ съ поддономъ, на него клали разные сласти и плоды. *Передача*—большая чаша съ рукоятками и крышкой въ родѣ нынѣшней миски. *Крошня*—корзина въ видѣ чаши съ крышкой на поддонѣ; крошни бывали разнообразныхъ формъ. *Сулея*—сосудъ въ видѣ большой бутылки съ пробкой изъ того же метала, которая завинчивалась; вмѣсто рукоятокъ у сулеи бывали цѣпи, прикрѣпленныя по бокамъ. *Фляга*—то же, что сулея, только безъ горлышка. *Жбанъ*—родъ кружки, кверху нѣсколько поуже, съ крышкой, рукояткой и носкомъ, какъ у чайника. *Четвертина* — сосудъ со втулкой и тискомъ (завинчивавшаяся крышка, кверху которой придѣлывалось кольцо). Четвертины бывали четырехугольныя, шестиугольныя и осьмигранныя. Всѣ эти вещи дѣлывались обыкновенно изъ серебра и золотились. У менѣе достаточныхъ людей вся эта посуда была по формѣ такая же, но сдѣлана изъ олова.

**) *Убрусъ*—головной уборъ замужнихъ женщинъ, изъ шелковой ткани, большею частью тафты; концы убруса (застѣнки), висѣвшие по сто-

Другой, бывало, нарадоваться не может, промѣнявъ дѣдовскую богомольную золотую греческаго дѣла кацею *) на парижскую табатерку. Третій тѣмъ, бывало, кичится, тѣмъ бахвалится **), что дорогой дамасскій булатъ, дѣдомъ его во время Чигиринской войны въ бою съ турками добытый, удалось ему промѣнять на модную французскую шпажонку. Кой-что изъ этихъ легкомысленно расточаемыхъ остатковъ старины попадало въ руки старообрядцевъ и спасалось такимъ образомъ для будущей науки, для будущаго искусства отъ гибели, безпощадно имъ уготованной легкоуміемъ обезьянствовавшихъ баричей... Когда иное время настало, когда и у насъ стали родною стариной дорожить, явились такъ-называемые «старинщики», большей частью, если не всѣ поголовно, старообрядцы. Съ рѣдкою настойчивостью, доходившею до упорства, они разыскивали по захолустьямъ старинныя книги, образа, церковную и хоромную ***) утварь. Этимъ и обогатились наши книгохранилища и собранія рѣдкостей. Однимъ изъ такихъ спасателей неоцѣненныхъ памятниковъ старины былъ Герасимъ Силычъ Чубаловъ.

Лѣтомъ въ Петровки, въ воскресный день, у колодца, что̀ вырытъ былъ супротивъ дома чубаловскаго, сидѣлъ подгорюнясь середній сынъ Силы Петровича — Абрамъ. Видитъ онъ: ѣдутъ по деревнѣ три нагруженные кладью воза и становятся возлѣ его дома. «Проѣзжіе торговцы коней хотятъ попоить», — думаетъ Абрамъ, но видитъ, что одинъ изъ нихъ, человѣкъ еще не старый, по виду и одёжѣ зажиточный, снявъ шапку, тихою поступью подходитъ къ Абрамову дому и передъ мѣднымъ крестомъ, что̀ прибитъ на середкѣ воротной притолоки ****),

---

ронамъ головы, вышивались золотомъ и бывали унизаны жемчугами и маленькими дробницами (золотыя дощечки). *Шамшура* или *волосникъ* — головная сѣтка, вязаная или плетеная изъ волоченаго (пряденаго) золота и серебра; напереди волосника надо лбомъ носили прикрѣпленное къ нему *очелье съ подзоромъ* (каймою), богато расшитое золотомъ и унизанное жемчугомъ и дорогими каменьями. *Кика*—самый нарядный головной уборъ, въ родѣ нынѣшняго мужского картуза безъ козырька. *Ряса* — длинная прядь изъ жемчуга вперемежку съ драгоцѣнными камнями и золотыми *пронизками* (бусы). По три, по четыре *рясы* висѣло по бокамъ кики.

*) *Кацея* — ручная кадильница.

**) *Бахвалиться* — хвастаться, похваляться.

***) Хоромная утварь, иначе обиходная — всякія домашнія вещи за исключеніемъ иконъ и всего до вѣры относящагося.

****) Воротная притолока — верхній брусъ, или перекладина, что̀ лежитъ на вереяхъ. У старообрядцевъ, а также и у живущихъ среди нихъ православныхъ сохранился старинный благочестивый обычай прибивать къ притолокѣ мѣдный крестъ.

справляетъ уставной семипоклонный началъ. Диву дался Абрамъ, всталъ съ мѣста, подходитъ. А тотъ человѣкъ его спрашиваетъ:

— Дома-ль Сила Петровичъ?

— Померъ давно, — отвѣчалъ Абрамъ.

Поникъ проѣзжій головой, снова спрашиваетъ Абрама:

— А хозяюшка Силы Петровича? Ѳедосья Мироновна?

— Тоже давно померла.

Вздохнулъ и еще ниже поникъ головою проѣзжій.

— А Иванъ Силычъ? — спросилъ онъ.

— Ивана Силыча по жеребью въ солдаты отдали. На чужой сторонѣ жизнь покончилъ. И жена Иванова и дѣтки его тоже всѣ примерли. Одинъ я остался въ живыхъ.

— Абрамушка! братанъ!.. *) — вскрикнулъ Герасимъ, и братья горячо обнялись.

«Не чаялъ я тебя видѣть такимъ, — думаетъ воротившійся въ отчій домъ странникъ. — Былъ ты здоровъ, кровь съ молокомъ, молодецъ, ясный соколъ. Осьмину хлѣба, бывало, ровно лутошку на плеча себѣ вскидывалъ — богатырь былъ какъ есть... И былъ ты веселый забавникъ, всѣхъ, бывало, смѣшишь, потѣшаешь. На осеннихъ ли посидкахъ, на святочныхъ ли игрищахъ только, бывало, появишься ты — у всѣхъ и смѣхи, и потѣхи, и забавы... Дѣвушки всѣ до единой на тебя заглядывались, галдѣли объ тебѣ, ворожили, каждая только то на мысляхъ и держала, какъ бы съ тобой повѣнчаться... А теперь — облысѣлъ, сморщился, ровно грибъ сталъ, блѣденъ, какъ мертвецъ!.. Босой, въ ветхой рубахѣ!..»

— Что̀ за бѣда случилась съ тобою, братанъ?.. — спросилъ послѣ долгаго молчанья Герасимъ.

Тотъ только голову низко-пренизко склонилъ да плечами пожалъ. Глядитъ Герасимъ на домъ родительскій: набокъ скривился, крыша сгнила, замѣсто стеколъ въ окнахъ грязныя тряпицы, расписанные когда-то красками ставни оторваны, на улицѣ передъ воротами травка-муравка растетъ, значитъ, ворота не растворяются. «Нѣтъ, видно, ни коней добробѣжихъ, ни коровъ холмогорскихъ, ни бычковъ, что̀ родитель, бывало, откармливалъ», — подумалъ Герасимъ. И въ самомъ дѣлѣ, не было у Абрама ни скотины ни животины, какова есть курица—и той давнымъ-давно на дворѣ у него не бывало.

На говоръ братьевъ вышла изъ калитки молодая еще женщина, босая, въ истасканномъ до-нельзя сарафанишкѣ, испитая вся, блѣдная, сморщенная. Только ясные, добрые, голу-

*) Братанъ — старшій братъ.

бые глаза говорили, что недавно еще было то время, когда пригожествомъ она красилась. То была братаниха *) Герасиму, хозяйка Абрамова — Пелагея Филипьевна. За нею высыпалъ цѣлый рой ребятишекъ малъ мала меньше. Всѣ оборваны, всѣ отрепаны, блѣдные, тощіе, изнуренные... Это племянники да племянницы Герасима Силыча. Окруживъ со всѣхъ сторонъ мать и держась ручонками за ея подолъ, они, разинувъ рты ровно галчата, пугливо исподлобья глядѣли на незнакомаго имъ человѣка.

Взглянувъ на полунагихъ и видимо голодныхъ дѣтей, Герасимъ Силычъ ощутилъ въ себѣ новое, до тѣхъ поръ незнакомое еще ему чувство. Рѣшаясь заѣхать въ родную деревню, къ отцу-матери на побывку, такъ думалъ Герасимъ въ своей гордынѣ:—«Отецъ теперь разжился, а все же нѣтъ у него такихъ капиталовъ, какіе мнѣ нажить довелось въ эти пятнадцать годовъ... Стукну, брякну казной да и молвлю родителю: «Ну, вотъ, молъ, батюшка, ни пахать, ни боронить, ни сѣять, ни молотить я не умѣю и прясть на прядильнѣ веревки тоже не гораздъ... Училъ ты меня, родной, уму-разуму, бивалъ чѣмъ ни попало, а самъ приговаривалъ: вотъ тебѣ, неразумный сынъ, ежели не образумишься, будешь даромъ небо коптить, будешь таскаться подъ оконьемъ!.. Ну, родитель-батюшка, скажи, не утай — много ли ты въ эти пятнадцать годовъ нажилъ казны золотой?.. Давай-ка мѣряться да считаться!» И поникнетъ онъ головою и передо мною, передъ пропавшимъ сыномъ, смирится... «Вотъ тебѣ грамотей, а не пахарь, — скажу я родителю: — за что бивалъ меня, за что бранивалъ?..» Смирится, старый, а я изъ деревни вонъ — прощай, молъ, батюшка, лихомъ не поминай... И ни копейки не дамъ ему...»

Не то на дѣлѣ вышло: черствое сердце суроваго отреченника отъ людей и отъ міра дрогнуло при видѣ братней нищеты и болѣзненно заныло жалостью. Въ напыщенной духовною гордыней душѣ промелькнуло:—«Не напрасно ли я пятнадцать годовъ провелъ въ странствѣ? Не лучше ли бы провести эти годы на пользу ближнихъ, не бѣгая міра, не проклиная суетъ его?..» И жалкимъ сумасбродствомъ вдругъ показалась ему созерцательная жизнь отшельника... Съ дѣтства ни разу не плакивалъ Герасимъ, теперь слезы просочились изъ глазъ.

И съ того часа онъ ровно переродился, стало у него на душѣ легко и радостно. Тутъ впервые понялъ онъ, что зна-

---

*) Братана жена — братаниха.

чать слова любимаго ученика Христова: «Богъ любы есть» *). «Вотъ она гдѣ истина-то,—подумалъ Герасимъ:—вотъ она гдѣ правая-то вѣра, а въ странствѣ да въ отреченьи отъ людей и отъ міра наврядъ ли есть спасенье... Вздоръ одинъ, ложь. А кто отецъ лжи?.. Дьяволъ. Онъ это все выдумалъ ради обольщенья людей... А они сдуру-то вѣрятъ ему, врагу Божью!..»

Братнина нищета и голодъ дѣтей сломили въ Чубаловѣ самообольщенье духовной гордостью. Проклялъ онъ это исчадіе ада, изъ ненавистника людей, изъ отреченника отъ міра преобразился въ существо разумное — сталъ человѣкомъ... Много вышло изъ того добраго для другихъ, а всего больше для самого Герасима Силыча.

Еще не успѣлъ возвратившійся странникъ войти подъ кровлю отчаго дома, какъ вся Сосновка сбѣжалась поглазѣть на чудо дивное, на человѣка, что̀ пятнадцать годовъ въ мертвыхъ вмѣняемъ былъ и вдругъ съ того свѣта вернулся. Праздникъ былъ, всѣ дома... Скоро пропасть народу набралось у колодца и у избы чубаловской. Дивились на Герасима, еще больше дивились на его воза съ коробами и ящиками, въ какихъ купцы товары развозятъ... «Вонъ онъ куда вылѣзъ! Глянь-ка, какимъ сталъ богатеемъ!» Зависть и досада звучали въ праздныхъ словахъ празднаго народа... Тѣ, что̀ были постарѣе, признали въ пріѣзжемъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ сбѣжавшаго Богъ вѣсть куда грамотея и теперь, какъ старые знакомцы, тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Глядя на его тонкаго сукна черный кафтанъ и на пуховую шляпу, а пуще всего посматривая на воза, мелкимъ бѣсомъ они разсыпались передъ Чубаловымъ, называя бывшаго Гараньку то Герасимомъ Силычемъ, то «почтеннымъ», то даже «вашимъ степенствомъ». Воза свели съ ума и матерей, у которыхъ дочери заневѣстились. Умильно онѣ поглядывали на Герасима и закидывали ему ласковыя словечки, напоминая на былое прошлое время, а сами держа на умѣ: «коли не женатъ, такъ вотъ бы женишокъ моей дѣвчуркѣ»; но пріѣзжій вовсе не глядѣлъ женихомъ, и никто не зналъ, холостъ онъ, или женатый... А молодки, стоя особнякомъ возлѣ колодца, завистливо косились на жену Абрамову и такими словами между собой перекидывались:—«Вотъ тѣ Чубалиха, вотъ тѣ и нищенка!.. Доселева была Палашка рвана рубашка, теперь стала Палагеей Филипьевной!.. Пустыя щи и то не каждый день отопкомъ **) хле-

*) «Первое посланіе Іоанна», IV. 16.

**) Стоптанный, изношенный лапоть.

бала, а теперь гляди-ка-сь въ какія богачихи попала!.. Вотъ дурамъ-то счастье! Правда молвится, что дура спитъ, а счастье у ней въ головахъ сидитъ!..»

И молодые парни и тѣ, у кого въ бородѣ ужъ запидивѣло, ровно великой радостью спѣшили Герасима порадовать — извѣстили его, что теперь въ Сосновкѣ у нихъ свой кабакъ завелся, и звали туда его съ пріѣздомъ поздравить. Герасимъ отказался, но на четвертуху *) денегъ далъ. Тутъ весь міръ собрался и рѣшительно объявилъ, что четвертухи оченно мало, надо цѣлое ведро для такой радости поставить, потому что въ пятнадцать лѣтъ Герасимовой отлучки ревизскихъ душъ у нихъ въ Сосновкѣ много понабавилось. На полведра далъ Чубаловъ. Міръ остался недоволенъ.—«Мы за тебя, Герасимъ Силычъ, сколько годовъ подати-то платили?.. Изъ ревизіи ты еще вѣдь не выписанъ», — сказалъ деревенскій староста, плутъ-мужикъ. стоило только взглянуть на него.—«Съ твоего братана взять нечего,—говорили другіе:—ему и за свою-то душу нечѣмъ платить... И то на немъ столько недоимки накопилось, что страсть!.. Твоя душа, да родителя твоего, да братана Ивана, что̀ въ солдаты пошелъ, — всѣ ваши души на міръ разложены. По этому самому, ваше степенство, тебѣ и слѣдуетъ цѣлое ведро міру поставить, чтобы выпили мы на радостяхъ про твое здоровье... Больно вѣдь ужъ мы рады тебѣ, что ты воротился... Такъ-то, почтенный!»

Далъ Герасимъ на ведро. Міръ и тѣмъ не удовольствовался. Немного погодя, когда Герасимъ ужъ въ родительскомъ домѣ сидѣлъ, шасть къ нему староста. Вошелъ, Богу какъ слѣдуетъ помолился, всѣмъ поклонился, «здравствуйте», сказалъ, а потомъ и началъ доказывать. что ведерка на міръ очень недостаточно, и потому Герасиму Силычу безпремѣнно надо пожертвовать на другое. Не до старосты было тогда Герасиму, не до мірской попойки, ни слова не молвя, далъ денегъ на другое ведро и попросилъ старосту міръ-народъ угостить. Староста дачей денегъ остался доволенъ, а потомъ началъ изъ кожи лѣзть, упрашивая обоихъ Чубаловыхъ, ровно Богъ знаетъ о какой милости. чтобъ и они шли на лужокъ у кабака съ міромъ вмѣстѣ винца испить. Оба брата отказались, и староста, уходя изъ избы, изо всей мочи хлопнулъ дверью, чтобы хоть этимъ сердце сорвать. Надивиться онъ не могъ, отчего это не пошли на лужокъ Чубаловы. «Ну пущай,—говорилъ онъ шедшему рядомъ съ нимъ десятнику:—пущай Абрамка не пьетъ, а не пьетъ оттого, что пить доселѣ было не на что; а

*) Четверть ведра.

этотъ скаредъ, сквалыга, этотъ распроклятый отчего не пьетъ?» То же говорилъ староста и на лужайкѣ міру-народу, разливая по стаканамъ новое ведерко, и мудрый міръ-народъ единогласно порѣшилъ, что оба Чубаловы, и тотъ и другой, дураки. Потомъ міръ-народъ занялся дѣломъ общественнымъ. Составился вкругъ порожняго ведерка сходъ, и на томъ сходѣ рѣшено было завтра же ѣхать старостѣ въ волость, объявить тамъ о добровольной явкѣ изъ бѣговъ пропадавшаго безъ вѣсти крестьянина Герасима Чубалова, внести его въ списки и затѣмъ взыскать съ него переплаченныя обществомъ за него и за семейство его подати и повинности, а по взысканіи тѣхъ денегъ, пропить ихъ, не откладывая, въ первое же послѣ того взыска воскресенье. Постановивъ такой всѣмъ по душѣ пришедшійся приговоръ, міръ-народъ еще выпилъ на радостяхъ. Играли на гармоникахъ, орали пѣсни вплоть до разсвѣта, дракъ было достаточно; поутру больше половины бабъ вышло къ деревенскому колодцу съ подбитыми глазами, а мужья всѣ до единаго лежали похмельные... Такъ радостно встрѣтила Герасима Силыча родная сторонушка.

Когда Герасимъ вошелъ въ родительскій домъ и, помолившись семейнымъ иконамъ, оглянулъ съ дѣтства знакомую избу, его сердце еще больше упало. Нищета, бѣдность крайняя... Нигдѣ, что̀ называется, ни крохи ни зерна, вездѣ голымъ-голо, вездѣ хоть шаромъ покати: скотины — таракан да жужелица, посуды — кресгъ да пуговица, одежи — мѣшокъ да рядно. Дворъ раскрытъ, безъ повѣти стоитъ; у воротъ ни запора ни подворотни, да и зачѣмъ? — голый что̀ святой: ни разбоя ни воровъ не боится. Въ первую пору странства, когда Герасимъ въ средѣ старообрядцевъ еще не прославился, самъ онъ иногда голодовалъ, холодовалъ и всякую другую нужду терпѣлъ, но такой нищеты, какъ у брата въ дому, и во снѣ онъ не видывалъ. Вспомнилъ про надѣльныя полосы, при выкормкѣ бычковъ родителемъ до того удобренныя, что давали онѣ урожая вдвое и втрое супротивъ сосѣднихъ надѣловъ, и спросилъ у братана, каково идетъ у него полевое хозяйство. Молчитъ Абрамъ, глаза въ землю потупя... Со слезами отвѣчаетъ невѣстка, что вотъ ужъ-де больше пяти годовъ, какъ нѣтъ у нихъ никакого хозяйства, и у нея нѣтъ никакихъ бабьихъ работъ — ни въ полѣ жнитва ни въ огородѣ полотья. «Вотъ какимъ пахаремъ сталъ», — подумалъ Герасимъ. И въ самомъ дѣлѣ избной полъ сталъ у Абрама, какъ въ людяхъ молвится, подъ озимымъ, печь подъ яровымъ, полати подъ паромъ, а полавочье подъ покосомъ. Таково было хозяйство, что даже мыши перевелись съ голодухи въ амбарѣ.

Молчанье брата, грустный, жалобный голосъ невѣстки, скучившіеся въ углу у коника полунагіе ребятишки въ конецъ растопили сердце у Герасима.

Пуще всего жаль было Герасиму малыхъ дѣтей, а ихъ было вдосталь и не для такой скудости, въ какой жилъ его братъ: семеро на ногахъ, восьмой въ зыбкѣ, а большому всего только десятый годокъ.

— А что, невѣстушка, чѣмъ станешь гостя потчевать? — спросилъ, садясь на лавку, онъ Пелагею.

Та, закрывъ лицо передникомъ, тихо, безмолвно заплакала. Молчитъ и Абрамъ, сумрачно смотритъ на брата, ровно черная туча.

— Болѣзный ты мой, родной, притоманный! — съ трудомъ могла наконецъ промолвить хозяйка. — Было щецъ маленько, да за обѣдомъ поѣли всѣ. Съ великой бы радостью тебя, мой душевный, попотчевала, да нѣтути теперь у насъ ничего.

А хозяинъ голову передъ братомъ повѣсилъ и потупилъ глаза. Слеза прошибла ихъ.

— На нѣтъ и суда нѣтъ, невѣстушка, — сказалъ Герасимъ и тоже печально склонилъ свою голову.

— Нѣтъ, вотъ что, родненькій, — вспомнивъ, молвила Пелагея. — Сбѣгаю я къ Матренѣ Прокофьевнѣ, — обратилась она къ мужу: — къ нашей старостихѣ, — пояснила деверю: — покучусь у ней молочка хоть криночку, да яичекъ, да маслица, яишенку-глазунью гостю дорогому состряпаю. Можетъ, не откажетъ: изо всѣхъ бабъ она до меня всѣхъ милостивѣй.

И, накинувъ на плечи истрепанный, дырявый шушунъ *), спѣшно пошла изъ избы.

— Постой, невѣстушка, постой, родная, — остановилъ Пелагею Герасимъ. — Такъ не годится. У васъ на деревнѣ, слышь, кабакъ завелся, чать при немъ есть и закусочная? — обратился онъ къ брату.

— Какъ не быть, есть, — тихо отвѣтилъ Абрамъ.

---

*) Шушуномъ, смотря по мѣстности, называется разная верхняя женская одежда. За Окой на югъ отъ Москвы, въ губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Тульской и др., гдѣ сарафановъ не носятъ, шушуномъ зовутъ холщевую женскую рубашку, длиною немного пониже колѣнъ, съ алымъ шитьемъ и кумачными красными прошивками; онъ надѣвается къ паневѣ сверхъ рубахи. На сѣверѣ (губерніи: Новгородская, Вологодская, Вятская) шушуномъ называется крашенинный старушечій сарафанъ, а въ Олонецкой и по инымъ мѣстамъ — сарафанъ изъ краснаго кумача съ воротомъ и висячими назадъ рукавами. Въ волжскомъ верховьѣ (Тверская, Ярославская, Костромская) шушуномъ зовется кофта съ рукавами и отложнымъ воротникомъ, отороченная кругомъ ленточкой — *шугой*. На Горахъ, начиная съ Нижегородской губерніи, шушунъ — верхняя крашенинная короткая сорочка-растегай въ родѣ блузы, надѣваемая поверхъ сарафана.

— На̀-ка тебѣ, — молвилъ Герасимъ, подавая Абраму рублевку. — Сходи да купи харчей, какіе найдутся. Пивца бутылочку прихвати, пивцо-то я маленько употребляю, и ты со мной стаканчикъ выпьешь. На всю бумажку бери, сдачи приносить не моги ни единой копейки. Пряниковъ ребяткамъ купи, орѣховъ, подсолнуховъ.

— Что̀ это, брательникъ *)? Зачѣмъ? — молвилъ Абрамъ. — Они у насъ непривычны, не надо.

— А ты, Абрамушка, дѣлай не по-своему, а по-моему, — улыбаясь, добродушно отвѣтилъ Герасимъ. — Подь-ка ты, подь скорѣе.

Постоялъ маленько Абрамъ, вздохнулъ и, взявши съ колка **) шапку, пошелъ изъ избы, почесывая въ затылкѣ.

— Ну, невѣстушка, — сказалъ по уходѣ брата Герасимъ: — ты бы теперь мнѣ маленько мѣстечка гдѣ-нибудь опростала. Одну-то телѣгу надо скорѣй опростать.

— Да вонъ тащи, родной, хоть въ заднюю избу, — молвила Пелагея: — а не то въ клѣть — пустымъ-пустехоньки. А ежели больно къ спѣху, такъ покамѣстъ въ сѣняхъ положь: сѣни у насъ большія, просторныя, всю свою поклажу уложишь.

— Ладно, — отвѣтилъ Герасимъ. — Въ сѣняхъ такъ въ сѣняхъ.

И, выйдя изъ избы, сказалъ возчикамъ, сняли бы съ одного воза кладь, а въ опростанную телѣгу заложили лошадь. Пока они перетаскивали короба и ящики. Герасимъ подсѣлъ къ столу и, вынувъ изъ кармана бумагу, сталъ что-то писать карандашомъ, порой останавливаясь, будто что̀ припоминая. Кончивъ писанье, вышелъ онъ на дворъ и, подозвавъ одного изъ пріѣхавшихъ съ нимъ, сказалъ:

— Ну, Семенушка, сослужи ты мнѣ, братецъ, теперь не въ службу, а въ дружбу. Хоть ты и усталъ, и давно бы пора отдохнуть тебѣ, да ужъ, пожалуйста, похлопочи, сдѣлай для меня такую милость.

Семенъ Ермоланчъ былъ у Чубалова за приказчика. Человѣкъ пожилой, степенный, тоже грамотей и немалый знатокъ въ старинныхъ книгахъ, особенно же въ иконахъ. Радъ былъ онъ сослужить службу хозяину.

— Здѣшни мѣста знаешь? — спросилъ у него Чубаловъ.

— Какъ мнѣ не знать здѣшнихъ мѣстовъ? — молвилъ Семенъ Ермоланчъ. — Самъ не дальній отселѣ.

---

*) *Брательникъ* — меньшой, младшій братъ.

**) Деревянный гвоздь или тычокъ, вбитый въ заднюю стѣны избы у входа, для вѣшанья шапокъ.

— Такъ вотъ что. — сказалъ Чубаловъ. — Въ городъ дорогу найдешь?

— Какъ не найти. Ѣхали сюда, въ виду у насъ былъ.

— Моихъ денегъ есть ли сколько-нибудь при тебѣ?—спросилъ Чубаловъ.

— Есть довольно...

— Сдѣлай же все по этой запискѣ. Только сдѣлай милость. управляйся скорѣе, засвѣтло бы тебѣ назадъ поспѣть. Успѣешь, думаю, тутъ всего четыре версты, да и тѣхъ, пожалуй, не будетъ, — молвилъ Чубаловъ.

— Какъ не поспѣть засвѣтло, — сказалъ Ермоланчъ. — Далеко ли тутъ? Для братана, что ли? — примолвилъ онъ, бѣгло взглянувъ на записку.

— Да, — молвилъ Герасимъ. — Не чаялъ я, Семенушка.

— Жалости даже подобно.— сказалъ Семенъ Ермоланчъ.— Покалякалъ я кой съ кѣмъ изъ здѣшнихъ про твоего братана. Мужикъ, сказываютъ, по всему хорошій, смирный, работящій, вина капли въ ротъ не беретъ. Да какъ пошли. слышь, на него бѣды за бѣдами. такъ его сердечнаго въ конецъ и доконало. Опять же больно ужъ много ребятокъ-то онъ наплодилъ, что, слышь, ни годъ, то подъ матицу зыбку подвязывай *). Поглядѣть на богатыхъ — дѣти у нихъ не стоятъ, родился, глядь. анъ и гробикъ надо ладить, а у Абрама Силыча всѣ до единаго вживѣ остались... Шутка ли, восемь человѣкъ, малъ-мала меньше!.. Работникъ-отъ онъ одинъ, а ртовъ цѣлый десятокъ. Какъ тутъ не пойти подъ оконья?..

— Нешто побираются? — мрачно насупясь, спросилъ у Ермоланча Герасимъ.

— Самъ-отъ нѣтъ, самъ, слышь. и день и ночь за работой, и хозяйка не ходитъ, отъ дому-то ей отлучаться нельзя. Опять же Христа ради сбирать ей и зазорно — брата она изъ хорошаго дома, свои капиталы въ дѣвкахъ имѣла, сродники, слышь, обобрали ее дочиста... А большенькіе ребятки, говорили бабенки, каждый, слышь, день ходятъ побираться.

Пуще прежняго нахмурился Герасимъ Силычъ, смотритъ ровно осенняя ночь.

— Поѣзжай поскорѣе, Ермоланчъ,—вдругъ заторопилъ онъ приказчика. — Засвѣтло надобно быть здѣсь тебѣ непремѣнно. Пожалуйста, поторапливайся!

— Какъ засвѣтло не воротиться, воротимся,—молвилъ раз-

---

*) Матица — брусъ поперекъ избы, на ней кладется потолочный тесъ. Зыбка — колыбель, люлька, въ крестьянскихъ домахъ обыкновенно подвѣшиваемая къ потолочной матицѣ. Есть въ каждой избѣ и другая матица— балка, на которую полъ настилается.

говорившійся Ермоланчъ, оправляя супонь на лошади. — Эки собаки, прости Господи! И супонь-то кой-какъ затянули, и гужи-то къ оглоблямъ не пристегнули. Все бы кой-какъ да какъ-нибудь, а дорогой конь распряжется, глядишь, остановка, меледа *)... Да, Герасимъ Силычъ, правда въ людяхъ молвится: «безъ дѣтей горе, а съ дѣтьми вдвое»... Только ужъ паче мѣры плодливъ братанъ-отъ у тебя... Конечно, ежели поможетъ ему Господь всѣхъ на ноги поставить — работниковъ будетъ у него вдоволь, пять сыновъ, всѣ погодки... Тогда, Богъ дастъ, справится.

— А ты поѣзжай, поѣзжай, Семенушка, — торопилъ его Герасимъ.

Ермоланчъ сѣлъ наконецъ въ телѣгу, а все-таки свое продолжалъ:

— Да, плодливъ, бѣда какой плодливый... Шутка сказать, восьмеро ребятишекъ... И у богатаго при такой семьищѣ голова кругомъ пойдетъ. Поди-ка вспой, вскорми каждаго да выучи!.. Ой, бѣда, бѣда!

Наконецъ-то двинулся въ путь. Выйдя изъ воротъ, Герасимъ, посмотрѣвъ вслѣдъ Ермоланчу, въ избу вошелъ.

Глава четырнадцатая.

Облокотясь на столъ и припавъ рукою къ щекѣ, тихими слезами плакала Пелагея Филипьевна, когда, исправивши свои дѣла, воротился въ избу Герасимъ. Трое большенькихъ мальчиковъ молча стояли у печки, въ грустномъ молчаньи глядя на грустную мать. Четвертый забился въ углу коника за наваленный тамъ всякаго рода продранный и поломанный хламъ. Младшій сынокъ съ двумя крошечными сестренками возился подъ лавкой. Пріукутанный въ грязныя отрепья, грудной ребенокъ спалъ въ лубочной вонючей зыбкѣ, подвѣшенной къ оцѣпу **).

— Что, невѣстушка, пригорюнилась? О чемъ слезы ронишь, родная? — ласково, участливо спросилъ Герасимъ, садясь возлѣ нея на лавку.

— Какъ мнѣ не плакать, какъ не убиваться?.. — захлебываясь слезами, чуть могла промолвить Пелагея Филипьевна. — Не видишь развѣ, желанный, каково житье наше горе-горькое?.. А живали вѣдь и мы хорошо... Въ достаткѣ живали, у людей были въ любви и почетѣ. И все-то прошло, прока-

---

*) Мѣшкотное дѣло, задержка.

**) Оцѣпъ, иначе очепъ, журавъ, журавецъ — перевѣсъ, слега или жердь, прикрѣпленная къ матицѣ.

тилось, ровно во снѣ привольное-то житье я видѣла... Охъ, родной, родной!.. Тебя и въ живыхъ мы не чаяли. и вотъ Господь далъ — пріѣхалъ, воротился. Радоваться бы твоему пріѣзду намъ да веселиться, а у насъ куска хлѣба нѣтъ покормить тебя... Тошно, родимый, тошнехонько!..

И, бросивъ на столъ бѣлыя, исхудалыя, по-локоть обнаженныя руки, прижала къ нимъ скорбное лицо и горько зарыдала. У Герасима сердце повернулось...

— Полно, родная, перестань убиваться,—любовно молвилъ онъ ей, положивъ руку на ея плечо. — Богъ не безъ милости, не унывай, а на Него уповай. Снова пошлетъ Онъ тебѣ и хорошую жизнь и спокойную. Молись, невѣстушка, молись милосердому Господу — вѣдь мы къ Нему съ земной печалью, а Онъ Свѣтъ къ намъ съ небесной милостью. Для того и не моги отчаиваться, не смѣй роптать. То знай, что на каждаго человѣка Богъ по силѣ его крестъ налагаетъ.

— Не ропщу я, родной, николи Бога ропотомъ я не гнѣвила, — сказала Пелагея тихо, поднявши голову и взглянувъ на деверя чистымъ, яснымъ, правдой и смиреньемъ горѣвшимъ взоромъ.

— И хорошее дѣло, невѣстушка. За это Господь тебя не покинетъ, воззритъ на печаль твою. Надѣйся, Пелагеюшка, надѣйся... На Бога положишься, не обложишься. Утри-ка слезы-то да покажь мнѣ дѣтокъ-то. Я вѣдь хорошенько-то еще и не знаю своихъ племянниковъ. Показывай, невѣстушка, начинай со старшенькаго.

Отерла слезы Пелагея. Теперь она была уже увѣрена, что деверь не покинетъ ихъ въ бѣдности, дастъ вздохнуть, выведетъ изъ нищеты и горя.

— Подь сюда, Иванушка, подойди поближе къ дяденькѣ,— сказала она старшему мальчику.

Тихо, но не робкой поступью подошелъ бѣловолосый, блѣдный, истощенный Иванушка съ ясными, умными глазками. Подойдя къ дядѣ, онъ покраснѣлъ до ушей.

— Это нашъ большенькій, — молвила Пелагея: — Иванушкой звать.

— Много-ль ему? — спросилъ Герасимъ, гладя по головѣ племянника.

— Десятый годокъ на Ивана Богослова передъ лѣтнимъ Николой пошелъ, — отвѣтила Пелагея Филипьевна.

— Умненькій мальчикъ,—молвилъ Герасимъ, поглядѣвъ въ глаза Иванушкѣ.

— Ничего, паренекъ смышленый, — скорбно улыбнулась мать, глядя на своего первенца.

— Грамотѣ учишься?—спросилъ у него дядя и тотчасъ же одумался, что напрасно и спрашивалъ о томъ.—«Кака ему грамота, коли ходитъ побираться?»

Еще больше мальчикъ зардѣлся. Тоскливымъ, печальнымъ взоромъ, но смѣло, открыто взглянулъ онъ дядѣ прямо въ глаза и чуть слышно вымолвилъ:

— Нѣтъ.

— Какая ему грамота, родимый!..—дрожащими отъ приступа слезъ губами прошептала мать.—Куда ужъ намъ о грамотѣ думать, хоть бы только поскорѣе пособниками отцу стали... А Иванушка паренекъ у насъ смышленый, понятливый... Теперь помаленьку и прядильному дѣлу сталъ навыкать.

— Дѣло хорошее, Иванушка,—думчиво молвилъ Герасимъ, гладя племянника по бѣлымъ какъ ленъ волосенкамъ.—Доброе дѣло отцу подмогать.

И замолчалъ, впеnривъ очи въ умненькое личико мальчика.

Вспали тутъ на разумъ бывшему страннику такія мысли, что прежде бы онъ почелъ ихъ бѣсовскимъ искушеньемъ, дьявольскимъ навожденьемъ... «Дожилъ я слишкомъ до тридцати годовъ, а кому послужилъ хоть на малую пользу?.. Все вѣру искалъ, въ словопреніяхъ путался... Вѣру искалъ и мыкался, мыкался по всему свѣту вольному, а вотъ сегодня ее дома нашелъ... А въ пятнадцать годовъ шатанья, скитанья, черноризничанья успѣлъ отъ добрыхъ людей отстать... Нешто люди тѣ были, нешто самъ-отъ я былъ человѣкомъ?.. Гробы повапленные!.. Вонъ тогда въ Сызрани, два года тому назадъ, соборная бесѣда у насъ была... Я сидѣлъ въ первыхъ... и долгое шло разсужденье, въ какомъ разумѣ надо понимать словеса Христовы: «милости хощу, а не жертвы»... Никто тѣхъ словесъ не могъ смысломъ обнять; судили, рядили и врозь и вкось. Меня, какъ старшаго по знанію догматовъ церковныхъ, спросили... насказалъ я собесѣдникамъ и невѣсть чего: и про жертву-то ветхозаконную говорилъ, и про милости-то Царя Небеснаго къ вѣрнымъ праведнымъ, а самъ ровнехонько не понималъ ничего, что имъ говорю и къ чему рѣчь клоню... Однакоже много довольны остались, громко похваляли меня за остроту разума, за глубокое вѣдѣніе святого писанія... Недоступны были тогда моему разумѣнью простыя и святыя словеса евангельскія, а теперь, только-что поглядѣлъ я на этихъ мальцовъ да поболѣлъ о нихъ душою, ровно меня осіялъ свѣтъ Господень и дадеся мнѣ отъ Всевышняго сила разумѣнія... Познаю разумъ словъ Твоихъ, Спасе... Милости, милости хощешь Ты, Господи, а не черной рясы, не отреченья отъ людей, не проклятія міру, Тобой созданному!»

— А хотѣлось бы тебѣ грамотѣ-то поучиться? — мягкимъ, полнымъ любви голосомъ спросилъ послѣ долгаго молчанья Герасимъ Силычъ у племянника.

— Какъ же не хотѣться? — потупивъ въ землю глаза, чуть слышно отвѣтилъ Иванушка. — Я бы, пожалуй, и самоучкой сталъ учиться, безъ мастерицы *). только бы кто показалъ... Да вѣдь азбуки нѣтъ.

— Завтра же будетъ она у тебя, — молвилъ Герасимъ. — И станешь ты учиться не самоучкой, не у мастерицы, я самъ учить тебя стану... Хочешь ли?

— Хочу, дяденька, больно хочу, — радостно вскрикнулъ маленькій Иванушка, и голубые глазенки его такъ и запрыгали.

— Ну, вотъ и ладно, вотъ и хорошо, — съ добрымъ чувствомъ промолвилъ Герасимъ, перебирая пальцами Иванушкины кудри. — Станемъ, племянничекъ, станемъ учиться... Только смотри у меня, съ уговоромъ — учись, а отцовскаго дѣла покинуть не смѣй. Старайся прясть хорошенько. Учись этому, Иванушка, навыкай. Грамота дѣло хорошее, больно хорошее, однакожъ, если у грамотея мірского дѣла никакого не будетъ, работы то-есть никакой онъ не будетъ знать, ни къ какому промыслу сызмальства не обыкнетъ, будетъ ему грамота на пагубу. Станешь ли при грамотѣ прясть хорошенько? Станешь ли при грамотѣ отцу пособлять?

— Стану, дяденька, стану, — порывисто отвѣтилъ Иванушка, веселыми глазами глядя на дядю и прижимаясь къ нему.

— Ежели-бъ годиковъ семь нашимъ грѣхамъ Господь потерпѣлъ да сохранилъ бы въ добромъ здоровьѣ Абрама Силыча, мы бы, родимый, во всемъ какъ слѣдуетъ справились, — тихо промолвила Пелагея. — Иванушкѣ пошелъ бы тогда семнадцатый годокъ, а другіе сынки всѣ погодки. Саввушкѣ, меньшенькому, и тому бы тогда было двѣнадцать лѣтъ, и онъ бы ужъ пряллъ... И тягло бы попрежнему тогда на себя мы приняли, и земельку бы стали опять пахать, скотинушку завели бы... А теперь вѣдь у насъ ни пашенки ни скотинушки, какова птица курица, и та у насъ по двору давненько не браживала...

— Знаю, родная, все знаю, — со вздохомъ отвѣтилъ Герасимъ. — Только ты смотри у меня, невѣстушка, не моги унывать... Въ отчаянье не вдавайся, духомъ бодрись, на Свѣта Христа уповай... Христосъ-отъ отъ насъ грѣшныхъ одной вѣдь только милости требуетъ и только за нее милости Свои

---

*) Мастерица — деревенская учительница грамоты.

посылаетъ... Все пошлетъ Онъ милосердный тебѣ, невѣстушка, и пашню, и домъ справный, и скотинушку, и полные закрома...

— У меня только и есть надежды, что на Его милость. Тѣмъ только и живу,—слезнымъ умиленнымъ взоромъ смотря на иконы, отвѣтила Пелагея.—Не надѣялись бы мы съ Абрамомъ на милость Божію, давно бы сгибли да пропали...

— Показывай другихъ дѣтокъ, невѣстушка, — молвилъ немного погодя Герасимъ.

— Вотъ другой сынокъ нашъ — Гаврилушка, — сказала она, подводя къ деверю остроглазаго крѣпыша-мальчугана. — За недѣлю до Благовѣщенья девятый годокъ пошелъ.

— Ну что же ты, Гаврилушка, прядешь что ли?—приласкавши племянника, спросилъ у него Герасимъ.

— Тятька не даетъ,—бойко отвѣтилъ мальчикъ, глядя дядѣ прямо въ глаза.

— Куда еще ему, родной?—улыбаясь и мягкимъ, полнымъ любви взоромъ лаская мальчика, сказала Пелагея Филипьевна.—Развѣ съ будущаго лѣта станетъ отецъ обучать его помаленьку.

— Давай, мамка, пеньки — сейчасъ напряду, — вскричалъ Гаврилушка.

— Какъ тебѣ не пеньки?.. Ишь какой умѣлый, — улыбнувшись сквозь слезы, проговорила Пелагея Филипьевна и, приложивъ ладонь къ сыновнему лбу, заботно спросила:— прошла ли головушка-то у тебя, болѣзный ты мой?

— Прошла, — весело отвѣтилъ Гаврилушка.

— Ну, слава Богу, — молвила мать, погладивъ сына по головкѣ и прижавъ его къ себѣ. — Давеча съ утра, сама не знаю съ чего, головушка у него разболѣлась, стала такая горячая, а глазыньки такъ и помутнѣли у сердечнаго. Перепужалась я совсѣмъ. Много-ль надо такому маленькому?..— продолжала Пелагея Филипьевна, обращаясь къ деверю.

И по взглядамъ и по голосу ея Герасимъ смекнулъ, что Гаврилушка материнъ сынокъ, любимчикъ, баловникъ, какимъ самъ онъ былъ когда-то у покойницы Ѳедосьи Мироновны.

— А тебѣ чего хочется, Гаврилушка? Выростешь большой, чѣмъ хочешь быть?—спросилъ у него дядя.

— Маркомъ Данилычемъ, — съ важностью отвѣтилъ Гаврилушка.

— Какимъ Маркомъ Данилычемъ? — спросилъ Герасимъ.

— Купецъ у насъ тутъ есть въ городу, Смолокуровъ Марко Данилычъ, — усмѣхнулась на затѣйный отвѣтъ своего любимчика Пелагея.—На него по нашей деревнѣ всѣ прядутъ. Бо-

гатѣющій. Вишь куда захотѣлъ! — гладя по головкѣ сына, обратилась она къ нему. — Губа-то у тебя, видно, не дура.

— Смолокуровъ? Помню что-то я про Смолокурова, — молвилъ Герасимъ. — Никакъ батюшка-покойникъ работалъ на него?

— Надо-быть, такъ, — отвѣтила Пелагея.

— Работай хорошенько, Гаврилушка, да смотри не балуй, по времени будешь такимъ же богачомъ, какъ и Марко Данилычъ, — промолвилъ Герасимъ и спросилъ Пелагею про третьяго сына.

— Вотъ и онъ, — молвила Пелагея Филиппьевна. — Харламушка, подь къ дяденькѣ.

— Тебѣ который годъ? — спросилъ Герасимъ у подошедшаго къ нему и глядѣвшаго исподлобья пузатенькаго мальчугана, поднимая ему головку и взявши его за подбородокъ.

— Восьмой, — отвѣчалъ Харламушка.

— Чтò подѣлываешь?

— Хожу побираться, — бойко отвѣтилъ онъ.

Промолчалъ Герасимъ, а Пелагея отвернулась, будто въ окно поглядѣть. Тоже ни слова.

— А четвертый гдѣ? — спросилъ у нея Герасимъ послѣ недолгаго молчанья.

Подошла Пелагея къ углу коника, куда забился четвертый сынокъ, взяла его за ручонку и насильно подвела къ дядѣ. Дикій мальчуганъ упирался, насколько хватало у него силенки.

— Этотъ у насъ не ручной, какъ есть совсѣмъ дикій, — молвила Пелагея. — Всего боится, думаю, не испортилъ ли его кто.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ четвертаго племянника Герасимъ, взявши его за плечо.

Всѣмъ тѣломъ вздрогнулъ мальчикъ отъ прикосновенья. Робко смотрѣлъ онъ на дядю, а самъ ни словечка.

— Скажи, Максимушкой, молъ, зовутъ меня, дяденька, — учила его мать, но Максимушка упорно молчалъ.

— Который годокъ? — спросилъ Герасимъ.

Сколько мать Максимушкѣ ни подсказывала, сколько его ни подталкивала, онъ стоялъ передъ дядей ровно нѣмой. Наконецъ разинулъ ротъ и заревѣлъ въ источный голосъ.

— Чтò ты, Максимушка? Чтò ты, голубчикъ? Объ чемъ расплакался? — ласково уговаривалъ его Герасимъ, но ребенокъ съ каждымъ словомъ его ревѣлъ сильнѣй и сильнѣй.

— Страшливый онъ у насъ, опасливый такой, всѣхъ боится, ничего не видя тотчасъ и реву задастъ, — говорила Пелагея Филипьевна. — А когда одинъ, не на глазахъ у большихъ,

первый прокуратъ *). Отпусти его, родной. не то онъ до ночи проревстъ. Подь, Максимушка, ступай на свое мѣсто.

Не успѣла сказать, а Максимушка стрѣлой съ лука прятянулъ въ тотъ уголокъ, откуда мать его вытащила. Но не сразу унялись его всхлипыванья.

— А меньшенькій-то гдѣ же у тебя, невѣстушка? — спросилъ Герасимъ.

— Саввушка, гдѣ ты, родной?—крикнула мать, оглядываясь.

— Здѣсь!—раздался изъ-подъ лавки дѣтскій голосокъ.

— Зачѣмъ забился туда?

— Съ Устькой да съ Дунькой въ коски игъяемъ, подъ стъяпной лавкой **), — картавилъ маленькій мальчикъ.

— Ну вы, котятки мои, — ласково молвила мать: — вылѣзайте скорѣе къ дяденькѣ... Дяденька пряничковъ дастъ.

Пятилѣтній мальчикъ проворно вылѣзъ изъ-подъ лавки, за нимъ выползли и двѣ крошечныя его сестренки.

— Пьяниковъ. пьяниковъ!.. — радостно смѣясь и весело глядя на Герасима, подобравъ руки въ рукава рубашонки и прыгая на одной ножкѣ, весело вскрикивалъ Саввушка.

Дѣвочки, глядя на братишку, тоже прыгали, хохотали и лепетали о пряникахъ, хоть вкусу въ нихъ никогда и не знавали. Старшія дѣти, услыхавъ о пряникахъ, тоже стали другъ на дружку веселенько поглядывать и посмѣиваться. Даже дикій Максимушка пересталъ ревѣть и поднялъ изъ-подъ грязныхъ тряпокъ бѣлокурую свою головку... Пряники—да это такое счастье нищимъ, голоднымъ дѣтямъ, какого они и во снѣ не видывали.

— Это вотъ Устя, а это Дуняша,—положивъ руку на бѣло-

*) *Прокуратъ*—проказникъ, путаникъ. забавникъ, отъ слова *прокудить*—шалить, проказничать. На сѣверѣ и на востокѣ, а также на Украйнѣ, въ Великой Россіи и Бѣлоруссіи «прокудить» значитъ — дѣлать вредъ, то же, что бѣдокурить и прокуратить. а также обманывать, притворяться.

**) Великорусская изба на сѣверѣ, на востокѣ и по Волгѣ имѣетъ вездѣ одинаковое почти расположеніе: направо отъ входа въ углу печь (рѣдко ставится она налѣво, такая изба зовется «непряхой», потому что на долгой лавкѣ, что противъ печи отъ краснаго угла до коника, прясть не съ руки — правая рука къ стѣнѣ приходится и не на свѣту). Уголъ налѣво отъ входа и прилавокъ отъ двери до угла зовется *коникъ*, тутъ мѣсто для спанья хозяина. а подъ лавкой кладутся упряжь и разные пожитки. Передній уголъ направо — *красный*, *святой*, тамъ образа, передъ ними столъ. Лавка отъ коника до краснаго угла зовется *долгой*. Передній уголъ налѣво отъ входа — *бабій кутъ* или *стряпной*; онъ часто отдѣляется отъ избы дощатой перегородкой. Лавка отъ святого угла до стряпного называется «большою», а иногда «красною». Прилавокъ отъ бабьяго кута къ печкѣ—*стряпная* лавка, рядомъ съ нею до самой печи — «стряпной ставецъ», въ родѣ шкапчика и стола вмѣстѣ; на немъ кушанье приготовляется.

курую головку старшей дѣвочки и взявши за плечо младшую, сказала Пелагея Филиппьевна.

Сколько ни заговаривалъ дядя съ братанишнами *), онѣ только весело улыбались, но ни та ни другая словечка не проронила. Крѣпко держа другъ дружку за рубашки, жались онѣ къ матери, посматривали на дядю и посмѣивались старому ли смѣху, что̀ подъ лавкой былъ, обѣщаннымъ ли пряникамъ—Господь ихъ вѣдаетъ.

— А въ зыбкѣ Ѳедосеюшка, — молвила Пелагея деверю, показавъ на спавшаго ангельскимъ сномъ младенца. — Въ Духовъ день ее принесла, восьмая недѣлька теперь дѣвчуркѣ пошла.

— Да, семейка!—грустно покачавъ головою, молвилъ Герасимъ. — Трудновато мелюзгу вспоить, вскормить да на ноги поставить. Дивиться еще надо братану и тебѣ, невѣстушка, какъ могли вы такую бѣдноту съ такой кучей дѣтей перенесть.

— Господь! — вздохнула она, набожно взглянувъ на святыя иконы.

Подъ это самое слово Абрамъ съ покупками воротился. Слѣдомъ за нимъ пришла и закусочница, бабенка малаго роста, разбитная, шустрая солдатка — теткой Ариной ее звали. Была бабенка на всѣ руки: свадьба ли гдѣ—молодымъ постелю готовить да баню топить, покойникъ ли — обмывать, обряжать, ссора ли у кого случится, сватовство, раздѣлъ имѣній, сдача въ рекруты, родины, крестины, именины — тетка Арина тутъ какъ тутъ. Безъ нея ровно бы никакого дѣла и сдѣлать нельзя. А какъ всѣ эти дѣла случались не каждый день, такъ она, какъ только кабакъ въ Сосновкѣ завели, къ нему присосѣдилась, стала закусочницей и принялась торговать нехитрыми снѣдями да пряниками, орѣхами и другими деревенскими сластями. Торговля не Богъ знаетъ какіе барыши ей давала, но то было теткѣ Аринѣ дороже всего, что она каждый день отъ возвращавшихся съ работъ изъ города сосновскихъ мужиковъ, а больше того отъ проѣзжихъ, узнавала вѣстей по три короба и тотчасъ дѣлилась ими съ бабами, прибавляя къ слухамъ немало и своихъ небылицъ и каждую быль краснымъ словцомъ разукрашивая. Возвратъ пятнадцать годовъ пропадавшаго безъ вѣсти Герасима такой находкой былъ этой вѣстовщицѣ, какая еще сроду ей не доставалась. Прослышавъ, что мужики хотятъ опивать чубаловскій пріѣздъ, она съ жаднымъ нетерпѣньемъ ждала, когда соберется міръ-народъ на завѣтной

---

*) Братанишна—дочь старшаго брата, братана.

лужайкѣ и Герасимъ Чубаловъ станетъ разсказывать про свои похожденья. Опѣшила она, узнавши, что мужики пьютъ насчетъ пріѣзжаго, но самого его залучить къ себѣ никакъ не могутъ. Какъ же раздобыться новостями, какъ узнать ихъ?.. Отъ самого ли Герасима, отъ брата-ль его, или отъ невѣстки?.. Идти самой Аринѣ къ Пелагеѣ нельзя — больно ужъ часто обижала она и ее самоё и ребятишекъ. Въ самый тотъ день поутру до крови нарвала она уши материну любимчику Гаврилушкѣ, когда онъ у нея Христа ради кусочекъ хлѣбца попросилъ. И вдругъ Абрамъ передъ нею... Ровно разсыпанному мѣшку золота обрадовалась Арина Исаична его приходу. Не знаетъ, гдѣ посадить, не знаетъ, какъ улестить, а передъ тѣмъ близко къ лавчонкѣ своей его не подпускала, неравно, дескать, стянетъ что-нибудь съ голодухи. Отрѣзала по его спросу добрый кусокъ соленой рыбы, дала пучокъ зеленаго луку, хлѣба коровай, два десятка печеныхъ яицъ, два пирога съ молитвой *). Только всего и оставалось у ней, все остальное мужики разобрали, чтобы было чѣмъ чубаловское винцо закусывать. Отпустила и пряниковъ, и каленыхъ орѣховъ, и подсолнуховъ, нашелся и десятокъ маковниковъ, а больше ничего не нашлось. Не дожидаясь Абрамова спроса, Арина нацѣдила большой жбанъ холоднаго квасу, говоря, что послѣ рыбы братцу безпремѣнно надо будетъ кваску испить. Хотѣлъ-было Абрамъ заплатить за квасъ, но тетка Арина, сколь ни жадна была, удивленными глазами поглядѣла-поглядѣла и такое слово промолвила: — «Никакъ ты, Силычъ, въ разумѣ рехнулся съ радости-то? Нешто за квасъ деньги берутъ? Окстись, милый человѣкъ!» У тетки Арины тотъ расчетъ былъ — всѣ покупки да жбанъ Абраму заразъ захватить несподручно, и она ровно бы добрая вызвалась сама донести ему до его избы кое-что. «А тамъ Герасима увижу,— думала она:—и все отъ самого отъ него разузнаю, а вечеромъ

---

*) Въ Великой Россіи слово *пирогъ* употребляется не вездѣ въ смыслѣ хлѣбнаго печенья изъ пшеничной муки съ какой-нибудь начинкой. На сѣверъ отъ Москвы пирогомъ зовутъ ситный хлѣбъ изъ лучшей ржаной муки, чисто смолотой и просѣянной (той, которую пеклевали -отсюда пеклеванный хлѣбъ). Еще дальше на сѣверъ—въ Вологодской, Вятской и Пермской губерніяхъ, пирогомъ зовется хлѣбъ изъ ячной или полбенной муки. На югъ отъ Москвы (въ Тульской, Рязанской, Тамбовской и отчасти Владимірской губерніяхъ) пирогомъ зовутъ пшеничный хлѣбъ безо всякой начинки. Въ Костромской и Нижегородской пирогомъ зовется печенье съ начинкой, зовутъ пирогомъ и хлѣбъ безъ начинки, но больше такой хлѣбъ въ видѣ пирога зовется *пирогомъ съ молитвой*. Ниже по Волгѣ, въ Нижегородской, Казанской и дальше, пирогомъ зовется ужъ одно только печенье съ начинкой, а хлѣбъ безъ начинки зовется папушникомъ и калачомъ.

у старостина двора бабамъ да молодкамъ разскажу про всѣ похожденья». Надивиться не могъ Абрамъ такой нежданной услужливости вздорной, задорной тетки Арины. Повстрѣчавши дорогой деревенскихъ дѣвчонокъ, что изъ лѣсу шли съ грибами да съ ягодами, тетка Арина посовѣтовала Абраму купить у ея дочурки за трешницу лукошечко ягодъ. «Безотмѣнно купи,—трещала она:—да скажи брательнику-то, ягодки, молъ, изъ самаго того лѣску, куда онъ, подросткомъ будучи, спасаться ходилъ — вѣрь мнѣ, по вкусу придутся». Взялъ Абрамъ лукошко со смѣшанной ягодой: больше всего было малины, но была и темно-синяя черника, и алая костяника, и сизый гонобобель, и красная и черная смородина, даже горькой калины попало въ лукошко достаточно. Подходя къ дому, Абрамъ поблагодарилъ тетку Арину за квасъ и безпокойство, сказалъ-было, что парнишка ея ношу въ избу къ нему внесетъ, но Арина и слушать того не захотѣла. — «Дай, батька, на брательника-то поглядѣть,—сказала она:—я вѣдь его цѣлыхъ пятнадцать годовъ не видала... Чать не убудетъ его у тебя, коли минуточку-другую погляжу на него да маленько съ нимъ покалякаю». Не посмѣлъ Абрамъ прекословить закусочницѣ.

Войдя въ избу и поставивъ жбанъ на стряпной поставецъ, тетка Арина сотворила передъ иконами семипоклонный началъ. Клала крестъ по-писанному, поклоны вела по-научному, потомъ пріѣзжему гостю низехонько поклонилась и съ ласковой ужимкой промолвила:

— Добраго здоровья вашей чести, Герасимъ Силычъ, господинъ честной! Съ пріѣздомъ васъ!..

И еще разъ поклонилась. Всталъ съ лавки Герасимъ и молча отдалъ Аринѣ поклонъ.

Къ хозяйкѣ тетка Арина подошла, поликовалась съ ней трижды, крестъ-накрестъ, со щеки на щеку, и тотчасъ затараторила:

— Здоровенько ли поживаешь, Филипьевна? Ну вотъ, матка, за твою простоту да за твою доброту воззрилъ Господь на тебя радостнымъ окомъ Своимъ. Какого дорогого гостя, сударыня моя, дождалась!.. Вотъ ужъ, какъ молвится, не свѣтило, не горѣло, да вдругъ припекло. Родной-этъ твой, притоманный-этъ твой, и вживѣ-то его не чаялъ никто, и память-то объ немъ извелась совсѣмъ, а онъ, сердечный, гляка-сь да вонъ поди, ровно изъ гроба возсталъ, ровно изъ мертвыхъ воскресъ, ровно съ неба свалился, ровно изъ яичка вылупился... Ахъ, ты, матушка, матушка, сударыня ты моя, Пелагея Филипьевна!.. Какую радость-то тебѣ Богъ послалъ, какую радость-то!.. Теперь, матка, всѣ печали да болѣсти въ

землю, могута въ тѣло, душу заживо къ Богу... Жить тебѣ, сударыня, да богатѣть, добра наживать, а лиха избывать... Дай тебѣ Царица Небесная жить сто годовъ, нажить сто коровъ, меренковъ стаю, овецъ полонъ хлѣвъ, свиней подмостье, кошекъ шестокъ... Дастъ Богъ, большачокъ-отъ *) твой, сударыня, опять тягло приметъ, опять возьмется за сошку за кривую ножку. Подай вамъ, Господи, большихъ урожаевъ, подай вамъ, Господи, прибыли хлѣбной въ полѣ ужйномъ, на гумнѣ умолотомъ, въ сусѣкѣ споромъ, въ квашнѣ всходомъ... Изъ колоска бы тебѣ, Филиппьевна, осмина, изъ единаго зернышка коровай.

И смолкла на минуту духъ перевести.

— Садись, Арина Исаична, гостья будешь, — обычный привѣтъ сказала ей Пелагея Филиппьевна.

О томъ помышляла хозяйка, чтобы какъ-нибудь поскорѣй спровадить незванную гостью, но нельзя же было не попросить ее садиться. Такъ не водится. Опять же и того опасалась Пелагея Филиппьевна, что не пригласи она присѣсть первую по всему околотку вѣстовщицу, такъ она такихъ сплетенъ про нее назвонитъ, что хуже нельзя и придумать.

— Напрасно, мать моя, безпокоишь себя. Не устала я, сударыня, сидѣла все,—отвѣчала тетка Арина и повела привѣты свои съ причитаньями.

Не надивуется Пелагея Филиппьевна сладкимъ рѣчамъ первой по деревнѣ зубоскальницы, злой пересмѣшницы, самой вздорной и задорной бабенки. Съ той поры, какъ разорились Чубаловы, ни отъ одной изъ своихъ и окольныхъ бабъ такихъ насмѣшекъ и брани она не слыхивала, такихъ обидъ и нападокъ не испытывала, какъ отъ разудалой солдатки Арины Исаичны. А сколько ребятишки терпѣли отъ ея ехидства.

Наговоривъ съ три короба добрыхъ пожеланій, тетка Арина ловко повернулась середь избы и, бойкимъ взглядомъ окинувъ Герасима Силыча, спросила его нараспѣвъ умильнымъ голосомъ со сладкавой улыбкой:

— А вы меня не признаете, Герасимъ Силычъ? Не узнали меня?

— Не могу признать, — сухо отвѣтилъ Герасимъ.

— Какъ же это такъ, сударь мой? — молвила тетка Арина, ближе и ближе къ нему подступая. — Да вы вглядитесь-ка въ меня хорошенько... Какъ бы, кажись, меня не узнать, хоть и

*) Большакъ—глава семьи, а также глава какой-либо безпоповщинской секты, либо толка Спасова согласья.

много съ тѣхъ поръ воды утекло, какъ вы нашу деревню покинули? Неужто не узнали?

— Нѣтъ,—съ досады хмуря лобъ, отрывисто отвѣтилъ Герасимъ.—Не могу васъ признать.

— А вѣдь у васъ сызмальства память острая такая была, сударь мой Герасимъ Силычъ, — покачивая головой, укорила его тетка Арина. — Да вѣдь мы отъ родителей-то отъ вашихъ всего черезъ дворъ жили... Исаину избу нешто забыли? Я вѣдь изъ ихней семьи — Арина. Вмѣстѣ, бывало, съ вами въ салазкахъ катались, вмѣстѣ по ягоды, по грибы, по орѣхи хаживали... При вашей бытности и замужъ-то я выходила за Миронова сына. Помните чать Мирона-то. Вскрай деревни у всполья изба была съ зелеными еще ставнями, расшивка на воротахъ стояла *)?

— Что-то не помнится, — нехотя отвѣтилъ Герасимъ.

— Коротка же у васъ стала память! Коротенька!.. — продолжала тетка Арина обиженнымъ голосомъ. — Ну, а сами-то вы, сударь, въ какихъ странахъ побывали?

— Въ разныхъ мѣстахъ, всего не припомнишь.

— Коротенька память, коротенька!.. — продолжала свое неотвязная тетка Арина. — Гдѣ же вы въ послѣднее-то время, сударь мой, проживали, чѣмъ торговали?

— По разнымъ мѣстамъ проживалъ, — сквозь зубы промолвилъ Герасимъ и, отворотясь отъ надоѣдницы, высунулъ голову въ окошко и сталъ по сторонамъ смотрѣть.

— Видно, гдѣ день, гдѣ ночь, куда пришелъ, тотчасъ и прочь... Дѣло!—насмѣшливо молвила Арина Исаичпа.

Герасимъ больше не отвѣчалъ. Молчали и Абрамъ съ Пелагеей. Дѣти, не видавшія дома такой лакомой ѣды, какую принесъ отецъ, съ жадностью пожирали ее глазами и какъ ни были голодны, но при чужомъ человѣкѣ не смѣли до нея дотронуться. Стала-было тетка Арина разспрашивать Абрама, гдѣ былъ-побывалъ его брательникъ, чѣмъ торгъ ведетъ, гдѣ торгуетъ, но Абрамъ и самъ еще не зналъ ничего и ничего не могъ ей отвѣтить. А ужъ какъ хотѣлось закусочницѣ хоть что-нибудь разузнать и сейчасъ же по деревнѣ разблаговѣстить. Увидала она наконецъ, что, видно, хоть вечеръ и всю ночь въ избѣ у Абрама сиди, ничего не добьешься, жеманно сузила ротъ и вполголоса хозяйкѣ промолвила:

— Опростала бы ты мнѣ, Филипьевна, посудинку-то. Пора

---

*) Въ среднемъ Поволжьѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются судостроеніемъ, часто можно встрѣтить на воротахъ небольшую оснащенную и раскрашенную расшиву или другое судно. Въ послѣднее время стали появляться и модели пароходовъ.

ужъ, матка, домой мнѣ идти. Мужики, поди, на лужайкѣ гуляютъ, можетъ, имъ что-нибудь и потребуется. Перецѣди-ка квасокъ-отъ, моя милая, опростай жбанъ-отъ... Это я тебѣ, сударыня, кваску-то отъ своего усердія, а не то чтобы за деньги... Да и ягодки-то пересыпала бы, сударыня, найдется, чай, во что пересыпать-то, я возьму; это вѣдь моя Анютка ради вашего гостя ягодокъ набрала.

Низко поклонилась и поблагодарила тетку Арину Пелагея. Ягоды высыпала на лавку въ стряпномъ углу, а квасъ не во что было ей перелить опричь пустого горшка изъ-подъ щей. Съ злорадствомъ глядѣла тетка Арина на ея смущенье, и злоба ее разбирала при мысли, что пришелъ конецъ убожеству Чубаловыхъ. А когда домой шла, такія мысли въ умѣ раскладывала:—«Чѣмъ лукавый не шутитъ? Заживетъ теперь Палашка—рвана рубашка, что твоя барыня. Шутка сказать, три воза товаровъ, да воза-то все грузные, одинъ опростали и то чуть не всѣ сѣни коробами завалили... А деньжищъ-то что̀, чать, у него лоботряса!.. Видимо-невидимо, казна безсчетная... А онъ, побродяга, и говорить-то со мной не хотѣлъ... Слова отъ проклятика не добилась. «Забылъ да не помню» — только и рѣчей отъ него... Можетъ, по ночамъ на большой дорогѣ да въ лѣсу торговалъ, мѣрилъ не аршиномъ, а топоромъ да кистенемъ... Гдѣ пятнадцать-то годовъ въ самомъ дѣлѣ шатался, по какимъ мѣстамъ, по какимъ городамъ? Еще угодишь, можетъ-быть, къ дядѣ въ каменный домъ *)... Не увернешься, разбойникъ, не увернешься, душегубецъ... А Палашка-то, Палашка-то, поди-ка, какъ носъ-отъ вверхъ задеретъ... Фу ты, ну ты, вотъ расфуфырится-то!.. Вѣдьма ты этакая, эѳіопка треклятая! Первымъ же бы сладкимъ кускомъ тебѣ подавиться, свѣту бы Божьяго тебѣ не взвидѣть, ни дна бы тебѣ ни покрышки, ни дыху **) ни передышки!.. Приступу къ ней не будетъ, поклоновъ ото всѣхъ потребуетъ... Только ужъ ты на меня, сударыня, не надѣйся, моихъ поклоновъ вовѣки тебѣ не видать, во всю твою жизнь не дождаться. И не жди ихъ, анаѳемская душа твоя! И не жди, поганая!..»

И ужъ чего-то, чего ни наплела тетка Арина про Чубаловыхъ, придя на лужайку, гдѣ пьянствовалъ на даровщину сосновскій міръ-народъ.

Только-что вышла тетка Арина, Абрамъ положилъ передъ братомъ на столъ сколько-то мѣдныхъ денегъ и молвилъ ему:

*) Въ острогъ. Дядя — палачъ.

**) Дыханіе.

— Сдача.

— Что же ты, братанъ, не послушалъ меня? Сказано было тебѣ — на всѣ покупай. Зачѣмъ же ты этакъ?.. — попрекнулъ брата Герасимъ.

— Брать-то больше нечего, — отвѣтилъ Абрамъ. — Что видишь, только то и было у Арины въ закусочной.

— Такъ пряниковъ бы побольше купилъ, — молвилъ Герасимъ.

— Зачѣмъ, родимый? — вступилась Пелагея. — И того съ нихъ сганетъ, вѣдь они у насъ къ этому непривычны. И то должны за счастье почесть.

— Такъ возьми же ты эти деньги къ себѣ, невѣстушка, да утрѣ похлопочи, чтобы ребятишкамъ было молоко, — молвилъ Герасимъ, подвигая къ Пелагеѣ кучку мѣдныхъ.

— Моёко, моёко! — закартавилъ и радостно запрыгалъ веселенькій Саввушка. Глазенки у него такъ и разгорѣлись, всѣ дѣтишки развеселились, улыбнулся даже угрюмый Максимушка.

— Право, напрасно, родной, — легонько отодвигая отъ себя деньги, говорила Пелагея. — Они вѣдь у насъ непривычны.

— Такъ пусть привыкаютъ, — перебилъ Герасимъ. — Какъ же это можно малымъ дѣтямъ безъ молока?.. Особенно этой крошкѣ, — прибавилъ, указывая на зыбку. — Нѣтъ, невѣстушка, возьми, не обижай меня. Да не упрямься же. Экъ, какая непослушная!

Взяла деньги Пелагея, медленно отошла къ бабьему куту и, выдвинувъ изъ-подъ лавки укладку *), положила туда деньги. На глазахъ опять слезы у ней показались, а Абрамъ стоялъ передъ братомъ ровно не въ себѣ — вымолвить слова не можетъ.

— Садитесь, родные, закусимъ покамѣстъ, — весело сказалъ Герасимъ. — А ты, невѣстушка, хозяйничай. Иванушка, Гаврилушка, тащите переметку **), голубчики, ставьте къ столу ее. Вотъ такъ. Ну, теперь Богу молитесь.

И всѣ положили по семи поклоновъ передъ иконами.

— Усаживайтесь, дѣтушки, усаживайтесь. Вотъ такъ. Ну, теперь потчуй насъ, хозяюшка, да и сама кушай.

Пелагея накрошила коренной съ маленькимъ душкомъ рыбы и хлѣба въ щанную ***) чашку, зеленаго луку туда нарѣзала, квасу налила. Хоть рыба была голая соль, а квасъ такой,

*) *Укладка*, иначе *коробья* — маленькій сундучокъ.

**) *Переметка* или *переметная скамья*—скамейка, приставляемая къ столу во время обѣда или ужина.

***) *Щанная чашка* — изъ которой щи хлебаютъ.

что только хлебни, такъ глаза въ лобъ уйдутъ, но тюря *) голодной семьѣ показалась до того вкусною, что чашка за чашкой быстро опрастывались. Ѣли такъ, что только за ушами трещало.

— А вамъ бы, ребятки, не больно на тюрю-то наваливаться: питье одолѣетъ. Богъ пошлетъ, получше вамъ будетъ ѣда, — сказалъ Герасимъ. — Хозяюшка, давай-ка сюда яйца...

Послѣ яицъ и пирога съ молитвой поѣли, большіе пивца испили, малыхъ дядя ягодами одѣлилъ.

Встали изъ-за стола, Богу помолились, и Абрамъ, громко зарыдавъ, младшему брату въ ноги поклонился.

— На добротѣ на твоей поклонюсь тебѣ, братецъ родной, — черезъ силу онъ выговаривалъ. — Поклонъ тебѣ до земли какъ Богу, царю, али родителю!.. За то тебѣ земной поклонъ, что не погнушался ты моимъ убожествомъ, не обошелъ пустого моего домишка, накормилъ, напоилъ и потѣшилъ моихъ дѣтушекъ.

И Пелагея со слезами въ ноги повалилась деверю. Ребятишки, глядя на отца съ матерью, подумали, что всѣмъ такъ слѣдуетъ дядю благодарить, тоже въ ноги упали передъ нимъ.

— Полноте, полноте, — говорилъ смущенный Герасимъ, подымая съ полу невѣстку и брата. — Какъ вамъ не стыдно? Перестаньте-жъ Господа ради!.. Нешто разобидѣть меня хотите?.. И вы, мелюзга, туда же!.. Идите ко мнѣ, Божьи птенчики, идите къ дядѣ, ангельски душеньки... Держите крѣпче подолы, гостинцами васъ одѣлю.

И сталъ въ подолы дѣтскихъ рубашонокъ класть пряники, орѣхи, подсолнухи. Дѣти ногъ подъ собой не слышали.

— Ѳедосьюшкѣ ни орѣховъ ни подсолнуховъ не дамъ, — шутливо молвилъ Герасимъ. — Не заслужила еще такой милости, зубовъ не выростила, а вотъ на-ка тебѣ жемочковъ, невѣстушка, сдѣлай ей сосочку, пущай и она дядиныхъ гостинцевъ отвѣдаетъ. Сама-то что̀ не берешь? Кушай, голубка, полакомись.

Пелагея только кланялась, рѣчей больше не стало у ней.

— Рыбку-то я тебѣ, родной, къ ужину схороню, — сказала она потомъ, ставя тюрю въ стряпной поставецъ.

— Не примай лишней заботы, — молвилъ Герасимъ.

— Родной ты мой, нѣтъ вѣдь у меня ничѣмъ-ничегохонько... Это я было тебѣ поужинать.

— Сказано, не хлопочи. Обожди маленько; скоро мой Ермоланчъ пріѣдетъ изъ города.

---

*) Хлѣбная или сухарная окрошка на квасу.

Замолчала Пелагея, не понимая, про какого Ермоланча говоритъ деверь. Дѣти съ гостинцами въ подолахъ вперегонышки побѣжали на улицу, хвалиться передъ деревенскими ребятишками орѣхами да пряниками. Герасимъ, оставшись съ глазу на глазъ съ братомъ и невѣсткой, сталъ разспрашивать, отчего они дошли до такой бѣдности.

Вотъ что̀ узналъ онъ:

Скоро послѣ Герасимова ухода старшаго женатаго брата въ солдаты забрали. По ревизскимъ сказкамъ и по волостнымъ спискамъ семейство Силы Чубалова значилось въ четверникахъ: отецъ изъ годовъ еще не вышелъ, а было у него два взрослыхъ сына да третій подростокъ, шестнадцати лѣтъ. Когда сказанъ былъ наборъ и съ семьи Чубаловской рекрутъ потребовался, отцомъ-матерью рѣшено было — и самъ Абрамъ, тогда еще холостой, охотно на то соглашался — идти ему въ солдаты за женатаго брата, но во время пріёма нашли у него какой-то недостатокъ. Надо было женатому идти на службу. Сдали его, и году не прошло съ той поры, какъ новобранцевъ въ полки угнали, пали вѣсти въ Сосновку, что померъ рядовой Иванъ Чубаловъ въ какой-то больницѣ. Двоихъ ребятишекъ, что̀ остались послѣ него, одного за другимъ снесли на погостъ, а невѣстка-солдатка въ свекровомъ дому жить не пожелала, ушла куда-то далеко, и про нее не стало ни слуху ни духу... Тутъ оженили Абрама. Женился онъ на круглой сиротѣ, а бралъ онъ ее изъ-за Волги, изъ казенной деревеньки, что̀ стоитъ въ «Чищѣ» *), неподалеку отъ лѣсовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ.

Одна-одинешенька Пелагея Филипьевна осталась послѣ родителей. Только-что восемь годковъ ей свершилось, какъ оба они въ короткомъ времени померли: отецъ, въ весенню распутицу переѣзжая Волгу, въ полыньѣ утонулъ, а мать послѣ того недѣль черезъ восемь померла въ одночасье... Оставалось восьмилѣтней Палашѣ послѣ родителя-тысячника завидное для крестьянскаго быта имѣнье: большой, новый домъ и въ немъ полная чаша; кромѣ того товару цѣлковыхъ тысячи на полторы, тысяча безъ малаго въ долгахъ да тысячи двѣ въ наличности. Отецъ-отъ «теплымъ товаромъ» промышлялъ, при заведеньи работниковъ держалъ, а самъ по базарамъ да у Макарья сапогами да валенками торговалъ. И по закону и по заведенному обычаю міръ-народъ долженъ былъ принять сироту на свое попеченье и приставить къ наслѣдству надежнаго опекуна. Въ той волости изстари велся обычай опеку-

*) Узкая безлѣсная полоса вдоль берега Волги.

новъ къ сиротамъ назначать изъ постороннихъ, потому что сродники черезчуръ ужъ смѣло правятъ имѣньемъ малолѣтнихъ, свои, дескать, люди, послѣ сочтемся. Но тутъ подвернулся двоюродный дядя сиротки, что̀ жилъ у ея отца въ работникахъ; онъ укланялъ и упоилъ міръ, чтобы ему сдали опеку, я-де всѣ дѣла покойника знаю, и товаръ сбуду и долги соберу, все облажу какъ слѣдуетъ. Сдѣлавшись опекуномъ, взялъ онъ племянницу къ себѣ въ домъ, а ея домъ и что̀ было въ домѣ продалъ, товаръ тоже распродалъ и долги собралъ, всего цѣлковыхъ тысячъ шесть имъ было выручено. Торговать опекунъ на эти деньги сталъ и всѣмъ говорилъ, что желаетъ умножить имѣнье сродницы до ея совершенныхъ годовъ. А торговалъ онъ такъ, что, когда Палаша заневѣстилась, оставалось у ней имѣнья: голикъ рощи да кусокъ земли, гребень да вѣникъ, да три алтына денегъ. Однако опричь опекуна про то никто не зналъ, всѣ считали сиротку богатой невѣстой. Стали къ ней свахъ засылать, но опекунъ ихъ отъ дома отваживалъ... Тутъ судьба свела Палашку съ Абрамомъ... Честью опекунъ не выдалъ ее; они сыграли свадьбу уходомъ. Стала молодая требовать родительскаго имѣнья, а опекунъ — будто не его дѣло... Жалобу принесла — пошли судъ да дѣло. Много разъ сходился міръ по этому дѣлу; сначала рѣшили учесть опекуна, а сиротское имѣнье отдать наслѣдницѣ сполна, но каждый разъ сходка кончалась тѣмъ, что отвѣтчика опивали. Тяжба шире да дальше, дѣло дошло до окружного, до палаты, но какъ у опекуна ничего не оказалось, то праведные судьи рѣшили: на нѣтъ и суда нѣтъ. Не досталось Пелагеѣ Филиппьевнѣ ни гроша, да и дядя остался безъ барыша—что̀ у него было, все по водѣ сплыло. Суды да палаты не дешево сто̀ятъ, — семья опекуна пошла по міру, а самъ по кабакамъ.

Скоро послѣ женитьбы Абрама померъ Сила Петровичъ, а слѣдомъ за нимъ отнесли на погостъ и Ѳедосью Мироновну. Остался Абрамъ въ домѣ полнымъ хозяиномъ. Сначала все у него шло, какъ было отцомъ заведено, и года полтора жилъ онъ въ полномъ достаткѣ, а потомъ пошелъ по бѣдамъ ходить. Скотина зачумѣла и вся до послѣдняго бычка повалилась, потомъ были сряду два хлѣбныхъ недорода, потомъ лихіе люди клѣть подломали и все добро повыташкали, потомъ овинъ сгорѣлъ, потомъ Абрамъ больше года безъ вины въ острогѣ по ошибкѣ, а скорѣй по злому произволу прокурора, высидѣлъ. Врозь разлѣзлось и совсѣмъ хизнуло хозяйство, самый справный по деревнѣ домъ упалъ, а у Пелагеи Филиппьевны что̀ ни годъ, то ребенокъ... Скоро до того до-

шелъ Абрамъ, что и пахать перестаь. Сдавъ землю міру, на одной канатной пряжѣ остался. А прядильный промыселъ не споръ, за нимъ двумя руками десять ртовъ не накормишь. И стала чубаловская семья съ корочки на корочку перебиваться, съ крохи на кроху переколачиваться.

Выслушавъ про бѣды и несчастья брата, Герасимъ долго молчалъ, сидя неподвижно на лавкѣ. То представлялась ему горько плачущая, обиженная, кругомъ до ниточки обобранная сиротка, что̀ вступила къ свекру въ домъ тысячницей, а на повѣрку вышла безприданницей; то видѣлся ему убитый напастями братъ... Вотъ онъ изъ силъ выбивается, стараясь удержать въ заведенномъ порядкѣ родительское домоводство, но бѣды за бѣдами на него падаютъ, и онъ въ изнеможеньи отъ непосильной борьбы опускается все ниже и ниже. Вотъ онъ въ арестантскомъ халатѣ на тюремныхъ нарахъ, съ болью въ сердцѣ, съ отчаяньемъ въ душѣ, а рядомъ съ нимъ буйный разгулъ товарищей по заключенью, дикій хохотъ, громкія пѣсни, безстыдная похвальба преступностью, ругательства, драки... А въ деревнѣ у Пелагеи Филиппьевны недостатки, бѣдность, нищета и голодныя дѣти... Такъ одно за другимъ представлялось Герасиму, и недавній странникъ, съ гордостью про себя говорившій: «града настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую», вполнѣ почувствовалъ себя семьяниномъ, сознавая, что онъ съ братомъ одно, одного отца и матери рожденье, и что должно имъ «другъ друга тяготы носити». Тутъ же положилъ онъ крѣпкій завѣтъ въ обновленномъ своемъ сердцѣ: жить съ братомъ и съ его семьей заедино, что̀ есть— вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Но ни брату ни невѣсткѣ пока того не повѣдалъ. «Не хвальна, думалъ онъ, похвала до дѣла».

Высоко еще солнышко въ небѣ стояло, когда съ грузнымъ возомъ воротился Семенъ Ермолаичъ. Одно за другимъ вмѣстѣ съ Абрамомъ въ избу вносилъ онъ... Пелагея Филиппьевна только руками всплескивала. Вносили и раскладывали по лавкамъ и одежду и обувь, и посуду и припасы: мѣшки съ мукой, крупой, солодомъ, пшеномъ, картофелемъ, свеклой, морковью, мясо, соленую рыбу, капусту, квасу боченокъ, молока три кунгана, яицъ два лукошка. Опричь того привезъ Семенъ Ермолаичъ на уху свѣжей рыбы и даже самоваръ съ полнымъ чайнымъ приборомъ. Глазамъ не вѣрили Абрамъ съ Пелагеей, а дѣти такъ и прыгали отъ радости.

— Разводи огонь, невѣстушка, вари ушицу къ ужину, давненько не ѣдалъ я рыбки изъ родной Оки, —говорилъ Гера-

симъ. — Да обнови самоваръ-отъ свой, сахарцу наколи, чайку завари, да попотчуй насъ.

Въ сумерки старыя бабы, дѣвки, молодки, малы ребяты, всѣ, опричь мужиковъ да парней, что̀ попойку вели на лужайкѣ, густой толпой собрались у колодца. Прибѣжали даже туда изъ трехъ окольныхъ деревень, что̀ стоятъ съ Сосновской съ поля на поле. И никто не могъ вдоволь надивиться на чудеса небывалыя. Въ убогой избѣ Абрамовой не лучина дымитъ, а свѣчи горятъ, и промежъ тѣхъ свѣчей самоваръ на столѣ ровно жаръ горитъ, и вокругъ стола большіе сидятъ и малые, изъ хорошихъ, одинакихъ у всѣхъ чашекъ чай распиваютъ съ мягкимъ папушникомъ. А въ печкѣ на шесткѣ на желѣзномъ таганѣ новая мѣдная кастрюля стоитъ. «Уху, видно, хлебать собираются,—толкуютъ межъ собой бабы на улицѣ:—Пелагея-то на стряпномъ поставцѣ рыбу чистила, да все-то стерлядей... Вотъ тѣ и Палашка — рвана рубашка!»

Послѣ ужина пошелъ Герасимъ въ заднюю избу, тамъ постель ему невѣстка послала. Заперся онъ изнутри, зажегъ передъ иконой свѣчу и сталъ на молитву. Молился недолго. Но чудное дѣло: бывало, ночи напролетъ на молитвѣ онъ стаивалъ, до одурѣнья земныхъ поклоновъ сотъ по двѣнадцати отвѣшивалъ, всѣ, бывало, двадцать каѳизмъ псалтыря заразъ прочитывалъ, желѣзныя вериги, ради умерщвленія плоти, одно время носилъ, не ѣдалъ по недѣлямъ, но никогда еще молитва такъ благотворно на его душу не дѣйствовала, какъ теперь, послѣ свиданья съ братомъ и голодной семьей его. Такую отраду, такое высокое духовное наслажденье почувствовалъ онъ, какихъ до тѣхъ поръ и представить себѣ не могъ... То была дѣйственная сила любви, матери всякаго добра и блага. Еще впервые осіяла она зачерствѣлое сердце отреченника отъ міра, осіяла сердце, полное гордыней ума, нетерпимое ко всему живому, человѣческому. «Богъ есть любы»,— благоговѣйно и много разъ повторялъ въ ту ночь Герасимъ Силычъ.

Глава пятнадцатая.

Герасимъ въ скоромъ времени поставилъ брата на ноги. Избу поновилъ, два новыхъ вѣнца подъ нее подвелъ, проконопатилъ, покрылъ новымъ тесомъ, переложилъ печи, ухитилъ дворъ, холостыя строенья которыя исправилъ, которыя заново поставилъ, словомъ—все въ такой привелъ видъ, что чистый, просторный чубаловскій домъ опять сталъ лучшимъ по деревнѣ и по всей окольности. Абрамъ принялъ родительское тягло,

по тѣхъ полосъ, что̀ удобрены были бычками покойника Силы Чубалова, міръ возвратить не пожелалъ, а отрѣзалъ воротившемуся въ общину тяглецу самыя худыя полосы изъ запольныхъ, куда споконъ вѣку ни одной телѣги навоза не вывозили. Сколько ни жалобился на то Абрамъ, мужики и слушать его не хотѣли. «Что̀ міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ»,—говорили они, а между собой толковали:—«Теперь у Чубаловыхъ мошна-то туга, смогутъ и голый песокъ доброй пашней сдѣлать, потому и поступиться имъ допрежними ихъ полосами міру будетъ за великую обиду»... Чубаловы поспорили-поспорили, да такъ и бросили дѣло... Какъ съ міромъ сладишь?.. Хоть міръ и первый на свѣтѣ разбойникъ, а суда на него не сыщешь... Двухъ работниковъ нанялъ Герасимъ Чубаловъ, много скотины завелъ и, по родительскому примѣру, опять сталъ бычковъ скупать. Пошло дѣло на ладъ попрежнему. Себѣ Герасимъ поставилъ на усадѣ не келью, а большую пятистѣнную избу, и поселился въ ней съ Семеномъ Ермолаичемъ да съ Иванушкой. Думали — женится, однако не пожелалъ Герасимъ женой да дѣтьми себѣ рукъ вязать.

Иванушку взялъ въ дѣти, обучилъ его грамотѣ, сталъ и къ старымъ книгамъ его пріохочивать. Хотѣлось Герасиму, чтобъ изъ племянника вышелъ толковый, знающій старинщикъ, и былъ бы онъ ему въ торговлѣ за правую руку. Мальчикъ былъ острый, уменъ, рѣчистъ, память на рѣдкость. Сытѣй хлѣба стали ему книги; еще семнадцати лѣтъ не минуло Иванушкѣ, а онъ ужъ былъ такимъ сильнымъ начетчикомъ, что ежели кто не гораздо боекъ въ писаніи — лучше съ нимъ и не связывайся, въ пухъ и прахъ такого загоняетъ малецъ.

Герасимъ только-что устроилъ домъ, тотчасъ и принялся за свою торговлю. Не однѣ книги теперь у него были, много стояло иконъ, крестовъ, лѣстовокъ, кацей и другихъ старинныхъ вещей. Попадутся подъ руку и гражданской печати подержаныя книги, онъ и ихъ покупалъ, попадутся старинные жемчужные кики и кокошники, серебряная посуда, старое оружіе, сѣдла, древняя конская сбруя — все покупалъ, и все у него въ свое время сходило съ рукъ. Разъѣзжая по ярманкамъ и для поисковъ за старинкой, онъ всегда бралъ съ собой Иванушку, чтобы смолоду онъ на людей насмотрѣлся, вызналъ ихъ свычаи и обычаи и копилъ бы разумъ. Дома сидѣть — ничего не высидишь, а чужбина всему научитъ. Не нарадовался Герасимъ на братанича *), любилъ его пуще,

*) *Братаничъ, братычъ* — племянникъ, сынъ старшаго брата; *сестреничъ, сестричъ* — племянникъ по сестрѣ.

чѣмъ отецъ съ матерью, не могъ налюбоваться на своего выучка *).

Сколько денегъ привезъ съ собою Герасимъ, доподлинно никто того не зналъ. Не было у него объ этомъ рѣчей ни съ братомъ ни съ невѣсткой, а когда выросъ Иванушка, и тому ни слова не молвилъ. При возвратѣ Герасима на родину, у всѣхъ было на виду, что три полныхъ воза съ товарами было при немъ. Уложены были тѣ товары точно въ такіе коробья, въ какихъ офени развозятъ красный товаръ. Думали, что тутъ ситцы, холстинки, платки, сарпинки, иголки, булавки, гребни, наперстки, ножницы, тесемки и всякій другой красносельскій и сидоровскій товары **). Бабы тотчасъ стали смекать, сколько тутъ какого товару должно быть положено и чего онъ стоитъ— считали-считали, счетъ потеряли, такъ и бросили. Но всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что Герасимъ Чубаловъ темный богачъ, и стали судить и рядить, гадать и догадываться, гдѣ-бъ это онъ былъ-побывалъ, въ какихъ сторонахъ, въ какихъ городахъ и какимъ способомъ столь много добра накопилъ. Вдругъ откуда ни возьмись въ бабьемъ кругу тетка Арина и понесла околесную. Уши развѣсивъ, бабы ее слушаютъ, набираются отъ закусочницы сказовъ и пересудовъ, и пошла про Герасима худая молва, да не одна: и въ разбои-то онъ хаживалъ, и фальшивыя-то деньги работывалъ, и живучи у купца въ приказчикахъ обокралъ его, и будучи у купчихи въ любовникахъ все добро у нея забралъ... Столько было болтовни, столько было про Герасима сплетенъ, смутковъ ***) и клеветы, что послушать только, такъ уши завянутъ. Когда же узнали, что онъ привезъ не холстинки, не сарпинки, а однѣ только старыя книги, тогда вѣра въ несмѣтность его богатства разомъ исчезла, и съ тѣмъ вмѣстѣ и молва про его похожденья замолкла.

По времени, приходили къ Герасиму старики изо всей окольности, изъ ближнихъ и дальнихъ селеній. Кланялись ему, величали, звали на праздное послѣ смерти Нефедыча мѣсто наставника. «Ты у насъ книжный, ты у насъ поученый, въ писаніи силу разумѣешь, жизни степенной — ступай за попа».

---

*) *Выучекъ* — кончившій ученье ученикъ относительно своего учителя.

**) Мѣдныя, бронзовыя и оловянныя бездѣлушки съ самоцвѣтными камнями, то-есть съ цвѣтными стеклышками — серьги, перстни, кольца, цѣпочки, брошки, булавки и т. п. Ихъ дѣлаютъ въ селахъ Сидоровскомъ и Красномъ, Костромской губерніи. Чрезвычайно дешевы (брошка 7 копеекъ, булавка съ камнемъ-самоцвѣтомъ 3 коп.). Расходится этотъ товаръ во множествѣ по деревнямъ, идетъ даже за границу (въ Галицію).

***) *Смутокъ* — наговоръ, навѣтъ.

Но, какъ ни улещали старики Герасима, какъ слезно они его ни упрашивали, онъ наотрѣзъ отказался. Горькимъ для души, тяжелымъ для совѣсти опытомъ дошелъ онъ до убѣжденья, что правой вѣры не осталось на землѣ, что во всѣхъ толкахъ, и въ поповщинѣ, и въ безпоповщинѣ, и въ спасовщинѣ, вѣра столько же пестра, какъ и Никонова. «Нѣтъ больше на землѣ освященія, нѣтъ больше и спасенія, — думалъ онъ: — въ нынѣшнія послѣднія времена одно осталось ради спасенія души отъ вѣчной гибели — стань съ умиленьемъ передъ Спасовымъ образомъ да молись Ему со слезами: «Нѣсть правыхъ путей на землѣ — самъ Ты, Спасе, спаси мя, ими же вѣси путями». Укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, Герасимъ сталъ крайнимъ «нѣтовцемъ» *) и считалъ дѣломъ постыднымъ, противнымъ и Богу и совѣсти дѣлаться слѣпымъ пастыремъ стада слѣпыхъ.

Годы шли одинъ за другимъ; Иванушкѣ двадцать минуло. Въ семьѣ семеро ревизскихъ душъ — рекрутъ скоро потребуется, а по времени еще не одинъ, первая же ставка Иванушкѣ. Задолго еще до срока Герасимъ положилъ не довести своего любимца до солдатской лямки, выправить за него рекрутскую квитанцію, либо охотника пріискать, чтобы шелъ за него на службу.

Сказалъ о томъ брату съ невѣсткой; тѣ не знаютъ, какъ и благодарить Герасима за новую милость... А потомъ, мало погодя, задрожалъ подбородокъ у Пелагеи Филипьевны, затряслись у ней губы, и градомъ полились слезы изъ глазъ. Вскочивъ съ мѣста, она хотѣла поспѣшно уйти изъ избы, но деверь остановилъ ее на порогѣ.

— О чемъ припечалилась, невѣстушка?—спросилъ онъ у нея.

Долго не хотѣла сказать про свое горе Пелагея, наконецъ, послѣ долгихъ, неотступныхъ уговоровъ деверя, робко и тихо промолвила:

— Стало, Гаврилушкѣ надо будетъ въ солдаты идти, голубчику моему ненаглядному, пареньку моему безчастному, безталанному?

Задумался Герасимъ. Материно горе, слезы ея и рыданья нашли откликъ въ любящемъ сердцѣ. Бодро поднялъ онъ склонившуюся голову и съ веселой улыбкой сказалъ Пелагеѣ:

— Не рони напрасно слезъ, Филипьевна, придетъ пора да пособитъ Господь, и Гаврилушку выслободимъ. Не плачь, родная, не надрывай себя попусту.

---

*) «Нѣтовщина» отвергаетъ и таинство, и освященіе, и общую молитву... По ея убѣжденіямъ, теперь *нѣтъ* ничего. Оттого и получила еще въ прошломъ столѣтіи названіе *нѣтовщины*.

Тутъ Абрамъ повѣсилъ голову и руки опустилъ. Третій сынъ Харламушка былъ любимцемъ его. Парень выросъ толковый, смышленый, смиренный, какъ красная дѣвушка, а на работу огонь. И по крестьянскому и по прядильному промыслу такой вышелъ изъ него работникъ, что нескоро другого такого найдешь. Голландскую ли бечеву, отбойную ли нитку *) такъ чисто выпрядывалъ онъ, что на обширной прядильнѣ Марка Данилыча не выискивалось ни одного работника, чтобы потягаться съ Харламушкой. Оттого больше и любилъ его отецъ, больше всѣхъ на него надѣялся и больше всѣхъ боялся за него. Но ни слова не сказалъ Абрамъ, виду брату не подалъ.

— О Харламушкѣ задумался? — улыбаясь, спросилъ его Герасимъ.

— Какъ же мнѣ объ немъ не задуматься? — грустно отвѣтилъ Абрамъ. — Теперь хоть по крестьянству его взять — пахать ли, боронить ли — первый мастакъ, сѣять даже ужъ выучился. Опять же насчетъ лошадей... О прядильномъ дѣлѣ и поминать нечего, кого хошь спроси, всякъ тебѣ скажетъ, что супротивъ Харлама нѣтъ другого работника, нѣтъ да и никогда и не бывало. У Марка Данилыча вся его нитка на отборъ идетъ, и продаетъ онъ ее, слышь, дороже противъ всякой другой.

— До его череды время еще довольно, — молвилъ Герасимъ. — Богъ дастъ, и для Харламушки что-нибудь придумаемъ... Смотри-жъ у меня, братанъ, головы не вѣшай, домашнихъ не печаль...

Потомъ, немного помолчавъ, сказалъ Герасимъ брату и невѣсткѣ:

— Значитъ, по времени на царскую службу надо будетъ идти либо Максиму, либо Саввушкѣ.

— Надо же кому-нибудь, семья большая, — едва слышно промолвилъ Абрамъ.

— Который палецъ ни укуси, все едина боль, — со скорбнымъ вздохомъ сказала Пелагея.

Ни слова не молвилъ на то Герасимъ и молча пошелъ къ себѣ на усадъ.

На другой день сталъ онъ хлопотать, чтобы все братнино семейство освободить отъ рекрутства. Для этого стоило имъ изъ казенной волости выписаться и выйти въ купцы.

Когда еще была въ ходу по большимъ и малымъ городамъ третья гильдія, куда, внося небольшой годовой взносъ, можно

---

*) *Голландская бечева,* въ толщину вязальной иглы, идетъ на сшивку парусовъ, *отбойная нитка* употребляется плотниками и столярами для отбоя прямой черты мѣломъ.

было записываться сыновьями, внуками, братьями и племянниками и тѣмъ избавляться всѣмъ до единаго отъ рекругства, повсемѣстно, особенно по маленькимъ городкамъ, много было купцовъ, сроду ничѣмъ не торговавшихъ. Такіе города бывали, что изъ семисотъ горожанъ ста по три купцовъ бывало, а лавокъ всего три-четыре. По двадцати да по двадцати пяти человѣкъ къ одному капиталу, бывало, приписывалось, и никто изъ нихъ не боялся солдатства. Часто у такихъ купцовъ денегъ сроду и не важивалось, и передъ взносомъ гильдейскихъ пошлинъ они на гильдію Христа ради сбирали. Герасимъ, хоть для того же, чтобъ избавить всю братнину семью отъ рекрутчины, выходилъ въ купцы, но сбирать денегъ ему не довелось, своихъ было достаточно. Выходъ въ купечество значительно умалилъ его капиталъ и сократилъ ежели не торговлю, такъ поиски за стариной, но онъ не задумался надъ этимъ.

Записаться въ купцы! Скоро сказать, да нескоро сдѣлать. И времени ушло много на хлопоты, и дѣло обошлось недешево. Безъ малаго полгода чуть не каждую недѣлю, а въ иную и по два раза надо было поить міръ-народъ сначала деревни Сосновки, а потомъ чуть не цѣлой волости. Пришлось задаривать писаря и волостного голову съ засѣдателями и добросовѣстными; разсыльныхъ, сторожей, и тѣхъ нельзя было обойти, чтобъ по ихъ милости дѣла чѣмъ-нибудь не испортить. Изъ волостного правленія дѣло объ увольненіи Чубаловыхъ изъ общества государственныхъ крестьянъ пошло къ окружному. Тамъ пришлось мошну еще пошире распустить, а когда поступило дѣло въ палату, такъ и больно ее растрясти. Въ большую копейку стали Герасиму хлопоты, но онъ не тужилъ, объ одномъ только думалъ — избавить бы племянниковъ отъ солдатской лямки, не дать бы имъ покинуть родительскаго дома и привычныхъ работъ, а послѣ что̀ будетъ — то Богъ дастъ. Ни на минуту не выходила изъ помышленій Герасима судьба племянниковъ, особливо Иванушки, и безпокойныя, начетистыя хлопоты его не тяготили. Какъ-то здоровѣй онъ сталъ и духомъ бодрѣй, веселъ былъ всегда и доволенъ всѣмъ. Перемежатся, бывало, хлопоты на недѣлю либо на двѣ, ему ужъ и скучно, и дома ему не сидится, тотчасъ сберется и поѣдетъ кого надо поторапливать. Зато, когда всѣ заботы и суеты кончились, и Герасимъ воротился въ отчій домъ съ купеческимъ свидѣтельствомъ по третій гильдіи, и родная семья встрѣтила его какъ избавителя, такую онъ отраду почувствовалъ, такое душевное наслажденье, какихъ во всю жизнь еще не чувствовалъ.

Сѣли обѣдать: купецъ, купецкій братъ, купецкіе племянники. Послѣ обѣда молвилъ брату Герасимъ:

— А вѣдь давеча, какъ я посчиталъ, во что обошлось все дѣло, выходитъ, мы ровнехонько на тысячу цѣлковыхъ въ барышахъ остались.

— Какъ это въ барышахъ? — изумился Абрамъ.

— А какъ же? Считай, — сказалъ Герасимъ. — Иванушка, подай счеты, голубчикъ, вонъ они на полочкѣ. Гляди, братанъ, — снова обратился онъ къ Абраму и сталъ на счетахъ выкладывать. — Вина міру пропоено на двѣсти на десять цѣлковыхъ... здѣшнему старостѣ двѣ синенькихъ — десять рублевъ... писарю сотня... головѣ пятьдесятъ... въ правленіи тридцать... окружному пятьсотъ... помощнику окружнаго да приказнымъ пятьдесятъ... управляющему тысяча... палатскимъ приказнымъ триста... да по мелочамъ, на угощенья, да на извозчиковъ приказнымъ, секретаря въ баню возилъ, соборному попу на ряску купилъ — отецъ секретарю-то, — секретаршѣ шаль, всего двѣсти пятьдесятъ; итого значитъ двѣ съ половиной тысячи. Въ думѣ за приписку да по рукамъ двѣсти рублей разошлось, да на пошлины, да на гербову бумагу, какъ разъ три тысячи. А квитанцію ли купить, охотника ли нанять, дешевле восьмисотъ цѣлковыхъ и думать нечего. Значитъ, за пятерыхъ-то надо бы было четыре тысячи заплатить. Какъ же тутъ не барышъ въ тысячу цѣлковыхъ? Самъ считай.

И засмѣялся добрымъ смѣхомъ новый купецъ.

Только-что избылъ Герасимъ однѣ хлопоты, другія подоспѣли. И самъ онъ и братняя семья сосновскимъ мужикамъ стали отрѣзаннымъ ломтемъ. Разъ они ужъ воспользовались на диво удобренной отцомъ Чубаловымъ землею, теперь разгорѣлись у нихъ зубы и на запольныя полосы, что̀ отрѣзаны были Абраму по возвращеньи Герасима и въ десять лѣтъ изъ худородныхъ стали самыми лучшими изо всей сосновской окружной межи. Чужимъ здоровьемъ болѣя, міръ-народъ говорилъ: «Они-ста теперь стали купцы, для чего же на нашей на мірской землѣ сидятъ и тѣмъ крестьянскому обчеству чинятъ поруху? Коли ты купецъ, живи въ городу, не слѣдъ твоей чести середь сѣрыхъ мужиковъ болтаться! У насъ въ деревнѣ обчество, значитъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать — въ городъ ступай, тамъ себѣ хоромы ставь, а твой домъ на нашей мірской землѣ ставленъ, значитъ, его слѣдуетъ въ обчество отдать». Послѣ столь мудрыхъ и справедливыхъ разсужденій, пришелъ отъ лица міръ-народа къ Чубаловымъ староста и объявилъ мірское рѣшеніе: перебирались бы они всѣ на житье въ городъ, а домъ и надѣльныя полосы отдали бы

въ міръ. Сколько ни спорили Чубаловы, міръ-народъ на своемъ стоялъ: «ступай вонъ изъ деревни», да и только. Посулили Чубаловы мужикамъ вина и всякаго другого угощенья за приговоръ, чтобы за ними оставалось все попрежнему. Вино міръ-народъ выпилъ, угощенье съѣлъ, а отъ своего не отсталъ. Опять староста во дворъ, опять усадьбу и землю требуетъ именемъ міра. За старостой весь міръ-народъ къ чубаловскому двору привалилъ. Пытался-было Герасимъ съ Абрамомъ убѣдить мужиковъ, что не дѣла они требуютъ, не по правдѣ поступаютъ — толку не вышло. Говорили Чубаловы съ тѣмъ, съ другимъ мужикомъ порознь, говорили и съ двумя, съ тремя заразъ, и всѣ соглашались, что хотятъ изъ деревни ихъ согнать не по-божески, что это будетъ и передъ Богомъ грѣхъ и передъ добрыми людьми зазорно, но только-что міръ-народъ въ кучу сберется, иныя рѣчи отъ тѣхъ же самыхъ мужиковъ зачнутся: «Вонъ изъ деревни! и дѣло съ концомъ»... Такова правда въ пресловутой русской общинѣ, такова справедливость у этого міръ-народа, что̀ изстари крѣпкими стопами на ведеркахъ водки стоитъ... Самъ народъ говоритъ: «мужикъ уменъ, да міръ дуракъ». Никто такъ не тяготится общиннымъ владѣніемъ земли и судомъ міръ-народа, какъ самъ же народъ.

Сколько ни убѣждали Чубаловы, міръ-народъ ихъ слушать не хотѣлъ. Мужицкій міръ — что̀ твоя рогатина: какъ упрется, такъ и стоитъ — не возьметъ его ни отваръ ни присыпка. Судъ да дѣло пошли, опять хлопоты въ немалую копейку стали Герасиму. Усадьбу отхлопотали, палата безъ году на сто лѣтъ укрѣпила ее за Чубаловыми за сходную плату, но земельнаго надѣла, какъ ни старались отхлопотать, не смогли. Второй разъ сильно удобренныя трудомъ и коштомъ Чубаловыхъ полосы міръ-народу достались. А покинуть соху съ бороной Чубаловымъ неохота была: дѣло привычное, къ тому-жъ хлѣбъ всему голова, а пахота всякому промыслу царь. На ихъ счастье о ту пору одинъ молодой баринъ по сосѣдству наслѣдство послѣ отца получилъ и вздумалъ доставшимся имѣньемъ разомъ распорядиться по-своему, — попросту сказать, спустить съ рукъ имѣнье, чтобы поменьше было хлопотъ. Пустошь у него была десятинъ въ пятьдесятъ возлѣ Сосновки, межа къ самымъ овинамъ подошла; баринъ и вздумалъ сбыть ее. Герасиму же было то на руку, купилъ онъ пустошь, къ немалой досадѣ завидущаго міръ-народа.

— Земелька-то намъ за полцѣны досталась, — сказалъ брату Герасимъ, воротясь изъ города съ купчей крѣпостью.

— Какъ за полцѣны?

— Да какъ же? Вѣдь по сороку рублей десятина-то пошла.— сказалъ Герасимъ: — выходитъ всего двѣ тысячи. Одну тысячу изъ залежныхъ барину-то я выдалъ, а другу изъ барышей.

— Изъ какихъ барышей? — спросилъ Абрамъ.

— Забылъ ужъ! — засмѣялся Герасимъ. — Эка память-то у тебя короткая стала, братанъ! Лѣтось, какъ о купечествѣ-то хлопотали, вѣдь тысяча въ барышахъ-то осталась, ну вотъ она теперь и пригодилась. Оно правда — купчая наша, ну и расходы тоже были, безъ того ужъ нельзя... Да чтò объ этомъ толковать — теперь у насъ своя земелька, міру кланяться не пошто, горлодеровъ да коштановъ *) ни виномъ ни чѣмъ инымъ уважать не станемъ, круговая порука до насъ не касается, и во всемъ нашемъ добрѣ мы сами себѣ хозяева; никакое мірское начальство съ насъ теперь шиша не возьметъ. И землицы, слава Богу, досталось достаточно, по семи десятинъ на душу выходитъ. Гдѣ, въ какомъ селѣ, въ какой деревнѣ такой надѣлъ найдешь?..

— Охъ! Денегъ-то у тебя чтò на насъ изошло! — съ глубокимъ вздохомъ молвила Пелагея, глядя умиленнымъ взоромъ на деверя.

— Не деньги насъ наживали, а мы ихъ нажили,—добродушно улыбаясь, молвилъ Герасимъ.—Чего ихъ жалѣть, коль на пользу пошли...

Глядя на расходы Герасима, всѣ, даже его семейные, думали, что у него деньгамъ ни счета ни края нѣтъ, и никогда не будетъ имъ заговѣнья. На дѣлѣ однако выходило не такъ. Возвращаясь на родину, правда, онъ привезъ очень большія для крестьянскаго обихода деньги, но послѣ устройства дома, приписки въ купцы и покупки земли, залежныхъ у него осталось всего только двѣ тысячи. Торговлей добывалъ онъ достаточно, но по роду ея необходимо было ему всегда имѣть при себѣ немалыя деньги. Вдругъ пойдетъ слухъ, что въ такомъ-то мѣстѣ, у такого-то человѣка можно купить такія-то старинныя вещи, надо тотчасъ же ѣхать, чтобъ другой старинщикъ не перебилъ, а иной разъ ѣхать надо очень и очень далеко. На все расходы, а рѣдкостныя вещи всегда покупаются на наличныя. Тутъ ни сроковъ нѣтъ, ни векселей, ни переводовъ, ни разсрочекъ — деньги въ руки, и дѣло съ концомъ.

---

*) *Коштанъ* — міроѣдъ, живущій на чужой счетъ. ходокъ, ходатай по мірскимъ дѣламъ, горланъ и коноводъ на мірскихъ сходкахъ, плутъ, обманщикъ, пролазъ, тяжебникъ.

Глава шестнадцатая.

Вскорѣ послѣ покупки земли, когда мошна у Герасима Силыча поистощилась, узналъ онъ, что гдѣ-то на Низу можно хорошія книги за сходную цѣну купить. Сказывали, что книги тѣ были когда-то въ одномъ изъ старообрядскихъ монастырей, собираемы были тамъ долгое время, при чемъ денегъ не жалѣли, лишь бы только купить. Временемъ не медля, дѣломъ не волоча, Герасимъ тотчасъ же сплылъ на Низъ, недѣли двѣ проискалъ, гдѣ находятся тѣ книги, и нашелъ ихъ наконецъ гдѣ-то неподалеку отъ Саратова. Книгъ было до трехсотъ и все рѣдкія, замѣчательныя. Тутъ были всѣ почти изданія первыхъ пяти патріарховъ, было немало переводныхъ *), были даже такія рѣдкости, какъ «Библія» Скорины, венецейскія изданія Божидаровича, виленскія Мамоничей и острожскія **). Кромѣ старопечатныхъ книгъ, въ отысканномъ Чубаловымъ собраньи было больше двухъ десятковъ древнихъ рукописей, въ томъ числѣ шесть харатейныхъ, очень рѣдкихъ, хотя и не полныхъ. Продавецъ дорожилъ книгами, но, не зная ни толку въ нихъ ни цѣны, не очень дорожился, всѣ уступалъ за три тысячи цѣлковыхъ, но съ обычнымъ, конечно, условіемъ: деньги на столъ. Внимательно разсмотрѣлъ Герасимъ книги, увидалъ, что уступаютъ ихъ за безцѣнокъ, и ухватился за выгодную покупку. Да вотъ бѣда, денегъ при немъ всего только двѣ тысячи, дома ни копейки, а продавецъ и не спускаетъ цѣны и въ розницу не продаетъ. Чубаловъ туда-сюда за деньгами, ничего не можетъ подѣлать. А упустить такого рѣдкаго случая неохота: знаетъ Герасимъ, что такія собранья и такая сходная покупка, можетъ-быть, въ двадцать, въ тридцать лѣтъ одинъ разъ выпадутъ на долю счастливому старинщику, и что ежели эти книги продать любителямъ старины да въ казенныя библіотеки—втрое, вчетверо выручишь,

*) «Переводными книгами» старообрядцы зовутъ напечатанныя преимущественно въ прошломъ столѣтіи книги, съ книгъ Іосифа патріарха, буква въ букву, титло въ титло, строка въ строку, переносъ въ переносъ.

**) «Библія Русска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изъ славнаго града Полоцька. Богу почти и людямъ посполитымъ къ доброму наученью. Прага Чешска. 1517 — 1519». Изданіе чрезвычайно рѣдкое. Венеціанскія изданія типографіи Божидара Вуковича, а послѣ него сына его Викентія Божидаровича печатались съ тридцатыхъ по семидесятые года XVI столѣтія. Въ типографіи, бывшей въ Острогѣ, книги печатались съ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія; послѣдняя извѣстная намъ книга этой типографіи («Часословъ») относится къ 1612 году. Типографія Мамоничей была въ Вильнѣ и печатала книги съ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія до начала XVII-го.

а пожалуй, и больше того... Но тысячи цѣлковыхъ нѣтъ какъ нѣтъ.

Въ тоскливомъ раздумьѣ, въ безнадежномъ уныньи, ничего не видя, ничего вкругъ себя не слыша, проходилъ Герасимъ Силычъ по шумной саратовской пристани и въ первый разъ возроптал на себя, зачѣмъ онъ почти весь свой капиталъ потратилъ. Но, взглянувъ на шедшаго рядышкомъ Иванушку и вспомнивъ скорбный взглядъ Абрама, какимъ встрѣтилъ онъ его при возвращеньи на родину, вспомнивъ слезы на глазахъ невѣсткиныхъ и голодавшихъ ребятишекъ, тотчасъ прогналъ отъ себя возникшую мысль, какъ нечестивую, какъ грѣховную... И въ самую эту минуту лицомъ къ лицу столкнулся съ Маркомъ Данилычемъ. Въ то время у Смолокурова баржи сухимъ судакомъ да лещомъ грузились, и онъ погрузкой распоряжался.

— Ба, землякъ!—ласково, даже радостно воскликнулъ Марко Данилычъ. — Здорово, Герасимъ Силычъ. Какъ поживаешь? Какими судьбами въ Саратовъ попалъ?

— Дѣльцо неподалеку отселѣ выпало, — отвѣчалъ Чубаловъ. Онъ тоже обрадовался нежданной встрѣчѣ со Смолокуровымъ.

— Аль на золоту удочку хочешь рѣдкостныхъ вещицъ половить? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Есть около того, — молвилъ Чубаловъ.

— Клюетъ? — спросилъ Смолокуровъ.

— То-то и есть, что клевать-то клюетъ, да на удочку нейдетъ. Ничего, пожалуй, и не выудишь,—усмѣхаясь, сказалъ Герасимъ.

— Какъ такъ?

— Удочка-то маловата, Марко Данилычъ. Вотъ что̀,—молвилъ Чубаловъ. А самъ думаетъ: — «Вотъ Богъ-отъ на мое счастье нанесъ его. Надобно вкругъ его покружить хорошенько... На деньги кремень, а кто знаетъ, можетъ-быть, и расщедрится».

— Что̀ лову? — съ любопытствомъ спросилъ Марко Данилычъ.

Смолокуровъ тоже любилъ собирать старину и зналъ въ ней толкъ, но собиралъ немного, развѣ ужъ очень рѣдкія вещи.

— Книги все, — отвѣчалъ Герасимъ. — Рѣдкостныя и довольно ихъ. Такія, я вамъ скажу, Марко Данилычъ, книги, что просто на удивленье. Сколько годовъ съ ними вожусь, а иныя самъ въ первый разъ вижу. Вещь дорогая!

— На ловца, значитъ, звѣрь бѣжитъ, — молвилъ Марко Да-

ннлычь. — А какія книги-то?.. Божественныя однѣ, аль есть и мірскія?

— Книги старинныя, Марко Данилычъ, а въ старину, сами вы не хуже меня знаете, мірскихъ книгъ не печатали, и въ заводахъ ихъ тогда не бывало, — отвѣчалъ Чубаловъ. — «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича да «Ученіе и хитрость ратнаго строя» *), вотъ и всѣ мірскія-то, ежели не считать учебныхъ, азбукъ, то-есть букварей, грамматикъ да «Лексикона» Памвы Берынды **). Памва-то Берында кіевской печати въ томъ собраньи, что̀ торгую, есть; есть и «Грамматики» Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго ***).

— Другихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, другихъ нѣтъ, — отвѣтилъ Чубаловъ.

— Купишь — покажи, можетъ, что̀ отберу, ежели понравится. Напередъ только сказываю: безумной цѣны не запрашивай, не дамъ, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Зачѣмъ запрашивать безумныя цѣны? — отозвался Чубаловъ. — Да еще съ земляка, съ сосѣда, да еще съ благодѣтеля?

— Землякъ-отъ я тебѣ точно землякъ и сосѣдъ тоже, — возразилъ Смолокуровъ: — а какой я тебѣ благодѣтель? Что̀ въ твою пользу я сдѣлалъ?.

— Какъ знать, что̀ впереди будетъ? — хитрое словечко з кинулъ Чубаловъ.

Марко Данилычъ догадливъ былъ, разомъ смекнулъ, куда гнетъ свои рѣчи старинщикъ. «Ишь какъ подъѣзжаетъ, — подумалъ онъ: — то удочки у него маловаты, то въ благодѣтели я попалъ къ нему».

— А не будетъ ли у тебя, Герасимъ Силычъ, «Минеи мѣсячной», Іосифовской ****)? — спросилъ онъ.

— Есть, только неполная, три мѣсяца въ недостачѣ, — отвѣчалъ Чубаловъ.

---

*) «Уложеніе». Москва, 1649. «Ученіе и хитрость ратнаго строя». Москва, 1647; обѣ въ листъ.

**) «Лексиконъ Славянороссійскій и именъ тлъкованіе». Кіевъ, 1627. Второе изданіе въ Кутеинѣ, 1696. Оба въ четвертку. Лексиконъ Берынды перепечатанъ Сахаровымъ во второмъ томѣ «Сказаній русскаго народа».

***) Л. Зизанія. «Граматика Словенска съвершеннаго искуства осмь частей слова». Вильно, 1686, въ восьмушку... Мелетія Смотрицкаго. «Граматика Словенская». 1619. Второе изданіе въ Москвѣ, 1648, съ перемѣнами и дополненіями. Обѣ въ четвертку.

****) Миней въ церковномъ кругѣ три: «Минея общая», гдѣ, какъ сказано въ первомъ ея московскомъ изданіи 1559 года, помѣщены: «службы общіи, спѣваемы на праздники на господьскія и на праздники богородичны и коемуждо святому, во веселѣтное годище». «Минея служебная» или «мѣсячная», 12 книгъ. По предисловію къ первому ея московскому изданію

— Да мнѣ полной-то и не надо, — молвилъ Марко Данилычъ. — У меня тоже безъ трехъ мѣсяцовъ. Не пополнишь ли изъ своихъ?

— Отчего-жъ не пополнить, ежель подойдутъ мѣсяца,—отвѣтилъ Чубаловъ. — У васъ какіе въ недостачѣ?

— Ну, братъ, этого я на память тебѣ сказать не могу,—молвилъ Марко Данилычъ.— Одного знаю, апрѣля не хватаетъ.

— Апрѣль у меня есть, — сказалъ Чубаловъ.

— Вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, ты мнѣ и пополнишь, — молвилъ на то Смолокуровъ. — А то на мои именины, на Марка евангелиста, двадцать пятое число апрѣля мѣсяца, ежели когда у меня на дому служба справляется, правятъ ее по «Общей Минеи» — апостоламъ службу, а самому-то ангелу моему Марку евангелисту служить и не по чемъ.

— Можно будетъ подобрать, можно,—сказалъ Чубаловъ.— На этотъ счетъ будьте благонадежны.

— Ладно. Ежель на этотъ разъ удружишь, такъ и я колинибудь пригожусь, — молвилъ Марко Данилычъ.

Герасимъ тутъ же денегъ у него хотѣлъ попросить, но подумалъ: — «Лучше еще маленько позаманить его».

— Есть у меня икона хороша Марка-то евангелиста, — сказалъ онъ. — Рѣдкостная. За рублевскую *) выдавать не стану, а больно хороша. Московскихъ старыхъ писемъ **). Годовъ сотъ четырехъ, развѣ что безъ маленькаго.

— Ой ли? — съ сомнѣньемъ покачавъ головой, молвилъ Марко Данилычъ. — Неужто на самомъ дѣлѣ столь древняя?

— Толкъ-отъ въ иконахъ маленько знаемъ, — отвѣтилъ Чубаловъ. — Приметались тоже къ старинѣ-то, понимать можемъ....

— Да не подстаринная ли ***)? — лукаво усмѣхнувшись и прищуривъ лѣвый глазъ, спросилъ Смолокуровъ.

1607 года, «въ ней написани неизреченнаго Божія смотрѣнія тайны и похвалы и Того пренепорочныя Матери и божественнымъ безплотнымъ невещественнымъ силамъ и всѣмъ святымъ: праотцемъ и отцемъ, пророкамъ и апостоламъ, святителямъ и мученикамъ и пр.». Минея Четьи (то-есть для чтенія) житія святыхъ. «Іосифовская Мѣсячная Минея» печатана въ Москвѣ въ 1645 — 1646 годахъ.

*) Инокъ Андрей Рублевъ, знаменитый московскій иконописецъ первыхъ годовъ XV вѣка. Старинныя иконы, подходящія къ его пошибу (стилю), зовутся рублевскими.

**) Старинныя иконы московскія раздѣляются на иконы *старыхъ писемъ*, до XVII вѣка, и *фряжскія* — конца XVII вѣка. Въ иконахъ старыхъ писемъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ, на нихъ тѣни рѣзкія, свѣтъ (поле, фонъ) всегда красочный, а не золотой.

***) Иконники, а также иные и изъ старинщиковъ нерѣдко подделываютъ подъ старинныя иконы, и эти подделки называются «подстаринными».

Это взорвало Чубалова. Всегда бывало ему обидно, ежели кто усомнится въ знаніи его насчетъ древностей, но ежели на подлогъ намекнуть, а онъ водится-таки у старинщиковъ, то честный Герасимъ тотчасъ, бывало, изъ себя выйдетъ. Забылъ, что денегъ хочетъ просить у Марка Данилыча, и кинулъ на его грубость рѣзкое слово:

— Мошенникъ, что ли, я какой? Ты бы еще сказалъ, что деньги поддѣлываю... Кажись бы, я не заслужилъ такихъ попрековъ. Меня, слава Богу, люди знаютъ, и никто ни въ какомъ облыжномъ дѣлѣ не примѣчалъ... А ты что̀ сказалъ? А?..

— Ну, ужъ ты и заершился, — мягкимъ, заискивающимъ голосомъ сталъ говорить Марко Данилычъ. — Въ шутку слова молвить нельзя — тотчасъ и закипятится.

Марка-то евангелиста не хотѣлось ему упустить. Оттого и сталъ онъ теперь подъѣзжать къ Чубалову. Не будь того, инымъ бы голосомъ заговорилъ.

— Какая же тутъ шутка? Помилуйте, Марко Данилычъ. Не шутка это, сударь, а кровная обида. Вотъ что-съ,—маленько помягче промолвилъ Чубаловъ.

— А ты, землякъ, за шутку не скорби, въ обиду не вдавайся, а ежели ужъ оченно оскорбился, такъ прости Христа ради. Вотъ тебѣ какъ передъ Богомъ говорю: слово молвлено за всяко просто, — заговорилъ Смолокуровъ, опасавшійся упустить хорошаго Марка евангелиста. — Такъ больно хороша икона-то? — спросилъ онъ заискивающимъ голосомъ у Герасима Силыча.

— Икона хорошая, — сухо отвѣтилъ тотъ.

— У меня тоже не изъ худыхъ ангела моего икона есть. Только много помоложе будетъ. Баронскихъ писемъ *).

— Что-жъ, и Баронское письмо хорошо, къ фряжскому **) подходитъ, — промолвилъ Чубаловъ.

Чтобы болѣе походило на старину, пишутъ иконы темными красками, съ темными лицами и на темномъ полѣ. Особенно занимаются этимъ въ Холуѣ (Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда). Поддѣлка производится такъ искусно, что только опытный глазъ можетъ ее замѣтить; поддѣлываютъ даже трещины, мѣста, отставшія отъ грунта, скоробленныя доски и другіе признаки старинной работы.

*) Баронскія или «третьи Строгоновскія» иконы писались въ концѣ XVII столѣтія и въ XVIII. Иконопись въ нихъ переходитъ во фряжское письмо и даже отчасти въ живопись; краски свѣтлыя, пробѣлы въ ризахъ и другихъ изображаемыхъ одѣяніяхъ золотые.

**) Фряжское письмо, то-есть западное, европейское, живописное. Фрягами или фрязинами называли у насъ итальянцевъ. Фряжское письмо, составляющее переходъ отъ старинной иконописи къ живописи, распространилось въ московскомъ государствѣ въ концѣ XVII вѣка.

— Твоя-то много будетъ постарше. Вотъ что̀ мнѣ дорого,— сказалъ Смолокуровъ. — Ты мнѣ ее покажи. Безпремѣнно вымѣняю *).

— Да, моя-то на полтора годовъ будетъ постарше,—сквозь зубы промолвилъ Чубаловъ.

— Съ орломъ?

— Неужто со львомъ **)? — усмѣхнулся Чубаловъ. — Сказываютъ тебѣ, что икона старыхъ московскихъ временъ. Какъ же ей со львомъ-то быть?..

— Ну да, ну, конечно,—спохватился Марко Данилычъ.— Такъ ужъ ты, пожалуйста, Герасимъ Силычъ, не позабудь. Какъ скоро во-свояси прибудемъ, ты ко мнѣ ее и тащи. Вымѣняю непремѣнно. А нѣтъ ли у тебя кстати старинненькой иконы преподобной Евдокіи?

— Преподобной Евдокіи, во иночествѣ Евфросиніи? Нѣтъ, такой нѣтъ у меня, — сказалъ Чубаловъ.

— Какая тутъ Афросинья! Евдокію, говорю, преподобную Евдокію мнѣ надо. Понимаешь?.. Знаешь, Великимъ постомъ Авдотья Плющиха бываетъ, Авдотья-подмочи-подолъ. Эту самую.

— Перваго марта? — спросилъ Чубаловъ.

— Какъ есть! Вѣрно. Ее самую, — подтвердилъ Марко Данилычъ.

— Такъ вѣдь она не преподобная, а преподобно-мученица, — съ насмѣшливой улыбкой замѣтилъ Чубаловъ.—Три Евдокіи въ году-то бываютъ: одна преподобная, седьмого іюля, да двѣ преподобно-мученицы, одна перваго марта, а другая четвертаго августа.

— Господь съ тѣми. Мнѣ Плющиху давай. Дунюшка у меня на тотъ день именинница, на первое-то марта, — сказалъ Смолокуровъ.

---

*) Никогда не говорится: *купить* икону, крестъ или другое священное изображеніе, а *вымѣнять*. Въ иныхъ мѣстахъ набожные люди и о церковныхъ свѣчахъ, деревянномъ маслѣ и т. п. ни за что не скажутъ: купилъ, но «вымѣнялъ».

**) Символическое изображеніе при Маркѣ—левъ, при Іоаннѣ - орелъ. Но у старообрядцевъ наоборотъ, потому что при первыхъ пяти патріархахъ так изображались евангелисты. Такъ велось въ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтія, но древнѣйшія изображенія таковы же, какъ и теперь употребляемыя церковью. Такъ, напримѣръ, въ самомъ древнѣйшемъ русскомъ рукописномъ евангеліи 1056 года, Остроміровомъ, Маркъ евангелистъ изображенъ со львомъ. Въ томъ же евангеліи на изображеніи Іоанна Богослова, находящемся въ узорчатой каймѣ, Духъ Святой въ видѣ орла подаетъ ему евангеліе, а надъ каймой нарисованъ идущій левъ, но безъ вѣнчика, то-есть безъ очертанія сіянія вокругъ головы (символъ святости).

— Найдется, — молвилъ Чубаловъ. — Есть у меня преподобно-мученицы Евдокіи чудо, а не икона.

— Стара?

— Старенька. Больше двухсотъ годовъ. При святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ писана царскимъ жалованнымъ изографомъ Іосифомъ *). Другой такой, пожалуй, всю Россію обшарь — не сыщешь. Самая рѣдкостная.

— А мѣры какой? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Штилистовая **) благословенная, — отвѣтилъ ему Чубаловъ.

— Такую и требуется, — съ радостью сказалъ Марко Данилычъ. — Оставь за мной, вымѣняю. И Марка евангелиста и Евдокею вымѣняю. Такъ и запиши для памяти. Дунюшка у меня теперь въ такіе года входитъ, что, пожалуй, по скорости и благословенная икона потребуется. Спасомъ запасся, Богородица есть хорошая Владимірская — это, знаешь, для благословенья подъ вѣнецъ, а ангела-то ея и не хватаетъ. Есть, правда, у меня Евдокея, икона хорошая, да молода — поморскаго письма, на заказъ писана ***). Хоть и по древнему преданію писана, однакоже все-таки новость. А ежели твоя, какъ ты говоришь, царскихъ жалованныхъ мастеровъ, чего же лучше? Подъ пару бы моей Богородицѣ, та тоже царскихъ изографовъ дѣло, на затылкѣ подпись: «Писалъ жалованный иконописецъ Поспѣевъ» ****).

— Сидоръ Поспѣевъ? — спросилъ Чубаловъ.

— Вѣрно, — подтвердилъ Смолокуровъ.

— Хорошая должна быть икона, добрая. Поспѣевскихъ немного теперь видится, а все-таки годиковъ на двадцать она помоложе будетъ моей Евдокіи. — замѣтилъ Чубаловъ.

— Разница невелика, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Моя Евдокія вельми чудная икона, — немного помол-

*) Въ XVII столѣтіи при Оружейной Палатѣ для государевыхъ дѣлъ (работъ) находились постоянные *жалованные* и *кормовые* иконописцы, изографы. Ими управляли оружейничій и дьякъ. Жалованные состояли на службѣ, получали денежное жалованье и кормы, находились при Палатѣ постоянно; кормовые работали временно, по мѣрѣ надобности. Жалованные были искуснѣе кормовыхъ. Изографъ Іосифъ жилъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Жалованные иконописцы раскрашивали также игрушки царевичамъ и царевнамъ.

**) *Штилистовая* — шести вершковъ вышины.

***) Поморскаго письма иконы приготовлялись въ Поморскихъ безпоповщинскихъ монастыряхъ (Даниловѣ и Лексѣ, Олонецкой губерніи). Иконы, что писались въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ, похожи на поморскія и часто за нихъ были выдаваемы.

****) Сидоръ Поспѣевъ, жалованный иконописецъ, писалъ иконы для московскаго большого Успенскаго собора въ 1644 году.

чавши, сказалъ Чубаловъ. — Царицы Евдокіи Лукьяновны комнатная *).

— Полно ты! — сильно удивился, а еще больше обрадовался Марко Данилычъ.

— Знающіе люди доподлинно такъ завѣряютъ, — спокойно отвѣтилъ Чубаловъ. — Опять же у насъ насчетъ самыхъ рѣдкостныхъ вещей особыя записи ведутся **). И та икона съ записью. Была она послѣ также комнатной иконой у царевны Евдокіи Алексѣевны, царя Алексѣя Михайловича меньшой дочери, а отъ нея господамъ Хитровымъ досталась, а отъ нихъ въ другіе роды пошла, вотъ теперь и до нашихъ рукъ доспѣла.

— Въ окладахъ иконы тѣ? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Царица въ золотой ризѣ сканнаго дѣла ***) съ лазуревыми яхонты, съ жемчугами, работа тонкая, думать надо, греческая, а Маркъ евангелистъ въ басменномъ окладѣ ****).

У Марка Данилыча, еще не видя рѣдкихъ иконъ, глаза разгорѣлись.

— За мной оставь, Герасимъ Силычъ, пожалуйста, за мной, — сталъ онъ просить Чубалова. — А ежели другому уступишь, и знать тебя не хочу, и на глаза тогда мнѣ не кажись... Слышишь?

— Слышу, Марко Данилычъ, — сказалъ Чубаловъ. — Отчего-жъ не сдѣлать для васъ удовольствія?.. На то и вымѣнены, чтобъ предоставить ихъ кому надобность случится или кто хорошую цѣну дастъ.

— А вѣдь дорого, поди, возьмешь? Слупишь такъ, что послѣ дома не скажешься, — съ усмѣшкой молвилъ ему Смолокуровъ.

— Дешево взять нельзя, — отвѣтилъ Герасимъ. — Сами увидите, каковы иконы. Насчетъ Божьяго милосердія сами вы

---

*) То-есть изъ образной царицы.

**) Такія записи есть или по крайней мѣрѣ бывали у нѣкоторыхъ старинщиковъ; впрочемъ, имъ далеко не всегда можно вѣру давать.

***) *Сканное дѣло — скань, сканье* (отъ старииннаго глагола *скать* — сучить, свивать, тростить). *Скань* — волоченое, вытянутое въ тонкую проволочку золото или серебро, мелкая проволочная работа, филигранъ. Сканное дѣло — одно изъ красивѣйшихъ металлическихъ производствъ, зато и труднѣйшее. Сканныя старинныя вещи очень цѣнны. Изъ проволоки составляли разные узоры въ сѣтку. Лучшія издѣлія были *греческія* или *турецкія*. Въ XVII столѣтіи мастера сканнаго дѣла, наученные греками, появились и въ Москвѣ.

****) *Басманное дѣло* отъ *басма* — тонкое, легковѣсное, листовое серебро, на которомъ тиснули разные узоры (травы). На иконахъ басменными дѣлались только *оклади*, то-есть коймы образа. По легкости и дешевизнѣ басменное дѣло было очень распространено. Въ Москвѣ была особая слобода басменщиковъ — теперь Басманная.

человѣкъ не слѣпой, увидите, чего стбятъ, а увидите, такъ меня не обидите.

— Ну ладно, ладно... За деньгами не постою, ежель полюбятся, — самодовольно улыбаясь, молвилъ Марко Данилычъ. — Такъ ты ужь кстати и «Минею»-то мнѣ подбери. Какъ ворочусь домой, въ тотъ же день записочку пришлю тебѣ, какихъ мѣсяцбвъ у меня не хватаетъ.

— Насчетъ другихъ двухъ мѣсяцовъ, опричь апрѣля «Минеи», теперь не могу сказать вамъ доподлинно, — молвилъ Чубаловъ. — Достанется ли она мнѣ, не достанется ли, самъ еще не знаю. Больно дорого просятъ за всѣ-то книги, а рознить не хотятъ. Бери всѣ до послѣдняго листа.

— Ну и бери всѣ до послѣдняго листа, — сказалъ Смолокуровъ. — Нешто хламу много?

— Какой хламъ! Хламу вовсе нѣтъ, книги рѣдкостныя и всѣ какъ на подборъ. Кладъ, одно слово кладъ, — говорилъ Чубаловъ.

— Такъ чтб же не покупаешь? — молвилъ Марко Данилычъ. — Бери дочиста; я твой покупатель. Какъ до дому доберемся, весь твой запасъ перегляжу и все, чтб полюбится, возьму за себя. Нѣтъ, Герасимъ Силычъ, не упускай, послушайся меня, бери все сполна.

— Не подъ силу мнѣ будетъ, Марко Данилычъ, — молвилъ на то Чубаловъ. — Денегъ-то велику больно сумму за книги требуютъ, а объ разсрочкѣ и слышать не хотятъ, сейчасъ всѣ деньги сполна на столъ. Видно, надо будетъ отказаться отъ такого сокровища.

— Полно скряжничать-то, — вскрикнулъ Смолокуровъ. — Развязывай гамзу-то *), распоясывайся. Покупай, въ накладѣ не останешься.

— Гамзы-то не хватаетъ, — горько улыбнувшись, отвѣтилъ Чубаловъ. — Столько наличныхъ при мнѣ не найдется.

— А много ли не хватаетъ? — сдержанно спросилъ у него Марко Данилычъ.

— Цѣлой тысячи, — молвилъ Чубаловъ. — Просилъ, Христа ради молилъ, подождали бы до Макарья, вексель давалъ, поруку представлялъ, не хотятъ да и только...

— Утресь зайди ко мнѣ пораньше, — слегка нахмурясь, послѣ недолгаго молчанья сказалъ Смолокуровъ. — Авось обладимъ какъ-нибудь твое дѣло.

И сказалъ, гдѣ сыскать его квартиру.

---

*) *Гомонъ*, гамза — бумажникъ, кошель, вообще хранилище денегъ. Гамза (но никогда гомонъ) употребляется и въ смыслѣ — деньги, капиталъ. Говорятъ также *гамзить* — копить деньги, гамзила — тотъ, кто деньги копитъ.

— Заходи же смотри, — молвилъ Марко Данилычъ на прощанье. — А скоро ли домой?

— Да ежели бы удалось купить, такъ я бы дня черезъ два отправился. Дѣлать мнѣ больше здѣсь нечего, — сказалъ Чубаловъ.

— И распрекрасное дѣло, — молвилъ Марко Данилычъ. — И у меня послѣзавтра кончится погрузка. Вотъ и поѣдемъ вмѣстѣ на моей баржѣ. И товаръ-отъ твой по водѣ будетъ везти гораздо поспособнѣе. Книги не перетрутся. А мы бы дорогой-то кое-что изъ нихъ и переглядѣли. Приходи же завтра непремѣнно этакъ въ ранни обѣдни. Безпремѣнно зайди... Слышишь?

На другой день Марко Данилычъ снабдилъ Чубалова деньгами и взялъ съ него вексель до востребованія, для лучшей вѣрности, какъ говорилъ онъ. Проценты за годъ вычелъ напередъ.

— Нельзя безъ того, другъ любезный,—говорилъ онъ: — дѣло торговое, опять же мы подъ Богомъ ходимъ. Не ровенъ случай, мало ль что̀ съ тобой аль со мной сегодня же можетъ случиться? Самъ ты, Герасимъ Силычъ, понимать это должо̀нъ...

Чубаловъ не прекословилъ. Сроду не бралъ денегъ взаймы, сроду никому не выдавалъ векселей, и потому не очень хотѣлось ему исполнить требованье Марка Данилыча, но выгодная покупка тогда непремѣнно бы ускользнула изъ рукъ. Согласился онъ. «Проценты взялъ Смолокуровъ за годъ впередъ, — подумалъ Герасимъ Силычъ: — стало-быть, и платежъ черезъ годъ... А я, не дожидаясь срока, нынѣшнимъ же годомъ у Макарья разочтусь съ нимъ»...

Дня чрезъ три отправилъ онъ на баржу Марка Данилыча короба съ книгами. Мѣдной полушки никогда не упускалъ Смолокуровъ и потому напередъ заявилъ Герасиму Силычу, что при случаѣ вычтетъ съ него, какую слѣдуетъ, плату за провозъ клади и за проѣздъ его самого.

Вмѣстѣ вверхъ по Волгѣ выплывали, вмѣстѣ и воротились во-свояси. Дня черезъ три по пріѣздѣ въ Сосновку Герасимъ Силычъ, разобравъ купленныя книги и сдѣлавъ имъ расцѣнку, не дожидаясь записки отъ Марка Данилыча, поѣхалъ къ нему съ образами Марка евангелиста и преподобной Евдокіи и съ нѣсколькими книгами и рукописями, отобранными во время дороги Смолокуровымъ. Образа̀ очень полюбились Марку Данилычу, радъ былъ радехонекъ имъ, но безъ того не могъ обойтись, чтобъ не прижать Чубалова, не взять у него всего за безцѣнокъ. За двѣ рѣдкихъ иконы, десятка за полтора

рѣдкихъ книгъ и рукописей Чубаловъ просилъ цѣну умѣренную — полторы тысячи, но Марко Данилычъ только засмѣялся на то и вымолвилъ рѣшительное свое слово, что больше семисотъ пятидесяти цѣлковыхъ онъ ему не дастъ. Чубаловъ и слышать не хотѣлъ о такой цѣнѣ, но Смолокуровъ уперся на своемъ.

— Нѣтъ, ужъ, видно, мы съ вами, Марко Данилычъ, не сойдемся! — сказалъ, послѣ долгаго торгованья, Чубаловъ.

— Видно, что не сойдемся, Герасимъ Силычъ, — согласился Смолокуровъ.

— А не сойдемся, такъ разойдемся, — молвилъ Герасимъ и сталъ укладывать въ коробью иконы и книги.

— Видно, что надо будетъ разойтись, — равнодушно проговорилъ Марко Данилычъ и при этомъ зѣвнулъ потяготой — со скуки ли, отъ истомы ли — кто его знаетъ. — Пошли тебѣ Господи тароватыхъ да слѣпыхъ покупателей, чтобы полторы тысячи тебѣ за все за это дали, а я денегъ зря кидать не хочу.

— Найдемъ и зрячихъ, Марко Данилычъ, — усмѣхнулся Чубаловъ, завязывая коробью. — Не такія вещи, чтобъ залежаться, Богъ дастъ, у Макарья съ руками оторвутъ... На иконы-то у меня даже и покупатели есть въ виду. Я вѣдь ихъ къ вашей милости единственно потому только привезъ, что чувствую и помню одолженіе, что̀ тогда сдѣлали вы мнѣ въ Саратовѣ. Безъ вашей помощи тѣхъ книгъ я бы какъ ушей своихъ не видалъ. На другой же день, какъ купилъ ихъ, двое книжниковъ пріѣзжало — одинъ изъ Москвы, другой изо Ржева... Не случись васъ, они какъ разъ бы перебили. Очецно благодаренъ остаюсь вамъ, Марко Данилычъ, никогда не забуду вашего одолженья.

— И за то спасибо, что помнишь, — сухо промолвилъ Марко Данилычъ.

— Какъ же можно забыть? Помилуйте! Не безчувственный же я какой, не деревянный. Могу ли я забыть, какъ вы меня выручили? — сказалъ Чубаловъ. — По гробъ жизни моей не забуду.

— Домой, что ли, снаряжаешься? — дружелюбно спросилъ у Чубалова Марко Данилычъ, когда тотъ, уложивши свое добро, взялся за шапку. — Посидѣлъ бы у меня маленько, Герасимъ Силычъ, покалякали бы мы съ тобой, потрапезовали бы чѣмъ Богъ послалъ, чайку бы испили.

— Нѣтъ ужъ, Марко Данилычъ, увольте. Никакъ мнѣ нельзя, недосужно. Дѣла теперь у меня по горло — къ Иванову дню надо въ Муромъ на ярмарку поспѣть, а я еще не уклады-

вался, да и къ Макорью ужъ пора помаленьку сбираться, — говорилъ Чубаловъ.

— Да, не за горами и Макарьевская, — замѣтилъ Марко Данилычъ. — Время-то, подумаешь, какъ летитъ, Герасимъ Силычъ. Давно ли, кажется, Пасха была, давно ли у меня пьяницы работныя избы спалили, и вотъ уже и Макарьевская на дворѣ. И не видишь, какъ время идетъ: мѣсяцъ за мѣсяцемъ, года за годами, только успѣвай считать. Не успѣешь оглянуться, анъ и вѣкъ прожилъ. И отчего это, Герасимъ Силычъ, чѣмъ дальше человѣкъ живетъ, тѣмъ время ему короче кажется? Бывало, маленькимъ какъ былъ — зима-то тянется, и конца, кажись, ей нѣтъ, а теперь только-что выпалъ снѣгъ, оглянуться не успѣешь, анъ и Рождество, а тамъ и масленица, и Святая съ весной. Чудное, право, дѣло!

— Такова жизнь человѣческая, Марко Данилычъ, — молвилъ Чубаловъ. — Такъ ужъ Господь опредѣлилъ намъ. Сказано: «яко сѣнь преходитъ животъ нашъ и яко листвіе падаютъ дни человѣчи».

— Это откуда? Въ псалтыри такихъ словъ, помнится, не положено, — замѣтилъ Смолокуровъ.

— Денисова Андрея Іоановича, изъ его надгробнаго слова надъ Исакіемъ Лексинскимъ, — молвилъ Чубаловъ. — Ученѣйшій былъ мужъ Андрей Іоановичъ. Человѣкъ твердаго духа и дивной памяти, купно съ братомъ своимъ Симеономъ риторскимъ краснорѣчіемъ сіяли, яко свѣтила, и всѣхъ удивляли...

— Знаю я... Какъ не знать про Денисовыхъ? По всему старообрядству знамениты... — молвилъ Марко Данилычъ.

— Затѣмъ счастливо оставаться, — сказалъ Чубаловъ, подавая Смолокурову руку.

— Прощай, Герасимъ Силычъ, прощай, дружище. Да что̀ рѣдко жалуешь? Завертывай, побесѣдовали бы когда, — сказалъ Марко Данилычъ, провожая гостя. — Воротишься изъ Мурома — пріѣзжай непремѣнно. Твоя бесѣда мнѣ слаще меду... Не забывай меня...

— Постараюсь, Марко Данилычъ, — отвѣчалъ Чубаловъ и, взявъ коробью, пошелъ вонъ изъ горницы.

Смолокуровъ проводилъ его до крыльца, а когда Чубаловъ, сѣвши въ телѣгу, взялъ вожжи, подошелъ къ нему и еще разъ попрощался. Чубаловъ хотѣлъ-было со двора ѣхать, но Марко Данилычъ вдругъ спохватился.

— Эка память-то какая у меня стала! — сказалъ онъ. — Изъ ума было вонъ... Вотъ что̀, Герасимъ Силычъ, деньги мнѣ, братецъ ты мой, необходимо надо послѣзавтра на Низъ посылать, на ловецкихъ ватагахъ рабочихъ надобно расчитать,

а въ сборѣ наличныхъ маловато. Такая крайность, что не придумаю, какъ извернуться. Привези, пожалуйста, завтра должокъ-отъ.

— Какой должокъ? — съ удивленьемъ спросилъ, озадаченный нежданнымъ вопросомъ, Чубаловъ.

— И у тебя, видно, память-то такая-жъ короткая стала, что̀ у меня, — усмѣхнулся Марко Данилычъ. — Давеча, какъ торговались, помнилъ, а теперь и забылъ... Саратовскій-отъ должокъ! Тысяча-то!..

— Да вѣдь тому долгу уплата еще въ будущемъ году, — придерживая лошадь, съ изумленнымъ видомъ молвилъ Герасимъ Силычъ.

А у него на ту пору и двухсотъ въ наличности не было, а въ Муромъ надо ѣхать, къ Макарью снаряжаться.

— Въ векселѣ сроку, любезный мой, не поставлено, — съ улыбкой сказалъ Смолокуровъ. — Писано: «до востребованія», значитъ, когда захочу, тогда и потребую деньги.

— Да какъ же это, Марко Данилычъ?.. — жалобно заговорилъ оторопѣвшій Чубаловъ. — Вѣдь вы и проценты за годъ впередъ получили.

— Получилъ, — отвѣтилъ Смолокуровъ. — Точно что получилъ. Что-жъ изъ того?.. Мнѣ твоихъ денегъ, любезный другъ, не надо, обижать тебя я никогда не обижу. Учетъ по завтрашній день учинимъ; сколько доведется съ тебя за этотъ мѣсяцъ со днями процентовъ получить, а остальное, что̀ тобой лишняго заплачено, изъ капитала вычту, тѣмъ и дѣлу конецъ.

— Я такъ располагалъ, Марко Данилычъ, чтобы у Макарья съ вами расплатиться, — молвилъ Чубаловъ.

— Не могу, любезный Герасимъ Силычъ... И радъ бы душой, да никакъ не могу, — сказалъ Смолокуровъ. — Самому крайность, не повѣришь, какая. Прядильщиковъ вотъ надо расчесть, за лѣсъ заплатить, съ плотниками, что̀ работныя избы у меня достраиваютъ, тоже надо расплатиться, а гдѣ достать наличныхъ, какъ тутъ извернуться, и самъ не знаю. Радъ бы душой подождать, не то что до Макарья, а хоть годъ и дольше того, да самому, братецъ, хоть въ петлю лѣзть... Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, Герасимъ Силычъ, должокъ-отъ завтра привези мнѣ, на тебя одного только у меня и надежды... Растряси мошну-то, что̀ ее жалѣть-то? Важное дѣло тебѣ тысяча рублей!.. И говорить-то тебѣ объ ней много не стоитъ...

— Ей-Богу, не при деньгахъ я, Марко Данилычъ, — дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Чубаловъ на рѣчи Смолокурова. — Воля ваша, а завтрашняго числа уплатить не могу.

— Льготныхъ десять дней положатъ, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Не то что черезъ десять, черезъ тридцать не въ силахъ буду расплатиться... — склонивъ голову, сказалъ на то Чубаловъ. — Помилосердуйте, Марко Данилычъ, явите божескую милость, потерпите до Макарьевской.

— Не могу, любезный, видитъ Богъ, не могу, — отвѣчалъ Смолокуровъ.

— Вся воля ваша, а я не заплачу, — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Чубаловъ и хотѣлъ-было ѣхать со двора. Смолокуровъ остановилъ его.

— Какъ же такъ? — вскрикнулъ онъ. — Нешто забылъ пословицу: «умѣлъ взять, умѣй и отдать»?.. Нельзя такъ, любезнѣйшій!.. Торгуешься — крѣпись, а какъ деньги платить, такъ плати, хоть топись. У насъ такъ водится, почтеннѣйшій, на этомъ вся торговля стоитъ... Да полно шутки-то шутить, Герасимъ Силычъ!.. Знаю вѣдь я, что ты при деньгахъ, знаю, что завтра привезешь мнѣ должокъ!.. Пріѣзжай часу въ одиннадцатомъ, разочтемся, да послѣ того пообѣдаемъ вмѣстѣ. Севрюжки, братецъ ты мой, какой мнѣ намедни прислали, да балыковъ — объяденье, пальчики оближешь!.. Завтра съ ботвиньей похлебаемъ. Да смотри, не запоздай, гляди, чтобы мнѣ не голодать, тебя дожидаючись.

— Марко Данилычъ, истинную правду вамъ докладываю, нѣтъ у меня денегъ и достать негдѣ, — со слезами даже въ голосѣ заговорилъ Чубаловъ. — Будьте милосерды, потерпите маленько... Гдѣ-жъ я къ завтраму достану вамъ?.. Помилуйте!

— Нѣтъ, ужъ ты потрудись, пожалуйста. Ежели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, достань гдѣ-нибудь, — рѣшительно сказалъ Смолокуровъ. — Не то, самъ знаешь: дружба дружбой, дѣло дѣломъ. Сердись на меня, не сердись, а ежели завтра не расплатишься, вексележъ-отъ я ко взысканью представлю... Въ Муромъ-отъ тогда, пожалуй, не угодишь, а ежели послѣ десяти дней не расплатишься, такъ и къ Макарью не попадешь.

— Какъ же это я въ Муромъ-отъ не угожу?.. Какъ же это къ Макарью не попаду?.. Экъ что сказалъ!.. — вскрикнулъ сильно взволнованный Чубаловъ.

— Такъ же и не угодишь, — спокойно отвѣтилъ ему Марко Данилычъ. — Не знаешь развѣ, что городской голова и земскій исправникъ оба мнѣ съ руки? И льготнаго срока не станутъ ждать — до десяти дёнъ наложатъ узду... Да. Имѣнье подъ арестъ и тебя подъ арестъ — они, братъ, шутить не любятъ. Ну, да вѣдь это я такъ, къ слову только сказалъ... Этого не случится, до того, я знаю, дѣла ты не доведешь.

Расплатишься завтра, векселекъ получишь обратно, и конецъ всему... Прощай, любезный Герасимъ Силычъ... Пожалуйста, не запоздай, до обѣда бы покончить, да тотчасъ и за ботвинью.

Кончилось дѣло тѣмъ, что Чубаловъ за восемьсотъ рублей отдалъ Марку Данилычу и образа и книги. Разочлись; пятьдесятъ рублей Герасимъ Силычъ долженъ остался. Какъ ни уговаривалъ его Марко Данилычъ остаться обѣдать, какъ ни соблазнялъ севрюжиной и балыкомъ, Чубаловъ не остался и во всю прыть погналъ быстроногую свою кауренькую долой со двора смолокуровскаго.

Глава семнадцатая.

Послѣ холодныхъ дождей, лившихъ до дня Андрея Стратилата, маленько теплынью было-повѣяло: «батюшка югъ на овесъ пустилъ духъ». Но тотчасъ же мученикъ Луппъ «холодокъ послалъ съ губъ» — пошли утренники... Брусника поспѣла, овесъ обронѣлъ *), точи косы хозяинъ — пора жито косить: «Наталья-овсяница къ яри спѣшитъ, а старый Титъ передъ ней бѣжитъ», велитъ мужикамъ одонья вершить, овины топить, новый хлѣбъ молотить **). Много на лету тенетнику, перелетные гуси то и дѣло садятся на землю, скворцы не летятъ на Вырей, значитъ, «бабье лѣто» ***), а можетъ, и цѣлая осень будетъ сухая и ведряная... Зато по тѣмъ же примѣтамъ ранней, студеной зимы надо ждать. Радостью радуется сельщина-деревенщина: и озими въ мѣру поднимутся и хлѣбъ молотить сподручно будетъ. А будетъ озимь высока, тò овечкамъ въ честь, погонятъ ихъ въ поле на лакому кормежку, и отравятъ °) овечки зеленя °°), чтобы въ трубку онѣ не пошли.

По городамъ, тѣмъ паче на временномъ Макарьевскомъ торжищѣ, иныя людямъ въ ту пору заботы. Торгъ къ концу подходитъ: кто барыши, кто убытки смекаетъ. Оптовые сводятъ

---

*) Народныя примѣты и повѣрья. Андрея Стратилата 19-го августа, св. Луппа 23-го августа. *Обронить* — осыпаться, говоря о хлѣбныхъ зернахъ.

**) Наталья-овсяница 26-го августа, апостола Тита наканунѣ ея памяти — 25 августа.

***) Народныя повѣрья. *Вырей* или *Вирей* — сказочная страна, волшебное за моремъ царство въ теплыхъ краяхъ, туда на зиму улетаетъ вся перелетная птица, а съ *Воздвиженья* (14-го сентября) змѣи и другіе гады *двигаются*. Туда-жъ бѣжитъ и всякій звѣрь отъ злого лѣшаго цѣлыми стаями, косяками. *Бабье лѣто* съ 1-го по 8-е сентября.

°) Съѣдятъ траву озими.

°°) *Зеленя* — осенняя озимь.

счеты съ розничными; розничные платятъ старые долги, дѣлаютъ новые заборы. Сидя съ вѣрителями за чаемъ по трактирамъ, всячески они передъ ними угодничаютъ, желая цѣнъ подешевле, отпуска побольше, сроковъ уплаты подольше. Платежи да полученья у всѣхъ въ головѣ, вездѣ только и рѣчи о нихъ. Придетъ двадцать пятое августа, отпоютъ у флаговъ молебенъ, спустятъ ихъ въ знакъ окончанія вольнаго торга, и съ той минуты уплатъ начнутъ требовать, а до тѣхъ поръ никто не смѣй долга спрашивать, ежели на векселѣ глухо написано: «быть платежу у Макарья»... Съ того дня по всей ярманкѣ бѣготня и суетня начинаются. Кто не успѣлъ старыхъ долговъ получить или не сдѣлался какъ-нибудь иначе съ должникомъ, тотъ разсылаетъ надежныхъ людей по всѣмъ пристанямъ, по всѣмъ выѣздамъ, не навострилъ бы тотъ лыжи тайкомъ. Скроется — пиши долгъ на двери, а получка въ Твери. Глядишь, черезъ мѣсяцъ, черезъ другой несостоятельнымъ объявится, а расплатится развѣ на томъ свѣтѣ калеными угольями.

Суетня кипитъ по всей ярманкѣ. Разъѣзжаться начинаютъ. Съ каждымъ днемъ закрытыхъ лавокъ больше и больше. Въ соборѣ съ утра до вечера передъ сверкающей алмазами иконой Макарія Желтоводскаго одинъ торговецъ за другимъ молебны служатъ благодарные и въ путь шествующимъ. Тепло и усердно молится людъ православный передъ ликомъ небеснаго покровителя ярманки. Тихо раздаются подъ сводами громаднаго храма возгласы священника и пѣніе причетниковъ, а въ раскрытыя двери иные тогда звуки несутся: звуки бубновъ, арфъ и роговъ, пьяные клики, завыванья цыганъ, громкія пѣсни арфистокъ и другихъ торгующихъ собою женщинъ... Рядомъ съ соборомъ за узкимъ каналомъ стоитъ громадный храмъ сатанѣ. Самый наглый, самый открытый, во всемъ христіанствѣ безпримѣрный развратъ царитъ тамъ. Царитъ онъ теперь и на всей ярманкѣ. Каждый почти трактиръ, каждая гостиница съ неизбѣжными арфистками обращены въ дома терпимости. Но главный храмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ русскимъ благочестіемъ, поставленъ почти рядомъ съ храмомъ Бога живого, чтобъ кликомъ своимъ заглушать молитвенныя пѣснопѣнія. Какія чувства должны возбуждаться въ душѣ твердыхъ еще въ православномъ благочестіи людей, когда, стоя на молитвѣ, слышатъ они, какъ церковное пѣніе заглушается кликами и пѣснями пьянаго разгула!.. А еще дивятся, отчего вкругъ ярманки расколъ въ послѣдніе годы усилился. Какъ ему не усилиться при видѣ такого безобразія, такого поруганія православной святыни? Сколько разъ купечество

жаловалось на такіе постыдные порядки, сколько разъ составляло о томъ приговоры. На все одинъ отвѣтъ—глубокое молчанье...

Въ два и въ три ряда, чуть не на каждомъ шагу затрудняя движенье городскихъ экипажей и пѣшеходовъ, по улицамъ, ведущимъ къ рѣчнымъ пристанямъ и городскимъ выѣздамъ, тянутся нескончаемые обозы грузныхъ возовъ. По всѣмъ рядамъ татары въ пропитанныхъ саломъ и дегтемъ холщевыхъ рубахахъ, съ бѣлыми валеными шляпами на головахъ, спѣшно укладываютъ товары, зашиваютъ въ рогожи ящики, уставляютъ ихъ на телѣги. «Купецкіе молодцы» снуютъ взадъ и впередъ съ озабоченными лицами, а хозяева либо старшіе приказчики, усѣвшись на деревянныхъ, окрашенныхъ сажей стульяхъ, съ сидѣньемъ изъ болотнаго камыша *), или прислонясь спиной къ дверной притолокѣ, глубокомысленно, преважно, съ сознаніемъ самодостоинства, поглядываютъ на укладку товаровъ и лишь изрѣдка двумя-тремя отрывистыми словами отдаютъ татарамъ приказанья. Крики извозчиковъ, звонъ разнозвучныхъ булхарей **), гормотухъ, гремковъ и бубенчиковъ, навязанныхъ на лошадиную сбрую, стукъ колесъ о булыжную мостовую, стукъ заколачиваемыхъ ящиковъ, стукотня татаръ, выбивающихъ палками пыль изъ овчинъ и мѣховъ, шумъ, гамъ, пьяный хохотъ, крупная ругань, пискъ шарманокъ, дикіе клики трактирныхъ цыганъ и арфистокъ, свистки пароходовъ, несмолкающій нестройный звонъ въ колокольномъ ряду и множество иныхъ разнообразныхъ звуковъ слышатся всюду и далеко разносятся по водному раздолью рѣкъ, по горамъ и по гладкимъ, зеленымъ окрестностямъ ярманки. Все торопится, все суетится, кричитъ во всю мочь, кто съ толкомъ, кто безъ толку. Дѣло кипитъ, льетъ черезъ край...

Въ томъ году, по веснѣ, у Марка Данилыча несчастье случилось. Пришла Пасха, и наемный людъ, что̀ работалъ у него на прядильняхъ и рубилъ суда, получивъ расчетъ въ Великій четвергъ, разошелся на праздникъ по своимъ деревнямъ; остались лишь трое, родомъ дальніе; на короткую побывку не съ руки было имъ идти. Дождались они Свѣтлаго праздника, помолились, похристосовались, разговѣлись, какъ слѣдуетъ, да съ перваго же дня и закурили вплоть до Ѳоминой. Они бы и

*) Ситнякъ, рогоза, куга — Typha latifolia, — болотное круглолистное безстебельное растеніе, идетъ на оплетъ самыхъ простыхъ стульевъ. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ мордва дѣлаетъ черные деревянные стулья съ сидѣньемъ изъ рогозы. Въ Нижегородской губерніи словъ: *ситнякъ, рогоза, куга* не знаютъ, говорятъ: *камышъ*.

**) *Булхаръ* — большой бубенчикъ въ кулакъ величиной, *гормотуха* (въ Нижегородской и Пензенской губерніи) то же, что̀ *глухарь* — большой бубенчикъ съ глухимъ звономъ, *гремокъ* — бубенчикъ съ рѣзкимъ звукомъ.

въ Ѳоминъ понедѣльникъ опохмелились и Радуницу къ похмелью, пожалуй, прихватили бы, да случилось, что вовсе пить перестали. Въ самую полночь съ Ѳомина воскресенья на похмельный понедѣльникъ загорѣлась изба, гдѣ они жили... Отъ той избы занялась другая, третья, и къ утру ото всѣхъ строеній, что̀ ставлены были у Марка Данилыча для рабочихъ, только угли да головешки остались. Отчего загорѣлось, никто не зналъ. Сказали бы, можетъ-быть, тѣ трое дальнихъ, что̀ въ полной радости Святую провели, да отъ нихъ остались однѣ только обгорѣлыя косточки. Больше недѣли бѣсновался Марко Данилычъ, отыскивая виноватыхъ, метался на всѣхъ, кто ни навертывался ему на глаза, даже на тѣхъ, что̀ во время пожара по своимъ деревнямъ праздничную гульбу доканчивали. Дѣло весеннее, лѣто на дворѣ, изъ разнаго никуда негоднаго хлама сколотили на живую руку два большихъ балагана, чтобы жить въ нихъ рабочимъ до осени. Съ Петрова дня, воротясь изъ Саратова, Марко Данилычъ принялся за стройку новыхъ строеній: одно ставилъ для прядильщиковъ, другое для дѣльщиковъ *), третье для лѣсопиловъ и плотниковъ, что̀ по зимамъ рубили у него кусовыя лодки, бударки и реюшки **). Больше чѣмъ на сотню человѣкъ поставилъ онъ строеній. Въ трехъ связяхъ было двѣнадцать большихъ зимнихъ избъ, да кромѣ того на чердакахъ шесть лѣтнихъ свѣтелокъ. Лѣсъ свой, плотники свои, работа закипѣла, а къ концу ярманки и къ концу подошла.

Получилъ Марко Данилычъ изъ дома извѣстье, что плотничная работа и вчернѣ и вбѣлѣ кончена, печи сложены, окна вставлены, столы и скамьи поставлены, посуда деревянная и глиняная заготовлена — можно бы и переходить на новоселье, да дѣло стало за хозяиномъ. Писавшій письмо приказчикъ упомянулъ, что въ одномъ только недостача — Божьяго милосердія нѣтъ, потому и спрашивалъ, не послать ли въ Холуй ***) къ тамошнимъ богомазамъ за святыми иконами, али, можетъ статься, самъ Марко Данилычъ вздумаетъ на ярманкѣ иконъ намѣнять ****), сколько требуется. Марко Данилычъ рѣ-

*) *Дѣль* — толстая пеньковая нитка для неводовъ. Бываетъ четырехъ сортовъ: одноперстникъ, для ячей въ палецъ, двухперстникъ, трехперстникъ и ладонникъ, т.-е. для ячей въ ладонь. Дѣлью называется также часть сѣти въ восемь саженъ длины и въ полтора аршина ширины. *Дѣльщикъ* — работающій дѣль.

**) Суда для рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ.

***) Холуй — село Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи; тамошніе крестьяне промышляютъ иконописаніемъ.

****) Никогда не говорится: *купить* или *продать* образъ, вмѣсто того употребляется слово: *вымѣнять*.

шилъ, что на ярманкѣ это сдѣлать удобнѣе и къ тому и дешевле... Опять же и то было на умѣ, что самъ-отъ выберетъ иконы, какія ему полюбятся. И сталъ онъ смекать, сколько Божьяго милосердія въ новыя избы потребуется. «Двѣнадцать избъ да шесть свѣтелокъ — выходитъ восемнадцать божницъ,— высчитывалъ онъ:—меньше пятка образовъ на каждую божницу нельзя — это выходитъ девяносто иконъ... Вонъ какая прорва, прости Господи!.. Безъ малаго сотня. А безпремѣнно надо, чтобы каждая божница виднѣе да казистѣй глядѣла, потому и придется образовъ покрупнѣй намѣнять. Да по мѣдному кресту на кажду божницу да по мѣднымъ складнямъ... Пелены подъ божницы справить надобно — полторы дюжины будничныхъ, полторы дюжины праздничныхъ. Ситцу надо купить — бабы да дѣвки пелены-то дома сошьютъ. «Псалтырей» съ «Часословами» надо, кадильницъ ручныхъ — на праздникахъ покадить... Полсотней рублей не отдѣлаешься — вонъ оно каково!.. А мѣнять не въ Иконномъ ряду, тамъ дорого — у подфурниковъ надо будетъ вымѣнять либо у старинщиковъ» *).

И тутъ вспалъ ему на память Чубаловъ. «Самое распрекрасное дѣло,—подумалъ Марко Данилычъ.—Онъ же мнѣ долженъ остался по векселю, пущай товаромъ расплатится — на все возьму, сколько за нимъ ни осталось. Можно будетъ взять у него иконъ повальяжнѣй да показистѣе. А у него же въ лавкѣ и образа, и книги, и мѣдное литье, и всякая другая нужная вещь».

Когда такъ размышлялъ Смолокуровъ, вошелъ къ нему Василій Ѳаддеевъ. Добрыя вѣсти онъ принесъ: пріѣхали на караванъ покупатели, остапный товаръ хотятъ весь дочиста покупать. Марко Данилычъ тотчасъ поѣхалъ на Гребновскую, а Василію Ѳаддееву наказалъ идти на ярманку и разузнать, въ коемъ мѣстѣ иконами торгуетъ Герасимъ Силычъ Чубаловъ.

На другой день Марко Данилычъ пошелъ разыскивать лавку Чубалова. Дѣло было не къ спѣху, торопиться не къ чему, потому онъ и не взялъ извозчика, пошелъ на своихъ на двоихъ. Кстати же послѣ бывшей наканунѣ въ рыбномъ трактирѣ крѣпкой погулки захотѣлось ему пройтись, маленько бы ноги промять да просвѣжить похмельную головушку. Идетъ по мосту Марко Данилычъ; тянутся обозы въ четыре ряда, по бокамъ гурьбами пѣшеходы идутъ — всѣ куда-то спѣшатъ, торопятся, чуть не лѣзутъ другъ на друга. Звонкій топотъ лошадиныхъ копытъ по дощатому полотну моста, гулъ колесъ, свистъ пароходовъ,

*) Подфурниками зовутъ въ Холуѣ тѣхъ иконописцевъ, что поддѣлываютъ иконы подъ старинныя. Старинщиками—торговцевъ всякими старинными вещами.

крики бурлаковъ и громкій говоръ разноязычной, разноплеменной толпы нестерпимо раздираетъ уши Смолокурова. Начинаетъ онъ понемножку серчать, но не на комъ сердце сорвать, а это пуще всего раздражаетъ Марка Данилыча. Перебрался онъ кой-какъ черезъ мостъ, пришелъ въ ярманку, а тутъ, передъ самымъ желѣзнымъ домомъ биржи, вся улица кипитъ сплошной, густой толпой судорабочихъ, собравшихся туда въ ожиданьи найма на суда. Въ тѣснотѣ и давкѣ середь грязной бурлацкой толпы пришлось Марку Данилычу усердно поработать и локтями и кулаками, чтобы какъ-нибудь протолкаться сквозь безшабашное сходбище... Не обошлось безъ того, чтобъ и самому толчковъ не надавали. Только-что успѣлъ онъ выдраться изъ кучи оборванцевъ, какъ пришлось стать на мѣстѣ: нагруженные воза и десятки порожнихъ роспусковъ на поворотѣ къ шоссейной дорогѣ столпились, перепутались, и не стало тутъ ни ѣзды ни ходу. Крики, ругательства... Дѣло дошло и до драки встрѣчныхъ извозчиковъ. Охочи бурлаки до сшибокъ, и ежели самимъ не съ руки подраться да поругаться, такъ бы хоть на другихъ полюбоваться. И вотъ цѣлой ватагой, человѣкъ въ сотню, съ гамомъ, со свистомъ и неистовымъ хохотомъ кинулись они отъ желѣзнаго дома и смяли все, что̀ ни попалось имъ на пути. Тѣмъ только и спасся Марко Данилычъ, что во̀-время вскочилъ на паперть возлѣ стоящей Печерской часовни, иначе бы плохо пришлось ему. Гнѣвомъ и злобой кипѣлъ онъ на всѣхъ: и на бурлаковъ, и на извозчиковъ, и на полицію за то, что ея не видно, и на медленнымъ шагомъ разъѣзжавшихъ казаковъ, что̀ пытаются только криками смирить головорѣзовъ — нѣтъ чтобы нагайкой хорошенько поработать ради тишины и всеобщаго благочинія... Насилу дождался Марко Данилычъ, когда улеглась сумятица, освободился проѣздъ, бурлаки воротились къ желѣзному дому, и стало ему удобно выбраться на шоссейную дорогу. Но и тамъ — только-что завернулъ за уголъ и чиннымъ, степеннымъ шагомъ пошелъ вдоль сундучнаго ряда, отколь ни возьмись нищія бабенки съ хныканьемъ, съ причитаньями стали приставать къ нему, прося на погорѣлое мѣсто. Съ одного взгляда на нихъ Марко Данилычъ догадался, что ихъ погорѣлое мѣсто — въ кабакѣ. Съ рѣзкой руганью онъ отказалъ имъ. Нахальныя, безотвязныя бабы тѣмъ не унялись; не отставали отъ угрюмаго купчины, шли за нимъ по пятамъ и пуще прежняго канючили о копеечкахъ. Это опять вскипятило успокоившагося-было Смолокурова... Наконецъ-то кой-какъ освободился онъ отъ пьяныхъ бабенокъ, но вдругъ передъ нимъ разбитной мальчуганъ съ дерзкимъ

взглядомъ, съ отъявленнымъ нахальствомъ во всей своей повадкѣ. Сталъ поперекъ дороги и, повертывая лоткомъ передъ Маркомъ Данилычемъ, кричитъ во всю мочь звонкимъ голосомъ:

— А вотъ пирожки, пирожки! Горячи, горячи, съ мачкомъ, съ лучкомъ, съ перечкомъ.

— Убирайся, пока цѣлъ!..—сердито крикнулъ на него Марко Данилычъ.

Голосистый мальчишка не унялся, вьюномъ вертится передъ Смолокуровымъ и, не давая ему дороги, во все горло выкрикиваетъ свои причеты:

— Горячи, горячи!.. Съ пылу, съ жару горяченькіе!..

— Пошелъ прочь, щенокъ!—сердито крикнулъ Марко Данилычъ, поднимая надъ нимъ камышевую трость.

Но пирожникъ не робкаго десятка былъ, не струсилъ угрозъ и пуще прежняго вертѣлся передъ Смолокуровымъ, чуть не задѣвая его лоткомъ и выкрикивая:

— Пирожки горячи! Купецъ рѣжь, купецъ ѣшь... Жуй, берегись—пирожкомъ не обожгись. Купи, купецъ, не скупись, не то камнемъ подавись!

Кой-кто изъ проходившихъ остановился поглазѣть на даровую «камедь». Хохотомъ ободряли прохожіе пирожника... и это совсѣмъ взбѣсило Марка Данилыча. Къ счастью, городовой, считавшій до тѣхъ поръ воронъ на другой сторонѣ улицы, сталъ переходить дорогу, замѣтивъ ухмылявшуюся ему востроглазую дѣвчонку, должно-быть, коротко знакомую со внутренней стражей.

— А городового хочешь?—крикнулъ Смолокуровъ мальчишкѣ, указывая на охранителя благочинія.

Пирожникъ высунулъ языкъ, свистнулъ какимъ-то необычнымъ, оглушительнымъ свистомъ и проворно юркнулъ въ толпу, много потише выкрикивая:

— А вотъ горячи, горячи—ѣлъ ихъ подьячій! Съ пылу, съ жару—ѣлъ баринъ поджарый! Съ горохомъ, съ бобами—ѣлъ дьяконъ съ попами!

Запыхался даже Марко Данилычъ. Одышка стала одолѣвать его отъ тѣсноты и досады. Струями выступилъ потъ на гнѣвномъ, раскраснѣвшемся лицѣ его. И только-что маленько-было онъ поуспокоился, другой мальчишка съ лоткомъ въ рукахъ прямо на него лѣзетъ.

— Свѣчи сальны, свѣтильны бумажны, горятъ ясно, оченно прекрасно!—распѣваетъ онъ во все горло рѣзкимъ голосомъ.

Этотъ не пристаетъ по крайней мѣрѣ, не вертится съ моткомъ, и за то спасибо. Прокричалъ свое и къ сторонкѣ. Но

только-что избавился отъ него Марко Данилычъ, яблочница стала наступать на него. Во всю мочь кричитъ визгливымъ голосомъ:

— Садовыя. медовыя, наливчатыя, разсыпчатыя, гладкія, сладкія, съ кваскомъ съ маленькимъ!..

А тутъ еще на каждомъ шагу мальчишки-зазывалки то и дѣло въ лавки къ себѣ заманиваютъ, чуть не за полы проходящихъ хватаютъ, да такъ и трещать подъ ухо:—«Что̀ покупать изволите? У насъ есть сапоги, калоши, ботинки хороши, товаръ петербургскій, самый настоящій аглицкій!..» На этихъ Марко Данилычъ ужъ не обращалъ вниманья, радехонекъ былъ, что хоть отъ нищихъ, отъ яблочницъ да отъ пирожниковъ отдѣлался... Эхъ, было бы надъ кѣмъ сердце сорвать!..

Дошелъ наконецъ до платочныхъ рядовъ, тамъ посвободнѣе вздохнулъ и маленько поуспокоился. Отыскалъ по скорости и лавку Чубалова.

Между шоссейной дорогой, обстроенной съ обѣихъ сторонъ рядами лавокъ, и песчанымъ берегомъ Оки, до послѣдняго большого на ярманкѣ пожара *) тянулись въ три порядка тѣсные, неказистые, деревянные, гдѣ драпью, гдѣ лубомъ крытые платочные ряды. Тамъ въ непомѣрной тѣснотѣ, въ непролазной грязи во время ненастья, въ непроглядныхъ тучахъ пыли во время вѣтра при сухой погодѣ, издавна вели розничный торгъ краснымъ товаромъ вязниковскіе и ковровскіе офени, ходебщики, коробейники и тѣ краснорядцы, что̀ вѣкъ свой разъѣзжаютъ со своимъ всегда ходкимъ товаромъ по деревенскимъ ярманкамъ и по сельскимъ базарамъ. Круглый годъ странствуя по угламъ и уголкамъ Россіи, каждый августъ съѣзжаются они къ Макарью для расплаты съ фабрикантами и оптовыми торговцами и для забора въ долгъ новыхъ товаровъ. Больше бабы сидѣли въ старыхъ платочныхъ рядахъ; мужья, сыновья ихъ и братья съ утра до ночи снуютъ, бывало, по ярманкѣ, отыскивая неисправныхъ должниковъ либо приглядываясь къ свѣжимъ товарамъ и условливаясь съ оптовыми торговцами насчетъ будущихъ цѣнъ и сроковъ платежа. Тамъ, въ платочныхъ рядахъ, было нѣсколько лавокъ и не съ краснымъ товаромъ: въ иной воскомъ торговали, въ другой мерлушками, въ третьей игольнымъ товаромъ. Была одна лавка съ иконами и со всякаго рода стариной. Торговалъ въ ней Герасимъ Силычъ Чубаловъ.

Въ его лавкѣ всѣ полки были уставлены книгами и увѣшаны образами, мѣдными крестами и пучками кожаныхъ

---

*) Въ 1861 году.

лѣстовокъ заволжской семеновской *) работы. Болѣе рѣдкія вещи и древняя утварь церковная и хоромная хранились въ палаткѣ наверху. Тамъ же старинщики обыкновенно держали раскольничьи бумажные вѣнчики, что̀ полагаются на покойниковъ, разрѣшительныя молитвы, что̀ кладутся имъ въ руку во время отпѣванья, и вышедшія изъ однѣхъ съ ними подпольныхъ типографій «Скитскія покаянія», «Соловецкія челобитныя» **), буквари и другія книги, въ большомъ количествѣ расходящіяся между старообрядцами. Въ палаткахъ держали также рукописные «Цвѣтники», «Сборники», «Челобитныя», «Отвѣты» и другія сочиненія, писанныя расколоучителями ***). Все это товаръ продажный, но завѣтный... Не всякому старинщикъ его покажетъ. До тѣхъ поръ не покажетъ, пока не убѣдится, что отъ покупателя подвоха не будетъ. Только избраннымъ, надежнымъ людямъ, что̀ сору изъ избы не выносятъ, у старинщика все открыто. При незнакомыхъ онъ съ самымъ близкимъ человѣкомъ слова напрямки не скажетъ, а все обинякомъ либо по-офенски ****).

Придетъ покупатель, лавка полнымъ-полнешенька народомъ, десятка полтора человѣкъ сидятъ въ ней по скамейкамъ,

---

*) Работаютъ ихъ въ заволжскомъ раскольничьемъ городѣ Семеновѣ, Нижегородской губерніи.

**) *Скитское покаяніе*», гдѣ есть «чинъ како самому себѣ исповѣдати», во множествѣ распространено между раскольниками Спасова согласья—что̀ сами передъ Спасовымъ образомъ исповѣдуются. Спасово согласье утверждаетъ, будто «Скитское покаяніе» составлено апостоломъ Павломъ, передано имъ ученику его Діонисію Ареопагиту, отъ него дошло до Іоанна Дамаскина, а отъ него и до раскольниковъ. Скоропечатныхъ «Скитскихъ покаяній» не было. Первыя два изданія 1787 и 1789 гг. печатаны въ Супраслѣ, потомъ тайно печатались въ Клинцахъ подъ видомъ почаевскихъ, а теперь печатаются по разнымъ мѣстамъ, особливо въ Гжатскомъ уѣздѣ. «Соловецкая челобитная» находится въ печатномъ сборникѣ, начинающемся «Исторіей о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ». Мѣста печатанія не означено, но шрифты клинцовскіе, а фабрикантскіе знаки въ бумагѣ 1787 и 1789. Есть и позднѣе, но рѣдко.

***) «Отвѣты»: Діаконовы или Керженскіе, Поморскіе, Ѳомина, Егора Гаврилова, Пѣшехонова, Никодимовы. «Челобитныя»: Соловецкая, старца Авраамія, Лазаря, Саввы Романова и пр.

****) Искусственный языкъ, употребляемый офенями (ходебщиками, разносчиками). Онъ называется также *ламанскимъ*. Составленъ изъ переиначенныхъ русскихъ словъ, не полонъ, ограничивается словами самыми нужными для быта ходебщиковъ. Грамматика русская. Есть у насъ еще такіе же искусственные языки: *галивонскій* въ Галичѣ, въ Нерехотскомъ и другихъ уѣздахъ Костромской губерніи, *матрайскій* въ Муромскомъ уѣздѣ и подъ Арзамасомъ въ селѣ Красномъ, *кантюжный* — воровской языкъ въ Рязанской, Московской и Тверской губерніяхъ, языкъ ковровскихъ шерстобитовъ, петербургскихъ мазуриковъ *(байковый)*. Всѣ эти языки изъ переиначенныхъ или придуманныхъ словъ съ русской грамматикой и всѣ до одного въ ходу у раскольниковъ той или другой стороны.

либо стоятъ у прилавка, внимательно разсматривая въ книгахъ каждую страницу. Сниметъ вошедшій картузъ, всѣмъ общимъ поклономъ поклонится, а хозяину отдѣльно да пониже всѣхъ, скажетъ ему «здравствуйте». Тотъ ему тѣмъ же отвѣтитъ, и другіе, кто въ лавкѣ случится, тоже поклонятся. Замолчитъ потомъ новый покупатель и зачнетъ внимательно разглядывать какую-нибудь книгу, разсматриваетъ ее долго, а потомъ, положивъ ее на мѣсто, молвитъ хозяину:

— Ну, что̀ скажете?

— А что̀ спросите?—въ свою очередь задастъ ему вопросъ хозяинъ.

— Чать знаешь что̀?

— Мало ли что̀ я знаю?

— Оно конечно, что̀ знаешь, того и знать не хочется,— молвитъ покупатель.

— Вѣрны ваши рѣчи: что̀ извѣстно, то не лестно,—отвѣтитъ старинщикъ.

— Такъ-то оно такъ, а все-же-таки поспрошу я у васъ.

— Спрашивайте. Убытковъ отъ того ни вамъ ни намъ не будетъ.

— Да вотъ въ путь-дорогу сряжаюсь, такъ не знаю, гдѣ бы здѣсь у Макарья шапчонку на голову купить—да въ руку подожокъ.

— Шапку въ шляпномъ ряду найдете, вотъ что̀ рядомъ съ почтой стоитъ, а палочку подъ Главнымъ Домомъ можно сыскать, а ежели подешевле желаете, такъ въ щепяномъ ряду поищите.

Хозяинъ ужъ смекнулъ, про какую шапчонку и про какой подожокъ его спрашиваютъ. Пошлетъ онъ знакомаго покупателя по шляпнымъ да по щепянымъ рядамъ только тогда, когда въ лавкѣ есть люди ненадежные, а то безъ всякихъ разговоровъ поведетъ его прямо въ палатку и тамъ продастъ ему, сколько надо, вѣнчиковъ, то-есть шапчонокъ, и разрѣшительныхъ молитвъ—подожковъ.

Не то прибѣжитъ въ лавку, ровно съ цѣпи сорвавшись, какой-нибудь паренекъ и, ни съ кѣмъ не здороваясь, никому не поклонясь, кликнетъ хозяину:

— Хлябышь въ дудоргу хандырить пельмиги шишлять?..

И хозяинъ вдругъ встревожится, бросится въ палатку и почнетъ тамъ наскоро подальше прибирать, что̀ не всякому можно показывать. Кто понялъ рѣчи прибѣжавшаго паренька, тотъ, ни слова не молвивъ, сейчасъ же изъ лавки вонъ. Тутъ и другіе смекнутъ, что чѣмъ-то нездоровымъ запахло—тоже изъ лавки вонъ. Сколько бы кто ни учился, сколько бы ни зналъ

языковъ, ежели онъ не офеня или не раскольникъ, ни за что не поймѣтъ, чѣмъ паренекъ такъ напугалъ хозяина. А это онъ ему по-офенски вскричалъ: «начальство въ лавку идетъ бумаги читать».

Запретными вещами Чубаловъ не торговалъ, терпѣть того не могъ, однакоже и на его долю порой выпадали немалыя хлопоты по невѣжеству надзирающихъ за торговлей скоропечатными и рукописными книгами. Разъ большіе убытки онъ понесъ на Сборной ярмаркѣ въ Симбирскѣ — попы да полиція горячо нагрѣли тамъ карманъ Герасиму Силычу... Невѣжество надзирающихъ за продажей старинныхъ книгъ совсѣмъ почти подорвало столь важную для русской науки торговлю старинщиковъ. Не строгость, а безтолковость надзора за той продажей возмутительна. Подвергаемые непріятностямъ и убыткамъ, торговцы стариной поневолѣ бросаютъ ее и прекращаютъ поиски по глухимъ захолустьямъ за скрывающимися отъ взоровъ науки сокровищами. Памятники старины между тѣмъ гніютъ въ сырыхъ подвалахъ либо горятъ въ пожарахъ, обычно опустошающихъ наши города и деревни. Печатныя книги еще не такъ много гибнутъ, — у нихъ два только врага: сырость да огонь, но рукописи, даже и не церковнаго содержанія, то и дѣло губятся еще болѣе сильнымъ врагомъ — невѣжествомъ надзирающихъ.

Глава восемнадцатая.

Когда Марко Данилычъ вошелъ въ лавку къ Чубалову, она была полна-полнехонька. Кто книги читалъ, кто иконы разглядывалъ, въ трехъ мѣстахъ шелъ живой торгъ; въ одномъ углу торговалъ Ермоланчъ, въ другомъ Иванушка, за прилавкомъ самъ Герасимъ Силычъ. Въ сторонкѣ, въ тѣсную кучку столпясь, стояло человѣкъ восемь, повидимому, изъ мѣщанъ или небогатыхъ купцовъ. Двое, одинъ сѣдой, другой — борода еще не опушилась, горячо спорили отъ писанія, а другіе внимательно прислушивались къ ихъ словамъ и лишь изрѣдка выступали со своими замѣчаніями.

Чуть-чуть приподнявши картузъ и поклонясь общимъ поклономъ, привѣтствовалъ всѣхъ Смолокуровъ, сквозь зубы процѣдивши чуть слышно: «здравствуйте!». Всѣ поклонились ему, и затѣмъ, слова не молвивши, каждый принялся за свое дѣло. Чубаловъ вышелъ изъ-за прилавка, попросилъ сидѣвшихъ на скамейкѣ потѣсниться, обмахнулъ полой мѣстечко для Марка Данилыча и заботливо усадилъ его.

— А я къ тебѣ, Герасимъ Силычъ, по дѣльцу, — немного помолчавъ, промолвилъ Марко Данилычъ.

— Чтó вашей милости требуется? — сухо отозвался Чубаловъ, вспомянувъ про Марка евангелиста да про Евдокію преподобно-мученицу. Послѣ продажи тѣхъ иконъ онъ еще впервые видѣлъ земляка и сосѣда любезнаго.

— Надобно бы у мнѣ у тебя, другъ любезный, кой-какого Божьяго милосердія вымѣнять, — сказалъ Смолокуровъ.

— Какихъ угодно будетъ вамъ? — маленько хмурясь, спросилъ у него Чубаловъ. — Хорошія иконы у меня въ палаткѣ, туда не угодно ли?

И сталъ-было расчищать дорогу почетному, но не совсѣмъ пріятному покупателю.

— Не надо, не трудись, — не трогаясь съ мѣста, молвилъ Марко Данилычъ. — Неважныхъ мнѣ надобно, такихъ, чтобы только можно было въ красный уголъ поставить. Холуйскихъ давай, да сортомъ пониже, лишь бы по отеческому преданію были написаны, да не было-бъ малаксы *) на нихъ.

— Съ малаксой иконъ у насъ въ заводѣ не бывало, — сказалъ на то Чубаловъ. — Имѣемъ только писанныя согласно съ древними подлинниками **). Съ малаксой и въ лавку не внесемъ.

— Это ты хорошо говоришь, то-есть какъ надо по-божески, благочестиво, — важно промолвилъ на то Марко Данилычъ. — Только не знаю я, подберешь ли все, чтó надобится. Немало вѣдь требуется и все почитай одинакихъ.

— Подберемъ сколько угодно, — отозвался Чубаловъ. — Ежели у меня не достанетъ, у Холуйскихъ доспѣемъ. Сегодня же все готово будетъ.

— Ладно, — сказалъ Марко Данилычъ и, вынувъ изъ бумажника памятцу ***), продолжалъ свои рѣчи: — Извѣстно тебѣ, что послѣ Божья посѣщенія сызнова я построился. Двѣ связи рабочимъ, чтобы всѣхъ ихъ въ дугу скрючило, поставилъ... Все теперь начисто отдѣлано, какъ съ ярманки пріѣду, такъ и переведу ихъ подлецовъ на новоселье. Къ тому вре-

---

*) Именословное сложеніе перстовъ для благословенія. Раскольники называютъ его малаксой, потому что въ концѣ первой части «Скрижали» (стр. 717) патріархъ Никонъ напечаталъ: «Николая священнаго Малакса протопопа Навплійскаго о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки священника внегда благословити ему христоименитые люди». Первый, пустившій въ ходъ названіе именословнаго перстосложенія малаксой, былъ протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ по времени расколоучителей.

**) Рукописи съ рисунками образцовъ, по которымъ пишутся иконы, и наставленія, какъ ихъ писать. Взяты съ греческаго. Древнѣйшій греческій подлинникъ Діонисія изданъ въ 1845 году въ Парижѣ Дидрономъ подъ заглавіемъ: «*Manuel d'iconographie chrétienne*», но безъ рисунковъ. Paris 1845.

***) *Памятца* — записка для памяти, памятная книжка.

меня и требуется мнѣ Божьяго милосердія. Надо въ кажду избу и въ кажду свѣтлицу иконы поставить. А зимнихъ-то избъ у меня двѣнадцать поставлено да шесть лѣтнихъ свѣтлицъ. На кажду надо иконъ по шести. Выходитъ безъ четырехъ цѣлу сотню... Понимаешь? Цѣлую сотню иконъ мнѣ требуется да десятка съ два литыхъ мѣдныхъ крестовъ, да столько же мѣдныхъ складней. Да на кажду избу и на кажду свѣтелку по «часослову», да на всѣхъ съ десятокъ «псалтырей»... Нечего дѣлать, надо изубытчиться: пущай рабочіе лучше Богу молятся да божественныя книги по праздникамъ читаютъ, чѣмъ пьянствовать да баловаться. У меня же грамотныхъ изъ нихъ достаточно — пущай ихъ читаютъ, авось будутъ посмирнѣе, ежели страхъ-отъ Господень познаютъ... Вотъ по этой запискѣ ты мнѣ и отпусти... Видишь, каковъ я у тебя покупатель?.. Гуртовой... Потому и долженъ ты взять съ меня супротивъ другихъ много дешевле.

— Зачѣмъ съ васъ дорого брать? — молвилъ Чубаловъ. — Кажись бы, за мной того не водилось. Въ убытокъ отдавать случалось, а чтобы лишнее когда взять, на этотъ счетъ будьте спокойны. Сами только не будьте оченно прижимисты.

— Лишняго не передамъ, а что̀ слѣдуетъ, изволь получать до копейки. На этотъ счетъ я со всякимъ моимъ удовольствіемъ... Завсегда каждому готовъ, — важно и напыщенно проговорилъ Марко Данилычъ, спесиво оглядывая по сторонамъ сидѣвшихъ и стоявшихъ.

— Развѣ что такъ, — прищуривъ глазъ и глядя въ лицо Смолокурову, молвилъ Чубаловъ. — А то вѣдь, ежели правду сказать, такъ больно ужъ вы стали прижимисты, Марко Данилычъ.

— Что̀ ты городишь? — громче прежняго заговорилъ Смолокуровъ. — Кто тебѣ такія рѣчи довелъ про меня — наплюй тому въ глаза.

— Не попадешь, Марко Данилычъ, никакъ не изловчишься... Какъ самому себѣ въ глаза можно плюнуть? — усмѣхнулся Чубаловъ.

— Что̀ еще такое загородилъ? — съ досадой молвилъ Марко Данилычъ.

— А Марка-то евангелиста съ Евдокіей забыли?

— То совсѣмъ иное дѣло, — медленно, важно и спокойно промолвилъ Марко Данилычъ. — Былъ тогда у насъ съ тобой не повольный торгъ, а долгу платежъ. Обойди теперь ты всю здѣшнюю ярманку, спроси у кого хочешь, всякъ тебѣ скажетъ, что такъ же бы точно и онъ съ тобой поступилъ, ежели бы до него такое дѣло довелось. Иначе нельзя, другъ любезный, на то коммерція. Понимаешь?

Видитъ Герасимъ Силычъ, что совѣсть у Смолокурова подъ каблукомъ, а стыдъ подъ подошвой, ничего ему въ отвѣтъ не промолвилъ.

— Какихъ же во имя требуется?—спросилъ онъ у Смолокурова.

— Пиши, записывай, — сталъ высчитывать по запискѣ Марко Данилычъ.—Восьмнадцать Спасовъ — какіе найдутся, такихъ и давай: и сѣдницъ, и убрусовъ, и Эммануиловъ *). Богородицъ тоже восьмнадцать, и тоже какія найдутся — все едино... А нѣтъ, постой... отбери ты побольше Неопалимой Купины — знаешь, ради пожарнаго случая. Авось при ней, при Владычицѣ, разбойники опять не подожгутъ у меня работной избы **). Николъ восьмнадцать положь, да подбирай такъ: полдюжину лѣтнихъ, полдюжину зимнихъ, полдюжину главныхъ ***). Останныя три дюжины съ половиной какихъ знаешь, такихъ и клади... Нѣтъ, постой, погоди... Набери ты мнѣ полторы дюжины мученика Вонифатія, для того, что избавляетъ онъ, батюшка, угодникъ святой, отъ виннаго запойства... Въ каждой избѣ, въ каждой свѣтелкѣ по Вонифатію поставлю. Потому народъ нонѣ слабый, какъ за работникомъ ни гляди — безпремѣнно какъ зюзя къ вечеру натянется этого винища. На любого погляди вечеромъ-то — у каждаго языкъ ровно ниткой перевязанъ, чисто говорить не можетъ, а ноги ровно на водѣ, не держатся... Вонъ и тогда, и на Ѳоминой-то, спьяну вѣдь избы-то у меня спалили... И себя, дурачье, не пожалѣли, живьемъ вѣдь сгорѣли, подлецы... Имъ-то теперь ничего, а мнѣ убытки!

— Моисею Мурину отъ виннаго запойства тоже молятся, — вступилъ въ разговоръ Иванушка.

— А я и не зналъ, — молвилъ на то Марко Данилычъ, обращаясь къ Герасиму Силычу. — Вонифатіево житіе знаю, не разъ читывалъ... А Моисею-то Мурину почему молиться велятъ?

— И онъ потому же, — свое продолжалъ Иванушка. — Сказано въ житіи его: «уби четыре овцы — чужія, мяса же добрѣйша изъяде, овчины же на винѣ пропи».

— Вѣрно? — спросилъ Смолокуровъ у Чубалова.

---

*) Термины холуйскихъ иконниковъ: *сѣдница* — Спаситель, сидящій на престолѣ, *убрусъ* — нерукотворенный образъ, *Эммануилъ* — главное или пошейное изображеніе Христа въ отроческомъ возрастѣ.

**) Неопалимой Купинѣ молятся «ради избавленія отъ огненнаго запаленія».

***) Иконники зовутъ образъ св. Николая въ митрѣ — *зимнимъ*, безъ митры — *лѣтнимъ*, пошейный, до плечъ — *главнымъ*.

— Вѣрно, — отвѣтилъ тотъ.

А Иванушка съ полки книгу тащитъ, — отыскалъ въ ней мѣсто и показываетъ Марку Данилычу. Тотъ, прочитавши, примолвилъ:

— Да, это такъ... Вѣрно... Только вправду ли ему молятся отъ виннаго-то запойства?.. Теперь, постой, вотъ что̀ я вспомнилъ: видѣлъ разъ у церковниковъ таблицу такую, напечатана она была, по всѣмъ церквамъ ее разсылали, а на ней «Сказаніе кіимъ святымъ каковыя благодати исцѣленія отъ Бога даны» *). И тамъ точно что напечатано про Моисея Мурина. Только думалъ я, не новшество-ль это Никоново... Какъ по-твоему, Герасимъ Силычъ?

— Какое же тутъ новшество? — возразилъ Чубаловъ. — Изстари ему, угоднику, отъ пьянства молились, еще при первыхъ пяти патріархахъ.

— Такъ ты вотъ что̀ сдѣлай, другъ мой любезный Герасимъ Силычъ, — полгоры-то дюжины отбери мнѣ Вонифатьевъ, а полторы дюжины Моисеевъ — дѣло-то и будетъ ладнѣе.

— Еще чего потребуется? — спросилъ Чубаловъ, записавши заказъ на бумажкѣ.

— Дюжину полницъ **) положь, — молвилъ Марко Данилычъ. — Въ кажду избу по одной, а въ свѣтлицы, пожалуй, и не надо, останну дюжину клади какихъ самъ знаешь... Да ужъ для круглаго счета четыре-то иконы доложь, чтобы сотня сполна была... Да изъ книгъ, сказано тебѣ десятокъ «псалтырей» да полторы дюжины «часослововъ»... Да опричь того полторы дюжины литыхъ крестовъ шестивершковыхъ да полторы дюжины мѣдненькихъ иконъ не больно чтобы мудрящихъ... Кажись, теперь все. Да смотри ты у меня, чтобы въ каждой избѣ и въ каждой свѣтлицѣ хоть по одной подуборной ***), было, клади ужъ, такъ и быть, двѣ дюжины подуборныхъ-то — разница въ деньгахъ будетъ не больно великая... А!.. вотъ еще — не знаешь ли, какому угоднику отъ воровства надо молиться?.. Работники-шельмецы тащма тащутъ пеньку по сторонамъ, углядѣть за ними невозможно. Какъ бы еще по такой иконѣ въ кажду избу и въ кажду свѣтелку, чтобы отъ

---

*) Такія таблицы были разосланы по церквямъ и висѣли въ алтаряхъ на стѣнкѣ. Теперь можно встрѣтить ихъ въ рѣдкой уже сельской церкви. «Сказаніе» это напечатано между прочимъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 года.

**) Такъ иконники называютъ икону Воскресенія съ двѣнадцатью праздниками вокругъ нея.

***) Подуборная икона—обложенная окладомъ, то-есть каймой по краямъ, вычеканенной изъ мѣди съ золочеными или посеребреными мѣдными вѣнцами.

воровства помогала — больно бы хорошо было... Есть ли, любезный, у Бога таковые святые?

— Есть, какъ не быть, — отвѣтилъ Чубаловъ: — Ѳедору Тирону о обрѣтеніи покраденныхъ вещей молятся.

— И помогаетъ? — съ живостью спросилъ Марко Данилычъ.

— По вѣрѣ помогаетъ, а безъ вѣры, кому ни молись, толку не выйдетъ, — отвѣтилъ Чубаловъ.

— Такъ ты опричь сотни отбери еще полторы дюжины Ѳедоровъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Авось меньше станутъ пеньку воровать.

— Велики-ль мѣрой-то иконы вамъ надобятся? — спросилъ Чубаловъ.

— Мѣры-то? Мѣры надо разной, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Спасы — десятерики, Богородицы да Николы — девятерики да восьмерики, останны помельче... Можно и листоушекъ *) сколько-нибудь приложить, только не менѣ бы четырехъ вершковъ были, а то мелкія-то и невзрачны, да грѣхомъ и затеряться могутъ. Народъ-отъ вѣдь у меня вольный, воръ на ворѣ, самый анаѳемскій народъ; иной, какъ разочтешь его за какіе-нибудь непорядки, со зла-то, чего добраго, и угодникомъ не побрезгуетъ, стянетъ собачій сынъ изъ божницы махонькій-то образокъ да въ карманъ его аль за пазуху. Каковъ ни будь образишка — все-таки шкаликъ дадутъ въ кабакѣ... Сущіе разбойники!.. Ну, какую же цѣну за все положишь?

Ни слова не молвивъ, Чубаловъ молча сталъ на счетахъ класть, приговаривая:

— «Псалтырей» десятокъ, «часослововъ» восьмнадцать — сорокъ восемь рублевъ...

— Что̀ ты, что̀ ты? — руками замахавъ на Чубалова, вскрикнулъ Марко Данилычъ. — Никакъ рехнулся, землякъ?.. Какъ это вдругъ сорокъ восемь рублевъ?..

— «Псалтыри» по три цѣлковыхъ за штуку, «часословы» по рублю, — отвѣтилъ Чубаловъ. — Считайте.

— Какъ по три цѣлковыхъ да по рублю?.. На что это похоже? — во всю мочь кричалъ Марко Данилычъ и схватилъ даже Чубалова за руку.

— Цѣна казенная, Марко Данилычъ, — спокойно отвѣчалъ Герасимъ. — Одной копейки нельзя уступить, «псалтыри» да «часословы» печати московской, единовѣрческой, цѣна имъ извѣстная, она вотъ и напечатана.

— Хоша она и напечатана, а ты все-таки долженъ мнѣ

*) Икона десятерикъ — десяти вершковъ въ вышину, девятерикъ — девяти вершковъ и т. д. Листоушка — небольшая икона отъ одного до четырехъ вершковъ.

уважить. Нельзя безъ уступки, сосѣдушка, — я вѣдь у тебя гуртомъ покупаю, — говорилъ Смолокуровъ.

— Какъ же я могу уступить, Марко Данилычъ? Свои, что ли, деньги-то приплачивать мнѣ?—отвѣтилъ Чубаловъ. — Эти книги не то что другія. Казенныя... Гдѣ хотите купите, цѣна имъ вездѣ одна.

Призадумался маленько Марко Данилычъ. Видитъ — точно цѣна напечатана, а супротивъ печатнаго что̀ говорить? Немалое время молча продумавши, молвилъ онъ Чубалову:

— Ну, ежели казенная цѣна, такъ ужъ тутъ нечего дѣлать. Только вотъ что̀ — «псалтырей»-то, землякъ, отбери не десятокъ, а тройку... Будетъ съ нихъ со псовъ, чтобъ имъ издохнуть!.. Значитъ, двадцать пять рублевъ за книги-то будетъ?

— Двадцать семь, Марко Данилычъ, — немного понижая голосъ, сказалъ Герасимъ.

— Экій ты, братецъ, какой! За всякой мухой съ обухомъ!..—промолвилъ Марко Данилычъ. — Велика ли важность какихъ-нибудь два рубля? Двадцать ли пять, двадцать ли семь рублевъ—не все ли едино? Кладу тебѣ четвертную единственно ради круглаго счета.

— Коли вамъ для круглаго счета надобно, такъ я, замѣсто восьмнадцати, шестнадцать «часослововъ» только положу. Оно и выйдетъ какъ разъ двадцать пять рублевъ, — сказалъ Герасимъ Силычъ.

Подумалъ Марко Данилычъ, не разъ головой покрутилъ, сказалъ наконецъ:

— Ну, пожалуй. Такъ-то еще лучше будетъ... Али нѣтъ, постой, «часослововъ» дюжину только отбери — въ свѣтелки не стану класть. Это выйдетъ...

— Двадцать одинъ рубль, — сказалъ Герасимъ Силычъ.

— Скости рублишко-то, землякъ. Что̀ тебѣ значитъ какой-нибудь рубль? Ровно бы ужъ было на двадцать рублевъ... Ну, пожалуйста, — канючилъ богатый, сотнями тысячъ ворочавшій рыбникъ.

— Нельзя мнѣ и гривны уступить вамъ, Марко Данилычъ... Цѣна казенная... Какъ же это возможно?—отвѣчалъ ему Чубаловъ.

— Ну ладно, казенная такъ казенная, пусть будетъ потвоему двадцать съ рублемъ, — согласился наконецъ Смолокуровъ. — Только ужъ хочешь не хочешь, а на Божьемъ милосердіи — оно вѣдь не казенное — рублишко со счетовъ скощу. Ты и не спорь. Не бывать тому, чтобъ ты хоть маленькой уступочки мнѣ не сдѣлалъ.

— Посмотримъ, поглядимъ, — усмѣхнулся Герасимъ и опять сталъ на счетахъ выкладывать. — Полторы дюжины десятерику да подуборныхъ — три рубля, — говорилъ онъ, считая.

— Окстись, пріятель!.. Христосъ съ тобой! — воскликнулъ Марко Данилычъ съ притворнымъ удивленьемъ, отступивъ отъ Чубалова шага на два. — Этакъ по-твоему сотня-то безъ малаго въ семнадцать рублевъ въѣдетъ... У холуйскихъ богомазовъ такихъ иконъ — хоть пруды пруди, а мѣняютъ они ихъ цѣлковыхъ по десяти за сотню да по девяти... Побойся Бога хоть маленько, ужъ больно ты въ цѣнѣ-то зарываешься, дружище!.. А еще землякъ!.. А еще сосѣдъ!..

— Лѣтъ сорокъ тому точно за эти иконы-то рублевъ по десяти и даже по восьми бирали, а нонѣ по пятнадцати да по пятнадцати съ полтиной. Сами отъ холуйскихъ получаемъ. Пользы вѣдь тоже хоть немножко надо взять. Изъ-за чего-нибудь и мы торгуемъ же, Марко Данилычъ.

— Жила ты, жила, грѣховодникъ этакій!.. — вскликнулъ Марко Данилычъ. — Бога не боишься, людей не стыдишься... Неправедну-то лихву съ чего берешь?.. Подумалъ ли о томъ?.. Вѣдь со святыни!.. Съ Божьяго милосердія!.. Постыдись, братецъ!..

— А съ рыбы-то нешто не берете? — спросилъ, усмѣхнувшись, Герасимъ.

— Ишь ты! — вскрикнулъ на всю лавку Марко Данилычъ. — Примѣнилъ избу къ Строгонову двору!.. Къ чему святыню-то приравнялъ?.. Хульникъ ты этакій!.. Припомнятъ на томъ свѣтѣ тебѣ это слово, припомнятъ!.. Тамъ вѣдь, другъ, на страшномъ-то судѣ Христовѣ всяко праздно слово взыщется, а не то чтобы какое хульное!.. Святыя иконы къ рыбѣ вдругъ примѣнилъ!.. Ахъ, ты, богохульникъ, богохульникъ!..

Битый часъ торговались. У обоихъ отъ спора даже во рту пересохло. Ровно какой благодати возрадовался Марко Данилычъ, завидѣвъ проходившаго платочнымъ рядомъ парня: по поясу лубочный чересъ со стаканами, хрустальный кувшинъ въ рукѣ. Во всю ивановску кричитъ онъ:

— А вотъ малиновый хорошій, московскій кипучій! Самый лучшій, съ игрой, съ иголкой — бьетъ въ носъ метелкой! Не пьянъ да ядренъ, въ стаканчикъ нальемъ!.. Наливать, что ли, вашей милости-съ?

Одинъ за другимъ четыре стакана «кипучаго, самаго лучшаго» выпилъ Марко Данилычъ и, только-что маленько освѣжился, опять принялся торговаться. На сорока рубляхъ прикончили-таки... Стали иконы подбирать — и за этимъ прошло немалое время. Каждую Смолокуровъ оглядывалъ и чуть на

которой замѣчалъ хоть чуть-чуть видное пятнышко, либо царапинку, тотчасъ браковалъ, — подавай ему другую икону, безъ всякаго изъяну. Безъ малаго часъ прошелъ за такой моледой, наконецъ все отобрали и уложили. Надо расплачиваться.

Вынулъ бумажникъ Марко Данилычъ, порылся въ немъ, отыскалъ недоплаченный вексель Чубалова, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и спросилъ перо да чернильницу.

Чубаловъ подалъ.

— И это въ уплату запишемъ, — сказалъ Смолокуровъ, обмакивая перо.

— Такъ точно, — слегка нахмурясь, молвилъ Чубаловъ. — Только зачѣмъ же вамъ, Марко Данилычъ, утруждать себя писаньемъ? Останные сейчасъ же отдамъ вашей милости какъ есть полной наличностью, а вы потрудитесь только мнѣ векселекъ возвратить.

— И такъ можно, — сказалъ Марко Данилычъ, кладя перо на прилавокъ. — Я, братъ, человѣкъ сговорчивый, на все согласенъ, не то, что ты — измучилъ меня торговавшись. Копейки одной не хотѣлъ уступить!.. Эхъ, ты!.. Совѣсть-то гдѣ у тебя?.. Забылъ, видно, что мы съ тобою земляки и сосѣди, — прибавилъ онъ.

— Нельзя, Марко Данилычъ, Богу повѣрьте, — возразилъ Герасимъ Силычъ.

— Ну ладно, ладно, Богъ ужъ съ тобой, сердца на тебя не держу, — сказалъ Смолокуровъ. — Неси-ка ты, неси остальныя-то. Домой пора — щи простынутъ...

— Сію минуту, — молвилъ Чубаловъ и пошелъ наверхъ въ палатку.

Подошелъ Марко Данилычъ къ тѣмъ совопросникамъ, что̀ съ жаромъ, увлеченьемъ вели споръ отъ писанія. Изъ нихъ молодой поповцемъ оказался, а пожилой былъ по Спасову согласью и держался толка дрожжниковъ, что̀ пекутъ хлѣбы на квасной гущѣ, почитая хмелевыя дрожди за грѣховную скверну.

— Да почему же не слѣдъ хлѣбъ на дрождяхъ вкушать? — настойчиво спрашивалъ у дрожжника поповецъ.

— Потому и не слѣдъ, что дрожди отъ дьявола, — отвѣчалъ дрожжникъ. — На хмелю вѣдь онѣ?

— На хмелю.

— А хмель-отъ кѣмъ сотворенъ?

— Творцомъ всяческихъ, Господомъ, — отвѣчалъ молодой совопросникъ.

— Анъ нѣтъ, — возразилъ дрожжникъ. — Не Господомъ сотворенъ, а бѣсомъ вырощенъ на пагубу душамъ христіан-

скимъ и на вѣчную имъ му́ку. Такожде и табакъ, такожде и губина, сирѣчь картофель, и чай, и кофей — все это не Божье, а сатанино творенье либо ангеловъ его. И дрожди хмелевыя отъ него же, отъ врага Божья, потому ядый хлѣбъ на дрождяхъ плоти антихристовой пріобщается, съ нимъ же и пребудетъ вовѣки... Такъ-то, молодецъ!

— А покажи отъ писанія! — съ задоромъ отвѣчалъ ему на то молодой поповецъ.

— Изволь, — промолвилъ дрожд никъ и, вынувъ изъ-за пазухи рукописную тетрадку, сталъ по ней громогласно читать: «...Сатана же, завистію распаляемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божью и нача со бѣсы своими бесѣдовати, како бы уловити родъ человѣческій во свою геенну піанствомъ, наипаче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи единъ бѣсъ изъ темнаго и треклятаго ихъ собора, и тако возглагола сатанѣ: «Азъ вѣдаю, господине, изъ чего сотворити піанство; знаю бо идѣ же остася тоя трава, юже ты насадилъ еси на горахъ Аравитскихъ и прельсти до потопа жену Ноеву... Пойду азъ и обрящу траву и прельщу человѣкъ». И возставъ сатана со престола своего сквернаго и поклонися тому бѣсу, честь воздая ему, и посади его на престолѣ своемъ... и нарече ему имя «піаный бѣсъ». И научи той піаный бѣсъ человѣка, како ростити солодъ и брагу дѣлати... Тако умудри его бѣсъ на погибель христіаномъ» *).

— А какое-жъ это писаніе? Кто его написалъ? Въ коихъ лѣтѣхъ и кѣмъ то писаніе свидѣтельствовано?.. Которымъ патріархомъ или какимъ соборомъ? — настойчиво спрашивалъ у стараго дрожд ника молодой совопросникъ.

— Захотѣлъ ты въ наши послѣднія времена патріарховъ да соборовъ! — съ укоризной и даже насмѣшливо отвѣтилъ ему дрожд никъ. — Нешто не знаешь, что благодать со дней Никона взята на небо и разсыпася чинъ освященія. Антихристъ поплѣни всю вселенну, и къ тому благочестіе на землѣ вовѣки не возсіяетъ...

— Не «Цвѣтникомъ», что̀ самъ, можетъ, написалъ, а отъ писанія всеобдержнаго доказывай. Покажи ты мнѣ въ печатныхъ патріаршихъ книгахъ, что ядепіе дрождей мерзость есть передъ Господомъ... Тѣмъ книгамъ только и можно въ эвтомъ разѣ повѣрить. — Такъ говорилъ, съ горячностью наступая на совопросника, молодой поповецъ. — Можешь ли доказать отъ святого писанія? — съ жаромъ онъ приставалъ къ нему.

---

*) Сказаніе «О хмельномъ питіи» встрѣчается въ раскольничьихъ сборникахъ, не ранѣе однако начала XVIII столѣтія.

— Могу, — спокойно отвѣчалъ дрождникъ. — Проклятіе на дрожди въ десятой каѳизмѣ положено, во псалмѣ Давыдовѣ: «Исповѣмся Тебѣ, Боже». Забылъ?.. «Дрождіе его не изгидошася испіютъ вси грѣшніе земли» *). Ну-ка, отвѣть, что̀ сіи словеса означаютъ?

— Да гдѣ же тутъ проклятіе-то? — спросилъ нѣсколько озадаченный поповецъ. — На дрожди-то гдѣ проклятіе? Проклятіе на дрожди покажь ты намъ!

— Изгидошася! Что̀ означаетъ по-твоему это самое слово? Какъ скажешь? — спрашивалъ молодого поповца сѣдоватый дрождникъ и проговорилъ свои слова такъ властно и рѣшительно, будто спорный вопросъ о догматѣ на вселенскомъ соборѣ рѣшалъ.

— Изгидошася?.. Ты говоришь: «изгидошася»... — началъ-было отвѣчать ему смущенный нежданнымъ вопросомъ поповецъ. — А ну-ка, самъ скажи мнѣ, что̀ такое означаютъ тѣ святыя словеса Давыдовы?

— Изгидошася... — рѣшительно сказалъ дрождникъ, будто тѣмъ словомъ все писаніе истолковалъ.

— Да что-жъ такое означаетъ то слово «изгидошася»? — приставалъ рьяный въ словопреніяхъ молодой, но много начитанный поповецъ.

— То и означаетъ, что прокляты дрожди. Одно слово — «изгидошася»... Понимаешь али нѣтъ? — толковалъ свое дрождникъ. — Изгидошася — проклято, значитъ. Вотъ тебѣ и сказъ.

И доспорились до раздраженья, особливо молодой. Глаза горятъ, лицо пылаетъ, кулаки сжаты, а что̀ такое «изгидошася» — ни тотъ ни другой не разумѣютъ.

Таковы у раскольниковъ богословскія пренія. Только и толковъ, только и споровъ, что можно ли квашню на хмелевыхъ дрождяхъ поставить, съ кожаной аль съ холщевой лѣстовкой слѣдуетъ Богу молиться, нужно ли ради души спасенія гуменцо на макушкѣ выстригать. А чаще и больше всего споровъ ведется про антихриста, народился онъ, проклятый, или еще нѣтъ, и каковъ онъ собой: «чувственный», то-есть съ руками, съ ногами, съ плотью и кровью, или только «духовный» — невидимый и неслышимый, значитъ, духомъ противленія Христу и соблазнами рода человѣческаго токмо живущій...

Много такихъ споровъ, много и толковъ сыздавна идетъ по

---

*) По нынѣ употребляемому переводу, вмѣсто «изгидошася», поставлено: «истощися».

Руси середи простого народа... А сколько иногда въ тѣхъ спорахъ бываетъ ума, начитанности, ловкости въ словопреніяхъ, сколько искусства!.. И весь этотъ народный умъ дрождями, листовками да антихристомъ занятъ!..

Сошелъ сверху Герасимъ Силычъ, подалъ деньги Смолокурову. Долго разглядывалъ Марко Данилычъ принесенныя бумажки. И межъ пальцевъ-то теръ ихъ, и на свѣтъ-то смотрѣлъ, и, увѣрившись наконецъ, что бумажки годны, сунулъ ихъ въ бумажникъ, а Чубалову отдалъ вексель. Взялъ Герасимъ Силычъ вексель, съ начала до конца внимательно два раза прочелъ его и, увѣрившись въ подлинности, надорвалъ.

— Ужо послѣ вечерни приказчика съ записочкой пришлю, — молвилъ Марко Данилычъ Чубалову. — Съ нимъ товаръ-отъ и отпусти.

Пошелъ-было Смолокуровъ изъ лавки вонъ, но у дверей на ворохъ подержаныхъ книгъ гражданской печати наткнулся.

— Это что̀ у тебя за хламъ такой? — спросилъ онъ Чубалова.

— Да такъ... Всякая всячина, разрозненныя больше. А впрочемъ, есть хорошія книжки, — молвилъ Герасимъ Силычъ.

— А я и не зналъ, что ты беззастежными *) торгуешь, — замѣтилъ Смолокуровъ.

— Торгую и есть, — отвѣчалъ Чубаловъ. — А ежели подъ руку что̀ попадется, отчего же и не взять? И на нихъ иную пору охотники бываютъ!..

Посмотрѣлъ Марко Данилычъ, видитъ — однѣ не при немъ писаны **), другія что-то больно мудрены... Нѣсколько путешествій попалось, исторій. Вспомнилъ, что Дунюшкинъ учитель такія совѣтовалъ ей покупать, вспомнилъ и то, что она ихъ любитъ. Отобралъ дюжины двѣ, спросилъ у Чубалова:

— Что̀ возьмешь?

— Все чохомъ берите — уступлю, — молвилъ Чубаловъ, небрежно переглядывая отобранныя Смолокуровымъ книги.

— Сколько всѣхъ-то? — спросилъ Марко Данилычъ.

— За сотню наберется, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Сколько станешь просить? — прищурясь и похлопывая ладонью по книгамъ, спросилъ Смолокуровъ.

— А вы что̀ пожалуете? — въ свою очередь спросилъ Герасимъ Силычъ.

— Рубликъ.

— Что̀ это вы, Марко Данилычъ? — усмѣхнулся Чуба-

*) Беззастежными раскольники зовутъ книги не духовнаго содержанія, переплетаемыя обыкновенно безъ застежекъ.

**) На иностранныхъ языкахъ.

ловъ. — По копейкѣ за книгу, да еще и поменѣ того жалуете! Нѣтъ, сударь, ежели теперича на подвертку свѣчей ихъ продать, аль охотникамъ на ружейны патроны, такъ и тутъ больше пользы получишь. Дешевле пареной рѣпы купить желаете!.. Вѣдь тоже какія ни на есть книги... Тоже бумага, печать, переплетъ... Помилуйте!..

— Да что̀ тебѣ въ нихъ? Мѣсто вѣдь только занимаютъ... Съ ярманки поѣдешь, за провозъ лишни деньги плати, вотъ и вся тебѣ польза отъ нихъ, — говорилъ Марко Данилычъ, отирая о полы сюртука запылившіяся отъ книгъ руки. — Опять же дрянь все, самъ же говоришь, что разрознены... А въ иныхъ, пожалуй, и половины листовъ нѣтъ.

— Не всѣ же безъ листовъ, не всѣ и разбиты; есть тоже и цѣльныя, — сказалъ Чубаловъ. — И много занятныхъ книжекъ тутъ. Вотъ вы какъ-то мнѣ говорили, что любите путешествія по разнымъ землямъ надосугѣ почитывать. Вотъ вамъ «Омаровы путешествія» двѣ части, — говорилъ Герасимъ Силычъ, хлопнувъ книга о книгу. — А вотъ вамъ и «Путешествіе младого Костиса». Вотъ, коли въ угоду, театральная, вотъ и ро̀маны *). «Садовникъ городской и деревенскій», по части цвѣтковъ, значитъ, а вотъ «Коноводъ городской и деревенскій»—книга полезная, ежель у кого лошадка захвораетъ... «Торжество благодѣянія» **). Все полезныя книги, занимательныя. А французскихъ-то сколько! Можетъ, изъ нихъ которыя и рѣдкостныя. Ежели на знающаго человѣка — такъ хорошія деньги можно взять.

— Мнѣ ихъ и даромъ не надо. На кой шутъ?.. Кому читать-то? — сказалъ Марко Данилычъ.

— Это ужъ ваше дѣло, — молвилъ Чубаловъ, продолжая вынимать книгу за книгой. — А все-жъ-таки, хоша книга и французская, ее за копейку не купишь. Кого хотите спросите...

— Да ты говори толкомъ, настоящую, значитъ, цѣну сказывай, — прервалъ его Смолокуровъ.

— Рубликовъ двадцать надо бы за весь-отъ коробъ получить, — склонивъ немножко на сторону голову и смотря

---

*) Грамотное простонародье и даже захолустное чиновничество, особливо вышедшее изъ семинарій, всегда говоритъ *ро̀манъ* вмѣсто *рома̀нъ*. И это идетъ съ прошлаго вѣка. Нѣкто изъ духовныхъ отецъ въ прошломъ еще столѣтіи писалъ. впрочемъ, «келейнѣ», что слѣдуетъ говоритъ «*ро̀манъ*», дабы отличить названіе богомерзкаго писанія отъ христіанскаго имени *Рома̀нъ*.

**) «Омаровы путешествія», 2 части. Москва, 1819, и «Путешествіе младого Костиса». Спб. 1801. Обѣ мистическаго содержанія. Сочиненія Эккартсгаузена. Остальныя книги прошлаго столѣтія не мистическія.

прямо въ глаза Марку Данилычу, вполголоса промолвилъ Герасимъ Силычъ.

— Съ ума ты спятилъ? — вскрикнулъ Смолокуровъ, и такъ вскрикнулъ, что всѣ, сколько ни было въ лавкѣ народу, обернулись на такого покупателя. — По двугривенному хочешь за дрянь брать, — нимало тѣмъ не смущаясь, продолжалъ Марко Данилычъ. — Окстись, братецъ!.. Экъ что̀ вздумалъ!.. Ты бы ужъ лучше сто рублевъ запросилъ, еще бы смѣшнѣй вышло... Шутникъ ты, я вижу, братецъ ты мой... Да еще шутникъ-отъ какой... На рѣдкость!

— Какая же ваша-то настоящая цѣна будетъ? — спросилъ Чубаловъ.

— Сказана цѣна, полушки не накину, — отвѣчалъ Марко Данилычъ.

— За десять рубликовъ извольте получать, ежели угодно...— сказалъ Чубаловъ.

— Нѣтъ, братъ, видно, съ тобой пива не сваришь, да и мнѣ не время у тебя прохлаждаться. Щи, говорю тебѣ, простынуть... Прощай, Герасимъ Силычъ... Такъ я около вечеренъ за иконами-то пришлю. Съ запиской. Безъ записки никому не отдавай.

И пошелъ-было вонъ изъ лавки.

— Да купите книжки-то, Марко Данилычъ, — удержалъ его Чубаловъ. — Повѣрьте слову, хорошія книжки. Съ охотника, ежели-бъ подвернулся — втрое бы, вчетверо взялъ!.. Вы посмотрите: «Угрозъ Свѣтовостоковъ» *) — будь эти книжки вполнѣ, да за нихъ мало бы двадцати рублей взять, потому книги рѣдкостныя, да вотъ бѣда, что пять книжекъ въ недостачѣ... Оттого и цѣна имъ теперь другая.

Снова пошли торговаться и долго торговались. Наконецъ Марко Данилычъ весь коробъ купилъ, даже съ французскими. «Въ домашнемъ обиходѣ на что-нибудь пригодятся,—сказалъ онъ.—Жаль, что листики маловаты, а то бы старухѣ на пироги годны были».

Въ купленномъ коробѣ нашлось довольно мистическихъ книгъ, выходившихъ у насъ въ Екатерининское время и особенно въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогда не только печатались переводы Бема, Ламоттъ-Гіонъ, Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, но издавался даже особый мистическій журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». Все это хоть и было писано языкомъ затемненнымъ, однако въ большомъ количествѣ проникало въ полуграмотное простонародье. Городскіе и деревенскіе

*) «Угрозъ Свѣтовостоковъ», 30 небольшихъ книжекъ, сочиненія Юнга Штиллинга. Спб. 1806—1816. Мистическія.

грамотеи читали тѣ книги съ большою охотой, нравилось имъ ломать голову надъ «неудобь понимаемыми рѣчами», судить и рядить объ нихъ въ дружескихъ бесѣдахъ, толковать вкривь и вкось. Въ искреннемъ убѣжденьи полагали грамотеи, что, читая тѣ книги, они проникаютъ въ самую глубину человѣческой мудрости. И теперь еще можно найти въ какомъ-нибудь мѣщанскомъ или крестьянскомъ домѣ иныя изъ тѣхъ книгъ, ставшихъ большой рѣдкостью. Особенно эти книги держатся у молоканъ да у приверженцевъ разныхъ отраслей хлыстовщины. Иные, начитавшись тѣхъ книгъ, вступали въ «корабли людей Божьихъ» *). Хлыстовскіе учители и пророки, въ изступленныхъ своихъ рѣчахъ и въ писанныхъ сочиненіяхъ, ссылались на тѣ книги **). Начитавшіеся «Сіонскаго Вѣстника» образовали даже особую секту — «сіонскую церковь» или «десныхъ христіанъ». Эти десные христіане зовутся также и «лабзинцами», по имени издателя того журнала, сосланнаго въ Симбирскъ.

Привезъ Марко Данилычъ коробъ на квартиру и тотчасъ Дуню позвалъ. Вышла она къ отцу задумчивая, невеселая.

— Чтò ты все хмуришься, голубка моя?.. Чтò осеннимъ днемъ глядишь? — съ нѣжностью спрашивалъ у дочери Марко Данилычъ, обнимая ее и цѣлуя въ лобъ. — Посмотрю я на тебя, ходишь ты ровно въ воду опущенная... Чтò съ тобой, моя ясынька?.. Не утай, молви словечко, чтò у тебя на душѣ, мое сокровище?

— Скучно, тятенька... Домой бы скорѣе, — склоняя русую головку на отцовское плечо, тихо, грустно промолвила Дуня.

— Послѣзавтра безпремѣнно выѣдемъ, — гладя дочь по головкѣ, сказалъ Марко Данилычъ. — Да здѣсь-то съ чего на тебя напала скука такая? Ни развеселить ни потѣшить тебя ничѣмъ невозможно... Особенныхъ мыслей не держишь ли ты какихъ на умѣ?.. Такъ скажи лучше мнѣ, откройся... Али не знаешь, каково я люблю тебя, мою ластушку?

---

*) Такъ называются общины хлыстовъ.

**) Напримѣръ, Василій Радаевъ, христосъ арзамасскихъ хлыстовъ, въ 1819 году писалъ къ приходскому священнику села Мотовилова, ссылаясь на «сочиненія госпожи Гіонъ». У хлыстовъ московскихъ, рязанскихъ, калужскихъ, самарскихъ, находили названныя здѣсь книги, а также: «Облако надъ святилищемъ» Эккартсгаузена, Спб. 1803. «Ключъ къ таинствамъ натуры», его же, 4 части, сочиненіе, имѣющее два изданія въ Петербургѣ въ 1804, 1820 и 1821 годахъ. «Тоска по отчизнѣ», сочиненіе Юнга Штиллинга, въ переводѣ Дубянскаго. Спб. 1816. «Побѣдная повѣсть», также Юнга Штиллинга. Спб. 1815. «Изъясненіе на Апокалипсисъ» г-жи Гіонъ. Москва 1816, и другія. У молоканъ тѣ книги тоже въ большомъ почетѣ.

— Знаю, тятя, знаю, — крѣпко прижимаясь къ отцу, вполголоса молвила Дуня.

— Зачѣмъ же таишься? Вѣрно, есть что-нибудь на душѣ, — заботливо говорилъ Марко Данилычъ смущенной словами его дочери.

— Ничего нѣтъ, — потупя глаза, отвѣтила Дуня. — Просто такъ скучно...

— А я тебѣ отъ скуки-то гостинца привезъ, — молвилъ Марко Данилычъ, указывая на коробъ. — Гляди, что̀ книгъ-то — надолго станетъ тебѣ. Больше сотни. По случаю купилъ.

Недовѣрчиво взглянула Дуня на закрытый коробъ. Рѣчи Марьи Ивановны о книгахъ припомнились ей. Однакоже велѣла перетащить коробъ къ себѣ въ комнату.

Только-что отобѣдали, Дуня за книги. Стала разбирать ихъ.

«Французская, еще французская, — откладывая первыя попавшіяся подъ руку книги, говорила она сама съ собой.— Можетъ-быть, тутъ и такія, про которыя Марья Ивановна поминала... Да какъ ихъ узна̀ешь? И какъ понять, что̀ въ нихъ написано?.. «Удольфскія таинства», романъ госпожи Коттенъ... Романъ».

И съ отвращеніемъ бросила въ сторону книгу.

«Опять романъ, опять... опять, — продолжая кидать въ уголъ книги, думала Дуня.—И на что это тятенька накупилъ ихъ?.. Ядъ, сѣти, раскинутыя врагомъ Божьимъ. Такъ говорила Марья Ивановна... Въ руки не возьму ихъ!.. Выкинуть либо въ печкѣ сжечь!.. Праху чтобъ отъ нихъ не осталось!.. Комедія, комедія, — все театральныя... Такія же!.. Была я въ театрѣ, глядѣла, слушала... И тамъ все про нечистую любовь говорится... Вотъ тетенька-то Дарья Сергѣвна говоритъ, что театръ поставленъ бѣсамъ на служенье... Вѣрно это она говоритъ, вѣрно!.. Сама Марья Ивановна то же скажетъ... Да, бѣсы, бѣсы, враги Божьи!.. Они, они!..»

И полетѣли въ уголъ театральныя книги.

«Домашній лѣчебникъ»... Эта пригодится, ежели кто занеможетъ когда... «Полная поваренная книга», — отдамъ тетенькѣ, ей пригодится... «Исторія Елизаветы, королевы англійской», — можно будетъ прочитать. «Лейпардъ и Термильдъ, или злосчастная судьба двухъ любовниковъ» *)...

Молча разорвала книгу и молча метнула обрывки ея подъ диванъ.

«Зачѣмъ накупилъ такихъ? Зачѣмъ?.. Книги все пагубныя!.. Отъ врага!.. Грѣшно и въ руки ихъ брать... Это еще

*) Книги, напечатанныя въ концѣ восемнадцатаго столѣтія.

что̀? Путешествія — ну, вотъ это хорошо, за это тятѣ спасибо... «Путешествіе въ Западную Индію» — прочитаю... «Путешествіе г. Вальяна»... съ картинками».

И, взглянувъ затѣмъ на одну книгу, вскочила со стула и вскрикнула отъ радости: — «Путешествіе младого Костиса»!.. Хвалила ту книгу Марья Ивановна.

И тотчасъ принялась за чтеніе. Прочла страницу, другую— плохо понимаетъ. «Ничего, ничего, — бодритъ себя Дуня: — Марья Ивановна говорила, что эту книгу сразу понять нельзя, много разъ она велѣла читать ее и каждое слово обдумывать».

До поздняго вечера просидѣла она надъ Костисомъ.

И съ тѣхъ поръ и дни и ночи стала Дуня просиживать надъ мистическими книгами. По совѣту Марьи Ивановны, она читала ихъ по нѣскольку разъ и вдумывалась въ каждое слово... Показалось ей наконецъ, будто она понимаетъ любезныя книги, и тогда совсѣмъ погрузилась въ нихъ. Мало кто отъ нея съ тѣхъ поръ и рѣчей слыхалъ. Марко Данилычъ, глядя на Дуню, сталъ крѣпко задумываться.

Глава девятнадцатая.

Середи холмовъ, лобжинъ и овраговъ, середь золотистыхъ полей и поросшихъ кудрявымъ кустарникомъ пригорковъ, межъ тѣнистыхъ рощъ и благовонныхъ сѣнныхъ покосовъ, верстахъ въ пятидесяти отъ Волги, надъ сонной, маловодной рѣчкой, по пологому склону горы больше чѣмъ на̀ версту вытянулась кострикой и пеньковыми оческами заваленная улица съ тремя сотнями крестьянскихъ домовъ. Дома все большіе, высокіе, но чрезвычайно тѣсно построенные. Бѣда, ежели вспыхнетъ пожаръ, не успѣютъ оглянуться, какъ все село до тла погоритъ.

Дома старенькіе, зато строены изъ здоровеннаго унжинскаго лѣса и крыты въ два теса. Отъ большой улицы по обѣ стороны внизъ по угорамъ идутъ переулки; дома тамъ поменьше и много бѣднѣе, зато новѣе и не такъ тѣсно построены. Во всемъ селеньи больше трехсотъ дворовъ наберется, опричь келейныхъ рядовъ, что̀ ставлены на задахъ, ближе ко вполью. Въ тѣхъ келейныхъ рядахъ бобыльскихъ да вдовьихъ дворовъ не меньше пятидесяти.

На самомъ верху горы большая каменная, пятиглавая церковь стоитъ. Старинной постройки она, — помнитъ еще дни царя Алексѣя Михайловича... Видно, что въ старые годы она была богата, но потомъ обѣдняла до нищеты и въ конецъ обветшала. Зеленая черепица на главахъ вполовину осыпалась, желѣзная крыша проржавѣла, штукатурная облицовка

облѣзла, карнизы, наличники, сандрики *) и узорочный кафельный вокругъ церкви поясъ обвалились, отъ трехъ крылецъ на кувшинныхъ столбахъ съ висячими арками уцѣлѣло только одно, на колокольнѣ березка выросла. Вокругъ церкви грязная базарная площадь, обстроенная деревянными, низенькими, ветхими лавчонками. Кромѣ такого «гостинаго двора», стоятъ на той площади два старыхъ каменныхъ дома: въ одномъ волостное правленіе, въ другомъ бѣлая харчевня. И въ томъ и въ другомъ домѣ зимой, сколько дровъ ни жги, вода мерзнетъ. Подъ горой вдоль рѣчки въ два ряда тянутся кузницы, а на горѣ за селомъ къ одному мѣсту скучилось десятковъ до трехъ вѣтряныхъ мельницъ. Не для размола муки, не для обдирки крупы, не для битья конoплянаго масла ставлены тѣ мельницы, рыболовныя уды точатъ на нихъ.

Село Миршѣнью зовется, оно казенное, а въ старые годы бывало «вотчиной дома Живоначальныя Троицы и преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца», самаго крупнаго во время óно русскаго помѣщика, владѣвшаго больше чѣмъ ста тысячью душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Земля при Миршени добрая, родитъ хорошо, но на тысячу душъ ся маловато. Къ тому-жъ земли отъ села пошли клиномъ въ одну сторону, и на работу въ дальнія полосы приходится ѣздить верстъ за десятокъ и дальше, оттого заполья **) и не знали сроду навоза, оттого и хлѣбъ на нихъ плохо родился. Промыслами миршенскіе мужики кормятся отхожими и домашними. Изъ бѣдныхъ кто въ бурлаки идетъ, кто на Низу на ловецкихъ ватагахъ работаетъ, кто въ Самарскихъ степяхъ пшеницу жнетъ либо гурты скота въ верховые города прогонять нанимается. Которые и позажиточнѣе, тѣ сами головъ по тридцати крупнаго скота да по сотнямъ барановъ на ярманкѣ у Ханской-Ставки скупаютъ, мясо продаютъ по базарамъ, а зимой мороженымъ отвозятъ въ Ростовъ и Ярославль на продажу. Сало топятъ, кожи да овчины выдѣлываютъ. Другіе денежные люди осенью ѣздятъ въ Уральскъ и Саратовъ и, тамъ накупивъ коренной рыбы, развозятъ ее зимой по деревнямъ. А которые за наживой на сторону не отлучаются, тѣ дóма два промысла знаютъ — сѣти для низовой рыбной ловли вяжутъ да уды для нея же работаютъ. Бабы треплютъ коноплю, прядутъ ее вмѣстѣ съ мужиками и вяжутъ сѣти отъ одноперстника до ладонника ***). Кто подостаточнѣе, тѣ проволоку

*) *Сандрикъ* — карнизикъ надъ окномъ.

**) *Заполье* — самыя дальнія полосы пахотной земли.

***) *Одноперстникъ* - сѣть съ мелкими ячеями въ палецъ величиной, *ладонникъ* — съ крупными ячеями въ ладонь.

тянутъ изъ желѣза и раздаютъ ее односельцамъ на выдѣлку рыболовныхъ удъ. Эти сѣкутъ ее на жеребьи и мальчишкамъ да подросткамъ даютъ оттачивать на вѣтряныхъ мельницахъ, устроенныхъ съ особыми точильнями. Съ Покрова до вешняго Николы всѣ мальчишки лѣтъ отъ десяти до пятнадцати, съ ранняго утра до поздней ночи, оттачиваютъ жеребейки, взрослые глянчатъ *) ихъ и гнутъ на уды. Большія уды, что̀ зовутся «кованцами», что̀ идутъ на бѣлугу и вѣсятъ по пяти да по шести фунтовъ каждая, кузнецы куютъ на кузницахъ.

Такъ кормятся миршенцы, но у нихъ, какъ и вездѣ, барыши достаются не рабочему люду, а скупщикамъ да хозяевамъ точильныхъ мельницъ, да тѣмъ еще, что̀ желѣзо сотнями пудовъ либо пеньку сотнями возовъ покупаютъ. Работая изъ-за низкой платы, бѣдняки вѣкъ свой живутъ ровно въ кабалѣ, выбиться изъ нея и подумать не смѣютъ.

Ропщутъ на судьбу миршенцы и такъ говорятъ: — «Старики намъ гваривали. что въ годы прежніе, когда прадѣды наши жили за монастырщиной, житье всѣмъ было привольное, не такое, какое намъ довелось. Доброе было житье и во всемъ изобильное. И пахоты богачество **), и луговъ вдоволь, и лѣсу руби не хочу, сукрома ***) въ анбарахъ отъ хлѣба ломятся, скирды да одонья ровно горы на гумнахъ стоятъ года по три нетронутые, немолоченные. И птицы и животины въ каждомъ дому водилось съ залишкомъ, безъ мясныхъ щей никто за обѣдъ не садился, а по праздникамъ у каждой хозяйки жарилась гусятина либо поросятина. Въ лѣсу свои бортевые ухожья ****). было меду ѣшь, сколько влѣзетъ, брага да сычены квасы безъ переводу въ каждомъ дому бывали. Да, дѣды живали, медъ да пиво пивали, а мы живемъ и корочки хлѣба порой не сжуемъ; прадѣды жили — ни о чемъ не тужили, а мы живемъ — не плачемъ, такъ ревемъ». Про старые годы такъ миршенцы говаривали, такъ сердцемъ болѣли по былымъ временамъ, вспоминая монастырщину и плачась о ней, какъ о потерянномъ раѣ. «Не нажить прошлыхъ дней, — они жалобились: — не свѣтить на насъ солнышку по-старому».

Такъ говорили, не зная монастырскихъ порядковъ, не помня ни владычнихъ десятильниковъ, ни приказчиковъ, ни посель-

---

*) *Глянчить*—наводить лоскъ, полировать.

**) Вмѣсто *богатство* въ Нижегородской губерніи и ниже по Волгѣ народъ говоритъ: *богатество, богачество* и *богасьство*.

***) *Сукромъ* то же, что̀ сусѣкъ, закромъ — отгороженный въ анбарѣ ларь для ссыпки зерноваго хлѣба.

****) *Борть* — колода, выдолбленная вверху стоящаго на корню дерева для пчеловодства. *Бортевой ухожей*—мѣсто въ лѣсу, гдѣ надѣланы борти.

скихъ старцевъ, ни тіуновъ, что судили и рядили по посуламъ да почестямъ... Славили миршенцы старину, забывши доводчиковъ, что въ старые годы на каждомъ шагу въ свою мошну сбирали пошлины. Славили монастырщину, не зная, не вѣдая о приказныхъ старцахъ и монастырскихъ слугахъ и служебникахъ *), что саранчой налетали и все поѣдали въ вотчинахъ. И того не помнили миршенцы, какъ тіуны да приказчики съ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, опричь судныхъ пошлинъ, то и дѣло сбирали «бораны». Кто изъ дома въ домъ перешелъ на житье, готовь «боранъ перехожій», кто хлѣбъ продалъ на торгу, «спозёмъ» подавай, сына выдѣлилъ — «дѣловое», женилъ его — съ князя и съ княгини **) «убрусный алтынъ» да кромѣ того хлѣбъ съ калачомъ; а дочь замужъ выдалъ — «выводную куницу» плати. А доводчикамъ да недѣльщикамъ ***) что ни ступилъ, то деньги заплатилъ: вора онъ поймалъ — плати ему «узловое», въ кандалы его заковалъ — плати «пожелѣзное», поспоришь съ кѣмъ да помиришься, и за то доводчику выкладывай денежки — плати «заворотное».

До сихъ поръ въ Миршени за базарными лавками поросшій лопухомъ и чернобыльникомъ пустырь со слѣдами заброшенныхъ грядъ и погребныхъ ямъ — «Васьяновымъ правежомъ» ****) зовется. Тутъ во дни оны стоялъ монастырскій дворъ, а живали въ немъ посельскіе старцы, и туда же наѣзжали чернцы и служебники троицкіе. На томъ дворѣ безъ малаго сорокъ годовъ проводилъ трудообильную жизнь свою преподобный отецъ Вассіанъ, старецъ лютый изъ поповскаго рода. Сильной и грозной рукой всѣ сорокъ лѣтъ надъ Миршенью онъ властвовалъ. Передъ самыми окнами чернической кельи своей смиренный старецъ каждый день, опричь воскресенья, передъ божественной литургіей людей на правежъ становилъ, батогами выбивая изъ нихъ недоимки. Вымучивалъ старецъ немалыя деньги и въ свой карманъ, а супротивниковъ въ погребахъ на цѣпь сажалъ и бивалъ ихъ тамъ плетьми

*) Приказчикъ управлялъ монастырскою вотчиной, *посельскій старецъ* изъ монаховъ велъ монастырское хозяйство въ томъ или другомъ селѣ либо въ цѣлой вотчинѣ, онъ же завѣдывалъ и полевыми работами крестьянъ, мельницами и пр. т. п. *Тіунъ, тивунъ* — судья, назначаемый монастырскими властями для судныхъ разбирательствъ въ освобожденныхъ отъ свѣтскаго суда вотчинахъ.

**) Князь и княгиня — новобрачные.

***) Недѣльщики тѣ же доводчики, но исправлявшіе должность не постоянно, а понедѣльно. Въ родѣ нынѣшнихъ сотскихъ и десятскихъ при становыхъ квартирахъ.

****) *Правежъ* — взысканіе недоимокъ и вообще долга посредствомъ истязаній. Били батогами, пока не заплатитъ.

и ослопьемъ *), а съ неимущихъ, чтобъ насытить бездонную утробу свою, вымогалъ платежныя записи **). Зачастую бывало, что святой отецъ пьянымъ дѣломъ мужиковъ и ножомъ поролъ. Отъ Васьяновой тѣсноты ***), боя и увѣчья крестьяне врознь разбѣгались, иные шли на Волгу разбои держать, другіе, насильства не стерпя, въ воду метались и въ петлѣ теряли животъ.

Въ Миршени за каменнымъ трактиромъ, что̀ прежде бывалъ тожъ монастырскимъ дворомъ, есть мѣстечко за огородомъ, «Варламовой баней» зовется оно. Миршенскія бабы да дѣвки баню ту не забыли: въ попрекахъ подругамъ за разгульную жизнь и теперь онѣ ее поминаютъ. Подъ самый почти конецъ монастырщины въ домѣ томъ проживалъ посельскій старецъ, честный отецъ Варлаамъ. Распаляемъ бѣсами, искони вѣка сего прю со иноки ведущими и на мірскія сласти ихъ подвигающими, старецъ сей, предоставляя приказчикамъ и доводчикамъ на крестьянскихъ свадьбахъ взимать убрусные алтыны, выводныя куницы и хлѣбы съ калачами, иныя по-

---

*) *Ослопъ* — дубина, колъ.

**) *Платежная запись*, по-нынѣшнему заемное письмо, вексель.

***) *Тѣснота* — въ старину означало, что̀ нынѣшнее слово *притѣсненіе*. *Посулы, почести, приносы* — взятки, гостинцы, поборы. *Доводчики*—низшіе монастырскіе слуги, такъ-называвшіеся служебники (нынѣ служка) изъ непостриженныхъ, исправлявшіе разныя полицейскія обязанности въ монастырскихъ вотчинахъ, сыщики и судебные слѣдователи, находившіеся въ распоряженьи приказчиковъ или посельскихъ старцевъ и получавшіе въ свою пользу особо установленныя пошлины, именно *ѣздъ* — прогоны по деньгѣ за двѣ версты, въ случаѣ поѣздки доводчика за отвѣтчикомъ или за свидѣтелемъ; *хоженое* по одной и по двѣ деньги по окончаніи дѣла; *ссадное* или *заворотное* при окончаніи тяжебнаго дѣла мировою; *пожелѣзное* за наложеніе оковъ на отвѣтчика и за караулъ его по двѣ деньги въ сутки за человѣка; *узловое* или *вязчее* за арестованіе воровъ и убійцъ съ поличнымъ. Приказчикъ вмѣстѣ съ доводчикомъ получали *смотрѣное* — за осмотръ людей убитыхъ, раненыхъ, избитыхъ; *выводную куницу* — съ дѣвокъ, выдаваемыхъ въ замужество; *убрусный алтынъ* — съ новобрачныхъ; *явочное* — съ нанимавшихъ работниковъ. Приказчикъ или тіунъ вмѣстѣ съ доводчикомъ получали *ротное* или *вѣрное* съ тяжущихся, прибѣгавшихъ для рѣшенія дѣла къ присягѣ; *жеребейное* — если споръ рѣшался вынутіемъ жеребья, кромѣ того еще разныя пени (штрафы). Приказчикъ или тіунъ безъ раздѣла съ доводчикомъ получалъ въ свою пользу *судное* или *правый десятокъ* за производство суда по тяжбѣ съ виновнаго по цѣнѣ иска (пять процентовъ), *боранъ* (отъ слова брать) *межевой*, если дѣло шло о поврежденіи межевыхъ знаковъ; *полевой, дворовый, огуменный, огородный, поженный* — когда споръ былъ о полѣ, о дворѣ, гумнѣ пожнѣ; *переносный* — ежели кто перепахивалъ чужія пожни; *протравной*— если дѣло шло о потравѣ; *переходжій* — за переходъ на житье изъ села въ село или изъ дома въ домъ. *Стожарное* и *спозѣмное* — пошлины съ крестьянина при продажѣ имъ сѣна или хлѣба; *дѣловое* — пошлина при выдѣлѣ отцомъ дѣтей или при раздѣлѣ, кромѣ того пошлины за пиры, за братчины и пр.

шлины съ бабъ и съ дѣвокъ сбиралъ, за что въ пятнадцать лѣтъ правленія въ два раза по жалобнымъ челобитьямъ крестьянъ получалъ отъ Троицкаго архимандрита съ братією памяти *), съ душеполезнымъ увѣщаніемъ о еже бы сократилъ страсти своя и провождалъ жизнь въ трудахъ, въ постѣ и молитвѣ, и никакого бы дурна на соблазнъ православныхъ чинить не отваживался...

Сохранился у миршенцевъ на памяти «пожаръ Нифонтовъ», когда на самую Троицу все село безъ остатка сгорѣло. Сухмень **) стояла, трава даже вся пригорѣла, и въ такое-то время, въ самый полдень поднялась прежестокая буря, такая, что дубы съ корневищемъ изъ земли выдирала. А тутъ спасенымъ дѣломъ обѣдню да лежачую на листу вечерню ***) отпѣвши, посельскій старецъ Нифонтъ съ дорогими гостями, что наѣхали изъ властнаго монастыря — соборнымъ старцемъ Діонисіемъ Поскочинымъ, значитъ, барскаго рода ****), да съ двумя рядовыми старцами, да съ тіуномъ, да съ приказчикомъ и съ иными людьми за трапезой великій праздникъ Пятидесятницы справляли да грѣшнымъ дѣломъ до того натянулись, что хоть выжми ихъ. Во хмелю межъ ними свара пошла, посельскій съ соборнымъ старцемъ драку учинили — рожи другъ у друга рвали, брады исторгали, за честные власы и въ келарнѣ и въ поварнѣ по полу другъ дружку возили. Все было какъ слѣдуетъ быть по монастырскому обычаю. Гости отъ хозяевъ не отставали, и они одни пошли на другихъ, и сталась боевая свалка и многое пролитіе крови. Въ таковое шумное время, Богу попущающу, паче же врагу дѣйствующу, возгорѣся Нифонтова поварня, и отъ огненнаго прещенія во всей Миршени ни кола ни двора не осталось. Преподобный же отецъ Нифонтъ, спасая отъ пламени туго набитую кубышку, огненною смертію животъ свой скончалъ. Оттого тотъ пожаръ «Нифонтовымъ» и до нашихъ дней зовется.

---

*) *Память* — письмо, предписаніе.

**) *Сухмень* — сухая погода, продолжительное бездождіе.

***) Въ Троицынъ день вечерня поется послѣ обѣдни безрасходно. На вечернѣ читаются молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, а въ старину лежа ницъ, съ «травами», говоря по старинѣ, то-есть съ цвѣтами въ рукахъ. При лежаньи ницъ «травы» клались подъ лицо молящимся. Отсюда выраженія: «лежать на листу» и «лежачая на листу вечерня», иногда просто «лежачая вечерня».

****) Въ старину монахи изъ дворянъ сохраняли и въ иночествѣ родовыя фамиліи, означавшіяся и въ офиціальныхъ бумагахъ, напримѣръ: Авраамій Палицынъ, Симонъ Азарьинъ. Игнатій Римскій-Корсаковъ. Георгій Дашковъ и пр. Въ XVIII столѣтіи и не-дворяне монахи стали писаться съ фамиліями, но не въ офиціальныхъ бумагахъ, но это уже не имѣло и теперь не имѣетъ ни малѣйшаго значенія.

Знали все это по преданьямъ миршенцы, а все-таки тужили и горевали по монастырщинѣ, когда и пашни, и покосовъ, и лѣсу было у дѣдовъ въ полномъ достаткѣ, а теперь почти нѣтъ ничего.

Васьяновъ правежъ, Варламова баня, Нифонтовъ пожаръ, полузабытыя дѣла минувшихъ лѣтъ не возбуждали въ миршенцахъ столь тяжкихъ воспоминаній, какъ Орѣхово поле, Рязановы пожни да Тимохинъ боръ. Правежъ чернобылью поросъ, отъ бани слѣдовъ не осталось, послѣ Нифонтова пожара Миршень давно обстроилась и потомъ еще не одинъ разъ послѣ пожаровъ перестраивалась, но до сихъ поръ, кто изъ церкви ни пойдетъ, кто съ базару ни посмотритъ, кто ни глянетъ изъ воротъ, у всякаго что̀ бѣльмы на глазахъ за рѣчкой Орѣхово поле, подъ селомъ Рязановы пожни, а по краю небосклона Тимохинъ боръ. Всѣ эти угодья теперь чужія, заказныя, въ старые годы миршенскими были. Пахали миршенцы Орѣхово поле, косили Рязановы пожни, въ Тимохинъ боръ по дрова да по бревна въѣзжали безданно, безпошлинно. И все то было во дни монастырщины.

Когда у монаховъ крестьянъ отбирали, въ старыхъ грамотахъ сыскано было, что Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ значились отдѣльными пустошами. Даваны они были дому Живоначальныя Троицы иными вкладчиками, а не тѣмъ, что̀ на поминъ души далъ Миршень съ коренной землей. Оттого и поле, и пожни, и боръ въ казну отошли, а спустя немногое время были пожалованы полковнику Якимову за раны и увѣчья въ войнѣ съ турками. И до сей поры оставались они въ родѣ Якимова. Невтерпежъ стало миршенцамъ смотрѣть, какъ якимовскіе мужики пашутъ Орѣхово поле и косятъ заливные луга на Рязановыхъ пожняхъ. Почасту бывали бои жестокіе. Только-что придутъ якимовскіе на пожню, вся Миршень съ дубьемъ, съ топорами да съ бердышами на нихъ высыплетъ. И въ тѣхъ бояхъ бывали увѣчья, немало бывало и смертныхъ убійствъ. Судъ наѣдетъ, миршенскихъ бойцовъ изъ девяти десятаго кнутомъ отобьютъ, въ Сибирь сошлютъ, остальныхъ перепорютъ розгами. Спины заживутъ, а какъ новое сѣно поспѣетъ, миршенцы опять за дубье, опять пойдутъ у нихъ съ якимовцами бои не на животъ, а на смерть. И сколько въ Миршень начальства ни наѣзжало, сколько мужикамъ законовъ ни вычитывали, — на разумъ они придти не могли. Одно, бывало, твердятъ:—«Отцы наши и дѣды Орѣхово поле потомъ своимъ обливали, отцы наши и дѣды Рязановы пожни косили... Наши тѣ угодья — знать ничего не хотимъ».

Больше десяти годовъ бывали такіе бои около лѣтняго Кузьмы-Демьяна на Рязановыхъ пожняхъ, а потравамъ въ Орѣховомъ полѣ и лѣснымъ порубкамъ въ Тимохиномъ бору и счету не было — заразъ, бывало, десятинами хлѣбъ вытравливали, заразъ сотнями деревья валили. Отъ штрафовъ да отъ пеней, отъ платы за порубки и потравы, отъ воинскаго постоя, что въ такое разбойное село за наказанье ставили, въ конецъ обѣднѣли миршенцы. Село обезлюдѣло—много народу въ Сибирь ушло. Стало въ Миршени хоть шаромъ покати. Тогда только унялись дубинные и топорные споры, зато начались иные бои — не коломъ, а перомъ; не кровь стали проливать, а чернила. Сколько просьбъ было подавано, сколько ходоковъ въ Петербургъ было посылано, а все-таки дѣло не выгорѣло, только пуще прежняго разорились миршенцы. Когда же пришлось имъ сумы надѣвать да по міру за подаяньемъ брести, они присмирѣли.

Смирились, а все-таки не могли забыть, что ихъ дѣды и прадѣды Орѣхово поле пахали, Рязановы пожни косили, въ Тимохиномъ бору дрова и лѣсъ рубили. Давно подобрались старики, что жили подъ монастырскими властями, ихъ сыновья и внуки тоже одинъ за другимъ ушли на ниву Божью, а Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ въ Миршени попрежнему и старому и малому глаза мозолили. Какъ ни взглянутъ на нихъ, такъ и вспомнятъ золотое житье дѣдовъ и прадѣдовъ, и зачнутъ роптать на свою жизнь горе-горькую.

Тихо, спокойно жили миршенцы: пряли дѣль, вязали сѣти, точили уды, и за дѣдовскія угодья смертнымъ боемъ больше не дрались. Давнія побоища остались однако въ людской памяти: и окольный и дальній народъ обзывалъ миршенцевъ «головотяпами»... Иная память осталась еще отъ старинныхъ боевъ: на Петра и Павла либо на Кузьму-Демьяна каждый годъ и въ началѣ сѣнокосовъ въ Миршени у кузницъ, супротивъ Рязановыхъ пожней, кулачные бои бывали, но дрались на нихъ не въ дѣло, а ради потѣхи.

Изъ-за трехъ верстъ якимовскіе мужики на тѣ бои ровно на праздникъ прихаживали. Всѣми деревнями поднимутся, бывало, съ бабами, съ дѣвками, съ малыми ребятами. Миршенцы, пообѣдавши, всѣ поголовно, опричь развѣ старыхъ старухъ, вырядятся въ праздничную одежду и спѣшно выходятъ на подугорье *) гостей встрѣчать. Молодые парни въ красныхъ кумачевыхъ либо ситцевыхъ рубахахъ, въ смазанныхъ чи-

*) Подугорье, подгорье — полоса подъ горой.

стымъ дегтемъ сапогахъ, съ княгининскими *) шапками набекрень, кружкàми собираются на луговинѣ. Дѣвушки и молодицы въ ситцевыхъ сарафанахъ, съ шерстяными и матерчатыми платочками на головахъ, начинаютъ помаленьку «игры заводить». Громкія пѣсни, звуки гармоникъ, игривый говоръ, веселый задушевный смѣхъ, звонкіе клики разносятся далеко. Люди степенные садятся ближе къ селу подъ самой горой. Въ ихъ кружкàхъ одна за другой распиваются четвертухи и распѣваются свои пѣсни. Особыми кружкàми на зеленой муравѣ сидятъ женщины и другъ друга угощаютъ городецкими пряниками **) да цареградскими стручками, щелкаютъ калены орѣхи либо сладкіе подсолнухи. Каждый годъ на этомъ гуляньи ровно изъ земли выросталъ разносчикъ. У него на подводѣ всегда много ящиковъ, разставляетъ, бывало, онъ ихъ и раскладываетъ деревенскія лакомства; и въ накладѣ никогда не остается. Мальчишки и подростки борются либо играютъ: кто въ козны, кто въ крегли, кто въ мячъ, кто въ чижъ, кто въ лапту ***), съ гикомъ, съ визгомъ, съ задорными криками. Но вотъ голосистая бойкая молодица выходитъ изъ толпы, весело вкругъ себя озирается и, ловко подбоченясь, заводитъ громкимъ голосомъ «созывную» пѣсню:

Собирайтеся, дѣвицы,
Собирайтесь, красныя,
        На зеленъ на лужокъ,
Собирайтеся, дѣвицы,
Собирайтесь, красныя,
        Во единъ кружокъ.

И дѣвицы и молодицы дружно подтягиваютъ запѣвалкѣ:

На травкѣ-муравкѣ рвите цвѣточки,
        Пошли въ хороводъ!
        Пошли въ хороводъ! ****)
Въ хороводѣ веселитесь,
По забавушкамъ пуститесь,
Пѣсни запѣвайте,
Подружекъ собирайте!

---

*) Въ городѣ Княгининѣ, Нижегородской губерніи, особенно въ подгородныхъ слободахъ его весь народъ шьетъ шапки да картузы.

**) Изъ села Городца на Волгѣ. Городецкіе пряники славятся въ Поволжьѣ больше, чѣмъ вяземскіе или тульскіе.

***) *Козны* — бабки, извѣстная и самая обычная игра деревенскихъ мальчиковъ. *Крегли* или *городки*: тонкіе, круглые столбики вершка въ четыре вышиною, ставятся рядами, ихъ сшибаютъ издали палками. *Чижъ* — заостренная съ обоихъ концовъ палочка въ четверть длины: бьютъ чижъ по концу, онъ летитъ кверху, его подбиваютъ на воздухѣ, и онъ летитъ дальше. *Лапта* — игра въ мячъ.

****) *Пошли* — ступайте, идите.

Пошли въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ!
Запоемте, дѣвки, пѣсню нову,
Нашу радость хороводу!
Въ хороводъ, въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ!

Собрались дѣвицы, подошли къ нимъ молодцы, но стали особымъ кружкомъ. Въ хороводѣ пѣсню за пѣсней поютъ, но игра идетъ вяло, невесело. Молодица, что̀ созывную пѣсню запѣвала, становится середь хоровода и начинаетъ:

Какъ намъ, дѣвушки, хороводъ сбирать,
Какъ намъ, красныя, новы пѣсни запѣвать?

Хороводъ продолжаетъ:

Диди ладо, диди ладушки!
Вы, подруженьки любимыя,
Вы, красавицы забавницы,
Сходитесь на лужокъ,
Становитесь во кружокъ.
Диди ладо, диди ладушки!
Вы сцѣпитесь всѣ за ручки
Да примите молодцовъ!
Приходите, молодцы, во дѣвичій хороводъ,
Выходите, удалые, ко краснымъ во кружокъ.
Диди ладо, диди ладушки!
Въ пары становитесь — сохи собирать,
Въ пары, въ пары собирайтесь—пашенку пахать,
Пашенку пахать, сѣять бѣлъ ленокъ.
Въ пары, въ пары, въ пары, во зеленый во садокъ.
Диди ладо, диди ладушки!

Гурьба молодцовъ къ хороводу идетъ. Тихо, неспѣшно идутъ они, охорашиваясь. Пары въ кругъ становятся. Тутъ и миршенскіе и якимовскіе. Вмѣстѣ всѣ весело, дружно играютъ.

Вотъ середь круга выходитъ дѣвица. Рдѣютъ пышныя ланиты, высокой волной поднимается грудь, застѣнчиво поникли темныя очи, робѣетъ чернобровая красавица, первая по всей Миршени невѣста, Мароуша, богатаго скупщика Семена Парамонова дочь. Тихо двинулся хороводъ, громкую пѣсню запѣлъ онъ, и пошла Мароуша павой ходить, сама бѣленькимъ платочкомъ помахиваетъ. А молодцы и дѣвицы дружно поютъ:

Какъ на кустикѣ зеленомъ
Соловеюшка сидитъ,
Звонко, громко онъ поетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ,
А по травкѣ, по муравкѣ,
Красны дѣвицы идутъ,
А котора лучше всѣхъ —
Та сударушка моя.

Бѣлымъ лицомъ круглоличка
И нарядңѣе всѣхъ,
Какъ Мароушу не признать,
Какъ милую не узнать?

Лѣтомъ влетаетъ въ кругъ Григорій Моргунъ, самый удалой молодецъ изо всѣхъ якимовскихъ. Въ ситцевой рубахѣ, синь кафтанъ болокомъ *), шляпа съ подхватцемъ, къ тульѣ пристегнуты павлины перышки. Красавецъ Григорій изъ богатаго дома, изъ тысячнаго, два сына у отца, двѣ расшивы на Волгѣ. Идетъ Гриша улыбается—рѣдко шагаетъ, крѣпко ступаетъ— знать сокола по полету, знать молодца по выступкѣ. Подходитъ онъ къ Мароушѣ, шляпу снимаетъ, низко кланяется, беретъ за бѣлыя руки красавицу, ведетъ за собой. Сильнѣй и сильнѣй колышется дѣвичья грудь, краснѣй и краснѣй рдѣютъ щеки Мароуши... Вотъ глаза подняла — и всѣхъ осіяла, взглянула на молодца — сама улыбнулась. А хороводъ пѣсню свою допѣваетъ:

Признавалъ, узнавалъ
Гриша молодецъ удалъ,
За рученьку ее бралъ,
Отъ подругъ прочь отзывалъ,
Полой ее одѣвалъ,
При народѣ цѣловалъ.

И подъ эти слова Гриша, накинувъ на Мароушу полу кафтана, цѣлуетъ ее въ уста алыя. Первый силачъ, первый красавецъ изо всѣхъ деревень якимовскихъ, давно ужъ Гриша Моргунъ въ чужой приходъ сталъ къ обѣднямъ ходить, давно на полѣ Орѣховомъ, на косовицѣ Рязановой, чуть не подъ самыми окнами Семена Парамоныча, удалой молодецъ звонко пѣсни поетъ, голосистымъ соловьемъ заливается... Не свивать гнѣзда соловью на высокомъ дубу — не видать тебѣ, Гриша Моргунъ, Мароы Семеновны женой своей. Казенный тысячникъ за барскаго дочери не выдастъ, хоть гарнцами отсыпай золотую казну.

Пѣсня за пѣсней, игра за игрой, а у степенныхъ людей бесѣда живѣй да живѣй. Малы ребятки, покинувши козны и кегли, за иную игру принялись. Расходились они на двѣ ватажки, миршенская становилась подъ горой задомъ къ селу, одаль отъ нихъ къ рѣчкѣ поближе другая ватажка собиралась— якимовская.

Стали якимовскіе супротивниковъ на бой вызывать. Засучивъ рукава и сжавъ кулачонки, мальчики лѣтъ по трина-

---

*) Одѣваться *болокомъ* — надѣвать одежду въ накидку.

дцати шагнутъ впередъ, остановятся, еще шагнутъ, еще остановятся и острыми, тоненькими голосками нараспѣвъ кличъ выкликиваютъ:

— Камча̀, камча̀, маленьки! Камча̀, камча̀, маленьки!

То — вызывной кличъ на бой *).

Спѣшнымъ дѣломъ миршенскіе парнишки въ рядъ становились и, крикнувъ въ голосъ: «камча̀!», пошли на якимовскихъ. А тѣ навстрѣчу имъ, но тоже съ разстановками: шагнутъ — остановятся, еще шагнутъ — еще остановятся. Близко сошлись бойцы-мальчуганы, но въ драку покуда не лѣзутъ, задорнѣе только кричатъ:

— Камча̀, камча̀, маленьки!.. Камча̀, камча̀, маленьки!

Мало повременя стали мальцы другъ на дружку наскакивать, но это еще только заигрыши **)... Вотъ наконецъ съ якимовской стороны выступаетъ паренекъ лѣтъ двѣнадцати, удалой, задорный, забіячливый, недаромъ старостинъ сынъ. Зовутъ его Леска Баранъ. Засучивъ рукавишки, тряхнувъ бѣлыми какъ ленъ волосенками, низко нагнувъ голову, ястребенкомъ ринулся онъ на миршенскихъ. Подбѣжалъ, размахнулъ ядреными ручонками и ровно двѣ тростинки подрѣзалъ двухъ мальчугановъ, а потомъ, поднявъ важно голову, къ своимъ пошелъ. Не вставая съ земли, зажмуря глаза, раскрывъ рты, сбитые съ ногъ мальчуганы хотѣли-было звонкую ревку задать, но стоявшіе сзади нихъ и по сторонамъ миршенскіе подростки и выростки ***) окрысились на мальцовъ и въ сердцахъ на нихъ крикнули:

— Не смѣть визжать, заревыши ****)! Охота ревѣть—ступай къ матери...

Стихли ребятенки и, молча поднявшись съ земли, стали глаза утирать кулачонками. Ватажки своей они не покинули. Нельзя. И мальцамъ не охота срама принимать. А хуже того срама, что съ боя сбѣжать — нѣтъ и никогда не бывало. Житья послѣ не будетъ и отъ чужихъ и отъ своихъ.

Леска Баранъ сталъ впереди своей ватаги, молодецки подбоченился и гордо поглядывалъ на миршенскихъ. А тѣ языки ему высовываютъ, выпѣваютъ, вычитываютъ:

---

*) *Камча̀*—собственно плеть, нагайка, а также ударъ, битье — слово татарское, употребляемое русскими въ восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Оренбургской, Уфимской, Казанской, Самарской. Это же слово служитъ и кликомъ на кулачныхъ бояхъ. Въ иныхъ мѣстахъ на бояхъ это слово нѣсколько искажается: вмѣсто камча̀ кричатъ *кичма*.

**) *Заигрыши* — заигрыванье, задиранье, затрогиванье шутками.

***) *Подростокъ* -отъ 14 до 16 или 17 лѣтъ, *выростки*—отъ 17 до 19.

****) *Заревышъ* — кто начинаетъ ревѣть. *Заревъ* — начало рева.

Леска дуракъ
Повадился въ кабакъ,
Тамъ его били,
Били, колотили
Во три дубины,
Четвертый костыль
По зубамъ вострилъ,
Пята дубина
По бокамъ возила,
Шесто колесо
Всего Леску разнесло
По всѣмъ городамъ,
По всѣмъ селамъ, деревнямъ.

Глазомъ не моргнулъ Леска на задорные, обидливые напѣвы миршенскихъ парнишекъ. Стоитъ на мѣстѣ, ровно въ землю вросъ, стоитъ, а самъ охорашивается: «глядите, дескать, на меня, каковъ я богатырь уродился». Не стерпѣлъ того Васютка Чернышъ изъ миршенскихъ. Подобравъ пестрядиные, домотканые штанишки, подтянувъ поясокъ и засучивъ рукава сарпинковой косоворотки, маленькій, пузатенькій, но сильный и смѣлый Васютка, сверкая исподлобья темно-карими глазенками и слегка переваливаясь съ ноги на ногу, мѣрнымъ, неспѣшнымъ шагомъ выступалъ на якимовскихъ. Тѣ въ голосъ ему:

Требуханъ, требуханъ,
Съѣлъ корову да быка,
Овцу, яловицу,
Пятьдесятъ поросятъ,
Девяносто утятъ.

Не серчаетъ Чернышъ, не ругается, не его будто бранятъ, не его корятъ. Былъ онъ на ногу скоръ, на походку легокъ, напускался на ватажку якимовскую, пошелъ косить направо и налѣво — мальчуганы вкругъ него такъ и валятся. Тутъ Леска Баранъ наспѣхъ выскакивалъ, ниже пояса склонялъ бѣлокурую курчавую голову, со всѣхъ ногъ на Васеньку бросился, хочетъ его съ копытъ долой, да Васютка Чернышъ тутъ увертливъ былъ — въ бокъ отскочилъ, Леску какъ снопъ повалилъ, сѣлъ верхомъ на него... Тутъ начинался задорный бой, смѣшались миршенскіе съ якимовскими, давай колотить другъ друга напропалую... Дрогнули ребятки миршенскіе, смяли ихъ якимовскіе, погнали съ луговины въ село.

Тутъ миршенскіе подростки и выростки засвистали громкимъ посвистомъ, созывали товарищей выручать своихъ маленькихъ.

— Камчà! — крикнули они якимовскимъ подросткамъ.

— Камчà! — отвѣчали якимовскіе.

И тѣ и другіе спѣшно въ ряды становились, крѣпко пле

чомъ о плечо упирались и, сжавъ кулаки, пошли стѣна на стѣну. Тутъ ужъ пошелъ прямой и заправскій *) бой.

А побитые парнишки съ синяками на скулахъ бѣгомъ къ отцамъ, къ матерямъ силой, удалью своей хвастаться. Маленькихъ бойцовъ похваливаютъ, по головкамъ ихъ поглаживаютъ, одѣляютъ орѣхами да пряниками. У Лески Барана да у Васютки Черныша полны подолы орѣховъ, рожковъ и подсолнуховъ.

А хороводы идутъ своимъ чередомъ, играютъ тамъ пѣсни **) попрежнему. Вотъ въ середь круга выступаетъ молодой рослый парень. Алешей звать, Мокея Сергѣева сынъ. У отца у его двѣ мельницы-точильни возлѣ Миршени стоятъ. Русые кудри, искрометныя очи, самъ чистотѣлъ, бѣлолицъ, во всю щеку румянъ; парень — кровь съ молокомъ, заглядѣнье. Въ ситцевой голубой рубахѣ, опоясанъ шелковымъ алымъ поясомъ, сапожки со скрипомъ, шапка на ухо, скосыремъ ***) московскимъ глядитъ. Величаво пріосанившись, важно въ хороводѣ онъ похаживаетъ, передъ каждой дѣвицей становится, бойко, зорко съ ногъ до головы оглядываетъ, за руки, за плечи потрогиваетъ. И на то молодицы съ дѣвицами пѣсню поютъ ему:

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше красное солнышко похаживаетъ.
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
На малыхъ пташекъ — на дѣвицъ онъ посматриваетъ.
Что у ласточки,
У касаточки,
Сизы крылья — у красныхъ бѣлы руки онъ потрогиваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапожки сафьянъ,
Золоту казну, дорогихъ соболей имъ показываетъ.
Веселымъ лицомъ
Да краснымъ словцомъ
Мысли дѣвичьи свѣтлый князь разгадываетъ.
Не мани насъ, князь,
Не гадай насъ, князь,
Наше красное солнышко, незакатное,
Не златой казнѣ,
А твоей красѣ
Ретивы сердца дѣвичьи покоряются;
Ты взгляни хоть разъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Любу дѣвицу выбирай изъ насъ.

---

*) *Заправскій* — настоящій, неподдѣльный, нешуточный.

**) Вмѣсто «пѣть пѣсни» часто говорятъ: «играть пѣсни».

***) *Скосырь* — щеголь, а дальше отъ Волги на востокъ слово это значитъ надменный, нагловатый человѣкъ.

Становился Алеша Мокеевъ передъ Аннушкой Мутовкиной. Была та Аннушка дѣвица смиренная, разумная, изъ себя красавица писаная, одна бѣда — бѣдна была, въ сиротствѣ жила. Не живать сизу орлу во долинушкѣ, не видать Алешѣ Мокееву хозяйкой бѣдную Аннушку. Не пошлетъ сватовьевъ спесивый Мокей къ убогой вдовѣ Аграфенѣ Мутовкиной, не посватаетъ онъ зà сына ея дочери безприданницы, въ Аграфениномъ дворѣ ворота тѣсны, а мужикъ богатый, чтò быкъ рогатый, въ тѣсны ворота не влѣзетъ.

Бой подростковъ межъ тѣмъ разгорается. Старые люди степенные встаютъ съ луговины посмотрѣть на свою молодежь, удалыхъ бойцовъ похваливаютъ, неудачныхъ подзадориваютъ.

— Дерись, дерись, ребятушки!.. Плохо станете драться, невѣстъ не дадимъ.

Кипитъ рукопашная... Не одними кулаками молодцы работаютъ, бьются ногами и колѣнками, колотятъ зря по чемъ ни попало, лежачаго только тронуть не смѣютъ — таковъ законъ на кулачныхъ бояхъ. Возрастные парни изъ хоровода поглядываютъ, крѣпко ли ихъ сторона держится, не пора-ль и имъ выходить на подмогу на выручку. Единъ по единому покидаютъ они кругъ дѣвичій, выходятъ на бой ради своей молодецкой потѣхи... Разгорѣлась потѣха, разсыпались бойцы по лугу, а красныя дѣвицы, ровно спугнутая лебединая стая, безъ оглядки понеслись подъ угорье — тамъ старики, люди пожилые, молодицы и малолѣтки, стоя гурьбами, на бой глядятъ.

Не смолоченный хлѣбъ на гумнѣ люди вѣютъ, не буенъ вѣтеръ, доброе зерно оставляя, летучую мякину въ сторону относитъ, — одинъ за другимъ слабосильные бойцы поле покидаютъ, одни крѣпконогіе, твердорукіе на бою остаются. Дрогнула, ослабѣла ватага якимовская, къ самой рѣчкѣ миршенцы ее оттѣснили. Миршенскіе старики съ подгорья радостно кричатъ своимъ:

— Молодцы! молодцы!.. Мѣси ихъ!.. Катай!.. Вали въ рѣку!

Всей силой наперли миршенскіе; не устоять бы тутъ якимовскимъ, втоптали бы ихъ миршенцы въ грязную рѣчку, но откуда ни возьмись два брата родныхъ Сидоръ да Панкратій, сыновья якимовскаго кузнеца Степана Мотовилова. Наскоро стали они строить порушенную стѣну, быстро разставили бойцовъ, кого направо, кого налѣво, а на самой середкѣ сами стали супротивъ Алеши Мокеева, чтò послѣдній изъ хоровода ушелъ, — больно не хотѣлось ему разставаться съ бѣдной сироткою Аннушкой.

— Алеша!.. Родимый!.. Постой за себя — ломи ихъ, голубчикъ! — кричатъ старики съ подгорья.

Не слышитъ Алеша громкихъ ихъ кликовъ, помнятся ему только тихія, нѣжныя рѣчи Аннушки, что̀ сказала ему на прощанье, когда уходилъ онъ изъ хоровода: «Алеша, голубчикъ, не осрами себя. Попомни мое слово, желанный!»

И въ хороводахъ и на бояхъ вездѣ бывалъ гораздъ Алеша Мокеевъ. Подскочилъ къ одному Мотовилову, ткнулъ куламъ-рѣзуномъ въ грудь широкую, падалъ Сидоръ назадъ, и Алеша, не давъ ему совсѣмъ упасть, ухватилъ его поперекъ дебелыми руками да изо всей мочи и грянулъ бойца о землю.

— Хоть ты и кузнецъ, а самъ-отъ, видно, не желѣзный, — громко на весь народъ похвалился Алеша. А Сидорушку одолѣла скорбь несносная, стало ему за обиду великую, что Мокеевъ сломилъ его, бросилъ на землю ровно цыпленка и теперь еще надъ нимъ похваляется. Не до того было Панкратью, чтобъ вступиться за брата: двое на него наскочило, одинъ губы разбилъ — посыпались изо рта бѣлые зубы, потекла ручьемъ алая кровь, другой ему въ бедро угодилъ, гдѣ лядвея въ бедро входитъ, упалъ Панкратій на колѣно, сильной рукой о̀земь оперся, закричалъ громкимъ голосомъ: «братцы, не выдайте!». Встать хотѣлъ, но померкъ свѣтъ бѣлый въ ясныхъ очахъ, темнымъ морокомъ покрыло ихъ. Тутъ, засучивъ рукава, влетѣлъ въ середину стѣны красавецъ Григорій Моргунъ, ринулся онъ на миршенцевъ и пошелъ ихъ косить желѣзной своей пятерней. Дружно, крѣпко стали якимовскіе, всей силой пошли напирать на миршенскихъ. Держалась сельщина только богатырской силой да ловкимъ умѣньемъ Алеши Мокеева; но подбѣжалъ Григорій Моргунъ, крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Камча̀, сельщина, камча̀, дѣльщина *)!

И сквозь кипящія боемъ ватаги пробился къ Алешѣ Мокееву. Не два орла въ поднебесьѣ слетались — двое ярыхъ бойцовъ, самыхъ крѣпкихъ молодцовъ грудь съ грудью и лицомъ къ лицу сходились. Не желѣзные молоты куютъ красное желѣзо каленое, крѣпкорукіе бойцы сыплютъ удары кулаками увѣсистыми. Сыплются удары и чернѣютъ бѣлыя лица обоихъ красавцевъ. Ни тотъ ни другой набокъ не клонится, оба крѣпко на мѣстѣ стоятъ, ровно стѣны каменныя.

Стоны, дикіе крики, стукотня кулачныхъ ударовъ и громкая ругань носятся надъ луговиной и сливаются въ одинъ страшный гулъ. Всюду искаженныя злобой, окровавленныя, свирѣпыя лица, разсѣченныя скулы, вспухшія губы, расшибленныя руки и груди.

---

*) Работающіе дѣль — пряжу и сѣти.

Во время самаго разгара боя подошелъ къ бойцамъ старый Моргунъ, якимовскій тысячникъ. Шапкой махая, сѣдыми кудрями потряхивая, кричитъ изо всей мочи онъ сыну любезному:

— Выручай, Гришутка!.. Выручай, золотой! Мѣси супротивниковъ!

Услыхалъ отцовскій приказъ Григорій Моргунъ — и больше стало валиться миршенцевъ отъ тяжелыхъ его ударовъ. Какъ стебли травяные ложатся подъ острой косой, такъ они направо и налѣво падаютъ на мать сыру землю. Чуть не полстѣны улеглось подъ мощными кулаками Гришиными.

Тутъ на него какъ жестокая буря налетѣлъ Алеша Мокеевъ. Разомъ поднялись два страшныхъ кулака, разомъ грянули — Гриша Моргунъ на сажень отлетѣлъ, но устоялъ на твердыхъ ногахъ, а у красавца Алеши подломились колѣна, назадъ онъ подался. Не садовый макъ, отъ дождя тяжелѣя, набокъ клонитъ головку, тяжело склоняется на траву-мураву Алешина буйна голова. Палъ навзничь, протянулъ руки къ товарищамъ, но ни слова не вымолвилъ... Куда дѣвалась твоя сила, Алеша?.. Гдѣ твои крѣпкія руки, гдѣ твои быстрыя ноги? Пластомъ лежитъ красавецъ на зеленой травѣ, обливая ее горячею кровью.

Палъ Алеша, и одолѣла сила якимовская. Ровно овечье стадо вогнала она миршенцевъ въ село и на улицѣ еще долго колотила ихъ.

Всѣ остались живы, но всѣ обезсилѣли; кто безъ руки, кто безъ ноги, у кого лицо набокъ своротено. Ночь кроетъ побоище и разводитъ бойцовъ по домамъ.

Каждый годъ на зеленъ покосъ потѣшные бои у миршенцевъ съ якимовцами бывали. А кромѣ того зимой каждый праздникъ отъ Крещенья до Крестова воскресенья *) кулачные бои бывали, но прежней вражды между ними не бывало. Жили въ миру да въ добромъ ладу, какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ. Роднились межъ собой: съ охотой миршенцы брали якимовскихъ дѣвокъ — добрыя изъ нихъ выходили работницы, не жаль было платить за нихъ выводное **), но своихъ дѣвокъ за якимовскихъ парней не давали. Не то кручинило

*) *Крестово воскресенье* — третье воскресенье Великаго поста.

**) *Выводное* — плата за позволеніе крѣпостнымъ и удѣльнымъ дѣвкамъ и вдовамъ выходить замужъ за сторонняго. Обыкновенно брали рублей по 20 за дѣвку и рублей по 10 — 15 за бездѣтную вдову. Во многихъ казенныхъ селеніяхъ общества также брали выводное, но оно въ мірскія суммы не поступало, а обыкновенно пропивалось.

отцовъ и матерей, что ихъ дѣтище барской работой завалятъ, того они опасались, не вздумалъ бы баринъ бабенку во дворъ взять. Еще пуще боялись, чтобъ крестьянъ не продалъ на вывозъ онъ, либо не выселилъ въ дальнія вотчины — не видать тогда дочки до гробовой доски, не знавать и ей ни рода ни племени, изныть и покончить жизнь на чужой сторонѣ.

Про былую тяжбу изъ-за пустошей миршенцы якимовскимъ словомъ не поминали, хоть Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ глаза имъ попрежнему мозолили. Никому на умъ не вспадало, во снѣ даже не грезилось поднимать старыя дрязги — твердо помнили миршенцы, сколько бѣдъ и напастей изъ-за тѣхъ пустошей отцами ихъ принято, сколь долго они послѣ разоренья по міру ходили да по чужимъ мѣстамъ въ наймитахъ работали. Но вдругъ ровно вѣтромъ одурь на нихъ нанесло: заквасили новую дёжу *) на старыхъ дрождяхъ.

Глава двадцатая.

Разъ лѣтомъ, въ страдную пору, съ котомкой за плечами, съ сѣдой, щетинистой, давно небритой бородой, съ серебрянымъ Егорьемъ и тремя медалями на шинели, проходилъ по Горамъ старый, но рослый и крѣпкій солдатъ. Къ Волгѣ служивый путь свой держалъ, думалъ сплыть водой до Перми, а оттоль на своихъ на двоихъ въ Сибирь шагать на родину. Отслуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю и получивъ «чистую» **), пробирался онъ тысячи за четыре верстъ отъ полка своего. Никого изъ сродниковъ не чаялъ встрѣтить онъ на родинѣ, а все-таки хотѣлось старому служакѣ хоть разокъ еще полюбоваться на родныя поля, побродить передъ смертью по роднымъ лѣсамъ, на церковномъ погостѣ поклониться могилкамъ родителей, а по времени и самому тамъ лечь.

Поутру на самый Ильинъ день приходилъ онъ въ Миршень, день былъ воскресный, базарный—праздникъ, значитъ, тройной. Пришелъ служивый въ село въ самый благовѣстъ къ обѣднѣ. Никуда не заходя, ни съ кѣмъ ни слова не молвя, прямо въ церковь онъ и сталъ у праваго крылоса. Положивъ въ сторонкѣ котомку и поставивъ въ уголокъ походный посошокъ фунта въ два вѣсомъ, взошелъ онъ на крылосъ и сталъ подпѣвать дьячкамъ да поповичамъ, что̀ на лѣтнюю побывку пришли изъ семинаріи. Заслушались солдата православные,

*) *Дёжа* — кадка, въ которой квасятъ и мѣсятъ тѣсто на хлѣбы, то же, что̀ квашня.

**) Отставку.

даже самъ попъ выслалъ изъ алтаря дьякона узнать, что за знатный такой пѣвчій у нихъ въ Миршени проявился. А церковный староста, мужикъ богатый и тароватый, нарочно подошелъ къ служивому освѣдомиться, кто онъ, откуда и куда путь-дорогу держитъ. Служивый на все далъ отвѣтъ, а на спросъ, отчего пѣть столь гораздъ, сказалъ, что больше двадцати годовъ въ полковыхъ пѣвчихъ находился, и тутъ же попросилъ позволенья Апостолъ прочитать. Сказали попу, тотъ благословилъ, и какъ началъ солдатъ густымъ басомъ забирать громче да громче, такъ всѣ диву дались, а церковный староста даже на корточки присѣлъ отъ сердечнаго умиленья. А когда солдатъ повелъ подъ конецъ: «Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ», такъ въ окнахъ стекла задрожали, а по церкви такой гулъ пошелъ, что бабы подумали, не самъ ли Илья пророкъ на тучѣ ѣдетъ. А на крылосѣ дьячокъ да понамарь такъ разсуждали съ поповичами:

— Ну голосина! — молвилъ дьячокъ.

— Въ любой соборъ въ протодьяконы! — подтвердилъ понамарь.

— Нашъ архіерейскій Ефремъ въ подметки ему не годится — козелъ передъ нимъ, просто смрадное козлище! — жиденькимъ голосомъ промолвилъ одинъ изъ поповскихъ сыновей.

— Эхъ, дернуть бы ему «многая лѣта» али «жена да боится своего мужа» — вотъ бы потѣшилъ! — тряхнувъ головой, сказалъ понамарь, но не договорилъ — подошло время «аллилуйя» пѣть.

Церковный староста послѣ обѣдни зазвалъ къ себѣ служиваго ильинской нови поѣсть, ильинской баранины покушать, ильинскаго сота отвѣдать, на ильинской соломкѣ — деревенской перинкѣ — послѣ обѣда поспать-подремать *). Служивый поблагодарилъ и хотѣлъ-было взвалить котомку на старыя плечи, но староста того не допустилъ, сыну велѣлъ солдатское добро домой отнести.

Винца да пивца служивый у старосты выпилъ, щецъ съ

---

*) Ильинская *новь* (нова — новина) — хлѣбъ изъ первосжатыхъ сноповъ. На востокѣ Россіи, особенно въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, къ Ильину дню рѣжутъ барана и часть его относятъ въ церковь для освященія, какъ куличъ и яйца на Пасху. Это — *моленый кусъ*. Въ Вятской губерніи его зовутъ *жертвой*, бо̀льшая часть этой жертвы поступаетъ попамъ. По другимъ мѣстамъ рѣжутъ барана на Петровъ день. *Первый ильинскій сотъ* — бываетъ на Илью пророка, тогда ульи заламываютъ, бываетъ ранняя подрѣзка сотовъ. «Ильинская соломка — деревенска перинка» — свѣжая соломка, оставшаяся отъ молотьбы сноповъ для ильинской нови.

солониной похлебалъ, пирога поѣлъ съ грибами да ильинской баранины, полакомился и медкомъ. Пошли послѣ того тары да бары, сталъ служивый про свое солдатское житье-бытье разсказывать.

— Тяжела служба-то ваша солдатская? — утирая рукавомъ слезы, умильно промолвила старостиха. У нея старшій сынъ пять годовъ какъ въ солдаты пошелъ, и два года не было о немъ ни слуху ни духу.

— Какъ кому, — отвѣчалъ служивый. — Хорошему человѣку вездѣ хорошо, а если дрянь, ну, такъ тутъ ужъ извѣстное дѣло...

— А все-таки тяжело, чать, и хорошему-то, — пригорюнясь, молвила старостиха.

— Ничего, — отвѣтилъ служивый. — Вся наша солдатская наука въ томъ состоитъ: стой — не шатайся, ходи — не спотыкайся, говори — не заикайся, колѣнъ не подгибай, брюха не выставляй, тянись да прямись, въ бокъ не задавайся и въ середкѣ не мотайся. Вотъ и все. А насчетъ иного прочаго такъ ужъ не взыщи, матушка. Извѣстно — расейскій солдатъ промежъ неба на землѣ мотается, такъ ужъ ему на роду писано. Три деньги тебѣ въ день — куда хочешь, туда и дѣнь, сытъ крупой, пьянъ водой, помирай какъ умѣешь, только не на лавкѣ подъ святыми, а въ чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ.

Зарыдала старостиха, вспомнивши старшенькаго. Представилось ей, что лежитъ онъ, сердечный, на полѣ подъ небесами, а кровь изъ него такъ и бѣжитъ, такъ и бѣжитъ.

И когда служивый улегся въ клѣти на мягкой ильинской соломѣ, развязала она походную его котомку и, сколько было въ ней порожняго мѣста, столько наложила ему на дорогу и хлѣба, и пироговъ, и баранины, что̀ отъ обѣда осталось, картошки въ загнеткѣ *) напекла, туда же сунула луку зеленаго, стручковъ гороховыхъ перваго бранья, даже каленыхъ орѣховъ, хоть служивому и нечѣмъ было ихъ грызть. Наполнивъ съѣстнымъ котомку, добрая старушка набожно перекрестилась. Все одно, что тайную милостыню на окно бобылкѣ положила **).

---

*) *Загнетокъ* или загнетка — то же, что по инымъ мѣстамъ *горнушка, печурка, бабурка, наротокъ* — zауголокъ съ ямкой налѣво отъ шестка русской печки, куда загребаютъ жаръ и золу.

**) *Тайная милостыня* очень распространена на Горахъ. Ночью подходятъ тихонько къ избѣ бѣдняка и на подоконье кладутъ кусокъ хлѣба либо что̀ другое изъ съѣстного, потомъ, нѣсколько разъ перекрестившись, тихонько удаляются. Иныя набожныя старушки, кладя правою рукой тай-

Хозяинъ съ гостемъ маленько соснули. Встали, умылись, со сна бражки напились, и позвалъ староста солдата на бесѣду возлѣ кабака. Пошли.

Базаръ ужъ разъѣхался; десяти порожнихъ возовъ не оставалось на засоренной всякой всячиной площади. Иные послѣ добраго торгу кто въ кабакѣ, кто въ трактирѣ сидѣлъ, распивая могорычи съ покупателями, но больше народа по волѣ по селу толпилось. Жаръ свалилъ, вечерней прохладой начинало вѣять, и честная бесѣда человѣкъ съ сорокъ весело гуторила у дверей кабака. Больше всего миршенцевъ тутъ было, были кое-кто изъ якимовскихъ, а также изъ другихъ деревень. Самъ волостной голова вышелъ на площадь съ добрыми людьми покалякать. Не все же дѣла да дѣла — умные люди въ старые годы говаривали: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ — съ ума не сойдешь». Про голосистаго солдата бесѣда велась. Въ церкви у обѣдни народу въ тотъ день было немного: кого базарныя дѣла Богу помолиться не пустили, кто старинки держался — раскольничалъ, но всѣ до единаго знали, каковъ у прохожаго «кавалера» голосокъ — рявкнетъ, успѣвай только уши заткнуть... Подошелъ и кавалеръ съ церковнымъ старостой, со всѣми поздоровался, и всѣ ему по поклону отдали. Присѣлъ на приступочкѣ, снялъ фуражку, синимъ бумажнымъ платкомъ лицо отеръ.

— Отколь, господинъ служба, Богъ несетъ? — ласково, привѣтливо спросилъ волостной голова.

— Изъ Польши идемъ, изъ самой Аршавы, — отвѣтилъ служивый.

— А путь куда держишь? — продолжалъ разспрашивать голова.

— Покамѣстъ до Волги, до пристани значитъ, — сказалъ кавалеръ.

— Ну, эта дорога недальняя, — молвилъ голова. — До пристани отсель и пятидесяти верстъ не будетъ. А плыть-то куда желаешь? Въ Казань, что ли?

— Какая Казань! — усмѣхнулся служивый. — Въ Сибирь пробираемся, ваше степенство, на родину.

— Далеко-жъ брести тебѣ, кавалеръ, — съ участьемъ покачавъ головой, сказалъ голова.

ную милостыню, лѣвую руку прячутъ подъ передникъ либо въ рукавъ шубы, чтобъ она не видала, что правая рука дѣлаетъ. Есть секта (изъ хлыстовскихъ), послѣдователи которой тайную милостыню называютъ «ангеломъ женскаго пола». Случается и нерѣдко, что положенная на подоконникъ милостыня дѣлается добычей собакъ. Если подавшій о томъ спровѣдаетъ, непремѣнно подастъ новую. Прежняя, значитъ, Богу неугодна была.

— Отсель не видать! — добродушно усмѣхнулся служивый.

— Что же? Сродники тамъ у тебя?

— А Господь ихъ знаетъ. Шелъ на службу, были и сродники, а теперь кто ихъ знаетъ. Цѣлый годъ гнали насъ до полковъ, двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой Богу и великому государю служилъ, безъ малаго три года отставка не выходила, теперь вотъ четвертый мѣсяцъ по матушкѣ Расеѣ шагаю, а какъ дойду до родимой сторонушки, будетъ ровно тридцать годовъ, какъ я ушелъ изъ нея... Гдѣ, чать, найти сродниковъ? Старые, поди, подобрались, примерли, которые новы народились — тѣ не знаютъ меня.

— Зачѣмъ же такую даль идешь? — спросилъ волостной голова.

— Эхъ, ваше степенство, — молвилъ съ глубокимъ вздохомъ старый солдатъ. — Мила вѣдь сторона, гдѣ пупокъ рѣзанъ, на кого ни доведись; съ родной-то стороны и ворона павы краснѣй... Старъ ужъ я человѣкъ — а все-таки встосковались косточки по родимой землицѣ, хочется имъ лечь на своемъ погостѣ возлѣ родителей, хочется схорониться во гробу, что изъ нашей сосны долбленъ.

— Вѣстимо, — сказалъ голова. — Не то что человѣкъ, и конь рвется на свою сторону, и песъ тоскуетъ на чужбинѣ.

— Ну, а въ Польшѣ-то каково житье? — спросилъ плѣшивый старикъ, что рядомъ съ солдатомъ усѣлся. — Сынокъ у меня тамъ въ полкахъ службу справляетъ. Тоже, чать, тоскуетъ сердечный по родимой сторонушкѣ.

— Что Польша! — махнувъ въ сторону рукою, молвилъ съ усмѣшкой служивый. — Самая безначальная сторона!.. У нихъ, въ Польшѣ, жена мужа больше — вотъ каковы тамъ порядки.

— Значитъ, бабы мужьями владаютъ! — съ удивленьемъ воскликнулъ плѣшивый. — Дѣло!.. Да что-жъ мужья-то за дураки? Дляче бабье не приберутъ къ рукамъ?

— Съ бабьемъ въ Польшѣ сладу нѣтъ, никоимъ способомъ ихъ тамъ къ рукамъ не приберешь, — отвѣчалъ кавалеръ. — Потому нельзя. Богъ вѣдь у васъ ли въ Расеѣ, у насъ ли въ Сибири баба мужика хоша и хитрѣе, да разумомъ не дошла до него, а у нихъ, у эвтихъ поляковъ, баба и хитрѣй и непримѣръ умнѣе мужа. Чего ни захотѣла, все на своемъ поставитъ.

— Ну сторона! — о полы хлопнувъ руками, молвилъ плѣшивый. — Жены мужьями владаютъ!.. Это вѣдь ужъ самое распослѣднее дѣло.

И вся бесѣда подтвердила слова плѣшиваго.

— Ты смотри, кавалеръ, нашимъ-то бабамъ про это не сказывай, — усмѣхаясь, молвилъ рослый старикъ съ широкой бѣлой бородою. — Ежель узнаютъ, тотчасъ подолъ въ зубы и драло въ Польшу, некому тогда будетъ намъ и рубахи стирать.

Захохотала во все горло бесѣда.

— А что, кавалеръ, тяжеленька служба-то ваша? — спросилъ голова.

— Какъ тебѣ сказать?.. Пошелъ на службу, потерпи и нужду, безъ того нельзя, — отвѣчалъ солдатъ. — А ежели держишь себя строго, и нѣтъ за тобой никакого художества, не пропадешь и въ солдатствѣ. Особливо ежели начальство доброе, солдата, значитъ, бережетъ. Вотъ у насъ полковой былъ — отецъ родной — двадцать лѣтъ съ годами довелось мнѣ у него подъ командой служить: ротнымъ былъ, потомъ батальоннымъ, послѣ того и полковымъ — во всѣ двадцать лѣтъ слова нехорошаго я отъ него не слыхивалъ. И любили же его мы всѣ... Передъ самой моей отставкой померъ онъ сердечный... Весь полкъ, братцы, ровно бабы, воймя по немъ вылъ... Да, такихъ командировъ, какъ былъ нашъ господинъ Якимовъ, пожалуй, теперь во всей государевой арміи не осталось... Дай ему Богъ царство небесное!

— Якимовъ, говоришь? А какъ его по имени да по батюшкѣ звали? — спросилъ тотъ же плѣшивый, что про Польшу разспрашивалъ.

— Петромъ Александрычемъ, — отрывисто молвилъ солдатъ и быстро махнулъ рукавомъ передъ глазами, будто норовясь муху согнать, а въ самомъ-то дѣлѣ, чтобы незамѣтно смахнуть съ сѣдыхъ рѣсницъ слезу, пробившуюся при воспоминаньи о добромъ командирѣ. — Добрый былъ человѣкъ и бравый такой, — продолжалъ старый служака. — На Кавказѣ мы съ нимъ подъ самого Шамиля ходили!..

— Не нашъ ли это? — молвилъ плѣшивый. — И нашъ вѣдь тоже Петръ Александрычъ, и тоже полковникъ, тоже въ Польшѣ стоялъ и на Кавказѣ воевалъ. Ему тогда и оброкъ туда высылали...

— Высокій такой, изъ себя чернявый, кудрявый, — сказалъ солдатъ.

— На вотчинѣ онъ у насъ николи не бывалъ, мы его отродясь не видывали, а что Петръ Александрычъ и что въ Польшѣ стоялъ и на Кавказѣ воевалъ — это вѣрно. А полкъ-отъ, гдѣ служитъ, Московскимъ прозывается. Въ тотъ полкъ теперь и оброкъ ему посылаемъ въ польскій городъ Аршаву.

— Онъ самый и есть, — сказалъ служивый. — И вотъ

вспомнилось мнѣ теперь, что самъ я слыхалъ, какъ господинъ полковникъ, царство ему небесное, въ разговорахъ съ господами офицерами поминалъ, что у него есть вотчины гдѣ-то на Волгѣ.

— Да вотъ отсель съ поля на поле, — молвилъ плѣшивый, протянувъ руку къ якимовскимъ деревнямъ. — Такъ вотъ оно что! Значитъ, баринъ-отъ нашъ жизнь кончилъ. Что же — царство ему небесное — жили мы за нимъ, худа никогда не видали. Милостивый былъ господинъ. Лѣтъ десять тому недородъ былъ у насъ, а на другой годъ хлѣбъ-отъ градомъ выбило, а потомъ еще черезъ годъ село выгорѣло, такъ онъ кажинный годъ половину оброка прощалъ, а пожаръ у кого случится, овинъ либо баня сгоритъ, завсегда велитъ лѣску на выстройку дать. Хорошій баринъ, нечего сказать, добрая душа.

— Значитъ, и баринъ хорошій и командиръ хорошій, — замѣтилъ служивый. — Кому-жъ теперь-то вы достанетесь? — спросилъ онъ немного погодя у плѣшиваго.

— Нешто дѣтокъ не осталось? — спросилъ плѣшивый.

— Ни единаго, — отвѣчалъ солдатъ. — Барыня у него года три померла, и не слышно, чтобъ у него какіе сродники были. Развѣ что дальніе, седьма вода на киселѣ. Барыниныхъ сродниковъ много. Такъ тѣ поляки, полковникъ-отъ полячку за себя бралъ, и вѣры не нашей была. А ничего — добрая тоже душа, и жили между собой согласно... Какъ убивался тогда полковникъ, какъ хоронилъ ее — бѣда.

— Кому-жъ мы теперича достанемся? — сказалъ въ раздумьѣ плѣшивый.

— Найдутся наслѣдники, — молвилъ волостной голова: — не сума съ котомой, не перья послѣ бабушки Лукерьи, не отъ матушки отопочки, не отъ батюшки ошметочки, цѣлая вотчина осталась. Молитесь Богу, достались бы такому же доброму.

— Наврядъ такой отыщется, — угрюмо крутя сѣдой усъ, промолвилъ служивый. — Такихъ господъ, какъ полковникъ Якимовъ, не вчастую бываетъ.

— А ежель сродниковъ не отыщется, тогда мы кому?.. — сказалъ плѣшивый. — Выморокъ-отъ *) на міръ вѣдь идетъ. Стало-быть, и у насъ всѣ угодья міру достанутся?

— Выморокъ идетъ на міръ только у крестьянъ, — сказалъ волостной голова. — Дворянскимъ родамъ другой законъ писанъ. Послѣ господъ выморокъ на великаго государя идетъ. Царь барскому роду жаловалъ вотчину, а когда жалованный родъ весь вымретъ, тогда вотчина царю назадъ идетъ. Такой законъ.

*) *Выморокъ* — выморочное имѣнье.

— Значитъ, будемъ государевыми, казенными то-есть, какъ вы, миршенскіе, — молвилъ плѣшивый.

— Тамъ ужъ какъ присудятъ, — рѣшилъ голова. — Ваше дѣло теперь не шумаркать, а тихо да смирно выжидать, какая вамъ линія выпадаетъ. Вотъ что̀!..

— А все-же-таки со знающими людьми не мѣшаетъ покалякать, — сказалъ плѣшивый.

— Отчего же со знающими людьми и не покалякать? — молвилъ голова. — Это можно. Только вотъ вамъ совѣтъ мой: оброковъ не задерживайте, управляющаго слушайтесь, а зачнете возиться да гомозиться — до бѣды недалеко.

— Это такъ, это какъ есть самое настоящее дѣло, — мотнувъ головой, поддакнулъ служивый.

Опять тары да бары. Четвертуху на крылечко кабака вынесли, роспили, за другой послали. Стало еще веселѣе, еще говорливѣй. Кавалеръ разсказывалъ про разныя мѣста, гдѣ ему бывать довелось, да все съ прибаутками, и всю бесѣду морилъ онъ со смѣху. Говорилъ про хитраго нѣмчина, что̀ на русскомъ хлѣбѣ жирно отъѣдается, а самъ безъ штуки и съ лавки не свалится — ноги тонки, глаза быстры, а хвостикомъ шлепъ-шлепъ-шлепъ... Разсказывалъ про литвина-колдуна, про шведа нерублену головушку, про Финляндію чортову сторонушку *), что̀ вся каменьемъ поросла, про крымскаго грека, малосольнаго человѣка, что̀ правду только разъ въ году говоритъ да сейчасъ же каяться къ попу бѣжитъ въ великомъ своемъ согрѣшеніи. Разсказывалъ служивый и про то, какъ перваго татарина свинья родила, отчего татары свинины и не ѣдятъ, родной бабушкой боятся оскоромиться. А перваго черемиса, увѣрялъ кавалеръ, лѣшаго жена родила, оттого черемисы и живутъ въ лѣсу. И про русскихъ немало болталъ балагуръ, да все чинно таково и степенно, глазомъ не моргнетъ, бровью не шевельнетъ, ни на самую крошечку не улыбнется. Говорилъ онъ, разсказывалъ, ровно масломъ размазывалъ, какъ стояли они въ Полтавѣ, въ городѣ хохлацкомъ, стоитъ городъ на горѣ ровно пава, а весь въ грязи ровно жаба, а хохлы въ томъ городу народъ христіанскій, въ одного съ нами Бога вѣруютъ, а все-таки не баба ихъ породила, а индюшка высидѣла — изъ каждаго яйца по семи хохловъ. Оттого и глупъ хохолъ, а все-таки пальца ему въ ротъ

---

*) Солдаты Финляндію зовутъ «чортовой сторонушкой» за ея каменья. По ихъ повѣрью, тѣми каменьями черти играли, но, когда преподобные Варлаамъ и Германъ принесли на островъ Валаамъ честной крестъ, черти перепугались, въ воду побросались; а камни, какъ они играли, такъ и остались.

не клади, вороны глупѣй, зато чорта хитрѣй, повѣрить ему можно только съ опаской: соврать не совретъ, да и правды не скажетъ, а самъ упрямъ, какъ быкъ али чортъ карамышевскій. Разсказывалъ служба про глупую Вязьму, что̀ въ пряникахъ увязла, про безтолковый Дорогобужъ, про смолянъ польскую кость, что̀ на нашихъ годахъ собачьимъ мясомъ обросли. Говорилъ про елатомцевъ-бабешниковъ, про моршанцевъ-сомятниковъ, что̀ заодно съ кадомцами-цѣловальниками сома въ печи ловили. Разсказывалъ бывшій солдатушка про мордву толстопятую тамбовскую, про темниковцевъ-совятниковъ, что̀ въ озерѣ сову крестили, гайтанъ съ крестомъ на нее надѣли, крещёна сова полетѣла, на церковный крестъ сѣла да тамъ на гайтанѣ и удавилась, а темниковцы за то воеводѣ поплатились, со двора по двадцати алтынъ за давлену сову царевъ слуга сорвалъ. Разсказывалъ кавалеръ и про ливенцевъ, что̀ губернатора съ саламатой *) встрѣчали, повезли ему навстрѣчу съ каждаго двора по корчагѣ да мостъ и обломили. Говорилъ солдатъ и про знатный градъ Сѣвскъ, какъ тамъ поросенка на насѣсть сажали, а сами приговаривали: «цапайся, цапайся, поросеночекъ, курочка о двухъ лапкахъ, да и та держится, а у тебя четыре» **).

Распотѣшилъ служивый розсказнями своими и прибаутками весь міръ-народъ миршенскій, весь міръ-народъ якимовскій и міръ иныхъ селъ и деревень. Напоили міры кавалера, какъ слѣдуетъ, и сами нарѣзались ради хорошаго случая. Церковный староста и ужиномъ служиваго угостилъ, позвалъ на ужинъ и голову съ плѣшивымъ мужикомъ и еще кой-кого изъ пріятелей. Пришли незваные-непрошеные попъ съ дьячкомъ, дьяконъ съ понамаремъ да ватага поповичей послушать высокогласнаго воина, коему самъ Ефремъ протодьяконъ въ подметки не годится. И по усильной ихъ просьбѣ прохожій кавалеръ многолѣтіе выкликивалъ, «Кто Богъ велій» выпѣвалъ и такъ проревѣлъ: «Разумѣйте языцы и покоряйтеся», что перебудилъ всѣхъ сосѣдей, а ребятишекъ до того исполошилъ, что съ иными родимецъ приключился. Наутрѣ честно проводили служиваго. Тѣмъ же шагомъ, какимъ подъ турку, подъ венгерца и на горцевъ хаживалъ, зашагалъ онъ, направляя путь къ пристани, чтобы плыть до Перми, а оттоль опять шагать да шагать до сибирской дальней родины.

Съ той поры по всѣмъ якимовскимъ деревнямъ пошли суды

*) *Саламата* — жидкій прѣсный кисель изъ какой угодно муки.

**) Чуть не каждому городу, и многимъ селамъ и деревнямъ, изстари даны подобныя затѣйныя прозванья. Ихъ гораздо больше тысячи. Нѣкоторыя вошли въ Далевское «Собраніе пословицъ».

да пересуды, кому доставаться имъ послѣ безнаслѣднаго барина. По скорости исправникъ бумагу имъ вычиталъ, что ихній помѣщикъ въ самомъ дѣлѣ покончилъ жизнь, и надъ вотчиной, пока не объявятся наслѣдники, опека назначена. Года два прошло послѣ того, а наслѣдниковъ нѣтъ какъ нѣтъ; пришла наконецъ бумага дѣлить Якимовскую вотчину на пятнадцать долей. Имѣнье пошло вразбродъ, и то якимовскимъ мужикамъ пришлось не по нраву. А все-таки все у нихъ шло тихо, смирно, спокойно, зато въ Миршени сыръ-боръ загорѣлся.

Мирно, полюбовно раздѣлила стая наслѣдниковъ якимовское имѣнье, бывшее въ разныхъ губерніяхъ. Одному изъ нихъ, какому-то и тѣломъ и умомъ жиденькому баричу, ни слова по-русски не знавшему, тщедушный свой вѣкъ гдѣ-то на теплыхъ водахъ въ чужихъ краяхъ изживавшему, доставались и Орѣхово поле, и Рязановы пожни, и Тимохинъ боръ. Заморскій выкидышъ русской земли и взглянуть не захотѣлъ на свое наслѣдство и прислалъ на Горы повѣреннаго сбыть его съ рукъ поскорѣй. На лѣсъ охотники тотчасъ же нашлись, купили на срубъ, а на пашни да на луга покупщиковъ не являлось. А наслѣдникъ межъ тѣмъ повѣренному то и дѣло отписываетъ: «продавай да продавай, за что хочешь отдавай, только деньги скорѣй высылай».

Жалко было якимовскимъ съ угодьями разставаться, однакожъ они не очень тѣмъ обижались, потому что новые помѣщики ихъ всѣхъ до послѣдняго съ барщины на оброкъ перевели и отдали подъ пахоту господскія поля, что̀ подошли подъ самыя деревни. Зато въ Миршени ни съ того ни съ сего сумятица поднялась.

Изъ службы-ль выгнанный, отставной ли какой приказный незадолго передъ тѣмъ поселился въ Миршени, у своего сродника волостного писаря. За хлѣбъ за соль, за тепло да за свѣтъ обѣщался онъ ему бумаги переписывать. А на пропой добывалъ деньги писаньемъ мужикамъ просьбъ по судамъ да писемъ къ сродникамъ, бывшимъ въ солдатахъ либо на работахъ въ Астрахани. Этотъ самый приказный, въ надеждѣ на поживу, и сталъ вбивать миршенцамъ въ голову, что Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ теперь по закону имъ должны поступить. «Жалованы были,—говорилъ онъ:—тѣ пустоши господину Якимову въ потомственное владѣніе, а тѣ господа, что̀ теперь подѣлили его имѣнье, ему не потомки; оттого пустошами имъ владѣть и не слѣдуетъ, а слѣдуетъ владѣть тому, кто, до пожалованья Якимова, хозяиномъ надъ ними былъ, значитъ, вашему миршенскому обществу».

Слушали миршенцы рѣчи приказнаго, и показались онѣ имъ вѣрными, безотмѣнными. Что якимовскимъ пустошамъ по закону надо къ нимъ отойти, стало для нихъ дѣломъ видимымъ, яснымъ, какъ въ синемъ небѣ солнышко красное. И по домамъ, и въ кабакѣ, и на базарѣ только и толковъ пошло, что о пустошахъ. Стали сходки сбирать и на нихъ о томъ же судить да рядить... Сколько волостной голова мужиковъ ни разговаривалъ, порѣшили-таки миршенцы просить начальство о возвращеньи имъ выморочныхъ пустошей. Выбрали ходоковъ, послали къ окружному. Окружной обозвалъ ихъ дураками и назадъ прогналъ. Воротились ходоки въ Миршень — сейчасъ же сходку давай, а приказный тутъ ужъ похаживаетъ да самъ себѣ ухмыляется. «Судиться не Богу молиться, — говоритъ онъ миршенскимъ мужикамъ: — одними поклонами дѣла такого не сдѣлаешь. Зачѣмъ съ пустыми руками къ окружному ходили? Руки-то у него не въ кандалы вѣдь скованы. На что-нибудь онѣ къ плечамъ да подвѣшены... И того-то вы, люди разумные, въ толкъ не сумѣли взять!» Такъ говорилъ подьячій, и совѣтовъ его миршенскій міръ послушался... Почесали сѣдые затылки старики, покряхтѣли, поохали, а денежки на мірское дѣло собрали и понесли окружному. Тотъ ходоковъ и міръ не обидѣлъ, приноса не отвергъ, но все-таки подъ конецъ бесѣды молвилъ имъ:—«Пустое дѣло, старики, затѣваете— не видать якимовской земли, какъ ушей своихъ». Старики его слову не вняли, другихъ ходоковъ въ Петербургъ послали тамъ хлопотать и, ежели случай доведется, дойти до самого царя.

Не разъ и не два миршенскихъ ходоковъ изъ Петербурга по этапу назадъ выпроваживали, но миршенцы больше всякаго начальства вѣрили подьячему да его сроднику волостному писарю, каждый разъ новыя деньги сбирали и новыхъ ходоковъ въ Петербургъ снаряжали. Кончилось тѣмъ, что миршенское общество обязали подписками объ якимовскихъ пустошахъ ни въ какихъ судахъ не хлопотать, а подьячаго съ писаремъ за писанье кляузныхъ просьбъ услать въ дальніе города на житье. Тутъ миршенцы успокоились.

Пока они хлопотали, Орѣхово поле, Рязановы пожни и Тимохинъ боръ не продавались. Дальнимъ было не съ руки покупать, а ближніе боялись потравъ, захватовъ, разбоевъ на сѣнокосѣ да поджоговъ убраннаго хлѣба. Когда же въ Миршени все успокоилось, дошли вѣсти, что Орѣхово поле, Рязановы пожни и земля изъ-подъ Тимохина бора куплены помѣщицей не очень дальней деревни Родяковой, Марьей Ивановной Алымовой. И тѣ вѣсти объявились вѣрными: мѣсяца черезъ полтора ее ввели во владѣніе.

Глава двадцать первая.

За Орѣховымъ полемъ, возлѣ Тимохина бора, между двухъ невысокихъ, но какъ стѣны стоймя стоящихъ крутыхъ угоровъ, и вширь и вдаль раскинулась привольно долина Фатьянка. Будто шелковый зеленый коверъ разстилается по ней сочная, мягкая мурава, испещренная несмѣтнымъ множествомъ цвѣтовъ, сплошь покрываетъ ее. Извиваясь серебристой змѣйкой середь зеленѣющей Фатьянки, бѣжитъ быстрый ручей. Вытекаетъ онъ изъ родника, бьющаго съ необычной силой изъ-подъ каменнаго угора. Подъ тѣмъ родникомъ вкопанъ въ землю огромный дубовый чанъ, Богъ знаетъ когда и кѣмъ сдѣланный. Переливаясь черезъ край чана, вода свѣтлымъ потокомъ течетъ по долинѣ и выливается въ рѣчку подъ самой Миршѐнью. Чудная вода въ томъ чану: лѣтомъ въ жары такъ студена, что рука не терпитъ холода, а въ трескучіе морозы отъ нея ровно изъ бани паръ столбомъ. Возлѣ родника стоитъ деревянная ветхая часовенка, на ней старинный образъ Живоноснаго Источника, а въ заднемъ углу огромный дикарь *), песокъ изъ-подъ него вырытъ чуть не наполовину. Это могила преподобнаго Фотина, жившаго въ давнія времена въ долинѣ, по имени его названной Фотиновой. Со временемъ названье передѣлали и стали называть долину попросту Фатьянкой. Въ лѣтнюю пору, особенно по воскресеньямъ, сходятся туда богомольцы. Помолясь передъ иконой Живоноснаго Источника, умываются они водой изъ чана и пьютъ ее, ради исцѣленія отъ недуговъ, а потомъ берутъ песочку съ могилы преподобнаго.

Теперь родникъ «святымъ ключомъ» зовется, а прежде звали его «поганымъ». Вотъ что̀ старые люди про него разсказываютъ. Записи даже такія есть.

Когда жившіе на Горахъ люди еще не знали истиннаго Бога, у того родника подъ высокимъ кряковистымъ **) дубомъ своимъ богамъ они поклонялись. Въ урочные дни собирались они и справляли тутъ богомерзкую службу... И тогда въ дубовыхъ вѣтвяхъ слышались бѣсовскіе гласы и кличи, и вочію всѣхъ являлись дьявольскія мечты и коби, а въ долинѣ и по всѣмъ угорамъ раздавались срамный шумъ, безчинный

---

*) Гранитный валунъ, крѣпкій известнякъ или песчаникъ, годный на бутъ и на постройки, зовется *дикаремъ*.

**) *Кряковистый* дубъ — кряжевистый, толстый, крѣпкій, здоровый. Слово, нерѣдко встрѣчаемое въ былинахъ.

толкъ, и ревъ, и зыкъ, и львиное рыканье, и шипъ змiиный. То бѣсы творили свои пакости на смущенье людей и на ихъ погубленiе — возлюбили они, окаянные враги Божьи, то мѣсто и на немъ воцарились. И ежели который человѣкъ вѣдѣнiемъ или невѣдѣнiемъ, волей или неволею, хотя перстомъ единымъ прикасался къ кряковистому дубу или омывался водой изъ «поганаго ключа», тѣмъ же часомъ распалялся онъ на грѣховную страсть, и оттого много скверны творилось въ долинѣ и въ рощахъ, ее окружавшихъ. Если же кто вкушалъ отъ воды, на того нападалъ теменъ облакъ бѣсовскихъ мечтанiй: становился тотъ человѣкъ людей ненавистникомъ, скорымъ на гнѣвъ, на свару и на пролитiе крови. Таковы въ старые годы бывали въ Фатьянкѣ бѣсовскiе позоры и дьявольскiя навожденья.

Когда свѣтъ Христова ученiя осiялъ живущихъ въ странѣ той, невѣдомо отколь пришелъ святъ мужъ, преподобный отецъ Фотинъ. Срубилъ онъ у поганаго ключа келью и сталъ пребывать въ ней пустынножительно. Постомъ и молитвой отогналъ онъ супротивную силу, и поганое мѣсто стало святымъ. Гласитъ преданiе, и въ старинныхъ записяхъ такъ записано: когда отецъ Фотинъ впервые пришелъ въ бѣсовскую долину и, приступя къ «поганому ключу» ради утоленiя жажды, осѣнилъ его крестнымъ знаменiемъ, возгремѣло въ высотѣ слово Божье, пала на землю изъ яснаго неба палючая молонья и въ мелкiе куски расщепала кряковистый дубъ. Поганый ключъ въ одинъ мигъ изсякъ, и возлѣ него изъ-подъ камня хлынулъ иной потокъ — цѣльбоносный. И назвали его «святымъ ключомъ». Съ того дня просвѣщенные евангельскимъ свѣтомъ люди едиными усты и единымъ сердцемъ о преподобномъ Фотинѣ исповѣдывали: «воистину Божiй человѣкъ сей!..»

Преподобный Фотинъ жилъ сначала одинъ на Святомъ ключѣ. Дивясь знаменiямъ, бывшимъ при его пришествiи, никто изъ окольныхъ не смѣлъ приближаться къ нему. Великимъ и чуднымъ казался имъ преподобный, — а онъ, проходя подвигъ безмолвiя, тщательно людей избѣгалъ. Съ кѣмъ, бывало, ни встрѣтится, падетъ ницъ и лежитъ на землѣ, пока отъ него не удалятся. Многiе годы прошли въ такомъ отъ людей отчужденьи, потомъ, умоленъ будучи слезными мольбами народа, да укажетъ ему прямой путь къ правой жизни и къ вѣчному спасенью, паче же памятуя словеса Христовы: «грядущаго ко Мнѣ не изжену», сталъ отецъ Фотинъ на духъ принимать приходившихъ. Низенькiй, сгорбленный, вѣнцомъ сѣдинъ украшенный старецъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ бала-

хончикѣ *), въ старенькой епитрахили, съ коротенькой ветхой манатейкой на плечахъ, съ холщевой лѣстовкой въ рукахъ, день и ночь допускалъ онъ къ себѣ приходящихъ, каждому давалъ добрые совѣты, утѣшалъ, исповѣдывалъ, пріобщалъ запасными дарами и поилъ водой изъ святого ключа... Какъ море-океанъ отъ концовъ до концовъ земли разливается, такъ слава объ отцѣ Фотинѣ разнеслась по близкимъ мѣстамъ и по дальнимъ странамъ. По маломъ времени въ его долинѣ поселились искавшіе спасенія благочестивые люди — и возникла невеликая обитель иноковъ. Не желая пребывать па многолюдствѣ, скрылся преподобный неизвѣстно куда, но сряду пятнадцать годовъ приходилъ къ ученикамъ своимъ на Пасху и дни живота скончалъ между ними въ свѣтозарную ночь Воскресенія. По завѣту преподобнаго, братія предала его тѣло землѣ возлѣ святого ключа и надъ могилой поставила часовенку.

По кончинѣ Фотина насельники долины, одинъ по другому, по разнымъ мѣстамъ разбрелись, но святое мѣсто пока не оставалось пусто. По челобитью властей Троицы Сергіева монастыря, Фотинова пустынь была приписана къ ихъ обители, а по времени окрестныя села, деревни, лѣса, пожни, рыбныя ловли, бобровые гоны были даны изъ дворцовыхъ волостей тому же монастырю на поминъ души царя Михаила Ѳедоровича. Опричь того разныхъ чиновъ люди, владѣвшіе землями и селами вокругъ Фатьянки, отдавали ихъ въ домъ Живоначальныя Троицы на поминъ родительскихъ душъ. Такъ достались богатѣйшему въ Россіи монастырю и Орѣхово поле, и Рязановы пожни, и Тимохинъ боръ, и самое село Миршень съ деревнями. Монастырскія власти о селахъ и угодьяхъ радѣли больше, чѣмъ о Фотиновой пустыни, и съ той поры, какъ въ Миршени завелись Васьяны, Варлаамы да Нифонты, отъ обители преподобнаго только и остались ветхая часовенка съ гробницей да чанъ съ цѣльбоносной водой.

Спустя много лѣтъ жители окольныхъ селеній стали замѣчать въ Фатьянкѣ чудныя какія-то сходбища. Лѣтней порой по темнымъ ночамъ тайкомъ собирались туда человѣкъ по двадцати мужчинъ и женщинъ. Тамъ они совершали какія-то странныя дѣйства. Ребятишки, водившіе коней на ночную пастьбу, говорили, что видѣли они, какъ эти люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ пляшутъ вокругъ святого ключа, пры-

---

*) *Балахонъ* — лѣтняя крестьянская холщевая одежда халатнаго покроя, безъ сборовъ назади. Солдатскую лѣтнюю холщевую одежду называли по-нѣмецки *кителемъ*, но народъ знать не хочетъ нѣметчины и зоветъ китель по-своему, *балахономъ*.

гаютъ, кружатся, скачутъ и водятъ хороводы, только не обычные. И про то ребятишки разсказывали, что слыхали они, какъ ночью въ Фатьянкѣ пѣсни поютъ, — словъ разобрать нельзя, а слышится голосъ пѣсенъ мірскихъ. По времени стали замѣчать, что и въ келейныхъ рядахъ да въ заднихъ избахъ по инымъ деревнямъ у старыхъ дѣвокъ въ зимнія ночи люди сбираются будто на супрядки, крѣпко изнутри запираются, плотно закрываютъ окна ставнями и ставятъ на дворѣ караульныхъ, а потомъ что-то дѣлаютъ втайнѣ... Слыхали, какъ они пѣсни поютъ, слыхали какіе-то дикіе клики и топотъ ножной. И много чудилось тому, и не знали, что̀ думать о тѣхъ людяхъ. То колдовствомъ ихъ дѣло почитали, то думали, что они справляютъ мерзкую службу бѣсамъ... А попы тѣхъ людей за приверженность къ церкви весьма похваляли. Каждый изъ нихъ всякій день бывалъ у обѣдни, у вечерни, у заутрени, каждый раза по четыре въ году пріобщался. Всѣ до единаго были они строгіе постники, никто мяса не ѣлъ, никто хмельного въ ротъ не бралъ; на свадьбы, на крестины, даже на похороны никто ни къ кому не хаживалъ, ни съ кѣмъ не ссорился и каждому во всемъ старался угодить... Юродивые Богъ знаетъ отколь къ нимъ приходили, нерѣдко изъ самой Москвы какой-то чудной человѣкъ пріѣзжалъ — нѣмой ли онъ былъ, наложилъ ли подвигъ молчанья на себя, только отъ него никто слова не слыхивалъ — изъ чужихъ съ кѣмъ ни встрѣтится, только въ землю кланяется да мычитъ себѣ, а въ келейныхъ рядахъ чтутъ его за великаго человѣка... Не то пятнадцать, не то двадцать годовъ такъ велось въ Миршени и въ окольныхъ селеньяхъ. Вдругъ наѣхали изъ Петербурга, накрыли тайное сходбище и всѣхъ бывшихъ въ немъ увезли. Никто не воротился... Тутъ пошли по народу слухи, что люди тѣ отъ истиннаго Христа отреклись и къ иному христу прилѣпились; но что̀ это за новый христосъ, никто не зналъ и не вѣдалъ. А вѣру ихнюю съ чего-то стали звать «фармазонскою»... Брали изъ Миршени въ Петербургъ фармазоновъ давно, еще когда царица Екатерина русскую землю держала, оттого память о нихъ почти совсѣмъ перевелась. Изрѣдка лишь старики говорили, что про тѣхъ фармазоновъ они отъ отцовъ своихъ слыхали, но молодые мало вѣры словамъ ихъ давали.

Вскорѣ послѣ того, какъ Марью Ивановну ввели во владѣніе пустошами, сама она пріѣхала на новыя свои земли. У миршенскаго крестьянина, что̀ жилъ другихъ зажиточнѣй, весь домъ наняла она. Отдохнувши послѣ пріѣзда, задумала она

объѣхать межи своего владѣнья. Волостной голова, двое миршенскихъ стариковъ и повѣренный вмѣстѣ съ нею поѣхали.

На вершинѣ горы, что̀ высится надъ Фатьянкой, Марья Ивановна вышла изъ коляски и съ радостнымъ видомъ посмотрѣла на испещренную цвѣтами долину.

— Какое славное мѣсто! — сказала она. — Мое вѣдь оно?

— Ваше, сударыня, въ вашемъ теперь владѣніи, — отвѣчалъ голова. — Вся Фатьянка ваша, и святой ключъ тоже на вашей землѣ.

— Святой ключъ? — переспросила Марья Ивановна.

— Святой, матушка, — сказалъ волостной голова. — По вѣрѣ подаетъ исцѣленія во всякихъ болѣзняхъ и недугахъ. Вотъ онъ батюшка въ самомъ-то заду долины, гдѣ угоры-то сходятся. Видите часовенку?.. Возлѣ самаго святого ключа она поставлена. Тутъ и гробница преподобнаго Фотина.

— Отца Фотина? — спросила Марья Ивановна.

И голова разсказалъ ей, что̀ у нихъ говорятъ про отца Фотина и про святой ключъ. О фармазонахъ не помянулъ, не зная, правду-ль о нихъ говорятъ или вздоръ одинъ болтаютъ.

Марья Ивановна поѣхала на святой ключъ и усердно молилась на могилѣ Фотина. Помолившись, сказала повѣренному:

— Мнѣ очень нравится это мѣсто. Маленькую усадебку я тутъ построю — домикъ на случай пріѣздовъ, — сказала Марья Ивановна.

— Лѣтомъ тутъ ничего, — замѣтилъ голова: — а зимой совсѣмъ васъ снѣгомъ занесетъ. Межъ угоровъ такіе сугробы бываютъ, что страсть.

— Ничего. И въ сугробахъ люди живутъ, — улыбаясь, молвила Марья Ивановна. — Я же вѣдь лѣтомъ стану сюда пріѣзжать.

Съ недѣлю прожила Марья Ивановна въ Миршени, распоряжаясь заготовкой лѣса и другого для постройки усадьбы. Уѣхала она, обѣщаясь по скорости прислать управляющаго для найма плотниковъ и надзора за стройкой. Каждый день угощала она новыхъ сосѣдей, поила миршенцевъ чаемъ съ кренделями, потчевала ихъ медомъ, пирогами съ кашей, щедро одѣляла дѣтей лакомствами, а бабъ и дѣвокъ дарила платками да ситцемъ на сарафаны; но виномъ никого не попотчевала. Иные, кто посмѣлѣе, и напрашивались-было у нея на чарочку, но щедрая барышня имъ наотрѣзъ отказала, сердилась даже. Дивились тому, а пуще всего тому подивились, какая она постница, не то что хмельного, мясного въ ротъ не беретъ.

Закипѣли работы въ Фатьянкѣ, и мѣсяца черезъ два саженяхъ въ двадцати отъ святого ключа былъ выстроенъ помѣстительный домъ. Много въ немъ было устроено темныхъ переходовъ, тайниковъ, двойныхъ стѣнъ и половъ, жилыхъ покоевъ въ подвалахъ съ печами, но безъ оконъ. И домъ и надворныя строенья были обнесены частоколомъ съ застроенными верхушками, ворота были только одни передъ домомъ, а возлѣ частокола внутри двора насажено было множество деревъ и кустарниковъ. Неподалеку отъ усадьбы съ полдюжины крестьянскихъ избъ срубили.

Когда стройка была кончена, пріѣхала Марья Ивановна на новоселье. Съ нею было человѣкъ двадцать прислуги, поселившейся внутри двора, обнесеннаго частоколомъ, семь крестьянскихъ семей, переведенныхъ изъ симбирскаго помѣстья, заняли избы. Какъ только размѣстились всѣ, тяжелыя, желѣзомъ окованныя ворота усадьбы были заперты на три замка. Кто бы ни пришелъ, кто бы ни пріѣхалъ, долго ему приходилось звонить въ подвѣшенный у воротъ колоколъ, пока выйдетъ наконецъ изъ караулки привратникъ и послѣ долгихъ опросовъ не впуститъ пришедшаго.

Поселокъ былъ названъ Фатьянкой. Такъ его и въ губернскихъ спискахъ записали.

Проведя въ Фатьянкѣ три недѣли, Марья Ивановна поѣхала въ Рязанскую губернію, къ двоюроднымъ братьямъ Луповицкимъ. Верстахъ въ сорока отъ Миршени свернула она съ прямой дороги и заѣхала къ Марку Данилычу Смолокурову.

Радъ былъ такой чести Марко Данилычъ, не вѣря глазамъ, бѣгомъ онъ выбѣжалъ изъ дома встрѣчать знатную, почетную гостью и словъ придумать не могъ, какъ благодарить ее. Только-что вошла въ комнаты Марья Ивановна, вбѣжала радостная Дуня и со слезами кинулась въ объятья неожиданной гостьи.

Подивились ея пріѣзду и Марко Данилычъ и Дарья Сергѣвна. Еще больше подивились они Дуниной радости. Почти цѣлый годъ, съ самаго пріѣзда отъ Макарья, никто не видалъ улыбки на ея миловидномъ, но сильно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Мало кто слыхалъ и рѣчей. Всегда сумрачная, угрюмая, задумчивая, рѣдко выходила она изъ своей спальни, развѣ только къ обѣду да къ чаю; день-денской сидѣла она надъ книгами. Похудѣлъ даже Марко Данилычъ, глядя на дочь; ни журьба ни ласки отцовскія ее не трогали. Что̀ бы ни говорили ей, она только молчала, вздыхала, а потомъ долго и неутѣшно плакала. Иной разъ хоть и говорила съ отцомъ, но

ея рѣчи были какія-то чудныя, совсѣмъ ему непонятныя. Съ сердечной болью сталъ Марко Данилычъ придумывать, ужъ не тронулась ли въ разумѣ дочка его ненаглядная. «Говорятъ же, — разсуждалъ онъ самъ съ собой: — говорятъ же, что люди библіи зачитываются и сходятъ отъ того съ ума, можетъ, и отъ другихъ книгъ бываетъ не легче». Но, сколько онъ ни совѣтовалъ Дунѣ поменьше читать, его уговорамъ она не внимала... И другое иногда приходило на разумъ Марку Данилычу: «дѣвка на возрастѣ, кровь играетъ, замужъ бы ее поскорѣй»... И пріѣзжали женихи, все люди хорошіе, богатые, а изъ себя красавцы — двое изъ Москвы, одинъ изъ Ярославля, одинъ изъ Мурома... Ни съ кѣмъ ни слова Дуня, а когда отецъ сталъ намекать ей, что вотъ, дескать, женихъ бы тебѣ, она напомнила ему про колечко и про тѣ слова, что̀ сказалъ онъ ей, даря его: «вѣнцомъ неволить тебя не стану, отдай кольцо волей тому, кто полюбится»... Ни слова въ отвѣтъ не сказалъ ей Марко Данилычъ... Дарья Сергѣвна была иныхъ мыслей: она думала, что Дуню испортили лихіе люди, либо по вѣтру тоску на нее напустили, либо слѣдъ у ней вынули... Но ни шопотъ причитаній надъ сонной Дуней, ни заговоры, ни умыванья съ уголька, ни спрыскиванья наговоренной водой — ничто не помогало. Дуня видимо стала удаляться отъ доброй Дарьи Сергѣвны, хоть названная «тетенька» попрежнему души въ ней не чаяла... Вспомнилъ Марко Данилычъ про Аграфену Петровну, писалъ ей слезныя письма, пріѣхала бы къ Дунѣ хоть на самое короткое время. Пріѣхала Аграфена Петровна, и Дуня сначала ей обрадовалась, разговорилась-было, даже повеселѣла, но на другой же день опять за книги сѣла, и «сердечный ея другъ» не могъ слова отъ нея добиться. Съ недѣлю прогостила Аграфена Петровна у Смолокуровыхъ и поѣхала домой съ тяжелой мыслью, что Дуня стала ей совсѣмъ чужимъ человѣкомъ.

Не то случилось, когда нежданно-негаданно явилась Марья Ивановна. Ни на шагъ Дуня не отходитъ отъ нея, не можетъ наслушаться рѣчей ея и до того вдругъ повеселѣла, что даже стала шутить съ отцомъ и смѣяться съ Дарьей Сергѣвной.

— Какъ обрадовали вы насъ посѣщеньемъ своимъ, Марья Ивановна, — сидя за чайнымъ столомъ, съ доброй, веселой улыбкой говорилъ Марко Данилычъ. — А Дуня-то, моя Дунюшка-то, поглядите-ка, ровно изъ мертвыхъ воскресла... А то вѣдь совсѣмъ-было извелась. Посмотрите на нее, матушка, такая ли въ прошломъ году была, у Макарья тогда?

— Что-жъ это съ тобой, душенька? — пристально посмот-

рѣвъ на Дуню, спросила Марья Ивановна. — Нездоровится, что ли?

— Нѣтъ, у меня ничего не болитъ, — нѣсколько потупясь, отвѣтила Дуня.

— Груститъ все, о чемъ-то тоскуетъ, слова отъ нея не добьешься, — молвилъ Марко Данилычъ. — Сама изъ дому ни шагу и совсѣмъ запустила себя... Мало ли какихъ у нея напасено нарядовъ — и поглядѣть на нихъ не хочетъ... И рукодѣлья покинула, а прежде какая была рукодѣльница!.. Только однѣ книжки читаетъ, только надъ ними сидитъ.

— Какія же ты книжки читаешь, милая моя дѣвочка?.. — пытливо глядя на Дуню, спросила Марья Ивановна.

— «Правила жизни» госпожи Гіонъ, — робко взглянувъ на Марью Ивановну, тихо промолвила Дуня.

— Хорошая книга, полезная, — сказала Марья Ивановна, обращаясь къ Смолокурову.

— Хоша она и хорошая, хоша и полезна, а все же не слѣдъ надъ ней почти цѣлый годъ сидѣть, — слегка нахмурившись, молвилъ Марко Данилычъ.

Не отвѣтила ему Марья Ивановна. И, чтобы перемѣнить разговоръ, сказала:

— А вѣдь я, Марко Данилычъ, сдѣлалась вашей близкой сосѣдкой. Неподалеку отсюда маленькое имѣньице купила.

— Слышалъ, матушка, слышалъ и много тому порадовался, — молвилъ Марко Данилычъ. — Думаю: теперь почаще будемъ видаться съ нашей барышней. Когда самъ къ ней съ Дунюшкой съѣзжу, а когда и она, можетъ-быть, къ намъ пожалуетъ...

— Ну, вотъ видите, а я ужъ и пожаловала, — улыбаясь, сказала Марья Ивановна. — Прямо изъ Фатьянки... Ѣду въ Рязань къ братьямъ Луповицкимъ, а вы отъ прямой-то дороги всего верстахъ въ двѣнадцати.

— И того не будетъ, матушка, десятка не наберется, — замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Какъ же было не заѣхать-то? — сказала Марья Ивановна. — Я такъ люблю вашу Дунюшку, что никакъ не могла утерпѣть, чтобы съ ней не повидаться... А погостивши у братьевъ, можетъ-быть, и совсѣмъ въ Фатьянку на житье переѣду. Я тамъ и домикъ ужъ себѣ построила и душъ двадцать пять крестьянъ туда перевела.

— Наслышаны, матушка, и объ этомъ наслышаны, — молвилъ Марко Данилычъ. — У святого ключа, слышь, построились?

— Возлѣ самаго святого ключа, — сказала Марья Ива-

новна. — Очень понравилось мнѣ тамошнее мѣсто, тихое такое, уединенное.

— Мѣстечко хорошее, — подтвердилъ Смолокуровъ. — Доводилось мнѣ раза два тамъ побывать. Только не знаю, каково будетъ тамъ весной во время водополи. Мѣсто-то низенько, всю долину сплошь водой заливаетъ.

— Я вѣдь немножко повыше построилась, а впрочемъ, ежели-бъ и стала вода одолѣвать — канавъ нарою, спущу ее, — отвѣтила Марья Ивановна.

— Въ большую копейку это вамъ въѣдетъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Канавы-то надо вѣдь на двѣ версты вести, коли еще не больше, а онѣ каждую весну будутъ плѣть, каждое лѣто надо будетъ ихъ расчищать. Дорогонько обойдется.

— Деньги, Марко Данилычъ, дѣло наживное, — съ улыбкой молвила Марья Ивановна. — Не жалѣть, ежели онѣ на пользу идутъ.

— Оно конечно, — сказалъ Смолокуровъ. — А все-таки, по моему разсужденію, невпримѣръ лучше было на угорѣ построиться.

— Мѣсто-то очень ужъ мнѣ понравилось, — не совсѣмъ охотно проговорила Марья Ивановна.

— Мѣсто точно что красота, на рѣдкость, можно даже сказать, — молвилъ Марко Данилычъ. — Да расходовъ-то лишнихъ много съ тѣмъ мѣстомъ будетъ.

Не отвѣтила Марья Ивановна.

Напившись чаю, пошла она въ отведенную ей комнату. Дуня за ней. Заперла она дверь на крючокъ и стремительно бросилась къ гостьѣ.

— Родная, святая душа!.. Какъ благодарить? Какъ разсказать, что̀ теперь у меня на душѣ?.. Свѣтъ увидала я... — такъ въ порывистыхъ рыданьяхъ говорила восторженная Дуня.

— Встань, дитя мое, встань, возлюбленная моя горлица! — тихо, съ какой-то важностью въ голосѣ, съ какой-то торжественностью сказала Марья Ивановна. — Сядемъ, поговоримъ.

Сѣли на диванъ. Обнявъ шею Дуни и съ нѣжностью гладя ее по волосамъ, Марья Ивановна молвила ей полушопотомъ:

— Такъ ты ужъ и «Правила жизни» читаешь? Это хорошо... Все ли однако ты понимаешь?..

— Кажется, немножко понимаю, а впрочемъ, тамъ много такого, что̀ мнѣ не по уму, — съ простодушной дѣтской откровенностью и милой простотой отвѣчала Дуня, восторженно глядя на Марью Ивановну и горячо цѣлуя ея руку. — И въ

другихъ книжкахъ тоже не всякое слово могу понимать... Неученая вѣдь я!.. А ужъ какъ рада я вамъ, Марья Ивановна!.. Вы ученая, умная — теперь вы мнѣ все растолкуете!

— Какія еще ты книги читала, голубокъ ты мой бѣленькій? — съ нѣжною лаской спросила Марья Ивановна.

Дуня назвала нѣсколько мистическихъ книгъ.

— Откуда тебѣ Богъ послалъ такихъ хорошихъ книгъ? — съ легкимъ удивленьемъ спросила Марья Ивановна.

— Тятенька на ярманкѣ въ прошломъ году купилъ, — отвѣтила Дуня.

— Эти книги теперь очень рѣдки, — замѣтила Марья Ивановна. — Иныя можно купить развѣ на вѣсъ золота, а пожалуй, и дороже. А иныхъ и совсѣмъ нельзя отыскать. Самъ Богъ ихъ послалъ тебѣ... Вижу перстъ Божій... Святой Духъ Своею благостью видимо ведетъ тебя па путь истиннаго знанія, къ дверямъ истинной вѣры... Блюди же свѣтильникъ, какъ мудрая дѣва, не угашай его въ ожиданіи небеснаго Жениха.

Замолчала Марья Ивановна... Дуня тоже ни словечка...

— Полонъ коробъ старыхъ книгъ купилъ мнѣ тогда тятенька, — послѣ недолгаго молчанья сказала Дуня. — Много было комедій и романовъ; тѣ я сожгла.

— Покажи-ка мнѣ свои книги, — сказала Марья Ивановна.

Цѣлый ворохъ принесла Дуня. Марья Ивановна, сѣвши къ столу, стала пересматривать.

— Хорошія книги, хорошія, — говорила она, внимательно перебирая одну за другой. — Какія же ты изъ нихъ прочитала?

— Всѣ, — отвѣтила Дуня: — всѣ до одной.

— И все поняла? — спросила Марья Ивановна.

— Нѣтъ, не все, — немножко смутясь, отвѣтила Дуня. — По вашимъ словамъ, я каждую книгу по многу разъ перечитывала и до тѣхъ поръ читала одну и ту же, пока не казалось мнѣ, что я немножко начинаю понимать. А все-таки не знаю, правильно ли понимаю. Опять же въ иныхъ книжкахъ есть иностранныя слова, а я вѣдь неученая, не знаю, чтò они значатъ.

— Эти книги нельзя читать какъ попало. Надо знать, какую послѣ какой читать, — сказала Марья Ивановна. — Иначе все въ головѣ можетъ перепутаться. Ну, да я тебѣ растолкую, чего не понимаешь... Нарочно для того подольше у васъ погощу.

— Голубушка!.. Марья Ивановна!.. — радостно воскликнула Дуня. — Погостите подольше!.. Вы мнѣ свѣтъ и радость! При

васъ я ровно изъ забытья вышла, ровно изъ мертвыхъ встала... А безъ васъ и день въ тоскѣ и ночь въ тоскѣ — не глядѣла бы на вольный свѣтъ...

Съ восторгомъ и радостными слезами, сама себя не помня, горячо цѣловала Дуня руки у Марьи Ивановны.

Вечеромъ того же дня Марко Данилычъ при Дунѣ и при Дарьѣ Сергѣвнѣ говорилъ своей гостьѣ:

— Осчастливили вы насъ, матушка Марья Ивановна, своимъ драгоцѣннымъ посѣщеніемъ. И подумать вы, сударыня, не можете, какую радость намъ доставили!.. Такой праздникъ сдѣлали, что и сказать не умѣю... Дунюшка-то моя, Дунюшка-то!.. Посмотрите-ка вы на нее, на мою голубушку!.. Вѣдь совсѣмъ другая стала при васъ... Прежде отъ нея и голосу было не слыхать; и сама-то она ровно ничего не слышала, ровно ничего не видѣла, что̀ вкругъ нея дѣлается... А вы точно осіяли ее: и тоску ея и печаль какъ рукой сняли. Очень ужъ она полюбила васъ... Какъ хотите, Марья Ивановна, гнѣвайтесь не гнѣвайтесь, а ужъ я буду униженно и слезно просить васъ, въ ножки стану кланяться и не встану, покамѣстъ не получу вашего согласія. Погостите у насъ подольше, порадуйте Дунюшку, авось при васъ совсѣмъ спадетъ съ нея тоска незнаемая... И Богъ знаетъ, съ чего она напала на нее.

— Рада у васъ погостить, Марко Данилычъ, благодарна за доброе приглашеніе, — сказала Марья Ивановна. — Братья не воротились еще изъ воронежскихъ деревень, очень-то торопиться пока мнѣ еще нечего. Недѣльки двѣ могу погостить.

— Ахъ, Марья Ивановна!.. Зачѣмъ же такъ мало? — воскликнула Дуня, сердечно ласкаясь къ ней. — Много ли это двѣ недѣли? Вы бы мѣсяца три погостили, а то и побольше...

— Нельзя, мой другъ, — улыбаясь и цѣлуя Дуню, сказала Марья Ивановна. — Вѣдь у меня тоже дѣла, хозяйство... Особенно теперь, какъ Фатьянку купила. Вездѣ нуженъ свой глазъ. Кому ни поручи, все не такъ выйдетъ. Такъ ли, Марко Данилычъ?

— Истинная правда, сударыня, — отозвался онъ. — Хозяйскій глазъ дороже всего... Чужой человѣкъ желѣзнымъ обручемъ свяжетъ — и то лопается, а хозяинъ-отъ и лычкомъ подвяжетъ, такъ въ прокъ пойдетъ.

Печально посмотрѣла Дуня на Марью Ивановну. Отцовскій глазъ уловилъ ея взглядъ. Онъ сказалъ:

— А вѣдь у васъ на новосельѣ-то, поди, не все еще въ полномъ порядкѣ?

— Какой еще порядокъ! — отвѣчала Марья Ивановна. — Въ полный порядокъ развѣ черезъ годъ приведу. Еще много хлопотъ впереди...

— Еще, поди, и горницы-то не прибраны, какъ надо? — продолжалъ разспросы Марко Данилычъ. — Не спокойно, думаю, вамъ?

— Конечно, еще не все устроено, — сказала Марья Ивановна. — Какой еще покой? И печи не всѣ сложены, и двери не всѣ навѣшены, надо оштукатурить, обоями оклеить, полы выкрасить, мебель перевезти изъ Талызина. Много еще, много хлопотъ. Ну, да Богъ милостивъ. Полегоньку да потихоньку, съ Божьей помощью, какъ-нибудь устроюсь по времени.

— Такъ ужъ я стану просить васъ, милостивая наша барышня, чтобы сдѣлали вы намъ великое одолженіе и милость несказанную и мнѣ и Дунюшкѣ, — говорилъ Смолокуровъ.

— О чемъ же это, Марко Данилычъ? — спросила Марья Ивановна.

— Будьте милостивы, обѣщайте напередъ, что нашу просьбу непремѣнно исполните... — вставши съ мѣста и низко кланяясь, сказалъ Марко Данилычъ.

— Душой рада сдѣлать, что̀ могу, но какъ же можно, не зная ничего, напередъ обѣщать исполнить ваше желанье. Можетъ-быть, оно и не по силамъ мнѣ будетъ? — говорила Марья Ивановна.

— По силамъ, барышня, по силамъ. Обѣщайте только, Христа ради!.. — еще ниже, съ покорностью и смиреньемъ, кланяясь почти до земли, умолялъ ее Смолокуровъ.

— Ежели можно будетъ исполнить ваше желанье, всегда готова, — сказала Марья Ивановна. — Только я, право, не знаю...

— Нижайше благодаримъ за ваши золотыя слова, — радостно воскликнулъ Марко Данилычъ. — Вотъ въ чемъ дѣло, барышня!.. Домишко у меня, изволите видѣть, не тѣсный, есть гдѣ разгуляться... Такъ вы бы, пока не устроились въ Фатьянкѣ, погостили у насъ... Порадуйте... Такъ бы одолжили, такъ бы одолжили, что и сказать не умѣю... Матушка сударыня, Марья Ивановна!.. Хоша я теперь, по милости Господней, и купецъ первой гильдіи, хоша и капиталомъ владѣю, хоша и немалыя дѣла по рыбной части веду, а все же я не забываю, что мы ваши прирожденные слуги... И дѣды наши и прадѣды вашимъ родителямъ, матушка, вашему свѣтлому, столбовому роду были вѣрными слугами... И теперь, сударыня, не инаково почитаю, что мы ваши слуги, а вы милостивая наша барышня... Удостойте же за нашу любовь!.. Вамъ будетъ хорошо и спокойно, никакой заботы не доведемъ до васъ... А до

Фатьянки отсюда вѣдь рукой подать — лѣгомъ часовъ пять ѣзды, а зимой и три за глаза. Вздумается взглянуть на имѣніе — коней у меня не занимать стать, и возки найдутся и кибитки, угодно, такъ и карету доспѣемъ. Вздумаете съѣздить въ Фатьянку — поѣзжайте, осмотрите тамъ все, распорядитесь, и опять къ намъ, какъ въ свой домъ, милости просимъ... А ужъ какъ бы Дунюшка-то рада была... Утѣшьте ее — согласитесь!..

Сначала Дуня не догадывалась, къ чему отецъ рѣчи клонитъ, но, когда услыхала послѣднія слова его, стремительно кинулась къ Марьѣ Ивановнѣ, опустилась передъ ней, положила русую головку ей на колѣни и со слезами въ голосѣ стала молить о согласіи.

— Марья Ивановна!.. Голубушка!.. Ясное солнышко!.. — всхлипывая, говорила она вполголоса. — Согласитесь!.. Умру безъ васъ!.. Не жаль развѣ будетъ вамъ меня?

— Полно, Дунюшка, полно, радость моя, — тихо поднимая ее, нѣжно промолвила Марья Ивановна и, горячо поцѣловавъ взволнованную дѣвушку, посадила ее рядомъ съ собою.

— Проси и ты, Дуня, проси, голубка! — дрожащимъ голосомъ говорилъ Марко Данилычъ. — Дарья Сергѣвна, вы-то что̀ же не просите?

— Уважьте ихнюю просьбу, сударыня!.. — сухо и не совсѣмъ охотно, но съ низкимъ поклономъ проговорила Дарья Сергѣвна.

Сама не зная почему, съ самаго перваго знакомства съ Марьей Ивановной не взлюбила ее добрая, незлобивая Дарья Сергѣвна, почувствовала даже незнакомую дотолѣ ей непріязнь. Когда же увидала, что давно уже чуждавшаяся ея Дуня внезапно ожила отъ встрѣчи съ Марьей Ивановной, безотчетная непріязнь выросла въ ней до ненависти. То не зависть была не досада, а какое-то темное, непонятное Дарьѣ Сергѣвнѣ предвидѣнье чего-то недобраго...

Послѣ долгихъ колебаній Марьи Ивановны, послѣ усиленныхъ просьбъ Марка Данилыча, послѣ многихъ слезъ Дунюшки, барышня согласилась.

— Но съ условьемъ, — сказала она.

— Съ какимъ, милостивая барышня? — съ живостью спросилъ обрадованный Марко Данилычъ. — Съ какимъ, сударыня?

— Иной разъ, какъ поѣду я въ Фатьянку, отпустіте со мной Дунюшку. Я полюбила ее, какъ самую близкую родственницу... Отпу̀стите? — сказала Марья Ивановна.

— Съ вами-то? — вскликнулъ Смолокуровъ. — Да не то что въ Фатьянку, хоть на край свѣта... Опричь добра, Дуня отъ васъ ничего не можетъ набраться... Навсегда вамъ благодаренъ останусь, милостивая, добрая барышня, за вашу любовь.

За счастье почту, ежели Дунюшка при васъ будетъ неотлучно...

Всѣ были довольны и радостны, кромѣ Дарьи Сергѣевны. Низко опустивъ голову, сидѣла она грустная; порой слезинка вздрагивала на ея рѣсницахъ, чуть слышно шептала она: «Господи помилуй!.. Господи помилуй!».

А Марко Данилычъ, ко сну отходя и даже стоя на молитвѣ, иное на разумѣ держалъ. — «Слава Тѣ, Господи, — думалъ онъ. Какая, подумаешь, честь!.. Богатая барышня, дочь нашего барина, станетъ у меня проживать... И ведетъ себя съ нами какъ равная... «Люблю Дуню, говоритъ, какъ близкую сродницу!..» Ну-ка, Онисимъ Савельичъ, дождись-ка этакой чести!.. Вотъ озлится-то!.. Городничаго когда залучитъ къ себѣ на гостины, тогда высоко голову носитъ, а тутъ знатная барышня, безъ малаго тысяча душъ!.. Лопнетъ песъ съ зависти, первымъ кускомъ подавится!.. А Дунюшка-то какъ рада, голубонька!.. Ожила, повеселѣла... Охъ, Дуня, Дуня моя, Дунюшка!.. Милое ты мое, сердечное дитятко!.. Встала бы теперь покойница Олена Петровна!.. Посмотрѣла бы на свою доченьку... Охъ, Оленушка, Оленушка!..»

И засверкали слезы на глазахъ Марка Данилыча.

Но вдругъ иныя мысли заронились у него въ головѣ: — «Отписываетъ Корней, всю, слышь, икру Орошинъ подлецъ на мѣстѣ скупилъ въ однѣ свои руки... Свинья чудская!.. Теперь у Макарья чтò хочетъ, то и почнетъ по части икры дѣлать! Издохнуть бы тебѣ, окаянному!»

И долго на разные лады ругалъ онъ мысленно знаменитаго поволжскаго рыбника.

«А наплелъ же я Марьѣ Ивановнѣ!.. И теперь будто считаю ее за госпожу свою!.. Холопомъ ея считаю себя!.. А она-то, сердечная... уши-то госнодскія и развѣсила!.. А мнѣ бы только поддобрить ее, на Унжѣ лѣсныя дачи есть у Марьи Ивановны. Поддобрю, такъ, Богъ дастъ, задаромъ куплю ихъ. Тысчонокъ сотенка достанется тогда Дунѣ голубушкѣ. Ахъ, Дунюшка, Дунюшка!.. Для тебя, ради одной тебя все говорится, все и дѣлается! Для тебя, милое сокровище, на то ли еще готовъ!.. На плаху, на костеръ взойду — было бы только тебѣ хорошо. Какъ вспомню я про мой горькій день, какъ кончала свою жизнь Оленушка!.. Младенчикомъ Дуня была тогда, посадили ее возлѣ матери... Оленушка въ послѣдніе разочки вздыхаетъ, а младенчикъ смѣется, веселехонько играетъ ленточкой, чтò была въ вороту у покойницы... Господи, Господи!.. Взглянула тогда Оленушка... на меня и на Дунюшку... «Люби!» — чуть-чуть промолвила... Дунюшка радостно смѣется, ангельски

веселится, а душа Оленушки летитъ, летитъ въ небеса къ Господу».

И обильно омочилъ слезами Марко Данилычъ подушку.

Глава двадцать вторая.

На другой день по пріѣздѣ Марьи Ивановны, Смолокуровъ проснулся спозаранокъ. Не спалось ему въ душной комнатѣ. Въ спальнѣ возлѣ постели стоялъ желѣзный сундукъ съ деньгами. Хоть и былъ онъ привинченъ и къ полу и къ стѣнамъ, хоть въ окнахъ комнаты и вдѣланы были толстыя желѣзныя рѣшетки, но Марко Данилычъ всегда помнилъ, что на свѣтѣ много охотниковъ до чужого добра. Потому зимнихъ рамъ въ спальнѣ онъ не выставлялъ, а дверь всегда держалъ назаперти. Никому, кромѣ Дуни да еще Дарьи Сергѣевны, приходившей постель оправить да въ комнатѣ прибрать, безъ особаго зова ходу туда не было.

Не спится Марку Данилычу. То объ ненаглядной Дунюшкѣ мыслями раскидываетъ, то о ненавистномъ Орошинѣ помышляетъ. Давно онъ послалъ въ Астрахань наперсника своего, Корнея Евстигнеева, ухитрился-бъ тамъ подставить ножку не въ мѣру расходившемуся Орошину, но что-то долго отъ него никакихъ извѣстій нѣтъ. Дождался наконецъ письма... Пишетъ Корней, что съ Орошинымъ нѣтъ никакого сладу, все норовитъ къ своимъ рукамъ прибрать, всѣмъ дѣломъ хочетъ завладѣть, икру до послѣдняго пуда заподрядилъ, теперь къ суши подбирается. Денегъ привезъ кучу, Корнею съ какими-нибудь двадцатью тысячами нечего и думать тягаться съ нимъ.

«Песъ смердящій, — мысленно ругаетъ Марко Данилычъ Орошина. — Притча во языцѣхъ!.. Еѳіопская образина... Эхъ, надо бы мнѣ самому сплыть въ Астрахань. да поздно теперь! Привезти бы денегъ побольше, вырвать бы у собаки лакомый кусъ!.. А Корнею больше двадцати тысячъ какъ довѣрить?.. Да опоздалъ, упустилъ дорогой случай!.. Голову-то теперь какъ заломитъ, чортова плѣшь! — рукой не достанешь... Потонуть бы твоимъ баржамъ, бѣсова кукла, всѣмъ бы до послѣдней погорѣть у проклятика *)... А самого пострѣломъ **) бы положило, рукамъ, ногамъ отсохнуть бы у анаѳемы!..»

Не совсѣмъ доругавшись, всталъ Марко Данилычъ съ постели и подошелъ къ окну освѣжиться. Увидѣлъ его со

---

*) Проклятый.
**) Пострѣлъ — апоплексическій ударъ.

двора Василій Ѳаддеевъ и тотчасъ къ нему пошелъ. Постучался у дверей.

— Кто тамъ? — съ досадой крикнулъ Марко Данилычъ.

— Я-съ, Василій Ѳаддеевъ, — робко отвѣтилъ за дверью приказчикъ.

— Какого тебѣ дьявола надо? Черти еще на кулачки не дирались, а ты, подлецъ, ужъ и лѣзешь ко мнѣ! — пуще прежняго кричалъ Смолокуровъ, отпирая дверь.

— Штафету пригнали, — протягивая въ полуотворенную дверь гусиную шею, робко промолвилъ Ѳаддеевъ.

— Отколь?

— Изъ Астрахани, сказалъ почтальонъ, — молвилъ Ѳаддеевъ, протягивая въ дверь руку съ письмомъ. Въ спальню войти не посмѣлъ онъ.

Быстро сорвалъ печать Марко Данилычъ и сталъ читать письмо. Изъ Астрахани оно было, отъ Прожженаго.

— Почтмейстеръ наказывалъ напомнить вашей милости насчетъ осетрины... — началъ-было Василій Ѳаддеевъ, но Марко Данилычъ гнѣвно прикрикнулъ

— Убирайся, покамѣстъ цѣлъ.

Аки бѣсъ, опаленный крестнымъ знаменьемъ, исчезъ Василій Ѳаддеевъ.

Читаетъ Марко Данилычъ:

«Милостивѣйшему государю моему, благодѣтелю и отцу, Марку Данилычу, во-первыхъ, приношу нижайшее почитаніе съ пожеланіемъ со всѣмъ благословеннымъ вашимъ семействомъ паче всего многолѣтняго здравія и всякаго благополучія, а наиболѣе въ дѣлахъ скораго и счастливаго успѣха съ хорошимъ прибыткомъ и доброй наживой. Симъ самонужнѣйшимъ съ нарочитою штафетой письмомъ спѣшу почтеннѣйше вашей милости донести, что въ препорученныхъ дѣлахъ тружусь со всякимъ моимъ усердіемъ паче всякія мѣры, только въ деньгахъ объявляется великая недостача, и о томъ я ужъ два раза отписывалъ вамъ, отецъ нашъ и великій благодѣтель, Марко Данилычъ. Доносилъ я также вашей милости, что Онисимъ Самойлычъ, будучи лично самъ на Низу, завладалъ всѣмъ дѣломъ насчетъ икры и суши, однакожъ, благодаря Всевышнему, того сдѣлать ему не сгодилось. Въ семъ дѣлѣ помѣшали ему извѣстные вамъ господа, саратовскіе купцы Меркуловъ Никита Ѳедорычъ да Веденеевъ Дмитрій Петровичъ. Въ пятницу на прошедшей недѣлѣ оба они прибыли въ Астрахань и тотчасъ зачали скупать икру и рыбу большими партіями, и такимъ манеромъ на весь рыбный товаръ много цѣны подняли, а платятъ все наличными безъ разсрочекъ, и

задатки наличными же даютъ, а задатки даютъ большіе. А Онисимъ Самойлычъ желаетъ производить уплаты векселями на двѣнадцать да на осьмнадцать мѣсяцевъ, и потому ему тягаться съ ними не подъ силу. Онъ же, по великой жадности своей, напередъ сего ни съ кѣмъ письменныхъ условій не заключалъ, потому что жалко было уплачивать пошлины. Отъ того отъ самаго, которые ему контрактомъ не обязались, теперь всѣ до единаго перешли къ Меркулову да къ Веденееву, а которые задатки отъ Онисима Самойлыча заполучили, тѣ отплываютъ въ Енотаевскъ да на Бирючью-Косу и оттуда по почтѣ деньги ему посылаютъ, чтобъ онъ не отперся въ случаѣ, что ихніе задатки онъ не получилъ. Никто на его честь по здѣшнимъ мѣстамъ, по всѣмъ ватагамъ, ни одна душа съ увѣреніемъ положиться не можетъ. Онисимъ Самойлычъ съ таковой досады теперь и рветъ и мечетъ. Вечорашній день довелось мнѣ видѣть его: охрипъ, сердечный, отъ ругани, а третьяго-дня въ трактирѣ одному промышленнику *) съ сердцовъ въ ухо даже заѣхалъ, а тотъ съ своей стороны уважилъ и угостилъ его ладошками препорядочно, чуть-чуть обоихъ не забрали на съѣзжую. А Меркуловъ съ Веденеевымъ, какъ только поженились на дочеряхъ вашего благопріятеля Зиновья Алексѣича Доронина, такъ свои капиталы и женины приданыя деньги, да и тестевыхъ, можетъ, половину, а пожалуй, и больше, вкупѣ сложили и повели въ Астрахани дѣла на самую большую руку, никто такихъ большихъ дѣловъ не запомнитъ. И теперь у нихъ товарищество на паяхъ, а прозывается «Зиновій Доронинъ съ зятьми». Самъ Доронинъ тутъ не при чемъ, для того, что сами вы, отецъ нашъ и благодѣтель, по своей прозорливости лучше меня неразумнаго знать изволите, что рыбнаго дѣла онъ смысломъ своимъ обнять не годится. Пребываніе самъ имѣетъ въ городѣ Вольскѣ да на своей Иргизской мельницѣ, а зятья въ Астрахани икрой да рыбой ворочаютъ. По моему разсужденью, Онисимъ Самойлычъ по своей ненасытности и по великой отважности безпремѣнно въ большомъ накладѣ останется, дѣло завелъ широкое, а закончить не стало силы. Намедни при моей бытности расхвастался, что при расчетахъ у Макарья онъ получитъ большіе барыши, а на повѣрку выходитъ, что далъ бы только ему Богъ свои воротить. Думалъ, заграбаставши и сушь и икру, поднять цѣны у Макарья копеекъ на сорокъ съ каждаго рубля, а Меркуловъ съ Веденеевымъ, ежели, какъ ходятъ слухи, повысятъ цѣны, тамъ много что развѣ гривну на рубль

---

*) *Промышленникъ* — рыболовъ, имѣющій свою косовую лодку.

помимо того, во что самимъ обойдется. Только, по моему глупому разуму, вашей милости радоваться неудачѣ Онисима Самойлыча, кажись бы, не приходится, потому что всѣ его подходы всякому человѣку извѣстны какъ свои пять пальцевъ, во всякое, значитъ, время ему можно какой ни на есть подвохъ учинить, а Меркуловъ съ Веденеевымъ люди тонкіе, полированные: съ ними ладить невпримѣръ мудренѣе. Опять же и ловцамъ, и солельщикамъ, и икряникамъ, и жиротопамъ, и клеевщикамъ, и разъѣзднымъ, всѣмъ ни съ того ни съ сего они плату повысили, и это самое всѣмъ рыбнымъ торговцамъ стало за великую обиду. Да еще обносится молва по народу, будто бы они и казенныя и казачьи воды, а равно и вольный промыселъ и владѣльческихъ знатную часть берутъ себѣ на откупъ на двѣнадцать лѣтъ *). Тогда на всѣхъ ватагахъ будетъ вся ихняя воля. И на Волгѣ, на Низу, и на морѣ станутъ одни властвовать, другіе, значитъ, изъ ихъ рукъ гляди. Отъ того отъ самаго и нѣтъ стати, по моему разсужденію, оченно радоваться, что Онисима Самойлыча они крѣпко прижали. Господина Меркулова до сей поры я нигдѣ не видалъ, да ежели и довелось бы столкнуться съ нимъ, такъ полагаю, что онъ зло на меня мыслитъ большое за то, что въ прошедшемъ году въ Царицынѣ по вашему приказанію намѣревался его обдѣлать. А съ Дмитріемъ Петровичемъ столкнулись вчера въ трактирѣ — ласковый такой и привѣтливый, чаемъ угостилъ и про вашу милость много разспрашивалъ. Наказывалъ безотмѣнно объ его почтеніи отписать вашей милости, а также и Авдотьѣ Марковнѣ отъ ихней супруги кланяться. Затѣмъ, прекратя сіе письмо, съ достаточнымъ уваженіемъ и нижайшею покорностью остаюсь, милостивѣйшій отецъ и благодѣтель нашъ, всегда вѣрный вашъ приказчикъ, *Корней Евстигнеевъ*».

И радъ и не радъ былъ Марко Данилычъ астраханскимъ вѣстямъ. Потѣшало его извѣстье о неудачѣ Орошина, и не могъ онъ вспомнить безъ смѣха, что промышленникъ ему въ Харьковскую губернію заѣхалъ, въ Зубцовскій уѣздъ, въ городъ Рыльскъ, въ село Рождествено, но очень не радовало извѣстіе о Меркуловѣ съ Веденеевымъ... Дѣло, многими годами наси-

*) *Солельщикъ* — солитъ рыбу, *икряникъ* — вынимаетъ икру и пропускаетъ ее черезъ грохотъ, *жиротопъ* — вытапливаетъ жиръ изъ бѣшенки или изъ тюленя, *клеевщикъ* — вынимаетъ и сушитъ рыбій клей... *Казачьи воды* — принадлежащія Астраханскому казачьему войску. *Вольный промыселъ* — воды въ Каспійскомъ морѣ отъ земли уральскихъ казаковъ или отъ Граннаго бугра до острова Ракуши, а отсюда до Жилой косы (рѣки Эмбы) и дальше до Мангышлакскихъ горъ съ заливами Мертвымъ-Култукомъ и Сартажемъ.

женное, чего добраго, испакостятъ эти молокососы! Гнѣвитъ и сильно заботитъ это Марко Данилыча, и переноситъ онъ злобу свою съ Орошина на зятьевъ Зиновья Алексѣича.—«Угораздило же меня лѣтось свести Доронина съ Веденеевымъ — вотъ тѣ и свелъ на свою голову... То хорошо, что сбили спеси у анаѳемы! Да вѣдь того и гляди, что и всѣмъ рыбникамъ накладутъ въ шапку окаянные слетышки... Цѣны спускаютъ!.. Экъ что̀ вздумали, отятые *)?.. Сквозь бы землю имъ въ тартарары провалиться... А испекъ же промышленникъ, дай Богъ ему добраго здоровья, Орошину лепешку во всю щечку. Молодецъ!.. Чать, искры изъ глазъ посыпались, небо съ овчинку показалось!.. Молодецъ промышленникъ!.. Люблю такихъ!..»

Въ одной рубахѣ, заткнувъ большіе пальцы за шелковый скитскій поясокъ, долго босыми ногами ходилъ взадъ и впередъ по спальной Марко Данилычъ. Сто разъ на всѣ лады передумывалъ, какъ бы и отъ доронинскихъ зятьевъ безъ убытка остаться, и проклятику Орошину насолить хорошенько. Не вольная пташка съ сука на сукъ перепархиваетъ, хитрый умъ разгнѣваннаго рыбника съ мыслей на мысли переносится. Мыслей много, а домысла **) нѣтъ. Ничего на разумъ не приходитъ. Хватилъ Смолокуровъ съ досады кулакомъ по столу, плюнулъ, выругался и сталъ одѣваться. Чай пора пить съ Марьей Ивановной.

— Вотъ, сударыня Марья Ивановна, — сидя за чаемъ, сказалъ Марко Данилычъ, указывая на Дуню. — Хоть бы вы ее вразумили. Родительскихъ совѣтовъ не принимаетъ и слушать не хочетъ ихъ.

— Что̀ такое, Марко Данилычъ? — съ удивленьемъ спросила Марья Ивановна.

— Дѣвица она, видите, ужъ на возрастѣ, пора бы и своимъ домкомъ хозяйничать, — продолжалъ Марко Данилычъ.— Самъ я, покамѣстъ Господь грѣхамъ терпитъ, живу, да вѣдь никѣмъ не узнано, что̀ напередъ будетъ. Помри я, что̀ съ ней станется? Сами посудите!.. Дарья Сергѣвна намъ все едино, что родная, и любитъ она Дунюшку, ровно дочь, да вѣдь и ся дѣло женское. Гдѣ имъ дѣлами управить?.. Я вотъ и сѣдую бороду нажилъ, а иной разъ и у меня голова трещитъ.

Вспыхнула немного Марья Ивановна. Сжавши губы и потупивъ глаза, сморщила она брови.

— Къ чему говорить объ этомъ прежде времени, — сказала

---

*) *Отятой* — проклятый, отверженный, негодяй.
**) *Догадка* — достигнутая путемъ размышленій.

она. — Богъ дастъ, поживете. Ваши годы не слишкомъ еще большіе.

— Шестой десятокъ, барышня, доживаю, до седьмого недалеко... А знаете, что̀ татары говорятъ?.. «Шестьдесятъ лѣтъ прошелъ, ума назадъ пошелъ», — съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ. — Ежель скоро и не помру, такъ недуги старости одолѣютъ, да, по правдѣ сказать, они, сударыня, помаленьку-то ужъ и подходятъ. А тамъ впереди — трудъ и болѣзнь, какъ царь Давыдъ въ «Псалтырѣ» написалъ... А хворому да старому, барышня сударыня, не до дѣлъ. Помощникъ нуженъ ему, а его-то у меня и нѣтъ. А ежели бы Господь сынкомъ богоданнымъ благословилъ меня, всѣмъ бы тогда я доволенъ былъ. И о Дунюшкѣ не гребтѣлось бы, и дѣло-то было бы кому передать... А теперь однѣ только думы да заботы!..

— Живутъ же, не выходя замужъ, — возразила Марья Ивановна.—Возьмите хоть меня, а осталась я послѣ батюшки не на возрастѣ, какъ Дуня теперь, а ребенкомъ почти несмысленнымъ.

— Ваше дѣло, барышня, дворянское. У васъ дѣвицамъ можно замужъ не выходить, а у насъ по купечеству — зазоръ, не годится, — сказалъ Марко Данилычъ. — Опять же, хоша вы послѣ батюшки и въ малолѣтствѣ остались, однакоже у васъ были дяденька съ тетенькой и другіе сродники. А Дунюшка моя одна, какъ перстикъ. Опричь Дарьи Сергѣевны, нѣтъ никого у ней.

— Сироту не покинетъ Господь, — молвила Марья Ивановна. — Говорится же: «отца съ матерью Богъ прибираетъ, а къ сиротѣ ангела приставляетъ».

— Конечно, такъ, барышня,—отвѣчалъ Марко Данилычъ.— Еще сказано, что «за сираго самъ Богъ на стражѣ стоитъ», да вѣдь мы люди земные — помышляемъ о земномъ.

— То-то и есть, Марко Данилычъ, что мы только о земномъ помышляемъ, а о небесномъ совсѣмъ позабыли, да и знать его не хотимъ, — сказала Марья Ивановна. — А на землѣ-то мы вѣдь только въ гостяхъ, къ тому же на самый короткій срокъ — настоящая-то наша жизнь вѣдь тамъ.

— Противъ этого не можно ничего сказать, Марья Ивановна. Ваши рѣчи какъ есть правильныя, — отозвался Марко Данилычъ. — Да вѣдь я по человѣчеству сужу, пока не померъ я, Дунюшкѣ надо къ доброму, къ хорошему человѣку пристроиться.

— Полноте, Марко Данилычъ, не невольте вы ее, — сказала Марья Ивановна. — Станете неволить — великій грѣхъ примете на душу. Нѣтъ больше того грѣха, какъ у человѣка волю отнимать... Великій грѣхъ, незамолимый!.. Не грѣховное

наше тѣло, вѣдь разумъ и свободная воля составляютъ образъ и подобіе Божье... Какъ же смѣть отнимать у человѣка свободную волю? Богъ далъ, а человѣкъ отнять хочетъ великій даръ Божій... Это значитъ Бога обкрадывать. Подумайте объ этомъ хорошенько. Нѣтъ, Марко Данилычъ, не принуждайте Дунюшку. Иначе Бога обидите, и Онъ васъ накажетъ.

Со страстнымъ увлеченьемъ, громко, порывисто говорила взволнованнымъ голосомъ Марья Ивановна. Глаза горѣли у ней, будто у изступленной. Немало тому подивился Марко Данилычъ, подивилась и Дарья Сергѣвна, а Дуня, опустя взоры, сидѣла, какъ въ воду опущенная. Изрѣдка лишь блѣдныя ея губы судорожно вздрагивали.

— Нешто ее неволю я? — воскликнулъ съ досадой Марко Данилычъ. — Да сохрани меня Господи!.. А ваши рѣчи, Марья Ивановна, скажу вамъ по душѣ и по совѣсти, ужъ больно мудрены. Моему разуму ихъ, пожалуй, и не понять... Говорите вы, что въ свободѣ да въ волѣ образъ и подобіе Господне, а насъ, сударыня, учили, что смиренство да покорность угодны Господу... И въ писаніи сказано: «въ терпѣніи стяжите души ваши». И хоша мнѣ вашихъ рѣчей не домыслить, а все-таки я съ Дунюшки воли не снимаю — за кого хочетъ, за того и выходи. Объ этомъ я давно ужъ ей говорю, съ самаго того времени, какъ она заневѣстилась, шестнадцать годовъ когда, значитъ, ей исполнилось.

— Дѣло доброе, — нѣсколько спокойнѣе молвила Марья Ивановна. — И впередъ не невольте: хочетъ — выходи замужъ, не хочетъ — пускай ее въ дѣвицахъ останется. Сейчасъ вы отъ писанія сказали, и я вамъ тоже скажу отъ писанія: «вдаяй браку дѣву добрѣ творитъ, а не вдаяй лучше творитъ». Что̀ на это скажете?

— По писанію-то оно, пожалуй, и такъ выходитъ, да по человѣческому-то не такъ, — отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Мало-ль чего въ писаніи-то! Велѣно, къ примѣру сказать, око вырвать, ежели оно тебя соблазняетъ, а вѣдь мы всѣ соблазняемся, безъ соблазна никому вѣка не прожить, а кривыхъ что-то немного видится. Опять же въ писаніи-то не сказано, что худо тотъ творитъ, кто замужъ дочь выдаетъ, а сказано: «добрѣ творитъ». Хоша мы люди непоученые, а святое писаніе тоже сколь-нибудь знаемъ. Апостолъ точно сказалъ: «не вдаяй лучше творитъ», да вѣдь сказалъ онъ это не просто, а съ оговорочкой: «сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію», и паки: «о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имѣю» *).

---

*) «I Посланіе къ Коринѳянамъ», VII, 38; VI, 25.

Вотъ тутъ, сударыня Марья Ивановна, и извольте-ка поразсудить.

— Вотъ до чего мы съ вами договорились, — съ улыбкой сказала Марья Ивановна.—Въ богословіе пустились... Оставимте эти разговоры, Марко Данилычъ. Писаніе — пучина безмѣрная, никому вполнѣ его не понять, развѣ кромѣ людей, особенной благодатью озаренныхъ, тѣхъ людей, что̀ имѣютъ въ устахъ «слово живота»... А такіе люди есть, — прибавила она, немного помолчавъ и быстро взглянувъ на Дуню. — Не въ томъ дѣло, Марко Данилычъ, — не неволъте Дунюшки и все предоставьте волѣ Божьей. Господь лучше васъ устроитъ.

— Кто-жъ ее неволитъ? — съ ясной улыбкой отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Сказано ей: кто придется по сердцу, за того и выходи, напередъ только со мной посовѣтуйся, отецъ зла дѣтищу не пожелаетъ, а молоденькій умокъ старымъ умомъ крѣпится. Бывали у насъ и женишки, сударыня, люди все хорошіе, съ достатками. Такъ нѣтъ — и глядѣть ни на кого не хочетъ.

— Пускай ее не глядитъ, — перебила Марья Ивановна. — Какъ знаетъ, пусть такъ и дѣлаетъ. Вѣрьте, Марко Данилычъ, что Господь на все призираетъ, все къ лучшему для насъ устрояетъ. Положитесь на Него. Сами знаете, что на каждую людскую глупость есть Божья премудрость. На нее и уповайте.

Тѣмъ бесѣда и кончилась. Разошлись, осталась въ столовой одна Дарья Сергѣвна.

«Экій богословъ у насъ появился,—думала она, перетирая чайную посуду. — Послушать только! Чѣмъ бы уговаривать Дунюшку, она на̀-ка вонъ поди!.. Въ иночество, что ли, прочитъ ее? Такъ сама-то отчего же нейдетъ въ монахини? Сбиваетъ только у насъ дѣвку-то... А вѣдь какъ было-распыхалась, глаза-то такъ и разгорѣлись, голосъ такъ и задрожалъ, ровно кликуша какая!.. Охъ, Дунюшка, Дунюшка, чуетъ мое сердце, что на горе да на бѣду подружилась ты съ этой барышней!.. Какъ только спозналась съ ней, Богъ знаетъ что̀ забродило у Дуни въ головушкѣ. А что̀ думаетъ, о чемъ горюетъ — никому ни словечка. А вотъ принесла нелегкая эту анаѳему, шагу отъ нея не отходитъ... И что̀ за тайности съ ней, что̀ за разговоры!.. Книжки какія-то все, вчера про какихъ-то «Божьихъ людей» она разсказывала. Что̀ за «Божьи люди» такіе? Всѣ мы Божьи, всѣ Его созданье... Ахъ, Дунюшка, Дунюшка, голубушка ты моя милая!.. Мудрена эта Марья Ивановна, вчера пѣсню какую-то пѣла она, по голосу выходитъ «По улицѣ мостовой», а Святый Духъ поминается

и Пречистая Богородица!.. Надо сказать Марку Данилычу да какъ скажешь-то?.. Очень ужъ радъ онъ ей, доволенъ-предоволенъ, что барышня гоститъ у него. Попробуй теперь сказать ему что-нибудь про нее, зарычитъ аки звѣрь — ногъ не унесешь... О, Господи, Господи! какую напасть Ты послалъ на насъ... Не думано, не чаяно... И что-бъ такое было у этой окаянной, чѣмъ она прельщаетъ Дунюшку?.. Добьюсь, безпремѣнно добьюсь. Рядомъ каморка, оттоль слышно... Добьюсь, выведу на чистую воду еретицу, и только она со двора, все разскажу Марку Данилычу, все до послѣдней ниточки. Хоть на весь свѣтъ раскричись тогда, пожалуй, хоть побей, а ужъ выведу наружу всѣ козни этой проклятой барышни».

Глава двадцать третья.

Больше недѣли прошло съ той поры, какъ Марко Данилычъ получилъ письмо отъ Корнея. А все не можетъ еще успокоиться, все не можетъ еще забыть ставшихъ ему ненавистными Веденеева съ Меркуловымъ, не можетъ забыть и давняго недруга Орошина. Съ утра до ночи думаетъ онъ и раздумываетъ, какъ бы избыть бѣды отъ зятьевъ доронинскихъ, какъ бы утопить Онисима Самойлыча, чтобъ о немъ и помину не осталось. Только и не серчалъ, что при Дунѣ да при Марьѣ Ивановнѣ, на Дарью Сергѣвну сталъ и ворчать и покрикивать.

Рветъ и мечетъ Смолокуровъ. У приказчиковъ, у рабочихъ каждая вина стала виновата — кто ни подвернись, всякаго ни за̀ что ни про̀ что сейчасъ обругаетъ, а расходится рука, такъ, пожалуй, и прибьетъ, а что̀ еще хуже, со двора сгонитъ. Въ иную пору не стали бы у него рабочіе ни брани ни побоевъ терпѣть, теперь всѣ они безотвѣтны. Ни въ дому, ни на прядильняхъ, ни на лѣсномъ дворѣ, вотъ ужъ два мѣсяца, съ Великаго еще поста, громкаго слова не слышно. Всѣ присмирѣли, всѣ бродятъ, какъ тѣни, ни живы ни мертвы... Такое время было: пролѣтье *) проходитъ, Петровки на дворѣ, а по сельщинѣ-деревенщинѣ голодуха. Въ лѣтошномъ году вездѣ былъ недородъ, своего хлѣба до масленицы не хватило, озими отъ голой **) зимы померзли, весной яровые залило, на новый урожай не стало никакой надежды. Покупной хлѣбъ дорогъ, новаго нѣтъ, Петровъ день не за горами — плати подати да оброки. Въ каждой семьѣ лишній ротъ сталъ накла-

---

*) Конецъ весны.
**) *Голая зима* — безснѣжная.

денъ, оттого рабочіе и дорожили мѣстами. Въ иное время у Марка Данилыча работники — буянъ на буянѣ, а теперь отъ перваго до послѣдняго тише воды, ниже травы, ходятъ какъ линь по дну, воды не замутятъ. Нужда учитъ обиды терпѣть.

Пришелъ Троицынъ день, работныя избы и дѣловые дворы у Марка Данилыча опустѣли. Рабочіе изъ сосѣднихъ деревень пошли домой справлять зеленыя святки, дальніе гурьбой повалили въ подгородную рощу, гулянье тамъ каждый годъ бываетъ на Троицу. И въ домѣ было нелюдно. Въ густомъ тѣнистомъ садикѣ, подъ старыми липами и цвѣтущей сиренью, вечеромъ Троицына дня сидѣлъ Смолокуровъ за чаемъ съ Дуней, съ Марьей Ивановной, съ Дарьей Сергѣвной. Пили чай на прохладѣ — тоже зеленыя святки справляли. Ради праздника немножко повеселѣлъ Марко Данилычъ, забылъ на время астраханскія заботы. Напились чаю, наговорились, въ это время надвинулись сумерки. Василій Ѳаддеевъ, убирая самоваръ, раболѣпно наклонился къ хозяину и шепнулъ ему на ухо:

— Корней Евстигнеевъ пріѣхалъ.

— Какъ?—вскрикнулъ Марко Данилычъ, вскочивъ съ дерновой скамейки. — Что̀ случилось? Что-жъ онъ нейдетъ?

— Наказывалъ доложить вашей милости, самимъ бы вамъ къ нему пойти, — опять-таки шопотомъ сказалъ на ухо хозяину Ѳаддеевъ.

— Это что̀ за новости! — зычнымъ голосомъ вскрикнулъ Марко Данилычъ. — Тащи его сюда!

Василій Ѳаддеевъ взялся-было за опорожненный ведерный самоваръ, но..

— Успѣешь!—Смолокуровъ гнѣвно крикнулъ:—Корнея зови!

Склонивъ голову, зайцемъ въ калитку Ѳаддеевъ юркнулъ, но тотчасъ же назадъ воротился.

— Ну? — крикнулъ раздраженный Марко Данилычъ.

— Ругается-съ... Нельзя, говоритъ, ему на людяхъ съ вашей милостью разговаривать. Надо, говоритъ, одноличио... Старикъ какой-то съ нимъ... — пятясь отъ распалившагося хозяина, еле слышно прошепталъ Василій Ѳаддеевъ.

— Не смѣть умничать! Сію бы минуту здѣсь былъ! — во все горло закричалъ Марко Данилычъ, забывши и про Марью Ивановну.

— Сыро что-то становится, — вставая съ мѣста, сказала Марья Ивановна. — Пойдемъ-ка, Дунюшка, Марко Данилычъ дѣлами здѣсь займется.

И, взявши Дуню подъ-руку, скорыми шагами пошла изъ саду. За ними тихими, неровными стопами поплелась и Дарья Сергѣвна.

Увидѣвъ, что хозяинъ одинъ въ саду остался, Корней бѣгомъ подбѣжалъ къ нему. Василій Ѳаддеевъ пошелъ-было за нимъ вслѣдъ, но тотъ, грубо оттолкнувъ его, заперъ калитку на задвижку.

— Чего толкаешься! — вскипулся на Корнея Ѳаддеевъ. — Чать, надо самоваръ принять да посуду.

— А ты ухай, да не бухай, — съ наглой усмѣшкой молвилъ Прожженый. — Убрать поспѣешь, а ежели вздумаешь уши навострнвать, такъ я ихъ тебѣ засвѣчу, — прибавилъ онъ, поднимая увѣсистый кулакъ.

— Это что̀ такое? — вскрикнулъ Марко Данилычъ, завидѣвъ Корнея. — Отъ дѣловъ уѣхалъ безъ спросу да и глазъ еще не кажетъ... Самъ хозяинъ изволь къ нему бѣжать... Я, братъ, этого не больно жалую.

— Ругани-то я много слыхалъ, меня руганью не удивишь, — сердито пробурчалъ Корней Евстигнеевъ. — Чѣмъ бы орать, лучше путемъ спросить, для чего я, побросавши дѣла, наспѣхъ пріѣхалъ.

— Что̀ случилось? — ужъ безъ задора, но съ тревожнымъ безпокойствомъ, спросилъ Смолокуровъ. — Орошинъ, что ли?.. Аль еще что̀ накуролесили зятьки доронинскіе?..

— Иная статья, — прищуривъ лукаво глаза и закинувъ руки за спину, промолвилъ Корней.

— Да говори же толкомъ, лѣшій ты этакій! Морить, что ли, вздумалъ меня? — во всю мочь закричалъ на него Смолокуровъ.

— Мокей Данилычъ велѣлъ кланяться да про здоровье спросить, — съ хитрой улыбкой протяжно проговорилъ Прожженый.

Какъ ярый громъ изъ тихаго яснаго неба грянули эти слова надъ Маркомъ Данилычемъ. Сразу слова не могъ сказать. Встрепенулось-было сердце радостью при вѣсти, что давно оплаканный и позабытый уже братъ оказался въ живыхъ, мелькнула въ памяти и тѣсная дружба и беззавѣтная любовь къ нему во дни молодости, но тотчасъ же налетѣла хмарая мрачная дума. — «Половину достатковъ придется отдать!.. Дунюшку обездолить!.. Вретъ Корней.

— Что̀ за рыба принесла тебѣ поклонъ отъ покойника?.. Тюлень морской, что ли, съ тобой разговоры водилъ? — захохотавъ недобрымъ смѣхомъ, сказалъ Марко Данилычъ. — Сорока на хвостѣ басни принесетъ, а онъ въ самое нужное время бросаетъ дѣла и мчится сюда безъ хозяйскаго спросу!.. Съ ума ты, что ли, сошелъ?

— Не сорока мнѣ вѣсти приносила, а Хлябинъ Терентій

Михайловъ, что̀ тогда на «бѣленькаго» съ нами ѣздилъ, — сказалъ Корней.—Привезъ я его, пущай самъ разскажетъ.

— Что̀ за Терентій такой?—спросилъ Марко Данилычъ.

— Изъ здѣшнихъ мѣстовъ онъ будетъ, — отвѣтилъ Корней. — Оттого и кучился мнѣ довезти его со сродниками повидаться. Лѣтошнимъ годомъ онъ отъ басурмановъ утекъ, а Мокей Данилычъ и до сихъ поръ у нихъ въ полону. Кликнуть, что ли, его, Терентья-то?

— Пошли,—немного повременя, сказалъ Марко Данилычъ.— А самъ ступай отдыхать, надобенъ будешь — кликну.

Вышелъ изъ саду Корней, а Марко Данилычъ, склонивши голову, медленными шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ, обсаженной стоявшею въ полномъ цвѣту благоуханной сиренью.

Пришелъ необычайно рослый и собой коренастый пожилой человѣкъ. Борода вся сѣдая, и въ головѣ сѣдина тоже сильно пробилась: русыхъ волосъ и половины не осталось. Изнуренный, въ лицѣ ни кровинки, въ засаленномъ, оборванномъ архалукѣ изъ адряса *), подошелъ онъ къ Марку Данилычу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Сѣлъ на скамейку Марко Данилычъ и зорко посмотрѣлъ прямо въ глаза незнакомцу.

— Что̀ скажешь, любезный? — нахмурясь, спросилъ онъ его наконецъ.

— Про Мокея Данилыча доложить вашей милости, — вполголоса проговорилъ Терентій.

Не отвѣтилъ на то Марко Данилычъ. Низко наклонясь, сталъ онъ тросточкой по песку чертить.

— Сказывалъ Корней... — послѣ долгаго молчанья промолвилъ Смолокуровъ.—Да не врешь ли ты? — поднявши голову и вскинувъ глазами на Терентья, прибавилъ онъ.

— Какъ возможно мнѣ врать вашему степенству?—скорбно и даже обидчиво промолвилъ Терентій Михайловъ.- Помилуйте!.. Столько годовъ съ вашимъ братцемъ мыкали мы подневольную жизнь, и вдругъ я стану врать!.. Да Самъ Господь того не допуститъ!.. Всего мы съ Мокеемъ Данилычемъ наглядѣлись, всего натерпѣлись... Какъ же поворотится у меня языкъ сказать неправду?

— Самъ-отъ ты кто таковъ? — спросилъ Марко Данилычъ.

---

*) *Адрясъ* или *паочай* — полушелковая ткань съ волнистыми пестрыми узорами по одинаковому полю.

— Здѣшней округи *) деревни Обуховой. Терентій Михайловъ. Хлябины прежде звались, какъ теперь—не знаю. Дома-то еще не бывалъ.

— Барскій? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Былъ барскимъ, господъ Раменскихъ, а теперича, будучи выходцемъ изъ хивинскаго полону, сталъ вольнымъ, — отвѣтилъ Хлябинъ.

— Ишь ты! — насмѣшливо промолвилъ Марко Данилычъ.— Недальній, значитъ, отсюда.

— Сорока верстъ не будетъ, — отвѣтилъ Хлябинъ. — Да вѣдь я, ежель на памяти у вашего степенства, въ работникахъ у васъ служилъ. Тогда съ Мокеемъ Данилычемъ и въ Астрахань-то мы вмѣстѣ сплыли. Вотъ и Корней Евстигнеичъ тоже съ нами втѣпоры поѣхалъ... Конечно, время давнее, можно забыть. И братца-то, пожалуй, плохо стали помнить... Много вѣдь съ той поры воды утекло... Давно, да, очень давно,— со вздохомъ промолвилъ Терентій Михайловъ.

— Время давнее... точно что давнее,—сквозь зубы процѣдилъ Смолокуровъ.

Неохота была ему вдаваться въ дальніе разспросы. И вѣрилъ онъ, и не хотѣлось ему вѣрить.

Немного погодя Хлябинъ самъ началъ разсказывать.

— Когда на морѣ разорвало нашу льдину, на большой половинѣ насъ съ Мокеемъ Данилычемъ было двадцать четыре человѣка, а кормовъ ничегохонько. Лошадь была, зарѣзали, съѣли кобылятину и чаяли потонуть либо голодную смерть принять... А вѣтеръ все крѣпче да крѣпче. Гонитъ насъ на востокъ, подумали, авось живыхъ принесетъ къ Мангышлаку... Да гдѣ доплывешь до берега! Изностъ льдина, растаетъ — и сгинемъ мы въ морской пучинѣ. На четвертый день рано поутру видимъ — одна за другой выплываютъ три посудины, а какія — разглядѣть не можемъ — далеко... Подняли мы крикъ, авось услышатъ и переймутъ насъ... Услыхали ли на лодкахъ наши крики, увидали-ль насъ, про то неизвѣстно,—а къ нашей льдинѣ поворотили... Какъ стали они подъѣзжать, такъ мы и ужаснулись... трухменцы съ самопалами, съ чеканами **). Стали они перенимать насъ со льдины. Кого возьмутъ, первымъ дѣ-

*) Прежде (съ екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ до начала девятнадцатаго столѣтія) уѣзды назывались округами. Въ народномъ языкѣ мѣстами и до сихъ поръ это слово въ ходу.

**) *Самопалъ*—фитильное ружье, въ родѣ пищали безъ замка̀, иногда съ замко̀мъ, но не съ кремнемъ, а съ тлѣющимъ фитилемъ. *Чеканъ*—топорикъ съ молоткомъ на короткой рукояткѣ. У трухменцевъ до послѣдняго времени держались самопалы, а лѣтъ 25 тому назадъ было ихъ довольно много.

ломъ руки тому назадъ да ремнемъ либо арканомъ скрутятъ, какъ бѣлугу, на дно лодки и кинутъ. Ногъ не вязали, знали собаки, что по морю намъ не бѣжать... На каждую лодку насъ пришлось по восьми человѣкъ, а ихъ было по пяти; для того и вязали, чтобъ мы не одолѣли да не отплыли бы съ ними къ русскому берегу... Не догадайся разбойники перевязать насъ—такъ бы дѣло и было... На полдень злодѣи путь свой держали—и на другой день рано поутру верстахъ въ десяти завидѣли мы черни *). Съ того часу трухменцы черней не завѣшивали **), тутъ имъ не стало боязно—русскихъ по тѣмъ мѣстамъ нѣтъ. А держали окаянные, какъ и прежде, все на полдень, на пятый день выплыли въ Киндерли ***). Силъ не жалѣли, веслами здорово работали. Лодки не плыли, а ровно скакали по морю—видно, разбойники ждали погони. Наврядъ ли русскихъ они опасались, у самихъ у нихъ есть много разныхъ родовъ, и каждый родъ только и выжидаетъ, какъ бы у другого добычу отбить. Самый разбойный народъ... Хоть бѣжать и было нельзя подумать, — куда въ голодной-то степи-то убѣжишь? — однакожъ трухменцы и на берегу не дремали—боялись, чтобы мы у нихъ не пропали. Были у нихъ ножныя желѣза—лошадиныя путы, да всего только трое; шестерыхъ насъ перековали по двое ногу съ ногой, въ парѣ со мной довелось быть Мокею Данилычу. Другихъ арканами скрутили, тоже нога съ ногой. И, ровно стадо стреножныхъ коней, погнали насъ по степи. А ѣсть давали только по чуреку ****) въ день на человѣка, а какъ руки-то у насъ были назадъ скручены, такъ басурманы изъ своихъ рукъ насъ кормили. Погано, да съ голодухи мы и тому были рады. Отошли отъ берега верстъ съ десятокъ — тутъ у нихъ временное кочевье: расковали насъ злодѣи, развязали, распутали, раздѣли донага и каждаго, ровно продажную лошадь, стали осматривать, и зубы во рту смотрѣли, и щупали вездѣ, и пальцами ковыряли. Потомъ дѣлежъ добычи пошелъ у нихъ. Цѣлый день съ утра до ночи шумѣли да спорили, а что̀ говорятъ — понять не можемъ. Они спорятъ, а мы сидимъ на горячемъ пескѣ голодные. Къ вечеру подѣлили насъ. Мы съ Мокеемъ Данилычемъ къ одному хозяину достались—Чулимъ-ходжѣ изъ Адаевскаго

---

*) *Черни*—плоскій берегъ, видный съ моря, когда еще мало на немъ что-нибудь можно различить глазомъ. Это слово въ ходу только на Каспійскомъ морѣ.

**) *Завѣсить черни*—уйти изъ виду отъ береговъ. Слово каспійское.

***) Заливъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, южнѣе полуострова Мангышлака, сѣвернѣе залива Карабугаза.

****) Прѣсный хлѣбъ въ видѣ лепешки.

рода. Былъ человѣкъ онъ богатый и властный, всѣ его слушались, боялись и почитали, во всемъ ихнемъ кочевьѣ старше Чулима никого не было. Дня черезъ два трухменцы перекочевали отъ моря верстъ за двѣсти. Всего тутъ много мы натерпѣлись: степи голыя, безводныя, ежель и попадется вода— въ ротъ не возьмешь: голая соль. Ни деревца ни кустика. Травы даже мало, и то одна полынь. А ящерицы, скорпіоны, тарантулы по степи такъ и шныряютъ, а мы пѣши и босы— сапоги-то еще въ лодкахъ разбойники съ насъ поснимали и одежу всю ограбили. Сами-то адаевцы съ женами да съ дѣтьми на коняхъ да на верблюдахъ, а мы двѣсти верстъ пѣшечкомъ. Думали—тутъ и жизни конецъ, однакоже Господь помиловалъ, кое-какъ доплелись. На новой кочевкѣ травы хорошія и колодцы съ прѣсной водой, отдавало немножко солью, да ничего, по нуждѣ пить можно. Тутъ Чулимъ заставилъ насъ коней да барановъ пасти —вотъ и попали мы въ пастухи. Хозяинъ много говорилъ съ нами по-своему, ино слово и по-русскому скажетъ, а больше руками маячитъ: «ежели, дескать, бѣжать вздумаете, голову долой». Чего тутъ бѣжать?.. Куда?.. Прожили мы на этой кочевкѣ недѣль шесть, пожалуй, и больше. Всѣ полонянники проживали въ одномъ мѣстѣ, а потомъ зачали насъ по одиночкѣ, либо по два и по три, въ Хиву продавать. Нарочно пріѣзжали хивинцы къ адаевцамъ за продажными кулами *). Дошла и до меня очередь, продали меня купцу, въ какую цѣну пошелъ я тогда— не знаю. Горько было разставаться съ товарищами, поплакали на прощанье, я только тѣмъ себя утѣшалъ, что Хива хоша и басурманскій, а все-таки городъ, работа, можетъ, будетъ тамъ и потяжелѣ, зато кормить посытнѣе станутъ. Опять же наслышаны мы были, что въ Хивѣ русскихъ полонянниковъ много, значитъ, хоша и въ неволѣ, а все-таки со своими... А купецъ, что̀ купилъ меня у адаевцевъ, Зерьянъ Худаевъ, человѣкъ былъ богатый, и торговалъ онъ только однимъ русскимъ полономъ. Во всѣхъ трухменскихъ родахъ были у него друзья-пріятели, они ему и доставляли русскихъ. Занимался Худаевъ такимъ торгомъ лѣтъ ужъ сорокъ и, водясь съ русскими, научился съ грѣхомъ пополамъ по-нашему говорить. Ѣдемъ мы съ нимъ, а онъ и говоритъ: очень, дескать, хотѣлось ему и товарища моего купить, Мокея, значитъ, Данилыча, да дорого, говоритъ, просятъ адаевцы, за такую цѣну его не перепродашь. Сталъ я расхваливать Мокея Данилыча: и моложе-то онъ, говорю, меня, и сильнѣе-то, а ежели до вы-

*) *Кулъ*—рабъ.

купа дѣло дойдеть, такъ за него, говорю, невпримѣръ больше дадутъ, чѣмъ за меня.

— А зачѣмъ хвасталъ?—прервалъ Марко Данилычъ Терентья Хлябина.

— Думалъ, не купитъ ли Худаевъ и Мокея Данилыча,— отвѣчалъ Хлябинъ.—Вмѣстѣ бы тогда жили.

— Напрасно, — съ недовольствомъ тряхнувъ головой, молвилъ Марко Данилычъ.

Хлябинъ продолжалъ разсказъ:

— У Худаева я недолго оставался — недѣли полторы либо двѣ... Продалъ онъ меня самому хану, царю, значитъ, ихнему, басурманскому. А передъ тѣмъ больно серчалъ. Плетью даже меня выхлесталъ...—«Зачѣмъ, говоритъ, такой-сякой, выходилъ ты на улицу, когда ханъ мимо моего дома проѣзжалъ. Теперь онъ тебя къ себѣ беретъ, а денегъ дастъ тѣ же пятьдесятъ золотыхъ, что̀ и я за тебя далъ адаевцамъ. Черезъ тебя, русская собака, убытокъ мнѣ. Напрасно я хлопоталъ, напрасно ѣздилъ въ степь за тобой!.. Помни же ты меня, помни, русская невѣрная собака, помни Зерьяна Худаева». А самъ плетью да плетью по голымъ плечамъ. И вотъ, подумаешь, судьба-то что̀ дѣлаетъ — не прошло двухъ годовъ, какъ этотъ самый Зерьянъ сряду дня по три въ ногахъ у меня валялся, чтобы я похлопоталъ за него у хана. А тогда ему за одну провинность ханъ голову хотѣлъ-было срубить... Поминаючи Божью заповѣдь, укланялъ я тогда хана — помиловалъ бы онъ Худаева. Велѣлъ только четыреста плетей ему влѣпить, носъ окорнать да уши отрѣзать, и послѣ этого много благодарилъ меня Зерьянъ Худаевъ и до самаго конца благодѣтелемъ звалъ. Тридцать золотыхъ подарилъ, да что̀ грѣха таить — тогда я еще молодой былъ — свою племянницу, Селимой звали, въ полюбовницы далъ мнѣ. Славная была дѣвчурка, только ее до меня еще очень опорочили на базарѣ, убить даже хотѣли. Замужъ, значитъ, она ни за кого изъ басурмановъ не годится, ну, а мнѣ ничего — можно.

— Ну тебѣ про дѣвокъ поганыхъ расписывать, — молвилъ Марко Данилычъ и плюнулъ даже въ сторону.

— Слушаю, ваше степенство — не буду, хоша и занятно,— сказалъ Хлябинъ. И сталъ продолжать разсказъ.

— Наутро отвели меня къ самому хану. И велѣлъ онъ мнѣ на стражѣ у дворцовыхъ дверей стоять. Ростъ мой ему полюбился, охочъ былъ до высокихъ, по всему царству ихъ отыскивалъ и набиралъ себѣ въ прислугу, полоняниковъ высокихъ тоже бралъ къ себѣ. А рослые у него больше все изъ русскихъ — иные изъ нихъ даже побасурманились, дѣтьми

обзавелись, и ханъ даетъ имъ всякія должности, и они живутъ въ довольствѣ и почетѣ. И меня уговаривали перейти въ ихнюю Бахметову вѣру, да Господь Богъ помогъ — я укрѣпился. Мало кто изъ русскихъ въ полону вѣру свою оставляетъ, рѣдкій который отъ креста отречется. А ханъ, хоть какой ни есть, все же государь, живетъ не больно по-государски — ужъ очень просто. Хоша и ковры вездѣ, и серебряной посуды вдосталь, и дорогихъ халатовъ, и шубъ, и каменей самоцвѣтныхъ довольно, а по буднямъ ходитъ, такъ срамъ поглядѣть — халатишко старенькій, измасленный; ичеги въ дырахъ — а ему ни по чемъ. А женъ и дочерей водитъ въ ситцевыхъ платьяхъ, самаго дешевенькаго ивановскаго ситца, линючаго. А ѣды у нихъ только и есть что пилавъ да бишбармакъ. питья — айрянъ да кумысъ *). Иной разъ и наше зелено вино ханъ испиваетъ. Ихній законъ хмельного не дозволяетъ, да они то ставятъ въ оправданье: запрещено-де виноградное вино, а русское — изъ хлѣба, значитъ, его пить не грѣхъ. Любитъ еще ханъ пироги. Попала къ нему наша полонянка, изъ Краснаго-Яра мѣщанка, Матреной Васильевной звали. Купилъ ее ханъ и велѣлъ стряпать на своихъ женъ. И привелъ Богъ Матрену Васильевну въ стряпкахъ жить у хановыхъ женъ. Онѣ очень ее полюбили за то, что рисовую кашу на кобыльемъ молокѣ съ изюмомъ да съ урюкомъ больно вкусно варила имъ. Разъ какъ-то любимая ханова жена вздумала попотчевать муженька русскимъ пирогомъ съ бараниной, Матрена испекла ей. Пирогъ хану пришелся по вкусу, и съ того дня Матрена Васильевна каждый день должна была ему пироги печь. За дрождями нарочно въ Оренбургъ купцовъ посылали... И въ такую силу вошла Матрена Васильевна, что ханскіе министры боялись ее пуще бухарскаго царя али персидскаго шаха. Матрена Васильевна, дай Богъ царство ей небесное, баба бойкая была, расторопная, развеселая. Ханши безъ ума отъ нея были, и ханъ много дорожилъ ею. Полцарства бухарскаго не взялъ бы онъ за ея пироги съ бараниной. А когда какой-то купецъ осетра въ Хиву привезъ и поклонился имъ хану, такъ Матрена Васильевна такую кулебяку состряпала, что ханъ трое сутокъ, сказывали, пальцы у себя лизалъ, и съ той поры поварпха въ самой великой власти стала при немъ находиться. Чего, бывало, Матрена Васильевна ни пожелаетъ, все дѣлается по ея хотѣнью. И смотрѣть ни на кого не хочетъ — придетъ на поварню

---

*) *Бишбармакъ* — въ переводѣ «пятипалое», потому что его ѣдятъ горстью. Это вареная и накрошенная баранина съ прибавкой къ навару муки или крупъ. *Айрянъ* — разболтанная на водѣ простокваша.

басурманскій вельможа да подвернется ей не въ добрый часъ, Матрена Васильевна, много не говоря, хвать его скалкой по лбу да на придачу еще обругаетъ. А русскимъ много добра дѣлала, заступница была за нихъ у хана. Многихъ даже отъ смерти освободила своими просьбами у хана. А ежели, бывало, не захочетъ онъ ея прошенья уважить, такъ она крикнетъ на него да ногой еще притопнетъ:—«Такъ нѣтъ же тебѣ пироговъ, ищи другую стряпку себѣ, а я стряпать не стану». Ну, ханъ по желанью Матрены Васильевны все и сдѣлаетъ. Много за нее Бога молили, вотъ и мнѣ съ Мокеемъ Данилычемъ по милости ея много было въ рабствѣ облегченья. Дай Богъ ей царство небесное!

Примолкъ Хлябинъ, а Смолокуровъ все сидитъ, все молчитъ, склонивши думную голову.

— Разсказывай, а ты разсказывай, — молвилъ онъ наконецъ. — Очень занятно разсказываешь...

— Года этакъ черезъ два, какъ сталъ я у хана проживать,—говорилъ Хлябинъ:—иду разъ по базару—навстрѣчу мнѣ русскій — тамъ издали своего брата узнаёшь. Идетъ, едва ноги волочитъ, въ однѣхъ кожаныхъ штанахъ, безъ рубахи, и на избитыхъ, голыхъ плечахъ полубатманный *) мѣшокъ съ пшеницей тащитъ. Батюшки свѣты!.. Мокей Данилычъ!.. Едва могъ узнать — трудненько, вижу, его житье. И онъ узналъ меня, разговорились.—«Живу, говоритъ, у хозяина немилостиваго, работой заваленъ, побоевъ много, а кормятъ впроголодь». Тѣмъ же часомъ я къ Матренѣ Васильевнѣ: «такъ и такъ, говорю, помилосердуй». Дёнъ этакъ черезъ пятокъ пристроила она его къ ханскому дому — тутъ ему стало полегче. И выжили мы тутъ съ вашимъ братцемъ безъ малаго двадцать годовъ, и было намъ житье хорошее, вольготное, а какъ померла Матрена Васильевна, и намъ съ Мокеемъ Данилычемъ и всѣмъ русскимъ стало гораздо тяжелѣ... Тутъ я бѣжать надумалъ. Сговорился съ двумя астраханцами тайкомъ выйти на Русь, молвилъ о томъ Мокею Данилычу, онъ побоялся. И хорошо сдѣлалъ на ту пору — пятидесяти верстъ мы не отъѣхали на краденыхъ ханскихъ лошадяхъ, какъ насъ поймали. Ханъ распорядился живо — одного астраханца велѣлъ повѣсить, другому носъ и уши окорнать, а меня помиловалъ, дай Богъ ему здоровья, портить человѣка рослаго не захотѣлъ, а выше меня у него никого не было. Дали мнѣ двѣсти плетей да къ висѣлицѣ ухомъ пригвоздили — вотъ

---

*) Батманъ — въ Хивѣ и Бухарѣ — восемь пудовъ, крымскій и закавказскій 26 пудовъ, поволжскій 10 пудовъ.

поглядите, ухо-то у меня поротое. Потомъ ничего, опять ханъ держалъ меня въ милости, опять мнѣ стало вольготно, да тоской ужъ я вовсе измучился — такъ вотъ и тянетъ на родину... Опять бѣжать рѣшился — пущай, думаю, меня повѣсятъ, лучше смерть принять, чѣмъ съ тоски погибать. Подговорилъ товарища изъ уральскихъ казаковъ, лѣтомъ прошлаго года было это дѣло — въ ту пору ханъ на кочевкѣ былъ, верстахъ во ста отъ города. Украли мы у него четырехъ аргамаковъ, чтò ни на есть лучшихъ, изъ-подъ его сѣдла. Вынесъ Богъ, слава Тѣ, Господи!.. А ѣхали только по ночамъ, днемъ въ камышахъ залегали, лошадей стреножили да наземь валили ихъ, чтобъ хивинцы аль киргизы насъ не запримѣтили. Какъ сбирались бѣжать, опять уговаривалъ я Мокея Данилыча, и опять не согласился онъ на побѣгъ, а только мнѣ и тому уральскому казаку слезно плачучи наказывалъ:—«Ежели, говоритъ, вынесетъ васъ Богъ, повѣстите, говоритъ, братца моего родимаго Марка Данилыча господина Смолокурова, а ежели въ живыхъ его не стало, племянниковъ моихъ аль племянницъ отыщите. Попросите ихъ Христомъ Богомъ — поболѣли бы сердцемъ по горькомъ, несчастномъ житьѣ моемъ. Ханъ въ деньгахъ теперь нуждается, казна у него пустехонька. Сотъ пять тиллэ, тысячу, значитъ, цѣлковыхъ, радехонекъ будетъ взять за меня». А дѣло надо дѣлать,—прибавилъ Хлябинъ:—черезъ оренбургскаго купца Махмета Субханкулова. Каждый годъ онъ ѣздитъ въ Хиву торговать. Съ ханомъ въ большой дружбѣ, иной разъ по цѣлымъ ночамъ съ глазу на глазъ они куликаютъ. Вишневой наливкой всего больше хану онъ угождаетъ. Много привозитъ ея, а денегъ не беретъ, а ханъ-отъ до вишневки больно охочъ. Оттого и уважаетъ Субханкулова. Немало русскаго полону тотъ татаринъ выкупилъ, ходокъ на это дѣло. Только и ему надо сотъ пять рублевъ за труды дать.

Кончилъ Хлябинъ, а Марко Данилычъ все сидитъ, склонивши голову... Жалко ему брата, но жалко и денегъ на выкупъ... Такъ и сверкаетъ у него мысль:—«А какъ воротится да половину достатковъ потребуетъ? Дунюшка при чемъ тогда?.. Да вретъ Корней, вретъ и этотъ проходимецъ, думаетъ за сказки сорвать съ меня что-нибудь. Народъ теплый. Надобно однако, чтобы ни онъ ни Корней никому ни гу-гу, по народу бы не разнеслось. Дарья Сергѣевна пуще всего не провѣдала бы... Обоихъ — и Корнея и выходца—надобно сбыть куда-нибудь... А жаль Мокеюшку!.. Шутка ли — двадцать слишкомъ годовъ въ басурманской неволѣ? Сколько страху,

сколько маяты принялъ сердечный!.. Да вретъ проходимецъ... Не можетъ быть того».

А долговязый Хлябинъ все стоитъ да стоитъ, все ждетъ отвѣта на свои рѣчи.

— Разсказалъ ты, братецъ, что размазалъ, — молвилъ наконецъ ему Марко Данилычъ. — Послушать тебя, такъ и сказокъ не надо... Знатный бахарь *)! Надо чести приписать! А скажи-ка ты мнѣ по чистой правдѣ да по совѣсти — самъ ты эти небылицы въ лицахъ выдумывалъ, али слышалъ отъ какого-нибудь бахвала?

— Истинную правду вамъ сказываю, вотъ какъ передъ самимъ Христомъ, — вскликнулъ Терентій и перекрестился. — Опричь меня, другихъ выходцевъ изъ хивинскаго полона довольно есть — кого хотите спросите; всѣ они знаютъ Мокея Данилыча, потому что человѣкъ онъ на виду—у хана живетъ.

— Знаю я васъ, хивинскихъ полонянниковъ, — молвилъ, нахмурясь, Марко Данилычъ. — Иной гулемыга **) бѣжитъ отъ господъ аль отъ некрутчины да, нашатавшись досыта, и скажется хивинскимъ выходцемъ. Выгодно — барскій, такъ волю дадутъ, а отъ солдатчины во всякомъ разѣ ушелъ... Ты господскій, говоришь?

— Былъ господскимъ, — отвѣчалъ Хлябинъ.

— Я напередъ это зналъ, — молвилъ Смолокуровъ. — И чего ты ни наплелъ! И у самого-то царя въ домѣ жилъ, и жены-то царскія въ ситцевыхъ платьишкахъ ходятъ, и стряпка-то царемъ ворочаетъ, и министровъ-то скалкой по лбу колотитъ!.. Ну, кто повѣритъ тебѣ? Хоша хивинскій царь и басурманинъ, а все-же-таки царь — стать ли ему изъ-за пироговъ со стряпкой дружбу водить. Да и какъ бы она посмѣла министровъ скалкой колотить? Ври, братецъ, на здоровье, да не завирайся. Нехорошо, любезный!

— Не вѣрите мнѣ, такъ у Корнея Евстигнеича спросите, — сказалъ на то Хлябинъ. — Не я одинъ про Мокея Данилыча ему разсказывалъ, и тотъ казакъ, съ коимъ мы изъ полону вышли, то же ему говорилъ. Да опричь казака есть и другіе выходцы въ Астрахани, и они то же самое скажутъ. А когда вышли мы на Русь, заявили о себѣ станичному атаману. Билеты намъ выдалъ. Извольте посмотрѣть, — прибавилъ Хлябинъ, вынимая бумагу изъ-за пазухи.

Внимательно прочиталъ билетъ Марко Данилычъ и, сложивши его, молча отдалъ Терентью.—«А вѣдь дѣло-то на правду

*) *Бахарь* — краснобай, а также сказочникъ.
**) *Гулемыга* — праздный гуляка, шатунъ.

похоже! — подумалъ онъ. — Эхъ, Мокеюшка, Мокеюшка!.. Сердечный ты мой!.. Какъ же теперь быть-то? Дунюшку вѣдь этакъ совсѣмъ обездолишь!.. Ахъ, Ты, Господи, Господи!.. Наставь, вразуми, какъ тутъ поступить».

— Вотъ что̀, — надумавшись, сказалъ онъ Хлябину. — По билету вижу, что ты въ самомъ дѣлѣ вышелъ изъ полону. Хоша и много ты насказалъ несодѣяннаго, а все-таки насчетъ брата я постараюсь узнать повѣрнѣе, а потомъ что̀ надо, то и сдѣлаю. Этотъ оренбургскій татаринъ къ Макарью на ярманку ѣздитъ?

— Каждый годъ ѣздитъ; тамъ у него и лавка въ Бухарскомъ ряду, — отвѣчалъ Хлябинъ.

— Дастъ Богъ, повидаюсь, потолкую съ нимъ, ярманка не за горами, — сказалъ Смолокуровъ. — И ежели твои слова справедливы окажутся, уговорюсь съ нимъ насчетъ выкупа. А теперь вотъ тебѣ, — прибавилъ Марко Данилычъ, подавая Хлябину пятирублевую.

Тотъ съ низкимъ поклономъ поблагодарилъ.

— Вы Субханкулову, ваше степенство, больше тысячи цѣлковыхъ ни подъ какимъ видомъ не давайте, — пряча бумажку въ карманъ, молвилъ Хлябинъ. — Человѣкъ онъ хорошій, добрый, зато ужъ до денегъ такой жадный, что другого такого, пожалуй, и не сыскать. Заломитъ и невѣсть что̀, узнавши про ваши достатки. А вы тогда молвите ему: — «Какъ же, молъ, ты, Махметушка, лѣтошній годъ казачку Пелагею Аѳанасьевну у кушъ-бека *) Римъ-Берды за пятьдесятъ тиллэ только выкупилъ, значитъ, меньше двухсотъ цѣлковыхъ, какъ же, молъ, ты, дружище, енотаевскаго мѣщанина Илью Гаврилова у мяхтяра **) Ата-Бишуева за семьдесятъ тиллэ выкупилъ?..» Я вамъ записочку напишу, за сколько кого онъ выкупалъ. А ежели Субханкуловъ скажетъ, что Мокея Данилыча надо у самого хана выкупить, а онъ дешево своихъ рабовъ не продастъ, такъ вы молвите ему: — «А какъ же, молъ, ты, Махметушка, два года тому назадъ астраханскаго купеческаго сына Махрушева Ивана Филиппыча съ женой да съ двумя ребятишками у хана за сто за двадцать тиллэ выкупилъ?» Да тутъ же и спросите его: — «А сколько, молъ, надо тебѣ вишневки на придачу кіевской, скажи, отпущу, знаю-де, что его ханское величество очень ее уважаетъ». Только скажите — перестанетъ лишки запрашивать.

— Самъ же ты говоришь, что цѣна на полоняниковъ ниже

---

*) *Кушъ-бекъ* — въ родѣ министра.
**) *Мяхтяръ* — вельможа.

тысячи рублей на серебро. Такъ за что же я этой бритой плѣши, Субханкулову, тысячу, а пожалуй, и больше отвалю?

— Хана не согласишь взять дешево за Мокея Данилыча, — молвилъ Хлябинъ. — Ему извѣстно, что онъ изъ богатаго рода. И другіе, что съ нами вмѣстѣ въ полонъ попали, про то говорили, и самъ Мокей Данилычъ не скрывался.

— Вотъ нужно было! — молвилъ съ досадой Марко Данилычъ. — Языки-то больно долги у васъ тамъ! Говорили бы да оглядывались, а то сдуру какъ съ дубу!

— Купца Богданова семипалатинскаго лѣтошній годъ изъ полону выкупали,—сказалъ Хлябинъ.—Хлопоталъ не Субханкуловъ, а сибирскій купецъ, тоже татаринъ. Узнали въ Хивѣ, что Богдановъ изъ богатой семьи, такъ восемьсотъ лобанчиковъ *) сорвали, значитъ, больше тысячи тиллэ **), безъ малаго, значитъ, четыре тысячи цѣлковыхъ. А про Мокея Данилыча тоже знаютъ, что онъ изъ богатыхъ. Вѣдь иные хивинцы и сами на Макарьевскую ѣздятъ и оттолѣ всякія вѣсти привозятъ. Мокею Данилычу про свои достатки было никакъ невозможно скрыть — и безъ того бы узнали. Прежній-то его хозяинъ для того больше и мучилъ его, что былъ въ надеждѣ хорошія деньги за него взять.

Замолчалъ Марко Данилычъ и, зорко поглядѣвъ на Хлябина, спросилъ:

— Что-жъ ты теперь хочешь съ собой дѣлать?

— Перво-наперво въ деревнѣ у себя побываю, сродниковъ повидаю, — отвѣчалъ Хлябинъ: — а потомъ стану волю отъ господъ выправлять...

— А потомъ? — спросилъ Смолокуровъ.

— А потомъ буду работы искать, — сказалъ Хлябинъ. — Еще въ Астрахани провѣдалъ отъ земляковъ, что сродниковъ, кои меня знали, ни единаго вживѣ не осталось — хозяйка моя померла, дѣтки тоже примерли, домомъ владаютъ племянники — значитъ, я какъ есть отрѣзанный ломоть... Придется гдѣ-нибудь на сторонѣ кормиться.

— Хочешь ко мнѣ? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Не оставьте вашей добротой, явите милость, — низко кланяясь, радостно промолвилъ Терентій. — Вѣкъ бы служилъ вамъ вѣрой и правдой. Въ неволѣ къ работѣ привыкъ, останетесь довольны... Только не знаю, какъ же насчетъ воли-то?

*) *Лобанчикъ*—золотая двадцатифранковая монета временъ реставраціи и Людовика-Филиппа. До Крымской войны она была въ большомъ ходу по Россіи.

**) *Тиллэ*—золотая бухарская монета, по достоинству равняется 3 руб. 84 коп. металлическимъ.

— Я самъ объ ней стану хлопотать, — вставая со скамьи и выпрямляясь во весь ростъ, сказалъ Смолокуровъ. — Скорѣе, чѣмъ ты, выхлопочу. А тебя пошлю на Унжу, лѣсныя дачи тамъ я купилъ, при рубкѣ будешь находиться.

— Всячески буду стараться заслужить вамъ, Марко Данилычъ, не оставьте Христа ради при моей бѣдности, — сказалъ Терентій Михайловъ.

— Насчетъ жалованья потолкуемъ завтра, теперь ужъ поздно. Да и тебѣ съ дороги-то отдохнуть пора, — сказалъ Марко Данилычъ, направляясь изъ сада вмѣстѣ съ Хлябинымъ.—Все будетъ сдѣлано... Не забуду, что братнину участь ты облегчилъ. Не оставлю... Ступай съ Богомъ, да кликни Корнея, въ горницы бы ко мнѣ шелъ... Вотъ еще что — крѣпко-накрѣпко помни мой приказъ. Ни здѣсь, ни въ деревнѣ у сродниковъ, ни на Унжѣ и слова одного про Мокея Данилыча не моги вымолвить. Ранней болтовней, пожалуй, все дѣло испортишь. Про свои похожденья что̀ хочешь болтай, а про братанича и поминать не смѣй. Слышишь?

— Слушаю, Марко Данилычъ, исполню ваше приказанье, — отвѣтилъ Хлябинъ. — Мнѣ что̀? Зачѣмъ лишнее болтать?

— Ступай же со Христомъ. Спроси тамъ у стряпки поужинать да и ложись съ Богомъ спать, — сказалъ Марко Данилычъ. — Водку пьешь?

— При случаѣ употребляемъ, — сладко улыбаясь, отвѣтилъ Хлябинъ.

— Пришлю стаканчикъ на сонъ грядущій, — молвилъ Смолокуровъ. — Прощай. Не забудь же кликнуть Корнея, сейчасъ бы шелъ, — промолвилъ онъ, входя по ступенямъ задняго крыльца.

Пришелъ Марко Данилычъ въ душную горницу и тяжело опустился на кресло возлѣ постели... «Ровно во снѣ, — размышлялъ онъ.—Больше двадцати годовъ ни слуху ни духу, и вдругъ вживѣ... Что̀ за притча такая?.. На разумъ не вспадало, во сняхъ не снилось... Знать бы это годика черезъ три, какъ пропалъ на морѣ Мокеюшка, то-то бы радости-то было... А теперь... Главное — Дуня-то у меня при чемъ останется!.. Еще женится, пожалуй, на Дарьѣ Сергѣвнѣ, дѣтей народятъ... А жаль Дарью Сергѣвну, не чуетъ, сердечная, что онъ вживѣ!.. Какъ бы не узнала?.. Поскорѣй надо отсюда Корнея въ Астрахань, а Терентья на Унжу. Не то, наливши зенки, спьяну-то кому-нибудь и наболтаютъ... А Субханкулова отыщу непремѣнно...»

Вошелъ Корней. Не успѣлъ онъ положить уставнаго начала, какъ Марко Данилычъ на него напустился.

— Тебя-то зачѣмъ нелегкая сюда принесла? Ты-то зачѣмъ, покинувши дѣла, помчался съ этимъ проходимцемъ? Слушалъ я его, насказалъ сказокъ съ три короба, только мало я вѣры даю имъ. Ты-то, спрашиваю я, ты-то зачѣмъ пожаловалъ? Въ такое горячее время.. Теперь, пожалуй, тамъ у насъ все дѣло станетъ.

— Насчетъ этого нечего безпокоиться. Все дѣло въ должномъ ходу, и всему будетъ хорошее совершенье, — съ обычной грубостью отвѣтилъ Корней.—А насчетъ Терентья, будучи въ Астрахани, я такъ разсудилъ: слышу — на каждомъ базарѣ онъ всякому встрѣчному и поперечному разсказываетъ про свои похожденья и ни разу не обойдется безъ того, чтобы Мокея Данилыча не помянуть. Думаю:—«Какъ объ этомъ посудитъ хозяинъ, порадуется али вздумаетъ дѣло-то замять? На то его воля, а мнѣ надо ему послужить, чтобы лишней болтовни не было». Пуще всего того я опасался, чтобы Хлябина рѣчи не дошли до Онисима Самойлыча, пакости бы онъ изъ того какой не сдѣлалъ. Оттого и вздумалъ я Терентья спровадить подальше отъ Астрахани и обѣщалъ свезти его на родину. А онъ тому и радъ. Самъ я для того поѣхалъ, чтобы дорогой онъ поменьше болталъ. Глазъ съ него все время не спускалъ. Хорошо аль худо сдѣлано?

— Хорошо, — помолчавши немного, сказалъ Марко Данилычъ.

— То-то и есть, а то орать безъ пути да ругаться, — ворчалъ Корней. — И у насъ голова-то не навозомъ набита, и мы тоже кой-что смекаемъ. Такъ-то, Марко Данилычъ! — добавилъ онъ съ наглой улыбкой.

— Ладно, ладно, — сказалъ Марко Данилычъ. — Смотри только, никому ни гу-гу, да и за выходцемъ приглядывай, не болталъ бы. Къ себѣ его беру, на Унжу...

— Что-жъ? Дѣло не худое, — молвилъ Корней. — Отсюдова подальше будетъ.

— А насчетъ выкупа подумаю, — продолжалъ Марко Данилычъ. — Надо будетъ у Макарья съ этимъ Субханкуловымъ повидаться... Ну, что̀ въ Астрахани? Что̀ зятья доронинскіе? Орошинъ что̀?

Обо всемъ сталъ Корней подробно хозяину докладывать, и просидѣли они далеко за полночь. Марко Данилычъ остался Корнеемъ во всемъ доволенъ.

Черезъ день Корней сплылъ на Низъ, а Хлябинъ къ сродникамъ пошелъ. Воротился онъ съ горькими жалобами, что

нерадостно, неласково его встрѣтили. Понятно: лишній ротъ за обѣдомъ, а домъ чуть ли не самый бѣдный по всей вотчинѣ. Терентій однакожъ не горевалъ, мѣсто готово. Скоро на Унжу поѣхалъ.

Глава двадцать четвертая.

Въ Духовъ день Марко Данилычъ съ семьей и съ Марьей Ивановной утромъ за чаемъ сидѣлъ. Весна была, радовалась вся живая тварь, настали праздники, и люди тоже стали веселы, а у Марка Данилыча не тѣмъ пахло. Всѣ сидѣли сумрачны, всѣ молчали, каждый свою думу думалъ. Какъ ни силился Смолокуровъ отдѣлаться отъ тягостныхъ мыслей, плѣнный братъ, въ непосильной работѣ, не сходилъ у него съ ума. Но чуть только взглянетъ на Дунюшку, ровно искра стрекнетъ у него въ головѣ: «его избавить — ее обездолить»... Борьба застывшей любви къ брату съ горячей любовью къ дочери совсѣмъ одолѣла его. Дарья Сергѣевна сидѣла мрачная и злобно молчала, искоса поглядывая на ненавистную Марью Ивановну. Сколько ни сидѣла она въ каморкѣ, сколько ни подслушивала, не могла понять хорошенько, о чемъ говоритъ барышня съ Дуней. Всѣмъ было тоскливо.

Первый заговорилъ наконецъ Марко Данилычъ, нельзя-жъ было хозяину при такой гостьѣ молчать. Однако разговоръ не вязался. Марья Ивановна была задумчива и въ разсѣяньи иногда отвѣчала невпопадъ. Жаловалась на нездоровье, говорила, что голова у ней разболѣлась.

Марко Данилычъ сталъ безпокоиться, за лѣкаремъ хотѣлъ посылать, но Марья Ивановна наотрѣзъ отказалась отъ всякаго лѣченья.

— Въ саду долго вчера сидѣли, — сказалъ Марко Данилычъ: — а было сыровато... Дѣло ваше нѣжное, господское, много ли вамъ надо, чтобы простудиться?

— Нѣтъ, это бываетъ со мной,—молвила Марья Ивановна, взявшись руками за голову. — Здоровьемъ-то вѣдь я не богата. Пойду лучше прилягу. Умѣешь дѣлать горчичники, Дунюшка?

— Умѣю, — отвѣтила Дуня.

— Сдѣлай мнѣ, пожалуйста, — сказала Марья Ивановна. — Прощайте, Марко Данилычъ. Обойдется, Богъ дастъ, и безъ доктора.

Въ Дуниной комнатѣ Марья Ивановна прилегла на диванѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Дуня усѣлась возлѣ нея на скамеечкѣ и полными любви взорами уныло глядѣла на больную наставницу.

Марья Ивановна въ эти дни возбудила въ душѣ Дуни сильное, ничѣмъ неудержимое стремленье къ таинственной вѣрѣ, которую она называла единою истинной. Взросшая на строгомъ соблюденьи внѣшнихъ обрядовъ, привыкшая только въ нихъ однихъ видѣть вѣру, молодая впечатлительная дѣвушка, начитавшись мистическихъ книгъ, теперь равнодушно стала смотрѣть на всякую внѣшность. Дарья Сергѣвна, еще до пріѣзда Марьи Ивановны, съ ужасомъ стала замѣчать, что Дуня иной разъ даже спать ложится, не помолившись. Не разъ журила ее за то, и Дуня не оправдывалась, ссылаясь на забывчивость. Съ пріѣздомъ Марьи Ивановны стала она еще равнодушнѣе къ обрядамъ, хоть та сама не разъ говорила ей, что должна непремѣнно ихъ соблюдать, не навести бы домашнихъ на мысль, что хочетъ она идти «путемъ тайной вѣры къ духовному свѣту». И то говорила Марья Ивановна, что въ церковныхъ обрядахъ ничего худого нѣтъ, что они даже спасительны для тѣхъ, кто не можетъ постигнуть сокровенной тайны, открытой только невеликому числу избранныхъ.

— Обѣщали вы, душечка Марья Ивановна, разсказать мнѣ о «живомъ словѣ», — сказала Дуня, сидя на скамеечкѣ возлѣ Марьи Ивановны. — Или, можетъ-быть, вамъ тяжело теперь говорить?

— Изволь, мой другъ, — отвѣтила Марья Ивановна. — Разскажу кое-что, насколько ты можешь понять. Помнишь ли, говорила я тебѣ про людей, просвѣтленныхъ благодатью, озаренныхъ неприступнымъ духовнымъ свѣтомъ. Своей жизнью и стремленьемъ къ духовному получаютъ они блаженство еще здѣсь на землѣ. Самъ Богъ вселяется въ нихъ, и что̀ они ни говорятъ, что̀ ни приказываютъ, должно исполнять безъ разсужденья, потому что они не свое говорятъ, а вѣщаютъ волю Божью. Ихъ рѣчи и есть «живое слово». Передъ тѣмъ, какъ говорить, они приходятъ въ восторгъ неописанный, а потомъ читаютъ въ душѣ каждаго, узнаютъ чужія мысли и поступки, какъ бы скрытно они ни были сдѣланы, и тогда начинаютъ обличать и пророчествовать... Увидишь такихъ.

Задумалась Дуня, ни слова не молвила въ отвѣтъ. Разгорѣлась у ней душа, и чувствовала она неодолимое желаніе какъ можно скорѣе увидать этихъ чудныхъ людей и услышать живое ихъ слово.

— Помнишь ли, Дунюшка, еще въ прошломъ году ты меня спрашивала, что̀ такое значитъ «духовный супругъ», — продолжала Марья Ивановна. — Тогда я не сказала тебѣ, потому что ты не поняла бы моихъ словъ, а теперь, какъ ты прочитала столько полезныхъ книгъ и приняла сердцемъ все въ

нихъ написанное, понять ты можешь, хоть покамѣстъ и не все еще. Слушай. Ежели кто проникнетъ во всю сокровенную тайну, ежели кто всю ее познаетъ и будетъ къ ней «приведенъ», тотъ вступаетъ въ супружество съ тѣмъ пророкомъ, который его принялъ, или съ тѣмъ человѣкомъ Божьимъ, на котораго ему укажетъ пророкъ. Въ духовное супружество вступаетъ, не въ плотское. Между людьми, познавшими «тайну», есть и мужчины и женщины, они водятся Духомъ, они обитаемы Богомъ. Такіе мужчины приводятъ въ тайну женщинъ, женщины—мужчинъ. Это и есть «духовное супружество». Оно вѣчно. Плотское супружество длится до смерти жены или мужа, духовное не прекращается во вѣки вѣковъ. Оно сохраняется въ будущей жизни, и нѣтъ конца ему... Тутъ великая премудрость... Нельзя постичь ее умомъ человѣческимъ, нельзя и разсказать обыкновеннымъ словомъ.

— Стало-быть, у духовнаго супруга бываетъ по нѣскольку женъ? — спросила удивленная Дуня.

— Что-жъ изъ того? — сказала Марья Ивановна.—Вѣдь это не плотскіе мужъ съ женой. Не тѣлесная между ними связь, а духовная. Все равно, что союзъ безтѣлесныхъ ангеловъ. Тебѣ пока еще это непонятно, но, когда познаешь «сокровенную тайну», будетъ ясно какъ день. Тутъ творится Божье дѣло, а не вражье. Врагъ въ человѣкѣ только тѣломъ владѣетъ, оттого что имъ оно сотворено, а Богу принадлежитъ Имъ созданная душа. Потому плотское супружество — служеніе врагу, а духовное — служеніе Богу. Для того-то и надо всю свою жизнь хранить дѣвство, чтобы не поработить себя врагу-погубителю, для того-то и надо свое тѣло всяческими изнурять трудами, мучить его постомъ, страданьями... Тѣло — врагъ твой, оно — темница твоей души, ломай ее, разрушай, освобождай изъ нея свою душу... Но лишеній и трудовъ еще мало, для спасенія надо непремѣнно проникнуть «сокровенную тайну», тогда только можешь Бога вмѣстить въ себя. А вмѣстишь — тогда ужъ врагъ тебѣ не страшенъ, и плоть надъ тобой владѣть ужъ не можетъ. Праведницей станешь, и не будетъ въ тебѣ грѣха, не будетъ надъ тобой ни власти ни закона, потому что «праведнику законъ не лежитъ». Будешь свободна все дѣлать, будешь блаженна и здѣсь на землѣ, будешь блаженна, какъ ангелъ небесный, будешь райскія радости видѣть, будешь сладкое ангельское пѣніе слышать.

Въ это время за перегородкой возлѣ дивана послышался какой-то шорохъ. Вздрогнула Марья Ивановна.

— Что̀ это? — спросила она.

— Должно-быть, мыши, — спокойно отвѣтила Дуня.—Тутъ

каморка есть, въ ней никогда никого не бываетъ. Тетенька Дарья Сергѣвна иногда ставитъ тамъ кое-что изъ съѣстного. Тамъ и развела ихъ. А вы развѣ боитесь мышей?

— Не мышей я боюсь, а людей, не подслушалъ бы кто,— сказала Марья Ивановна.

— Кому же подслушать?—съ улыбкой молвила Дуня.— Никогда тутъ никого не бываетъ. Да и услыхалъ бы кто— развѣ пойметъ?

Марья Ивановна успокоилась.

— Ахъ, милая моя, дорогая Марья Ивановна, — послѣ короткаго молчанья, нѣжно ласкаясь къ ней и цѣлуя руку, заговорила Дуня.—Хоть бы глазкомъ взглянуть на тѣхъ чудныхъ людей, хоть бы словечко одно услышать отъ нихъ.

— Имѣй терпѣніе, мой другъ,—сказала Марья Ивановна.— Ждать недолго, если ты твердо рѣшилась «идти на путь» и принять «сокровенную тайну».

— Всей душой хоть сейчасъ,—вся дрожа отъ волненья, отвѣтила Дуня.—Покажите ихъ мнѣ, Марья Ивановна, ради Христа, покажите... Все сдѣлаю, все, чтò нужно.

— Какъ же это сдѣлать?—въ раздумьѣ сказала Марья Ивановна. — Развѣ вотъ чтò... Отпуститъ ли тебя Марко Данилычъ погостить ко мнѣ ну хоть на мѣсяцъ, хоть на три недѣли?.. Я бы тебѣ показала.

— Не знаю, — грустно отвѣтила Дуня. — Кажись бы, отчего не пустить? Самъ онъ тоже собирается ѣхать на мѣсяцъ... Попросите, Марья Ивановна, — васъ-то онъ послушаетъ...

— А теперь прочитай мнѣ, Дунюшка, что-нибудь изъ «Таинства Креста» *), а я буду тебѣ пояснять, чтò ты не вдругъ поймешь.

Все утро просидѣла въ каморкѣ Дарья Сергѣвна, жадно прислушиваясь къ словамъ Марьи Ивановны, но никакъ не могла взять въ толкъ, о чемъ та говорила. Поняла только, что рѣчь идетъ о вѣрѣ, и что Марья Ивановна чѣмъ-то смущаетъ Дуню, въ иную вѣру, что ли, хочетъ ее свести. Въ какую же? «Конечно, въ никоніанство, въ свою смущенную великороссійскую церковь, — догадывалась Дарья Сергѣвна. — Охъ, Господи, Господи!.. И отца убьетъ и себя на вѣки вѣчные погубитъ!.. Охъ, ужъ эта проклятая Марья Ивановна!.. А насчетъ замужества ужъ такъ темно, такъ мудрено говоритъ, что и понять невозможно... Господи, Господи! Принесло

*) Мистическое сочиненіе Дю-Туа. Переводъ на русскій языкъ И. Ястребцова, напечатанъ въ 1820 году въ Петербургѣ.

же эту еретицу на нашу бѣду — совсѣмъ разстроитъ она Дунюшку, сгубитъ ее, сердечную!.. Да еще въ гости зоветъ къ себѣ. Нѣтъ, безпремѣнно обо всемъ разскажу Марку Данилычу. А какъ не приметъ онъ словъ моихъ?.. Она и его-то ровно околдовала. Чтò ни скажетъ, окаянная, то у него и свято... А все же попытаюсь, будь чтò будетъ, а ужъ скажу непремѣнно».

И тотчасъ же рѣшилась поговорить съ Маркомъ Данилычемъ.

Все еще волновали Смолокурова привезенныя Корнеемъ вѣсти. Плѣнный братъ изъ ума не выходилъ, а любовь къ дочери и жадность къ деньгамъ не позволили рѣшиться на выкупъ. А тутъ еще Дарья Сергѣвна со своими опасеньями.

— Свободно вамъ, Марко Данилычъ? — спросила она, осторожно входя въ его комнату. — Мнѣ бы чуточку поговорить съ вами.

«Не проболтался ли Корней? — подумалъ Марко Данилычъ, и вся кровь бросилась ему въ голову.—За жениха не пришла ли просить?»

Съ нетерпѣньемъ вскинулъ онъ на Дарью Сергѣвну горѣвшіе, какъ уголь, глаза.

— Чтò случилось? — тревожнымъ голосомъ спросилъ онъ у нея.

— Покамѣстъ ничего еще особеннаго, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Насчетъ Дуни хотѣла поговорить съ вами.

— Чтò такое? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Видите ли... Какъ бы это сказать?.. — робко начала Дарья Сергѣвна. — Мнѣ сдается что-то не больно хорошее.

— Чтò такое? — сверкнувъ очами, безпокойно и громко вскрикнулъ Марко Данилычъ. — Чтò такое случилось?

— Пока ничего еще, а стала я замѣчать, что, какъ только пріѣхала къ намъ эта Марья Ивановна, Дунюшка совсѣмъ другая стала, — понизивъ голосъ, отвѣчала Дарья Сергѣвна.

— Повеселѣла? Ну и слава Богу! — молвилъ Марко Данилычъ.

— Богу перестала молиться... Вотъ чтò! — прошептала Дарья Сергѣвна.

— Какъ Богу перестала молиться? — спросилъ, нахмурясь, Марко Данилычъ.

— Ни вечеромъ, на сонъ грядущій, ни поутру, какъ встанетъ, больше трехъ поклоновъ не кладетъ и то кой-какъ да таково неблагочестно. Не разъ я говорила ей, не годится, молъ, дѣлать такъ—а она ровно и не слышитъ, ровно я стѣнѣ говорю. Вамъ бы самимъ, Марко Данилычъ, съ ней погово-

рить. Вы отецъ, родитель, ваше дѣло поучить дѣтище. Богъ взыщетъ съ васъ, ежели такъ оставите.

— Поговорю, надо поговорить. Въ самомъ дѣлѣ, такъ не годится... Какъ можно Бога забывать!.. — ходя взадъ и впередъ, говорилъ Марко Данилычъ. — Сегодня же поговорю... Напрасно прежде не сказали... Молода еще... А надо начинать, надо.

— Опять же вотъ что̀ я замѣчаю, Марко Данилычъ, — продолжала ободренная успѣхомъ разговора Дарья Сергѣвна.— Какъ только пріѣхала эта Марья Ивановна, Дунюшка постъ на себя наложила, мясного въ ротъ не беретъ.

— Ну, въ этомъ бѣды еще немного, — сказалъ Марко Данилычъ. — Ея дѣло. Пущай постится, коли хочетъ.

— А въ пятницу зашла я къ ней — сидитъ съ Марьей Ивановной и пьетъ чай со сливками... По какому же то уставу? А все съ Марьи Ивановны примѣры беретъ. Во всемъ по ся слѣдамъ идетъ.

— Хорошаго тутъ немного, да и больно-то худого не вижу,— сказалъ Марко Данилычъ. — Мы вотъ и до старости дожили, и то иной разъ согрѣшишь — оскоромишься, особливо въ дорогѣ, либо въ компаніи. А поговорить и про это поговорю. Надо правила исполнять, надо.

— Главное-то вотъ въ чемъ, Марко Данилычъ, — продолжала Дарья Сергѣвна. — Прислушивалась я давеча къ ихнимъ разговорамъ, да никакъ не могу обнять ихъ разумомъ. Что-то ужъ оченно мудрено, а хорошаго, кажись, немного. Хотите — вѣрьте, хотите — не вѣрьте, а Марья Ивановна Дунюшку смущаетъ.

— Чѣмъ же это? — быстро спросилъ Марко Данилычъ.

— Насчетъ вѣры, Марко Данилычъ, все насчетъ вѣры, — съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой, отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Про какія-то сокровенныя тайны ей толкуетъ, про какихъ-то безгрѣшныхъ людей... что въ нихъ самъ Богъ пребываетъ.

— Что̀ же тутъ худого? — возразилъ Марко Данилычъ. — Должно-быть, про святыхъ угодниковъ говорила. Вреднаго не замѣчаю.

— А тайны-то сокровенныя? — полушопотомъ спросила Дарья Сергѣвна.

— Какія сокровенныя тайны? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Сама не знаю и домыслиться не могу, что̀ за сокровенныя тайны, — въ недоумѣніи разводя руками, отвѣчала Дарья Сергѣвна. — А сдается, что тутъ что-то недоброе. Сбиваетъ она нашу голубушку съ пути истиннаго. Въ свою,

должно-быть, великороссійскую церковь хочетъ ее совратить. Вотъ чего боюсь, вотъ чего опасаюсь. Марко Данилычъ... Какъ подумаю, такъ сердце даже кровью обольется, такъ и закипитъ... Охъ, Господи, Господи!.. До какихъ бѣдъ мы дожили.

— Какія тутъ бѣды? Гдѣ онѣ? — сказалъ Марко Данилычъ. — Помстилось вамъ, что Марья Ивановна въ великороссійскую хочетъ Дуню свести... Попъ, что ли, она консисторскій? Нужно ей очень! Толкомъ не поняли, — сами же говорите, — да не знай какихъ страховъ и навыдумали.

— Истосковалась я, Марко Данилычъ, совсѣмъ истосковалась, глядя на Дунюшку, — продолжала, горько всхлипывая, Дарья Сергѣвна.—Вотъ вѣдь что̀ еще у нихъ затѣяно: ѣхать Марья-то Ивановна собирается и хочетъ васъ просить, отпустили бы вы погостить къ ней Дуняшу.

— Отчего же не пустить? — сказалъ Марко Данилычъ. — Я съ перваго же раза, какъ она пріѣхала, обѣщался. Слова назадъ не ворочу.

— Охъ, Марко Данилычъ, Марко Данилычъ! Быть, сударь, бѣдѣ! Помяните мое слово! — плача навзрыдъ, говорила Дарья Сергѣвна.

— Полно хныкать-то, ничего не видя, — съ досадой сказалъ Марко Данилычъ.—Подите-ка лучше закусить припасите чего-нибудь — бѣлужинки звено, да провѣсной бѣлорыбицы, икорки зернистой поставьте да селедочекъ копченыхъ, водочки анисовой да желудочной, мадерцы бутылочку. Обѣдать еще нескоро, а пожевать что-то охота пришла.

И Дарья Сергѣвна тихими шагами пошла вонъ изъ комнаты.

На другой день вечеромъ не совсѣмъ еще здоровая Марья Ивановна сидѣла за круглымъ чайнымъ столомъ, укутавшись въ большой теплый платокъ, Дуня съ ней рядомъ, а напротивъ Марко Данилычъ и Дарья Сергѣвна.

— Эхъ, какую вдругъ погодушку надуло, — молвилъ Марко Данилычъ, прислушиваясь, какъ частый крупный дождикъ стучалъ въ стекла, а отъ порывистаго вѣтра тряслись оконницы, свистѣло и визжало по желѣзнымъ крышамъ и заунывно гудѣло въ трубѣ.

— Боюсь, надолго бы не испортилась погода, — сказала Марья Ивановна. — Загостилась я у васъ, Марко Данилычъ, пора бы вамъ такую наянливую гостью и со двора долой.

— Что-жъ это вы, сударыня Марья Ивановна, такъ ужъ очень заторопились? Погостите, — отозвался Марко Данилычъ.—Переждите хоть ненастье-то. Теперича не осеннее дѣло, дожди да холода долго не простоятъ.

— Пора мнѣ, очень пора, Марко Данилычъ. — отвѣтила Марья Ивановна. — Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я у васъ гощу. Братья навѣрно теперь домой воротились, ждутъ меня не дождутся.

— Успѣете повидаться съ ними, барышня, а насъ бы еще хоть сколько-нибудь деньковъ порадовали... Дунюшка у меня совсѣмъ безъ васъ стоскуется, — говорилъ Марко Данилычъ.

Съ полными слезъ глазами прижалась Дунюшка къ Марьѣ Ивановнѣ и шопотомъ просила ее:

— Хоть немножко погостите... Безъ васъ съ тоски помру.

— Нельзя, Дунюшка, никакъ нельзя, моя милая. Въ другое время наговоримся, — съ ласковой улыбкой отвѣчала на горячія просьбы Дуни Марья Ивановна. —Черезъ мѣсяцъ буду въ Фатьянкѣ. Тогда, надѣюсь, Марко Данилычъ посѣтитъ меня на новосельѣ и тебя привезетъ. Ягоды поспѣютъ къ тому времени, за ягодами будемъ ходить, за грибами. Ты любишь грибы брать?

— Никогда не хаживала, — отвѣчала Дуня. — Не съ кѣмъ.

— Ну, Богъ дастъ, со мной ходить будешь. Это очень весело. Вы позволите? — спросила Марья Ивановна, обращаясь къ Марку Данилычу.

— Съ вами-то не позволить! — молвилъ Марко Данилычъ. — А здѣсь точно что ей скучновато; подругъ такихъ, съ какими бы можно ей знакомство водить, нѣтъ ни одной у насъ въ городу. Купцовъ хорошихъ ни единаго, дворянъ хорошихъ тоже нѣтъ, одно только крапивное сѣмя — чиновники. А съ ихними дочерями, съ мѣщанками да съ крестьянками не позволю я водиться Дунюшкѣ. Народъ балованный. Мало ли чего можно отъ нихъ набраться.

— Могу васъ увѣрить, Марко Данилычъ, что ваша Дуня не такова, чтобы могла отъ кого-нибудь набраться дурного. Мало я встрѣчала такихъ строгихъ къ себѣ дѣвушекъ, —сказала Марья Ивановна. — Бояться вамъ за нее нечего.

— Не о томъ рѣчь веду, сударыня, — возразилъ Марко Данилычъ. —Тутъ главная причина въ томъ, что будетъ ей оченно зазорно, ежели съ простыми дѣвками она станетъ водиться. Не знаете вы, что̀ за народъ у насъ въ городу живетъ. Какъ разъ наплетутъ того, что̀ и во снѣ не видѣлось никому.

— Да, должно-быть, ей скучно бѣдненькой, — замѣтила Марья Ивановна. — А знаете ли, что̀ мнѣ пришло въ голову, —прибавила она, немножко повременя. —Какъ-то вы мнѣ говорили, что вамъ куда-то по дѣламъ нужно ѣхать. На мѣсяцъ, помнится?

— Безотмѣнно нужно, — отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Въ Астрахань, а оттоль въ Оренбургъ, можетъ статься!

— Съ мѣсяцъ проѣздите? — спросила Марья Ивановна.

— Да, съ мѣсяцъ проѣзжу, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Да наврядъ ли еще мѣсяцемъ-то и управлюсь. Передъ самымъ Макарьемъ придется домой воротиться.

— Отпустите-ка ко мнѣ на это время Дунюшку-то, — сказала Марья Ивановна. — Ей бы было повеселѣе: у меня есть племянница ея лѣтъ, развѣ маленько будетъ постарше. Онѣ бы подружились. Племянница моя дѣвушка хорошая, добрая, и ей тоже пріятно было бы видѣть у себя такую милую гостью, и Дунѣ было бы весело. Садъ у братьевъ огромный, десятинахъ на четырехъ, есть гдѣ погулять. И купанье въ саду и теплицы. Отпустите, Марко Данилычъ, привезу ее къ вашему возврату въ сохранности.

— Право, не знаю, что̀ вамъ на это сказать, барышня, — молвилъ нерѣшительно Марко Данилычъ. — Какъ же ѣхать-то ей къ незнакомымъ людямъ?

— Къ какимъ незнакомымъ? Вѣдь она ко мнѣ поѣдетъ! Обѣщали же ее ко мнѣ отпускать? — сказала Марья Ивановна.

— Къ вамъ, барышня, въ Фатьянку, значитъ. А какъ же я пущу ее къ господамъ Луповицкимъ? Ни я ихъ не знаю, ни они ни меня ни Дунюшки не знаютъ, — говорилъ Марко Данилычъ.

— Она не къ Луповицкимъ поѣдетъ, а ко мнѣ, — возразила Марья Ивановна. — Вѣдь у меня и въ Луповицахъ есть часть имѣнья послѣ матушки. Тамъ и флигелекъ у меня свой, и хозяйство кой-какое. Нѣтъ, отпустите ее въ самомъ дѣлѣ. Полноте упрямиться, недобрый этакій!

— Тятенька, пожалуйста! — тихо промолвила Дуня, склонивши русую головку на отцовское плечо. — Скучно мнѣ вѣдь будетъ здѣсь безъ тебя, не буду знать, куда и дѣваться. Пожалуйста, отпусти!

А Дарья Сергѣвна такъ и сверкаетъ глазами. Была бы ея воля, наотрѣзъ отказала бы.

— Отпустите, Марко Данилычъ, — продолжала Марья Ивановна. — Каково въ самомъ дѣлѣ цѣлый мѣсяцъ ей одной быть. Конечно, при ней Дарья Сергѣвна останется, да вѣдь у нея и безъ того сколько заботъ по хозяйству, — Дунюшкѣ одной придется скучать.

— Одна не останется, объ этомъ не извольте безпокоиться, — обидчиво промолвила Дарья Сергѣвна, злобно взглянувши на Марью Ивановну.

— Какъ же рѣшите вы, Марко Данилычъ? — спросила Марья Ивановна, не обращая вниманья на слова Дарьи Сергѣвны.

— Право, не знаю, что̀ вамъ и сказать, — молвилъ въ раздумьѣ Марко Данилычъ.—Дѣло-то, видите, новое, непривычное. Еще никогда она въ чужихъ людяхъ не бывала.

— Такъ вы не довѣряете мнѣ, Марко Данилычъ? Ай-ай-ай, какъ стыдно! Между друзьями такъ не дѣлается, — съ укоризной покачивая головой, говорила Марья Ивановна. — Согласились, да и слово назадъ. Не ожидала я этого.

— Тятенька, да отпусти же, ради Господа, сдѣлай такую для меня милость, — нѣжно обвивая руками отца, молила Дуня.

— Какъ тутъ устоишь, какъ не согласишься? — сказалъ наконецъ Марко Данилычъ, гладя Дуню по головкѣ.—Ну, такъ и быть — поѣзжай.

Вспрыгнула отъ радости Дуня, схватила отцовскую руку и покрыла ее горячими поцѣлуями.

— Ну, полно, полно, Дунюшка, полно, голубушка, будетъ,— говорилъ Марко Данилычъ. — А вы, милостивая наша барышня, поберегите ужъ ее у меня. Я на васъ полагаюсь. Сдѣлайте милость.

— Не безпокойтесь, Марко Данилычъ, — сказала въ отвѣтъ Марья Ивановна. — Дурного она у меня ничего не увидитъ, шагу прочь отъ нея не ступлю, съ глазъ не спущу.

— Дико будетъ ей, непривычно, — глубоко вздохнувши, промолвилъ Марко Данилычъ. — Господскій домъ — совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ наше житье. Изъ головы у меня этого не выйдетъ. Съѣдутся, напримѣръ, къ вашимъ братцамъ гости, а она на такихъ людяхъ не бывала. Тяжело будетъ и совѣстливо, станетъ мѣшаться, въ отвѣтахъ путаться. Какое ужъ тутъ веселье?

— Не знаете вы, Марко Данилычъ, какъ мои братья живутъ, — возразила Марья Ивановна. — Какіе у нихъ гости, какія собранья? Просто-напросто монастырь. Старшій братъ, Николай Александрычъ, почти совсѣмъ уже старикъ, чуть бродитъ. Андрей Александрычъ, опричь хозяйства, знать ничего не хочетъ, жена у него домосѣдка, въ цѣлый годъ, можетъ-быть, раза два либо три къ самымъ близкимъ сосѣдямъ выѣдетъ. А у нихъ въ домѣ чужихъ почти никогда не бываетъ, особливо лѣтомъ, во время полевыхъ работъ. Живутъ тихо, уединенно. Говорю вамъ, монастырь, какъ есть монастырь.

На другой день начались Дунины сборы. Не осушая глазъ, больше всѣхъ хлопотала угрюмая Дарья Сергѣевна, а ночью по цѣлымъ часамъ стояла передъ иконами и клала поклоны за поклонами, горячо молясь, сохранилъ бы Господь рабу Свою, дѣвицу Евдокію, ото всякихъ козней и навѣтовъ вражьихъ.

Оглавленіе

IV ТОМА.